

А. С. ПУШКИН

Недавно найденный, самый ранний портрет Пушкина, работы С. Г. Чирикова (?), лицейского учителя рисования. (ИНЛИ).

Этот портрет, возможно, послужил оригиналом для рисунка К. Брюллова, с которого сделана была известная гравюра П. Е. Гейтмана, приложенная Гнедичем к первому изданию «Кавказского Пленника». См. М. Беллев, Новые портреты Пушкина. «Красная Панорама», 1929, № 22.

8п
В 51

В. ВЕРЕСАЕВ

161

ПУШКИН

В

ЖИЗНИ

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ СВОД
ПОДЛИННЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВ
СОВРЕМЕННОКОВ

С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ
НА ОТДЕЛЬНЫХ ЛИСТАХ

ИЗДАНИЕ ПЯТОЕ
ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ

I

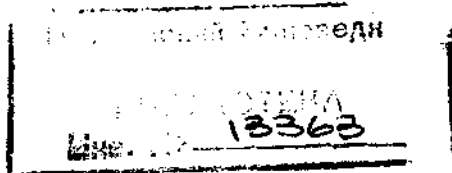

«А С А Д Е М І А»
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

1932

*Титул, переплет и рисунок
футляра на книгу работы
художника И. Ф. Рерберга*

Настоящее издание подготовлено к печати издательством «Недра» и отпечатано со стереотипа. Матрицы и стереотипы сделаны типографией «Правда» по заказу вышеуказанного издательства

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Книга эта возникла случайно. Меня давно интересовала своеобразная личность Пушкина. «Ясный», «гармонический» Пушкин, гениальный «гуляка праздный», такой как будто понятный в своей нехитрой гармоничности и благодушной беспечности, — в действительности представляет из себя одно из самых загадочных явлений русской литературы. Он куда труднее понимаем, куда сложнее, чем даже Толстой, Достоевский или Гоголь. Меня особенно интересовал он, как живой человек, во всех подробностях и мелочах его живых проявлений. В течение ряда лет я делал для себя из первоисточников выписки, касавшиеся характера Пушкина, его настроений, привычек, наружности и пр. По мере накопления выписок я приводил их в систематический порядок.

И вот однажды, пересматривая накопившиеся выписки, я неожиданно увидел, что передо мной — оригинальнейшая и увлекательнейшая книга, в которой Пушкин встает совершенно, как живой. Поистине живой Пушкин, во всех сменах его настроений, во всех противоречиях сложного его характера, — во всех мелочах его быта, его наружность, одежда, окружавшая его обстановка. Весь он, — такой, каким бывал, «когда не требовал поэта к священной жертве Аполлон»; не ретушированный, благонравный и вдохновенный Пушкин его биографов, — а «дитя ничтожное мира», грешный, увлекающийся, часто действительно ничтожный, иногда прямо пошлый, — и все-таки в общем итоге невыразимо привлекательный и чарующий человек. Живой человек, а не иконописный лик «поэта».

Незаменимое достоинство лежащего передо мной материала — что я тут совершенно не завишу от исследователя, не вынужден смотреть на Пушкина его глазами, руководствоваться цитатами, которые ему заблагорассудится привести. Передо мною — возможно полное собрание отзывов о Пушкине, и на их основании я имею возможность делать свои самостоятельные выводы. Отзывы эти были разбросаны по разнообразнейшим журналам, газетам, книгам, часто очень трудно доступным; всякий, желавший составить себе самостоятельное представление о Пушкине, должен был проделывать долгую и кропотливую работу по собиранию материалов. Здесь эти материалы лежат перед читателем собранные, распределенные в систематическом порядке.

* * *

Прежде всего передо мною встал вопрос: какие сведения вводить в эту книгу, — все ли, до нас дошедшие, или только критически проверенные? Ведь вот, и у самого Хлестакова мы находим воспоминания о Пушкине. Вы помните? «С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: — Ну, что, брат Пушкин? — Да, так, брат, — отвечает бывало, — так как-то все... Большой оригинал!» Таких вспоминателей о Пушкине, — по-просту

сказать, вралей, в действительности, может быть, никогда даже и не видевших Пушкина, — в пушкинской литературе немало.

Дальше идет целая категория вспоминателей, стоявших в несомненной близости к Пушкину или к близким ему лицам, — и тем не менее очень мало достоверных. Большое сомнение внушают, напр., немногочисленные сведения, сообщенные о поэте его отцом Сергеем Львовичем, вроде, напр., утверждения, что Пушкин, поступая в лицей, говорил по-английски, или что он в зрелом возрасте выучился испанскому языку. Некоторые подозрения вызывают и воспоминания о Пушкине его брата Льва, относящиеся как раз к тому времени, когда братья жили врозь. Чудовищно-недобросовестны воспоминания Л. Н. Павлищева, сына сестры поэта, Ольги Сергеевны. Он заставляет Пушкина произносить суконным языком длиннейшие и глупейшие, явно им выдуманные речи. Мало того: даже приводимые им якобы подлинные письма матери его и письма к ней сплошь им фальсифицированы. Это обнаружилось, когда Павлищев, после издания своей книги, неосторожно продал подлинники писем Академии Наук, и они были напечатаны в издании Академии «Пушкин и его современники». Не внушают решительно никакого доверия и пресловутые «Записки А. О. Смирновой», изданные «Северным Вестником». Они настолько «обработаны» ее дочерью Ольгою Николаевною Смирновой, что нет никакой возможности отделить краткие сообщения матери от пространных измышлений дочери, — фальсификаторши, нужно сознаться, весьма умной и талантливой, не в пример Л. Павлищеву. Большую, напротив, ценность представляют подлинные записки А. О. Смирновой, опубликованные в «Русском Архиве» и некоторых других изданиях.

Далее идут показания случайных знакомцев Пушкина, воспоминания о мимолетных встречах с ним, — сообщения весьма различного достоинства и различной степени достоверности. Здесь мы, однако, встречаем такие ценные заметки, как воспоминания И. С. Тургенева или И. А. Гончарова. Рассказы «старожилов», записанные любителями через несколько десятков лет после воспоминаемых происшествий, — материал, в большинстве случаев, весьма сомнительного качества.

Более или менее достоверный материал прежде всего, конечно, представляют показания самого Пушкина в его письмах и автобиографических заметках. Однако, с полным доверием принимать нельзя и их. В письмах, напр., к ревливой своей жене Пушкин явно старается изображать свое поведение и свой образ жизни в слишком уж образцовом виде. Большого доверия заслуживают, в общем, воспоминания близких к Пушкину И. П. Липранди, И. И. Пушина, А. П. Керн, П. А. и П. П. Вяземских, П. В. Нащокина, П. А. Плетнева. Полезным противовесом к односторонне-хвалебным воспоминаниям друзей являются такие враждебные к Пушкину воспоминания, как воспоминания барона (впоследствии графа) М. А. Корфа, С. Д. Комовского, Кс. А. Полевого, А. В. Никитенка, А. Н. Вульфа, А. П. Араповой и др. Особое место занимают сведения, сообщаемые П. В. Анненковым («Материалы для биографии Пушкина» и «Пушкин в Александровскую эпоху») и П. И. Бартеневым («Пушкин в Южной России» и многочисленные заметки в издававшемся им «Русском Архиве»). Ни Анненков, ни Бартенев лично Пушкина не знали. Но они были знакомы со многими из ближайших друзей Пушкина и с большою тщательностью собирали у них по горячим следам все, что те могли сообщить о Пушкине. Сведения, сообщаемые Анненковым и Бартеневым, вполне носят поэтому характер первоисточников.

Какие же сведения о Пушкине допустимо приводить в предлагаемой мною читателю книге? Ограничиваться только строго проверенными сведениями, откидывая всё, сколько-нибудь возбуждающее сомнение? Но то была бы совсем другая книга, и она носила бы слишком субъективный характер. М. К. Лемке, напр. (*Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг.* Изд. 2. СПб. 1909. Стр. 491), считает «безусловно соответствующим истине»

рассказ чиновника Третьего Отделения А. А. Ивановского о разговоре его с Пушкиным в 1828 г. Мне же кажется совершенно невероятным, чтобы Пушкин мог так разговаривать с Ивановским. В этой книге мне хотелось собрать более или менее все, что сообщалось о личности Пушкина, устраняя лишь явно невероятные, явно выдуманные сообщения, как, напр., рассказ Ципринуса (О. А. Пржецлавского) об отношениях между Пушкиным и Мицкевичем (*Русс. Арх.*, 1872, стр. 1906—1907) или сообщение Льва Пушкина, будто в Кишиневе на обедах генерала Орлова прислуга обносила Пушкина блюдами, — сообщение, энергично опровергаемое Липранди¹⁾. Исходя из этих соображений, я позволял себе, — правда, с большою осторожностью, — пользоваться даже такими книгами, как «Воспоминания» Л. Павлицева или «Записки» А. О. Смирновой. В распоряжении авторов были несомненно подлинные материалы, касавшиеся Пушкина, и можно, — с некоторым, по крайней мере, вероятием, — предположить, что Павлицев не выдумал того или другого эпизода из детства Пушкина, сообщаемого им со слов своей матери, и что у Пушкина, действительно, могла быть привычка, отмечаемая Смирновой — выходить из комнаты, заканчивая речь громким смехом, — привычка, отмеченная и И. С. Тургеневым. Я считал, далее, возможным включить часто цитируемые выдержки из дневника поэта Теплякова, приводимые А. Греном. Выдержки, конечно, не подлинные: таким бездарным языком Тепляков не мог писать; Пушкин в 1821 году не мог показывать Теплякову писем поэта Языкова. Но не исключена возможность, что приводимые сведения были сообщены Тепляковым Грену в устной форме, или что Грен их только прочел в дневнике Теплякова и цитировал на память: для выдумки сообщаемые сведения слишком уж мелки. То же и относительно воспоминаний г-жи Францовой. Приводимые этою наивною дамою якобы подлинные стихи Пушкина, — конечно, грубая подделка. Но на этом основании мы не можем утверждать с полной уверенностью, что и сообщаемые ею семейные предания о Пушкине тоже сплошь выдуманы.

Многие сведения, приводимые в этой книге, конечно, недостоверны и носят все признаки слухов, сплетен, легенды. Но ведь живой человек характерен не только подлинными событиями своей жизни, — он не менее характерен и теми легендами, которые вокруг него создаются, теми слухами и сплетнями, к которым он подает повод. Нет дыма без огня, и у каждого огня бывает свой дым. О Диккенсе будут рассказывать не то, что о Боллэре, и пушкинская легенда будет сильно разниться от толстовской.

В этой книге перед нами живой Пушкин, но, конечно, окутанный дымом легенд и слухов. До какой степени, однако, интересно сопоставление разного рода сообщений даже сомнительного качества, показывает хотя бы, напр., история путешествия Пушкина из Одессы в Михайловское в августе 1824 года (см. конец шестой главы этой книги). Сообщения явно не совпадают друг с другом, явно друг другу противоречат, и однако, всякий, я думаю, согласится, что в сумме они дают нечто весьма интересное и весьма для Пушкина характерное.

Повторяю: критическое отсеивание материала противоречило бы самой задаче этой книги. Я, напротив, старался быть возможно *менее* строгим.

¹⁾ Лев Пушкин рассказывает: «На обедах военная прислуга его обыкновенно обносила, за что он очень смешно и весело негодовал на Кишинев» (Л. Майков, 8). Совершенно невероятно, чтобы самолюбивый и раздражительный Пушкин мог «весело негодовать» на такое с собою обращение. Источник, из которого, все перепутав, почерпнул Лев Пушкин свое сообщение, вполне очевиден. Путешествие в Арзрум, гл. II: «Генерал Стрекалов, известный гастроном, позвал однажды меня отобедать; по несчастью, у него разносили кушанья по чинам, а за столом сидели английские офицеры в генеральских эполетах. Слуги так усердно меня обносили, что я встал из-за стола голодный. Чорт поberi тифлисского гастронома».

и стремился дать в предлагаемой сводке возможно все, дошедшее до нас о Пушкине, кроме лишь явно выдуманного.

Само собой разумеется, книга эта даже в отдаленной мере не сможет заменить настоящей биографии Пушкина. Но я был бы рад, если бы она сделала излишними те многочисленные писания, которые до сих пор сходят за биографические статьи о Пушкине: надергает человек интересных цитат из Липранди, Пущина, Керн, Анненкова, Бартенева, разведет их водою собственного пустословия — и биографическая статья готова.

Еще одно: вполне сознательно я не привожу ни одного поэтического показания Пушкина, хотя бы носящего явно-автобиографический характер: у всякого поэта, а у Пушкина в особенности, *Dichtung* сильно разнится от *Wahrheit*, и поэтическое произведение никогда не бывает голым дневником поэта.

* * *

Большие трудности представляло распределение собранного материала в хронологическом порядке там, где точных дат в источниках не давалось. В ряде случаев помещение такой-то выдержки именно в таком месте обуславливалось целым рядом соображений, сопоставлений и справок, приводить которые я считаю излишним. Нередко, однако, помещение выдержки именно в данном месте являлось несколько произвольным. Но я старался при этом не вводить читателя в заблуждение. В начале подобной выдержки в скобках приведены те годы, на протяжении которых могло произойти описываемое событие. Иногда из самого текста читатель может усмотреть, в какой мере точно можно отнести цитату к тому времени, к которому отношу ее я. Кн. Вяземский, напр., рассказывает, как однажды Пушкин, во время пребывания его на юге России, поехал на любовное свидание и, увлекшись карточной игрой, забыл о свидании. Я отнес это к одесскому периоду жизни Пушкина, но, конечно, с той же вероятностью это могло произойти и в кишиневский период. Рассказы старожилов тех мест, где Пушкин бывал несколько раз в своей жизни, я, опять-таки с некоторою долею произвольности, относил к тому времени, когда Пушкин всего дольше прожил в этой местности (если, конечно, не было прямого противусвидетельства в самом источнике). Так, напр., большинство сообщений о проживании Пушкина в Михайловском и Тригорском отнесено к 1824—1826 гг. Общие замечания о характере Пушкина, его привычках, наружности и т. п., если не было в источниках указания на точную дату, когда было высказано суждение, и если не было других каких-либо противупоказаний, я относил либо к тому времени, когда данное лицо всего чаще и интимнее встречалось с Пушкиным (напр., у Алексея Вульфа), либо к тому времени, когда оно видело Пушкина в последний раз. Супруги Нащокины, напр., в последний раз виделись с Пушкиным в мае 1836 года, — к этому времени и отнесена общая характеристика, даваемая ими Пушкину.

* * *

Источники, на которые приходится ссылаться часто, привожу в сокращенном написании. Вот их полные заглавия:

Аммосов, А.— Последние дни жизни и кончина Ал. С. Пушкина. Изд. Исакова, СПб. 1863.

Анненков, П. В.— Материалы для биографии Пушкина. 2 изд. СПб. 1873.

Анненков, П. В.— Пушкин в Александровскую эпоху. СПб. 1874.

Барсуков, Н.— Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб. 1888—1910. Части 1—22.

Бартенев, П. И.— Пушкин в южной России. Изд. 2. М. 1914.

Батюшков, К. Н.— Сочинения. Изд. П. Н. Батюшкова. СПб. 1886.

Вигель, Ф. Ф.— Записки. Изд. «Русского Архива». М. 1891.

Кн. П. А. Вяземский.— Полн. собр. сочинений. Изд. графа С. Д. Шереметева. СПб. 1878—1887.

Кн. П. П. Вяземский.— Собрание сочинений. СПб. 1893.

Гастфрейнд, Н. А.— Документы госуд. и с.-петербургского главн. архивов мин. иностр. дел, относящиеся к службе Пушкина. СПб. 1900.

Грот, Я. К.— Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. Изд. 2. СПб. 1901.

Дела III Отдел.— Дела III Отделения об А. С. Пушкине. СПб. 1906. Изд. И. Балашова.

Дуэль.— Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном. Подлинное военно-судное дело 1837 г. СПб. 1900.

Липранди, И. П.— «Русский Архив». 1866 г.

Майков, Л. Н.— «Пушкин». Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб. 1899.

Модзалевский, Б. Л.— Пушкин под тайным надзором. СПб. 1922. Изд. «Парфенон».

Никитенко, А. В.— Записки и дневник. Изд. 2. СПб. 1905.

Ост. Арх.— Остафьевский Архив князей Вяземских. Изд. графа С. Д. Шереметева. СПб. 1899 и слл.

Павлишев, Л. Н.— Воспоминания об А. С. Пушкине. М. 1890.

Переписка Пушкина.— Изд. Академии Наук. 1906.

Полевой, Ксен. А.— Записки. СПб. 1888.

П-н и его с-ки.— «Пушкин и его современники». Изд. Академии Наук с 1903 г.

Рассказы о Пушкине.— Издание М. и С. Сабашниковых. М. 1925.

Рус. Арх.— журнал «Русский Архив», под ред. П. И. Бартенева.

Рус. Стар.— журнал «Русская Старина» под ред. М. И. Семевского.

Сологуб, В. А.— Воспоминания гр. В. А. Сологуба. СПб. Изд. Суворина. 1887.

Шляпкин, И. А.— Из неизданных бумаг Пушкина. СПб. 1903.

Щеголев, П. Е.— Дуэль и смерть Пушкина. Изд. 2. СПб. 1917.

Яковлев, В. А.— Отзывы о Пушкине с юга России. Одесса. 1887.

Подстрочные примечания не подписанные принадлежат составителю. Ему же принадлежат в тексте заключенные в скобки слова и фразы, набранные курсивом, — объясняющие или исправляющие текст. Цитаты из источников, писанных на французском языке, приводятся в русском переводе. В скобках отмечается, что подлинник писан на французском или француско-русском языке (фр., фр.-рус.). Цитаты из писем помечаются просто именами автора письма и адресата, напр.: «А. И. Тургенев — кн. П. А. Вяземскому, 12 марта 1819 г.». Это значит: Тургенев в письме к Вяземскому. — Цитаты из писем и заметок самого Пушкина приводятся без ссылок на определенное издание сочинений Пушкина: по дате письма или заметки всякий легко найдет их в любом имеющемся у него под руками издании Пушкина.

* * *

За указание на промахи и ошибки глубоко буду благодарен. Кто понимает, какая передо мною была трудная и новая работа, не станет слишком винить меня за них.

Горячая моя благодарность Мстиславу Александровичу Цявловскому за многообразную помощь, которую он мне оказывал в этой работе.

В. Вересаев.

Москва, 7 февраля, 1926 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Многие читатели заявляли мне, что были бы очень желательны хотя бы краткие указания на степень достоверности тех или иных из сообщаемых данных о жизни Пушкина. В этом издании сообщения сомнительные отмечены впереди текста звездочкой. Разумеется, это еще не значит, что остальные сообщения вполне достоверны. Полная критическая проверка всех сообщаемых фактов была бы огромной работой, далеко выходящей за пределы задачи, преследуемой этою книгой.

Москва, 15 октября 1926 г.

К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Книга эта вызвала в печати целый ряд отзывов, — как отрицательных, так и одобрительных. Отвечать на большинство возражений не стоит. Некоторые можно отметить, лишь как курьез. Мне, напр., ставилось в упрек, что в книге Пушкин не отражается, как поэт, что представление о нем получается неполное. Ну, конечно! По существу книга моя есть лишь сборник материалов, больше ничего. Материалом для суждения о Пушкине, как поэте, должны естественно, служить его произведения, — не перепечатывать же мне было их в моей книге! Упрекали меня также, что не дана «социально-бытовая обстановка, не дана «эпоха» и т. п. Во сколько же томов должна бы была в таком случае разрастись моя книга! Конечно, и как поэт, и как продукт своей эпохи, Пушкин должен найти отображение в своей биографии. Но книга моя — не биография Пушкина, считаю нужным повторить это еще раз. Она — только возможно-полное и возможно-объективное собрание материалов, касающихся непосредственно «Пушкина в жизни». Ничего, выходящего за намеченные пределы, от нее нельзя требовать.

Многих моих оппонентов коробит то якобы умаление личности Пушкина, которое должно получиться у читателей вследствие чтения моей книги. И все они дружно цитируют известное письмо Пушкина к Вяземскому по поводу уничтожения Т. Муром интимных записок Байрона:

«Оставь любопытство толпе и будь заодно с гением. Мы знаем Байрона довольно. Видели его на троне славы, видели в мучениях великой души, видели в гробе посреди воскресающей Греции. Охота теперь видеть его на судне. Толпа жадно читает исповеди, записки, потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могучего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. Он мал, как мы, мерзок, как мы! Врете, подлецы: он и мал, и мерзок — не так, как вы — иначе!».

Вот на этом необходимо остановиться подробно. Пушкин не один раз высказывал приведенную здесь мысль. Еще ярче и определеннее высказал он ее в стихотворении «Герой»:

Да будет проклят правды свет,
Когда посредственности холодной,
Завистливой, к соблазну жадной
Он угождает праздно! Нет,
Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...

Высказываясь так, Пушкин был последователен. Но понимают-ли мои оппоненты, к чему они сводят роль исследователя жизни великого человека,

серьезно рекомендуя к руководству приведенную мысль Пушкина? Идеалом биографа делается Плутарх; печь великих людей становится легче, чем калачи или булки. Неверно, что Наполеон в Яффском госпитале пожимал руки чумным больным? Ну, что ж! «Утешься... 29 сент. 1830 г. Москва»¹⁾. В этот день Николай посетил пораженную холерою Москву. И вот готов «герой» — русский император Николай II «Да будет проклят правды свет!»

«Врете, подлецы: он и мал, и мерзок — не так, как вы — иначе!» Так ли это, действительно? Можно ли класть резкую, принципиальную качественно-разграничительную черту между «великим» человеком и обыкновенным? Нет опоры, возможно, что одаренность в одной области накладывает своеобразный, необычайный отпечаток и на некоторые другие области душевной жизни человека. Но совершенно неверно, будто весь строй души великого человека, во всех его проявлениях, носит какой-то величественный, несвойственный другим людям отпечаток.

Если Гораций, действительно, бежал с поля битвы при Филиппах, «нечестно бросаю щит», — то бежал он, как самый обыкновенный трус, а не как особенный какой-то талантливый трус. Бэкон Веруламский торговал должностями и брал взятки, как самый ординарный взяточник, а не как взяточник, обогативший философию индуктивным методом. Во время революции 1848 года Шопенгауэр предоставил свою квартиру правительственному отряду для более удобного обстрела баррикад; Шопенгауэр был гениальный философ, но в данном случае он поступал просто, как богатый человек, как своеобразный член своего класса, которому революция грозила нанести ущерб. И когда Пушкин делал «отеческие внушения» своим крепостным слугам, то действовал он тут не как-то по особенному, а как «дитя ничтожное мира», как типичный барин той эпохи, воспитанный в глубочайшем неуважении к личности крепостного раба.

Биограф или вспоминатель обычно подходит к великому человеку именно с стремлением объяснить по особенному, во что бы то ни стало оправдать или вовсе смазать темные его черты. Не понимают, что и вся-то красота живого человека в его жизненной полноте и правдивости, что самый великий человек — все-таки человек с плотью и кровью, со всеми его человеческими слабостями и пороками. Посмотрите, напр., как зевотно-скучен, мертвен и благочестиво-плосок Лев Толстой в большинстве биографий и воспоминаний, — благообразный учитель жизни, светящийся любовью к миру и к людям, непрерывно источающий возвышеннейшие моральные истины, — и как прекрасен юн в жизни, — ошибающийся, падающий, путающийся, непоследовательный, колючий, мальчишески-задорный, самоуверенный, — неисчерпаемый родник энергии, искания и жадной влюбленности в жизнь.

Или Пушкин.

Казалось бы, например: для мужчины дело элементарной порядочности, если он вступил в тайную связь с женщиной. — молчать об этом, не разглашать тайны. Пушкин же, после долгих домогательств добившись, наконец, благосклонности Анны Петровны Керн, спешит в циничнейшей форме похвалиться победой перед своим другом Соболевским. О, как знакомы эти враждебно-загорающиеся глаза почитателей-кумиропоклонников, это стремление так или так оправдать темные черты идола! Спешат возразить: «ничего такого в действительности не было, — Пушкин просто шутливо поддразнивал Соболевскопо!» Но ведь это же еще хуже, — пачкать имя женщины ложной похвалой перед приятелем. Или вообще столь часто отмечаемый современниками цинизм Пушкина. Опять возражают: «он в этом отношении был только продуктом своей эпохи». Нет, именно и современников свсих он поражал исключительным цинизмом. Однажды, весной

¹⁾ Так заканчивается стихотворение Пушкина «Герой».

1829 г., за завтраком у Погодина, Пушкин держался так, что Мицкевич два раза принужден был сказать: «Господа! Порядочные люди и наедине, и сами с собою не говорят о таких вещах!» Погодин по поводу этого завтрака замечает: «много было сального, которое не понравилось». С. Т. Аксаков пишет: «Пушкин держал себя ужасно гадко, отвратительно». Очень часто и другие современники Пушкина отмечают этот его бросающийся в глаза цинизм, — кн. Пав. Вяземский, А. П. Керн, Анна Ник. Вульф, Ал. Н. Вульф и другие.

И тем не менее — Пушкин прекрасен. Прекрасен не потому, что всего указанного не было. Оно было. Было и много другого. Пушкин прекрасен потому, что, несмотря на все это, душа его отличалась глубоким благородством и изяществом. Был цинизм, была нередко мелкая мстительность, была угодливость, была детская неспособность отстаивать свое достоинство и полное неумение нести естественные последствия своих действий. И все-таки — исключительно-благородная красота его души пламенными языками то-и-дело прорывалась в жизни сквозь наносную грязь, ярким огнем пылала в его творчестве и ослепительным светом вспыхнула в его смерти. Умирал он не как великий поэт, а как великий человек. Да, великая была душа. И только в смерти Пушкина чувствуешь, сколько возможностей таилась в этой душе.

И совсем нет надобности скрывать темные и отталкивающие стороны в характере и поступках Пушкина из боязни, что «толпа» с удовольствием начнет говорить: «он мал, он мерзок, как мы!» Художник, рисуя прекраснейшее лицо, не боится самых глубоких теней, — от них только выпуклее и жизненнее станет портрет; и прекраснее станет лицо, если, конечно, — прекрасен оригинал. В этом же — всё. Подлинно-великий человек с честью выдержит самые «интимные» сообщения о себе. А не выдержит, — и не надо. И пускай мы знаем, что такой-то великий поэт или мыслитель был в жизни не великим человеком, а дрянцом и ничтожеством.

Коктебель. Июнь 1926 г.

К ПЯТОМУ ИЗДАНИЮ

Книга значительно пополнена вновь опубликованными материалами. Добавлена глава о предках Пушкина. Приложены снимки с портретов Пушкина и близко стоявших к нему лиц.

Москва, ноябрь 1930 г.

ПРЕДКИ ПУШКИНА

Мы ведем свой род от прусского выходца Радши или Рачи (мужа честна, говорит летописец, т.-е., знатного, благородного), в'ехавшего в Россию во время княжества св. Александра Ярославича Невского. От него произошли Мусины, Бобрищевы, Мятлевы, Поводовы, Каменские, Бутурлины, Кологривовы, Шеферишиновы и Товарковы.

ПУШКИН. Родословная Пушкиных и Ганнибалов. (1830).

«При державе великого государя и великого князя Александра Ярославича Невского прииде из немец муж честен именем Радша», — так начинаются родословные росписи, поданные в 1686 году представителями нескольких ветвей рода Пушкиных в Разрядный Приказ. Ссылаясь на предка, выезжего «из немец», Пушкины следовали общей тенденции русских дворянских родов, показывавших легендарных предков своих выходцами из иностранных государств: легенды эти, не поддаваясь исторической проверке, принимались на веру, давая право представителям родов пордиться своим древним происхождением и пользоваться им при разного рода служебных отношениях.

Пушкины были потомками Радши уже в седьмом колене. В справке, выданной В. Л. Пушкину из Московского Архива Коллегии Иностраных Дел в 1799 году, ближайшее потомство Радши записано так: «...Колено седьмое: у Александра дети: Федор Неведомица, Александр Пято, Давыд Казарин, Володимер Холопиво, Григорий Пушка». От Григория Пушки, жившего в конце XIV или в начале XV века, и пошли, собственно, Пушкины.

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. Род Пушкина. «Пушкин»: Изд. «Прибоя». 1929. Стр. 19, 21.

Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории. В малом числе знатных родов, уцелевших от кровавых опал Ивана Грозного, историограф (К а р а м з и н) именует и Пушкиных. Григорий Гаврилович Пушкин принадлежит к числу самых замечательных лиц в эпоху самозванцев. Другой Пушкин, во время междоцарствия, начальствуя отдельным войском, один с Измайловым, по словам Карамзина, «сделал честно свое дело». Четверо Пушкиных подписались под грамотою о избрании на царство Романовых, а один из них, окольныхий Матвей Степанович, под сообразным деянием об уничтожении местничества. При Петре I, сын его, стольник Федор

Матвеевич, уличен был в заговоре противу государя и казнен вместе с Цыклером и Соковниным¹⁾.

ПУШКИН. *Родословная Пушкиных и Ганнибалов.* (1830).

Прадед мой Александр Петрович был женат на меньшей дочери графа Головина, первого андреевского кавалера. Он умер весьма молод, в припадке сумасшествия зарезав свою жену, находившуюся в родах.

ПУШКИН. *Родословная Пушкиных и Ганнибалов.* (1830).

Прадед Пушкина Александр Петрович родился, вероятно, в 90-х годах XVII века; в 1718—1719 году он был солдатом л.-гв. Преображенского полка, где в 1722 году был каптенармусом. Около этого времени он женился на Евдокии Ивановне Головиной, дочери одного из любимых «деньщиков» Петра Великого, впоследствии генерал-кригс-коммисара и адмирала Ив. Мих. Головина. После убийства жены Александр Петрович прожил недолго и «умер в заточении», как показали его дети в прошении, поданном имп. Петру II. После его смерти остались двое малолетних детей, — Лев и Марья. Заботы о сиротах перешли, повидимому, к их деду И. М. Головину. А. П. Пушкин был и сам по себе довольно состоятельным человеком, владея поместьями в Московском, Дмитровском, Коломенском, Рязанском, Зарайском и др. уездах (Всего за ним было 1.330 «четвертей», т. е. ок. 665 десятин). Кроме того в 1718 году он, по завещанию своего двоюродного деда Ив. Ив. Пушкина получил все его имения, в том числе и историческое с. Болдино (Арзамасского уезда). В 1741 г. оно перешло, по разделу с сестрой, к Льву Александровичу Пушкину, позднее, — в 1780 г., — прикупившему к Болдину еще деревню и пустошь.

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. *«Пушкин»*, стр. 27 — 28:

Лев Александрович, дед поэта, родился 17 февр. 1723 г. Будучи в детстве записан в л.-гв. Семеновский полк, он в 1739 г. определен был капталом в артиллерию, в которой и прослужил до выхода своего в отставку, в сентябре 1763 года, подполковником. Первым браком Лев Александрович был женат (около 1744 г.) на М. М. Воейковой, а по смерти ее женился вторично на Ольге Васильевне Чичериной. От этого брака родились два сына и две дочери: Василий (известный в свое время поэт), Сергей (отец А. Л. Серг-ча), Анна и Елизавета.

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. *«Пушкин»*. 29, 31:

Дед мой Лев Александрович во время мятежа 1762 года остался верен Петру III и не хотел присягать Екатерине, и был посажен в крепость вместе с Измайловым (странная судьба и союз сих имен!). Через два года выпущен по приказанию Екатерины и всегда пользовался ее уважением, хотя он уже никогда не вступал в службу и жил в Москве и в своих деревнях.

ПУШКИН. *«В одной газете, почти официальной...»* (1830).

Он был человек пылкий и жестокий. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму за мни-

¹⁾ Все перечисляемые здесь Пушкины не принадлежали к прямым предкам поэта.

Абрам Петрович
ГАННИБАЛ

Портрет недостоверный.

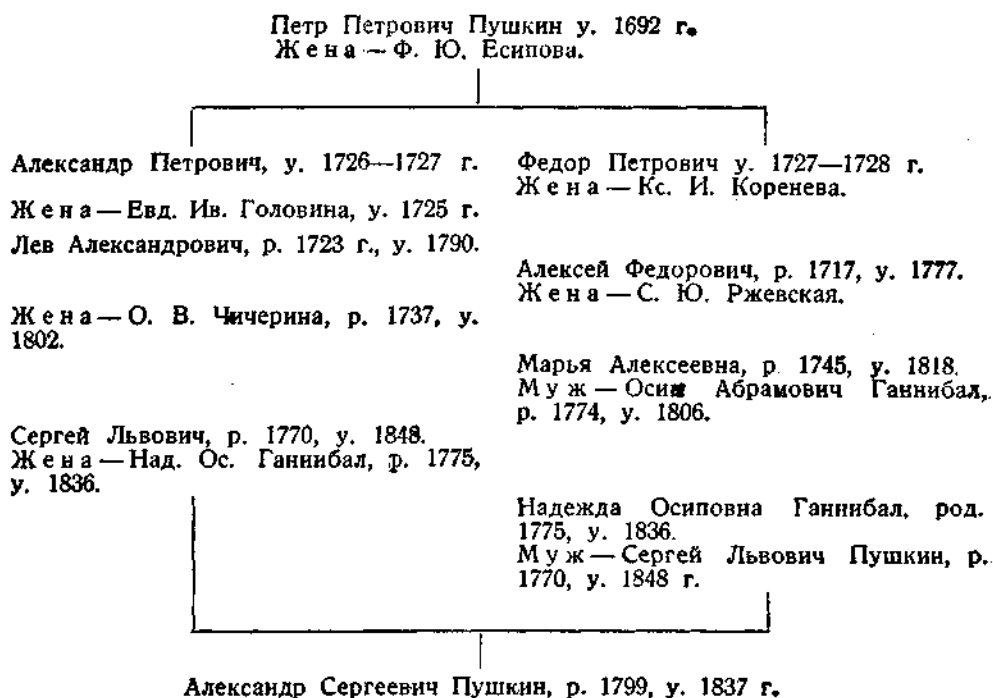
*Институт новой литературы (ИНЛИ),
б. Пушкинский Дом.*

мую или настоящую ее связь с французом, бывшим учителем его сыновей, и которого он весьма феодально повесил на черном дворе. Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно от него натерпелась. Однажды он велел ей одеться и ехать с ним куда-то в гости. Бабушка была на снюсах и чувствовала себя нездоровой, но не смела отказаться. Дорогой она почувствовала муки. Дед мой велел кучеру остановиться, и она в карете разрешилась чуть ли не моим отцом. Родильницу привезли домой полумертвою и положили на постель всю разряженную и в бриллиантах. Все это знаю я довольно темно. Отец мой никогда не говорил о странностях деда, а старые слуги давно перемерли.

ПУШКИН. *Родословная Пушкиных и Ганнибалов.* (1830).

Александр Петрович Пушкин был прадедом поэта по отцу. Родной его брат Федор Петрович был прапрадедом поэта по матери. Таким образом, в лице родителей его слилось потомство одного лица — Петра Петровича Пушкина, в течение долгих лет, повидимому, не имевшее между собою общения и связей. Для большей наглядности приводим родословную таблицу, из которой ясно будет это слияние двух отраслей Пушкинского рода.

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. *«Пушкин»*, стр. 35—36:

Родословная матери моей еще любопытнее. Дед ее был негр, сын владетельного князька. Русский посланник в Константинополе как-то достал его из сераля, где содержался он аманатом (заложником) и отослал его Петру Первому вместе с двумя другими арапчатами.

ПУШКИН. *Примечание в первом издании первой главы «Евгения Онегина».*

До глубокой старости Ганнибал помнил еще Африку, роскошную жизнь отца, девятнадцать братьев, из коих он был меньшой; помнил, как их во-

дили к отцу, с руками, связанными за спину, между тем, как он один был свободен и плавал под фонтанами отеческого дома; помнил также любимую сестру Лагань, плывшую издали за кораблем, на котором он удалялся.

ПУШКИН. *Примечание в первом издании первой главы «Евгения Онегина».*

Родом я низжайший из Африки, тамошнего знатного дворянства, родился во владении отца моего в городе Лагоне, который и кроме того имел под собою еще два города. В 706 году выехал я в Россию из Царяграда при графе Савве Владиславиче волею своею в малых летах.

А. П. ГАННИБАЛ. Прошение имп. Елизавете Петровне об утверждении в дворянстве и даровании герба. Д. Н. Анучин. «А. С. Пушкин». Антропологический эскиз. М. 1899 Отд. оттиск из «Русских Ведомостей».

Сопоставляя все дошедшие до нас данные, мы можем прийти к таким заключениям относительно пушкинской Африки и родины пушкинского прадеда. Отец Ибрагима Ганнибала был владетельным князем в северной Абиссинии и имел резиденцию на абиссинском плоскогории, на берегах Мареба, на границе между Хамасеном и Сарае, в Логоне. У этого князя была большая семья, много жен и детей, целый сераль. Прадед Пушкина был одним из младших сыновей этого князя, находившегося уже в преклонных летах; он пользовался, повидимому, особенною любовью своего отца, что могло вызвать зависть в старших братьях (от других жен), которые и нашли случай от него избавиться. Случай этот был вызван необходимостью уплаты туркам дани или представления заложников; братья воспользовались, вероятно, этим обстоятельством и обманным способом доставили Ибрагима (по абиссински — Авраама) в турецкий пост Аркико, продали его там (или отдали взамен части дани в заложники) туркам, которые посадили его в лодку и повезли в Массову, а затем на корабле в Константинополь и, как мальчика княжеского происхождения, представили во дворец к султану. Любимая, сопровождавшая Ибрагима сестра пыталась избавить брата от этой участи, но безуспешно; тогда в отчаянии она бросилась в море и утонула.

Сам Пушкин, как и почти все его современники, видел в «арапе Петра Великого» негра... По господствующему теперь в антропологии мнению, абиссинцы, как и другие ближайшие к ним племена северо-восточной Африки, должны быть обособлены по своему типу и от азиатских семитов, и от африканских негров. Тип абиссинцев воспринял в себя, несомненно, семитскую примесь, как с другой стороны и примесь крови негров, но в массе населения он является своеобразным, занимающим как бы среднее положение между семитским, — даже типом брюнетов белой расы вообще, — и негритянским. Эта своеобразность типа оправдывает выделение абиссинцев совместно с соседними народностями в особую антропологическую расу, которой обыкновенно теперь придают название хамитской. Настоящие негритянские черты встречаются только у рабов шангалла и у помесей, от них происходящих. Эти негрообразные особи отличаются обыкновенно и более темным цветом кожи, который, впрочем, вообще сильно варьирует у абиссинцев, начиная от светлого буровато-желтого и кончая самым темным чернобурым. Примесь негритянской крови более заметна на юге Абиссинии, чем на севере. Население северной Абиссинии может быть рассматриваемо, как более чистое, заключающее в себе более типичных представителей хамитской или эфиопкой расы.

Основываясь на серии портретов северных абиссинцев, мы можем воссоздать до известной степени и тип Ибрагима Ганнибала. Это был, по всей вероятности, довольно рослый, темнокожий, шоколадного цвета субъект, с черными курчавыми волосами, удлиненным черепом, овальным сухим лицом, высоким лбом без заметных выступов над бровями, слабою растительностью на лице, черными глазами, полными, толстоватыми губами и, может быть, несколько широким, но все-таки не негритянским носом. К сожалению, мы не можем подтвердить нашего заключения ссылкой на описания современников или на подлинные портреты Ибрагима Ганнибала, так как таковых не имеется.

Д. Н. АНУЧИН (профессор антропологии и этнографии). «А. С. Пушкин». Антропологический эскиз. М. 1899. Отд. оттиск из «Русс. Вед.».

Государь крестил маленького Ибрагима в Вильне, в 1707 году, с польскою королевою, и дал ему фамилию Ганибал. В крещении наименован он был Петром; но как он плакал и не хотел носить нового имени, то до самой смерти назывался Абрамом.

ПУШКИН. Родословная Пушкиных и Ганибалов.

Когда и почему принял он фамилию Ганнибала,—положительных указаний не имеется: в течение многих лет он и сам подписывался, и в официальных бумагах, и в частных письмах именовался просто «Абрам Петров», прозвище же Ганнибала закрепилось за ним лишь впоследствии (не раньше 1733 и не позже 1737 г.).

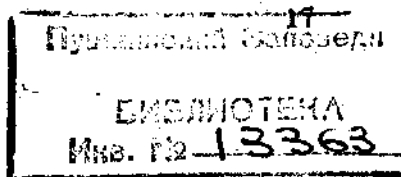
Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. «Пушкин», 48.

Старший брат его приезжал в Петербург, предлагая за него выкуп. Но Петр оставил при себе своего крестника. До 1716 г. Ганибал находился неотлучно при особе государя, спал в его токарне, сопровождал его во всех походах, потом послан был в Париж, где несколько времени обучался в военном училище, вступил во французскую службу, во время испанской войны был в голову ранен «в одном подземном сражении» (сказано в рукописной его биографии) и возвратился в Париж, где долго жил в рассеянии большого света¹⁾. Петр I неоднократно призывал его к себе, но Ганибал не торопился, отговариваясь под разными предлогами. Наконец государь написал ему, что он неволить его не намерен, что представляет его доброй воле возвратиться в Россию или остаться во Франции; но что во всяком случае он никогда не оставит прежнего своего питомца. Тронутый Ганибал немедленно отправился в Петербург. Государь выехал к нему навстречу и благословил образом Петра и Павла. Государь пожаловал Ганибала в бомбардирскую роту Преображенского полка капитан-лейтенантом. Известно, что сам Петр был ее капитаном.

ПУШКИН. Родословная Пушкиных и Ганибалов.

Пробыв во Франции до конца 1722 года, Ганнибал в начале следующего возвратился в Петербург и сразу же назначен был на инженерные работы в Кронштадте, войдя в то же время в кружок лиц, группировавшихся около княгини А. П. Волконской и бывших противниками временщика Меншикова. В феврале 1724 г. Ганнибал был определен в бомбардирскую роту Пре-

¹⁾Опубликованные академиком Пекарским письма Ганнибала из Парижа свидетельствуют, что он, равно как и другие русские, посланные во Францию для учения, терпели большую нужду, и им было совсем не до «рассеяния большого света».

ображенского полка, причем ему поручено было, между прочим, учить молодых солдат из дворян математическим наукам; эти же науки он преподавал, уже по смерти императора, наследнику престола Петру Алексеевичу. Екатерина I и наследник благоволили к Ганнибалу, но всесильный Меншиков, на другой же день по вступлении на престол Петра II, опасаясь влияния Ганнибала на юного царя, поспешил удалить Абрама Петрова из Петербурга. Он получил предписание ехать немедленно в Казань для осмотра тамошней крепости, оттуда ему было приказано ехать в Тобольск, из Тобольска — на китайскую границу к чрезвычайному посланнику графу Владиславичу-Рагузинскому, для постройки Селенгинской крепости. В январе 1728 г. он был в Иркутске, а затем — в Тобольске, отпущенный с границы Владиславичем, не зная еще о происшедшем падении и ссылке Меншикова. Друзья без успеха хлопотали о Ганнибале. 17 июля состоялось определение Верховного Тайного Совета об удержании Ганнибала на китайской границе, а 22 декабря 1729 г. — об аресте его там, отобрании всей переписки и об отправке его «с пристойным конвоем» в Томск. Распоряжения эти стояли в тесной связи с делом княгини Волконской и ее друзей, преследовавшихся уже новыми временщиками — Долгорукими. В 1830 г., при новой императрице Анне Иоанновне, Ганнибал получил возможность совсем покинуть Сибирь, будучи определен, по ходатайству своего благожелателя Мишиха, инженер-капитаном, с назначением в Пернов «к инженерным и фортификационным делам по его рангу». В 1733 году вышел в отставку и жил в Ревельском уезде, на купленной им мызе Каррикуля. В 1747 г., с воцарением Елизаветы, Ганнибал снова определился на службу, будучи назначен, с чином артиллерии подполковника, в Ревельский гарнизон; вскоре императрица Елизавета Петровна произвела его из подполковников прямо в генерал-майоры, с определением обер-комендантом в Ревель, где и прослужил он десять лет. В 1752 г. Ганнибал был назначен управлять строительною частью инженерного ведомства. В истории этого ведомства Ганнибал является одним из видных деятелей своего времени. В 1756 г. он был произведен в инженер-генералы, а затем — в генерал-аншефы, с определением главным директором Ладожского канала и кронштадтских и ропервикских укреплений. В 1762 г. он уволился в отставку. Остаток дней своих, еще довольно продолжительный, А. П. Ганнибал провел в пожалованном ему имении Суйде; здесь он скончался 14 мая 1781 г.

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. *«Пушкин»*, 49—55.

В семейственной жизни прадед мой Ганнибал так-же был несчастлив, как и прадед Пушкин. Первая жена его, красавица, родом гречанка, родила ему белую дочь. Он с нею развелся и принудил ее постричься в Тихвинском монастыре, а дочь ее Поликсену оставил при себе, дал ей тщательное воспитание, богатое приданое, но никогда не лускал ее себе на глаза. Вторая жена его, Христина-Регина фон-Шеберх, вышла за него в бытность его в Ревеле обер-комендантом и родила ему множество черных детей обоего пола.

ПУШКИН. *Родословная Пушкиных и Ганибалов.*

Вернувшись в Петербург из Селенгинска, Ганнибал в начале 1731 г. женился на гречанке Евдокии Андреевне Диопер, дочери капитана галерного флота. Евдокия любила флотского поручика Кайсарова и собиралась выйти за него замуж. За Ганнибала она отказывалась идти, — «понеже арап, и не нашей породы». Однако, ее принудили. Она покорилась, но до свадьбы отдалась Кайсарову. Спустя месяц после свадьбы Ганнибал был командирован Мишихом в Пернов — учить кондукторов математике и черчению. Евдокия

вскоре стала изменять нелюбимому мужу, увлекшись одним из кондукторов, Яковом Шишковым. С этого времени между супругами началась тяжелая семейная драма, окончательно завершившаяся формальным разводом лишь через одиннадцать лет. Ганнибал подал жалобу в перновскую канцелярию, что Шишков и жена хотели его отравить. К жене он приставил надежный караул и неоднократно брал ее к себе, в свои покои. Там в стены, повыше роста человеческого, ввернуты были кольца. Туда вкладывались руки Евдокии, и ее тело повисало на воздухе. В комнате заранее приготовлены были розги, батоги, плети, и муж «бил и мучил ее смертельными побоями необычно», принуждая, чтобы она на суде при допросах показала, будто «с кондуктором Шишовым хотела его, Ганнибала, отравить, и с ним, Шишовым, блуд чинила». При этом, в случае, если она покажет не по его желанию, «грозил ее, Евдокию, убить». После таких внушений в канцелярии Евдокия все показывала по желанию мужа, чтобы только вырваться из его рук. Тем не менее, в течение месяца она жила у мужа, и только тогда взята была в канцелярию. Ее посадили на госпитальный двор, куда обыкновенно заключались осужденные. Там, под крепким караулом, провела она пять лет. На содержание арестованных никто не обращал внимания, и арестанты Госпитального двора питались или на средства родных, или на добродетельные подавания христоробцев. На содержание Евдокии Андреевны муж ничего не давал и сам нарочно затягивал дело, чтобы подольше продержать ее под караулом. Вот, на основании документов, история разрыва между Ганнибалом и первой его женою. Здесь нет ни одного слова о рождении белой девочки, о чем рассказывает Пушкин. И во всем деле об ней не упоминается. Очевидно, ее и не существовало. Сам Ганнибал, между тем, сошелся с дочерью капитана местного полка Христиною-Региною фон-Шеберх и жил с нею сперва в Ревельском уезде, на купленной им мызе Каррикулля, а затем, в 1736 году, и обвенчался с нею в Ревельской соборной церкви, не дождавшись решения своего дела с первой женою. Только в 1752 году, после долгих перипетий, было решено, наконец, дело Абрама Петровича с его первой женой: она была признана виновною и сослана в Староладожский женский монастырь, а брак Ганнибала с Христиною Шеберх признан законным, хотя на него и наложены были эпитимия и штраф.

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. «Пушкин», 52. Значительно дополнено по статье С. И. ОПАТОВИЧА «Е. А. Ганнибал», в которой использовано бракоразводное дело Ганнибала, хранившееся в архиве петербургской консистории (*Рус. Стар.*, 1877, янв.).

При императрице Анне Ивановне Ганнибал жил весьма скромно, владея только небольшою мызою Куррикулля. Но императрица Елизавета Петровна пожаловала ему несколько имений и многие сотни душ крестьян, так что после его смерти детям его досталось около 1.400 душ и имения: близ Ревеля—Рагола, в Петербургской губ. — Суйда, Кобриню и Таицы, в Псковской — Зуево, Бор, Петровское, Михайловское и др.

От эпохи пребывания Ганнибала в Ревеле, 1741 по 1752 г., известны некоторые его донесения, а также жалобы на него других начальствующих лиц. Из них можно заключить, что «арал» не ладил ни с подчиненными, ни с высшими (ревельским губернатором), отличался вообще пылким, сварливым нравом, писал жалобы по начальству и, в свою очередь, обвинялся в превышении власти, в «свирепости» к подчиненным и в невнимании к старшим по службе. По преданиям, Абрам Петрович отличался суровым нравом. Бабка Пушкина, Марья Алексеевна, представляясь вместе со своим мужем его отцу, упала в обморок от одного его гневного взгляда. Из других преданий известно, что он был крайне скуп.

Д. Н. АНУЧИН, 11—12.

Старший сын его, Иван Абрамович, столь-же достоин замечания, как и его отец. Он вошел в военную службу вопреки воле родителя, отличился и, ползая на коленях, выпросил отцовское прощение. Под Чесмою он распоряжался брандерами и был один из тех, которые спаслись с корабля, взлетевшего на воздух. В 1770 г. взял Наварин; в 1779 выстроил Херсон. Его постановления доньше уважаются в полуденном краю России. Он поссорился с Потемкиным. Государыня оправдала Ганнибала и надела на него Александровскую ленту; но он оставил службу и с тех пор жил по большей части в Суйде, уважаемый всеми замечательными людьми славного века, между прочими Суворовым, который при нем оставил свои проказы, и которого принимал он, не завешивая зеркал и не наблюдая никаких тому подобных церемоний.

Дед мой, Осип Абрамович, — настоящее имя его было Януарий, но прабабушка моя (родом шведка) не согласилась звать его этим именем, трудным для ее немецкого произношения. «Шорн шорт, — говорила она, — делат мне шорна репят и дает им шертовск имя». Дед мой служил во флоте и женился на Марье Алексеевне Пушкиной, дочери тамбовского воеводы, родного брата деду отца моего. И сей брак был несчастлив. Ревность жены и непостоянство мужа были причиною неудовольствий и ссор, которые кончились разводом. Африканский характер моего деда, пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, вовлекли его в удивительные заблуждения.

ПУШКИН. Родословная Пушкиных и Ганнибалов.

Осип (Януарий) Абрамович Ганнибал (род. 20 янв. 1744 г.), — родной дед поэта, владеец, по разделу с братьями, села Михайловского, — служил в артиллерии. Будучи в Липецке, на чугунных заводах, женился на М. А. Пушкиной, жившей с отцом в селе Покровском, а вскоре затем вышел в отставку с чином флота артиллерии капитана второго ранга. Плодом супружества их был один сын, умерший грудным младенцем, и дочь Надежда (род. 1775 г.), — мать поэта. Затем он служил заседателем Псковского Совестного Суда, советником Псковского Наместнического, а с 6 апр. 1780 г. — С. Петербургского Губернского Правления. Супруги Ганнибалы были весьма несчастливы: прожив совместно с женой около четырех лет, — частью в Суйде у Абрама Петровича, частью в Петербурге, — Осип Абрамович скрылся от родных. Покинув жену, Осип Абрамович, служа в Пскове, сошелся с новоржевскою помещицею Устиньей Ермолаевной Толстою (рожд. Шишкиной), вдовою капитана Ивана Толстого, и 9 января 1779 г. обвенчался с нею, дав священнику фальшивое свидетельство в том, что он вдов. Поступив так легкомысленно, Осип Абрамович с неменьшею опрометчивостью дал Устинье Ермолаевне «рядную запись», в которой расписался в том, что получил от нее приданого разными вещами на 27.000 с лишним рублей. Сожительство их продолжалось, однако, недолго: 6 мая супруги были, распоряжением псковского архиерея, разлучены, и с этих пор на Осипа Абрамовича посыпались обвинения и жалобы со стороны обеих жен: Марья Алексеевна возбудила дело о двоеженстве мужа, а Устинья Ермолаевна, видя, что обстоятельства складываются не в ее пользу, и что Осип Абрамович не поддается ее увещаниям жить с нею попрежнему, вскоре подала просьбу в суд о взыскании с него 27.000 рублей, будто бы полученных от нее и им растраченных. Осип Абрамович доказывал, что женился на второй жене, будучи уверен в смерти первой. Однако брак его с Толстою был признан незаконным (2 марта 1784 г.), причем он, по приказанию имп. Екатерины, был отправлен «на кораблях на целую кампанию в Северное море, дабы он службою погрешения свои наградить мог», а четвертая часть имения его, — именно село Кобринно, было взято в опеку на содержание дочери Надежды. С другой стороны, Ганнибал старался доказать суду в разных инстанциях, что не только не получал от Толстой никакого приданого, дав ей рядную запись безденежную,

т. е. дутую, но что сам издержал на ее прихоти до тридцати тысяч рублей: построил ей во Пскове дом с фруктовым садом, купил в четырех верстах от города дачу, накупил серебряных и золотых сервизов, бриллиантов, экипажей, мебели, прожил двенадцать тысяч, за которые заложил свои имения и т. д. Дело с настойчивой и умудренной опытом Устиньей Ермолаевной тянулось много лет, в течение которых тяжущиеся делали попытки к сближению, сходились и снова раз'езжались, возобновляя тяжбу. Конца ее Осип Абрамович так и не дождался: он скончался 12 октября 1806 г. в с. Михайловском, — «от следствий невоздержной жизни», по свидетельству Пушкина.

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. «Пушкин», 58.

Сергей Львович, отец поэта, родился 23 мая 1770 г. Получив светское, французское воспитание и записанный сперва в армию, он в 1775 году был перечислен в гвардию, а с 1777 по 1791 г. числился сержантом Измайловского полка, потом произведен был в прапорщики и до 1797 г. служил в л.-гв. Егерском полку, откуда вышел в отставку майором в 1798 г. После этого он состоял в Коммиссариатском штате, сперва в Москве (в это время родился поэт), а затем в Варшаве (начальником Коммиссариатской комиссии резервной армии); здесь, в Варшаве, Сергей Львович, в июле 1814 г., вступил в Орден свободных каменщиков (масонов), в ложу «Северного Щита», к которой, пройдя четыре предварительных степени, был «присоединен» 10 октября 1817 г.; незадолго перед этим, — 12 января, — он был уволен вовсе от службы с чином пятого класса. С этих пор С. Л. Пушкин уже никогда не служил, а вел странническую и совершенно праздную жизнь, переезжая из Москвы в Петербург, в свое имение Михайловское и обратно, не занимаясь ни семьей, ни именьями, которые своею беспечностью довел почти до разорения. Будучи скупым от природы, он в то-же время был совершенно нерасчетлив. Свое полное равнодушие к детям, и особенно к сыну-поэту, он старался скрывать под маской нежных слов и лицемерных уверений в любви и привязанности, а безразличие к вопросам религиозным — под личиной отталкивающего ханжества. У жены своей он был «под пантуфлей», хотя и любил разыгрывать роль главы семьи, когда это представляло для него интерес. Женился он сравнительно молодым, — еще будучи офицером л.-гв. Егерского полка, — в Петербурге, в ноябре 1796 г., на Надежде Осиповне Ганнибал, своей внучатной племяннице, жившей тогда с матерью в Петербурге. Умер он в 1848 году.

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. «Пушкин», 32.

Записанный с малолетства в Измайловский полк, Сергей Львович был переведен потом, при Павле I, в гвардейский Егерский. Сергей Львович не мог отстать в службе от некоторых привычек, к числу которых принадлежала привычка сидеть у камелька с приятелями и мешать в нем огонь, причем раз Сергей Львович употребил на это собственную свою офицерскую трость и с ней-же явился потом к должности. Начальник, заметив обгорелую трость, подошел к нему и сказал: «Уж вам бы, г. поручик, лучше явиться с кочергою на ученье!» Огорченный Сергей Львович жаловался потом супруге своей на тяжесть военной службы. Между прочим он питал отвращение к перчаткам и почти всегда терял их или забывал дома; будучи однажды приглашен с другими товарищами своими на бал к высочайшему двору, он, по обыкновению, не позаботился об этой части своего туалета и оробел порядком, когда государь Павел Петрович, подойдя к нему, спросил по-французски: «Отчего вы не танцуете?» — «Я потерял перчатки, ваше величество!» — отвечал в смущении молодой офицер. Государь поспешно снял перчатки с собственных рук и, подавая их, сказал с улыбкою: «Вот вам мои!»

потом взял его под руку с юбодрительным видом и, подводя к даме, приказал: «а вот вам и дама!»

П. В. АННЕНКОВ со слов Н. И. Павлищева.
Материалы, 6.

Через год после брака с Надеждой Осиповной Сергей Львович, по завещанному тогда порядку, стал помышлять об отставке и переезде в Москву. Тотчас после рождения дочери Ольги (1798 г.), он привел в исполнение свой план: покинул полк и уехал в Москву на покой. Здесь первым делом семейства было обзавестись подмосковной, как необходимым условием порядочной столичной жизни. Бабушка поэта, Марья Алексеевна, променяла свое Кобриню, близ Петербурга, на село Захарово, близ Москвы, которое тоже, в свою очередь, было продано, когда Пушкины задумали переселиться в Петербург. Вплоть до нашествия французов они жили попеременно то в Москве, то в Захарове.

П. В. АННЕНКОВ. *П—н в алекс. эпоху*, 21.

После Отечественной кампании Сергей Львович снова определился на службу и в 1814 г. начальствовал комиссариатскою комиссией резервной армии в Варшаве. Г-н Б., назначенный на его место, рассказывал, что, принимая от него сложную должность, он застал Сергея Львовича в присутственном месте за французским романом вместо счетов и бумаг.

С другой стороны, Сергей Львович, как и брат его, поэт Василий Львович, были душою общества, неистощимы в каламбурах, островах и тонких шутках. Он любил многолюдные собрания. Связи его были довольно обширны. Через Пушкиных он был в родстве со всею этою фамилиею, а через Ганнибаловых с Ржевскими и их свойственниками, Бутурлиными, Черкасскими и проч. Он даже жил дом-об-дом с гр. Д. П. Бутурлиным, и гости последнего были его гостями. В числе посетителей его были: Карамзин, Батюшков, Дмитриев, и молодой Пушкин, который всегда внимательно прислушивался к их суждениям и разговорам, знал корифеев нашей словесности не по одним произведениям их, но и по живому слову. Дом С. Л-ча, как все избранные дома того времени, был открыт для французских эмигрантов: новое средство развлечения, которого все искали. Между этими эмигрантами отличалось лицо графа Ксавье де-Мэстра. Он уже напечатал тогда свое «Voyage autour de ma chambre» и, в промежутках между литературными занятиями, любил посвящать свои досуги портретной живописи и откровенной беседе с друзьями. Между прочим, он написал и портрет жены Сергея Львовича, Надежды Осиповны. Сам Сергей Львович был известен, как остряк и человек необыкновенно находчивый в разговорах. Владея в совершенстве французским языком, он писал на нем стихи так легко, как француз, и дорожил этою способностью. Есть слухи, что в это время он написал даже целую книжку, в которой рассуждал по-французски — стихами и прозой — о современной ему русской литературе. Чрезвычайно любезный в обществе, он торжествовал особенно в играх ((jeux de société), требующих беглости ума и остроты, и был необходимым человеком при устройстве праздников, собраний и особенно домашних театров, на которых как он, так и брат Василий Львович отличались искусством игры и декламации.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 6—8.

Сергей Львович терпеть не мог деревни, если она не была видоизменением или продолжением городской жизни, и ни разу не посетил иных наследственных своих имений, как напр., Болдина (Нижегородской губ.). Ког-

да, гораздо позднее, для спасения Болдина послан был туда дельный управляющий, то он просто бежал из имения при виде страшного разорения крестьян.

Вообще следует заметить, что у обоих братьев не было и времени для своих собственных дел: они занимались только чужими. Люди, страстно искавшие всю свою жизнь гостиных и эффектных бесед, переносившие удачное бонмó, перед ними сказанное, из дома в дом и, с своей стороны, сами занятые, для потехи других, тем, что французы называют деланием ума, *faire de l'esprit*,— такие люди уже, конечно, не имели ни времени, ни возможности устроить свое существование на прочных основаниях. Вот почему вся их жизнь, проведенная в беготне за высшим светом и модными формами существования, в толкотне между людьми и в пересудах слышанного и виденного, оставила их под конец материально и умственно разбитыми и несостоятельными.

П. В. АННЕНКОВ. *Пушкин в алекс. эпоху*, 16.

Мастерским чтением его комедий Мольера восхищались все, а остроты его ходили по рукам. В жизни практической он всегда был наивен: поручив управление своим болдинским имением в нижегородской губернии своему крепостному человеку М. К-ву (*М. И. Калашникову*), С. Л. в это поместье не заглядывал, чем К-в и воспользовался, кончив тем, что сам разбогател. Так же небрежно следил С. Л. за делами и Михайловского имения. Не имея ни малейшего понятия о сельском хозяйстве, он довольствовался присылаемыми из Михайловского двумя-тремя возами домашней замороженной птицы и масла, с прибавкой сотен двух-трех рублей ассигнациями, и не терпел занятий по хозяйству до такой степени, что, когда к нему прибыла из деревни депутация крестьян с весьма основательными жалобами на мошенника управляющего, прогнал ее, не расспросив, в чем дело.

Л. Н. ПАВЛИЦЕВ, 6.

Сергей Львович был нежный отец, но нежность его черствела в виду выдачи денег. Вообще был он очень скуп и на себя, и на всех домашних. Сын его Лев, за обедом у него, разбил рюмку. Отец вспылил и целый обед ворчал. — «Можно-ли, — сказал Лев, — так долго сетовать о рюмке, которая стоит двадцать копеек?» — «Извините, сударь, — с чувством возразил отец, — не двадцать, а тридцать пять копеек!».

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Полн. собр. соч.*, VIII, 149.

Сергей Львович никогда не оказывал ни малейшей помощи своему сыну Александру, и тот справедливо говорил своим деревенским соседям, знавшим его семейные дела, что он едва-ли получил от отца во всю свою жизнь до пяти сот рублей ассигнациями. При всем том тщеславие Сергея Львовича тешили успехи его сына, и он по своему ценил их и гордился ими.

М. И. СЕМЕВСКИЙ. К биографии Пушкина. *Рус. Вестн.*, 1869, № 11, стр. 85.

Дельвиг не любил обедать у стариков-Пушкиных, которые не были гастрономы. Вот, по случаю обеда у них, что раз Дельвиг писал Пушкину:

Друг Пушкин, хочешь-ли отведать
Дурного масла, яиц гнилых,—
Так приходи со мной обедать,
Сегодня у своих родных.

А. П. КЕРН. Дельвиг и Пушкин. *Пушкин и его совр-ки*, V, 157.

Все семейство Пушкиных было какое-то взбалмошное. Отец его был довольно приятным собеседником, на манер старинной французской школы, с анекдотами и каламбурами, но в существе человеком самым пустым, бесплодным и бесполезным и особенно безмолвным рабом своей жены. Последняя была женщина не глупая, но эксцентрическая, вспыльчивая, до крайности рассеянная и особенно чрезвычайно дурная хозяйка. Дом их представлял всегда какой-то хаос: в одной комнате богатые старинные мебели, в другой пустые стены, даже без стульев, многочисленная, но оборванная и пьяная дворня, ветхие рыдваны с тощими клячами, пышные дамские наряды и вечный недостаток во всем, начиная от денег и до последнего стакана. Когда у них обедал человек два-три, то всегда присылали к нам за приборами.

Граф М. А. КОРФ. Я. Грот, 249.

(В 1835 г. старшая дочь Сергея Львовича, замужняя О. С. Павлищева, жила в Петербурге у родителей. В ее письмах в Варшаву к мужу ярко описан весь уклад домашней жизни стариков Пушкиных). — Вообрази, что в прошлом году имение Болдино описывали пять раз!.. Можешь себе представить, в каком состоянии находится отец со своими черными мыслями, да к тому же денег нет. Он хуже женщины: вместо того, чтобы прийти в движение, действовать, он довольствуется тем, что плачет. Не знаю, право, что делать, — я отдала все, что могла, но это все равно, что ничего, из-за общих порядков дома, из-за мошенничества людей, перед которыми наш Петрушка буквально ангел. Они получили тысячу рублей из деревни, и через неделю у них ничего уже не было, а заплатили всего только четыреста рублей за квартиру... Я одолжила отцу 225 р.; он мне их не возвратил и, вероятно, не возвратит, потому что с тех пор он получил 1.300 и не сказал ни слова. Мать этого не знает; она возвратила бы мне эти деньги. Никогда у меня не хватит смелости попросить их обратно у отца, но за то у меня будет смелость больше ему их не давать... Мой отец только и делает, что плачет, вздыхает и жалуется встречному и поперечному. Когда у него просят денег на дрова и сахар, он ударяет себя по лбу и восклицает: «Что вы ко мне приступаете? Я несчастный человек!». Он испустил это восклицание передо мною, и сознаюсь, меня это немного развлекло, когда я подумала о его 1.200 мужиках в Нижнем... Боже упаси обращаться к кому-нибудь из прислуги в доме: это воплощенные дьяволы, мошенники, воры, нахалы, и потом они ничего не сделают даром. Лакеем к экипажу мне пользоваться невозможно, отец сердится, когда он всю челядь не видит налицо: «Да где тот? Да где этот? Да кто его послал?» и т. д.. Право, иногда он мне очень жалок. Старик всегда нуждается в деньгах, а их любит; его обкрадывают и обчищают со всех сторон; его челядь саранча суцая. Вообрази: пятнадцать человек!

О. С. ПАВЛИЩЕВА — Н. И. Павлицеву, в сентябре-ноябре 1835 г. Пушкин и его совр-ки, XVII—XVIII, стр. 166, 183, 186, 187, 189, 191.

Надежда Осиповна, жена Сергея Львовича, мать поэта, была балованное дитя, окруженное с малолетства угодливостью, потворством и лестью окружающих, что сообщило нраву молодой красивой креолки, как ее потом называли в свете, тот оттенок вспыльчивости, упорства и капризного властолюбия, который замечали в ней позднее и принимали за твердость характера.

П. В. АННЕНКОВ. П—н в алекс. эпоху, 15.

Надежда Осиповна была необыкновенно хороша собою, и в свете прозвали ее «прекрасною креолкою». По своему знанию французской литературы

и светскости она совершенно сошлась со своим мужем. Надежда Осиповна очаровывала общество красотой, остроумием и веселостью. Укажу на следующую ее странность: она теперь не могла заживаться на одном и том-же месте и любила менять квартиры; если переезжать было нельзя, то она превращала, не спрашивая Сергея Львовича, кабинет его в гостиную, спальню в столовую и обратно, меняя обои, переставляя мебель и проч. По характеру своему она резко отличалась от Сергея Львовича: никогда не выходя из себя, не возвышая голоса, она умела дуться по дням, месяцам и даже годам.

Л. Н. ПАВЛИЩЕВ со слов своей матери, сестры Пушкина, *Воспоминания*, 8.

Сергей Львович, из желания развязать себе руки вполне, передал все управление домом супруге своей Надежде Осиповне, которая не менее его обожала свет и веселое общество, а в управление домом внесла только свою вспыльчивость, да резкие, частые переходы от гнева и кропотливой взыскательности к полному равнодушию и апатии относительно всего, происходящего вокруг. Это уже лежало в самой ее природе.

П. В. АННЕНКОВ. *П—н в алекс. эпоху*, 19.

II

ДЕТСТВО

(1799—1811)

(Родился в Москве 26 мая по старому стилю, 6 июня по новому, 1799 года).

Во дворе коллежского регистратора Ивана Васильевича Скворцова, у жильца его мезора Сергея Львовича Пушкина родился сын Александр. Крещен июня 8-го дня. Восприемник граф Артемий Иванович Воронцов, кума мать означенного Сергея Пушкина вдова Ольга Васильевна Пушкина.

ВЫПИСЬ ИЗ МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ в московской церкви Богоявления в Елохове. *Изв. Моск. Гор. Думы, 1880, вып. XXII, стр. 41.*

Из найденного нами плана на владение Скворцова в 1799 году видно, что в сентябре 1799 г. владение Скворцова было застроено каменными и деревянными зданиями, из которых последние выходили на Немецкую улицу, а два каменные здания находились во дворе; одно из них было очень большое, а другое, в котором, вероятно, и жили Пушкины, имело в длину девять сажен. К нему приделана деревянная постройка, вероятно, сени, и, наконец, перед ним находится садик (с). За домом этим находился небольшой сад (ссс). В настоящее время (1880 г.) владение это принадлежит мещанину Ананьину. Все бывшие во времена Скворцова строения сгорели в 1812 г., но стены большого каменного дома уцелели донныне; после пожара дом этот обращен в сарай (см. рис. 1).

А. КОЛОСОВСКИЙ. *Моск. Ведом.*, 1880, № 262.

Во «дворе» Скворцова, в момент рождения Пушкина, как видно на плане, было два деревянных жилых строения по обе стороны ворот. Помня, что родители Пушкина были средней руки помещики, имевшие и знакомство хорошее в Москве, можно с уверенностью предполагать, что Пушкины занимали большой флигель, по правую сторону ворот. Предположение, что Пушкины жили в каменном флигеле, едва ли имеет основание по той причине, что это, как видно из плана, были каменные службы и амбары. Что флигели для жилья были деревянные, а службы и амбары каменные, объясняется тем, что прежде здесь помещалась заграничная торговая контора Фириб Томус и Рованд. Очевидно, что для предохранения от пожаров, при неразвитости в то время страхового дела, строения эти были каменные.

Дом Скворцова находился на Немецкой улице, в 14 саженях от проезда на Немецкий рынок к часовне. Деревянных флигелей, бывших по обе

стороны ворот, в настоящее время уже не существует. Правая сторона, где находился тот флигель, где родился Пушкин, находится впусе под двором, с левой же стороны выстроен каменный двухэтажный дом, весьма приличной и опрятной наружности. Задняя часть этого владения, как и при Пушкине, находится под сараем.

Н. П. БОЧАРОВ. Частные постройки в Москве. Изв. Моск. Гор. Думы, 1880, вып. XXII, 44, 51.

Мерою под тем двором Скворцова было: идучи в него длиннику по правую и левую сторону по 42 саж., поперечнику в переднем юнже (на Немецкую улицу) 14 саж., в заднем 7 саж.

Н. П. БОЧАРОВ. Историч. сведения о доме, где родился Пушкин. Изв. Моск. Гор. Думы, 1881, вып. X, стр. 63.

Современному москвичу Елохово и Немецкая улица кажутся местностью, весьма отдаленною от центра. Ему может теперь показаться, что

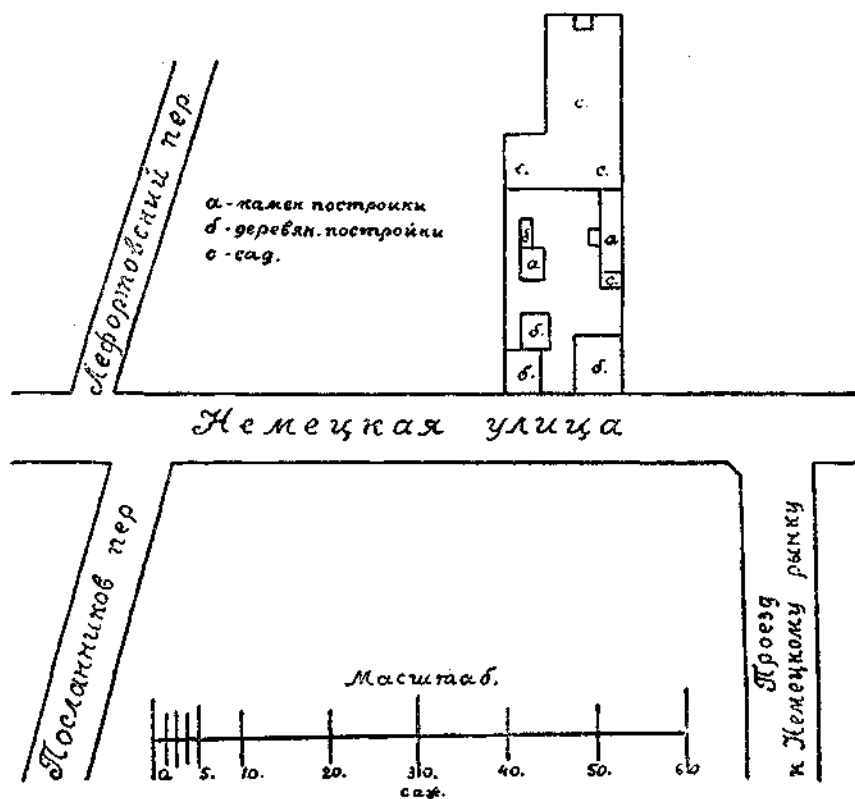

Рис. 1.

родители Пушкина были настолько бедны, что должны были, в видах экономии, остановиться в столь отдаленной части города. Между тем в то время эта местность, по чистоте и опрятности, составляла «шик» Москвы... В XVIII в. Немецкая слобода была долгое время для Москвы тем, чем с самого начала текущего столетия был для нее Кузнецкий Мост, когда немецкое влияние начало сменяться французским. Богатые вельможи и профессора университета любили также селиться в этой местности.

Н. П. БОЧАРОВ. Изв. Моск. Гор. Думы, 1880, вып. XXII, 52.

Родившись 26 мая, Пушкин, по общему обычаю, считался именинником в ближайший ко дню его рождения день того святого, именем которого он назван; 2 июня память Александра, архиепископа Константинопольского.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Русск. Арх.*, 1889, III, стр. 114.

* Юсупов сад (в Москве) связывается с анекдотом из жизни Пушкина, когда он был еще годовым ребенком. Няня его встретила на прогулке с государем Павлом Петровичем и не успела снять шапочку или картуз с дитяти. Государь подошел к няне, разбил за нерасторопность и сам снял картуз с ребенка, что и заставило говорить Пушкина впоследствии, что сношения его со двором начались еще при императоре Павле¹⁾.

П. В. АННЕНКОВ. *Пушкин, в алекс. эпоху*, 28.

По свидетельству сестры поэта, Пушкин был толстый, молчаливый и неповоротливый мальчик, которого нарочно заставляли гулять и бегать, и который лучше любил оставаться дома с бабушкой. Вот анекдот из первоначального его детства. Раз Надежда Осиповна (мать его) взяла его с собою гулять. Он не поспевал за нею, отстал и уселся отдыхать среди улицы; но, заметив, что из окошка на него смотрят и смеются, поднялся и сказал: «Ну, нечего скалить зубы!» — На седьмом году Пушкин сделался развязнее, и прежняя неповоротливость перешла даже в резвость и шаловливость.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Материалы для биогр. Пушкина. Моск. Ведом.*, 1854, № 71.

В самом младенчестве он показал большое уважение к писателям. Не имея шести лет, он уже понимал, что Николай Михайлович Карамзин — не то, что другие. Одним вечером Ник. Мих. был у меня, сидел долго, — во все время Александр, сидя против него, вслушивался в его разговоры и не спускал с него глаз. Ему был шестой год.

С. Л. ПУШКИН (отец поэта). *Биографическая заметка. Журнал «Огонек»*, 1927, № 7.

До семилетнего возраста Пушкин не предвещал ничего особенного; напротив, своею неповоротливостью, своею тучностью, робостью и отвращением к движению он приводил мать в отчаяние... Она не могла скрыть предпочтительной любви сперва к дочери, а потом к меньшому сыну... Надежда Осиповна заставляла его бегать и играть со сверстниками, с трудом побеждая и леность его и молчаливость... Когда настойчивые требования быть поживее превосходили меру терпения ребенка, он убежал к бабушке, Марии Алексеевне Ганнибал, залезал в ее корзину и долго смотрел на ее работу. В этом убежище уже никто не тревожил его. Мария Алексеевна была женщина замечательная, столько же по приключениям своей жизни, сколько по здравому смыслу и опытности. Она была первой наставницей Пушкина

1) «Пушкин родился в Москве и до 1811 г. его возили оттуда только в подмосковное с. Захарово, а император Павел со дня рождения Пушкина в Москве не был». П. А. Ефремов (*Соч. Пушкина, изд. Суворина*, т. V, 1903 г., стр. 553). Ефремов прав: не имеется сведений, чтобы Павел был в Москве после рождения Пушкина. Однако сам Пушкин писал своей жене 22 апр. 1834 г.: «Видел я трех царей; первый (Павел) велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку...» Высказывают предположение, что дело происходило в петербургском Юсуповом саду.

в русском языке. Барон Дельвиг еще в лицее приходил в восторг от ее письменного слога, от ее сильной, простой русской речи.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 10—11

Раз Ольга Сергеевна (*сестра Пушкина*) нашалила что-то, прогневала мамашу, та по щеке ее и треснула. А она обиделась, да как? Мамаша приказывается ей прощение просить, а она и не думает, не хочет. Ее в затрапезное платьице одели, за стол не сажают, на хлеб, на воду—и запретили братцу к ней даже подходить и говорить. А она, — повешусь, говорит, а прощения просить не стану! А Александр-то Сергеевич что же придумал: разьскал где-то гвоздик, д и вбивает в стенку. «Что это, спрашиваю, вы делаете, сударь?» «Да сестрица, говорит, повеситься собирается, так я ей гвоздик приготовить хочу». Да и засмеялся, — известно, понял, что она капризничает, да спраждает нас только. Уж какой удалой да вострый был.

Д... Воспоминания из детства А. С. Пушкина (со слов бывшей помощницы няни у Пушкиных, записано в 60-х гг.). *Всеобщая Газета*, 1869, № 60. Ср. там же, № 62. Письмо в ред. Ф. Б. Миллера.

Отец Пушкина, Сергей Львович, был человек от природы добрый, но вспыльчивый. При малейшей жалобе гувернеров или гувернанток он сердился, выходил из себя, но гнев его проистекал из врожденного отвращения ко всему, что нарушало его спокойствие, и скоро проходил. Вообще С. Л. не любил заниматься серьезными делами по дому, воспитанию и хозяйству, предоставив все это супруге своей Надежде Осиповне.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 6—8.

Никогда не выходя из себя, не возвышая голоса, Надежда Осиповна умела дуться по дням, месяцам, и даже годам. Так, рассердясь за что-то на Александра Сергеевича, которому в детстве доставалось от нее гораздо больше, чем другим детям, она играла с ним в молчанку круглый год, проживая под одною кровлею; оттого дети, предпочитая взбалмошные выходки и остротки Сергея Львовича ипре в молчанку Над. Осиповны, боялись ее несравненно более, чем отца.

Не могу не упомянуть кстати, со слов моей матери, о наказаниях, придуманных Над. Осиповной для Александра Сергеевича, чтоб отучить его в детстве от двух привычек: тереть свои ладони одна о другую и терять носовые платки; для искоренения первой из этих привычек она завязала ему руки назад на целый день, проморив голодом; для искоренения же второй—прибегала к следующему: «жалую тебя моим бессменным ад'ютантом», — сказала она Пушкину, подавая ему курточку. На курточке красовался пришитый, в виде аксельбанта, носовой платок. Аксельбанты менялись в неделю два раза; при аксельбантах она заставляла его и к гостям выходить. В итоге получился требуемый результат, — А. Сер—ч перестал и ладони тереть, и платки терять.

Л. Н. ПАВЛИЩЕВ со слов своей матери, сестры Пушкина. *Воспоминания*, 8—9.

Мария Алексеевна Ганнибал (*бабушка П-на*), продавши свою деревню Кобрину, переехала в Москву, где Сер. Львович и Надежда Осиповна жили у Харитония в Огородниках, в доме графа Самти, а потом в том-же приходе в доме кн. Фед. Серг. Одоевского, и нанимала дом подле них, но жила все

вместе с ними, а в квартире ее жили одни ее люди. Мар. Алексеевна в 1806 г. купила с-цо Захарово.

А. Я. ПУШКИН. *Москвитянин*, 1852, № 23. Исторические материалы, стр. 24.

У Пушкина был еще кроме Льва брат (*Николай*), который умер в малолетстве (1807 г.). Пушкин вспоминал, что он перед смертью показал ему язык. Они прежде ссорились, играли; и, когда малютка заболел, Пушкину стало его жаль, он подошел к кроватке с участием; больной братец, чтобы подразнить его, показал ему язык и вскоре затем умер.

П. В. НАЦОКИН по записи П. И. Бартенева, *Рассказы о Пушкине*, 36.

Смерть Николая. Ранняя любовь.

ПУШКИН. *Программа автобиографич. записок*.

Пушкины постоянно жили в Москве, но на лето уезжали в деревню Захарьино (*Захарово*), верстах в сорока от Москвы (*принадлежавшую бабушке Пушкина, Мар. Ал. Ганнибал*). Здесь Пушкин проводил первое свое детство, до 1811 года. Старый дом, где они жили, срыт; уцелел флигель. Местоположение хорошее... Особенно заметить следует, что деревня богатая; в ней раздавались русские песни, устраивались праздники, хороводы, и, стало быть, Пушкин имел возможность принять народные впечатления.

С. П. ШЕВЫРЕВ. Воспоминания о Пушкине. *Л. Майков*, 324.

На 38 версте от Москвы, по Смоленской дороге, есть поворот из села Вязем, направо, в селцо Захарово. Здесь провел первые годы своего детства Пушкин... По бокам дома были в то время флигеля, и в одном из них помещались дети с гувернанткой, братья А. С—ча и он. Впоследствии флигеля, по ветхости, сломаны, а дом остался почти в таком же виде, в каком был при Ганнибаловых... Мы осмотрели небольшую березовую рощицу, находящуюся неподалеку от дома, почти у самых ворот. Посредине ее стоял прежде стол, со скамьями кругом. Здесь, в хорошие летние дни, Ганнибаловы обедали и пили чай. Маленький Пушкин любил эту рощицу и даже, говорят, желал быть в ней похоронен. Он говорил об этом повару своей бабушки, к которому был особенно привязан, вероятно потому, что этот повар был человек словоохотливый и бойкий... Из рощицы мы пошли на берег пруда, где сохранилась еще огромная липа, около которой прежде была полукруглая скамейка. Говорят, что Пушкин часто сживал на этой скамье и любил тут играть. От липы очень хороший вид на пруд, которого другой берег покрыт темным еловым лесом. Прежде вокруг липы стояло несколько берез, которые, как говорят, были все истисаны стихами Пушкина: от этих берез остались только гнилые пни.

Н. Б. (Н. В. БЕРГ). Селцо Захарово. *Москвитянин*, 1851, № 9 и 10. Совр. изв., стр. 29—30.

Смирный был ребенок, тихий такой, что господи! Все с книжками бывало... Нешто с братцами когда поиграют, а то нет, с крестьянскими не бадовал... Тихие были, уважение были дети.

МАРЬЯ ФЕДОРОВНА, крестьянка с-ца Захарова, дочь Арины Родионовны, няни Пушкина. *Москвитянин*, 1851, № 9—10, стр. 31.

Вспоминая о своей деревенской жизни в Захарове, Пушкин рассказывал П. В. Нащокину следующий анекдот. В Захарове жила у них в доме одна дальняя родственница, молодая, помещенная девушка, помещавшаяся в особой комнате. Говорили и думали, что ее можно вылечить испугом. Раз ребенок Пушкин ушел в рощу, где любил гулять: расхаживал, воображал себя богатырем и палкою сбивал верхушки и головки растений. Возвращаясь домой, видит он на дворе свою сумасшедшую родственницу в белом платье, растрепанную, встревоженную. — «Братец, меня принимают за пожар!» — кричит она ему. Для испуга в ее комнату провели кишку пожарной трубы. Тотчас догадавшись, Пушкин начал уверять ее, что она напрасно так думает, что ее сочли не за пожар, а за цветок, что цветы также из трубы поливают.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Моск. Ведомости*, 1854, № 71, ср. *Рассказы о П-не*, 35.

В этом семействе перебивал легион иностранных гувернеров и гувернанток: Из них выбираю несносного, капризного самодура Русло да достойного его преемника Шеделя, в руках которых находилось обучение детей всем почти наукам. Из них Русло нанес оскорбление юному своему питомцу Александру Сергеевичу, расхохотавшись ему в глаза, когда ребенок написал стихотворную шутку «La Tolyade» в подражание «Генриаде». Изображая битву между карлами и карлицами, Пушкин прочел гувернеру начальное четырехстишие. Русло довел Пушкина до слез, осмеяв безжалостно всякое слово этого четырехстишия, и, имея сам претензию писать стихи не хуже Корнеля и Расина, рассудил, мало того, пожаловаться еще неумолимой Надежде Осиповне, обвиняя ребенка в лености и праздности. Разумеется, в глазах Надежды Осиповны дитя оказалось виноватым, а самодур правым, и она наказала сына, а самодура за педагогический талант прибавила жалования. Оскорбленный ребенок разорвал и бросил в печку стихи свои, а Русло возненавидел со всем пылом африканской своей крови. Преемник Русло, Шедель, свободные от занятий с детьми досуги проводил в передней, играя с дворней в дурачки, за что, в конце концов, и получил отставку. Не могу ставить на одну доску с этими чудаками воспитателя детей, французского эмигранта, графа Монфора, человека образованного, гуманного. — Гувернантки были сноснее гувернеров. Но из них большая часть по образованию и уму стояла ниже всякой критики. Они были женщины добрые, искренно любившие своих питомцев.

Л. Н. ПАВЛИЦЕВ, 14—16.

Первые неприятности—гувернантки.

ПУШКИН. *Программа автобиографич. записок*.

Нащокин сказал, что первые стихи Пушкин написал на французском языке еще будучи 8 лет. (*Приписка С. А. Соболевского: поэму La Tolyade*).

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рассказы о П-не*, 32.

Страсть к поэзии проявилась в нем с первыми понятиями: на восьмом году возраста, умея уже читать и писать, он сочинял на французском языке маленькие комедии и эпиграммы на своих учителей. Вообще воспитание его мало заключало в себе русского. Он слышал один французский язык; гувернер его был француз, впрочем человек неглупый и образованный; библиотека его отца состояла из одних французских сочинений. Ребенок проводил бессонные ночи и тайком в кабинете отца пожирал книги одну за другою. Пуш-

кин был одарен памятью невероятною и на одиннадцатом году уже знал наизусть всю французскую литературу.

Л. С. ПУШКИН (брат поэта). Биографическое известие об А. С. Пушкине. *Л. Майков, 4.*

Пушкин, забираясь в библиотеку отца, перечитывал французские комедии Мольера и под впечатлением такого чтения сам стал упражняться в писании подобных-же комедий, по-французски-же. Брат и сестра (*Ольга*) для представления этих комедий соорудили в детской сцену, при чем он был и автором пьес, и актером, а публику изображала она. В числе этих комедий была носившая название «Escamoteur (похититель)», сильно не понравившаяся Ольге Сергеевне; она, в качестве публики, освистала этого «Похитителя», что и послужило дяде поводом к следующему четверостишию:

Dis-moi, pourquoi l'Escamoteur
Est-il sifflé par le parterre?
Hélas! c'est que le pauvre auteur
L'escamota de Molière.

(Скажи мне, почему «Похититель» освистан партером? Увы! потому, что бедный автор похитил его у Мольера).

Л. Н. ПАВЛИЩЕВ (племянник Пушкина) со слов своей матери. *Л. Павлищев, 17.*

Известно, что первые пробы пера Пушкина были на французском языке, который, по общему в то время обычаю, господствовал в доме родителей его. Впоследствии Пушкин считал такого рода упражнения в чужом языке вредными для русской поэтической техники и советовал лицеисту одного из позднейших курсов (кн. А. В. Мещерокому), имевшему к ним слабость, не писать французских стихов.

Я. К. ГРОТ, 9.

В 1809 или 1810 г. Пушкины жили где-то за Разгуляем, у Елохова моста, нанимали там просторный и поместительный дом, чей именно, не могу сказать наверно, а думается мне, что Бутурлиных. Я туда ездила со своими старшими девочками на танцевальные уроки, которые они брали с Пушкиной девочкой; бывали тут и другие, кто,—не помню хорошенько. Пушкины жили весело и открыто, и всем домом заведывала больше старуха Ганнибал (*Мария Алексеевна, мать Надежды Осиповны, матери Пушкина*), очень умная, дельная и рассудительная женщина; она умела дом вести, как следует, и она также больше занималась и детьми: принимала к ним мамзелей и учителей и сама учила. Старший внук ее Саша был большой увалень и дикарь, кудрявый мальчик лет девяти или десяти, со смуглым личиком, не скажу, чтобы приглядным, но с очень живыми глазами, из которых искры так и сыпались. Иногда мы приедем, а он сидит в зале в углу, огорожен кругом стульями: что-нибудь некуролесил и за то оштрафован, а иногда и он с другими пустится в плясы, да так как ючень он был неловок, то над ним кто-нибудь посмеется, вот он весь покраснеет, губу надует, уйдет в свой угол и во весь вечер его со стула никто тогда не стащит: значит, его за живое задела, и он обиделся; сидит одинешенек. Не раз про него говаривала Марья Алексеевна: «Не знаю, матушка, что выйдет из моего старшего внука: мальчик умен и охотник до книжек, а учится плохо, редко когда урок свой сдаст порядком; то его не расшевелишь, не прогонишь играть с детьми, то вдруг так развернется и расходится, что его ничем и не уймешь; из одной крайности в другую

бросается, нет у него середины. Бог знает, чем все это кончится, ежели он не переменится». Бабушка, как видно, больше других его любила, но журила порядком: «ведь экой шалун ты какой, помяни ты мое слово, не сносить тебе своей головы». Не знаю, каков он был потом, но тогда глядел рохлей и замарашкой, и за это ему тоже доставалось... На нем всегда было что-то и неопрятно, и сидело нескладно.

Е. П. ЯНЬКОВА. *Рассказы бабушки, записанные*
Д. Благово. СПб. 1885. Стр. 459—460.

Дядька Пушкина, Никита Козлов, был, помнится, при нем в Москве, где шаловливый и острый ребенок уже набирался ранних впечатлений, резвясь и бегая на колокольню Ивана Великого и знакомясь со всеми закоулками и окрестностями златоголовой столицы.

Н. В. СУШКОВ. *Раут. Литературный сборник в пользу Александринского детского приюта*. М. 1851, стр. 8.

Учился Пушкин небрежно и лениво; но зато рано пристрастился к чтению, любил читать Плутарховы биографии, Илиаду и Одиссею, в переводе Битобе, и забирался в библиотеку отца, которая состояла преимущественно из французских классиков, так что впоследствии он был настоящим знатоком французской словесности и истории и усвоил себе тот прекрасный французский слог, которому в письмах его не могли надивиться природные французы.

О. С. ПАВЛИЩЕВА (сестра поэта) в передаче П. И. Бартенева. Род и детство Пушкина. *Отечеств. Записки*, 1853, ноябрь, II, стр. 18.

Очень рано Пушкин изучил языки французский и итальянский, которые отец его и дядя (*Вас. Львович*) знали прекрасно, так что писали стихи на этих языках.

КЕНИГ со слов Н. А. Мельгунова. *Очерки рус. литературы*. Пер. с нем. СПб. 1862. Стр. 101. Ср. А. Кирпичников, *Очерки по ист. рус. лит.* II т., изд. 2. М. 1903. Стр. 171.

Когда наняли англичанку (мисс Бели) для Ольги Сергеевны, Пушкин учился лю-английски, но плохо, а по-немецки и вовсе не учился. Была у них гувернантка немка, да и та почти никогда не говорила на своем родном языке. Вообще учение подвигалось медленно. Возлагая все свои надежды на память, молодой Пушкин повторял уроки за сестрой, когда ее спрашивали; ничего не знал, когда начинали экзамен с него; заливался слезами над четырьмя правилами арифметики, которую вообще плохо понимал. Особенно деление, говорят, стоило ему многих слез и трудов. Но с девятого года начала развиваться у него страсть к чтению, которая и не покидала его во всю жизнь.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 12.

* (1810—1811). Подле самого Яузского моста, т.-е., не переезжая его к Головинскому дворцу, почти на самой Яузе, в каком-то полукирпичном и полудеревянном доме жил С. Л. Пушкин, отец поэта... Молодой Пушкин, как в эти дни мне казалось, был скромный ребенок; он очень понимал себя; но никогда не вмешивался в дела больших и почти вечно сиживал как-то в уго-

лючке, а иногда ставал, прижавшись к тому стулу, на котором угораживался какой-нибудь добрый оратор или басенный эпиграмматист. И если у него вырывалось что-нибудь превыспренне-поэтическое, забавное для отрока, он не воздерживался от улыбки. Однажды, когда один поэт-моряк провозглашал торжественно свои стихи, и где как-то пришлось:

И этот чортик!
И этот кортик!

А. С. так громко захохотал, что Над. Ос. (мать его) сделала ему знак, — и он нас оставил.

В теплый майский вечер мы сидели в саду графа Бутурлина; молодой Пушкин тут же резвился, как дитя, с детьми. Известный граф П. утюмнул о даре стихотворства в А. С.—че. Графиня Бутурлина, чтоб как-нибудь не огорчить молодого поэта, может быть, нескромным словом о его политическом даре, обращалась с похвалою только к его полезным занятиям, но никак не хотела, чтоб он показывал нам свои стихи; зато множество живших у графини молодых девушек почти тут же окружили Пушкина со своими альбомами и просили, чтоб он написал для них что-нибудь. Певец-дитя смешался. Некто NN, желая поправить это замешательство, прочел детский *катрен* поэта, и прочел по-своему, как заметили тогда, по образцу высокой речи на о. А. С. успел только сказать: «ah, mon Dieu!» — и выбежал. Я нашел его в огромной библиотеке графа; он разглядывал затылки сафьянных фолиантов и был очень недоволен собою. Я подошел к нему и что-то сказал о книгах. Он отвечал мне: «поверите ли, этот г. NN так меня озадачил, что я не понимаю даже и книжных затылков». Вошел граф с детьми. Пушкин присоединился к ним, но очень скоро ушел домой...

В детских годах Пушкин был не из рослых детей и все с теми же африканскими чертами физиономии, с какими был и взрослым; но волосы его в малолетстве были так кудрявы и так изящно завиты африканскою природою, что однажды мне И. И. Дмитриев сказал: «посмотрите, ведь это настоящий арабчик». Дитя рассмеялось и, оборотясь к нам, проговорило очень скоро и смело: «по крайней мере, отличусь тем, и не буду рябчик»¹⁾.

М. Н. МАКАРОВ. А. С. Пушкин в детстве. Современник, 1843, т. XXIX, стр. 377—383.

Знавшие дела семьи единогласно свидетельствуют, что когда, в 1811 году, пришло время молодому Пушкину ехать в Петербург для поступления в лицей он покинул отеческий кров без малейшего сожаления, если исключим дружескую горесть по сестре, которую он всегда любил.

П. В. АНЧЕНКОВ. Пушкин в александров. эпоху, 27.

Летом 1811 г. дядя Василий Львович повез его в Петербург. Еще и теперь некоторые помнят, как он, вместе с 12-летним племянником, посещал московского приятеля своего, тогдашнего министра юстиции И. И. Дмитриева; раз, собираясь читать стихи свои, — вероятно, в роде «Опасного Соседа», — он велел племяннику выйти из комнаты; резвый, белокурый мальчишка, уходя, говорил со смехом: «Зачем вы меня прогоняете, я все знаю, я все уже слышал» (сообщено одним очевидцем).

П. И. БАРТЕНЕВ. Материалы для биографии Пушкина. Гл. II. Отд. отт. из №№ 71—118 *Московских Ведомостей*. 1854, стр. 9.

¹⁾ Ив. Ив. Дмитриев был ряб.

(В августе 1811 года, в Петербурге, на приемных экзаменах в царско-сельский лицей). Вошел чиновник с бумагой в руке и начал выкликать по фамилиям.—Я слышу: Александр Пушкин! Выступает живой мальчик, курчавый, быстроглазый, несколько сконфуженный... Не припомню, кто, только чуть ли не В. Л. Пушкин, привезший Александра, подозвал меня и познакомил с племянником. Я узнал от него, что он живет у дяди на Мойке, недалеко от нас. Мы положили часто видеться... При всякой возможности я отыскивал Пушкина, иногда с ним гулял в Летнем саду; эти свидания вошли в обычай, так что если несколько дней меня не видать, Василий Львович, бывало, мне пеняет. Часто, в его отсутствие, мы оставались с Анной Николаевной¹⁾. Она подчас нас, птенцов, приголубливала; случалось, что и прибранит, когда мы надоедим ей нашими ранновременными шутками. Именно замечательно, что она строго наблюдала, чтоб наши ласки не переходили границ, хотя и любила с нами побалагурить и пошалить, а про нас и говорить нечего: мы просто наслаждались непринужденностью и некоторою свободой в обращении с милою девушкой. С Пушкиным часто доходило до ссоры, иногда она требовала тут вмешательства и дяди. Из других товарищей видались мы иногда с Ломоносовым и Гурьевым. Все мы видели, что Пушкин нас опередил, многое прочел, о чем мы и не слыхали, все, что читал, помнил, но достоинство его состояло в том, что он отнюдь не думал выказываться и важничать, как это очень часто бывает в те годы (каждому из нас было 12 лет) с скороспелками... Все научное он считал ни во что и как-будто желал доказать, что мастер бегать, прыгать через стулья, бросать мячик и пр. Бывали столкновения очень неловкие... Случалось удивляться переходам в нем; видишь, бывало, его поглощенным не по летам в думы и чтения, и тут же он внезапно оставляет занятия, входит в какой-нибудь припадок бешенства за то, что другой, ни на что лучшее неспособный, перебежал его или одним ударом уронил все кегли. Я был свидетелем такой сцены на Крестовском острове, куда возил нас иногда на ялике гулять Василий Львович. Незаметным образом прошло время до октября. Нам велено было съезжаться в Царское Село.

И. И. ПУШИН. Записки. Л. Майков, 44—46.

---

¹⁾ Ворожейкина, сожительница Василия Львовича. Фамилию ее установил Л. А. Виноградов по исповедным книгам московских церквей.

III

В ЛИЦЕЕ

(Октябрь 1811 — июнь 1817)

Настало, наконец, 19 октября, день, назначенный для открытия лицея. Торжество началось молитвой. В придворной церкви служили обедню и молебен с водосвятием. Мы на хорах присутствовали при служении. После молебна духовенства со святою водой пошло в лицей, где окропило нас и все заведение. В лицейской зале, между колоннами, поставлен был большой стол, покрытый красным сукном с золотой бахромой. На этом столе лежала высочайшая грамота, дарованная лицеем. По правую сторону стола стояли мы в три ряда, при нас — директор, инспектор и гувернеры; по левую — профессора и другие чиновники лицейского управления. Остальное пространство залы, на некотором расстоянии от стола, было все уставлено рядами кресел для публики. Приглашены были все высшие сановники и педагоги из Петербурга. Когда все общество собралось, министр пригласил государя. Император Александр явился в сопровождении обеих императриц, вел. кн. Константина Павловича и вел. княжны Анны Павловны. Приветствовав все собрание, царская фамилия заняла кресла в первом ряду. Министр сел возле царя.

Среди общего молчания началось чтение. Первый вышел И. И. Мартынов, директор департамента министерства нар. просвещения. Дребезжащим, тонким голосом прочел манифест об учреждении лицея и высочайше дарованную ему грамоту. (Единственное учебное заведение того времени, которого устав гласил: «телесные наказания запрещаются»). Вслед за Мартыновым робко выдвинулся на сцену наш директор В. Ф. Малиновский, с свертком в руке. Бледный, как смерть, начал что-то читать; читал довольно долго, но вряд-ли многие могли его слышать, так голос его был слаб и прерывист. Заметно было, что сидевшие в задних рядах начали перешептываться и приклоняться к спинкам кресел. Кончивши речь свою, оратор поклонился и еле живой возвратился на свое место. Мы, школьники, больше всех были рады: гости сидели, а мы должны были стоя слушать его и ничего не слышать.

Смело, бодро выступил профессор политических наук А. П. Куницын и начал не читать, а говорить об обязанностях гражданина и воина. Публика, при появлении нового оратора, под влиянием предшествовавшего впечатления, видимо, пугалась и вооружалась терпением; но по мере того, как раздавался его чистый, звучный и внятный голос, все оживлялись и к концу его замечательной речи слушатели были уже не опрокинуты к спинкам кресел, а в наклоненном положении к говорившему: верный знак общего внимания и одобрения. В продолжение всей речи ни разу не было упомянуто о государе: это небывалое дело так поразило и понравилось императору Александру, что он тотчас прислал Куницыну Владимирский крест, — награда,

лестная для молодого человека, только что возвратившегося из-за границы, куда он был послан по окончании курса в Педагогическом институте. Куницын вполне оправдал внимание царя: он был один между нашими профессорами урод в этой семье.

Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада вожжена...

(Пушкин. «19 окт. 1825 г.»).

После речей, стали нас вызывать по списку; каждый, выходя перед стол, кланялся императору, который очень благосклонно вглядывался в нас и отвечал терпеливо на неловкие наши поклоны.

Когда кончилось представление виновников торжества, царь, как хозяин, отблагодарил всех, начиная с министра, и пригласил императрицу осмотреть новое его заведение. За царскою фамилиею двинулась и публика. Нас между тем повели в столовую к обеду, чего, признаюсь, мы давно ожидали. Осмотрев заведение, гости лица возвратились к нам в столовую и застали нас усердно трудящимися над супом с пирожками. Царь беседовал с министром. Императрица Мария Феодоровна (*мать царя*) попробовала кушанье. Подошла к Корнилову, оперлась сзади на его плечи, чтобы он не приподнимался, и спросила его: «*Карош суп?*» Он медвежонком отвечал: «*Oui, monsieur!*» Сконфузился ли он и не знал, кто его спрашивал, или дурной русский выговор, которым сделан был ему вопрос, — только все это вместе почему-то побудило его откликнуться на французском языке и в мужском роде. Императрица улыбнулась и пошла дальше, не делая уже больше любезных вопросов, а наш Корнилов тотчас-же попал на зубок; долго преследовала его кличка «*monsieur*». Императрица Елизавета Алексеевна (*жена царя*) тогда же нас, юных, пленила принужденною своею приветливостью ко всем. Константин Павлович щекотал и щипал сестру свою Анну Павловну; потом подвел ее к Гурьеву, своему крестнику, и, стиснувши ему двумя пальцами обе щеки, а третьим вздернувши нос, сказал ей: «Рекомендую тебе эту маску. Смотри, Костя, учись хорошенько!» Пока мы обедали, и цари удалились, и публика разошлась. У графа Разумовского был обед для сановников; а педагогию петербургскую и нашу лицейскую угощал директор в одной из классных зал. Все кончилось уже при лампах. Водворилась тишина. — Вечером нас угощали десертом *à discrétion* вместо казенного ужина. Кругом лица поставлены были плошки, а на балконе горел щит с вензелем императора. Сбросив парадную одежду, мы играли перед лицеем в снежки и тем заключили свой праздник. Тот год зима стала раню.

И. И. ПУЩИН. *Л. Майков*, 47—50.

При торжественном открытии лица находился А. И. Тургенев. Вычитывая воспитанников, между прочим, назвал он одного двенадцатилетнего мальчика, племянника Василия Львовича, маленького Пушкина, который, по словам его, всех удивлял остроумием и живостью.

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ. *Записки*, ч. III, 181.

Для лица был отведен огромный четырехэтажный флигель царскосельского дворца. В нижнем этаже помещалось хозяйственное управление и квартиры инспектора, гувернеров и некоторых других чиновников; во втором — столовая, больница с аптекой и конференц-зала с канцелярией; в третьем —

рекреационная зала, классы (два с кафедрами, один для занятия воспитанников после лекций), физический кабинет, комната для газет и журналов и библиотека, в арке, соединяющей лицей со дворцом через хоры придворной церкви; в верхнем — дортуары. Для них, на протяжении вдоль всего строения, во внутренних поперечных стенах прорублены были арки. Таким образом образовался коридор с лестницами на двух концах, в котором с обеих сторон перегородками отделены были комнаты; всего пятьдесят номеров. В каждой комнате — железная кровать, комод, конторка, зеркало, стул, стол для умывания, вместе и ночной. На конторке чернильница и подсвечник со щипцами. Во всех этажах и на лестницах было освещение ламповое; в двух средних этажах паркетные полы. В зале зеркала во всю стену, мебель штофная.

Прогулка три раза в день, во всякую погоду. Вечером в зале — мячик и беготня. Вставали мы по звонку в шесть часов. Одевались, шли на молитву в залу. Утреннюю и вечернюю молитву читали мы вслух по очереди. От 7 до 9 часов — класс; в 9 — чай; прогулка — до 10; от 10 до 12 — класс; от 12 до часу — прогулка; в час — обед; от 2 до 3 — или чистописание, или рисование; от 3 до 5 — класс; в 5 часов — чай; до 6 — прогулка; потом — повторение уроков или вспомогательный класс. По средам и субботам — танцованье или фехтованье. Каждую субботу баня. В половине 9 часа — звонок к ужину. После ужина до 10 часов — рекреация. В 10 — вечерняя молитва, сон. В коридоре на ночь ставились ночники во всех арках. Дежурный дядька мерными шагами ходил по коридору.

Белье переменялось на теле два раза, а столовое и на постели раз в неделю. — Обед состоял из трех блюд (по праздникам из четырех). За ужином подавалось два. Кушанье было хорошо, но это не мешало нам иногда бросать пирожки Золотареву в бакенбарды. При утреннем чае — крупичатая белая булка, за вечерним — полбулки. В столовой по понедельникам выставлялась программа кушаний на всю неделю. Тут совершалась мена порциями по вкусу. Сначала давали по полустакану портеру за обедом. Потом эта английская система была уничтожена. Мы ограничивались отечественным квасом и чистого водою. — При нас было несколько дядек: они заведывали чисткой платья, сапог и прибирали в комнатах. У дядьки Леонтия Кемерского, польского шляхтича, явился уголок, где можно было найти конфеты, выпить чашку кофе или шоколаду (даже рюмку ликеру, — разумеется, контрабандой). Он иногда, по заказу именинника, за общим столом вместо казенного чая ставил сюрпризом кофе или шоколад вечером, со столбушками сухарей.

И. И. ПУШИН. Записки. *Л. Майков*, 51—53.

Второй этаж служил классами для младшего курса, а третий для старшего.

И. Я. СЕЛЕЗНЕВ. *Историч. очерк имп. царско-сельск. лицея*. СПб, 1861, стр. 172.

Где именно жил Пушкин в лицее, где была его комната «№ 14» в лицейском общежитии, — установить в настоящее время невозможно: хотя известно, что комната эта была в четвертом этаже, с окном в лицейский сад, однако после перевода лицея в Петербург (в 1843 году) здание его было настолько перестроено, что найти эту комнату не представляется возможным. В настоящее время в бывшем здании лицея находятся квартиры чинов придворного ведомства; в четвертом этаже, где была комната Пушкина, теперь живет прислуга этих чинов.

И. Р. Дом Пушкина в Царском Селе. *Русские Ведом.*, 1910, № 232.

Вначале нам сделали прекрасные синие мундиры из тонкого сукна, и при них белые панталоны в обтяжку с ботфортами и треугольными шляпами, и сверх того для будней синие форменные сюртуки с красными воротниками. Но с 1812 г. все это стало постепенно отпадать. Сперва, вместо белых панталон с ботфортами, явились серые брюки; потом, вместо треугольных шляп — фуражки; наконец, вместо форменных синих сюртуков — серые статского покроя, чем особенно мы очень обижались, потому что такая же форма была тогда и для малолетних придворных певчих вне службы. Впоследствии хотя и восстановили синие форменные сюртуки, но все прочее осталось, а сверх того, казенное платье было так плохо и шилось на такие долгие сроки, что все, кому сколько-нибудь дозволяли средства, имели свое, прочие же и в дворцовую церковь являлись в заплатках.

Граф М. А. КОРФ. Записка. Я. Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники, 223.

Форма воспитанников состояла из сюртука двухбортного синего с красным воротником и по краям и обшлагам красною выпушкою; пуговицы на нем гладкие, позолоченные; синего суконного жилета и прямых длинных, также синего сукна, брюк, сюртук сменяется летом курткой; для парадных случаев служил мундир однобортный с красными обшлагами и таким же воротником, на котором находились золотые (для старшего возраста) или серебряные (для младшего) петлицы; жилет при этом был белый, тужейный; шинель серого сукна с красною петлицею на воротнике; фуражка синяя с красною на обеих сторонах опушкой и лакированным козырьком.

В одежде воспитанников, при первом обзаведении, между прочим, показаны: на каждого воспитанника две пуховых шляпы: трехугольная и круглая; на летнее время две куртки с панталонами из бланжевой фуфайки; ночные чепчики, бумажные колпаки, оленьи с варешками перчатки, полусапожки, башмаки, калоши.

И. Я. СЕЛЕЗНЕВ. Историч. очерк лицея 138—139. 175.

(В лицее Пушкин помещался в комнате № 14). Так и вижу №№ над дверьми и на левой стороне воротника шинели на квадратной тряпочке чернилами.

И. В. МАЛИНОВСКИЙ—С. Д. Комовскому, 19 ноября 1872 г. К. Я. Грот. Пушкинский лицей. СПб. 1911, стр. 89.

Через несколько дней после открытия, за вечерним чаем, входит директор и объявляет нам, что получил предписание министра, которым возбраняется выезжать из лицея, а что родным позволено посещать нас по праздникам. Это объявление категорическое, которое, вероятно, было уже предварительно постановлено, но только не оглашалось, сильно отуманило нас всех своею неожиданностью. Мы призадумались, молча посмотрели друг на друга, потом начались между нами толки и даже рассуждения о незаконности такой меры стеснения, не бывшей у нас в виду при поступлении в лицей. Разумеется, временное это волнение прошло, как проходит постепенно все, особенно в те годы.

И. И. ПУЩИН. Л. Майков, 51

Во все шесть лет нас не пускали из Царского Села даже в близкий Петербург, и изъятие было сделано для двух или трех только по случаю и во

время тяжелой болезни их родителей, да еще, уже для всех, за несколько дней до выпуска, чтобы снять каждому мерки для будущего своего платья. И в самом Царском Селе, в первые три или четыре года, нас не выпускали порознь даже из стен лицея, так что, когда приезжали родители или родственники, то их заставляли сидеть с нами в общей зале или, при прогулках, бегать по саду за нашими рядами.

Гр. М. А. КОРФ. *Я. Грот*, 246.

От покойного Матюшкина я слышал, что при поступлении в лицей Пушкин довольно плохо писал по-русски.

Я. К. ГРОТ, 46.

А. С. Пушкин, при поступлении в лицей, особенно отличался необыкновенною памятью и превосходным знанием французской словесности. Ему стоило прочесть раза два страницу какого-нибудь стихотворения, и он мог уже повторить оное наизусть без всякой ошибки.

С. Д. КОМОВСКИЙ со слов губернатора С. Г. Чирикова. *Я. Грот*, 218.

Вступив в лицей, А. Пушкин уже знал английский язык, как знают все дети, с которыми дома говорят на этом языке.

С. Л. ПУШКИН (отец поэта). Замечания на т. наз. биографию А. С. Пушкина, помещенную в «портретной и биографич. галлерее». *Отечеств. Записки*, 1841, т. XV, особ. прилож., стр. 2.

Пушкин начал влюбляться с одиннадцатилетнего возраста.

С. М. САЛТЫКОВА—А. Н. Семеново-Карелиной, 28 февр. 1825 г. (со слов гр. Е. М. Ивельч). *Б. Л. Модзалевский. «Пушкин». Труды Пушкинского Дома*, 1929. Стр. 151.

Будучи 12 лет от роду, Пушкин не только знал на память все лучшие творения французских поэтов, но даже сам писал довольно хорошие стихи на этом языке. Упражнения в словесности французской и российской были всегда любимейшие его занятия, в которых он наиболее успевал. Кроме того, он охотно занимался и науками историческими, но не любил политических и в особенности математику.

С. Д. КОМОВСКИЙ. *Записка. Я. Грот*, 219.

При самом начале он—наш поэт; как теперь вижу тот послеобеденный класс Кошанского, когда, кончивши лекцию несколько раньше урочного часа, профессор сказал: «Теперь, господа, будем пробовать перья: опишите мне, пожалуйста, розу стихами». Наши стихи вообще не клеились, а Пушкин мигом прочел два четырехстишья, которые всех нас восхитили. Кошанский взял рукопись к себе. Это было чуть ли не в 1811 году, и никак не позже первых месяцев 1812 г.

И. И. ПУЩИН. *Л. Майков*, 56

В моих стихотворческих занятиях я успел чрезвычайно, имея товарищем одного молодого человека (*Пушкина*), который, живши между лучшими

стихотворцами, приобрел много в поэзии знаний и вкуса, и, читая мои прежние стихи, вижу в них непростительные ошибки. Хотя у нас запрещено сочинять, но мы с ним пишем украдкою (25 марта 1812 г.).

Скажу тебе новость: нам позволили теперь сочинять (26 апр. 1812 г.).

А. Д. ИЛЛИЧЕВСКИЙ (лицеист)—П. Н. Фуссу.
Я. Грот, 56, 57.

(Из стихотворения Пушкина: «19 окт. 1836»:

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас...

Да, именно так. И после провода одной из ратей воспитанники до того одушевились патриотизмом, что, готовясь к французской лекции, побросали грамматику под лавки, под столы.

И. В. МАЛИНОВСКИЙ (лицейский товарищ Пушкина). *П-н и его совр-ки*, XXXVIII—XXXIX, 214.

Пушкин, привезя с собой из Москвы огромный запас любимой им тогда французской литературы, начал ребяческую охоту свою — писать одни французские стихи — переводить на чисто-русскую, очищенную им самим почву. Затем, едва познакомившись с юною своею музою, он стал поощрять и других товарищей своих писать: русские басни (Яковлева), русские эпиграммы (Илличевского), терпеливо выслушивал тяжеловесные гекзаметры барона Дельвига и снисходительно улыбался клопштокским стихам неуклюжего нашего Кюхельбекера. Сам-же поэт наш, удаляясь нередко в уединенные залы лицея или в тенистые аллеи сада, грозно насупя брови и надув губы, с искусанным от досады пером во рту, как бы усиленно боролся иногда с прихотливою кокеткою музою, а между тем мы все видели и слышали потом, как всегда легкий стих его вылетал подобно «пуху из уст Эола».

С. Д. КОМОВСКИЙ—Ф. П. Корнилову. Я. Грот, 221.

К 1812 году относится стихотворение «Измены»... Оно относится к приезжавшей в лицей графине Н. В. Кочубей, бывшей впоследствии, но уже гораздо позже, за гр. А. Г. Строгановым.

В. П. ГАЕВСКИЙ. Пушкин в лицее. *Современник*, 1863, № 7, 159.

Едва-ли не Нат. Викт. Кочубей (а не Бакунина) была *первым* предметом любви Пушкина.

Бар. М. А. КОРФ—В. П. Гаевскому, 30 мая 1863 г.
Пушкин и его сов-ки, VIII, 25.

Пушкин (Александр), 13 лет. Имеет более блистательные, нежели основательные дарования, более пылкой и тонкой, нежели глубокой ум. Прилежание его к учению посредственно, ибо трудолюбие не сделалось еще его добродетелью... Знания его вообще поверхностны, хотя начинает несколько привыкать к основательному размышлению. Самолюбие вместе с честолюбием, делающее его иногда застенчивым, чувствительность с сердцем, жаркие порывы вспыльчивости, легкомысленность и особенная словоохотность с

остроумием ему свойственны. Между тем приметно в нем и добродушие, познавая свои слабости, он охотно принимает советы с некоторым успехом. Его словоохотность и остроумие восприняли новый и лучший вид с счастливою переменою образа его мыслей, но в характере его вообще мало постоянства и твердости.

М. С. ПИЛЕЦКИЙ, надзиратель по учебной и нравственной части. Официальный отзыв. *К. Я. Грот. Пушкинский лицей*. СПб. 1911. Стр. 361.

(19 ноября 1812 г.). Пушкин—весьма понятен, замысловат и остроумен, но крайне не прилежен. Он способен только к таким предметам, которые требуют малого напряжения, а потому успехи его очень невелики, особливо по части логики.

А. П. КУНИЦЫН. Из «Ведомости об успехах воспитанников Лицея по части логики и нравственной философии». В. Гаевский, «Дельвиг». *Современник*, 1853, № 2, III, стр. 67.

Очень ленив, в классе не внимателен и не скромнен, способностей не плохих, имеет острогу, но, к сожалению, только для пустословия, успеваает весьма посредственно.

Я. И. КАРЦЕВ (преподаватель математики и физики)—(в ноябре 1812 г.). *Лицейский журнал*. IV. 1910—1911, стр. 22.

(6 — 30 ноября 1812 г.). Пушкин 6-го числа в суждении своем об уроках сказал: признаюсь, что я логики, право, не понимаю, да и многие даже лучшие меня оной не знают, потому что логические селогизмы весьма для него невняты. — 16 числа весьма оскорбительно шутил с Мясоедовым на шот 4 Департамента, зная, что его отец там служит, произнося какие-то стихи, коих мне повторить не хотел, при увещевании же сделал слабое признание, а раскаяния невидно было. — 18-го толкал Пушкина и Мясоедова, повторял им слова: что если они будут жаловаться, то сами останутся виноватыми, ибо я, говорит, вывертеться умею. — 20. В классе рисовальном называл г. Горчакова вольной польской дамой. — 21. За обедом вдруг начал громко говорить, что Волховский г. инспектора боится, и, видно, оттого, что боится потерять доброе свое имя, а мы, говорит, шалуны, его увещеваниям смеемся. После начал исчислять с присовокулившимися к сему г. Корсаковым сделанные г. инспектором родителям некоторых товарищей обиды, а после обеда и других к составлению клеветы на г. инспектора подстрекнул. Вообще г. Пушкин вел себя все следующие дни весьма смело и ветренно. — 23-го, когда я у г. Дельвига в классе г. профессора Гауэншильда отнимал бранное на г. инспектора сочинение, в то время г. Пушкин с непристойною вспыльчивостью говорит мне громко: «как вы смеете брать наши бумаги, — стало быть, и письма наши из ящика будете брать». Присутствие г. профессора, вероятно, удержало его от худшего еще поступка, ибо приметен был гнев его. — 30 числа к вечеру г. Кошанскому из'яснял какие-то дела с.-петербургских модных французских лавок, кои называются Маршанд дю Мод, я не слышал сам сего разговора, только пришел в то время, когда г. Кошанский сказал ему: я повыше вас, а, право, не вздумаю такого вздора, да и вряд ли кому оной придет в голову. Спрашивал я других воспитанников, но никто не мог мне его разговор повторить по скромности, как видно.

М. С. ПИЛЕЦКИЙ (лицейский надзиратель). И. А. Шлякин. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб. 1903. Стр. 328.

А. Пушкин. Легкомыслен, ветрен, неопрятен, нерадив, впрочем, добродушен, усерден, учтив, имеет особенную страсть к поэзии.

Г. С. ЧИРИКОВ, гуверьер лица. Аттестация 30 сент. 1818 г. И. А. Шляпкин, 334.

1813 — 1815.

А наш француз
Свой хвалит вкус
И матерщину порет.

(Француз — лицейское прозвище Пушкина).

ИЗ ЛИЦЕЙСКИХ «НАЦИОНАЛЬНЫХ ПЕСЕН».
К. Я. Грот, Пушкинский Лицей, 224.

По рассказам товарищей Пушкина, он, в первые два года лицейской жизни, написал роман в прозе: *Цыган* и вместе с М. Я. Яковлевым комедию: *Так водится на свете*, предназначавшуюся для домашнего театра. После этих опытов он начал комедию в стихах: *Философ*, о которой упоминает в своих записках; но, сочинив только два действия, охладел к своему труду и уничтожил написанное. В то-же время он сочинил, в подражание Баркову, поэму *Монах*, которую также уничтожил по совету одного из своих товарищей. Увлеченный успехом произведения дяди, В. Л. Пушкина, *Опасный Сосед*, племянник пустился в тот же род и кроме упомянутой поэмы написал *Тень Баркова*, балладу, известную по нескольким спискам. Последнюю он выдавал сначала за сочинение кн. П. А. Вяземского, но, увидев, что она пользуется большим успехом, признался, что написал ее сам... Все эти пять произведений, по отзывам товарищей поэта, сочинены в 1812, 1813 и не позже 1814 года, прежде упоминаемой в его записках восточной сказки: *Фатама или разум человеческий*.

В. П. ГАЕВСКИЙ. Пушкин в лицее. *Современник*, 1863, № 7, стр. 155.

Пользуясь своим влиянием на Пушкина, кн. Горчаков побудил его уничтожить одно произведение, «которое могло бы оставить пятно на его памяти». Пушкин написал было поэму «Монах». Кн. Горчаков взял ее на прочтение и сжег, объявив автору, что это недостойно его имени.

Кн. А. И. УРУСОВ со слов кн. А. М. Горчакова. *Рус. Арх.*, 1883, II, 206.

(1 янв. 1814 г.). При малом прилежании оказывает очень хорошие успехи, и сие должно приписать одним только прекрасным его дарованиям. В поведении резв; но менее противу прежнего.

И. К. КАЙДАНОВ. Из «Ведомости о дарованиях, прилежании и успехах воспитанников лицея по части географии, всеобщей и российской истории». В. Гаевский. «Дельвиг». *Современник*, 1853, № 2, стр. 67.

У одного из царскосельских жителей, графа В. В. Толстого, был домашний театр, на котором играла труппа, составленная из крепостных людей. Лицейсты посещали его спектакли, на которых, вместе с другими посетителями, засматривались на первую любовницу доморощенной труппы, Наталью,

которая, однакож, была плохой актрисой. К ней Пушкин написал в 1814 г. послание *К Наталье и К молодой актрисе*.

В. П. ГАЕВСКИЙ. Пушкин в лицее. *Современник*. 1863, № 7, стр. 139.

Ma taille à celle des plus longs,
Las! n'est point égalée;
J'ai le teint frais, les cheveux blonds
Et la tête bouclée.

(*Мой стан со станом высоких, увы, не может равняться: у меня свежий цвет лица, белокурые волосы и курчавая голова*).

ПУШКИН. *Mon portrait*, 1814.

В молодости Пушкина волосы его были почти светлорусы.

П. А. КОРСАКОВ (брат лицейского товарища Пушкина). В примечании к стих. «*Mon portrait*». *Маяк*, 1840, III, 24. Цит. по соч. П-на изд. Брокгауза-Ефрона, I, 160.

Брат Пушкина, Лев Сергеевич, по словам его племянника Л. Н. Павлицева, утверждал, что тут заключается неверность, и что его старший брат всегда был темноволосым; что будто бы однажды младший Пушкин указал брату на эту несообразность, и поэт отвечал, что употребил выражение «*cheveux blonds*» только ради рифмы с «*plus longs*». Л. Н. Павлицев в последнее время, по крайней мере, судя по его письму ко мне от 8 февр. 1899 г., утверждает, что «волосы А. С. Пушкина в детстве были белокурые».

Д. Н. АНУЧИН. *А. С. Пушкин, Антропологический эскиз*. Москва. 1899. Стр. 33.

Вопреки составившемуся как-то преданию, Пушкин в детстве никогда не был белокурым, а еще при поступлении в лицей имел темнорусые волосы.

Граф М. А. КОРФ. *Я. Грот*, 246.

Нельзя не вспомнить сцены, когда Пушкин читал нам своих «Пирующих студентов». Он был в лазарете и пригласил нас прослушать эту пьесу. После вечернего чая мы пошли к нему гурьбой с гувернером Чириковым. Началось чтение:

Друзья! Досужный час настал,
Все тихо, все в покое, и проч.

Внимание общее, тишина глубокая по временам только прерывается восклицаниями. Кюхельбекер просил не мешать, он был весь тут, в полном упоении. Доходит дело до последней строфы. Мы слышим:

Писатель! За свои грехи
Ты с виду всех трезвее:
Вильгельм, прочти свои стихи,
Чтоб мне заснуть скорее!

При этом возгласе публика забывает поэта, стихи его, бросается на бедного метромана, который, растаявшись под влиянием поэзии Пушкина, приходит в совершенное одурение от неожиданной эпиграммы и нашего ди-

кого натиска. Добрая душа был этот Кюхельбекер! Опомнившись, просит он Пушкина еще раз прочесть, потому что и тогда уже плохо слышал одним ухом, испорченным золотухой.

И. И. ПУЩИН. *Л. Майков*, 62.

Пушкин был свидетелем патриотического восторга при возвращении победителей, выразившегося в торжественных встречах, стихах и праздниках. На одном из таких торжеств, происходивших в Павловске 27 июля 1814 года, в числе зрителей были и лицеисты... Пушкина особенно занимали устроенные между дворцом и «розовым павильоном» триумфальные ворота, на которых, как будто в насмешку над их малым размером, были написаны два стиха Буниной:

Тебя, текуща ныне с бою,
Врата победы не вместят!

Пушкин по этому поводу набросал пером рисунок, изображавший замешательство, происходившее будто бы у «победных врат»: лица, составлявшие шествие, видят, приближаясь к воротам, что они действительно «не вместят» государя, который при этом еще пополнял в Париже, и некоторые из свиты бросаются рубить их. Остроумный рисунок, представлявший несколько портретов, скоро распространился и был подарен Пушкиным К. А. Карамзиной. Автора невинной шутки долго искали, — но, разумеется, не нашли.

В. П. ГАЕВСКИЙ. Пушкин в лицее. *Современник*, 1863, № 8, стр. 366—367.

Я, Малиновский и Пушкин затеяли выпить гогель-могелью. Я достал бутылку рому, добыли яиц, натолкли сахару, и началась работа у кипящего самовара. Разумеется, кроме нас, были и другие участники в этой вечерней пирушке, но они остались за кулисами по делу, а в сущности один из них, именно Тьрков, в котором чересчур подействовал ром, был гричиной, по которой дежурный гувернер заметил какое-то необыкновенное оживление, шумливость, беготню. Сказал инспектору. Тот, после ужина, всмотрелся в молодую свою команду и увидел что-то взвинченное. Тут же начались спросы, розыски. Мы трое явились и объявили, что это наше дело, и что мы одни виноваты.

И. И. ПУЩИН. *Л. Майков*, 57.

5 сентября (1814 г.) воспитанники Малиновский, Пушин и Пушкин уговорили одного из служителей принести им в их камеры: горячей воды, мелкого сахару, сырых яиц и рому; и когда было все оное принесено, то отлучились без позволения дежурных гувернеров из залы в свои камеры, где из резвости и детского любопытства составляли напиток под названием: гогель могель, который уже начинали пробовать. Как в самое то же время узнали, что я возвратился и пришел в зал, где и они уже находились; но я, немедленно узнав об их поступке, исследовал подробно и, найдя их виновными, наказал в течение двух дней во время молитв стоянием на коленях.

С. С. ФРОЛОВ, надзиратель лицея. Рапорт конференции лицея. *И. Шляпкина*, 336.

(Об этом проступке Малиновского, Пушина и Пушкина) исправлявший тогда должность директора проф. Гауеншильд донес министру. Граф Разу-

мовский приехал из Петербурга, вызвал нас из класса и сделал нам формальный строгий выговор. Этим дело не кончилось, — дело поступило на решение конференции. Конференция постановила следующее: 1) две недели стоять на коленях во время утренней и вечерней молитвы; 2) сместить нас на последние места за столом, где мы сидели по поведению, и 3) занести фамилии наши, с прописанием виновности и приговора, в черную книгу, которая должна была иметь влияние при выпуске. Первый пункт приговора был выполнен буквально. Второй смягчился по усмотрению начальства: нас, по истечении некоторого времени, постепенно подвигали опять вверх. При этом Пушкин сказал:

Блажен муж, иже
Сидит к каше ближе.

На этом конце раздавалось кушанье дежурным гувернером. Третий пункт, самый важный, остался без всяких последствий. Когда, при рассуждениях конференции о выпуске, представлена была директору Энгельгардту черная эта книга, где мы трое только и были записаны, он ужаснулся и стал доказывать своим сочленам, что мудрено допустить, чтоб давнишняя шалость, за которую тогда же было взыскано, могла бы еще иметь влияние и на всю будущность молодых людей после выпуска. Все тотчас согласилось с его мнением, и дело было сдано в архив.

И. И. ПУЩИН. *Л. Майков*, 57.

Благодаря бога, у нас, по крайней мере, царствует с одной стороны свобода. Нет скучного заведения сидеть à ses places; в классах бываем недолго: семь часов в день; больших уроков не имеем; летом досуг проводим на прогулке, зимою в чтении книг, иногда представляем театр, с начальниками обходимся без страха, шутим с ними, смеемся.

А. Д. ИЛЛИЧЕВСКИЙ—П. Н. Фуссу, 2 ноября
1814 г. *Я. Грот*, 59

Пушкин, с самого начала, был раздражительнее многих и поэтому не возбуждал общей симпатии: это удел эксцентрического существа среди людей. Не то, чтоб он разыгрывал какую-нибудь роль между нами или поражал какими-нибудь особенными странностями; но иногда неуместными шутками, неловкими колкостями сам ставил себя в затруднительное положение, не умея потом из него выйти. Это вело его к новым промахам, которые никогда не ускользают в школьных сношениях. Я, как сосед (с другой стороны его номера была глухая стена), часто, когда все уже засыпало, толковал с ним вполголоса через перегородку о каком-нибудь вздорном случае того дня; тут я видел ясно, что он по шекотливости всякому вздору приписывал какую-то важность, и это его волновало. Вместе мы, как умели, сглаживали некоторые шероховатости, хотя не всегда это удавалось. В нем была смесь излишней смелости с застенчивостью, и то, и другое невпопад, что тем самым ему вредило. Бывало, вместе промахнемся, сам вывернешься, а он никак не сумеет этого уладить. Главное, ему недоставало того, что называется тактом, это — капитал, необходимый в товарищеском быту, где мудрено, почти невозможно, при совершенно бесцеремонном обращении, уберечься от некоторых неприятных столкновений вседневной жизни. Все это вместе было причиной, что вообще не вдруг отозвались ему на его привязанность к лицейскому кружку, которая с первой поры зародилась в нем, не проявляясь, впрочем, свойственною ей иногда пошлостью. Чтобы полюбить его настоящим образом, нужно было взглянуть на него с тем полным благорасположением, которое знает и

видит все неровности характера и другие недостатки, мирится с ними и кончает тем, что полюбит даже и их в друге-товарище.

И. И. ПУЩИН. *Л. Майков*, 54.

Нравственные страдания, как и пылкие страсти посетили Пушкина очень рано. Он проводил ночи в разговорах, через стенку, с другом своим, оставившим нам эти сведения. Содержание этих поздних бесед, преимущественно, состояло из жалоб Пушкина на себя и других, скорбных признаний, раскаянья и, наконец, из обсуждения планов, как поправить свое положение между товарищами или избежать следствий ложного шага или необдуманного поступка. Этот поверенный сообщал нам также и о горьких слезах, часто орошавших, в тишине бессонной ночи, подушку молодого человека из № 14. Дело в том, что Пушкин, по словам его, наделен был от природы весьма восприимчивым и впечатлительным сердцем, на зло и наперекор которому шел весь образ его действий, — заносчивый, резкий, напрашивающийся на вражду и оскорбления. А между тем способность к быстрому ответу, немедленному отражению удара или принятию наиболее выгодного положения в борьбе часто ему изменяла. Известно, какой огромной долей злого остроумия, желчного и ядовитого юмора обладал Пушкин, когда, сосредоточась в себе, вступал в обдуманную битву с своими литературными и другими врагами, но быстрая находчивость и дар мгновенного выражения никогда не составляли отличительного его качества. Пушкин не всегда оставался победителем в столкновениях с товарищами, им же и порожденных, и тогда, с растерзанным сердцем, с оскорбленным самолюбием, сознанием собственной вины и с негодованием на ближних, возвращался он в свою комнату и, перебирая все жгучие впечатления дня, выстрадывал вторично все его страдания до капли.

П. В. АННЕНКОВ. *Пушкин в алекс. эпоху*, 53.

Не только в часы отдыха от учения в рекреационной зале, на прогулках, но нередко в классах и даже в церкви приходили в голову разные поэтические вымыслы, и тогда лицо его то хмурилось необыкновенно, то прояснялось от улыбки, смотря по роду дум его занимавших ¹⁾). Набрасывая же мысли свои на бумагу, он удалялся всегда в самый уединенный угол комнаты ²⁾, от нетерпения грыз обыкновенно перо и, насутив брови, надувши губы, с огненным взором читал про себя написанное. Кроме любимых разговоров своих о литературе и авторах с теми товарищами, кои тоже писали стихи, как то с бароном Дельвигом, Илличевским, Яковлевым и Кюхельбекером (над неудачною страстью коего к поэзии он любил часто подшучивать), Пушкин был вообще не очень общителен с прочими своими товарищами и на вопросы их отвечал обыкновенно лаконически.

Из профессоров и гувернеров лицея никто в особенности Пушкина не любил и не отличал от других воспитанников; но все боялись его сатир, эпиграмм и острых слов ³⁾, с удовольствием слушая их насчет других. Так напр., профессор математики Карцов от души смеялся его политическим шуткам над лицейским доктором Пешелем, который в свою очередь охотно слушал его насмешки над Карцевым. Один только профессор российской и

¹⁾ Лицо Пушкина, и ходя по комнате, и сидя на лавке, часто то хмурилось, то прояснялось от улыбки. *Примечание другого лицейского товарища Пушкина, М. Л. Яковлева.*

²⁾ Не правда. Писал он везде, где мог, а всего более в математическом классе. *Примеч. М. Л. Яковлева.*

³⁾ Не помню и не знаю, кто боялся сатир Пушкина; разве один Пешель, но и этот только трусил. Острот Пушкин не говорил. *Примечание М. Л. Яковлева.*

латинской словесности Кошанский, предвидя необыкновенный успех поэтического таланта Пушкина, старался все достоинство одного приписывать отчасти себе и для того употреблял все средства, чтобы как можно более познакомиться с теорией отечественного языка и с классическою словесностью древних¹⁾, но к последней не успел возбудить в нем такой страсти, как в Дельвиге. Сам Пушкин, увлекаясь свободным полетом своего гения, не любил подчиняться классному порядку и никогда ничего не искал в своих начальниках.

С. Д. КОМОВСКИЙ (лицейский товарищ Пушкина). Записка. Я. Грот, 219.

Галич был моим профессором и ободрял меня на поприще мною избранном. Он заставил меня написать для экзамена 1814-го года мои «Воспоминания о Царском Селе».

ПУШКИН. *Дневник*, 17 марта 1834 г.

«Воспоминания в Царском Селе» прочитаны на публичном экзамене 8 января 1815 г., но предварительно рассматривались начальством, были представлены графу Разумовскому (*министру нар. просв.*) и были прочтены при нем на репетиции, происходившей за несколько дней до экзамена, который начался 4 января.

В. П. ГАЕВСКИЙ. Пушкин в лицее. *Современник*. 1863, № 8, стр. 363.

Это было в 1815 году, на публичном экзамене в Лицее. Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались... Державин был очень стар. Он был в мундире и в плисовых сапогах. Экзамен наш очень его утомил; лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвисли. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен русской словесности. Тут он оживился: глаза заблестали, он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостию необыкновенной. Наконец, вызвали меня. Я прочел мои «Воспоминания в Царском Селе», стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояние души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилось с упоительным восторгом... Не помню, как я кончил свое чтение; не помню, куда убежал. Державин был в восхищении: он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли.

ПУШКИН. О Державине.

Державин, выслушав это произведение, в котором чувствовалось ему что-то родственное, растроганный сказал: «я не умер» и хотел обнять своего преемника.

В. П. ГАЕВСКИЙ. *Современник*, 1863, № 8, 370.

Державин, прочтя первые стихи Пушкина, понял будущего поэта и сказал С. Т. А-ву (Аксакову): «вот кто заменит Державина».

Ф. Н. ГЛИНКА. *Воспоминание о пиитической жизни Пушкина*. М. 1837, стр. 13.

¹⁾ Так, но вместе с тем Кошанский — особенно в первое время — всячески старался отворотить и удерживать Пушкина от писания стихов, частью, может быть, возбуждаемый к тому ревностью или завистью: ибо сам писал и печатал стихи, в которых боялся соперничества возникающего нового гения. *Примеч. бар. М. А. Корфа.*—Русским языком Пушкин занимался не потому, чтобы кто-нибудь из учителей побуждал его к тому, а по страсти, по влечению собственному. Пушкина талант начал развиваться в то время, когда Кошанский по болезни был устранен и три (? Я. Грот) года в лицее не был. *Примеч. М. Л. Яковлева.*

Сергей Львович
П У Ш К И Н

Карандашный рисунок
Севт-Обена. 1807 г.

ИНЛИ.

Надежда Осиповна
ПУШКИНА

Граф Ксавье-де-Местр.
Миниатюра на слоновой кости.

ИНЛИ.

Читал Пушкин с необыкновенным оживлением. Слушая знакомые стихи, мороз по коже пробегал у меня. Когда же патриарх наших певцов в восторге, со слезами на глазах, бросился целовать поэта и осенил кудрявую его голову, мы все, под каким-то неведомым влиянием, благоговейно молчали. Хотели сами обнять нашего певца, его уже не было: он убежал.

И. И. ПУЩИН. *Л. Майков*, 61.

За обедом, на который я был приглашен графом А. К. Разумовским, бывшим тогда министром народного просвещения, граф, отдавая справедливость молодому таланту, сказал мне:—«Я бы желал однако-же образовывать сына вашего в прозе». — «Оставьте его поэтом», — отвечал ему за меня Державин с жаром, вдохновенный духом пророчества.

С. Л. ПУШКИН (отец поэта). *Отеч. Записки*, 1841, т. XV, особ. прил. 3.

О ласке Державина к Пушкину не было особенно говорено тогда.

П. В. НАШОКИН по записи П. И. Бартенева. *Рассказы о П-не*, 26.

Пушкин даже во сне видел стихи и сам рассказывал, что ему приснилось раз двоестипие:

Пускай Глицерия, красавица младая,
Равно всем общая, как чаша круговая,—

к которому он приделал потом целое стихотворение — *Лицинию*.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 35. То же самое со слов П. А. Плетнева сообщает П. И. Бартенев,— отд. отт. из №№ 71—118 *Моск. Вedom.* за 1854 г., стр. 34.

Все профессора смотрели с благоговением на растущий талант Пушкина. В математическом классе раз вызвал его Карцов к доске и задал алгебраическую задачу. Пушкин долго переминался с ноги на ногу и все писал молча какие-то формулы. Карцов спросил его наконец: — «Что ж вышло? Чему равняется *икс*?» Пушкин, улыбаясь, ответил: «Нулю!» «Хорошо! У вас, Пушкин, в моем классе все кончается нулем. Садитесь на свое место и пишите стихи». Пушкин охотнее всех других классов занимался в классе Куницына, и то совершенно по-своему: уроков никогда не повторял, мало что записывал, а чтоб переписывать тетради профессоров (печатных руководств тогда еще не существовало), — у него и в обычае не было: все делалось *à livre ouvert*.

И. И. ПУЩИН. *Л. Майков*, 60.

По словам Комовского, товарищи-лицейсты не любили кн. Горчакова за его крайне неприятный характер, мелочный, злопамятный, чванливый и заносчивый до последних пределов. В душе он всегда завидовал Пушкину за его гений и то и дело хвастался перед ним своей красотой (кн. Горчаков был, действительно, классически-красив) и знатностью рода. Пушкин, с своей стороны, относился к Горчакову с тем же свойственным ему добродушием, как и ко всем прочим своим товарищам. Он даже посвятил ему стихи, которые сначала князю не понравились, так как были слишком игривы. Однако потом, когда Пушкин вошел в славу, князь стал хвалиться

своею близостью с ним и охотно цитировал это самое шутливое послание, посвященное ему Пушкиным.

С. У. «Мозаика». *Историч. Вестн.*, 1915, авг., стр. 482.

Сидели мы с Пушкиным однажды вечером в библиотеке у открытого окна. Народ выходил из церкви от всенощной; в толпе я заметил старушку, которая о чем-то горячо с жестами рассуждала с молодой девушкой, очень хорошенькою. Среди болтовни я говорю Пушкину, что любопытно бы знать, о чем так горячатся они, о чем так спорят, идя от молитвы? Он почти не обратил внимания на мои слова, всмотрелся однако в указанную мною чету и на другой день встретил меня стихами:

От всенощной вечер идя домой,
Антипьевна с Марфушкою бранилась;
Антипьевна отменно горячилась.
«Постой, — кричит, — управлюсь я с тобой!
Ты думаешь, что я забыла
Ту ночь, когда, забравшись в уголок,
Ты с крестником Ванюшею шалила?
Постой, о всем узнает муженек!» —
«Тебе ль грозить! — Марфушка отвечает: —
Ванюша — что? Ведь он еще дитя;
А сват Трофим, который у тебя
И день, и ночь? Весь город это знает.
Молчи ж, кума: и ты, как я, грешна;
Словами ж всякого, пожалуй, разобидишь;
В чужой . . . . соломенку ты видишь,
А у себя не видишь и бревна».

«Вот что ты заставил меня написать, любезный друг», — сказал он, видя, что я несколько призадумался, выслушав его стихи, в которых поразило меня окончание. В эту минуту подошел к нам Кайданов (*преподаватель истории*), — мы собирались в его класс. Пушкин и ему прочел свой рассказ. Кайданов взял его за ухо и тихонько сказал: — «Не советуя вам, Пушкин, заниматься такой поэзией, особенно кому-нибудь сообщать ее. И вы, Пущин, не давайте воли язычку», — прибавил он, обратясь ко мне. Хорошо, что на этот раз подвернулся нам добрый Иван Кузьмич, а не друтой кто-нибудь.

И. И. ПУЩИН. *Л. Майков*, 60.

Наше Царское Село в летние дни есть Петербург в миниатюре. У нас есть вечерние гуляния, в саду музыка и песни, иногда театры. Всем этим обязаны мы графу Толстому, богатому и любящему удовольствия человеку. По знакомству с хозяином и мы имеем вход в его спектакли; ты можешь понять, что это наше первое и почти единственное удовольствие. Но осень на нас не на шутку косо поглядывает... Всё запрется в дому, раз'едется в столицу или куда хочет; а мы, постоянные жители Села, живи с нею. Чем убить такое скучное время? Вот тут-то поневоле призовешь к себе науки.

А. Д. ИЛЛИЧЕВСКИЙ — П. Н. Фуссу 2 сент., 1815 г. *Я. Грот*, 63.

Пушкин был до того женулюбив, что, будучи еще 15 или 16 лет, от одного прикосновения к руке танцующей, во время лицейских балов, взор его пылал, и он пыхтел, сопел, как ретивый конь среди молодого табуна.

С. Д. КОМОВСКИЙ, *Я. Грот*, 220.

Вашему Превосходительству угодно было, чтобы я написал пиэсу на приезд Государя Императора; исполняю ваше повеленье. Ежели чувства любви и благодарности к великому Монарху нашему, начертанные мною, будут несомнеи недостойны высокого предмета моего, сколь щастлив буду я, ежели его Сиятельство Граф Алексей Кириллович Разумовский благоволит поднести Его Величеству слабое произведенье неопытного стихотворца.

ПУШКИН—И. И. Мартынову (директору департамента Мин. Нар. Прос.), 28 ноября 1815 г.

29 ноября 1815 г. Я щастлив был!.. нет, я вчера не был щастлив, поутру я мучился ожиданьем, с неописанным волнением стоя под окошком смотрел на снежную дорогу, ее невидно было! Наконец я потерял надежду, вдруг нечаянно встречаюсь с нею на лестнице, сладкая минута!

Он пел любовь, но был печален глас,
Увы, он знал любви одну лишь муку!

Как она мила была! Как черное платье пристало к милой Бакуниной! Но я не видел ее 18 часов ах! Какое положение, какая мука! Но я был щастлив 5 минут!

ПУШКИН. Отрывки из лицейских записок.

Первую платоническую, истинно поэтическую любовь возбудила в Пушкине сестра одного из лицейских товарищей его, фрейлина Катерина Павловна Бакунина. Она часто навещала брата своего и всегда приезжала на лицейские балы. Прелестное лицо ее, дивный стан и очаровательное обращение произвели всеобщий восторг во всей лицейской молодежи. Пушкин с чувством пламенного юноши описал ее прелести в стихотворении своем *К живописцу*, которое очень удачно положено было на ноты лицейским же товарищем его Яковлевым и постоянно пето до самого выхода из заведения.

С. Д. КОМОВСКИЙ. Записка о Пушкине. Я. Грот, 220.

Пушкин пишет теперь комедию в 5 действиях, в стихах, под названием: *Философ*. План довольно удачен и начало, т.-е. 1-е действие, до сих пор только написанное, обещает нечто хорошее; стихи—и говорить нечего—а острых слов сколько хочешь! Дай только бог ему терпения и постоянства, что редко бывает в молодых писателях... Дай бог ему кончить—это первый большой *ouvrage*, начатый им, *ouvrage*, которым он хочет открыть свое поприще по выходе из лицея. Дай бог ему успеха—лучи славы его будут отвечиваться и в его товарищах.

А. Д. ИЛЛИЧЕВСКИЙ — П. Н. Фуссу, 16 янв. 1816 г. Я. Грот, 67.

В самом начале своего директорства (март 1816 г.) Энгельгардт, сознавая нелепость совершенного раз'единения учащейся молодежи с действительною жизнью, разрешил отпуски из лицея в пределах Царского Села, и, по примеру директора, несколько семейных домов открылись для лицейств, именно: дома Вельо, Севериной и барона Теппера де Фергюсона, находившихся в родственных между собою отношениях и постоянно живших в Царском Селе. Теппер был большой оригинал, но человек образованный, и лицеисты часто заходили в его домик. У Теппера каждый вечер собиравались по несколько человек, пили чай, болтали, занимались музыкой и пен'ем.

У него же, по воскресеньям, происходили литературные беседы, задавались темы, на которые готовилось к следующему воскресенью несколько сочинений, и таким образом совершались литературные состязания, на которых Пушкин первенствовал.

В. П. ГАЕВСКИЙ. *Современник*, 1863, № 8, 385.

С назначением Энгельгардта в директоры школьный наш быт принял иной характер. При нем по вечерам устроились чтения в зале (Энгельгардт отлично читал). В доме его мы знакомились с обычаями света, находили приятное женское общество. Летом в вакантный месяц директор делал с нами дальние, иногда двухдневные прогулки по окрестностям; зимой для развлечения ездили на нескольких тройках за город завтракать или пить чай в праздничные дни, в саду, на пруде катались с гор и на коньках. Во всех этих увеселениях участвовало его семейство и близкие ему дамы и девицы, иногда и приезжавшие родные наши.

И. И. ПУЩИН. *Л. Майков*, 64.

Мы надеемся, что Карамзин посетит наш лицей; и надежда наша основана не на пустом: он знает Пушкина и им весьма много интересуется.

А. Д. ИЛЛИЧЕВСКИЙ—П. Н. Фуссу, 20 марта 1816 г. *Я. Грот*, 69.

В семействе Энгельгардта, состоявшем из жены и пятерых детей, жила овдовевшая незадолго перед тем Мария Смит, урожденная Шарон-Лароз. Весьма милостивая, любезная и остроумная, она умела оживлять и соединять собиравшееся у Энгельгардта общество. Пушкин, который немедленно начал ухаживать за нею, написал к ней довольно нескромное послание *К молодой вдове*. Но вдова, не успевшая забыть мужа и готовившаяся быть матерью, обиделась, показала стихотворение своего вздыхателя Энгельгардту, и это обстоятельство было главною причиною неприязненных отношений между ними, продолжавшихся до конца курса. К г-же Смит написаны еще Пушкиным *Слово милой* («Я Лилу слушал у клавира») и «Лила, Лила, я страдаю».

В. П. ГАЕВСКИЙ. *Современник*, 1863, № 8, 378.

В неделю раз в доме директора лицея Е. А. Энгельгардта бывали вечерние собрания, на которые, кроме своих родных и знакомых, он приглашал и воспитанников... Помимо доставления лицеистам нравственного развлечения, Энгельгардт, приглашая их на свои вечера, имел в виду приучение молодых людей к хорошему обществу и обхождению в кругу благовоспитанных дам и девиц. Дельвит и Кюхельбекер были частыми посетителями вечеров; Пушкин очень редким; наконец, года за два до выпуска, он и вовсе прекратил свои посещения. Это огорчало Егора Антоновича. Как-то во время рекреаций, когда Пушкин сидел у своего пюльта, Энгельгардт подошел к нему и ласково спросил: за что он сердится? Юноша смутился и отвечал, что сердиться на директора не смеет, не имеет к тому причин и т. д. — «Так вы не любите меня?» — продолжал Энгельгардт, усаживаясь подле Пушкина и тут же, глубоко прочувствованным голосом, без всяких упреков, высказал ему всю странность его отчуждения от общества. Пушкин слушал со вниманием, хмуря брови, меняясь в лице; наконец заплакал и кинулся на шею Энгельгардту. — «Я виноват в том, — сказал он, — что до сих пор не понимал и не умел ценить вас!» Добрый Энгельгардт сам расплакался и, как юноша, радовался раскаянию Пушкина, его отречению от напускной мизантропии. Они

расстались, довольные друг другом. Минут через десять Егор Антонович вернулся к Пушкину, желая что-то сказать; но лишь только вошел, Пушкин послешно спрятал какую-то бумагу под доску и заметно смешался. — «Вероятно, стишки? — шутливо спросил Энгельгардт. — Покажите, если не секрет». Пушкин переминался, прикрывая доску рукою. — «От друга таиться не следует», — продолжал Энгельгардт, тихонько подымая доску пульта и доставая из него лист бумаги: на этом листе был нарисован его портрет в каррикатуре, и было набросано несколько строк очень злой эпиграммы, почти пасквиля. Спокойно отдавая Пушкину эту злую шалость его музы, Егор Антонович сказал: — «Теперь понимаю, почему вы не желаете бывать у меня в доме. Не знаю только, чем мог я заслужить ваше нерасположение».

Со слов К. А. ШТОРХА, лицеиста одного из первых выпусков. *Рус. Стар.*, 1879, т. 275, стр. 378—379.

Для меня осталось неразрешенною загадкой, почему все внимания директора Энгельгардта и его жены отвергались Пушкиным; он никак не хотел видеть его в настоящем свете, избегая всякого сближения с ним. Эта несправедливость Пушкина к Энгельгардту, которого я душой полюбил, сильно меня волновала. Тут крылось что-нибудь, чего он никак не хотел мне сказать.

И. И. ПУЩИН. *Л. Майков*, 64.

(22 марта 1816 г.). Высшая и конечная цель Пушкина — блеснуть, и именно поэзией; но едва ли найдет она у него прочное основание, потому что он боится всякого серьезного учения, и его ум, не имея ни проницательности, ни глубины, совершенно поверхностный, французский ум. Это еще самое лучшее, что можно сказать о Пушкине. Его сердце холодно и пусто; в нем нет ни любви, ни религии; может быть, оно так пусто, как никогда еще не бывало юношеское сердце. Нежные и юношеские чувствования унижены в нем воображением, оскверненным всеми эротическими произведениями французской литературы, которые он при поступлении в лицей знал почти наизусть, как достойное приобретение первоначального воспитания.

Е. А. ЭНГЕЛЬГАРДТ (директор лицея), официальный отзыв. В. Гаевский. *Пушкин в лицее. Современник*, 1863, т. 97, 376.

Я помню, как с покойным отцом моим (директор лицея до Энгельгардта) пришли в лицей во время классов Карамзин, Жуковский, Батюшков, Тургенев, — и Карамзин, вызвав Пушкина, сказал: — «Пари, как орел, но не останавливайся в полете». — И он с раздутыми ноздрями, — выражение его лица при сильном волнении, — сел на место при общем приличном приветствовании товарищей ¹⁾).

И. В. МАЛИНОВСКИЙ. *Пушкин и его совр-ки*, XXXVIII—XXXIX, 214.

Что сказать вам о нашем уединении? Никогда Лицей не казался мне так несносным, как в нынешнее время. Уверю вас, что уединение в самом деле вещь очень глупая, на зло всем философам и поэтам, которые притворяются, будто жилали в деревнях и влюблены в безмолвие и тишину. Правда,

¹⁾ Здесь память изменила Малиновскому; при его отце, скончавшемся в 1814 г., в лицее не могли быть ни Карамзин, ни Батюшков. Малиновский, очевидно, говорит о посещении лицея Карамзиным с кн. П. А. Вяземским и В. Л. Пушкиным числа 23 марта 1816 г. *Прим. М. А. Цявловского*.

время нашего выпуска приближается. Остался год еще. Но целый год еще плюсов, минусов, прав, налогов, высокого, прекрасного!.. Целый год еще дремать перед кафедрой... Это ужасно. Право, с радостью согласился бы я двенадцать раз перечитать все 12 песен пресловутой Россиады, с тем только, чтобы гр. Разумовский сократил время моего заточения. Безбожно молодого человека держать взаперти. *

ПУШКИН—кн. П. А. Вяземскому, 27 марта 1816 г.

В честь бракосочетания принца Оранского (впоследствии короля нидерландского Вильгельма II) и вел. княжны Анны Павловны (9 фев. 1816 г.) происходили торжества в столице, и один из праздников дан был в Павловске, в розовом павильоне (6 июня). По этому случаю императрица Мария Федоровна поручила Нелединскому-Мелецкому написать стихи; но устаревший поэт, не надеясь на свои силы, поехал в лицей, передал это поручение Пушкину, которому дал и главную мысль, а через час или два уехал из лицея уже со стихами... Из донесения Энгельгардта министру на другой день праздника видно, что стихи, написанные Пушкиным, по поручению Нелединского-Мелецкого и Карамзина, пелись во время ужина, и за них Пушкин получил от государыни золотые часы с цепочкою.

В. П. ГАЕВСКИЙ. *Современник*, 1863, № 8, стр. 372.

Лицей был заведение совершенно на западный лад; здесь получались иностранные журналы для воспитанников, которые в играх своих устраивали между собою палаты, спорили, говорили речи, издавали между собою журналы и проч.; вообще свободы было очень много.

Лицейский анекдот: однажды император Александр, ходя по классам, спросил: «Кто здесь первый?» — «Здесь нет, ваше императорское величество, первых; все вторые», — отвечал Пушкин.

С. П. ШЕВЫРЕВ. *Воспоминания о Пушкине*. Л. Майков, 326.

Стеснений никаких не было. Хотя из лицея никого никогда не пускали домой, однако обращение было до того свободно, что в саду лицеисты без опасения курили в присутствии надзирателя.

П. В. НАЩОКИН по записи П. И. Бартенева. *Рассказы о П-не*, 25.

В лицее и пансионе воспитанники устраивали театр и играли, но Пушкин и Дельвиг никогда не играли.

П. В. НАЩОКИН по записи П. И. Бартенева. *Там же*, 28.

Наклонность к литературе составляла характеристическую черту лицейского воспитания. Между прочим, воспитанники выдумали довольно замысловатую игру. Составив один общий кружок, они обязывали каждого или рассказать повесть или, по крайней мере, начать ее. В последнем случае следующий за рассказчиком принимал ее на том месте, где она остановилась, другой развивал ее далее, третий вводил новые подробности и так до окончания, которое иногда не скоро являлось. Дельвиг первенствовал на этой, так сказать, гимнастике воображения; его никогда нельзя было застать врасплох: интриги, завязки и развязки были

у него всегда готовы. Пушкин уступал ему в способности придумывать наскоро происшествия и часто прибегал к хитрости. Помнят, что он раз изложил изумленным и восхищенным слушателям своим историю двенадцати спящих дев, умолчав об источнике, откуда почерпнул ее. Между тем, при таком же случае, он еще в грубых чертах, разумеется, передал и две повести, им самим придуманные: «Метель» и «Выстрел», которые позднее явились в повестях Белкина.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 18.

(В последние два-три года пребывания в лицее) все переменялось, и в свободное время мы ходили не только к Теплеру и в другие почтенные дома, но и в кондитерскую Амбиеля, а также по гусарам, сперва в одни праздники и по билетам, а потом и в будни, без всякого уже спроса, даже без ведома наших приставников, возвращаясь иногда в глубокую ночь. Думаю, что иные пропадали даже и на целую ночь, хотя со мною лично этого не случалось. Маленький трингельд швейцару мирил все дело, потому что гувернеры и дядьки все давно уже спали... Кружок, в котором Пушкин проводил свои досуги, состоял из офицеров лейб-гусарского полка. Вечером, после классных часов, когда прочие бывали или у директора, или в других семейных домах, Пушкин, ненавидевший всякое стеснение, пировал с этими господами нараспашку. Любимым его собеседником был гусар Каверин, один из самых лихих повес в полку.

Граф М. А. КОРФ. Записка. Я. Грот, 240—247.

И в гусарском полку Пушкин не только «пировал нараспашку», но сблизился и с Чаадаевым, который вовсе не был гулякою; не знаю, что бывало прежде, но со времени переезда семейства Карамзина в Царское Село, он бывал у них ежедневно по вечерам; а дружба его с Ив. Пушным?

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. Примечания к записке М. А. Корфа. *Собр. соч. кн. П. П. Вяземского*, 490.

Вне лицея Пушкин был знаком с некоторыми отчаянными гусарами, жившими в то время в Царском Селе (Каверин, Молоствов, Саломирский, Сабуров и др.). Вместе с ними, тайком от своего начальства, он любил приносить жертвы Бахусу и Венере, волочась за хорошенькими актрисами графа Толстого и за субретками приезжавших туда на лето семейств; при чем проявлялись в нем вся пылкость и сладострастие африканской породы.

С. Д. КОМОВСКИЙ. Я. Грот, 220.

Во время пребывания Чаадаева с лейб-гусарским полком в Царском Селе, между офицерами полка и воспитанниками царскосельского лицея образовались непрестанные, ежедневные и очень веселые отношения. То было, как известно, золотое время лицея... Воспитанники поминутно пропадали в садах державного жилища, промежду его живыми зеркальными водами, в тенистых вековых аллеях, иногда даже в переходах и различных помещениях самого царского дворца... Шумные скитания щеголеватой, утонченной, богатой самыми драгоценными надеждами молодежи очень скоро возбудили внимательное, бодрствующее чутье Чаадаева и еще скорее сделались целью его верного, меткого, исполненного симпатического благоволения охарактеризования. Юных, разгульных любомудрцов он сейчас же прозвал «философами-перипатетиками». Прозвание было принято воспитан-

никами с большим удовольствием, но ни один из них не сблизился столько с его творцом, сколько Пушкин.

М. И. ЖИХАРЕВ. П. Я. Чаадаев. Из воспомина-
ний современника. *Вестн. Европы*, 1871, № 7, стр. 192.

В свободное время Пушкин любил навещать Н. М. Карамзина, проводившего ежегодно летнее время в Царском Селе. Карамзин читал ему рукописный труд свой и делился с ним досугом и суждениями. От Карамзина Пушкин забегал в кружок лейб-гусарских офицеров и возвращался к лицейским друзьям с запасом новых впечатлений.

Л. С. ПУШКИН. *Л. Майков*, 5.

Если верить дошедшему до нас, позднейших лицейстов, преданию, Пушкин не был любим большинством своих товарищей: причиною тому был несколько задорный характер его и остроумие, которое иногда разыгрывалось насчет других.

Я. К. ГРОТ, 13.

В лицее Пушкин решительно ничему не учился, но как и тогда уже блистал своим дивным талантом и, сверх того, начальников пугали его злой язык и едкие эпиграммы, то на его эпикурейскую жизнь смотрели сквозь пальцы. Между товарищами, кроме тех, которые, писав сами стихи, искали его одобрения и протекции,— он не пользовался особенно приятною. Вспыльчивый до бешенства, вечно рассеянный, вечно погруженный в поэтические свои мечтания, с необузданными африканскими страстями, избалованный с детства похвалою и льстецами, Пушкин ни на школьной скамье, ни после, в свете, не имел ничего любезного и привлекательного в своем обращении. Беседы.— ровной, систематической, сколько-нибудь связной,— у него совсем не было, как не было и дара слова, были только вспышки: резкая острота, злая насмешка, какая-нибудь внезапная поэтическая мысль, но все это лишь урывками, иногда, в добрую минуту; большую же часть или тривиальные общие места или рассеянное молчание. В лицее он превосходил всех в чувственности.

Граф М. А. КОРФ, Я. Грот, 249.

Был он *вспыльчив*, легко раздражен — это правда; но со всем тем, он, напротив, в *общем обращении* своем, когда самолюбие его не было задето, был особенно *любезен и привлекателен*, что и доказывается многочисленными приятелями его. Беседы *систематической*, может быть, и не было, но все прочее, сказанное о разговоре его,— несправедливо или преувеличено. Во всяком случае не было *тривиальных общих мест*; ум его вообще был здравый и светлый.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. Примечания к «записке»
М. А. Корфа. *Собр. соч. кн. П. П. Вяземского*, 491.

У дворцовой гауптвахты, перед вечерней зарей, обыкновенно играла полковая музыка. Это привлекало гулявших в саду, разумеется, и нас, *l'inévitable Lucée*, как называли иные нашу шумную, движущуюся толпу. Иногда мы проходили к музыке дворцовым коридором, в который, между другими помещениями, был выход и из комнат, занимаемых фрейлинами императрицы Елизаветы Алексеевны. Этих фрейлин было тогда три: Плюскова, Балуева и княжна Волконская. У фрейлины Валуевой была преми-

ленькая горничная Наташа. Случалось, встречаясь с нею в темных переходах коридора, и полюбозничать; она многих из нас знала, да и кто же не знал лица, который мозолил глаза всем в саду? Однажды идем мы, растянувшись по этому коридору маленькими группами. Пушкин на беду был один, слышит в темноте шорох платья, воображает, что непременно Наташа, бросается поцеловать ее самым невинным образом. Как нарочно, в эту минуту отворяется дверь из комнаты и освещает сцену, перед ним сама княжна Волконская... Пушкин тотчас рассказал мне про это, присоединясь к нам, стоявшим у оркестра. Он хотел написать княжне извинительное письмо. Между тем она успела пожаловаться брату своему П. М. Волконскому, а тот — государю. Государь на другой день приходит к Энгельгардту. — «Что ж это будет?» — говорит царь. — «Твои воспитанники не только снимают через забор мои наливные яблоки, бьют сторожей садовника, но теперь уже не дают проходу фрейлинам жены моей». (Энгельгардту удалось уладить дело)

И. И. ПУЩИН. *Л. Майков*, 63.

Один раз под-вечер, когда все кошки делаются серыми, Пушкин, бегая по какому-то коридору, наткнулся на какую-то женщину, к которой пристал с неосмотрительными речами и даже, сообщают злоязычники, с необдуманными прикосновениями. Женщина подняла крик и ускользнула, однако же успела рассмотреть и узнать виноватого. Она была немолода, некрасива и настолько знатна, что слух об этом маленьком происшествии дошел до ушей самого государя. Государь приказал немедленно Пушкина высечь. Энгельгардт этого приказа не исполнил. Известно, что при Александре I можно было иногда повелений такого рода не выполнять, а потом за послушание получать благодарность. Слух же про скандальчик разнесся по Царскому Селу, раздражительный поэт почтил пожилую девушку следующим французским четверостишием:

On peut très bien, mademoiselle,
Vous prendre pour une maquerelle,
Ou pour une vieille guenon;
Mais pour une grace,—oh, mon Dieu, non

(Сударыня, могу сказать
За сводню можно вас принять,
И на мартышку вы похожи.
На Грацию ж... помилуй, боже!)

(Пер. В. Брюсова).

М. И. ЖИХАРЕВ. Воспоминания о Чаадаеве. *Вестн. Евр.*, 1871, № 7, 192.

Одною из главных причин ускоренного выпуска лицеистов первого курса был известный эпизод встречи Пушкина, в дворцовом коридоре, с княжною Волконскою, которую он принял за горничную... Узнав об этой шалости, государь прогневался и заметил Энгельгардту, что лицеисты чересчур много себе позволяют, и что надо скорей их выпустить.

Ф. Ф. МАТЮШКИН по записи Я. К. Грота.
Я. Грот, 283.

Нас посещают питомцы лицея: поэт Пушкин, Ломоносов и смешат своим добрым простосердечием. Пушкин остроумен.

Н. М. КАРАМЗИН—кн. П. А. Вяземскому из Царского Села, 2 июня 1816 г. «А. С. Пушкин», *сборник П. И. Бартевева*, II, стр. 8.

С июня 1816 г., для желающих поступить в военную службу, введены были военные науки. Пушкин также мечтал о военной службе и намеревался поступить в лейб-гусарский полк, в котором было много его приятелей.

В. П. ГАЕВСКИЙ. Пушкин в лицее. *Современник*, 1863, № 8, стр. 388.

Да что он вам дался,— шалун был, и больше ничего!

Ф. П. КАЛИНИЧ (учитель чистописания). Отзыв о Пушкине. *Лицейский журнал*, IV, 1910—1911, стр. 22.

Учился Пушкин легко, но небрежно; особенно он не любил математики и немецкого языка; на сем последнем он до конца жизни читал мало и не говорил вовсе.

Л. С. ПУШКИН (брат поэта). *Л. Майков*, 4.

По внушению Дельвига, и Пушкин стал заниматься немецким языком, и, сделав под руководством Дельвига некоторые успехи, ходил вместе с ним к Энгельгардту для чтения у него германских авторов.

В. П. ГАЕВСКИЙ. «Дельвиг». *Современник*, 1853, № 2, стр. 72.

Пушкин легко сходилась с мужиками, дворниками и вообще с прислугою. У него были приятели между лицейскою и дворцовою царскосельскою прислугою.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Русск. Арх.*, 1899, III, 615.

Егаза Пушкин.

Подпись ПУШКИНА под коллективным письмом лиценстов к инспектору лицея С. С. Фролову, 4 апр. 1817 г. *Литературные Портфели*, изд. «Атеней» I, 1923 г., стр. 20.

Новые знакомства и беспрестанные развлечения не могли не иметь дурного влияния на ученье, которое вообще шло довольно плохо. За 1816 г., т.-е. за 4 месяца до выпускных экзаменов, Пушкин получил несколько нулей и даже в «российской поэзии» единицу. В некоторой связи с этой отметкой находится послание Пушкина *Моему Аристарху* (Кошанскому). Кошанский, сначала поощрявший Пушкина, охладевал к нему по мере того, как развивался его талант, а в последние два года преследовал его, отчасти из зависти, потому что сам кропал стихи, а может быть и потому, что Пушкин, всегда пренебрегавший его лекциями, совершенно перестал заниматься ими.

В. П. ГАЕВСКИЙ. Пушкин в лицее. *Современник*, 1863, № 8, стр. 393—394.

На стенах лицейского карцера долго оставались некоторые стихи Руслана и Людмилы. Ф. И. Калиныч, учитель каллиграфии (он же и надзиратель), рассказывал, что однажды, вышедши из карцера, Пушкин говорил, что ему было там весело, что он писал стихи (сообщено г-ном Унковским).

П. И. БАРТЕНЕВ. *Моск. Вedom.*, 1854. №№ 71—118, отд. отт., стр. 54.

Карцера особого у нас не было, а заключали, и то редко, в № комнате, ставили дядьку на часы.

И. В. МАЛИНОВСКИЙ. Заметка на экземпляре оттиска предыдущей статьи Бартенева. *П-н и его совр-ки*, XXXVIII—XXXIX, 215.

Я первый, еще в лицее, познакомил с Вашим «Ахиллесом» Пушкина, который, прочитав два раза, уже знал его наизусть.

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР—В. А. Жуковскому. 10 ноября 1840 г. *Русс. Арх.*, 1871, 0178.

Товарищам всегда казалось, что Пушкин по развитию как будто старше всех их.

Я. К. Грот со слов Ф. Ф. МАТЮШКИНА (лицейского товарища Пушкина). *Грот*, 40.

Ек. Аф. Протасова (мать Воейковой) рассказывала,— как говорил мне Н. А. Елагин,— что Пушкину вдруг вздумалось приволокнуться за женой Карамзина. Он даже написал ей любовную записку. Екатерина Андреевна, разумеется, показала ее мужу. Оба расхохотались и, призвавши Пушкина, стали делать ему серьезные наставления. Все это было так смешно и дало Пушкину такой удобный случай ближе узнать Карамзиных, что с тех пор он их полюбил, и они сблизились.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рассказы о П-не*, 53.

Пушкин влюбился в жену Карамзина так, что написал ей письмо прозой о том.— Отец его был с детства знаком с моим дядей П. Ф. Малиновским, прислал это письмо, переданное от Карамзина, моему дяде с тем, чтобы ему дать.— Я помню это перед выпуском этот день.

И. В. МАЛИНОВСКИЙ (лицейский товарищ Пушкина). *П-н и его совр-ки*, XXXVIII—XXXIX, 214.

(Ек. Андр.) Карамзина (жена историка) — предмет первой и благородной привязанности Пушкина.

Графиня Р. С. ЭДЛИНГ—В. Г. Теплякову, 17 марта 1837 г. *Рус. Стар.*, 1896, т. 87, стр. 417.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Воспитанник Импер. Царскосельского Лицея Александр Пушкин, в течение шестилетнего курса обучался в сем заведении и оказал успехи: в Законе Божием, в Логике и Нравственной Философии, в Праве Естественном, Частном и Публичном, в Российском или Гражданском и Уголовном праве хорошие; в Латинской Словесности, в Государственной Экономии и Финансов весьма хорошие; в Российской и Французской Словесности также в Фехтовании превосходные; сверх того занимался Историею, Географиею, Статистикою, Математикою и Немецким языком. Во уверение чего и дано ему от Конференции Импер. Царскосельского Лицея сие свидетельство с приложением печати. Царское Село. Июня 9 дня 1817 года. Директор Лицея Егор Энгельгардт. Конференц-секретарь профессор Александр Куницын.

Г а с т ф р е й н д, 2.

9 июня 1817 г. был акт. Характер его был совершенно иной: как открытие лицея было пышно и торжественно, так выпуск наш тих и скромн. В ту же залу пришел император Александр в сопровождении одного министра нар. просвещения кн. Голицына. В зале были мы все с директором, профессорами, инспектором и гувернером. Энгельгардт прочел коротенький отчет за весь шестилетний курс; после него конференц-секретарь Куницын возгласил высочайше утвержденное постановление конференции о выпуске. Вслед за этим всех нас, по старшинству выпуска, представляли императору, с объявлением чинов и наград. Государь заключил акт кратким отеческим наставлением воспитанникам и из'явлением благодарности директору и всему штату лицея. Тут пропета была нашим хором лицейская прощальная песнь, — слова Дельвига, музыка Теппера, который сам дирижировал хором. Государь был тронут и поэзией, и музыкой, понял слезу на глазах воспитанников и наставников, простился с нами с обыною приветливостью и пошел во внутренние комнаты, взяв кн. Голицына под руку. Энгельгардт предупредил его, что везде беспорядок по случаю сборов к от'езду. — «Это ничего, — возразил он, — я сегодня не в гостях у тебя. Как хозяин, хочу посмотреть на сборы наших молодых людей». И точно, в дортуарах все было вверх дном, везде валялись вещи, чемоданы, ящики, — пахло от'ездом. При выходе из лицея государь признательно пожал руку Энгельгардту. В тот-же день, после обеда, начали раз'езжаться: прощаньям не было конца. Я, больной, дольше всех оставался в лицее. С Пушкиным мы тут-же обнялись на разлуку: он тотчас должен был ехать в деревню к родным; я уж не застал его, когда приехал в Петербург.

И. И. ПУЩИН. *Л. Майков*, 63.

IV

ПЕТЕРБУРГ

(От окончания лицея до ссылки)

Июнь 1817 — май 1820.

По выпуске из лицея всем выпускным воспитанникам было назначено жалование: титулярным советникам по 800 р. асс., коллежским секретарям по 700 р. впредь до поступления на штатные места с высшими окладами. Пушкин (*выпущенный коллежским секретарем*) получил его, как все.

Граф М. А. КОРФ. Записка. Я. Грот, 542.

Пушкин был определен в Государственную Коллегию Иностр. Дел с чином коллежского секретаря. Напрасно прежде этого добивался он у отца позволения вступить в военную службу в гусарский полк, где уже было у него много друзей и почитателей. Начать службу кавалерийским офицером была его ученическая мечта. Сергей Львович отговаривался недостатком состояния и соглашался только на поступление сына в один из пехотных гвардейских полков.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 38.

Вечером я был у Тургеневых, где был молодой Пушкин, исполненный ума и обещающий еще больше в будущем.

Н. И. КРИВЦОВ. Дневник, 28 июня 1817 г. *Вестн. Европы*, 1887, XII, 456 (фр.).

Вышед из лицея, я тотчас почти уехал в псковскую деревню моей матери. Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бане, клубнике и проч. Но все это нравилось мне недолго. Я любил и до ныне люблю шум и толпу.

ПУШКИН. Отрывочная запись 19 ноября 1824 г.

Павел Исаакович Ганнибал (*родственник Пушкинных и сосед их по имени*) был человек веселый. Во главе импровизированного хора бесчисленных деревенских своих родственников, вооруженный бутылкой шампан-

ского, он постучал утром в дверь комнаты, предоставленной приехавшему к нему на именины Ал. Сергеевичу, и пропел ему следующий экспромпт:

Кто-то в двери постучал:
Подполковник Ганнибал,
Право-слово, Ганнибал,
Пожалуйста, Ганнибал,
Свет-Исакыч Ганнибал,
Сделай милость, Ганнибал,
Тьфу ты, пропасть, Ганнибал!

Пушкин, только что выпущенный тогда из Лицея, очень его полюбил, что однако не помешало ему вызвать Ганнибала на дуэль за то, что Павел Исаакович в одной из фигур котильона отбил у него девицу Лошакову, в которую, несмотря на ее дурноту и вставные зубы, Пушкин по-уши влюбился. Ссора племянника с дядей кончилась минут через десять мировой и новыми увеселениями, да пляской, при чем Павел Исаакович за ужином провозгласил под влиянием Вакха:

Хоть ты, Саша, среди бала
Вызвал Павла Ганнибала,
Но, ей-богу, Ганнибал
Ссорой не подгадит бал!

Ал. Серг-ч тут же, при публике, бросился ему в объятия.

Л. Н. ПАВЛИЩЕВ со слов матери своей О. С. Павлищевой-Пушкиной. *Воспоминания*, 22.

(Пушкин посещает генерала Петра Абрамовича Ганнибала, брата его деда Осипа Абрамовича,— он жил в сельце Петровском, близ с. Михайловского)... попросил водки. Подали водку. Налив рюмку себе, велел он ее и мне поднести; я не поморщился и тем, казалось, чрезвычайно одолжил старого арапа. Через четверть часа он опять попросил водки, и повторял это раз пять или шесть до обеда...

ПУШКИН. *Встреча с Ганибалом*. (1824)

Забавно, что водка, которою старый арап подчивал тогда Пушкина, была собственного изделия хозяина: оттуда и удовольствие его при виде, как молодой родственник умел оценить ее и как развязно с нею справлялся. Генерал занимался на покое перегонкой водок и настоек, и занимался без усталости, со страстию.

П. В. АННЕНКОВ. *П-н в алекс. эпоху*, 11.

Пушкин, вышедший из Лицея, жил в Коломне над Корфами, близ Калинкина моста, на Фонтанке, в доме, бывшем тогда Клокачева.

П. А. ПЛЕТНЕВ—Я. К. Гроту. *Переписка Грота с Плетневым*, т. II, стр. 693.

Родители Пушкина постоянно нуждались, что и отзывалось на детях, не всегда получавших от родителей деньги даже на мелкие расходы. Парадные комнаты освещались канделябрами, а в комнате моей матери, продававшей зачастую свои броши и серьги, чтобы справиться себе новое платье, горела сальная свеча, купленная Ольгой Сергеевной на сбереженные ею деньги.

Л. Н. ПАВЛИЩЕВ со слов матери. *Воспоминания*, 7.

С. А. Соболевский рассказывал, что Ал. Серг-чу приходилось упрашивать отца, чтобы ему купили бывшие тогда в моде бальные башмаки с пряжками, и как Сергей Львович предлагал ему свои старые, времен Павловских.

П. И. БАРТЕНЕВ. *П-н на юге России*, 7.

Это напоминает мне Петербург: когда больной, в осеннюю пору или в трескучие морозы, я брал извозчика от Аничкина моста, он (*отец*) вечно бранился за 80 коп. (которых, верно бы, ни ты, ни я не пожалели для слуги).

ПУШКИН—брату Льву, 25 авг. 1823 г.

Пушкин, вышедши из Лицея, очутился в таком положении, в каком часто находятся молодые люди, возвращающиеся под родительский кров из богатых и роскошных учебных заведений; тут еще примешивалась мелочная скупость отца, которая только раздражала Пушкина. Иногда он довольно зло и оригинально издевался над нею. Однажды ему случилось кататься на лодке, в обществе, в котором находился и Сергей Львович. Погода стояла тихая, а вода была так прозрачна, что виднелось самое дно. Пушкин вынул несколько золотых монет, и одну за другою стал бросать в воду, любясь падением и отражением их в чистой влаге.

П. И. БАРТЕНЕВ со слов В. П. ГОРЧАКОВА.
П-н в Южной России, 9.

Пушкина-Сверчка я ежедневно браню за его леность и нерадение о собственном образовании. К этому присоединились и вкус к площадному волокитству, и вольнодумство, также площадное, восемнадцатого столетия. Где-же пища для поэта? Между тем он разоряется на мелкой монете! Пожури его.

А. И. ТУРГЕНЕВ—В. А. Жуковскому, 12 ноября 1817 г. *Пушкин. Письма под ред. Б. Л. Модзалевского. Гос. Изд. 1926. Том I, стр. 191.*

Служба в министерстве иностранных дел, а всего более родственные и общественные связи отца открыли молодому Пушкину вход в лучшие кружки большого света. Сюда относятся родственные отношения и знакомства его с графами Бутурлиными и Воронцовыми, с князьями Трубецкими, графами Лаваль, Сушковым и проч. Так, известно по преданию, что в эту пору своей жизни Пушкин появляется на блестящих вечерах и балах у графа Лавалья. Супруга сего последнего, любительница словесности и всего изящного, с удовольствием видала у себя молодого поэта, который однако и в то время уже тщательно скрывал в большом обществе свою литературную известность и не хотел ничем отличаться от обыкновенных светских людей, страстно любя танцы и балы. Так знаем еще, что во второй половине 1817 г. он нередко посещал одну знатную даму, которая привлекала его внимание странным образом жизни и занятий своих, стремительностью характера и мечтательностью. (*Княгиня Евдокия-Авдотья Ивановна Голицына, род. в 1780 г.*.)

П. И. БАРТЕНЕВ. *Моск. Ведом.*, 1855, №№ 142, 144, 145. Отд. отд., стр. 16—17.

Поэт Пушкин у нас в доме смертельно влюбился в Пифию Голицыну и теперь уже проводит у нее вечера: лжет от любви, сердится от любви.

только еще не пишет от любви. Признаюсь, что я не влюбился бы в Пифию: от ее трезубца пышет не огнем, а холодом.

Н. М. КАРАМЗИН—кн. П. А. Вяземскому, 24 дек. 1917 г. *Старина и Новизна*, I, стр. 43.

Княгиня Голицына была очень красива, и в красоте ее выражалась своя особенность. Она долго пользовалась этим преимуществом. Не знаю, какова была она в своей первой молодости; но и вторая, и третья молодость ее пленяли какою-то свежестью и целомудрием девственности. Черные, выразительные глаза, густые темные волосы, падающие на плечи извилистыми локонами, южный матовый колорит лица, улыбка добродушная и грациозная: придайте к тому голос, произношение необыкновенно-мягкие и благозвучные — и вы составите себе приблизительное понятие о внешности ее. Вообще, красота ее отзывалась чем-то пластическим, напоминавшим древнее греческое изваяние. В ней было что-то ясное, спокойное, скорее ленивое, бесстрастное. По собственному состоянию своему, по обоюдному-согласованному разрыву брачных отношений, она была совершенно независима. Но эта независимость держалась в строгих границах чистейшей нравственности и существенного благоприличия. Дом ее, на Большой Миллионной, был артистически украшен кистью и резцом лучших из современных русских художников. Хозяйка сама хорошо гармонировала с такою обстановкою дома. Тут не было ничего из роскошных принадлежностей и прихотей скороизменчивой моды. Во всем отражалось что-то изящное и строгое. По вечерам немногочисленное, но избранное общество собиралось в этом салоне: хотелось бы сказать — в этой храмине, тем более, что и хозяйку можно было признать жрицею какого-то чистого и высокого служения. Вся постановка ее, вообще туалет ее, более живописный, нежели подчиненный современному образцу, все это придавало ей и кружку, у нее собиравшемуся, что-то — не скажу таинственное, но и не обыденное, не завсегдашнее. Можно было бы думать, что тут собирались не просто гости, а и посвященные. Выше сказали мы: собирались по вечерам. Можно было бы сказать, — собирались в полночь. Княгиню прозвали в Петербурге *la Princesse Nocturne* (княгиня ночная). Впрочем, собирались к ней не поздно, но долго засиживались. Княгиня не любила рано спать ложиться, и беседы длились обыкновенно до трех и четырех часов утра. — Была ли княгиня очень умна или нет? Знав ее довольно коротко, мы не без некоторого смущения задаем себе сей щекотливый вопрос. Но положительный ответ на него дать не беремся.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Полн. Собр. соч.* VIII, 378—383.

У Голицыной полуночной есть душа, и иногда разговор ее, как Россиниева музыка, действует на душу. Но все это отдельные фразы.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Полн. Собр. соч.*, IX, 124.

Известность Пушкина и литературная, и личная, с каждым днем возрастала. Молодежь твердила наизусть его стихи, повторяла остроты его и рассказывала о нем анекдоты. Все это, как водится, было частью справедливо, частью вымышленно. Одно обстоятельство оставило Пушкину сильное впечатление. В это время находилась в Петербурге старая немка, по имени Кирхгоф. В число различных ее занятий входило и гадание. Однажды утром Пушкин зашел к ней с несколькими товарищами. Г-жа Кирхгоф обратилась прямо к нему, говоря, что он — человек замечательный; рассказала вкратце его прошедшую и настоящую жизнь, потом начала предсказания сперва

Екатерина Павловна
БАКУНИНА

И. Грасси

Госуд. Эрмитаж.

Княгиня Евдокия Ивановна
ГОЛИЦЫНА
(Princesse nocturne)

И. Грасси.

ИНЛИ.

ежедневных обстоятельств, а потом важных эпох его будущего. Она сказала ему между прочим: «Вы сегодня будете иметь разговор о службе и получите письмо с деньгами». О службе Пушкин никогда не говорил и не думал; письмо с деньгами получить ему было неоткуда; деньги он мог иметь только от отца, но, живя у него в доме, он получил бы их, конечно, без письма. Пушкин не обратил большого внимания на предсказания гадалщицы. Вечером того дня, выходя из театра до окончания представления, он встретился с генералом Орловым. Они разговорились. Орлов коснулся до службы и советовал Пушкину оставить свое министерство и надеть эполеты. Возвратясь домой, он нашел у себя письмо с деньгами: оно было от одного лицейского товарища, который на другой день отправлялся за границу; он заезжал проститься с Пушкиным и заплатить ему какой-то карточный долг еще школьной их шалости. Г-жа Кирхгоф предсказала Пушкину его изгнание на юг и на север, рассказала разные обстоятельства, с ним впоследствии сбывшиеся, предсказала его женитьбу и наконец преждевременную смерть, предупредивши, что должен ожидать ее от руки высокого, белокурого человека. Пушкин, и без того несколько суеверный, был поражен постепенным исполнением этих предсказаний и часто об этом рассказывал.

Л. С. ПУШКИН (брат поэта). *Л. Майков*, 5.

В Петербург раз приехала гадалщица Кирхгоф. Никита и Александр Бсезолодские и Мансуров Павел, актер Сосницкий и Пушкин отправились к ней (она жила около Морской). Сперва она раскладывала карты для Бсезолодского и Сосницкого. После них Пушкин попросил ее загадать и про него. Разложив карты, она с некоторым изумлением сказала: «О, это голова важная! Вы человек не простой!» Т.-е., сказала в этом смысле, потому что, вероятно, она не знала по-русски. Слова ее поразили Бсезолодского и Сосницкого, ибо, действительно, были справедливы. Она, между прочим, предвещала ему, что он умрет или от белой лошади, или от белой головы (Weisskopf).

П. В. НАЩОКИН по записи П. И. Бартенева. *Рассказы о П-не*, 40.

В многолетнюю мою приязнь с Пушкиным я часто слышал от него самого об этом происшествии, он любил рассказывать его в ответ на шутки, возбуждаемые его верою в разные приметы. Сверх того, он в моем присутствии не раз рассказывал об этом именно при тех лицах, которые были у гадалщицы при самом гадании, при чем ссылался на них. Для проверки и пополнения напечатанных уже рассказов считаю нужным присоединить все то, о чем *помню положительно*. Предсказание было о том, *во-первых*, что он скоро получит деньги; *во-вторых*, что ему будет сделано неожиданное предложение; *в-третьих*, что он прославится и будет кумиром соотечественников; *в-четвертых*, что он дважды подвергнется ссылке; наконец, что он проживет долго, если на 37-м году возраста не случится с ним какой беды от белой лошади, или белой головы, или белого человека (weisser Ross, weisser Kopf, weisser Mensch), которых и должен он опасаться.— Первое предсказание о письме с деньгами сбылось в тот же вечер; Пушкин, возвратясь домой, нашел совершенно неожиданно письмо от лицейского товарища, который извещал его о высылке карточного долга, забытого Пушкиным. Товарищ этот был Корсаков, вскоре потом умерший в Италии. Такое быстрое исполнение первого предсказания сильно поразило Александра Сергеевича; не менее странно было для него и то, что, несколько дней спустя, в театре, его подозвал к себе А. Ф. Орлов и стал отговаривать его от поступления в гусары, а предлагал служить в конной гвардии... Вскоре после этого Пушкин был отправлен на юг, а оттуда, через четыре года, в псков-

скую деревню, что и было *вторичною ссылкой*. Как же ему, человеку крайне впечатлительному, было не ожидать и не бояться конца предсказания, которое до того исполнялось с такою буквальною точностью??? Прибавлю следующее: я как-то из'явил свое удивление Пушкину о том, что он отстранился от масонства, в которое был принят, и что он не принадлежал ни к какому другому тайному обществу.— «Это все-таки следствие предсказания о белой голове,— отвечал мне Пушкин.— Разве ты не знаешь, что все филантропические и гуманитарные общества, даже и самое масонство получили от Адама Вейсгаупта направление подозрительное и враждебное существующим государственным порядкам? Как же мне было приставать к ним? Weisskopf, Weisshaupt,— одно и то же.

С. А. СОБОЛЕВСКИЙ. Тайнственные приметы в жизни Пушкина. *Русск. Арх.*, 1870. стр. 1328—1386.

На выпуск из лицея молодого Пушкина смотрели члены «Арзамаса», как на счастливое для них происшествие, как на торжество. Особенно же Жуковский казался счастлив, как будто бы сам бог послал ему милое чадо. Чадо показалось мне довольно шаловливо и необузданно, и мне даже больно было смотреть, как все старшие братья наперерыв баловали маленького брата.

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ. *Записки*, V. 51.

По выходе из лицея Пушкин вполне воспользовался своею молодостью и независимостью. Его по очереди влекли к себе то большой свет, то шумные пиры, то закулисные тайны: он жадно, бешено предавался всем наслаждениям. Круг его знакомства и связей был чрезвычайно обширен и разнообразен. Тут началась его дружба с Жуковским, не изменившая ему до последней минуты. Поэзией Пушкин занимался мимоходом, в минуты вдохновения.

Л. С. ПУШКИН. *Л. Майков*, 6.

Готовясь к дебюту под руководством кн. Шаховского, я иногда встречала Пушкина у него в доме. Князь с похвалою отзывался о даровании этого юноши, не особенно красивого собою, резвого, вертлявого, почти мальчишка. Знакомцы кн. Шаховского: А. С. Грибоедов, П. А. Катенин, А. А. Жандраскали талантливого юношу, но куда относились к нему, как старшие к младшему; он дорожил их мнением и как бы гордился их приятною. Понятно, что в их кругу Пушкин не занимал первого места и почти не имел голоса. Изредка, к слову, о театре и литературе, будущий гений смешил их остроумною шуткой, экспромптом или справедливым замечанием, обличавшим его тонкий эстетический вкус и далеко не юношескую наблюдательность.

Встречаясь у кн. Шаховского, мы взаимно не обращали друг на друга особенного внимания; а между тем семейство Пушкиных, жившее тогда в доме рядом с графиней Екат. Марк. Ивелич (на Фонтанке, близ Калинкина моста), было точно так же близко знакомо с нею, как и мы с матушкой. Пушкины и графиня Ивелич на страстной неделе повели вместе с нами в церкви театрального училища (на Офицерской ул., близ Большого Театра). Помню, как графиня Екатерина Марковна рассказывала мне, что Саша Пушкин, видя меня глубоко растроганною за всеобщую великую пятницу, при выносе плащаницы, просил сестру свою, Ольгу Сергеевну, напомнить мне, что ему очень больно видеть мою горесть, тем более, что Спаситель воскрес; о чем же мне плакать? Этой шуткой он, видимо, хотел обратить

на себя мое внимание; сам же, конечно, не мог быть равнодушен к шестнадцатилетней девочке.

— Вам было шестнадцать лет, когда я вас видел,— говорил он мне впоследствии.— Почему вы мне этого не сказали?

— Что же из этого? — смеялась я ему.

— То, что я обожаю этот прелестный возраст.

А. М. КАРАТЫГИНА-КОЛОСОВА (изв. трагическая актриса). Воспоминания. *Рус. Стар.*, 1880, т. 28, стр. 566.

Три года, проведенные им в Петербурге по выходе из лицея, отданы были развлечениям большого света и увлекательным его забавам. От великолепнейшего салона вельмож до самой нецеремонной пирушки офицеров, везде принимали Пушкина с восхищением, питая и собственную, и его суетность этою славою, которая так неотступно следовала за каждым его шагом. Он сделался идолом преимущественно молодых людей, которые в столице претендовали на отличный ум и отличное воспитание. Такая жизнь заставила Пушкина много утратить времени в бездействии. Но всего вреднее была мысль, которая навсегда укоренилась в нем, что никакими успехами таланта и ума нельзя человеку в обществе замкнуть круга своего счастья без успехов в большом свете.

Большую часть дня утром писал он свою поэму («*Руслан и Людмила*»), а большую часть ночи проводил в обществе, довольствуясь кратковременным сном в промежутке сих занятий.

П. А. ПЛЕТНЕВ. Соч., т. I, стр. 365—366.

Я столько раз вздыхал: ах, если бы бездельник этот захотел учиться, он был бы человеком выдающимся в нашей литературе.

Е. А. ЭНГЕЛЬГАРДТ (директор лицея)—кн. А. М. Горчакову, 6 янв. 1818 г. *Русс. Стар.*, 1899, т. 99, стр. 520 (фр.).

Пушкин обладал необычайною памятью: целые строфы, переданные ему Жуковским, он удерживал на долго в голове и повторял их без оговорок. Жуковский имел привычку исправлять стих, забытый Пушкиным; каждый такой стих считался дурным по одному этому признаку.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 44.

Ник. Ив. Тургенев, быв у Н. М. Карамзина и говоря о свободе, сказал: «мы на первой станции к ней». «Да,— подхватил молодой Пушкин,— в Черной Грязи».

В. Д. КОРНИЛЬЕВ по сообщению М. П. Погодина. Н. Барсуков. *Жизнь и труды Погодина*, часть I, 68.

Болезнь остановила на время образ жизни, избранный мною. Я занемог гнилою горячкою. Лейтон за меня не отвечал. Семья моя была в отчаянии; но через шесть недель я выздоровел. Сия болезнь оставила во мне впечатление приятное. Друзья навещали меня довольно часто: их разговоры сокращали скучные вечера. Чувство выздоровления — одно из самых сладостных. Помню нетерпение, с которым ожидал я весны, хотя это время года обыкновенно наводит на меня тоску и даже вредит моему здоровью. Но душный

воздух и закрытые окна так мне надоели во время болезни моей, что весна являлась моему воображению со всею поэтической своею прелестью. Это было в феврале 1818 года.

ПУШКИН. Остатки автобиографии.

Крепкое сложение, молодость возвратили Пушкина к жизни. Однако необходимо было употребить меры чрезвычайные для его излечения. Придворный медик Лейтон сажал больного в ванну со льдом.

П. И. БАРТЕНЕВ. Материалы для биографии Пушкина. *Моск. Вед.*, 1855, №№ 142, 144, 145. Отд. отт., стр. 22.

Поклон Пушкину-старосте (*Вас. Львовичу*). Племяннику его легче.

К. Н. БАТЮШКОВ—В. А. Жуковскому, в первой пол. января 1818 г. *Сочинения*, III, 488.

Наконец, он познакомился с нами и стал довольно часто посещать нас. Мы с матушкой от души его полюбили. Угрюмый и молчаливый в многочисленном обществе, «Саша Пушкин», бывая у нас, смешил своею резвостью и ребяческой шаловливостью. Бывало, ни минуты не посидит спокойно на месте; вертится, прыгает, пересаживается, перероет рабочий ящик матушки, спутает клубки гарусу в моем вышиваньи; разбрасывает карты в гранпасьянсе, раскладываемом матушкою... «Да уймешься ли ты, стрекоза! — крикнет, бывало, моя Евгения Ивановна, — перестань, наконец!» Саша минуты на две приутихнет, а там опять начинает проказничать. Как-то матушка пригрозила наказать неугомонного Сашу: «остричь ему когти», — так называла она его огромные, отпущенные на руках ногти. «Держи его за руку, — сказала она мне, взяв ножницы, — а я остригу!» Я взяла Пушкина за руку, но он поднял крик на весь дом, начал притворно всхлипать, стелать, жаловаться, что его обижают, и до слез рассмешил нас... Одним словом, это был сущий ребенок, но истинно-благовоспитанный.

В 1818 г., после жестокой горячки, ему обрили голову, и он носил парик. Это придавало какую-то оригинальность его типичной физиономии и не особенно его красило. Как-то, в Большом театре, он вошел к нам в ложу. Мы усадили его, в полной уверенности, что здесь наш проказник будет сидеть смирно... Ничуть не бывало! В самой патетической сцене Пушкин, жалуясь на жару, снял с себя парик и начал им обмахиваться, как веером... Это рассмешило сидевших в соседних ложах, обратило на нас внимание и находившихся в креслах. Мы стали унимать шалуна, он же со стула соскользнул на пол и сел у нас в ногах, прячась за барьер; наконец, кое-как надвинул парик на голову, как шапку: нельзя было без смеха глядеть на него! Так и просидел на полу во все продолжение спектакля, отпуская шутки насчет пьесы и игры актеров.

А. М. КАРАТЫГИНА (КОЛОСОВА), изв. трагическая актриса. *Воспоминания. Рус. Стар.*, 1880, т. 28, стр. 568.

Еще долго спустя после болезни Пушкин ходил обритый и в ермолке. Видавшие его в то время помнят, что он носил широкий черный фрак с нескошенными фалдами, à l'américaine и шляпу, с прямыми полями à la Volivaг, о которой после упомянул он, описывая наряд Онегина. Тогда же

начал он носить длинные ногти,— привычка, которой он не изменял до конца, любя щеголять своими изящными пальцами.

П. И. БАРТЕНЕВ. Матер. для биографии Пушкина. *Москов. Вестн.*, 1855, №№ 142, 144, 145. Отд. отт., стр. 25.

Пушкин, увидя меня после первой нашей разлуки, заметил во мне некоторую перемену и начал подозревать, что я от него что-то скрываю. Особенно во время его болезни и продолжительного выздоровления, выдаясь чаще обыкновенного, он затруднял меня вопросами и расспросами (*насчет тайного общества*), от которых я, как умел, отделялся, успокаивая его тем, что он лично, без всякого воображаемого общества, действует как нельзя лучше для благой цели: тогда везде ходили по рукам, переписывались и читались наизусть его «Деревня», «Ода на свободу», «Ура! в Россию скачет...» и другие мелочи в том же духе. Не было живого человека, который не знал бы его стихов. Нечего и говорить уже о разных его выходках, которые везде повторялись. Например, однажды в Царском Селе Захаржевского медвежонок сорвался с цепи от столба, на котором устроена была его будка, и побежал в сад, где мог встретиться глаз на глаз, в темной аллее, с императором, если бы на этот раз не встрепенулся его маленький шарль и не предостерег бы от этой опасной встречи. Медвежонок, разумеется, тотчас был истреблен, а Пушкин при этом случае сказал: «нашелся один человек, да и тот медведь!» Таким же образом он во всеуслышание в театре кричал: «теперь самое безопасное время, — по Неве лед идет». В переводе: нечего опасаться крепости.

Между тем тот же Пушкин, либеральный по своим воззрениям, имел какую-то жалкую привычку изменять благородному своему характеру и очень часто сердил меня и вообще всех нас тем, что любил, например, вертеться у оркестра около Орлова, Чернышева, Киселева и других: они с покровительственною улыбкою выслушивали его шутки, остроты. Случалось из кресел сделать ему знак, он тотчас прибежит. Говоришь, бывало: «что тебе за охота, любезный друг, возиться с этим народом; ни в одном из них ты не найдешь сочувствия и пр.». Он терпеливо выслушает, начнет шекотать, обнимать, что обыкновенно делал, когда немножко потеряется. Потом, смотришь,— Пушкин опять с тогдашними львами! Странное смешение в этом великолепном создании!

И. И. ПУЩИН. Записки. *Л. Майков*, 70—71.

Мы были раз вместе в театре. Пушкин сидел в первом ряду и во время антрактов все вертелся около Волконского и Киселева, как собачонка какая-нибудь, и это для того, чтобы сказать с ними несколько слов, а они не обращали на него никакого внимания; мне на него мерзко было смотреть. Когда он подошел ко мне, я ему говорю: «что ты делаешь, Пушкин? можнo ли себя так срамить,— ведь над тобой все смеются!» — Он совершенно растерялся, а в следующий антракт опять то же.

И. И. ПУЩИН по записи Е. И. Якушкина. *Декабристы на поселении (из архива Якушкиных)*. Изд. Сабашниковых. М. 1926, стр. 34.

(По поводу стих. Пушкина «Жуковскому»: «Когда к мечтательному миру...»). Чудесный талант! Какие стихи! Он мучит меня своим даром, как привидение!

В. А. ЖУКОВСКИЙ—кн. П. А. Вяземскому, 17 апреля 1818 года. *Рус. Арх.*, 1896, III, 208.

Стихи чертенка-племянника чудесно-хороши. *В дыму столетий!* Это выражение — город. Я все отдал бы за него, движимое и недвижимое. Какая бестия! Надобно нам посадить его в желтый дом: не то этот бешеный сорванец нас всех заест, нас и отцов наших. Знаешь ли, что Державин испугался бы *дыма столетий?* о прочих и говорить нечего! ¹⁾

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—А. И. Тургеневу, из Варшавы, 25 апр., 1818 г. *Собр. соч. кн. П. П. Вяземского*, 480.

Размер стихов странный, дикий, вялый: ссылаюсь на маленького Пушкина, которому Аполлон дал чуткое ухо.

К. Н. БАТЮШКОВ—А. И. Тургеневу, в конце июня 1818 г. *Соч.*, т. III, 510.

Пушкин рассказывал о себе, что он раз как-то, в начале своего поэтического поприща, представил Батюшкову стихи одного молодого человека, который, по его тогдашнему мнению, оказывал удивительное дарование. Батюшков прочитал пьесу, и, равнодушно возвращая ее юному Пушкину, сказал, что он не находит в ней ничего особенного. Это изумило Пушкина: он старался защищать своего молодого приятеля, и стал превозносить необычайную гладкость стиха его. *Да кто теперь не пишет гладких стихов!* — возразил Батюшков. Этот ответ навсегда остался памятным Пушкину.

Н. А. ПОЛЕВОЙ. *О духовной поэзии. Библиотека для Чтения*, т. XXVI, 1838, стр. 93.

Однажды, зашедши к Тургеневу, я застал у него молодого Пушкина, в ком Карамзин и Жуковский предузнавали и лелеяли развивающийся высокий дар. Принесли к Тургеневу новый портрет Жуковского, и тут же Пушкин, любясь им, написал следующие к нему стихи: «Его стихов пленительная сладость...»

А. С. СТУРДЗА. «Беседа Люб. Рос. Слова и Арзамас». *Москвитянин*, 1851. Часть VI. № 21. Ноябрь. Кн. I, стр. 15.

Мы наслаждались Петергофским праздником и Ораниенбаумским, хотя иллюминация и феерверк не весьма удался. Время было прекрасное; людей множество. Несмотря на ветер довольно сильный, мы с женою, с детьми, с Тургеневым, Жуковским, Пушкиным (которые все у нас жили в Петергофе) сели на катер и носились по волнам Финского залива часа два или более; одна из них облила меня с головы до ног — но мы были веселы и думали о том, как бы съездить морем по-далее!

Н. М. КАРАМЗИН—И. И. Дмитриеву, 11 июля 1818 г. *Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву*. СПб. 1866. Стр. 243.

---

¹⁾ Характерно, что в позднейших изданиях послания к Жуковскому Пушкин выбросил 17 заключительных стихов, в числе которых находился и стих, так восхитивший Вяземского. Вот начало выброшенного отрывка:

Смотри, как пламенный поэт,
Вниманьем сладким упоенный,
На свиток гения склоненный,—
Читает повесть древних лет!
Он духом—там, в дыму столетий,

и т. д.

Пушкин здесь — весь исшалился... Кривцов не перестает развращать Пушкина и из Лондона и прислал ему безбожные стихи из благочестивой Англии.

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. П. А. Вяземскому, 28 августа 1818 г., из Петербурга, *Ост. Арх.*, I, 117.

Праздная леность, как грозный истребитель всего прекрасного и всякого таланта, парит над Пушкиным... Пушкин по утрам рассказывает Жуковскому, где он всю ночь не спал; целый день делает визиты б...м, мне и кн. Голицыной, а ввечеру иногда играет в банк... Третьего дня ездил я к Карамзиным в Царское Село. Там долго и сильно доносил я на Пушкина. Долго спорили меня (?), и он возвращался, хотя тронутый, но вряд ли исправленный.

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. П. А. Вяземскому, 4-го сент. 1818 г. *Остаф. Арх.*, I, 119.

Не худо бы Сверчка (*Пушкина*) запереть в Геттинген и кормить года три молочным супом и логикой. Из него ничего не будет путного, если он сам не захочет; потомство не отличит его от двух его однофамильцев, если он забудет, что для поэта и человека должно быть потомство. Кн. А. Н. Голицын московский промотал 20 тыс. душ в шесть месяцев. Как ни велик талант Сверчка, он его промотает, если... Но да спасут его музы и молитвы наши!

К. Н. БАТЮШКОВ—А. И. Тургеневу, 10 сент. 1818 г. *Соч.*, т. III, 533.

Думаем к 7 октября переехать в город, читать корректуры, делать визиты, большею частью пустые, пить чай с Тургеневым, Жуковским, Пушкиным.

Н. М. КАРАМЗИН—кн. П. А. Вяземскому, 30 сент. 1818 г., из Царского Села. *Собр. соч. кн. П. П. Вяземского*, 475.

В 1818 г. Пушкин пришел к П. А. Катенину и, подавая ему свою трость, сказал: «я пришел к вам, как Диоген к Антисфену: побей, — но выучи!» — «Ученого учить — портить», ответил Катенин. С тех пор дружеские связи их уже не прерывались.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 50.

Катенин имел огромное влияние на Пушкина; последний принял у него все приемы, всю быстроту своих движений; смотря на Катенина, можно было беспрестанно вспоминать Пушкина. Катенин был человек очень умный, знал в совершенстве много языков и владел особенным умением читать стихи, так что его собственные дурные стихи из уст его казались хорошими.

С. П. ШЕВЫРЕВ. *Л. Майков*, 331.

Слушал Катенина. Прототип, по наружности, Пушкина.

М. П. ПОГОДИН. *Дневник*, 27 марта 1834 г. *Пушкин в его совр.-ки. XXIII—XXIV*, стр. 119.

Из переводов некоторые хороши, особенно Лавиня: прелесть. Помнишь ли, это было твое привычное слово, говоря со мной?

П. А. КАТЕНИН—Пушкину, 14 марта 1826 г. *Переписка Пушкина*, I, 337.

Пушкин имел всегда на очереди какой-нибудь стих, который любил он твердить. В года молодости его и сердечных припадков, было время, когда он часто повторял стих из гнедичева перевода вольтеровой трагедии «Танкред»:

Быть может, некогда восплачешь обо мне!

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Соч.*, VIII, 116.

Рассказывают, что Батюшков судорожно сжал в руках листок бумаги, на котором читал «Послание к Ю-ву» (Юеву) (*Поклонник ветреных Ланс...* 1818 г.) и проговорил: «О, как стал писать этот злодей!»

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 50.

(1818). Чаадаев жил в гостинице Демута. Пушкин часто посещал его и продолжал с ним живые, откровенные царскоевельские беседы. Но все изменялось вдруг, когда приходили к Чаадаеву с докучными визитами те его светские знакомые, которые на кредит пользовались репутацией умников и любезников. Пушкин сейчас смолкал, садился в угол на диване, поджав ноги, и упорно чуждался всяких сношений с подобными посетителями, покушавшимися иногда обращаться к нему с видом снисходительного покровительства. Об одном из этих докучных ему говорунов вспомнил он в Бессарабии, упомянув о нем в последних двух стихах послания своего к Чаадаеву.

М. Н. ЛОНГИНОВ. Воспоминания о П. Я. Чаадаеве. *Русск. Вестн.*, 1862, т. 42, стр. 126.

С Байроном Пушкин начал знакомство еще в Петербурге, где учился по-английски и брал для того у Чаадаева книжку Газлита: *Рассказы за столом* (Hazlitt, Table talk).

П. И. БАРТЕНЕВ со слов П. Я. Чаадаева. *П-н в южн. России*, 70.

Чаадаев, воспитанный превосходно, не по одному французскому манеру, но и по-английски, был уже двадцати шести лет, богат, и знал четыре языка. Влияние на Пушкина было изумительно. Он заставлял его мыслить. Французское воспитание нашло противодействие в Чаадаеве, который уже знал Лока и легкомыслие заменял исследованием. Чаадаев был тогда умен, он думал о том, о чем никогда не думал Пушкин. Пушкин, восхищавшийся Державиным, встретил у Чаадаева опровержение, а именно за неточность изображений. Пример был «Путник» Державина: «Луна светит, сквозь мрак ужасный едет в челноке». Чаадаев был критик тогда. Взгляд его на жизнь был серьезен. Он поворотил его на мысль. Пушкин считал себя обязанным и покидал свои дурачества в доме Чаадаева, который жил тогда в Демутовом трактире. Он беседовал с ним серьезно.

Я. И. САБУРОВ по записи П. В. Анненкова. Б. Л. *Модзалевский. «Пушкин»*. 1929. Стр. 337.

Эпиграмма на Карамзина написана мною в такое время, когда Карамзин меня отстранил от себя, глубоко оскорбив и мое честолюбие, и сердечную к нему приверженность. До сих пор не могу об этом хладнокровно вспомнить.

ПУШКИН—кн. П. А. Вяземскому, 10 июня 1826 г.

Дружба Жуковского и Пушкина особенно утвердилась с той поры, как они снова свиделись осенью 1818 г. (после возвращения Жуковского из Москвы). С «Русланом и Людмилой» Пушкин постепенно знакомил приятелей своих и любителей словесности на вечерах у Жуковского. Жуковский жил тогда в семействе А. А. Плещеева, в Коломне у Кашина моста, за каналом, в угловом доме. Несмотря на отдаленное положение этой части города, каждую субботу собирался к нему избранный кружок писателей и любителей просвещения. Молодой Пушкин оживлял эти собрания столько же стихами своими, как и неистощимую веселостью и остроумием, в котором никогда не было у него недостатка.— Жуковский, когда приходилось ему исправлять стихи свои, уже перебеленные, чтобы не марать рукописи, наклеивал на исправленном месте полосу бумаги с новыми стихами. Сам он редко читал вслух свои произведения и обыкновенно поручал это другим. Раз кто-то из чтецов, которому прежние стихи нравились лучше новых, сорвал бумажку и прочел по-старому. В эту самую минуту Пушкин, посреди общей тишины, с ловкостью подлезает под стол, достает бумажку и, кладя ее в карман, преважно говорит: «что Жуковский бросает, то нам еще пригодится». (За сообщение этого сведения обязаны мы очевидцу П. А. Плетневу).

П. И. БАРТЕНЕВ. Моск. Вед., 1855. №№ 142, 144, 145, Отд. отд., стр. 31—33.

Княгиня Авдотья Ивановна (Голицына) благородная и, когда не на треножнике, а просто на стуле,— умная женщина. Я люблю ее за милую душу и за то, что она умнее за других, нежели за себя. Жаль, что Пушкин уже не влюблен в нее, а то бы он передал ее потомству в поэтическом свете.

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. П. А. Вяземскому, 3 дек. 1818 г. из Петербурга. Ост. Арх., I, 159.

Сверчок (Пушкин) прыгает по бульвару и по... Стихи свои едва писать успевает. Но при всем бескутом образе жизни его он кончает четвертую песнь поэмы («Руслан и Людмила»). Если бы еще два или три..., так и дело в шляпе. Первая... болезнь была и первую кормилицею его поэмы.

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. П. А. Вяземскому, 18 дек. 1818. Остаф. Арх., I, 174.

20 числа сего месяца служащий в Иностранной Коллегии переводчиком Пушкин был в каменном театре в большом бенеуаре во время антракту пришел из одного в креслы и проходя между рядов кресел остановился против сидевшего коллежского советника Перевощикова с женою, почему г. Перевощиков просил его проходить далее, но Пушкин приняв сие за обиду наделал ему грубости и выбранил его неприличными словами.

И. С. ГОРГОЛИ, петербургский полицмейстер, в отношении своем от 23 дек. 1818 г. П. Я. Убри, начальнику Пушкина по службе. Былое, 1900, XI, 28.

Я не оставил сделать строгое замечание служащему в государственной коллегии иностранных дел коллежскому секретарю Пушкину насчет неприличного поступка его с коллежским советником Перевошиковым, с тем, чтобы он воздержался впредь от подобных поступков; в чем и дал он мне обещание.

П. Я. УБРИ в отношении своем от 9 янв. 1818 г. петербургскому полицмейстеру И. С. Горголи. Там же, стр. 29.

(Около 1818 г.) Лицейского своего товарища Кюхельбекера Пушкин очень любил, но часто над ним подшучивал. Кюхельбекер хаживал к Жуковскому и отчасти надоедал ему своими стихами. Однажды Жуковский куда-то был зван на вечер и не явился. Когда его после спросили, отчего он не был, Жуковский отвечал: «Я еще накануне расстроил себе желудок; к тому же пришел Кюхельбекер, и я остался дома». Пушкин написал на это стихи:

За ужином об'елся я,
Да Яков запер дверь оплошно—
Так было мне, мои друзья,
И кюхельбекерно, и тошно!

Кюхельбекер взбесился и требовал дуэли. Никак нельзя было уговорить его. Дело было зимою. Кюхельбекер стрелял первый и дал промах. Пушкин кинул пистолет и хотел обнять своего товарища; но тот неистово закричал: «стреляй, стреляй!» Пушкин насилу его убедил, что невозможно стрелять, потому что снег набился в ствол. Поединок был отложен, и потом они помирились. Яков — слуга Жуковского.

П. И. БАРТЕНЕВ по запискам В. И. Даля. *П-н в южной России*, 101.

М. А. Максимович рассказывал, как Кюхельбекер стрелялся с Пушкиным, и как в промахнувшегося последний не захотел стрелять, но с словом: «полно дурачиться, милый; пойдем чай пить», — подал ему руку и ушли домой.

О. М. БОДЯНСКИЙ. *Дневник. Русс. Стар.*, т. 60, стр. 414.

Матюшкин рассказывал, что Пушкин дрался с Кюхельбекером за какое-то вздорное слово, но выстрелил на воздух. Они тотчас же помирились и продолжали дружбу.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Русс. Арх.*, 1910, II, 48.

Кюхельбекер вызвал Пушкина на дуэль. Пушкин принял вызов. Оба выстрелили, но пистолеты заряжены были клюквою, и дело кончилось ничем.

Н. И. ГРЕЧ. *Записки о моей жизни*. СПб. 1886, стр. 383.

(1817 — 1820). Театральная школа находилась через дом от нас на Екатерининском канале. Пушкин был влюблен в одну из воспитанниц-танцорок и прохаживался одну весну мимо окон школы и всегда проходил по маленькому переулку, куда выходила часть нашей квартиры, и тоже поглядывал на наши окна, где всегда сидели тетки за шитьем. Они были молоденькие, недурны собой. Я подметила, что тетки всегда волновались, завидя

Пушкина, и краснели, когда он смотрел на них. Я старалась заранее встать к окну, чтобы посмотреть на Пушкина. Тогда была мода носить испанские плащи, и Пушкин ходил в таком плаще, закинув одну полу на плечо.— Не могу определенительно сказать, сколько времени прошло после того, как прогуливался Пушкин мимо наших окон; но однажды в театре я сидела в ложе с одною из теток. Почти к последнему акту в соседнюю ложу, где сидели две дамы и старичок, вошел курчавый, бледный и худощавый мужчина. Я сейчас же заметила, что у него на одном пальце надето что-то в роде золотого наперстка. Это меня заинтересовало.. Курчавый господин зевал, потягивался и не смотрел на сцену, глядел больше на ложи, отвечал нехотя, когда с ним заговаривали дамы по-французски... Вдруг я припомнила, где его видела... Пушкин скоро ушел из ложи. Более мне не удалось его видеть. Уже взрослою я узнала значение золотого наперстка на его пальце. Он отрастил себе большой ноготь и, чтобы последний не сломался, надевал золотой футляр.

А. Я. ГОЛОВАЧЕВА-ПАНАЕВА. *Воспоминания*. СПб. 1890. Стр. 23.

(1819). Поводом к сочинению оды «Вольность» послужил разговор поэта с Кавериним: проезжая с ним ночью на извозчике мимо Инженерного замка,— может быть, на Фонтанку, к Тургеневым,— Пушкин вызвался написать стихи на это мрачное здание.

Ю. Н. ЩЕРБАЧЕВ со слов Е. П. Соколовой, дочери П. П. Каверина. *Приятель Пушкина Щербинин и Каверин*. М. 1913, стр. 61.

Из людей, которые были старше Пушкина, всего чаще посещал он братьев Тургеневых; они жили на Фонтанке, прямо против Михайловского замка, что ныне Инженерный, и к ним, т.-е. к меньшому Николаю, собирались нередко высокоумные молодые вольнодумцы. Кто-то из них, смотря в открытое окно на пустой тогда, забвенью брошенный дворец, шутя предложил Пушкину написать на него стихи. Он по матери происходил от Арапа и гибкостью членов, быстротой телодвижений несколько походил на негров и на человекоподобных жителей Африки. С этим проворством вдруг вскочил он на большой и длинный стол, стоявший перед окном; растянулся на нем, схватил перо и бумагу и со смехом принялся писать. Окончив, показал стихи и не знаю, почему, назвали их «Одой на свободу».

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ. *Записки*, ч. VI, 10.

Самое сильное нападение Пушкина на меня по поводу (*тайного*) общества было, когда он встретился со мною у Н. И. Тургенева, где тогда собрались все желавшие участвовать в предполагаемом издании политического журнала. Тут, между прочим, были Куницын и наш лицейский товарищ Маслов. Мы сидели кругом большого стола. Маслов читал статью свою о статистике. В это время я слышу, что кто-то сзади берет меня за плечо. Оглядываюсь,— Пушкин! «Ты что здесь делаешь? Наконец поймал тебя на самом деле», — шепнул он мне на ухо и прошел дальше. Кончилось чтение. Мы встали. Подхожу к Пушкину, здороваюсь с ним; подали чай, мы закурили сигарки и сели в уголок. «Как же ты мне никогда не говорил, что знаком с Николаем Ивановичем? Верно, это ваше общество в сборе? Я совершенно нечаянно зашел сюда, гуляя в Летнем саду. Пожалуйста, не секретничай; право, любезный друг, это ни на что не похоже!» Мне и на этот раз легко было без большого обмана доказать ему, что это совсем не собрание обще-

ства, им отыскиваемого, что он может спросить Маслова, и что я сам тут совершенно неожиданно... Не знаю настоящим образом, до какой степени это объяснение удовлетворило Пушкина; только вслед за этим у нас переменился разговор, и мы вошли в общий круг.

И. И. ПУШИН. *Л. Майков, 72.*

Дружбы между Пушкиным и Рылевым не было. П. А. Плетнев передавал нам, что Пушкин смеивался над неумеренностью суждений Рылеева, над его отзывами о европейской политике, которую будто изучал он по тогдашним русским газетам в книжной лавке Сленина. Пушкина с Рылевым связывали только общие занятия словесностью.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Деятнадцатый век. Истор. сборн., кн. I. М. 1872. Стр. 76.*

За что Пушкин мог рассердиться на меня, чтобы, после наших добрых отношений, бросить в меня пасквилом? Как я узнала впоследствии, причиною озлобления Пушкина была нелепая сплетня. Говоря о Пушкине у князя Шаховского, Грибоедов назвал его «мартышкой». Пушкину перевели, будто бы это прозвище было дано ему мною!.. Раздраженный, раздосадованный, не взяв труда доискаться правды, поэт осмеял меня¹⁾. Катенин и Грибоедов пеняли ему, настаивали на том, чтобы он извинился передо мною. Пушкин сознался в своей опрометчивости, ругал себя и намеревался ехать ко мне с повинной. Но тут последовала его высылка из Петербурга. (Ср. послание П-на к Катенину: «Кто мне пришлет ее портрет», 5 апр. 1821 г.).

А. М. КАРАТЫГИНА-КОЛОСОВА. *Рус. Стар., 1880, т. 28, стр. 569.*

Большую частью эпиграммы, каламбуры и остроты срывались с языка Пушкина против тех людей, которые имели неосторожность оскорбить чем-либо раздражительного поэта: в этих случаях он не щадил никого и тотчас обливал своего противника едкой желчью. На одном вечере Пушкин, еще в молодых годах, был пьян и вел разговор с одною дамою. Надобно прибавить, что эта дама была рябая. Чем-то недовольная поэтом, она сказала:

— У вас, Александр Сергеевич, в глазах двоит?

— Нет, сударыня,— отвечал он,— рябит!

(М. М. ПОПОВ). *Русс. Стар., 1784, № 8, 686.*

¹⁾ В эпиграмме

Все пленяет нас в Эсфири:
Упоительная речь,
Поступь важная в порфире,
Кудри черные до плеч;
Голос нежный, взор любви...
Набеленая рука,
Размалеванные брови
И широкая нога!

(январь. 1819 г.).

Пушкин слез: старое пристало к новому, и пришлось ему опять за поэму приниматься.

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. П. А. Вяземскому, 12 февраля 1819 г. *Ост. Арх.*, I, 191.

Венера пригвоздила Пушкина к постели и к поэме.

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. П. А. Вяземскому, 22 февр. 1819 г. *Ост. Арх.*, I, 200.

Пушкин уже на ногах и идет в военную службу.

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. П. А. Вяземскому, 5 марта 1819 г. *Ост. Арх.*, I, 202.

Пушкин не на шутку собирается в Тульчин, а оттуда в Грузию и бредит уже войною. Он уже и слышать не хочет о мирной службе.

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. П. А. Вяземскому 12 марта 1819 г. *Ост. Арх.*, I, 252.

Щербинин, Олсуфьев — Пушкин — у меня в П-бурге ужинали — шампанское в лед было поставлено за сутки вперед — случайно тогдашняя красавица моя (для удовлетворения плотских желаний) мимо шла — ее звали — жар был несносный — Пушкина просили память этого вечера в нас продолжить стихами — вот они — оригинал у меня.

27 мая 1819.

Веселый вечер в жизни нашей
Запомним, юные друзья;
Шампанского в стеклянной чаше
Шипела холодная струя—
Мы пили—и Венера с нами
Сидела прей за столом.
Когда ж вновь сядем вчетвером
С б...ми, вином и чубуками.

П. П. КАВЕРИН. Тетрадь 1824—1830 гг. Ю. Н. Щербачев. *Приятели Пушкина Щербинин и Каверин*. М. 1913, стр. 16.

Пушкин очень болен. Он простудился, дожидаясь у дверей одной... которая не пускала его в дождь к себе, для того, чтобы не заразить его своею болезнью. Какая борьба благородства, любви и распутства!

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. П. А. Вяземскому, 18 июня 1819 г. *Ост. Арх.*, I, 253.

Пушкину лучше, но был опасно болен.

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. П. А. Вяземскому, 25 июня 1819 г. *Ост. Арх.*, I, 256

Пушкин выздоравливает.

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. П. А. Вяземскому, 1 июля 1819 г. *Ост. Арх.*, I, 260.

Дельвиг обещал на-днях зайти за мною и отвести к Пушкину, который в это время по болезни не мог выходить из комнаты... Пушкин жил тогда на Фонтанке, близ Калинкина моста... Мы взошли на лестницу, слуга отворил двери, и мы вступили в комнату. У дверей стояла кровать, на которой лежал молодой человек в полосатом бухарском халате, с ермолкою на голове. Возле постели, на столе, лежали бумаги и книги. В комнате соединялись признаки жилища молодого светского человека с поэтическим беспорядком ученого. При входе нашем Пушкин продолжал писать несколько минут; потом, обратясь к нам, как будто уже знал, кто пришел, подал обе руки моим товарищам (*Дельвигу и Баратынскому*) со словами: «Здравствуйте, братцы!» Вслед за сим он сказал мне с ласковою улыбкою: «я давно желал знакомиться с вами, ибо мне сказывали, что вы большой знаток в вине и всегда знаете, где достать лучшие устрицы». Я не знал, радоваться ли мне этому приветствию или сердиться на него... Мы говорили о древней и новой литературе. Суждения Пушкина были вообще кратки, но метки, и даже когда они казались несправедливыми, способ изложения их был так остроумен и блистателен, что трудно было доказать их неправильность. В разговоре его была большая склонность к насмешке, которая часто становилась язвительною. Она отражалась во всех чертах лица его, и думаю, что он способен возвыситься до той истинно-поэтической иронии, которая подымается над ограниченной жизнью смертных и которой мы столько удивляемся в Шекспире. Хозяин наш оканчивал тогда романтическую свою поэму. Я знал уже из нее некоторые отрывки, которые исполнили меня намерением узнать целое. Я высказал это желание; товарищи мои присоединились ко мне, и Пушкин принужден был уступить нашим усиленным просьбам и прочесть свое сочинение.

(В. ЭРТЕЛЬ¹). «Выписка из бумаг дяди Александра». *Русский Альманах на 1832 и 1833 годы, изданный В. Эртедем и А. Глебовым*. СПб. 1832, стр. 285—300.

Однажды мы в длинном фургоне возвращались с репетиции. Тогда против Большого Театра жил камер-юнкер Никита Всеволодович Всеволожский, которого Дембровский (*воспитанник театрального училища, слуга автора*) учил танцевать. Это было весною, кажется, в 1818 году. Когда поровнялся наш фургон с окном, на котором тогда сидел Всеволожский и еще кто-то с плоским, приплюснутым носом, большими губами и с смуглым лицом мулата, Дембровский высунулся из окна нашего фургона и начал им усердно кланяться. Мулат снял с себя парик, стал им махать над своей головой и кричал что-то Дембровскому. Эта фарса нас всех рассмешила. Я спросил Дембровского: «кто этот господин?» и он отвечал мне, что это сочинитель Пушкин, который тогда только что начинал входить в известность. Тут же Дембровский прибавил, что после жестокой горячки Пушкину выбрили голову и что-де на-днях он написал на этот случай стихотворение:

Я ускользнул от Эскулапа
Худой, обритый, но живой:
Его мучительная лапа
Не тяготеет надо мной.
Здоровье, легкий друг Приапа,
И сон, и сладостный покой,

¹) Авторство В. Эртеля устанавливается В. П. Гаевским. «Дельвиг». *Современник*. 1853, № 5, Критика, стр. 29.

Как прежде посетили снова
Мой угол тесный и простой
и т. д.¹⁾.

П. А. КАРАТЫГИН (изв. комик-актер и водеви-
лист). *Записки*. СПб. 1880. Стр. 43.

Вообрази себе двенадцатилетнего юношу, который шесть лет живет в виду дворца и в соседстве с гусарами, и после обвиняй Пушкина за его «Оду на свободу» и за две болезни не русского имени!

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. П. А. Вяземскому, 5 авг.
1819 г. *Ост. Арх.*, I, 280.

Пушкина здесь нет; он в деревне на все лето и отдыхает от парнасских своих подвигов. Поэма у него почти вся в голове. Есть, вероятно, и на бумаге, но вряд ли для чтения.

А. И. ТУРГЕНЕВ—И. И. Дмитриеву, 7 авг. 1819 г.,
из Петербурга. *Рус. Арх.*, 1867, стр. 651

(В Царском Селе у Карамзина и Жуковского). Явился обритый Пушкин из деревни и с шестою песнью («Руслан и Людмила»). Здесь я его еще не видал, а там он, как бес, мелькнул, хотел возвратиться со мною и исчез в темноте ночи, как привидение.

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. Вяземскому из Петербурга.
19 авг. 1819 г. *Ост. Арх.*, I, 293.

Из Царского Села свез я ночью в Павловское Пушкина. Мы разбудили Жуковского. Пушкин начал представлять обезьяну и собачью комедию и тешил нас до двух часов утра... Дорогой из Царского Села в Павловск писал он послание о Жуковском к павловским фрейлинам, но еще не кончил.

Что из этой головы лезет! Жаль, если он ее не сносит! Он читал нам пятую песню своей поэмы, в деревне сочиненную. Здесь возобновил он прежний род жизни. Волос уже нет, и он ходит бледный, но не унылый.

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. Вяземскому, 26 авг. 1819 г.
Ост. Арх., I, 296.

Склонись, о Пушкин, Феба ради,
На просьбу слабого певца
И вспомни, как, к моей отраде,
Ты мне посланье обещал;
Припомни также вечер ясный,
Когда до дому провожал
Тебя, пилт мой сладкогласный,
И ты мне руку с словом дал;
Когда стихами и шампанским
Свои рассудки начиня
И дымом окурясь султанским,
Едва дошли мы до коня;
Уселись кое-как на дрожках,
Качаясь, ехали в тени,
И гасли медленно в окошках
Чуть-чуть заметные огни;

¹⁾ Послание к В. В. Энгельгардту «Я ускользнул от Эскулапа» написано летом 1819 г., следовательно, автор ошибается, относя встречу к весне 1818 г.

Зыбясь, в Фонтанке отражалась
 Столбом серебряным луна,
 И от строений расстилалась
 Густая тень, как пелена,
 И слышен был, подобно грому,
 Повозок шум издалика;
 По своду темно-голубому
 Прозрачны плыли облака.
 И Вesper теплился порою,
 Двояся трепетно в струях:
 В то время мчались мы с тобою.
 В пустых коломенских краях...
 Ты вспомни, как, тебя терзая,
 Согласье выпросил тогда,
 Как сонным голосом, зевая,
 На просьбу мне ты молвил: да!
 Но вот проходит уж вторая
 Неделя с вечера того,
 Я слышу, пишешь ты ко многим,
 Ко мне-ж покамест ничего...

Я. Н. ТОЛСТОЙ—Пушкину. В. Каллаш. Русские поэты о Пушкине. М. 1899. Стр. 8. (В 1819 г. Пушкин написал послание к Я. Толстому «Стансы»: Философ ранний, ты бежишь...).

Исторически буду говорить тебе о наших,—все идет попрежнему: шампанское, славу богу, здорово, актрисы также, — то пьется, а те (.....)—аминь, аминь, так и должно. У Юрьева х..... ¹⁾ славу богу здоров,—у меня открывается маленький, и то хорошо—Всеволожский играет: мел столбом! Деньги сыплются!

ПУШКИН—П. Б. Мансурову, 27 окт. 1819 г.

Беснующегося Пушкина мельком вижу только в театре, куда он заглядывает в свободное от зверей время. В прочем же жизнь его проходит у приема билетов, по которым пускают смотреть привезенных сюда зверей, между ксими тигр есть самый смирный. Он влюбился в приемщицу билетов и сделался ее cavalier servant; наблюдает между тем природу зверей и замечает оттенки от скотов, которых смотрит gratis.

А. И. ТУРГЕНЕВ — кн. Вяземскому, 12 ноября 1819 г. Ост. Арх., I, 350.

Императрица Елизавета спрашивала Жуковского, который в то время Александре Федоровне (жене вел. кн. Николая Павловича) по-русски уроки давал, от чего Пушкин, сочиняя хорошо,—ничего не напишет для нее. Пушкин послал «На лире скромной, благородной» и пр. (Следует текст «Ответа на вызов написать стихи в честь гос. имп-цы Ел. Ал-ны»).

П. П. КАВЕРИН. Тетрадь 1824—1830 гг. Ю. Н. Щербачев. Приятеля Пушкина, 78.

¹⁾ Вульгарное название гонорреи.—К 1818—1819 г. относят незаконченный отрывок Пушкина: «За старые грехи наказанный судьбой, я стражду восемь дней с лекарствами в желудке, с *меркурием в крови*, с раскаяньем в рассудке...» Многих биографов смущает этот «меркурий в крови»: не был ли Пушкин болен сифилисом? Данных для этого нет решительно никаких. Приводимое ниже (под 1826 г., сент.) свидетельство бар. М. А. Корфа ненадежно, самый же факт «меркурия в крови» ничего не доказывает: медицина того времени все три венерические болезни не считала качественно различными, и все они лечились ртутью (при гоноррее—внутрь).

Барон Антон Антонович
ДЕЛЬВИГ

Петр Яковлевич
ЧААДАЕВ

В этот мой приезд в Петербург я встретила Пушкина в доме тетки моей Олениной... Я видела Карамзина с его гордой, даже надменной супругой. Не-кто сказал, когда вошел Карамзин и жена его в залу: «oui, c'est là m-me Карамзин, on le voit à sa morgue! (Да, это т-жа Карамзина, ее узнаешь по ее гордой осанке)». Она была первую любовью Пушкина.

А. П. КЕРН. Воспоминания. *Рус. Стар.*, 1870, т. 1, 264.

(1819). На одном из вечеров у Олениных я встретила Пушкина и не заметила его; мое внимание было поглощено шарадами, которые тогда разыгрывались и в которых участвовали Крылов, Плещеев и другие... Но он вскоре дал себя заметить. Во время дальнейшей игры на мою долю выпала роль Клеопатры, и когда я держала корзинку с цветами, Пушкин, вместе с братом Александром Полторацким, подошел ко мне, посмотрел на корзинку и, указывая на брата, сказал: «а этот господин будет, наверно, играть роль аспида?» Я нашла это дерзким, ничего не ответила и ушла. После этого мы сели ужинать.

У Олениных ужинали на маленьких столиках. За ужином Пушкин уселся с братом моим позади меня и старался обратить на себя мое внимание льстивыми возгласами, как например: «позволительно ли быть такую хорошенькою!» Потом завязался между ними шуточный разговор о том, кто грешник и кто нет, кто будет в аду и кто попадет в рай. Пушкин сказал брату: «во всяком случае, в аду будет много хорошеньких, там можно будет играть в шарady. Спроси у т-ме Керн: хотела ли бы она попасть в ад?» Я отвечала очень серьезно и несколько сухо, что в ад не желаю. «Ну, как же ты теперь, Пушкин?»—спросил брат.—«Я раздумал,—ответил поэт,—я в ад не хочу, хотя там и будут хорошенькие женщины».

А. П. КЕРН. Воспоминания. *Л. Майков.* 236.

П. А. Катенин заметил в эту эпоху (1819 г.) характеристическую черту Пушкина, сохранившуюся и впоследствии: осторожность в общении с людьми, мнение которых уважал, лязкий обход спорных вопросов, если они поставлялись слишком решительно.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 51.

В Петербурге, в Толмачевом переулке, от Гостинного Двора к нынешнему Александринскому театру, бывшем, кажется, глухим, был кабак в роде харчевни. Пушкин с Дельвигом и еще с кем-то в компании, человек по пяти, иногда ходили, переодевшись в дрянные платья, в этот кабак кутить, наблюдать нравы таких харчевен и кабаков и испытывать самим тамошние удовольствия.

НОРДШТЕЙН. Выписки из тетрадей. *Рус. Арх.*, 1905, III, 255.

Разве в наше время, когда мы били немцев на Красном Кабачке, и нам не доставалось, а немцы получали тычки, сложа руки?

ПУШКИН—жене, 18 мая 1836.

Физическая организация молодого Пушкина, крепкая, мускулистая и гибкая, была чрезвычайно развита гимнастическими упражнениями. Он сла-

вился, как неутомимый ходок пешком, страстный охотник до купанья, до езды верхом, и отлично дрался на эскадронах, считаясь чуть ли не первым учеником известного фехтовального учителя Вальвиля.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 38.

Многие тогда сами на себя наклепывали. Эта тогдашняя черта водилась и за Пушкиным: придет, бывало, в собрание, в общество, и расхатывается.— «Что вы, Александр Сергеевич?»— «Да вот выпил 12 стаканов пуншу!» А все вздор, и одного не допил.

Ф. Н. ГЛИНКА. *Рус. Стар.*, 1871, т. III, 245.

Пьет он (*Лев Пушкин*), как я заметил, более из тщеславия, нежели из любви к вину. Он толку в вине не знает, пьет, чтобы перепить других, и я никак не мог убедить его, что это смешно. Ты так же молод был, как ныне молод он, сколько из молодечества выпил лишнего?

Бар. А. А. ДЕЛЬВИГ—Пушкину, 21 марта 1827 г.
Переписка Пушкина, II, 14.

Приведу анекдот, слышанный мною в детстве, более, чем вероятно, дошедший до моих домашних от Щербинина или Каверина,—вернее от последнего. На одном кутеже Пушкин побился, будто бы, об заклад, что выпьет бутылку рома и не потеряет сознания. Исполнив, однако, первую часть обязательства, он лишился чувств и движения и только, как заметили присутствующие, все сгибал и разгибал мизинец левой руки. Придя в себя, Пушкин стал доказывать, что все время помнил о закладе, и что двигал мизинцем во свидетельство того, что не потерял сознания. По общему приговору, пари было им выиграно.

Ю. Н. ШЕРБАЧЕВ. *Приятель Пушкина Щербинин и Каверин*, стр. 207.

После смерти отца, молодой Нащокин, избалованный богатою матерью, предался свободной и совершенно независимой жизни, так что, живя на всем готовом в доме родительницы, он нанимал бельэтаж какого-то большого дома на Фонтанке для себя, а вернее для друзей. Сюда он приезжал ночевать с ночных игр и кутежей, сюда же каждый из знакомых его мог явиться на ночлег не только один или сам-друг, но мог приводить и приятелей (незнакомых Нащокину), и одиноких, и попарно. Многочисленная прислуга под управлением карлика Карлы-головастика обязана была для всех раскладывать по полу матрацы, со всеми принадлежностями приличных постелей: парных—в маленьких кабинетах, а холостякам в больших комнатах, в повалку. Сам хозяин, являсь позднее всех, спросит только, много ли ночлежников, потом тихо пробирается в свой отдельный кабинет. Но зато утром все обязаны явиться к кофе и чаю: тут происходят новые знакомства и интересные эпизоды... Случалось, что в торжественные дни рождения Нащокина гвардейская молодежь с красотками, после великолепного завтрака и множества опорожненных бутылок, сажали в четырехместную карету, запряженную четверкою лошадей, нащокинского Карлу-карлика с кучей разряженных девиц, а сами, сняв мундиры, в одних рейтузах и рубашках, засев на места кучера и форейтора и став на запятках вместо лакеев, летели во всю конскую прыть по Невскому проспекту, по Морской и по всем лучшим улицам. А раз, по инициативе Пушкина, тоже в день рождения Нащокина, приглашают друзья его самого

в собственный его приют, где при входе приготовили ему сюрприз, до того циничный, что невозможно описать.

Н. И. КУЛИКОВ со слов П. В. Нащокина. Пушкин и Нащокин. Рус. Стар., 1880, т. 29, стр. 991.

Между нами было и не без шалостей. Случалось, зайдет он ко мне. Вместо: «здравствуй», я его спрашиваю: «от нее ко мне, или от меня к ней?» В моем соседстве, на Мойке, жила Анжелика—прелесть-полька! «На прочее завеса!» Возвратясь однажды с ученья, я нахожу на письменном столе развернутый большой лист бумаги. На этом листе нарисована пером знакомая мне комната, трюмо, две кушетки. На одной из кушеток сидит развалившись претолстая женщина, почти портрет безобразной тетки нашей Анжелики. У ног ее—стрикс, маленькая несносная собаченка. Подписано: «От нее ко мне, или от меня к ней?» Не нужно было спрашивать, кто приходил. Кроме того я понял, что Пушкин этот раз и ее не застал дома.

И. И. ПУЩИН. Л. Майков, 71.

Пушкин почти кончил свою поэму. Пора в печать. Я надеюсь от печати и другой пользы, личной для него: увидев себя в числе напечатанных и, следовательно, уважаемых авторов, он и сам станет уважать себя и несколько оступенится. Теперь его знают только по мелким стихам и по крупным шалостям.

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. Вяземскому, 25 февр. 1820 г. Ост. Арх., II, 23.

В свете Пушкин предался распутствам всех родов, проводя дни и ночи в непрерывной цепи вакханалий и оргий. Должно дивиться, как и здоровье и талант его выдержали такой образ жизни, с которым естественно сопрягались и частые гнусные болезни, низводившие его не раз на край могилы. Пушкин не был создан ни для света, ни для общественных обязанностей, ни даже, думаю, для высшей любви или истинной дружбы. У него господствовали только две стихии: удоветворение плотским страстям и поэзия, и в обоих он—ушел далеко. В нем не было ни внешней, ни внутренней религии, ни высших нравственных чувств, и он полагал даже какое-то хвастовство в отъявленном цинизме по этой части: злые насмешки,—часто в самых отвратительных картинах,—над всеми религиозными верованиями и обрядами, над уважением к родителям, над родственными привязанностями, над всеми отношениями,—общественными и семейными,—это было ему ни по чем, и я не сомневаюсь, что для едкого слова он иногда говорил даже более и хуже, нежели в самом деле думал и чувствовал... Вечно без копейки, вечно в долгах, иногда почти без порядочного фрака, с беспрестанными историями, с частыми дуэлями, в близком знакомстве со всеми трактирщиками, непотребными домами и прелестницами петербургскими, Пушкин представлял тип самого грязного разврата.

Граф. М. А. КОРФ. Записка. Я. Грот, 250.

Сколько мне известно, он вовсе не был предан распутствам всех родов. Не был монахом, а был грешен, как и все в молодые годы. В любви его преобладала вовсе не чувственность, а скорее поэтическое увлечение, что, впрочем, отразилось и в поэзии его.

Никакого особенного знакомства с трактирами не было, и ничего трактирного в нем не было, а еще менее грязного разврата. Все эти обвинения не только несправедливая строгость, но и клевета.

Кя. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. Примечания к «Записке»
М. А. Корфа. Собр. соч. П. П. Вяземского, 493.

(1817—1820). Пушкин и бар. М. А. Корф (лицейский товарищ Пушкина) жили в одном и том же доме; камердинер Пушкина, под влиянием Бахуса, ворвался в переднюю Корфа с целью завести соору с камердинером последнего. На шум вышел Корф и, будучи вспыхнув, прописал виновнику беспокойства *argumentum baculinum* (побил палкой). Побитый пожаловался Пушкину. А. С. вспыхнул в свою очередь и, заступаясь за слугу, немедленно вызвал Корфа на дуэль. На письменный вызов Корф ответил также письменно: «Не принимаю вашего вызова из-за такой безделицы не потому, что вы Пушкин, а потому, что я не Кюхельбекер».

Л. Н. ПАВЛИЩЕВ, 33.

(1819—1820). Я занимал в нижнем этаже две комнаты, но первую от входа уступил приехавшему майору Денисевичу... В одно прекрасное утро,— было ровно три четверти восьмого,— я вошел в соседнюю комнату, где обитал мой майор. Только что я ступил в комнату, из передней вошли в нее три незнакомые лица. Один был очень молодой человек, худенький, небольшого роста, курчавый, с арабским профилем, во фраке. За ним выступили два кавалерийских гвардейских офицера. Статский подошел ко мне и сказал мне тихим, вкрадчивым голосом: «Позвольте вас спросить, здесь живет Денисевич?»—«Здесь,— отвечал я,— но он вышел куда-то, и я велю сейчас позвать его». Я только что хотел это исполнить, как вошел сам Денисевич. При взгляде на воинственных ассистентов статского посетителя, он видимо смутился, но вскоре оправился и принял также марциальную осанку.—«Что вам угодно?»—сказал он статскому довольно сухо.—«Вы это должны хорошо знать,— отвечал статский:— вы назначили мне быть у вас в восемь часов (тут он вынул часы); до восьми остается еще четверть часа. Мы имеем время выбрать оружие и назначить место»... Все это было сказано тихим, спокойным голосом, как-будто дело шло о назначении приятельской пирушки. Денисевич мой покраснел, как рак, и, запутываясь в словах, отвечал: «Я не затем звал вас к себе... Я хотел вам сказать, что молодому человеку, как вы, нехорошо кричать в театре, мешать своим соседям слушать пьесу, что это неприлично».—«Вы эти наставления читали мне вчера при миютих слушателях, — сказал более энергическим тоном статский; — я уж не школьник, и пришел переговорить с вами иначе. Для этого не нужно много слов: вот мои два секунданта; этот господин — военный (тут указал он на меня), он не откажется, конечно, быть вашим свидетелем. Если вам угодно...» Денисевич не дал ему договорить: — «Я не могу с вами драться; вы молодой человек, неизвестный, а я штаб-офицер...» При этом оба офицера засмеялись; я побледнел и затрясся от негодования, видя глупое и униженное положение, в которое поставил себя мой товарищ. Статский продолжал твердым голосом: «Я — русский дворянин, Пушкин; это засвидетельствуют мои спутники, и потому вам не стыдно будет иметь со мною дело». (Узнав, что перед ним — автор «Руслана и Людмилы», рассказчик решил приложить все старания, чтобы предотвратить дуэль. Один из секундантов сообщает ему причину ссоры.) Пушкин накануне был в театре, где судьба посадила его рядом с Денисевичем. Играли пустую пьесу, Пушкин зевал, шикал, говорил громко: «несносно!» Соседу его пьеса, повидимому,

очень нравилась. Выведенный из терпенья, он сказал Пушкину, что тот мешает ему слушать пьесу. Пушкин искося взглянул на него и принялся шуметь топорнейшему. Тут Денисевич объявил, что попросит полицию вывести его из театра.— «Посмотрим»,— отвечал хладнокровно Пушкин и продолжал повесничать. После спектакля Денисевич остановил Пушкина в коридоре.— «Молодой человек! — сказал он и вместе с этим поднял свой указательный палец: — вы мешали мне слушать пьесу... Это неприлично, невежливо». — «Да! я не старик,— отвечал Пушкин,— но, г. штаб-офицер, еще невежливее здесь и с таким жестом говорить мне это. Где вы живете?» Денисевич сказал свой адрес и назначил приехать к нему в 8 ч. у. Не был ли это настоящий вызов? — «Буду»,— отвечал Пушкин. (Рассказчик увел Денисевича в соседнюю комнату. Ему удалось убедить майора в его неправоте и напугать его возможными последствиями). Денисевич убедился, что он виноват, и согласился просить извинения. Тут, не дав опомниться майору, я ввел его в комнату и сказал Пушкину: «г. Денисевич считает себя виноватым перед вами, А. С., и в опрометчивом движении, и в необдуманных словах при выходе из театра; он не имел намерения ими оскорбить вас». — «Надеюсь, это подтвердит сам г. Денисевич»,— сказал Пушкин. Денисевич извинился... и протянул руку, но тот не подал ему своей, сказав тихо: «извиняю», и удалился с своими спутниками, которые очень любезно простились со мною.

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВ. Знакомство мое с Пушкиным. Сочинения, т. IV. Изд. М. О. Вольфа, 1884, стр. 233—238. Ср. письмо Лажечникова Пушкину от 13 дек. 1831 г. Переписка Пушкина, II, 352.

Пушкин всякий день имеет дуэли; благодаря бога, они не смертоносны, бойцы всегда остаются невредимы.

ЕК. А. КАРАМЗИНА (жена историка) кн. П. А. Вяземскому, 23 марта 1820 г. Собр. соч. кн. П. П. Вяземского, 476.

Пушкин числился в иностранной коллегии, не занимаясь службой. Сие кипучее существо, в самые кипучие годы жизни, можно сказать, окунулось в ее наслаждения... Он был уже славный муж по зрелости своего таланта и вместе милый, остроумный мальчик, не столько по летам, как по образу жизни и поступкам своим. Он умел быть совершенно молод в молодости, т.-е. постоянно весел и беспечен.

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ, Записки, VI, 9.

В семействе Пушкина сохранился такой анекдот о нем. Однажды на упрёки семейства в излишней распушенности, которая могла иметь для него роковые последствия, Пушкин отвечал: «без шума никто не выходил из толпы».

П. В. АННЕНКОВ. Пушкин в александровскую эпоху, стр. 85.

Друзья Пушкина единогласно свидетельствуют, что, за исключением двух первых годов его жизни в свете, никто так не трудился над дальнейшим своим образованием, как Пушкин. Он сам, несколько позднее, с упрёком говорил о современных ему литераторах: «мало у нас писателей, которые бы учились; большая часть только разучиваются».

П. В. АННЕНКОВ. Материалы, 43.

Писать стихи Пушкин любил на отличной бумаге, в большом альбоме, который у него был с замком; ключ от него он носил при часах, на цепочке. (На полях заметка С. А. Соболевского: это вздор: князя была такая у Пушкина только до отсылки в изгнание).

П. В. НАШОКИН по записи П. И. Бартенева.
Рассказы о П-не, 27¹⁾.

* Из воспоминаний о Пушкине можно занести здесь случай, бывший с ним в доме Никиты Всеволожского. У последнего был старый дядька-камердинер, очень преданный, но чрезвычайно упрямый. Он слышал, как Ал. С-ч жаловался при нем на одного издателя, требующего окончания одной поэмы, за которую Пушкин уже получил деньги вперед. Однажды А. С-ч зашел утром к Никите Всеволодовичу, но последний был где-то на охоте. Старик-дядька воспользовался случаем и стал приставать к Пушкину, что он должен поэму кончить, так как он за нее деньги получил. Пушкин его обругал и объявил, что никогда эту поэму не кончит. Упрямый старик, несколько не смущаясь, запер Пушкина на ключ в кабинете Никиты Всеволодовича. Что ни делал раздосадованный Пушкин, но старик-дядька, стоя за дверьми, повторял все одно и то же: — «Пишите, Александр Сергеевич, ваши стишки, а я не пуцую, как хотите, должны писать и пишете». Пушкин, видя, что до возвращения Никиты Всеволодовича, т.-е. до вечера, дядька его не выпустит, сел за письменный стол и до того увлекся, что писал до следующего дня, отгоняя уже дядьку и самого Никиту Всеволодовича. Таким образом, Пушкин окончил одну из своих поэм.

А. В. ВСЕВОЛОЖСКИЙ (сын Никиты). Род Всеволожских, Симферополь, 1836, стр. 15.

Мне было 20 лет в 1820 г. Необдуманные отзывы, сатирические стихи... Разнесся слух, будто я был отвезен в тайную канцелярию и высечен. До меня до последнего дошел этот слух, который стал общим. Я увидел себя опозоренным перед светом. На меня нашло отчаяние, я метался в стороны, мне было 20 лет. Я раздумывал, не следует ли мне прибегнуть к самоубийству или умертвить (ваше величество). В первом случае я только бы подтвердил разнесшуюся молву, которая меня бесчестила; во втором—я бы не мстил за себя, потому что прямой обиды не было, а совершил бы только преступление и пожертвовал бы общественному мнению, которое презирал, человеком, внушавшим мне уважение против моей воли. Таковы были мои размышления. Я сообщил их другу, который был совершенно моего мнения. Он мне советовал попытаться оправдать себя перед властью, я чувствовал бесполезность этого. Я решил высказывать столько негодования и наглости в своих речах и своих сочинениях, чтобы, наконец, власть вынуждена была обращаться со мною, как с преступником. Я жаждал Сибири или крепости, как восстановления чести.

ПУШКИН—императору Александру Первому (черновое письмо, неотосланное). Май-июнь 1825 г. (фр.).

К этой же, самой тяжелой в жизни Пушкина, эпохе может относиться рассказ И. В. Киреевского, слышанный им от Ф. Ф. Матюшкина, как поэт с пистолетом в руках разговаривал с отцом своим.

П. И. БАРТЕНЕВ. «А. С. Пушкин». Т. II. М. 1835.
Стр. 103.

¹⁾ Соболевский ошибался, утверждая, что тетрадь с запирающимся замком была у Пушкина только до ссылки в 1826 г.; дневник Пушкина 1833—1835 гг. писался именно в такой тетради.

Прим. М. А. Цявловского.

Поэт Родзянко уверял меня, что он видел сам, как Пушкин, сидя в театре в кресле, показывал находившимся подле него лицам портрет убийцы герцога Беррийского, Лувеля, с его надписью: «урок царям».

А. И. МИХАЙЛОВСКИЙ-ДАНИЛЕВСКИЙ. Записки. *Рус. Стар.*, 1890, № 11, 505.

Д. Н. Свербеев передал нам, что Пушкин в театре, ходя по рядам кресел, показывал знакомым портрет Лувеля и позволял себе при этом возмутительные отзывы.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1884, III, стр. 194.

Петербург душен для поэта: я жажду краев чужих; авось полуденный воздух оживит мою душу. Поэму свою («*Руслан и Людмила*») я кончил, и только последний, т.-е. окончательный стих ее принес мне удовольствие. Она так мне надоела, что не могу решиться переписывать ее клочками для тебя. Письмо мое скучно, потому что с тех пор, как я сделался историческим лицом для сплетниц С-т-Петербурга, я глупею и старею не неделями, а часами.

ПУШКИН—кн. П. А. Вяземскому, перв. пол. марта, 1820 г.

Победителю-ученику от побежденного учителя в тот высокотожественный день, в который он окончил свою поэму «*Руслан и Людмила*», 1820, марта 26, Великая пятница.

В. А. ЖУКОВСКИЙ. Надпись на его портрете, подаренном им Пушкину. *Пушкин*. Изд. Брокгауз-Ефрон. Т. II, стр. 537.

Раз утром выхожу я из своей квартиры и вижу Пушкина, идущего мне навстречу. Он был, как и всегда, бодр и свеж; но обычная (по крайней мере, при встречах со мною) улыбка не играла на его лице, и легкий оттенок бледности замечался на щеках. Пушкин заговорил первый.— «Я шел к вам посоветоваться. Вот видите: слух о моих и не моих пьесах, разбежавшихся по рукам, дошел до правительства. Вчера, когда я возвратился поздно домой, мой старый дядька объявил, что приходил в квартиру какой-то неизвестный человек и давал ему пятьдесят рублей, прося дать ему почитать моих сочинений и уверяя, что скоро принесет их назад. Но мой верный старик не согласился, а я взял да и сжег все мои бумаги... Теперь,— продолжал Пушкин, немного озабоченный,— меня требуют к Милорадовичу! Я не знаю, как и что будет, и с чего с ним взяться?.. Вот я и шел посоветоваться с вами»... Мы остановились и обсуждали дело со всех сторон. В заключение я сказал ему: «Идите прямо к Милорадовичу, не смущаясь, и без всякого опасения. Положитесь безусловно на благородство его души: он не употребит во зло вашей доверенности». Тут, еще поговорив немного, мы расстались: Пушкин пошел к Милорадовичу.

Часа через три явился и я к Милорадовичу, при котором состоял я по особым поручениям. Милорадович, лежавший на своем зеленом диване, окутанный дорогими шальями, закричал мне навстречу: «Знаешь, душа моя! У меня сейчас был Пушкин! Мне ведь велено взять его и забрать все его бумаги; но я счел более деликатным пригласить его к себе и уж от него самого вытребовать бумаги. Вот он и явился очень спокоен, с светлым лицом, и когда я спросил о бумагах, он отвечал: «Граф! Все мои стихи сожжены! — у меня ничего не найдете в квартире, но, если вам угодно, все

найдется здесь (указал пальцем на свой лоб). Прикажете подать бумаги; я напишу все, что когда-либо написано мною (разумеется, кроме печатного) с отметкою, что мое и что разошлось под моим именем». Подали бумаги. Пушкин сел и писал, писал... и написал целую тетрадь... Вот она (указывая на стол у окна), полюбуйтесь! Завтра я отвезу ее государю. А знаешь ли? Пушкин пленил меня своим благородным тоном и манерою обхождения».¹

На другой день я пришел к Милорадовичу пораньше. Он возвратился от государя и первым словом его было: «Ну, вот дело Пушкина и решено!» И продолжал: «Я ядал государю тетрадь и сказал: «здесь все, что разбредлось в публике, но вам, государь, лучше этого не читать» Государь улыбнулся на мою заботливость. Потом я рассказал подробно, как у нас дело было. Государь слушал внимательно, а наконец спросил: «а что же ты сделал с автором?» — «Я? Я объявил ему от имени вашего величества прощение!» Тут мне показалось, что государь слегка нахмурился. Помолчав немного, он с живостью сказал «не рано ли?» Потом, еще подумав, прибавил: «ну, коли уж так, то мы распорядимся иначе: снарядить Пушкина в дорогу, выдать ему прогоны и, с соблюдением возможной благовидности, отправить его на службу на юг!» Вот как было дело. Между тем, в промежутке двух суток, разнеслось по городу, что Пушкина берут и сылают. Гнедич, с заплаканными глазами (я сам застал его в слезах) бросился к Оленину. Карамзин, как говорили, обратился к государыне (*Марии Федоровне*), а Чаадаев хлопотал у Васильчикова, и всякий старался замолвить слово за Пушкина. Но слова шли своею дорогою, а дело исполнялось буквально по решению.

Ф. Н. ГЛИНКА. Удаление Пушкина из Петербурга. Рус. Арх., 1866, стр. 918.

В одно прекрасное утро полицеймейстер пригласил Пушкина к графу Милорадовичу, тогдашнему петербургскому военному генерал-губернатору. Когда привезли Пушкина, Милорадович приказывает полицеймейстеру ехать в его квартиру и опечатать все бумаги. Пушкин, слыша это приказание, говорит ему: — «Граф, вы напрасно это делаете. Там не найдете того, что ищете. Лучше велите мне дать перо и бумаги, я здесь же все вам напишу». Милорадович, тронутый этой свободной откровенностью, торжественно воскликнул: «Ah, c'est chevaleresque!» и пожал ему руку. Пушкин сел и написал все контрабандные свои стихи¹).

И. И. ПУШИН. Л. Майков, 75.

Дело о ссылке Пушкина началось особенно по настоянию Аракчеева и было рассматриваемо в государственном совете, как говорят. Милорадович призывал Пушкина и велел ему объявить, которые стихи ему принадлежат, а которые нет. Он отказался от многих своих стихов, тогда и между прочим от эпиграммы на Аракчеева, зная, откуда идет удар.

Я. И. САБУРОВ по записи П. В. Анненкова. Б. Модзалевский. «Пушкин». 1929. Стр. 337.

Нечаянно узнав о строгом наказании, грозившем поэту, Чаадаев, поздним вечером, прискакал к Н. М. Карамзину, немного удивил его своим приездом в такой необыкновенный час, принудил историографа оставить

¹ За исключением, впрочем,—как говорили тогда,—одной эпиграммы на Аракчеева, которая бы ему никогда не простилась (П. В. Анненков. П-н в Александр. эпоху, 140).

свою работу и убедил, не теряя времени, заступиться за Пушкина у императора Александра.

Д. Н. СВЕРБЕЕВ. Воспоминания о Чаадаеве. Рус. Арх., 1868, стр. 977.

Узнав о грозящей опасности, Пушкин пришел к Карамзину, рассказал свои обстоятельства, просил совета и помощи, со слезами на глазах выслушивал дружеские упреки и наставления.— «Можете ли вы,— сказал Карамзин,— по крайней мере обещать мне, что в продолжение года ничего не напишете противного правительству? Иначе я выйду лжецом, прося за вас и говоря о вашем раскаянии». Пушкин дал ему слово и сдержал его: не раньше 1821 г. прислал из Бессарабии, без подписи, стихи свои «Кинжал».

П. И. Бартенев со слов гр. Д. Н. БЛУДОВА, Пушкин в ю. России, 13.

Граф Д. Н. Блудов передавал нам, что Карамзин показывал ему место в своем кабинете, облитое слезами Пушкина.

П. И. БАРТЕНЕВ. Р. А., 1897, II, 493.

Над здешним поэтом Пушкиным если не туча, то по крайней мере облако, и громоносное: служа под знаменами Либералистов, он написал и распустил стихи на вольность, эпиграммы на властителей и проч., и проч. Это узнала полиция etc. Опасаются следствий. Хотя я уже давно, истощив все способы образумить эту беспутную голову, предал несчастного Року и Немезиде; однако же, из жалости к таланту, замолвил слово, взяв с него обещание уняться. Не знаю, что будет. Мне уже поздно учиться сердцу человеческому: иначе я мог бы похвалиться новым удостоверением, что либерализм наших молодых людей совсем не есть геройство и великодушие.

Н. М. КАРАМЗИН—И. И. Дмитриеву, 19 апр. 1820 г. Письма Карамзина к Дмитриеву, стр. 287.

Участь Пушкина решена. Он завтра отправляется курьером к Ишову и останется при нем. Он стал тише и даже скромнее et, pour ne pas se compromettre, даже и меня в публике избегает.

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. П. А. Вяземскому, 5 мая 1820 г. Ост. Арх., II, 37.

Пушкина простили, позволили ему ехать в Крым. Я просил об нем из жалости к таланту и молодости: авось будет рассудительнее: по крайней мере дал мне слово на два года.

Н. М. КАРАМЗИН—И. И. Дмитриеву, 7 июня 1820 г. Письма Карамзина к Дмитриеву, стр. 290.

На дружеский выговор Чаадаева, зачем, уезжая из Петербурга, он не простился с ним, Пушкин в ответ ему написал: «Мой милый, я заходил к тебе, но ты спал: стоило ли будить тебя из-за такой безделицы».

П. И. Бартенев со слов П. Я. ЧААДАЕВА. (Самого письма не сохранилось). П-н в ю. России, 15.

Я обещал Н. М. (Карамзину) два года ничего не писать противу правительства.

ПУШКИН—В. А. Жуковскому, в мае-июне 1825 г.

Пушкин, быв несколько дней совсем не в пиитическом страхе от своих стихов на свободу и некоторых эпитаграмм, дал мне слово уняться и благополучно поехал в Крым месяцев на пять; ему дали рублей тысячу на дорогу. Он был, кажется, тронут великодушием государя, действительно трогательным... Если Пушкин и теперь не исправится, то будет чортом еще до отбытия своего в ад. Увидим, какой эпилог напишет к своей поэмке!

Н. М. КАРАМЗИН—кн. П. А. Вяземскому, 17 мая 1820 г. *Старина и Новизна*, кн. I, стр. 101.

Коллежскому секретарю Пушкину, отправляемому к главному попечителю колонистов южного края России, ген.-лейтенанту Инзову, выдать на проезд тысячу рублей ассигнациями из наличных в коллегии на курьерские отправления денег.

ПРИКАЗ ГРАФА К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ от 4 мая 1820 г. *Рус. Стар.*, 1887, т. 53, стр. 238.

Исполненный горестей в продолжении всего своего детства, молодой Пушкин оставил родительский дом, не испытывая сожаления. Лишенный сыновней привязанности, он мог иметь лишь одно чувство — страстное желание независимости. Этот ученик уже ранее проявил гениальность необыкновенную. Его ум вызывал удивление, но характер его, кажется, ускользнул от взора наставников. Он вступил в свет, сильный пламенным воображением, но слабый полным отсутствием тех внутренних чувств, которые служат заменю принципов, пока опыт не успеет дать нам истинного воспитания. Нет той крайности, в которую бы не впадал этот несчастный молодой человек, — как нет и того совершенства, которого не мог бы он достигнуть высоким превосходством своих дарований... Несколько поэтических пьес, в особенности же ода на вольность, обратили на Пушкина внимание правительства... Г.г. Карамзин и Жуковский, осведомившись об опасностях, которым подвергся молодой поэт, поспешили предложить ему свои советы, привели его к признанию своих заблуждений и к тому, что он дал торжественное обещание отречься от них навсегда. Г. Пушкин кажется исправившимся, если верить его слезам и обещаниям. Однако эти его покровители полагают, что раскаяние его искренне... Отвечая на их мольбы, император уполномочивает меня дать молодому Пушкину отпуск и рекомендовать его вам... Судьба его будет зависеть от успеха ваших добрых советов.

Письмо мин. ин. дел гр. К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ ген.-лейтенанту Инзову от 4 мая 1820 г., одобренное императором и данное Пушкину для вручения Инзову. *Рус. Стар.*, 1887, т. 53, 241.

В ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ — НА КАВКАЗЕ — В КРЫМУ

(В половине мая 1820 г. — приезд в Екатеринослав. В конце мая — отъезд с семьей Раевских на Кавказ. В середине августа, с семьей Раевских, переезд в Крым через Тамань. Три недели в Гурзуфе. В половине сентября отъезд в Кишинев, куда тем временем была переведена из Екатеринослава канцелярия ген. Инзова).

(В мае 1820 г.). Белорусский тракт ужасно скучен. Не встречая никого на станциях, я обыкновенно заглядывал в книгу для записывания подорожных и там искал проезжих. Вижу раз, что накануне проехал Пушкин в Екатеринослав. Спрашиваю смотрителя, какой это Пушкин. Смотритель говорит, что это поэт Александр Сергеевич, едет, кажется, на службу, на перекидных, в красной русской рубашке, в опояске, в поярковой шляпе. (Время было ужасно жаркое).

И. И. ПУЩИН. *Л. Майков, 74.*

Генерал Инзов был председателем «Попечительного комитета по устройству колонистов южной России», куда и был командирован Пушкин, помимо его желания. Канцелярию комитета Пушкин, по приезде в Екатеринослав, посетил раза три, из которых раз по приезде представился генералу Инзову, все же время пребывания в Екатеринославе посвящал катанию на лодке по Днепру и гулянию по лесам, так как все место, ныне Севастопольская площадь и Соборная, было покрыто вековыми деревьями, внизу же над Днепром находилась тюрьма, из которой на глазах Пушкина бежали два «брата-разбойника».

БЫВШ. ПРЕДВОДИТЕЛЬ ДВОРЯНСТВА (со слов отца своего, служившего при ген. Инзове). Письмо из Бахмута. *Новое Время, 1899, № 8285.*

Мой покойный отчим, кн. А. Н. Гирей, указывал мне то место, где жил Пушкин. Жил он в доме Краконины, находящемся на Мандрыковке, против усадьбы моего отчима, кн. Гирея. Усадьба, где жил Пушкин, прилегает к Днепру. В Мандрыковке, близ Днепра, находилась тюрьма, из которой во время пребывания поэта бежали два брата-арестанта, побочные дети помещика Засорина... Ныне усадьба принадлежит г. Кулобухову.

Г. МЕКЛЕНБУРЦОВ, Письмо в ред. *Приднепровский Край, 1899, № 392.*

Могу подтвердить верные указания г. Мекленбургцева о доме, где жил Пушкин. Он, действительно, жил на Мандрыковке... Быв. городской голова

Кулабухов говорил лет 10—20 тому назад моему дяде, фотографу, Н. А. Иванову, что дом, в котором жил Пушкин, был разобран лет 40 тому назад его отцом, в виду его ветхости... В то время здесь находилась масса вековых деревьев, а недалеко протекал Днепр. Место это живописное. Мандрыковка вообще очень живописна, особенно в мае, когда все цветет.

В. ТАТАРЕНКО. Письмо в ред. *Приднепровский Край*, 1899, № 413.

* Оказалось, и в Екатеринославе уже знали Пушкина, как знаменитого поэта, и пребывание его в городе стало событием для людей, восторженно к нему относившихся. Одним из тех людей был тогдашний профессор екатеринославской семинарии А. С. Понятовский. И вот он, в сопровождении богатого помещика С. С. Клевцова, надобно думать, такого же энтузиаста, отправляется его отыскивать. Находят. Входят в лачужку, занимаемую поэтом. Пушкин встретил гостей, держа в зубах булку с икрою, а в руках стакан красного вина.

— Что вам угодно? — спросил он вошедших.

И когда они сказали, что желали иметь честь видеть славного писателя, то славный писатель отчеканил им следующую фразу:

— Ну, теперь видели? До свидания!

М. Ф. ДЕ-ПУЛЕ со слов одного из учеников Понятовского. *Рус. Арх.*, 1879, III, 136.

* В Екатеринославе Пушкин, конечно, познакомился с губернатором Шемиотом¹⁾, который однажды пригласил его на обед. Приглашены были и другие лица, дамы, в числе их моя жена (я сам находился в раз'ездах). Это было летом, в самую жаркую пору. Собрались гости, явился и Пушкин, и с первых же минут своего появления привел все общество в большое замешательство необыкновенною эксцентричностью своего костюма: он был в кисейных панталонах, прозрачных, без всякого исподнего белья. Жена губернатора, г-ма Шемиот, чрезвычайно близорукая, одна не замечала этой странности. Жена моя потихоньку посоветовала ей удалить из гостиной ее дочерей-барышень, объяснив необходимость этого удаления. Г-ма Шемиот, не допуская возможности такого неприличия, уверяла, что у Пушкина простые летние панталоны бланжевого, телесного цвета; наконец, вооружившись лорнетом, она удостоверилась в горькой истине и немедленно выпроводила дочерей из комнаты. Хотя все были очень возмущены и сконфужены, но старались сделать вид, будто ничего не замечают; хозяева промолчали, и Пушкину его проделка сошла благополучно.

А. М. ФАДЕЕВ, *Воспоминания. Рус. Арх.*, 1891, I, 400.

Приехав в Екатеринослав, я соскучился, поехал кататься по Днепру, выкупался и схватил горячку, по моему обыкновению. Генерал Раевский, который ехал на Кавказ с сыном и двумя дочерьми, нашел меня в жидовской хате, в бреду, без лекаря, за кружкою оледенелого лимонада.

ПУШКИН—брату Льву, 24 сент. 1820 г.

Пушкин прожил в Екатеринославе в 1820 г. дней 18, до приезда в Екатеринослав ген. Раевского, который со своим семейством проездом оста-

¹⁾ «В Екатеринославе приехал в десятом часу ночи к губернатору Карагеоргию». Н. Н. РАЕВСКИЙ в письме к своей дочери Ек. Н. Раевской. *М. О. Гершензон; Мудрость Пушкина*, 178.

новился в Екатеринославе по просьбе своего сына, который хотел повидаться со своим приятелем Пушкиным, которого, по указанию генерала Инзова, нашли в доме или, скорее, в домике, на Мандрьжовке. Когда генерал Раевский с сыном вошли в комнату, то их глазам представилось следующее: А. Серг-ч лежал на досчатой скамейке или досчатом диване. Он был болен. На Раевских он произвел удручающее впечатление при этой обстановке. При виде Раевских у него от радости показались слезы. Раевский выхлопотал ему отпуск, и 4-го или 5-го июня вместе с ними уехал он на Кавказ. Мой отец состоял в то время при генерале Инзове, — он и рассказывал мне обо всем вышеизложенном.

БЫВШ. ПРЕДВОДИТЕЛЬ ДВОРЯНСТВА. *Новое
Время*, 1899, № 8285.

Я, в качестве доктора, отправился с генералом Раевским на Кавказ... Едва я, по приезде в Екатеринослав, расположился, после дурной дороги, на отдых, ко мне, запыхавшись, вбегает младший сын генерала:—«Доктор! Я нашел здесь моего друга; он болен, ему нужна скорая помощь,—поспешите со мною!» Нечего делать,—пошли. Приходим в гадкую избенку и там, на досчатом диване, сидит молодой человек, — небритый, бледный и худой. — «Вы нездоровы?»—спросил я незнакомца.—«Да, доктор, немножко пошалил, купался; кажется простудился». Осмотревши тщательно больного, я нашел, что у него была михорадка. На столе перед ним лежала бумага.—«Чем вы тут занимаетесь?»—«Пишу стихи». Нашел, думаю я, и время, и место. Посоветовавши ему на ночь выпить чего-нибудь теплого, я оставил его до другого дня. Мы остановились в доме губернатора К. (*Карагеоргия*). По утру гляжу—больной уже у нас: говорит, что он едет на Кавказ вместе с нами. За обедом наш гость весел и без умолку говорит с младшим Раевским по-французски. После обеда у него озноб, жар и все признаки пароксизма. Пишу рецепт.—«Доктор, дайте что-нибудь получше, дряни в рот не возьму». Что будешь делать? Прописал слабую микстуру... На другой день закатил ему хины. Пушкин морщится. Мы поехали далее.

Д-р Е. П. РУДЫКОВСКИЙ. Встреча с Пушкиным.
Из записок медика. *Русс. Вестник*, 1841, № 1. Целиком перепечатано у Анненкова, *Материалы*, 65.

Я лег в коляску больной: через неделю вылезился.

ПУШКИН—брату Льву, 24 сент. 1820 г.

Доставленные от вас тысячу рублей для г. Пушкина я получил, которые к нему отправил на Кавказские Воды. Расстроенное его здоровье в столь молодые лета и неприятное положение, в коем он по молодости находится, требовали с одной стороны помочи, а с другой безвредной рассеянности, потому отпустил я его с генералом Раевским, который в проезд свой через Екатеринослав охотно взял его с собою. При okazji, прошу сказать об оном графу И. А. Каподистрии. Я надеюсь, что за сие меня не побранит и не назовет баловством. Он малой право доброй, жаль только, что скоро кончил курс наук; одна ученая скорлупа останется навсегда скорлупою.

Генерал И. Н. ИНЗОВ—К. Я. Булгакову, из Екатеринослава в июне 1820 г. *Рус. Арх.*, 1863, стр. 900.

С Раевским ехали на Кавказ, кроме сына Николая и военного доктора Рудыковского, две младшие дочери его, Мария (14 лет) и девочка Софья, при них англичанка мисс Мятен и компаньонка Анна Ивановна (крестница

генерала, родом татарка, удержавшая в выговоре и лице свое восточное происхождение). Все это общество помещалось в двух каретах и коляске. Пушкин сначала ехал с младшим Раевским в коляске, а потом генерал пересадил его к себе в карету, потому что его сильно трясла лихорадка.

П. И. Бартенев со слов Кн. М. Н. ВОЛКОНСКОЙ (Раевской). *Пушкин в ю. России*, 220.

Как поэт, Пушкин считал своим долгом быть влюбленным во всех хорошеньких женщин и молодых девушек, с которыми он встречался. Мне вспоминается, как во время этого путешествия, недалеко от Таганрога, я ехала в карете с Софьей, нашей англичанкой, русской няней и компаньонкой. Завидев море, мы приказали остановиться, вышли из кареты и всей гурьбой бросились любоваться морем. Оно было покрыто волнами, и, не подозревая, что поэт шел за нами, я стала забавляться тем, что бегала за волной, а когда она настигала меня, я убегала от нее; кончилось тем, что я промочила ноги. Понятно, я никому ничего об этом не сказала и вернулась в карету. Пушкин нашел, что эта картина была очень грациозна и, поэтизируя детскую шалость, написал прелестные стихи; мне было тогда лишь 15 лет.

Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к ее ногам!
Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами!

Позже, в поэме «Бахчисарайский фонтан», он сказал:

...ее очи
Яснее дня,
Чернее ночи.

В сущности, он обожал только свою музу и поэтизировал все, что видел.

Кн. М. Н. ВОЛКОНСКАЯ (РАЕВСКАЯ). *Записки. Кн-во «Прометей»*. Изд. 2, стр. 62.

На Дону мы обедали у атамана Денисова. Пушкин меня не послушался: покушал бланманже и снова заболел.—«Доктор, помогите!»—«Пушкин, слушайте!» — «Буду, буду!» Опять микстура, опять пароксизмы и гримасы.—«Не ходите, не ездите без шинели». — «Жарко, мочи нет». — «Лучше жарко, чем лихорадка». — «Нет, лучше уж лихорадка». Опять сильные пароксизмы. — «Доктор, я болен». — «Потому что упрямы. Слушайте!» — «Буду, буду!» — И Пушкин выздоровел.

В Горячевдск мы приехали все здоровы и веселы. По прибытии генерала в город, тамошний комендант к нему явился и вскоре прислал книгу, в которую вписывались имена посетителей вод. Все читали, любопытствовали. После нужно было книгу возвратить и вместе с тем послать список свиты генерала. За исполнение этого взялся Пушкин. Я видел, как он, сидя на куче бревен на дворе, с хохотом что-то писал, но я ничего и не подозревал. Книгу и список отослали к коменданту. На другой день, во всей форме, отправляюсь к доктору Ц., который был при минеральных водах.—«Вы лейб-медик? приехали с генералом Раевским?»—«Последнее справедливо, но я не лейб-медик».—«Как не лейб-медик? Вы так записаны в книге коменданта; бегите к нему, из этого могут выйти дурные последствия». Бегу к коменданту, спрашиваю книгу, смотрю: там в свите генерала вписаны—две дочери, два сына, лейб-медик Рудыковский и недоросль Пушкин. Насилу убедил я коменданта все это исправить, доказывая, что я не лейб-медик и что Пушкин

не недоросль, а титулярный советник, выпущенный с этим чином из Царско-сельского лицея. Генерал порядочно пожурил Пушкина за эту шутку. Пушкин немного на меня подулся, а вскоре мы расстались.

Д-р Е. П. РУДЫКОВСКИЙ. Встреча с Пушкиным. *Анненков, Материалы*, 66—67.

В Пятигорске их ожидал старший сын Раевского, отст. полковник Александр Николаевич, прибывший туда заранее. Они всем обществом уезжали на гору Бештау пить железные, тогда еще мало известные воды и жили там в калмыцких кибитках за недостатком другого помещения.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Пушкин в ю. России*, 21.

Ванны находились в лачужках, наскоро построенных. Источники, большею частью в первобытном своем виде, били, дымились и стекали с гор по разным направлениям, оставляя по себе белые и красноватые следы. Мы черпали кипучую воду ковшиком из коры, или дном разбитой бутылки... Кавказские воды представляют ныне (1829 г.) более удобностей; но мне было жаль прежнего дикого состояния; мне было жаль крутых каменных тропинок, кустарников и неогороженных пропастей, над которыми, бывало, я карабкался. С грустью оставил я воды... Скоро настала ночь; я ехал берегом Подкумка. Здесь, бывало, сживал со мною Александр Раевский, прислушиваясь к мелодии вод.

ПУШКИН. *Путешествие в Арзрум*, гл. I.

(2 авг. 1820 г., в Пятигорске). Тут увидел Пушкина молодого, который готов с похвальной стороны обратить на себя внимание общее, точно он может, при дарованиях своих; он слушал и колкую правду, но смирялся; и эта перемена делает ему честь.

Г. В. ГЕРАКОВ. *Путевые записки по многим российским губерниям*. Петроград, 1828, стр. 99.

Два месяца жил я на Кавказе; воды мне были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно серные горячие. Впрочем, купался и в теплых кислосерных, в железных и в кислых холодных.

ПУШКИН—брату Льву, 24 сент. 1820 г.

Из Азии переехали мы в Европу (из Тамани в Керчь) на корабле. Я тотчас отправился на так наз. Митридатову гробницу (развалины какой-то башни), там сорвал цветок для памяти и на другой день потерял без всякого сожаления. Развалины Пантикапеи не сильнее подействовали на мое воображение.

Из Феодосии до самого Юрзуфа ехал я морем. Всю ночь не спал. Луны не было, звезды блистали; передо мною, в тумане, тянулись полуденные горы... «Вот Чатырдаг»,—сказал мне капитан. Я не различил его, да и не любопытствовал. Перед светом я заснул.

ПУШКИН—бар. А. А. Дельвигу, в дек. 1824 г.

Ночью на корабле написал я элегию («Погасло дневное светило»).

Пушкин — брату Льву, 24 сент. 1820 г.

До Гурзуфа плыли на военном бриге, отданном в распоряжение генерала Раевского. В ночь перед Гурзуфом Пушкин расхаживал по палубе в задумчивости, что-то бормоча про себя.

П. И. Бартенев со слов кн. М. Н. ВОЛКОНСКОЙ.
Пушкин в ю. России, 33.

Мне жаль, что в этой элетии («*Погасло дневное светило*») дело о любви одной. Зачем не упомянуть о других неудачах сердца? Тут было где поразгуляться:

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—А. И. Тургеневу, 27 ноября 1820 г. Остаф. Арх., II, 170.

(*Дом герцога Ришелье в Гурзуфе, где жила семья Раевских с Пушкиным. Автор посетил дом через месяц после отъезда Раевских*). Мы увидели перед собою огромный замок, в каком-то необыкновенном вкусе: это дом Дюка Ришелье... Замок этот доказывает, что хозяину не должно строить заочно, а может быть и то, что самый отменно хороший человек может иметь отменно дурной вкус в архитектуре. Огромное здание состоит из крылец, переходов с навесом вокруг дома, а внутри из одной галлерей, занимающей все строение, исключая четырех небольших комнат, по две на каждом конце, в которых столько окон и дверей, что нет места, где кровать поставить. В этом состоит все помещение, кроме большого кабинета над галлереей под чердаком, в который надобно с трудом пролезть по узкой лестнице.

(И. М. МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ). *Путешествие по Тавриде в 1820 году*. СПб, 1823, стр. 153.

(Подробное исследование о Пушкинских местах в Гурзуфе с рядом изображений дома Ришелье в разные эпохи—см. *Пушкин и его совр-ки. XVII—XVIII*, 77—155. А. Л. Бертье Делгард. *Память о Пушкине в Гурзуфе*).

Это был довольно большой двухэтажный дом, с двумя балконами, один на море, другой в горы, и с обширным садом. Тут семья Раевского вся была в сборе, кроме сына Александра, который остался на Кавказе. Путешественников ожидали в Гурзуфе супруга Раевского и две отлично образованные и любезные дочери, Екатерина Николаевна, старшая всем, и Елена Николаевна, высокая, стройная, с прекрасными голубыми глазами. Брат Николай скоро познакомил с ними своего молодого приятеля. В доме нашлась старинная библиотека, в которой Пушкин тотчас отыскал сочинения Вольтера и начал их перечитывать. Кроме того, Байрон был почти ежедневным его чтением; Пушкин продолжал учиться по-английски, с помощью Раевского-сына... Пушкин часто разговаривал и спорил с старшею Раевской о литературе. Стыдливая, серьезная и скромная Елена Николаевна, хорошо зная английский язык, переводила Байрона и Вальтер-Скотта по-французски, но втихомолку уничтожала свои переводы. Брат сказал о том Пушкину, который стал подбирать клочки изорванных бумаг и обнаружил тайну. Он восхищался этими переводами, уверяя, что они чрезвычайно верны.

П. И. БАРТЕНЕВ. *П-н в ю. России*, 36.

Николай Раевский (сын) страстно любил литературу, музыку, живопись, и сам писал стихи. На обратном пути с Кавказа он как-то повредил себе ногу, и это было поводом остановки путешественников в Юрзуфе. Катерина Николаевна решительно отвергает недавно напечатанное сведение, будто Пушкин учился в Юрзуфе под ее руководством английскому языку. Ей было

Александр Николаевич
РАЕВСКИЙ

Николай Николаевич
РАЕВСКИЙ

в то время 23 года, а Пушкину 21, и один этот возраст, по тогдашним строгим понятиям о приличии, мог служить достаточным препятствием такому сближению. По ее замечанию, все дело могло состоять разве только в том, что Пушкин с помощью Н. Н. Раевского в Юрзуфе читал Байрона, и что, когда они не понимали какого-нибудь слова, то, не имея лексикона, посылали наверх к Екатерине Николаевне за справкой. Здесь же Николай Николаевич первый познакомил Пушкина с поэзией Шенье.

Я. К. Грот со слов ЕК. Н. ОРЛОВОЙ (РАЕВ-СКОЙ). Я. Грот, 52.

В Юрзуфе прожил я три недели. Мой друг, счастливейшие минуты жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского. Я в нем любил человека с ясным умом, с простой прекрасною душою; снисходительного, попечительного друга, всегда милого, ласкового хозяина... Старший сын его будет более, нежели известен. Все его дочери—преlestь, старшая—женщина необыкновенная. Суди, был ли я щастлив: свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства, жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался,—щастливое полуденное небо; прелестный край, природа, удовлетворяющая воображение; горы, сады, море; друг мой, любимая моя надежда,—опять увидеть полуденный берег и семейство Раевского.

ПУШКИН—брату Льву, 24 сент. 1820 г.

Я слышал, что Пушкин был влюблен в одну из дочерей генерала Раевского и провел несколько времени с его семейством в Крыму, в Гурзуфе... Мне говорили, что впоследствии, создавая «Евгения Онегина», Пушкин вдохновился этою любовью, которой он пламенел в виду моря, лобзающего прелестные берега Тавриды, и что к предмету именно этой любви относится художественная строфа, начинающая стихами: «Я помню море пред грозною»...

Гр. П. И. КАПНИСТ со слов дяди своего, графа А. И. Капниста, бывшего адъютантом при ген. Раевском. Рус. Стар., 1899, т. 98, стр. 242.

Покойный маринист И. К. Айвазовский упорно отстаивал влюбленность Пушкина в Марию Раевскую, как я не раз от него слышал, пересказывая это, как утверждение Н. Н. Раевского-младшего.

А. Л. БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРД. Память Пушкина в Гурзуфе. П-н и его совр-ки, XVII—XVIII, 99.

Старшая из дочерей Раевских, Екатерина, вскоре после моего прибытия в Киев, вышла замуж за Михаила Орлова. Это была замечательная красавица. Вторую из сестер, Елену, можно было сравнить с цветком кактуса, так как она, подобно последнему, после пышного расцвета быстро увяла и, пораженная неизлечимую болезнью, влачила тяжелую, исполненную страданий жизнь. Третья, Мария, представлялась в начале моего знакомства мало интересным, смуглым подростком, четвертая же, Соня, многообещающим, красивым ребенком. Мать и дочери привлекали к себе всех образованием, любезностью и изяществом. Я понемногу почувствовал живой интерес к юной смуглянке с серьезным выражением лица. Мало-по-малу Мария Раевская из ребенка с неразвитыми формами стала превращаться в стройную красавицу, смуглый цвет лица которой находил оправдание в черных кудрях густых волос и пронизывающих, полных огня очах. Нужно ли удивляться, что по-

добная девушка, обладавшая притом живым умом и вокальным талантом, стала украшением вечеров?

Граф ГУСТАВ ОЛИЗАР. Мемуары. *Рус. Вестник*, 1893, № 9, стр. 102.

М. Н. Волконская (урожд. Раевская), молодая, стройная, высокого роста брюнетка, с горящими глазами, с полусмуглым лицом, с немного вздернутым носиком и с гордою, плавною походкою, получила у нас прозвание «la fille du Gange»,—девы Ганга (осень 1827 г.).

Бар. А. Е. РОЗЕН (декабрист). В ссылке. Изд. наследников. М. 1899, стр. 84.

Дед ее по матери, Константинов, был грек. У М. Н. Волконской в чертах лица было что-то нерусское.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Русск. Арх.*, 1902. III, 17.

(Об Елене Раевской). Могу сказать, что мало столь прекрасных лиц, при скромности, приличной благовоспитанным девицам.

ГАВРИЛ ГЕРАКОВ. Продолжение путевых записок по многим российским губерниям, 1820-го и начала 1821 года. Петроград, 1830. Стр. 24.

Вся фамилия Раевских примечательна по редкой любезности и по оригинальности ума. Елена сильно нездорова; она страдает грудью и хотя несколько поправилась теперь, но все еще похожа на умирающую. Она никогда не танцует, но любит присутствовать на балах, которые некогда собою украшала; Мария, идеал Пушкинской Черкешенки (собственное выражение поэта), дурна собой, но очень привлекательна острою разговоров и нежностью обращения.

В. И. ТУМАНСКИЙ—С. Г. Туманской, 5 дек. 1824 г. из Одессы. В. И. Туманский. Стихотворения и письма. СПб. 1912. Стр. 272.

(1817 г.). Жена генерала Раевского познакомила меня с дочерьми своими. Старшая, полная грации и привлекательности, сама меня приласкала. Это красавица Нина (Катерина), о которой потом вспоминал Пушкин. Меньшая была Мария, кроткая брюнетка, вышедшая потом за Волконского.

А. П. КЕРН. Воспоминания. *Рус. Стар.*, 1870. Т. I, стр. 262.

В Юрзуфе жил я сиднем, купался в море и об'едался виноградом; я тотчас привык к полуденной природе и наслаждался ею со всем равнодушием и беспечностью неаполитанского лаццарони. Я любил, проснувшись ночью, слушать шум моря—и заслушивался целые часы. В двух шагах от дома рос молодой кипарис; каждое утро я навещал его, и к нему привязался чувством, похожим на дружество.

Я об'ехал полуденный берег; но страшный переход по скалам Кикинеиса не оставил ни малейшего следа в моей памяти... Мы переехали горы, и первый предмет, поразивший меня, была береза, северная береза! Сердце мое сжалось, я начал уже тосковать о милом полудне, хотя все еще находился в Тавриде. Георгиевский монастырь и его крутая лестница к морю оставили во мне сильное впечатление. Тут же видел я баснословные развалины храма Дианы. Видно, мифологические предания щастливее для меня во-

споминаний исторических; по крайней мере, тут посетили меня рифмы. Я думал стихами. Вот они. «К чему холодные» и проч.

В Бахчисарай приехал я больной... Я обошел дворец с большой досадой на небрежение, в котором он истлевет. NN (*Н. Раевский*) почти насильно повел меня по ветхой лестнице в развалины гарема.

но не тем
В то время сердце полно было,—

лихорадка меня мучила.

ПУШКИН—бар. А. А. Дельвигу, в дек. 1824 г.

Баранов, симферопольский губернатор, уведомляет нас, что Пушкин-поэт был у него с Раевским, и что он отправил его в лихорадке в Бессарабию.

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. П. А. Вяземскому, 3 ноября 1820 г. *Остаф. Арх.*, II, 99.

В КИШИНЕВЕ

(В конце ноября 1820 г. П. уехал из Кишинева в Каменку, имение Раевских и Давыдовых, откуда ездил с Раевским в Киев. В Каменке прожил до начала марта, когда воротился в Кишинев. В конце апреля 1821 г. ездил на месяц в Одессу. В ноябре 1822 г. вторично ездил в Каменку. В конце мая 1823 г. уехал из Кишинева в Одессу, в начале июля приехал на несколько дней в Кишинев и окончательно уехал на жительство в Одессу). 7

По приезде в Кишинев Пушкин остановился в заезжем доме у Ивана Николаевича Наумова. Он был мещанин и одет, как говорится, в немецкое платье. Дом и флигель его были очень опрятные и не глиняные; тут останавливались все высшие приезжавшие лица.

И. П. ЛИПРАНДИ. Рус. Арх., 1866, стр. 1263.

Домик, из которого Пушкин через несколько месяцев переселился в дом наместника Инзова, существует и поныне. Он находится в третьем полицейском участке, в том месте, где Антоновская и Прункуловская улицы, идущие вниз от Андреевской, окрещиваются под острым углом, во дворе под № 19 (с Антоновской ул.). Это—небольшой домик из трех комнат с кухней и сенями. Теперь фасад этого домика, значительно против прежнего измененный, со стороны Антоновской ул. закрыт отчасти досчатым забором и новым флигелем. Раньше домик был совершенно открыт; осененный тенью нескольких роскошных акаций, под которыми был разбит хорошенький цветник, огороженный с улицы штахетами, в летнее время он представлял довольно поэтический уголок... Теперь этот домик врос в землю до окон; двор зарос бурьяном; почерневшая крыша заросла крапивой и дикими цветами.

В. И. ОАТ, кишиневский старожил, в письме к А. И. Яцимирскому. П. собр. соч. Пушкина, изд. Брокгауза, II, 160.

Приехав в Кишинев, Пушкин остановился в одной из тамошних глиняных мазанок, у русского переселенца Ивана Николаева, состоявшего при квартирной комиссии и весьма известного в городе омышленного мужика. Но Инзов вскоре позаботился о лучшем для него помещении. Он дал ему квартиру в одном с собою доме. Дом этот находился в конце старого Кишинева, на небольшом возвышении. В то время он стоял одиноко, почти на пустыре. Сзади примыкал к нему большой сад, расположенный на скате с виноградником... Дом был довольно большое двух'этажное здание; сверху жил сам Инзов, внизу двое-трое его чиновников. При доме в саду находился

птичий двор со множеством канареек и других птиц, до которых наместник был большой охотник... Пушкину отведены были две небольшие комнаты внизу, сзади, направо от входа, в три окна с железными решетками, выходящие в сад. Вид из них прекрасный, по словам путешественников, самый лучший в Кишиневе. «Прямо под скатом, в ложине, течет река Бьж, образуя небольшое озеро. Левее—каменоломни молдаван, и еще левее новый город. Вдали горы с белеющими домиками какого-то села. Стол у окна, диван, несколько стульев, разбросанные бумаги и книги, голубые стены, облепленные восковыми пулями, следы упражнений в стрельбе из пистолета,—вот комната, которую занимал Пушкин. Другая, или прихожая, служила помещением верному и преданному слуге его Никите... В этом доме Пушкин прожил почти все время; он оставался там и после землетрясения 1821 г., от которого треснул верхний этаж, что заставило Инзова на время переместиться в другую квартиру... Большую часть дня Пушкин проводил где-нибудь в обществе, возвращаясь к себе ночевать, и то не всегда, и проводя дома только утреннее время за книгами и письмом. Стола, разумеется, он не держал, а обедал у Инзова, у Орлова, у гостеприимных кишиневских знакомых своих и в трактирах. Так, в первое время он нередко заходил в так наз. *Зеленый трактир* в верхнем городе.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Пушкин в ю. России*, 54.

«Инзова гора» в то время была одною из живописнейших местностей города. Прекрасный сад, засаженный преимущественно фруктовыми деревьями, привлекал туда много гуляющей публики. Там были даже весьма редкостные растения, как-то: апельсиновые и померанцевые деревья, не говоря уже о прекрасных виноградниках. На самой вершине горы красовался небольшой двух'этажный дом Инзова. Стены были выкрашены масляными красками и разрисованы видами разных растений: до того генерал Инзов любил растительность.

Со слов КИШИНЕВСКИХ СТАРОЖИЛОВ. *Рус. Арх.*, 1899, II, 341.

Первый взрыв горячности Пушкина не был недоступным до его рассудка. Вот чему я был близким свидетелем. В конце октября 1820 года брат генерала М. Ф. Орлова, уланский полковник Федор Федорович, потерявший ногу, кажется, под Бауценом, приехал на несколько дней в Кишинев. Удалство его было известно. Однажды, после обеда, он подошел ко мне и к полковнику А. П. Алексееву и находил, что будет гораздо приятнее куда-нибудь отправиться, чем слушать разговор «братца с Охотниковым о политической экономии». Мы охотно приняли его предложение, и он заметил, что надо бы подобрать еще кого-нибудь; ушел в гостиную и вышел оттуда под руку с Пушкиным. Мы решили идти в бильярдную Гольды. Здесь не было ни души. Спрошен был портер. Орлов и Алексеев продолжали играть на бильярде на интерес и в придачу на третью партию вазу жженки. Ваза скоро была подана. Оба гусара порешили пить круговой; я воспротивился, более для Пушкина, ибо я был привычен и находил даже это лучше, нежели не очередно. Алексеев предложил на голоса; я успел сказать Пушкину, чтобы он не соглашался, но он пристал к первым двум, и потому приступили к круговой. Первая ваза кое-как сошла с рук, но вторая сильно подействовала, особенно на Пушкина; я оказался крепче других. Пушкин развеселился, начал подходить к бортам бильярда и мешать ипре. Орлов назвал его школьником, а Алексеев присовокупил, что школьников проучивают. Пушкин рванулся от меня и, перепутав шары, не остался в долгу и на слова, кончилось тем, что он вызвал обоих, а меня пригласил в секунданты. В десять часов утра должны были собраться у меня. Было близко полночи. Я пригласил Пушкина ночевать к себе. До-

рогой он уж опомнился и начал бранить себя за свою арабскую кровь, и когда я ему представил, что главное в этом деле то, что причина не совсем хорошая, и что надо как-нибудь замять,—«ни за что!»—произнес он «остановишься.—Я докажу им, что я не школьник!» Подходя уже к дому, он произнес: «скверно, гадко; да как же кончить?»—«Очень легко, отвечал я: вы первый начали смешивать их игру; они вам что-то сказали, а вы им вдвое; и наконец, не они вас, а вы их вызвали. Если они придут не с тем, чтобы становиться на барьер, а с предложением помириться, то ведь честь ваша не пострадает». Он долго молчал, наконец сказал по-французски: «Это басни: они никогда не согласятся; Алексеев—может быть; он семейный, но Теодор никогда: он обрек себя на натуральную смерть, то все-таки лучше умереть от пули Пушкина или убить его, нежели играть в жизни с кем-нибудь другим». Я не отчаивался в успехе. Закусив, я уложил Пушкина, а сам, не спавши, дождался утра и в восьмом часу поехал к Орлову. Не застав его, отправился к Алексееву. Едва я показался в двери, как оба они в один голос объявили, «что сейчас собирались ко мне посоветоваться, как бы окончить глупую вчерашнюю историю».—«Приезжайте в 10 час., как условились, ко мне,—отвечал я им.—Пушкин будет, и вы прямо скажете, чтобы он, так, как и вы, позабыл вчерашнюю жженку». Они охотно согласились. Возвратясь к себе, я нашел Пушкина уже вставшим и с свежей головой, обдумавшим вчерашнее столкновение. На сообщенный ему результат моего свидания, он взял меня за руку и просил, чтобы я ему сказал откровенно, не пострадает ли его честь, если он согласится оставить дело. Я повторил ему сказанное накануне, что не они, а он их вызвал, и они просят мира. Он согласился, но мне все казалось, что он не доверял, в особенности Орлову, чтобы этот отложил такой прекрасный случай подражаться; но когда я ему передал, что Федор Федорович не хотел бы делом этим сделать неприятное брату,—Пушкин, казалось, успокоился. Видимо, он страдал только потому, что столкновение случилось за бильярдом, при жженке: «а не то, славно бы подрался; ей-богу, славно!» Через полчаса приехали Орлов и Алексеев. Все было сделано, как сказано; все трое были очень довольны. За обедом в этот день у Алексеева Пушкин был очень весел и, возвращаясь, благодарил меня, объявив, что, если когда представится такой же случай, то чтобы я не отказал ему в советах и пр.

И. П. ЛИПРАНДИ, 1412—1416.

В Кишиневе, в бильярде кофейной Фукса, Пушкин смеялся над Ф. Орловым, тот выкинул его из окошка; Пушкин вбежал опять в бильярд, схватил шар и пустил в Орлова, которому попал в плечо. Орлов бросился на него с кием, но Пушкин выставил два пистолета и сказал: «Убью». Орлов струсил.

К. К. ДАНЗАС по записи Анненкова. Б. Модзалевский. «Пушкин». 1929. Стр. 339.

(В начале ноября 1820 г., в кишиневском театре). Мое внимание обратил вошедший молодой человек небольшого роста, но довольно плечистый и сильный, с быстрым и наблюдательным взором, необыкновенно живой в своих приемах, часто смеющийся в избытке непринужденной веселости, и вдруг неожиданно переходящий к думе, возбуждающей участие. Очерки лица его были неправильны и некрасивы, но выражение думы до того было увлекательно, что невольно хотелось бы спросить: что с тобой? какая грусть мрачит твою душу? — Одежду незнакомца составляли черный фрак, застегнутый на все пуговицы, и такого же цвета шаровары. Я узнал от Н. С. Алексеева, что это Пушкин. — После первого акта драмы Пушкин подошел к нам; в разговоре с Алексеевым он доверчиво обращался ко мне,

как бы желая познакомиться, но это сближение было прервано поднятием занавеса. Во втором антракте Пушкин снова подошел к нам. При вопросе Алексева, как я нахожу игру актеров, я отвечал решительно, что тут разбирать нечего, что каждый играет дурно, а все вместе очень дурно. Это незначашее мое замечание почему-то обратило внимание Пушкина. Пушкин начал смеяться и повторял слова мои; вслед за этим, без дальних околичностей, мы как-то сблизились разговором, вспомнили петербургских артистов, вспомнили Семенову, Колосову. Воспоминания Пушкина согреты были неподдельным чувством воспоминания первоначальных дней его петербургской жизни и при этом снова яркую улыбку сменила грустная дума. В этом расположении Пушкин отошел от нас, и, пробираясь между стульев, со всею ловкостью и изысканною вежливостью светского человека, остановился перед какой-то дамою; я невольно следил за ним, и не мог заметить, что мрачность его исчезла, ее сменил звонкий смех, соединенный с непрерывной речью. Пушкин беспрерывно краснел и смеялся; прекрасные его зубы выказывались во всем своем блеске, улыбка не угасала.

На другой день мы встретились с Пушкиным у брата моего генерала (М. Ф. Орлова), гвардии полковника Федора Федоровича Орлова, которого благосклонный прием и воинственная наружность совершенно меня очаровали. Я смотрел на Орлова, как на что-то сказочное; то он напоминал мне бояр времен Петра, то древних русских витязей; а его георгиевский крест, взятый с боя с потерей ноги по колено, невольно вселяли уважение. Но притом я не мог не заметить в Орлове странного сочетания умилительной скромности с самой разгульной удалей боевой его жизни. Тут же я познакомился с двумя Давыдовыми, родными братьями по матери генерала 12-го года Н. Н. Раевского. Судя по наружным приемам, эти два брата Давыдовы ничего не имели между собою общего: Александр Львович отличался изысканностью маркиза, Василий щеголял каким-то особым приемом простолодина; но каждый по своему обошелся со мною приветливо. Давыдовы, как и Орлов, ожидая возвращения Михаила Федоровича, жили в его доме, принимали гостей, хозяйничали. Все они дружески обращались с Пушкиным; но выражение приятни Александра Львовича сбивалось на покровительство, что, как мне казалось, весьма не нравилось Пушкину. В это утро много говорено было о «Черной шали», на-днях только Пушкиным написанной. Не зная самой песни, я не мог участвовать в разговоре. Пушкин это заметил и обещал мне прочесть ее; но, повторив в разрыв некоторые строфы, вдруг схватил рапиру и начал играть ею; припрыгивая, становился в позу, как бы вызывая противника. В эту минуту вошел Друганов. Пушкин, едва дав ему поздороваться с нами, стал предлагать ему биться, Друганов отказывался. Пушкин настоятельно требовал и, как резвый ребенок, стал шутя затрагивать его рапирой. Друганов отвел рапиру рукою, Пушкин не унимался; Друганов начинал сердиться. Чтоб предупредить их раздор, я снова попросил Пушкина прочесть мне молдавскую песню. Пушкин охотно согласился, бросил рапиру и начал читать с большим одушевлением; каждая строфа занимала его, и, казалось, он вполне был доволен своим новорожденным творением.—«Как же,—заметил я,—вы говорите: в глазах потемнело, я весь изнемог, а потом: вхожу в отдаленный покой!»—«Так чтож,—прервал Пушкин с быстротою молнии, вспыхнув сам, как зарница:—это не значит, что я ослеп». Сознание мое, что это замечание придирчиво, погасило мгновенный взрыв Пушкина, и мы пожали друг другу руки. При этом Пушкин, смеясь, начал мне рассказывать, как один из кишиневских армян сердится на него за эту песню. «Он думает, что это я написал на его счет» (151—153).

Пушкин охотно принимал приглашения на все праздники и вечера, и все его звали. На этих балах он участвовал в неразлучных с ними занятиях: любил карты и танцы. С каждого вечера Пушкин сбирал новые вос-

торги и делался новым поклонником новых богинь своего сердца. Нередко мне случалось слышать: «Что за прелесть! Жить без нее не могу!», а на завтра подобную прелесть сменяли другие (156).

Пушкин носил молдаванскую шапочку. Выдержав не одну горячку, он принужден был не один раз брить себе голову; не желая носить парик (да к тому же в Кишиневе и сделать его было некому), он заменил парик фескою и так являлся в коротком обществе (178).

В. П. ГОРЧАКОВ. Выдержки из дневника. *Москвитянин*, 1850, № 2.

Колл. сов. Арт. Мак. Худобашев, армянин, был человек лет за 50, чрезвычайно маленького роста, как-то переломленный на бок, с необыкновенно огромным носом, гнусивший и беспощадно ломавший любимый им французский язык. Пушкин с ним встречался во всех обществах и не иначе говорил с ним, как по-французски. Худобашев был его коньком; Александр-Сергеевич при каждой встрече обнимался с ним и говорил, что когда бывает грустен, то ищет встретиться с Худобашевым, который всегда «отводит его душу». Худобашев в «Черной шали» Пушкина принял на свой счет «армянина». Шутники подтвердили это, и он давал понимать, что он, действительно, кого-то отбил у Пушкина. Этот, узнав, не давал ему покоя и, как только увидит Худобашева, начинал читать «Черную шаль». Ссора и неудовольствие между ними обыкновенно оканчивались смехом и примирением, которое завершалось тем, что Пушкин бросал Худобашева на диван и садился на него верхом (один из любимых тогда приемов Пушкина с некоторыми и другими), приговаривая: «не отбивай у меня гречанок!» Это нравилось Худобашеву, воображавшему, что он может быть соперником.

И. П. ЛИПРАНДИ, 1229.

Утром 8 ноября мне дали знать, что начальник дивизии (*М. Ф. Орлов*) возвратился в Кишинев. Я поспешил явиться к генералу. Генерал благосклонно принял меня... Вошел Пушкин, генерал его обнял и начал декламировать: «Когда легковверен и молод я был» и пр. Пушкин засмеялся и покраснел. — «Как, вы уже знаете?» — спросил он. — «Как видишь», — отвечал генерал. — «То-есть, как слышишь», — заметил Пушкин, смеясь. Генерал на это замечание улыбнулся приветливо. — «Но шутки в сторону, — продолжал он, — а твоя баллада превосходна, в каждом двух стихах полнота неподражаемая».

В. П. ГОРЧАКОВ. Выдержки из дневника. *Москвитянин*, 1850, № 2, 154.

Пушкин не изменился на юге: был попрежнему умен, ветрен, насмешлив, и беспрестанно впадал в проступки, как ребенок. Старик Инзов любил его, но жаловался, что ему с этим шалуном столько же хлопот, сколько забот по службе. Обритый, после болезни, Пушкин носил ермолку. Славный стихами, страшный дерзостью и эпиграммами, своевольный, непослушный, и еще в ермолке, — он производил фурор. Пушкин был предметом любопытства и рассказов на юге и по всей России.

(М. М. ПОПОВ). *Русск. Стар.*, 1874. № 8, стр. 687.

Нет сомнения, что все истории, возбуждаемые раздражительным характером Пушкина, его вспыльчивостью и гордостью, не выходили бы из ряда весьма обыкновенных, если бы не было вокруг него столько людей, горячо заботившихся об его участи. Сведения о каждом его шаге сообща-

лись во все концы России. Пушкин так умел обставивать свои выходки, что на первых порах самые лучшие его друзья приходили в ужас и распу-скали вести под этим первым впечатлением. Нет сомнения, что Пушкин производил и смолоду впечатление на всю Россию не одним своим поэти-ческим талантом. Его выходки много содействовали его популярности, и са-мая загадочность его характера обращала внимание на человека, от кото-рого всегда можно было ожидать неожиданное.

Кн. ПАВ. П. ВЯЗЕМСКИЙ. *Собр. соч.*, 504.

В Чигиринском уезде Киевской губ. раскинулось по берегам р. Тяс-мина значительное местечко Каменка с обширной барской усадьбой Давы-довых. Берега Тясмина здесь довольно возвышенны; в одном месте они несколько сближаются и образуют нависшие над рекой скалистые утесы, от которых и самое местечко получило свое название, особенно красивы утесы с реки. Большою проезжею дорогою усадьба Давыдовых разделяется на две части. Первая (если смотреть со стороны реки) теперь полузабро-шенная. Лучше всего в ней сохранилась Свято-Николаевская деревянная церковь, построенная в 1817 г. Неподалеку от церкви, правее и ближе к реке, стоял большой дом, позднее совсем снесенный; на месте его теперь (1899 г.) разрастается молодой фруктовый сад. Еще правее и ближе к Тясмину на-ходится искусственный грот, по рассказам, служивший некогда летнею столовою, в настоящее время это чисто побеленный потреб. С грота открыв-ается один из лучших видов Каменки; по склонам возвышения, на котором расположена усадьба, спускается сад; подалее, за лугом, длинную лентою тянется Тясмин, за ним в беспорядке раскинулась заречная часть местечка. Некогда сад был гораздо больше и доходил почти до самой речки. Левая, в настоящее время главная часть усадьбы полна новой жизни, которая смела здесь всякие остатки старины. Все постройки здесь новые. На воз-вышении находился флигель, в нем жили молодые члены семьи, останавли-вались гости; левее и ниже — маленький серенький домик с колонками, т. наз. бильярдная, которая была окружена садом, но он был тогда значи-тельно меньше и доходил лишь до обрыва. В бильярдной, посредине комнаты, стоял бильярд, а у стен помещались книги, так что здесь, повидимому, была и библиотека. Рассказывают, будто в бильярдной собирались декабристы. В каком доме жил Пушкин, неизвестно; но два места в Каменке особенно связаны с именем его: грот и бильярдная. Старожилы Каменки уверяют, будто до побелки в проте можно было видеть не мало разных надписей и сти-хотворений, в том числе пушкинских. Бильярдных было две: одна в боль-шом доме, подле гостиной, а другая — в особом домике, описанном выше. Так как в бильярдной Пушкин, по преданию, работал, то, по всей вероят-ности, это было не в большом доме, где заниматься было трудно; к тому же сомнительно, чтобы Пушкин жил в большом доме, а из любого помеще-ния в левой части усадьбы ближе и удобнее итти заниматься в находящуюся здесь же бильярдную с библиотекой, чем в большой дом.

А. М. ЛОБОДА. Пушкин в Каменке. *Киевск. Уни-верситетск. Известия*, 1899, Май, отд. II, 81—89.

Сегодня А. Ив. Давыдова (вдова декабриста В. Л. Давыдова) подробно рассказывала мне про жизнь Пушкина в Каменке. Судя по ее рассказам, Каменка в то время была большим, великолепным барским имением, с усадь-бою на большую ногу; жили широко, по тогдашнему обычаю, с оркестром, певчими и т. д.

П. И. ЧАЙКОВСКИЙ—Н. Ф. фон-Мекк из Ка-менки, 19 апр. 1884 г. *М. И. Чайковский. Жизнь П. И. Чайковского*, II, 639.

Теперь нахожусь в Киевской губ., в деревне Давыдовых, милых и умных отшельников, братьев генерала Раевского. Время мое протекает между аристократическими обедами и демократическими спорами. Общество наше, теперь рассеянное, было недавно — разнообразная и веселая смесь умов оригинальных, людей известных в нашей России, любопытных для незнакомого наблюдателя. Женщин мало, много шампанского, много острых слов, много книг, немного стихов. Вы поверите легко, что преданный мгновению, мало заботился я о толках петербургских.

ПУШКИН—Н. И. Гнедичу, 4 дек. 1820 г. из Каменки.

Мы всякий день обедали внизу у старушки-матери. После обеда собирались в огромной гостиной, где всякий мог с кем и о чем хотел беседовать. Жена А. Л. Давыдова, урожденная графиня Грамон, была со всеми очень любезна. У нее была премиленная дочь, лет 12. Пушкин вообразил себе, что он в нее влюблен, беспрепятственно на нее заглядывался и, подходя к ней, шутил с нею очень неловко. Однажды за обедом он сидел возле меня и, раскрасневшись, смотрел так ужасно на хорошенькую девочку, что она, бедная, не знала, что делать, и готова была заплакать; мне стало ее жалко, и я сказал Пушкину вполголоса: «посмотрите, что вы делаете; вашими нескромными взглядами вы совершенно смутили бедное дитя». — «Я хочу наказать кокетку», — отвечал он; — прежде она со мной любезничала, а теперь прикидывается жестокой и не хочет взглянуть на меня». С большим трудом удалось мне обратить все это в шутку и заставить его улыбнуться. В общении Пушкин был до чрезвычайности неловок и при своей раздражительности легко обижался каким-нибудь словом, в котором решительно не было для него ничего обидного. Иногда он корчил лихача, вероятно, вспоминая Каверина и других своих приятелей-гусаров в Царском Селе; при этом он рассказывал про себя самые отчаянные анекдоты, и все вместе выходило как-то очень пошло. Зато заходил ли разговор о чем-нибудь дельном, Пушкин тотчас просветлялся. О произведениях словесности он судил верно и с особенным каким-то достоинством. Не говоря почти никогда о собственных своих сочинениях, он любил разбирать произведения современных поэтов и не только отдавал каждому из них справедливость, но и в каждом из них умел отыскать красоты, каких другие не заметили. Я ему прочел его Noël: «ура! В Россию скачет», и он очень удивился, как я его знаю, а между тем все не напечатанные произведения: *Деревня*, *Кинжал*, *Четырехстишие к Аракчееву*, *Послание к Чаадаеву* и много других были не только всем известны, но в то время не было сколь-нибудь грамотного прапорщика в армии, который не знал их наизусть. Вообще Пушкин был отголосок своего поколения, со всеми его недостатками и со всеми добродетелями (45 — 47).

Все вечера мы проводили на половине у Василия Львовича (*Давыдова*), и вечерние беседы наши для всех нас были очень занимательны. Генерал Раевский не принадлежал сам к Тайному Обществу, но, подозревая его существование, смотрел с напряженным любопытством на все, происходящее вокруг него. Он не верил, чтобы я случайно заехал в Каменку, и ему очень хотелось знать причину моего прибытия. В последний вечер (*М. Ф.*) Орлов, В. Л. Давыдов, Охотников и я сговорились так действовать, чтобы сбить с толку Раевского насчет того, принадлежим ли мы к Тайному Обществу или нет. Для большего порядка в наших прениях был выбран президентом Раевский. С полушутливым и с полуважным видом он управлял общим разговором. В последний этот вечер пребывания нашего в Каменке, после многих рассуждений о разных предметах, Орлов предложил вопрос: насколько было бы полезно учреждение Тайного Общества в России? Сам он высказал все, что можно было сказать за и против Тайного Общества. В. Л. Давыдов

и Охотников были согласны с мнением Орлова; Пушкин с жаром доказывал всю пользу, какую бы могло принести Тайное Общество России. Тут, испросив слово у президента, я старался доказать, что в России совершенно невозможно существование Тайного Общества, которое могло бы быть хоть насколько-нибудь полезно. Раевский стал мне доказывать противное и исчислил все случаи, в которых Тайное Общество могло бы действовать с успехом и пользой. В ответ на его выходку я ему сказал: — «Мне не трудно доказать вам, что вы шутите; я предложу вам вопрос: если бы теперь уж существовало Тайное Общество, вы наверное к нему не присоединились бы?» — «Напротив, наверное присоединился бы», — отвечал он. — «В таком случае давайте руку», — сказал я ему. И он протянул мне руку, после чего я расхохотался, сказав Раевскому: — «Разумеется, все это только одна шутка». Другие также смеялись, кроме Ал. Львовича (*Давыдова*), рогоносца величавого, и Пушкина, который был очень взволнован; он перед этим уверился, что Тайное Общество или существует, или тут же получит свое начало, и он будет его членом; но когда он увидел, что из этого вышла только шутка, он встал, покрасневшись, и сказал со слезой на глазах: «я никогда не был так несчастен, как теперь; я уже видел жизнь мою облагоустроенною и высокую цель перед собою, и все это была только злая шутка». В эту минуту он был точно прекрасен (47 — 48).

И. Д. ЯКУШКИН. *Записки*. М. 1908.

Хоть Пушкин и не принадлежал к заговору, который приятели таили от него, но он жил и раскалялся в этой жгучей и вулканической атмосфере. Все мы более или менее дышали и волновались этим воздухом.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Старина и Новизна*, кн. VIII, стр. 42.

Нам случалось беседовать с княгиней М. Н. Волконской и Ек. Н. Орловой (*урожденными Раевскими*). Обе они отзывались о Пушкине с улыбкою некоторого пренебрежения и говорили, что в Каменке восхищались его стихами, но ему самому не придавали никакого значения. Пушкина это огорчало и приводило в досаду.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1910, II, 299.

Однажды у Раевских разыгрывалась лотерея, — Пушкин положил свое кольцо, моя бабушка (*Мар. Ник. Раевская-Волконская*) его выиграла. Это кольцо я подарил Пушкинскому Дому при Академии Наук.

Кн. С. М. ВОЛКОНСКИЙ. О декабристах (по семейным воспоминаниям). *Русская Мысль*. Прага. 1922. Май. Стр. 70.

Подробность, которая, кажется, в литературу не проникла, но сохранилась в нашем семействе, как предание. Деду моему Сергею Григорьевичу (*Волконскому*) было поручено завербовать Пушкина в члены Тайного Общества; но он, угадав великий талант и не желая подвергать его случайностям политической кары, воздержался от исполнения возложенного на него поручения.

Кн. С. М. ВОЛКОНСКИЙ. О декабристах (по семейным воспоминаниям). *Рус. Мысль*, 1922, май, стр. 71.

По позволению вашего превосходительства А. С. Пушкин доселе гостит у нас, а с генералом Орловым намерен был возвратиться в Кишинев; но, простудившись очень сильно, он до сих пор не в состоянии предпринять обратный путь. О чем долгом поставлю уведомить ваше пр-во и при том уверить, что коль скоро Александр Сергеевич получит облегчение в своей болезни, не замедлит отправиться в Кишинев.

А. Л. ДАВЫДОВ—ген. И. Н. Инзову из Каменки,
15 дек. 1820 г.

До сего времени я был в опасении о г. Пушкине, боясь, чтобы он, невзирая на жестокость бывших морозов с ветром и метелью, не отправился в путь и где-нибудь при неудобствах степных дорог не получил несчастия. Но, получив почтеннейшее письмо ваше от 15 сего месяца, я спокоен и надеюсь, что ваше превосходительство не позволит ему предпринять путь, пока не получит укрепления в силах.

И. Н. ИНЗОВ—А. Л. Давыдову, из Кишинева, 29
дек. 1820 г. И. А. Смирнов. Дело о Пушкине (1820).
Одесса, 1899, стр. 9.

Кто-то из знакомых, неожиданно встретясь с Пушкиным в Киеве, спросил, как он попал туда. «Язык до Киева доведет»,— отвечал Пушкин, намекая на причину своего удаления из Петербурга.

П. И. БАРТЕНЕВ. Пушкин в ю. России, 66.

Об одном из приездов Пушкина в Каменку сохранился рассказ, который мне передавали со слов старшей дочери и жены Вас. Л. Давыдова: Пушкин приехал в какой-то странной повозке; весь запыленный, с порывистыми движениями, живою речью, он показался встретившей его девочке совершенно необычным, и та бросилась от него, крича, что привезли сумасшедшего (89).

В Каменке, как известно, Пушкин окончил «Кавказского Пленника» и писал его, по рассказам гг. Давыдовых, в бильярдной, растянувшись на бильярде. Работал он, не отрываясь от бумаги, и однажды был такой случай: Пушкина позвали обедать; он велел лакею принести рубашку, чтобы переодеться к обеду, а сам продолжал писать; лакей принес рубашку, Пушкин пишет; лакей в выжидательной позе стоит с рубашкой, Пушкин не обращает на него внимания и пишет, пишет.

Пушкин в Каменке, повидимому, не отличался большою аккуратностью; по крайней мере, сохранилось предание, что Вас. Львович Давыдов по уходе Пушкина запирает двери, чтобы никто из прислуги не разбросал листков с набросками и стихами его.

А. М. ЛОБОДА. Пушкин в Каменке. Киевск. Унив.
Изв., май, отд. II, 90.

Михайлю Орлов женится на дочери генерала Раевского (Екат. Ник.), по которой вздыхал Пушкин.

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. П. А. Вяземскому, 23 февр.
1821 г. Ост. Арх., II, 168.

(В первых числах марта 1821 г., в Кишиневе) у генерала (М. Ф.) Орлова я снова свиделся с Пушкиным. Наружность его весьма изменилась.

Фес заменили густые темнорусые кудри, а выражение взора получило более определенности и силы. В этот день Пушкин обедал у генерала. За обедом Пушкин говорил довольно много и не скажу, чтобы дурно, вопреки постоянной придирчивости некоторых, а в особенности самого М. Ф-ча, который утверждал, что Пушкин так же дурно говорит, как хорошо пишет; но мне постоянно казалось это сравнение преувеличенным. Правда, что в рассказах Пушкина не было последовательности, все как-будто в разрыве и очерках, но разговор его весьма был одушевлен и полон начатков мысли. Что же касается до чистоты разговорного языка, то это иное дело: Пушкин, как и другие, воспитанные от пеленок французами, употреблял иногда галлицизмы. Но из этого не следует, чтоб он не знал, как заменить их родною речью.

В. П. ГОРЧАКОВ. Выдержки из дневника. *Москвитянин*, 1850, № 7, 195.

Что до меня, моя радость, скажу тебе, что кончил я новую поэму— *Кавказский Пленник*, которую надеюсь скоро вам прислать,— ты ею не совсем будешь доволен, и будешь прав. Еще скажу тебе, что у меня в голове бродят еще поэмы, но что теперь ничего не пишу,— я перевариваю воспоминания; и надеюсь набрать вскоре новые.

ПУШКИН—бар. А. А. Дельвигу, 23 марта 1821 г., из Кишинева.

* Кишинев. 1 апреля 1821 г. Вчера я был у Ал. Сер-ча: он сидел на полу и разбирал в огромном чемодане какие-то бумаги. «Здравствуй, Мельмот,—сказал он, дружески пожимая мне руку; — помоги, дружище, разобрать мой старый хлам; да чур не воровать». Тут были старые, перемаранные лицейские записки Пушкина, разные неоконченные прозаические статейки его, стихи его и письма Дельвига, Баратынского, Языкова и др. Более часа разбирали мы все эти бумаги, но разбору этому конца не предвиделось: Пушкин утомился, вскочил на ноги и, схватив все разобранные и неразобранные нами бумаги в кучу, сказал: «ну их к чорту!», скомкал кое-как и втискал в чемодан.

В. Г. ТЕПЛЯКОВ. Из дневника. А. Грен. Биографические заметки. *Общезанимательный Вестник*, 1857, № 6, 222.

* Кишинев. 3 апреля 1821 г. Вечер был прекрасный, я отправился за город. Через огороды и плетни я вышел на простор, и передо мной открылась степь, пересекаемая тощим, болотистым Бычком. На другой стороне речки я увидел Пушкина, — он спешил ко мне. — «Послушай, Тепляков, где ты бродишь, я тебя ищу три часа,— закричал мне Пушкин сердито.— Но постой, я перейду к тебе,— и в одно мгновение Пушкин разбежался, перескочил через узкий Бычок и загряз по колено в болото.— «Что за проклятая Бессарабия! — вскричал с сердцем Пушкин, выходя с трудом, с помощью моей, из болота.— Куда как хорошо,— продолжал он, оглядывая себя,— в грязи, запачканный, с душою гадкою, мерзкою!.. Знаешь, Тепляков, ведь я сегодня снова поколотил этого гадкого молдаванешку Бузню... Но признаться, я сам виноват, обидел ни за что человека; погорячился, сунул ему дулю в нос,— и пошла потеха. Надо поправить свои грехи; пойдем, Мельмот, к Бузне,— я извинюсь перед ним; он человек бедный, куча детей, я же перед ним виноват. О, молодость, о, арабская кровь!» Мы пошли к Бузне, но не застали дома: Бузня отправился к Ивану Никитичу (*Инзову*) жаловаться на Пушкина.

4 апреля. Утром я был у Пушкина: он сидел под арестом в своей квартире; у дверей стоял часовой.— «Здравствуй, Тепляков! Спасибо, что посетил арестанта. Поделом мне. Что за добрая, благородная душа у Ивана Никитича! Каждый день я что-нибудь напрокажу; Иван Никитич отечески пожурит меня, отечески накажет и через день все забудет. Скотина я, а не человек! Вчера вечером я арестован, а сегодня рано утром И. Н. прислал узнать о моем здоровье; доставил мне полученные из Петербурга на мое имя письма и последние книжки «Благонамеренного».

В. Г. ТЕПЛЯКОВ. Из дневника. А. Грен. Биографические заметки. *Петербургский Вестник*, 1861, № 14, стр. 310.

Пушкин непременно хочет иметь не один талант Байрона, но и бурные качества его, и огорчает отца язвительным от него отступничеством.

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. П. А. Вяземскому, 26 апр., 1821 г. *Остаф. Арх.*, II, 187.

Один чиновник Областного правления (*И. Н. Ланов*) был приглашен на обед, где находился и Пушкин; за обедом чиновник заглушал своим говором всех, и все его слушали, хотя почти слушать было нечего, и наконец договорился до того, что начал доказывать необходимость употребления вина, как лучшего средства от многих болезней. — «Особенно от горячки», — заметил Пушкин. — «Да, таки и от горячки, — возразил чиновник с важностью; — вот-с извольте-ка слушать: у меня был приятель, некто Иван Карпович, отличный, можно сказать, человек, лет десять секретарем служил; так вот, он-с просто нашим винцом от чумы себя вылечил: как хватил две осьмухи, так как рукой сняло». При этом чиновник зорко взглянул на Пушкина, как бы спрашивая: ну, что вы на это скажете? У Пушкина глаза сверкнули; удерживая смех и краснея, он отвечал: — «Быть может, но только позвольте усомниться». — «Да чего тут позволить, — грубо возразил чиновник, — что я говорю, так — так; а вот вам, почтеннейший, не след бы спорить со мною, оно как-то не приходится». — «Да почему же?», — спросил Пушкин. — «Да потому же, что между нами есть разница». — «Чтож это доказывает?» — «Да то, сударь, что вы еще молокосос». — «А, понимаю, — смеясь, заметил Пушкин, — точно есть разница: я молокосос, как вы говорите, а вы виносос, как я говорю». При этом все расхохотались, противник ошалел.

В. П. ГОРЧАКОВ. Выдержки из дневника об А. С. Пушкине: *Москвитянин*, 1850. Перепеч. в *Книге воспоминаний о Пушкине*, 1931; 94.

Три-четыре вечера проводил я дома. Постоянными посетителями были у меня: Охотников, В. Ф. Раевский, А. Ф. Вельтман, В. П. Горчаков и нек. др. Пушкин редко оставался до конца вечера, особенно во вторую половину его пребывания. Здесь не было карт и танцев, а шла иногда очень шумная беседа, спор, и всегда о чем-нибудь дельном, в особенности у Пушкина с Раевским (*В. Ф.*), и этот последний, по моему мнению, очень много способствовал к подстреканию Пушкина заняться положительнее историей и в особенности географией. Я тем более убеждаюсь в этом, что Пушкин неоднократно после таких споров, на другой или на третий день, брал у меня книги, касавшиеся до предмета, о котором шла речь. Пушкин, как вспыльчивый был, но часто выслушивал от Раевского, под веселую руку обоих, довольно рез-

кие выражения и далеко не обижался, а, напротив, казалось, искал выслушивать бойкую речь Раевского.

И. П. ЛИПРАНДИ, 1255.

Нередко по вечерам мы сходились у подполковника Липранди, который своею особенностью не мог не привлекать Пушкина. В приемах, действиях, рассказах и образе жизни подполковника много было чего-то поэтического; не говоря уже о его способностях, остроте ума и сведениях, Липранди поражал нас то изысканною роскошью, то вдруг каким-то презрением к самым необходимым потребностям жизни, словом, он как-то умел соединять прихотливую роскошь с недостатками. Последнее было слишком знакомо Пушкину. Не имея навыка к расчетливой и умеренной жизни и стесняемый ограниченностью средств, Пушкин также по временам должен был во многом себе отказывать. Молодость и почти кочевая жизнь его, видимо, облегчали затруднения; к тому же с каждым днем Пушкин ожидал перемены своего назначения; ему казалось, что удаление его в южный край России не могло долго продолжаться. Нередко при воспоминании о царскосельской жизни своей Пушкин как бы в действительности переселялся в то общество, где расцветала первоначальная поэтическая жизнь его. В эти минуты Пушкин иногда скорбел; и среди этой скорби воля рассудка уступала впечатлению юного сердца, но Пушкин недолго вполне оставался юношею, опыт уже холодел над ним; это влияние опыта, смиряя порывы, с каждым днем уменьшало его беспечность.

В. П. ГОРЧАКОВ. *Москвитянин*, 1850. № 7, стр. 197.

Попугая, в стоявшей клетке, на балконе Инзова, Пушкин выучил одному бранному молдавскому слову. В день Пасхи 1821 года преосвященный Дмитрий Сулима был у генерала; в зале был накрыт стол; благословив закуску, Дмитрий вошел на балкон, за ним последовал Инзов и некоторые другие. Полобовавшись видом, Дмитрий подошел к клетке и что-то произнес попугаю, а тот встретил его помянутым словом, повторяя его и хохоча. Когда Инзов проводил преосвященного, то с свойственной ему улыбкой и обыкновенным тихим голосом своим сказал Пушкину: «Какой ты шалун! Преосвященный догадался, что это твой урок». Тем все и кончилось. У Инзова на балконе было еще две сороки, каждая в особой клетке, но рассказываемое было с серым попугаем.

И. П. ЛИПРАНДИ, 1264.

Пушкин, живя в одном со мною доме, ведет себя хорошо, и при настоящих смутных обстоятельствах не оказывает никакого участия в сих делах. Я занял его переводом на российский язык составленных по-французски молдавских законов, и тем, равно другими упражнениями по службе, отнимаю способы к праздности. Он, побуждаясь тем же духом, коим исполнены все парнасские жители к ревностному подражанию некоторым писателям, в разговорах своих со мною обнаруживает иногда лирические мысли. Но я уверен, что лета и время образуют его в сем случае... В бытность его в столице, он пользовался от казны 700 рублями на год; но теперь, не получая сего содержания и не имея пособий от родителя, при всем возможном от меня вспомоществовании терпит, однако ж, иногда некоторый недостаток в приличном одеянии. По сему уважению я долгом считаю покорнейше просить

распоряжения вашего к назначению ему отпуска здесь того жалованья, какое он получал в С.-Петербурге.

Ген. И. Н. ИНЗОВ в секретном письме к гр. И. А. Каподистрии от 28 апреля 1821 г., *Рус. Стар.*, 1887, т. 53, стр. 243.

(Вся этого письма Инзова жалование Пушкину было выслано, и высылалось впоследствии по третям, из расчета 700 в год, до самого исключения Пушкина из службы и высылки его из Одессы).

Пушкин находился под непосредственной опекой и руководством И. Н. Инзова. Маститому старцу надлежало умерять порывы, занимать деятельность и вместе успокаивать пылкое воображение поэта. Иван Никитич в этом успел, привязал к себе Пушкина, снискал доверенность его и ни разу не раздражил его самолюбия. Впоследствии Пушкин, переселясь в Одессу, при каждом случае говаривал об Иване Никитиче с чувством сыновнего умиления. Этому я свидетель. В сем долговременном и необычайном отношении старца Инзова к неукротимому юноше, сознавшему в себе сутубый дар творчества и глубокомыслия, заключается поучительная истина, что любовь христианская все побеждает.

А. С. СТУРДЗА. Воспоминания об И. Н. Инзове. *Москвитянин*, 1847, ч. I, стр. 224.

Нередко Инзов, разговаривая со мною, вздыхал о Пушкине, любезном чаде своем. Судьба свела сих людей, между коими великая разница в летах была малейшим препятствием к искренней взаимной любви. Сношения их однако сделались сколько странными, столько и трогательными и забавными. С первой минуты прибывшего совсем без денег молодого человека Инзов поместил у себя жительство, поил, кормил его, оказывал ласки, и так осталось до самой минуты последней их разлуки. Никто так глубоко не умел чувствовать оказываемые ему одолжения, как Пушкин, хотя между прочими пороками, коим не был он причастен, накидывал он на себя и неблагодарность. Его веселый, острый ум оживил, осветил пустынное уединение старца. С попечителем своим, более чем с начальником, сделался он смел и шутив, никогда не дерзок; а тот готов был все ему простить... Иногда же, когда дитя его распроказничается, то более для предупреждения неприятных последствий, чем для наказания, сажал он его под арест, т.-е. несколько дней не выпускал из комнаты. Надобно было послушать, с каким нежным участием и Пушкин отзывался о нем.

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ. *Записки*, VI, 151.

Комнатки, отведенные для Пушкина, не отличались особенною обстановкой. Постель его всегда была измята, а потолок разукрашен какими-то особенными пятнами. Это объясняется тем, что Пушкин имел обыкновение лежать на кровати и стрелять из пистолета хлебным мякишем в потолок, стараясь выделывать на нем всевозможные узоры. По словам бади-Тодоре, жившего при доме Инзова, Пушкин вставал на рассвете и, вооружившись карандашом и книжечкой, долго, без усталости, гулял по саду и заходил далеко в поля. Походит, походит он час-другой, присядет на какой-нибудь пень или камень, напишет немного и опять ходит. Это наблюдалось летом; зимою Пушкин по утрам приказывал вытопить хорошенько печь и принимался ходить по комнате, шлепая турецкими туфлями. Походит, походит, так же, как и в саду, затем присядет, попишет немного и опять начинает ходить. По

временам Пушкин до того увлекался работой, что его никак нельзя было оторвать от нее к завтраку или обеду. Когда ему мешали, он страшно сердился, в особенности раз, когда за Пушкиным послали одного молодого парня: не успел еще тот переступить порог и передать поручение, как Пушкин, с криком и сжатыми кулаками, набросился на него и наверно побил бы, если бы тот своевременно не убежал. После этого Пушкин жаловался Инзову и просил раз навсегда не беспокоить его во время занятий, хотя бы он должен был остаться без обеда. Поэтому, когда впоследствии кого-нибудь из прислуги посылали за Пушкиным, то они предварительно прокрадывались к окну и высматривали, что Пушкин делает: если он работал, то никто из прислуги не решался переступить порог. В другой раз, когда ему помешали, он до того рассердился, что, схватив со стола бумагу, на которой писал, разорвал ее, скомкал и швырнул в лицо помешавшему ему. Это случилось с экономкой Инзова, женщиной в летах, из городского сословия. Когда после этого экономка, «жипуняса Катерина», обидевшись, дулась на Пушкина, он просил извинить ему, так как это «находит» на него.

Со слов БАДИ-ТОДОРЕ, молдаванина, жившего в услужении у Инзова. *Рус. Арх.*, 1899, II, 341.

* Пушкин нередко проводил у Кириенко-Волошинова целые дни; а то и целые ночи. Днем, впрочем, Пушкин появлялся в его квартире только после больших где-либо с иными знакомыми кутежей и тогда долго, как убитый, спал у него на кровати. Иногда вслед за таким, недостойным его, препровождением времени, на него после сна находили бурные припадки и раскаяния, самобичевания и недолгой, но искренней грусти. Тогда он всю ночь напролет проводил в излияниях всякого рода и задушевных беседах с товарищем, сопровождаемых одним только чаем, без всякого иного к нему приобщения. Разговаривая и споря с приятелем, Пушкин всегда держал в руках перо или карандаш, которым набрасывал на бумагу карикатуры всякого рода с соответственными надписями внизу; или хорошенькие головки женщин и детей, большею частью друг на друга похожие. Но довольно часто вдруг в середине беседы он смолкал, оборвав на полуслове свою горячую речь, и, странно повернув к плечу голову, как бы внимательно прислушиваясь к чему-то внутри себя, долго сидел в таком состоянии неподвижно. Затем, с таким же выражением напряженного к чему-то внимания, он снова принимал прежнюю позу у письменного стола и начинал быстро и непрерывно водить по бумаге пером, уже, очевидно, не слыша и не видя ничего ни внутри себя, ни вокруг. В таких случаях хозяин квартиры со спокойною совестью уходил в соседнюю комнату спать, ибо наверно знал, что гость уже ни единого слова не скажет до света и будет без перерыва писать до тех пор, пока перо само не вывалится из рук его, а голова не упадет в глубоком сне тут же на столе. Иногда на другой день, проснувшись в обыкновенное время, отец мой находил приятеля опавшим, иногда же последний исчезал, унося с собою все за ночь написанное. Нередко, впрочем, случалось иначе: уходил ли гость или нет, а работы свои оставлял на столе у хозяина, никогда о них не упоминая впоследствии... Некоторые, впрочем, стихотворения самого неприличного свойства Пушкин, прежде чем уходить, нарочно громко прочитывал хозяину, крепко держа его за руку, чтобы тот не мог убежать. Зато, едва он оканчивал чтение, как приятель с досадой вырывал бумагу из рук его и в мелкие куски ее разрывал. Однако автор несколько этим не огорчался и неудержимо хохотал над гневом товарища, жестоко упрекавшего его в затрате своих высоких способностей на такие низкие произведения карандаша и пера. Непостижимо-странным является то несомненное обстоятельство, что подобные произведения порнографического характера иногда

выливались у Пушкина в ту самую ночь, начало которой он употреблял на самое искреннее раскаяние в напрасно и гнусно потраченном времени и всяких упреках себе самому.

Е. Д. ФРАНЦЕВА. Пушкин в Бессарабии (из семейных преданий). *Русское Обозрение*, 1897, № 1, стр. 23—24.

В Кишиневе Инзов всегда приглашал меня останавливаться у него в доме. Дом был не особенно велик, и во время моих приездов меня помещали в одной комнате с Пушкиным... Он целые ночи не спал, писал, возился, декламировал и громко мне читал свои стихи. Летом он разоблачался совершенно и производил все свои ночные эволюции в комнате во всей наготе своего натурального образа.

А. М. ФАДЕЕВ. Воспоминания. *Рус. Арх.*, 1891, I, 399.

(1821 г.). Получил письмо от Чедаева (П. Я. Чадаева). Друг мой, упреки твои жестоки и несправедливы; никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мне заменила счастье, — одного тебя может любить холодная душа моя.

4 мая был я принят в масоны.

ПУШКИН. Кишиневский дневник.

* (Красавица цыганка Шекора, — Людмила, — в первом браке за богатым румыном Бодиско; овдовев и впад в бедность, вышла, не любя, за кишиневского богача Инглези). Через два месяца после их свадьбы в Кишинев приехал Пушкин, вкоре сделавшийся душою всего общества. Его с радостью принимали во всех бонтонных домах Кишинева, в том числе и у Инглези. Пушкин с первого же разу влюбился в Людмилу и с чрезвычайною ревностью скрывал от всех свои чувства. (Однажды рассказчик, бывший в большой дружбе с Пушкиным, в жаркий день заснул в небольшой подгородной роще). Голоса на опушке рощи привлекли мое внимание. Через рощицу проходили, обнявшись и страстно целуясь, Пушкин и Людмила. Они меня не заметили и, выйдя на просеку, сели в ожидавшие их дрожки и уехали. — После моего открытия прошло несколько дней. Был воскресный день. Я лег после обеда заснуть, вдруг в дверь раздался сильный стук. Я отворил дверь. Передо мною стоял Пушкин. — «Голубчик мой, — бросился он ко мне, — уступи для меня свою квартиру до вечера. Не спрашивай ничего, расскажу после, а теперь некогда, здесь ждет одна дама, да вот я введу ее сейчас сюда». Он отворил дверь и в комнату вошла стройная женщина, густо окутанная черною вуалью, в которой однако я с первого взгляда узнал Людмилу. Положение мое было более, нежели щекотливое: я был в домашнем дезабилье. Схватив сапоги и лежавшее на стуле верхнее платье, я стремглав бросился из комнаты, оставив их вдвоем. Впоследствии все объяснилось. Пушкин и Людмила гуляли вдвоем в одном из расположенных в окрестностях Кишинева садов. В это время мальчик, бывший постоянно при этих tête-à-tête на-стороже, дал им знать, что едет Инглези, который уже давно подозревал связь Людмилы с Пушкиным и старался поймать их вместе. Пушкин ускакал с ней с другой стороны и, чтоб запутать преследователей, привез ее ко мне. Однако это не помогло. На другой день Инглези запер Людмилу на замок и вызвал Пушкина на дуэль, которую Пушкин принял... Дуэль назначена была на следующий день утром, но о ней кто-то донес генералу Инзову. Пушкина Инзов арестовал на десять дней на гауптвахте, а Инглези вручил билет, в котором значилось, что ему разрешается выезд за границу вместе с женою на один год. Инглези понял

намок и на другой день выехал с Людмилею из Кишинева. Таким образом дуэль не состоялась. Пушкин долго тосковал по Людмиле.

А. ТРЕГУБОВ со слов кишиневского старожила Градова. В. Яковлев. *Отзывы*, 87—91.

* В своих любовных похождениях Пушкин не стеснялся и одновременно ухаживал за несколькими барышнями и дамами. Однажды он назначает в одном загородном саду свидание молодой даме из тамошней аристократической семьи. Они сошлись на месте свидания. Вдруг соседние кусты раздвигаются, и оттуда выскакивает смуглая цыганка с растрепанными волосами, набрасывается на даму, сваливает ее наземь и давай колотить. Пушкин бросился разнимать их, но усилия оказались тщетными. Он выхватывает из виноградника жердь и начинает колотить цыганку. Она оставила свою жертву и бросилась было на Пушкина, но, опомнившись, отшатнулась и важно поступью ушла прочь. Благодаря посторонним людям, подоспевшим к этой истории, весть о ней быстро разнеслась по городу. Пушкин целые две недели после этого не показывался в городе и залерся дома. Дама сильно заболела и ее увезли за границу.

Любимым занятием Пушкина была верховая езда; бывали дни, когда он почти не слезал с лошади... Проезжая однажды по одной из многолюднейших улиц (Харлампиевской), Пушкин увидел у одного окна хорошенькую головку, дал лошади шпоры и в'ехал на самое крыльцо. Девушка, испугавшись, упала в обморок, а родители ее пожаловались Инзову. Последний за это оставил Пушкина на два дня без сапог. Затем Пушкин в эту же часть города очень часто появлялся в самых разнообразных и оригинальных костюмах. То, бывало, появляется он в костюме турка, в широчайших шароварах, в сандалиях и с феской на голове, важно покуривая трубку, то появится греком, евреем, цыганом и т. п.... Разгуливая по городу в праздничные дни, он наткался на молдавские хороводы и присоединялся к ним, не стесняясь присутствующими, которые, бывало, нарочно приходили «смотреть Пушкина». По окончании плясок он из общества молдаван сразу переходил в общество «смотревших» его лиц из образованного класса, которым и принимался с восторгом рассказывать, как весело и приятно отплясывать «джок» под звук молдавской «кобзы».

Со слов КИШИНЕВСКИХ СТАРОЖИЛОВ. Рус. Арх., 1899, II, 344.

Раз, помню, на Болгарии, — так называлась местность, где теперь Вознесенская церковь, — были на Пасху игры. Танцевали под волюнку местный танец «джок». Приезжали смотреть на народ в каретах. Приехал Пушкин, помню, в феске, обритый. Начал смотреть, и я слышала, как говорили: «вот как Пушкин ломается». Помню, рассказывали про него еще и вот какой случай: на Золотой улице был в то время магазин мод какой-то дамы, фамилию забыла. У нее была дочь, красавица. Вот как-то раз Пушкин едет верхом на улице с другими, а дочь эта стояла в это время на крыльце. Пушкин как завидел ее, то верхом так прямо на крыльцо и в'ехал. Уже другие его вывели оттуда, совсем перепугал девушку. За это Инзов продержал его день без сапог.

В. Е. БЕЛЮГОВА по записи Л. С. Мацевича. В. Яковлев. *Отзывы*, 97.

Какая-то молдавская барыня любила снимать свои башмаки, садясь на широкий молдавский диван. Пушкин подметил эту склонность барыни и стащил однажды ее башмаки, вытащив их тростью. Когда нужно было

встать, то барыня, не найдя башмаков и не желая поставить себя в неловкое положение, прошла в чулках до дверей, где Пушкин возвратил ботинки по принадлежности, извиняясь в нечаянно совершенном им поступке. Тогдашний башмак снимался легко. Это была скорее туфля, а не нынешний башмак, обхватывающий ногу плотно.

Е. Ф. ТЕПЛОВА по записи В. Я. Теплова. В. Яковлев. *Отзывы*, 80.

Фамилию Пушкина молдаванам очень трудно было произносить, а потому они его и прозвали «куконаш Пушка» (паныч Пушкин)... Постоянные его ухаживания за молдаванками вынуждали родителей и женихов жаловаться Инзову на его ветреного чиновника. Инзов же имел обыкновение разбирать жалобы всенародно, т.-е., приглашал жалобщиков и заставлял их в присутствии Пушкина излагать свои жалобы. Инзов должен был наказывать Пушкина хотя бы для виду, чтобы жалобщики не роптали. Наказание заключалось в том, что Инзов оставлял Пушкина без сапог. Такого рода наказание давало повод некоторым смельчакам из молдаван грозить: «смотри, куконаш Пушка, будешь сидеть без сапог!»

Со слов КИШИНЕВСКИХ СТАРОЖИЛОВ. *Рус. Арх.*, 1899, II, 343.

На главной улице Кишинева часто видали Пушкина с длинными волосами, в фуражке, или с коротко остриженными, в красной феске (Пушкин иногда подвержен был горячке; а потому принужден был брить голову, и тогда, в коротком кругу, носил феску. Вообще же он отращивал волосы. От того-то и разноречия в показаниях о головном уборе Пушкина), с железной палицей в руке, иногда даже, так как он с Кишиневым не церемонился, в пестром архалуке. Это последнее свидетельствуют многие... Инзов ласкал Пушкина, и когда запрещал ему идти в какое-нибудь общество или собрание, поэт сердился, не шел к обеду, сказывался больным... Пушкин жил у Инзова, обедал, по большей части, у него же и проводил время по произволу. У себя читал, писал и часто стрелял восковыми пулями в цель из пистолета.

К. П. ЗЕЛЕНЕЦКИЙ. Сведения о пребывании Пушкина в Кишиневе и Одессе (по показаниям очевидцев). *Москвитянин*, 1854, № 9. Смесь, стр. 3.

Если верить бади-Тодоре, то изо всей у Инзова прислуги он был самым приближенным к поэту человеком. Он обучал Пушкина молдавскому языку, который очень трудно давался ему. Мало-по-малу Пушкин делал успехи и через некоторое время успел составить себе маленький молдавский словарь, из которого с грехом пополам складывал предложения, большею частью не имевшие, впрочем, никакого смысла. Бывало, придет к нему в свободное время бади-Тодоре, Пушкин его еще на пороге встречает приветствиями на молдавском языке. Подав затем гостю стул, Пушкин принимался забрасывать его разного рода вопросами на молдавском языке. Фразы или слова, которые ему особенно трудно удавались, он обыкновенно записывал себе и затем выучивал. Некоторые фразы, которые чаще всего надобно было употреблять и которые ему особенно не давались, он записывал прямо на стенах, чтобы они были всегда на виду.

Со слов БАДИ-ТОДОРЕ. *Рус. Арх.*, 1899, II, 342.

Жена чиновника горного ведомства ст. сов. (Ив. Ив.) Эльфректа (Эйхфельдта) (Мария Егоровна) слыла красавицей. Пушкин хаживал к ним и некоторое время был очень любезен с молоденькою женою нумизмата, в которую влюбился и его приятель Н. С. Алексеев... Кроме того, временными предметами внимания, а иногда и минутной любви Пушкина в Кишиневе была молодая молдаванка Россети, которой ножки, как все уверены там, будто воспеты в первой главе Онегина, потом Пульхерия Егоровна Варфоломей, девица Прункул и др.

П. И. БАРТЕНЕВ. Пушкин в ю. России, 95.

Пульхерия (Варфоломей) была полная, круглая, свежая девушка; она любила говорить более улыбкой, но это не была улыбка кокетства, это просто была улыбка здорового, беззаботного сердца. Никто не припомнит, чтоб она на кого-нибудь взглянула особенно. На балах со всеми кавалерами она с одинаким удовольствием танцевала, всех одинаково любила слушать, и Пушкину так же, как всякому, кто умел ее рассмешить или польстить ее самолюбию, она отвечала «Ah quel vous êtes, monsieur Pouschkin!» Пушкин особенно ценил ее простодушную красоту и безответное сердце, не ведавшее никогда ни желаний, ни зависти... Смотря на Пульхерию, которой по наружности было около 18 лет, я несколько раз покушался думать, что она есть совершеннейшее произведение не природы, а искусства. Все ее движения могли быть механическими движениями автомата; прекрасный, спокойный взор двигался вместе с головою; ее лицо и руки так были изящны, что мне казались они натянутою лайкою.

А. Ф. ВЕЛЬТМАН. Воспоминания о Бессарабии.
Л. Майков, 122.

Пушкин любил всех хорошеньких, всех свободных болтуней. Из числа первых ему нравилась *Марья Петровна Шрейбер*, 17-летняя дочь председателя врач. управы, но она отличалась особенной скромностью или, лучше сказать, застенчивостью; ее он видал только в клубах. Она скоро вышла замуж и уехала. К числу вторых принадлежала *Виктория Ивановна Вакар*, жена подполковника. Вакарша была маленького роста, чрезвычайно жива, вообще недурна и привлекательна, образованная в Одесском пансионе и неразлучная приятельница с Марьей Егоровной Эйхфельд. Пушкин находил удовольствие с ней танцевать и вести нестесняющий разговор. Едва ли он не сошелся с ней и ближе, но, конечно, не надолго. В этом же роде была очень миленькая девица *Аника-Сандулаки*. Пушкин любил ее за резвость и, как говорил, за смуглость лица, которому он придавал какое-то особенное значение. Одна из более его интересовавших была *Елена Федоровна Соловкина*, жена командира Охотского полка. Она иногда приезжала в Кишинев к своей сестре. Но все усилия Пушкина, чтобы познакомиться в доме, были тщетны... Как я полагаю, ни одна из всех бывших тогда в Кишиневе не могла породить в Пушкине ничего кроме временного каприза; и если он бредил иногда Соловкиной, то и это, полагаю, не по чему другому, как потому только, что не успел войти в ее дом, когда она по временам приезжала в Кишинев.

И. П. ЛИПРАНДИ, 1234—1235, 1246.

Я живу в стране, в которой долго бродил Назон. Ему бы не должно было так скучать в ней, как говорит предание. Все хорошенькие женщины

имеют здесь мужей; кроме мужей — чичисбеев, а кроме их — еще кого-нибудь, чтобы не скучать.

ПУШКИН—П. В. Нащокину, в 1821 (?) г., из Бессарабии. *Северное Обозрение*, 1849, т. 1, стр. 867. Цит. по *Кр. Ниве*, 1929, № 24, стр. 14.

(1821). Пушкин ругает публично и даже в кофейных домах не только военное начальство, но даже и правительство.

ИЗ ДОНЕСЕНИЙ СЕКРЕТНЫХ АГЕНТОВ. *Рус. Стар.*, 1883, т. 40, стр. 657.

(В ноябре 1819 г. в Петербурге Пушкин занял у барона С. Р. Шиллинга 2.000 р. асс., сроком на шесть месяцев, и выдал ему заемное письмо. Права этого заемного письма бар. Шиллинг передал дворовому человеку Ф. М. Росину. Росин подал письмо ко взысканию. Пушкин в это время был уже на юге России). Кишиневская полиция донесла бессарабскому областному правительству, от 18 июня 1821 г., за № 4071, что на требование от Пушкина должных им Росину денег 2.000 руб., Пушкин дал следующий отзыв: «Проиграв заемное письмо бар. Шиллингу будучи еще в несовершеннолетних летах, и не имея никакого состояния движимого или недвижимого, находится не в состоянии заплатить того заемного письма».

Л. С. МАЦЕЕВИЧ. *Рус. Стар.*, 1878, т. 22, стр. 498—502.

Пушкин больше не корчит из себя жестокого, он очень часто приходит к нам курить свою трубку и рассуждает или болтает очень приятно.

ЕК. Н. ОРЛОВА брату своему Ал. Н. Раевскому, 12 ноября 1821 г., из Кишинева. *М. О. Гершензон. История молодой России*. М. 1908, стр. 27.

Мы очень часто видим Пушкина, который приходит спорить с мужем о всевозможных предметах. Его теперешний конек — вечный мир аббата Сен-Пьера. Он убежден, что правительства, совершенствуясь, постепенно водворят вечный и всеобщий мир, и что тогда не будет проливаться иной крови, как только кровь людей с сильными характерами и страстями, с предприимчивым духом, которых мы теперь называем великими людьми, а тогда будут считать лишь нарушителями общественного спокойствия. Я хотела бы видеть, как бы ты сцепился с этими спорщиками.

ЕК. Н. ОРЛОВА—брату Александру Раевскому, 23 ноября 1821 г. *М. О. Гершензон*, 27.

После обеда иногда езжу верхом. Третьего дня поехал со мною Пушкин и грохнулся о-земь. Он умеет ездить только на Перасе, да на донской кляче

М. Ф. ОРЛОВ—жене своей Ек. Н-вне, в 1821—1822 г. *М. О. Гершензон*, 28.

(Декабрь 1821 г. Поездка Пушкина с подполковником И. П. Липранди по Бессарабии. В Аккермане, на обеде у коменданта аккерманского замка, подполк. Кюрто, петербургского знакомого Пушкина). Все обедавшие не прочь были, как говорится, погулять, и хозяин подавал пример гостям своим.

Пушкин то лобезничал с пятью здоровенными и не первой уже молодости дочерьми хозяина, которых увидал в первый раз; то подходил к столикам, на которых играли в вист, и, как охотник, держал пари, то брал свободную колоду и, стоя у стола, предлагал кому-нибудь срезать (в штосс); звонкий смех его слышен был во всех углах (1271).

Когда я приехал с Пушкиным в Аккерман прямо к полковнику А. Г. Непенину и назвал своего спутника, то после самого радушного приема Пушкину, Непенин спросил меня вполголоса, но так, что Ал. Серг. мог услышать: «что это, тот Пушкин, который написал *Буянова*?» После обеда, за который тотчас сели, Пушкин подошел ко мне, как бы оскорбленный вопросом Непенина, и наградил его многими эпитетами. Тут нельзя было много объясняться с ним; но когда мы пришли после ужина в назначенную нам комнату, Пушкин возобновил опять о том же речь, называя Непенина необтесанным, невеждою и т. п., присовокупив, что Непенин не сообразил даже и лет его с появлением помянутого рассказа и пр. На вопрос мой, что разве глеса эта так плоха, что он может за нее краснеть? — «Совсем не плоха, отзечал он, она оригинальна и лучшее из всего того, что дядя написал». — «Так что же; пускай Непенин и думает, что она ваша». Пушкин как-будто успокоился; он сказал только: «как же полковник и еще георгиевский кавалер не мог сообразить моих лет с появлением рассказа!» Мы легли. После некоторого молчания он возобновил опять разговор о Непенине и присовокупил, что ему говорили и в Петербурге, что лет через 50 никто не поверит, чтобы Василий Львович мог быть автором «Опасного соседа», и стихотворение это припишется ему. Я заметил, что поэтому нечего сердиться и на Непенина, который прежде пятидесяти лет усвоил уже это мнение. Пушкин проговорил несколько мест из стихотворения, и мы заснули. По-утру он встал очень веселым и сердился на Непенина только за то, что он не сообразил его лет... Пушкин охотно, как замечено было выше, входил в спор по всем предметам, но не всегда терпел какие-либо замечания о своих стихах (1452—1453).

В Татар-Бунар мы приехали с рассветом и остановились отдохнуть и пообедать. Пока нам варили курицу, Пушкин что-то писал, по обычаю, на маленьких лоскутках бумаги и как ни попадало складывал их по карманам, вынимал, опять просматривал и т. д. (1273).

(В *Измаиле*). Я возвратился в полночь, застал Пушкина на диване с поджатыми ногами, окруженного множеством лоскутков бумаги. Он подобрал всё кое-как и положил под подушку... Опорожнив графин Систовского вина, мы уснули. Пушкин проснулся ранее меня. Открыв глаза, я увидел, что он сидел на вчерашнем месте, в том же положении, совершенно еще не одетый, и лоскутки бумаги около него. В этот момент он держал в руке перо, которым как бы бил такт, читая что-то; то понижал, то подымал голову. Увидев меня проснувшимся же, он собрал свои лоскутки и стал одеваться (1280).

(В *гор. Леове, у казачьего полковника*). Довольно уставши, мы выпили по порядочной рюмке водки и напали на соления; Пушкин был большой охотник до балыка. Обед состоял только из двух блюд: супа и жаркого, но зато вдоволь прекрасного донского вина... (Выехали за город). Прошло, конечно, полчаса времени, как мы оставили Леово, как вдруг Ал. Серг. разразился ужасным хохотом, так что вначале я подумал, не болезненный ли какой с ним припадок. — «Что такое так веселит вас?» — спросил я его. Приостановившись немного, он отвечал мне, что заметил ли я, каким обедом нас угостили, и опять тот же хохот. Я решительно ничего не понимал. Наконец, он объяснил мне, что суп был из куропаток, а жаркое из курицы. — «Я люблю казаков за то, что они не придерживаются во вкусах общепринятым правилам. У нас, да и у всех, сварили бы суп из курицы, а куропатку бы зажарили, а у них наоборот!» — и опять залился хохотом (1283).

И. П. ЛИПРАНДИ. *Рус. Арх.*, 1866.

К числу некоторых противоречий во вседневной жизни Пушкина я присовокуплю еще одну замечательную черту: это неограниченное самолюбие, самоуверенность, но с тою резкою особенностью, что оно не составляло основы его характера, ибо там, где была речь о поэзии, он входил в жаркий спор, не отступая от своего мнения. Другой предмет, в котором Пушкин никому не уступал, это готовность на все опасности. Тут он был неподражаем. В других же случаях этот яро-самопризнающий свой поэтический дар и всегдашнюю готовность стать лицом со смертью, смирялся, когда шел разговор о каких-либо науках, в особенности географии и истории, и легким, ловким спором как бы вызывал противника на обогащение себя сведениями; в таких беседах Пушкин хладнокровно переносил иногда довольно резкие выходы со стороны противника и, занятый только мыслью обогатить себя сведениями, продолжал обсуждение предмета... Относительно самолюбия Пушкина к своему поэтическому дару, то оно проявлялось во всех случаях пребывания его в Кишиневе и Одессе; не говоря уже о том, что он сам любил сравнивать себя с Овидием, но он любил, когда кто хвалил его сочинения и прочитывал ему из них стих или два. (1446—1447).

Однажды с кем-то из греков в разговоре упомянуто было о каком-то сочинении. Пушкин просил достать ему. Тот с удивлением спросил его: «Как! Вы поэт, и не знаете об этой книге?» Пушкину показалось это обидно, и он хотел вызвать возразившего на дуэль. Решено было так: когда книга была ему доставлена, то он, при записке, возвратил ее, сказав, что эту он знает и пр. После сего мы условились: если что нужно будет, а у меня того не окажется, то я доставать буду на свое имя (1245).

Я заметил, что Пушкин всегда после спора о каком-либо предмете, мало ему известном, искал книг, говорящих об оном (1261).

Не знаю как после, но тогда Пушкин обходился очень небрежно с листочками бумаги, на которых имел обыкновение писать (1408).

И. П. ЛИПРАНДИ. *Рус. Арх.*, 1866.

Значительную долю времени Пушкин отдавал картам. Тогда игра была в большом ходу, и особенно в полках. Пушкин не хотел отставать от других: всякая быстрая перемена, всякая отвага была ему по душе; он пристрастился к азартным играм и во всю жизнь потом не мог отстать от этой страсти. Она разжигалась в нем надеждою и вероятностью внезапного большого выигрыша, а денежные дела его были, особенно тогда, очень плохи. За стихи он еще ничего не выручал, и приходилось жить жалованием и скудными присылками из родительского дому. Играть Пушкин начал, кажется, еще в лицее; но скучная, порою, жизнь в Кишиневе сама подводила его к зеленому столу.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Пушкин в ю. России*, 100.

(Замечание на приведенное сообщение Бартечева). Сколько я понимал Пушкина, — то я думал видеть в нем всегда готового покутить за стаканами, точно так же, как принимать участие и в карточной игре, не будучи особенно пристрастным ни к тому, ни к другому. Одинаково и во всех других общественных случаях, во всем он увлекался своею пылкостью; там, где танцевали, он от всей души предавался пляске; где был легкий разговор, он был неистощим в островах; с жаром вступал в разговор, и в жарких спорах его проглядывал скорее вызов для приобретения сведений, в необходимости которых он более и более убеждался. Самолюбие его было без пределов: он ни в чем не хотел отставать от других, как очень справедливо и замечено. Словом, везде и во всем обнаруживалась африканская кровь его.

И. П. ЛИПРАНДИ, 1412.

Играли обыкновенно в штосс, в экарте, но всего чаще в банк. Однажды Пушкину случилось играть с одним из братьев Зубовых, — офицером генерального штаба. Он заметил, что Зубов играет наверное, и, проиграв ему, по окончании игры, очень равнодушно и со смехом стал говорить другим участникам игры, что ведь нельзя же платить такого рода проигрыши. Слова эти разнеслись, вышло объяснение, и Зубов вызвал Пушкина драться. Противники отправились на т. наз. *малину*, виноградник за Кишиневым. Пушкина не легко было испугать; он был храбр от природы и старался воспитывать в себе это чувство. По свидетельству многих, и в том числе В. П. Горчакова, бывшего тогда в Кишиневе, на поединок с Зубовым Пушкин явился с черешнями, и завтракал ими, пока тот стрелял. Зубов стрелял первый и не попал. — «Довольны вы?» — спросил его Пушкин, которому пришел черед стрелять. Вместо того, чтобы требовать выстрела, Зубов бросился с объятиями. — «Это лишнее», — заметил ему Пушкин и, не стреляя, удалился. (В исходе 1821 г.).

П. И. БАРТЕНЕВ. *Пушкин в ю. России*, стр. 101—103.

(Замечание на предыдущее). Сказано, что поединок происходил «в исходе 1821 года»: но в это время в Кишиневе черешень не бывает, — это первый весенний плод... Меня в то время в Кишиневе не было, но присутствие духа Пушкина на этом поединке меня не удивляет: я знал Ал. Серг-ча вспыльчивым, иногда до иступления; но в минуту опасности, словом, когда он становился лицом к лицу со смертью, когда человек обнаруживает себя вполне, Пушкин обладал в высшей степени невозмутимостью при полном сознании своей запальчивости, виновности, но не выражал ее. Когда дело дошло до барьера, к нему он являлся холодным, как лед. Подобной природы, как у Пушкина, в таких случаях я встречал очень немного. Эти две крайности в той степени, как они соединились у Ал. С-ча, должны быть чрезвычайно редки.

И. П. ЛИПРАНДИ, 1412.

Ал. Сер-ч всегда восхищался подвигом, в котором жизнь ставилась, как он выражался, *на карту*. Он с особенным вниманием слушал рассказы о военных эпизодах; лицо его краснело и изображало радость узнать какой-либо особенный случай самоотвержения; глаза его блистали, и вдруг часто он задумывался. Могу утвердительно сказать, что он создан был для поприща военного, и на нем, конечно, он был бы лицом замечательным; но, с другой стороны, едва ли к нему не подходят слова императрицы Екатерины II. что она «в самом младшем чине пала бы в первом же сражении на поле славы»... Дуэли особенно занимали Пушкина.

И. П. ЛИПРАНДИ, 1453—1455.

На святках (1821—1822 г.) Кишинев особенно оживлялся, и Пушкин не пропустил случая потанцевать и повеселиться. Но вскоре ему опять пришлось драться. На этот раз противником его был человек достойный и всеми уважаемый, — командир егерского полка, С. Н. Старов, известный в армии своею храбростью в отечественную войну и в заграничных битвах. Дело было так. На вечере в кишиневском *казино*, которое служило местом общественных собраний, один молодой егерский офицер приказал музыкантам играть русскую кадрили; но Пушкин еще раньше условился с А. П. Полторацким начинать мазурку, захопал в ладоши и закричал, чтобы играли ее. Офицер-новичок повторил было свое приказание, но музыканты послушались Пушкина, которого они давно знали, даром, что он был

не военный, и мазурка началась. Полковник Старов все это заметил и, подзвав офицера, советовал ему требовать, чтоб Пушкин, по крайней мере, извинился перед ним. Застенчивый молодой человек начал мяться и отговаривался тем, что он вовсе незнаком с Пушкиным. — «Ну, так я за вас поговорю», — возразил полковник и после танцев подошел к Пушкину с вопросами, вследствие которых на другой день положено было быть поединку.

Они стрелялись верстах в двух за Кишиневом, утром в девять часов. Секундантом Пушкина был Н. С. Алексеев. Но погода помешала делу; противники два раза принимались стрелять, и, стало быть, вышло четыре промаха; метель с сильным ветром не давала возможности прицелиться, как должно. Положили отсрочить поединок, и тут-то Пушкин, по дороге, заехал к А. П. Полторацкому и не застав его дома, написал экспромпт, сделавшийся известным по всей России и повторяемый с разными изменениями:

Я жив,
Старов
Здоров,
Дуэль не кончен.

К счастью, поединок не возобновился, Полторацкому с Алексеевым удалось свести противников в ресторации Николетти. — «Я всегда уважал вас, полковник, и потому принял ваш вызов», — сказал Пушкин. — «И хорошо сделали, Ал. Серг-ч», — сказал в свою очередь Старов; — «я должен сказать по правде, что вы так же хорошо стоите под пулями, как хорошо пишете». Такой отзыв храброго человека, участника 1812 г., не только обезоружил Пушкина, но привел его в восторг. Он кинулся обнимать Старова и с этих пор считал долгом отзываться о нем с великим уважением.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Пушкин в ю. России*, 106—108.

(*Подробности дуэли со Старовым*). Погода была ужасная: метель до того была сильна, что в нескольких шагах нельзя было видеть предмета, и к этому довольно морозно... Первый барьер был на шестнадцать шагов: Пушкин стрелял первый и дал промах, Старов тоже и просил зарядить и сдвинуть барьер; Пушкин сказал: — «И гораздо лучше, а то холодно». Предложение секундантов прекратить было обоими отвергнуто. Мороз с ветром, как мне говорил Алексеев, затруднял движение пальцев при заряджении. Барьер был определен — на двенадцать шагов, и опять два промаха. Оба противника хотели продолжать, сблизив барьер, но секунданты решительно воспротивились, и так как нельзя было примирить их, то поединок отложен до прекращения метели.

Вечером Пушкин был у меня, как ни в чем не бывало, так же весел, такой же спорщик со всеми, как и прежде. В следующий день, рано, я должен был уехать в Тирасполь и на другой день вечером, возвратясь, узнал миролюбивое окончание дела, и мне казалось тогда видеть будто бы какое-то тайное сожаление Пушкина, что ему не удалось подражаться с полковником, известным своею храбростью. Однажды как-то Алексеев сказал ему, что ведь дрался с ним, то чего же он хочет больше, и хотел было продолжать, но Пушкин, с обычной ему резвостью, сел ему на колени и сказал: «Ну, не сердись, не сердись, душа моя!» — и, вскочив, посмотрел на часы, схватил шапку и ушел.

И. П. ЛИПРАНДИ. 1419—1421.

Публика по поводу этой дуэли распустила слухи: одни утверждали, что Старов просил извинения; другие то же самое вваливали на Пушкина, а были

и такие храбрецы на словах, которые втихомолку твердили, что так дуэли не должны кончаться. — Дня через два после примирения Пушкин как-то зашел к Николети и, по обыкновению, с кем-то принялся играть на бильярде. В той комнате находилось несколько человек туземной молодежи, которые, собравшись в кружок, о чем-то толковали, — вполголоса, но так, что слова их не могли не доходить до Пушкина. Речь шла об его дуэли со Старовым. Они превозносили Пушкина и порицали Старова. Пушкин вспыхнул, бросил кий и прямо и быстро подошел к молодежи. — «Господа, — сказал он, — как мы кончили со Старовым, это наше дело, но я вам объявляю, что, если вы позволите себе осуждать Старова, которого я не могу не уважать, то я приму это за личную обиду, и каждый из вас будет отвечать мне, как следует!» Молодежь начала извиняться, обещая вполне исполнить его желание. Пушкин вышел от Николети победителем.

П. П. ГОРЧАКОВ. «Воспоминание о Пушкине». Книга воспоминаний о Пушкине. М. 1931. Изд. «Мир». Стр. 198.

Верстах в двух от Кишинева, на запад, есть урочище посреди холмов, называемое Малиной, — только не от русского слова «малина»: здесь городские виноградные и фруктовые сады. Это место как-будто посвящено обычаем «полю». Подъехав к саду, лежащему в вершине лощины, противники восходят на гору по извиляющейся между виноградными кустами тропинке. На лугу под сенью яблонь и шелковиц, близ дубовой рощицы, стряпчие вымеряют поле, а между тем подсудимые обрасывают с себя платье и становятся на место. Здесь два раза «полевал» и Пушкин, но, к счастью, дело не доходило даже до первой крови, и после первых выстрелов его противники предлагали мир, а он принимал его. Я не был стряпчим, но был свидетелем издала одного «поля», и признаюсь, что Пушкин не боялся пули точно так же, как и жала критики. В то время, как в него целили, казалось, что он, улыбаясь сатирически и смотря на дуло, замышлял злую эпиграмму на стрельца и на промах.

А. Ф. ВЕЛЬТМАН. *Л. Майков*, 126.

Между кишиневскими помещиками-молдаванами, с которыми вел знакомство Пушкин, был некто Балш. Жена его, еще довольно молодая женщина, везде вывозила с собою, несмотря на ранний возраст, девочку-дочь, лет 13. Пушкин за нею ухаживал. Досадно ли это было матери или, может быть, она сама желала слышать любезности Пушкина, только она за что-то рассердилась и стала к нему придираться. Тогда в обществе много говорили о какой-то ссоре двух молдаван: им следовало драться, но они не дрались. «Чего от них требовать, — заметил как-то Липранди, — у них в обычае нанять несколько человек, да их фуками отдубасить противника». Пушкина очень забавлял такой легкий способ отмщения. Вскоре, у кого-то на вечере, в разговоре с женою Балша, он сказал: «Экая тоска! Хоть бы кто нанял подраться за себя!» Молдаванка вспыхнула. — «Да вы деритесь лучше за себя», — возразила она. — «Да с кем же?». — «Вот, хоть с Старовым; вы с ним, кажется, не очень хорошо кончили». На это Пушкин отвечал, что если бы на ее месте был ее муж, то он сумел бы поговорить с ним; потому ничего не остается больше делать, как узнать, так ли и он думает. Прямо от нее Пушкин идет к карточному столу, за которым сидел Балш, вызывает его и объясняет, в чем дело. Балш пошел расспросить жену, но та ему отвечала, что Пушкин наговорил ей дерзостей. «Как же вы требуете от меня удовлетворения, а сами позволяете себе оскорблять мою жену», — сказал

возвратившийся Балш. Слова эти были произнесены с таким высокомерием, что Пушкин не вытерпел, тут же схватил подсвечник и замахнулся им на Балша. Подоспевший Н. С. Алексеев удержал его... На другой день, по настоянию Крупянского и П. С. Пушкина (который командовал тогда дивизией за отъезд Орлова), Балш согласился извиниться перед Пушкиным, который нарочно для того пришел к Крупянскому. Но каково же было Пушкину, когда к нему явился, в длинных одеждах своих, тяжелый молдаван и вместо извинения начал: «Меня упростили извиниться перед вами. Какого извинения вам нужно?» Не говоря ни слова, Пушкин дал ему пощечину и вслед за тем вынул пистолет. Прямо от Крупянского Пушкин пошел на квартиру к Пушкину, где его видел В. П. Горчаков, бледного, как полотно, и улыбающегося. Инкоз посадил его под арест на две недели; чем дело кончилось, не знаем. Дуэли не было, но еще долго после этого Пушкин говорил, что не решается ходить без оружия на улицах, вынимал пистолет и с хохотом показывал его встречным знакомым.

П. И. БАРТЕНЕВ со слов В. П. Горчакова. *Пушкин в ю. России*, 109—111.

Происшествие с Тодораки Балшем и женой его Марьей случилось скоро после 4 февраля 1822 г. Столкновение произошло у того же Крупянского, у которого потом и последовала развязка. Марья Балш была женщина лет под тридцать, довольно пригожа, чрезвычайно остра и словоохотлива; владела хорошо французским языком и с претензиями. Пушкин был также не прочь поболтать, и должно сказать, что некоторое время это и можно было только с ней одной. Он мог иногда доходить до речей весьма свободных, что ей очень нравилось, и она в этом случае не оставалась в долгу. Действительно ли Пушкин имел на нее такие виды или нет, сказать трудно: в таких случаях он был переметчив и часто, без всяких целей, любил болтовню и материализм; но как бы то ни было, Мария принимала это за чистую монету. В это время появилась в салонах некто Альбрехтша, она была годами двумя старше Балш, но красивой, с свободными европейскими манерами; много читала романов, многие проверяла опытом, и любезностью своею поставила Балш на второй план; она умела поддерживать салонный разговор с Пушкиным и временно увлекала его. У Балш породилась ревность; она начала делать Пушкину намеки, и, получив однажды от него отзыв, что женщина эта (Альбрехтша) — историческая (?) и пылкой страсти, надулась и искала колоть Пушкина. Он стал с нею сдержаннее и вздумал любезничать с ее дочерью, Аникой, столь же острой на словах, как и мать ее, но любезничал так, как можно было только любезничать с 12-летним ребенком. Оскорбленное самолюбие матери и ревность к Альбрехтше (она приняла любезничанье с ее дочерью-ребенком в смысле, что будто бы Пушкин желал этим показать, что она имеет уже взрослую дочь) вспыхнули: она озлобилась до безграничности. В это-то самое время и последовала описанная сцена... Когда я возвратился в Кишинев, то Пушкин не носил уже пистолета, а вооружался железной палкой восемнадцать фунтов весу.

И. П. ЛИПРАНДИ, 1422—1424.

1822 г., 5 февраля, в 9 час. пополудни, кто-то постучался у моих дверей. Арнаут, который стоял в безмолвии предо мною, вышел встретить или узнать, кто пришел. Я курил трубку, лежа на диване. — «Здравствуй, душа моя», — сказал Пушкин весьма торопливо и изменившимся голосом. — «Здравствуй, что нового?» — «Новости есть, но дурные; вот почему я прибежал к тебе». — «Доброго я ничего ожидать не могу после бесчеловечных

пытк Сабанеева¹⁾; но что такое?» «Вот что, — продолжал Пушкин: — Сабанеев сейчас уехал от генерала (Инзова); дело шло о тебе. Я не охотник подслушивать, но, слыша твое имя, часто повторяемое, признаюсь, согрешил, — приложил ухо. Сабанеев утверждал, что тебя надо непременно арестовать; наш Инзушко, — ты знаешь, как он тебя любит, — отстаивал тебя горячо. Долго еще продолжался разговор; я много не дослышал; но из последних слов Сабанеева ясно уразумел, что ему приказано: ничего нельзя открыть, пока ты не арестован».

В. Ф. РАЕВСКИЙ по записи Л. (Л. Ф. Пантелева). *Вестн. Евр.*, 1874, № 6, стр. 857.

Кишиневский Пушкин ударил в рожу одного боярина и дрался на пистолетах с одним полковником, но без кровопролития. В последнем случае вел он себя, сказывают, хорошо. Написал кучу прелестей: денег у него ни гроша... Он, сказывают, пропадает от тоски, скуки и нищеты.

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. П. А. Вяземскому, 30 мая 1822 г. *Ост. Арх.*, II, 257.

Пушкин по приезде в Кишинев жил в доме наместника (Инзова). От землетрясения стены дома треснули, раздались в нескольких местах; генерал Инзов принужден был выехать из дома, но Пушкин остался в нижнем этаже. Тогда в Пушкине было еще несколько странностей, быть может, неизбежных спутников гениальной молодости. Он носил ногти длиннее ногтей китайских ученых. Пробуждаясь от сна, он сидел голый в постели и стрелял из пистолета в стену. Но уединение посреди развалин наскучило ему, и он переехал жить к Алексееву. Утро посвящал он вдохновенной прогулке за город с карандашом и листом бумаги; по возвращении лист был весь исписан стихами.

А. Ф. ВЕЛЬТМАН. *Л. Майков*, 124.

Возвратясь в июле 1822 г. в Кишинев, после четырехмесячной отлучки, я нашел уже Пушкина переместившимся от Инзова (по случаю пострадавшей от землетрясения квартиры) к Н. С. Алексееву, жившему тогда рядом с гостиницей Ивана Николаева Наумова... Пушкина мы застали без рубашки, сидящего на постели с поджатыми ногами, и по обыкновению окруженного исписанными листочками бумаги... Пушкин и Алексеев занимали средней величины комнату направо от сеней, налево была комната хозяйкина.

И. П. ЛИПРАНДИ, 1481.

Милый мой, ты возвратил меня Бессарабии.—Я опять в своих развалинах, в моей темной комнате перед решетчатым окном, или у тебя, мой милый, в светлой, чистой избушке, смазанной из молдавского г.на. Опять рейнвейн, опять шампанское, и Пушин, и Варфоломей, и все...

ПУШКИН—Н. С. Алексееву, 1 дек. 1826 г.,—из Пскова.

¹⁾ Эти слова относятся, вероятно, к следствию, которое производил (генерал) Сабанеев над нижними чинами одной роты. *Л.*

Пушкин был еще совсем молод. Был он не то, что черный, а так, смутный, загоревший. Был добрый, хороших правил, а только шалун. Я, бывало, говорю ему: «вы настоящее дитя!» А он меня называл розою в шиповнике. Бывало, говорю ему: «вы будете ревнивы». А он: «нет, нет! никогда!» Говорит нам, бывало, стихи экспромптом. Бывало, Пушкин часто гулял в городском саду. Но всякий раз он переодевался в разные костюмы. Вот уж смотришь, — Пушкин серб или молдаван, а одежду ему давали знакомые дамы. Молдаваны тогда рясы носили. В другой раз смотришь — уже Пушкин турок, уже Пушкин жид, так и разговаривает, как жид. А когда же гуляет в обыкновенном виде, в шинели, то уж непременно одна лапа на плече, а другая тянется по земле. Это он называл: по-генеральски. В Митрополию также часто приезжал с Инзовым на богослужение. Инзов станет впереди, возле клироса, а Пушкин сзади, чтобы Инзов не видел его. А он станет, бывало, на колена, бьет поклоны, — а между тем делает гримасы знакомым дамам, улыбается или машет пальцем возле носа, как-будто за что-нибудь журит или предостерегает (72).

Дядя Ириной часто ездил к Инзову в дом. Инзов просил дядю, чтоб он почаще беседовал с Пушкиным и наставлял его. Раз, в страстную пятницу, входит дядя в комнату Пушкина, а он сидит и что-то читает. — «Чем это вы занимаетесь?» — спросил его дядя, поздоровавшись. — «Да вот, читаю историю одной особы», — или нет, помню, еще не так он сказал, — не особы, а «читаю, говорит, историю одной статуи». (Да, именно так передавала этот факт П. В. Дыдицкая. В продолжение трех лет, через длинные промежутки, я все просил ее повторить этот рассказ, и она все говорила одно: «историю одной статуи». Что хотел выразить этим Пушкин?!). Дядя посмотрел на книгу, а это было евангелие! Дядя очень вспылал и рассердился. — «Как вы смеете это говорить? Вы безбожник. Я на вас сейчас бумагу подам!..» На другой день Пушкин приезжает в семинарию и ко мне: «так и так, — говорит, — боюсь, чтобы ваш дядя не донес на меня.. Попросите вашего дядю». — «Зачем же вы, — говорю, — так нехорошо сделали?» — «Да так, говорит, — само как-то с языка слетело». Тогда я начала его успокаивать. — «Не бойтесь, говорю, я попрошу дядю. Дядя мой только горячий человек, а он очень добрый». И Пушкин успокоился. А то он очень, было, испугался: он, действительно, боялся, чтобы дядя не донес. Он все хотел, чтобы ему скорее срок вышел, и все рвался выехать из Кишинева. Тут ему было скучно. «Не нравится мне тут», говорил он (74).

П. В. ДЫДИЦКАЯ (племянница ректора кишиневской семинарии, архимандрита Ирины), по записи Льва Мацевича. В. Яковлев. *Отзывы*.

Более или менее я был влюблен во всех хорошеньких женщин, которых я знал; все изрядно кичились передо мною; все, за исключением одной, со мной кокетничали.

ПУШКИН. Из записной книжки т. наз. Тарасенкова-Отрешкова. 1822 г. (фр.).

Не взирая на обычную веселость, Пушкин предавался любви со всею ее задумчивостью, со всею унынием. Предметы страсти менялись в пылкой душе его, но сама страсть ее не оставляла. В Кишиневе долго занимала его одна из трех красивых пар ножек наших соотечественниц.

Л. С. ПУШКИН (брат поэта). Л. Майков, 8.

К 1822 году относится временное сближение Пушкина с одним греческим семейством. Это была известная в Кишиневе Калипсо, приехавшая из

Константинополя вместе с матерью своею Полихронией. Про Калипсо ходили слухи, будто она когда-то встретила с лордом Байроном и впервые познала любовь в его объятиях.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Пушкин в ю. России*, 136.

Калипсо была чрезвычайно маленького роста, с едва заметной грудью; длинное сухое лицо, всегда, по обычаю некоторых мест Турции, намянутое; огромный нос как бы сверху донизу разделял ее лицо; густые и длинные волосы, с опромными огненными глазами, которым она еще более придавала сладострастия употреблением «сурьме». Она наняла две маленьких комнаты около Милу. В обществах она мало показывалась, но дома радушно принимала. Пела она на восточный тон, в нос; это очень забавляло Пушкина, в особенности турецкие сладострастные, заунывные песни, с аккомпанементом глаз, а иногда жестов. Пушкин не был влюблен в Калипсу; были экземпляры несравненно лучше.

И. П. ЛИПРАНДИ, 246.

Калипса была невысока ростом, худощава и черты у нее были правильные; но природа с бедняжкой захотела сыграть дурную шутку, посреди приятного лица ее прилепив ей огромный ястребиный нос. Несмотря на то, она многим нравилась. У нее был голос нежный, увлекательный, не только, когда она говорила, но даже когда с гитарой пела ужасные, мрачные турецкие песни. Исключая турецкого и природного греческого, хорошо знала она еще языки арабский, молдавский, итальянский и французский. Ни в обращении ее, ни в поведении не видно было ни малейшей строгости. Пушкин горел к ней любовным жаром. Воображение пуще разгорячено было в нем мыслию, что лет пятнадцати будто бы впервые познала она страсть в объятиях Байрона, путешествовавшего тогда по Греции.

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ, VI, 153.

Генеральша Гартунг (*Гартинг*) в Кишиневе, дочь Стурдзы, господаря, и первая жена Гики, сын которого недавно был господарем, жила в разводе с мужем и не отличалась строгим поведением. У ней-то жила гречанка, о которой Пушкин писал в стихах. Гартунг приняла раз самого Данзаса в ванне. О еврейке, о которой часто упоминает Пушкин, он говорил, что это должна быть дочь одной из двух хозяек-жидовок, содержавших два трактира в Кишиневе. Она была недурна, но коса. Липранди часто бывал с Пушкиным, — он был тогда подполковником генерального штаба, потерял жену-француженку и выстроил ей богатую часовню, в которой часто уединялся. Он жил богато.

К. К. ДАНЗАС по записи П. В. Анненкова. Б. Модзалевский. *«Пушкин»*. 1929. Стр. 338.

Однажды Пушкин исчез и пропадал несколько дней. Дни эти он прокочевал с цыганским табором.

Л. С. ПУШКИН. *Л. Майков*, 8.

* Однажды, — рассказывала мне тетушка Екатерина Захарьевна, — твой отец (*Конст. Зах. Рали*) собрался посетить одно из отцовских имений — Долну. Между этим имением и другим, Юрченами, в лесу находится цыганская деревня. Цыгане этой деревни принадлежали твоему отцу.

Однажды Пушкин поехал вместе с ним в Долну, а оттуда они потом проехали лесом в Юрчены и, конечно, посетили лесных цыган. Табор этот имел старика *були-башу* (старосту), известного своим авторитетом среди цыган; у старика були-баши была красавица дочь. Ее звали Земфирой; она была высокого роста, с большими черными глазами и выющимися длинными косами. Одевалась Земфира по-мужски, носила цветные шаровары, баранью шапку, вышитую молдавскую рубаху и курила трубку. Богатое ожерелье из старых серебряных и золотых монет, окружавшее шею этой дикой красавицы, конечно, было даром не одного из ее поклонников. Пушкин до того был поражен красотой цыганки, что упросил твоего отца остаться на несколько дней в Юрченах. Они пробыли там более двух недель, — ушли в цыганский табор, который откочевал к Варзарештам... Недели через две наши молодые люди вернулись. Брат рассказал нам, что Ал. Серг-ч бросил его и настоящим-таки образом поселился в шатре були-баши. По целым дням он и Земфира бродили в стороне от табора, и брат видел их держащимися за руки и молча сидящими среди поля. Цыганка Земфира не знала по-русски, Пушкин не знал, конечно, ни слова по-цыгански, так что они оба, вероятно, объяснялись пантомимами. Если бы не ревность Пушкина, который заподозрил Земфиру в некоторой склонности к одному молодому цыгану, — говорил брат нам, — то эта идиллия затянулась бы еще на долгое время, но ревность положила всему самый неожиданный конец. В одно раннее утро Пушкин проснулся в шатре були-баши один-одинешенек, Земфира исчезла из табора. Оказалось, что она бежала в Варзарешты, куда помчался за нею и Пушкин; однако, ее там не оказалось, — благодаря, конечно, цыганам, которые предупредили ее... Отец твой писал Пушкину в Одессу про дальнейшую судьбу его героини: Земфиру зарезал ее возлюбленный цыган.

З. К. Ралли-Арборе со слов ЕК. ЗАХ. СТАМО «Из семейных воспоминаний о Пушкине». *Минувшие Годы*, 1908, № 7, стр. 2—3.

К 1822 году следует отнести ту рукописную поэму, в сочинении которой Пушкин потом так горько раскаивался (*Гаврилади*). Пушкин всячески истреблял ее списки, выпрашивал, отнимал их и сердился, когда ему напоминали о ней. Уверяют, что он позволил себе сочинить ее просто из молодого литературного щегольства. Ему захотелось показать своим приятелям, что он может в этом роде написать что-нибудь лучше стихов Вольтера и Парни.

П. И. БАРТЕНЕВ со слов П. В. Нащокина, В. П. Горчакова, С. Д. Полторацкого и др. *Пушкин в ю. России*, 125.

Пушкина заставил Александр Раевский дать такой характер Пленнику. Он переводить ничего не может. Прекрасно дразнит обезьяну¹⁾. Пишет стихи записест, однако марает много.

ДЕНИС ВАС. ДАВЫДОВ по записи М. П. Погодина в его дневнике от 16 окт. 1822 г. *Пушкин и его совр-ки*, XIX—XX, 68.

У Пушкина накопилось несколько золотых монет; он суеверно берег их и ни за что не хотел тратить, как бы ни велика была нужда.

П. И. БАРТЕНЕВ со слов В. П. Горчакова. *П. в ю. России*, 169.

¹⁾ Ср. письмо (фр.) Пушкина неизвестным дамам в конце 1823 г. из Одессы: «я буду передразнивать обезьяну».

Мария Николаевна
РАЕВСКАЯ
(кн. Волконская)

Литография Фельтена по рисунку П. Соколова (1821 г.)

ИНЛИ.

Граф Михаил Семенович
ВОРОНЦОВ

Т. Лауренс.

Госуд. Эрмитаж.

Во второй половине 1822 года с Пушкиным случилась опять история. Подробности нам неизвестны; но есть положительно свидетельство, что в это время Пушкин, опять за картами, повздоривши с кем-то из кишиневской молодежи, снял сапог и подошвой ударил его в лицо.

П. И. БАРТЕНЕВ. *П-н в ю. России*, 126.¹

Для Марии (*Раевской*) русский чародей Пушкин написал свою прелестную поэму «Бахчисарайский Фонтан».

Граф ГУСТАВ ОЛИЗАР. *Patientinki 1789—1865 Gustaw Oliara. Lwow, 1892. Стр. 174 (польск.)*.

Ты, конечно, извинил бы мои легкомысленные строки, если б знал, как часто бываю подвержен так называемой хандре. В эти минуты я зол на целый свет.

ПУШКИН — П. А. Плетневу в октябре-ноябре 1822 г., из Кишинева.

Ты говоришь, что стихи мои никуда не годятся¹). Знаю, но мое намерение было не заводить остроумную литературную войну, но резкой обидой отплатить за тайные обиды человека, с которым расстался я приятелем и которого с жаром защищал всякий раз, как представлялся к тому случай. Ему показалось забавным сделать из меня неприятеля и смешить на мой счет письмами чердак кн. Шаховского, я узнал обо всем, будучи уже сослан, и почитая мщение одной из первых христианских добродетелей — в бессилии своего бешенства закидал издали Толстого журнальной грязью... Ты упрекаешь меня в том, что из Кишинева, под эгидой ссылки, печатаю ругательства на человека, живущего в Москве, но тогда я не сомневался в своем возвращении. Намерение мое было ехать в Москву, где только и могу совершенно очиститься. Столь явное нападение на гр. Толстого не есть малодушие. Сказывают, что он написал на меня что-то ужасное²). Журналисты должны были принять отзыв человека, обруганного в их журнале. Можно подумать, что я с ним за одно, и это меня бесит.

ПУШКИН—кн. П. А. Вяземскому 1 сент. 1822 г., из Кишинева.

¹) Стихи из послания к Чаадаеву:

Что нужды было мне в торжественном суде
Глупца-философа, который в прежни лета
Развратом изумил четыре части света,
Но, просветив себя, загладил свой позор,
Отвыкнул от вина и стал картежный вор.

В таком виде стихи эти были напечатаны в одном из номеров «Сына Отечества» за 1821 год и имели в виду знаменитого бреттера и картежника, «американца» Толстого.

²) На выпад Пушкина Толстой ответил следующей эпиграммой, сделавшейся известной совсем недавно:

Сатиры нравственной язвительное жало
С пасквильной клеветой не сходствует ни мало.
В восторге подлых чувств ты, Чушкин, то забыл.
Презренным чту тебя, ничтожным сколько чтил.
Примером ты рази, а не стихом пороки
И вспомни, милый друг, что у тебя есть щеки.

Литературная Мысль, 1923, II, стр. 238.

Толстой послал свою эпиграмму для напечатания в «Сын Отечества», где были напечатаны стихи Пушкина, но редакция отказалась напечатать эпиграмму.

Пушкин забавлялся сходством своего лица с восточною физиономией г-жи Крупянской, жены вице-губернатора. «Бывало,—рассказывает В. П. Горчаков,—нарисует Крупянскую,—похожа; расчертит ей вокруг лица волоса,—выйдет сам он; на ту же голову накинёт карандашом чепчик,—опять Крупянская».

П. И. БАРТЕНЕВ. *П-н в ю. России*, 94.

Пушкин имел особенный дар юмористически изображать физиономии и вообще всю фигуру. В. П. Горчаков должен помнить, как Ал. Серг. на ломберном столе, мелом, а иногда и особо карандашом изображал сестру Катакази, Тарсису—*Мадонной* и на руках у ней младенцем генерала Шульмана, с оригинальной большой головой, в больших очках, с поднятыми руками и пр. Пушкин делал это вдруг, с поразительно-уморительным сходством.

И. П. ЛИПРАНДИ, 1458.

* Пушкин был у нас постоянный дирижер всех попури и мазурок; в то время попури были в моде, полек ваших еще не знали... Всегда новый, вечно оригинальный, Пушкин не мог не нравиться. Танцевали мы тогда часто, но танцы нам не надоедали; всегдашний дирижер наш один оживлял их. Редко, редко повторит, бывало, старую фигуру, всегда выдумает что-нибудь новое. Незадолго до выезда его из Кишинева, собрались мы в одном семействе. Симпровизировали мазурку, и Пушкин начал. Прошел один тур крутом залы, остановился и задумался. Потом быстро вынул из кармана листок почтовой бумажки, весь исписанный стихами, подбежал к лампе, зажег и передал своей даме: «*Passez plus loin! Voyons! mesdames*, у кого потухнет, с тем танцую,—берегитесь!» Общество осталось совершенно довольно как фигурой, так и ее изобретателем... Никогда не любил говорить о литературе. Врет, бывало, чепуху, рассказывает анекдоты, и чуть только есть какая-нибудь возможность, анекдоты у него всегда выйдут неприличные... Пушкин пил вино, как воду, и вино не действовало на него; бывало, только повеселеет немножко, и уж потешит тогда честную компанию! Еще при мне Пушкин любил две вещи: свою Каликсу, перед которою делался тих и скромн, как ребенок, и бильярд, к которому пристрастился до-нельзя, а играл хуже не знаю кого.

К. И. ПР... Л. (К. И. ПРУНКУЛ) в передаче К. С. Биографические заметки. *Общезанимательный Вестник*, 1857, № 11, стр. 418—420.

(*Возражение на предыдущее*). Пушкин принимал участие в светских развлечениях, но настолько, насколько принимают участие все танцующие молодые люди светского общества; постоянным дирижером танцев он никогда не был и даже чуждался пальмы первенства этого рода, да и вообще как-то не любил передовой роли в общественном быту. Пушкин любил дамское общество, но вместе с тем в том же обществе он был застенчив... Говоря о бильярдной игре, мы не можем согласиться, что Пушкин пристрастился к ней до-нельзя, и играл, как вы говорите, хуже не знаю кого. При этом находим кстати спросить вас: не памятна ли вам одна билия, сделанная Пушкиным с руки? О ней тогда много говорили.

В. П. ГОРЧАКОВ. Воспоминание о Пушкине. *Моск. Вестн.*, 1858, № 19. Перепечат. в *Книге воспоминаний о Пушкине*, 1931, стр. 176, 206.

На-днях получил я письмо от Беса-Арабского Пушкина. Он скучает своим безнадежным положением, но, по словам приезжего, пишет новую поэму «Гарем»... А что еще лучше, сказывают, что он остепенился и становится рассудителен.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—А. И. Тургеневу, 30 апреля 1823 г. *Архив бр. Тургеневых*, вып. VI. ПБГ., 1921, стр. 16.

Нам от Верховной Думы было запрещено знакомиться с поэтом А. С. Пушкиным, когда он жил на юге. Прямо было сказано, что он, по своему характеру и малодушию, по своей развратной жизни, сделает донос тотчас правительству о существовании Тайного Общества... Мне рассказывал Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин про Пушкина такие на юге проделки, что уши и теперь краснеют.

И. И. ГОРБАЧЕВСКИЙ—М. А. Бестужеву, 12 июня 1861 г. *Записки декабриста И. И. Горбачевского*. 1916. Изд. «Задруги», стр. 300.

В Одессе встретил я Пушкина; он служил тогда в Бессарабии при ген. Инзове. Я еще прежде этого имел случай видеть его в Тульчине у Киселева. Знаком я с ним не был, но в обществе раза три встречал. Как человек, он мне не понравился. Какое-то бретерство, *suffisance* (самодовольство) и желание осмеять, уколоть других. Тогда же многие из знавших его говорили, что рано или поздно, а умереть ему на дуэли.

Н. В. БАСАРГИН (декабрист). *Записки*. 1917. Изд. «Огни», стр. 24.

Граф Воронцов сделан новороссийским и бессарабским генерал-губернатором. Не знаю еще, отойдет ли к нему и бес арабский (*Пушкин*)? Кажется, он прикомандирован был к лицу Инзова.

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. П. А. Вяземскому, 9 мая 1823 г., из Петербурга. *Ост. Арх.*, II, 322.

Говорили ли вы Воронцову о Пушкине? Непременно надобно бы ему взять его к себе. Похлопочите, добрые люди! Тем более, что Пушкин точно хочет остепениться, а скука и досада—плохие советники.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—А. И. Тургеневу, 31 мая 1823 г., из Москвы. *Ост. Арх.*, II, 327.

Я говорил с Нессельроде и с графом Воронцовым о Пушкине. Он берет его к себе от Инзова и будет употреблять, чтобы спасти его нравственность, а таланту даст досуг и силу развиваться.

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. П. А. Вяземскому, 1 июня 1823 г. *Ост. Арх.*, II, 328.

О Пушкине вот как было. Зная политику и опасения сильных сего мира, следовательно и Воронцова, я не хотел говорить ему, а сказал Нессельроде в виде сомнения, у кого он должен быть: у Воронцова или Инзова. Граф Нессельроде утвердил первого, а я присоветовал ему сказать о сем Воронцову. Сказано—сделано. Я после и сам два раза говорил Воронцову, истолковал ему Пушкина и что нужно для его спасения. Кажется, это пойдет на лад. Меценат, климат, море, исторические воспоминания,—все есть; за талантом дело не станет, лишь бы не захлебнулся. Впрочем, я одного боюсь: тебя послали в Варшаву, откуда тебя выслали; Батюшкова—в Италию—с ума сошел; что-то будет с Пушкиным?

А. И. ТУРГЕНЕВ—кн. П. А. Вяземскому, 15 июня 1823 г., из Петербурга. *Ост. Арх.*, II, 333.

VII

В ОДЕССЕ

(июль 1823 — август 1824)

(Август 1823 г.). Я остановился в Одессе в известнейшем отеле Рено, близ театра... Я поместился в двух небольших комнатах над конюшнями (89)... Рядом со мной, об стену, жил Пушкин, изгнанник-поэт. В Одессе, где он только-что поселился, не успел еще он обрести веселых собеседников... С каждым днем наши беседы и прогулки становились продолжительнее. Разговор Пушкина, как бы электрическим прутиком касаясь моей черными думами отягченной главы, внезапно порождает в ней тысячу мыслей, живых, веселых, молодых, и сближал расстояние наших возрастов. Беспечность, с которою смотрел он на свое горе, часто заставляло меня забывать и собственное... Бывало, посреди пустого, забавного разговора, из глубины души его или сердца вылетит светлая, новая мысль, которая покажет и всю обширность его рассудка. Часто со смехом, пополам с презрением, говорил он мне о шалунах-товарищах его в петербургской жизни, с нежным уважением о педагогах, которые были к нему строги в лице. Мало-по-малу открыл весь зарытый клад его правильных суждений и благородных помыслов, на кои накинута была замаранная мантия цинизма (98 — 98).

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ. *Записки*, ч. VI.

Здоровье мое давно требовало морских ванн, я насилу уломал Инзова, чтоб он отпустил меня в Одессу,— я оставил мою Молдавию и явился в Европу. Ресторация и итальянская опера напомнили мне старину и, ей-богу, обновили мою душу. Между тем приезжает Воронцов, принимает меня чрезвычайно ласково, об'являет мне, что я перехожу под его начальство, что остаюсь в Одессе. Кажется и хорошо,— да новая печаль мне сжала грудь.— «Мне стало жаль моих покинутых цепей». Приехал в Кишинев на несколько дней, провел их неиз'яснимо элегически и, выехав оттуда навсегда,— «О Кишиневе я вздохнул». Теперь я опять в Одессе и все еще не могу привыкнуть к европейскому образу жизни: впрочем, я нигде не бываю, кроме в театре...

ПУШКИН брату Льву, 25 авг. 1823.

В Одессе Пушкин жил сначала в Hôtel du Nord, на Итальянской улице, ныне дом Сикара. Тут, по свидетельству П. С. Пущина, писал он своего Онегина, на лоскутках бумаги, полурасдетый, лежа в постеле. Однажды, когда он описывал театр, ему заметили: не вставит ли он в это

описание своего обычая наступать на ноги, пробираясь в креслах. Пушкин вставил стих: «Идет меж кресел по ногам». Потом Пушкин жил на Ришельевской ул., на углу ее с Дерибасовскою, в верхнем этаже дома, принадлежавшего сперва барону Рено, а потом его дочери княгине Кантакузенной. Окна дома выходят на обе улицы, и угольный балкон принадлежал поэту, который налево с него мог видеть и море. Почти в глазах у него был театр. Далее к театру, на другом углу того же квартала, помещалось казино, о котором упоминает он в *Онегине*, при описании Одессы, и в котором сживал он иногда в своем кишиневском архалуке и феске. Наряд этот Пушкин оставил в Одессе. Здесь на улице показывался он в черном сюртуке и в фуражке или черной шляпе, но с тою же железной палицей. Сюртук его постоянно был застегнут, и из-за галстука не было видно воротничков рубашки. Волосы у него и здесь были подстрижены под гребешок или даже обриты. (Никто, впрочем, из тех, которые знали Пушкина в Кишиневе и в Одессе и с которыми мы имели случай говорить, не помнят его больным). Говорят еще, что на руке носил он большое золотое кольцо с гербовой печатью. В Одессе, так же, как в Кишиневе, Пушкин по утрам читал, писал, стрелял в цель, гулял по улицам. Обедывал он то у Дмитраки, в преческой ресторации, то на Итальянской ул., в *Hôtel du Nord*, вместе с польскими помещиками, которые, как сказывали нам, умели приласкать его к себе, хотя, по словам людей, в то время близких к нему, он не любил польского языка. С товарищами своими Пушкин обедал, по большей части, у Отона, которого ресторация помещалась в маленьком доме, на Дерибасовской ул. Довольно часто обедал Пушкин и у графа (Воронцова).

К. П. ЗЕЛЕНЕЦКИЙ. Сведения о пребывании П-на в Кишиневе и Одессе. *Москвитянин*, 1854, № 9, смесь, стр. 7—10.

В доме Сикара Пушкин поселился потом, а сначала жил у Рено и занимал угольный фас с балконом.

Н. О. ЛЕРНЕР. Пушкин в Одессе. *Полн. собр. соч. П-на*, изд. Брокгауза, II, 272.

Как раз против лица, на Дерибасовской улице, стоял небольшой одноэтажный дом, на котором красовалась вывеска с надписью большими золотыми буквами: *César Automne restaurateur*. Здесь был известный в то время ресторан, в котором Пушкин любил коротать свои невольные досуги.

Н. Г. ТРОЙНИЦКИЙ. *Рус. Стар.*, 1887, т. 54, стр. 159.

Самым дорогим рестораном в Одессе была Ришельевская гостиница, содержимая Отоном.— Пушкин часто обедал у вас здесь? — спрашиваешь почтенного, дружного, с правильными чертами старо-французского лица, неторопливо-предупредительного, важно-любезного хозяина.— *Très souvent, oui, monsieur. Il préférerait, le Saint-Peray à toutes les autres marques de champagne, et j'en ai toujours eu d'excellent dans ma cave*». Прелестнейший образчик француза старого закала был *monsieur Automne*.

Б. М. МАРКЕВИЧ. *Полн. собр. соч.*, М. 1912. Т. XI, 391.

Пушкин опять предался светской жизни, но более одушевленной, более поэтической, чем та, которую вел в Петербурге. Любовь овладела

сильнее его душою. Она предстала ему со всею заманчивостью интриг, соперничества и кокетства. Она давала ему минуты и восторга, и отчаяния. Однажды, в бешенстве ревности, он пробежал пять верст с обнаженной головой, под палящим солнцем по 35 градусам жара.— Пушкин был собою дурен, но лицо его было выразительно и одушевленно; ростом он был мал (в нем было с небольшим 5 вершков); но тонок и сложен необыкновенно крепко и соразмерно. Женщинам Пушкин нравился; он бывал с ними необыкновенно увлекателен и внушил не одну страсть на веку своем. Когда он кокетничал с женщиною или когда был действительно ею занят, разговор его становился необыкновенно заманчив. Должно заметить, что редко можно встретить человека, который объяснялся так вяло и так несносно, как Пушкин, когда предмет разговора не занимал его. Но он становился блестяще красноречив, когда дело шло о чем-нибудь близком его душе. Тогда-то он являлся поэтом, и гораздо более вдохновенным, чем во всех своих сочинениях. О поэзии и литературе Пушкин говорить вообще не любил, а с женщинами никогда и не касался до сего предмета. Многие из них, особенно в то еще время, и не подозревали в нем поэта... В знакомом кругу Пушкин любил неизвестность, но молвою вообще дорожил и радовался, когда встречал свое имя в иностранных сочинениях и журналах... В Одессе Пушкин писал много; читал еще более. Там он написал три первые главы «Онегина». Он горячо взялся за него и каждый день им занимался. Пушкин просыпался рано и писал обыкновенно несколько часов, не вставая с постели. Приятели часто заставляли его то задумчивого, то помирающего со смеху над строфою своего романа. Одесская осень благотворно действовала на его занятия.

Л. С. ПУШКИН. Биографическое известие об А. С. Пушкине. *Л. Майков*, 9—10.

Никто так не боялся, особенно в обществе, своего звания поэта, как Пушкин. Он искал в нем успехов совсем другого рода. По меткому выражению одного из самых близких к нему людей, «предметы его увлечения могли меняться, но страсть оставалась при нем одна и та же». И он вносил страсть во все свои привязанности и почти во все сношения с людьми. Самый разговор его, в спокойном состоянии духа, ничем не отличался от разговора всякого образованного человека, но делался блестящим и неудержимым потоком, как только прикасался к какой-нибудь струне его сердца или к мысли, глубоко его занимавшей... Особенно перед слушательницами любил он расточать всю гибкость своего ума, все богатства своей природы. Он называл это, на обыкновенном насмешливом языке своем, «кокетничаньем с женщинами». Вот почему, несмотря на известную небрежность его костюма, на неправильные, хотя энергические черты лица, Пушкин вселял так много привязанности в сердца, оставлял так много неизгладимых воспоминаний в душе.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 79.

Я прочел Туманскому отрывки из «Бахчисарайского Фонтана» (новой моей поэмы), сказав, что я не желал бы ее напечатать, потому что многие места относятся к одной женщине, в которую я был очень долго и очень глупо влюблен, и что роль Петрарки мне не по нутру.

Из'ясни отцу моему, что я без его денег жить не могу. Жить пером мне невозможно при нынешней цензуре; ремеслу же столярному я не обучался; в учителя не могу идти. Всё и все меня обманывают,— на кого же, кажется, надеяться, если не на ближних и родных? На хлебах у Воронцова

я не стану жить — не хочу и полно — крайность может довести до крайности. Мне больно видеть равнодушие отца моего к моему состоянию, — хоть письма его очень любезны... У меня хандра, и это письмо не разве- селило меня.

ПУШКИН брату Льву, 25 авг. 1823 г., из Одессы.

(23 сент. 1823 г.). Говорил о Пушкине с Аграф. Ив. Трубецкой... Государь, прочтя «Кавказского Пленника», сказал: «надо помириться с ним»

М. П. ПОГОДИН. *Дневник. Пушкин и его с-ки*, XIX—XX, 70.

О каких переменах говорил тебе Раич? Я никогда не мог поправить раз мною написанное... У нас скучно и холодно.

ПУШКИН—кн. П. А. Вяземскому, 14 окт. 1823 г.

Что для меня по преимуществу было знаменательно в Ал. Ник. Раевском,— это то, что мне передал мой дядя и что после того не один раз слышал я от людей вполне компетентных,— тот положительный факт, что Пушкин имел в виду нравственную личность и направление ума Ал. Ник-ча в известном стихотворении своем «Демон».

Гр. П. И. Капнист со слов дяди своего гр. А. В. КАПНИСТА. *Рус. Стар.*, 1899, т. 98, стр. 242.

В Одессе, в одно время с Пушкиным, жил Александр Раевский. Он был тогда настоящим «демоном» Пушкина, который изобразил его в известном стихотворении очень верно. Этот Раевский, действительно, имел в себе что-то такое, что придавливало душу других. Сила его обаяния заключалась в резком и язвительном отрицании. Я испытывал это обаяние на самом себе. Пушкин в Одессе хаживал к нему обыкновенно по вечерам, имея позволение тушить свечи, чтоб разговаривать с ним свободнее впотьмах. Однажды Пушкин зашел к нему утром и прочел свое новое антологическое стихотворение, начинавшееся так:

Подруга мцлая, я знаю, отчего
Ты с нынешней весной от наших игр отстала.

Раевский оставил его у себя обедать. К обеду явилось еще несколько лиц. За обедом Раевский сообщил о новом произведении поэта, и все, разумеется, стали просить прочесть его; но Раевский не дал читать Пушкину, сказав, что сам прочтет, так как эти прекрасные стихи сразу врезались ему в память, и начал так:

Подруга милая, я знаю, отчего
Ты с нынешней весной от наших игр удрала.

Эта вздорная шутка невольно всех рассмешила, и ее было достаточно, чтоб Пушкин во всю жизнь не решился напечатать вполне этого стихотворения, и оно оставалось в печати урезанным, и вполне появилось только в посмертном издании (Дионей: «Хромид в тебя влюблен...»). Пушкин сам вспоминал со смехом некоторые случаи подчиненности своему демону, до того уже комические. что мне даже казалось, что он переса-

ливают свои рассказы. Но потом я проверил их у самого Раевского, который повторил мне буквально то же.

М. В. ЮЗЕФОВИЧ. Воспоминания о Пушкине.
Рус. Арх., 1880, III, 439.

А. Н. Раевский, первообраз «Демона», имел на Пушкина влияние, доходившее до смешного. Напр., Пушкин мне сам рассказывал, что с Александром Николаевичем он не мог спорить иначе, как впотьмах, потушив свечи, и что он подходил, как смеясь выражался, из подлестки, к ручке к его девке. Точь в точь то же самое рассказывал мне потом Раевский, смеясь над фасинацией (очарованием), какую напустил он на Пушкина. Эту, впрочем, фасинацию испытывал и я, хотя не в такой степени и не обнаруживая ее, так что «Демон» мне вполне понятен.

М. В. ЮЗЕФОВИЧ — П. И. Бартеневу. *Звезда*, 1930, № 7, стр. 232.

Одна наружность Александра Раевского была такова, что невольно, с первого взгляда, легко могла привлечь внимание каждого, кто даже не был с ним лично знаком: высокий, худой, даже костлявый, с небольшой круглой и коротко остриженной головой, с лицом темно-желтого цвета, с множеством морщин и складок, — он всегда (я думаю, даже когда спал) сохранял саркастическое выражение, чему, быть может, немало способствовал его очень широкий с тонкими губами рот. Он, по обычаю двадцатых годов, всегда был гладко выбрит, и хотя носил очки, но они ничего не отнимали у его глаз, которые были очень характеристичны. Маленькие, изжелта карие, они всегда блестели наблюдательно живым и смелым взглядом, с оттенком насмешливости, и напоминали глаза Вольтера. Раевский унаследовал у отца своего резкую морщину между бровей, которая никогда не исчезала. Вообще он был скорее безобразен, но это было безобразие типичное, породистое, много лучше казенной и приторной красоты иных бесцветных эндимионов. Раевский одевался обыкновенно несколько небрежно и даже в молодости своей не был щеголем, что однако не мешало ему иметь всегда заметное положение в высшем обществе. Он был человек замечательно тонкого, острого ума и той образованности, которая так отличала в свое время среду декабристов.

Гр. П. И. Капнист со слов дяди своего графа
А. В. КАПНИСТА. *Рус. Стар.*, 1899, т. 98, стр. 241—
242.

Александр Раевский был чрезвычайно умен, и уже в 1820 г. успел внушить Пушкину такое высокое о себе понятие, что наш поэт предрекал ему блестящую известность. Позднее, когда они выдались в Каменке и Одессе, Ал. Раевский, заметив свое влияние на Пушкина, вздумал подтрунить над ним и стал представлять из себя ничем недовольного, разочарованного, над всем смеющегося человека. Поэт поддался искусной мистификации и написал своего «Демона». Раевский долго оставлял его в заблуждении, но, наконец, признался в своей шутке, и после они часто и много смеялись, перечитывая вместе это стихотворение, об источниках и значении которого впоследствии так много было писано и истощено догадок.

Е. К. Н. ОРЛОВА (урожд. РАЕВСКАЯ) в передаче
Я. К. Грота. *Я. Грот*, 52.

Что до моих занятий, я теперь пишу не роман, а роман в стихах,— дьявольская разница. В роде Дон-Жуана. О печати и думать нечего; пишу спустя рукава (в черновике: Пишу его с упоением, что уж давно со мной не бывало).

ПУШКИН—кн. П. А. Вяземскому, 4 ноября 1823 г., из Одессы.

У нас холодно и грязно,—обедаем славно,—я пью, как Лот содомский, и жалею, что не имею с собою ни одной дочки. Недавно выдался нам молодой денек,—я был президентом попойки, все перепились и потом поехали по барделям.

ПУШКИН—Ф. Ф. Вигелю, в ноябре 1823 г.

Вам скучно, нам скучно; сказать ли вам сказку про белого бычка?.. Скучно, моя радость! Вот припев моей жизни.

ПУШКИН—бар. А. А. Дельвигу, 16 ноября 1823 г.

Хоть Пушкину и веселее в Одессе, но жить труднее, ибо все дорого, а квартиры и стола нет, как у Инзова.

А. И. ТУРГЕНЕВ — кн. П. А. Вяземскому 29 ноября 1823 г. *Ост. Арх.*, II, 369.

Когда мы свидимся, вы не узнаете меня, я стал скучен, как Грибко, и благоразумен, как Чеботарев.

ПУШКИН—А. И. Тургеневу, 1 дек. 1825.

Я посылаю вам, генерал, 360 рублей, которые я вам должен уже так давно... Чувствую себя сконфуженным и униженным, что не мог до сих пор заплатить этого долга; причина,—что я подыхал от нищеты.

ПУШКИН—ген. И. Н. Инзову после 8 дек. 1823 г., из Одессы (фр.).

Ты знаешь, что я дважды просил Ивана Ивановича (царя) о своем отпуске через его министров и два раза воспоследовал всемилоостивейший отказ. Осталось одно,—писать прямо на его имя—такому-то в Зимнем дворце, что против Петропавловской Крепости, не то взять тихонько трость и шляпу и поехать посмотреть на Константинополь. Святая Русь мне становится нестерпимей. *Ubi bene, ibi patria*. А мне *bene* там, где растет трын-трава, братцы! Были бы деньги, а где мне их взять? Что до славы, то ею в России мудрено довольствоваться.

ПУШКИН—брату Льву, в нач. янв. 1824 г., из Одессы.

(В 20-х числах января 1824 г. Пушкин с Липранди поехали в Тирасполь и Бендеры. В Бендерах жил 135-летний старик Искра, помнивший шведского короля Карла XII). Пушкин добивался от Искры своими расспросами узнать что-либо о Мазепе, а тот не только-что не мог указать ему его могилу или место, но и объявил, что такого и имени не слышал. Пушкин не отставал, толкуя ему, что Мазепа был казачий генерал, а не басур-

ман, как шведы, все напрасно... С недовольным духом Пушкин возвратился с нами к полицеймейстеру. За обедом все повеселели, и кофе, по предложению Пушкина, пошли пить к нашей хозяйке. Около четырех часов Пушкин сел на перекладную вместе с квартальным и отправился в Каушаны: ему не терпелось скорее увидеть развалины дворцов и фонтанов. Пушкин приехал разочарованный так же, как и в надежде открыть могилу Мазепы. Вскоре после полуночи он с братом моим уехал в Тирасполь... Пушкин хотел продолжать путь ночью, и только внезапный холодный дождь заставил его отдохнуть, с тем, чтоб назавтра выехать со светом; но трехсуточная усталость и умственное напряжение погрузили его в крепкий сон. Когда он проснулся, брат мой был уже у Сабанеева (*командира корпуса*) и, возвратясь, нашел Пушкина готовым к отъезду. Но предложение видаться с В. Ф. Раевским¹⁾, на что Сабанеев, знавший их близкое знакомство, сам выразил согласие, Пушкин решительно отвергнул, обививши, что в этот день, к известному часу, ему неотменно надо быть в Одессе. По приезде моем в сию последнюю, через полчаса, я был уже с Пушкиным, потому что я всегда останавливался в клубном доме Отона, где поселился и Ал. Серг-ч. На вопрос мой, почему он не повидался с Раевским, когда ему было предложено самим корпусным командиром, — Пушкин, как мне показалось, будто бы несколько был озадачен моим вопросом и стал оправдываться тем, что он спешил, и кончил полным признанием, что в его положении ему нельзя было воспользоваться этим предложением, хотя он был убежден, что оно сделано было Сабанеевым с искренним желанием доставить ему и Раевскому удовольствие, но что немец Вахтен (*начальник штаба 6 корпуса*) не упустил бы сообщить этого свидания в Тульчин, «а там много усерднейших, которые поспешат сделать то же в Петербург» и пр. Я переменял разговор, находя, что Пушкин поступил благо-разумно; ибо Раевский не воздержался бы от сильных выражений, что, при коменданте или при дежурном, было бы очень неловко, и, как заключил я во время разговора, Ал. С-ч принимал это в соображение. — «Жаль нашего Спартанца!» — не раз, вздыхая, говорил он (1464—1470).

(В первой половине февраля 1824 г.). В этот день мне случилось в первый раз обедать с Пушкиным у графа (*Воронцова*). Он сидел довольно далеко от меня и через стол часто переговаривался с Ольгой Станиславовной Нарышкиной (урожд. граф. Потоцкою, сестрою С. С. Киселевой); но разговор почему-то вовсе не одушевлялся. Графиня Воронцова и Башмакова (Варвара Аркадьевна, урожд. княжна Суворова) иногда вмешивались в разговор двумя, тремя словами. Пушкин был чрезвычайно сдержан и в мрачном настроении духа. Вставши из-за стола, мы с ним столкнулись, когда он отыскивал, между многими, свою шляпу, и на вопрос мой, куда? — «Отдохнуть!» — отвечал он мне, присовокупив: «это не обеды Бологовского, Орлова и даже...» не окончил, и вышел... В восемь часов вечера возвратился я домой и, проходя мимо номера Пушкина, зашел к нему. Я застал его в самом веселом расположении духа, без сюртука, сидящим на коленях у мавра Али. Этот мавр, родом из Туниса, был капитаном, т.-е. шкипером коммерческого или своего судна, человек очень веселого характера, лет тридцати пяти, среднего роста, плотный, с лицом загорелым и несколько рябоватым, но очень приятной физиономии. Али очень полюбил Пушкина, который не иначе называл его, как корсаром. Али говорил несколько по-французски и очень хорошо по-итальянски. Мой приход не переменял их положения; Пушкин мне рекомендовал его, присовокупив, что — «у меня лежит к нему душа: кто знает, может быть, мой дед с его предком были близкой родней». И вслед за сим начал его шекотать, чего

¹⁾ Майор В. Ф. Раевский, кишиневский приятель Пушкина, «первый декабрист», суровый и непреклонный революционер, сидел в то время арестованный в тираспольской крепости.

мавр не выносил, а это забавляло Пушкина. Я пригласил их к себе пить чай... Господствующий разговор был о Кишиневе. Ал. Серг-ч находил, что положение его во всех отношениях было гораздо выносимее там, нежели в Одессе, и несколько раз принимался щекотать Али, говоря, что он составляет здесь для него — единственное наслаждение (1470 — 1472).

И. П. ЛИПРАНДИ.

Морали был человек высокого роста, прекрасно сложенный. Голова была широкая, круглая, глаза большие, черные. Все черты лица были правильные, а цвет кожи красно-бронзовый. Одежда его состояла из красной рубахи, поверх которой набрасывалась красная суконная куртка, роскошно вышитая золотом; короткие шаровары были подвязаны богатою турецкою шалью, служившею поясом; из ее многочисленных складок выглядывали пистолеты. Обувь состояла из турецких башмаков и чулок, доходивших до колен. Белая шаль окутывала его голову. Вскоре Морали подружился с молодыми людьми, был принят во многих одесских гостянных и участвовал во всех пирушках и вечеринках. Он хорошо говорил по-итальянски и никогда не обижался, когда ему напоминали о его прежних корсарских подвигах. Тогда говорили, что этот египтянин был когда-то корсаром, и думали, что он обладает несметными богатствами. Но после оказалось, что он был простым искателем приключений, да к тому еще и отчаянным картежником. Вскоре распространился по Одессе слух, что красивого африканца обыграли одесские картежники. Он вдруг бесследно исчез из нашего города.

М. Ф. де-РИБАС. Рассказы одесского старожила.
Из прошлого Одессы. Сборник статей, составленный Л. М. де-Рибасом. Одесса. 1894. Стр. 359.

Дней через десять, в десять часов утра, я приехал опять в Одессу с Н. С. Алексеевым, и тотчас послал дать знать Пушкину. Человек возвратился с известием, что он еще спит, что пришел домой в пять часов утра из маскарада. Маскарад был у гр. Воронцова. В час мы нашли Пушкина еще в кровати, с поджатыми, по обыкновению, ногами, и что-то пишущим. Он был очень не в духе от бывшего маскарада... В эту мою поездку в Одессу, где пробыл я неделю, я начал замечать, но безотчетно, что Пушкин был недоволен своим пребыванием относительно общества, в котором он вращался. Я замечал какой-то abandon в Пушкине, но не искал проникать в его задушевное, и оставлял, так сказать, без особенного внимания. В дороге, в обратный путь в Кишинев, мы разговорились с Алексеевым и начали находить в Пушкине большую перемену, даже в суждениях. По некоторым вырывававшимся у него словам Алексеев, бывший к нему ближе и интимнее, нежели я, думал видеть в нем как будто бы какое-то ожесточение (1472 — 1474).

В Одессе было общество, которое могло занимать Пушкина во всех отношениях. Не говоря о высших кругах, как, напр., в домах гр. Воронцова, Л. А. Нарышкина, Башмакова, П. С. Пуцина и некоторых др. Но я понимал, что такой круг не мог удовлетворять Пушкина; ему, по природе его, нужно было разнообразие с разительными противоположностями, как встречал он их в Кишиневе. Он отвык и, как говорил, никогда и не любил аристократических, семейных, этикетных обществ, существовавших в вышеназванных домах... Приезды Ал. Н. Раевского развлекали Пушкина, как-будто оживляли его, точно так же, как когда встречался он с кем-либо из кишиневских. Тогда — распросам не было конца; обед, ужин, завтрак со старыми знакомцами оживляли его... В Одессе, незави-

симо от встреч с знакомыми бессарабцами, театр иногда служил развлечением (1474 — 1475).

И. П. ЛИПРАНДИ.

Пушкина Фонтан-Слез — превосходен; он пишет еще поэтический роман: *Онегин*, — который, говорят, лучше его самого.

А. А. ВЕСТУЖЕВ—Я. Н. Толстому, 3 марта 1824 г. *П-н и его совр-ки*, II, 69.

Пушкин, во время пребывания своего в южной России, куда-то ездил за несколько сот верст на бал, где надеялся увидеть предмет своей тогдашней любви. Приехав в город, он до бала сел понтировать и проиграл всю ночь до позднего утра, так что прогулял и все деньги, и бал, и любовь свою

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Соч.* VIII, 95.

Один одесский старожил, бывший во времена Пушкина студентом Ришельевского лицея, сознается, что больше знал суковатую палку, длинные волосы и, в противоположность моде, загнутые вниз воротнички рубашки Пушкина, нежели его сочинения.

А. СКАЛЬКОВСКИЙ. В. Яковлев. *Отзывы*, 153.

Пушкин заходил в старшие классы Ришельевского лицея. Проходя как-то по лицейским коридорам и классам, он сказал: «как это напоминает мне мой лицей!» В другой раз, застав одного воспитанника за чтением «Онегина», он шутя заметил ему: «охота вам читать такой вздор!» — Наша классная комната выходила окнами на Ланжероновскую улицу. Нижняя часть окошек была заделана камнем, чтобы мальчики, сидя за уроком, не развлекались улицею. Помню, однажды кто-то крикнул: «Пушкин идет, Пушкин!» Кинулись к окошкам... Я заметил человека, с палкою на плече, как он поворачивал за угол Лицея; он шел проворно, какой-то развалистой походкой. Это был Пушкин.

Н. Г. ТРОИНИЦКИЙ. В. Яковлев. *Отзывы*, 8.

Пушкин раза два или три был в Одессе еще до перехода своего в этот город на службу. Во время этих приездов он познакомился и сблизился с негоциантом Ризничем, который был родом из адриатических славян, — далмат или кроат. Ризнич в то время еще не был женат. В 1822 г. он уехал в Вену и весною 1823 г. воротился оттуда с молодою женою. Пушкин переехал на постоянное жительство в Одессу в ту же пору и был, конечно, одним из первых знакомых новопривезшей дамы. Все убеждены были, что г-жа Ризнич была родом из Генуи. Оказывается, однако, что она была дочь одного венского банкира, по фамилии Рипп, полу-немка и полу-итальянка, с примесью, быть может, и еврейского в крови. Муж привез жену свою вместе с ее матерью, которая, однако же, недолго оставалась с молодыми супругами, — не более шести месяцев, и уехала обратно за границу. Г-жа Ризнич была молода, высока ростом, стройна и необыкновенно красива. Особенно привлекательны были ее пламенные очи, шея удивительной формы и белизны, и черная коса, более двух аршин длиною. Только ступни были у нее слишком велики. Потому, чтобы скрыть недостаток ног, она всегда носила длинное платье, которое тянулось по земле. Она ходила в мужской

шляпе и одевалась в наряд полуамазонки. Все это придавало ей оригинальность и увлекало молодые и немолодые сердца. Но этот наряд и, как кажется, другие обстоятельства были причиною, что в высшем кругу тогдашнего одесского общества, который в то время сосредоточивался в одном известном доме (гр. Воронцова), г-жа Ризнич принята не была. Зато все молодые люди, принадлежавшие к этому кругу, собирались в доме Ризнич (на Херсонской ул.; в доме бывш. Ризнича, потом Нарольского, на углу, напротив нового здания Ришельевского лицея). Муж занимал здесь, как по всему видно, вторую роль; а молодая хозяйка вела самую живую, одушевленную беседу и играла в вист, до которого была страстная охотница. В числе посещавших дом Ризнича были А. С. Пушкин, В. Туманский и Исидор Собаньский, немолодой, но богатый помещик из западных губерний. Пушкин и Собаньский всех более влюблились за г-жею Ризнич, всех более были близки к ней и всех более пользовались ее вниманием и доверием. На стороне Пушкина были молодость и пыл страсти, на стороне его соперника — золото... Весною 1824 г. г-жа Ризнич уехала за границу, без мужа, со своим ребенком. Она не могла, в продолжение кратковременного своего пребывания в Одессе, научиться говорить и понимать по-русски; в доме у нее, кроме разве прислуги, говорили по-итальянски или по-французски... В одно время с г-жею Ризнич уехал за границу и соперник Пушкина. Он настиг ее на пути, недалеко за русскою границею, провозжал до Вены и вскоре потом оставил ее навсегда. Через несколько месяцев, по всей вероятности, в начале 1825 г., г-жа Ризнич умерла, — кажется, в бедности, и кажется, в Генуе, призренная матерью мужа.

Пушкину, кроме г-жи Ризнич, нравилась в Одессе только одна дама, с которою был он, однако, более в светско-враждебных отношениях, и м-лле Бларамберг, дочь известного одесского археолога, очень умная и образованная девица, с которою любил он беседовать по вечерам у прафа.

К. П. ЗЕЛЕНЕЦКИЙ. Г-жа Ризнич и Пушкин.
Русск. Вестник, 1856, № 6, Современ. Летопись, 203—209.

Ризнич получил отличное воспитание, учился в падуанском и берлинском университетах... В Одессе он занимался преимущественно хлебными операциями. Проф. Сречкович, со слов г-на Ризнича, утверждает, что г-жа Ризнич была итальянка, родом из Флоренции, женщина замечательной красоты. В Одессе, равно как и прежде в Вене она вела жизнь на широкую ногу, танцевала и играла в карты. Из массы ее поклонников выделялись Пушкин и польский князь Яблоновский. Зеленецкий говорит, что соперником Пушкина был некто Собаньский, Сречкович положительно называет другое лицо — кн. Яблоновского... Г. Ризнич внимательно следил за поведением своей жены, заботливо оберегая ее от падения. К ней был приставлен верный его слуга Филипп, который знал каждый шаг жены своего господина и обо всем доносил ему. Пушкин страстно привязался к г-же Ризнич. По образному выражению г-на Ризнича, он увивался около нее, как котенок, но взаимностью от нее не пользовался: г-жа Ризнич была к нему равнодушна. Ненормальный образ жизни в Одессе вредно отразился на здоровье г-жи Ризнич. У нее обнаружились признаки чахотки, и она должна была уехать на родину в Италию. За нею последовал во Флоренцию и кн. Яблоновский и там успел добиться ее доверия, о чем не замедлил довести до сведения своего господина верный его слуга Филипп, отправленный Ризничем вместе с женою на ее родину. Г-жа Ризнич скоро умерла; умер скоро и ребенок ее от брака с г. Ризничем. Ризнич не отказывал ей в средствах во время ее жизни в Италии, и показание г. Зеленецкого, будто она умерла в нищете, неверно. О доверии, оказанном г-жею

Пушкин не мог знать, и потому образ г-жи Ризнич в его памяти остался свободным от пятен.

М. Е. ХАЛАНСКИЙ со слов проф. П. С. Сречковича. *Сборник Харьк. Истор. Филол. Общ-ва*, том 4. Харьков, 1892, стр. 247—249.

Наш отец (*Кирияков*), во время пребывания Пушкина в Одессе, был предводителем дворянства и жил открыто. Каждый понедельник были назначены у нас танцевальные вечера. Пушкин был у нас неизменным посетителем. Он любил потанцевать... Пыкий, живой, впечатлительный, Пушкин не мог быть кунктатором в делах сердечных. Особенно равнодушные его выражались по отношению к двум девицам нашего круга — Зинаиде и Елене Бларамберг.

К. С. М. СОКОЛОВА (урожд. КИРИЯКОВА) по записи А. Берга. В. Яковлев. *Отзывы*, 133.

Пушкин не пропускал никогда в Одессе заутрени на Светлое Воскресение и звал всегда товарищей «услышать голос русского народа» (в ответе на христосование священника: воистину воскрес). Слышал от Ал. Н. Раевского.

М. П. ПОГОДИН. *Москвитянин*, 1855, № 4, кн. 2, стр. 146.

Очевидцы сказывали нам, что иногда, в послеобеденное время, а иногда и в лунные ночи, Пушкин ездил за город, в двух верстах от него, на дачу, бывшую Рено, где открывается весь полукруг морского горизонта. Тогда это было дико-поэтическое место уединения.

К. П. ЗЕЛЕНЕЦКИЙ. *Москвитянин*, 1854, № 9, смесь, стр. 10.

«Был тут в графской канцелярии Пушкин. Чиновник, что ли. Бывало, больно задолжает, да всегда отдаст с процентами. Возил я его раз на хутор Рено. Следовало пять рублей; говорит: в другой раз отдам. Прошло с неделю. Выходит: вези на хутор Рено!.. Повез опять... Следовало уж десять рублей, а он и в этот раз не отдал. Возил я его и в третий, и опять в долг: нечего было делать; и рад бы не ехать, да нельзя: овиреп был, да и ходил с железной дубинкой. Прошла неделя, другая. Прихожу я к нему на квартиру. Жил он в клубном доме, во втором этаже. Вхожу в комнату: он брился. Я к нему. Ваше благородие, денег пожалуйста, и начал просить. Как ругнет он меня, да как бросится на меня с бритвой! Я бежать, давай, бог, ноги, чуть не зарезал. С той поры я так и бросил. Думаю себе: пропали деньги, и искать нечего, а уж больше не повезу. Только раз утром гляжу,— тут же и наша бирка,— Пушкин растворил окно, зовет всех, кому должен... Прихожу и я: «на вот тебе по шести рублей за каждый раз, да смотри вперед, не совайся!» — Да зачем же ездил он на хутор Рено? — «А бог его знает! Посидит, походит по берегу час, полтора, потом назад».

К. П. ЗЕЛЕНЕЦКИЙ со слов одесского извозчика Березы. Из записной книжки. А. С. Пушкин. *Сборник изд. П. Бартевным*. П. М. 1885, стр. 95.

Предания той эпохи упоминают о женщине, превосходившей всех других во власти, с которой управляла мыслию и существованием поэта (*графине Е. К. Воронцовой*). Пушкин нигде о ней не упоминает, как бы

желая сохранить про одного себя тайну этой любви. Она обнаруживается у него только многочисленными профилями прекрасной женской головы, спокойного, благородного, величавого типа, которые идут почти по всем его бумагам из одесского периода жизни.

П. В. АННЕНКОВ. *Пушкин в алекс. эпоху*, 245.

Княгиня (В. Ф. Вяземская) рассказала мне некоторые подробности о пребывании А. Пушкина в Одессе и его сношениях с женой нынешнего князя Воронцова, что я только подозревал.

П. А. ПЛЕТНЕВ—Я. К. Гроту. *Переписка Грота с Плетневым*. II, 680.

Сегодня Герберт (сын лэди Пемброк-Воронцовой) пел «Талисман». Он и не знал, что поет про волшебницу тетку (граф. Е. К. Воронцову).

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. Соч. IX, стр. 186.

Золотой, принадлежавший Ал. С. Пушкину, перстень с резным восьмиугольным сердоликом. Еврейская надпись на нем гласит: «Симха, сын почтенного рабби Иосифа (пресвятого Иосифа старого), да будет благословенною его память». Написано сокращенно: «Симха бен Р. Иосиф старый п. б.». История этого перстня видна из приложенной к нему записки И. С. Тургенева: «Перстень этот был подарен Пушкину в Одессе княгиней Воронцовой. Он носил почти постоянно этот перстень (по поводу которого написал свое стихотворение: «Талисман») и подарил его на смертном одре поэту Жуковскому»... и т. д.

ОПИСАНИЕ ПУШКИНСКОГО МУЗЕЯ Имп. Алекс. Лицея. СПб. 1899, стр. 11.

Надписи, в которых и должна заключаться чародейственная сила талисманов, делаются так, что их можно прочесть прямо. Надпись же на сердоликовом камне в перстне Пушкина сделана обратно, т.-е. для оттиска. Это указывает, что камень в перстне Пушкина не талисман, а просто печать... Воображаемый талисман оказывается просто еврейскою именною печатью, на которой вырезано полукурсивными (раввинскими) буквами: «Симха, сын почтенного рабби Иосифа старца, да будет его память благословенна». Княгиня Воронцова, очевидно, была в заблуждении относительно качества перстня, и если бы знала о действительном его значении, конечно, не подарила бы его Пушкину.

В. П. ГАЕВСКИЙ. Перстень Пушкина. *Вестн. Европы*, 1888, № 2, стр. 536—537.

Пушкин, по известной склонности своей к суеверию, соединял даже талант свой с участью перстня, испещренного какими-то кабалистическими знаками и бережно хранимого им. Перстень этот находится теперь во владении В. И. Дая.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 171.

Пушкин носил сердоликовый перстень (приписка Соболевского: у Дая: известный талисман). Нащокин отвергает показание Анненкова, что с этим

перстнем Пушкин соединял свое поэтическое дарование: с утратою его должна была утратиться в нем и сила поэзии (приписка Соболевского: никогда не слышал).

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рассказы о Пушкине*. 41.

Она очень приятна, у ней меткий, хотя не очень широкий ум, а ее характер — самый очаровательный, который я знаю.

АЛ. Н. РАЕВСКИЙ — Ек. Н. Орловой о графине Воронцовой. М. О. Гершензон. *История молодой России*, 44.

Ей было уже за тридцать лет, а она имела все права казаться еще самую молоденькою. Со врожденным польским легкомыслием и кокетством желала она нравиться, и никто лучше ее в том не успевал. Молода была она душою, молода и наружностью. В ней не было того, что называют красотою; но быстрый нежный взгляд ее миленьких небольших глаз пронзал насквозь; улыбка ее уст, которой подобной я не видал, так и призывает поцелуи.

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ. *Записки*, ч. VI, 84.

Не нахожу слов, которыми я мог бы описать прелесть графини Воронцовой, ум, очаровательную приятность в обхождении. Соединяя красоту с непринужденною вежливостью, уделом образованности, высокого воспитания, знатного, большого общества, графиня пленительна для всех и умеет занять всякого разговором приятным. В ее обществе не чувствуешь новости своего положения; она умно, приятно и весело разговаривает со всеми.

Н. С. ВСЕВОЛОЖСКИЙ. *Путешествие через южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию и пр.* М. 1839. Том I, стр. 93.

Воронцова более любезна с мужчинами, чем с женщинами, которыми она, повидимому, не интересуется; я нахожу ее похорошевшей и занимательною.

Гр-ня Д. Ф. ФИКЕЛЬМОН — гр-не Е. Ф. Тизенгаузен, 27 мая 1843 года, из Вены.

Воронцовы уехали; она вскружила головы мужчинам и не понравилась женщинам.

Гр-ня Д. Ф. ФИКЕЛЬМОН — Е. Ф. Тизенгаузен, 17 июня 1843 г. Comte F. de Sonis. *Lettres du comte et de la c-sse de Ficquelmont à la c-sse Tiesenhausen*. Paris. 1911. Pp. 47, 49.

(Гр. Воронцова полна) живой и безусловной прелести. Она очень мила, когда танцует, и весела, дуться она тоже умеет, но едва ли когда-либо горевала и страдала душевно.

А. О. СМЕРНОВА. *Записки*. 12 марта 1845 г. *Николаевская эпоха*. М. 1910. Стр. 144.

(В начале 50-х годов). Небольшого роста, тучная, с чертами несколько крупными и неправильными, графиня Елиз. Ксавериевна Воронцова была, тем не менее, одной из привлекательнейших женщин своего времени. Все ее

Графиня Елизавета Ксаверьевна
ВОРОНЦОВА

Гравюра Lewis'a с оригинала Лауренса.

ИНЛИ.

Графиня Елизавета Ксаверьевна
ВОРОНЦОВА

Миниатюра Мишле.

Публикуется впервые.

Госуд. Эрмитаж.

существо было проникнуто такою мягкою, очаровательною, женственною грацией, такою приветливостью, таким неукоснительным щегольством, что легко себе объяснить, как такие люди, как Пушкин и многие, многие другие, без памяти влюблялись в Воронцову.

Граф В. А. СОЛОГУБ. *Воспоминания*. СПб. 1887.
Стр. 233.

Жена М. С. Воронцова не отличалась семейными добродетелями и, так же, как и ее муж, имела связи на стороне.

К. К. ЭШЛИМАН. *Воспоминания*. *Рус. Арх.*, 1913,
I, стр. 355.

По кончине Воронцова (1856) его вдова принялась разбирать его переписку, долго этим занималась и производила уничтожения. Тут-же она разбирала и собственные свои бумаги. Попалась небольшая связка с письмами Пушкина, и княгиня их истребила; но домоправитель ее Г. И. Тумачевский помнит в одном пушкинском письме выражение: «*Que fait votre lourdaud de mari (что делает ваш олух-муж)?*» В глубокой старости княгиня Елизавета Ксавериевна восхищалась сочинениями Пушкина: ей прочитывали их почти каждый день, и такое чтение продолжалось целые годы.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. арх.*, 1912, II, 159.

Большая зала Воронцовых, почти всегда пустая, разделяла две большие комнаты и два общества. Одно, полуплебейское, хотя редко покидал его сам граф, постоянно оставалось в бильярдной. Другое, избранное, отборное, находилось в гостиной у графини. Исключая (*Ал. Н. Раевского*) всегда можно было найти тут Марини, Брунова, Пушкина и др. Из дам вседневной посетительницей была одна только граф. О. Стан. Потоцкая, месяца за два перед тем вышедшая за Л. А. Нарышкина, двоюродного брата графа Воронцова. В столовой к обеду сходились все вместе, а вечером у Казначеева все опять смешивались (124).

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ. *Записки*, ч. VI.

Гр. М. С. Воронцов привлек в Одессу множеством знатных особ, желавших служить при графе. Он еженедельно принимал гостей в роскошных залах своего новопостроенного дворца и жил так, как не жилал ни один из мелких германских владетельных князьков. Чиновники, служившие при генерал-губернаторе, были люди отборные, все хорошо воспитанные. Помещики приезжали в наш город со всех концов края, зная по наслышке, что в Одессе круглый год праздник.

М. г. де-РИБАС. *Из прошлого Одессы*. *Сборник*.
Одесса. 1894. Стр. 360.

С Пушкиным я говорю не более четырех слов в две недели, он боится меня, так как знает прекрасно, что, при первых дурных слухах о нем, я отправлю его отсюда, и что тогда уже никто не пожелает взять его на свою обузу; я вполне уверен, что он ведет себя много лучше и в разговорах своих гораздо сдержаннее, чем раньше, когда находился при добром генерале Инзове, который забавлялся спорами с ним, пытаясь исправить его путем логических рассуждений, а затем позволял ему жить одному в Одессе, между

тем как сам оставался жить в Кишиневе. По всему, что я узнаю на его счет и через Гурьева (*одесского градоначальника*), и через Казначеева (*правителя канцелярии гр. Воронцова*), и через полицию, он теперь очень благоразумен и сдержан; если бы было иначе, я отослал бы его и лично был бы в восторге от этого, так как я не люблю его манер и не такой уже поклонник его таланта,—нельзя быть истинным поэтом, не работая постоянно для расширения своих познаний, а их у него недостаточно.

Гр. М. С. ВОРОНЦОВ—П. Д. Киселеву, 6 марта 1824 г. *П-и и его совр-ки*, XXXVII, 140 (фр.).

Дядя мой мне сказал, что Александр Никол. Раевский был невольной причиной высылки Пушкина из Одессы графом Воронцовым. В 1823 и 1824 гг. все слои одесского общества, среди непрерывных увеселений, равно соединялись в доме своего генерал-губернатора и его любезной супруги, которая не оставалась вполне равнодушной к блестящей молодежи, несшей с увлечением к ее ногам дань восторгов и преданности. А. Н. Раевский был отличен графиню в окружавшей ее среде, и она относилась к нему симпатичнее, чем к другим; но, как это нередко бывало в маневрах большого света, прикрытием Раевскому служил друг его, молодой, но уже гремевший славою на всю Россию поэт Пушкин. На него-то и направился с подозрением взгляд графа. И отсюда возникли своего рода преследования и усилия удалить каким-нибудь способом Пушкина из Одессы. Поэт, с своей стороны, не оставался в долгу и на прижимки отвечал эпиграммами. Граф Воронцов, преследуя свою цель, добился, наконец, высылки поэта. Забавнее же всего то, что А. Н. Раевский продолжал пребывать в Одессе, постоянно посещая дом графа Воронцова.

Граф. А. В. КАПНИСТ в передаче племянника его гр. П. И. Капниста. *Рус. Стар.*, 1899, т. 98, 242—244.

Я не буду входить в тайну связей А. Н. Раевского с гр. Воронцовой; но могу поручиться, что он действовал более на ее ум, чем на сердце или чувства... Как легкомысленная женщина, гр. Воронцова долго не подозревала, что в глазах света фамильярное ее обхождение с человеком, ей почти чуждым, его же стараниями перетолковывается в худую сторону... Козни его, увы, были пагубны для другой жертвы. Влюбчивого Пушкина нетрудно было привлечь миловидной Воронцовой, которой Раевский представил, как славно иметь у ног своих знаменитого поэта... Вздохи, сладкие мучения, восторженность Пушкина, коих один он был свидетелем, служили ему беспрестанной забавой. Вкравшись в его дружбу, он заставил его видеть в себе поверенного и усерднейшего помощника, одним словом, самым искусным образом дурачил его!..

Еще зимой чутьем слышал я опасность для Пушкина и раз шутя сказал ему, что по африканскому происхождению его все мне хочется сравнить его с Отелло, а Раевского с неверным другом Яго. Он только что засмеялся.

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ. *Записки*, ч. VI, 171.

В графе М. С. Воронцове, воспитанном в Англии чуть не до двадцатилетнего возраста, была «вся английская складка, и так же он сквозь зубы говорил», так же был сдержан и безукоризнен во внешних приемах своих, так же горд, холоден и властителен, как лобой из сыновей аристократической Британии. Наружность Воронцова поражала своим истинно-барским изяществом. Высокий, сухой, замечательно благородные черты, словно отточенные резцом, взгляд необыкновенно спокойный, тонкие, длинные губы

с вечно игравшею на них ласково-коварною улыбкою. Чем ненавистнее был ему человек, тем приветливее обходился он с ним; чем глубже вырывалась им яма, в которую собирался он пихнуть своего недоброхота, тем дружественнее жал он его руку в своей. Тонко рассчитанный и издали заготовляемый удар падал всегда на голову жертвы в ту минуту, когда она менее всего ожидала такового.

Б. М. МАРКЕВИЧ. *Полн. собр. соч., изд. В. М. Саблина. М. 1912. Том XI, 396—398.*

Вашему сиятельству известны причины, по которым, несколько времени тому назад, молодой Пушкин был послан с письмом от графа Каппоцистрия к генералу Инзову. Во время моего приезда сюда, генерал Инзов предоставил его в мое распоряжение, и с тех пор он живет в Одессе, где находился еще до моего приезда, когда генерал Инзов был в Кишиневе. Я не могу пожаловаться на Пушкина за что-либо, напротив, казалось, он стал гораздо сдержаннее и умереннее прежнего, но собственный интерес молодого человека, не лишнего дарований, и которого недостатки происходят скорее от ума, нежели от сердца, заставляет меня желать его удаления из Одессы. Главный недостаток Пушкина — честолюбие. Он прожил здесь сезон морских купаний, и имеет уже множество льстецов, хвалящих его произведение; это поддерживает в нем вредное заблуждение и кружит его голову тем, что он замечательный писатель, в то время, как он только слабый подражатель писателя, в пользу которого можно сказать очень мало, — лорда Байрона. Это обстоятельство отдаляет его от основательного изучения великих классических поэтов, которые имели бы хорошее влияние на его талант, — в чем ему нельзя отказать, и сделали бы из него со временем замечательного писателя.

Удаление его отсюда будет лучшая услуга для него. Я не думаю, что служба при генерале Инзове поведет к чему-нибудь, потому что, хотя он и не будет в Одессе, но Кишинев так близок отсюда, что ничего не мешает его почитателям поехать туда; да и, наконец, в самом Кишиневе он найдет в молодых боярах и молодых греках скверное общество.

По всем этим причинам я прошу ваше сиятельство довести об этом деле до сведения государя, и испросить его решения по оному. Если Пушкин будет жить в другой губернии, он найдет более поощрителей к занятиям и избежит здешнего опасного общества. Повторяю, граф, что я прошу этого только ради него самого; надеюсь, моя просьба не будет истолкована ему во вред, и вполне убежден, что только согласившись со мною, ему можно будет дать более средств обработать его рождающийся талант, удалив его в то же время от того, что ему так вредно, от лести и столкновения с заблуждениями и опасными идеями.

Граф М. С. ВОРОНЦОВ — гр. К. В. Нессельроде (министру иностр. дел), 28 марта 1824 г. из Одессы. *Русск. Стар.*, 1879, т. 26, стр. 292 (фр.).

... Кстати: повторяю мою просьбу, — избавьте меня от Пушкина, это, может быть, превосходный малый и хороший поэт, но мне бы не хотелось иметь его дольше ни в Одессе, ни в Кишиневе.

Гр. М. С. ВОРОНЦОВ — гр. К. В. Нессельроде, 2 мая 1824 г., из Кишинева. *П-н и его современники*, XVI, 68 (фр.).

Граф Воронцов на средства неразборчив, что уже доказал прежде (т.-е. Пушкина история).

Генерал Н. Н. РАЕВСКИЙ (старший) в черновике письма к Александру I. М. Гершензон. *Мудрость Пушкина*. 203.

Через несколько дней по приезде моем в Одессу, встревоженный Пушкин вбежал ко мне сказать, что ему готовится величайшее неудовольствие. В это время несколько самых низших чиновников из канцелярии генерал-губернаторской, равно как и из присутственных мест, отряжено было для возможного еще истребления ползающей по степи саранчи; в число их попал и Пушкин. Ничего не могло быть для него унижительнее... Для отвращения сего добрейший Казначеев (*начальник канцелярии*) медлил исполнением, а между тем тщетно ходатайствовал об отменении приговора. Я тоже заикнулся было на этот счет; куда тебе! Воронцов побледнел, губы задрожали, и он сказал мне: «Любезный Ф. Ф., если вы хотите, чтобы мы остались в прежних приятных отношениях, не упоминайте мне никогда об этом мерзавце!» А через полминуты прибавил: «также и о достойном друге его Раевском». Последнее меня удивило и породило во мне много догадок.

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ. *Записки*, ч. VI, 171—172.

До отъезда Пушкина я был еще раза три в Одессе, и каждый раз находил его более и более недовольным; та веселость, которая одушевляла его в Кишиневе, проявлялась только тогда, когда он был с мавром Али. Мрачное настроение духа Ал. Сергеевича породило множество эпиграмм, из которых едва ли не большая часть была им только сказана, но попала на бумагу и сделалась известной. Эпиграммы эти касались многих и из канцелярии графа. Стихи его на некоторых дам, бывших на бале у графа, своим содержанием раздражили всех. Начались сплетни, интриги, которые еще более тревожили Пушкина. Говорили, что будто бы граф через кого-то из'явил Пушкину свое неудовольствие, и что это было поводом злых стихов о графе. Услужливость некоторых тотчас распространила их. Граф не показал вида какого-либо негодования; попрежнему приглашал Пушкина к обеду, попрежнему обменивался с ним несколькими словами... Через несколько времени получены были из разных мест известия о появлении саранчи, выходящей уже из зимних квартир своих, на иных местах еще ползающей, на других перешедшей в период скачки. Граф послал несколько военных и гражданских чиновников (от полковника до губернского секретаря); в числе их был назначен и Пушкин, положительно с целию, чтобы по окончании командировки иметь повод сделать о нем представление к какой-нибудь награде. Но Пушкин, с настроением своего духа, принял это за оскорбление, за месть и т. д. Нашлись люди, которые вместо успокоения его раздражительности, старались еще более усилить оную или молчанием, когда он кричал во всеуслышание, или даже поддакиванием, и последствием этого было известное письмо его к графу, в сильных и, — можно сказать, — неуместных выражениях. Я вполне убежден, что если бы в это время был Н. С. Алексеев, и даже — я, то Пушкин не поступил бы так, как он это сделал; он не был чужд глазу благоразумия.

И. П. ЛИПРАНДИ, 1477—1478.

Состоящему в штате моем, коллегии иностранных дел, коллежскому секретарю Пушкину. Поручаю вам отправиться в уезды херсонский, елизаветградский и александрийский и, по прибытии в города Херсон, Елизаветград и Александрию, явиться в тамошние общие уездные присутствия и потребовать от них сведения: в каких местах саранча возродилась, в каком количестве, какие учинены распоряжения к истреблению оной и какие средства к тому употребляются. После сего имеете осмотреть важнейшие места, где саранча наиболее возродилась, и обозреть, с каким успехом действуют употребленные к истреблению оной средства, и достаточны ли распоряжения,

учиненные для этого уездными присутствиями. О всем, что по сему вами найдено будет, рекомендую донести мне.

Граф М. С. ВОРОНЦОВ в предписании Пушкину от 22 мая 1824 г., за № 7976. *Библиографические Записки*, 1858, I, 138.

Глубоко оскорблен был Пушкин предложением принять участие в экспедиции против саранчи. В этом предложении новороссийского генерал-губернатора он увидел злейшую иронию над поэтом-сатириком, принижение честолюбивого дворянина и, вероятно, паче всего одурачение ловеласа, подготовившего свое торжество. Расстройство любовных планов Пушкина долго отзывалось черчением на черновых бумагах женского изящного римского профиля в элегантном классическом головном уборе, с представительной рюшью на шее.

Кн. П. П. ВЯЗЕМСКИЙ. *Собр. соч.*, 499.

Будучи совершенно чужд ходу деловых бумаг, не знаю, в праве ли отозваться на предписание его сиятельства. Приемлю смелость об'ясниться откровенно на шет моего положения. Семь лет я службою не занимался, не писал ни одной бумаги, не был в сношении ни с одним начальником. Эти семь лет, как вам известно, вовсе для меня потеряны. Жалобы с моей стороны были бы не у места. Стихотворство — мое ремесло, доставляющее мне пропитание и домашнюю независимость. Думаю, что граф Воронцов не захочет лишить меня ни того, ни другого. Мне скажут, что я, получая семьсот рублей, обязан служить... Я принимаю эти семьсот рублей не так, как жалование чиновника, но как паек ссылочного невольника. Я готов от них отказаться, если не могу быть властен в моем времени и занятиях. Если бы я хотел служить, то никогда бы не выбрал себе другого начальника, кроме его сиятельства, но чувствуя свою совершенную неспособность, я уже отказался от всех выгод службы. Знаю, что довольно этого письма, чтобы меня, как говорится, уничтожить. Если граф прикажет подать в отставку, я готов; но чувствую, что, переменяв мою зависимость, я много потеряю, а ничего выиграть не надеюсь.

Еще одно слово: вы, может быть, не знаете, что у меня аневризм. Вот уже восемь лет, как я ношу с собою смерть. Могу представить свидетельство которого угодно доктора. Ужели нельзя оставить меня в покое на остаток жизни, которая верно не продлится.

ПУШКИН—А. И. Казначееву (правителю канцелярии гр. Воронцова), 25 мая 1824 г. Черновик.

По совету Ал. Раевского, Пушкин отправился в командировку и, возвратясь дней через десять, подал донесение об исполнении порученного. Но в то же время, под диктовку того же друга, написал к Воронцову французское письмо, в котором говорил, что ничего не сделал столь предосудительного, за что бы мог быть осужден на каторжные работы, но что, впрочем, после сделанного из него употребления он, кажется, может вступить в права обыкновенных чиновников и, пользуясь ими, просить об увольнении от службы. Ему велено отвечать, что, как он состоит в ведомстве иностранных дел, то просьба его передана будет прямо его начальнику графу Нессельроде, в частном же письме к сему последнему поступки Пушкина представлены в ужасном виде.

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ. *Записки*, ч. VI, 172.

В деле 1824 «об истреблении саранчи» находится предписание Воронцова о командировании колл. секретаря Пушкина, вместе с другими чиновниками, для истребления саранчи в Херсонской губернии. Отчетные рапорты по этому поручению от военных начальств и командированных чиновников в деле этом находятся в большом числе. Донесения же Пушкина ни в прозе, ни в стихах нигде не найдено.

А. А. СКАЛЬКОВСКИЙ. *Пушкин и его совр-ки*, III, 102.

Рапорт, будто бы поданный Пушкиным Воронцову по возвращении из командировки для истребления саранчи:

Саранча летела, летела,
И села,
Сидела, сидела — все с'ела
И вновь улетела.

Весьма сожалею, что увольнение мое причиняет вам столько забот, и искренно тронут вашим участием... Я жажду одного — независимости; мужеством и настойчивостью я, в конце-концов, добьюсь ее. Я уже победил свое отвращение писать и продавать свои стихи ради хлеба насущного; самый большой шаг уже сделан; пишу я еще только под капризным влиянием вдохновения, но на стихи, раз написанные, я уже смотрю, как на товар, по столько-то за штуку. Не понимаю ужаса моих друзей (мне вообще не совсем ясно, что такое мои друзья). Я устал зависеть от хорошего или дурного пищеварения того или другого начальника, мне надоело, что со мною в моем отечестве обращаются с меньшим уважением, чем с первым английским шалопаем, который слоняется среди нас со своею пошлостью и своим бормотанием. Не сомневаюсь, что гр. Воронцов, как человек умный, сумеет выставить меня виноватым во мнении публики; но я предоставлю ему в свое удовольствие наслаждаться этим лестным триумфом, потому что я так же мало забочусь о мнении публики, как и о восторгах журналов.

ПУШКИН—А. И. Казначееву, в начале июня 1824 г. Черновик (фр.).

Расскажу анекдот, рассказанный мне Гоголем и известный еще прежде, кажется, от самого действовавшего лица. Около Одессы расположена была батарейная рота и расставлены были на поле пушки. Пушкин, гуляя за городом, подошел к ним и начал рассматривать внимательно одну за другою. Офицеру показались его наблюдения подозрительными и он остановил его вопросом об его имени.— «Пушкин»,— отвечал тот.— «Пушкин! — воскликнул офицер.— Ребята, пали!» — и скомандовал торжественный залп. Весь лагерь встревожился. Сбежались офицеры и спрашивали причину такой необыкновенной пальбы.— «В честь знаменитого гостя»,— отвечал офицер.— «Вот, господа, Пушкин!» Пушкина молодежь подхватила под руки и повела с триумфом в свои шатры праздновать нечаянное посещение. Офицер этот был Григоров, который после пошел в монахи... Кажется, сам он рассказывал мне описанный случай, если не кто другой,— но я его знал уже, когда Гоголь повторил мне этот рассказ по поводу внезапной смерти Григорова.

М. П. ПОГОДИН. *Москвитянин*. 1855, № 4, кн. 2, стр. 146. В несколько ином виде, также со слов Гоголя, передает этот анекдот Л. Арнольди: *Воспоминание о Гоголе. Русск. Вестн.*, 1862, № 1, стр. 89.

В 1824 и 1825 годах (sic!) мне довелось часто встречаться с Пушкиным в Одессе. Неукротимый дух его, в ту эпоху еще не дозревший, видимо, чуждался меня, как человека, гордившегося оковами собственной мысли. Однако, несмотря на такое предубеждение, я с удовольствием припоминаю, что однажды, за обедом у моей сестры, сидя друг подле друга, я успел (впрочем, без всякого намерения) овладеть полным вниманием и сочувствием Пушкина. Мы беседовали о прошлом и современном; говоря о Турции, о восточных христианах, единоверных нам, я излагал перед ним причины сохранения их народного духа и веры под властью мусульман. Пушкин не знал, что на Востоке церковные пастыри исполняют должность судей и начальников гражданских, что вера и дух народный без всякого принуждения утвердили за ними эту вековую и спасительную власть, взамен порабощения иноплеменикам и как бы в залог будущего. Перейдя потом от сего поучительного явления к зиждительной силе и влиянию христианской веры вообще, я сказал между прочим Пушкину: Теперь то и дело говорят о мечтательной политической свободе; а знаете ли, что в евангелии, в котором заключены все высшие истины, мы обретаем определение истинной свободы. Господь сказал: *Познайте истину, и истина сделает вас свободными*. Заключите же из сего божественного изречения, что где нет внутренней свободы, там нет и внешней. Собеседник мой при этих словах изъясил простодушное удивление и сердечное участие. Кто знает, не начал ли он с тех пор заглядывать почаще в св. евангелие?

А. С. СТУРЦЗА. «Беседа Люб. Росс. Слова и Арзамас». *Москвитянин*, 1851. Часть VI, № 21, ноябрь, кн. 1, стр. 17—18.

Проживал тогда в Одессе Пушкин, дальний наш по женскому колену родственник; по доброму русскому обычаю, мы с первого дня знакомства стали звать друг друга «*mon cousin*». Нередко, встречаясь с ним в обществе и театре, я желал сблизиться с ним; но так как я не вышел еще окончательно из-под контроля моего воспитателя, то и не мог удовлетворить вполне этому желанию. Ал. Серг-ч слыл вольнодумцем и чуть ли почти не атеистом, и мне дано было заранее предостережение о нем, как об опасном человеке. Он, видно, это знал или угадал, и раз, подходя с улицы к моему отпертому окну, сказал: «не правда ли, *cousin*, что твои родители запретили тебе подружиться со мною?» Я ему признался в этом, и с тех пор он перестал навещать меня. В другой раз он при встрече со мною сказал: «Мой Онегин (он только что начал его тогда писать) — это ты, *cousin*». Впоследствии, подружившись в 1832 г. со Л. С. Пушкиным, я узнал от него, что я заинтересовал его брата моими несдержанными, югом отзывающимися приемами, манерами в обществе и пылкостью наивной моей натуры.—Говорили, что графиня Е. К. Воронцова очень любезно обращалась с Ал. Серг-чем, но что ее супруг отворачивался от него. Сам этого я не видал. Неразлучным компаньоном великого поэта был колоссальный полумавр и полунегр по имени Али, но его звали Морали. Этот человек был, по видимому, не без средств существования, хотя не имел никаких занятий, и, сколько помнится мне, подозревали, что он нажил состояние ремеслом пирата. Ходил он в африканском своем костюме с толстой палкой в руке вроде лома, и помнится мне, что он изрядно говорил по-итальянски. Ал. Сергеевич и особенно короткие его знакомые собирались почти каждый вечер ужинать в греческом второстепенном ресторане Дмитраки, где и засиживались за полночь... Все эти господа обедали обыкновенно во французском (очень хорошем) ресторане Отона, в доме клуба на Херсонской улице.

Граф М. Д. БУТУРЛИН. Записки. Русск. Арх., 1897, II, 15—16.

В Одессе интересно знакомство его с графом Ланжероном. Этот французский эмигрант, один из знаменитых генералов великой брани против Наполеона, имел слабость считать себя поэтом, писал на французском языке стихи и даже драмы. Однажды, сработав трагедию, Ланжерон дал ее Пушкину, чтобы тот прочитал и сказал ему свое мнение. Пушкин продержал тетрадь несколько недель и, как не любитель галиматии, не читал ее. Через несколько времени, при встрече с поэтом, граф спросил: — «Какова моя трагедия?» — Пушкин был в большом затруднении и старался отделаться общими выражениями; но Ланжерон входил в подробности, требовал особенно сказать мнение о двух главных героях драмы. Поэт, разными изворотами, заставил добродушного генерала называть по именам героев и, наугад, отвечал, что такой-то ему больше нравится. — «Так! — вскрикнул восхищенный генерал, — я узнаю в тебе республиканца; я предчувствовал, что этот герой тебе больше понравится!»

М. М. ПОПОВ. А. С. Пушкин. *Рус. Стар.*, 1874, т. X, стр. 687.

Теперь я ничего не пишу; хлопоты другого рода. Неприятности всякого рода: скучно и пыльно. Сюда приехала кн. Вера Вяземская, добрая и милая баба, но мужу был бы я больше рад.

ПУШКИН — брату Льву, 13 июня 1824 г. из Одессы.

Княгиня Вяземская (В. Ф., жена поэта) в 1824 г. жила в Одессе с сыном Николаем, лет семи. Пушкин очень его любил и учил всяким пакостям. — «Будь он постарше, я бы вас до него не допустила».

Иногда он пропадал. — Где вы были? — На кораблях. Целые трое суток пили и кутили.

П. И. Бартнев со слов кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ. *Рус. Арх.*, 1888, II, 306.

Радуюсь, что мог услужить тебе своей денежкой, сделай милость, не торопись... Прощай, милый; пишу тебе в пол-пьяна и в постели.

ПУШКИН — кн. П. А. Вяземскому, перв. полов. июня 1824 г.

(13 июня 1824 г. Одесса). Я ничего тебе не могу сказать хорошего о племяннике Василия Львовича. Это мозг совершенно беспорядочный, над которым никто не сможет господствовать; недавно он снова напроказил, вследствие чего подал прошение об отставке; во всем виноват он сам... Я сделаю все, что могу, чтоб успокоить его голову; я браню его и от твоего имени, уверяя, что, конечно, ты первый обвинил бы его, так как его последние прегрешения истекают из легкомыслия. Он постарался выставить в смешном виде лицо, от которого зависит, и сделал это; это стало известно, и, вполне понятно, на него уж не могут больше смотреть благосклонно. Он мне в самом деле причиняет беспокойство, но никогда я не встречала столько ветренности и склонности к злоловию, как в нем; вместе с этим я думаю, что у него доброе сердце и много мизантропии; не то, чтобы он избегал общества, но он боится людей; может быть, это следствие несчастья и несправедливостей его родителей, которые сделали его таким (103).

(16 июня). Каждый день у меня бывает Пушкин. Я его усердно отчитываю (105).

(20 июня). Я начинаю думать, что Пушкин менее дурен, чем кажется (106).

(23 июня). Какая голова и какой хаос в этой бедной голове! Часто он меня ставит в затруднение, но еще чаще вызывает смех (109).

(27 июня). Пушкин абсолютно не желает писать на смерть Байрона; по-моему, он слишком занят и, особенно, слишком влюблен, чтобы заниматься чем-нибудь другим, кроме своего «Онегина», который, по моему мнению,— второй Чайльд-Гарольд: молодой человек дурной жизни, портрет и история которого отчасти должны сходствовать с автором... Он начал еще «Цыганку», которую не хочет кончать (112).

(4 июля). Пушкин не сердится за деньги (*должные ему*) и зажимает мне рот, как только я о них заговорю. Я стараюсь держаться с ним, как с сыном, но он непослушен, как паж; если бы он был менее дурен собою, я назвала бы его Керубином: действительно, он совершает только ребячества, но именно это свернет ему шею,— не сегодня, так завтра. Поговори о нем с Трубецким, и пусть он тебе расскажет об его последних мистификациях (115).

(7 июля). С Пушкиным мы в очень хороших отношениях; он ужасно смешной. Я его браню, как будто бы он был моим сыном. Ты знаешь, что он подал в отставку? (119).

Кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКАЯ — мужу своему П. А. Вяземскому, из Одессы. *Ост. Арх.*, т. V, вып. II (фр.).

Высочайше повелено находящегося в ведомстве государственной коллегии иностранных дел колл. секр. Пушкина уволить вовсе от службы.

Уведомление гр. К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ от 8 июня 1824 г. *Рус. Стар.*, 1887, т. 53, стр. 246.

(11 июля). Я даю твои письма Пушкину, который всегда смеется, как сумасшедший. Я начинаю дружески любить его. Думаю, что он добр, но ум его ожесточен несчастиями; он мне выказывает дружбу, которая меня чрезвычайно трогает... Он доверчиво говорит со мною о своих неприятностях, равно как и о своих увлечениях... Я становлюсь на огромные камни, вдающиеся в море, смотрю, как волны разбиваются у моих ног; иногда у меня не хватает храбрости дожидаться девятой волны, когда она приближается с слишком большою скоростью, тогда я убегаю от нее, чтобы через минуту воротиться. Однажды мы с графиней Воронцовой и Пушкиным дождались ее, и она окатила нас настолько сильно, что пришлось переодеваться... Пушкин сидит без гроша, и я тоже, я должна повсюду.

Кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКАЯ — мужу, из Одессы. *Ост. Арх.*, V, вып. II, 121—123 (фр.).

Княгиню Е. К. Воронцову Пушкин звал *la princesse belvetrille*. Это оттого, что однажды в Одессе она, глядя на море, твердила известные стихи:

Не белеют ли ветрила,
Не плывут ли корабли?

О подробностях своего одесского житья Пушкин не любил вспоминать, но говорил иногда с сочувствием об Одессе, называя ее «летом песочница, зимой чернильница», и повторяя какие-то стихи.

Арк. О. РОССЕТ по записи Бартенева. *Рус. Арх.*, 1882, I, 246.

Воронцов желал, чтобы сношения с (княгиней В. Ф.) Вяземскою прекратились у графини (Е. К. Воронцовой); он очень сердит на них обеих, особливо на княгиню, за Пушкина, шалуна-поэта, да и поделом. Вяземская хотела опосредствовать его бегству из Одессы, искала для него денег, старалась устроить ему посадку на корабль.

А. Я. БУЛГАКОВ — К. Я. Булгакову, *Рус. Арх.*, 1901, II, 187 (фр.-рус.).

Что касается княгини Вяземской, то скажу вам (но это между нами), что наш край еще недостаточно цивилизован, чтобы оценить ее блестящий и острый ум, которым мы до сих пор еще ошеломлены. И затем мы считаем по меньшей мере неприличными ее затеи поддерживать попытки бегства, задуманные этим сумасшедшим и шалонаем Пушкиным, когда получился приказ отправить его в Псков.

Гр. М. С. ВОРОНЦОВ — А. Я. Булгакову, 24 дек. 1824 г., из Одессы. *Московский пушкинист*, II, М. 1930. Стр. 55 (фр.).

Я подавал на рассмотрение императора письма, которые ваше сиятельство прислали мне, по поводу коллежского секретаря Пушкина. Его величество вполне согласился с вашим предложением об удалении его из Одессы, после рассмотрения тех основательных доводов, на которых вы основываете ваши предположения, и подкрепленных, в это время, другими сведениями, полученными его величеством об этом молодом человеке. Все доказывает, к несчастью, что он слишком проникся вредными началами, так пагубно выразившимися при первом выступлении его на общественное поприще. Вы убедитесь в этом из приложенного при сем письма. Его величество поручил мне переслать его вам; об нем узнала московская полиция, потому что оно ходило из рук в руки и получило всеобщую известность¹⁾. Вследствие этого, его величество, в видах законного наказания, приказал мне исключить его из списков чиновников министерства иностранных дел за дурное поведение; впрочем, его величество не соглашается оставить его совершенно без надзора, на том основании, что, пользуясь своим независимым положением, он будет, без сомнения, все более и более распространять те вредные идеи, которых он держится, и вынудит начальство употребить против него самые строгие меры. Чтобы отдалить, по возможности, такие последствия, император думает, что в этом случае нельзя ограничиться только его отставкою, но находит необходимым удалить его в имение родителей, в Псковскую губернию, под надзор местного начальства. Ваше сиятельство не замедлит сообщить Пушкину это решение, которое он должен выполнить в точности, и отправить его без отлагательства в Псков, снабдив прогонными деньгами.

Граф К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ — гр. М. С. Воронцову, 11 июля 1824 г., из Петербурга. *Рус. Стар.* 1879, т. 26, стр. 293 (фр.).

¹⁾ Письмо это, как полагают, было адресовано Вяземскому. Вот место, вызвавшее внимание полиции: «Беру уроки чистого афеизма. Здесь англичанин, глухой философ, единственный умный афей, которого я еще встретил. Он исписал листов тысячу, чтобы доказать, что не может существовать разумного существа, творца и распорядителя, — мимоходом уничтожая слабые доказательства бессмертия души. Система не столь утешительная, как обыкновенно думают, но, к несчастью, более всего правдоподобная». Анненков сообщает: «благодаря не совсем благоразумной гласности, которую сообщали этому письму приятели Пушкина и особенно Ал. Ив. Тургенев, носившийся с ним по своим знакомым, письмо дошло до сведения администрации». (*Пушкин в алек. эпоху*, 261).

Вы уже узнали, думаю, о просьбе моей в отставку; с нетерпением ожидаю решения своей участи. Не странно ли, что я поладил с Инзовым, а не мог ужиться с Воронцовым; дело в том, что он начал вдруг обходиться со мною с непристойным неуважением, я мог дожидаться больших неприятностей и своей просьбой предупредил его желания. Воронцов — ванда, придворный хам и мелкий эгоист. Он видел во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думаю о себе что-то другое. Старичок Инзов сажал меня под арест всякий раз, как мне случалось побить молдавского боярина. Правда, — но за то добрый мистик в то же время приходил меня навещать и беседовать со мною о гишпанской революции. Не знаю, Воронцов посадил ли бы меня под арест, но уж верно не пришел бы ко мне толковать о конституции кортесов. Удаляюсь от зла и сотворю благо: брошу службу, займусь рифмой.

ПУШКИН — А. И. Тургеневу, 14 июля 1824 года, из Одессы.

(15 июля). Пушкин, как я знаю, находится в очень стесненных обстоятельствах... Пушкин скучает гораздо более, чем я: три женщины, в которых он был влюблен, недавно уехали. К счастью, одна возвращается на-днях (124 — 125).

Кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКАЯ — кн. П. А. Вяземскому. *Ост. Арх.*, V, вып. 2 (фр.).

Вчера пронесся здесь слух, что Пушкин застрелился.

А. И. ТУРГЕНЕВ — кн. П. А. Вяземскому, 15 июля 1824 г., из Петербурга. *Ост. Арх.*, III, 58.

(18 июля). Единственный человек, которого я вижу, это Пушкин, а он влюблен в другую, это меня очень ободрило, и мы с ним очень добрые друзья; большую роль в этом играет его положение; он, действительно, несчастен (126).

(19 июля). Пушкин так настойчиво просит меня доставить ему удовольствие читать твои письма, что, несмотря на твои сальности, я их даю ему с условием, что он будет читать их тихо, но когда он смеется, я до слез смеюсь вместе с ним. Ты сочтешь меня бесстыдной (130)... Как могло дело Пушкина принять такой дурной оборот? Он виновен только в ребячестве и в некоторой вполне справедливой досаде за посылку его на поиски саранчи, чему он, однако, подчинился. Он там был и подал в отставку по возвращении, потому что его самолюбие было оскорблено. Вот и все (131).

(27 июля). Я заплатила 1.260 рублей Пушкину... Я его очень люблю, и он мне позволяет бранить себя, как матери; толку от этого мало, но пусть он все-таки приучается слышать правду (136 — 137).

Кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКАЯ — П. А. Вяземскому из Одессы. *Ост. Арх.*, т. V, вып. 2 (фр.).

Бор. Алдр. Садовской передавал нам, что ему П. И. Бартенев говорил (вероятно, со слов Нащокина), что кн. В. Ф. Вяземская летом 1824 г. в Одессе увлеклась Пушкиным. Кратковременное увлечение это впоследствии сменилось чувством искренней дружбы.

М. А. ЦЯВЛОВСКИЙ. Рассказы о П-не, 79.

В 1824 году, в июле месяце, во время каникул, я, воспользовавшись данной нам, оставшимся в заведении воспитанникам, свободой, отправился утром, после завтрака, в свой класс, чтобы секретно прочитать принесенную мне из города поэму Пушкина «Руслан и Людмила», а из предосторожности взял речи Цицерона на случай внезапного посещения начальства. У меня была привычка читать вслух, и я, взобравшись на кафедру, стал громко декламировать стихи. Вдруг слышу чьи-то шаги в коридоре и, полагая, что это инспектор или надзиратель, я поспешно спрятал поэму в кафедру и, развернувши Цицерона, стал с жаром декламировать первую попавшуюся мне речь. В это время входит в класс незнакомая особа в странном костюме: в светлосером фраке, в черных панталонах, с красной феской на голове и с ружейным стволом в руке вместо трости. Я привстал, он мне поклонился и, не говоря ни слова, сел на край ученической парты, стоящей у кафедры. Я смотрел на это с недоумением, но он первый прервал молчание:—Я когда-то сидел тоже на такой скамье, и это было самое счастливое время в моей жизни.—Потом, обратившись прямо ко мне, спросил:—Что вы читаете?—Речи Цицерона,—ответил я.—Как ваша фамилия?—Сумароков.—Славная фамилия! Вы, верно, пишете стихи?—Нет.—Читали вы Пушкина?—Нам запрещено читать его сочинения.—Видели вы его?—Нет, я редко выхожу из заведения.—Желали бы его видеть?—Я простодушно отвечал, что, конечно, желал бы, о нем много говорят в городе, как мне передали мои товарищи. Он усмехнулся и, посмотревши на меня, сказал:—Я Пушкин, прощайте. Сказав это, он направился к дверям. Я проводил его до самого выхода. Когда мы шли по длинному коридору, он сказал мне:—Однако, у вас в лице, как я вижу, свободный вход и выход?—Это по случаю каникул.—С этим мы расстались.

А. СУМАРОКОВ. В. Яковлев. *Отзывы*, 154.

Пушкин носил тяжелую железную палку. Дядя спросил у него однажды: «для чего это носишь ты такую тяжелую дубину?» Пушкин отвечал: «для того, чтоб рука была тверже: если придется стреляться, чтоб не дрогнула».

М. Н. ЛОНГИНОВ со слов дяди своего, Н. М. Лонгинова. *Библиографич. Записки*, 1859, № 18, стр. 553.

К эпохе 1823—1824 гг. относится возникшее стремление Пушкина собирать книги, которое заставило его сказать так живописно, что он походит на стекольщика, разоряющегося на покупку необходимых ему алмазов. Большая часть его денег уходила этим путем... Пушкин успел выучиться на юге по-английски и по-итальянски и много читал на обоих языках.

К концу пребывания Пушкина в Одессе знакомые его заметили некоторую осторожность в его суждениях, осмотрительность в принятии мнений. Первый пыл молодости пропал: Пушкину было уже 25 лет.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 89—90.

Когда решена была его высылка из Одессы, Пушкин влопыхах прибежал к княгине Вяземской с дачи Воронцовых, весь растерянный, без шляпы и перчаток, так что за ними посылали человека от княгини Вяземской.

П. И. Бартенев со слов кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ. *Рус. Арх.*, 1888, II, 306.

Наказание поразило всех своею строгостью и для самого Пушкина было неожиданностью. Пушкин сделался сам не свой. Тем не менее, хоть и реже прежнего, он появлялся на даче Реню, у Воронцовой. После известной его эпиграммы на ее мужа (в которой потом сам он раскисивался), конечно, обращались с ним очень сухо. Перед каждым обедом, к которому собиралось несколько человек, хозяйка обходила гостей и говорила каждому что-нибудь лобезное. Однажды она прошла мимо Пушкина, не говоря ни слова, и тут же обратилась к кому-то с вопросом: — Что нынче дают в театре? Не успел опрошенный раскрыть рот для ответа, как подскочил Пушкин и, положив руку на сердце (что он делывал, особенно когда отпуская остроты) с улыбкою сказал: — *La sposa fedele, contessa* (верная супруга, графиня)! Та отвернулась и воскликнула: — *Quelle impertinence* (какая наглость)!

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1884, III, 188.

За несколько дней перед моим отъездом из Одессы, Савелов и я играли у Лучича; Лучич проиграл мне 900 рублей, из коих 300 заплатил мне на другой же день, а остальные 600 перевел на Савелова, который и согласился. При моем внезапном отъезде я занял эти 600 руб. у княгини Вяземской, с согласия же Савелова.

ПУШКИН — В. И. Туманскому, 13 авг. 1825 г.

* Когда Пушкина выслали из Одессы, финансы его были очень расстроены, а выехать без денег трудно. Некоторые приятели одолжили ему займы, кто сколько мог. В числе их и дядя мой дал ему 50 или 100 руб. асс. Пушкин уехал к общему огорчению одесской молодежи и особенно дам... Вскоре дядя получил от Пушкина письмо, в котором он благодарил его за одолжение; деньги были приложены к письму. Одесские дамы тотчас выпросили у дяди письма Пушкина и разделили между собою по ключкам: всякой хотелось иметь хоть строку, написанную рукой поэта.

М. Н. Лонгинов со слов дяди своего Н. М. ЛОНГИНОВА. *Библиографич. Записки*, 1859, № 18, стр. 555.

Пушкин завтрашний день отправляется отсюда в город Псков по данному от меня маршруту через Николаев, Елизаветград, Кременчуг, Чернигов и Витебск. На прогоны к месту назначения, по числу верст 1.621, на три лошади, выдано ему денег 389 руб. 4 коп.

ОДЕССКИЙ ГРАДОНАЧАЛЬНИК в донесении новороссийскому генерал-губернатору от 29 июля 1824 г. *Рус. Стар.*, 1887, т. 53, стр. 246.

О Пушкине, несмотря на прекрасные его стихотворения, никто не пожалует. Кажется, Воронцов и добр, и снисходителен, а и с ним не ужился этот повеса. Будет, живучи в деревне, вспоминать Одессу, да нельзя уж будет пособить. Вас. Львович (*Пушкин*) уверяет, что это убьет его отца.

А. Я. БУЛГАКОВ — К Я. Булгакову, 31 июля 1824 г., из Москвы. *Рус. Арх.*, 1901, II, 74.

А. Г. Родзянко имел счастье принимать Пушкина у себя в деревне, Полтавской губернии, Хорольского уезда. Пушкин, возвращаясь с Кавказа

(из Одессы), прискакал к нему с ближайшей станции верхом, без седла, на почтовой лошади, в хомуте.

А. П. КЕРН. *Л. Майков*, 238.

* Пушкин, проезжая из Одессы в Михайловское через Малороссию мимо деревни А. Г. Родзянки, заехал к нему. Когда к дому быстро подкатила почтовая тележка, с нее прыгнул незнакомец, странно костюмированный; узнав от слуги, что Родзянко дома, поспешно прошел залу в кабинет хозяина. На незнакомце был красный молдаванский плащ, такого же цвета широчайшие шаровары, на ногах желтые туфли, а на голове турецкая фесс с длинною кистью; длинные волосы касались плеч, в руке же держал длинную палку с крючком на конце, подобную тем, какие носят степные пастухи... Спустя не более получаса, хозяин провел своего гостя под руку через залу до самой телеги, ожидавшей у под'езда.

Н. Б. ПОТОКСКИЙ. Встречи с А. С. Пушкиным. *Рус. Стар.*, 1880, т. 28, стр. 575.

* Однажды, в конце лета, в местечке Ични, отстоящем от Вернигоровщины (*хутор рассказчика*) в нескольких верстах, был проездом Ал. Сергич и, остановившись там на постоялом дворе, встретил местных помещиков, с которыми познакомился и вступил в оживленную беседу, вскоре перешедшую в шумный спор, при чем Пушкин резко порицал установившиеся порядки. Случайно мимо этого дома, в котором окна были отворены, проходит местный полицейский чин, обративший невольное внимание на зазорные речи незнакомца, который от поры до времени появлялся в окнах, благодаря тому, что ходил по комнате. Наведя немедленно справки, кто и откуда этот проезжий, полицейский пришел в восторг, узнав, что это тот самый Пушкин, о котором имелось у него секретное предписание губернатора. И вот, по прошествии какого-нибудь часа, за экипажем Пушкина, направлявшимся к Вернигоровщине, следом двигался и другой экипаж, в котором сидел полицейский чин, переодетый в неопределенный костюм. Когда Пушкин приехал в Вернигоровщину, меня там не было. Приехав домой часа через четыре, я уже его не застал у себя, но узнал от своих людей, что без меня приезжал сюда какой-то неизвестный барин, который хотел передать мне какое-то письмо, и который в кабинете сначала немного полежал на диване, облокотясь на правую руку, а потом что-то писал, придвинув к себе маленький столик, что следом за ним приезжал сюда всем известный полицейский, переодетый как-то странно, и что он шепнул,—не препятствовать этому барину делать, что он захочет, а что он, полицейский, будет за ним следить. Я отправился в кабинет и застал там, действительно, придвинутый столик к дивану и письменные принадлежности на столике, но писем не оказалось. Бросив взгляд на спинку дивана, я заметил над нею портрет, нарисованный пером на моей бумаге, а когда я его показал моим людям, то все признали в нем сходство с тем барином, который был. Для меня сделалось ясным, кто был мой дорогой гость.

Н. И. ВЕЛИЧКО в передаче его внука Н. В. Подвысоцкого. «Из моих воспоминаний». *Пушкинский сборник (в память столетия дня рождения поэта)*. СПб, 1889, стр. 587—589.

(По поводу предыдущего сообщения). Если Пушкин, действительно, когда-либо заезжал к Н. И. Величко, то это могло быть лишь летом 1824 г., когда он из Одессы проезжал в Михайловское, при чем, следуя большим

почтовым трактом, обязательно должен был проехать через Прилуки и Нежин. Хотя дорога между этими городами и не лежит через местечко Ичню, близ которой находится хутор Верниторовщина, но расстояние их от почтового тракта так невелико (верст 20 — 25), что Пушкину нетрудно было бы свернуть в сторону и захватить на несколько часов к приятелю.

А. И. МАРКЕВИЧ. Пушкинские заметки. *Пушкин и его совр-ки*, III, 97.

В 1824 г., по выпуске из петербургского университетского пансиона, я ехал, в конце июля (в начале августа), с Н. Г. К. к родным моим в Киев. В Чернигове мы ночевали в какой-то гостинице. Утром, войдя в залу, я увидел в соседней буфетной комнате шагавшего вдоль стойки молодого человека, которого по месту прогулки и по костюму принял за полового. Наряд был очень неприглядный: желтые, нанковые, небрежно надетые шаровары и русская цветная измятая рубашка, подвязанная вытертым, черным шейным платком, курчавые, довольно длинные и густые волосы развевались в беспорядке. Вдруг эта личность быстро подходит ко мне с вопросом: «вы из царскосельского лицея?» На мне еще был казенный сюртук, по форме одинаковый с лицейским. Сочтя любопытство полового неуместным и не желая завязывать разговор, я отвечал довольно сухо.— А, так вы были вместе с моим братом,— возразил собеседник.— Это меня озадачило, и я уже вежливо просил его назвать мне свою фамилию.— Я — Пушкин; брат мой Лев был в вашем пансионе.— Я был сконфужен моею опрометчивостью. Тем не менее мой спутник и я скоро с ним разговорились. Он рассказал нам, что едет из Одессы в деревню, но что усмирение его не совсем еще кончено, и, смеясь, показал свою подорожную, где по порядку были прописаны все города, на какие именно он должен был ехать. Затем он попросил меня передать в Киеве записку генералу Раевскому, тут же им написанную.

А. И. ПОДОЛИНСКИЙ. Воспоминания. *Рус. Арх.*, 1872, стр. 862.

А. А. Куцинский в 1824 г. молодым корнетом находился в Могилеве на Днепре в учебном эскадроне... Утром 5 августа Куцинский вышел погулять и видит: по улице расхаживает кто-то в виде кучеренка, в русской рубашке, высоких сапогах и ермолке, а по свержу всего военная шинель. Появление незнакомца возбудило любопытство. Стали говорить, что это, должно быть, сумасшедший. Куцинский отправился на почтовую станцию и в книге с подорожными прочел: колл. секретарь Александр Пушкин. С ним ехал слуга, одетый татарченком. В восторге Куцинский бежит к Пушкину, рекомендуется и просит сделать ему честь откусать у него чашку чая, прямо объявляя, что он и его товарищи зачитываются «Бахчисарайским Фонтаном»... Затем молодые люди повели Пушкина в гостиницу, где полилось шампанское. Пушкин предлагал было карты, но игра почему-то не состоялась.— «Вы не думайте, чтоб я не мог играть,— говорил он;— у меня вот сколько денег». И он показывал большой пук ассигнаций.

П. И. Бартенев со слов ген. от кавал. А. А. КУЦИНСКОГО. *Рус. Арх.*, 1900, I, 449.

6 августа 1824 г., в Могилеве, когда перед манежем полковая музыка играла зарю, а публика гуляла по Шкловской улице, проезжала на почтовых, шагом, коляска; впереди шел кто-то, в офицерской фуражке, шинель в накидку, в красной шелковой, русского покроя, рубашке, опоясанный агагином. Коляска повернула по Ветряной улице на почту. Я немедленно по-

спешил вслед... Смотритель сказал мне, что едет из Одессы коллежский ассесор Пушкин; я тотчас бросился в пассажирскую комнату и, взявши Пушкина за руку: — «Вы, Ал. С-ч, верно не узнаете меня? Я — племянник бывшего директора лицея Е. А. Энгельгардта; по праздникам меня брали из корпуса в Царское Село, где вы с Дельвигом заставляли меня декламировать стихи». Пушкин, обнимая меня, сказал: — «Помню, помню, Саша, ты проворный был кадет». Я от радости такой неожиданной встречи опрометью побежал к гулявшим со мною товарищам-офицерам известить их, что проезжает Пушкин... Все поспешили на почту. Восторг был неописанный. Пушкин приказал раскупорить несколько бутылок шампанского. Пили за всё, что приходило на мысль... Но это для нас не было достаточно; мы взяли его на руки и отнесли, по близости, на мою квартиру (я жил вместе с корнетом Куцинским). Пушкин был восхищен нашим энтузиазмом: мы поднимали на руки дорогого гостя, пили за его здоровье. Пушкин был в самом веселом и приятном расположении духа, он вскочил на стол и продекламировал:

Я люблю вечерний пир,
Где веселье председатель,
А свобода, мой кумир,
За столом заководатель.
Где до утра слово «пей»
Заглушает крики песен,
Где просторен круг гостей,
А кружок бутылок тесен.

Снявши Александра Сергеевича со стола, мы начали его на руках качать, а князь Оболенский закричал: — «Господа, это торжество выходит из пределов общей радости, оно должно быть ознаменовано чем-нибудь особенным. Господа! Сделаем нашему кумиру ванну из шампанского!» — Все согласились, но Пушкин, улыбнувшись, сказал: — «Друзья мои, душевно благодарю; действительно, было бы отлично, я не прочь пополоскаться в шампанском, но спешу — ехать надо». Это было в 4 часа утра. Мы все гурьбой проводили его на почту, где опять вспрыснули шампанским и простились.

А. РАСПОПОВ. Встреча с А. С. Пушкиным. *Рус. Стар.*, 1876, т. 15, 464.

VIII

В МИХАЙЛОВСКОМ

(август 1824 — сентябрь 1826)

Пушкин прибыл 9 августа прямо к отцу своему, статскому советнику Сергею Львовичу, проживавшему в Опочечком уезде, в сельце Михайловском. По соглашению губернатора Адеркаса с губернским предводителем дворянства, полковником Львовым, для наблюдения за поступками и поведением Пушкина был назначен новоржевский помещик, коллежский советник Иван Рокотов; но опасался-ли тот пылкой природы поэта, и оттого не хотел становиться в щекотливое положение в отношении к нему, или, как писал Львов, Пушкин на первом-же шагу не послушал Рокотова, только сосед-помещик, во избежание неприятностей, отказался от возложенной на него должности, отзываясь расстроенным здоровьем. Опасения о Пушкине, усиливаемые еще и тем, что, вопреки распоряжению губернатора, он, не являсь в Псков, проехал прямо в имение своего отца, побудил Адеркаса сделать распоряжение о высылке Пушкина в Псков. В августе 1824 г., в присутствии псковского губернатора, коллежский секретарь Александр Пушкин дал подписку в том, что он обязуется жить безотлучно в поместье родителя своего, вести себя благонаравно, не заниматься никакими неприличными сочинениями и суждениями, предосудительными и вредными общественной жизни, и не распространять оных никуда.

Псковские Губернские Ведомости, 1868, № 10.

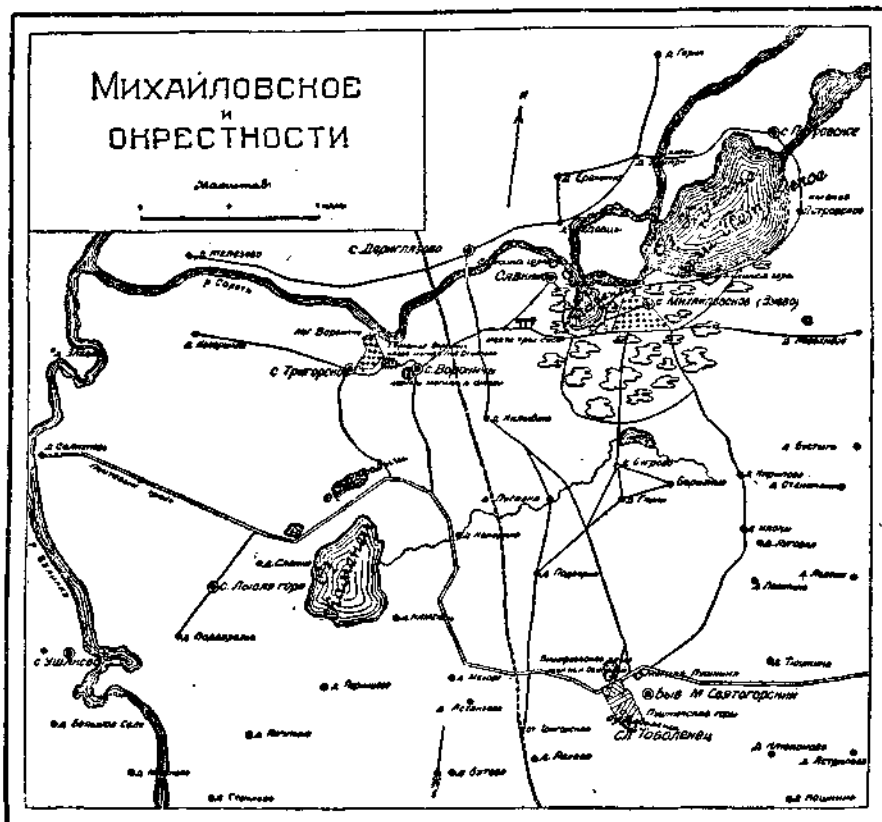
Село Михайловское находится верстах в пяти от Святогорского монастыря. У здешних обитателей оно называется Зуевым, а чаще всего — Пушкиным. Названия «Михайловское» почти никто не знает. Выехавши из монастыря в поле, надо следовать через деревню и оттуда версты три все лесом до самой усадьбы Михайловского. Сосновый лес пересекается только одною проезжею дорогою. Лес чистый, у корня его виднеется зеленый бархатистый мох... Лес оканчивается у самого села Михайловского. При слове «село» не думайте о церкви и многих домах, которые ютятся около церкви в русских селах. В Псковской губернии селом называется просто усадьба или селение... Внизу домовой террасы по луку извивалась река Сороть, а с правой стороны кругозора, бок о бок с рекою, лежало огромное озеро, за которым высился большой лес; с левой стороны террасы находилось еще озеро, уходившее в другой лес; прямо перед рекою и за рекою распространились луга. Вид очаровательный. Г-жа Пушкина (жена Григ. Ал. Пушкина, сына поэта) говорила мне, что, когда солнце утром, вышедши из-за леса, осыплет лучами своими озеро, с правой стороны Сороти лежащее, или вечером оз-

рит озеро, с левой стороны реки находящееся, то вид бывает еще очаровательнее, еще бесподобнее... От времени поэта осталось во дворе перед балконом два густых куста сирени, да на террасе, с другой стороны дома, столько же кустов этого растения.

А. Ф. Поэтический уголок Псковской губернии.
Новое Время, 1880, № 1598.

К селу Михайловскому со стороны Св. Гор примыкает лес. Перед самым селом дорога идет старой аллеей, состоящей из елей; направо от этой аллеи видна не менее старая липовая аллея, которая, как передают старожилы, служила во времена Пушкина главной под'ездной дорогой в имение.

Л. И. СОФИЙСКИЙ. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем. Псков. 1912. Стр. 194.

Из брошюры Т. Н. Черепниной «Пушкинский заповедник», Ленинград, 1927.

Михайловская усадьба расположена на краю обрыва, внизу которого простирается озеро Лучаново на пространстве 150 десятин, а неподалеку (к западу от усадьбы) другое озеро Маленец, десятин в 8.

Л. И. ПОЛИВАНОВ. Рус. Стар., 1887, том 53, стр. 237.

От террасы идет склон к речке Сороти. Сороть не широка, сажень шесть, не больше. В нескольких саженьях от нее справа и слева два озера:

Малинец и Кучане, оба с плоскими берегами. За озером Кучане видны поля, мыза у опушки леса: вид очень хорош.

К. Я. ТИМОФЕЕВ. *Журн. Мин. Нар. Пров.* 1859, т. 103, отд. II, 149.

Михайловские владения начинаются огромным сосновым парком; проехав с версту по опушке его, мы повернули налево, в широкую, прямую аллею, ведущую к дому, на пространстве по крайней мере версты; в стороне от дороги стоит уединенно забытая и опустошенная беседка без окон... Еще издали представился взорам нашим домик Пушкина, стоящий одиноко почти в двух верстах от деревни Михайловской. Наружность деревянного, уже обветшалого, одноэтажного дома Пушкина очень проста. От дому тянутся на обе стороны службы. Перед домом, со стороны парка, есть небольшой сквер... Мы вошли с главного, среднего крыльца, в довольно большую комнату. Биллиард, обветшалый, со сгнившим, оборванным сукном, стоял в углу. Отсель налево две комнаты; здесь были спальня и кабинет Пушкина... Я поспешил на двор, прошел мимо служб, мимо конюшен; тянувшийся вдоль решетчатый, деревянный забор утратил следы краски... Вот перед вами калитка; вы через нее проходите в садик, и взор ваш и чувства отдыхают, любуясь очаровательную картиною реки, озера, цепи холмов и прибрежного леса.

ДАВИД МАЦКЕВИЧ. *Путевые заметки. Северная Пчела*, 1848, № 249.

По межевым книгам 1786 г. в с-це Михайловском числилось 1974 десятины, по последней ревизии — 80 душ муж. пола; в 1835 г. оно дало доходу 2000 руб., а в 1836 г. — 3000.

ЗАПИСКА СОБОЛЕВСКОГО о с-це Михайловском. *П-н и его совр-ки*, XIII, 100.

В Зуеве, что ныне Михайловское, с прочими деревнями, по межеванию 1786 года, земли количество следующее:

пашенной.	848 дес.	878 саж.
сенного покоса.	216 »	936 »
лесу дровяного.	320 »	2070 »
под озерами.	471 »	352 »
под мызою, деревнями, огородами, ручьями и дорогами	108 »	2302 »

Итого. . . . . 1965 дес. 1738 саж.

В том числе показано неудобной только 48 дес. На этом пространстве по последней ревизии — 80 душ... Прибавьте 100 душ женска пола и господской запашки в трех полях 71 десятина.

Н. И. ПАВЛИЩЕВ — Пушкину, 11 июля и 1 авг. 1836 г. *Переп. Пушкина*, III, стр. 346 и 357.

Деревянный дом Михайловского с одним этажом стоит на небольшом косогоре, внизу которого с одной стороны течет река Сороть, впадающая в Великую. Фасад дома обращен задом к реке и лицом к небольшому скверу, сзади которого тянется почти на версту густой парк, с цветниками и дорожками.

П. В. АННЕНКОВ, *Материалы*, 111.

Дом — деревянный, на каменном фундаменте, обшитый тесом, длиною в 8 сажень, шириною 6 сажень, 2 под'езда с крыльцами, 1 балкон, 20 дверей, 14 окон, 6 печей; флигель деревянный, крытый и обшитый тесом, в нем одна комната, 3 окна, 3 двери, русская печь, а под одною с ним связью — баня с голландскою печью с котлом; 3 других флигеля, амбары и т. д.

ОПИСЬ, учиненная 18 мая 1838 г. Опочецким земским исправником Васюковым. П-я и его совр-ки, XIII, 100¹⁾.

Вот что рассказывали о с-це Михайловском М. И. Осипова и другие лица. Вся мебель, какая была в домике при Пушкине, была Ганнибаловская (деда Пушкина, Ос. Абр. Ганнибала, умершего в 1806 г.). Пушкин себе нового ничего не заводил. Самый дом был довольно стар. Мебели было немного и вся-то старенькая... Вся обстановка комнаток Михайловского домика была очень скромна: в правой, в три окна, комнате, где был рабочий кабинет А. С-ча, стояла самая простая, деревянная, сломанная кровать. Вместо одной ножки под нее подставлено было полено: некрашеный стол, два стула и полки с книгами довершали убранство этой комнаты. Сквер перед домом во время Пушкина тщательно поддерживался, точно так же не совершенно запущен был тенистый, большой сад; в нем были цветники.

М. И. СЕМЕВСКИЙ. Прогулка в Тригорское. *Спб. Ведомости*, 1866, № 157.

Я девочкой не раз бывала у Пушкина в имении и видела комнату, где он писал. Художник Ге написал на своей картине «Пушкин в селе Михайловском» совсем неверно. Это — кабинет не Александра Сергеевича, а сына его, Григория Александровича. Комнатка Александра Сергеевича была маленькая, жалкая. Стояли в ней всего-на-все простая кровать деревянная с двумя подушками, одна кожаная, и валялся на ней халат, а стол был ломберный, ободранный; на нем он и писал, и не из чернильницы, а из помадной банки. И книг у него своих в Михайловском почти не было; больше всего читал он у нас в Тригорском... Читать своих стихов он не любил.

ЕК. ИВ. ФОК (урожд. ОСИПОВА) в передаче В. П. Острогорского. *Мир Божий*, 1898, № 9, стр. 227.

Татьяна (гр. Е. К. Воронцова) приняла живое участие в вашей беде; она мне поручает сказать вам это, и пишу я это вам с ее позволения. Ее нежная и добрая душа тотчас же увидела только несправедливость, жертвою которой вы стали; она мне это выразила с отзывчивостью и грацией характера Татьяны. Прелестная девочка тоже помнит вас, она мне часто говорит о сумасшедшем г-не Пушкине и о палке с собачьей головой, которую вы ей подарили.

АЛ. Н. РАЕВСКИЙ — Пушкину, 21 авг. 1824 г., из Александрин ок. Белой Церкви. *Переп. Пушкина*, I, 127 (Фр.).

Сестра поэта, О. С. Павлищева, говорила нам, что когда приходило из Одессы письмо с печатью, изукрашенною точно такими кабалистическими знаками, какие находились и на перстне ее брата, — последний записался в своей комнате, никуда не выходил и никого не принимал к себе.

П. В. АННЕНКОВ, *Пушкин в алек. эпоху*, 283.

¹⁾ Целиком опись эта, с перечислением всей мебели и подробным описанием надворных построек, помещена в книге П. Щеголева «Пушкин и му- жики» 1928. Стр. 265.

Здравствуй, Вульф, приятель мой!
 Приезжай сюда зимой,
 Да Языкова поэта
 Затащи ко мне с собой
 Погулять верхом порой,
 Пострелять из пистолета.
 Лайон ¹⁾, мой курчавый брат
 (Не Михайловский приказчик),
 Привезет нам, право, клад...
 Что? — бутылок полный ящик.
 Запируем уж, молчи!
 Чудо — жизнь анахорета!
 В Троегорском до ночи,
 А в Михайловском до света,
 Дни любви посвящены,
 Ночью царствуют стаканы,
 Мы же — то смертельно пьяны,
 То мертвецки влюблены.

В самом деле, милый, жду тебя с отверзтыми объятиями и с откупоренными бутылками. Уговори Языкова.

ПУШКИН — Ал. Н. Вульфу, 20 сент. 1824 г., из Михайловского.

Приписка Анны Ник-ны Вульф:... Сегодня я писать тебе не могу много. Пушкины оба (*братья Александр и Лев*) у нас, и теперь я пользуюсь временем, как они ушли в баню.

Переп. Пушкина, I, 131—132.

Великий Пушкин, маленькое дитя! Иди, как шел, т.-е. делай, что хочешь; но не сердись на меры людей и без тебя довольно напуганных! Общее мнение для тебя существует и хорошо мстит. Я не видал ни одного порядочного человека, который бы не бранил за тебя Воронцова, на которого все шишки упали. Ежели бы ты приехал в Петербург, быюсь об заклад, у тебя бы целую неделю была толкотня от знакомых и незнакомых почитателей. Никто из писателей русских не поворачивал так каменными сердцами нашими, как ты. Чего тебе недостает? Маленького снисхождения к слабым. Не дразни их год или два, бога ради! Употреби получше время твоего изгнания... Нет ничего скучнее теперешнего Петербурга. Вообрази, даже простых шалунов нет! Квартальных некому бить. Мертво и холодно.

Бар. А. А. ДЕЛЬВИГ — Пушкину, 28 сент. 1824 г., из Петербурга. *Переп. Пушкина, I, 133.*

Имею честь получить предписание Вашего Сиятельства от 15 июля о высланном на жительство в вверенную мне губернию коллежском секретаре Пушкине и о учреждении над ним присмотра, я относился к г. губернскому предводителю дворянства, дабы избрал одного из благонадежных дворян для наблюдения за поступками и поведением его, Пушкина, и получил от него, г. губернского предводителя дворянства, уведомление, что попечителем над Пушкиным назначил он коллежского советника Рокотова, который, узнав о сем назначении, отозвался болезнию, а равно и от поручения, на него возложенного. Г. губернский предводитель дворянства, уведомив меня о сем, присовокупил, что помимо Рокотова, которому бы можно поручить смотрение за Пушкиным, он других дворян не имеет.— Итак, по прибытии означенного коллежского секретаря Александра Пушкина и по отобрании

¹⁾ Лев Пушкин.

у него подписки и по сношении о сем с родителем его г. статским советником Сергеем Пушкиным, известным в губернии как по его добронравию, так и честности, и который с крайним огорчением об учиненном преступлении сыном его отозвался неизвестностью, поручен в полное его смотрение с тем заверением, что он будет иметь бдительное смотрение и попечение за сыном своим.

Б. А. фон-АДЕРКАС (псковской губернатор) в рапорте маркизу Ф. О. Паулуччи (генерал-губернатору псковской и прибалтийских губерний) от 4 октября 1824 г. *Рус. Стар.*, 1908, т. 136, стр. 112.

Бешенство скуки пожирает мое глупое существование... Что я предвидел, то и случилось. Мое пребывание среди моей семьи только удвоило огорчения достаточно реальные. Меня упрекали за мою ссылку, утверждали, что я проповедую атеизм сестре и брату. Отец имел слабость взять на себя обязанности, которые ставят его в самое ложное положение по отношению ко мне. Вследствие этого я провожу верхом и в поле все время, когда я не в постели. Все, что напоминает мне о море, вызывает у меня грусть, шум фонтана буквально доставляет мне страдание; я думаю, что ясное небо заставило бы меня заплакать от бешенства, но слава богу: небо у нас сивое, а луна — точная репа. Что до моих соседей, то мне пришлось только постараться оттолкнуть их от себя с самого начала; они мне не докучают; я пользуюсь у них репутацией Онегина, и вот — я пророк в своем отечестве. Я выдаю часто только добрую старую соседку (*П. А. Осипова*), слушаю ее патриархальные разговоры; ее дочери, довольно непривлекательные во всех отношениях, играют мне Россини, которого я выписал. Лучшего положения для окончания моего поэтического романа нельзя и желать, но скука — холодная муза, и поэма не подвигается.

ПУШКИН — кн. В. Ф. Вяземской, в перв. пол. окт. 1824 г. (*Фр.-рус.*).

(*Письмо Татьяны в третьей главе Онегина*). Автор сказывал, что он долго не мог решиться, как заставить писать Татьяну, без нарушения женского единства и правдоподобия в слоге: от страха сбиться на академическую оду, думал он написать письмо прозой, думал даже написать его по-французски; но, наконец, счастливое вдохновение пришло кстати, и сердце женское запросто и свободно заговорило русским языком, не задерживая и не остужая выражений чувства справками с словарем Татищева и грамматикой Меморского.

(Н. А. ПОЛЕВОЙ?). *Московский Телеграф*, 1827, № 13, июль, стр. 87.

Приехав сюда, был я всеми встречен, как нельзя лучше, но скоро все переменилось: отец, испуганный моею ссылкою, беспрестанно твердил, что и его ожидает та же участь; Пещуров, назначенный за мною смотреть, имел бесстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку, короче, быть моим шпионом; вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволяли мне с ним объясниться; я решил молчать. Отец начал упрекать брата в том, что я преподаю ему безбожие. Я все молчал. Получают бумагу, до меня касающуюся. Наконец, желая вывести себя из тягостного положения, прихожу к отцу, прошу его позволения объясниться откровенно... Отец осердился (*в черновике*: заплакал, закричал). Я поклонился, сел верхом и уехал. Отец призывает брата и повелевает ему не знаться *avec ce monstre, ce fils dénaturé*... Голова моя закипела. Иду к отцу, нахожу его с матерью и высказываю все, что имел на сердце целых

три месяца... Кончаю тем, что говорю ему в последний раз. Отец мой, воспользуясь отсутствием свидетелей, выбегает и всему дому объявляет, что я его «бил, хотел бить, замахнулся, мог прибить».

ПУШКИН — В. А. Жуковскому, 31 окт. 1924 г., из Тригорского.

Отец говорил после: «Экой дурак, в чем оправдывается! Да он бы еще осмелился меня бить! Да я бы связать его велел!» Зачем же обвинять было сына в злодействе несбыточном? «Да как он осмелился, говоря с отцом, непристойно размахивать руками?» Это дело десятое. «Да он убил отца словами!» — каламбур, и только.

ПУШКИН — В. А. Жуковскому, 29 ноября 1824 г.

Государь Император высочайше соизволил меня послать в поместье моих родителей, думая тем облегчить их горесть и участь сына. Но важные обвинения правительства сильно подействовали на сердце моего отца и раздражили мнительность, простительную старости и нежной любви его к прочим детям. Решаюсь для его спокойствия и своего собственного просить Его Императ. Величество да соизволит меня перевести в одну из своих крепостей. Ожидаю сей последней милости от ходатайства вашего превосходительства.

Прошение ПУШКИНА псковскому губернатору Б. А. Адеркасу, в конце окт. 1824 г. (*Благодаря вмешательству П. А. Осиповой и В. А. Жуковского, прошение осталось неотправленным*).

О моем житье-бытье ничего тебе не скажу. Скучно, вот и все... Сегодня кончил я поэму «Цыгане». Не знаю, что об ней сказать, — она покамест мне опротивела, только что кончил и не успел обмыть заповревшие (...)

ПУШКИН — кн. П. А. Вяземскому, 10 окт. 1824 г.

На-днях я мерялся поясом с Евпраксией (Вульф), и талии наши нашлись одинаковы. Следственно, из двух одно: или я имею талию 15-летней девушки, или она — талью 25-летнего мужчины. Евпраксия дуется и очень мила, с Анеткою бранюсь; надоела!.. Знаешь ли мои занятия? До обеда пишу записки, обедаю поздно; после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!

ПУШКИН — брату Льву, в конце окт. 1824 г.

Дела мои все в том же порядке: я в Михайловском редко. Anette (Вульф) очень смешна; сестра расскажет тебе мои новые фарсы... Я ревную и браню тебя, — скука смертная везде.

ПУШКИН — брату Льву, в начале ноября 1824 г.

(Во второй половине ноября С. Л. Пушкин отказался от взятого им на себя политического надзора за сыном и со всею семьею уехал в Петербург, оставив в Михайловском Пушкина одного).

Образ жизни моей все тот же: стихов не пишу, продолжаю свои записки да читаю Клариссу¹⁾; мочи нет, какая скучная дура!

ПУШКИН — брату Льву, втор. пол. ноября 1824 г.

¹⁾ «Кларисса Гарлоу» роман Ричардсона.

Вот уже четыре месяца, как нахожусь я в глухой деревне,— скучно, да нечего делать... Уединение мое совершенно, праздность торжественна. Соседей около меня мало, я знаком только с одним семейством, и то вижу его довольно редко; целый день верхом, вечером слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны; она — единственная моя подруга, и с нею только мне не скучно.

ПУШКИН — Д. М. Княжевичу (?), нач. декабря 1824 г.

Этот потоп мне с ума нейдет (*петербургское наводнение*)... Если тебе вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помогай из Онегинских денег. Но прошу, без всякого шума, ни словесного, ни письменного. Ни чуть не забавно стоять в *Инвалиде* на ряду с идилическим коллежским ассесором Панаевым.

ПУШКИН — брату Льву, 4 дек. 1824 г.

Знавшие Александра Пушкина знают, чего ему стоило огласить свое доброе дело; удивляюсь, как и в этом случае он решился поверить постороннему (а этот посторонний — брат его) порыв всегда доброго и сострадательного своего сердца.

С. А. СОБОЛЕВСКИЙ — М. Н. Лонгинову, 1885 г.
П-н и его с-ки, XXXI—XXXII, 36.

Твои троегорские приятельницы — несносные дуры, кроме матери. Я у них редко. Сажу дома да жду зимы.

ПУШКИН — сестре Ольге, 4 дек. 1824 г.

Христом и богом прошу скорее вытащить Онегина из-под цензуры, — деньги нужны. Долго не торгуйся за стихи, — режь, рви, кромсай хоть все 52 строфы, но денег, ради бога, денег!

У меня с Тригорским завязалось дело презабавное, — некогда тебе рассказывать, а уморительно смешно.

Мне дьявольски не нравятся петербургские толки о моем побеге. Зачем мне бежать? Здесь так хорошо! Когда будешь у меня, то станем трактовать о банкире, о переписке, о месте пребывания Чаадаева. Вот пункты, о которых можешь уже осведомиться.

ПУШКИН — брату Льву, втор. пол. дек. 1824 г.,
из Михайловского.

Заветной мечтой поэта, с самого приезда его в Михайловское, сделалось одно: бежать от заточения деревенского, а если нужно, то и из России. Помыслы о бегстве за границу начались у Пушкина еще в Одессе. Теперь замысел не был покинут. Пункты, подлежащие разъяснению брата, были (см. *вышеприведенное письмо Пушкина*) ясны; устройство правильной пересылки денег и корреспонденции за границу, вместе с означением места, куда они должны были отправляться, — т.-е., в тогдашнюю резиденцию Чаадаева (Чаадаев путешествовал по Европе).

П. В. АННЕНКОВ. *Пушкин в александр. эпоху*,
283—287.

С той минуты, как я узнал, что Пушкин в изгнании, во мне зародилась мысль непременно навестить его. Собираясь на рождество в Петербург для

свидания с родными, я предположил съездить и в Псков к сестре. Перед отъездом, на вечере у московского военного генерал-губернатора кн. Д. В. Голицына, встретился я с А. И. Тургеневым, который незадолго до того приехал в Москву. Я подсел к нему и спрашиваю: не имеет-ли он каких-нибудь поручений к Пушкину, потому что я в январе буду у него. — «Как! Вы хотите к нему ехать? Разве не знаете, что он под двойным надзором, — и политическим, и духовным?» — «Все это я знаю; но знаю также, что нельзя не навестить друга после пятилетней разлуки в теперешнем его положении, особенно, когда буду от него с небольшим в ста верстах. Если не пустят к нему, уеду назад». — «Не советовал бы, впрочем, делайте, как знаете», — прибавил Тургенев. Почти те-же предостережения выслушал я от В. Л. Пушкина, к которому заезжал проститься и сказать, что увижу его племянника. Со слезами на глазах дядя просил расцеловать его.

Проведя праздник у отца в Петербурге, после крещения я поехал в Псков. Потостил у сестры несколько дней и от нее вечером пустился из Пскова; в Острове, проездом ночью, взял три бутылки Клико и к утру следующего дня уже приближался к желаемой цели. Свернули мы наконец с дороги в сторону; мчались среди леса по гористому проселку. Спускаясь с горы, недалеко уже от усадьбы, которой за частыми соснами нельзя было видеть, сани наши в ухабе так наклонились набок, что ямщик слетел. Я с Алексеем, неизменным моим спутником, кой-как удержался в санях. Схватили возжи. Коня несутся среди сугробов. Скачем опять в гору извилистой тропой, вдруг крутой поворот, и как будто неожиданно вломились смаху в притворенные ворота, при громе колокольчика. Не было силы остановить лошадей у крыльца, протацияли мимо и засели в снегу нерасчищенного двора.

Я оглядываюсь: вижу на крыльце Пушкина, босиком, в одной рубашке, с поднятыми вверх руками. Выскакиваю из саней, беру его в охапку и тащу в комнату. На дворе страшный холод, но в иные минуты человек не простужается. Смотрим друг на друга, целуемся, молчим. Он забыл, что надобно прикрыть наготу, я не думал об заиндеветшей шубе и шапке. Было около восьми часов утра. Прибежавшая старуха застала нас в объятиях друг друга в том самом виде, как мы попали в дом: один — почти голый, другой — весь забросанный снегом. Наконец, пробил слеза, мы очнулись. Совестно стало перед этой женщиной, впрочем, она все поняла. Не знаю, за кого приняла меня, только, ничего не спрашивая, бросилась обнимать. Я тотчас догадался, что это его няня, и чуть не задушил ее в объятиях.

Все это происходило на маленьком пространстве. Комната Александра была возле крыльца, с окном на двор, через которое он увидел меня, слышав колокольчик. В этой небольшой комнате помещалась кровать его с пологом, письменный стол, диван, шкаф с книгами и пр. Во всем поэтической беспорядок, везде разбросаны исписанные листы бумаги, всюду валялись обкусанные, обожженные кусочки перьев (он всегда, с самого лица, писал оглодками, которые едва можно было держать в пальцах). Вход к нему прямо из коридора; против его двери — дверь в комнату няни, где стояло множество пяльцев.

Я приглядывался, где бы умыться и хоть сколько-нибудь оправиться. Дверь во внутренние комнаты была заперта, дом не топлён. Кой-как все это тут же уладили, копошась среди отрывистых вопросов: что? как? где? и пр. Вопросы большею частью не ожидали ответов. Наконец, помаленьку прибрались; подали нам кофе; мы уселись с трубками. Беседа пошла правильнее.

Вообще Пушкин показался мне несколько серьезнее прежнего, сохраняя однакож ту же веселость; может быть, самое положение его произвело на меня это впечатление. Он, как дитя, был рад нашему свиданию, несколько раз повторял, что ему еще не верится, что мы вместе. Прежняя его живость во всем проявлялась, в каждом слове, в каждом воспоминании.

Наружно он мало переменялся, оброс только бакенбардами; я нашел, что он тогда был очень похож на тот портрет, который потом видел в *Северных Цветах* и теперь при издании его сочинений П. В. Анненковым (портрет Кипренского, гравированный Уткиным).

«Пушкин сам не знал настоящим образом причины своего удаления в деревню; он приписывал удаление из Одессы козням графа Воронцова из ревности; думал даже, что тут могли действовать некоторые смелые его бумаги по службе, эпиграммы на управление и неосторожные частные его разговоры о религии. Мне показалось, что он вообще неохотно об этом говорил; я это заключил по лаконическим отрывистым его ответам на некоторые мои вопросы... Заметно было, что ему как будто несколько наскучила прежняя шумная жизнь, в которой он частенько терялся... Он сказал, что несколько примирился в эти четыре месяца с новым своим бытом, вначале очень для него тягостным: что тут, хотя невольно, но все-таки отдыхает от прежнего шума и волнения; с музой живет в ладу и трудится охотно и усердно. Скорбел только, что с ним нет сестры его, но что, с другой стороны, никак не согласится, чтоб она по привязанности к нему проскучала целую зиму в деревне. Хвалил своих соседей в Тригорском, хотел даже возить меня к ним, но я отговорился тем, что приехал на короткое время. Среди всего этого много было шуток, анекдотов, хохоту от полноты сердечной.

Незаметно коснулись подозрений насчет общества. Когда я ему сказал, что не я один поступил в это новое служение отечеству, он вскочил со стула и вскрикнул: «верно, все это в связи с майором Раевским, которого пятый год держат в Тираспольской крепости и ничего не могут выпытать». Потом, успокоившись, он продолжал: «впрочем, я не заставляю тебя, любезный Пуштин, говорить. Может быть, ты и прав, что мне не доверяешь. Верно, я этого доверия не стою,—по многим моим глупостям». Молча, я крепко расцеловал его; мы обнялись и пошли ходить: обоим нужно было вздохнуть. Вошли в нянину комнату, где собрались уже шведы. Я тотчас заметил между ними одну фигурку, резко отличающуюся от других, не сообщая, однако, Пушкину моих заключений. Я невольно смотрел на него с каким-то новым чувством, порожденным исключительным его положением: оно высоко ставило его в моих глазах, и я боялся оскорбить его каким-нибудь неуместным замечанием. Впрочем, он тотчас прозрел шаловливую мою мысль, улыбнулся значительно. Мне ничего больше не нужно было; я, в свою очередь, моргнул ему, и все было понято без всяких слов. Среди молодой своей команды няня преважно разгуливала с чулком в руках. Мы полюбовались работами, побалагурили и возвратились восвояси. Настало время обеда. Алексей хлопнул пробкой, начались тосты за Русь, за лицей, за отсутствующих друзей и за нас. Незаметно полетела в потолок и другая пробка; попотчивали искрометным няню, а всех других — хозяйскою наливкой. Все домашнее население несколько развеселилось; кругом нас стало пошумнее, праздновали наше свидание.

Я привез Пушкину в подарок «Горе от ума», он был очень доволен этою тогда рукописною комедией, до того ему вовсе почти незнакомою. После обеда, за чашкою кофею, он начал читать ее вслух.

Среди этого чтения кто-то подехал к крыльцу. Пушкин выглянул в окно, как-будто смутился и торопливо раскрыл лежавшую на столе Четью-Минюю. Заметив его смущение и не подразумевая причины, я спросил его: что это значит? Не успел он отвечать, как вошел в комнату низенький, рыжеватый монах и рекомендовался мне настоятелем соседнего монастыря. Я подошел под благословение, Пушкин — тоже, прося его сесть. Монах начал извинением в том, что, может быть, помешал нам, потом сказал, что узнавши мою фамилию, ожидал найти знакомого ему П. С. Пуштина, уроженца великолукцкого. Ясно было, что настоятелю донесли о моем приезде, и что монах хитрит... Разговор завязался о том, о сем. Между тем подали

чай. Пушкин спросил рому, до которого, видно, монах был охотник. Он выпил два стакана чаю, не забывая о роме, и после этого начал прощаться, извиняясь снова, что прервал нашу товарищескую беседу.

Я рад был, что мы остались одни, но мне неловко было за Пушкина: он, как школьник, присмирел при появлении настоятеля. Я ему высказал мою досаду, что накликал это посещение. «Перестань, любезный друг! Ведь он и без того бывает у меня, я поручен его наблюдению. Что говорить об этом вздоре!»

Тут Пушкин, как ни в чем не бывало, продолжал читать комедию; я с необыкновенным удовольствием слушал его выразительное и исполненное жизни чтение. Потом он мне прочел кое-что свое, большею частью в отрывках. Время не стояло. К несчастью, вдруг запахло угаром. Голова моя не выносит угара. Тотчас же я отправился узнать, откуда эта беда. Вышло, что няня, воображая, что я останусь погостить, велела в других комнатах затопить печи, которые с самого начала зимы не топились. Когда закрыли трубы,—хоть беги из дому! Я тотчас распорядился за беззаботного сына в отцовском доме: велел открыть трубы, запер на замок дверь в нагретые комнаты, притворил и нашу дверь, а форточку открыл. Все это неприятно на меня подействовало, не только в физическом, но и в нравственном отношении.— «Как,—подумал я,—хоть в этом не успокоить его, как не устроить так, чтоб ему, бедному поэту, было где подвигаться в зимнее ненастье!» В зале был биллиард; это могло бы служить для него развлечением. В порыве досады я даже упрекнул няню, зачем она не велит отапливать всего дома. Видно, однако, мое ворчание имело некоторое действие, потому что после моего посещения перестали экономничать дровами.

Между тем время шло за полночь. Нам подали закусить; на прощанье хлопнула третья пробка. Мы крепко обнялись. Ямщик уже запряг лошадей, колоколец бряжал у крыльца, на часах ударило три. Мы еще чокнулись стаканами, но прустно пилось, как будто чувствовалось, что в последний раз вместе пьем. Молча я набросил на плечи шубу и убежал в сани. Пушкин еще что-то говорил мне вслед; ничего не слыша, я глядел на него; он остановился на крыльце, со свечью в руке. Кони рванули под гору. Послышалось: «прощай, друг!» Ворота скрипнули за мною...

И. И. ПУШКИН. Записки. Л. Майков, 78—83.

Я один-одинешенек; живу недорослем, валяюсь на лежанке и слушаю старые сказки да песни. Стихи не лезут. Я, кажется, писал тебе, что мои «Цыгане» никуда не годятся: не верь — я соврал — ты будешь ими очень доволен.

ПУШКИН — кн. П. А. Вяземскому, 25 янв. 1825 г., из Михайловского.

Пишу тебе в гостях с разбитой рукой — упал на льду не с лошади, а с лошадьё; большая разница для моего наезднического самолюбия.

ПУШКИН — кн. П. А. Вяземскому, 28 янв. 1825 г., из Тригорского.

Мне довольно скучно... Стихов новых нет — пишу записки — но и презренная проза мне надоела.

ПУШКИН — брату Льву, перв. пол. февр. 1825 г.

Слепой поп перевел Сираха (смотри Инвалид № какой-то), издает по подписке — подпишись на несколько экземпляров.

ПУШКИН — брату Льву. Конец февр.—нач. марта 1825 года.

Приближается весна; это время года располагает брата к большой меланхолии; признаюсь, я во многих отношениях опасаясь ее последствий.

Л. С. ПУШКИН — П. А. Осиповой, 19 февр. 1825 г.
Рус. Стар., 1907, т. 129, стр. 85.

У меня произошла перемена в министерстве: Розу Григорьевну я принужден был выгнать за непристойное поведение и слова, которых не должен был я вынести. А то бы она уморила няню, которая начала от нее худеть. Я велел Розе подать мне цветы... Я нарядил комитет, составленный из Василья, Архипа и старосты, велел перемерить хлеб и открыл некоторые злоупотребления, т. е., несколько утаенных четвертей. Впрочем, она мерзавка и воровка. Покаместь я принял бразды правления.

ПУШКИН — брату Льву, конец февр.—нач. марта 1825 г., из Михайловского.

(Владелица села Тригорского — Прасковья Александровна Осипова, по первому браку — Вульф. Ее дети от первого брака: Анна Николаевна (род. 1799), Алексей (род. 1805) и Евпраксия (Euphrosyne, Зина, Зизи, — род. ок. 1809); от второго брака — Мария Ивановна (род. ок. 1820) и Екатерина Ив. Осиповы. Падчерица Праск. Александровны, дочь ее второго мужа от первого его брака, — Александра Ивановна Осипова (Алина). В окружных дворянских гнездах Псковской и Тверской губ. жило немало родственников Осиповой и Вульфов, и молодые представительницы этих гнезд в разное время не однажды завоевывали сердце влюбчивого Пушкина).

Из Михайловского в Тригорское дорога идет сначала лесом, спускаясь к берегу озера, а затем поднимается на горку, на опушку леса.

В. Г. ВЕЙДЕНБАУМ. Несколько слов о пушкинских местах. *Ист. Вест.*, 1911, № 8, стр. 588.

Идя из Михайловского в Тригорское, мы обогнули озеро; здесь дорога идет по опушке леса и затем, поворачивая к западу, ведет уже полем. Приблизительно минут 15 от усадьбы на возвышенности — граница Михайловского. Тут дорога опускается к погосту Воронич. Влево огорожена семья сосен (на месте знаменитых трех сосен). Минут через 15 мы прошли мимо высокого погоста Воронич и подошли к большому дому Тригорского.

П. М. УСТИМОВИЧ. По пушкинским местам. *Ист. Вест.*, 1908, № 3, стр. 1047.

Ширь и даль без конца; красавица зеркальная Сороть с чистым песчаным дном; густой сад с вековыми деревьями; длинный одноэтажный господский дом, с чудным видом с балкона вдаль на расстилающиеся поля и деревушки, с мостом через Сороть (223)... Очень красива часть сада, спускающаяся к реке Сороти. На берегу, на скате, старая баня. В этой бане жил Пушкин в веселое лето 1826 г. с Вульфом и поэтом Языковым и отсюда прямо спускался к реке купаться. От садовой старины, связанной с обитателями Тригорского, сохранилось немного: лужайка, вся окруженная липами, т. наз. липовая зала, где, по рассказам Марии Ив. Осиповой, часто танцевали под странствующий, заходивший сюда по временам оркестр. Очень хороша громаднейшая ель, под которой сживал Пушкин, да большой старый дуб, окруженный террасой со сходом, едва уже заметными ступеньками, к воротам из яблонь, от которых шла аллея (225 — 226).

В. П. ОСТРОГОРСКИЙ. Пушкинский уголок земли. *Мир Божий*, 1898, № 9.

Вот здесь стояла баня, куда отсылали ночевать Пушкина; Евпраксия Николаевна, покойница, говаривала: «Мать боялась, чтобы в доме ночевал чужой мужчина. Ну, и посылали его в баню, иногда с братом Алексеем Николаевичем (Вульфом). Так и знали все».

ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ, тригорский старожил.
Леонид Гроссман. «Вокруг Пушкина». Библиотека
«Огонек», 1928, 14.

В парке Тригорского до настоящего времени указывают плато, где, среди деревьев на лугу, под открытым небом, происходили танцы под звуки шарманки; там же заметно сохраняются солнечные часы. Это — не что иное, как большой круг, по периферии которого посажено 12 дубов и столько же других деревьев. В парке — два пруда и несколько аллей. Там особенно обращает на себя внимание вековая ель, стоящая одиноко среди парка. В Тригорском от времени Пушкина сохранился как самый дом, так и множество предметов в доме. Передают, что Пушкину, когда он приезжал в Тригорское, отводилась комната в два окна, приходящаяся теперь над входом в подвальное помещение; в комнату ему ставили обычно рабочий столик небольшого размера, но очень тяжелый.

Л. И. СОФИЙСКИЙ. *Город Опочка и его уезд*,
стр. 205.

Над зелеными, низменными лугами, орошаемыми Соротью, поднимаются три обрывистые горы, пересеченные глубокими оврагами. Крутые скаты возвышенностей покрыты кустами и зеленью; там и здесь бегут вверх извилистые тропинки. На самом верху двух гор возвышаются две церкви: от них влево тянется ряд строений: этот, ныне довольно большой погост Воронич — некогда знаменитый пригород псковской державы. По преданию, пригород был так велик и так густо населен, что в нем было до 70 церквей. Дома жителей покрывали не только среднюю, но и левую гору, а также и низменные луга, расстилающиеся у подошв гор... Наверху третьей горы стоит Тригорское. Глубокий овраг, по дну которого идет дорога в село, отделяет его от Воронича. Постройка села деревянная, скученная в одну улицу, на конце которой стоит длинный, деревянный же, одноэтажный дом. Архитектура его довольно незамысловата; это не то сарай, не то манеж, оба конца которого украшены незатейливыми фронтонами. Постройка эта никогда и не предназначалась под обиталище владельцев Тригорского; здесь в начале настоящего столетия помещалась парусинная фабрика, но в 1820-х еще годах владелица задумала перестроить обветшавший дом свой, бывший недалеко от этой постройки, и временно перебралась в этот «манеж»... да так в нем и осталась. Перестройка же дома откладывалась с году на год, пока, года четыре назад, он не сгорел... В этой зале стоял этот же большой стол, эти же простые стулья кругом, — те же часы хрипели в углу. На стене висит потемневшая картина: на нее (по словам М. И. Осиповой) частенько заглядывался Пушкин. Картина, как видно, писана давно и сильно потемнела от времени; она изображает искушение св. Антония, — копия чуть ли не с картины Мурильо: перед св. Антонием представлен бес в различных видах и с различными соблазнами... Вспоминая эту картину, Пушкин, как сам сознавался хозяйкам, навел чертей в известный сон Татьяны... Подле зала большая гостиная; в ней стоит фортепиано¹⁾, на котором более 30 лет назад играла Ал. Ив. Осипова. Ее очаровательная, высоко-артистическая музыка восхищала Пушкина... Из зала идет целый ряд комнат. В одной из них, в неболь-

¹⁾ Роялино Тишнера. К-н. *Еще о пушкинских местах. Исторический Вест.*, 1909, № 11, стр. 592.

ших, старинных шкапчиках, помещается библиотека Тригорского... Близ Тригорского дома, вдоль его фаса, находится очень чистый и длинный пруд. По другой стороне пруда стоял именно тот старый дом, который более тридцати лет ждал перестройки и, не дождавшись, спорел; близ него, как рассказывает Алексей Ник. Вульф, он, вместе с поэтом, бывало, многие часы тем и занимают, что хлопают из пистолетов Лепажу в звезду, нарисованную на воротах... За прудом на громадном пространстве раскинут великолепный сад. Тут указали мне зал, — так называемую площадку, тесно обсаженную громадными липами; в этом зале, лет 30 назад, молодежь танцевала. Полюбовался я горкой среди сада, верх которой венчается ветвистым дубом; по четырем углам этой насыпанной горки стояли ели, под которыми леживали Пушкин и Языков; ели те еще при жизни их были срублены по распоряжению Праск. Ал-ны, так как они, будто бы, мешали расти роскошному дубу. Пушкин жалел об этих деревьях... Недалеко виднеются жалкие остатки некогда красивого домика, с большими стеклами в окнах. Это баня; здесь жил Языков в проезд свой в Тригорское, здесь ночевывал и Пушкин. Вот и береза, раздвинувшая свои два ствола, так, что среди их образовалось кресло; здесь сидивал тоже Пушкин, в дупло этого дерева поэт опустил пятак на память, недалеко кустарник барбарисовый, в середину которого Пушкин однажды врыгнул да насилу вылез оттуда. Сзади же остался небольшой прудок. На берегу его стояла береза, — Прасковья Ал-на вздумала ее срубить, но Пушкин выпросил березе жизнь. «Любопытно, — заметила М. И. Осипова, — что в год смерти Пушкина в березу ту ударила молния»... А вот и спуск к реке Сороти; на высоком, зеленом, в высшей степени живописном берегу этой реки, в саду, та именно «горка», о которой так часто вспоминает Языков в своих стихах... Над самой рекой была ива, купавшая ветви свои в волнах Сороти и весьма нравившаяся Пушкину. Теперь ее нет... Но что осталось, так это дивный вид «с горки» на окрестности. Здесь, на этой площадке, все обитательницы Тригорского и их дорогие гости пили обыкновенно в летнее время чай и отсюда восхищались прелестными окрестностями. Внизу — голубая лента Сороти, за ней вдаль — село «Дериглазово»; там — пашни, поля, вдаль темный лес, вправо дорога в Михайловское, а на ней столь знаменитые, воспетые Пушкиным, три сосны, еще правей городище Воронич, за рекой часовня, на том месте, где по преданию стоял некогда монастырь.

М. И. СЕМЕВСКИЙ. Прогулка в Тригорское.
С. Петербургские Ведомости, 1866, № 136.

С живописной площадки одного из горных выступов, на котором расположено было Тригорское, много глаз устремлялось на дорогу в Михайловское, видную с этого пункта, — и много сердец билось трепетно, когда на ней, опираясь на извивы Сороти, показывался Пушкин или пешком в шляпе с большими полями и с толстой палкой в руке или верхом на аргамаке, а то и просто на крестьянской лошаденке. Две старшие дочери г-жи Осиповой, Анна и Евпраксия Николаевны Вульф, составляли два противоположные типа. По отношению к Пушкину Анна Николаевна представляла полное самоотвержение и привязанность, которые ни от чего устать и ослабеть не могли, между тем как сестра ее, воздушная Евпраксия, как отзывался о ней сам поэт, — представляла совсем другой тип. Она пользовалась жизнью очень просто, повидимому, ничего не искала в ней, кроме минутных удовольствий, и постоянно отворачивалась от романтических ухаживаний за собой и комплиментов, словно ждала чего-либо более серьезного и дельного от судьбы. Вышло то, что обыкновенно выходит в таких случаях: на долю энтузиазма и самоотвержения пришлось суровые уроки, часто злое, отталкивающее слово, которые только изредка выкупались счастливыми минутами доверия и признательности, между тем как равнодушию оставалась лучшая доля

постоянного внимания, неизменной ласки и льстивого ухаживания. Евпраксия Николаевна была душою веселого общества, собиравшегося по временам в Тригорском: она играла перед ним арии Россини, мастерски варила жженку и являлась первая во всех предприятиях по части удовольствий. Сестра ее, Анна Николаевна, умершая девушкой в начале 60-х годов, отличалась быстротою и находчивостью своих ответов, что было нелегкое дело в виду Михайловского изгнанника, отличавшегося еще в разговорах прямою и смелостью выражения. Одно время полагали, что Пушкин равнодушен к Евпраксии Николаевне.

П. В. АННЕНКОВ. *Пушкин в александр. эпоху*, 278—280.

Анна Николаевна (*Вульф*) тебе кланяется и очень жалеет, что тебя здесь нет; потому что я влюбился и миртильничая. Знаешь ее кузину Анну Ивановну Вульф¹⁾? *Esse femina!*

ПУШКИН — брату Льву, 14 марта 1825, из Тригорского.

Простите, дети! Я пьян.

ПУШКИН — брату Льву и П. А. Плетневу, 15 марта 1825 г., из Михайловского.

По висту должен мне Пушкин	1 р. 50 к.;	я ему	— 20 к.
еще	—	— 1 р. 70 к.;	— — 10 к.
еще	—	— 1 р. 80 к.;	— —
еще	—	— — —	— — 70 к.

П. А. ОСИПОВА. Запись в календаре, в марте 1825 г. *Пушкин и его с-ки*, I, 140.

Нынче день смерти Байрона — я заказал с вечера обедню за упокой его души. Мой поп удивился моей набожности и вручил мне просвиру, вынутую за упокой раба божия боярина Георгия. Отсылаю ее к тебе... Прощай, милый, у меня хандра и нет ни единой мысли в голове моей.

ПУШКИН — кн. П. А. Вяземскому. 7 апр. 1825 г.

Я заказал обедню за упокой души Байрона (сегодня день его смерти), А. Н. (*Вульф*) также, и в обеих церквях, — Тригорском и Воронице, — происходили молебствия. Это немножко напоминает обедню Фридриха II за упокой души г-на Вольтера. Вяземскому посылаю вынутую просвиру отцом Шкодой за упокой поэта.

ПУШКИН — брату Льву, 7 апр. 1825 г., из Тригорского.

Вино, вино, ром (12 бут.), горчицы, fleur d'orange, чемодан дорожный; сыру лимбургского; книгу о верховой езде — хочу жеребцов выезжать: вольное подражание Alfieri и Байрону.

Как я рад баронову приезду (*барона А. А. Дельвига*). Он очень мил! Наши барышни все в него влюбились, — а он равнодушен, как колода, любит лежать на постеле, восхищаясь «Чигиринским Старостою» (*Рылеева*).

ПУШКИН — брату Льву, 23 апреля 1825 г., из Михайловского.

¹⁾ Нетти Вульф, которой впоследствии Пушкин написал стихотворение «За Нетти сердцем я летаю».

Пушкин готовился издать собрание своих стихотворений, которое и явилось в 1826 году. В этих приготовлениях, не прерывавших и других многочисленных занятий поэта, застал его Дельвиг. По свидетельству знавших того и другого, Пушкин советовался в настоящем случае с Дельвигом, дорожа его мнением и вполне доверяя его вкусу. В этих литературных беседах, чтениях и спорах проходило почти все утро. После нескольких партий на бильярде и позднего обеда, друзья отправлялись в соседнее село Тригорское, принадлежавшее П. А. Осиповой, и проводили вечер в ее умном и любезном семействе.

В. П. ГАЕВСКИЙ. «Дельвиг». *Современник*, 1854, № 9, Критика, стр. 2.

Тебе скучно в Петербурге, а мне скучно в деревне. Скука есть одна из принадлежностей мыслящего существа. Как быть.

ПУШКИН — К. Ф. Рылееву, в конце мая 1825 г.

(Для альманаха «Звездочка» на 1826 г. Пушкин послал редакторам альманаха А. А. Бестужеву и К. Ф. Рылееву отрывок из «Онегина», — ночной разговор Татьяны с няней). — Пушкин, присылая свой отрывок, уведомил моего брата (А. А. Бестужева), что условия относительно вознаграждения за напечатание этого стихотворения он может сделать через Льва Сергеевича Пушкина. Это условие с Левушкой состоялось в моем присутствии. Не знаю, отдал ли Пушкин этот эпизод из «Онегина» своему брату-гуляке, чтобы деньги были доставлены ему, как уверял Левушка, или это была обычная заплата, которыми Пушкин безуспешно зашивал долговые дыры брата, но только Левушка потребовал с издателей по пяти рублей ассигнациями за строчку. И брат мой Александр, не думая ни минуты, согласился. — «Ты промахнулся, Левушка, — смеясь, добавил он, — промахнулся, не потребовав за строку по червонцу. Я бы тебе и эту цену дал, но только с условием: припечатать нашу сделку в «Полярной звезде» для того, чтобы знали все, с какою готовностью мы платим золотом за золотые стихи».

М. А. БЕСТУЖЕВ по записи М. И. Семейского. К биографии Пушкина. *Рус. Вестн.*, 1869, № 11, стр. 72.

Когда псковский архиепископ Евгений посетил Святогорский монастырь, к нему внезапно явился с ярмарки Пушкин в одежде русского мужика, чем очень удивил преосвященного.

П. В. КИРЕЕВСКИЙ по записи П. И. Бартенева. *Рассказы о Пушкине*, 53.

Из Михайловского Пушкин любил ходить в Святые Горы, при чем, как передают, всегда входил в монастырь восточными воротами, обращенными в сторону села Михайловского. По преданию, ему в монастыре отводилась келья, стены которой он испещрял своими стихами. Придя в Св. Горы, в «Девятник», т. е. в девятую пятницу по Пасхе, когда бывает там ярмарка, Пушкин часто останавливался у святых ворот монастыря, выходящих на запад по направлению к слободе Тоболенец, и здесь он прислушивался к пению нищих, распеваящих и доселе духовные стихи о Лазаре, об архангеле Михаиле, о страшном суде и тому подобные канты, а иногда подпевал им и сам.

Л. И. СОФИЙСКИЙ. *Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем*, 202.

1825 год... 29 мая в Св. Горах о девятой пятницы... издаль имел счастье видеть Александру Сергеевича Г-на Пушкина, которой некоторым образом удивил странною своею одежною, а на прим. У него была надета на голове соломенная шляпа — в ситцевой красной рубашке, опоясавши голу-

бою ленточкою с железною в руке тростию с предлинными чор. бакинбардами, которые более походят на бороду так же с предлинными ногтями с которыми он очищал шкорлупу в апельсинах и ел их с большим аппетитом я думаю около 1/2 дюж.

ТОРГОВЕЦ И. И. ЛАПИН. Из дневника. *Л. Софийский. Город Опочка*, 203.

Когда в монастыре была ярмарка в девятую пятницу, Пушкин, как рассказывают очевидцы-старожилы, одетый в крестьянскую белую рубаху с красными ластовками, опоясанный красною лентою, с таковою же — и через плечо, не узнанный местным уездным исправником, был отправлен под арест за то, что вместе с нищими, при монастырских воротах, участвовал в пении стихов о Лазаре, Алексее, человеке божием и других, тростию же с бубенчиками давал им такт, чем привлек к себе большую массу народа и заслонил проход в монастырь, — на ярмарку. От такого ареста был освобожден благодаря лишь заступничеству здешнего станового пристава.

ИГУМЕН ИОАНН. *Описание Святогорского Успенского Монастыря, Псковской епархии. Псков. 1899. Стр. 111.*

Ярмарка тут в монастыре бывает в девятую пятницу перед Петровками; народу много собирается; и он туда хаживал, как есть, бывало, как дома: рубаха красная, не брит, не стрижен, чудно так, палка железная в руках; придет в народ, тут гулянье, а он сядет на-земь, соберет к себе нищих, слепцов, они ему песни поют, стихи сказывают. Так вот было раз, еще спервоначалу приехал туда капитан-исправник на ярмарку: ходит, смотрит, что за человек чудной в красной рубахе с нищими сидит? Посылает старосту спросить, кто, мол, такой? А Александр-то Сергеич тоже на него смотрит, зло так, да и говорит эдак скоро (грубо так он всегда говорил): «скажи капитану-исправнику, что он меня не боится и я его не боюсь, а если надо ему меня знать, так я — Пушкин». Капитан ничто взяло, с тем и уехал, а Ал. Сер. бросил слепцам беленькую, да тоже домой пошел.

ДВОРОВЫЙ ПЕТР, служивший у Пушкина в кучерах. К. Я. Тимофеев. *Могила Пушкина и село Михайловское. Журн. Мин. Нар. Просв., 1859, т. 103, отд., II, 148.*

Одевался Пушкин, хотя, повидимому, и небрежно, подражая и в этом, как во многом другом, прототипу своему Байрону, но эта небрежность была кажущаяся: Пушкин относительно туалета был очень щепетилен. Рассказывают, будто живя в деревне, он ходил все в русском платье. Совершеннейший вздор. Пушкин не изменял обыкновенному светскому костюму. Всего только раз, заметьте себе, раз, во все пребывание в деревне, и именно в девятую пятницу после Пасхи, Пушкин вышел на святогорскую ярмарку в русской красной рубахе, подпоясанный ремнем, с палкою, в корневой шляпе, привезенною им еще из Одессы. Весь новоржевский бо-монд, с'езжавшийся на эту ярмарку закупать сахар, вино, увидя Пушкина в таком костюме, весьма был этим скандализован.

АЛ. Н. ВУЛЬФ в передаче М. И. Семейского. *Слб. Ведомости, 1866, № 139.*

Монастырь Святые Горы построен на горах; восходить к нему надо по ступеням, сложенным из целых, довольно больших камней; кругом мона-

стыря обрывы, обнесенные стеною; горы, занятые монастырем, покрыты деревьями.

А. Ф. Поэтический уголок Псковской губернии.
Новое время, 1880, № 1598.

Святогорский монастырь называется Успенским, и в нем хранится очень чтимая местным населением икона Одигитрии божьей матери. На главных входных воротах монастыря с одной стороны имеется надпись: «Богородице, дверь небесная, отверзи нам двери милости твоея». А на другой: «Возведи очи мои в горе от ню дуже приидет помощь моя». Возле этих ворот, по преданию, Пушкин пел когда-то с нищими Лазаря.

П. М. УСТИМОВИЧ. По пушкинским местам.
Истор. Вест., 1908, № 3, стр. 1037.

Прошу тебя отвечать как можно скорее на это письмо, но отвечай человечески, а не сумасбродно. Я слышал от твоего брата и твоей матери, что ты болен. Правда ли это? Правда ли, что у тебя в ноге есть что-то похожее на аневризм, и что ты уже около десяти лет утощаешь у себя этого постояльца, не говоря никому ни слова? Теперь это уже не тайна, и ты должен позволить друзьям твоим вступить в домашние дела твоего здоровья. У вас в Опочке некому хлопотать о твоём аневризме. Сюда перетащить тебя теперь невозможно. Но можно, надеюсь, сделать, чтобы ты переехал на житье и лечение в Ригу... Напиши ко мне немедленно о своём аневризме.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — Пушкину, во второй половине мая 1825 г., из Петербурга. *Переп. Пушкина*, I, 216.

Вот тебе человеческий ответ: мой аневризм носил я десять лет и с божьей помощью могу проносить еще года три. Следственно дело не к слеху, но Михайловское душно для меня. Если бы царь меня до излечения отпустил за границу, то это было бы благодеяние, за которое я бы вечно был ему и друзьям моим благодарен. Вяземский пишет мне, что друзья мои в отношении властей изверились во мне: напрасно. Я обещал Н. М. (*Карамзину*) два года ничего не писать противу правительства и не писал. «Кинжал» не против правительства писан, и хоть стихи и не совсем чисты в отношении слога, но намерение в них безгрешно. Теперь же все это мне надоело, и если меня оставят в покое, то верно я буду думать об одних пятистопных без рифм. Смело полагаясь на решение твое, посылаю тебе черновое к самому Белому (*царю*): кажется, подлости с моей стороны ни в поступке, ни в выражении нет.

ПУШКИН — В. А. Жуковскому, в конце мая—нач. июня 1825 г., из Михайловского.

Я бы почел долгом переносить немилость ко мне в почтительном молчании, если бы необходимость не заставила меня нарушить его. Здоровье мое сильно пострадало в первой моей молодости, до настоящего времени я не имел возможности лечиться. Аневризм, который у меня уже десять лет, тоже требовал бы быстрой операции. Легко убедиться в правдивости того, что я сообщаю... Я умоляю ваше величество разрешить мне уехать куда-нибудь в Европу, где я не был бы лишен всякой помощи.

ПУШКИН — в прошении Александру I, в конце мая — начале июня 1825 г. (*фр.*).

(Повидимому, Пушкин, действительно, страдал варикозным расширением вен нижних конечностей. Но, конечно, все его жалобы на эту болезнь имели одну цель,—чтобы его отпустили для лечения за границу. Родственники же его и приятели, непосвященные в тайные замыслы Пушкина, из сил выбивались, чтоб доставить ему возможность лечить свой «аневризм»).

Видел ли ты Н. М. (Карамзина)? Идет ли вперед История? Где он остановится? Не на избрании ли Романовых? Неблагодарные! Шесть Пушкиных подписали избирательную грамоту! да двое руку приложили за неумением писать! А я, грамотный потомок их, что я? где я...

ПУШКИН — бар. А. А. Дельвигу, в перв. пол. июня 1825 г., из Михайловского.

Плетнев поручил мне сказать тебе, что он думает, что Пушкин хочет иметь пятнадцать тысяч, чтобы иметь способы бежать с ними в Америку или Грецию. Следственно, не надо их доставать ему.

А. А. ВОЕЙКОВА — В. А. Жуковскому, в конце июня — нач. июля 1825 г., из Петербурга. П-н и его совр-ки, VIII, 86.

Пушкин препоручил ходатайство по своей просьбе своей матери в Петербурге. Надежда Осиповна заменила его деловую просьбу каким-то патетическим письмом на имя императора Александра. Результатом ее домогательства было дозволение Пушкину жить и лечиться в Пскове с тем, чтоб губернатор имел наблюдение за поведением и разговорами больного.

П. В. АННЕНКОВ. П-н в алекс. эпоху, 285.

Неожиданная милость его величества тронула меня несказанно, тем более, что здешний губернатор предлагал уже мне иметь жительство в Пскове; но я строго придерживался повеления высшего начальства. Я справлялся о псковских операторах: мне указали там на некоторого Всеволожского, очень искусного по ветеринарной части и известного в ученом свете по своей книге об лечении лошадей. Несмотря на все это, я решился остаться в Михайловском; тем не менее чувствую отеческую снисходительность его величества. Боюсь, чтобы медленность мою пользоваться монаршей милостью не почли за небрежение или возмутительное упрямство. Но можно ли в человеческом сердце предполагать такую адскую неблагодарность? Я все жду от человеколюбивого сердца императора, авось-либо позволит он мне современем искать стороны мне по сердцу и лекаря по доверчивости собственного рассудка, а не по приказанию высшего начальства.

ПУШКИН — В. А. Жуковскому, в июне—июле 1825 г., из Михайловского.

* (Июль 1825 г.). Не доезжая села Михайловского, встретили мы в лесу Пушкина: он был в красной рубахе, без фуражки, с тяжелой железной палкой в руке. Когда подходили мы к дому, на крыльце стояла пожилая женщина, вязавшая чулок; она, приглашая нас войти в комнату, спросила: — «Откудова к нам пожаловали?» Александр Сергеевич ответил: — «Это те гусары, которые хотели выкупать меня в шампанском». — «Ах ты, боже мой! Как же это было?» — сказала няня Александра Сергеевича, Арина Родионовна. В Михайловском мы провели четыре дня. Няня около нас хлопотала, сама приготавливала кофе, поднося, приговаривала: — «Крендели вчерашние, ничего, кушайте на доброе здоровье, а вот мой Александр Сергеевич изволит

с маслом кушать ржаной...» Пушкин выходил к нам около 12 часов; на нем виден был отпечаток грусти; обедали мы в час, а иногда и позднее.

На другой день нашего приезда, Александр Сергеевич пригласил нас прогуляться к соседке его, П. А. Осиповой, в Тригорское, где до позднего вечера мы провели очень приятно время, а в день нашего отъезда были на раннем обеде; милая хозяйка нас обворожила приветливым приемом, а прекрасный букет дам и девиц одушевлял общество. Александр Сергеевич особенно был внимателен к племяннице Осиповой, А. П. Керн.

Няня, Арина Родионовна, на дорогу одарила нас своей работы пастилой и напутствовала добрым пожеланием.

А. РОСПОПОВ. *Рус. Стар.*, 1876, т. 15, стр. 466.

Желание мое увидеть Пушкина исполнилось во время пребывания моего в доме моей тетки (П. А. Осиповой) в Тригорском, в 1825 году в июне месяце. Вот как это было. Мы сидели за обедом. Вдруг вошел Пушкин с большою, толстою палкой в руках. Он после часто к нам являлся во время обеда, но не садился за стол; он обедал у себя гораздо раньше и ел очень мало. Приходил он всегда с большими дворовыми собаками, chien-loup. Тетушка, подле которой я сидела, мне его представила; он очень низко поклонился, но не сказал ни слова: робость видна была в его движениях. Я тоже не нашлась ничего ему сказать, и мы не скоро ознакомились и заговорили. Да и трудно было с ним вдруг сблизиться; он был очень неровен в обращении: то шумно весел, то грустен, то робок, то дерзок, то нескончаемо любезен, то томительно скучен, и нельзя было угадать, в каком он будет расположении духа через минуту. Раз он был так нелюбезен, что сам в этом сознался сестре, говоря: «ai-je été assez vulgaire aujourd'hui?» Вообще же надо сказать, что он не умел скрывать своих чувств, выражал их всегда искренно и был неописанно хорош, когда что-нибудь приятно волновало его. Так, один раз мы восхищались его тихою радостью, когда он получил от какого-то помещика при любезном письме охотничий рог на бронзовой цепочке, который ему нравился. Читая это письмо и любуясь рогом, он сиял удовольствием и повторял: «Charmant, charmant!» Однажды явился он в Тригорское со своею большою черною книгою, на полях которой были начерчены ножки и головки, и сказал, что он принес ее для меня. Вскоре мы уселись вокруг него, и он прочитал нам своих «Цыган». Я была в упоении как от текучих стихов поэмы, так и от его чтения, в котором было столько музыкальности, что я истаевала от наслаждения; он имел голос певучий, мелодический, как он говорит про Овидия в своих «Цыганах»: «И голос, шуму вод подобный». Через несколько дней после этого чтения тетушка предложила нам всем после ужина прогулку в Михайловское. Пушкин очень обрадовался этому, и мы поехали. Погода была чудесная, лунная июльская ночь дышала прохладой и ароматом полей. Мы ехали в двух экипажах; тетушка с сыном в одном, сестра (Анна Ник. Вульф), Пушкин и я — в другом. Ни прежде, ни после я не видала его так добродушно веселым и любезным. Он шутил без острот и сарказмов, хвалил луну, не называл ее глупою, а говорил: «я люблю луну, когда она освещает прекрасное лицо». Хвалил природу и говорил, что торжествует, воображая в ту минуту, будто Александр Полторацкий остался на крыльце у Олениных, а он уехал со мною; это был намек на то, как он завидовал, при нашей первой встрече (в 1819 г., в Петербурге) Александру Полторацкому, когда тот уехал со мною. Приехавши в Михайловское, мы не вошли в дом, а пошли прямо в старый, запущенный сад, «приют задумчивых дриад», с длинными аллеями старых деревьев, корни которых, сплетаясь, вились по дорожкам, что заставляло меня спотыкаться, а моего спутника вздрагивать. Тетушка, приехавшая туда вслед за нами, сказала: «мой дорогой Пушкин, окажите честь вашему саду, покажите его г-же Керн».

Он быстро подал мне руку и побежал скоро, скоро, как ученик, неожиданно получивший позволение прогуляться. Он вспоминал нашу первую встречу у Олениных, выражался о ней увлекательно, восторженно, и в конце разговора сказал: «У вас был такой девственный вид; и неправда ли, — как будто вы несли на себе крест?»

На другой день я должна была уехать в Ригу вместе с сестрою А. Н. Вульф. Он пришел утром и на прощанье принес мне экземпляр II главы «Онегина», в неразрезанных листках, между которых я нашла вчетверо сложенный почтовый лист бумаги со стихами: «Я помню чудное мгновенье»... Когда я собиралась спрятать в шкатулку поэтический подарок, он долго на меня смотрел, потом судорожно выхватил и не хотел возвращать; насилу выпросила я их опять; что у него промелькнуло тогда в голове, не знаю.

Во время пребывания моего в Тригорском я пела Пушкину стихи Козлова «Ночь весенняя дышала». Мы пели этот романс на голос «Benedetta sia la madre», баркароллы венецианской. Пушкин с большим удовольствием слушал эту музыку.

А. П. КЕРН (Маркова-Виноградская). Воспоминания. Л. Майков, 240—243.

Все Тригорское поет: «Не мила ей прелесть ночи» (песню Козлова «Ночь весенняя дышала», — см. выше), и это сжимает мне сердце; вчера мы с Алексеем Николаевичем (Вульфom) говорили четыре часа под ряд. Никогда у нас с ним не было такого долгого разговора. Угадайте, что нас вдруг соединило? Скука? Сходство чувства? Не знаю. Я все ночи хожу по саду, я говорю: «она была здесь», — камень, о который она споткнулась, лежит у меня на столе, рядом с ним — завядший гелиотроп; я пишу много стихов, — все это, если угодно, очень похоже на любовь; но клянусь вам, что ее нет. Если бы я был влюблен, мною в воскресенье ¹⁾ овладели бы судороги бешенства и ревности, а я был только задет, — однако мысль, что я для нее — ничто, что, разбудив, заняв ее воображение, я только тешил ее любопытство, что воспоминание обо мне ни на минуту не сделает ее ни более рассеянной среди ее триумфов, ни более пасмурной во дни ее печали, что ее прекрасные глаза будут останавливаться на каком-нибудь рижском фате с тем же разрывающим душу сладострастным выражением, — нет, эта мысль для меня невыносима!..

ПУШКИН — Ан. Ник-не Вульф, 21 июня 1825 г. (фр.).

Студент Ал. Н. Вульф, сделавшийся поверенным Пушкина в его замыслах об эмиграции, сам собирался за границу; он предлагал Пушкину увезти его с собой под видом слуги. Но сама поездка Вульфа была еще мечтой. Тогда оба заговорщика наши остановились на мысли заинтересовать в деле освобождения Пушкина известного дерптского профессора хирургии, И. Ф. Мойера. Он имел влияние на самого начальника края, маркиза Пауллуччи. Дело состояло в том, чтобы согласить Мойера взять на себя ходатайство перед правительством о присылке к нему Пушкина в Дерпт, как интересного и опасного больного, а впоследствии, может быть, предпринять и защиту его, если Пушкину удастся пробраться из Дерпта за границу под тем же предлогом безнадежного состояния своего здоровья. — Город Дерпт стоял тогда если не на единственном, то на кратчайшем тракте за границу, излюбленном всеми нашими туристами.

П. В. АННЕНКОВ. Пушкин в Александровскую эпоху, 287—288.

¹⁾ 19 июля, в день отъезда А. П. Керн, Алексей Вульф, счастливый соперник Пушкина, провожая сестру, поехал с нею и Анной Петровной Керн в их карете.

Будь щастлив, хоть это чертовски мудрено.

ПУШКИН — бар. А. А. Дельвигу, 23 июля 1825 г.

Я в совершенном одиночестве: единственная соседка, которую я посетил, уехала в Ригу, и у меня буквально нет другого общества, кроме моей старой няни и моей трагедии («Борис Годунов»); последняя подвигается вперед, и я доволен ею... Я пишу и думаю. Большая часть сцен требует только рассуждения; когда же я подхожу к сцене, требующей вдохновения, я или выжидаю, или перескакиваю через нее. Этот прием работы для меня совершенно нов. Я чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития и что я могу творить.

ПУШКИН—Н. Н. Раевскому, в конце июля 1825 г., из Михайловского (фр.).

Сейчас получено мною известие, что В. А. Жуковский писал вам о моем аневризме и просил вас приехать во Псков для совершения операции. Умоляю вас, ради бога, не приезжайте и не беспокойтесь обо мне. Операция, требуемая аневризмом, слишком маловажна, чтоб отвлечь человека знаменитого от его занятий и местопребывания. Благодеяние ваше было бы мучительно для моей совести. Я не должен и не могу согласиться принять его.

ПУШКИН — проф. И. Ф. Мойеру, знаменитому дерптскому хирургу, 29 июля 1825 г., из Михайловского.

У нас очень дождик шумит, ветер шумит, лес шумит, шумно, а скучно!

ПУШКИН — П. А. Плетневу, в нач. авг. 1825 г.

До сих пор ты тратил жизнь с недостойною тебя и с оскорбительною для нас расточительностью, тратил и физически, и нравственно. Пора уняться. Она была очень забавною эпиграммою, но должна быть возвышенною поэмою.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — Пушкину, 9 авг. 1825 г., из Петербурга. *Переп. Пушкина*, I, 258.

Я совершенно один; царь позволил мне ехать во Псков для операции моего аневризма, и Мойер хотел ко мне приехать,—но я просил его не беспокоиться и думаю, не тронуть из моей деревни. Друзья мои за меня хлопотали против воли моей, и, кажется, только испортили мою участь.

ПУШКИН — В. И. Туманскому, 13 авг. 1825 г., из Михайловского.

Здесь мне Кюхельбекерю; согласен, что жизнь моя сбивалась иногда на эпиграмму, но вообще она была элегией в роде Коншина.

ПУШКИН — В. А. Жуковскому, 17 авг. 1825 г.

Пушкин и Вульф положили учредить между собою символическую переписку, основанием которой должна была служить тема о судьбе коляски, будто бы взятой Вульфом для переезда. Положено было так: в случае согласия Мойера замолвить слово перед маркизом Паулуччи о Пушкине, Вульф должен был уведомить Пушкина по почте о своем намерении выслать коляску обратно в Псков. Наоборот, если бы Вульф заявил решимость удер-

жать ее в Дерпте, это означало бы, что успех сомнителен. На Вульфа возложена была также обязанность передавать Пушкину относящиеся до него новости, приняв за условную тему корреспонденции проект издания полных сочинений Пушкина в Дерпте.

П. В. АННЕНКОВ. *П-н в алекс. эпоху*, 288.

Я не успел благодарить вас за дружеское старание о проклятых моих сочинениях, чорт с ними, и с цензором, и с наборщиком, и с *tutti quanti* — дело теперь не о том. Друзья мои и родители вечно со мною проказят. Теперь послали мою коляску к Мойеру с тем, чтобы он в ней ко мне приехал и опять уехал и опять прислал назад эту бедную коляску. Вразумите его. Дайте ему от меня честное слово, что я не хочу этой операции. А об коляске, сделайте милость, напишите мне два слова, что она? где она etc. —

ПУШКИН — Ал. Н. Вульфу, в конце авг. 1825 г., из Михайловского.

Вообще Пушкин был очень прост во всем, что касалось собственно до внешней обстановки. Одевался он довольно небрежно, заботясь преимущественно только о красоте длинных своих ногтей. Иметь простую комнату для литературных занятий было у него даже потребностью таланта и условием производительности. Он не любил картин в своем кабинете, и голая серенькая комната давала ему более вдохновения, чем роскошный кабинет с эстампами, статуями и богатой мебелью, которые обыкновенно развлекали его... Утро Пушкин посвящал литературным занятиям: созданию и приуготовительным его трудам, чтению, выпискам, планам. Осенью, — эту всегдашнюю эпоху его сильной производительности, — он принимал чрезвычайные меры против рассеянности и вообще красных дней: он не покидал постели или не одевался вовсе до обеда. По замечанию одного из его друзей, он и в столицах оставлял до осенней деревенской жизни исполнение всех творческих своих замыслов и, в несколько месяцев сырой погоды, приводил их к окончанию. Пушкин был, между прочим, неутомимый ходок пешком и много ездил верхом, но во всех его прогулках поэзия неразлучно сопутствовала ему. Раз, возвращаясь из соседней деревни верхом, обдумал он всю сцену свидания Дмитрия с Мариной в «Годунове». Какое-то обстоятельство помешало ему положить ее на бумагу тотчас же по приезде, а когда он принялся за нее через две недели, многие черты прежней сцены изгладились из памяти его. Он говорил потом друзьям своим, восхищавшимся этою сценою, что первоначальная сцена, совершенно оконченная в уме его, была несравненно выше, несравненно превосходнее той, какую он писал.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 111—112.

Пушкин сказывал Нащокину, что сцену у фонтана он сочинил, едуци куда-то на лошади верхом. Приехав домой, он не нашел пера, чернила высохли, это его раздосадовало, и сцена была записана не раньше, как недели через три; но в первый раз сочиненная им, она, по собственным его словам, была несравненно прекраснее.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рассказы о П-не*, 44.

С соседями Пушкин не знакомился... В досужное время он в течение дня много ходил и ездил верхом, а вечером любил слушать русские сказки и тем, — говорил он, — вознаграждал недостатки своего французского воспитания. Вообще образ его жизни довольно походил на деревенскую жизнь

Онегина. Зимой он, проснувшись, также садился в ванну со льдом, а летом отправлялся к бегущей под горой реке, также играл в два шара на бильярде, также обедал поздно и довольно прихотливо. Вообще он любил придавать своим героям собственные вкусы и привычки. Нигде он так не выразился, как в описании Чарского (см. «Египетские Ночи»).

Л. С. ПУШКИН (брат поэта). *Л. Майков*, 11

Что, может быть, неизвестно будет потомству, это то, что Пушкин с самой юности до гроба находился вечно в неприятном или стесненном положении, которое убило бы все мысли в человеке с менее твердым характером. Сосланный в псковскую деревню, он имел там развлечением старую няню, коня и бильярд, на котором играл один тупым кием. Его дни тянулись однообразно и бесцветно. Встав поутру, погружался он в холодную ванну и брал книгу или перо; потом садился на коня и скакал несколько верст, слезая, уставший ложился в постель и брал снова книги и перо; в минуты грусти перекачивал шары на бильярде или призывал старую няню рассказывать ему про старину, про Ганнибалов, потомков Арапа Петра Великого. Так прошло несколько лет юности Пушкина, и в эти дни скуки и душевной тоски он написал столько светлых восторженных песен, в которых ни одно слово не высказало изменчиво его уныния.

Н. М. СМЕРНОВ. Из памятных заметок. *Рус. Арх.*, 1882, I, 230.

Вставая рано, Пушкин тотчас принимался за дело. Не кончив утренних занятий своих, он боялся одеться, чтобы преждевременно не оставить кабинета для прогулки. Перед обедом, который откладывал до самого вечера, прогуливался во всякую погоду.

П. А. ПЛЕТНЕВ. *Соч.*, т. I, 375.

Вы, вероятно, знаете, Байрон так метко стрелял, что на расстоянии 25 шагов утыкивал всю розу пулями. Пушкин, по крайней мере в те года, когда жил здесь, в деревне, решительно был помешан на Байроне; он его изучал самым старательным образом и даже старался усвоить себе многие привычки Байрона. Пушкин, например, говаривал, что он ужасно сожалеет, что не одарен физической силой, чтобы делать, например, такие подвиги, как английский поэт, который, как известно, переплыл Геллеспонт... А чтобы сравняться с Байроном в меткости стрельбы, Пушкин вместе со мною сажал пули в звезду над нашими воротами. Между прочим, надо и то сказать, что Пушкин готовился одно время стреляться с известным так наз. «американцем» Толстым... Где-то в Москве Пушкин встретился с Толстым за карточным столом. Была игра. Толстой передернул. Пушкин заметил ему это.— «Да я сам это знаю,— отвечал ему Толстой; — но не люблю, чтобы мне это замечали». Вследствие этого Пушкин намеревался стреляться с Толстым, и вот, готовясь к этой дуэли, упражнялся со мною в стрельбе.

АЛ. Н. ВУЛЬФ в передаче М. И. Семева. *Спб. Вестн.*, 1866, № 139.

В усадьбе, оказалось, жив еще один старик, Петр, служивший кучером у Александра Сергеевича. Старик он лет за 60, еще бодрый, говорит хорошо, толково.

— Наш Ал. С—ч никогда этим не занимался, чтоб слушать доклады приказчика. Всем староста заведывал; а ему, бывало, все равно, хошь мужик спи, хошь пей; он в эти дела не входил. Ходил этак чудно: красная рубашка

на нем, кушаком подвязана, штаны широкие, белая шляпа на голове: волос не стриг, ногтей не стриг, бороды не брил,— подстрижет эдак макушечку, да и ходит. Палка у него завсегда железная в руках, девять фунтов весу; уйдет в поля, палку вверх бросает, ловит ее налету. А не то дома вот с утра из пистолетов жарит, в погреб, вот тут за баней, да раз сто эдак и выпалит в утро-то.— А на охоту ходил он?— Нет, охотиться не охотился: так все в цель жарил...— Хорошо плавал Александр Сергеевич?— Плавать плавал, да не любил долго в воде оставаться. Бросится, уйдет во глубь и — назад. Он и зимою тоже купался в бане: завсегда ему была вода в ванне приготовлена. Утром встанет, пойдет в баню, прошибет кулаком лед в ванне, сядет, окатится, да и назад; потом сейчас на лошадь и гоняет тут по дугу; лошадь взмылит и пойдет к себе. Он все с Ариной Родионовной, коли дома. Чуть встанет утром, уже бежит ее глядеть: «здорова ли мама?». Он ее все *мама* называл. А она ему, бывало, эдак нараспев (она ведь из-за Гатчины у них взята, с Суйды, там эдак все певком говорят): «Батюшка ты, за что ты меня все мамой зовешь, какая я тебе мать?» — Разумеется, ты мне мать: не то мать, что родила, а то, что своим молоком вскормила ¹⁾. — И уж чуть старуха занеможет там что ли, он уж все за ней.

К. Я. ТИМОФЕЕВ. Могилы Пушкина и село Михайловское. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1859, т. 103, отд. II, 144—150.

Пушкин за время этих двух лет дома вел жизнь однообразную; все, бывало, пишет что-нибудь или читает разные книги. К нему изредка приезжали его знакомые, а иногда приходили монахи из монастыря, а если он когда выходил гулять, то всегда один и обязательно всегда пешком. Он любил гулять около крестьянских селений и слушал крестьянские рассказы, шутки и песни. В свое домашнее хозяйство он не входил никогда, как будто это не его дело, и не он хозяин. Во время бывших в Святогорском монастыре ярмарок, Пушкин любил ходить, где более было собравшихся старцев (нищих). Он, бывало, вмешается в их толпу и поет с ними разные припевки, шутит с ними и записывает, что они поют, а иногда даже переодевался в одежду старца и ходил с нищими по ярмарке... На ярмарке его всегда можно было видеть там, где ходили или стояли толпою старцы, а иногда ходил задумавшись, как-будто кого или чего ищет.

А. Д. СКОРОПОСТ, заштатный псаломщик, по записи послушника Святогорского монастыря Владимирова. *Рус. Арх.*, 1892, I, 96.

Когда Пушкин приехал в Михайловское, он никакого внимания не обращал на свое сельское и домашнее хозяйство; ему было все равно, где находились его крепостные и дворовые крестьяне, на его ли работе (барщине) или у себя в деревне. Это было как-будто не его хозяйство. Его можно было видеть гулявшим по дороге около деревень или в лесу. Бывало, идет А. С. Пушкин, возьмет свою палку и кинет вперед, дойдет до нее, подымет и опять бросит вперед, и продолжает другой раз кидать ее до тех пор, пока приходил домой в село... Он всегда любил ходить пешком, и очень редко его можно было видеть ехавшим в экипаже. Больше же его можно было видеть одного гулявшим, но в крестьянские избы никогда не заходил, а любил иногда разговаривать с крестьянами на улице.

АФАНАСИЙ, крестьянин дер. Гайки, по записи Владимирова. *Рус. Арх.*, 1892, I, 97.

¹⁾ Арина Родионовна не была кормилицей Пушкина.

Жил он один, с господами не вязался, на охоту с ними не ходил, с соседями не бражничал, крестьян любил. И со всеми, бывало, ласково, похорошему обходился. Ребятишки в летнюю пору собирают ягод, понесут ему продавать, а он деньги заплатит и ягоды им же отдаст: «кушайте, мол, ребятки, сами; деньги, все равно, уплачены».

ИВАН ПАВЛОВ, крестьянин, дер. Богомолы, по записи Евг. Шведера. *Ист. Вест.*, 1908, № 10, стр. 137.

Я с ним не раз и купался вместе в речке Сороти. В жаркие дни он покупаться любил... Был я с лакеем Александра Сергеича приятель, с Яким Архиповым, а он и на Кавказе с Александром Сергеичем был... С мужиками он больше любил знаться, но и господа к нему по вечерам наезжали и с барынями,— тогда фейерверки да ракеты пуцали, да огни,— и с пушки палили для потехи. Пушка такая для потехи стояла всегда около ворот, еще с давнишних пор. Как же, дескать: у Пушкиных, да без пушки? Как увидит, девки навоз возят,— всем велит вокруг сойти да песни петь, а сам слушает, да чего-то пишет, а после денег даст. Много по полям да по рощам гулял, и к мужикам захаживал для разговора. Он мужицкие разговоры любил.— Был он в те поры к нам прислан: под началом приходился; а он никого не боялся. С жандармом дерзко разговаривал.

ИВАН ПАВЛОВ, по записи А. Мошина. *А. Мошин. Новое об 11 великих писателях*, 27—29.

Пушкин очень часто бывал у покойницы нашей барыни (*П. А. Осиповой*), почти что каждодневно... Добрый был да ласковый, но только немного тронувшись был: идет, бывало, из усадьбы с нашими барышнями по Тригорскому с железной такой палочкой. Надо полагать, от собак он брал ее с собой. Бросит ее вверх, схватит свою шляпу с головы и почнет бросать на землю, али опять вверх, а сам подпрыгивает да прискакивает. А то еще чудней: раз это иду я по дороге в Зуево (*Михайловское*), а он мне навстречу; остановился вдруг ни с того, ни с сего, словно столбняк на него нашел, ажню я испугался, да в рожь и спрятался, и смотрю; он вдруг почал так громко разговаривать промеж себя на разные голоса, да руками все так разводит,— совсем как тронувшийся... Частенько мы его видали по деревням на праздниках. Бывало, придет в красной рубашке и смазных сапогах, станет с девками в хоровод и все слушает да слушает, какие это они песни спевают, и сам с ними пляшет и хоровод водит.

СТАРИК-КРЕСТЬЯНИН СЕЛА ТРИГОРСКОГО, по записи И. А. Вв—ского. *Витебские Ведомости*, 1899, № 27.

Плохие кони у Пушкина были, вовсе плохие! Один был вороной, а другой гнедко... гнедой — Козьяком звали... по мужику, у которого его жеребеночком взяли. (Козьяк или, вернее, Козляк — также название болотного гриба). Этот самый Козьяк совсем дрянной конь был, а только долго жил. А вороной, тот скоро подох.

МИХАЙЛОВСКИЙ СТАРИК-КРЕСТЬЯНИН по записи И. Л. Щеглова. *Новое о Пушкине*. СПб. 1902, стр. 202.

Пушкин любил ходить на кладбище, когда там «голосили» над могилками бабы и прислушиваться к бабьему «причитанию», сидя на какой-нибудь могилке.— На ярмарке в Святых Горах Пушкин любил разгуливать среди народа и останавливаться у групп, где нищие тянули «Лазаря», или где парни и девушки водили хоровод, плясали, или где крестьяне перебранивались и спорили. Пушкин простаивал с народом подолгу, заложив руки за спину,

в одной руке у него была дощечка с наложенной бумагой, а в другой — карандаш. Заложив руки назад, Пушкин записывал, незаметно для других, передвигая пальцами левой руки бумагу на дощечке, а правой водил карандашом. — Пушкин летом устроил себе кабинет в «бане» и там работал. Когда Пушкин в этой «бане» запирался, слуга не впускал туда никого, ни по какому поводу: никто не смел беспокоить поэта. В эту баню Александр Сергеевич удалялся часто совершенно неожиданно для лиц, с которыми он только что беседовал. В барском доме было однажды вечером много гостей: Пушкин с кем-то крупно поговорил, был очень раздражен и вдруг исчез из общества. Кто-то, зная привычки поэта, полюбопытствовал, что он делает, и подкрался к освещенному окну бани. И вот что он увидел: поэт находился в крайнем волнении, он быстро шагал из угла в угол, хватался руками за голову; подошел к зеркалу, висевшему на стене, и жестикулировал перед зеркалом, сжимая кулаки. Потом вдруг сел к письменному столу, писал несколько минут. Вдруг вскакивал, опять шагал из угла в угол и опять размахивал руками и хватался за голову.

ДАН СЕРГ. СЕРГЕЕВ-РЕМЕЗОВ по записи А. Н. Мошина. А. Мошин. *Новое об 11 великих писателях.* Спб. 1908, стр. 71—20.

Пушкин, живя в деревне, мало сталкивался с народом. Бывало, едем мы все с прогулки, и Пушкин, разумеется, с нами: все встречные мужики и бабы кланяются нам, на Пушкина же и внимания не обращают, так что он, бывало, не без досады заметит, — что это, на меня-де никто и не взглянет? А его и действительно крестьяне не знали. Он только ночевал у себя в Михайловском, да утром, лежа в постели, писал свои произведения; затем появлялся в Тригорском и в нашем кругу проводил все свое время.

Бар. ЕВПР. Н. ВРЕВСКАЯ (урожд. ВУЛЬФ) в передаче М. И. Семевского. Спб. *Ведом.*, 1866, № 139.

Папенька мой тут (в *Вороничах*) священником был, по имени Ларивон, по фамилии Раевский, только его все больше по прозвищу звали, — Шкода. Его очень любил Ал. С-ч. Виделись они почти каждый день. Как папенька день или два к нему не поедет, глядишь, и сам А. С. к нам жалуется... — «Что же это, — говорит, — поп, ко мне не заглядываешь?..». В парк Михайловский тоже, бывало, никого не допускали, а мне можно было ходить. Пойдем мы утром, чуть свет, с девушкой грибы собирать, — грибов там белых страсть сколько было, — смотришь, а А. С. уж вставши, идет навстречу и окликает: «кто это здесь?» Увидит меня, улыбнется. — «А, это ты, — скажет, — поповна? Ну, давай-ка, я помогу вам собирать грибы». Вот и начнет ходить по парку, палкой указывает, где больше грибов, зовет: «сюда, поповна, сюда, смотри, сколько их!» Насобираешь корзину и станешь просить: «бабушка А. С., вы бы хоть себе грибочков на фриштык отобрали!» А А. С. улыбнется и спрашивает: «вас сколько собиральщиц?» — «Да две всего!» — говорю. — «Ну, а у меня их двадцать!» Так и уйдет. И к нам, как приезжал, никогда не выпьет и не откушает, а все папеньку к себе зазывает. Благодетелем он нашим был. Однажды возьми и подари папеньке семь десятинок. И сейчас же сам тут написал бумагу, что дарю, мол, священнику Раевскому семь десятин в вечное владение. А как был у нас пожар, так и сгорела эта бумага. Не стало нашего благодетеля, и отняли у меня землю.

АКУЛИНА ЛАРИОНОВНА СКОРОПОСТИЖНАЯ, по записи Евг. Шведера. Пушкинские ветераны. *Ист. Вест.*, 1908, № 10, стр. 140.

Покойный Ал. С-вич очень любил моего тятеньку («попа Шкоду»). И к себе в Михайловское приглашали, и сами у нас бывали совсем запросто. Под'едет верхом к дому и в окошко плетью цок: «Поп у себя?» — спрашивает (старуха произнесла это энергично, с достоинством закинув голову, видимо, подражая манере Пушкина). А если тятенька не случится дома, всегда прибавит: «скажи, красавица, чтоб непременно ко мне наведался, мне кой о чем потолковать с ним надо!». И очень они любили с моим тятенькой толковать; хотя он был совсем простой человек, но ум имел сметливый, и крестьянскую жизнь и всякие крестьянские пословицы и притворы весьма примечательно знал. Только вот насчет божественного они с тятенькой не всегда сходились, и много споров у них через это выходило. Другой раз тятенька вернется из Михайловского туча тучей, шапку швырнет: — «Разругался я, — говорит, — сегодня с михайловским баринном вот до чего, — ушел, даже не попрощавшись... Книгу он мне какую-то богопротивную все совал, — так и не взял, осердился!» А глядишь, двух суток не прошло, — Пушкин сам катит на Воронич, в окошко плеткой стучит. — «Дома поп? — спрашивает. — Скажи, — говорит, — я мириться приехал». Простодушный был барин, отходчивый... Как был одет? Обыкновенно, как, — по-настоящему, по-барскому: брюки в одну полосу, завсегда во фраке, и ногти большущие, пребольшущие!.. А и потешник же был покойник. Иной раз вдруг возьмет, покрестьянскому переоденется и в село на ярмарку отправится. Мужик мужиком, в армяке с круглым воротом, красный шелковый кушак у пояса... И как где много серого народу собравшись, — он тут, как тут... А они знай по-своему козыряют, всякие шутки промежду себя пропускают. Вот чудил покойник, вот чудил! Раз увязался со мной в рощу по грибы... Пойдем, говорит, грибы собирать, красавица, — у меня, говорит, острый глаз на всякий гриб!.. Наберешь грибов, болтая с таким краснобаем! Какие уж там грибы, — все больше шутки шутил... Кузов-то вовсе пустой принести пришлось... Никогда он не был красивый. Так, здоровый был на вид, полный, а только такой обрюзгший. А как в последний раз в Михайловское приезжал, что-то уж больно вдруг постарел, — видно, не сладко ему жилось в Петербурге.

АКУЛ. ЛАР. СКОРОПОСТИЖНАЯ, по записи
И. Л. Щеглова. *Новое о Пушкине*. 58—62.

Помню его: приезжал на красивой высокой лошади и был он во фраке с хвостом и под шеей широкий белый галстух-платок. Когда папеньку заставлял, сживал у него, но ничего не ел и не пил у нас. Папеньку тащил к себе закусывать и чай пить. — Чаще всего я видела его даже и в лесу — все во фраке с хвостом, да в широком белом галстухе. А как на ярмарку отправлялся, то просто в рубахе, а то видела, — в шинели серонемецкого сукна, с бархатным воротником, и подпоясан был широким красным поясом, а концы длинные сзади заткнуты.

АК. ИЛ. СКОРОПОСТИЖНАЯ, по записи Мошина.
А. Н. Мошин. *Новое об 11 писателях*, 22—24.

В 1825 году (в перв. полов. сент.) князь А. Мих. (Горчаков, лицейский товарищ Пушкина, будущий канцлер) возвратился в Россию из Спа, где лечился. Он посетил своего дядю, Пещурова, который жил в своей вотчине, Псковской губ., в селе Лямонове. Пещуров принимал большое участие в судьбе Пушкина, жившего в изгнании в деревне. По приезде его из Одессы к поэту был приставлен полицейский чиновник с специальной обязанностью наблюдать, чтобы Пушкин ничего не писал предосудительного. Понятно, как раздражал Пушкина этот надзор. Пещуров, из любви к нему, ходатайствовал у маркиза Паулуччи (тогдашнего рижского генерал-губернатора) о том, чтобы

этот надзор был снят, а Пушкин отдан ему на поруки, обещая, что поэт ничего дурного не напишет. Ходатайство имело успех, и Пушкин вздохнул свободнее.

Узнав о приезде кн. Горчакова, Пушкин тотчас приехал из Михайловского в Лямоново. Целый день провел он у Пещурова и, сидя на постели вновь захворавшего кн. Горчакова, читал ему отрывки из «Бориса Годунова» и, между прочим, наброски сцены между Пименом и Григорием.— «Пушкин вообще любил читать мне свои вещи,— заметил князь с улыбкой,— как Мольер читал комедии своей кухарке». В этой сцене кн. Горчаков помнит, что было несколько стихов, в которых проглядывала какая-то изысканная грубость и говорилось что-то о «слонях». Он заметил Пушкину, что такая искусственная тривиальность довольно неприятно отделяется от общего тона и слога, которым писана сцена... — «Вычеркни, братец, эти слони. Ну, к чему они тут?» — «А посмотри у Шекспира и не такие еще выражения попадаются»,—возразил Пушкин.—«Да, но Шекспир жил не в XIX веке и говорил языком своего времени»,— заметил князь. Пушкин подумал и переделал свою сцену.

Кн. А. И. УРУСОВ со слов кн. А. М. Горчакова.
1883, Рус. Арх., II, 205—206.

Горчаков доставит тебе мое письмо. Мы встретились и расстались довольно холодно,— по крайней мере, с моей стороны. Он ужасно высох... От нечего делать я прочел ему несколько сцен из моей комедии, попросил его не говорить об них, не то об ней заговорят, а она мне опротивит, как мои Цыганы, которых я не мог докончить по сей причине.

ПУШКИН — кн. П. А. Вяземскому, пер. пол. сент.
1825 г.

Н. С. Мосолов чрезвычайно любил Пушкина и рассказывал, что, встретив дядю поэта, Василия Львовича, поздравил его с знаменитым племянником. Вас. Львович отвернулся и проговорил: «Есть с чем! Он негодяй ¹⁾».

ОЛЬГА Н. (С. В. НОВОСИЛЬЦЕВА-ЭНГЕЛЬ-ГАРДТ). Из воспоминаний. Рус. Вест., 1887, № 11, стр. 161.

Тетушка Прасковья Александровна (Осипова) сказала однажды Пушкину: «Что тут такого остроумного в ваших стихах: «Ах, тетушка, ах, Анна Львовна!» Пушкин ответил ей фразой,— такой оригинальной, такой

¹⁾ Негодование Вас. Львовича было вызвано, очевидно, «элегней», сочиненной Пушкиным совместно с Дельвигом на смерть Анны Львовны, сестры Вас. Львовича и тетки Ал. Сер-ча. Она начиналась

Ох, тетенька! Ох, Анна Львовна,
Василья Львовича сестра!

И кончалась:

Увы! Зачем Василий Львович
Твой гроб стихами обмочил,
Или зачем подлец попович
Его Красовский пропустил!

Эту элегию Пушкин послал Вяземскому в апреле 1825 года. Вяземский в ответ писал: «Если Ах, тетушка, Ах, Анна Львовна! попадет на глаза Вас. Львовичу, то заготовь другую песню, потому что он, верно, не перенесет удара». Про элегию эту Вас. Львович узнал, повидимому, в августе-сент. 1825 года.

для него характерной: «Я надеюсь, сударыня, что мне и барону Дельвигу разрешается не всегда быть умным».

А. П. КЕРН. *Л. Майков*, 256 (фр.).

По-гишпански не знаю.

ПУШКИН — П. А. Катенину, перв. пол. сент. 1825 г.

Мне нужен английский язык,— и вот одна из невыгод моей ссылки: не имею способов учиться, пока пора. Грех гонителям моим! И я, как А. Шенье, могу ударить себя в голову и сказать: il y avait quelque chose là... Извини эту поэтическую похвальбу и прозаическую хандру. Мочи нет, сердит: не выпался и не вы... ся.

ПУШКИН — кн. П. А. Вяземскому, перв. пол. сент. 1825 г.

В Пскове Пушкин ходил по базарам, терся между людьми, и весьма почтенные люди города видели его переодетым в мещанский костюм, в котором он даже раз явился в один из почетных домов Пскова.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 151.

Трагедия моя (*Борис Годунов*) кончена, я перечел ее вслух, один, бил в ладоши и кричал: ай-да Пушкин, ай-да сукин сын!

ПУШКИН — кн. П. А. Вяземскому, нач. окт. 1825 г.

Когда я вру с женщинами, я их уверяю, что я с Якубовичем разбойничал на Кавказе, простреливал Грибоедова, хоронил Шереметева, etc.

ПУШКИН — А. А. Бестужеву, 30 ноября 1825 г.

В Пушкине был грешок похвастать в разговорах с дамами. Пред ними он зачастую любил порисоваться.

АЛ. Н. ВУЛЬФ в передаче М. И. Семеvского. *Слб. Ведомости*, 1866, № 163.

Если я друзей моих не слишком отучил от ходатайства, вероятно они вспомнят обо мне... Если брать, так брать. Ради бога, не просить у царя позволения мне жить в Опочке или в Риге — чорт ли в них,— а просить или о в'езде в столицу или о чужих краях. В столицу хочется мне для вас, друзья мои,— хочется с вами еще перед смертью поврать; но, конечно, благоразумнее бы отправиться за море. Что мне в России делать?

ПУШКИН — П. А. Плетневу, в перв. пол. дек. 1825 г., из Михайловского.

В конце 1825 года находился я в деревне и, перечитывая «Лукрецию», довольно слабую поэму Шекспира, подумал: что если бы Лукреция пришла в голову мысль дать пощечину Тарквинию? Быть может, это охладило бы его предприимчивость, и он со стыдом принужден был отступить. Лукреция бы не зарезалась, Публикола не взбесился бы—и мир и история мира были бы не те.— Мысль пародировать историю и Шекспира мне представилась,

и я не мог воспротивиться двойному искушению, и в два утра (12 и 13 декабря) написал эту повесть («Графа Нулина»).

ПУШКИН.

Однажды Ал. Серг-вич получает от Пуштина из Москвы письмо, в котором сей последний извещает его, что едет в Петербург и очень бы желал увидаться там с Ал. С-чем. Не долго думая, пылкий поэт мигом собрался и поскакал в столицу. Недалеко от Михайловского, при самом почти выезде, попался ему на дороге поп, и Пушкин, будучи суеверен, сказал при сем: «не будет добра!» и вернулся в свой мирный уединенный уголок. Это было в 1825 году, и провидению угодно было осенить своим покровом нашего поэта. Он был спасен!

Н. И. ЛОРЕР (декабрист) со слов Л. С. Пушкина (брата поэта). *Н. И. Лорер. Записки моего времени. Воспоминание о прошлом. Рукопись, находящаяся в библиотеке Коммунистической Академии. Часть I, стр. 425 ¹⁾.*

Осень и зиму 1825 года,— так рассказывает одна из дочерей П. А. Осиповой,— мы мирно жили у себя в Тригорском. Пушкин, по обыкновению, бывал у нас почти каждый день, и если, бывало, заработается и засидится у себя дома, так и мы к нему с матушкой ездим... Вот однажды, под вечер, зимой,— сидели мы все в зале, чуть ли не за чаем. Пушкин стоял у печки. Вдруг матушке докладывают, что приехал Арсений. У нас был человек Арсений, повар. Обыкновенно каждую зиму посылали мы его с яблоками в Петербург: там эти яблоки и разную деревенскую провизию Арсений продавал и на вырученные деньги покупал сахар, вино и т. п. нужные для деревни запасы. На этот раз он явился назад совершенно неожиданно: яблоки продал и деньги привез, ничего на них не купив. Оказалось, что он в переполохе приехал даже на почтовых... Арсений рассказал, что в Петербурге бунт, всюду раз'езды и караулы, насилие выбрался за заставу, нанял почтовых и поспешил в деревню. Пушкин, услыша рассказ Арсения, страшно побледнел. В этот вечер он был очень скучен и говорил кое-что о существовании тайного общества,— но что именно, не помню. На другой день слышим,— Пушкин быстро собрался в дорогу и поехал; но, доехав до погоста Врева, вернулся назад. Гораздо позднее мы узнали, что он отправился было в Петербург, но на пути заяц три раза перебежал ему дорогу, а при самом от'езде из Михайловского Пушкину попалось навстречу духовное лицо. И кучер, и сам барин сочли это дурным предзнаменованием. Пушкин отложил свою поездку, а между тем подошло известие о начавшихся в столице арестах, что окончательно отбило в нем желание ехать туда.

М. И. СЕМЕВСКИЙ. Прогулка в Тригорское. *Слб. Введ.*, 1866, № 157.

Вот рассказ Пушкина, не раз слышанный мною при посторонних лицах. Известие о кончине императора Александра I и происходивших вслед-

¹⁾ Большая часть воспоминаний Лорера, находящихся в этой рукописи, напечатана в «Русском Архиве» за 1874 год и в «Русском Богатстве» за 1904 год (№№ 3, 6 и 7). Отрывок, в котором Лорер, со слов Льва Пушкина, сообщает ряд сведений об Ал. Серг-че, почему-то был выпущен Бартеневым при напечатании соответственной части рукописи в его журнале. Отрывок этот (другие сообщения о Пушкине, в нем находящиеся, приводятся мною в соответственных местах предлагаемой книги) следует в рукописи за абзацем, оканчивающимся словами: «...за столом подали шампанское, и (Лев) Пушкин был весел и любезен» (Рус. Арх., 1874, I, стр. 387). За указание на эту рукопись приношу мою сердечную благодарность М. В. Нечкиной.

ствие одного колебаниях о престолонаследии дошло до Михайловского около 10 дек. Пушкину давно хотелось увидиться с его петербургскими приятелями. Рассчитывая, что при таких важных обстоятельствах не обратят строго внимания на его непослушание, он решился отправиться в Петербург... Он положил заехать сперва на квартиру к Рылееву, и от него записать сведениями. Итак Пушкин приказывает готовить повозку, а слуге собираться с ним в Питер; сам же едет проститься с Тригорскими соседками. Но вот, на пути в Тригорское, заяц перебегает через дорогу; на возвратном пути, из Тригорского в Михайловское,— еще раз заяц! Пушкин в досаде приезжает домой; ему докладывают, что слуга, назначенный с ним ехать, заболел вдруг белой горячкой. Распоряжение поручается другому. Наконец, повозка заложена, трогаются от под'езда. Глядь, в воротах встречается священник, который шел проститься с от'езжающим баринном. Всех этих встреч не под силу суеверному Пушкину; он возвращается от ворот домой и остается у себя в деревне.

«А вот каковы были бы последствия моей поездки,— прибавлял Пушкин.—Я рассчитывал приехать в Петербург поздно вечером, чтобы не огласился слишком скоро мой приезд, и следовательно попал бы к Рылееву прямо на совещание 13 декабря. Меня приняли бы с восторгом; вероятно, я попал бы с прочими на Сенатскую площадь, и не сидел бы теперь с вами, мои милые!»

М. П. ПОГОДИН. *Простая речь о мудреных вещах*. Изд. 3. Москва, 1875. Отд. II, стр. 24.

О предполагаемой поездке Пушкина инкогнито в Петербург в дек. 1825 г. верно рассказано Погодиным в книге его «Простая речь». Так я слышал от Пушкина. Но, сколько помнится, двух зайцев не было, а только один. А главное, что он бухнулся бы в самый кипяток мятежа у Рылеева в ночь с 13-го на 14 декабря: совершенно верно.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — Я. К. Гроту в 1874 г.
К. Я. Грот. *Пушкинский лицей*. СПб. 1811. Стр. 107.

В 1821 году начал я мою биографию и несколько лет сряду занимался ею. В конце 1825 года, при открытии несчастного заговора, я принужден был сжечь свои тетради, которые могли замешать имена многих, а может быть, и умножить число жертв. Не могу не сожалеть об их потере, они были бы любопытны: я в них говорил о людях, которые после сделались историческими лицами, со всею откровенностью дружбы или короткого знакомства.

ПУШКИН. *Родословная Пушкиных и Ганнибалов*. 1830 г.

Вероятно правительство удостоверилось, что я заговору не принадлежу и с возмутителями 14 дек. связей политических не имел,—но оно в журналах объявило опалу и тем, которые, имея какие-нибудь сведения о заговоре, не объявили о том полиции. Но кто же кроме правительства и полиции не знал о нем? О заговоре кричали по всем переулкам, и это одна из причин моей безвинности. Всетаки я от жандарма еще не ушел, легко может, уличат меня в политических разговорах с каким-нибудь из обвиненных. А между ими друзей моих довольно. Теперь положим, что правительство и захочет прекратить мою опалу, с ним я готов условливаться (буде условия необходимы), но вам решительно говорю не отвечать и не ручаться за меня. Мое будущее поведение зависит от обстоятельств, от обхождения со мною правительства, etc... Кажется, можно сказать царю: ваше вели-

Алексей Николаевич
ВУЛЬФ
(в гусарском мундире)

Акварель Н. Шаде.

ИНЛИ.

Николай Михайлович
ЯЗЫКОВ

чество, если Пушкин не замешан, то нельзя ли наконец позволить ему вернуться?

ПУШКИН — В. А. Жуковскому, во втор. пол. янв. 1826 г., из Михайловского.

Не может ли Жуковский узнать, могу ли я надеяться на высочайшее снисхождение, я шесть лет нахожусь в опале, а что ни говори, мне всего 26. Покойный император в 1824 г. сослал меня в деревню за две строчки нерелигиозные, — других художеств за собою не знаю. Ужели молодой наш царь не позволит удалиться куда-нибудь потеплее? — если уж никак нельзя мне показаться в Петербурге, — а? Прости, душа, скучно, — мочи нет.

ПУШКИН — П. А. Плетневу, во втор. пол. янв. 1826 г.

Конечно, я ни в чем не замешан, и, если правительству досуд подумать обо мне, то оно в том легко удостоверится. Но просить мне как-то совестно, особенно ныне; образ мыслей моих известен. Гонимый шесть лет сряду, замаранный по службе выключкою, сосланный в глухую деревню за две строчки пережваченного письма, я конечно не мог доброжелательствовать покойному царю, хотя и отдавал полную справедливость истинным его достоинствам. Но никогда я не проповедывал ни возмущений, ни революции, — напротив. Как бы то ни было, я желал бы вполне и искренно помириться с правительством, и конечно, это ни от кого, кроме его, не зависит. В этом желании более благоразумия, нежели гордости с моей стороны.

ПУШКИН — бар. А. А. Дельвигу, в перв. пол. февр. 1826 г., из Михайловского.

Вступление на престол государя Николая Павловича подает мне радостную надежду. Может быть, его величеству угодно будет переменить мою судьбу. Каков бы ни был мой образ мыслей, политический и религиозный, я храню его про самого себя и не намерен безумно противоречить общепринятому порядку и необходимости.

ПУШКИН — В. А. Жуковскому, 7 марта 1826 г.

Ты ни в чем не замешан, это правда. Но в бумагах каждого из действовавших (т.-е. декабристов) находятся стихи твои. Это худой способ подружиться с правительством... Не просись в Петербург. Еще не время. Пиши Годунова и подобное: они отворят дверь свободы.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — Пушкину, 12 апр. 1826 г., *Переп. Пушкина*, I, 340.

(В апреле 1826 г.) Лев Сергеевич (Пушкин) сказал мне, что брат его связался в деревне с кем-то и обращается с предметом, — и уже не стихами, а практической прозой.

И. П. ЛИПРАНДИ. *Рус. Арх.*, 1866, стр. 1489.

Письмо это тебе вручит очень милая и добрая девушка, которую один из твоих друзей неосторожно обрюхатил. Полагаюсь на твое человеколюбие и дружбу. Приюти ее в Москве и дай ей денег, сколько ей понадобится, — а потом отправь ее в Болдино. Ты видишь, что тут есть о чем написать целое послание во вкусе Жуковского о поле; но потомству не нужно знать

о наших человеколюбивых подвигах. При сем с отеческою нежностью прошу тебя позаботиться о будущем малютке, если то будет мальчик. Отсылать его в воспитательный дом мне не хочется, — а нельзя ли его покамест отдать в какую-нибудь деревню. Милый мой, мне совестно, ей-богу, но тут уж не до совести.

ПУШКИН — кн. П. А. Вяземскому, в нач. мая 1826 г., из Михайловского.

Видел ли ты мою Эду? Вручила ли она тебе мое письмо? Не правда ли, что она очень мила?

ПУШКИН—Вяземскому, в серед. мая 1826 г.

Сейчас получил я твое письмо, но живой чреватой грамоты твоей не видел, а доставлено мне оно твоим человеком. Твоя грамота едет завтра с отцом своим и семейством в Болдино, куда назначен он твоим отцом управляющим. Какой же способ остановить дочь здесь и для какой пользы? Без ведома отца ее сделать этого нельзя, а с ведома его лучше же ей быть при семействе своем. Мой совет: написать тебе полу-любовное, полу-раскаятельное, полу-помещичье письмо блудному твоему тестю, во всем ему признаться, поручить ему судьбу дочери и грядущего творения, но поручить на его ответственность, напомнив, что некогда волею божьею ты будешь его баринном, и тогда сочтешься с ним в хорошем или худом исполнении твоего поручения.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — Пушкину, 10 мая 1826 г.
Переп. Пушкина, I, 346.

Всемиловейший государь! В 1824 году, имев несчастье заслужить гнев покойного императора легкомысленным суждением касательно афеизма, изложенным в одном письме, я был выключен из службы и сослан в деревню, где и нахожусь под надзором губернского начальства. Ныне с надеждой на великодушие вашего императорского величества, с истинным раскаянием и твердым намерением не противоречить моими мнениями общепринятому порядку (в чем и готов обязаться подпиской и честным словом) решился я прибегнуть к вашему имп. вел-ву со всеподданнейшею моею просьбою: здоровье мое, расстроенное в первой молодости, и род аневризма давно уже требуют постоянного лечения, в чем и представляя свидетельство медиков, осмеливаюсь всеподданнейше просить позволения ехать для сего или в Москву, или в Петербург, или в чужие края.

Всемиловейший государь, вашего императорского величества верно-подданный

Александр Пушкин.

{Приложено обязательство):

Я, нижеподписавшийся, обязуюсь впредь ни к каким тайным обществам, под каким бы они именем не существовали, не принадлежать; свидетельствую при сем, что я ни к какому тайному обществу таковому не принадлежал и не принадлежу и никогда не знал о них.

10-го класса АЛЕКСАНДР ПУШКИН. 11 мая 1826 года. *Соч. Пушкина под ред. Ефремова, VII, 250.*

Ты прав, любимец муз, — воспользуюсь правами блудного зятя и грядущего барина и письмом улажу все дело...

Ты, который не на привязи, как можешь ты оставаться в России? Если царь даст мне свободу, то я месяца не останусь. Мы живем в печальном веке, но когда воображаю Лондон, чутунные дороги, паровые корабли, английские журналы или парижские театры и бордели, то мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство. В 4-й песне Онегина я изобразил свою жизнь; когда-нибудь прочтешь его и спросишь с милою улыбкой: где ж мой поэт? в нем дарование приметно. Услышишь, милая, в ответ: он удрал в Париж и никогда в проклятую Русь не воротится, — ай да умница! Прощай!

Я теперь во Пскове, и молодой доктор спьяна сказал мне, что без операции я не дотяну до 30 лет. Не забавно умереть в Опоческом уезде.

ПУШКИН — кн. П. А. Вяземскому, 27 мая 1826 г. из Пскова.

У самых Сергиевских ворот (в Пскове, на Сергиевской улице) находится небольшой деревянный одноэтажный дом, на котором прибита доска с надписью, что здесь в 1826 году останавливался А. С. Пушкин... Есть полное основание считать этот дом принадлежавшим в нач. XIX ст. поковскому дворянину Гавр. Петр. Назимову, владельцу села Преображенского. Пушкин находился с Назимовым в приятельских отношениях, бывал у него в Преображенском и играл там в карты... Сын Назимова, Влад. Гаврилович, был крестником Пушкина. Поэтому нет ничего невероятного, что Пушкин, во время своих приездов в Псков, мог останавливаться именно в доме Г. П. Назимова.

Н. Ф. ОКУЛИЧ-КАЗАРИН. *Спутник по древнему Пскову*. Изд. 2. Псков. 1913. Стр. 191.

Я писал царю тотчас по окончании следствия. Жду ответа, но плохо надеюсь. Бунт и революция мне никогда не нравились, это правда; но я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков. Все возмутительные рукописи ходили под моим именем, как все похабные ходят под именем Баркова. Если бы я был потребован комиссией, то я бы конечно оправдался, но меня оставили в покое, и кажется это не к добру. Впрочем, черт знает.

ПУШКИН — кн. П. А. Вяземскому, 10 июля 1826 г., из Михайловского.

Теперь оказывается, что почти одновременно с прошением Пушкина новые хлопоты о помиловании сына предприняла и мать поэта, Н. О. Пушкина: проводя лето 1826 года, как и предыдущее, в Ревеле, на морских купаньях, с мужем и дочерью, она обратилась к императору Николаю с прошением, в котором объясняла, что «ветренные поступки, по молодости, вовлекли сына ее в несчастье заслужить гнев покойного государя, и он третий год живет в деревне, страдая аневризмом, без всякой помощи, — но что ныне, сознавая ошибки свои, он желает загладить оные, а она, как мать, просит обратить внимание на сына ее, даровав ему прощение».

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. Эпизод из жизни Пушкина. *Красная Газета*, 1927, № 34.

Пушкин сказывал, что, в бытность свою в деревне, ему приснилось накануне экзекуции над пятью известными преступниками (*казни пяти декабристов, 13 июля 1826 г.*), будто у него выпало пять зубов.

В. Ф. ШЕРБАКОВ. Из заметок о пребывании Пушкина в Москве. *Собр. соч. Пушкина под ред. П. А. Ефремова*, 1905, т. VIII, 110.

По предложению г. псковского губернатора свидетельствован был в псковской врачебной управе г. коллежский секретарь Александр Сергеев сын Пушкин, при чем оказалось, что он действительно имеет на нижних оконечностях, а в особенности на правой голени повсеместное расширение кровезвратных жил (*varicositas totius cruris dextri*), от чего г. коллежский секретарь Пушкин затруднен в движении вообще. В удостоверение сего и дано сие свидетельство. Июля 19 дня 1826 года.

В. И. ВСЕВОЛОДОВ, инспектор врачебной управы. *Пушкин. Письма*. Т. II. Гос. Изд. 1927. Стр. 157.

(19—24 июля 1826 г.). В Новоржеве от хозяина гостиницы Катосова узнал я, что на ярмарке Святогорского Успенского монастыря Пушкин был в рубашке, подпоясан розовою лентою, в соломенной широкополой шляпе и с железною тростью в руке; что он скромен и осторожен, о правительстве не говорит, и вообще никаких слухов о нем по народу не ходит... От уездного заседателя Чихачева я услышал, что он, Чихачев, с Пушкиным сам лично знаком, что Пушкин ведет себя весьма скромно и говаривал не раз: «Я пишу всякие пустяки, что в голову придет, а в дело ни в какое не мешаюсь. Пусть кто виноват, тот и пропадает; я же сам никогда на галерах не буду»... Пробыв целый день в селе Жадрицах у отс. генерал-майора П. С. Пуцина, в общих разговорах узнал я, что иногда видали Пушкина в русской рубашке и в широкополой соломенной шляпе; что Пушкин дружески обходился с крестьянами и брал за руку знакомых, здороваясь с ними; что иногда ездил верхом и, достигнув цели путешествия, приказывает человеку своему отпустить лошадь одну, говоря, что всякое животное имеет право на свободу; Пушкин ни с кем не знаком и ни к кому не ездит, кроме одной г-жи Есиповой (*Осиповой*); чаще же всего бывает в Святогорском монастыре. Впрочем, полагали, что Пушкин ведет себя несравненно осторожнее противу прежнего; что он говорит, часто возводящий на себя небылицу, что нельзя предполагать, чтобы он имел действительные противу правительства намерения; что он столь болтлив, что никакая злонамеренная шайка не решится его себе присвоить; наконец, что он человек, желающий отличить себя странностями, но вовсе не способный к основанному на расчете ходу действий... По прибытии моем в монастырскую слободу, при Святогорском монастыре состоящую, я остановился у богатейшего в оной крестьянина Столарева. На расспросы мои о Пушкине Столарев сказал мне, что Пушкин живет в 3½ в. от монастыря, в селе Зуеве (*Михайловском*), где, кроме церкви и господского строения, нет ни церковно-служительских, ни крестьянских домов; что Пушкин обыкновенно приходит в монастырь по воскресеньям; что ему всегда случалось видеть его в сюртуке и иногда, в жары, без косынки; что Пушкин — отлично-добрый господин, который награждает деньгами за услуги даже собственных своих людей; ведет себя весьма просто и никого не обижает; ни с кем не знается и ведет жизнь весьма уединенную. Слышно о нем только от людей его, которые не могут нахвалиться своим барином... От игумена Ионы о Пушкине узнал я следующее: Пушкин иногда приходит в гости к игумену Ионе, пьет с ним наливку и занимается разговорами; кроме Святогорского монастыря и г-жи Осиповой он нигде не бывает, но иногда ездит в Псков; обыкновенно ходит он в сюртуке, но на ярмонках монастырских иногда показывался в русской рубашке и в соломенной шляпе. На вопрос мой: «не возмущает ли Пушкин крестьян?» — игумен Иона отвечал: «он ни во что не мешается и живет, как красная девка».

А. К. БОШНЯК, секретный агент, в рапорте генералу графу Витту. *Б. Л. Модзалевский. Пушкин под тайным надзором*. Спб. 1922. Стр. 13—16.

Я помню вас! Вы неизменно
 Блестите в памяти моей,—
 Звезда тех милых, светлых дней,
 Когда, гуляка вдохновенный,
 Я в мир прохлады деревенской—
 Весь свой разгул души студентской—
 В ваш дом и сад переносил;
 Когда прекрасно, достохвально
 Вы угощали там двоих
 Певцов, — и был один из них
 Сам Пушкин (о оны дни опальный
 Певец свободы), а другой...
 Другой был я, его послушник,
 Его избранник и подручник,
 И собутыльник молодой. —
 Как хорошо тогда мы жили!
 Какой огонь нам в душу лили
 Стаканы жженки ромовой!
 Ее вы сами сочиняли:
 Сладка была она, хмельна;
 Ее вы сами разливали,—
 И горячо пилась она!..
 Примите ж ныне мой поклон
 За восхитительную сладость
 Той жженки пламенной, за звон,
 Каким звучали те стаканы
 Вам похвалу; за чистый хмель,
 Каким в ту пору были пьяны
 У вас мы ровно шесть недель...
 Я верно, живо помню вас,
 И взгляд радушный и огнистый
 Победоносных ваших глаз,
 И ваши кудри золотисты
 На пышных склонах белых плеч,
 И вашу сладостную речь,
 И ваше сладостное пенье,
 Там, у окна, в виду пруда...

Н. М. ЯЗЫКОВ — баронессе Евпр. Н. Вревской
 (урожд. Вульф). *Пушкин и его совр-ки*, вып. I, 120

(Среди достопримечательностей села Голубова, имения Вревских):
 серебряный ковшичек на длинной ручке, в котором бар. Евпр. Н. Вревская,
 будучи еще не замужем, варила жженку для Пушкина, Языкова и Вульфа.

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. Поездка в Тригорское
 в 1902 г. *П—н и его совр-ки*, I, 6.

Сестра Euphrosine, бывало, заваривает всем нам, после обеда, жженку:
 сестра прекрасно ее варила, да и Пушкин, ее всегдашний и пламенный обо-
 жатель, любил, чтоб она заваривала жженку. И вот мы из больших бока-
 лов—сидим, беседуем да распиваем пунш. И что за речи несмолжаемые, что
 за звонкий смех, что за дивные стихи то Пушкина, то Языкова прово-
 ждали нашу дружескую тирушку! Языков был страшно застенчив, но и тот,
 бывало, разгорячится, — куда пропадет застенчивость, — и что за стихи,
 именно языковские стихи, говорил он то за «чашей пунша», то у ног той
 же Евпраксии Николаевны.

АЛ. Н. ВУЛЬФ по записи М. И. Семевского. *Слб.*
Ведомости, 1866, № 139.

И часто вижу я во сне:
 И три горы, и дом красивый,
 И светлой Сороти извивы

Златого месяца в огне,
 И там, у берега, тень ивы,
 И те отлогости, те нивы,
 Из-за которых, вдалеке,
 На вороном аргамаке,
 Заморской шляпою покрытый,
 Спеша в Тригорское, один —
 Вольтер, и Гете, и Расин—
 Являлся Пушкин знаменитый;
 И ту площадку, где в тиши
 Нас нежила, нас веселила
 Вина чарующая сила,—
 Оселок сердца и души;
 И все божественное лето...

Н. М. ЯЗЫКОВ—П. А. Осиповой («Благодарю вас
 за цветы...»).

Свет Родионовна, забуду ли тебя?

.....
 Всегда, приветами сердечной доброты,
 Встречала ты меня, мне здоровствовала ты;
 Когда чрез длинный ряд полей, под зноем
 лета.

Ходил я навещать изгнанника поэта,
 И мне сопутствовал приятель давний твой,
 Ареевых наук питомец молодой (*Ал. Вульф*),
 Как сладостно твое святое хлебосоольство
 Нам баловало вкус и жажды своевоольство!
 С какими радушием,—красою древних лет,—
 Ты набирала нам затейливый обед!
 Сама и водку нам, и брашна подавала,
 И соты, и плоды, и вина уставляла
 На милой тесноте старинного стола!
 Ты занимала нас, добра и весела,
 Про стародавних бар пленительным рас-
 сказом.

Мы удивлялися почтенным их проказам,
 Мы верили тебе, и смех не прерывал
 Твоих бесхитростных суждений и похвал;
 Свободно говорил язык словоохотный.
 И легкие часы летели беззаботно!

Н. М. ЯЗЫКОВ. К няне А. С. Пушкина.

Там, где на дол с горы отлогой
 Разнообразно сходит бор
 В виду реки и двух озер
 И нив с извилистой дорогой,
 Где, древним садом окружен,
 Господский дом уединенный
 Дряхлеет, памятник почтенный
 Елисаветинных времен,—
 Нас, полных юности и вольных,
 Там было трое... (*Пушкин, Языков и Вульф*)
 Вон там,—обоями худыми
 Где-где прикрытая стена,
 Пол нечиненный, два окна
 И дверь стеклянная меж ними;
 Диван под образом в углу,
 Да пара стульев: стол украшен
 Богатством вин и сельских брашен,
 И ты, пришедшая к столу,—
 Мы пировали. Не дичилась
 Ты нашей доли—и порой
 К своей весне переносилась
 Разгоряченную мечтой;
 Любила слушать наши хоры,

Живые звуки чуждых стран,
Речей напоры и отпоры,
И звон стакана об стакан.
Уж гасит ночь свои светила,
Зарей адеет небосклон;
Я помню, что-то нам про сон
Давным-давно ты говорила.
Напрасно! Взял свое Токай,
Шумней удалая пирушка:
Садись-ка, добрая старушка,
И с нами бражничай давай!

Н. М. ЯЗЫКОВ. *На смерть няни А. С. Пушкина.*

Лето 1826 года было знойно в Псковской губернии. Недели проходили без облачка на небе, без освежительного дождя и ветра. Пушкин почти бросил все занятия свои, ища прохлады в садах Тригорского и Михайловского.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 162.

Изобилие плодов земных, благорастворение воздуха, благорасположение ко мне хозяйки, госпожи Осиповой, женщины умной и доброй, милостивость и нравственная любезность и прекрасная образованность дочерей ее, жизнь или, лучше скажу, обхождение совершенно вольное и беззаботное, потом деревенская прелесть природы, наконец сладости и сласти искусственные, как-то: варенья, вина и проч.,—и все это вместе составляет нечто очень хорош ее, почтенное, прекрасное, восхитительное, одним словом — житье!

Н. М. ЯЗЫКОВ—матери, 26 июля 1826 года.
Языковский архив, вып. I, стр. 256.

Каждый день, в часу третьем пополудни, Пушкин являлся к нам из своего Михайловского. Приезжал он обыкновенно верхом на прекрасном аргамаке, а то, бывало, приволочится и на крестьянской лошаденке. Бывало, все сестры мои, да и я, тогда еще подросточек, выйдем к нему навстречу... Раз тащится он на лошаденке крестьянской, ноги у него чуть не по земле волочатся, — я и ну над ним смеяться и трунить. Он потом за мной погнался, все своими ногтями грозил; ногти же у него такие длинные, он их очень берег... Приходил, бывало, и пешком, доберется к дому тогда совсем незаметно; если летом, окна бывали раскрыты, он влезет в окно... Что? Ну, уж, батюшка, в какое окно влезал, не могу указать: мало ли окон-то? Он, кажется, во все перелазил... Все у нас, бывало, сидят за делом, кто читает, кто работает, кто за фортепиано. Сестра Alexandrine дивно играла на фортепиано. Я, бывало, за уроками сижу. Ну, пришел Пушкин, — все пошло вверх дном; смех, шутки, говор так и раздаются по комнатам... Немецкий язык он плохо знал, да и не любил его; бывало, к сестрам принесет книгу, если что ему нужно перевести с немецкого. А какой он был живой! Никогда не посидит на месте, то ходит, то бегают... Пушкин, бывало, нередко говорит нам экспромты, но так, чтобы прочесть что-нибудь длинное, — это делал редко, впрочем, читал превосходно, по крайней мере, нам очень нравилось его чтение. Нередко мы угощали его мочеными яблоками; жила у нас в то время ключницей Акулина Памфиловна, — ворчунья ужасная. Бывало, беседуем мы все до поздней ночи, — Пушкину и захочется яблок; вот и пойдем мы просить Акулину Памфиловну: «принеси, да принеси моченых яблок», а та и разворчит. Вот Пушкин раз и говорит ей шутя: «Акулина Памфиловна, полноте, не сердитесь! Завтра же вас произведу в попадьи». И точно, под именем ее, — чуть ли не в «Капитанской дочке», — и вывел попадью...

Я, бывало, все дразню и подшучиваю над Пушкиным; в двадцатых годах была мода вырезать и наклеивать разные фигурки из бумаги; я вырежу обезьяну и дразню Пушкина, он страшно рассердится, а потом вспомнит, что имеет дело с ребенком и скажет только:—«Вы юны, как апрель». И что за добрая душа был этот Пушкин, всегда в беде поможет. Маменьке вздумалось, было, чтоб я принялась зубрить грамматикку, да ведь какую, — ни больше, ни меньше, как Ломоносовскую! Я принялась, было, но, разумеется, это дело показалось мне адским мучением. — «Пушкин, заступитесь!» Стал он говорить маменьке, и так убедительно, что она совсем смягчилась; когда же Пушкин сказал: «я вот отродясь не учил грамматикки и никогда ее не знал, а, слава богу, пишу помаленьку и не совсем безграмотен», — тогда маменька окончательно отставила Ломоносова.

М. И. ОСИПОВА в передаче М. И. Семеновского.
Слб. Ведомости, 1866, № 139.

От Ек. Ив. Фок (урожд. Осиповой, дочери Пр. Ал. Осиповой) я неоднократно слышал воспоминания о Пушкине. Она в то время была ребенком, неоднократно играла с Пушкиным в прятки, при чем он залезал под диван, и вытащить его оттуда было очень трудно; она рассказывала, что А. С. был необыкновенно веселый, истривый, находчивый и милый, любил детей, умел говорить с ними и охотно играл.

Н. Ф. БЫКОВСКИЙ. Рус. Стар. 1906, т. 136,
стр. 491.

Секретно. Г. псковскому гражданскому губернатору. По высочайшему государя императора повелению, последовавшему по всеподданнейшей просьбе, прошу покорнейше ваше превосходительство, находящемуся во вверенной вам губернии чиновнику 10 класса, Александру Пушкину, позволить отправиться сюда при посылаемом вместе с сим нарочным фельд'егерем. Г. Пушкин может ехать в своем экипаже свободно, не в виде арестанта, но в сопровождении только фельд'егеря; по прибытии же в Москву имеет явиться прямо к дежурному генералу главного штаба его императорского величества.

Барон И. И. ДИБИЧ (начальник главного штаба)—псковскому губернатору Б. А. фон-Адеркасу, 31 авг. 1826 г., из Москвы. П. Анненков. Пушкин в алекс. эпоху, 321.

Сей час получил я прямо из Москвы с нарочным фельд'егерем высочайшее разрешение по всеподданнейшему прошению вашему. Я не отправляю к вам фельд'егеря, который остается здесь до прибытия вашего, прошу вас поспешить приехать сюда и прибыть ко мне.

Б. А. фон-АДЕРКАС—Пушкину, 3 сент. 1826 г.
из Пскова. Переп. Пушкина, I, 368.

Послан был нарочный к псковскому губернатору с приказом отпустить Пушкина из Михайловского в Москву. С письмом губернатора этот нарочный прискакал к Пушкину. Он в это время сидел перед печкою, подбрасывал дрова, грелся. Ему рассказывают о приезде фельд'егеря. Встревоженный этим и никак не ожидавший чего-либо благоприятного, он тотчас схватил свои бумаги и бросил в печь: тут погибли его записки и некоторые стихотворные пьесы, между прочим стихотворение *Пророк*, где предсказывались совершившиеся уже события 14 декабря. («Пророк» приехал в Москву в бумажнике Пушкина. Прим. С. А. Соболевского).

П. В. НАЩОКИН по записи П. И. Бартецова.
Рассказы о П.—не, 34.

Приехал вдруг ночью жандармский офицер из города, велел сейчас в дорогу собираться, а зачем, — неизвестно. Арина Родионовна растужилась, навзрыд плачет. Александр-то Сергеевич ее утешать: «не плачь, мама, говорит, сыты будем; царь хоть куда ни пошлет, а все хлеба даст». Жандарм горопил в дорогу, да мы все позабавились: надо было в Тригорское посылать за пистолетами, они там были оставши: ну, Архипа-садовника и послали. Как привез он пистолеты-то, маленькие такие были в ящичке, жандарм увидел и говорит: «господин Пушкин, мне очень ваши пистолеты опасны». — «А мне какое дело? Мне без них никуда нельзя ехать; это моя утеха».

ДВОРОВЫЙ ПЕТР, служивший у Пушкина кухаром. К. Я. Тимофеев. Могила Пушкина. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1859, т. 103, отд. II, стр. 148.

Зная за собою несколько либеральных выходов, Пушкин убежден был, что увезут его прямо в Сибирь. В длиннополом сертуке своем собрался он наскоро.

Н. И. ЛОРЕР, со слов Л. С. Пушкина. *Записки моего времени. Рукопись, находящаяся в библиотеке Коммунистической Академии*, ч. I, 425.

Вот как об этом рассказывает одна из моих тригорских собеседниц 1 или 2 сент. 1826 г. Пушкин был у нас; погода стояла прекрасная, мы долго гуляли; Пушкин был особенно весел. Часу в одиннадцатом вечера сестры и я проводили Пушкина по дороге в Михайловское... Вдруг рано, на рассвете, является к нам Арина Родионовна, няня Пушкина. Это была старушка чрезвычайно почтенная, лицом полная, вся седая, страстно любившая своего питомца, но с одним грешком, — любила выпить. Она прибежала, вся запыхавшись; седые волосы ее беспорядочными космами спадали на лицо и плечи; она плакала навзрыд. Из расспроса ее оказалось, что вчера вечером, незадолго до прихода А. С-ча, в Михайловское прискакал какой-то не то офицер, не то солдат (впоследствии оказалось, — фельд'егерь). Он объявил Пушкину повеление немедленно ехать вместе с ним в Москву. Пушкин успел только взять деньги, накинуть шинель, и через полчаса его уже не было. — «Что же, взял этот офицер какие-нибудь бумаги с собой?» — «Нет, родные, никаких бумаг не взял, и ничего в доме не ворошил; после только я сама кой-что поуничтожила». — «Что такое?» — «Да сыр этот проклятый, что А. С. кушать любил, а я так терпеть его не могу, и дух-то от него, от сыра-то этого немецкого, — такой скверный»...

М. И. СЕМЕВСКИЙ. *Слб. Вед.*, 1866, № 163.

Фельд'егерь настолько успокоил Пушкина, что поэт дорогою был очень весел и шутив, — шутив до шаловливости. Во Пскове, во время перекладки лошадей, он попросил закусить в тамошней харчевне. Подали щей с неизбежною приправкою нашей народной кухни, — малюю толикою тараканов. Преодолев брезгливость, Пушкин хлебнул несколько ложек и, уезжая, оставил — углем или мелом, на дверях (говорят, нацарапал перстнем на оконном стекле) следующее четверостишие:

Господин фон-Адеркас,
Худо кормите вы нас:
Вы такой же ресторатор,
Как великий губернатор!

М. И. СЕМЕВСКИЙ со слов псковского уроженца П. РОСЛОВА. *Рус. Стар.*, 1880, т. 27, стр. 131.

Один из старожилов рассказывает, что Пушкин ехал в Псков с Пещуровым. Переезд до Пскова был сопряжен в то время с большими неудобствами: почтовых лошадей по тракту от Острова было немного; от последней станции Черехи в Пскове начинались сыпучие пески до самого города. На станции путешественники ничего не могли найти с'естного; лошади были в разгоне, нужно было ожидать, и путники находились в самом невеселом настроении духа; но Пушкин развлекал декламацией стихов и, подойдя к окну, перстнем начертил два стиха, которые оканчивались: «Адеркас накормит нас». Неизвестно, однако же, накормил ли их Адеркас, п. ч. они дотащились едва-едва к ночи в Псков и, вероятно, не нашли удобным беспокоить губернатора наломинанием, что они не ели.

Псковские Губернские Ведомости, 1868, № 10.

Я предполагаю, что мой неожиданный от'езд с фельд'егерем поразил вас так же, как и меня. Вот факт: у нас ничего не делается без фельд'егера. Мне дают его для вящей безопасности. После любезнейшего письма барона Дибича зависит только от меня очень этим возгордиться. Я еду прямо в Москву, где рассчитываю быть 8 числа текущего месяца: как только буду свободен, со всею поспешностью возвращусь в Тригорское, к которому отныне сердце мое привязано навсегда.

ПУШКИН—П. А. Осиповой, 4 сент. 1826 г., из Пскова (*фр.*).

Вечером 4 сентября Пушкин уже выехал из Пскова, согласно предписанию. Быстрота исполнения, поистине, изумляющая. Потребовалось только четыре дня на проезд 700 верст фельд'егерю из Москвы до Пскова по нешоссейной дороге, на посылку оттуда за Пушкиным в Михайловское, на провоз его в губернский город, по скверному проселку, без лошадей и, наконец, на отправление его по назначению.

П. В. АННЕНКОВ. *П-я в алек. эпоху*, 321.

IX

В МОСКВЕ

(Сентябрь 1826 — май 1827)

Путь до Москвы совершен был Пушкиным уже сравнительно не с такой молниеносной скоростью, с какой делал его фельд'егерь в одиночку. Они употребили на него всего четыре дня, и если принять в соображение, что официальный спутник поэта уже второй раз летел без сна несколько ночей по кочкам и рытвинам, то физический закал людей его рода должен показаться действительно богатырским. Фельд'егеря звали Вальшем.

8 сентября они прибыли в Москву прямо в канцелярию дежурного генерала, которым был тогда генерал Потопов, и последний, оставив Пушкина при дежурстве, тотчас же известил о его прибытии начальника главного штаба, барона Дибича. Распоряжение последнего, сделанное на самой записке дежурного генерала и показанное Пушкину, гласило следующее: «Нужное, 8 сентября. Высочайше повелено, чтобы вы привезли его в Чудов дворец, в мои комнаты, к 4 часам пополудни». Чудов или Николаевский дворец занимало тогда августейшее семейство и сам государь-император, которому Пушкин и был тотчас же представлен, в дорожном костюме, как был, не совсем обопревший, усталый и кажется даже не совсем здоровый.

П. В. АННЕНКОВ. *П-н в алекс. эпоху*, 323.

Небритый, в пуху, измятый, был он представлен к дежурному генералу Потопову и с ним вместе поехал тотчас-же во дворец и введен в кабинет государя. — К удивлению Ал. С-ча, царь встретил поэта словами: — «Брат мой, покойный император, сослал вас на жительство в деревню, я-же освобождаю вас от этого наказания, с условием ничего не писать против правительства». — «Ваше величество, — отвечал Пушкин, — я давно ничего не пишу противного правительству, а после «Кинжал» и вообще ничего не писал». — «Вы были дружны со многими из тех, которые в Сибири?» — продолжал государь. — «Правда, государь, я многих из них любил и уважал и продолжаю питать к ним те же чувства!» — «Можно ли любить такого негодяя, как Кюхельбекер», — продолжал государь. — «Мы, знавшие его, считали всегда за сумасшедшего, и теперь нас может удивлять одно только, что и его с другими, сознательно действовавшими и умными людьми, сослали в Сибирь!» — «Я позволяю вам жить, где хотите, пиши и пиши, я буду твоим цензором», — кончил государь и, взяв его за руку, вывел в смежную комнату, наполненную царедворцами. — «Господа, вот вам новый Пушкин, о старом забудем».

Н. И. ЛОПЕР со слов Л. С. Пушкина. *Записки моего времени. Рукопись, находящаяся в библиотеке Коммунистической Академии, ч. I, 426—427.*

Всего покрытого прязью, меня ввели в кабинет императора, который сказал мне: — «Здравствуй, Пушкин, доволен ли ты своим возвращением?» Я отвечал, как следовало. Государь долго говорил со мною, потом спросил: — «Пушкин, принял ли бы ты участие в 14 декабря, если б был в Петербурге?» — «Непременно, государь, все друзья мои были в заговоре, и я не мог бы не участвовать в нем. Одно лишь отсутствие опасло меня, за что я благодарю бога!» — «Довольно ты подумался, — возразил император, — надеюсь, теперь будешь рассудителен, и мы более ссориться не будем. Ты будешь присылать ко мне все, что сочиняешь; отныне я сам буду твоим цензором».

ПУШКИН в передаче А. Г. Хомутовой. *Рус. Арх.*, 1867, стр. 1066 (фр.).

Однажды, за небольшим обедом у государя, при котором и я находился, было говорено о Пушкине. «Я,—говорил государь, — впервые увидел Пушкина, после моей коронации, когда его привезли из заключения ко мне в Москву совсем больного и покрытого ранами—от известной болезни. Что сделали бы вы, если бы 14 декабря были в Петербурге?»—спросил я его между прочим. — «Стал бы в ряды мятежников, — отвечал он. На вопрос мой, переменялся ли его образ мыслей и дает ли он мне слово думать и действовать иначе, если я пушу его на волю, он наговорил мне пропасть комплиментов насчет 14 декабря, но очень долго колебался прямым ответом и только после длинного молчания протянул руку, с обещанием — сделаться другом».

Граф М. А. КОРФ. Записки. *Рус. Стар.*, 1900, т. 101, стр. 574.

По рассказу Арк. Ос. Россета, император Николай, на аудиенции, данной Пушкину в Москве, спросил его между прочим: «Что же ты теперь пишешь?» — «Почти ничего, ваше величество: цензура очень строга». — «Зачем же ты пишешь такое, чего не пропускает цензура?» — «Цензура не пропускает и самых невинных вещей: она действует крайне нерассудительно». — «Ну, так я сам буду твоим цензором, — сказал государь. — Присылай мне все, что напишешь».

Я. К. ГРОТ, 288.

Лишь только учредилась жандармская часть, некто донес ей в Москве, что у офицера Молчанова находятся возмутительные стихи, будто Пушкина, в честь мятежников 14 декабря. Молчанова схватили, засадили, допросили, от кого он их получил. Он указал на Алексеева. Как за ним, так и за Пушкиным, который все еще находился ссыльным во псковской деревне, отправили гонцов. Это послужило к пользе последнего. Государь пожелал сам видеть у себя в кабинете поэта, мнимого бунтовщика, показал ему стихи и спросил, кем они писаны. Тот, не обинуясь, сознался, что он. Но они были писаны за пять лет до преступления, которое будто бы они восхваляют, и даже напечатаны под названием Андрей Шенье. В них Пушкин нападает на революцию, на террористов, кровожадных безумцев, которые погубили гениального человека. Небольшую только часть его стихотворения цензура не пропустила, и этот непропущенный лоскуток, который хорошенько не поняли малограмотные офицерики, послужил обвинительным актом против них. Среди бесчисленных забот государь, вероятно, не захотел взять труд прочитать стихи; без того при малейшем внимании увидел бы он, что в них не было ничего общего с предметом, на который будто они были написаны. Пушкин умел ему это объяснить, и его умная, откровенная,

почтительно-смелая речь полубоилась государю. Ему дозволено жить, где он хочет, и печатать, что хочет. Государь взялся быть его цензором с условием, чтобы он не употреблял во зло дарованную ему совершенную свободу.

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ. *Записки*, VII, 111.

Государь принял Пушкина с великодушной благосклонностью, легко напомнил о прежних поступках и давал ему наставления, как любящий отец. Поэт и здесь вышел поэтом; ободренный снисходительностью государя, он делался более и более свободен в разговоре; наконец дошло до того, что он, незаметно для себя самого, приперся к столу, который был позади его, и почти сел на этот стол. Государь быстро отвернулся от Пушкина и потом говорил: — «С поэтом нельзя быть милостивым!»

(М. М. ПОПОВ, чиновник III Отделения). *Рус. Стар.*, 1874, № 8, 691.

Когда Пушкина перевезли из покховской деревни в Москву, прямо в кабинет государя, было очень холодно. В кабинете топили камин. Пушкин обратился спиной к камину и говорил с государем, обогревая себе ноги; но вышел оттуда со слезами на глазах и был до конца признателен государю.

П. В. НАЩОКИН по записи П. И. Бартенева. *Рассказы о П-ве*, 32.

По приезде в Москву Пушкин введен прямо в кабинет государя; дверь замкнулась, и, когда снова отворилась, Пушкин вышел со слезами на глазах, бодрым, веселым, счастливым. Государь его принял, как отец сына, все ему простил, все забыл, обещал покровительство свое.

Н. М. СМЕРНОВ. Памятные заметки. *Рус. Арх.*, 1882, I, 231.

Так обольстил, по рассказу Мицкевича, Николай I Пушкина. Помните ли этот рассказ, когда Николай призвал к себе Пушкина и сказал ему: «Ты меня ненавидишь за то, что я раздавил ту партию, к которой ты принадлежал, но верь мне, я также люблю Россию, я не враг русскому народу, я ему желаю свободы, но ему нужно сперва укрепиться».

«КОЛОКОЛ» ГЕРЦЕНА, 1 марта 1860 г., лист 64, стр. 534.

Александр был представлен, говорил более часу и осыпан милостивым вниманием: вот что мне пишут видевшие его в Москве.

Бар. А. А. ДЕЛЬВИГ—П. А. Осиповой 15 сент. 1826 г. *Р. А.*, 1864, III, стр. 141.

Говорят, что его величество дал Пушкину отдельную аудиенцию, длившуюся более двух часов.

ЛОКАТЕЛЛИ, секретный агент, донесение фон-Фоку, Б. Л. Модзалевский. *Пушкин под тайным надзором*, 30 (фр.).

Выезжая из Пскова, Пушкин написал своему близкому другу и школьному товарищу Дельвигу письмо, извещая его об этой новости и прося его прислать ему денег, с тем, чтобы употребить их на кутежи и на шампанское — Этот господин известен за *мудрствователя* (*philosophiste*), в полном смысле этого слова, который проповедует последовательный эгоизм с презрением к людям, ненависть к чувствам, как и к добродетелям, наконец, — деятельное стремление к тому, чтобы доставлять себе житейские наслаждения ценою всего самого священного. Этот честолюбец, пожираемый жаждою вожделений, как примечают, имеет столь окверную голову, что его необходимо будет проучить, при первом удобном случае. Говорят, что государь сделал ему благосклонный прием, и что он не оправдывает тех милостей, которые его величество оказал ему.

М. Я. фон-Фок, в донесении графу Бенкендорфу
17 сент. 1826 г. Б. Л. Модзалевский, П-я под тайным
надзором, 30.

Рассказ о каких-то очень подозрительных стихах, потерянных Пушкиным на лестнице кремлевского дворца, сохранился в кругу его знакомых, уверявших, будто бы они слышали о том от самого Ал. С-ча. Государь выразил (будто бы) желание узнать, нет ли при Пушкине какого-нибудь нового стихотворения. Пушкин вынул из кармана бумаги, захваченные им второпях при отъезде из Михайловского, не нашел между ними никакого стихотворения. Выходя из дворца и спускаясь по лестнице, Пушкин заметил на ступеньке лоскут бумажки, поднял и узнал в нем свои стихи к друзьям, сосланным в Сибирь... Эту бумажку он выронил, вынимая из кармана платок. Возвратясь в гостиницу, он тотчас же сжег это стихотворение. Близкий приятель Пушкина, С. А. Соболевский, повторял впоследствии этот рассказ, но с некоторыми только вариантами. По его словам, потеря листка с стихами сделана; листок отыскался не во дворце, а в собственной квартире Соболевского, куда Пушкин приехал из дворца; самый листок заключал «Пророка», с первоначальным, впоследствии измененным, текстом последней строфы:

Встань, встань, пророк России!
Позорной ризой облекись,
Иди—и с вервием на выи и пр.

(П. А. ЕФРЕМОВ). А. С. Пушкин. Рус. Стар.,
1880, т. 27, стр. 133.

А. В. Веневитинов (брат поэта Д. В. Веневитинова) рассказывал мне, что Пушкин, выезжая из деревни с фельд'егерем, положил себе в карман стихотворение «Пророк», которое, в первоначальном виде, оканчивалось следующей строфою:

Встань, встань, пророк России,
Позорной ризой облекись
И с вервием вокруг смиренной выи
К царю . . . . . явись!

Являясь в кремлевский дворец, Пушкин имел твердую решимость, в случае неблагоприятного исхода его объяснений с государем, вручить Николаю Павловичу, на прощание, это стихотворение. Счастливая судьба сберегла для России певца «Онегина», и благосклонный прием государя заставил Пушкина забыть о своем прежнем намерении. Выходя из кабинета вместе с Пушкиным, государь сказал, ласково указывая на него своим приближенным: «Теперь он мой!»

А. П. ПЯТКОВСКИЙ. Пушкин в кремлевском дворце. Рус. Стар., 1880, т. 27, стр. 674.

приезде, отправился к нему для скорейшего свидания в полной бальной форме, в мундире и башмаках.

М. Н. ЛОНГИНОВ. *Сочинения*, т. I. Москва, 1915, стр. 165.

Один из давних приятелей поэта тотчас же из дому кн. Куракина на Старой Басманной, где был бал у маршала Мармона, отправился в дом Василия Львовича, и застал Пушкина за ужином. Тут же, еще в дорожном платье, Пушкин поручил ему на завтрашнее утро съездить к известному «американцу» графу Толстому с вызовом на поединок. К счастью, дело уладилось: графа Толстого не случилось в Москве, а впоследствии противники помирились.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1865, стр. 390.

Возвращенный Пушкин тотчас явился к княгине В. Ф. Вяземской. Из его рассказа о свидании с царем, княгиня помнит заключительные слова: «ну, теперь ты не прежний Пушкин, а мой Пушкин». К последним праздникам коронации возвратился в Москву князь Вяземский. Узнав о том, Пушкин бросился к нему, но не застал дома, и когда ему сказали, что князь уехал в баню, Пушкин явился туда, так что первое их свидание после многолетнего житья в разных местах было в номерной бане.

П. И. БАРТЕНЕВ со слов кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ. *Рус. Арх.*, 1888, II, 307.

Приезд Пушкина в Москву в 1826 г. произвел сильное впечатление, не изгладившееся из моей памяти до сих пор. — «Пушкин, Пушкин приехал!» — раздалось по нашим детским, и все, — дети, учителя, гувернантки, — все бросились в верхний этаж, в приемные комнаты, взглянуть на героя дня... И детская комната, и девичья с 1824 года (когда княгиня Вяземская жила в Одессе и дружила там с Пушкиным) были неувыдающим рассказником легенд о похождениях поэта на берегах Черного моря. Мы жили тогда в Грузинах, цыганском предместье Москвы, — на сельско-хозяйственном подворье П. А. Кологривова, вотчина моей матушки.

Кн. ПАВЕЛ ВЯЗЕМСКИЙ (сын поэта). *Собр. соч. кн. П. П. Вяземского*. Спб., 1893. Стр. 508.

По приезде Пушкина в Москву он жил в трактире Европа, дом бывший тогда Часовникова, на Тверской. — Тогда читал он у меня, жившего на Собачьей площадке, в доме Ринкевича что ныне Левенталя), «Бориса» в первый раз при М. Ю. Виельгорском, П. Я. Чаадаеве, Дм. Веневитинове и Шевыреве. Наверное не помню, не было ли еще тут Ивана В. Киреевского. — (Потом читан «Борис» у Вяземского и Волконской или Веневитиновых? На этих чтениях я не был, ибо в день первого так заболел, что недели три пролежал в постели). Впрочем это единственные случаи, когда Пушкин читал свои произведения; он терпеть не мог читать их иначе, как с глазу на глаз или почти с глазу на глаз.

С. А. СОБОЛЕВСКИЙ — М. Н. Лонгинову, 1855 г. П-н и его совр.-кн, XXXI—XXXII, 40 (рус.-фр.).

Впечатление, произведенное на публику появлением Пушкина в московском театре, после возвращения из ссылки, может сравниться только

Анна Петровна
КЕРН

Силуэт 1825 г.

ИНЛИ.

Софья Федоровна
ПУШКИНА

Акварель.

ИНЛИ.

с волнением толпы в зале дворянского собрания, когда вошел в нее А. П. Ермолов, только что оставивший кавказскую армию. Мгновенно разнеслась по зале весть, что Пушкин в театре; имя его повторялось в каком-то общем гуле; все лица, все билнокли обращены были на одного человека, стоявшего между рядами и окруженного густою толпою.

ЕЛ. Н. КИСЕЛЕВА (УШАКОВА) в передаче ее сына Н. С. Киселева. *Л. Майков*, 361.

Когда Пушкин, только что возвратившийся из изгнания, вошел в партер Большого театра, мгновенно пронесся по всему театру говор, повторявший его имя: все взоры, все внимание обратились на него. У раз'езда толпились около него и издали указывали его по бывшей на нем светлой пуховой шляпе. Он стоял тогда на высшей степени своей популярности.

Н. В. ПУТЯТА. Из записной книжки. *Рус. Арх.*, 1899, II, 350.

Надобно было видеть участие и внимание всех при появлении Пушкина в обществе!.. Когда в первый раз Пушкин был в театре, публика глядела не на сцену, а на своего любимца-поэта.

(КС. А. ПОЛЕВОЙ). Некролог Пушкина. *Живол. Обзор.*, 1873, т. III, лист 10, стр. 79. Цит. по Р. А., 1901, II, стр. 250.

Вспомним первое появление Пушкина, и мы можем гордиться таким воспоминанием. Мы еще теперь видим, как во всех обществах, на всех балах, первое внимание устремлялось на нашего гостя, как в мазурке и котильоне наши дамы выбирали поэта непрерывно... Прием от Москвы Пушкину одна из замечательнейших страниц его биографии.

С. П. ШЕВЫРЕВ. *Москвитянин*, 1841, ч. I, стр. 522.

Пушкин автор в Москве и всюду говорит о вашем величестве с благодарностью и глубочайшей преданностью, за ним все-таки следят внимательно.

Гр. А. Х. БЕНКЕНДОРФ—императору Николаю I, в 1826 г. *Старина и Новизна*, VI, 5 (фр.).

Веневитинов рассказал мне о вчерашнем дне (10-го сентября 1826 г. Пушкин в первый раз читал у Веневитиновых своего «Бориса Годунова»). Борис Годунов — чудо. У него еще Самозванец, Моцарт и Сальери, Наталья Павловна («Граф Нулин»), продолжение Фауста, 8 песен Онегина и отрывки из 9-ой и проч. — «Альманах не надо издавать, — сказал он (Пушкин), — пусть Погодин издаст в последний раз, а после станем издавать журнал. Кого бы редактором? А то меня с Вяземским считают шельмами». — «Погодина», — сказал Веневитинов. — «Познакомьте меня с ним и со всеми, с кем бы можно говорить с удовольствием. Поедем к нему теперь». — «Нет его, нет дома», — сказал Веневитинов... Веневитинов к чему-то сказал ему, что княжна Ал. Ив. Трубецкая известила его о приезде Пушкина, и вот каким образом: они стояли против государя на бале у Мармона. — «Я теперь смотрю de meilleur oeil на государя, потому что он возвратил Пушкина». — «Ах, душечка, — сказал Пушкин, — везите меня скорее к ней». С этими словами я поехал к Трубецким и рассказала их княжне Александре Ивановне,

которая покраснела, как маков цвет. — В 4 часа отправился к Веневитиновым. Говорили о предчувствиях, видениях и проч. Веневитинов рассказывал о суеверии Пушкина. Ему предсказали судьбу какая-то немка Киригоф и грек (тара, oncle, cousin) в Одессе. — «До сих пор все сбывается, напр., два изгнания. Теперь должно начаться счастье. Смерть от белого человека или от лошади, и я с боязнию кладу ногу в стремя, — сказал он, — и подаю руку белому человеку». Между прочим приезжает сам Пушкин. Я не опомнился. — «Мы с вами давно знакомы, — сказал он мне, — и мне очень приятно утвердить и укрепить наше знакомство нынче». Пробыл минут пять, — превертливый и ничего необещающий снаружи человек.

М. П. ПОГОДИН. Дневник, 11 сент. 1826 г. П-н и его совр-ки, XIX—XX, 73.

А. Пушкин, в бытность свою в Москве, рассказывал в кругу друзей, что какая-то в С.-Петербурге утадчица на кофе, немка Кириш... предсказала ему, что он будет дважды в изгнании, и какой-то грек предсказатель в Одессе подтвердил ему слова немки. Он возил Пушкина в лунную ночь в поле, спросил час и год его рождения и, сделав заклинания, сказал ему, что он умрет от лошади или от белокурого человека. Пушкин жалел, что позабыл спросить его: человека белокурого или седого должно опасаться ему. Он говорил, что всегда с каким-то отвращением ставит свою ногу в стремя.

— «Не к стати Каченовского называют собакой, — сказал Пушкин. — Ежели же и можно так назвать его, то собакой беззубой, которая не кусает, а мажет слюнями».

— «Я надеюсь на Николая Языкова, как на скалу», — сказал Пушкин.

— «Как после Байрона нельзя описывать человека, которому надоели люди, так после Гете нельзя описывать человека, которому надоели книги».

В. Ф. ЩЕРБАКОВ. Из заметок о пребывании Пушкина в Москве в 1826—1827 гг. Собр. соч. Пушкина под ред. П. А. Ефремова, 1905 г., т. VIII, стр. 109—111.

Смотрел «Аристофана» (комедия кн. А. А. Шаховского). Соболевский подвел меня к Пушкину. — «Ах, здравствуйте! Вы не видали этой пьесы?» (слова Пушкина Погодину). — «Ее только во второй раз играют. Он написал еще Езопу при дворе». — «А это верно подражание (не разб.)?» — «Довольны ли вы нашим театром?» — «Зала прекрасная, жаль, что освещение изнутри».

М. П. ПОГОДИН. Дневник, 12 сент. 1826 г. П-н и его совр-ки, XIX—XX, 75.

Вот уж неделя, как я в Москве, и не нашел еще времени написать вам; это доказывает, как я занят. Император принял меня самым любезным образом. В Москве шум и празднества, так что я уже устал от них и начинаю вздыхать о Михайловском, т.-е. о Тригорском; я рассчитываю уехать отсюда не позже, как через две недели.

ПУШКИН—П. А. Осиповой, 15 сент. 1826 г.

(Праздничное гулянье на Девичьем Поле по случаю коронации). Завтрак народу нагайками — приехал царь — бросились. Славное движение. Пошел в народ с Соболевским и Мельгуновым. Сцены на горах. Скифы бросились обдирать холст, ломать галереи. Каковы! Куда попрыгали и комедианты, — веревки из-под них понадобились. Как били чернь. — Недоста-

вайся никому. Народ ломит дуром. — Обедал у Трубецких. — Там Пушкин, который относился несколько ко мне. — «Жаль, что на этом празднике мало драки, мало движения». Я ответил, что этому причина белое и красное вино, если бы было русское, то...

М. П. ПОГОДИН. Дневник, 16 сент. 1826 г. *П-н и его совр-ки*, XIX—XX, 77.

Был у А. Пушкина, который привез мне, как цензору, свою пьесу Онегин... Талант его виден и в глазах его: умен и остр, благороден в изъяснении и скромнее прежнего. Опыт не шутка.

И. М. СНЕГИРЕВ. Дневник, 18 сент. 1826 г. *П-н и его совр-ки*, XVI, 47.

К Веневитиновым. Рассказ о Пушкине: «У меня кружится голова после чтения Шекспира, я как-будто смотрю в бездну».

М. П. ПОГОДИН. Дневник, 24 сент. 1826 г. *П-н и его совр-ки*, XIX—XX, 77.

Я должен вам сказать о том, что очень в настоящее время занимает Москву, особенно московских дам. Пушкин, молодой и знаменитый поэт, здесь. Все альбомы и лорнеты в движении; раньше он был за свои стихи сослан в свою деревню. Теперь император позволил ему возвратиться в Москву. Говорят, у них был долгий разговор, император обещал лично быть цензором его стихотворений и, при полном зале, назвал его первым поэтом России. Публика не может найти достаточно похвал для этой императорской милости.

ФР. МАЛЕВСКИЙ—своим сестрам, 27 сент. 1826 г., из Москвы. *Ladislas Mickiewicz. Adam Mickiewicz, sa vie et son oeuvre. Paris. Albert Savine, éd., 1888, p. 81.*

Помнится и слышится еще, как княгиня Зинаида Волконская, в присутствии Пушкина и в первый день знакомства с ним, пропела элегию его «Погасло дневное светило». Пушкин был живо тронут этим обольщением тонкого и художественного кокетства. По обыкновению, краска вспыхивала на лице его. В нем этот детский и женский признак сильной впечатлительности был несомненное выражение внутреннего смущения, радости, досады, всякого потрясающего ощущения.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Полн. собр. соч.*, VII, 329.

Я познакомился с поэтом Пушкиным. Рожа ничего не обещающая. Он читал у Вяземского свою трагедию Борис Годунов.

А. Я. БУЛГАКОВ (московский почт-директор)—
К. Я. Булгакову, 5 окт. 1826 г. *Рус. Арх.*, 1901, II, 405.

Пушкин у Венетиновых — читал песни, коими привел нас в восхищение. — Вот предмет для романа: поэт в обществе.

М. П. ПОГОДИН. Дневник, 12 окт. 1826 г. *П-н и его совр-ки* XIX—XX, 79.

(Чтение Пушкиным «Годунова» в Москве, у Веневитиновых, 12 октября 1826 г., днем. В 12 час. приехал Пушкин). Какое действие произвело на всех нас это чтение, — передать невозможно. Мы собрались слушать Пушкина, воспитанные на стихах Ломоносова, Державина, Хераскова, Озерова, которых все мы знали наизусть. Учителем нашим был Мерзляков. Надо припомнить и образ чтения стихов, господствовавший в то время. Это был распев, завешанный французскою декламацией. Наконец, надо себе представить самую фигуру Пушкина. Ожиданный нами величавый жрец высокого искусства — это был среднего роста, почти низенький человечек, вертялый, с длинными, несколько курчавыми по концам волосами, без всяких притязаний, с живыми, быстрыми глазами, с тихим, приятным голосом, в черном сюртуке, в черном жилете, застегнутом наглухо, небрежно повязанном галстухе. Вместо высокопарного языка богов, мы слышали простую, ясную, обыкновенную и, между тем, — поэтическую, увлекательную речь!

Первые явления выслушали тихо и спокойно или, лучше сказать, в каком-то недоумении. Но чем дальше, тем ощущения усиливались. Сцена летописателя с Григорьем всех ошеломила... А когда Пушкин дошел до рассказа Пимена о посещении Кириллова монастыря Иоанном Грозным, о молитве иноков «да ниспошлет господь покой его душе, страдающей и бурной», мы просто все как-будто обеспамятели. Кого бросало в жар, кого в озноб. Волосы поднимались дыбом. Не стало сил воздерживаться. Кто вдруг вскочит с места, кто вскрикнет. То молчанье, то взрыв восклицаний, напр., при стихах самозванца: «Тень Грозного меня усыновила». Кончилось чтение. Мы смотрели друг на друга долго, и потом бросились к Пушкину. Начались объятия, поднялся шум, раздался смех, полились слезы, поздравления. Эван, эвое, дайте чаши!.. Явилось шампанское, и Пушкин одушевился, видя такое свое действие на избранную молодежь. Ему было приятно наше волнение. Он начал нам, поддавая жару, читать песни о Стеньке Разине, как он выплывал ночью на Волге на остроносой своей лодке, предисловие к «Руслану и Людмиле»: «У лукоморья дуб зеленый»... Потом Пушкин начал рассказывать о плане Дмитрия Самозванца, о палаче, который шутит с черною, стоя у плахи на Красной площади в ожидании Шуйского, о Мариие Мнишек с самозванцем, сцену которую написал он, гуляя верхом, и потом позабыл вполовину, о чем глубоко сожалел. О, какое удивительное то было утро, оставившие следы на всю жизнь. Не помню, как мы разошлись, как докончили день, как улеглись спать. Да едва кто и спал из нас в эту ночь. Так был потрясен весь наш организм.

М. П. ПОГОДИН. *Рус. Арх.*, 1866, стр. 97.

Вообще читал он чрезвычайно хорошо... Это был удивительный чтец: вдохновение так пленяло его, что за чтением «Бориса Годунова» он показался Шевыреву красавцем.

П. В. АННЕНКОВ со слов С. П. Шевырева.
Л. Майков, 329, 331.

Читал Пушкин превосходно, и чтение его, в противность тогдашнему обыкновению читать стихи нараспев и с некоторою вычурностью, отличалось, напротив, полною простотою.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1876, I, 489.

Ив. Серг. Тургенев читал стихи нараспев и с торжественной интонацией, согласно Пушкинской традиции. Он говорил нам, что не слышал, как

читал сам Пушкин, но что манеру его чтения ему воспроизводил один из его друзей, слышавший самого Пушкина.

ЕВГ. М. ГАРШИН. Воспоминания о Тургеневе, *Историч. Вестник*, 1883, т. XIV, 392.

Лев Сергеевич Пушкин превосходно читал стихи и представлял мне, как читал их покойный брат его Александр Сергеевич. Из этого я заключил, что Пушкин стихи свои читал как бы нараспев, как бы желая передать своему слушателю всю музыкальность их.

Я. П. ПОЛОНСКИЙ. Кое-что о Пушкине. *Cosmopolis*, 1898, март, 202.

Нет, добрый друг, не думай, что Александр Сергеевич почувствует когда-нибудь свою неправоту передо мною. Если он мог в минуту своего благополучия, и когда он не мог не знать, что я делал шаги к тому, чтобы получить для него милость, отречься от меня и клеветать на меня, то как возможно предполагать, что он когда-нибудь снова вернется ко мне? Не забудь, что в течение двух лет он питает свою ненависть, которую ни мое молчание, ни то, что я предпринимал для смягчения его участи изгнания, не могли уменьшить. Он совершенно убежден в том, что просить прощения должен я у него, но он прибавляет, что если бы я решил это сделать, то он скорее выпрыгнул бы в окно, чем дал бы мне это прощение... Я еще ни минуты не переставал воссылать мольбы о его счастье и, как повелевает Евангелие, я люблю в нем моего врага и прощаю его, если не как отец, — так как он от меня отрекается, — то как христианин, но я не хочу, чтоб он знал об этом: он припишет это моей слабости или лицемерию, ибо те принципы забвения обид, которыми мы обязаны религии, ему совершенно чужды.

С. Л. ПУШКИН (отец поэта)—брату своему В. Л. Пушкину, 17 окт. 1826 г., из Петербурга. *Б. Л. Модзалевский. Пушкин под тайным надзором*, 31 (фр.).

Более всего в поведении Александра Сергеевича вызывает удивление то, что как он меня ни оскорбляет и ни разрывает наши сердечные отношения, он предполагает вернуться в нашу деревню и, естественно, пользоваться всем тем, чем он пользовался раньше, когда он не имел возможности оттуда выезжать. Как примирить это с его манерой говорить обо мне, — ибо не может ведь он не знать, что это мне известно. Александр Тургенев и Жуковский, чтобы утешить меня, говорили, что я должен стать выше того, что он про меня говорил, что это он делал из подражания лорду Байрону, на которого он хочет походить. Байрон ненавидел свою жену и всюду скверно говорил об ней, а Александр Сергеевич выбрал меня своей жертвой. Но эти все рассуждения не утешительны для отца, — если я еще могу называть себя так. В конце концов: пусть он будет счастлив, но пусть оставит меня в покое.

С. Л. ПУШКИН—зятю своему М. М. Солнцеву, 17 окт. 1826 г. *Б. Модзалевский*, стр. 32. (фр.).

Общий обед—очень приятно было взглянуть на всех вместе. Неловко представился Баратынскому. Обед чудно, но жаль, что общего разговора не было. С удовольствием пили за здоровье Мишкевича, потом Пушкина. Подпили. Представление Оболенского Пушкину и проч.

М. П. ПОГОДИН. Дневник, 29 окт. 1826 г. *П-н и его совр-ки*, XIX—XX, 80.

Рождение журнала (*«Московский Вестник»*, под редакцией Погодина) положено отпраздновать общим обедом всех сотрудников. Мы собрались в доме бывшем Хомякова (где ныне кондитерская Люке): Пушкин, Мицкевич, Баратынский, два брата Веневитиновых, два брата Хомяковых, два брата Киреевских, Шевырев, Титов, Мальцев, Рожалин, Раич, Рихтер, Оболенский, Соболевский. Нечего описывать, как весел был этот обед. Сколько тут было шуму, смеху, сколько рассказано анекдотов, планов, предложений! Оболенский, ад'юнкт преческой словесности, добрейшее существо, какое только может быть, подпив за столом, подскочил после обеда к Пушкину и, вз'ерошивая свой хохотик, любимая его привычка, воскликнул:—«Александр Сергеевич, Александр Сергеевич, я единица, а посмотрю на вас, и покажусь себе миллионом. Вот вы кто!»—Все захохотали и закричали: «миллион, миллион!»

Вино играло роль на наших вечерах, но не до излишков, а только в меру, пока оно веселит сердце человеческое. Пушкин не отказывался под веселый час выпить. Один из товарищей был знаменитый знаток, и пред началом *«Московского Вестника»* было у нас в моде алеатико, прославленное Державиным.

М. П. ПОГОДИН. Из воспоминаний о Пушкине.
Рус. Арх., 1865, стр. 100, 103.

26 окт. 1826 г. Поутру получаю записку от (*Мар. Ив.*) Корсаковой: «Приезжайте непременно, нынче вечером у меня будет Пушкин». К 8 часам я в гостиной у Корсаковой; там собралось уже множество гостей. Дамы разоделись и рассчитывали привлечь внимание Пушкина, так что, когда он вошел, все дамы устремились к нему и окружили его. Каждой хотелось, чтоб он сказал ей хоть слово... Я издали наблюдала это африканское лицо, на котором отпечатлелось его происхождение, это лицо, по которому так и сверкает ум. Я слушала его без предупредительности и молча. Так прошел вечер. За ужином кто-то назвал меня, и Пушкин вдруг встрепенулся, точно в него ударила электрическая искра. Он встал и, поспешно подойдя ко мне, сказал: «вы сестра Михаила Григорьевича? Я уважаю, люблю его и прошу вашей благосклонности». Он стал говорить о лейб-гусарском полке, который, по словам его, был его колыбелью, а брат мой был для него нередко ментором.

А. Г. ХОМУТОВА. *Рус. Арх.*, 1867, стр. 1057 (фр.).

Вероятно встречусь с Пушкиным, с которым и желал бы познакомиться; но с другой стороны слышал так много дурного насчет его нравственности, что больно встретить подобные свойства в таком великом гении. Он, говорят, несет большую дичь и—публично.

НЕИЗВЕСТНЫЙ—гр. Мих. Ю. Внелгорскому,
6 ноября 1826 г., из Москвы. *Б. Модзалевский*, 33.

Пушкин, приехавший в Москву осенью 1826 г., вскоре понял Мицкевича и оказывал ему величайшее уважение. Любопытно было видеть их вместе. Проницательный русский поэт, обыкновенно господствовавший в кругу литераторов, был чрезвычайно сдержан в присутствии Мицкевича, больше заставлял его говорить, нежели говорил сам, и обращался с своими мнениями к нему, как бы желая его одобрения. В самом деле, по образованности, по многосторонней учености Мицкевича Пушкин не мог сравнивать себя с ним, и сознание в том делает величайшую честь уму нашего поэта.

КС. А. ПОЛЕВОЙ. *Записки*, 171.

В прибавлениях к посмертному собранию сочинений Мицкевича, писанных на французском языке, рассказывается следующее: Пушкин, встретясь где-то на улице с Мицкевичем, посторонился и сказал: «с дороги двойка, туз идет!» На что Мицкевич тут же отвечал: «козырная двойка, туза бьет!»

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. Полн. собр. соч., VII, 309.

Пушкин и Мицкевич часто видались. Будревич, учитель математики в Тверской гимназии, помнил, как раз Пушкин зазвал сбитенщика, и как вся компания пила сбитень, а Пушкин шутя говорил:—«На что нам чай? Вот наш национальный напиток».—В одном собрании Мицкевич в присутствии Пушкина импровизировал французского прозою.

М. А. МАКСИМОВИЧ по записи Бартевева. Р. А., 1889, II, 480.

Мицкевич несколько раз выступал с импровизациями здесь и в Москве: хотя были они в прозе, и то на французском языке, но возбудили удивление и восторг слушателей. Ах, ты помнишь его импровизации в Вильне! Помнишь то подлинное преобразование лица; тот блеск глаз, тот проникающий голос, от которого тебя даже страх охватывает,—как будто через него говорит дух. Стих, рифма, форма,—ничего тут не имеет значения. Говорящим под наитием духа дан был дар всех языков или, лучше сказать,—тот таинственный язык, который понятен всякому. На одной из таких импровизаций в Москве Пушкин, в честь которого давался тот вечер, сорвался с места и, ероша волосы, почти бегая по зале, воскликнул:—«*Quel génie! Quel feu sacré! Que suis-je auprès de lui?*»—и, бросившись на шею Адама, сжал его и стал целовать, как брата. Я знаю это от очевидца. Тот вечер был началом взаимной дружбы между ними. (Уже много позже, когда друзья Пушкина упрекали его в равнодушии и недостатке любознательности за то, что он не хочет проехаться по заграничным странам, Пушкин ответил:—«Красоты природы я в состоянии вообразить себе даже еще прекраснее, чем они в действительности; поехал бы я разве для того, чтобы познакомиться с великими людьми: но я знаю Мицкевича, и знаю, что более великого теперь не найду». Слова эти мне передал человек, слышавший их из уст самого Пушкина. *Позднейшее примечание автора.*)

А. Э. ОДЫНЕЦ—Юлиану Корсаку, 9—21 мая 1829 г. из Петербурга. *A. E. Odyniec. Listy z podróży. Tom I. Warszawa. 1884. Pag. 57 (польск.)*

(Осенью 1826 г. Пушкин с Соболевским в гостях у Н. А. Полевого). Перед конторкою, на которой обыкновенно писал Н. А-вич, стоял человек, немного превышавший эту конторку, худощавый, с резкими морщинами на лице, с широкими бакенбардами, покрывавшими всю нижнюю часть его щек и подбородка, с тучею кудрявых волос. Ничего юношеского не было в этом лице, выражавшем урюмость, когда оно не улыбалось. Он был невесел этот вечер, молчал, когда речь касалась современных событий, почти презрительно отзывался о новом направлении литературы, о новых теориях, и между прочим сказал:—«Немцы видят в Шекспире чорт знает, что, тогда как он просто, без всяких умищиваний, говорил, что было у него на душе, не стесняясь никакой теорией». Тут он выразительно напомнил о неблагодарности, встречаемых у Шекспира, и прибавил, что это был гениальный мужичок! (Пушкин несколько развеселился бутылкой шампанского (тогда необходимая принадлежность литературных бесед!) и даже

диктовал Соболевскому комические стихи в подражание Виргилию. Тут я видел, как богат был Пушкин средствами к оставлению стихов: он за несколько строк уже готовил мысль или созвучие и находил прямое выражение, не заменимое другим. И это шутя, между разговором!

Прошло еще несколько дней, когда, однажды утром, я заехал к нему. Он, временно, жил в гостинице, бывшей на Тверской, в доме кн. Гагарина, отличавшемся вычурными уступами и крыльцами снаружи. Там занимал он довольно грязный номер в две комнаты, и я застал его, как обыкновенно заставал потом утром в Москве и в Петербурге, в татарском серебристом халате, с голою грудью, не окруженного ни малейшем комфортом: так жил он потом в гостинице Демута в Петербурге. На этот раз он был, как мне показалось сначала, в каком-то раздражении, и тотчас начал речь о «Московском Телеграфе» (*журнал Н. А. Полевого*), в котором находил множество недостатков, выражаясь об иных подробностях саркастически. Я возразил ему, как умел, и разговор шел довольно запальчиво, когда в комнату вошел Шевырев... Пушкин начал горячо расхваливать стихи Шевырева, вообще оказывая Шевыреву самое приятное расположение, хотя и с высоты своего величия, тогда как со мною он разговаривал почти неприязненно, как неприятель. Вскоре свалился в комнату М. П. Погодин. Пушкин и к нему обратился дружески. Я увидел, что буду лишним в таком обществе, и взялся за шляпу. Провожая меня до дверей и пожимая мне руку, Пушкин сказал:— «*sans gaucerie, je vous en prie!*»—и захохотал тем простодушным смехом, который памятен всем, знавшим его.

Пушкин соображал свое обхождение не с личностью человека, а с положением его в свете, и потому-то признавал своим собратом самого ничтожного барича и оскорблялся, когда в обществе встречали его, как писателя, а не как аристократа... Аристократ по системе, если не в действительности, Пушкин увидал себя еще более чуждым Полевому, когда блестящее светское общество встретило с распростертыми объятиями знаменитого поэта, бывшего диковинкою в Москве. Он как будто не видал, что в нем чествовали не потомка бояр Пушкиных, а писателя и современного льва, в первое время, по крайней мере. Увлечшись в вихрь светской жизни, которую всегда любил он, Пушкин почти стыдился звания писателя.

КС. А. ПОЛЕВОЙ. *Записки*, 1888. Стр. 198—204.

Я слежу за сочинителем Пушкиным, насколько это возможно. Дома, которые он наиболее часто посещает, суть дома княгини Зинаиды Волконской, князя Вяземского, поэта, бывшего министра Дмитриева и прокурора Жихарева. Разговоры там вращаются, по большей части, на литературе... Дамы кадят ему и балуют молодого человека; напр., по поводу выраженного им в одном обществе желанья вступить в службу, несколько дам вскричали сразу: «Зачем служить! Обогащайте нашу литературу вашими высокими произведениями, и разве, к тому же, вы уже не служите девяти сестрам? Существовала ли когда-нибудь более прекрасная служба?» Другая сказала: «Вы уже служите в инженерах, а также в свете» (*Игра слов: Vous servez déjà dans le genre et ainsi de suite*).—8 ноября 1826 г.—Сочинитель Пушкин только что покинул Москву, чтобы отправиться в свое псковское имение.

И. П. БИБИКОВ, жандармский полковник, в донесении Бенкендорфу. *Б. Модзалевский*, 33 (фр.).

Я еду похоронить себя в деревне до первого января,—уезжаю со смертью в душе.

ПУШКИН—В. П. Зубкову, 1—2 ноября 1826 года. *Пушкин. Письма* (гос. изд.), т. II, 17.

С. П. (Софья Федоровна Пушкина, однофамилица поэта, которую он увлекся в Москве)—мой добрый ангел; но другая—мой демон; это совершенно некстати смущает меня в моих поэтических и любовных размышлениях. Прощайте, княгиня,—еду похоронить себя среди моих соседок. Молитесь за упокой моей души.

ПУШКИН—кн. В. Ф. Вяземской, 3 ноября 1826 г., из Торжка.

Мой милый Соболевский,—я снова в моей избе. Восемь дней был в дороге, сломал два колеса и приехал на перекладных. Дорогою бранил тебя немилосердно, но в доказательство дружбы посылаю себе мой itinéraire от Москвы до Новгорода. Это будет для тебя инструкция.

У Гальяни или Кольони
Закажи себе в Твери
С пармезаном макарони,
Да яшницу свари.
На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке,
Жареных котлет отведай (имянно котлет)
И отправься налегке.
Как до Яжельбиц дотащит
Кольямагу мужичок,
То-то друг мой растарачит
Сладострастный свой глазок!
Поднесут тебе форели!
Тотчас их варить вели.
Как увидишь: посинели,
Влей в уху стакан Шабли.
Чтоб уха была по сердцу,
Можно будет в кипяток
Положить немного перцу,
Луку маленький кусок—

Яжельбицы первая станция после Валдая.—В Валдае спроси, есть ли свежие сельди? если же нет,—

У податливых крестьянок
(Чем и славится Валдай)
К чаю накупи баранок
И скорее поезжай.

ПУШКИН—С. А. Соболевскому, 9 ноября 1826 г., из Михайловского.

Гальяни в пушкинское время содержал в Твери лучшую гостиницу, с залом для танцев и других увеселений, так что гостиница Гальяни заменяла клуб. Дом, где находилась гостиница, был на углу, двухэтажный, низ каменный, верх деревянный; в 1879 г., этот дом сгорел, а на его месте построен большой дом, принадлежащий теперь А. А. Пржецлавской.

И. А. ИВАНОВ. О пребывании Пушкина в Тверской губ. Изд. Тверского Об-ва Любит. Археол. Тверь, 1899, стр. 15.

Итальянец Гальяни имел в то время в Твери ресторан или гостиницу, которая считалась тогда лучшею. В ней останавливались обыкновенно более состоятельные проезжающие. По этому ресторану в Твери и доселе называется Гальянова улица¹⁾, на левом углу которой, рядом с Мирносицкой

¹⁾ Ныне—Пушкинская.

улицей, и стоял этот ресторан. Здесь-то неоднократно и бывал Пушкин. Одна современница Пушкина передала нам, что однажды ее муж, тогда еще молодой человек 16-ти лет, встретил здесь Пушкина и рассказывал об этом так: «Я сейчас видел Пушкина. Он сидит у Гальяни на окне, поджав ноги, и ест персики. Как он напомнил мне обезьяну!»

В. И. КОЛОСОВ. Пушкин в Тверской губернии.
Рус. Стар., 1888, т. 60, стр. 85.

Вот я в деревне. Доехал благополучно без всяких замечательных пассажей; самый неприятный анекдот было то, что сломались у меня колеса, расстресанные в Москве другом и приятелем моим Соболевским. Деревня мне пришла, как-то, по сердцу. Есть какое-то поэтическое наслаждение возвратиться вольным в покинутую тюрьму. Ты знаешь, что я не корчу чувствительность, но встреча моей дворянки, хамов и моей няни,—ей-богу приятнее шекотит сердце, чем слава, наслаждения самолюбия, рассеянности и пр. Няня моя уморительна. Вообрази, что 70-ти лет она выучила наизусть новую молитву о умилении сердца владыки и укрощении духа его свирепости, молитвы, вероятно, сочиненной при ц. Иване. Теперь у ней попы дерут молебен и мешают мне заниматься делом... Буду у вас к 1-му... она велела! Милый мой, Москва оставила во мне неприятное впечатление, но все-таки лучше с вами видиться, чем переписываться.

ПУШКИН—кн. П. А. Вяземскому, 9 ноября 1826 г.,
из Михайловского.

Еду к вам и не доеду. Какой! Меня доезжают!.. Из'ясню после.—В деревне я писал презренную прозу, а вдохновение не лезет. Во Пскове, вместо того, чтобы писать 7-ую главу Онегина, я проигрываю в штосс четвертую: не забавно.

ПУШКИН—кн. П. А. Вяземскому, 1 дек. 1826 г.,
из Пскова.

Выехал я тому пять-шесть дней из моей проклятой деревни на перекладной, в виду отвратительных дорог. Псковские ямщики не нашли ничего лучшего, как опрокинуть меня. У меня помят бок, болит грудь, и я не могу двигать рукою. Взбешенный, я играю и проигрываю. Как только мне немного станет лучше, буду продолжать мой путь почтой... Так как я, вместо того, чтобы быть у ног Софи (С. Ф. Пушкиной), нахожусь на постоялом дворе во Пскове, то поболтаем, т.-е., станем рассуждать. Мне 27 лет, дорогой друг. Пора жить, т.-е., познать счастье. Ты мне говоришь, что оно не может быть вечным: прекрасная новость! Не мое личное счастье меня тревожит,—могу ли я не быть самым счастливым человеком с нею,—я трепещу, лишь думаю о судьбе, быть может, ее ожидающей,—я трепещу перед невозможностью сделать ее столь счастливою, как это мне желательно. Моя жизнь,—такая доселе кочующая, такая бурная, мой нрав—неровный, ревнивый, обидчивый, раздражительный и, вместе с тем, слабый,—вот что внушает мне тягостное раздумие. Следует ли мне связать судьбу столь нежного, столь прекрасного существа с судьбою до такой степени печальною, с характером до такой степени несчастным?—Боже мой, до чего она хороша! И как смешно было мое поведение по отношению к ней. Дорогой друг, постарайся изгладить дурное впечатление, которое оно могло на нее произвести. Скажи ей, что я разумнее, чем кажусь с виду... Мерзкий этот Пагин! Два года влюблен, а свататься собирается на Фоминой неделе,—а я вижу ее раз в ложе,—в другой раз на бале, а в третий сватаюсь!.. Объясни же ей,

что, увидев ее, нельзя колебаться, что, не претендуя увлечь ее собою, я прекрасно сделал, прямо придя к развязке, что, полюбив ее, нет возможности полюбить ее сильнее... Ангел мой, уговори ее, упроси ее, настрашай ее Паниным скверным и—жени меня!

ПУШКИН—В. П. Зубкову, 1 дек. 1826 г. из Пскова (фр.-русс.).

Софья Федоровна Пушкина была стройна и высока ростом, с прекрасным греческим профилем и черными, как смоль, глазами и была очень умная и милая девушка¹⁾.

Е. П. ЯНЬКОВА по записи Д. Благово. *Рассказы бабушки*. Спб., 1885, стр. 460.

Ответ Ф. Т. *** («Нет, не черкешенка она»). Здесь говорится о г-же Паниной, урожденной Пушкиной, в которую Пушкин был влюблен. (Да. Приписка Соболевского). Стихотворение написано в Москве.

П. В. НАШОКИН по записи Бартенева. *Рассказы о Пушкине*, 29.

Я имел счастье представить государю императору комедию вашу о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве. Его величество изволил прочесть оную с большим удовольствием и на поднесенной мною по сему предмету записке собственноручно написал следующее: «Я считаю, что цель г. Пушкина была бы выполнена, если бы с нужным очищением переделал комедию свою в историческую повесть или роман, на подобие Вальтера Скота».

Граф А. Х. БЕНКЕНДОРФ—Пушкину 14 дек. 1826 г., из Петербурга. *Переп. Пушкина*, I, 393.

По возвращении из деревни (19 декабря), куда он ездил на короткое время, Пушкин приехал прямо ко мне и жил в том же доме Ренкевича, который, как сказано, на Собачьей площадке стоит лицом, а задом выходит на Молчановку.

С. А. СОБОЛЕВСКИЙ—М. Н. ЛОНГИНОВУ, 1855 г. П—н и его совр-ки, XXXI—XXXII, 40.

¹⁾ Б. Л. Модзалевский доказывает (*Пушкин и его с-ки*, вып. IV, стр. 102), что бабушка Янькова перепутала сестер, и что приведенная характеристика относится к Анне Федоровне Пушкиной, к Софье же Федоровне относится следующая: «меньшая, маленькая и, subtilная блондинка, точно саксонская куколка, была прехорошенькая, преживая и превеселая, и хотя не имела ни той поступи, ни осанки, как ее сестра, но личиком была, кажется, еще милее».—В первом издании этой книги я выразил свое согласие с Б. Л. Модзалевским. Теперь, однако, думаю, что он неправ. Два ближайших друга Пушкина, Нащокин и Соболевский, свидетельствуют (см. след. выписку), что в стихотворении «Ответ Ф. Т.» поэт говорит о С. Ф. Пушкиной. Вот это стихотворение:

Нет, не черкешенка она:
Но в доли Грузии от века
Такая дева не сошла
С высот угрюмого Казбека.
Нет, не агат в глазах у ней:
Но все сокровища Востока
Не стоят сладостных лучей
Ее полуденного ока.

Описание вполне подходит к описанию, даваемому Яньковою Софье Федоровне. Да и на дошедших портретах Софии Пушкиной мы видим совершенно «полуденную» брюнетку.

(Приехав в Москву 19 дек., Пушкин остановился у Соболевского на Собачьей Площадке в доме Ренкевича, вполн. Левенталя). Мы ехали с Лонгиновым через Собачью Площадку; сравнившись с углом ее, я показал товарищу дом Ренкевича, в котором жил я, а у меня Пушкин. Сравнялись с прорубленной мною дверью в переулок—видим на ней вывеску: «продажа вина» и пр... Вылезли извозка и пошли туда. Дом совершенно не изменился в расположении: вот моя спальня, мой кабинет, та общая гостиная, в которую мы сходились из своих половин, и где заседал Александр Сергеевич в самоедском ержаке. Вот где стояла кровать его; вот где так нежно возился и нянчился он с маленькими датскими щенятами. Вот где он выронил,—к счастью, что не в кабинете императора!—свое стихотворение на 14 декабря, что с час времени так его беспокоило, что оно не нашлось. Вот где собирались Веневитинов, Киреевский, Шевырев, Рожалин, Мицкевич, Баратынский, вы, я... и другие мужи, вот где болталось, смеялось, вралось и говорилось умно!

С. С. (С. А. СОБОЛЕВСКИЙ). «Русский», газета политич. и литерат., 1867, лист 7 и 8, стр. 111.

Помню, помню живо этот знаменитый уголок, где жил Пушкин в 1826 и 1827 году, помню его письменный стол между двумя окнами, над которым висел портрет Жуковского с надписью: «ученику-победителю от побежденного учителя». Помню диван в другой комнате, где за вкусным завтраком,—хозяин был мастер этого дела,—начал он читать мою повесть «Русая коса» и, дойдя до места, где один молодой человек выдумал новость другому, любителю словесности, чтобы вырвать его из задумчивости: «Жуковский перевел байронова Мазепу», вскрикнул с восторгом: «как! Жуковский перевел Мазепу!» Там переписал я ему его Мазепу, поэму, которая после получила имя Полтавы. Однажды мы пришли к Пушкину разю с Шевыревым за стихотворением для «Московского Вестника», чтоб застать его дома, а он еще не возвращался с прогульной ночи и приехал при нас. Помню, как нам было неловко, в каком странном положении мы очутились из области поэзии в области прозы.

М. П. (М. П. ПОГОДИН). Там же, стр. 112.

Дом Ренкевич, затем Левенталя сохранился в Москве до настоящего времени. Это угловой одноэтажный деревянный оштукатуренный дом; стоит он на самом углу Борисоглебского переулочка и Собачьей площадки (на противоположной стороне от него Кречетниковский пер.); теперешний его № 12. Во внешнем виде он утратил прежний облик жилого дома-флигеля: окна и решены в широкие квадратные витрины, проделано много дверей на улицу для отдельных торговых помещений. Изменился и внутренний вид: переделаны и сняты прежние перегородки комнат, частично уничтожены полы и накаты (напр., в керосиновой лавке).

А. А. ЛАПИН. Книга воспоминаний о Пушкине. Изд. «Мира», М., 1931, стр. 285.

По первопутке прибыл в Москву и остановился у Соболевского. Его кофей с пастилой, манер Носов, знавший бездну прибауток, по ночам просиживали у Марьи Ивановны Корсаковой, когда она спала... Часто у Зинаиды Волконской бывает.

П. В. АННЕНКОВ. Записи. Б. Модзалевский. «Пушкин». 1929. Стр. 339.

Я устал и болен, потому Вам и не пишу более.

ПУШКИН—Н. М. Языкову, 21 дек. 1826 г., из Москвы.

27 дек. 1826 г.—Вчера провел я вечер, незабвенный для меня. Я видел несчастную княгиню Марию Волконскую, коей муж сослан в Сибирь и которая сама отправляется в путь, вслед за ним, вместе с Муравьевой. Она нехороша собой, но глаза ее чрезвычайно много выражают. Третьего дня ей минуло двадцать лет. Эта интересная и вместе могучая женщина—больше своего несчастья. Она его преодолела, выплакала; источник слез уже иссох в ней.

Она чрезвычайно любит музыку. В продолжении всего вечера она все слушала, как пели, и когда один отрывок был отпет, она просила другого. До двенадцати часов ночи она не входила в гостиную, потому что у кн. З. (Зинаиды Николаевны Волконской: она и Мария Николаевна были жены двух братьев Волконских) много было, но сидела в другой комнате за дверью, куда к ней беспрестанно ходила хозяйка, думая о ней только и стараясь всячески ей угодить. Отрывок из «Agnes» del Maestro Paer был пресечен в самом том месте, где несчастная дочь умоляет еще несчастнейшего родителя о прощении своем. Невольное сближение злосчастья Агнессы или отца ее с настоящим положением невидимо присутствующей родственницы своей отняло голос и силу у кн. Зинаиды, а бедная сестра ее по сердцу принуждена была выйти, ибо залилась слезами и не хотела, чтобы это приметили в другой комнате. Остаток вечера был печален. Когда все раз'ехались, и осталось только очень мало самых близких и вхожих к кн. Зинаиде, она вошла сперва в гостиную, села в угол, все слушала музыку, которая для нее не переставала, потом приблизилась к клавикордам, села на диван, говорила тихим голосом очень мало, изредка улыбалась. Для нее велела кн. Зинаида изготовить ужин, ибо становилось уже очень поздно и приметно было, что она устала. Во время ужина старалась нас всех развлечь от себя, говоря вообще очень мало, но говоря о предметах посторонних. Когда встали из-за стола, она тотчас пошла в свою комнату. И мы уехали уж после двух часов.

А. В. ВЕНЕВИТИНОВ. *Рус. Стар.*, 1875, т. 12, стр. 822. *Ср. Русс. Стар.*, 1878, т. 21, стр. 140.

В Москве я остановилась у Зинаиды Волконской, моей невестки, которая приняла меня с такой нежностью и добротой, которых я никогда не забуду: она окружила меня заботами, вниманием, любовью и состраданием. Зная мою страсть к музыке, она пригласила всех итальянских певцов, которые были тогда в Москве, и несколько талантливых девиц. Прекрасное итальянское пение привело меня в восхищение, а мысль, что я слышу его в последний раз, делала его для меня еще прекраснее. Дорогой я простудилась и совершенно потеряла голос, а они пели как раз те вещи, которые я изучила лучше всего, и я мучилась от невозможности принять участие в пении. Я говорила им: «Еще, еще! Подумайте, только, ведь я никогда больше не услышу музыки!» Пушкин, наш великий поэт, тоже был здесь... Во время добровольного изгнания нас, жен сосланных в Сибирь, он был полон самого искреннего восхищения: он хотел передать мне свое «Послание к узникам» («Во глубине сибирских руд») для вручения им, но я уехала в ту же ночь, и он передал его Александрине Муравьевой. Пушкин говорил мне: «Я хочу написать сочинение о Пугачеве. Я отправлюсь на места, перееду через Урал, вроеду дальше и приду просить у вас убежища в Нерчинских рудниках».

Кн. М. Н. ВОЛКОНСКАЯ. *Записки*. Изд. 2, книга «Прометей». Стр. 61—64.

О, ты, пришедшая отдохнуть в моем жилище! Образ твой овладел моей душой. Твой высокий стан встает передо мною, как великая мысль, и мне кажется, что твои грациозные движения создают мелодию, какую древние приписывали небесным звездам. У тебя глаза, волосы и цвет лица, как у дочери Ганга, и жизнь твоя, как ее, запечатлена долгом и жертвою. «Когда-то, говорила ты, мой голос был звучен, но страдания заглушили его»... Как ты вслушивалась в наши голоса, когда мы пели около тебя хором!—«Еще, еще!»—повторяла ты.—«Ни завтра, никогда уже не услышу музыки!»

Кн. З. Н. ВОЛКОНСКАЯ. *Oeuvres choisies de la pr-sse Zénéide Volkonsky. Paris et Carlsruhe, 1865, p. 253. (фр.)*

28 дек. 1826 г. У Пушкина (т.-е. в описанной выше квартире Соболевского). Досадно, что свинья Соболевский свинствует при всех. Досадно, что Пушкин в развращенном виде пришел при Волкове.

М. П. ПОГОДИН. *Дневник. Ник. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. II, изд. 2, стр. 64.*

Как поэт, как человек минуты, Пушкин не отличался полною определенностью убеждений. Стихи («Во глубине сибирских руд...») были принесены в Москве, в начале 1827 г., самим Пушкиным А. Г. Муравьевой, перед отъездом ее в Сибирь к ее супругу. Прощаясь с нею, Пушкин так крепко сжал ее руку, что она не могла продолжать письма, которое писала, когда он к ней вошел.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх., 1874, II, 703.*

В 1827 г., когда Пушкин пришел проститься с А. Г. Муравьевой, ехавшей в Сибирь к своему мужу, Пушкин сказал ей:—«Я очень понимаю, почему эти господа не хотели принять меня в свое общество: я не стоил этой чести».

И. Д. ЯКУШКИН. *Записки М. 1908. Стр. 48.*

(1826—1827). Мы увидали Пушкина с хором Благородного Собрания. Внизу было многочисленное общество, среди которого вдруг сделалось особого рода движение. В залу вошли два молодые человека. Один был блондин, высокого роста; другой—брюнет, роста среднего, с черными, кудрявыми волосами и выразительным лицом.—«Смотрите,—сказали нам:—блондин—Баратынский, брюнет—Пушкин». Они шли рядом, им уступали дорогу. В конце залы Баратынский с кем-то заговорил. Пушкин стал подле белой мраморной колонны, на которой был бюст государя, и облокотился на него.

Т. П. ПАСSEK. *Из дальних лет. Воспоминания. Т. I. Спб. 1878, стр. 221.*

(1826—1827). Особенно памятна мне одна зима или две, когда не бала в Москве, на который бы не приглашали Григ. Ал. Корсакова и меня. После пристал к нам и Пушкин. Знакомые и незнакомые зазывали нас и в Немецкую слободу, и в Замоскворечье. Наш триумвират в отношении к балам отслуживал службу свою, на подобие бригадиров и кавалеров св. Анны, непрременных почетных гостей, без коих обойтись не могла ни одна купеческая свадьба, ни один именинный обед.

Кн. П. А. ВЯЗEMСКИЙ. *Полн. Собр. соч., VII, 171.*

Показано, что в те времена я не раз носилась в вихре вальса с Ал: Серг. Пушкиным. Веселое и беззаботное было время.

Е. А. САБАНЕЕВА. *Воспоминания о былом*. Спб., 1914. Стр. 92.

(*Зимой 1826—1827 г.*). Приветливо встретил меня Пушкин и показал живое участие к молодому писателю, без всякой литературной спеси или каких-либо следов протекции, потому что, хотя он и чувствовал всю высоту своего гения, но был чрезвычайно скромнен в его заявлении.—Общим центром для литераторов и вообще для любителей всякого рода искусств, музыки, пения, живописи, служил тогда блестящий дом княгини Зинаиды Волконской, урожденной княжны Белозерской. Эта замечательная женщина, с остатками красоты и на склоне лет, хотела играть роль Коринны и действительно была нашей русскою Коринною. Она писала и прозою, и стихами. Все дышало грацией и поэзией в необыкновенной женщине, которая вполне посвятила себя искусству. По ее аристократическим связям, собиралось в ее доме самое блестящее общество первопрестольной столицы; литераторы и художники обращались к ней, как бы к некоторому меценату. Страстная любительница музыки, она устраивала у себя не только концерты, но и итальянскую оперу, и являлась сама на сцене в роли Танкреды, поражая всех ловкою игрою и чудным голосом: трудно было найти равный ей контральто. В великолепных залах Белосельского дома оперы, живые картины и маскарады часто повторялись во всю эту зиму, и каждое представление обставлено было с особенным вкусом, ибо княгиню постоянно окружали итальянцы. Тут же, в этих салонах, можно было встретить и все, что только было именитого на русском парнасе. Часто бывал я на ее вечерах и маскарадах, и тут однажды, по моей неловкости, случилось мне сломать руку колоссальной гипсовой статуи Аполлона, которая украшала театральную залу. Это навлекло мне злую эпиграмму Пушкина, который, не разобрав стихов, сейчас же написанных мною, в свое оправдание, на пьедестале статуи²⁾, думал прочесть в них, что я называю себя соперником Аполлона³⁾.

А. Н. МУРАВЬЕВ. *Знакомство с русскими поэтами*. Киев. 1871. Стр. 11.

²⁾ Вот эти стихи Муравьева:

О, Аполлон! Поклонник твой
Хотел померяться с тобой,
Но оступился и упал.
Ты горделивца наказал;
Хотя пожертвовал рукой,
Зато остался он с ногой.
(Рус. Арх., 1885, I, 132).

³⁾ Эпиграмма Пушкина:

Лук звенит, стрела трепещет,
И, клубясь, издох Пифон,
И твой лик победой блещет,
Бельведерский Аполлон!
Кто-ж вступился за Пифона,
Кто разбил твой истукан?
Ты, соперник Аполлона,
Бельведерский Митрофан!

Ответная эпиграмма Муравьева:

Как не злиться Митрофану?
Аполлон обидел нас:
Посадил он обезьяну
В первом месте на Парнас.

Княгиня Зин. Ая. Волконская занимала Белосельский огромный дом на Тверской, против церкви св. Дмитрия Солунского... Ее салон был сборным местом художников и литературных знаменитостей... А. Н. Муравьев, тогда армейский драгунский молодой офицер... раз отломив нечаянно (упираю на это слово) руку у гипсового Аполлона на парадной лестнице Белосельского дома, тут же начертил какой-то акростих. Могу сказать почти утвердительно, что А. С. Пушкина при том не было.

Граф М. Д. БУТУРЛИН. Записки. *Рус. Арх.*, 1887. II, 178.

Встречался я с Пушкиным довольно часто в салонах княгини Зинаиды Волконской. На этих вечерах любимую забавою молодежи была игра в шар-рады. Однажды Пушкин придумал слово; для второй части его нужно было представить переход евреев через Аравийскую пустыню. Пушкин взял себе красную шаль княгини и сказал нам, что он будет изображать «скалу в пустыне». Мы все были в недоумении от такого выбора: живой, остроумный Пушкин захотел вдруг изображать неподвижный, неодушевленный предмет. Пушкин взобрался на стол и покрылся шалью. Все зрители уселись, действие началось. Я играл Моисея. Когда я, по уговору, прикоснулся железом (роль железа играл веер княгини) к скале, Пушкин вдруг высунул из-под шали горлышко бутылки, и струя воды с шумом полилась на пол. Раздался дружный хохот и зрителей, и действующих лиц. Пушкин соскочил быстро со стола, очутился в минуту возле княгини, а она, улыбаясь, взяла Пушкина за ухо и сказала: «*Mauvais sujet que vous êtes, Alexandre, d'avoir représenté de la sorte le rocher!* (Этакий вы плутишка, Александр,—как вы изобразили скалу!)»

Л. Н. ОБЕР. Мое знакомство с Пушкиным. *Русский Курьер*, 1880, № 158.

В Москве дом кн. Зинаиды Волконской был изящным сборным местом всех замечательных и отборных личностей современного общества. Тут соединялись представители большого света, сановники и красавицы, молодежь и возраст зрелый, люди умственного труда, профессора, писатели, журналисты, поэты, художники. Все в этом доме носило отпечаток служения искусству и мысли. Бывали в нем чтения, концерты, дилетантами и любительницами представления итальянских опер. Посреди артистов и во главе их стояла сама хозяйка дома. Слышавшим ее нельзя было забыть впечатления, которые производила она своим полным и звучным контральто и одушевленную игрою в роли Танкреда в опере *Россини*.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Полн. собр. соч.* VII, 329

Нужно отобрать суду показание от прикосновенного к делу А. Пушкина: им ли сочинены известные стихи, когда, с какою целью они сочинены, почему известно ему сделалось намерение злоумышленников, в стихах изъясленное, и кому от него сии стихи переданы. В случае же отрицательства, не известно ли ему, кем оные сочинены.

КОМИССИЯ ВОЕННОГО СУДА, учрежденная лейб-гвардии при конно-егерском полку (по делу Леопольдова, Молчанова и Алексева)—в отношении своем к московскому обер-полицмейстеру, 13 янв. 1827 г. *Пушкин и его совр-ки*, XI, 27.

Княгиня Зинаида Александровна
ВОЛКОНСКАЯ

Литография 1828 г. С. Agricola.

ИНЛИ.

Александра Осиповна
РОССЕТ-СМИРНОВА

П. П. Соколов.

ИНЛИ.

Призывал я к себе сочинителя А. Пушкина и требовал от него показание, но г-н Пушкин дал мне отзыв, что он не знает, о каких известных стихах идет дело, и просит их увидеть, и что не помнит стихов, могущих дать повод к заключению, почему известно ему сделалось намерение злоумышленников, в стихах изъясненных, по получении же оных он даст надлежащее показание.

А. С. ШУЛЬГИН (московский обер-полицмейстер)—Комиссии военного суда, 19 янв. 1827 г. *Пушкин и его совр-ки*, XI, 28.

Комиссия постановила послать к г. московскому обер-полицмейстеру список с имеющихся при деле стихов, в особо запечатанном от комиссии конверте на имя самого А. Пушкина и в собственные руки его: но с тем однакож, дабы г. полицмейстер по получении им означенного конверта, не медля ни сколько времени, отдал оный лично Пушкину и, по прочтении им тех стихов, приказал ему тотчас же оные запечатать в своем присутствии его, Пушкина, собственною печатью и таковою же другою своею; а потом сей конверт, а следующее от него, А. Пушкина, надлежащее показание по взятии у него не оставил бы, в самой невозможной поспешности, доставить в сию комиссию при отъезде.

КОМИССИЯ ВОЕННОГО СУДА—москов. обер-полицмейстеру, 22 янв. 1827 г. *П-н и его совр-ки*, XI, 29.

Я, приглася Пушкина к себе, отдал ему пакет лично, который им при мне и распечатан. По отобрании же от него, г. Пушкина, надлежащего показания, оное вместе с теми стихами запечатаны в присутствии моем его собственною печатью и таковою же моею в особый конверт, который при сем честь имею препроводить.

А. С. ШУЛЬГИН, моск. обер-полицмейстер,—Комиссии военного суда, 27 янв. 1827 г. *П-н и его совр-ки*, XI, 30.

(Стихи оказались непропущенным цензурою отрывком из пушкинской элегии «Андрей Шенье», над которым кто-то надписал: «На 14 декабря»).

Сии стихи действительно сочинены мною. Они были написаны гораздо прежде последних мятежей и помещены в элегии *Андрей Шенье*, напечатанной с пропусками в собрании моих стихотворений. Они явно относятся к французской революции, коею А. Шенье погиб жертвою. (Следует подробное объяснение отдельных стихов отрывка). Все сии стихи никак, без явной бессмыслицы, не могут относиться к 14 декабря. Не знаю, кто над ними поставил сие ошибочное заглавие. Не помню, кому мог я передать мою элегию А. Шенье. Для большей ясности повторяю, что стихи, известные под заглавием: «14 декабря», суть отрывок из элегии, названной мною *Андрей Шенье*.

АЛЕКСАНДР ПУШКИН. 27 янв. 1827 г. Москва. *П-н и его совр-ки*, XI, 31.

Просьба Н. О. Пушкиной (матери поэта, поданная летом 1826 года) лишь 4 января 1827 года была заслушана в заседании комиссии прошений, и постановлено было довести прошение Пушкиной до высочайшего сведения. Это было сделано 30 января 1827 г., при чем прошение Пушкиной при представлении его царю было изложено несколько иначе: «Надежда Пушкина, — читаем здесь, — изъясняя, что сын ее имел несчастье навлечь на себя гнев

покойного государя императора, почему последовало высочайшее повеление жить ему в деревне, где находится уже третий год, одержим болезнью и без всякой помощи, но ныне, усматривая, что сознание ошибок и желание загладить поведением следы молодости успели остепенить ум и страсти, — просит о возвращении его к семейству по даровании прощения». — Прочтя подлинный доклад комиссии, Николай I поставил условный карандашный знак его рассмотрения, а рукою докладчика статс-секретаря Н. М. Лонгинова сделал на докладе помета: «Высочайшего соизволения не последовало 30 января 1827 г.».

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. Эпизод из жизни Пушкина. *Красная Газета*, 1927, № 34.

Зимой 1826—1827, по переезде в наш дом в Чернышевском переулке, я решился, по тогдашней моде, поднести Пушкину, вслед за прочими членами семейства, и мой альбом, недавно подаренный мне. То была небольшая книжка в 32 долю листа, в красном сафьяновом переплете; я просил Пушкина написать мне стихи. Дня три спустя, Пушкин возвратил мне альбом, вписав в него:

Душа моя Павел!
Держись моих правил:
Люби то-то, то-то,
Не делай того-то.
Кажись, это ясно.
Прости, мой прекрасный!

Со времени написания стихов в мой альбом кличка моя в семействе стала: «душа моя Павел».

Кн. ПАВ. ВЯЗЕМСКИЙ. *Собр. соч.*, 508.

Здесь тоска попрежнему. Наша с'езжая в исправности—частный пристав Соболевский бранится и дерется попрежнему, шпионы, драгуны, бл. и и пьяницы толкуются у нас с утра до вечера.

ПУШКИН—П. П. Каверину, 18 февр. 1827 г., из Москвы.

Это было в Москве. Пушкин, как известно, любил играть в карты, преимущественно в штосс. Играв однажды с А. М. Загряжским, Пушкин проиграл все бывшие у него деньги. Он предложил, в виде ставки, только что оконченную им пятую главу своего «Онегина». Ставка была принята, так как рукопись эта представляла собою тоже деньги, и очень большие (Пушкин получал по 25 руб. асс. за строку),—и Пушкин проиграл. Следующей ставкой была пара пистолетов, но здесь счастье перешло на сторону поэта: он отыграл и пистолеты, и рукопись, и еще выиграл тысячи полторы.

Н. П. КИЧЕЕВ, со слов А. М. Загряжского. *Рус. Стар.*, 1874, т. 9, стр. 564.

Никакая игра не доставляет столь живых и разнообразных впечатлений, как карточная, потому что во время самых больших неудач надеешься на тем больший успех, или просто в величайшем проигрыше остается надежда, вероятность выпрышка. Это я слышал от страстных игроков, напр., от Пушкина (поэта)... Пушкин справедливо говорил мне однажды, что страсть к игре есть самая сильная из страстей.

АЛ. Н. ВУЛЬФ. *Дневник Л. Майков*. 190, 211.

Всю зиму и почти всю весну Пушкин пробыл в Москве... Московская его жизнь была рядом забав и вместе рядом торжеств... Он вставал поздно после балов и, вообще, долгих вечеров, проводимых накануне. Приемная его уже была полна знакомых и посетителей, между которыми находился один пожилой человек, не принадлежавший к обществу Пушкина, но любимый им за прибаутки, присказки, народные шутки. Он имел право входа к Пушкину во всякое время и платил ему своим добром за гостеприимство. В городской жизни, в ее шуме и волнении Пушкин был в настоящей своей сфере.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 167.

Москва приняла его с восторгом; везде его носили на руках. Он жил вместе с приятелем своим Соболевским на Собачьей Площадке... Здесь в 1827 г. читал он своего «Бориса Годунова»; вообще читал он чрезвычайно хорошо... В Москве объявил он свое живое сочувствие тогдашним молодым литераторам, в которых особенно привлекала его новая художественная теория Шеллинга, и под влиянием последней, проповедывавшей освобождение искусства, были написаны стихи «Чернь»... Пушкин очень любил играть в карты, между прочим, он употребил в плату карточного долга тысячу рублей, которые заплатил ему Московский Вестник за год его участия в нем.

С. П. ШЕВЫРЕВ. *Л. Майков*, 329.

В начале 1827 г. Пушкин жил в Москве. Тогда в Москве читал лекции о французской поэзии некто Декамп (обождатель В. Гюго и новейшей школы и отвергавший авторитеты Буало, Расина и проч.). Эти лекции читались в зале М. М. Солнцева, дяди Пушкина по Елизавете Львовне. А. П. Елагина по знакомству с Декампом взяла билет и ездила слушать. В самую первую лекцию она встретила там Пушкина, который подсел к ней и во все время чтения смеялся над бедным французом и притом почти вслух. Это совсем уронило лекции. Декамп принужден был не докончить курса, и после долго в этом упрекали Пушкина.

П. И. БАРТЕНЕВ со слов А. П. ЕЛАГИНОЙ.
Рассказы о П-не, 54.

(17 февр. 1827 г.). В креслах (итальянской оперы) встретил я Пушкина... Я узнал от него о месте его жительства и на другой же день поехал его отыскивать... Он весь еще исполнен был молодой живости и вновь попался на разгульную жизнь; общество его не могло быть моим. Особенно не понравился мне хозяин его квартиры, некто Соболевский... Находка был для него Пушкин, который так охотно давал тогда фамильярничать с собой: он поместил его у себя, подчивал славными завтраками, смешил своими холодными шутками и забавлял его всячески.

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ, *Записки*. VII, 134.

Разбор ваш «Памятника Муз» сокращен по настоящему требованию Пушкина. Вот его слова, повторяемые с дипломатическою точностью: «Здесь есть много умного, справедливого, но автор не знает приличий: можно ли о Державине и Карамзине сказать, что «имена их возбуждают приятные воспоминания», что «с прискорбием видим ученические ошибки в Державине»: Державин все — Державин. Имя его нам уже дорого. Касательно живых писателей также не могу я, объявленный участником в журнале, согласиться на такие выражения. Я имею связи. Меня могут почесть согласным с мнением рецензента. И вообще — не должно говорить о Державине таким тоном, ка-

ким говорят об N. N., об S. S. Сим должен отличаться «Московский Вестник». Оставьте одно общее суждение».—Мы спорили во многом, но должны были уступить.

М. П. ПОГОДИН—кн. В. Ф. Одоевскому, 2 марта 1827 года, из Москвы. *Рус. Стар.*, 1904, № 3, стр. 705.

Милый мой, на-днях, рассердясь на тебя и на твое молчание, написал я Веневитинову суровое письмо. Извини: у нас была весна, оттепель — и я ни слова от тебя не получал около двух месяцев — поневоле взбесишься. Теперь у нас опять мороз, весну дуру мы опять спровадили, от тебя письмо получено — все слава богу благополучно... Ты пеняешь мне за Моск. Вестник и за немецкую метафизику. Бог видит, как я ненавижу и презираю ее; да что делать! собрались ребята теплые, упрямые: поп свое, а чорт свое.

ПУШКИН—бар. А. А. Дельвигу, 2 марта 1827 г. *М. Цявловский. Письма Пушкина и к Пушкину. 1925. Стр. 11.*

К Пушкину. Декламировал против философии, а я не мог возражать дельно, и больше молчал, хотя очень уверен в нелепости им говоренного.

М. П. ПОГОДИН. *Дневник*, 4 марта 1827 г. *П-и в его совр-ки, XIX—XX*, 84.

О поэте Пушкине сколько краткость времени позволила мне сделать разведание, — он принят во всех домах хорошо и, как кажется, не столько теперь занимается стихами, как карточной игрой, и променял Музу на Муху, которая теперь из всех итр в большой моде.

А. А. ВОЛКОВ, жандармский генерал, в донесении Бенкендорфу, 5 марта 1827 г. *Б. Модзалевский*, 35.

Зима наша хоть куда, т.-е. новая. Мороз, и снегу более теперь, нежели когда-либо, а были дни такие весенние, что я поэта Пушкина видал на бульваре в одном фраке.

А. Я. БУЛГАКОВ—К. Я. Булгакову, 11 марта 1827 г., из Москвы. *Рус. Арх.*, 1901, II, 24.

Март. В субботу на Тверском я в первый раз увидел Пушкина; он туда пришел с Корсаковым, сел с несколькими знакомыми на скамейку и, когда мимо проходили советники гражданской палаты Зубков и Данзас, он подбежал к первому и сказал: «Что ты на меня не глядишь? Жить без тебя не могу». Зубков поцеловал его.

В. Ф. ЩЕРБАКОВ. Из заметок о пребывании Пушкина в Москве. *Собр. соч. Пушкина, ред. Ефремова, 1905, т. VIII, стр. 111.*

Я часто видаю Александра Пушкина: он бесподобен, когда не напускает на себя дури.

А. А. МУХАНОВ—Н. А. МУХАНОВУ, 16 марта 1827 г., из Москвы. *Шукинский Сборник, IV, 127.*

Судя по всему, что я слышал и видел, Пушкин здесь на розах. Его знает весь город, все им интересуются, отличнейшая молодежь собирается

к нему, как древле к великому Аруэту соирались все имевшие немного здравого смыслу в голове. Со всем тем, Пушкин скучает! Так он мне сам сказал... Пушкин очень переменился и наружностью: страшные черные бакенбарды придали лицу его какое-то чертовское выражение; впрочем, он все тот же,— так же жив, скор и попрежнему в одну минуту переходит от веселости и смеха к задумчивости и размышлению.

П. Л. ЯКОВЛЕВ—А. Е. Измайлову, 21 марта 1827 г., из Москвы. *Сборник памяти Л. Н. Майкова*, Спб., 1902. Стр. 249.

В 1827 г., когда мы издавали «Московский Вестник», Пушкин дал мне напечатать эпиграмму: «Лук звенит». (На А. Н. Муравьева). Встретясь со мною через два дня по выходе книжки ¹⁾, он сказал мне: «А как бы нам не поплатиться за эпиграмму». — Почему? — «Я имею предсказание, что должен умереть от белого человека или от белой лошади. Муравьев может вызвать меня на дуэль, а он не только белый человек, но и лошадь».

М. П. ПОГОДИН. *Рус. Арх.*, 1870, стр. 1947.

В 1827 году Пушкин учил меня боксировать по-английски, и я так пристрастился к этому упражнению, что на детских балах вызывал желающих и нежелающих боксировать, последних вызывал даже действием во время самых танцев. Всеобщее негодование не могло поколебать во мне сознания поэтического геройства, из рук в руки переданного мне поэтом-героем Пушкиным. Последствия геройства были, однако, для меня тягостны: меня перестали возить на семейные праздники.

Пушкин научил меня еще и другой игре.

Мать моя запрещала мне даже касаться карт, опасаясь развития в будущем наследственной страсти к игре. Пушкин во время моей болезни научил меня играть в дурачки, употребив для того визитные карточки, накопившиеся в новый 1827 год. Тузы, короли, дамы и валеты козырные определялись Пушкиным, значение остальных не было определено, и эта-то неопределенность и составляла всю потеху: завязывались споры, чья визитная карточка бьет ходы противника. Мои настойчивые споры и цитаты в пользу первенства попавшихся в мои руки козырей потешали Пушкина, как ребенка.

Эти непедagogические забавы поэта объясняются его всегдашним взглядом на приличие. Пушкин неизменно в течение всей своей жизни утверждал, что все, что возбуждает смех, — позволительно и здорово, все, что разжигает страсти, — преступно и пагубно... Он так же искренно сочувствовал юношескому пылу страстей и юношескому брожению впечатлений, как и чистосердечно, ребячески забавлялся с ребенком.

Кн. ПАВЕЛ ВЯЗМСКИЙ (род. в 1820 г., сын поэта кн. П. А. Вяземского). *Собр. соч. кн. П. П. Вяземского*. Спб. 1893, стр. 511—513.

Княгиня Вяземская говорит, что Пушкин был у них в доме, как сын. Иногда, не заставая их дома, он уляжется на большой скамейке перед камином и дожидается их возвращения или возится с молодым князем Павлом. Раз княгиня застала, как они барахтались и плевали друг в друга.

П. И. БАРТЕНЕВ со слов кн. В. Ф. ВЯЗМСКОЙ. *Рус. Арх.*, 1888, II, 310.

¹⁾ Книжка вышла 19 марта 1827 г. См. Н. Синявский и М. Цявловский, «Пушкин в печати», стр. 41.

Любила В. Ф. Вяземская вспоминать о Пушкине, с которым была в тесной дружбе, чуждой всяких церемоний. Бывало, зайдет к ней поболтать, посидит и жалобным голосом попросит: «княгиня, позвольте уйти на суденшко!» и, получив разрешение, уходил к ней в спальню за ширмы.

С. Ш. (Граф С. Д. ШЕРЕМЕТЕВ). «Из семейной старины». *Старина и Новизна*, VI. 331.

Князь Вяземский, во время приезда Петра Андреевича Габбе в Москву, доставил ему случай познакомиться с Пушкиным. При входе Габбе к князю Вяземскому в гостиную, Пушкин, — как рассказывал мне Габбе, — увивался около супруги князя и других тут бывших дам. Князь, обменявшись со своим гостем приветами, обратился к Пушкину с приглашением на пару слов. Знакомство началось без представления одного другому, и это, кажется, показывало, что один, как либеральный поэт, а другой, как либеральная высокого ума личность, не должны были входить в расчет представлений, чем обыкновенно представляемый всегда становился ниже того, кому его представляют. Пушкин сел на лежанку камина, свеся одну ногу на угол лежанки, и, несколько согнувшись, принял участие в разговоре стоявших подле него князя и Габбе. Речь пошла о недавно вышедшей какой-то поэме Языкова; князь находился в тех местах красоты, которыми Пушкин не сильно восхищался. Разговор продолжался с час, и Габбе убедился, что знаменитый наш народный поэт более гениальный, нежели ученый поэт.

Н. В. ВЕРИГИН. *Записки. Рус. Стар.*, 1893, т. 78, стр. 115.

Я знаком с Пушкиным, и мы часто встречаемся. Он в беседе очень остроумен и увлекателен; читал много и хорошо, хорошо знает новую литературу; о поэзии имеет чистое и возвышенное понятие.

АДАМ МИЦКЕВИЧ—Э. Л. Одыньцу, в марте 1827.
П-и и его совр-ки, вып. VII, 88.

В конце двадцатых годов в Москве славился радушием и гостеприимством дом кн. Александра Мих. и кн. Екат. Пав. Урусовых. Три дочери кн. Урусова, красавицы, справедливо считались украшением московского общества. Старшая из них, Мария, была замужем за гр. А. И. Мусиным-Пушкиным; вторая, Софья, вышла впоследствии за кн. Льва Радзивила, а третья была потом в замужестве за гр. Кутайсовым. Почти каждый день собирался у Урусовых тесный кружок друзей и знакомых, преимущественно, молодых людей. Здесь бывал А. А. Муханов ¹⁾, блестящий адъютант знаменитого графа П. А. Толстого; сюда же постоянно являлся родственник кн. Урусовой, артиллерийский офицер, В. Д. Соломирский, человек образованный, хорошо знавший английский язык, утрюмый поклонник поэзии Байрона и скромный подражатель ему в стихах. Соломирский был весьма неравнодушен к одной из красавиц-княжен Урусовых. В том же доме особенно часто появлялся, весною 1827 г. Пушкин. Он, проводя почти каждый вечер у кн. Урусова, бывал весьма весел, остер и словоохотлив. В рассказах, импровизациях и шутках бывал в это время неистощимым. Между прочим, он увлекал присутствовавших прелестною передачею русских сказок. Бывало, все общество соберется вечером кругом большого круглого стола, и Пушкин поразительно увлекательно переносит слушателей своих в фантастический мир, населенный ведьмами, домовыми, лешими и пр. Материал, добытый им в долговременные пре-

¹⁾ Это был Павел Александрович Муханов. *Б. Л. Модзалевский. Пушкин, письма*, т. II, 238.

бывание в деревне, разукрашаем был вымыслами его неистощимой фантазии, при чем Пушкин ловко поддевался под колорит народных сказаний. — Во время этих посещений Пушкин, еще по петербургской своей жизни бывший коротким приятелем Муханова, сблизился и с Соломирским: Пушкин подарил ему сочинения Байрона, сделав на книге надпись в весьма дружественных выражениях. Тем не менее ревнивый и крайне самолюбивый Соломирский, чем чаще сходился с Пушкиным у кн. Урусова, тем становился угрюмее и холоднее к своему приятелю. Особенное внимание, которое встречал Пушкин в этом семействе, и в особенности внимание молодой княжны, возбуждало в нем сильнейшую ревность. Однажды Пушкин, шутя и балагурия, рассказал что-то смешное о графине А. В. Бобринской. Соломирский, мрачно поглядывавший на Пушкина, по окончании рассказа счел нужным обидеться. — «Как вы смели отозваться неуважительно об этой особе? — задорно обратился он к Пушкину. — Я хорошо знаю графиню, это во всех отношениях почтенная особа, и я не могу допустить оскорбительных об ней отзывов»... — «Зачем же вы не остановили меня, когда я только начинал рассказ? — отвечал Пушкин. — Почему вы мне не сказали раньше, что знакомы с граф. Бобринской? А то вы спокойно выслушали весь рассказ, и потом каким-то донкихотом становитесь в защитники этой дамы и берете ее под свою протекцию». Вся эта сцена произошла в довольно тесном кружке обычных гостей кн. Урусова: тут же был и А. А. Муханов, передавший нам подробности происшествия. Затем разговор в тот же вечер не имел никаких последствий, и все раз'ехались по домам, не обратив на него никакого внимания. Но на другой же день рано утром на квартиру к Муханову является Пушкин. С обычною своею живостью он передал, что в это утро получил от Соломирского письменный вызов на дуэль, и, ни минуты не мешкая, отвечал ему, письменно же, согласием, что у него был уже секундант Соломирского, А. В. Шереметев, и что он послал его для переговоров об условиях дуэли к нему, Муханову, которого и просит быть секундантом. — Только что уехал Пушкин, к Муханову явился Шереметев. Муханов повел переговоры о мире. Но Шереметев, войдя серьезно в роль секунданта, требовал, чтобы Пушкин, если не будет драться, извинился перед Соломирским. (*Муханову долго пришлось убеждать Шереметева*). Шереметев понял наконец, что эта история падет всем позором на головы секундантов в случае, если будет убит или ранен Пушкин, и что надо предотвратить эту роковую случайность и не подставлять лоб гениального поэта под пистолет взысканного офицера. Шереметев поспешил уговориться с Мухановым о средствах к примирению противников. В то же утро Шереметев привел Соломирского к С. А. Соболевскому, на Собачью Площадку, у которого жил в это время Пушкин. Сюда же пришел Муханов, и, при дружных усилиях обоих секундантов и при посредничестве Соболевского, имевшего, по свидетельству Муханова, большое влияние на Пушкина, примирение состоялось. Подан был роскошный завтрак, и, с бокалами шампанского, противники, без всяких извинений и объяснений, протянули друг другу руки.

М. И. СЕМЕВСКИЙ со слов А. А. Муханова.
К биографии Пушкина. *Русс. Вести.*, 1869, № 11,
стр. 81—85. Ср. Н. О. Лернер, *Русс. Стар.*, 1907, т. 131,
стр. 104.

«Княжне С. А. Урусовой» (*впоследствии княгине Радзивил*) («*Не веровав я Троице донине*»...). Не полагаю, чтобы эти стихи принадлежали Пушкину. Во всяком случае, не написаны они княжне Урусовой. Пушкин был влюблен в сестру ее, графиню Пушкину.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Старина в Новизна*,
кн. VIII, стр. 38.

Соболевский был недоволен приглашенными и припомаженными портретами Пушкина, какие тогда появлялись. Ему хотелось сохранить изображение поэта, как он есть, как он бывал чаще, и он просил известного художника Тропинина нарисовать ему Пушкина в домашнем его халате, растрепанного, с заветным мистическим перстнем на большом пальце. Кажись, дело шло также и об изображении какого-то ногтя на руке Пушкина, особенно отрошенного. Тропинин согласился. Пушкин стал ходить к нему.

Н. В. БЕРГ со слов В. А. Тропинина. *Рус. Арх.*, 1871, стр. 191.

Пушкин заказал Тропинину свой портрет, который $\frac{1}{2}$ подарил Соболевскому. Этот портрет украли; он теперь у кн. Мих. Андр. Оболенского. Для себя Тропинин сделал настоящий эскиз, который после него достался Алексееву. После Алексеева был куплен Н. М. Смирновым, а после Смирнова (ск. 3 марта 1870 г.) подарили его Соболевскому. Апрель 1870 г.

СОБОЛЕВСКИЙ. Надпись на бумажном ярлыке на обороте этюда Тропинина к портрету Пушкина А. В. Лебедев. *Пушкин в Третьяковской галлерсе*. М. 1924. Стр. 12.

Одно время отличительным признаком всякого масона был длинный ноготь на мизинце. Такой ноготь носил и Пушкин; по этому ногтю узнал, что он масон, художник Тропинин, придя рисовать с него портрет. Тропинин передавал кн. М. А. Оболенскому, у которого этот портрет хранился, что когда он пришел писать и увидел на руке Пушкина ноготь, то сделал ему знак, на который Пушкин ему не ответил, а погрозил ему пальцем.

М. И. ПЫЛЯЕВ. *Старая Москва*. Спб. 1891, стр. 86.

Сходство (тропининского) портрета с подлинником поразительно, хотя нам кажется, что художник не мог совершенно схватить быстроты взгляда и живого выражения лица поэта. Впрочем, физиогномия Пушкина, — столь определенная, выразительная, что всякий хороший живописец может схватить ее, — вместе с тем и так изменчива, зыбка, что трудно предположить, чтобы один портрет Пушкина мог дать о нем истинное понятие.

Н. А. ПОЛЕВОЙ. *Московский Телеграф*, 1827, часть XV, отд. 2, стр. 33.

В доме Ушаковых Пушкин стал бывать с зимы 1826 — 1827 годов. Вскоре он сделался там своим человеком. «Пушкин, — записывает Н. С. Киселев, — ездил к Ушаковым часто, иногда во время дня заезжал раза три. Бывало, рассуждая о Пушкине, старый выездной лакей Ушаковых, Иван Евсеев, говаривал, что сочинители всё делают не по-людски: «Ну, что, прости господи, вчера он к мертвецам-то ездил? Ведь до рассвета прогулял на Ваганькове!» Это значило, что Ал. С — ч, уезжая вечером от Ушаковых, велел кучеру повернуть из ворот направо, и что на рассвете видели карету его возвращающуюся обратно по Пресне. Часто приезжал он верхом, и если случалось ему быть на белой лошади, то всегда вспоминал слова какой-то известной петербургской предсказательницы (которую посетил он вместе с актером Сосницким и другими молодыми людьми), что он умрет или от белой лошади, или от белокурого человека — из-за жены. Кстати, об этом предсказании Пушкин рассказывал, что, когда он был возвращен из ссылки и в первый раз увидел императора Николая, он подумал: «не это ли — тот белокурый человек, от которого зависит его судьба?» — Охотно беседовал Пушкин

со старухой Ушаковой и часто пужил ее диктовать ему известные ей русские народные песни и повторять их напевы. Еще более находил он удовольствия в обществе ее дочерей. Обе они были красавицы, отличались живым умом и чувством изящного.

Л. Н. МАЙКОВ по записям Н. С. Киселева, сына
Ел. Н. Киселевой-Ушаковой. *Л. Майков*, 361.

Екатерина Ушакова была в полном смысле красавица: блондинка с пепельными волосами, темно-голубыми глазами, роста среднего, густые косы нависли до колен, выражение лица очень умное. Она любила заниматься ли-терагурою. Много было у нее женихов; но по молодости лет она не спешила замуж. Старшая, Елизавета, вышла за С. Д. Киселева. — Является в Москву Пушкин, видит Екат. Ник. Ушакову в благородном собрании, влюбляется и знакомится. Завязывается полная сердечная дружба.

П. И. БАРТЕНЕВ. Записная книжка. *Рус. Арх.*,
1912, III, 300.

Вчера мы обедали у (*Ушаковых*), а сегодня ожидаем их к себе. Меньшая очень, очень хорошенькая, а старшая чрезвычайно интересуется меня, потому, что, повидимому, наш поэт, наш знаменитый Пушкин, намерен вручить ей судьбу жизни своей, ибо уж положил оружие свое у ног ее, т.-е. сказать просто, влюблен в нее. Это общая молва. Еще не выдавши их, я слышала, что Пушкин во все пребывание свое в Москве только и занимался, что (*Ушакову*): на балах, на гуляниях он говорил только с нею, а когда случалось, что в собрании (*Ушаковой*) нет, то Пушкин сидит целый вечер в углу задумавшись, и ничто уже не в силах развлечь его!.. Знакомство же с ними удостоверило меня в справедливости сих слухов. В их доме все напоминает о Пушкине: на столе найдете его сочинения; между нотами — «Черную шаль» и «Цыганскую песню», на фортепиано — его «Талисман» и «Копеечку» (?), в альбоме — несколько листочков картин, стихов и каррикатур, а на языке беспрестанно вертится имя Пушкина.

Е. С. ТЕЛЕПНЕВА. Из дневника, 22 июня 1827 г.
П-н и его совр-ки, V, 121.

Семейные обстоятельства требуют моего присутствия в Петербурге: приемлю смелость просить на сие разрешения у вашего превосходительства.

ПУШКИН—гр. А. Х. Бенкендорфу, 24 апр. 1827 г.,
из Москвы.

Его величество, сонзволя на прибытие ваше в С.-Петербург, высочайше отозваться изволил, что не сомневается в том, что данное русским дворянином государю своему честное слово вести себя благородно и пристойно будет в полном смысле сдержано.

Гр. А. Х. БЕНКЕНДОРФ—Пушкину, 3 мая 1827 г.,
из Петербурга. *Дела III Отдел.* Спб. 1906, стр. 49.

Москва неблагородно поступила с Пушкиным: после неумеренных похвал и лестных приемов охладели к нему, начали даже клеветать на него, взводить на него обвинения в ласкательстве, наушничестве и шпионстве перед государем. Это и было причиной, что он оставил Москву. — Шекспир (а равно Гете и Шиллера) он не читал в подлиннике, а во французском ста-

ром переводе, поправленном Гизо, но понимал его гениально. По-английски выучился он гораздо позже, в Петербурге, и читал Вордсворта.

С. П. ШЕВЫРЕВ. *Л. Майков*, 330.

15 мая 1827 г. Туманное небо — мелкий дождик. Обедню слушал в Страстном монастыре... Зашел к Погодину на завтрак, где я нашел Пушкина, К. Вяземского... За столом Пушкин с Баратынским написали на Шаликова след. по случаю рассказанного анекдота:

Князь Шаликов, газетчик наш печальный,
Елегию семье своей читал,
А козачок огарок свечки сальной
В руках со трепетом держал.
Вдруг мальчик наш заплакал, запищал.
Вот, вот с кого пример берите, дуры!—
Он дочерям в восторге закричал.—
Откройся мне, о милый сын природы,
Ах! что слезой твой осребрило взор?—
А тот ему в ответ: *мне хочется на двор.*

И. М. СНЕГИРЕВ. Из дневника. *П-н и его совр-ки*, XVI, 50.

Погодин, делая прощанье Пушкину перед отъездом сего последнего из Москвы, пригласил многих литераторов и поэтов... Они все вместе составляли эпиграммы на кн. Шаликова. Между прочим был рассказан анекдот о последнем (*Эпиграмма: «Кн. Шаликов, газетчик наш печальный»*...).

В. Ф. ШЕРБАКОВ. Из заметок о пребывании Пушкина в Москве. *Собр. соч. Пушкина*, ред. Ефремова, 1905, т. VIII, стр. 111.

16 мая 1827 г. Когда лег было спать, приехал Пушкин с Соболевским и увезли меня к Полевому на вечеринку.

И. М. СНЕГИРЕВ. Из дневника. *П-н и его совр-ки*, XVI, 52.

Пушкин и его сотрудники (по «*Московскому Вестнику*») бывали у Н. А. Полевого и при встрече казались добрыми приятелями. Весною 1827 года у брата был литературный вечер, где собрались все пишущие друзья и недруги; ужинали, пировали всю ночь и раз'ехались уже утром. Пушкин казался председателем этого сборища и, попивая шампанское с сельтерской водой, рассказывал смешные анекдоты, читал свои непозволенные стихи, хохотал от резких сарказмов И. М. Снегирева, вспоминал шутливые стихи Дельвига, Баратынского и заставил последнего припомнить написанные им с Дельвигом когда-то рассказы о житье-бытье в Петербурге. Его особенно смешило то место, где в пышных гексаметрах изображалось столько же вольное, сколько невольное убожество обоих поэтов, которые «в лавочку были должны, руки держали в карманах (перчаток они не имели!)»...

КС. А. ПОЛЕВОЙ, 209.

Весною 1827 г. Пушкин спешил отправиться в Петербург, и мы были приглашены проводить его. Местом общего сборища для проводин была назначена дача С. А. Соболевского, близ Петровского дворца. В то время, вокруг исторического Петровского дворца, где несколько дней укрывался Наполеон от московского пожара, было несколько старинных, очень незатей-

ливых дач, стоявших отдельно одна от другой, а все остальное пространство, почти вплоть до заставы, было изрыто, заброшено или покрыто огородами, и даже полями с хлебом.—В эту-то пустыню, на дачу Соболевского, около вечера стали собираться знакомые и близкие Пушкина. Мы увидели там Мицкевича... Постепенно собралось много знакомых Пушкина, а он не являлся. Наконец, приехал А. М. Муханов (А. А.) и объявил, что он был вместе с Пушкиным на гулянье в Марьиной роще (в этот день пришелся семик), и что поэт скоро приедет. Уже поданы были свечи, когда он явился, рассеянный, невеселый, говорил не улыбаясь (что всегда показывало у него дурное расположение) и тотчас после ужина заторопился ехать. Коляска его была подана, и он, почти не сказавши никому ласкового слова, укатил в темноте ночи. Помню, что это произвело на всех неприятное впечатление. Некоторые объяснили дурное расположение Пушкина, рассказывая о неприятностях его по случаю дуэли, окончившейся не к славе поэта. В толстом панегирике своем Пушкину, г. Анненков умалчивает о подобных подробностях жизни его, заботясь только выставить поэта мудрым, непогрешительным, чуть не праведником.

КС. А. ПОЛЕВОЙ, 210.

Александр Пушкин, отправляющийся нынче в ночь, доставит тебе это письмо. Постарайся с ним сблизиться; нельзя довольно оценить наслаждение быть с ним часто вместе, размышляя о впечатлениях, которые возбуждаются в нас его необычайными дарованиями. Он стои́т занимательнее в мужском обществе, нежели в женском, в котором, дробясь беспрестанно на мелочь, он только тогда делается для этих самок понятным.

А. А. МУХАНОВ—Н. А. Муханову, из Москвы,
19 мая 1827 г. *Щукинский Сборник*, X, 353.

ОТ ПЕРЕЕЗДА В ПЕТЕРБУРГ ДО ПУТЕШЕСТВИЯ В АРЗЕРУМ

(Май 1827 — май 1829)

Я познакомилась с Александром (Пушкиным), — он приехал вчера, и мы провели с ним день у его родителей. Сегодня вечером мы ожидаем его к себе, — он будет читать свою трагедию «Борис Годунов»... Я не знаю, любезен ли он в обществе, — вчера он был довольно скучен и ничего особенного не сказал; только читал прелестный отрывок из 5-ой главы «Онегина»... Надобно было видеть радость матери Пушкина: она плакала, как ребенок, и всех нас растрогала. Мой муж также был на седьмом небе, — я думала, что их об'ятиям не будет конца.

Баронесса С. М. ДЕЛЬВИГ (жена поэта)—А. Н. Семеновой, 25 мая 1827 года. Б. Л. Модзалевский. «Пушкин», 1929. Стр. 207 (фр.-русс.).

Вот я провела с Пушкиным вечер, о чем я тебе говорила раньше. Он мне очень понравился, очень мил, мы с ним уже довольно коротко познакомились, Антон (ее муж) об этом очень старался, так как он любит Александра, как брата.

Бар-сса С. М. ДЕЛЬВИГ—А. Н. Семеновой, 29 мая 1827 г. Б. Модзалевский, стр. 207. (фр.-русс.).

Смирдин сказал о Пушкине: «Сочинил Цыгане — и продает ее, как Цыган — за 2 листа 8 рублей. Странно напечатано — несколько белых страниц между печатными».

Б. М. ФЕДОРОВ. Из дневника. (Май 1827 г.). Русский Библиофил. 1911, № 5, стр. 32.

С Пушкиным я опять увиделась в Петербурге, в доме его родителей, куда он приехал из своей ссылки в 1827 г., прожив в Москве несколько месяцев. Он был тогда весел, но чего-то ему недоставало. Он как-будто не был так доволен собою и другими, как в Тригорском и Михайловском... Он приехал в Петербург с богатым запасом выработанных мыслей. Тотчас по приезде он усердно начал писать, и мы его редко видели. Он жил в трактире Демута, его родители—на Фонтанке, у Семеновского моста... Мать его, Надежда Осиповна, горячо любившая детей своих, гордилась им и была очень рада и счастлива, когда он посещал их и оставался обедать. Она заманивала

его к обеду печеным картофелем, до которого Пушкин был большой охотник. В год возвращения его из Михайловского именины свои (2 июня) праздновал он в доме родителей, в семейном кружке, и был очень мил. Я в этот день обедала у них и имела удовольствие слушать его любезности. После обеда Абр. Серг. Норов, подойдя ко мне с Пушкиным, сказал: — «Неужели вы ему сегодня ничего не подарили, а он так много вам писал прекрасных стихов?» — «И в самом деле, — отвечала я, — мне бы надо подарить вам что-нибудь; вот вам кольцо моей матери, носите его на память обо мне». Он взял кольцо, надел на свою маленькую прекрасную ручку и сказал мне, что даст мне другое. — На другой день Пушкин привез мне обещанное кольцо с тремя бриллиантами и хотел было провести у меня несколько часов; но мне нужно было ехать с графиней Ивелич, и я предложила ему прокатиться к ней на лодке. Он согласился, и я опять увидела его почти таким же любезным, каким он бывал в Тригорском. Он шутил с лодочником, уговаривал его быть осторожным и не утопить нас. Потом мы заговорили о Веневитинове, и он сказал: «почему вы дали ему умереть? Он тоже был влюблен в вас, не правда ли?» На это я отвечала ему, что Веневитинов оказывал мне только нежное участие и дружбу, и что сердце его давно уже принадлежало другой. Тут кстати я рассказала ему о наших беседах с Веневитиновым... Пушкин слушал внимательно, выражая только по временам досаду, что так рано умер чудный поэт. Вскоре мы пристали к берегу, и наша беседа кончилась.

А. П. КЕРН. Воспоминания. Л. Майков, 247—249.

(Летом 1827 г.). Когда я возвратился летом в Москву, я спросил Соболевского: «какая могла быть причина, что Пушкин, оказавший мне столь много приятств, написал на меня такую злую эпиграмму (*«Лук звенит, стрела трепещет»*», — см. выше). Соболевский отвечал: «вам покажется странным мое объяснение, но это сущая правда: у Пушкина всегда была страсть выпитывать будущее, и он обращался ко всякого рода гадалщицам. Одна из них предсказала ему, что он должен остерегаться высокого белокурого молодого человека, от которого придет ему смерть. Пушкин довольно суеверен, и потому, как только случай сведет его с человеком, имеющим все сии наружные свойства, ему сейчас приходит на мысль испытать: не это ли роковой человек? Он даже старается раздражать его, чтобы скорее искушить свою судьбу. Так случилось и с вами, хотя Пушкин к вам очень расположен».

А. Н. МУРАВЬЕВ. *«Знакомство с русскими поэтами»*. Киев. 1871, стр. 14.

8 июня 1827 г. Я просидел у г-жи Керн до десяти часов вечера. Когда я уже прощался с нею, пришел поэт Пушкин. Это человек небольшого роста, на первый взгляд не представляющий из себя ничего особенного. Если смотреть на его лицо, начиная с подбородка, то тщетно будешь искать в нем, до самых глаз, выражения поэтического дара. Но глаза непременно остановят вас: в них вы увидите лучи того огня, которым согреты его стихи. Обращении его и разговоре ничего не могу сказать, потому что я скоро ушел.

А. В. НИКИТЕНКО. *Моя повесть о самом себе*, Спб. 1905. Т. I, стр. 168.

Александр (Пушкин) меня утешил и помирил с собой. Он явился таким добрым сыном, как я и не ожидал. Его приезд обрадовал меня и Сониньку (жена Дельвига). Она до слез была обрадована, я — до головной боли.

Бар. А. А. ДЕЛЬВИГ—П. А. Осиповой, 14 июня 1827 года. *Пушкин. Письма*, т. II, Гос. Изд. Стр. 245.

Был у Карамзиных — виделся там с Пушкиным. Коля (сын Федорова) сидел на коленях его и читал ему его стихи.

Б. М. ФЕДОРОВ. Из дневника, июнь 1827 г. *Русский Библиофил*, 1911, № 5, стр. 33.

Небольшая поэма Пушкина под названием *Цыгане*, только что напечатанная в Москве, в типографии Августа Семена, заслуживает особого внимания своей виньеткой, которая находится на обложке. Потрудитесь внимательно посмотреть на нее, дорогой генерал, и вы легко убедитесь, что было бы очень важно узнать наверное, кому принадлежит ее выбор,—автору или типографу, потому что трудно предположить, чтоб она была взята случайно. Я очень прошу вас сообщить мне ваши наблюдения, а также и результат ваших расследований по этому предмету (См рис. 2).

Рис. 2.

Гр. А. Х. БЕНКЕНДОРФ—А. А. Волкову (жандармскому генералу в Москве) 30 июня 1827 г. *Дела III Отделения об А. С. Пушкине*. Спб. 1906. Изд. И. Балашова. Стр. 260 (фр.).

Выбор виньетки достоверно принадлежит автору, который ее отметил в книге образцов типографских шрифтов, представленной ему г. Семеном; г. Пушкин нашел ее вполне подходящей к своей поэме. Впрочем, эта виньетка делалась не в Москве. Г. Семен получил ее из Парижа. Она имеется в Петербурге во многих типографиях и, вероятно, из того же источника. Г. Семен говорит, что употреблял уже эту виньетку два или три раза в заголовках трагедий.

А. А. ВОЛКОВ—гр. А. Х. Бенкендорфу, 6 июля 1827 г., из Москвы. *Дело III Отделения*, стр. 261 (фр.).

Пушкин, после свидания со мной, говорил в английском клубе с восторгом о вашем Величестве и заставил лиц, обедавших с ним, пить здоровье Вашего Величества. Он все-таки порядочный шалопай, но если удастся направить его перо и его речи, то это будет выгодно.

Гр. А. Х. БЕНКЕНДОРФ в донесении имп. Николаю 12 июля 1827 г. *Старина и Новизна*, VI, 6 (фр.).

Тайная полиция не упускала из виду поведение и связи графа Заводовского... Главное занятие его в настоящее время — игра. Он нанял сельский домик на Выборгской Стороне, у Пфлуга, где почти каждый вечер собираются следующие господа:... Пушкин, сочинитель, был там несколько раз. Он кажется очень изменившимся и занимается только финансами, стараясь продавать свои литературные произведения на выгодных условиях. Он живет в гостинице Демута, где его обыкновенно посещают: полковник Безобразов, поэт Баратынский, литератор Федоров и игроки Шихмаков и Остолопов. Во время дружеских излияний он совершенно откровенно признается, что он никогда не натворил бы столько безумия и глупостей, если бы не находился под влиянием Александра Раевского, который по всем данным, собранным с разных сторон, должен быть человеком весьма опасным.

М. Я. фон-Фок в донесении Бенкендорфу, 13 июля 1827 г. *Б. Модзалевский*, 37 (фр.).

Пушкин любил веселую компанию молодых людей. У него было много приятелей между подростками и юнкерами. Около 1827 года в Петербурге водил он знакомство с гвардейскою молодежью и принимал деятельное участие в кутежах и попойках. Однажды пригласил он несколько человек в тогдашний ресторан Доминика и угощал их на славу. Входит граф Завадовский и, обращаясь к Пушкину, говорит: — «Однако, Александр Сергеевич, видно, туго набит у вас бумажник!» — «Да ведь я богаче вас, — отвечает Пушкин, — вам приходится иной раз прожиться и ждать денег из деревень, а у меня доход постоянный с тридцати шести букв русской азбуки».

Кн. А. Ф. ГОЛИЦЫН-ПРОЗОРОВСКИЙ по записи П. И. Бартенева. *Рус. Арх.*, 1888, III, 468.

Пушкина я вовсе не вижу, встречаю его иногда в клубе, он здесь в кругу шумном и веселом молодежи, в котором я не бываю; впрочем, мы сошлись с ним хорошо, не часто видимся, но видимся дружески, без церемоний... С Пушкина списал Кипренский портрет необычайно похожий.

Н. А. МУХАНОВ—А. А. Муханову, 15 июля 1827 г., из Петербурга. *Щукинский Сборник*, X, 354.

О. Кипренский жил в доме гр. Шереметевых на Фонтанке до своего последнего отъезда в Италию; предание добавляет, что в этом доме позировал ему для портрета А. С. Пушкин.

В. К. СТАНЮКОВИЧ. *Фонтанный дом Шереметевых. Путеводитель*. Изд. Брокгауз—Ефрон. Пбг. 1923, стр. 8.

(*Портрет кисти Кипренского*). Положение поэта не довольно хорошо придумано: оборот тела и глаз не свойствен Пушкину; драпировка умышленна; пушкинской простоты не видно; писан со всем достоинством живописи Кипренского.

(Н. В. КУКОЛЬНИК). *Художественная газета на 1837 г.*, № 9—10, стр. 160.

Лучший портрет сына моего есть тот, который написан Кипренским и гравирован Уткиным.

С. Л. ПУШКИН. *Отечеств. Записки*, 1841, т. XV, особ. прилож., 4.

(*На выставке картин в Академии Художеств*). Вот поэт Пушкин. Не смотрите на подпись: видев его хоть раз живого, вы тотчас признаете его пронзительные глаза и рот, которому недостает только беспрестанного вздрагивания: этот портрет писан Кипренским.

А. В. НИКИТЕНКО, т. I, 174.

Большую известность получил портрет Кипренского в сделанной с него гравюре Н. И. Уткина (известного профессора-гравера), изданный в 1827 — 29 гг. отчасти отдельно, отчасти в приложении к альманаху «Северные цветы» на 1828 г. и др. изд. Уткинская гравюра хотя и сделана по Кипренскому, но с многими отступлениями от оригинала: так, на гравюре не показано рук, есть отличия в изображении костюма (заметен край выреза жилета, иначе представлен левый воротничок манишки), но главным образом

отличается изображение лица. Шевелюра и баки выделаны тщательнее, с более натуральной передачей спиральных завитков; лицо представлено более удлиненным и немного более повернутым кпереди; скулы выступают более натурально; в глазах более выразительности, и смотрят они более вверх; нос имеет несколько иную форму, он вообще прямее, но спинка его на конце шире и загнута, ноздри обозначены резче: выступление челюсти и губ показано явственнее. Отличия эти заслуживают внимания, так как Уткин работал при жизни поэта и видал его лично.

Д. Н. АНУЧИН. А. С. Пушкин. Антропологический этюд. М. 1899, стр. 36.

Без сомнения, величайшая услуга, какую бы мог я оказать вам, это—держать Пушкина на узде, да не имею к тому способов. Дома он бывает только в девять часов утра, а я в это время иду на службу царскую; в гостях бывает только в клубе, куда входить не имею права, к тому же, с ним надо няньчиться, до чего я не охотник и не мастер... Дельвиг имеет влияние на Пушкина.

В. П. ТИТОВ—М. П. Погодину, 18 июля 1827 г., из Петербурга. Н. Барсуков. Жизнь и труды Погодина, кн. II, изд. 2, стр. 71.

(Середина 1827 г.). Братья Критские с товарищами неоднократно совещались о ходе и развитии своего тайного общества и предполагали вербовать членов среди студенчества, а председателем, по предложению Михаила Критского, избрать А. С. Пушкина. На последнее возражал Лушников, говоря, что «Пушкин ныне преданся большому свету и думает более о модах и остреньких стихах, нежели о благе отечества».

М. К. ЛЕМКЕ. Тайное общество братьев Критских (по данным архива Третьего Отделения). Былое, 1906, июнь, 46.

Я в деревне и надеюсь много писать. В конце осени буду у вас. Вдохновения еще нет, покамест принялся я за прозу.

ПУШКИН—бар. А. А. Дельвигу, 31 июля 1827 г., из Михайловского.

(1827—1831 гг.). Никто не имел столько друзей, сколько Пушкин, и, быв с ним очень близок, я знаю, что он вполне оценил свое счастье. Осенью он обыкновенно удалялся на два и три месяца в деревню, чтобы писать и не быть развлекаемым. В деревне он вел всегда одинаковую жизнь, весь день проводил в постеле с карандашом в руках, занимался иногда 12 часов в день, поутру освежался холодной ванной; перед обедом, несмотря даже на непогоду, скакал несколько верст верхом, и когда уставшая под вечер голова требовала отдыха, он играл один на билларде или призывал с рассказами свою старую няню. Однажды он взял с собою любовницу. «Никогда более не возьму никого с собою», — говорил он мне после, — «бедная Лизанька едва не умерла со скуки: я с нею почти там не виделся». Ибо, как скоро приезжал он в деревню и брался за перо, лихорадка переливалась в его жилы, и он писал, не зная ни дня, ни ночи. Так писал он, не покидая почти пера, каждую главу Онегина; так написал он почти без остановки Графа Нулина и Медного Всадника. Он писал всегда быстро, одним вдохновением, но иногда,

Князь Петр Андреевич
ВЯЗЕМСКИЙ

Федор Иванович
ТОЛСТОЙ
(американец)

недовольный некоторыми стихами, потом с гневом их марал, переправлял, ибо в его глазах редко какой-нибудь стих выражал вполне его мысль.

Н. М. СМИРНОВ. Из памятных заметок. Рус. Арх., 1882, I, 232.

(16 сент. 1827 г.). Вчера обедал я у Пушкина в селе его матери, недавно бывшем еще местом его ссылки, куда он недавно приехал из Петербурга с намерением отдохнуть от рассеянной жизни столиц и чтобы писать на свободе (другие уверяют, что он приехал оттого, что проигрался). По шаткому крыльцу взойшел я в ветхую хижину первенствующего поэта русского. В молдаванской красной шапочке и халате увидел я его за рабочим столом, на коем были разбросаны все принадлежности уборного столика поклонника моды; дружно также на нем лежали Montesquieu с «Bibliothèque de samragne» и «Журналом Петра I»; виден был также Альфиери, ежемесячники Карамзина и изъяснение снов, скрывшееся в полдюжине русских альманахов; наконец две тетради в черном сафьяне остановили мое внимание на себе: мрачная их наружность заставила меня ожидать что-нибудь таинственного, особливо, когда на большей из них я заметил полустертый масонский треугольник. Пушкин, заметив внимание мое к этой книге, сказал мне, что она была счетною книгою масонского общества, а теперь пишет он в ней стихи; в другой же книге показал он мне только что написанные первые две главы романа в прозе, где главное лицо представляет его прадед Ганнибал, сын абиссинского эмира, похищенный турками, а из Константинополя русским посланником присланный в подарок Петру I, который его сам воспитывал и очень любил. Главная завязка этого романа будет — как Пушкин говорит — неверность жены сего арапа, которая родила ему белого ребенка и за то была посажена в монастырь. Вот историческая основа этого сочинения. Мы пошли обедать, запивая рейнвейном швейцарский сыр; рассказывал мне Пушкин, как государь цензирует его книги; он хотел мне показать «Годунова» с собственноручными его величества поправками. Высокому цензору не понравились шутки старого монаха с харчевницею. В «Стеньке Разине» не пошли стихи, где он говорит воеводе астраханскому, хотевшему у него взять соболью шубу: «Возьми с плеч шубу, да чтобы не было шуму». Смешно рассказывал Пушкин, как в Москве цензировали его «Графа Нулина»: нашли, что неблагопристойно его сиятельство видеть в халате! На вопрос сочинителя, как же одеть, предложили сюртук. Кофта барыни показалась тоже соблазнительною, просили, чтобы он дал ей хотя салоп. Говоря о недостатках нашего частного и общественного воспитания, Пушкин сказал: «Я был в затруднении, когда Николай спросил мое мнение о сем предмете. Мне бы легко было написать то, чего хотели, но не надобно же пропускать такого случая, чтоб сделать добро. Однако, я между прочим сказал, что должно подавить частное воспитание. Несмотря на то, мне вымыли голову».

Играя на биллиарде, сказал Пушкин: «Удивляюсь, как мог Карамзин написать так сухо первые части своей «Истории», говоря об Игоре, Свято-славе. Это героический период нашей истории. Я непременно напишу историю Петра I, а Александрову — пером Курбского. Непременно должно описывать современные происшествия, чтобы могли на нас ссылаться. Теперь уже можно писать и царствование Николая, и об 14-м декабря».

АЛ. Н. ВУЛЬФ. Дневник. Л. Майков, 176.

15 окт. 1827 г. — Вчерашний день был для меня замечателен: приехав в Боровичи в 12 час. утра, застал я проезжего в постели. Он метал банк гусарскому офицеру. Перед тем я обедал. При расплате недоставало мне

5 рублей, я поставил их на карту. Карта за картой, проиграл 1.600. Я расплатился довольно сердито, взял займы двести рублей и уехал очень недоволен сам собой. На следующей станции нашел я Шиллерова «Духовидца»; но едва успел я прочитать первые страницы, как вдруг под'ехали четыре тройки с фельд'егерем. Я вышел взглянуть на них. Один из арестантов стоял, опершись у колонны. К нему подошел высокий, бледный и худой молодой человек с черною бородою, во фризовой шинели... Увидев меня, он с живостью на меня взглянул; я невольно обратился к нему. Мы пристально смотрим друг на друга — и я узнаю Кюхельбекера ¹⁾). Мы кинулись друг другу в объятия. Жандармы нас растащили. Фельд'егерь взял меня за руку с угрозами и ругательством. Я его не слышал. Кюхельбекеру сделалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили в тележку и ускакали.

ПУШКИН. Встреча с Кюхельбекером.

Отправлен я был сего месяца 12 числа в г. Динабург с государственными преступниками, и на пути приехав на станцию Залазы, вдруг бросился к преступнику Кюхельбекеру ехавший из Новоржева в С.-Петербург некто г. Пушкин, начал после поцелуев с ним разговаривать. Я, видя сие, наипоспешнейше отправил как первого, так и тех двух за полверсты от станции, дабы не дать им разговаривать; а сам остался для написания подорожной и заплаты прогонов. Но г. Пушкин просил меня дать Кюхельбекеру денег; я в сем ему отказал. Тогда он, г. Пушкин, кричал и, угрожая мне, говорил, что: по прибытии в Петербург в ту же минуту доложит его императорскому величеству как за недопущение распротиться с другом, так и дать ему на дорогу денег; сверх того не премину также сказать и генерал-ад'ютанту Бенкендорфу. Сам же г. Пушкин, между прочими угрозами, об'явил мне, что он посажен был в крепость и потом выпущен, почему я еще более препятствовал иметь ему сношение с арестантом; а преступник Кюхельбекер мне сказал: это тот Пушкин, который сочиняет.

ФЕЛЬД'ЕГЕРЬ ПОДГОРНЫЙ в рапорте дежурному генералу главн. штаба Потапову 28 окт. 1827 г. Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. Изд. Р. Вагнера, Берлин. 1861. Стр. 192.

(Осень 1827 г.). Я познакомился с Пушкиным. Другой человек, как мне его описывали, и каковым он был прежде в самом деле. Скромнен в суждениях, любезен в обществе и дитя по душе. Гусары испортили его в лице. Москва подбаловала, а несчастия и тихая здешняя жизнь его образумили.

Ф. В. БУЛГАРИН—В. А. Ушакову, 6 янв. 1828 г. Шукшинский Сборник, IX, 161.

На-днях вышла третья глава «Онегина». Разговор Филипповны седой с Татьяной удивительно природен. Груша утверждает, что он списан с натуры.

Н. А. МУХАНОВ—А. А. Муханову, 31 окт. 1827 г. Шукшинский Сборник, X, 356.

(Октябрь 1827 г.). Поэт Пушкин здесь (в Петербурге). Он редко бывает дома. Известный Соболевский возит его по трактирам, кормит и поит на

¹⁾ В. К. Кюхельбекер, лицейский товарищ Пушкина, декабрист.

свой счет. Соболевского прозвали *брюхом Пушкина*. Впрочем, сей последний ведет себя весьма благоразумно в отношении политическом.

М. Я. фон-Фок в донесении ген. А. Х. Бенкендорфу. Б. Модзалевский, 40.

Пушкина, после его возвращения из ссылки, я увидела в 1827 году, когда я уже была замужем за Каратыгиным. Это было на Малом театре (он находился на том самом месте, где теперь Александринский). В тот вечер играли комедию Мариво: «Обман в пользу любви», в переводе П. А. Катенина¹). Он привел ко мне в уборную «кающегося грешника», как называл себя Пушкин. (Ср. стр. 76 настоящего издания). «Размалеваанные брови»... напомнила я ему, смеясь, — «Полноте, бога ради, — перебил он меня, конфузясь и целуя мою руку, — кто старое помянет, тому глаз вон! Позвольте мне взять с вас честное слово, что вы никогда не будете вспоминать о моей глупости, о моем мальчишестве!?» Слово было дано; мы вполне примирились.

А. М. КАРАТЫГИНА-КОЛОСОВА. Воспоминания. Рус. Стар., 1880, т. 28, стр. 571.

Мой разбор «Цыган» Пушкина (напечатанный в № 10 «Московского Телеграфа» за 1827 г.) навлек или мог бы навлечь облачко на светлые мои с ним сношения. О том я долго не догадывался и узнал случайно, гораздо позднее. А. А. Муханов, тогда общий приятель наш, сказал мне однажды, что из слов, слышанных им от Пушкина, убедился он, что поэт не совсем доволен отзывом моим о поэме его... Между тем Пушкин сам ничего не говорил мне о своем неудовольствии: напротив, помнится мне, даже благодарил меня за статью. Взаимные отношения наши остались самыми дружественными. Он молчал, молчал и я, опасаясь дать словам Муханова вид сплетни. Мог я думать, что Пушкин забыл или изменил свое первоначальное впечатление, но Пушкин не был забывчив. В то самое время, когда между нами все обстояло благополучно, Пушкин однажды спрашивает меня в упор: может ли он напечатать следующую эпиграмму: «О чем, прозаик, ты хлопчешь?» Полагая, что вопрос его относится до цензуры, отвечаю, что не предвижу никакого с ее стороны препятствия. Между тем замечаю, что при этих словах моих лицо его вдруг вспыхнуло и озарилось краскою, обыкновенною в нем приметью какого-нибудь смущения, или внутреннего сознания в неловкости положения своего. Тем дело кончилось. Уже после смерти Пушкина как-то припомнилась мне вся эта сцена; загадка нечаянно сама разгадалась передо мною, я понял, что этот прозаик — я, что Пушкин, легко оскорблявшийся, оскорбился некоторыми замечками в моей статье, и, наконец, хотел узнать от меня, не оскорблюсь ли я сам напечатанием эпиграммы, которая сорвалась с пера его против меня. Досада его, что я, в невинности своей, не понял нападения, бросила в жар лицо его... Пушкин был вообще простодушен, уживчив и снисходителен, даже иногда с излишеством... Я держался того мнения, что в литературе добрая, т.-е. явная ссора лучше, худого, т.-е. недобросовестного мира. Он, пока самого его не заденут, более был склонен мирволить и часто мирволил. натура Пушкина более была открыта к сочувствиям, нежели к отвращениям. В нем было более любви, нежели негодования, более благоразумной терпимости и здравой оценки действительности, нежели своевольного враждебного увлечения. На политическом поприще, если оно открылось бы перед ним, он без сомнения был бы либеральным консерватором, а

¹) Пьеса эта (единственный раз) шла на сцене Малого театра во вторник 27 сент. 1827 г. (См. Северная Пчела, 1827, № 116). Пушкин в это время был в деревне. Встреча, вероятно, произошла позднее.

не разрушающим либералом. Так наз. либеральная, молодая пора поэзии его не может служить опровержением слов моих... Многие из тогдашних стихов его были более отголоском того времени, нежели исповедью внутренних чувств и убеждений его. Он часто был Эолова арфа либерализма на пиршествах молодежи и отзывался теми веяниями, теми голосами, которые налетали на него. Не менее того он был искоренен, но не был сектатором в убеждениях или предубеждениях своих, а тем более не был сектатором чужих предубеждений. Он любил чистую свободу, как любить ее должно, но из того не следует, чтобы каждый свободолюбивый человек был непременно и готовым революционером. Политические сектаторы двадцатых годов очень это чувствовали. Многие из них были приятелями его, но они не находили в нем готового соумышленника и, к счастью его самого и России, оставили его в покое. Этому соображению и расчету их можно скорее приписать спасение Пушкина от крушений 25 года, нежели желанию, как многие думают, сберечь дарование его и будущую славу России. — При всем добросердечии своем Пушкин был довольно злопамятен, и не столько по врожденному свойству и увлечению, сколько по расчету; он, так сказать, вменял себе в обязанность, поставил себе за правило помнить зло и не отпускать должникам своим. Кто был в долгу у него, или кого почитал он, что в долгу, тот, рано или поздно, расплачивался с ним, волею или неволею. Для подмоги памяти своей он держался в этом отношении бухгалтерного порядка: он вел письменный счет своим должникам настоящим или предполагаемым; он выжидал только случая, когда удобнее взыскать недоимку. Он не спешил взысканием, но отметка *должен* не стиралась с имени. Это буквально было так. На лоскутках бумаги были записаны у него некоторые имена, ожидавшие очереди своей; иногда были уже заранее заготовлены про них отметки, как и когда взыскать долг, значившийся за тем или другим. Вероятно, так и мое имя было записано на подобном роковом лоскутке, и взыскание с меня было совершено известною эпиграммою. Таковы, по крайней мере, мои догадки, основанные на вышеприведенных обстоятельствах ¹⁾. Но если Пушкин и был злопамятен, то разве мимоходом и беглым почерком пера напишет он эпиграмму, внесет кого-нибудь в свой «Евгений Онегин» или в послание, и дело кончено... В действиях, в поступках его не было и тени злопамятства, он никому не желал повредить.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. Полн. собр. соч., т. I, стр. 321—324.

Поэт Пушкин ведет себя отлично хорошо в политическом отношении. Он непритворно любит государя и даже говорит, что ему обязан жизнью, ибо жизнь так ему наскучила в изгнании и вечных привязках, что он хотел умереть. Недавно был литературный обед, где шампанское и венгерское вино пробудили во всех искренность. Шутили много и смеялись и, к удивлению, в это время, когда прежде подшучивали над правительством, ныне хвалили государя откровенно и чистосердечно. Пушкин сказал: «меня должно прозывать или Николаевым, или Николаевичем, ибо без него я бы не жил. Он дал мне жизнь и, что гораздо более, — свободу: viva!»

М. Я. фон-Фок в донесении ген. А. Х. Бенкендорфу в октябре 1827 г. Б. Модзалевский, 10.

¹⁾ Догадки совершенно неправильные. Эпиграмма Пушкина «Прозанк и поэт» была напечатана в книжке «Московского Вестника», вышедшей около 15 февраля 1827 г., за три месяца до выхода в свет «Цыган» и месяцев за восемь до появления статьи Вяземского. Это обстоятельство, конечно, не отнимает интереса от общих замечаний Вяземского о характере Пушкина.

26 ноября 1827 г. Я пошел во втором часу к барону Дельвигу. У него застал Ф. В. Булгарина и Ал. С. Пушкина. В беседе с ними я просидел до трех часов. Последнего я желал давно видеть и увидел — маленькую бело-глазую штучку, более мальчика и ветренного шалуна, чем мужа. Но его шутки, рассказы, критика — совершенно политические; мне не понравилось только, что он считает «дрянью» Гнедичеву идиллию «Рыбаки».

И. А. ВТОРОВ. Из дневника. *М. Ф. де-Пуле. Отец и сын. Рус. Вестник*, 1875, авг., 579.

Приехав в конце 27 года в Тверь, напитанный мнениями Пушкина и его образом обращения с женщинами, предпринял я сделать завоевание Кат (*Кат. Ив. Гладковой-Вульф, двоюродной его сестры*). Слух о моих подвигах любовных давно уже дошел и в глушь Бернговскую. Кат. рассказывала мне, что она сначала боялась приезда моего, как бы и Пушкина. Столь же неопытный в практике, сколько знающий теоретик, я первые дни был застенчив с нею и волочился, как 16-летний юноша. Я никак не умел постепенно ее развращать, врать ей, раздражать ее чувственность.

Ал. Н. ВУЛЬФ. Дневник. *П—я и его совр—ки. XXI—XXII*, 87

Пушкин был живой вулкан, внутренняя жизнь была из него огненным столбом. Теперь приостыл и, как обыкновенно водится около вулканов, окружен изобилием, цветом и плодами.

Ф. Н. ГЛИНКА—А. А. Ивановскому, 27 ноября 1827 г., из Петрозаводска. *Рус. Стар.*, 1880, т. 63, апр. 123.

В день св. Николая (6 дек.) журналист Николай Греч давал обед для празднования своих именин и благополучного окончания грамматики. Гостей было 62 человека: все литераторы, поэты, ученые и отличные любители словесности. Никогда не видывано прежде подобных явлений, чтоб столько умных людей, собравшись вместе и согрев головы вином, не говорили, по крайней мере, двухсмысленно о правительстве и не критиковали мер оною. Теперь напротив только и слышны были анекдоты о правосудии государя, похвала новых указов и из'явление пламенного желанья, чтобы государь выбрал себе достойных помощников в трудах... Под конец стола один из собеседников, взяв бокал в руки, пропел следующие забавные куплеты, относящиеся к положению Греча и его грамматики. (*Четыре куплета, между прочим*):

В отчаяньи уж Греч наш был,
Граматику чуть-чуть не с'ели:
Но царь эгидой осенил,
И все педанты присмирели.
И так, молитву сотворя,
Во-первых, здравие царя!

Трудно вообразить, какое веселие произвели сии куплеты. Но приятнее всего было то, что куплеты государю повторены были всеми гостями с восторгом и несколько раз. — Куплеты начали тотчас после стола списывать на многие руки. Пушкин был в восторге и беспрестанно напевал прохаживаясь:

И так, молитву сотворя,
Во-первых, здравие царя!

Он списал эти куплеты и повез к Карамзиной.

М. Я. фон-Фок в донесении А. Х. Бенкендорфу (дек. 1837 г.). Б. Модзалевский, 41.

Пушкин ежедневно у нас: и так не повесничает.

Е. А. КАРАМЗИНА (вдова историка)—И. И. Дмитриеву, 13 дек. 1827 г.¹⁾. *Письма Карамзина к Дмитриеву*. СПб. 1889. Стр. 230.

Зиму и весну 1827 — 1828 г. Пушкин очень часто видался с Дельвигом. По свидетельству жившего в то время у Дельвига родного его брата, Александра Антоновича, Пушкин бывал у них почти всякий вечер... Беседы происходили обыкновенно в кабинете Дельвига. Пушкин сидел на диване, по-турецки с ногами, Дельвиг подле него на кресле, а перед ним на столе лежала бумага и карандаш. Разговоры их нередко перемешивались экспромптами Пушкина, которые Дельвиг немедленно записывал, показывал Пушкину, а иногда, не показывая, отдавал в печать, так что Пушкин, не придававший важности этим шуткам и немедленно забывавший их, уверял, что Дельвиг подписывает его фамилию под чужими стихами. Мы сомневаемся, однако ж, в справедливости последнего мнения, несмотря на свидетельство очевидца: Пушкин, всегда тщательно отделявавший все свои произведения, вообще не любил экспромптов.

Литературные чтения в обществе, весьма обыкновенные в то время, особенно часто бывали у Дельвига. Стихотворения и прозаические статьи, присылавшиеся Дельвигу для помещения в его альманахе («Северные Цветы»), прочитывались и обсуждались в этой приятельской беседе; здесь же обыкновенно читались новые произведения Пушкина, Баратынского и Жуковского. В один из таких вечеров Пушкин читал свою «Комедию о Царе Борисе и Гришке Отрепьеве». При чтении присутствовал и Мицкевич. По совету Дельвига и Мицкевича, Пушкин исключил из своей трагедии сцену между Григорием и злым чернецом, предшествовавшую сцене между Пименом и Григорием в Чудовом монастыре. Исключенная сцена, по мнению обоих поэтов, ослабляла впечатление, производимое рассказом Пимена.

В. П. ГАЕВСКИЙ. Дельвиг. *Современник*, 1854. № 9. Критика, стр. 12.

Пушкин в дружеском обществе был очень приятен... Дельвиг со всеми товарищами по лицу был одинаков в обращении, но Пушкин обращался с ними разное. С Дельвигом он был вполне дружен и слушался, когда Дельвиг его удерживал от излишней картежной игры и от слишком частого посещения знати, к чему Пушкин был очень склонен. С некоторыми же из своих товарищей лицеистов, в которых Пушкин не видел ничего замечательного, и в том числе с М. Л. Яковлевым, обходился несколько надменно, за что ему часто доставалось от Дельвига. Тогда Пушкин, видимо, на несколько времени изменял свой тон и с этими товарищами.

Бар. А. И. ДЕЛЬВИГ (племянник поэта Дельвига). *Мои воспоминания*. I, 72.

Сознаюсь вам, что мое существование в Петербурге — достаточно глупое, и что я горю желанием изменить его тем или другим образом. Не знаю,

¹⁾ В подлиннике—очевидная опечатка: вм. 1827 г.—1828.

приеду ли я еще в Михайловское. Однако, это было моим желанием. Петербургская суетня и шум стали мне совершенно невыносимыми, — я переносу их с нетерпением. Я предпочитаю ваш прекрасный сад и прекрасные берега Сороти. Вы видите, что мои вкусы еще достаточно поэтичны, несмотря на скверную прозу моего нынешнего существования.

ПУШКИН—П. А. Осиповой. 24 янв. 1828 г., из
Петербурга (фр.).

{У польского художника Ваньковича, в Петербурге). Среди картин, развешанных по стенам, в глаза бросились два больших портрета, стоящих на мольбертах друг около друга. Одним из них был портрет Мицкевича в бурке, опирающегося на скалу, — портрет, который впоследствии сделался столь же популярным, как и сам Мицкевич. Рядом стоял второй портрет совершенно одинакового размера. Он изображал мужчину, закутанного в широкой плащ-альмавиву с клетчатой подкладкой и стоящего в созерцании и раздумьи под тенистым деревом. Лицо очень неприветливое, цвет его какой-то странный, но все-же инстинктивно можно было угадать, что он естественный; черты лица мало интересные, тем более, что портрет сделан был en face, лезущим в глаза; блики с тенями от дерева отчасти скользили по лицу, все это вместе заставляло смотреть от полотно с некоторым отвращением. — «Кто это такой?» — спросил я — «Да разве ты не знаешь? Это — Пушкин, и притом похожий, как две капли воды»... Тогда Ванькович обладал отрицательным даром портретиста, — схватывать сходство в ущерб лицу ¹⁾.

СТАНИСЛАВ МОРАВСКИЙ. Воспоминания. Московский Пушкинист, II, 255.

Формальное предложение отца моего (Н. И. Павлищева) встретило со стороны родителей Ольги Сергеевны (сестры Пушкина) решительный отказ, несмотря на красноречие Александра Сергеевича, Василия Львовича (Пушкиных) и Жуковского; Сергей Львович замахал руками, затопал ногами и — бог весть почему — даже расплакался, а Надежда Осиповна распорядилась весьма решительно: она приказала не пускать отца моего на порог. Этого мало: когда, две недели спустя, Надежда Осиповна увидела на бале отца, то запретила дочери с ним танцевать. Во время одной из фигур котильона отец сделал с нею тура два. Об этом доложили Над. Осиповне, забавлявшейся картами в соседней комнате. Та в негодовании выбежала и в присутствии общества, далеко не малочисленного, не задумалась толкнуть свою тридцатилетнюю дочь. Мать моя упала в обморок. Чаша переполнилась; Ольга Сергеевна не стерпела такой глубоко оскорбительной выходки и написала на другой же день моему отцу, что она согласна венчаться, никого не спрашивая. Это случилось во вторник, 24 января 1828 года, а на следующий день, 25 числа, в среду, в час пополудни, Ольга Сергеевна тихонько вышла из дома; у ворот ее ждал мой отец; они сели в сани, помчались в церковь св. Троицы Измайловского полка и обвенчались в присутствии четырех свидетелей — друзей жениха. После венца отец отвез супругу к родителям, а сам отправился на свою холостую квартиру. Раню утром Ольга Сергеевна послала за братом Александром Сергеевичем, жившим особо, в Демутовой гостинице. Он тотчас приехал и, после трехчасовых переговоров с Надеждой Осиповной и Сергеем Львовичем, послал за моим отцом. Новобрачные упали к ногам

¹⁾ Этот портрет Пушкина до нас не дошел.

родителей и получили прощение. Однако, Надежда Осиповна до самой кончины своей относилась недружелюбно к зятю. — По этому случаю Александр Сергеевич сказал сестре: «Ты мне испортила моего Онегина: он должен был увести Татьяну, а теперь... этого не сделает».

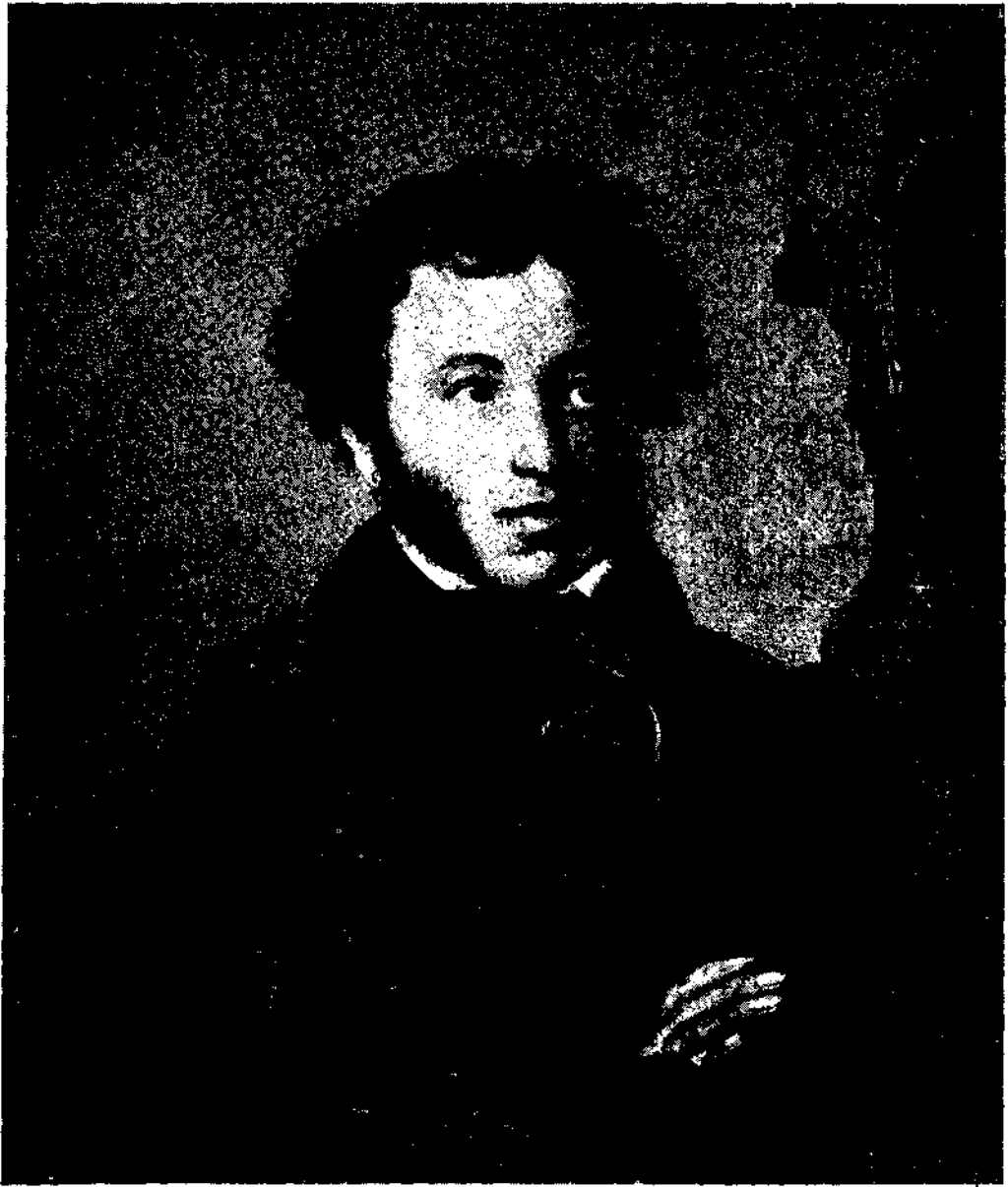
Л. Н. ПАВЛИЩЕВ (племянник Пушкина). *Воспоминания*, 47—49.

Пушкина, Ольга Сергеевна, одним утром приходит к брату Александру и говорит ему: «Милый брат, поди скажи нашим общим родителям, что я вчера вышла замуж за... (не помню кого)». Брат удивился, немного рассердился, но, как умный человек, тотчас увидел, что худой мир лучше доброй ссоры, и понес известие к родителям. Сергею Львовичу сделалось дурно: привели цырюльника пустить кровь, и Пушкин замечает, что отец его в беспамятстве горя поднял спор с цырюльником и начал учить его, как пускать кровь, но тем и кончил, а теперь все помирились.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — А. А. Воейковой, 4 февр. 1828 г. Н. В. Соловьев. *История одной жизни*. Петроград. 1916. Т. II. 65.

(26 янв. 1828 г.). В квартире Дельвига (сам он был тогда в отлучке) мы, вместе с Александром Сергеевичем, имели поручение от его матери, Надежды Осиповны, принять и благословить образом и хлебом новобрачных Павлищева и сестру Пушкина Ольгу. Мы отправились вместе с Александром Сергеевичем в старой семейной карете его родителей на квартиру Дельвига, которая была приготовлена для новобрачных. Был январь месяц, мороз трещал страшный; Пушкин, всегда задумчивый и грустный в торжественных случаях, не прерывал молчания. Но вдруг, стараясь показаться веселым, вздумал заметить, что еще никогда не видал меня одну: «вот, однако, первый раз, как мы одни». Мне показалось, что эта фраза была внушена желанием скрыть свои размышления по случаю важного события в жизни нежно любимой им сестры, а потому без лишних объяснений я сказала только, что этот необыкновенный случай отмечен сильным морозом. — «Это правда, 27 градусов», — повторил Пушкин, плотнее закутавшись в шубу, и прижался в угол кареты. Так кончилась эта попытка завязать разговор и быть любезным. Она уже не возобновилась во всю дорогу. На квартире новобрачных мы долго прождали молодых, молча прогуливаясь по освещенным комнатам, тоже весьма холодным, отчего я, несмотря на важность лица, мною представляемого (посаженой матери), оставалась, как ехала, в кацавейке. Несмотря на озабоченность, Пушкин и на этот раз был очень нежен, ласков со мною... Я заметила в этом и еще в нескольких других случаях, что в нем было до чрезвычайности развито чувство *благодарности*; самая малейшая услуга ему или кому-нибудь из его близких трогала его несказанно. Так, я помню, однажды потом батюшка мой, разговаривая с ним на этой же квартире Дельвига, коснулся этого события, т.-е. свадьбы его сестры, мною нежно любимой, и сказал ему, указывая на меня: «и эта дура, несмотря на морозную ночь, в одной почти рубашке побежала через Фонтанку». В это время Пушкин сидел рядом с отцом моим на диване, против меня, поджавши по своему обыкновению ноги, и, ничего не отвечая, быстро схватил мою руку и крепко поцеловал: красноречивый протест против шуточного обвинения сердечного порыва.

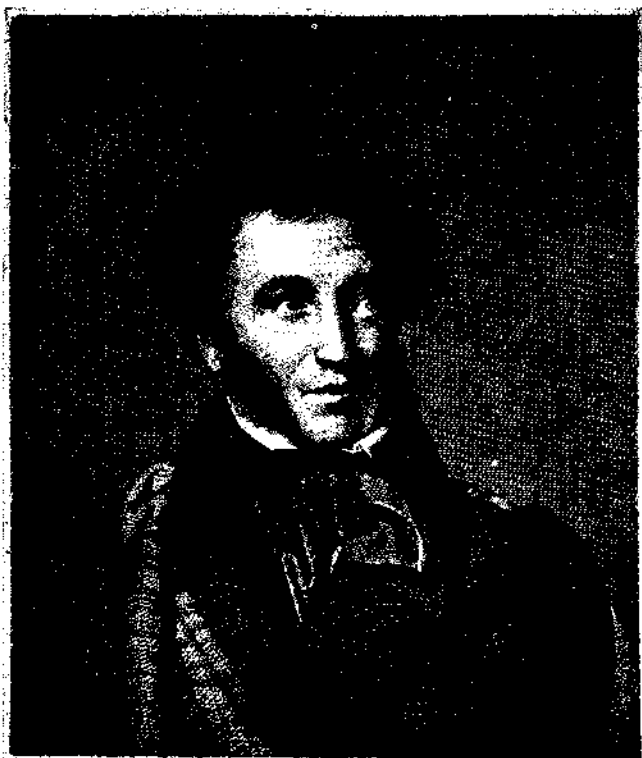
А. П. КЕРН. *Л. Майков, 293 и Пушкин и его с-ки, V, 143—144 (сводный текст)*.

А. С. ПУШКИН

О. А. Кипренский.

Госуд. Третьяковская галлеря.

Пис. О. Кипренской. 1817.

Грав. Н. Уткина.

А. С. ПУШКИН

Гравюра Н. Уткина с портрета Кипренского. 1827 г.

Альманах „Северные Цветы“ на 1828 год.

Вы... утешили скуку моего заточения. Всевозможные заботы, огорчения, неприятности и т. д. удерживали меня больше, чем когда-либо, вдалеке от света... Я сам был болен... Я скучаю, не имея даже развлечения хотя бы в физической боли.

ПУШКИН—Ел. Мих. Хитрово, 6 (?) февр. 1828 г.
Письма Пушкина к Е. М. Хитрово. Труды Пушкинского дома, 1927, стр. 2 (фр.).

Такой скучный больной, как я, не заслуживает вовсе такой любезной сиделки, как вы... Я еще немного хромаю и боюсь лестниц, — до сих пор я не позволяю себе подниматься выше первого этажа.

ПУШКИН—Ел. Мих. Хитрово, 10 (?) февр. 1828 г.
Письма Пушкина к Хитрово, 3 (фр.).

Это можно распространять, но нельзя печатать.

НИКОЛАЙ I. Надпись на переданном ему Бенкендорфом стих. Пушкина «Друзьям» (*Нет, я не льстец, когда царю...*). *Дела III Отд. Стр. 66 (фр.).*

Пушкин! известный уже сочинитель! который, не взирая на благосклонность Государя! Много уже выпустил своих сочинений! как стихами, так и прозой!! колких для правительствующих даже, и к Государю! Имеет знакомство с Жулковским! у которого бывает почти ежедневно!!! К примеру вышесказанного, есть оногo сочинение под названием *Таня!* которая будто уже и напечатана в *Северной Пчеле!* Средство же имеет к выпуску чрез благосклонность Жулковского!!

СЕКРЕТНЫЙ АГЕНТ ТРЕТЬЕГО ОТДЕЛЕНИЯ—
М. Я. фон-Фоку, в февр. 1828 г. *Б. Модзалевский, 42.*

(*При посылке «Северных Цветов» за 1828 год с портретом Пушкина раб. Кипренского, грав. Уткиным*). — Вот тебе наш милый, добрый Пушкин. Его портрет поразительно похож, — как будто ты видишь его самого. Как бы ты его полюбила, ежели бы видела его, как я, всякий день. Это человек, который вымывает, когда его узнаешь.

Бар-сса С. М. ДЕЛЬВИГ—А. Н. Семеновой, 9
февр. 1828 г. *Б. Модзалевский. «Пушкин». Стр. 216.
(фр.—русс.).*

Я вижу мало людей, но те, кого я вижу, очень мне приятны. Сомов и Пушкин — наши завсегдатаи, — они приходят ежедневно, так как это — главные сотрудники моего мужа.

Бар-сса С. М. ДЕЛЬВИГ — А. Н. Карелиной, в
февр. 1830 г. *Б. Модзалевский. «Пушкин». Стр. 242
(фр.).*

В первое время по приезде в Петербург (*приехал в марте 1828 г.*) я жил в гостинице «Демут», где обыкновенно квартировал А. С. Пушкин. Я

каждое утро заходил к нему, потому что он встречал меня очень любезно и привлекал к себе своими разговорами и рассказами. Как-то в разговоре с ним я спросил у него, — знакомиться ли мне с издателями «Северной Пчелы» (*Булгариним и Гречем*)? — «А почему же нет?» — отвечал, не задумываясь, Пушкин. — Чем они хуже других? Я нахожу в них людей умных. Для вас они будут особенно любопытны!» Тут он вошел в некоторые подробности, которые показали мне, что он говорит искренно (268).

О Пушкине любопытны все подробности, и потому я посвящу ему здесь несколько страниц. Жил он в гостинице Демута, где занимал бедный номер, состоявший из двух комнаток, и вел жизнь странную. Оставаясь дома все утро, начинавшееся у него поздно, он, когда был один, читал, лежа в постели, а когда к нему приходил гость, он вставал с своей постели, усаживался за столик с туалетными принадлежностями и, разговаривая, обыкновенно чистил, обтачивал и приглаживал свои ногти, такие длинные, что их можно назвать когтями. Иногда заставлял я его за другим столиком — карточным, обыкновенно с каким-нибудь неведомым мне господином, и тогда разговаривать было нельзя; после нескольких слов я уходил, оставляя его продолжать игру. Известно, что он вел довольно сильную игру, и чаще всего проигрывался в пух! Жалко бывало смотреть на этого необыкновенного человека, распаленного грубою и глупою страстью! Зато он был удивительно умен и приятен в разговоре, касавшемся всего, что может занимать образованный ум. Многие его замечания и суждения невольно врезывались в памяти. Говоря о своем авторском самолюбии, он сказал мне: — «Когда читаю похвалы моим сочинениям, я остаюсь равнодушен: я не дорожу ими; но злая критика, даже бестолковая, раздражает меня». Я заметил ему, что этим доказывается неравнодушие его к похвалам. — «Нет, а может быть, авторское самолюбие?» — отвечал он, смеясь. В нем пробудилась досада, когда он вспомнил о критике одного из своих сочинений, напечатанной в «Атенее». Он сказал мне, что даже написал возражение на эту критику, но не решился напечатать свое возражение и бросил его. Однако, он отыскал клочки смятой бумаги, на которой оно было писано, и прочел мне кое-что. Это было, собственно, не возражение, а насмешливое и очень остроумное согласие с глупыми замечаниями его рецензента, которого обличал он в противоречии и невежестве, повидимому, соглашаясь с ним. Я уговаривал Пушкина напечатать остроумную его отповедь «Атенее», но он не согласился, говоря: «Никогда и ни на одну критику моих сочинений я не напечатал возражения; но не отказываюсь писать в этом роде на утеху себе».

Вообще, как критик, он был умнее на словах, нежели на бумаге. Иногда вырывались у него чрезвычайно меткие, остроумные замечания, которые были бы нехвата в печатной критике, но в разговоре поражали своею истинною. Рассуждая о стихотворных переводах Вронченки, производивших тогда впечатление своими неотъемлемыми достоинствами, он сказал: — «Да, они хороши, потому что дают понятие о подлиннике своем; но та беда, что к каждому стиху Вронченки привешена гирилка!»

Увидевши меня по приезде моем из Москвы, когда были изданы две новые главы «Онегина», Пушкин желал знать, как встретили их в Москве. Я отвечал: «Говорят, что вы повторяете себя: нашли, что у вас два раза упомянуто о битье мух». — Он расхохотался, однако, спросил: — «Нет? в самом деле говорят это?» — «Я передаю вам не свое замечание; скажу больше: я слышал это из уст дамы». — «А ведь это очень живое замечание: в Москве редко услышишь подобное», — прибавил он.

Самолюбие его проглядывало во всем. Он хотел быть прежде всего светским человеком, принадлежащим к аристократическому кругу; высокое дарование увлекало его в другой мир, и тогда он выражал свое презрение к

Черни, которая гнездится, конечно, не в одних рядах мужиков. Эта борьба двух противоположных стремлений заставляла его по временам покидать столичную жизнь и в деревне свободно предаваться той деятельности, для которой он был рожден. Но дурное воспитание и привычка опять выманивали его в омут бурной жизни, только отчасти светской. Он ошибался, полагая, будто в светском обществе принимали его, как законного сочлена; напротив, там глядели на него, как на приятного гостя из другой сферы жизни, как на артиста, своего рода Листа или Серве. Светская молодежь любила с ним покутить и поиграть в азартные игры, а это было для него источником бесчисленных неприятностей, так что он вечно был в раздражении, не находя или не умея занять настоящего места. Очень заметно было, что он хотел и в качестве поэта играть роль Байрона, которому подражал не в одних своих стихотворениях... Пушкин, кроме претензии на аристократство и несомненных успехов в разгульной жизни, считал себя отличным танцором и наездником.

В 1828 году Пушкин был уже далеко не юноша, тем более, что, после бурных годов первой молодости и тяжких болезней, он казался по наружности истощенным и увядшим; резкие морщины виднелись на его лице; но он все еще хотел казаться юношею. Раз как-то, не помню, по какому обороту разговора, я произнес стих его, говоря о нем самом:

Ужель мне точно тридцать лет?—

Он тотчас возразил: «Нет, нет! У меня сказано: Ужель мне скоро тридцать лет? Я жду этого рокового термина, а теперь еще не прощаюсь с юностью». Надобно заметить, что до *рокового термина* оставалось несколько месяцев! Кажется, в этот же раз я сказал, что в сочинениях его встречается иногда такая искренняя веселость, какой нет ни в одном из наших поэтов. Он отвечал, что в основании характер его — грустный, меланхолический, и если иногда он бывает в веселом расположении, то редко и недолго. Мне кажется и теперь, что он ошибался, так определяя свой характер. Ни один глубокочувствующий человек не может быть всегда веселым и гораздо чаще бывает грустен. Однако, человек, не умерший душою, приходит и в светлое, веселое расположение. Пушкин, как пламенный лирический поэт, был способен увлекаться всеми сильными ощущениями, и, когда предавался веселости, то предавался ей, как неспособны к тому другие. В доказательство можно указать на многие стихотворения Пушкина из всех эпох его жизни. Человек грустного, меланхолического характера не был бы способен к тому.

Однажды я был у него вместе с Пав. Петр. Свиным. Пушкин, как увидел я из разговора, сердился на Свиного за то, что очень неловко и некстати тот вздумал где-то на бале рекомендовать его славной тогда своей красотой и лобезностью девице Л. Нельзя было оскорбить Пушкина более, как рекомендуя его *знаменитым поэтом*; а Свиный сделал эту глупость. За то поэт и отплатил ему, как я был свидетелем, очень зло. Кроме того, что он горячо выговаривал ему и просил вперед не принимать труда знакомить его с кем бы то ни было, Пушкин, поуспокоившись, навел разговор на приключения Свиного в Бессарабии, где тот был с важным поручением от правительства, но поступал так, что его удалили от всяких занятий по службе. Пушкин стал расспрашивать его об этом очень ловко и смело, так что несчастный Свиный вертелся, как береста на огне. — «С чего же взяли, — спрашивал он у него, — что будто вы в'езжали в Яссы с торжественною процессиею, верхом, с многочисленною свитой, и внушили такое почтение молдавским и валахским боярам, что они поднесли вам сто тысяч серебряных рублей?» — «Сказки, милый Александр Сергеевич, сказки! Ну, стоит

ли повторять такой вздор!» — «Ну, а ведь вам подарили шубы?» — спрашивал опять Пушкин и такими вопросами преследовал Свиньина довольно долго, представляя себя любопытствующим, тогда как знал, что речь о бессарбских приключениях была для Свиньина — нож острый! (273 — 277).

Уважение Пушкина к поэтическому гению Мицкевича можно видеть из слов его, сказанных мне в 1828 году, когда и Мицкевич, и Пушкин жили оба уже в Петербурге... Невольно увлекшись в похвалы Мицкевичу, Пушкин сказал, между прочим: «Недавно Жуковский говорит мне: знаешь ли, брат, ведь он заткнет тебя за пояс. — Ты не так говоришь, — отвечал я: — он уже заткнул меня». — У Пушкина был рукописный подстрочный перевод «Конрада Валленрода», потому что наш поэт, восхищенный красотами подлинника, хотел, в изъявление своей дружбы к Мицкевичу, перевести всего «Валленрода». Он сделал попытку, перевел начало, но увидел, как говорил он сам, что не умеет переводить, т.е. не умеет подчинить себя тяжелой работе переводчика (171 — 174).

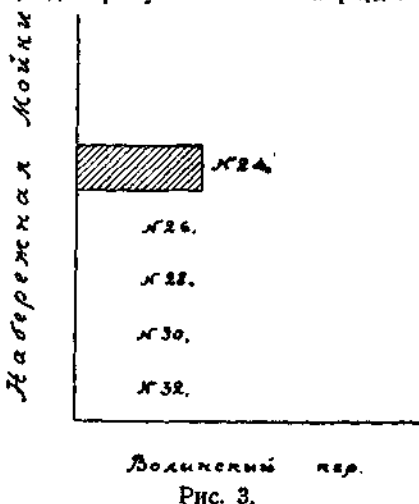
КС. А. ПОЛЕВОЙ. *Записки.*

Однажды мой старый друг Мицкевич, переехавший из Москвы в Петербург на постоянное жительство, пригласил меня на обед в Екатерингофском вокзале. Я поехал. Войдя в зал, я застал уже там и амфитриона, и несколько человек гостей, из которых один, стоявший так, что на него падал свет, сразу же обратил на себя мое внимание сходством с портретом, который я незадолго до того видел у Ваньковича. Это был Пушкин. Мицкевич тотчас познакомил нас. Этот обед он давал своим московским друзьям, а заодно позвал и петербургских литераторов. Тут были: князь Вяземский, Дельвиг, Муханов, Полевой, приехавший на несколько дней из Москвы, и много других. Из поляков были только Францишек Малевский и я. Я не спускал глаз с Пушкина, сидевшего против меня. Небрежность его одежды, растрепанные (он немного был плешив) волосы и бакенбарды, искривленные в противоположные стороны подошвы и, в особенности, каблучки свидетельствовали не только о недостатке внимания к себе, но и о неряшестве. Мицкевич также не любил щегольства, но в небрежности его заметно было достоинство, благородство, что-то высокое. Цветом лица Пушкин отличался от остальных. Объяснялось это тем, что в его жилах текла арапская кровь Ганнибала, которая даже через несколько поколений примешала свою сажу к нашему славянскому молоку.

Беседа была веселая, непринужденная. Очень мало говорили о науке, кое-что о литературе и поэзии, впрочем, без присущего литераторам злословия, немножко городских сплетен, больше о театре. С тем и разошлись после тонкого, со вкусом составленного обеда. С тех пор я часто встречал Пушкина. За исключением одного раза, на балу, никогда я его не видел в нестоптанных сапогах. Манер у него не было никаких. Вообще держал он себя так, что я никогда бы не догадался, что это Пушкин, что это дворянин древнего рода. В обхождении он был очень приветлив. Роста был небольшого; идя, неловко волочил ноги, и походка у него была неуклюжая. Все портреты его, в общем, похожи, но несколько приукрашены. Его речь отличалась плавностью, в ней часто мелькали грубые выражения. Когда мне случалось немножко побыть с ним, я неизменно чувствовал, что мне трудно было бы привязаться к нему, как к человеку. В то время вся столичная публика относилась к нему с необыкновенным энтузиазмом, восхищением, восторгом.

Д-р СТАНИСЛАВ МОРАВСКИЙ, «Воспоминания».
Красная Газета, 1928, № 318. (польск.).

Демутов трактир до наших дней не сохранился, и петербуржец, проходя по набережной Мойки, мимо дома № 24, где красуется вывеска ресторана Донона, и не подозревает, что этот ресторан существует на месте Демутова трактира... Купец Демут приобрел сквозной участок с Мойки на Конюшенную улицу и в 1796 году построил на Конюшенной улице новый каменный, на сводах, дом. Гостиница Демут или, как ее тогда звали, трактир Демутов, была, особенно по тому времени, значительная, число номеров превышало несколько десятков... В трактире была и большая зала, в которой устраивали аукционы и концерты. В 1823 г. дом Демута перешел в метрдотелю Рекету, а с конца 20-х или начала 30-х годов стал принадлежать купцам Калугиным, сохраняя долгое время старое прозвище Демутов Трактир (см. рис. 3).

П. ЗЕТ (П. Н. СТОЛПЯНСКИЙ). В старом Петербурге. *Новое Время*, 1912, № 12889.

Ты ничего не пишешь мне о 2100 р., мною тебе должных, а пишешь о M-de Керн, которую с помощью божьей я на-днях (...)

ПУШКИН—С. А. Соболевскому, в конце марта 1828 г., из Петербурга.

(Псковский помещик И. Е. Великопольский, мало даровитый поэт и страстный картежный игрок, выпустил в свет стихотворную «Сатиру на игроков», в которой живописал страшные последствия картежной игры. Пушкин напечатал в болгаринской «Северной Пчеле» «Послание к В., сочинителю Сатиры на игроков», где высмеивал проповедников, учащих свет тому, в чем сами грешны:

Некто мой сосед
 На игроков, как ты, однажды
 Сатиру злую написал
 И другу с жаром прочитал.
 Ему в ответ его приятель
 Взял карты, молча стасовал,
 Дал сыграть, и нравственный писатель
 Всю ночь, увы! понтировал.
 Тебе знаком-ли сей проказник?

и т. д.

Великопольский написал стихотворный ответ Пушкину и отправил его Булгарину для помещения в «Северной Пчеле». Булгарин передал стихи Пушкину с запросом, согласен ли он на их напечатание).

Булгарин показал мне очень милые ваши стансы ко мне в ответ на мою шутку. Он сказал мне, что цензура не пропускает их, как личность, без моего согласия. К сожалению, я не могу согласиться:

Глава Онегина вторая
 С'езжала скромно на тузе—

и ваше примечание — конечно, личность и неприличность. И вся станса недостойна вашего пера. Мне кажется, что вы немножко мною недовольны.

Правда ли? По крайней мере, отзывается чем-то горьким ваше последнее стихотворение. Неужели вы хотите со мною поссориться не на шутку и заставить меня, вашего миролюбивого друга, включить неприязненные строфы в восьмую главу Онегина? NB. Я не проигрывал второй главы, а ее экземплярами заплатил свой долг, так точно, как вы заплатили мне свой — родительскими алмазами и 35-ю томами энциклопедии. Что, если напечатать мне сие благонамеренное возражение? Но я надеюсь, что я не потерял вашего дружества и что мы при первом свидании мирно примемся за карты и за стихи.

ПУШКИН—И. Е. Великопольскому, в конце марта—начале апр. 1828 г., из Петербурга¹⁾.

Сегодня праздник Преполовения, праздник в крепости. В хороший день Нева усеяна яликами, ботиками и катерами, которые перевозят народ. Сегодня и праздник ранее, и день холодный, и лед шел по Неве из Ладожского озера, т.-е., не льдины, а льдинки, но однако-же народу было довольно. Мы с Пушкиным в лодочку, две дамы сходят, и одна по-французски просит у нас позволения ехать с нами, от страха ехать одним. Мы, разумеется, позволяем. Что-же выходит? Это была сводня с девкою. Сводня узнала Пушкина по портрету его, выставленному в Академии. И вот как русский бог подшутил над нашим набожным и поэтическим странствием. У пристани крепости расстались мы *avec notre vile prose (с нашей низкой прозой)*, у которой однако-же Пушкин просил позволения быть в гостях, и пошли бродить по крепости и бродили часа два. Крестный ход обходит все стены крепости, и народ валит за ним... Много странного и мрачно и грозно-поэтического в этой прогулке по крепостным валам и по головам сидящих внизу в казематах. Мы с Пушкиным, встреча с девкою в розовом капоте, недавно приехавшей из Франкфурта, и прочее, и прочее, все это послужить может для любопытной главы в записках наших.

Вчера немного восплясовали мы у Олениных. Ничего, потому что ничего замечательного не было. Девиза Оленина довольно бойкая штука. Пушкин называет ее «драгунчиком» и за этим драгунчиком ухаживает.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—жене своей В. Ф. Вяземской, 18 апр. 1828 г. *Лит.-худ. сборник «Красной Панорамы»*. 1929, ноябрь, стр. 48.

Здесь Пушкин ведет жизнь самую рассеянную, и Петербург мог бы погубить его. Ратная жизнь переварит его и напитает воображение ответственностью. До сей поры главная поэзия его заключалась в нем самом. Онегин хорош Пушкиным, но, как создание, оно слабо.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—А. И. Тургеневу, 18 апр. 1828 г., из Петербурга. *Арх. бр. Тургеневых*, вып. VI, стр. 65.

Вы говорите, что писатель Пушкин и князь Вяземский просят о дозволении следовать за главной императорской квартирой. Поверьте мне, лю-

---

¹⁾ По этому поводу Великопольский писал Булгарину: «А разве его ко мне послание не личность? В чем оного цель и содержание? Не в том ли, что сатирик на игроков сам игрок? Не в обнаружении ли частного случая, долженствовавшего остаться между нами? Почему же цензура полагает себя в праве пропускать личности на меня, не сказав мне ни слова, и не пропускает личности на Пушкина без его согласия?.. Пушкин, называя свое послание одною шуткою, монми стихами огорчается более, нежели сколько я мог предполагать. Он дает мне чувствовать, что следствием напечатания оных будет непримиримая вражда. Надеюсь, что он ко мне имеет довольно почтения, чтобы не предполагать во мне боязни».

безный генерал, что, в виду прежнего их поведения, как бы они ни старались выказать теперь свою преданность службе его величества, они не принадлежат к числу тех, на кого можно бы было в чем-нибудь положиться; точно также нельзя полагаться на людей, которые придерживались одинаких с ними принципов и число которых перестало увеличиваться лишь благодаря бдительности правительства.

Вел. Кн. КОНСТАНТИН ПАВЛОВИЧ—ген. А. Х. Бенкендорфу, 14 апреля 1828 г. из Варшавы. *Рус. Арх.*, 1884, II, 319 (фр.).

Началась турецкая война. Пушкин пришел к Бенкендорфу проситься волонтером в армию. Бенкендорф отвечал ему, что государь строго запретил, чтобы в действующей армии находился кто-либо не принадлежащий к ее составу, но при этом благосклонно предложил средство участвовать в походе: хотите, сказал он, я определю вас в мою канцелярию и возьму с собою? Пушкину предлагали служить в канцелярии 3-го Отделения!

Н. В. ПУТЯТА. Из записной книжки. *Рус. Арх.*, 1899, I, 351.

В половине апреля 1828 года Пушкин обратился к А. Х. Бенкендорфу с просьбою об исходатайствовании у государя милости к определению его в турецкую армию. Когда ген. Бенкендорф объявил Пушкину, что его величество не изъявил ча это соизволения, Пушкин впал в болезненное отчаяние, сон и аппетит оставили его, желчь сильно разлилась в нем, и он опасно занемог. (21 апреля, накануне заболевания, он написал Бенкендорфу письмо, в котором просился в Париж. Бенкендорф поручил автору, знакомому с Пушкиным, заехать к нему и его успокоить). Тронутый вестию о болезни поэта, я поспешил к нему. В этот час обыкновенно заезжал ко мне приятель мой, А. П. Бочков.— «Едем вместе к Пушкину». — «Очень рад», — отвечал мой приятель, и мы отправились.

Пушкин квартировал в трактире Демута, по канаве направо, в той части номеров, которые обращены были окнами на двор, к северо-западу (теперь эти номера уже не существуют). Человек поэта встретил нас в передней словами, что Александр Сергеевич очень болен и никого не принимает.

— Кроме сожаления об его положении, мне необходимо сказать ему несколько слов. Доложи Александру Сергеевичу, что *Ивановский* хочет видеть его.

Лишь только выговорил я эти слова, Пушкин произнес из своей комнаты.

— Андрей Андреевич, милости прошу!

Мы нашли его в постели худого, с лицом и глазами, совершенно пожелтевшими.

— Правда ли, что вы заболели от отказа в определении вас в турецкую армию?

— Да, этот отказ имеет для меня обширный и тяжкий смысл, — отвечал Пушкин. — В отказе я вижу то, что видеть должно, — немилость ко мне государя.

(Автор убеждает Пушкина, что подозрения его несправедливы, что царь отказал ему, потому что его пришлось бы определять в войска юнкером, что царь не хочет подвергать опасности его, «царя скудного царства родной поэзии»).

При этих словах Пушкин живо поднялся на постели, глаза и улыбка его заблестали жизнью и удовольствием; но он молчал, погруженный в глубину отрадной мысли. Я продолжал:

— Еслиб вы просили о присоединении вас к одной из походных канцелярий: Александра Христофоровича (Бенкендорфа), или графа К. В. Несельроде, или И. И. Дибича — это иное дело, весьма обыточное, вовсе чуждое неодолимым препятствий.

— Ничего лучшего я не желал бы!.. И вы думаете, что это можно еще сделать? — воскликнул он с обычным своим одушевлением.

— Конечно, можно.

— Вы не только вылечили и оживили меня, вы примирили с самим собою, со всем, и раскрыли предо мною очаровательное будущее! Я уже вижу, сколько прекрасных вещей написали бы мы с вами под влиянием бурманского неба для второй книжки вашего альбома «Альбома Северных Муз!»

(Автор подает Пушкину мысль отправиться в кавказскую армию Паскевича).

— Превосходная мысль! Об этом надо подумать! — воскликнул Пушкин, очевидно оживший.

— Итак, теперь можно быть уверенным, что вы решительно отказались от намерения своего — ехать в Париж?

Здесь печально-упрямое облако пробежало по его челу.

— Да, после неудачи моей я не знал, что делать мне с своею особою, и решился на просьбу о поездке в Париж.

... Мы обнялись.

— Мне отрадно повторить вам, что вы воскресили и тело, и душу мою!

Товарищ мой, в первый раз увидевший Пушкина и зорко в эти минуты наблюдавший его, был поражен удивлением при очевидности столь раздражительной чувствительности поэта, так тяжело заболевшего от отказа в удовлетворении его желания и так мгновенно воскресшего от верных, гармонировавших с его восприимчивою душою представлений.

А. А. ИВАНОВСКИЙ (чиновник III Отделения).
«А. С. Пушкин 21 и 23 апр. 1828 г.» *Рус. Стар.*, 1874,
т. IX, стр. 394—399.

Неужели вы думаете, что Пушкин и князь Вяземский, действительно, руководствовались желанием служить его величеству, как верные подданные, когда они просили позволения следовать за главной императорской квартирой? Нет, не было ничего подобного; они уже так заявили себя и так нравственно испорчены, что не могли питать столь благородного чувства. Поверьте мне, что в своей просьбе они не имели другой цели, как найти новое поприще для распространения своих безнравственных принципов, которые доставили бы им в скором времени множество последователей среди молодых офицеров.

Вел. Кн. КОНСТАНТИН ПАВЛОВИЧ—ген. А. Х.
Бенкендорфу, 27 апр. 1828 г., из Варшавы. *Рус. Арх.*,
1884, II, 319 (фр.).

С 1826 года я довольно часто встречался с Пушкиным в Москве и Петербурге, куда он скоро потом переселился. Он легко знакомился, сближался, особенно с молодыми людьми, вел, повидимому, самую рассеянную жизнь, танцевал на балах, волочился за женщинами, играл в карты, участвовал в пирах тогдашней молодежи, посещал разные слои общества. Среди всех светских развлечений он порой бывал мрачен; в нем было заметно какое-то грустное беспокойствие, какое-то неравенство духа; казалось, он чем-то томился, куда-то порывался. По многим признакам я мог убедиться,

Анна Алексеевна
О Л Е Н И Н А

Рис. О. Кипренского. 1828 г.

ИНЛИ.

Екатерина Николаевна
УШАКОВА

Неизвестн. художника.

ИНЛИ.

Публикуется впервые.

что покровительство и опека императора Николая Павловича тяготили его и душили.

Н. В. ПУТЯТА. Из записной книжки. *Рус. Арх.*, 1899, II, 350.

Пушкин читал своего Годунова, еще немногим известного, у Алексея Перовского. В числе слушателей был и Крылов. По окончании чтения,— я стоял тогда возле Крылова,— Пушкин подходит к нему и, добродушно смеясь, говорит: — «Признайтесь, Иван Андреевич, что моя трагедия вам не нравится, и на глаза ваши нехороша». — «Почему же нехороша? — отвечает он. — А вот что я вам расскажу: проповедник в проповеди своей восхвалял божий мир и говорил, что все так создано, что лучше созданным быть не может. После проповеди подходит к нему горбатый: не грешно ли вам, пеняет он ему, насмеяться надо мною и в присутствии моем уверять, что в божьем создании все хорошо и все прекрасно? Посмотрите на меня». — «Так что же, — возражает проповедник, — для горбатого и ты очень хорош». Пушкин расхохотался и обнял Крылова²⁾.

П. А. ВЯЗМСКИЙ. *Поля. собр. соч.*, т. I, 184.

Апреля 24. 1928. Вторник. Виделся с Пушкиным — Алекс. Серг. и был разговор весьма замечательный... Пушкин пересматривал со мною весь мой разбор²⁾ — и со множеством мест согласился. «Чувствий — у Баратынского, Языкова и Дельвига не найдете. Баратынский и Языков мои ученики — я уж у них учиться не буду» (Вот голос самолюбия). Лакея сам Пушкин не защищает, это выражение *пышет бурно* — правда, что дурно.

Б. М. ФЕДОРОВ. Из дневника. *Русский Библио-фил*, 1911, № 5, стр. 34.

Был я у Олениной, праздновали день рождения старушки. У них очень добрый дом. Мы с Пушкиным играли в кошку и мышку, то-есть, волочились за Зубовой-Щербатовой, сестрою покойницы Юсуповой, которая похожа на кошку, и малюткой Олениной, которая мала и резва, как мышь.

Кн. П. А. ВЯЗМСКИЙ—жене, 3 мая 1828 г. *Лит.-худ. сборник Кр. Панорамы*, 1929, ноябрь, стр. 49.

День 5 мая я окончил балом у наших Мещерских (дочь Карамзина, Ек. Ник-на, только что вышла замуж за кн. Мещерского). С девицей Олениной танцевал я по-пурри и хвалил ее кокетство... Пушкин думает и хочет дать думать ей и другим, что он в нее влюблен, и вследствие моего по-пурри играет ревнивого. Зато вчера на балу у Авдулиных совершенно отбил он меня у Закревской, но я не ревновал.

Кн. П. А. ВЯЗМСКИЙ—жене, 7 мая 1928 г. *Лит.-худ. сб. Кр. Панорамы*, 1929, ноябрь, стр. 49.

¹⁾ В письме к А. И. Тургеневу от 17 мая 1828 г. («А. С. Пушкин». *Сборник Бартеяева*, т. II, 39) Вяземский сообщает о чтении Пушкиным своей трагедии, но это чтение происходило у гр. Лаваль, и в числе присутствовавших Вяземский не упоминает Крылова. Он пишет, что слушал трагедию «несколько раз». А так как в 20-х числах мая или в начале июня Вяземский уже уехал из Петербурга, то, очевидно, чтение у Перовского происходило раньше.

²⁾ Разбор четвертой и пятой глав «Онегина» напечатан в № 1 *С.-Петербургского Зрителя* за 1828 г. В описании сна Татьяны Федоров находил неудачным выражение «косматый лакей» (о медведе) и по поводу стихов: «пышет бурно, в ней тайный жар, ей душно, дурно», — замечает: «Дурно! Особенно — *пышет бурно*».

Мая 6. 1828. Воскресенье. Ходил в Летнем Саду. Видел Пушкина, Плетнева и Вяземского. Пушкин взял под руку — *походите с нами*, и я ходил в саду. Вы здесь гуляете в качестве чиновника, а не в качестве наблюдателя и поэта (на мне орден). — «У меня нет детей, а все (*выблядки*). Не присылайте ко мне вашего журнала» (Федоров в то время издавал журнал: «Новая Детская Библиотека»).

Б. М. ФЕДОРОВ. Из дневника. *Русский Библиофил*, 1911, № 5 стр. 34.

(1828 г.). Пушкин Озерова не любил... Из всего Озерова затвердил он одно полустихше: «я Бренского не вижу». Во время одной из своих молодых страстей, это было весною, он почти ежедневно встречался в Летнем Саду с тогдашним кумиром своим. Если же в саду ее не было, он кидался ко мне, или к Плетневу, и жалобным голосом восклицал:

Где Бренский? Я Бренского не вижу!

Разумеется, с того времени и красавица пошла у нас под прозванием Бренской.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Полн. собр. соч.* 1, 58.

(По поводу стихотворений «Город пышный» и «Ты и вы», написанных к Л. А. Олениной). Несмотря на чувство, которое проглядывает в этих прелестных стихах, Пушкин никогда не говорил об Олениной с нежностью и однажды, рассуждав о маленьких ножках, сказал: «вот, напр., у ней вот какие маленькие ножки, да чорт ли в них»? В другой раз, разговаривая со мною, он сказал: «Сегодня Крылов просил, чтобы я написал что-нибудь в ее альбом». — «А вы что сказали?» — спросил я. — «А я сказал: ого!» В таком роде он часто выражался о предмете своих вздыханий.

А. П. КЕРН, *Л. Майков.* 252.

(По поводу стихотворения «Ты и вы»). Анна Алексеевна Оленина ошиблась, говоря Пушкину *вы*, и на другое воскресенье он привез эти стихи.

А. А. ОЛЕНИНА. Заметка на собственноручной копии этого стихотворения. *Рус. Стар.*, 1890, т. 67. 398.

С тех пор, как я себя помню, я помню себя в доме Олениных... У него я в первый раз видел Пушкина, влюбленного в дочь Оленина.

Гр. В. А. СОЛОГУБ. Из воспоминаний. *Рус. Арх.* 1865, стр. 1206.

21-го ездил я с Мицкевичем вечером к Олениным в деревню в Приютино, верст за семнадцать. Там нашли мы и Пушкина с его любовными гримасами. Деревня довольно мила, особливо-же для Петербурга: есть довольно движения в видах, возвышенная, вода, лес. Но зато комары делают из этого места сущий ад. Я никогда не видал подобного множества. Нельзя ни на минуту не махать руками; поневоле пляшешь камаринскую. Я никак не мог бы прожить тут и день один. На другой я верно сошел бы с ума и проломил себе голову об стену. Мицкевич говорил, что это кровавый день. Пушкин был весь в прыщах, и, осаждаемый комарами, нежно восклицал: сладко.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — жене, 21 мая 1828 г. *Лит.-худ. сб. Кр. Панорамы*, 1929, ноябрь, стр. 49.

А. Н. Оленин был чрезвычайно общительный и гостеприимный человек. О количестве гостей, посещающих семейство Оленина, можно судить по тому, что на даче Алексея Николаевича, Приютино, за Пороховыми заводами, находилось 17 коров, а сливок никогда не доставало. Гостить у Олениных, особенно на даче, было очень привольно: для каждого отводилась особая комната, давалось все необходимое и затем объявляли: в 9 час. утра пьют чай, в 12—завтрак, в 4 часа обед, в 6 часов полудничают, в 9—вечерний чай; для этого все гости созывались ударом в колокол; в остальное время дня и ночи каждый мог заниматься, чем угодно: гулять, ездить верхом, стрелять в лесу из ружей, пистолетов и из лука, при чем Алексей Николаевич показывал, как нужно натягивать тетиву. Как на даче, так и в Петербурге, игра в карты у Олениных никогда почти не устраивалась, разве в каком-нибудь исключительном случае; за то всегда, особенно при Алексее Николаевиче, велись очень оживленные разговоры. А. Н. Оленин никогда не просил гостей-художников рисовать, а литераторов читать свои произведения.

Ф. Г. СОЛНЦЕВ. Моя жизнь и худ. археол. труды. *Рус. Стар.*, 1876, т. 15, 610.

Кружок Олениных состоял, с одной стороны, из представителей высшей аристократии,— и писателей, художников и музыкантов — с другой; никакого раздвоения в этом кружке не было; все жили дружно, весело, душа в душу; особенно весело проводил время оленинский кружок в Приютине,— так называлась дача Елизаветы Марковны (*Олениной*) около Петербурга, за Охтой; дача эта отличалась прекрасным местоположением: барский дом стоял здесь над самую рекою и прудом, окаймленным дремучими лесами. Из забав была здесь особенно в ходу игра в шарады, которая в даровитой семье оленинского кружка являлась особенно интересною; особенно уморителен был в этой игре Крылов, когда он изображал героев своих басен. Между играми тут же часто читали молодые писатели свои произведения, а М. И. Глинка разыгрывал свои произведения.

Семнадцати лет Анна Алексеевна была назначена фрейлиною к императрицам: Марии Федоровне и Елизавете Алексеевне; при дворе она считалась одною из выдающихся красавиц, выделяясь, кроме того, блестящим и игривым умом и особенною любовью ко всему изящному.

П. М. УСТИМОВИЧ. А. А. Андро. *Рус. Стар.*, 1890, т. 67, стр. 389.

Подобно тому, как в черновых тетрадах южных Пушкин беспрестанно рисовал женские ножки в стремях и без стремян, так в той тетради, которую он пользовался в 1828 году, он беспрестанно чертил анаграмму имени и фамилии Олениной: Aninelo, Etenna, Aninelo рассыпаны в тетради. На одной странице нам попала даже тщательно зачеркнутая, но все же поддающаяся разбору запись Annete Pouschkine.

П. Е. ЩЕГОЛЕВ. «Пушкин». *Очерки*. СПб. 1912. Стр. 177.

О Пушкине m-me Андро (*рожденная Оленина, Анна Алексеевна*) говорит, что он был замечательно остроумей и весел только в маленьком интимном кружке добрых знакомых; в большом же обществе он, по словам Анны Алексеевны, казался напыщенным — желая привлечь внимание всех своими остроумиями и шутками. Он хотел «briller»,— пояснила мне Анна Алексеевна.

П. М. УСТИМОВИЧ. *Рус. Стар.*, 1887 г., т. 55, стр. 126.

Когда я был еще в младшем курсе лицея, весною 28 или 29 года (вернее 28), Пушкин однажды навестил нас. Мы следовали за ним тесной толпой, любя каждое слово его. Пушкин был в черном сюртуке и белых летних панталонах. На лестнице оборвалась у него штрипка; он остановился, отстегнул ее и бросил на пол; я с намерением отстал и завладел этою драгоценностью, которая после долго хранилась у меня.

Я. К. ГРОТ. «Автобиографические заметки». Несколько данных к биографии Я. К. Грота. СПб. 1895. Стр. 20.

Шурин Александр заглядывает к нам, но или сидит букою, или на жизнь жалуется; Петербург проклинает, хочет то за границу, то к брату на Кавказ.

Н. И. ПАВЛИЩЕВ (зять Пушкина)—своей матери Л. М. Павлицевой, 1 июня 1828 г. Л. Павлицев, 97.

(В июне 1828 г. три дворовых человека отставного штабс-капитана Митькова подали Петербургскому митрополиту Серафиму жалобу, что господин их развращает их в понятиях православной веры, прочитывая им некоторое развратное сочинение под заглавием «Гаврилиада». 4 июля Митьков был арестован).

Комиссия в заседании 25 июля... между прочим, положила... представить с.-петербургскому генералу-губернатору, призвав Пушкина к себе, спросить: им ли была писана поэма Гаврилиада? В котором году? Имеет ли он у себя оную, и если имеет, то потребовать, чтоб он вручил ему свой экземпляр. Обязать Пушкина подпискою впредь подобных богохульных сочинений не писать под опасением строгого наказания.

ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ 25 июля 1828 г. Дела III Отделения об А. С. Пушкине. СПб. 1906, стр. 326.

Слышу от Карамзиных жалобы на тебя, что ты пропал для них без вести, а несется один гул, что ты играешь не на живот, а на смерть. Правда ли?

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—Пушкину, 26 июля 1828 г. Переп. Пушкина, II, 69.

С. Д. Полторацкий несколько раз просил у Пушкина писем к нему Рылеева, чтобы списать их. Пушкин все отказывался, обещаясь подарить ему самые письма. Раз за игрою Полторацкий ставил 1000 р. асс. и предлагал Пушкину против этой суммы поставить письма Рылеева. В первую минуту Пушкин было согласился, но тотчас же опомнился, воскликнув: «Какая гадость! Проиграть письма Рылеева в банк! Я подарю вам их!» Но Пушкин все откладывал исполнение своего обещания, так что Полторацкий решился как-то перехватить их у него и списал. После этого Пушкин все еще не отступался от намерения подарить их ему, но, как говорит Полторацкий, вероятно, все забывал.

А. И. ГЕРЦЕН. Полярная Звезда на 1861 год. Лондон. 1861, стр. 33. Цит. по Б. Модзалевскому. Пушкин. Письма. Т. II. Гос. Изд., 1927, стр. 248.

Рассказывают, что в Петербурге Мицкевич застал Пушкина у одного общего знакомого за баяком, и что Пушкин очень замешался от неожиданной встречи с ним.

М. А. МАКСИМОВИЧ по записи Бартенева. Р. А. 1898, II, 480.

Иван Головин (впоследствии известный публицист-эмигрант) писал мне, что его брат Николай рассказал ему, что он случайно был свидетелем первой (?) встречи Адама Мицкевича и Пушкина. Их знакомство произошло за карточной игрой. Пушкин любил волнения, вызываемые выигрышем и проигрышем, тогда как Адам Мицкевич не имел никакой склонности к азартным играм. По словам Николая Головина, «у Пушкина была в полном разгаре игра в фараон, когда вошел Мицкевич и занял место за столом. Дело было летом. Пушкин, с засученными рукавами рубашки, погружал свои длинные ногти в ящик, полный золота, и редко ошибался в количестве, какое нужно было каждый раз захватить. В то же время он следил за игрою своими большими глазами, полными страсти. Мицкевич взял карту, поставил на нее пять рублей ассигнациями, несколько раз возобновил ставку и протился с обществом без какого-либо серьезного разговора».

ВЛАДИСЛАВ МИЦКЕВИЧ. *Ladislas Mickiewicz Adam Mickiewicz, sa vie et son oeuvre. Paris. 1888, p. 81—82.*

Ты прыгал бы и катался от смеха.

Кн. П. А. ВЯЗМСКИЙ — Пушкину, 26 июля 1828 г. *Переп. Пушкина, II, 69.*

Г. С.-Петербургский военный генерал-губернатор представляет, что г. Пушкин, в допросе о поэме, известной под заглавием «Гаврилиада», решительно отвечал: что сия поэма писана не им, что он в первый раз видел ее в Лицее в 1815 или 1816 году, и переписал ее, но не помнит, куда девал сей список, и что с того времени он не видал ее.

Ген. П. В. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ, в авг. 1928 г. *Дела III Отдел., 328.*

Пушкин учится английскому языку, а остальное время проводит на дачах.

П. А. МУХАНОВ—М. П. Погодину 11 авг. 1928 г. *Н. Барсуков, Жизнь труды М. П. Погодина, II, 185. Ср. М. Цявловский. Пушкин и его совр-ки, вып. XVII—XVIII, 70.*

По докладной вашего сиятельства записке о допросах, сделанных чиновнику 10-го класса Пушкину, касательно поэмы, известной под заглавием «Гаврилиада»,—последовало высочайшее соизволение, чтоб вы, милостивый государь, поручили г. военному генерал-губернатору, дабы он, призвав снова Пушкина, спросил у него, от кого получил он в 15-м или 16-м году, как тот объявил, находясь в Лицее упомянутую поэму, из'яснив, что открытие автора уничтожит всякое мнение по поводу обращающихся экземпляров сего сочинения под именем Пушкина: о последующем же донести его величеству.

Секретное отношение статс-секретаря Н. П. МУРАВЬЕВА главнокомандующему в столице гр. П. А. Толстому, 12 авг. 1828 г. *Дела III Отделения, 329.*

По уголовному делу, о кандидате 10-го класса Леопольдове производившемся и в Государственный Совет по порядку поступившему, замешан был известный стихотворец Александр Пушкин (дело об отрывке из элегии «Андрей Шенье», озаглавленной кем-то «На 14 декабря», см. выше, январь 1827 г.). Правительствующий сенат, освобождая его от суда и следствия си-

люю все милостивейшего манифеста 22 августа 1826 года, определил обязать подпискою, дабы впредь никаких своих творений без рассмотрения и пропуска цензуры не осмеливался выпускать в публику, под опасением строгого по законам взыскания. Таковое Положение Правительствующего Сената удостоено высочайшего утверждения. Но вместе с сим Государственный Совет признал нужным к означенному решению Сената присовокупить: чтобы по неприличному выражению Пушкина в ответах насчет происшествия 14 декабря 1825 года и по духу самого сочинения его, в октябре месяце того года напечатанного, поручено было иметь за ним в месте его жительства секретный надзор.

Гр. В. П. КОЧУБЕЙ (председатель Госуд. Совета)—графу П. А. Толстому (главнокомандующему в столице), 13 августа 1828 года, *Дела III Отд.*, 75. Ср. *П-н и его совр.-ки*, XI, 49.

Рукопись («Гаврилады») ходила между офицерами гусарского полка, но от кого из них именно я достал оную, я никак не упомяну. Мой же список сжег я, вероятно, в 20-м году. Осмеливаюсь прибавить, что ни в одном из моих сочинений, даже из тех, в коих я наиболее раскаиваюсь, нет следов духа безверия или кощунства над религиею. Тем прискорбнее для меня мнение, приписывающее мне произведение жалкое и постыдное.

10-го класса АЛЕКСАНДР ПУШКИН. Показание петербургскому военному губернатору 19 августа 1828 года. *Дела III Отделения*, 332.

Во исполнение высочайше утвержденного положения Государственного Совета (по делу об отрывке из «Андрея Шенье»), известный стихотворец Пушкин обязан подпискою в том, чтоб он впредь никаких сочинений без рассмотрения и пропуска оных цензурою не выпускал в публику. Между тем учрежден за ним секретный со стороны полиции надзор.

П. В. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ (петерб. военный ген.-губернатор) — гр. П. А. Толстому (главнокомандующему в столице), 28 авг. 1828 г. *Дела III Отделения*, 80.

Твое письмо застало меня посреди хлопот и неприятностей всякого рода... Пока Киселев и Полторацкий были здесь, я продолжал образ жизни, воспетый мною таким образом:

А в ненастные дни собирались они часто.
Гуляли, ... их ..., от 50 на 100.
И выигрывали, и отписывали мелом.
Так в ненастные дни занимались они делом.

Но теперь мы все разбрелись... Я пустился в свет, потому что бесприютен. Если б не твоя медная Венера (Агр. Фед. Закревская), то я бы с тоски умер, но она утешительно смешна и мила. Я ей пишу стихи, а она произвела меня в свои сводники (к чему влекли меня всегда и всегдашняя склонность, и нынешнее состояние моего Благонамеренного⁴⁾), о коем можно сказать то же, что было сказано о его печатном тезке: ей-ей намеренье благое, да исполнение плохое).

Ты зовешь меня в Пензу, а того и гляди что я поеду далее, «прямо, прямо, на восток». Мне навязалась на шею преглупая шутка. До правитель-

⁴⁾ Ср. «Бекетов extend maince à votre vers: с благонамеренным в руках и подгадет, что ты суеть в руки дамские то, что у нас между ...». Кн. Вяземский Пушкину, 26 июля 1828 г. (*Переп. Пушкина*, II, 70).

ства дошла, наконец, Гаврилада; приписывают ее мне; донесли на меня, и я вероятно отвечу за чужие проказы, если кн. Дм. Горчаков не явится с того света отстаивать права на свою собственность. Это да будет между нами. Все это не весело.

ПУШКИН—кн. П. А. Вяземскому, 1 сент. 1828 г., из Петербурга.

Закревская была очень хороша собой, что доказывает ее портрет, написанный Дау. Тетка моя изображена на нем в голубом бархатном платье александровского времени с короткой талией и в необыкновенных жемчугах. И глядя на нее теперь, всякий скажет, что Закревская была смолоду красавица. Кроме того, она была беспорно умная, острая женщина (немного легкая на слово), но это не мешало тому, чтоб Пушкин любил болтать с ней, читал ей свои произведения и считал ее другом.

М. Ф. КАМЕНСКАЯ. Воспоминания. *Истор. Вести.*, 1894, окт., стр. 94.

Графиня Закревская была женщина умная, бойкая и имевшая немало приключений, которым была обязана, как говорили, своей красоте. Графиня вполне властвовала над своим мужем.

Кн. АЛ. ВАС. МЕЩЕРСКИЙ. *Воспоминания.* Москва. 1901, стр. 135—136.

(В подмосковном имении Закревских Ивановском в 1857 году). Графиня Закревская была весьма оригинальной личностью. Она давала обильную пищу злословию, и по всей Москве ходили сплетни на ее счет. Очень умная, без предрассудков, нисколько не считавшаяся с условными требованиями морали и внешности, она обладала способностью искренней привязанности. Графиня была очень высокого роста и очень хороша собой, но страдала излишней полнотой и вечно задыхалась. В этот день (ее именины, 23 июня) было особенно жарко; с неподражаемой непринужденностью она оделась в широкий белый кисейный капот, отделанный кружевами, небрежно накинутый на батистовую рубашку, которую даже слепой не принял бы за полотняную. Вид был ужасный, когда графиня расхаживала по комнатам, освещенным с одной стороны, но когда она стала принимать гостей в бальной зале, выходявшей одновременно на двор и в сад, получилось нечто поразительное: лучи солнца пронизывали легкие покровы и обнаруживали все изгибы монументального тела. Я была удивлена равнодушием графа, по видимому, не обращавшего на это никакого внимания.

Гр-ня Л. А. РОСТОПЧИНА. *Семейная хроника (1812 г.)*. Перев. А. Ф. Гретман. М. Стр. 257.

Я больше всего на свете боюсь порядочных женщин и возвышенных чувств. Да здравствуют гризетки,—это и гораздо короче, и гораздо удобнее. Я не прихожу к вам оттого, что очень занят и могу выходить из дому лишь весьма поздно. Мне нужно бы было видеть тысячу людей, а между тем я их не вижу. — Хотите, чтоб я говорил с вами откровенно? Быть может, я изящен и порядочен в моих писаниях, но сердце мое совсем вульгарно, и все склонности у меня вполне мещанские. Я пресытился интригами, чувствами, перепиской и т. п. Я имею несчастье быть в связи с особой умной, болезненной и страстной, которая доводит меня до бешенства, хотя я ее

и люблю всем сердцем. Этого более, чем достаточно для моих забот и моего темперамента. Вас ведь не рассердит моя откровенность, правда?

ПУШКИН—Е. М. Хитрово (в 1828 году?). *Письма Пушкина к Хитрово*, 33 (фр.).

Стихи «Как в ненастные дни» Пушкин написал у князя Голицына, во время карточной игры, мелом на рукаве. Пушкин очень любил карты и говорил, что это единственная его привязанность. Он был, как все игроки, суеверен, и раз, когда я попросила у него денег для одного бедного семейства, он, отдавая последние пятьдесят рублей, сказал: «счастье ваше, что я вчера проиграл».

А. П. КЕРН. Воспоминания. *Л. Майков*, 252.

Пушкин, говорят, поехал в деревню: теперь самое время случки его с музою: глубокая осень. Целое лето кружился он в вихре петербургской жизни, воспевал Закревскую; вот четыре стиха, которые дошли до меня:

И мимо всех условий света
Стремится до утраты сил,
Как беззаконная комета
В кругу расчисленных светил.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—А. И. Тургеневу, 15 окт. 1828 г. *Ост. Арх.*, III, 179.

Пушкин был необыкновенно впечатлителен и при этом имел потребность высказаться первому встретившемуся ему человеку, в котором предполагал сочувствие или который мог понять его. Так, я полагаю, рассказал он мне ходатайство свое у графа Бенкендорфа и разговор с государем (осенью 1829 г., по возвращении с Кавказа,—см. ниже). Такую же необходимость имел он сообщать только что написанные им стихи. Однажды утром я заехал к нему в гостиницу Демута, и он тотчас начал читать мне свои великолепные стихи из «Египетских Ночей»: «Чертог сиял» и пр. На вечере, в одном доме на островах, он подвел меня к окну и в виду Невы, озаряемой лунным светом, прочел наизусть своего «Утопленника» чрезвычайно выразительно. У меня на квартире читал он свои стихи: «Таи, таи свои мечты» (*Наперсник: «Твоих признаний, жалоб нежных»...*) и, по просьбе моей, тут же написал мне их на память.

Н. В. ПУТЯТА. Из записной книжки. *Рус. Арх.*, 1899, II, 352.

Однажды Пушкин прислал мне французскую записку со своим кучером и дрожками. Содержание записки меня смутило, вот она:

Когда я вчера подошел к одной даме, которая разговаривала с г. де-Лагрене (секретарь французского посольства), он сказал ей достаточно громко, чтобы мне услышать: «отшлифите его прочь!» Будучи вынужден потребовать удовлетворения за эти слова, я прошу Вас, Милостивый Государь, не отказаться отправиться к г. де-Лагрене и переговорить с ним.

Пушкин.

Я тотчас сел на дрожки Пушкина и поехал к нему. Он с жаром и негодованием рассказал мне случай, утверждал, что точно слышал обидные для него слова, объяснил, что записка написана им в такой форме и так церемонно именно для того, чтобы я мог показать ее Лагрене и настаивал на том,

чтоб я требовал у него удовлетворения. Нечего было делать: я отправился к Лагрене, с которым был хорошо знаком, и показал ему записку. Лагрене, с видом удивления, отозвался, что он никогда не произносил приписываемых ему слов, что вероятно Пушкину дурно послышалось, что он не позволил бы себе ничего подобного, особенно в отношении к Пушкину, которого глубоко уважает, как знаменитого поэта России, и рассыпался в изъяснениях этого рода. Пользуясь таким настроением, я спросил у него, готов ли он повторить то же самое Пушкину. Он согласился, и мы тотчас отправились с ним к Ал. Сер-чу. Объяснение произошло в моем присутствии, противники подали руку друг другу, и дело тем кончилось ¹⁾.

Н. В. ПУТЯТА. Из записной книжки. *Рус. Арх.* 1899. II, 353.

11—12 сент. 1828 г. Я видел Пушкина, который хочет ехать с матерью в Малинники, что мне весьма неприятно, ибо от того пострадает доброе имя и сестры, и матери, а сестре и другим ради причин это вредно.

АЛ. Н. ВУЛЬФ. Дневник. *Пушкин и его совр-ки*, XXI—XXII, 9.

В Костроме узнал я, что ты проигрываешь деньги Каратыгину. Дело нехорошее. По скверной погоде, я надеялся, что ты уже бросил карты и принялся за стихи.

Кн. П. А. ВЯЗМСКИЙ—Пушкину, 18 сент. 1828 г. *Переп. Пушкина*, II, 76.

Стихи Пушкина «К друзьям»—просто дрянь. Эткими стихами никого не выхвалишь, никому не польстишь, и доказательством тонкого вкуса в ныне царствующем государе есть то, что он не позволил их напечатать.

Н. М. ЯЗЫКОВ (поэт)—А. М. Языкову, 20 сент. 1828 г. *Истор. Вест.*, 1883, № 12, 527.

Когда Пушкин решался быть любезным, то ничего не могло сравниться с блеском, остротой и увлекательностью его речи. В одном из таких настроений он, собравши нас в кружок, рассказал сказку про чорта, который ездил на извозчике на Васильевский остров. Эту сказку с его же слов записал некто Титов. Пушкин был невыразимо мил, когда задавал себе тему угощать и занимать общество.

А. П. КЕРН. Воспоминания. *Л. Майков*, 241.

(*Рассказ «Уединенный домик на Васильевском Острове»*). В строгом смысле это не продукт Тита Космокротова, а А. С. Пушкина, мастерски рассказавшего всю эту чертовщину уединенного домика на Васильевском Острове, поздно вечером, у Карамзиных, к тайному трепету всех дам, и в том числе обожаемой тогда самим Пушкиным и всеми нами Екат. Никол., позже бывшей женою кн. П. И. Мещерского. Апокалипсическое число 666,

¹⁾ На основании указания Бартенева (*Рус. Арх.*, 1903, кн. 10, обложка, стр. 3) редакторы новейших изданий Пушкина приурочивают приведенную записку Пушкина к июлю—октябрю 1828 г. или к январю—марту 1829, при чем записку помещают под 1829 г. (*Акад. изд., Венгеров*). Мы думаем, правильнее приурочить записку к первому из указанных сроков. Путята раз'езжает «на дрожках». В начале 1829 года Пушкин пробыл в Петербурге от 18 января до 9 марта. Навряд ли в эту пору можно было раз'езжать на дрожках.

игроки-черты, метавшие на карту сотнями душ, с рожками, зачесанные под высокие парики—честь всех этих вымыслов и главной нити рассказа принадлежит Пушкину. Сидевший в той же комнате Космократов подслушал, воротясь домой, не мог заснуть почти всю ночь и несколько времени спустя положил с памяти на бумагу. Не желая однако быть послушником заповеди «не укради», пошел с тетрадью к Пушкину в гостиницу Демут, убедил его послушать от начала до конца, воспользовался многими, поныне очень памятными его поправками и потом, по настоятельному желанию Дельвига, отдал в «Северные Цветы».

В. П. ТИТОВ (ТИТ КОСМОКРАТОВ)—А. В. Голловину, 29 авг. 1879 г. Бар. А. И. Дельвиг. Мои воспоминания, т. I, 158.

Живо воспринимаемая добро, Пушкин, однако, как мне кажется, не увлекался им в женщинах; его гораздо более очаровывало в них остроумие, блеск и внешняя красота. Кокетливое желание ему понравиться не раз привлекало внимание поэта гораздо более, чем истинное и глубокое чувство, им внушенное. Сам он почти никогда не выражал чувств; он как бы стыдился их и в этом был сыном своего века. Острое, красное словцо, la repartie vive, — вот что несказанно тешило его. Впрочем, Пушкин увлекался не одними остроумиями: ему, напр., очень понравилось однажды, когда я на его резкую выходку отвечала выговором: «Pourquoi vous attaquer à moi, qui suis si inoffensive?» И он повторял: «Comme c'est réellement cela: si inoffensive!» Продолжая далее, он заметил: «Да, с вами невесело и ссориться: voilà votre cousine (Анна Николаевна Вульф), avec elle on trouve à qui s'en prendre».—Причина того, что Пушкин скорее очаровывался блеском, нежели достоинством и простотой в характере женщин, заключалась, конечно, в его невысоком о них мнении, бывшем совершенно в духе того времени. При этом мне пришла на память еще одна забавная сцена, разыгранная Пушкиным в квартире Дельвига, занимаемой мною с семейством по случаю отсутствия хозяев. Сестра его и я сидели у окна, читая книгу. Пушкин подсел ко мне и между прочими нежностями сказал: «Дайте ручку, c'est si satin!» Я отвечала: «Satan!» Тогда сестра поэта заметила, что не понимает, как можно отказывать просьбам Пушкина, и это так понравилось поэту, что он бросился перед нею на колени; в эту минуту входит Алексей Ник. Вульф и хлопает в ладоши... Сюда же можно отнести и отзыв поэта о постоянстве в любви, которою он, казалось, всегда шутил, как и поцелуем руки; но это, по всей вероятности, было притворною данью веку... Однажды, говоря о женщине, которая его страстно любила, он сказал: «Et puis, vous savez qu'il n'y a rien de si insipide que la patience et la résignation».

А. П. КЕРН. Воспоминания. Л. Майков, 263—264.

Из всех времен года Пушкин любил более всего осень, и чем хуже она была, тем для него было лучше. Он говорил, что только осенью овладевал им бес стихотворства, и рассказывал по этому поводу, как была им написана «Полтава». Это было в Петербурге. Погода стояла отвратительная. Он уселся дома, писал целый день. Стихи ему грезились даже во сне, так что он ночью вскакивал с постели и записывал их втюмах. Когда голод его прохватывал, он бежал в ближайший трактир, стихи преследовали его и туда, он ел на скорую руку, что попало, и убегал домой, чтоб записать то, что набралось у него на бегу и за обедом. Таким образом слатались у него сотни стихов в сутки. Иногда мысли, не укладывавшиеся в стихи, записывались им прозой. Но затем следовала отделка, при которой из набросков не оставалось и четвертой части. Я видел у него черновые листы, до того измаранные

что на них нельзя было ничего разобрать: над зачеркнутыми строками было по несколько рядов зачеркнутых же строк, так что на бумаге не оставалось уже ни одного чистого места. Несмотря, однакож, на такую работу, он кончил «Полтаву», помнится, в три недели.

Он был склонен к движению и рассеянности. Когда было хорошо под небом, ему не сиделось под кровлей, и потому его любовь к осени, с ее вдохновительным на него влиянием, можно объяснить тем, что осень, с своими отвратительными спутниками, дождем, слякотью, туманами и нависшим до крыш свинцовым небом, держала его как бы под арестом, дома, где он сосредоточивался и давал свободу своему творческому бесу.

М. В. ЮЗЕФОВИЧ. Воспоминания о Пушкине.
Рус. Арх., 1880, III, 441.

Недавно, заходя к Пушкину, застал я его пишущим новую поэму, взятую из истории Малороссии: донос Кочубея на Мазепу и похищение последним его дочери.

АЛ. Н. ВУЛЬФ. Дневник, 4—5 окт. 1828 г. П—я
и его совр-ки, XXI—XXII, 13.

Полтаву написал я в несколько дней; далее не мог бы ею заниматься и бросил бы все.

ПУШКИН—П. А. Плетневу, окт. 1829 г.

Был у Пушкина, который мне читал почти уже конченную свою поэму. Она будет под названием *Полтава*, потому что ни *Кочубеем*, ни *Мазепой* ее назвать нельзя по частным причинам.

АЛ. Н. ВУЛЬФ. Дневник, 13 октября 1828 г. П-я
и его совр-ки, XXI—XXII, 15.

Зимой (осенью) 1828 года Пушкин писал «Полтаву» и, полный ее поэтических образов и гармонических стихов, часто входил ко мне в комнату, повторяя последний, написанный им стих; так он раз вошел, громко произнося:

Ударил бой, Полтавский бой!

Он это делал всегда, когда его занимал какой-нибудь стих, удавшийся ему, или почему-нибудь запавший ему в душу. Он, напр., в Тригорском беспрестанно повторял:

Обманет, не придет она!

По отъезде отца и сестры из Петербурга я перешла на маленькую квартирку в том же доме, где жил Дельвиг, и была свидетельницей свидания его с Пушкиным. Последний, узнавши о приезде Дельвига (7 окт. 1828 г.), тотчас приехал, быстро пробежал через двор и бросился в его объятия; они целовали друг у друга руки и, казалось, не могли наглядеться один на другого. Они всегда так встречались и прощались: была обаятельная прелесть в их встречах и расставаниях.

Посещая меня, Пушкин рассказывал иногда о своих беседах с друзьями, и однажды, встретив у меня Дельвига с женою, передал свой разговор с Крыловым, во время которого между прочим был спор о том, можно ли сказать:

«бывывало». Кто-то заметил, что можно даже сказать «бывывывало». — «Очень можно,—проговорил Крылов,—да только этого и трезвому не выговаривать». Рассказав это, Пушкин много шутил. Во время этих шуток, ему попался под руку мой альбом, совершенный слепок с того уездной барышни альбома, который описал Пушкин в «Онегине», и он стал переводить в нем французские стихи на русский язык и русские на французский. Так несколько часов было проведено среди самых живых шуток, и я никогда не забуду его игривой веселости, его детского смеха, которым оглашались в тот день мои комнаты.

А. П. КЕРН. *Л. Майков*, 249—253.

Пушкин и Дельвиг всегда гордились тем преимуществом, что родились в Москве, утверждая, что тот из русских, кто не родился в Москве, не может быть судьей ни по части хорошего выговора на русском языке, ни по части выбора истинно-русских выражений. Вот почему Пушкин бесился, слыша, если кто про женщину скажет, «она тяжела» или даже «беременна», а не *брюхата*,—слово самое точное и на чистом русском языке обыкновенно употребляемое. Пушкин тоже терпеть не мог, когда про доктора говорили: «он у нас пользует». Надобно просто «лечит».

П. А. ПЛЕТНЕВ—Я. К. Гроту. *Переписка Грота с Плетневым*, III, 400.

По записке комиссии от 28 августа, при коей препровождены были на высочайшее усмотрение ответы стихотворца Пушкина на вопросы, сделанные ему касательно известной поэмы Гавририады, его императорскому величеству угодно было собственноручно повелеть: «Г. Толстому призвать Пушкина к себе и сказать ему моим именем, что, зная лично Пушкина, я его слову верю. Но желаю, чтоб он помог правительству открыть, кто мог сочинить подобную мерзость и обидеть Пушкина, выпуская оную под его именем».

Главкомандующий в С. Петербурге и Кронштадте, исполнив вышеупомянутую собственноручную его величества отметку, требовал от Пушкина: чтоб он, видя такое к себе благоснисхождение его величества, не отговаривался от объяснения истины, и что Пушкин, по довольном молчании и размышлении, спрашивал: позволено ли будет ему написать прямо государю-императору, и, получив на сие удовлетворительный ответ, тут же написал к его величеству письмо, и, запечатав оное, вручил графу Толстому. Комиссия положила, не раскрывая письма сего, представить оное его величеству, донося и о том, что графом Толстым комиссии сообщено.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ 7 окт.
1828 г. Секретно. *Дела III Отделения*, стр. 343.

Пушкин сказал, что не может отвечать на допрос, но так как государь позволил ему писать к себе, то он просит, чтобы ему дали объясниться с самим царем. Пушкину дали бумаги, и он у самого губернатора написал письмо к царю. Вследствие этого письма государь прислал приказ прекратить преследование, ибо он сам знает, кто виновник этих стихов.

П. В. НАШОКИН по записи Бартенева. *Рассказы о Пушкине*, 42.

Ссора между отцом и сыном (*Сергеем Львовичем и Александром Сергеевичем*) длилась вплоть до 1828 г., когда они примирились, благодаря уси-

лиям Дельвига и особенно тому обстоятельству, что Пушкин был уже освобожден от правительственного надзора и ласково принят, незадолго перед тем, молодым государем. Во второй раз (первый случай относится к 1815 г.) Сергей Львович искал сойтись с сыном, озадаченный его успехами и приобретенным положением между людьми.

П. В. АННЕНКОВ. *П-н в александр. эпоху*, 274.

18 окт. 1828 г. (Алексей Вульф на квартире А. П. Керн с баронессой Соф. Мих. Дельвиг, женою поэта). Мы были наедине, исключая несносной левки, пришедшей качать ребенка. Я не знал, что говорить, она, кажется, не менее моего была в замешательстве, видимо мы не знали оба, с чего начать—вдруг явился тут Пушкин. Я почти был рад такому помешательству. Он пошутил, поправил несколько стихов, которые он отдает в Северные Цветы, и уехал. Мы начали говорить об нем; она уверяла, что его только издали лобит, а не вблизи; я удивлялся и защищал его; наконец, она, приняв одно общее мнение его о женщинах за упрек ей, заплакала, говоря, что это ей тем больнее, что она его заслуживает. Странно было для меня положение быть наедине с женщиною, в которую я должен быть влюблен, плачущею о прежних своих грехах.

АЛ. Н. ВУЛЬФ. *Дневник. Пушкин и его совр-ки*, XXI—XXII, 17.

19 октября 1828 г. Спб. Собрались на пепелище скотобратца курнофеиуса Тыркова (по прозвищу кирпичного бруса) 8 человек скотобратцев, а именно: Дельвиг—Тося, Иличевский—Олосенька, Яковлев—Паяс, Корф—дьячок-мордан, Стевен—Швед, Тырков (смотри выше), Комовский—лиса, Пушкин—Француз (смесь обезьяны с тигром):

а) пели известный лицейский пэан Лето, энойна. NB. Пушкин-Француз открыл, и согласил с ним соч. Олосенька, что должно вместо общеупотребительного «Лето энойно» петь, как выше означено, б) вели беседу, с) выпили вдвоём их здоровый, д) пели репутацию г. Беранжера, е) пели песню о царе Соломоне, f) пели скотобратские куплеты прошедших шести годов, g) Олосенька в виде французского тамбура мажора утешал собравшихся, h) Тырковиус безмолствовал, j) толковали о гимне ежегодном и негодовали на вдохновения скотобратцев, к) Паяс представлял восковую персону, l) и завидели на дворе час первый и стражу вторую, скотобратцы разошлись, пожелав доброго пути воспитаннику императорского лицея ¹⁾ Пушкину-Французу, иже написал сию грамоту. (Следуют собственноручные подписи перечисленных восьми друзей с их прозвищами в скобках, а в заключение, опять рукою Пушкина,—его четверостишие):

Усердно помолввшись богу,
Лицею прокричав ура,
Прощайте, братцы: мне в дорогу,
А вам в постель уже пора.

ПРОТОКОЛ ПРАЗДНОВАНИЯ ЛИЦЕЙСКОЙ ГОДОВЩИНЫ. *Пушкин и его совр-ки*, XIII, 47.

¹⁾ Выражение «воспитаннику лицея» требует пояснения: Пушкин, уволенный от службы с 1824 года и, по недоброжелательству ли начальства, или по своей беспечности, не имевший письменного вида, предъявлял, при частых своих переездах, лицейский аттестат, в котором был назван воспитанником. В. П. Гаевский. *Празднование лиц. годовщин. Отеч. Зап.*, 1861, т. 139, стр. 36.

Здесь мне очень весело. Соседи ездят смотреть на меня, как на собаку Муниго. На днях было сборище у одного соседа; я должен был туда приехать. Дети его родственницы, балованные ребяташки, хотели непременно туда же ехать; мать принесла им изюму и черносливу и думала тихонько от них убраться; но Петр Маркович (отец А. П. Керн) их взбудоражил; он к ним прибежал: «Дети, дети, мать вас обманывает! Не ешьте черносливу, поезжайте с нею; там будет Пушкин: он весь сахарный, а зад у него яблочный; его разрежут, и всем вам будет по кусочку». Дети разревелись: «Не хотим черносливу, хотим Пушкина!» Нечего делать: их повезли, и они сбежались ко мне облизываясь, но увидев, что я не сахарный, а кожаный, совсем опешили. — Здесь очень много хорошеньких девчонок (или девиц, как приказывает звать Борис Михайлович); я с ними вожусь платонически, и от того толстею и поправляюсь в моем здорьви.

ПУШКИН—бар. А. А. Дельвигу, в сер. ноября 1828 г., из Малинников.

Дети, хотевшие не черносливу, а Пушкина, не кто иные, как дети Павла Ивановича Панафидина, женатого на Анне Ивановне, рожд. Вульф, владельца Михайловского (в Старицком уезде), именуемого ныне Курово-Покровским. Об этом читаем в воспоминаниях Анны Николаевны Панифидиной, внучки Павла Ивановича (рукопись): «Эпизод о малолетних избалованных детях одной помещицы касался моего отца (Ник. Павловича) и дядей (Ивана и Михаила)».

С. А. ФЕССАЛОНИЦКИЙ. «Пушкин в кругу старинных дворян». *Материалы Об-ва Изуч. Тверск. Края*, вып. 6. Апр. 1928. Стр. 12.

Здесь мне очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю. Здесь думают, что я приехал набирать строфы в Онегина, и страшат мною ребят, как букою, а я ездю на пароме, играю в вист по восьми гривен роббер, и таким образом прилепляюсь к прелестям добродетели и гнушаюсь сетей порока.

ПУШКИН—бар. А. А. Дельвигу, 26 ноября 1828 г., из Малинников.

Город Петербург полагает отсутствие твое не бесцельным. Первый голос сомневается, точно ли ты без нужды уехал, не проиграл ли какой был причиною, второй уверяет, что ты для материалов 7-й песни отправился; третий утверждает, что ты остепенился и в Торжке думаешь жениться; четвертый же догадывается, что ты составляешь авангард Олениных, которые собираются в Москву.

Бар. А. А. ДЕЛЬВИГ—Пушкину, 3 дек. 1828 г. *Переп. Пушкина*, II, 82.

Здесь (в Москве) Александр Пушкин, я его совсем не ожидал. Он привез славную новую поэму Мазепу. Приехал он недели на три, как сказывают; еще ни в кого не влюбился, а старые любви его немного отшатнулись. Вчера должен он был быть у Корсаковой; не знаю еще, как была встреча. Я его все подзываю с собою в Пензу; он не прочь, но не надеюсь, тем более, что к тому времени вероятно он влюбится. Он вовсе не переменялся, хотя, кажется, не так весел.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—А. И. Тургеневу, 12 дек. 1828 г., из Москвы. *Собр. соч. кн. П. П. Вяземского*, 518.

В первый раз Пушкин читал нам «Полтаву» в Москве у Сергея Киселева при Американце Толстом, сыне Башилоза, который за обедом нарезался и которого во время чтения вырвало чуть ли не на Толстого.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Полн. собр. соч.*, X, 3.

К Пушкину.—Написал «Чернь».—Отдал Мазепу переписать для государя.—Слушал его восклицания за буйными рассказами Голохвастова.

М. П. ПОГОДИН. *Дневник*, 16 дек. 1828 г. *Пушкин и его с-ки*, XIX—XX, 92.

Удивительно было свойство Александра Пушкина (в такой степени à mille lieus мне ни в ком из людей, чем бы то ни было знаменитых—неизвестное): совершенное отсутствие зависти du metier и милое, любезное, истинное и даже смешное желание видеть дарование во всяком начале, поощрять его словом и делом и радоваться ему.

С. А. СОБОЛЕВСКИЙ—М. Н. Лонгинову, 1855. *Пушкин и его с-ки*, XXXI—XXXII, 40.

В обращении Пушкин был добродушен, неизменен в своих чувствах к людям: часто в светских отношениях не смел отказаться от приглашения к какому-нибудь балу. Восприимчивость его была такова, что стоило ему что-либо прочесть, чтобы потом навсегда помнить. Особенная страсть Пушкина была поощрять и хвалить труды своих близких друзей. Про Баратынского стихи при нем нельзя было и говорить ничего дурного... Будучи откровенен с друзьями своими, не скрывая своих литературных трудов и планов, радушно сообщая о своих занятиях людям, интересующимся поэзией, Пушкин терпеть не мог, когда с ним говорили о стихах его и просили что-нибудь прочесть в большом свете. У княгини Зинаиды Волконской бывали литературные собрания понедельничные; на одном из них пристали к Пушкину, чтобы прочесть. В досаде он прочел «Чернь» и, кончив, с сердцем сказал: «В другой раз не станут просить».

С. П. ШЕВЫРЕВ по записи П. В. Анненкова. *Л. Майков*, 331.

Вообще Пушкин чрезвычайно редко читал свои произведения в большом обществе, отличаясь в этом отношении скромностью и даже застенчивостью. Он читал только людям более или менее близким, мнением которых дорожил и от которых надеялся услышать дельное замечание, а не безусловную похвалу, и при том читал как-нибудь невзначай.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1865, 391.

Баратынский не был с Пушкиным искренен, завидовал ему, радовался клевете на него, думал ставить себя выше его глубокомыслием, чего Пушкин в простоте и высоте своей не замечал.

П. В. НАЩОКИН по записи Бартенева. *Рассказы о Пушкине*, 28.

«Я всякий раз чувствую жестокое угрызение совести,—сказал мне однажды Пушкин в откровенном со мною разговоре,—когда вспоминаю, что

я, может быть, первый из русских начал торговать поэзией. Я, конечно, выгодно продал свой *Бахчисарайский Фонтан* и *Евгения Онегина*; но к чему это поведет нашу поэзию, а может быть, и всю нашу литературу? Уж, конечно, не к добру. Признаюсь, я завидую Державину, Дмитриеву, Карамзину: они бескорыстно и безукоризненно для совести подвизались на благородном своем поприще, на поприще словесности, а я?» — Тут он тяжело вздохнул и замолчал.

(С. Е. РАЙЧ). *Галатея*, 1839, ч. IV, № 29, стр. 197¹⁾.

Шевырев как был слаб перед всяким сильным влиянием нравственно, так был физически слаб перед вином, и как немного охмелеет, то сейчас растает и начнет говорить о любви, о согласии, братстве и о всякого рода сладостях: сначала, в молодости, и это у него выходило иногда хорошо, так что однажды Пушкин, слушая пьяного оратора, проповедующего довольно складно о любви, закричал: «Ах, Шевырев! Зачем ты не всегда пьян!»

С. М. СОЛОВЬЕВ. *Записки. Книг-во «Прометей»*
Н. Н. Михайлова. Стр. 48.

В 1828 году я часто встречался с Пушкиным и однажды предложил ему написать что-нибудь из своих стихов в мой альбом. Он при мне же вписал известные стихи: *Муза*. На вопрос мой: от чего эти пришли ему на память прежде всяких других? — «Я их люблю», отвечал Пушкин: они отзываются стихами Батюшкова».

Н. Д. ИВАНЧИН-ПИСАРЕВ. *Альбомные памяти. Москвитянин*, 1842, № 3, 147.

К Пушкину. Бог всем дал орехи, а ему ядра. Слушал его суждения о Батюшкове.

М. П. ПОГОДИН. *Дневник*, 22 дек. 1828 г. *Пушкин и его с-ки*, XIX—XX, 92.

Пушкин поражен был красотой Н. Н. Гончаровой с зимы 1828—1829 года. Он, как сам говорил, начал помышлять о женитьбе, желая покончить жизнь молодого человека и выйти из того положения, при котором какой-нибудь юноша мог трепать его по плечу на бале и звать в неприличное общество... Холодная жизнь и несоответствующее летам положение в свете надоели Пушкину с зимы 1828—1829 г. Устраняя напускной цинизм самого Пушкина и судя по-человечески, следует полагать, что Пушкин влюбился не на шутку около начала 1829 г.

Кн. ПАВ. П. ВЯЗМСКИЙ. *Собр. соч.*, 520.

Нат. Ник. Гончаровой только минуло шестнадцать лет, когда они впервые встретились с Пушкиным на балу в Москве. В белом воздушном платье, с золотым обручем на голове, она в этот знаменательный вечер поражала всех своей классической, царственной красотой. Ал. Сер. не мог оторвать от нее глаз. Слава его уж тогда прогремела на всю Россию. Он всюду являлся желанным гостем; толпы ценителей и восторженных поклонниц окружали

¹⁾ Райч был плохой поэт, но восторженный почитатель поэзии, считавший великим позором для поэта брать за свои произведения деньги. Однажды один издатель предложил ему гонорар за его стихи. Райч гордо поднял голову и ответил: «Я—поэт, и не продаю своих вдохновений!»

его, ловя всякое слово, драгоценно сохраняя его в памяти. Наталья Николаевна была скромна до болезненности; при первом знакомстве их его знаменитость, власть, присущие гению,—не то что сконфузили, а как-то придавили ее. Она стыдливо отвечала на восторженные фразы, но эта врожденная скромность только возвысила ее в глазах поэта.

А. П. АРАПОВА (урожд. Ланская, дочь Нат. Ники от второго брака). «Н. Н. Пушкина-Ланская». *Новое Время*, 1907, № 11409, стр. 7.

Пушкин познакомился с семейством Н. Н. Гончаровой в 1828 году, когда будущей супруге его едва наступила шестнадцатая весна. Он был представлен ей на бале и тогда же сказал, что участь его будет навеки связана с молодой особой, обращавшей на себя общее внимание.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 270.

Когда Пушкин принес стихи (*Е. Н. У-вой: «Вы избалованы природой»*) матушке, они были без подписи; на вопрос матушки: зачем он не подписал своего имени, он ответил: «Так вы находите, что под стихами Пушкина нужна подпись? Проститесь с этим листком: он недостойн чести быть в вашем альбоме». И Пушкин уже был готов уничтожить его; тут началась борьба, кончившаяся тем, что драгоценный листок остался в руках матушки, совершенно измятый и с оторванным углом. Пушкин был побежден и должен был подписать свое имя под трофеем, который матушка еще держала обеими руками.

Н. С. КИСЕЛЕВ (сын Ел. Ник. Ушаковой) по записи Л. Н. Майкова. *Л. Майков*, 371.

Он что-то во все время был не совсем по себе. Не умею объяснить, ни угадать, что с ним было, *mais il n'était pas en verve (но он не был в ударе)*. Постояннейшие его посещения были у Корсаковых и у Цыганок; и в том, и в другом месте видел я его редко, но видал с теми и другими, и все не узнавал прежнего Пушкина.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—А. И. Тургеневу, 9 янв. 1829 г. *Собр. соч. кн. П. П. Вяземского*, 518.

Мария Ивановна Римская-Корсакова должна иметь почетное место в преданиях хлебосольной и гостеприимной Москвы. Она жила открытым домом, давала часто обеды, вечера, балы, маскарады, разные увеселения, зимою санные катания за городом, импровизированные завтраки. Красавицы-дочери ее, и особенно одна из них, намеками воспетая Пушкиным в *Онегине*¹⁾, были душою и прелестью этих собраний. Сама Мария Ивановна была тип московской барыни в хорошем и лучшем значении этого слова. Старый век и новый век сливались в ней в разнообразной стройности и придавали личности ее особенное и привлекательное значение.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. Заметка из воспоминаний. *Полн. собр. соч.*, VII, 171.

Здесь (в *Старице, Тверской губ.*) я нашел две молодых красавицы: Катиньку Вельяшеву, мою двоюродную сестру, в один год, который я ее не

¹⁾ Александра Александровна Корсакова, в седьмой главе «*Онегина*»: «ночи много звезд прелестных, красавиц много на Москве»...

видал, из 14-летнего ребенка расцветшую прекрасною девушкою, лицом хотя не красавицею, но стройною, увлекательною в каждом движении, прелестною, как непорочность, милую и добродушную, как ее лета ¹⁾. Другая, Машенька Борисова, теперь тоже заслуживала мое внимание. Не будучи красавицею, она имела хорошенькие глазки и для меня весьма приятно картавила. Пушкин, бывший здесь осенью, очень ввел ее в славу ²⁾. Первые два дня я провел очень приятно, слегка волочившись за двумя красавицами... В Крещение (6 янв. 1829 г.) приехал к нам в Старицу Пушкин. Он принес в наше общество немного разнообразия. Его светский блестящий ум очень приятен в обществе, особенно женском. С ним я заключил оборонительный и наступательный союз против красавиц, отчего его и прозвали сестры Мефистофелем, а меня Фаустом. Но Гретхен (Катин. В. — Катенька Вельяшева), несмотря ни на советы Мефистофеля, ни на волокитство Фауста, осталась холодною; все старания были напрасны. Мы имели одно только удовольствие бесить Ивана Петровича (Вульфа, двоюродного брата Алексея Вульфа, тридцатилетнего местного помещика, влюбленного в Катеньку Вельяшеву); образ мыслей наших оттого он назвал американским. — Мне жаль, что из-за таких пустяков он, вероятно, теперь меня не очень жалует: он очень добрый и благородный малый. Если еще сведет нас бог, то я уже не стану волокитством его бесить (50).

В Старице Машенька Борисова и Наталья Кознакова прошли у меня между пальцев. Дай бог мне быть впредь умнее, а то «дурно, дурно, брат Александр Андреевич», — как говорил Пушкин ³⁾ (96).

После праздников поехали все по деревням; я с Пушкиным, взяв по бутылке шампанского, которое морозили, держа на коленях, поехали к Павлу Ивановичу (Вульфу, одному из дядей Алексея). — За обедом мы напоили лонелем, привезенным Пушкиным из Москвы, Фрицинку (гамбургскую красавицу, которую дядя привез из похода и после женился на ней), немку из Риги, полу-гувернантку, полу-служанку, обрученную невесту его управителя, и молодую, довольно смешную девочку, дочь прежнего берновского попа, тоже жившую под покровительством Фридерики. Я упоминаю об ней потому, что имел после довольно смешную с ней историю. Мы танцевали и дурачились с ними много, и молодая селянка вовсе не двухсмысленно показывала свою благосклонность ко мне. Это обратило мое внимание на нее, потому что прежде, в кругу первостатейных красавиц, я ее совсем и не заметил. Я вообразил себе, что очень легко можно будет с ней утешиться за неудачи с другими, почему через несколько дней, приехав опять в Павловское, я сделал посещение ей в роде графа Нулина, с тою только разницею, что не получил пощечины. — В таких занятиях, в охоте и в поездках то в Берново, то к Петру Ивановичу (другой дядя Алексея Вульфа) или в Павловское, где вечера мы играли в вист, — провел я еще с неделю до от'езда с Пушкиным в Петербург (51).

АЛ. Н. ВУЛЬФ. Дневник. Пушкин и его совр-ки, XXI—XXII.

¹⁾ К ней обращено стихотворение Пушкина: «Под'езжая под Ижоры».

²⁾ Ср. письмо Пушкина к Ал. Вульфу от 27 окт. 1828 г. из Малинников: «доношу вам, что Марья Васильевна Борисова есть цветок в пустыне, соловей в дачи лесной, перло в море, и что я намерен на-днях в нее влюбиться».

³⁾ Ср. дневник Вульфа от 14 ноября 1830 г.: «молодую красавицу трактира вчера начал я знакомить с техническими терминами любви; потом, по методе Мефистофеля (Пушкина), надо ее воображение занять сладострастными картинками; женщины, вкусив однажды этого соблазнительного плода, впадают в власть того, который им питать может их, и теряют ко всему другому вкус: им кажется все пошлым и вялым после языка чувственности» (там же, стр. 141).

В Старице, на семейном бале у тогдашнего старицкого исправника, В. И. Вельяшева, я встретила в первый раз Пушкина. Я до этого времени ничего про Пушкина не слыхала, но он прямо бросился мне в глаза. Показался он мне иностранцем, танцует, ходит как-то по особому, как-то особенно легко, как-будто летает; весь какой-то воздушный, с большими ногтями на руках. — «Это не русский?» — спросила я у матери Вельяшева, Катерины Петровны. — «Ах, матушка! Это Пушкин, сочинитель, прекрасные стихи пишет», — отвечала она. Здесь мне не пришлось познакомиться с Александром Сергеевичем. Заметила я только, что Пушкин с другим молодым человеком постоянно вертелись около Кат. Вас. Вельяшевой. Она была очень миленькая девушка; особенно чудные у нее были глаза. Как говорили после, они старались не оставлять ее наедине с Алексеем Николаевичем Вульфом, который любил влоблять в себе молодых барышень и мучить их.

Через два дня поехали мы в Павловское. Следом за нами к вечеру приехал и Ал. Серг-ч вместе с Ал. Н. Вульфом и пробыли в Павловском две недели. Тут мы с Александром Сергеевичем сошлись поближе. На другой день сели за обед. Подали картофельный клоковенный кисель. Я и вскрикнула на весь стол: — «Ах, боже мой! Клоковенный кисель!» — «Павел Иванович! Позвольте мне ее поцеловать!» — проговорил Пушкин, вскочив со стула. — «Ну, брат, это уж ее дело», — отвечал тот. — «Позвольте поцеловать вас», — обратился он ко мне. — «Я не намерена целовать вас», — отвечала я, как вполне благовоспитанная барышня. — «Ну, позвольте хоть в голову», — и, взяв голову руками, прыгнул и поцеловал. П. А. Осипова, вместе с своей семьей бывшая в одно время с Пушкиным в Малинниках или Бернове, высказала неудовольствие на то, что тут, наравне с ее дочерьми, вращается в обществе какая-то поповна. «Павел Иванович, — говорила она, — всем открывает в своем доме дорогу, вот какую-то поповну поставил на одной ноге с нашими дочерьми». Все это говорилось по-французски, я ничего и не знала, и только после уже Фредерика Ивановича (жена хозяйна, Пав. Ив. Вульфа) рассказала мне все это. — «Прасковья Александровна осталась очень недовольна, — говорила она, — но спасибо Александру Сергеевичу, он поддержал нас». Когда вслед за этим пошли мы к обеду, Ал. Серг-ч предложил одну руку мне, а другую дочери Прасковьи Александровны, Евпраксии Николаевне, бывшей в одних летах со мною. За столом он сел между нами и угощал с одинаковою ласковостью как меня, так и ее. Когда вечером начались танцы, то он стал танцевать с нами по очереди, — протанцует с ней, потом со мной и т. д. Осипова рассердилась и уехала. Евпраксия Николаевна почему-то в этот день ходила с заплаканными глазами. Может быть, и потому, что Ал. С—ч после обеда вынес портрет какой-то женщины и восхвалял ее за красоту; все рассматривали его и хвалили. Может быть, и это тронуло ее, — она на него все глаза проглядела. Вообще Ал. Серг. был со всеми всегда ласков, приветлив и в высшей степени прост в обращении. Часто вертелись мы с ним и в неурочное время. — «Ну, Катерина Евграфовна, нельзя ли нам с вами для аппетита протанцевать вальс-казак». — «Ну, вальс-казак-то мы с вами, Катерина Евграфовна, уж протанцуем!» — говорил он до обеда или во время обеда или ужина.

Вставал он по утрам часов в девять-десять и прямо в спальне пил кофе, потом выходил в общие комнаты, иногда с книгой в руках, хотя ни разу не читал стихов. После он обыкновенно или отправлялся к соседним помещикам, или, если оставался дома, играл с Павлом Ивановичем в шахматы. Павла Ивановича остав за это время сам и выучил играть в шахматы, раньше он не умел, но только очень скоро тот стал его обыгрывать. Ал. С—ч сильно горячился при этом. Однажды он даже вскочил на стул и закричал: «Ну, разве можно так обыгрывать учителя?» А Павел Иванович начнет играть снова, да опять с первых же ходов и обыгрывает его. — «Никогда не буду

играть с вами... Это ни на что не похоже», — загорячится обыкновенно при этом Пушкин.

Много играл Пушкин также и в вист. По вечерам часто угощали Ал. С.—ча клюквой, которую он особенно любил. Клюкву с сахаром обыкновенно ставили ему на блюдечке.

Пушкин был очень красив: рот у него был очень прелестный, с тонко и красиво очерченными губами и чудные голубые глаза. Волосы у него были блестящие, густые и кудрявые, как у мерлушки, немного только подлиннее. Ходил он в черном сюртуке. На туалет обращал он большое внимание. В комнате, которая служила ему кабинетом, у него было множество туалетных принадлежностей, ногточисток, разных щеточек и т. п.

Павел Иванович был в это время много старше его, но отношения их были добродушные и искренние. — «На Павла Ивановича упади стена, он не подвинется, право, не подвинется», — неоднократно, шутя, говаривал Пушкин. Павел Иванович, действительно, был очень добрый, но флегматичный человек, и Александр Сергеевич обыкновенно старался расшевелить его и бывал в большом восторге, когда это удавалось ему.

Был со мной в это время и такой случай. Один из родственников Павла Ивановича (*Алексей Вульф*) пробрался ночью ко мне в спальню, где я спала с одной старушкой-прислужгой. Только просыпаюсь я, у моей кровати стоит этот молодой человек на коленях и голову прижал к моей голове. — «Ай! Что вы?» — закричала я в ужасе. — «Молчите, молчите, я сейчас уйду», — проговорил он и ушел. Пушкин, узнав это, остался особенно доволен этим и после еще с большим сочувствием относился ко мне. — «Молодец вы, Катерина Евграфовна, он думал, что ему везде двери открыты, что нечего и предупреждать, а вышло не то», — несколько раз повторял Александр Сергеевич. Задал этому молодцу нагоняй и Павел Иванович. — «Ты нанес оскорбление мне, убирайся из моего дома!» — говорил он ему. Узналось это так. Загадала Фредерика Ивановна мне на картах... «Ты оскорблена, говорит, трефовым королем», я и заплакала, и рассказала все.

Все относились к Александру Сергеевичу с благоговением. Все барышни были от него без ума.

ЕК. ЕВГР. СИНИЦЫНА, урожд. СМИРНОВА
(дочь бывш. берновского священника) по записи
В. И. Колосова. «Пушкин в Тверской губ.». Рус.
Стар., 1888, т. 60, стр. 90—93¹⁾.

Пребывание Пушкина в Берновской волости было великим событием. Все с'езжались, чтобы увидеть его, побыть с ним, рассмотреть его, как необыкновенного человека; но талантом его, как мне казалось из рассказов, все эти пожилые люди мало восхищались, мало ценили, не понимали всю силу его творчества.

Совсем другое впечатление оставило на моих, тогда еще совсем юных тетушках, пребывание Пушкина и знакомство с ним. Все они были влюблены в его произведения, а может быть и в него самого, переписывали его стихотворения и его поэмы в свои альбомы, перечитывали их, и до старости лет любили их декламировать на память и чуть не со слезами на глазах. Многие очень робкие и наивные девушки, несмотря на страстное желание и благоговение к Пушкину, боялись встречи с ним, зная, что он обладал насмешливостью и острым языком.

Как особенность его, рассказывали, что он очень любил общество женской прислуги — экономок, приживалок и горничных. Одна почтенная ста-

¹⁾ Синицына относит рассказанные события к 1827 г. Но после опубликования дневника Вульфа совершенно несомненно, что все это происходило в январе 1829 г.

рушка, некая Наталья Филипповна, прислуга дяди, Алексея Николаевича Вульфа, рассказывала мне, как Пушкин любил вставать рано, и зимой, когда девушки топили печи, и в доме еще была тишина, приходил к ним, шутил с ними и пугал. В обращении с ними он был так прост, что они отвечали ему шутками, называли его «фармазоном» и, глядя на его длинные, выхоленные ногти, называли его «дьяволом с когтями».

Ав. Ник. ПАНАФИДИНА. Воспоминания. Материалы Общ-ва Изуч. Тверск. Края. Вып. 6. Апрель 1928. Стр. 22.

В Старицком уезде (Тверской губ.), по берегам быстрой, мелководной Тьмы, на пространстве десяти верст находились три помещичьи усадьбы: Берново (Ив. Ив. Вульфа) и Малинники (Пр. А. Осиповой) по краям, Павловское (Пав. Ив. Вульфа) в середине. Берново отстоит от Старицы в 25 в., Малинники — в 35.

Теперь Малинники очень скучное место, и думается, что оно всегда таким и было. Там нет ни парка, ни сада. Старый помещичий одноэтажный дом времен Пушкина отлично сохранился; он выстроен из корабельного леса. Посредине широкое, открытое крыльцо поддерживается колоннами из толстых сосновых бревен, комнаты низкие, глубокие и мрачные; кое-где остались еще потолки с матицами; окна небольшие, и их мало (не очень давно подъемные рамы заменены обыкновенными створчатыми); мебель старинная, красного дерева, кресла жесткие, неудобные, с закругленными цельными деревянными спинками; на стенах висят два-три зеркала в старинных красивых рамах красного дерева.

Берново. Барскую усадьбу отделяет от села обширный сад, раскинувшийся на 12 десятин. Сад делится на две части, — собственно сад из правильно разбитых липовых аллей и парк, похожий на лес. Прочно выстроенный каменный дом потерпел мало изменений; в нем теперь до тридцати комнат, но в пушкинские времена верхний этаж и мезонин были почему-то неотделаны; средняя комната нижнего этажа с дверью в сад была гостинной... В Берновском парке есть курган, названный, вероятно, в честь Пушкина, Парнасом; вблизи его высятся вековые деревья, — есть ели и березы в два обхвата.

В Павловском барского дома теперь не существует. Имение купили крестьяне и распорядились с усадьбой по-своему.

И. А. ИВАНОВ. О пребывании А. С. Пушкина в Тверской губ. Изд. Тверск. Общ. Любит. истории, археол. и ест-знания. Тверь. 1899. Стр. 1—11.

В Бернове до сих пор существует прежний помещичий дом, выстроенный в стиле русского ампира. В прошлом году он находился в ведении совхоза «Берново». Дранка, которой покрыт дом, изнасилась и уже не может служить защитой от дождя; провалившаяся местами крыша и упавшие в некоторых комнатах потолки свидетельствовали о происходящем разрушении здания. Дом производит впечатление заброшенности и запустения: из тридцати его комнат лишь незначительная часть занята рабочими и служащими совхоза; везде грязь, обломки мебели, в некоторых комнатах содержатся кролики. При доме до сих пор находится парк с отлично сохранившимися липовыми аллеями времен Пушкина. В парке имеется небольшой курган, который называется Парнасом.

В Бернове, кроме того, обращают на себя внимание остатки сгоревшей в июне 1922 г. мельницы. Уцелело ее основание, сложенное из крупного известняка. Про эту часть мельницы в Бернове говорят, что она существо-

вала уже в те времена, когда Пушкин посещал Берново, и с ней связывают легенду о том, что будто бы один из приезжавших к Вульфам князей полюбил дочь мельника; она ответила ему взаимностью; князь обманул девушку, и она утопилась в омуте, который находится неподалеку от мельницы, вниз по течению. Существует предание, что под влиянием этой легенды Пушкиным написана «Русалка». — Не менее легендарным является и распространенный в Бернове рассказ о трех соснах на левом берегу Тьмы, посаженных, по преданию, самим Пушкиным. Сохранившиеся две сосны (третья спорела летом 1916 г.), повидимому, моложе ста лет.

В Павловском от времени Пушкина ничего не сохранилось. Еще в конце прошлого столетия последний владелец имения продал его крестьянам. К 1923 году от поместья уцелели лишь остатки скотных дворов, да колонны от бывшего барского дома, находившиеся на фасаде одного из сельских домов.

В Малинниках наибольший интерес представлял еще совсем недавно деревянный дом, с оберегавшейся в нем Пушкинской комнатой, которая отводилась поэту при его приездах в Малинники. Дом этот, незадолго до приезда экспедиции, рухнул; обрушились крыша, потолок и некоторые стены; часть стен держится еще до сих пор. Бывший владелец дома, желая сохранить его на возможно долгое время, обложил снаружи стены дома кирпичем; вследствие прекращения доступа воздуха, стены начали преть. Это значительно ускорило разрушение старинного Малинниковского дома. Все имущество и мебель из рухнувшего здания перенесены в соседнее здание.

С. ФЕССАЛОНИЦКИЙ. Уголок Пушкина в Старицком уезде в 1923 г. (По материалам экспедиции студентов Тверского Педагогического Института). *Материалы Общества Изучения Тверского Края*. Вып. 3. Апрель 1925 г., стр. 22—23.

И Пушкина я так живо вспоминаю, и refrain его:

Хоть малиной не корми,
Да в Малинники возьми!

АННА НИК. ВУЛЬФ—бар. Евпр. Н. Бревской, 12
окт. 1847 г. *Пушкин и его с-ки*, XXI—XXII, 351.

Ник. Ив. Вульф (владелец с. Бернова, сын И. И. Вульфа) неоднократно видал Пушкина в с. Бернове, где он не один раз гостил по одному, по два дня, но ему было в то время только 12 лет и поэтому только немногое сохранилось в его памяти. По его словам, Пушкин писал свои стихотворения обыкновенно утром, лежа в постели, положив бумагу на подогнутые колена. В постели же он пил и кофе. Не один раз писал так А. С.—ч тут свои произведения, но никогда не любил их читать вслух, для других. Однажды мать Ник. Ив-ча долго и сильно упрашивала Пушкина прочесть вслух что-нибудь из своих стихов. После долгих отказов Пушкин, повидимому, согласился и пошел за книгой; придя с книгой, он уселся и начал, к ее удивлению и разочарованию, читать по стихам псалтырь. Не один раз видал Ник. Ив.—ч, как Пушкин большими шагами ходил по гостиной, обыкновенно вполголоса разговаривая с своим собеседником, чаще, впрочем, с собеседницей.

В. И. КОЛОСОВ. Пушкин в Тверской губернии.
Рус. Стар., 1888, т. 60, стр. 99.

Путешествие мое в Петербург с Пушкиным было довольно приятно, довольно скоро и благополучно, исключая некоторых прижимок от ямщи-

ков. Мы понадеялись на честность их, не брали подорожной, а этим они хотели пользоваться, чтобы взять с нас более. На станциях, во время перепрягания лошадей, играли мы в шахматы, а дорогою говорили про современные отечественные события, про литературу, про женщин, любовь и тр. Пушкин говорит очень хорошо; пылкий, проникательный ум обнимает быстро предметы; но эти же самые качества причиной, что его суждения об вещах иногда поверхностны и односторонни. Нравы людей, с которыми встречается, узнает он чрезвычайно быстро; женщин он знает, как никто. От того, не пользуясь никакими наружными преимуществами, всегда имеющими большое влияние на прекрасный пол, одним блестящим своим умом он приобретает благосклонность оного.—Пользовавшись всем достопримечательным по дороге от Торжка до Петербурга, приехали мы на третий день вечером в Петербург прямо к Андриё (где обедают все люди лучшего тона). Вкусный обед, нам еще более показавшийся таким после трехдневного путешествия, в продолжение которого, несмотря на все, мы порядочно не ели, запили мы каким-то, не помню, новым родом шампанского (*Bois-gogne mousseux*, которое одно только месяц назад там пили, уже потеряю славу у его гастрономов). Я остановился у Пушкина в Демутовой гостинице, где он всегда живет, несмотря на то, что его постоянное пребывание—Петербург.

АЛ. Н. ВУЛЬФ. Дневник, 16 янв. 1829 г. *Пушкин и его с-ки*, XXI—XXII, 51.

Я в Петербурге с неделю, не больше. Нашел здесь все общество в волнении удивительном. Веселятся до упаду и в стойку, т.-е. на раутах, которые входят здесь в большую моду. Давно бы нам догадаться: мы сотворены для раутов, ибо в них не нужно ни ума, ни веселости, ни общего разговора, ни политики, ни литературы. Ходишь по ногам, как по ковру, извиняешься,—вот уж и замена разговору. С моей стороны, я от раутов в восхищении и отдыхаю от проклятых обедов Зинаиды (*кн. З. А. Волконской*).

ПУШКИН—кн. П. А. Вяземскому, в 20-х числа января 1829 г., из Петербурга.

Тотчас по приезде в Петербург, Гоголь, движимый потребностью видеть поэта, который занимал все его воображение еще на школьной скамье, прямо из дома отправился к нему. Чем ближе подходил он к квартире Пушкина, тем более овладевала им робость и, наконец, у самых дверей квартиры развилась до того, что он убежал в кондитерскую и потребовал рюмку ликера... Подкрепленный им, он снова возвратился на приступ, смело позвонил и на вопрос свой: «дома ли хозяин», услышал ответ слуги: «почивают!» Было уже поздно на дворе. Гоголь с великим участием спросил: «Верно, всю ночь работал?»—«Как же, работал,—отвечал слуга.—В картишки играл». Гоголь признавался, что это был первый удар, нанесенный школьной идеализацией его. Он иначе не представлял себе Пушкина до тех пор, как окруженного постоянно облаком вдохновения.

П. В. АННЕНКОВ со слов Гоголя. *Материалы*, стр. 360.

В Филармонической зале давали всякую субботу концерты: *Requiem* Моцарта, *Création* Гайдна, симфонии Бетховена, одним словом, серьезную немецкую музыку. Пушкин всегда их посещал.

А. О. СМЕРНОВА. Записки. *Рус. Арх.*, 1895, II, стр. 191.

У А. Н. Оленина нередко бывал А. С. Пушкин, которому, видимо, отчасти нравилось общество А. Н.—ча. Он даже сватался за Анну Алексеевну. Однако же, брак этот не состоялся, так как против него была Елизавета Марковна (*жена А. Н.—ча*). По этому случаю Пушкин говорил, что недавно же ему светила луна с левой стороны, когда он приезжал в Приютино (*именно Олениных*)¹).

Ф. Г. СОЛНЦЕВ. *Моя жизнь и худож.-археологич. труды. Рус. Стар.*, 1876, т. 15, стр. 633

Рассказ профессора Солнцева (*о сватовстве Пушкина*), лица, весьма близкого семейству Олениных, вполне верен, хотя Анна Алексеевна никогда при жизни не говорила о таком сватовстве Пушкина.

П. М. УСТИМОВИЧ. А. А. Андро. *Рус. Стар.*, 1890, т. 67, стр. 390.

(*В связи с делом о Гаврииаде*). А. А. Оленина, на которой Пушкин думал жениться, отказала ему по приказанию своих родителей.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1908, I, 545.

Пушкин посватался к Олениной и не был отвергнут. Старик Оленин созвал к себе на обед своих родных и приятелей, чтобы за шампанским объявить им о помолвке своей дочери за Пушкина. Гости явились на зов; но жених не явился. Оленин долго ждал Пушкина и, наконец, предложил гостям сесть за стол без него. Александр Сергеевич приехал после обеда, довольно поздно. Оленин взял его под руку и отправился с ним в кабинет для объяснений, окончившихся тем, что Анна Алексеевна осталась без жениха.

Н. Д. БЫКОВ по записи художника Железнова в воспоминаниях о К. П. Брюллове. *Сборник Пушкинского дома на 1923 год*. Петроград. 1922. Стр. 33.

(*На балу у Ел. Мих. Хитрово*). Элиза (*Хитрово*) гнула, была в белом платье, очень декольте; ее пухленькие плечи вылезали из платья. Пушкин был на этом вечере и стоял в уголке за другими кавалерами. Мы все были в черных платьях. Я сказала Стефани (*фрейлина княжна Радзивил, подруга Россет по институту*): «Мне ужасно хочется танцевать с Пушкиным». — «Хорошо, я его выберу в мазурке», и точно, подошла к нему. Он бросил шляпу и пошел за ней. Танцевать он не умел. Потом я его выбрала и спросила: «Quelle fleur?» — «Celle de votre couleur», — был ответ, от

¹ Если Пушкин, действительно, сватался за Оленину, то это, всего вероятнее, произошло за время пребывания Пушкина в Петербурге в январе—марте 1829 года. Н. О. Лернер высказывает догадку, не на неудачное ли сватовство Пушкина намекал Вяземский, когда, придравшись к словам поэта: «я пустился в свет, потому что бесприютен», писал ему в сентябре 1828 года: «ты говоришь, что ты бесприютен,— разве уже тебя не пускают в Приютино?» (*Пушкин. Брокгауз-Ефрон, IV т., стр. LXX*). Мы думаем, в каламбуре Вяземского не было никакой задней мысли. Еще 3 дек. 1828 г. Дельвиг писал Пушкину в деревню, что, по мнению некоторых, Пушкин составляет «авангард Олениных, которые собираются в Москву» (*Переписка Пушкина, II, 82*). Навряд ли мог бы писать так Дельвиг, если бы Пушкин уже получил отказ. Еще невероятнее предположить, чтобы Пушкин сватался за Оленину позже указанного времени: позже все matrimonальные стремления Пушкина направлены уже на Москву.

которого все были в восторге («Какой цветок?»—«Вашего цвета»). Элиза пошла в гостиную, грациозно легла на кушетку и позвала Пушкина ¹⁾.

А. О. СМЕРНОВА (урожд. РОССЕТ). Записки. Рус. Арх., 1895, II, 190.

«Ни я не ценила Пушкина, ни он меня. Я смотрела на него слегка, он много говорил пустяков, мы жили в обществе ветреном. Я была глупа и не обращала на него особенного внимания».—В первый раз ²⁾ Смирнова встретила Пушкина на бале у Е. М. Хитровой и уговорилась с своей приятельницей княжною Радзивил как-нибудь с ним познакомиться. Они выбрали его в мазурке, и хотя Пушкин обыкновенно не танцевал, но тут прошелся с каждой из них. Потом он сам пожелал, чтобы ее пригласили Карамзины слушать «Полтаву». Он читал плохо. Смирнова нарочно молчала, и он не получил о ней хорошего понятия. Как-то во дворце (у А. В. Сенявина) были живые картины, а с них она проехала к Карамзиным, где были танцы. Она застала его уже уходящим и, проходя мимо, сказала: «Пойдемте со мною танцевать, но так как я не особенно люблю танцы, то в промежутках мы поболтаем». Пушкину понравилось, что посреди высшего круга Смирнова хорошо и выразительно говорила по-русски. Тут началось их сближение.

А. О. СМЕРНОВА по записи Бартенева. «Ветвь». Сборник клуба Московских Писателей. Москва. 1917. Стр. 303.

Ее красота, столько раз воспетая поэтами,—не величаяя и блестящая красота форм (она была очень невысокого роста), а южная красота тонких, правильных линий смуглого лица и черных, бодрых, пронизательных глаз, вся оживленная блеском острой мысли, ее пытливый, свободный ум и искреннее влечение к интересам высшего строя,—искусства, поэзии, знания,—скоро создали ей при дворе и в свете исключительное положение. Дружба с Плетневым и Жуковским свела ее с Пушкиным, и скромная фрейлинская келия на четвертом этаже Зимнего Дворца сделалась местом постоянного собрания всех знаменитостей тогдашнего литературного мира. Она и пред лицом императора Николая, который очень ценил и любил ее беседу, являлась представительницею, а иногда и смелой защитницею лучших в ту пору стремлений русского общества и своих непридворных друзей.

И. С. АКСАКОВ. Некролог А. О. Смирновой. Русь, 1882, № 37, стр. 10.

¹⁾ Смирнова отмечает, что это происходило в конце 1828 г., после похорон императрицы Марии Федоровны (умерла 24 окт. 1828 г.). Но в то время Пушкина не было в Петербурге,—он туда приехал только 18 янв. 1829 г. Навряд ли описываемый случай мог произойти раньше 24 января, до минования первого, наиболее строгого квартала годового траура, наложенного при дворе по случаю смерти императрицы-матери. (См. Объявление верховного маршала графа Мусина-Пушкина-Брюса в прилож. к № 131 *Северной Пчелы* за 1828 г.). Навряд ли до этого срока возможны были танцы и белое платье Элизы.

²⁾ Повидимому, память изменила старухе-Смирновой,—знакомство с Пушкиным произошло у нее раньше. Когда,—мы не можем определить. В. И. Шенрок, повидимому, со слов пресловутой Ольги Николаевны Смирновой (дочери Ал. Ос-ны), сообщает: «Пушкина Жуковский поспешил представить Александру Осиповне, когда он, освобожденный из своего заточения в Михайловском и уже побывавший в Москве, только что приехал в Петербург» («Материалы для биографии Гоголя», т. I. М. 1892. Стр. 310). Фальсифицированные тою же Ольгою Николаевною «Записки» ее матери, изданные «Северным Вестником», сообщают, что знакомство Смирновой с Пушкиным произошло на вечере у Карамзиных,—повидимому, осенью 1828 г. (ч. I, 1895, стр. 17). Если же они, действительно, познакомились на описываемом бале у Хитрово, то совершенно спутывается общепринятая хронология некоторых пушкинских стихотворений, как, напр., «Ее глаза», «За Нетти сердцем я летаю».

В то время расцветала в Петербурге одна девица, и все мы, более или менее, были военнопленными красавицы. Кто-то из нас прозвал смуглую, южную, черноокую девицу Donna Sol, главною действующею личностью драмы В. Гюго «Эрнани». Жуковский прозвал ее *небесным дьяволенком*. Кто хвалил ее черные глаза, иногда улыбающиеся, иногда огнестрельные; кто—стройное и маленькое ушко, кто любовался ее красивою и своеобразною милловидностью. Несмотря на светокость свою, она любила русскую поэзию и обладала тонким и верным поэтическим чутьем. Она угадывала (более того, она верно понимала) и все высокое, и все смешное. Обыкновенно женщины худо понимают плоскости и пошлости; она понимала их и радовалась им, разумеется, когда они были не плоско-плоски и не пошло-пошлы. Вообще увлекала она всех живостью своею, чуткостью впечатлений, остроумием, нередко поэтическим настроением. Прибавьте к этому, в противоположность не лишнюю прелести, какую-то южную ленивость, усталость. Вдруг она расшевелится или теплым сочувствием всему прекрасному, доброму, возвышенному, или ошестинится скептическим и язвительным отзывом на жизнь и людей. Она была смесь противоречий, но эти противоречия были, как музыкальное разнозвучие, которые, под рукою художника, сливаются в странное, но увлекательное созвучие.—Сведения ее были разнообразны, чтения поучительные и серьезные, впрочем, не в ущерб романам и газетам. Даже богословские вопросы, богословские прения были для нее заманчивы... Прямо от беседы с Григорием Назианзином или Иоанном Златоустом влетала она в свой салон и говорила о делах парижских с старым дипломатом, о петербургских сплетнях, не без некоторого оттенка дозволенного и всегда остроумного злословия, с приятельницею, или обменивалась с одним из своих поклонников загадочными полусловами, т.-е. по-английски flirtation.

Кн. П. А. ВЯЗМСКИЙ. *Поли. собр. соч.*, т. VIII, стр. 233.

А. О. Смирнова была небольшого роста, брюнетка, с непотухающей искрой остроумия в ее черных и добрых глазах. Высокое ее положение в свете и изящество манер не помешали многим находить, что наружностью она походила на красивую молодую цыганку.

Кн. А. В. МЕЩЕРСКИЙ. *Воспоминания*. М. 1901. Стр. 154.

Недоступная атмосфера целомудрия, скромности, это благоухание, окружающее прекрасную женщину, никогда ее не окружало, даже в цветущей молодости.

С. Т. АКСаКОВ—И. С. Аксакову, 3 дек. 1845 г. *И. С. Аксаков в его письмах*. Ч. I. М. 1888. Стр. 299.

Я не верю никаким клеветам на ее счет, но от нее иногда веет атмосферу разврата, посреди которого она жила. Она показывала мне свой портфель, где лежат письма, начиная от государя до всех почти известностей включительно. Есть такие письма, писанные к ней чуть ли не тогда, когда она была еще фрейлиной, которые она даже посовестилась читать вслух... Столько мерзостей и непристойностей. Много рассказывала про всех своих знакомых, про Петербург, об их образе жизни, и толковала про их гнусный разврат и подлую жизнь таким равнодушным тоном привычки, не возмущаясь этим.

И. С. АКСаКОВ—С. Т. Аксакову, из Кадуги, 14 янв. 1847 г. *И. С. Аксаков в его письмах*, I, 410.

(В середине пятидесятих годов). Я застал Смирнову далеко уже не первой молодости... Сухое, бледное лицо ее, черные строгие глаза и правильный тонкий профиль, может быть, и сохраняли еще слабые следы прежней молодой красоты,—но все же, глядя на них, мне не верилось, чтобы она была так хороша, что обвораживала всех, кто случайно попадал в ту атмосферу, где цвела ее молодость. Мне казалась она больной, нервной, беспрестанно собирающейся умереть и чем-то глубоко разочарованной, удрученной женщиной... Иногда при гостях она вдруг как бы оживала. Самым добродушным тоном говорила колкости,—она же умела говорить,—но так, что сердиться на нее никто не мог, даже и те немногие, которые очень хорошо понимали, в чей опород она бросает камешки,—словом, бывали минуты, когда она была неузнаваема. Я не раз удивлялся ей, в особенности ее колоссальной памяти,—выучиться по-гречески ей ничего не стоило... Я уважал ее за ум, но, по правде сказать, не очень любил ее... Из-под маски простоты и демократизма просвечивался аристократизм самого утонченного и волюнтерского свойства, под видом кротости скрывался нравственный деспотизм, не терпящий свободомыслия, разумеется, только в тех случаях, когда эта свобода не облечена в ту блистательную, поэтическую дерзость, которая приятно озадачивает светских женщин, и о которой они сами любят всем рассказывать, как о чем-то оригинальном и приятном, великодушно прощать врагам своим. Несмотря на эти недостатки, я все готов был простить Смирновой за ее ум, правда, парадоксальный, но все-таки ум, и за ее колоссальную память. Чего она не знала? На каких языках не говорила? Теперь, когда я пишу эти строки, я не прощаю ей даже этого ума, от этого ума никому не тепло, ни холодно. Он хорош для гостиной, для разговоров с литераторами, с учеными; но для жизни он лишняя, бесполезная роскошь.

Я. П. ПОЛОНСКИЙ (поэт; в 1855—1857 г. г. был учителем сына Смирновой). *Голос Минувшего*, 1917, № 11—12, стр. 143, 199.

Пушкин живет у Демута. Он помышляет о напечатании «Мазепы», но игра занимает его более, и один приезд твой может обратить его на путь истины.

С. Д. КИСЕЛЕВ—Н. М. Языкову (поэту), 29 февр. 1829 г. *Истор. Вест.*, 1883, XIV, 15. 8.

В 1829 году, находясь в Петербурге, я, посредством Шевырева, отъезжавшего за границу, познакомился с Пушкиным, жившим тогда в гостинице Демута, № 33... Очень хорошо помню первое впечатление, сделанное Пушкиным. Тотчас можно было заметить в нем беспокойную, порывистую природу гения,—сына наших времен, который не находит в себе центра тяжести между противоположностями нашего внутреннего дуализма. Почти каждое движение его было страстное, от избытка жизненной силы его существа; ею он еще более пленял и увлекал, нежели своими сочинениями; личность его довершала очаровательность его музыки, в особенности, когда бываю, беседуешь с ним наедине в его кабинете. В обществе же, при обыкновенном разговоре, он казался уже слишком порывистым и странным, даже бесхарактерным: он там будто страдал душою (12—13).

Пушкин всегда советовал не пренебрегать, при серьезном, продолжительном занятии драмою, и минутами лирического вдохновения.—«Помните,—сказал он мне однажды,—что только до 35 лет можно быть истинно-лирическим поэтом, а драмы можно писать до 70 лет и далее!» (12).

Однажды передаю Дельвижу критическое замечание, сделанное мне Пушкиным, когда я читал ему в рукописи одно из моих стихотворений.

Дельвиг удивился.—«Неужели Пушкин сделал вам критическое замечание?»—«Что же тут мудреного? Кому же, как не ему, учить новобранца?»—«Поздравляю вас: это значит, что вы будете не в числе его обычных знакомств! Пушкин в этом отношении чрезвычайно осторожен и скрытен, всегда отделяется светского вежливостью. Я вместе с ним воспитан—и только недавно начал он делать мне критические замечания: это вернейший признак приятельского расположения к автору» (16).

Бар. Е. Ф. РОЗЕН. Ссылка на мертвых. *Сын Отечества*. 1847. Кн. шестая, отд. 3.

В эту зиму Пушкин часто бывал по вечерам у Дельвига, где собирались два раза в неделю лицейские товарищи его: Лангер, князь Эристов, Яковлев, Комовский и Илличевский. Кроме этих, приходили на вечера Подолинский, Щастный, молодые поэты, которых выслушивал и благословлял Дельвиг, как патриарх. Иногда также являлся Мих. Ив. Глинка, гений музыки, добрый и любезный человек, как и свойственно гениальному существу. Тут кстати заметить, что Пушкин говорил часто: «злы только дураки и дети». Несмотря, однако ж, на это убеждение, и он бывал часто зол на словах, но всегда раскаивался. В поступках он всегда был добр и великодушен. На вечера к Дельвигу являлся и Мицкевич.

Пушкин в эту зиму бывал часто мрачным, рассеянным и апатичным. В минуты рассеянности он напевал какой-нибудь стих и раз был очень забавен, когда повторял беспрестанно стих барона Розена:

Неумолимая, ты не хотела жить,

передразнивая его и голос, и выговор.

А. П. КЕРН. Воспоминания. *Л. Майков*, 253—255.

Однажды у Дельвига, проходя в гостинную, я был остановлен словами Пушкина, подле которого сидел Шевырев: «Помогите нам состряпать эпиграмму». Но я спешил в соседнюю комнату. Возвратясь к Пушкину, я застал дело уже оконченным. Это была эпиграмма: «В Элизии Василий Тредьяковский». Насколько помог Шевырев, я, конечно, не знаю.—На этих же вечерах Дельвига мне неоднократно случалось слышать продолжительные и узорные прения Пушкина с Мицкевичем то на русском, то на французском языке. Первый говорил с жаром, часто остроумно, но с запинками, второй тихо, плавно и всегда очень логично.

А. И. ПОДОЛИНСКИЙ. Воспоминания. *Рус. Арх.*, 1872, I, 859—860.

Весь кружок даровитых писателей и друзей, группировавшихся около Пушкина, носил на себе характер беспечности любящего пображничать русского барина, быть может, еще в большей степени, нежели современное ему общество. В этом молодом кружке преобладала любезность и раздольная, ирривая веселость, блестяло неистощимое остроумие, высшим образцом которого был Пушкин. Но душою всей этой счастливой семьи поэтов был Дельвиг, у которого в доме чаще всего они собирались... Дельвиг шутил всегда остроумно, не оскорбляя никого. В этом отношении Пушкин резко от него отличался: у Пушкина часто проглядывало беспокойное расположение духа. Великий поэт не был чужд странных выходов, нередко напоминавших фразу Фигаро: «ах, как глупы эти умные люди!», и его шутка

часто превращалась в сарказм, который, вероятно, имел основание в глубоко возмущенном действительностью духе поэта.—Это маленькое сравнение может объяснить, почему Пушкин не был хозяином кружка, увлекавшегося его гением... Пушкин был так опрометчив и самонадеян, что, несмотря на всю его гениальность, он не всегда был благоразумен, а иногда даже не умен. Дельвиг же, могу утвердительно сказать, был всегда умен!

А. П. КЕРН. Воспоминания. Изд. «Akademia». Ленинград. 1929. Стр. 280, 227.

Через два месяца по приезде в Петербург, утомление и какая-то нравственная усталость нападают на Пушкина. Он начинает томиться жаждой физической деятельности, которая всегда являлась у него, как верный признак отсутствия деятельности духовной.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 208.

В бумагах Пушкина сохранился вид, данный ему от Спб. Почтдиректора 4 марта 1829 г., на получение лошадей, по подорожной, без задержания, до Тифлиса и обратно.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 209.

(Пушкин выехал из Петербурга в Москву 9 марта 1829 года).

По словам Н. С. Киселева, Пушкин питал к Екат. Ник. Ушаковой нежное чувство; но, уехав в Петербург в исходе 1827 года, он увлекся там другою красавицей—Анной Алексеевной Оленьиной. Есть известие, что он даже сватался за нее, но получил отказ. Затем, когда Пушкин возвратился в Москву (вероятно, уже в марте 1829 года), то «при первом посещении Пресненского дома он узнал плоды своего непостоянства: Екатерина Николаевна помолвлена за князя Д—го.—«С чем же я остался?»—вскрикивает Пушкин.—«С оленьими рогами»,—отвечает ему невеста. Впрочем, этим не кончились отношения Пушкина к бывшему своему предмету. Собрав сведения о Д—ом, он упрощивает Н. В. Ушакова расстроить эту свадьбу. Доказательства о поведении жениха, вероятно, были слишком явны, потому что упрямство старика было побеждено, а Пушкин остался прежним другом дома».

Л. Н. МАЙКОВ. «Пушкин», 364.

В альбоме Ек. Ник. Ушаковой есть рисунки, но не руки Пушкина, а другой, еще менее искусной, по крайней мере, менее твердой, и сопровождаются они надписями, которые сделаны почти все женским почерком, едва ли не Екат. Ник. Ушаковой. На одном из этих рисунков изображен пруд, на берегу которого стоит нарядная молодая особа и удит; на поверхности воды видно несколько мужских голов; вдали, на берегу, стоит молодой человек в крутой шляпе, с тростью в руке. Против мужской фигуры написано: «Madame, il est temps de finir», а против женской:

Как поймаю рыбочку
Я себе на удочку,
То-то буду рада,
То-то позабавлюсь,
То-то разгуляюсь!

По объяснению Н. С. Киселева, представленная здесь молодая особа есть Анна Алексеевна Оленина. В мужчине, стоящем на берегу, следует угадывать Пушкина, хотя изображение и не отличается сходством. Барышню с тем же профилем, какой мы видим на сейчас описанной картине, можно узкать и на другом рисунке: тут она протягивает руку молодому человеку, который ее почтительно целует. Здесь мужская фигура, с лицом, обрамленным бакенбардами, уже гораздо более напоминает портреты Пушкина. К этой картинке относится следующая подпись:

Прочь, прочь отойди!
Какой беспокойный!
Прочь, прочь! Отвяжись,
Руки недостойный!

Л. Н. МАЙКОВ. *Пушкин*, 337—374.

Между Ек. Ник. Ушаковой и Пушкиным завязывается тесная сердечная дружба, и, наконец, после продолжительной переписки, Екатерина Ушакова соглашается выйти за него замуж. В это время в Москве жила известная гадалщица, у которой некогда был или бывал даже государь Александр Павлович. Пушкин не раз высказывал желание побывать у этой гадалщицы; но Е. Н. Ушакова постоянно отговаривала его. Однажды Пушкин пришел к Ушаковым и в разговоре сообщил, что он был у гадалщицы, которая предсказала ему, что он «умрет от своей жены». Хотя это сказано было как бы в шутку, как нелепое вранье гадалщицы, однако Е. Н. Ушакова взглянула на это предсказание заботливо и объявила Пушкину, что, так как он не послушался ее и был у гадалщицы, то она сомневается в силе его любви к ней; а с другой стороны, предвещание, хотя и несбыточное, все-таки заставило бы ее постоянно думать и опасаться за себя и за жизнь человека, которого она безгранично полюбила, если сделается его женою; поэтому она и решается отказать ему для него же самого. Дело разошлось... Когда Екатерина Николаевна умирала, то приказала дочери подать шкатулку с письмами Пушкина и сожгла их. Несмотря на просьбы дочери, она никак не желала оставить их, говоря: «мы любили друг друга горячо, это была наша сердечная тайна: пусть она и умрет с нами».

П. И. БАРТЕНЕВ. Из записной книжки. *Рус. Арх.*, 1912, III, 300.

Давно к нам просится поэт Пушкин в дом; я болезненно отговаривался, теперь он напал на Вигеля, чтобы непременно его к нам ввести. Я видал его всегда очень maussade (*угрюмый, скучный*) у Вяземского, где он, как дома, а вчера был очень любезен, ужинал и пробыл до 2 час.—Восхищался детьми и пением Кати (*дочь Булгакова*), которая пела ему два его стихотворения, положенные на музыку Геништою и Титовым. Он едет в армию Паскевича узнать ужасы войны, послужить волонтером, может быть, и воспеть это все.—Ах, не ездите! — сказала ему Катя: — там убили Грибоедова. — «Будьте покойны, сударыня: неужели в одном году убьют двух Александров Сергеевичев? Будет и одного!» Но Лелька (*другая дочь Булгакова*) ему сделала комплимент хоть куда. «Байрон поехал в Грецию и там умер; не ездите в Персию, довольно вам и одного сходства с Байроном». Какова Курноска! Пушкина поразило это рассуждение. Ему очень понравилось, что дети, да и мы вообще все, говорили более по-русски, т.-е. как всегда. Наташа (*жена Булгакова*) все твердила ему, чтобы избрал большой, истори-

ческий, отечественный сюжет и написал бы что-нибудь достойное его пера; но Пушкин уверял, что никогда не напишет эпической поэмы.

А. Я. БУЛГАКОВ — К. Я. Булгакову, из Москвы,
21 марта 1829 г. *Рус. Арх.*, 1901, III, 298.

В какой-то элегии находятся следующие два стиха, с которыми поэт обращается к своей возлюбленной:

Все неприятности по службе
С тобой, мой друг, я забывал.

Пушкин, отыскавши эту элегию, говорил, что изю всей русской поэзии эти два стиха самые чисто-русские и самые глубоко и верно прочувствованные.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Полн. собр. соч.*, VIII, 82.

Не уступавший никому, Пушкин, за малейшую против него неосторожность, готов был отплатить эпиграммой или вызовом на дуэль. В самой наружности его было много особенного: он то отпуская кудри до плеч, то держал в беспорядке свою курчавую голову; носил бакенбарды большие и всклокоченные; одевался небрежно; ходил скоро, повертывал тросточкой или хлыстиком, насвистывая или напевая песню. В свое время многие подражали ему, и эти люди назывались à la Пушкин... Он был первым поэтом своего времени и первым шалуном.

Молодость Пушкина продолжалась во всю его жизнь, и в тридцать лет он казался хоть менее мальчиком, чем был прежде, но все-таки мальчиком, лицейским воспитанником. Между прочим, в нем оставалась студенческая привычка,—не выставлять ни знаний, ни трудов своих. От этого многие в нем обманывались и считали его талантом природы, не купленным ни размышлением, ни ученостью, и не ожидали от него ничего великого. Но в тишине кабинета своего он работал более, нежели думали другие... В обществах на него смотрели, как на человека, который ни о чем не думал и ничего не замечал; в самом деле, он постоянно терялся в мелочах товарищеской беседы и равно был готов вести бездельный разговор с умным и глупцом, с людьми почтенными и самыми пошлыми; но он все видел, глубоко понимал вещи, замечал каждую черту характеров и видел насквозь людей. Чего другие достигали долгим учением и упорным трудом, то он светлым своим умом схватывал налету. Не показываясь важным и глубоко-мысленным, сльвя ленивым и праздным, он собирал опыты жизни и в уме своем скопил неистощимые запасы человеческого сердца.

Ветренность была главным, основным свойством характера Пушкина. Он имел от природы душу благородную, любящую и добрую. Ветренность препятствовала ему сделаться человеком нравственным, и от той же ветренности пороки не глубоко пускали корни в его сердце.

(М. М. ПОПОВ). «А. С. Пушкин». *Рус. Стар.*, 1874,
№ 8, стр. 684—685.

Господин поэт столь же опасен для государства, как неочиненное перо. Ни он не затеет ничего в своей ветреной голове, ни его не возьмет никто в свои затеи. Это верно! Предоставьте ему слоняться по свету, искать девиц, поэтических вдохновений и игры. Можно сильно утверждать, что это путешествие (на Кавказ) устроено игроками, у коих он в тисках. Ему верно обещают золотые горы на Кавказе, а когда увидят деньги или поэму, то вы-

играют—и конец. Пушкин пробудет, как уверяют его здешние друзья, несколько времени в Москве, и как он из тех людей, у которых семь пятниц на неделе, то, может быть, или вовсе останется в Москве, или прикатит сюда (в Петербург) назад.

А. Н. МОРДВИНОВ (?)—гр. А. Х. Бенкендорфу,
21 марта 1829 г. Соч. Пушкина, ред. Ефремова, 1903,
т. VII, стр. 347 (русс.-фр.).

Поездка Пушкина на Кавказ и в Малую Азию могла быть устроена, действительно, игроками. Они, по связям в штабе Паскевича, могли выхлопотать ему разрешение отправиться в действующую армию, угощать его живыми стерлядями и замороженным шампанским, проиграв ему безрасчетно деньги на его путевые издержки. Устройство поездки могло быть придумано игроками в простом расчете, что они на Кавказе и Закавказьи встретят скачущих богатых людей, которые с игроками не сели бы играть и которые охотно будут целыми днями играть с Пушкиным, а с ним вместе и со встречными и поперечными его спутниками. Рассказ без подробностей, без комментариев, есть тяжелое согрешение против памяти Пушкина. В голом намеке слышится как будто заподозривание сообщничества Пушкина в игрецком плане. Пушкин до кончины своей был ребенком в игре, и в последние дни жизни проигрывал даже таким людям, которых, кроме него, обыгрывали все.

Кн. ПАВ. П. ВЯЗЕМСКИЙ. *Собр. соч.*, 515

В полицейском списке московских картежных игроков за 1829 год в числе 93 номеров значится: «1. Граф Федор Толстой—тонкий игрок и планист.—22. Нащокин—отставной гвардии офицер. Игрок и буйн. Всеизвестный по делам, об нем производившимся.—36. Пушкин—известный в Москве банкومت».

П. А. ЕФРЕМОВ. *Соч. Пушкина, изд. 1903. Т. VII,*
стр. 677.

В числе коротко знакомых, не коренных москвичей, а заезжих, бывали у нас Сергей Львович Пушкин и сын его Александр Сергеевич. Внешность первого не допускала и мысли о присутствии в жилах его даже капли африканской, «ганнибаловской» крови, которою так гордился знаменитый сын его; это был человек небольшого роста, с проворными движениями, с носиком вроде клюва попугая. Он постоянно петушился, считал себя, неизвестно почему, аристократом, хвастал своим сыном (всегда в отсутствии последнего), которого не любил. Когда, бывало, батюшка столкнется у нас с сынком, у них непременно начнутся пререкания, споры, даже ссоры, если Сергей Львович вздумает сделать сыну какое-нибудь замечание о необходимости поддержания родственных связей и связей света. Ссоры эти заходили иногда так далеко, что отец мой находил нужным останавливать спорившихся и, пользуясь почтенными своими годами, давал крепкую нотацию отцу и сыну, говоря первому, что он не кстати чопорен, а второму, что «порядочному человеку, хотя бы и даже гению стихотворства, следует всегда уважать своего отца».

Я должен сознаться, что великий наш поэт оставил во мне, как ребенку, самое неприятное впечатление; бывало, придет к нам и тотчас отправится в столовую, где я с братом занимался рисованием глаз и носов или складыванием вырезных географических карт. Пушкин, первым делом, находил нужным испортить нам наши рисунки, нарисовав очки на глазах,

нами нарисованных, а под носами черные пятна, говоря, что теперь у всех насморк, а потому без этих «капель» (черных пятен) носы не будут натуральны. Если мы занимались складными картами, Александр Сергеевич непременно переломает, бывало, кусочки и в заключение ущипнет меня или брата довольно больно, что заставляло нас кричать. За нас обыкновенно заступалась «девица из дворян» Ольга Алексеевна Борисова, заведывавшая в доме чайным хозяйством и необыкновенно хорошо приготавливавшая ягодные наливки. Она говорила Пушкину, что так поступать с детьми нельзя и что пожалуется на него «господам».

Тут Пушкин принимался лстыть Ольге Алексеевне, целовал у нее ручки, превозносил искусство ее приготавливать наливки чуть не до небес, и дело кончалось тем, что старуха смягчалась, прощала «шалопуту», как она его называла, и, обратив гнев на милость, угощала Пушкина смородиновой, которую он очень любил.

Ни один приезд к нам Александра Сергеевича не проходил без какой-нибудь с его стороны злой шалости¹⁾.

И. А. АРСЕНЬЕВ. Слово живое о неживых. (Из моих воспоминаний). *Истор. Вестник*, 1887, янв., 78.

В прошедшем году я встретился в театре с одним из первоклассных наших поэтов и узнал из его разговоров, что он намерен отправиться в Грузию.—«О боже мой,—сказал я горестно,—не говорите мне о поездке в Грузию. Этот край может назваться врагом нашей литературы. Он лишил нас Грибоедова!»—«Так что же?»—ответил поэт.—«Ведь Грибоедов сделал свое. Он уже написал «Горе от ума».

В. У. (В. А. УШАКОВ). *Моск. Телеграф*, 1830, № 12, стр. 515.

Бенкендорф и его помощник фон-Фок ошибочно стали смотреть на Пушкина не как на ветреного мальчишка, а как на опасного вольнодумца. постоянно следили за ним и приходили в тревожное положение от каждого его действия, выходявшего из общей колеи. Не восхищавшиеся ничем в литературе и не считавшие поэзию делом важным, они передавали царскую волю Пушкину всегда пополам со строгостью, хотя в самых вежливых выражениях. Они как бы беспрестанно ожидали, что вольнодумец или предпримет какой-либо вредный замысел, или делается коноводом возмутителей. Между тем Пушкин беспрестанно впадал в проступки, выслушивал замечания, приносил извинения и опять проступался. Он был в полном смысле дитя и, как дитя, никого не боялся. Зато люди, которые должны бы быть прозорливыми, его боялись. Отсюда начался ряд, с одной стороны, напоминаний, выговоров, а с другой—извинений, обещаний и вечных проступков.

(М. М. ПОПОВ, чиновник III Отделения). *Рус. Стар.*, 1874, т. 10, стр. 694.

С неделю тому назад завтракал я с Пушкиным, Мицкевичем и другими у Мих. Петровича (Погодина). Первый держал себя ужасно гадко, отвратительно; второй — прекрасно. Посудите, каковы были разговоры, что второй

---

¹⁾ Точная датировка рассказа представляет трудности. Нам неизвестно время, когда бы взрослый Пушкин проживал в Москве одновременно со своим отцом. Автор воспоминаний родился в 1820 г., описываемое могло происходить приблизительно между 1826 и 1832 гг.

два раза принужден был сказать: «г. г., порядочные люди и наедине и сами с собою не говорят о таких вещах!»

С. Т. АКСАКОВ — С. П. Шевыреву, 26 марта 1829 г., из Москвы. *Рус. Арх.*, 1878, II, 50.

27 марта 1829 г. Завтрак у меня: представители русской общественности и просвещения: Пушкин, Мицкевич, Хомяков, Щепкин, Веневитин, Аксаков, Верстовский, Веневитинов.—Разговор от (неразборчиво) до евангелия, без всякой последовательности, как и обыкновенно.—Ничего не удержал, потому что не было ничего для меня нового, а надо бы помнить все Пушкинское. Верстовскому и Аксакову не понравилось.—Нечего было сказать о разговоре Пушкина и Мицкевича, кроме: предрассудок холоден, а вера горяча.

М. П. ПОГОДИН. Дневник. *Пушкин и его с-ки*, XIX—XX, 94.

Пушкин написал и напечатал две преругательные эпитаммы на Каченовского. Пушкин бесится на него за то, что помещает статьи Надеждина, где колют его нравственность... Пушкин собирается писать историю Малороссии; но я не думаю, чтобы он был способен к труду медленному и часто мелочному по необходимости.—Он теперь увивается в Москве около Ушак.

У меня обедали: Пушкин, Мицкевич, Аксаков, Верстовский etc. Разговор был занимателен от... до евангелия. Но много было сального, которое не понравилось.

М. П. ПОГОДИН — С. П. Шевыреву, 28 апр. 1829 г., из Москвы. *Рус. Арх.*, 1882, III, 81.

Пушкин увлекал, изумлял слушателей живостью, тонкостью и ясностью ума своего, был одарен необыкновенною памятью, суждением верным, вкусом утонченным и превосходным. Когда говорил он о политике внешней и отечественной, можно было думать, что слушаешь человека заматеревшего в государственных делах и пропитанного ежедневным чтением парламентарных прений. Я довольно близко и довольно долго знал русского поэта; находил я в нем характер слишком впечатлительный, а иногда легкомысленный, но всегда искренний, благородный и способный к сердечным излияниям. Погрешности его казались плодами обстоятельств, среди которых он жил: все, что было в нем хорошего, вытекало из сердца. В этой эпохе он прошел только часть того поприща, на которое был призван, ему было тридцать лет. Те, которые знали его в это время, замечали в нем значительную перемену. Вместо того, чтобы с жадностью пожирать романы и заграничные журналы, которые некогда занимали его исключительно, он ныне более любил вслушиваться в рассказы народных былин и песней и углубляться в изучение отечественной истории. Казалось, он окончательно покидал чуждые области и пускал корни в родную почву. Одновременно разговор его, в котором часто прорывались задатки будущих творений его, становился обдуманнее и степеннее. Он любил обращать рассуждения на высокие вопросы религиозные и общественные, о существовании коих соотечественники его, казалось, и понятия не имели. Очевидно, подавался он внутреннему преобразованию.

АДАМ МИЦКЕВИЧ. Биографическое и литературное известие о Пушкине. *Le Globe*, 25 мая 1837 г. Перевод кн. П. А. Вяземского. Соч., т. VII, 315.

Когда П. В. Нащокин был еще холост, Пушкин, проездом через Москву, остановившись у него, слушал, как какой-то господин, живший в ме-

Граф Александр Христофорович
БЕНКЕНДОРФ
(шеф жандармов)

Г. Доу.

ИНЛИ.

Максим Яковлевич
ФОН - ФОК
(управляющий III отделением)

Литография по рис. Фридрица.

ИНЛИ.

звониле против квартиры Нащокина, целый день пиликал на скрипке блию и то же. Это надоело поэту, и он послал лакея сказать незнакомому музыканту: «Нельзя ли сыграть второе колено?» Конечно, тот вломился в амбизию ¹⁾).

В. А. НАЩОКИНА. Воспоминания. *Нов. Время*, 1898, № 8122, илл. прилож.

Пушкин, после бурных годов своей молодости, был страстно влюблен в московскую красавицу Гончарову, которая действительно могла служить идеалом преческой правильной красоты.

А. Н. МУРАВЬЕВ. Знакомство с русскими поэтами. Киев. 1871. Стр. 10.

Пушкин, влюбившись в Гончарову, просил Американца графа Толстого, старинного знакомого Гончаровых, чтобы он съездил к ним и испросил позволения привезти Пушкина. На первых порах Пушкин был очень застенчив, тем более, что вся семья обращала на него большое внимание. Пушкину позволили ездить. Он беспрестанно бывал. А. П. Малиновская (супруга известного археолога) по его просьбе уговаривала в его пользу, но с Натальей Ивановной (матерью) у них бывали частые размолвки, потому что Пушкину случалось проговариваться о проявлениях благочестия и об императоре Александре Павловиче, а у Натальи Ивановны была особая модельня со множеством образов, и про покойного государя она выражалась не иначе, как с благоговением. Пушкину напрямик не отказали, но отозвались, что надо подождать и посмотреть, что дочь еще слишком молода и пр.

С. Н. ГОНЧАРОВ (брат буд. жены Пушкина) по записи Бартенева. *Рус. Арх.*, 1881, II, 497.

Когда я увидел ее в первый раз, красоту ее только что начинали замечать в обществе. Я ее полюбил, голова у меня закружилась; я просил ее руки. Ответ ваш, при всей его неопределенности, едва не свел меня с ума; в ту же ночь я уехал в армию. Спросите,—зачем? Клянусь, сам не умею сказать; но тоска произвольная гнала меня из Москвы: я бы не мог в ней вынести присутствия вашего и ее.

ПУШКИН—Нат. Ив. Гончаровой (матери будущей его жены), в перв. полов. апреля 1830 г. (фр.).

На коленях, проливая слезы благодарности,—вот как должен бы я писать вам теперь, когда граф Толстой привез мне ваш ответ: этот ответ—не отказ, вы мне позволите надеяться. Тем не менее, если я еще роппу, если грусть и горечь примешиваются к чувству счастья,—не обвиняйте меня в неблагодарности. Простите нетерпение сердца больного и пьяного от счастья. Я еду сейчас, я увожу в глубине души образ небесного существа, обязанного вам своим существованием.

ПУШКИН—Нат. Ив. Гончаровой, 1 мая 1829 г. (фр.).

---

¹⁾ У холостого Нащокина Пушкин останавливался в Москве в марте—апреле 1829 г. и в декабре 1831 г. Наверяд ли в декабре, при закрытых окнах, Пушкин мог слышать музыканта из противоположной квартиры.

ОГЛАВЛЕНИЕ I ТОМА

	<i>Стр.</i>
Предисловия	5
I. Предки Пушкина	13
II. Детство	26
III. В лицее	36
IV. Петербург	61
V. В Екатеринославе — на Кавказе — в Крыму	91
VI. В Кишеневе	100
VII. В Одессе	132
VIII. В Михайловском	161
IX. В Москве	203
X. От переезда в Петербург до путешествия в Арзерум	236

А. С. ПУШКИН

В. А. Тропинин.

Госуд. Третьяковская галерея.

В. ВЕРЕСАЕВ

ПУШКИН

В

ЖИЗНИ

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ СВОД
ПОДЛИННЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВ
СОВРЕМЕННОКОВ

*С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ
НА ОТДЕЛЬНЫХ ЛИСТАХ*

ИЗДАНИЕ ПЯТОЕ
ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ

II

«АКАДЕМІА»
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

1932

XI

ПУТЕШЕСТВИЕ В АРЗРУМ

(Май—сентябрь 1829 г.)

Из Москвы поехал я на Калугу, Белев и Орел, и сделал таким образом двести верст лишних, зато увидел Ермолова.

ПУШКИН. *Путешествие в Арзрум*, гл. I.

(Начало мая 1829 г.). Был у меня Пушкин. Я в первый раз видел его и, как можешь себе сообразить, смотрел на него с живейшим любопытством. В первый раз не знакомятся коротко, но какая власть высокого таланта! Я нашел в себе чувство, кроме невольного уважения.

Генерал А. П. ЕРМОЛОВ—Денису Вас. Давыдову.
Старина и новизна, XXII, стр. 38.

Мне предстоял путь через Курск и Харьков, но я своротил на прямую Тифлисскую дорогу. Несколько раз коляска моя вязала в прязи, достойной грязи Одесской. Мне случилось в целые сутки проехать не более пятидесяти верст. Наконец, увидел я Воронежские степи, свободно покатился по зеленой равнине и благополучно прибыл в Новочеркасск, где нашел гр. Вл. Пушкина, тоже едущего в Тифлис. Я сердечно ему обрадовался, и мы согласились путешествовать вместе. Он едет в огромной бричке. Это род укрепленного местечка; мы ее прозвали *Отрадною*. В северной ее части хранятся вина и съестные припасы; в южной—книги, мундиры, шляпы, etc, etc. С западной и восточной стороны она защищена ружьями, пистолетами, мушкетонами, саблями и проч. На каждой станции выгружается часть северных запасов, и таким образом мы проводим время как нельзя лучше.

Переход от Европы к Азии делается час от часу чувствительнее: леса исчезают, холмы сглаживаются, трава густеет... Калмыки располагаются около станционных хат. У кибиток их пасутся уродливые, кооматые козы. На-днях посетил я калмыцкую кибитку (клетчатый плетень, обтянутый белым войлоком). Все семейство собиралось завтракать; котел варился по-середине, и дым выходил в отверстие, сделанное вверху кибитки. Молодая калмычка, собою очень недурная, шила, куря табак. Я сел подле нее. Как тебя зовут?—***.—Сколько тебе лет?—Десять и восемь.—Что ты шьешь?—Портка.—Кому?—Себя. (*В черновике*:—Поцелуй меня.—Неможна, стыдно.—Голос ее был чрезвычайно приятен). Она подала мне свою трубку и стала завтракать. В котле варился чай с бараньим жиром и солью. Она предтожила мне свой ковшик. Я не хотел отказаться и хлебнул, стараясь не пере-

вести духа. Не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести что-нибудь гаже. Я попросил чемнибудь заесть. Мне дали кусочек сушеной кобылятины; я был и тому рад. (В черновике:—После сего подвига я думал, что имею право на некоторое вознаграждение, но моя гордая красавица ударила меня балалайкой по голове). Калмыцкое кокетство испугало меня: я поскорее выбрался из кибитки и поехал от степной цирцеи.

С Екатеринограда начинается военная Грузинская дорога; почтовый тракт прекращается. Нанимают лошадей до Владикавказа. Дается конвой казачий и пехотный и одна пушка. Почта отправляется два раза в неделю, и проезжие к ней присоединяются: это называется *оказией*.

ПУШКИН. Путешествие в Арзрум, гл. I.

* В Екатериноградской станции встретил я Пушкина... Все начало принимать воинственный вид, в ожидании скорого отправления. Пушкин из первых оделся в черкесский костюм, вооружился шашкой, кинжалом, пистолетом; подражая ему, многие из мирных людей накупили у казаков кавказских нарядов и оружия. Наконец, наступило раннее утро, и под звуки барабана, все зашевелилось, и колонна выступила длинною вереницей; чтобы пехоту не утомлять, двигались очень медленно; но все-таки без привалов дело не обходилось. Палящее солнце днем, тихая езда,— все это очень нам надоело. Пушкин затевал скачки, другие, тоже подражая ему, далеко удалялись за цепь, но всегда были возвращаемы обратно командовавшим транспортом офицером, предупреждавшим об опасности быть захваченным или подстреленным хищниками. Тогда Пушкин, подъезжая к офицеру, брал под козырек и произносил: «слушаем, отец командир!» Переходы в длинные летние дни верст 20 и более тоже надоели; в каждом укреплении располагались на ночлег. На ночлегах начиналось чаепитие, ужины, веселые разговоры, песни, иногда продолжавшиеся до рассвета. Пушкин очень любил расписывать двери и стены мелом и углем в отводившихся для ночлега казенных домках. Его рисунки и стихи очень забавляли публику, но вместе с тем возбуждал недовольствие и ворчанье старых инвалидов-сторожей, которые немедленно стирали все тряпкой; когда же их останавливали, говоря: «братцы, не троньте, ведь это писал Пушкин», то раз один из старых ветеранов ответил: «Пушкин или Кукушкин — все равно, но зачем же казенные стены пачкать, комендант за это с нашего брата строго взыскивает». А С—ч, подойдя к старику-инвалиду, просил не сердиться, потрепал его по плечу и дал на водку серебряную монету.

Н. Б. ПОТОКСКИЙ. Рус. Стар., 1880, т. 28, стр. 577.

(Между Владикавказом и Тифлисом). Скоро притупляюсь впечатления. Едва прошли сутки, и уже рев Терека и его безобразные водопады, уже утесы и пропасти не привлекали моего внимания. Нетерпенье доехать до Тифлиса исключительно овладело мною. Я столь же равнодушно ехал мимо Казбека, как некогда плыл мимо Чатырдага. Правда то, что дождливая и туманная погода мешала мне видеть его снеговую гряду, по выражению поэта, *подпирающую небосклон*.

ПУШКИН. Путешествие в Арзрум, гл. I.

* Около заката солнца прибыли в Коби. В ожидании чая и ужина наше общество разбрелось по окрестностям поста, любоваться окружающими

его скалами. В двух верстах находится довольно большой аул. Пушкину пришла мысль осмотреть его; нас человек 20 отправилось в путь. Ал. С—ч набросил на плечи плащ и на голову надел красную турецкую фесс, захватив по дороге толстую, суюватую палку, и, так, выступая впереди публики, открыл шествие. У самого аула толпа мальчишек встретила нас и робко начала отступать, но тут появилось множество горцев, взрослых мужчин и женщин с малютками на руках. Началось осматриванием внутренностей саклей, которые охотно отворялись, но, конечно, ничего не было в них привлекательного; разумеется, при этом дарились мелкие серебряные деньги, принимаемые с видимым удовольствием; наконец, мы обошли весь аул и, собравшись вместе, располагали вернуться на пост к чаю. Густая толпа все-таки нас не оставляла. Осетины, обыватели аула, расспрашивали нашего переводчика о красном человеке; тот отвечал им, что это «большой господин». Ал. С—ч вышел вперед и приказал переводчику сказать им, что «красный—не человек, а шайтан (чорт); что его поймали еще маленьким в горах русские; между ними он привык, вырос и теперь живет подобно им». И когда тот передал им все это, толпа начала понемногу отступать, видимо, испуганная; в это время Ал. С—ч поднял руки вверх, соорудил сатирическую гримасу и бросился в толпу. Поднялся страшный шум, визг, писк детей,—горцы бросились врассыпную, но, отбежав, начали бросать в нас камнями, а потом и приближаться все ближе, так что камни засвистели над нашими головами. Эта шутка Ал. С—ча могла кончиться для нас очень печально, если бы постовой начальник не поспешил к нам с казаками; к счастью, он увидел густую толпу горцев, окружившую нас с шумом и гамом, и подумал о чем-то недобром. Известно, насколько суеверный, дикий горец верит в существование злых духов в Кавказских горах. Итак, мы отретировались благополучно.

Н. Б. ПОТОКСКИЙ. Воспоминания. Рус. Стар., 1880, т. 28, стр. 579.

(В Грузии). В Пайсанауре остановился я для перемены лошадей... Я пошел пешком, не дождавшись лошадей... Я дошел до Анапура, не чувствуя усталости. Лошади мои не приходили. Мне сказали, что до города Душета осталось не более как десять верст, и я опять отправился пешком. Но я не знал, что дорога шла в гору. Наступил вечер; я шел вперед, подымаясь все выше и выше. Местами глинистая грязь, образуемая источниками, доходила мне до колена. Я совершенно утомился. Темнота увеличивалась... Наконец, увидел я огни и около полуночи очутился у домов, осененных деревьями. Первый встречный вызвался провести меня к городничему и требовал за то с меня абаз. Появление мое у городничего, старого офицера из грузин, произвело большое действие. Я требовал, во-первых, комнаты, где бы мог раздеться, во-вторых, стакан вина, в-третьих, абазы для моего провожатого. Городничий не знал, как меня принять, и поглядывал на меня с недоумением. Видя, что он не торопится исполнить мои просьбы, я стал перед ним раздеваться, прося извинения de la liberté grande. К счастью, нашел я в кармане подорожную, доказывавшую, что я мирный путешественник, а не Ринальдо-Ринальдини. Благословенная хартия возымела тотчас свое действие: комната была мне отведена, стакан вина принесен, и абазы выданы моему проводнику, с отеческим выговором за его корыстолюбие, оскорбительное для грузинского гостеприимства. Я бросился на диван, надеясь после моего подвига заснуть богатырским сном,—не тут-то было! Блохи напали на меня и во всю ночь не дали мне покою. По утру явился ко мне человек и объявил, что граф Пушкин благополучно переправился на волах через снеговые горы и прибыл в Душет. Нужно было мне торопиться! Граф Пушкин

и Шернваль посетили меня и предложили опять отправиться вместе в дорогу. Я оставил Душет с приятною мыслью, что ночью в Тифлисе.

ПУШКИН. Путешествие в Арзрум, гл. I.

(Пушкин приехал в Тифлис 27 мая, пробыл в нем около двух недель, до 10 июня). Ежедневно производил он странности и шалости, ни на кого и ни на что не обращая внимания. Всего больше любил он армянский базар,— торговую улицу, узенькую, грязную и шумную... Отсюда шли о Пушкине самые поражающие вещи: там видели его, как он шел, обнявшись с татаринном, в другом месте он переносил в открытую целую стопку чурехов. На Эриванскую площадь выходил в шинели, накинутой прямо на ночное белье, покупая груши, и тут же, в открытую и не стесняясь никем, поедал их... Перебегает с места на место, минуты не посидит на одном, смешит и смеется, яхшается на базарах с прязным рабочим муштаидом и только что не прыгает в чехарду с уличными мальчишками. Пушкин в то время пробыл в Тифлисе, в общей сложности дней, всего лишь одну неделю, а заставил говорить о себе и покачивать многодумию головами не один год потом 1).

Кн. Е. О. ПАЛАВАНДОВ по записи С. В. Максимова. С. Максимов. Год на севере. 4 изд. М. 1890. Стр. 408—409.

Однажды, это было в Тифлисе, за обедом у издателя Тифлисской газеты Санковского, когда разговор коснулся до оды Пушкина «Наполеон», я, по младости и живости моего характера, необдуманно позволил себе заметить А. С. Пушкину, что он весьма слабо изобразил великого полководца, назвавши его баловнем побед, тогда как Наполеон по своим гениальным воинским способностям побеждал не случайно, а по расчету. Пушкин, взглянувши на

1) Для характеристики легенд, творившихся о Пушкине, приводим еще отрывок из этих же воспоминаний. «Наша грузинская аристократия приготовила в Тифлисе роскошный пир в честь нового наместника, графа Паскевича. За почетным обедом, между прочим, для парада прислуживали сыновья самых родовитых фамилий в качестве пажей. Так как и я числился в таких же, то также присутствовал тут. Я был поражен и не могу забыть испытанного изумления: резко бросилось мне в глаза на этом обеде лицо одного молодого человека. Он показался мне с растрепанной головой, непричесанным, долгоносым. Он был во фраке и белом жилете. Последний был испачкан так, что мне казалось, что он нюхал табак (кн. Палавандов особенно настаивал на этом предположении). Он за стол не садился, закусывал на ходу. То подойдет к графу, то обратится к графине, скажет им что-нибудь на ухо, те рассмеются, а графиня просто прыскала от смеха. Эти шутки составляли потом предмет толков и разговоров во всех аристократических кружках: откуда взялся он, в каком звании состоит и кто он такой, смелый, веселый, безбоязненный? Все это казалось тем более поразительным и загадочным, что даже генерал-ад'ютанты, состоявшие при кавказской армии, выбирали время и добрый час, чтобы ходить к главнокомандующему с докладами, и опрашивали ад'ютантов, в каком духе на этот раз находится Паскевич. А тут—помилуйте!—какой-то господин безнаказанно заигрывает с этим зверем и даже смешит его. Когда указали, что он русский поэт, начали смотреть на него, по нашему обычаю, с большею снисходительностью. Готовы были отдать ему должное почтение, как отмеченному божьим перстом, если бы только могли примириться с теми странностями и шалостями, какие ежедневно производил он... Не вяжется представленное, не к таким видам привыкли. Наши поэты степеннее и важнее самих ученых» (там же).—Пушкин приехал в Тифлис 27 мая. Между тем, уже 19 мая Паскевич со штабом прибыл из Тифлиса на фронт, оставив в Тифлисе вновь назначенного военным губернатором Грузии ген.-ад'ютанта Стрелкалова (Кн. Щербатов. Генерал-фельдмаршал кн. Паскевич. Том III. Спб. 1891. Стр. 177). И за все время пребывания Пушкина в Закавказьи Паскевич оставался на фронте и не приезжал в Тифлис.

меня не совсем благосклонно, принял мою выходку строптиво: быстро перервал разговор и замолчал. Впоследствии времени, когда уже мы сошлись ближе, он один раз, бывши в самом веселом расположении духа, напомнил мне об этом с извинением передо мною, что юн круто принял мое замечание, а я, в свою очередь, со всем чистосердечием, сознался ему, что и я не имел права так резко произнести мой приговор в присутствии его, не бывши знаком с ним коротко. Так это и кончилось общим смехом.

В бытность Пушкина в Тифлисе, общество молодых людей, бывших на службе, было весьма образованное и обратило особенное внимание Пушкина, который встретил в среде их некоторых из своих лицейских товарищей. Всякий, кто только имел возможность, давал ему частный праздник или обед, или вечер, или завтрак, и, конечно, всякий жаждал беседы с ним. Наконец, все общество, соединившись в одну мысль, положило сделать в честь его общий праздник, устройство которого было возложено на меня. Из живописных окрестностей Тифлиса не трудно было выбрать клочок земли для приветствия русского поэта. Выбор мой пал на один из прекрасных загородных виноградных садов за рекою Кур. В нем я устроил праздник нашему дорогому гостю в европейско-восточном вкусе. Тут собрано было: разная музыка, песельники, танцовщики, баядерки, трубадуры всех азиатских народов, бывших тогда в Грузии. Весь сад был освещен разноцветными фонарями и восковыми свечами на листьях деревьев, а в середине сада возвышалось вензелевое имя виновника праздника. Более 30 единодушных хозяев праздника заранее столпились у входа сада восторженно встретить своего дорогого гостя.

Едва показался Пушкин, как все бросились приветствовать его громким ура с выражением привета, как кто умел. Весь вечер пролетел незаметно в разговорах о разных предметах, рассказах, смешных анекдотах и пр. Одушевление всех было общее. Тут была и зурна, и тамаша, и лезгинка, и заунывая персидская песня, и Ахало, и Алаверды (грузинские песни), и Якши-ол, и Байрон был на сцене, и все европейское, западное смешалось с восточно-азиатским разнообразием в устах образованной молодежи, и скромный Пушкин наш приводил в восторг всех, забавлял, восхищал своими мылыми рассказами и каламбурами. — Действительно, Пушкин в этот вечер был в апопезе душевного веселья, как никогда и никто его не видел в таком состоянии расположения духа; он был не только говорлив, но даже красноречив, между тем как обыкновенно он бывал более молчалив и мрачен. Как оригинально Пушкин предавался этой смеси азиатских увеселений. Как часто он вскакивал с места, после перехода томной персидской песни в плясовую лезгинку, как это пестрое разнообразие европейского с восточным ему нравилось и как он от души предавался ребячей веселости! Несколько раз повторялось, что общий серьезный разговор останавливался при какой-нибудь азиатской фарсе, и Пушкин, перерывая речь, бросался слушать или видеть какую-нибудь тамашу грузинскую или имеретинского импровизатора с вольнякой. Вечер начинал уже сменяться утром. Небо начало уже румяниться, и все засуетилось приготовлением русского радушно хлеба-соли нашему незабвенному гостю. Митом закрасовался ужинный стол, установленный серебряными вазами с цветами и фруктами и чашами, и все ообралось в теснейший кружок еще поближе к Пушкину, чтобы послушаться побольше его речей и взглядеться на него. Все опять заговорило, завеселилось, запело. Когда торжественно провозглашен был тост Пушкина, снова застонало новое ура при искрах шампанского. Крики ура, все оркестры, музыка и пение, чокание бокалов и дружеские поцелуи смешались в воздухе. Когда европейский оркестр во время заздравного тоста Пушкина заиграл марш из *La dame blanche*, на русского Торквата надели венок из цветов и начали его поднимать на плечах своих при непрерывном ура, заглушавшем гром музыки. Потом посадили его на возвышение, украшенное цветами и растениями, и всякий из нас под-

ходил к нему с заздравным бокалом и выражали ему, как кто умел, свои чувства, свою радость видеть его среди себя. На все эти приветы Пушкин молчал до времени, и одни теплые слезы высказывали то глубокое приятное чувство, которым он тогда был проникнут. Наконец, когда умолкли несколько голоса восторженных, Пушкин в своей стройной благоуханной речи излил перед нами душу свою, благодаря всех нас за торжество, которым мы его почтили, заключивши словами: «Я не помню дня, в который бы я был веселее нынешнего; я вижу, как меня любят, понимают и ценят, — и как это делает меня счастливым!» Когда он перестал поворить, — от избытка чувств бросился ко всем с самыми горячими объятиями и задушевно благодарил за эти незабвенные для него приветы. До самого утра пировали мы с Пушкиным.

К. И. САВОСТЬЯНОВ. Письмо к Вл. П. Горчакову. *Пушкин и его совр-ки*, XXXVII, 146—148.

Генерал Стрекалов, известный гастроном, позвал однажды меня обедать; по несчастью, у него разносили кушанья по чинам, а за столом сидели английские офицеры в генеральских эполетах. Слуги так усердно меня обносили, что я встал из-за стола полудный. Чорт побери тифлисского гастронома!

ПУШКИН. Путешествие в Арзрум, гл. II.

Я с нетерпением ожидал разрешения моей участи (*разрешения приехать на фронт*). Наконец, получил я записку от Раевского (*Ник. Ник.—ча младшего, старинного приятеля Пушкина, в то время командовавшего Нижегородским драгунским полком*). Он писал мне, чтобы я спешил к Карсу, потому что через несколько дней войско должно было итти дальше. Я выехал на другой же день (*10 июня*). (*Действующие войска уже выступили из Карса и стояли за 25 верст от него*). Я вз'ехал на отлогое возвышение и вдруг увидел наш лагерь, расположенный на берегу Карс-чая; через несколько минут я был уже в палатке Раевского. Я приехал во-время. В тот же день (*13 июня*) войско получило повеление итти вперед.

ПУШКИН. Путешествие в Арзрум, гл. II—III.

Я жил (*в одной палатке*) с братом Пушкина Львом, бок-о-бок с нашим двадцатисемилетним генералом (*Н. Н. Раевским*), при котором мы оба были ад'ютантами, но не в ад'ютантских, а дружеских отношениях. Я лежал в пароксизме лихорадки, бывшей меня по-азиатски; вдруг я слышу, что кто-то подошел к палатке и спрашивает: дома ли? На этот вопрос Василий, слуга Льва Пушкина, отвечает, открывая палатку: «Пожалуйте, Александр Сергеевич!» При этом имени я понял, что Пушкин, которого мы ждали, приехал. Когда он вошел, я приюднялся на кровати и стал, со стужом зубов, выражать сожаление, что лихорадка мешает мне принять его, как бы я желал, в отсутствие его брата. Пушкин пустился, с своей стороны, в извинения и, по выходе, стал выговаривать Василию, что он впустил его, ничего не сказавши о больном. После пароксизма я отправился к Раевскому, где и познакомился с поэтом.

Как теперь вижу его, живого, простого в обращении, хохотуна, очень подвижного, даже вертлявого, с великолетными, большими, чистыми и ясными глазами, в которых, казалось, отражалось все прекрасное в природе, с белыми, блестящими зубами, о которых он очень заботился, как Байрон. Он вовсе не был смугл, ни черноволос, как уверяют некоторые, а был вполне белокож

с вьющимися волосами каштанового цвета. В детстве он был совсем белокур, каким и остался брат его Лев. В его облике было что-то родное африканскому типу; но не было того, что оправдывало бы его стих о самом себе: «Потомок негров безобразный». Напротив того, черты лица у него были приятные, и общее выражение очень симпатичное. Его портрет, работы Кипренского, похож безукоризненно. В одежде и во всей его наружности была заметна светская заботливость о себе.

М. В. ЮЗЕФОВИЧ. Воспоминания о Пушкине.
Рус. Арх., 1880, III, 434.

Лев Сергеевич Пушкин похож лицом на своего брата; тот же африканский тип, те же толстые губы (*большой нос*), умные глаза; но он блондин, хотя волосы его так же вьются, как черные кудри Александра Сергеевича¹⁾.

Н. И. ЛОРЕР. Записки. Рус. Арх., 1874, I, стр. 384.

В пятом часу войско выступило. Я ехал с Нижегородским драгунским полком, разговаривая с Раевским, с которым уже несколько лет не видался. Настала ночь. Мы остановились в долине, где все войско имело привал. Здесь имел я честь быть представлен графу Паскевичу. Я нашел прафа дома, перед бивачным огнем, окруженного своим штабом. Он был весел и принял меня ласково. Здесь увидел я нашего Вальховского (*начальника штаба Паскевича, лицейский товарищ Пушкина*), запяленного с ног до головы, обросшего бородой, изнуренного заботами. Он нашел, однако, время побеседовать со мною, как старый товарищ. Здесь увидел я и Михаила Пушина, раненого в прошлом году (*разжалованный декабрист, брат Ивана Пушина, лицейского товарища Пушкина*). Многие из старых моих приятелей окружили меня. Я воротился к Раевскому и ночевал в его палатке. На заре войско двинулось. Мы благополучно прошли опасное ущелье и стали на высотах Саган-лу, в десяти верстах от неприятельского лагеря. Только успели мы отдохнуть и отобедать, как услышали ружейные выстрелы. Раевский послал осведомиться. Ему донесли, что турки завязали перестрелку на передовых наших пикетах. Я поехал с Семичевым посмотреть новую для меня картину.

ПУШКИН. Путешествие в Арзрум, гл. III.

Однажды, возвращаясь из раз'езда, я сошел с лошади прямо в палатку Николая Раевского, чтобы первого его порадовать скорою неминуемою встречей с неприятелем, которой все в отряде с нетерпением ожидали. Не могу описать моего удивления и радости, когда тут А. С. Пушкин бросился меня целовать, и первый его вопрос был: «Ну, скажи, Пушкин: где турки, и увижу ли я их; я говорю о тех турках, которые бросаются с криком и оружием в руках. Дай, пожалуйста, мне видеть то, за чем сюда с такими препятствиями приехал!» — «Могу тебя порадовать: турки не замедлят предста-

¹⁾ Слова «большой нос», находящиеся в рукописи, Бартечевым выпущены. Слова эти в рукописи неизвестною рукою зачеркнуты карандашом и над ними написано: «плоский, широкий нос», а на полях тою же рукою: «Что вы, Николай Иванович! Откуда у Левушки взялся большой нос? У обоих братьев носы, напротив, были очень небольшие». Дальше на полях, против слов: «черные кудри Ал. С—ча»: «И это не так: у Ал. С—ча волосы были довольно светлого каштанового цвета». (Рукопись, находящаяся в библиотеке Комму. Академии, I, 417—418). Из других пометок неизвестного можно заключить, что он лично знал Ал. С. Пушкина.

виться тебе на смотр, полагаю даже, что они сеподня вызовут нас из нашего бездействия». Живые разговоры с Пушкиным, Раевским и Сакеном (начальником штаба, вошедшим в палатку, куда узнал, что я возвратился) за стаканом чая, приготовили нас встретить пурок грудью. Пушкин радовался, как ребенок, тому ощущению, которое его ожидает. Я просил его не отделяться от меня при встрече с неприятелем, обещал ему быть там, где более опасности, между тем как не желал бы его видеть ни раненым, ни убитым. Раевский не хотел его отпускать от себя, а сам на этот раз, по своему высокому положению, хотел держать себя как можно дальше от выстрела турецкого, особенно же от их сабли или курдинской пики. — Пушкину же мое предложение более улыбалось. В это время вошел Семичев (майор Нижегородского драгунского полка, посланный на Кавказ из Ахтырского гусарского полка) и предложил Пушкину находиться при нем, когда он выедет вперед с фланкерами полка.

Еще мы не кончили обеда у Раевского с Пушкиным, его братом Львом и Семичевым, как пришли сказать, что неприятель показался у аванпостов. Все мы бросились к лошадям, с утра оседланным... Не успел я выехать, как уже попал в схватку казаков с наездниками турецкими, и тут же встречаю Семичева, который спрашивает меня, не видал ли я Пушкина? Вместе с ним мы поскакали его искать и нашли отделившегося от фланжирующих драгун, скачущего, с саблею на-голо, против турок, на него летящих. Приближение наше, а за нами улан с Юзефовичем, скакавшим нас выручать, заставило турок в этом пункте удалиться, — и Пушкину не удалось попробовать своей сабли над турецкою башкою, и он, хотя с неудовольствием, но нас более не покидал, тем более, что нападение турок со всех сторон было отражено, и кавалерия наша, преследовав их до самого укрепленного их лагеря, возвратилась на прежнюю позицию до наступления ночи.

М. И. ПУЩИН. Встреча с Пушкиным за Кавказом. *Л. Майков*, 387—389.

Перестрелка 14 июня 1829 г. замечательна потому, что в ней участвовал славный поэт наш А. С. Пушкин... Когда войска, совершив трудный переход, отдыхали в долине Инжа-Су, неприятель внезапно атаковал передовую цепь нашу. Поэт, в первый раз услышав около себя столь близкие звуки войны, не мог не уступить чувству энтузиазма. В поэтическом порыве он тотчас выскочил из ставки, сел на лошадь и мгновенно очутился на аванпостах. Опытный майор Семичев, посланный генералом Раевским вслед за поэтом, едва не достигнул его и вывел насильно из передовой цепи казаков в ту минуту, когда Пушкин, одушевленный отвагою, столь свойственною новобранцу-воину, схватив пику после одного из убитых казаков, устремился против неприятельских всадников. Можно поверить, что Донцы наши были чрезвычайно изумлены, увидев перед собою незнакомого героя в круглой шляпе и в бурке. Это был первый и последний военный дебют любимца Муз на Кавказе.

Н. И. УШАКОВ. *История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 гг.* Часть вторая. Варшава. 1843. Стр. 303.

С Раевским Пушкин занимал палатку в лагере его полка, от него не отставал и при битвах с неприятелем. Так было между прочим в большом Саганлутском деле. Мы, пионеры, оставались в прикрытии штаба и занимали высоту, с которой, не сходя с коня, Паскевич наблюдал за ходом сражения. Когда главная масса турок была опрокинута, и Раевский с кавалерией стал их пре-

следовать, мы завидели скачущего к нам во весь опор всадника: это был Пушкин, в кургузом пиджаке и маленьком цилиндре на голове. Осадив лошадь в двух-трех шагах от Паскевича, он снял свою шляпу, передал ему несколько слов Раевского и, получив ответ, опять понесся к нему же, Раевскому. Во время пребывания в отряде Пушкин держал себя серьезно, избегал новых встреч и сходил только с прежними своими знакомыми, при посторонних же всегда был молчалив и казался задумчивым.

А. С. ГАНГЕБЛОВ. *Воспоминания декабриста*. М., 1888, стр. 188.

М. В. Юзефович рассказывал о Пушкине, с которым познакомился на Кавказе и был с ним под Эрзерумом. Он говорил, что Пушкину очень хотелось побывать под ядрами неприятельских пушек и, особенно, слышать их свист. Желание его исполнилось, ядра, однако, не испугали его, несмотря на то, что одно из них упало очень близко.

НИКИТЕНКО. II. 403.

Александр очень весел, судя по письму... Повидимому, он в восторге от своего путешествия. В письме к Плетневу он дает подробную картину своего образа жизни в походе. Он ездит на казацкой лошади, с нагайкой в руке.

С. Л. ПУШКИН (отец поэта)—О. С. Павлицевой, 22 авг. 1829 г. *Пушкин. Письма*, изд. гос. изд., т. II. 344. (Фр.).

Лагерная жизнь очень мне нравилась. Пушка подымала нас на заре. Сон в палатке удивительно здоров. За обедом заливали мы азиатский шашлык английским пивом и шампанским, застывшим в снегах Таврийских.

ПУШКИН. *Путешествие в Арзрум*, гл. III.

Пушкин писал письма Нащокину и с Кавказа во второе свое путешествие. В одном из таких писем, сколько помнил Нащокин, Пушкин говорит, что он путешествовал с особым деньщиком, и солдаты, видя его, может быть, одного из русских в тех местах раз'езжающим в статском платье, почитали его немецким попом.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Деятнадцатый Век*, кн. первая, 402.

Пушкин носил и у нас щегольской черный сюртук, с блестящим цилиндром на голове, а потому солдаты, не зная, кто он такой, и видя его постоянно при Нижегородском драгунском полку, которым командовал Раевский, принимали его за полкового священника и звали драгунским батюшкой. Он был чрезвычайно добр и сердечен. Надо было видеть нежное участие, какое он оказывал Донцу Сухорукову, умному, образованному и чрезвычайно скромному литературному собрату, который имел несчастье возбудить против себя гонение тогдашнего военного министра Чернышева, по подозрению в какой-то интриге по делу о преобразовании войска донского. У него, между прочими преследованиями, отняты были все выписки, относившиеся к истории Дона, собранные им в то время, когда он рылся в архи-

вах по поручению Карамзина. Пушкин, узнав об этом, чуть не плакал и все думал, как бы по возвращении в Петербург выхлопотать Сухорукову эти документы.—Во всех речах и поступках Пушкина не было уже и следа прежнего разнузданного повеса. Он даже оказывался, к нашему сожалению, слишком воздержанным застольным собутыльником. Он отстал уже окончательно от всех излишеств... Я помню, как однажды один болтун, думая, конечно, ему угодить, напомнил ему об одной его библейской поэме и стал было читать из нее отрывок; Пушкин вспыхнул, на лице его выразилась такая боль, что тот понял и замолчал. После Пушкин, коснувшись этой глупой выходки, говорил, как он дорого бы дал, чтоб взять назад некоторые стихотворения, написанные им в первой легкомысленной молодости. И ежели в нем еще иногда прорывались наружу неумеренные страсти, то мировоззрение его изменилось уже вполне и бесповоротно. Он был уже глубоко верующим человеком и одумавшимся гражданином, понявшим требования русской жизни и отрешившимся от утопических иллюзий.

В своем тесном кругу бывали у нас с Пушкиным откровенные споры. Я был ярый спорщик, он тоже. Раевский любил нас подзадоривать и стравливать. Однажды Пушкин коснулся аристократического начала, как необходимо в развитии всех народов; я же щеголял тогда демократизмом. Пушкин, наконец, с жаром воскликнул: «Я не понимаю, как можно не гордиться своими историческими предками! Я горжусь тем, что под выборною грамотой Михаила Федоровича есть пять подписей Пушкиных». Тут Раевский очень смешным сарказмом обдал его, как ушатом воды, и спор наш кончился. Уже после я узнал, по нескольким подобным случаям, об одной замечательной черте в характере Пушкина: об его почти невероятной чувствительности ко всякой насмешке, хотя бы самой невинной и даже пошлой. Против насмешки он оказывался всегда почти безоружным и безответным. Ее впечатление поражало его иногда так глубоко, что оно не сглаживалось в нем во всю жизнь.

«Бориса Годунова» и отрывки последней части «Онегина» Пушкин читал нам сам. Он, по-моему, не был чтецом-мастером: его декламация впадала в искусственность. Лев Сергеевич читал его стихи лучше, чем он. При чтении «Бориса Годунова» случился забавный эпизод. Между присутствующими был генерал М. (*Муравьев?*), известный прежде всего своим колоссальным педантизмом. Во время сцены, когда самозванец, в увлечении, признается Марине, что он не настоящий Дмитрий, М. не выдержал и остановил Пушкина: «Позвольте, Александр Сергеевич, как же такая неосторожность со стороны самозванца? Ну, а если она его выдаст?» Пушкин с заметною досадой: «Подождите, увидите, что не выдаст». После этой выходки Пушкин объявил решительно, что при М. он больше ничего читать не станет; и когда, потом, он собрался читать нам «Онегина», то поставлены были маховые, чтоб дать знать, если будет к нами итти М. Он и шел, но, по данному сигналу, все мы разбежались из палатки Раевского. М. пришел, нашел палатку пустою и возвратился во-свояси. Тогда мы собрались опять, и чтение состоялось.

В бывших у нас литературных беседах я раз сделал Пушкину вопрос, всегда меня занимавший: как он не поддался тогдашнему обаянию Жуковского и Батюшкова и, даже в самых первых своих опытах, не сделался подражателем ни того, ни другого? Пушкин мне ответил, что этим он обязан Денису Давыдову, который дал ему почувствовать еще в лицее возможность быть оригинальным. Пушкин имел хорошее общее образование. Кроме основательного знакомства с иностранной литературой, он знал хорошо нашу историю и вообще для своего серьезного образования воспользовался ссылкой. Так, между прочим, он выучился по-английски. С ним было несколько книг, и в том числе Шекспир. Однажды он, в нашей палатке, переводил брату и мне некоторые из него сцены. Я когда-то учился английскому языку, но, не до-

учившись как следует, забыл его впоследствии. Однакож все-таки мне остались знакомы его звуки. В чтении же Пушкина английское произношение было до того уродливо, что я заподозрил его знание языка и решил подвергнуть его экспертизе. Для этого, на другой день, я зазвал к себе его родственника Захара Чернышева, знавшего английский язык, как свой родной, и предупредив его, в чем было дело, позвал к себе и Пушкина с Шекспиром. Он охотно принялся переводить нам его. Чернышев при первых же словах, прочитанных Пушкиным по-английски, расхохотался: «Ты скажи прежде, на каком языке читаешь?» Расхохотался в свою очередь и Пушкин, объяснив, что он выучился по-английски самоучкой, а потому читает английскую грамоту, как латинскую. Но дело в том, что Чернышев нашел перевод его совершенно правильным и понимание языка безукоризненным.

М. В. ЮЗЕФОВИЧ. Воспоминания о Пушкине.
Рус. Арх., 1880, III, 435—445.

Мы стали подвигаться вперед, но с большою осторожностью. Через несколько дней, в ночном своем раз'езде, я наткнулся на все войско сераскира, выступившее из Гассан-Кале нам навстречу. По сообщенным известиям об этом Пушкину, в нем разыгралась африканская кровь, и он стал прыгать и бить в ладоши, говоря, что на этот раз он непременно схватится с турком; но схватиться опять ему не удалось, потому что он не мог из вежливости оставить Паскевича, который не хотел его отпустить от себя не только во время сражения, но на привалах, в лагере, и вообще всегда, на всех герос и в свободное от занятий время за ним посылал и порядочно—по словам Пушкина—ему надоел. Правду сказать, со всем желанием Пушкина убить или побить турка, ему уже на то не было возможности, потому что неприятель уже более нас не атаковал, а везде до самой сдачи без оглядки бежал, и все сражения, промкие в реляциях, были только преследования неприятеля, который бросал на дороге орудия, обозы, лагеря и отсталых своих людей. Всегда, когда мы сходились с Пушкиным у меня или Раевского, он бесился на турок, которые не хотят принимать столь желанного им сражения.

М. И. ПУЩИН. *Л. Майков*, 389.

(26 июня 1829 г., под Эрзерумом). Вокруг всего порога были выстроенные батареи, которые открыли по нас почти безвредный огонь. Тут я припоминаю немного смешной случай. Когда батарейная рота стала на позицию и снялась с передков, я со своею ротою следовал, чтобы занять подле нее место. Главнокомандующий (*Паскевич*) со штабом, верхом на сером тухменском коне, стоял тут же; несколько офицеров были пешие, Пушкин стоял перед главнокомандующим на чистом месте один. Вдруг первый выстрел из батареи 21 бригады. Пушкин вскрикивает: «славно!» Главнокомандующий спрашивает: «Куда попало?» Пушкин, обернувшись к нему:—«Прямо в город!»—«Гадко, а не славно»,—сказал Ив. Фед—вич (*Паскевич*).

Э. В. БРИММЕР. Служба артиллерийского офицера. *Кавказский сборник*, т. XVI, 1895, стр. 83.

Мы получили от Пушкина письмо из Арзерума, в котором, пишет он, ему очень весело. Дела делает он там довольно: ест, пьет и ездит с нагайкой на казачьей лошади.

Бар. А. А. ДЕЛЬВИГ—кн. П. А. Вяземскому, 30 авг. 1829 г. *Старина и Новизна*, 1902, кн. V, стр. 38.

* От В. Д. Вальховского я узнал некоторые подробности о ссоре Паскевича с Пушкиным. Мне передавали, что, когда Александр Сергеевич прибыл в армию, Паскевич принял его очень радушно и даже велел поставить ему палатку возле своей ставки. Разумеется, Пушкина более влекла к себе задушевная беседа с Вальховским и Раевским. У них-то он проводил все свободное время, и редко посещал свою палатку. До того он рыскал по лагерю, что иногда посланные от главнокомандующего звать Пушкина к обеду не находили его. При всякой же перестрелке с неприятелем, во время движения войск вперед, Пушкина видели всегда впереди скачущих казаков или драгун прямо под выстрелы. Паскевич неоднократно предупреждал Пушкина, что ему опасно зарываться так далеко, и советовал находиться во время дела неотлучно при себе, точь-в-точь как будто адъютанту. Это всегда возмущало пылкость характера и нетерпение Пушкина — стоять сложа руки и бездействовать. Он, как-будто нарочно, дразнил главнокомандующего и, не слушая его советов, при первой возможности, скрывался от него и являлся где-нибудь впереди в самой свалке сражения. После всего этого вышла открытая ссора между Паскевичем и Пушкиным. Наконец, главнокомандующий, видя, что Пушкин явно удаляется от него, призвал к себе в палатку (во время доклада бумаг Вальховского) и резко объявил:

— Господин Пушкин! Мне вас жаль, жизнь ваша дорога для России; вам здесь делать нечего, а потому я советую немедленно уехать из армии обратно, и я уже велел приготовить для вас благонадежный конвой.

Вальховский передал мне, что Пушкин порывисто поклонился Паскевичу и выбежал из палатки, немедленно собрался в путь, попрощавшись с знакомыми и друзьями, и в тот же день уехал. Вальховский передавал мне под секретом еще то, что одною из главных причин неудовольствия главнокомандующего было нередкое свидание Пушкина с некоторыми из декабристов, находившимися в армии рядовыми. Говорили потом, что некоторые личности шпионили за поведением Пушкина и передавали свои наблюдения Паскевичу, разумеется, с прибавлениями, желая тем выслужиться.

Н. Б. ПОТОКСКИЙ. *Рус. Стар.*, 1880, т. 28, стр. 583.

Возвращаясь во дворец, узнал я, что в Арзеруме открылась чума. Мне тотчас представились ужасы карантина, и я в тот же день решил оставить армию. Мысль о присутствии чумы очень неприятна с непривычки. Желая изгладить это впечатление, я пошел гулять по базару. Остановясь перед лавкою оружейного мастера, я стал рассматривать какой-то кинжал, как вдруг ударили меня по плечу. Я оглянулся: за мной стоял ужасный нищий. Он был бледен, как смерть; из красных загноенных глаз его текли слезы. Мысль о чуме опять мелькнула в моем воображении. Я оттолкнул нищего с чувством отвращения неизъяснимого и воротился домой очень недовольный своею прогулкою.

Любопытство, однако же, превозмогло: на другой день я отправился с лекарем в лагерь, где находились зачумленные. Я не сошел с лошади и взял предосторожность встать по ветру. Из палатки вывели нам больного; он был чрезвычайно бледен и шатался, как пьяный. Другой больной лежал без памяти. Осмотрев чумного и обещав несчастному скорое выздоровление, я обратил внимание на двух турков, которые выводили его под руки, раздевали, щупали, как будто чума была не что иное, как насморк. Признаюсь, я устыдился моей европейской робости в присутствии такого равнодушия и поскорее возвратился в город.

19 июля пришел я проститься с графом Паскевичем. Он предлагал мне быть свидетелем дальнейших предприятий; но я спешил в Россию... Граф подарил мне на память турецкую саблю. В тот же день я оставил Арзрум.

ПУШКИН. Путешествие в Арзрум, гл. V.

(М. И. Пущин из Тифлиса в Пятигорск поехал с Дороховым, поставив ему условием ни с кем не драться по дороге. В Душете Дорохов избил по щекам своего и пущинского денщика, после чего Пущин уехал один). Во Владикавказе неожиданно прибегает ко мне Пушкин, объявляя, что он меня догонял, чтобы вместе ехать на воды. Он приехал вместе с Дороховым (который боялся ко мне итти), просил меня простить его и ручался за него, что он не будет более нарушать условие, а между тем в нем так много цинической грации, что сообщество его очень будет для нас приятно. Я согласился на просьбу Пушкина, он привел ко мне Дорохова с повинною, вытянутою фигурою, до того комическую, что мы с Пушкиным расхохотались, и я сделал с обоими новый договор — во все время нашего следования в товариществе до вод в карты между собой не играть. Оба на это согласились. Пушкин приказал притащить ко мне свои и Дорохова вещи и, между прочим, ящик отличного рейнвейна, который ему Раевский дал на дорогу. Мы тут же распили несколько бутылок. — Ехали мы втроем в коляске; иногда Пушкин садился на казачью лошадь и ускакивал от отряда, отыскивая приключений или встречи с горцами, встретив которых намеревался, ускакивая от них, навести их на наш конвой и орудие; но ни приключений, ни горцев он во всю дорогу не нашел. Тяжело было обоим во время привалов и ночлегов; один не смел бить своего денщика, а другой не смел заикнуться о картах, пытаясь, однако, у меня несколько раз о сложении тягостного для него уговора. Один рейнвейн услаждал общую нашу скуку.

Приехали в Пятигорск. Я пошел осматривать источники. По возвращении домой я застал Пушкина с Дороховым и еще Павловского полка офицером Астафьевым, играющих в банк. На замечание мое, что они не исполняют условия, Пушкин отвечал, что условие ими свято выполнено, потому что оно дано было на время переезда к водам. Он был прав, и мне оставалось только присоединиться к их игре. Астафьев порядочно всех нас на первый же раз облудил. Пушкин в этот вечер выиграл несколько червонцев; Дорохов проиграл, кажется, более, чем желал проиграть; Астафьев и Пушкин кончили игру в веселом расположении духа, а Дорохов отошел угрюмый от стола. Когда Астафьев ушел, я спросил Пушкина, как случилось, что, не будучи никогда знаком с Астафьевым, я нашел его у себя с ним играющего. — «Очень просто, — отвечал Пушкин, — мы, как ты ушел, послали за картами и начали играть с Дороховым; Астафьев, проходя мимо, зашел познакомиться; мы ему предложили поставить карточку, и оказалось, что он — добрый малый и любит в карты играть». — «Как бы я желал, Пушкин, чтобы ты скорее приехал в Кисловодск и дал мне обещание с Астафьевым в карты не играть». — «Нет, брат, дудки! Обещания не даю, Астафьева не боюсь и в Кисловодск приеду скорей, чем ты думаешь». Но на поверку вышло не так: более недели Пушкин и Дорохов не являлись в Кисловодск, наконец, приехали вместе, оба продувшиеся до копейки. Пушкин проиграл тысячу червонцев, взятых им на дорогу у Раевского. Приехал ко мне с твердым намерением вести жизнь правильную и много заниматься; приказал моему денщику приводить ему по утрам одну из лошадей моих и ездил кататься верхом. Мне странна показалась эта новая прихоть; но скоро узнал я, что в Солдатской слободке около Кисловодска поселился Астафьев, и Пушкин каждое утро к нему заезжал. Однажды, возвратившись с прогулки,

он высыпал при мне несколько червонцев на стол. — «Откуда, Пушкин, такое богатство?» — «Должен тебе признаться, что я всякое утро заезжаю к Астафьеву и довольствуюсь каждый раз выигрышем у него нескольких червонцев. Я его мелким огнем бью, и вот сколько уже вытащил у него моих денег». Всего было им наиграно червонцев двадцать. Я ему предсказывал, что весь свой выигрыш он разом оставит в один прекрасный день. Узнал я это тогда, когда он попросил у меня 50 червонцев, ехавши на игру... Несмотря на намерение свое много заниматься, Пушкин, живя со мною, мало чем занимался. Вообще мы вели жизнь разгульную, часто обедали у Шереметева, Петра Васильевича, жившего с нами в доме Реброва. Шереметев кормил нас отлично и к обеду своему собирал всегда довольно большое общество. Разумеется, после юбеда «в ненастные дни занимались они делом: и приписывали, и отписывали мелом». Тут явилась замечательная личность, которая очень была привлекательна для Пушкина, сарапульский городничий Дуров (брат «девицы-кавалериста» Дуровой). Цинизм Дурова восхищал и удивлял Пушкина, забота его была постоянная — заставлять Дурова что-нибудь рассказывать из своих приключений, которые заставляли Пушкина хохотать от души; с утра он отыскивал Дурова и поздно вечером расставался с ним.

М. И. ПУЩИН. Встреча с Пушкиным на Кавказе. *Л. Майков*, 391—393.—ОН ЖЕ. Записки. *Рус. Арх.*, 1908, III, 546—548. (Тексты «Встречи» и «Записок» значительно разнятся друг от друга; нами выбрано из обоих наиболее характерное).

Лицейский твой товарищ Пушкин, который с пикой в руках следил турок перед Арзерумом, по взятии оного возвратился оттуда и приехал ко мне на воды, — мы вместе пьем по несколько стаканов кислой воды и по две ванны принимаем в день.

М. И. ПУЩИН—И. И. Пущину, 25 авг. 1829 г., из Кисловодска. *Пушкинский сборник*, вып. III, стр. 324.

Здание старой казенной гостиницы в Кисловодске выстроено в самом парке в 20-х годах из корабельных осен, срубленных под Эльбрусом. Пушкин приехал в Кисловодск вместе с Дороховым и М. Пущиным, жил в этой, тогда только что отстроенной гостинице, а потом в доме доктора Реброва, в компании с П. В. Шереметевым... Дом, описанный Лермонтовым в рассказе «Княжна Мэри», цел до сих пор; это тот самый дом, бывший д-ра Реброва, в котором жил Пушкин, о чем, конечно, хорошо знал Лермонтов, а потому, может быть, и увековечил описание этого дома. Дом—деревянный, старой постройки и архитектуры, с мезонином и деревянными же толстыми колоннами. Из этого-то мезонина, в рассказе Лермонтова, и спускался по привязанной наверху шали Печорин.

И. Н. ЗАХАРЬИН. Кавказские минеральные воды. *Истор. Вестн.*, 1903, № 9, стр. 1019.

Приближалось время отъезда; Пушкин условился ехать с Дуровым до Москвы; но ни у того, ни у другого не было денег на дорогу. Я снабдил ими Пушкина на путевые издержки; Дуров приотился к нему. Из Новочеркаска Пушкин мне писал, что Дуров оказался *chevalier d'industrie*, выиграл у него пять тысяч рублей, которые Пушкин достал у наказного атамана

Иловайского, и, заплативши Дурову, в Новочеркасске с ним раз'ехался и тоскакал один в Москву.

М. И. ПУШКИН. *Л. Майков*, 394.

Я познакомился с Дуровым на Кавказе в 1829 г., возвращаясь из Арзрума. Он лечился от какой-то удивительной болезни, в роде каталепсии, и играл с утра до ночи в карты. Наконец, он проигрался, и я довез его до Москвы в моей коляске.

ПУШКИН. *Заметка о Дурове («Дуров — брат той Дуровой...»)*.

ХП

ПЕРЕД ЖЕНИТЬБОЙ

(сентябрь 1829 — февраль 1831 г.)

Секретно. Честь имею сим донести, что известный поэт, отставной чиновник 10 класса, Александр Пушкин прибыл в Москву и остановился Тверской части, 1-го квартала, в доме Обера, гостинице «Англия», за коим секретный надзор учрежден.

Полицмейстер МИЛЛЕР в рапорте оберполицмейстеру г. Москвы, 20 сент. 1829 г. *Красный Архив*, т. XXXVII, стр. 239.

По записи П. В. Анненкова со слов Н. Н. Ланской (*Гончаровой-Пушкиной*), Пушкин, приехав в Москву по возвращении с Кавказа, «только проехал по Никитской, где был дом Гончаровых, и тотчас же отправился в Малинники к Вульфовым».

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. *Пушкин. Письма*. Т. II. Гос. Изд. Стр. 345.

С. Н. Гончаров помнит хорошо приезд Пушкина с Кавказа. Было утро; мать еще спала, а дети сидели в столовой за чаем. Вдруг стук на крыльце, и вслед за тем в самую столовую влетает из прихожей калоша. Это Пушкин, торопливо раздевавшийся. Войдя, он тотчас спрашивает про Наталью Николаевну. За нею пошли, но она не смела выйти, не спросившись матери, которую разбудили. Будущая теща приняла Пушкина в постели.

С. Н. ГОНЧАРОВ по записи Бартенева. *Рус. Арх.* 1881, II, 498.

Однажды мы сидели в кабинете Василия Львовича (*Пушкина*): он, М. А. Салтыков, Шаликов и я; отворилась дверь, и вошел А. С. Пушкин. Поэт обнял дядю, подал руку Салтыкову и Шаликову; Вас. Л—вич назвал ему меня, мы раскланялись... А. С. рассказывал о своей поездке в Арзрум. Между тем, кн. Шаликов присел к столу и писал. — «Недавно был день вашего рождения, Ал. С—ч, — сказал он поэту. — Я подумал, что никто не воспел такого знаменитого дня и написал вот что». Он подал бумагу Пушкину, тот прочитал, пожал руку и положил записку в карман, не делая нас участниками в высказанных ему похвалах ¹⁾.

А. А. КОНОНОВ. Из записок. *Библиографич. Записки*, 1859, № 10, стр. 307.

¹⁾ В «*Дамском Журнале*» кн. Шаликова (1829, № 41, стр. 27) помещено стихотворение без подписи:

О «Полтаве» Пушкина я первый (1829) писал, как о поэме народной и исторической. Незабвенно мне, как благодарил меня потом за мою статью Пушкин, возвратясь из своего закавказского странствия, где набирался он впечатлений войны под руководством своего друга Н. Раевского. Тогда же, узнав от Пушкина, что он написал «Полтаву», не читавши еще Конисского, я познакомил его с нашим малороссийским историком и подарил ему случившийся у меня список «Истории Руссов», об которой он написал потом прекрасные страницы.

М. А. МАКСИМОВИЧ. Собр. соч., том III. Киев. 1880. Стр. 491.

Сохранился альбом младшей из девиц Ушаковых, Елизаветы Николаевны. Первоначально это был чистенький альбом, который разные неизвестные в литературе лица украшали своими русскими и французскими стихами; но потом тетрадка была предоставлена в распоряжение Пушкина, и он испестрил ее своими рисунками. Видно, что все это набрасывалось в течение долгих бесцеремонных бесед в домашнем кругу. Рисунки Пушкина изображают то мужские лица, то женские головки, то мужские и женские фигуры большею частью в восточных костюмах, — без сомнения, воспоминания из его кавказской поездки 1829 года. На одной картинке изображен человек верхом на лошади, в бурке и круглой шляпе, с пикой на перевес в руке, — это Пушкин во время одной из схваток с турками (14 июня 1829 года). К числу кавказских воспоминаний относится и вид восточного города, с плоскими крышами домов и минаретами; набросав этот вид, Пушкин подписал над ним: «Арзрум, взятый помощью божией и молитвами Екатерины Николаевны 27 июня 1829 г. от Р. Х.», а другая, повидимому, женская рука вставила в эту подпись, после слов «взятый», еще следующее: *мною А. П.*

Альбом Елизаветы Николаевны хранит многие следы шалостей Пушкина. К числу их относятся те рисунки, в которых можно видеть намеки на расположение обладательницы альбома к С. Д. Киселеву. Своими набросками Пушкин как бы предсказывает их супружество. Он несколько раз рисует профиль Елизаветы Николаевны, и притом всегда изображает барышню уже в чепчике, в костюме молодой дамы. Один из рисунков представляет ее с кошкой на руках, и под ним стоит подпись: «Al. Pouch. ripxit. 5 октября 1829». Дважды рисует он и самого С. Д. Киселева, в очках и придавая ему вид пожилого толстяка. Еще одна картинка изображает Елизавету Николаевну, опять в чепчике, окруженную котятками и устремляющую свои вооруженные очками глаза на жирного кота, тоже в очках, который сидит перед нею с поднятою лапкою. Под этой картинкой подпись: «Елизавета Николаевна в день ангела Д.-Жуана». Понятно, кто в данном случае разумелся под этим именем. Дело в том, что обладательница прекрасных черных глаз Елизавета Николаевна была очень близорука и, когда пела, должна была надевать очки, чтобы видеть ноты, положенные на высоком пюпитре. В таком виде и нарисовал ее Пушкин, а перед нею — поместившегося на том же пюпитре кота, который дирижирует лапкою. Она поет одну из тех

К А. С. ПУШКИНУ.

В день рождения.

Когда рождался ты,—хор в Олимпийском мире
Средь небожителей пророчески воспел:
Младенца славный ждет удел—
Пленять сердца игрой на лире.

(Цензурная помета—30 сент. 1829 г.).

арий, исполнением которых особенно восхищался С. Д. Киселев. Рисунок, сейчас описанный, Пушкин называл: «Будущее семейное счастье Лизаветы Миколаевны». Случалось, что, желая сконфузить ее намеком на того, кто ей нравился, Пушкин неожиданно принимался мяукать или звать кошку: «кис, кис, кис», как бы произнося начальные звуки фамилии Сергея Дмитриевича. Иногда Пушкин называл Елизавету Николаевну «кисанькой» и, согласно с таким названием, нарисовал на одном листке альбома кошку, которой придан профиль его обладательницы, у ее ног лежат трупы двух крыс, а вдали победоносно шествует очень маленького роста Дон-Жуан, на которого «кисанька» ласково поглядывает. По преданию, сохранившемуся в семье Киселевых, кошки были вообще любимым произведением пушкинского карандаша; он рисовал их всегда и везде, — в альбоме знакомой барышни, на случайно подвернувшемся клочке бумаги, на зеленом сукне ломберного стола, рисовал их всегда одним и тем же приемом, в одном и том же виде, то-есть свернутыми калачиком, — и этими рисунками, в которых заключался известный намек, немало досаждал Елизавете Николаевне. Зато «Пушкинская кошка» и получила в ее семействе особенное, заветное значение.

Но если Пушкин не стеснялся там в шутках и шалостях, то в свою очередь молодые хозяйки нередко обращали на него свое остроумие. В особенности корили его за непостоянство его сердца, и Пушкин откровенно вился в обилии своих сердечных увлечений: в альбоме Елизаветы Николаевны он собственноручно написал имена женщин, которыми в течение своей жизни, с ранней юности, он увлекался. Одной молодой особе женского пола посвящены в том же альбоме три наброска. На одном она изображена en face с протянутой рукой, на другом — спиной, с обращенною влево головой и тоже с протянутой правой рукой; к этой женской руке тянутся с края листка две мужские (самой мужской фигуры не нарисовано за недостатком места); в левой руке письмо, а правая украшена очень длинными ногтями. Известно, что у Пушкина была привычка носить длинные ногти. На обеих картинках у барышни нарисованы большие ноги, и на втором рисунке написаны произносимые ею слова: «Как вы жестоки! Мне в эдаких башмаках нельзя ходить: они мне слишком узки, жмут ноги; мозоли будут». Кроме этих надписей, на обоих рисунках есть еще по приписке, сделанной неизвестным почерком: на первом — «Kars, Kars», и на втором — «Карс, Карс, брат! Брат, Карс!» Та же особа представлена еще на одной картинке, о чем можно заключать по надписи на ней, сделанной женским почерком: «О горе мне! Карс! Карс! Прощай, бел свет! Умру!» Здесь изображена обращенная спиною женская фигура в пестром платье, с шляпой на голове и с веером в руке, на котором написано: «Stabat Mater dolorosa». Дополнением к этим трем рисункам является еще четвертый, изображающий очень отчетливо нарисованное, быть может, Пушкиным лицо пожилой женщины сурового вида, в чепце, с подписью (неизвестного почерка): «Маменька Карса».

Предание, сохраненное Н. С. Киселевым, дает ключ к объяснению этих рисунков: Пушкин называл Карсом Наталью Николаевну Гончарову, которая уже нравилась ему в то время, но казалась столь же неприступною, как знаменитая турецкая крепость. «Маменька Карса», как известно, долго держала влюбленного поэта на искусе, и, по свидетельству Н. С. Киселева, Пушкин намекал на это испытание, когда в альбоме Ушаковой рисовал себя облаченным в монашескую рясу и клубук.

По словам Н. С. Киселева, Пушкин носил на левой руке, между плечом и локтем, золотой браслет с зеленою яшмой, с турецкою надписью. Браслет этот был подарен им Е. Н. Ушаковой.

Всякое даяние благо, всяк дар совершен свыше есть. Катерине Николаевне Ушаковой. От А. П. 21 сентября 1829 г. Москва. *Nec femina nec puer (ни женщина; ни мальчик)*.

ПУШКИН. Надпись на обложке «Стихотворений Ал. Пушкина». I ч. СПб. 1829. *Материалы об-ва изучения Тверского Края*. Вып. 3. Апрель 1925 г. Тверь. Стр. 17.

Сколько мучений ждало меня при моем возвращении! Ваше молчание, ваш холодный вид, прием *mademoiselle N.* (*Наг. Ник—ны*), такой равнодушный, такой невнимательный... У меня не хватило смелости объясниться, я уехал в Петербург со смертью в душе. Я чувствовал, что я играл роль довольно смешную, я был робок в первый раз в моей жизни, а в людях моих лет может нравиться молодой особе в возрасте вашей дочери не робость.

ПУШКИН—Н. И. Гончаровой, перв. пол. апр. 1830 г. (*фр.*).

Государь император, узнав, по публичным известиям, что вы, милостивый государь, странствовали за Кавказом, и посещали Арзерум, высочайше повелеть мне изволил спросить вас, по чьему позволению предприняли вы сие путешествие. Я же с своей стороны покорнейше прошу вас уведомить меня, по каким причинам не изволили вы сдержать данного мне слова и отправились в закавказские страны, не предуведомив меня о намерении вашем сделать сие путешествие.

Гр. А. Х. БЕНКЕНДОРФ—Пушкину, 14 окт. 1829 г., из Петербурга. *Переп. Пушкина*, II, 96.

Секретно. Квартировавший Тверской части в гостинице «Англии» чиновник 10 класса Александр Сергеев Пушкин, за коим был учрежден секретный полицейский надзор, 12-го числа сего октября выехал в С.-Петербург, о чем имею честь вашему превосходительству сим донести и присовокупить, что в поведении его ничего предосудительного не замечено.

Полицмейстер МИЛЛЕР в рапорте московскому оберполицмейстеру, 15 октября 1829 г. *Красн. Арх.*, т. 37, стр. 239.

Проезжая из Арзрума в Петербург, я своротил вправо и прибыл в Старицкий уезд для сбора некоторых недоимок. Как жаль, любезный Ловлас Николаевич, что мы здесь не встретились! То-то побесили бы баронов и простых дворян... В Бернове я не застал уже толсто...ую Минерву. Зато *Netty*, нежная, помная, истерическая, *потолставшая Netty*, здесь. Вот уже третий день, как я в нее влюблен. Половна (ваша Клариса) в Твери... Ив. Ив. на строгой диете (.....своих одалисок раз в неделю). Недавно узнали мы, что *Netty*, отходя ко сну, имеет привычку крестить все предметы, окружающие ее постелю... Постараюсь достать (как памятник непорочной моей любви) сосуд, ею освященный. Сим позвольте заключить трогательное мое послание.

ПУШКИН—Алексею Ник. Вульффу, 16 окт. 1829 г., из Малинников.

В одном из сестриных писем... приписка от Пушкина, в то время бывшего у них в Старице проездом из Москвы в Петербург. Как прошлого года в это же время писал он ко мне в Петерб. о тамошних красавицах, так и теперь, величая меня именем Ловласа, сообщает он известия очень смешные об них, доказывающие, что он не переменяется с годами и возвратился из Арзерума точно таким, каким туда поехал, — весьма циническим волокитою... Во втором письме сестра пишет только о Пушкине, его волокитствах за Netty.

А. Л. Н. ВУЛЬФ. Дневник. *Пушкин и его с-ки*, XXI—XXII, стр. 115—116.

Александр Сергеевич сообщает мне известия о тверских красавицах. Кажется, самое время не имеет власти над ним, он не переменяется: везде и всегда один и тот же. Возвращение наших барышень, вероятно, отвлекло его от Netty, которой он говорит нежности, или относя их к другой, или от нечего делать. В следующих твоих письмах я верно узнаю, как продолжится и чем окончится любопытный его заезд из Арзерума в Павловское. По происхождению его, азиатские вкусы не должны быть чужды; не привез ли он какого-нибудь молодого Чубукчи-Пашу (податель трубки)?—Это было бы нужно для оправдания его слов. По письму Анны Петровны (*Керн*) он уже в Петербурге; она одного мнения с тобой в том, что цинизм его увеличивается.

А. Л. Н. ВУЛЬФ—сестре своей Анне Н. Вульф. *Пушкин и его с-ки*, I, 86.

Я чувствую, насколько положение мое было ложно и поведение—леккомысленно. Мысль, что это можно приписать другим мотивам, была бы для меня невыносима. Я предпочитаю подвергнуться самой строгой немилости, чем показаться неблагодарным в глазах того, кому я обязан всем, для кого я готов пожертвовать своим существованием, и это не фраза.

ПУШКИН—графу Бенкендорфу, 10 ноября 1829 г., из Петербурга (фр.).

По возвращении Пушкина в Петербург, государь спросил его, как он смел приехать в армию. Пушкин отвечал, что главнокомандующий позволил ему. Государь возразил: «Надобно было проситься у меня. Разве не знаете, что *армия моя?*» Слышал я все это тогда же от самого Пушкина.

Н. В. ПУТЯТА. Из записной книжки. *Рус. Арх.*, 1899, II, 351.

На-днях приехал я в Петербург... Адрес мой: у Демута. Что ты? Что наши? В Петербурге тоска, тоска... Кланяйся неотъемлемым нашим Ушаковым. Скоро ли, боже мой, приеду из Петербурга в Hôtel d'Angleterre мимо Карса? по крайней мере мочи нет—хочется¹⁾.

ПУШКИН С. Д. Киселеву, 15 ноября 1829 г.

¹⁾ М. А. Цявловский («*Рассказы о Пушкине*», примеч., стр. 74), перечисляя московские квартиры Пушкина, пишет: «Где жил Пушкин в Москве в сентябре—октябре 1829 г., по возвращении с Кавказа, сказать невозможно, по неимению данных». Цитируемое письмо Пушкина, мне кажется, указывает ясно, что Пушкин жил тогда в гостинице «Англия» (на Тверской).

Тяжело мне быть перед тобою виноватым, тяжело и извиняться... Ты едешь на-днях, а я все еще в долгу. Должники мои мне не платят, и дай бог, чтоб они вовсе не были банкроты, а я (между нами) проиграл уже около 20 тыс. Во всяком случае ты первый получишь свои деньги.

ПУШКИН—И. Я. Яковлеву (московскому богачу) из Петербурга, во второй пол. ноября 1829 г.

(На «четверге» у Греча). Вдруг неожиданно и неприметно вошел в комнату небольшого роста господин, с длинными, курчавыми, растрепанными, темнорусыми волосами, с бледнотемноватым лицом, окаймленным огромными бакенбардами, падавшими вниз. Господин этот был в коричневом сюртуке и держал мягкую, измятую шляпу в левой руке. В лице его было что-то необыкновенное, будто напоминавшее наружность мулата: нос несколько приплюснутый, губы очень красные и широкие, а обнаруженные веселою улыбкою зубы—белизны необыкновенной. То был А. С. Пушкин, которого ожидал Греч (стр. 23).

Пушкин, по роду своего воспитания, часто и охотно употреблял французский язык в разговоре даже с соотечественниками (25).

В. Б. (В. П. БУРНАШЕВ). Из воспоминаний петербургского старожила. *Заря*, 1871, № 4.

В числе посетителей греческих четвергов появлялся изредка и Пушкин. Он вел себя очень сдержанно, редко принимал участие в разговорах, больше молчал и рано уходил, не простившись.

П. И. ЮРКЕВИЧ. Воспоминания старожила. *Ист. Вестн.*, 1882, № 10, стр. 159.

Вскоре после моего выпуска из царскосельского лицея (в 1829 году) я встретил Пушкина на Невском проспекте, который, увидав на мне лицейский мундир подошел и спросил:—«Вы верно только что выпущены из лицея?» — «Только что выпущен с прикомандированием к гвардейскому полку,—ответил я.—А позвольте спросить вас, где вы теперь служите?»—«Я числюсь по России»,—был ответ Пушкина.

СТАРЫЙ ЛИЦЕИСТ. *Новое Время*, 1880, № 1521.

В последние годы Пушкин выучился английскому языку,—кто поверит тому?—в четыре месяца! Он хотел читать Байрона и Шекспира в подлиннике, и через четыре месяца читал их по-английски, как на своем родном языке.

(Н. А. ПОЛЕВОЙ?). *Московский Телеграф*, 1829, ч. 28, № 11, стр. 390.

Авр. С. Норов рассказал мне следующий анекдот о Пушкине. Норов встретился с ним за год или за полтора до его женитьбы. Пушкин очень любезно с ним поздоровался и обнял его. При этом был приятель Пушкина (В. И.) Туманский. Он сказал поэту: «Знаешь ли, Александр Сергеевич, кого ты обнимаешь? Ведь это твой противник. В бытность свою в Одессе, он при мне сжег твою рукописную поэму». Дело в том, что Туманский дал Норову

прочсть в рукописи известную непристойную поэму Пушкина. В комнате тогда топился камин, и Норов, по прочтении пьесы, тут же бросил ее в огонь.—«Нет,—сказал Пушкин,—я этого не знал, а, узнав теперь, вижу, что Авраам Сергеевич не противник мне, а друг, а вот ты, восхищавшийся такою гадостью, настоящий мой враг».

А. НИКИТЕНКО. II, 240.

Я помню, как Пушкин глубоко горевал и сердился при всяком, даже нечаянном напоминании об этой прелестной пакости («Гаврилади»).

С. А. СОБОЛЕВСКИЙ—М. Н. Лонгинову, в 1885 г. П—н и его сов-ки, XXXI—XXXII, 39.

Я встретил прошлым вечером у барона Реханзена (Розена?) русского Байрона,—Пушкина, знаменитого и вместе с тем единственного поэта в этой стране... Я не заметил ничего особенного в его личности и в его манерах; внешность его неряшлива, этот недостаток является иногда у талантливых людей, и он откровенно сознается в своем пристрастии к игре; единственное примечательное выражение, которое вырвалось у него во время вечера, было такое: «я бы предпочел умереть, чем не играть».

ТОМАС РЭЙКС. 24 дек. 1829 г. «A visit to St. Petersburg in the winter of 1829—1830. London, 1838. Пушкин и его с-ки, XXXI—XXXII, 105—106 (англ.).

Пушкин был неутомимый ходок и иногда делал прогулки пешком из Петербурга в Царское Село. Он выходил из города рано по утру, выпивал стакан вина на Средней Рогатке и к обеду являлся в Царское Село. После прогулки в его садах, он тем же путем возвращался назад. Может быть, в одно из таких путешествий задуманы были *Воспоминания в Царском Селе*, помеченные в тетради его: «Декабря 1829 года, СПб».

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 225.

Так как я еще не женат и не связан службой, я желал бы сделать путешествие либо во Францию, либо в Италию. Однако, если мне это не будет дозволено, я просил бы разрешения посетить Китай с отправляющейся туда миссией.

ПУШКИН—А. Х. Бенкендорфу, 7 янв. 1830 г. (фр.).

Пушкин был у нас вчера... Жуковский читал ему детский журнал, и Пушкин смеялся на каждом слове. Он удивлялся, ахал и прыгал.

И. В. КИРЕВСКИЙ—А. П. Елагиной. 15 янв. 1830 г. *Рус. Арх.*, 1906, III, 586.

Пушкин дал мне в альманах «Царское Село» антологическое стихотворение свое «Загадка. При посылке бронзового сфинкса»:

Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы?
В веке железном, скажи, кто золотой угадал?
Кто, славянин молодой, духом грек, родом германец?
Вот загадка моя: хитрый Эдип, разреши!

Оказалось просодическая неправильность; у Пушкина было так:

Кто, славянин молодой, духом грек, родом германец?

Я заметил это Дельвигу, указал, как легко исправить погрешности перестановкою двух слов и прибавлением союза *а*, и попросил Дельвига сделать эту поправку или принять ее на себя. Он не согласился.—«Или покажите самому Пушкину, или напечатайте так, как есть! Что за беда? Пушкину простительно ошибаться в древних размерах: он ими не пишет». С этим последним доводом я уже не согласился, однако не посмел и указать Пушкину: я боялся, что он отнимет у меня стихотворение под предлогом, что он сам придумает поправку. До последней корректуры, я несколько раз заводил с ним речь об этой пьесе: не сказал ли ему Дельвиг о погрешности? Нет! В последней корректуре я не утерпел, понадеялся, что Пушкин и не заметит такой безделицы,—и сделал гекзаметр правильным. Тиснул, послал ему свой альманах и, несколько дней спустя, сам прихожу. А он, впрочем довольно веселый, встречает меня замечанием, что я изменил один из его стихов. Я прикинулся незнающим. Он, действительно, указал на поправку. Я возражал, улыбаясь, что дивная память его в этом случае ему изменила: так не было у вас и быть не могло!—Почему?—Потому что гекзаметр был бы и неполный, и неправильный: у третьей стопы недоставало бы половины, а слово «грек» ни в каком случае не может быть коротким слогом!—Он призадумался.—«Потому-то вы и поправили стих. Благодарю вас!» Тут мне уже нельзя было не признаться в переделке, но я горько жаловался на Дельвига, который не хотел снять на себя такой неважной для него ответственности перед своим лицейским товарищем. Пушкин не только не рассердился, но и налюбоваться не мог, что перестановка двух его слов составила, в третьей стопе, *чистый спондей*, который так редок в гекзаметрах на новейших языках. Эта поправка осталась у него в памяти. Долго после того, во время холеры, когда он, уже женатый, жил в Царском Селе, я с ним нечаянно сошелся у П. А. Плетнева, который готовил к печати новый том его стихотворений. Пушкин перебирал их в рукописи, читал иные вслух, в том числе и «Загадку», и, указывая на меня, сказал при всех:—«Этот стих барон мне поправил!»

Бар. Е. Ф. РОЗЕН. Ссылка на мертвых. *Сын Отечества*, 1847, кн. 6. Русс. словесность, стр. 16—18.

В ответ на ваше письмо 7 января, спешу известить вас, что Е. В. Государь Император не удостоил снизойти на вашу просьбу посетить заграничные страны, полагая, что это слишком расстроит ваши денежные дела и в то же время отвлечет вас от ваших занятий. Ваше желание сопровождать нашу миссию в Китай так же не может быть удовлетворено, так как все служащие уже назначены.

Граф А. Х. БЕНКЕНДОРФ — Пушкину, 17 янв. 1830 г. *Переписка П—на*, II, 100 (Фр.).

Здесь у нас, мочи нет, скучно; игры нет, а я все-таки проигрываюсь...
Покамест умираю со скуки.

ПУШКИН—М. О. Судинке из П-рга 22 янв.
1830 г.

Кстати об этом бале (у французского посланника). Вы могли бы сказать Пушкину, что неприлично ему одному быть во фраке, когда мы все были в мундирах, и что он мог бы завести себе по крайней мере дворянский мундир; впоследствии, в подобном случае пусть так и сделает.

Имп. НИКОЛАЙ I в пометке на письме к нему Бенкендорфа, *Старина и Новизна*, VI, 7. Ср. письмо Бенкендорфа Пушкину от 28 янв. 1830 г. *Переписка Пушкина*, II, 113.

Правда ли, что моя Гончарова выходит за архивного Мещерского? Что делает Ушакова, моя же? Я собираюсь в Москву.

ПУШКИН—кн. П. А. Вяземскому, в конце янв.—
в начале февр. 1830.

В 1830 году прибытие части высочайшего двора в Москву оживило столицу и сделало ее средоточием веселий и празднеств. Наталья Николаевна Гончарова принадлежала к тому созвездию красоты, которое в это время обращало внимание и удивление общества. Она участвовала во всех удовольствиях, которыми встретила древняя столица августейших своих посетителей, и между прочим в великолепных живых картинах, данных московским генерал-губернатором кн. Дм. Вл. Голицыным¹⁾. Молва об ее красоте и успехах достигла Петербурга, где в то время жил Пушкин. По обыкновению своему, он стремительно уехал в Москву, не объяснив никому своих намерений, и возобновил прежние свои искания.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 270.

Зная, что Пушкин давно влюблен в Гончарову, и увидав ее на балу у кн. Д. В. Голицына, Вяземский поручил И. Д. Лужину, который должен был танцевать с Гончаровой, заговорить с нею и ее матерью мимоходом о Пушкине с тем, чтобы по их отзыву доведаться, как они о нем думают. Мать и дочь отозвались благосклонно и велели кланяться Пушкину. Лужин поехал в Петербург, часто бывал у Карамзиных и передал Пушкину этот поклон.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—по записи Бартенева.
Рус. Арх., 1838, II, 307.

¹⁾ Празднество у Голицына было на святках, в конце 1829 года. 30 дек. А. Я. Булгаков писал об этих живых картинах брату К. Я—чу: «Все в восхищении от картин. Их заставили повторить несколько раз.. Картина, изображавшая Дидону, была великолепна. Лазарева была бесподобна, но ее бесконечно длинные ниспадавшие волосы придавали ей скорее вид прекрасной Магдалены. Но кто была очаровательна, это—маленькая Алябьева, она—красавица; маленькая Гончарова в роли сестры Дидоны была восхитительна». (*Рус. Арх.*, 1901, III, 382, фр.).

Секретно. Чиновник 10 класса Александр Сергеев Пушкин 13-го числа сего месяца прибыл из С.-Петербурга и остановился в доме г. Черткова в гостинице Коппа, за коим учрежден секретный полицейский надзор.

Полицейстер МИЛЛЕР в рапорте моск. обер-полицейстеру, 15 марта 1830 г. *Красн. Арх.*, т. 37, стр. 240.

13 марта 1830 года г. Пушкин возвратился из Петербурга в Москву и остановился Тверской части в доме Черткова, в гостинице Коппа (нынешнем доме Обидина, в Глинищенском пер., между Тверской и Б. Дмитровкой. *Прим. Бартенева*).

А. С. ШУЛЬГИН (московский оберполицейстер) в донесении моск. военному генерал-губернатору. *Рус. Арх.*, 1876, II, 236.

Третьего дня приехал я в Москву и прямо из кибитки попал в концерт, где находилась вся Москва. Первые лица, попавшиеся мне навстречу, были Н. Пончарова и княгиня Вера (*жена Вяземского*)... Киселев женится на Л. (*Елизавете*) Ушаковой и Катерина (*Ушакова*) говорит, что они счастливы до гадости.

ПУШКИН—кн. П. А. Вяземскому, 14 марта 1830 г., из Москвы.

К крайнему моему удивлению услышал я, что вы внезапно рассудили уехать в Москву, не предвзяв меня, согласно с сделанным между нами условием, о сей вашей поездке. Поступок сей принуждает меня вас просить о уведомлении меня, какие причины могли вас заставить изменить данному мне слову? Мне весьма приятно будет, если причины, вас побудившие к сему поступку, будут довольно уважительны, чтобы извинить оный; но я вменяю себе в обязанность вас предупредить, что все неприятности, коим вы можете подвергнуться, должны вами быть приписаны собственному вашему поведению.

Гр. А. Х. БЕНКЕНДОРФ — Пушкину, 17 марта 1830 г., из Петербурга. *Переп. Пушкина*, II, 121.

Великий Князь Михаил Павлович приехал провести вечер с нами, и при виде вашего портрета он сказал мне: «Знаете ли, что я никогда не видал Пушкина близко; у меня были против него большие предубеждения; но по всему, что до меня доходит, я весьма желаю его узнать, и особенно желаю иметь с ним продолжительный разговор». Он кончил тем, что попросил у меня «Полтаву».

Е. М. ХИТРОВО — Пушкину, 18 марта 1830 г. *Пушкин. Переп., акад. изд.*, II, 123 (фр.).

Письмо мое доставит тебе Гончаров, брат Красавицы; теперь ты угадешь, что тревожит меня в Москве... Распутица, лень и Гончарова не выпускают меня из Москвы... наше житье-бытье сносно.

ПУШКИН—кн. П. А. Вяземскому, во второй половине марта 1830, из Москвы.

Из университета к Пушкину. «Я думал, что вы сердитесь на меня», обещал исходатайствовать все, что хочу.—Вот разве при путешествии.— Рассказывал о скверности Булгарина. Полевого хочет в грязь втоптать и пр. Давал статью о Видоке и догадался, что мне не хочется помещать ее (о доносах, о фискальстве Булгарина), и взял.—Советовал писать роман.

М. П. ПОГОДИН. Дневник, 18 марта 1830 г. *П—н и его совр-ки*, XXIII—XXIV, стр. 103.

К Пушкину. «Московский Вестник и Литературная Газета одно и то же». Толковали о нашей литературе.—Пушкин сердится ужасно, что на него напали все.

М. П. ПОГОДИН. Дневник 21 марта 1830 г. *П—н и его совр-ки*, XXIII—XXIV, стр. 103.

В 1826 году получил я от государя-императора позволение жить в Москве, а на следующий год от вашего высокопревосходительства дозволение приехать в Петербург. С тех пор я каждую зиму проводил в Москве, осень в деревне, никогда не испрашивая предварительного дозволения и не получая никакого замечания. Это отчасти было причиною невольного моего проступка: поездки в Арзрум, за которую имел я несчастье заслужить неудовольствие начальства. В Москву я намеревался приехать еще в начале зимы и, встретив вас однажды на гулянии, на вопрос вашего высокопревосходительства, что намерен делать, имел я счастье о том вас уведомить. Вы даже изволили мне заметить: «вы всегда на больших дорогах». Надеюсь, что поведение мое не подало правительству повода быть мною недовольным.

ПУШКИН — гр. А. Х. Бенкендорфу, 21 марта 1830 г., из Москвы.

Пьеска Пушкина, так как вообще все, что пишет он о зиме, превосходна; это истинно-русская часть года Пушкину с плеча; не то, что весна, которой он не любит... Я ужасаюсь, как он мало пишет. Если бы что-нибудь у него было большого, поновее после Мазепы и 7 главы (*Онегина*) (а он мне то и другое читал тому 16 месяцев назад), то верно бы сообщил образчик, ибо Пушкин любит похвастаться.

С. А. СОБОЛЕВСКИЙ—С. П. Шевыреву, 22 марта 1830 г., из Парижа. *Рус. Арх.*, 1909, II, 481.

Поздно уж было, час двенадцатый, и все мы собрались спать ложиться, как вдруг к нам в ворота постучались, — жили мы тогда на Садовой, в доме Чухина. Бежит ко мне Лукерья, кричит: «Ступай, Таня, гости приехали, слушать хотят». Я только косу расплела и повязала голову белым платком. Такой и выскочила. А в зале у нас четверо приехало, — трое знакомых (потому, наш хор очень любили, и много к нам езжало). Голохвастов, Протасьев-господин и Павел Войнович Нашокин, — очень был он влюблен в Ольгу, которая в нашем же хоре пела. А с ним еще один, небольшой ростом, губы толстые и кудлатый такой... И только он меня увидел, так и помер со смеху, зубы-то белые, большие, так и сверкают. Показывает на меня господам: «поваренок, — поваренок!» А на мне, точно, платье красное ситцевое было и платок белый на голове, колпаком, как у поваров. Засмеялась и я,

только он мне очень некрасив показался. И сказала я своим подругам по-нашему, по-цыгански: «дыка, дыка, на не лачо, таки вашескери! — Гляди, гляди, как нехорош, точно обезьяна!» Они так и залились. А он приставать: «что ты сказала? что ты сказала?» — «Ничего, — говорю; — сказала, что вы надо мною смеетесь, поваренком зовете». А Павел Войнович Нащокин говорит ему: «а вот, Пушкин, послушай, как этот поваренок поет!» А наши все в это время собрались; весь-то наш хор был небольшой, всего семь человек, только голоса отличные были... Главный романс был у меня: «Друг милый, друг милый, сдалека поспеши». Как я его пропела, Пушкин с лежанки скок, — он, как приехал, так и взобрался на лежанку, потому, на дворе холодно было, — и ко мне. Кричит: «радость ты моя, радость моя, извини, что я тебя поваренком назвал, ты бесценная прелесть, не поваренок!»

И стал он с тех пор часто к нам ездить, один даже частенько ездил и как ему вздумается, вечером, а то утром приедет. И все мною одной занимается, петь заставит, а то просто так болтать начнет, и помирает он, хохочет, по-цыгански учится. А мы все читали, как он в стихах цыган кочевых описал. И я много помнила наизусть, и раз прочла ему оттуда и говорю: «как это вы хорошо про нашу сестру цыганку написали!» А он опять в смех: — «я, говорит, на тебя новую поэму сочиню!» А это утром было, на маслянице, и мороз опять лютый, и он опять на лежанку взобрался. — «Хорошо, говорит, тут, — тепло, только есть хочется». А я ему говорю: «тут по близости харчевня одна есть, отличные блины там пекут, — хотите, пошлю за блинами?» Он с первого раза побрезгал, поморщился. «Харчевня, говорит, грязь». — «Чисто, будьте благонадежны, говорю, сама не стала бы есть». — «Ну, хорошо, посылай», — вынул две красненькие, — «да вели кстати бутылку шампанского купить». Дядя побежал, все в минуту опроверил, принес блинов, бутылку. Сбежались подруги, и стал нас Пушкин потчевать: на лежанке сидит, на коленях тарелка с блинами, — смешной такой, ест да похваливает: «нигде, говорит, таких вкусных блинов не едал!» — шампанское разливает нам по стаканам... Только в это время в приходе к вечерне зазвонили. Он как схватится с лежанки: «ахти мне, кричит, радость моя, из-за тебя забыл, что меня жид-кредитор ждет!» Схватил шляпу и выбежал, как сумасшедший.

ЦЫГАНКА ТАНЯ (ТАТЬЯНА ДЕМЬЯНОВНА) в передаче Б. М. Маркевича. Соч. Б. М. Маркевича, СПб, 1885, т. XI, стр. 132—134.

Чрезвычайно любопытны рассказы Нащокина об образе жизни Пушкина в приезды его в Москву, в последние годы его холостой жизни и все годы женатой. Из них видим, как изменились привычки Пушкина, как страсть к светским развлечениям, к разноречивому говору многолюдства, смягчилась в нем потребностями своего угла и семейной жизни. Пушкин казался домо-седом. Целые дни проводил он в кругу домашних своего друга на диване, с трубкою во рту и прислушиваясь к простому разговору, в котором дела хозяйственного быта стояли часто на первом плане. Надобны были даже усилия со стороны Нащокина, чтоб заставить Пушкина не прерывать своих знакомств и выезжать. Пушкин следовал советам Нащокина нехотя.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 209.

Пушкин здесь. Как бы ты думал, — его ругают наповал во всех почти журналах. «Северная Пчела» говорит даже, что он картежник, чванится вольнодумством пред чернью, а у знатных ползает, чтобы получить шитый

кафтан и проч. Мои отношения к нему прежние, т.-е., очень хорошие. Он зовет тебя в Москву: «что не летит этот к нам ворон, здесь для него столько трупов». Мне очень жаль, что эти площадные брани его слишком трогают, как бывало тебя. O, irritabile genus!

Говорят, что он женится на Ушаковой старшей и заметно степенничает.

М. П. ПОГОДИН—С. П. Шевыреву, 23 марта 1830 г., из Москвы. *Рус. Арх.*, 1882, III, стр. 161.

Хомякова научал завести речь с Надоумкой (*Н. И. Надеждиным*) о романтизме и т. п., чтоб заманить в разговор Пушкина с Надоумкой и внушить ему лучшее мнение; и наоборот, чтоб заставить Надоумку уважать более Пушкина. Вечер был у меня. Говорили более об естественнословных предметах. Смеялись много: «Полевой не сам пишет романы, а Ушаков», — сказал Максимович. План романа Полевой отдал Свиныну. — «А историю-то не от него ли получил?» — сказал Языков. — Свинын вывел в люди Полевого. — «Да это не беда», — возразил Максимович. — «Как не беда?» — закричали все. Я показывал зверей друг другу весь вечер. — Пушкин котничал, как юноша, вышедший только что из пансиона.

М. П. ПОГОДИН. Дневник, 23 марта 1830 г. *П—н и его совр-ки*, XXIII—XXIV, стр. 105.

Я встретился с Надеждиным у Погодина. Он показался мне весьма простонародным, vulgar, скучен, заносчив, и без всякого приличия. Например, он поднял платок, мною уроненный.

ПУШКИН. Анекдоты и Table Talk, XXVIII.

Письмо, которым вы удостоили меня, доставило мне истинное горе; я умоляю вас дать мне минуту снисхождения и внимания. Несмотря на четыре года ровного поведения, я не смог получить доверия власти! Я с опорчением вижу, что малейший из моих поступков возбуждает подозрение и недоброжелательство. Во имя неба, удостойте на минуту войти в мое положение и посмотрите, как оно затруднительно. Оно так непрочное, что я каждую минуту вижу себя накануне несчастья, которого я не могу ни предвидеть, ни избежать. Если до сей поры я не подвергся какой-нибудь немилости, то я этим обязан не сознанию своих прав, своей обязанности, а единственно вашему личному благоволению. Но если завтра вы больше не будете министром, то послезавтра я буду в тюрьме.

Я рассчитывал из Москвы поехать в псковскую деревню; однако, если Николай Раевский приедет в Полтаву, я умоляю ваше превосходительство разрешить мне поехать туда, чтобы повидаться с ним.

ПУШКИН—гр. Бенкендорфу, 24 марта 1830 г., из Москвы (*Фр.*).

Ушакова меньшая (*Ел. Ник.*) идет за Киселева... О старшей (*Ек. Ник.*) не слышно ничего, хотя Пушкин бывает у них всякий день почти.

В. А. МУХАНОВ—Н. А. Муханову, из Москвы, 27 марта 1830 г. *Рус. Арх.*, 1899, II, 356.

Все думали, что Пушкин влюблен в Ушакову; но он ездил, как после сам говорил, всякий день к сей последней, чтоб два раза в день проезжать мимо окон Гончаровой.

Н. М. СМИРНОВ. Памятные заметки. *Рус. Арх.*, 1882, I, 232.

Пушкин говаривал, что, как скоро ему понравится женщина, то, уходя или уезжая от нее, он долго продолжает быть мысленно с нею и в воображении увозит ее с собою, сажает ее в экипаж, предупреждает, что в таком-то месте будет толчок, одевает ей плечи, целует у нее руки и пр.

Кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКАЯ по записи Бартенева. *Рус. Арх.*, 1888, II, 312.

(Весна 1830 г.). Пушкин у Весселя (поэта Языкова) часто бывает, он — большой забавник и доставляет нам много удовольствия.

А. М. ЯЗЫКОВ в письме к своей сестре. *Ист. Вестн.*, 1883, XIV, 529.

Я не совсем понимаю, почему вам угодно находить ваше положение непрочным; я его таким не нахожу, и мне кажется, только от вашего собственного поведения будет зависеть сделать его еще более устойчивым... Что касается вашего вопроса, ко мне обращенного, можете ли вы поехать в Полтаву, чтобы повидаться с Николаем Раевским, то я должен вас уведомить, что я представил этот вопрос на рассмотрение Императора, и Его Величество изволили мне ответить, что Он решительно запрещает вам это путешествие, потому что у Него есть основание быть недовольным последним поведением г-на Раевского. Из этого самого обстоятельства вы, между прочим, можете убедиться, что мои добрые советы предотвратят вас от ложных шагов, которые вы делали так часто, не прибегая к моему руководству.

Гр. А. Х. БЕНКЕНДОРФ — Пушкину, 3 апрель 1830 г. *Переписка Пушкина*, II, 129 (фр.).

(В Грузинах, в Тишинском переулке, где жил, под надзором д-ра Дитриха, сумасшедший поэт К. Н. Батюшков). Всенощная, отслуженная в доме Батюшкова (3 апр. 1830 г.), по желанию его тетки Е. Ф. Муравьевой, произвела на него сильное впечатление; но когда, после службы, присутствовавший при ней А. С. Пушкин вошел в комнату больного, последний не узнал его, как, впрочем, не узнавал обыкновенно и других лиц, хорошо ему знакомых в прежнее время.

Л. Н. МАЙКОВ на основании дневниковых записей д-ра Дитриха. *Л. Майков. Батюшков, его жизнь и сочинения*. Изд. 2. Спб. 1896. Стр. 230. Ср. *Л. Майков, «Пушкин»*, 289.

Один из моих друзей привозит мне из Москвы благосклонное слово, которое возвращает мне жизнь, и теперь, когда несколько ласковых слов, которыми вы удостоили меня, должны бы меня наполнить радостью, — я более несчастлив, чем когда-либо. Постараюсь объяснить. Только привычка и продолжительная близость могут доставить мне привязанность вашей дочери; я могу надеяться со временем привязать ее к себе, но во мне нет ничего, что могло бы ей нравиться; если она согласится отдать мне свою

руку, то я буду видеть в этом только свидетельство спокойного равнодушия ее сердца. Но сохранит ли она это спокойствие среди окружающего ее удивления, поклонения, искушений? Ей станут говорить, что только несчастная случайность помешала ей вступить в другой союз, более равный, более блестящий, более достойный ее, — может быть, эти речи будут искренни, и во всяком случае она сочтет их такими. Не явится ли у нее сожаление? не будет ли она смотреть на меня, как на препятствие, как на человека, обманом ее захватившего? Не почувствует ли она отвращения ко мне? Бог свидетель, — я готов умереть ради нее, но умереть для того, чтобы оставить ее блестящей вдовой, свободной хоть завтра же выбрать себе нового мужа, — эта мысль — адское мучение! — Поговорим о средствах; я этому не придаю особенного значения. Моего состояния мне было достаточно. Хватит ли мне его, когда я женюсь? Я ни за что не потерплю, чтобы моя жена чувствовала какие-либо лишения, чтобы она не бывала там, куда она призвана блистать и развлекаться. Она имеет право этого требовать. В утуду ей я готов пожертвовать всеми своими привычками и страстями, всем своим вольным существованием. Но, все-таки, — не станет ли она роптать, если ее положение в свете окажется не столь блестящим, как она заслуживает и как я желал бы этого?.. Такими, отчасти, мои сомнения — я трепещу, как бы вы не нашли их слишком откровенными. Есть еще одно, — я не могу решиться доверить его бумаге... ¹⁾.

ПУШКИН—Н. И. Гончаровой (матери) в перв. полов. апреля 1830 г. (фр.).

В самый день Светлого Христова Воскресения, 6-го апреля 1830 г., Пушкин сделал предложение семейству Натальи Николаевны, которое и было принято.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 271. Ср. Н. О. Лернер, *Труды и дни Пушкина*, 2 изд., стр. 209.

Пушкин приехал в Москву с намерением сделать предложение Н. И. Гончаровой. Собираясь ехать к Гончаровым, поэт заметил, что у него нет фрака. — «Дай мне, пожалуйста, твой фрак, — обратился он к Нащокину. — Я свой не захватил, да, кажется, у меня и нет его». Друзья были одинакового роста и сложения, а потому фрак Нащокина как нельзя лучше пришелся на Пушкина. Сватовство на этот раз было удачное, что поэт в значительной мере приписывал «счастливому» фрак. Нащокин подарил этот фрак другу, и с тех пор Пушкин, по его собственному признанию, в важных случаях жизни надевал счастливый «нащокинский» фрак.

В. А. НАШОКИНА. *Новое Время*, 1898, № 8115, иллюстр. прил.

Я хочу жениться на молодой особе, которую люблю уже год.

ПУШКИН—родителям, в первой полов. апреля 1830 г. (фр.).

¹⁾ Пушкин имеет в виду, по справедливому объяснению П. О. Морозова, свое «ложное и сомнительное» положение по отношению к правительству. (*Пушкин*, изд. Брокгауза-Ефрона, IV, 205).

Я должен жениться на m-lle Гончаровой, которую вы должны были видеть в Москве, у меня есть ее согласие и согласие ее матери. Два указания мне были сделаны: на мое имущественное положение и на положение мое относительно правительства. Что касается имущественного положения, я мог ответить, что оно в удовлетворительном состоянии благодаря Его Величеству, давшему мне возможность честно жить своим трудом. Что же касается моего положения в отношении к правительству, я не мог скрыть, что оно было ложно и сомнительно. Я был исключен из службы в 1824 г., и это пятно остается лежать на мне. Вышедши из лицея в 1817 г. с чином 10 класса, я не получил двух чинов, следовавших мне по праву, так как начальство мое по небрежности не представляло меня к чинам, а я не заботился им об этом напоминать. Теперь мне трудно было бы поступить на службу, несмотря на все мое желание. Место совершенно подчиненное, соответствующее моему чину, не может мне подойти. Оно отвлекало бы меня от моих литературных занятий, дающих мне средства к жизни, и доставило бы бесцельные и бесполезные хлопоты. Мне об этом больше не приходится думать. Г-жа Гончарова боится отдать свою дочь за человека, имеющего несчастье пользоваться дурной репутацией в глазах государя. — Мое счастье зависит от одного слова благоволения того, к которому моя преданность и благодарность уже и теперь чисты и безграничны.

ПУШКИН—гр. А. X. Бенкендорфу, 16 апр. 1830 г.,
из Москвы (фр.).

Я сейчас с обеда Сергея Львовича, и твои письма, которые я там прочел, убедили меня, что жена меня не мистифирует, и что ты точно жених. Гряди, жених, в мои объятия! А более всего убедила меня в истине женитьбы твоей вторая экстренная бутылка шампанского, которую отец твой разлил нам при получении твоего последнего письма. Я тут ясно увидел, что дело не на шутку. Я мог не верить письмам твоим, слезам его, но не мог не поверить его шампанскому. Поздравляю тебя от всей души... Я помню, что сравнивал я Алябьеву avec une beauté classique, а невесту твою avec une beauté romantique. Тебе, первому нашему романтическому поэту, и следовало жениться на первой романтической красавице нынешнего поколения.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—Пушкину, 26 апреля
1830 г., из Петербурга. Переп. Пушкина, II, 138.

Я имел счастье представить Императору письмо, которое вам угодно было мне написать 16 числа сего месяца. Его Императорское Величество, с благосклонным удовлетворением приняв известие о вашей предстоящей женитьбе, удостоил заметить по сему случаю, что Он надеется, что вы, конечно, хорошо допросили себя раньше, чем сделать этот шаг, и нашли в себе качества сердца и характера, какие необходимы для того, чтобы составить счастье женщины, — и в особенности такой милой, интересной женщины, как m-lle Гончарова.

Что касается вашего личного положения по отношению к правительству, — я могу вам только повторить то, что уже говорил вам столько раз; я нахожу его совершенно соответствующим вашим интересам; в нем не может быть ничего ложного или сомнительного, если, разумеется, вы сами не пожелаете сделать его таковым. Его Величество Император, в совершенном отеческом попечении о вас, милостивый государь, удостоил поручить мне, генералу Бенкендорфу, — не как шефу жандармов, а как человеку, к

которому Ему угодно относиться с доверием, — наблюдать за вами и руководить своими советами; никогда никакая полиция не получала распоряжения следить за вами. Советы, которые я вам от времени до времени давал, как друг, могли вам быть только полезны, — я надеюсь, что вы всегда и впредь будете в этом убеждаться. — В чем же то недоверие, которое будто бы можно в этом отношении найти в вашем положении? Я уполномочиваю вас, милостивый государь, показать это письмо всем тем, кому, по вашему мнению, должно его показать.

Гр. А. Х. БЕНКЕНДОРФ—Пушкину, 28 апреля 1830 г., из Петербурга. *Переп. Пушкина*, II, 140 (фр.).

Первая любовь всегда есть дело чувства. Вторая — дело сладострастия, — видите ли! Моя женитьба на Натали (которая, в скобках, моя тринадцатая любовь) решена. Отец мне дает двести душ, которые я закладываю в ломбарде.

ПУШКИН—кн. В. Ф. Вяземской, в конце апр.— начале мая 1830 г. (фр.).

Пожалей о первой красавице здешней, Гончаровой... Она идет за Пушкина. Это верно.

В. А. МУХАНОВ—брату Н. А. Муханову, из Москвы, 1 мая 1830 г. *Рус. Арх.*, 1899, II, 356.

Сказывал ты Катерине Андреевне (*Карамзиной*) о моей помолвке? Я уверен в ее участии — но передай мне ее слова — они нужны моему сердцу, и теперь не совсем щастливому.

ПУШКИН—кн. П. А. Вяземскому, 2 мая 1830 г.

(3 мая 1830 года). Мы ездили смотреть Семенову. Эта пьеса Коцебу («*Ненависть к людям и раскаяние*») меня замучила своей длиннотой и нелепостями; в собрании было только 600 человек, и зала была довольно пуста. В числе интересных знакомых была Гончарова с Пушкиным. Судя по его физиономии, можно подумать, что он досадует на то, что ему не отказали, как он предполагал. Уверяют, что они уже помолвлены, но никто не знает, от кого это известно; утверждают кроме того, что Гончарова мать сильно противилась свадьбе своей дочери, но что молодая девушка ее склонила. Она кажется очень увлеченной своим женихом, а он с виду так же холоден, как и прежде, хотя разыгрывает из себя сантиментального.

Н. П. ОЗЕРОВА—С. Л. Энгельгардт, из Москвы. *П—н и его совр-ки*, XXXVII, 153 (фр.).

Николай Афанасьевич и Наталья Ивановна Гончаровы имеют честь объявить о помолвке дочери своей Наталии Николаевны с Александром Сергеевичем Пушкиным, сего мая 6 дня 1830 года.

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ НА ПОМОЛВКУ
ПУШКИНА. *Деятнадцатый Век*, кн. I, 383.

С лекции к Пушкину, долгий и очень занимательный разговор об русской истории. — «Как рву я на себе волосы часто, — говорит он, — что у меня нет классического образования, есть мысли, но на чем их поставить».

М. П. ПОГОДИН. Дневник, 10 мая 1830 г. П—н и его совр-ки, XXIII—XXIV, 107.

Участь моя решена. Я женюсь... Та, которую любил я целых два года, которую везде первую отыскивали глаза мои, с которой встреча казалась мне блаженством, — боже мой, она почти моя.

Ожидание решительного ответа было самым болезненным чувством жизни моей. Ожидание последней замешкавшейся карты, угрызение совести, сон перед поединком — все это в сравнении с ним ничто не значит.

Дело в том, что я боялся не одного отказа. Один из моих приятелей говорил: не понимаю, каким образом можно свататься, если знаешь наверное, что не будет отказа.

Жениться! Легко сказать!.. Я женюсь, т.-е. я жертвую независимостью, моей беспечной, прихотливой независимостью, моими роскошными привычками, странствованиями без цели, уединением, непостоянством. Итак, я удваиваю жизнь и без того неполную, стану думать: мы. Я никогда не хлопотал о счастье: я мог обойтись без него. Теперь мне нужно его на двоих, а где мне взять его?

Пока я не женат, что значат мои обязанности? Есть у меня больной дядя, которого почти никогда не вижу. Заеду к нему — он очень рад; нет — так он извинит меня: «повеса мой молод, ему не до меня». Утром встаю, когда хочу, принимаю, кого хочу; вздумаю гулять — мне седлают мою умную, славную Женни; еду переулками, смотрю в окна низеньких домов... Приеду домой, разбираю книги, бумаги, привожу в порядок мой туалетный столик; одеваюсь небрежно, если еду в гости; со всевозможною старательностью, если обедаю в ресторации, где читаю или новый роман, или журналы. Если же Вальтер-Скотт и Купер ничего не написали, а в газетах нет какого-нибудь уголовного процесса — то требую бутылку шампанского во льду, смотрю, как рюмка стынет от холода, пью медленно, радуясь, что обед стоит мне семнадцать рублей, и что могу позволить себе эту шалость. Еду в театр, — отыскиваю в какой-нибудь ложе замечательный убор, черные глаза; между нами начинается сношение — я занят до самого раз'езда. Вечер провожу или в мужском обществе, где теснится весь город, где я вижу всех и все и где меня никто не замечает, или в любезном избранном кругу, где я говорю про себя и где меня слушают. Возвращаюсь поздно — засыпаю, читая хорошую книгу. Вот моя холостая жизнь.

Но если мне откажут, думал я, поеду в чужие края — и уже воображал себя на пироскафе (пароходе). Морской, свежий воздух веет мне в лицо; я долго смотрю на убегающий берег. Подле меня молодую женщину начинает тошнить: это придает ее бледному лицу выражение томной нежности. Она просит у меня воды. Слава богу, до Кронштадта есть для меня занятие.

В эту минуту подали мне записочку, ответ на мое письмо. Отец невесты моей ласково звал меня к себе... Нет сомнения, предложение мое принято. Наденька — мой ангел — она моя!.. Все печальные сомнения исчезли перед этой райской мыслью. Бросаюсь в карету, скачу — вот их дом — вхожу в переднюю, — уже по торопливому приему слуг вижу, что я жених. Я смутился: эти люди знают мое сердце! Говорят о моей любви на своем холотском языке!.. Отец и мать сидели в гостиной. Первый встретил меня с отверстыми объятиями. Он вынул из кармана платок. Он хотел быть тронутым, заплакать — но не мог и решился высморкаться. У матери глаза

были красны. Позвали Наденьку — она вышла бледная, неловкая. Отец вышел и вынес образ Николая чудотворца и Казанской Богоматери. Нас благословили. Наденька подала мне холодную, безответную руку. Мать заговорила о приданом, отец о саратовской деревне — и я жених.

Молодые люди начинают со мною чиниться, уважают во мне уже не приятеля; обхождение молодых девиц сделалось проще. Дамы в глаза хвалят мой выбор, а заочно жалеют о бедной моей невесте. — «Бедная! Она так молода, так невинна, а он такой ветренный, безнравственный». Признаюсь, это начинает мне надоедать.

ПУШКИН. «С французского» 12—13 мая 1830 г. ¹⁾

14 мая 1830 г. Прочитал два действия (трагедии Погодина «Марфа-Посадница»). Пушкин заплакал: «Я не плакал с тех пор, как сам сочиняю, мои сцены народные ничто перед вашими. Как бы напечатать ее», и целовал, и жал мне руку. Да не слишком ли он воображает сам здесь, как алхимик?

М. П. ПОГОДИН. Дневник. П—п и его совр-ки, XXIII—XXIV, 107.

Присоединяю к моему посланию письмо нашего пресловутого Пушкина ²⁾. Эти строки великолепно его характеризуют во всем его легкомыслии, во всей его беззаботной ветренности. К несчастью, это человек, не думающий ни о чем, но готовый на все. Лишь минутное настроение руководит им в его действиях.

М. Я. фон-Фок—генералу А. Х. Бенкендорфу, 13 мая 1830 г. Б. Модзалевский, 53.

Что касается моего брака, то ваши размышления о нем были бы вполне справедливы, если бы обо мне судили менее поэтически. На самом деле я просто добрый малый, который желает только растолстеть и быть счастливым. Первое легче второго.

С вашей стороны очень любезно, что вы принимаете участие в моем положении по отношению к хозяину (царю). Но какое же место, по вашему, я могу занять при нем? Я, по крайней мере, не вижу ни одного, которое могло бы мне подойти. У меня отвращение к делам и бумагам. Быть камерюнкером в моем возрасте уже поздно. Да и что бы я стал делать при дворе? Ни мои средства, ни мои занятия не позволяют мне этого.

Родным моей будущей жены очень мало дела как до нее, так и до меня. Я от всего сердца плачу им тем же. Такие отношения очень приятны, и я их никогда не изменю.

ПУШКИН—Е. М. Хитрово, 19—24 мая 1830 г., из Москвы. Письма Пушкина к Хитрово, 8 (фр.).

¹⁾ Набросок озаглавлен «С французского», но носит столь явно и столь признанно-автобиографический характер, что мы сочли возможным в данном случае нарушить наше правило—не пользоваться для этой книги художественными произведениями Пушкина.

²⁾ Благодарственное письмо Пушкина к Бенкендорфу от 7 мая 1830 г., см. М. Цявловский. Письма Пушкина и к Пушкину. М. 1925.

Пушкин недавно возвратился из деревни кн. Вяземского.. Он очень жалеет, что женитьба отдаляет его от литературных занятий и мешает поприлежнее приняться за издаваемую Дельвигом и Сомовым газету.

М. П. РОЗБЕРГ—В. Г. Теплякову, 8 июня 1830 г., из Москвы. *Истор. Вестн.* 1887, июль, стр. 19.

В 1826—1830 годах Пушкин проигрывал в Москве значительные суммы, преимущественно профессиональным игрокам: Догановскому и Жемчужникову, надавал векселей.

П. А. ЕФРЕМОВ. *Соч. Пушкина*, т. VII, 1903. Стр. 348.

В 1830 г. Пушкин, кажется, проигрался в Москве, и ему понадобились деньги. Он обратился ко мне, но у меня их не было, и я обещался ему перехватить у кого-нибудь из знакомых, начиная с Надеждина, который собирался тогда издавать «Телескоп».

М. П. ПОГОДИН. *Утро, литературный и политический сборник, издаваемый М. Погодиным*. М. 1868, стр. 435.

Собрал мозаические деньги Пушкину и набрал около 2.000 руб. — С торжеством послал.

М. П. ПОГОДИН. *Дневник, 8 июня 1830 г. П—н и его совр-ки, XXIII—XXIV*, 107.

Как ищу я денег Пушкину: как собака!

М. П. ПОГОДИН. *Дневник, 13 июня 1830 г. П—н и его совр-ки, XXIII—XXIV*, 108.

Пушкин говорил М. А. Максимовичу, что князю Юсупову хотелось от него стихов, и затем только он угощал его в своем Архангельском. — «Но ведь вы его изобразили пустым человеком!» — «Ничего! Не догадается!» Пушкин смеялся над Полевым, который в известном послании «К вельможе» видел низкопоклонство.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1887, III, 454

По записи С. Л. Пушкина, совершенной 27 июня 1830 г., в С.-Петербург, дал он сыну своему, дворянину кол. секр. Ал. Сер. Пушкину, из собственного своего недвижимого имущества, состоящего Нижегородской губернии, Сергачского уезда, в сельце Кистеневе — всего 474 души муж. п., — из свободных (за залогом 200 душ) 274 души в вечное и потомственное владение 200 душ муж. п. с женами и детьми.

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. *Архив Опекы над детьми и имущ. Пушкина. П—н и его совр-ки, XIII*, 99.

Сестра сообщает мне любопытную новость, — свадьбу Пушкина на Гончаровой, первостатейной московской красавице. Желая ему быть щастливому, но не знаю, возможно ли надеяться этого с его нравами и с его образом мыслей. Если круговая порука есть в порядке вещей, то сколько ему бедному носить рогов, — это тем вероятнее, что первым его делом будет развратить жену. — Желая, чтоб я во всем ошибся.

Ал. Н. ВУЛЬФ. Дневник, 28 июня 1830 г. П—н и его совр-ки, XXI—XXII, 124.

Мне рассказали анекдот о поэте Пушкине. Кто-то, увидав его после долгого отсутствия, спрашивает его: «что это, дорогой мой, мне говорят, что вы женитесь?» — «Конечно, — ответил тот. — И не думайте, что это будет последняя глупость, которую я совершу в своей жизни». Каков молодец! Приятно это должно быть для невесты. Охота идти за него!

А. Я. БУЛГАКОВ—К. Я. Булгакову, из Москвы, 2 июля 1830 г., Рус. Арх., 1901, III, 482 (фр.-рус.).

«Мадонна», по общему отзыву, относится к Наталье Николаевне, жене поэта.

П. В. НАЩОКИН по записи Бартенева. Рассказы о П—не, 29.

Напускной цинизм Пушкина доходил до того, что он хвалился тем, что стихи, им посвященные Н. Н. Гончаровой («Мадонна»), были сочинены им для другой женщины.

Кн. Пав. П. ВЯЗЕМСКИЙ. Собр. соч., 521.

Гончаровы жили на углу Скарятинского переулка и Большой Никитской.

П. И. БАРТЕНЕВ. Рус. Арх., 1882, I, 232.

Будучи женихом, из дома невесты своей на Б. Никитской Пушкин глядел на гробовую лавку (помещавшуюся в доме ныне кн. А. А. Щербатова) и написал свою повесть «Гробовщик».

П. И. БАРТЕНЕВ. Рус. Арх., 1870, стр. 1388.

* Знаменитый поэт Пушкин, вернувшийся осенью прошлого года с Кавказа, был в Москве в этом месяце и останавливался тоже (как сама Каталани) в «Англии». Мне очень хотелось с ним познакомиться, и я не знала, как это сделать, пока меня не выручил Кокоскин. Поэт был очень мил и наговорил мне много комплиментов. Говорят, что он очень увлечен Гончаровой и женится на ней.

АНДЖЕЛИКА КАТАЛАНИ (знаменитая итальянская певица)—Элеоноре Боме, 15 июля 1830 г., из Москвы. (Из одесской коллекции Ремондини). Наша Старина, 1915, № 6, стр. 542.

В сельце Захарове (где в детстве проводил лето Пушкин) до сих пор живет женщина Марья, дочь знаменитой няни Пушкина, выданная за здешнего крестьянина. Эта Марья рассказывает между прочим об одном замечательном обстоятельстве: перед женитьбой Пушкин приехал в деревню (которая была уже перепродана) на тройке, быстро обежал всю местность и, кончив, заметил Марье, что все теперь здесь идет не по прежнему. Ему, может быть, хотелось возобновить перед решительным делом жизни впечатления детства... Деревня эта не имеет церкви, и жители ходят в село Вяземы, в двух верстах. Пушкин ездил сюда к обедне. Село Вяземы принадлежало Годунову; там доселе пруды, ему приписываемые; старая церковь тоже с воспоминаниями о Годунове; стало быть, Пушкин в детстве мог слышать о нем.

С. П. ШЕВЫРЕВ. Воспоминания о Пушкине.
Л. Майков, 324.

Приезжал он ко мне (в Захарово) сам, перед тем, как вздумал жениться. Я, говорит, Марья, невесту сосватал, жениться хочу... И приехал это прямо не по большой дороге, а задами, другому бы оттуда не приехать: куда он поедет?—в воду на дно! А он знал... Уж оброс это волосками тут (показывая на щеки); вот в этой избе у меня сидел... Хлеб уж убрали, так это под осень, надо-быть, он приезжал-то... Я сижу, смотрю,—тройка! Я эдак... А он уже ко мне в избу-то и бежит... Чем, мол, вас, батюшка, угощать я стану? Сем, мол, яишенку сделаю!—Ну, сделай, Марья! Пока он пошел это по саду, я ему яишенку-то и сварила. Он пришел, покушал... Все наше решилося, говорит, Марья; все, говорит, поломали, все заросло! Побыл еще часика два,—прощай, говорит, Марья, приходи ко мне в Москву! А я, говорит, к тебе еще тобываю. Сели и уехали.

МАРЬЯ ФЕДОРОВНА, крестьянка сельца Захарова. Н. Б. Сельцо Захарово. *Москвитянин*, 1851, № 9—10, 32.

Пушкин ускакал в Питер печатать «Годунова». Свадьба его будет в сентябре.

Н. М. ЯЗЫКОВ—А. М. Языкову, 23 июня 1830 г., из Москвы. *Истор. Вестн.*, 1883 г., дек., стр. 530.

Секретно. Квартировавший в гостинице «Англия» чиновник 10 класса Александр Сергеев Пушкин, за коим был учрежден секретный полицейский надзор, сего июля 16 числа выехал в С.-Петербург. Во время же проживания его здесь ничего предосудительного замечено не было.

Полицимейстер МИЛЛЕР в рапорте и. д. моск. оберполицимейстера, 18 июля 1830 г. *Красн. Арх.*, т. 37, стр. 241.

Александр Сергеевич приехал третьего дня. Говорят, он влюблен больше, чем когда-нибудь. Тем не менее он почти не говорит о ней. Вчера он цитировал фразу,—кажется мне, г-жи де Виллуа, которая говорила своему сыну: «о себе говори только с царем, а о своей жене ни с кем, потому что всегда

рискуешь говорить о ней с кем-нибудь, кто знает ее лучше, чем ты...» Свадьба будет в сентябре.

Баронесса С. М. ДЕЛЬВИГ (жена А. А. Дельвига)—А. П. Керн, 21 (?) июля 1830 г., из Петербурга. *П—н и его совр-ки*, V, 150 (фр.).

В этот приезд Пушкин казался совсем другим человеком: он был серьезен, важен, как следовало человеку с душою, принимавшему на себя обязанность счастливить другое существо.

А. П. КЕРН. Письмо к П. В. Анненкову. *П—н и его совр-ки*, V, 150.

Петербург мне кажется уже довольно скучным, и я рассчитываю сократить мое пребывание здесь, насколько могу.

ПУШКИН—Н. Н. Гончаровой (невесте) 20 июля 1830 г.

Он в восторге от своей Натали,—он говорит о ней, как о божестве. Он рассчитывает приехать с нею в Петербург в октябре месяце. Представь себе, он сделал этим летом sentimentalную поездку в Захарово, совсем один,—единственно для того, чтобы увидеть места, где он провел несколько лет своего детства.

Н. О. ПУШКИНА (мать поэта)—О. С. Павлицевой, 22 июля 1830 г., из Петербурга. *Пушкин. Письма. Гос. Изд. Т. II*, 447 (фр.).

Я мало езжу в свет. Вас там ожидают с нетерпением. Прекрасные дамы спрашивают у меня ваш портрет и не прощают мне того, что у меня его нет. Я утешаю себя, проводя целые часы перед белокурой мадонной, похожей на вас как две капли воды; я купил бы ее, если бы она не стоила 40.000 рублей.

ПУШКИН—Н. Н. Гончаровой, 30 июля 1830 г., из Петербурга.

К стыду своему сознаюсь, что я веселюсь в Петербурге, и не знаю, когда и как возвращусь.

ПУШКИН—кн. В. Ф. Вяземской, 4 авг. 1830 г.

Лето 1830 г. Дельвиги жили на берегу Невы, у самого Крестовского переезда. У них было постоянно много посетителей. Французская июльская революция тогда всех занимала, а так как о ней ничего не печатали, то единственным средством узнать что-либо было посещение знати. Пушкин, большой охотник до этих посещений, но постоянно от них удерживаемый Дельвигом, которого он во многом слушался, получил по вышеозначенной причине дозволение посещать знать хотя ежедневно и привозить вести о ходе дел в Париже. Нечего и говорить, что Пушкин пользовался этим дозволением и был постоянно весел, как говорят, в своей тарелке. Посетивши те

дома, где могли знать о ходе означенных дел, он почти каждый день бывал у Дельвигов, у которых проводил по несколько часов. Пушкин был в это время уже женихом. Общество Дельвига было оживлено в это лето приездом Льва Пушкина,—офицера Нижегородского драгунского полка,—проводившего почти все время у Дельвигов. Время проводили тогда очень весело. Слушали великолепную роговую музыку Дм. Льв. Нарышкина, игравшую на реке против самой дачи, занимаемой Дельвигами.

Чтение, музыка и рассказы Дельвига, а когда не бывало посторонних,—и Пушкина, занимали нас днем. Вечером, на заре, закидывали невод, а позже ходили гулять по Крестовскому острову. Прогулки эти были тихие и спокойные. Раз только вздумалось Пушкину, Дельвигу, Яковлеву и нескольким другим их сверстникам по летам показать младшему поколению, т. е. мне 17-летнему и брату моему Александру 20-летнему, как они вели себя в наши годы, и до какой степени молодежь сделалась вялою сравнительно с прежней.

Была уже темная августовская ночь. Мы все зашли в трактир на Крестовском острове; с нами была и жена Дельвига. На террасе трактира сидел какой-то господин совершенно одиноким. Вдруг Дельвигу вздумалось, что это сидит шпион, и что его надо прогнать. Когда на это требование не поддались ни брат, ни я, Дельвиг сам пошел заглядывать на тихо сидевшего господина то с правой, то с левой стороны, возвращался к нам с остротами насчет того же господина и снова отправлялся к нему. Брат и я всячески упрасивали Дельвига перестать этот маневр. Что, ежели этот господин даст пощечину? Но наши благоразумные уговоры ни к чему не повели. Дельвиг довел сидевшего на террасе господина своим приставаньем до того, что последний ушел. Если бы Дельвиг послушался нас, то, конечно, Пушкин или кто-либо другой из бывших с нами их сверстников по возрасту заменили бы его. Тем страннее покажется эта сцена, что она происходила в присутствии жены Дельвига, которую надо было беречь, тем более, что она кормила своею грудью трехмесячную дочь. Прогнав неизвестного господина с террасы трактира, мы пошли гурьбою по дорожкам Крестовского острова, и некоторые из гурьбы приставали разными способами к проходящим мужчинам, а когда брат Александр и я старались их остановить, Пушкин и Дельвиг нам рассказывали о прогулках, которые они по выпуске из лицея совершали по петербургским улицам, и об их разных при этом проказах, и глумились над нами, юношами, не только ни к кому не придирающимися, но даже останавливающими других, которые десятью и более годами нас старше. Я решительно удостоверяю, что они не были пьяны, а просто захотелось им встряхнуть старинкою и показать ее нам, молодому поколению, как бы в укор нашему более серьезному и обдуманному поведению. Я упомянул об этой прогулке собственно для того, чтобы дать понять о перемене, обнаружившейся в молодых людях в истекшие 10 лет.

Бар. А. И. ДЕЛЬВИГ. *Мои воспоминания* 1.
107—108.

Несмотря на то, что Куницкий только-что вышел в свет из-под отеческого крова, он очень степенен и рассудителен. Другие называют это недостатком, как напр. Пушкин, и хотят в молодости находить и буйность. Но... нониче уже время буйства молодежи прошло... Даже и гусары (название, прежде однозначашее с буйном) не пьянствуют и не бушуют. Не рассудив этого, многие, так прожившие молодость свою, удивляются, что нынешнее поколение не проводит своего времени в трактирах и ....., и называют его упавшим.

Ал. Н. ВУЛЬФ. *Дневник. П—н и его совр-ки*,
XXI—XXII, 133.

Известно, что Пушкин ючень любил карточную игру и особенно ощущения, ею доставляемые, так что по временам довольно сильно предавался этой страсти. Однажды, если не ошибаюсь, в 1833 г. летом, когда он жил на Черной речке (*Мат. П. В. Анненкова, стр. 359*), на одной из соседних дач вечером собралось довольно большое общество, и в том числе Пушкин. Все гости были охотники до карт, а потому юни вскоре расположились вокруг зеленого стола, и один из них начал метать банк. Все игроки совершенно погрузились в свои ставки и расчеты, так что внимание их ничем нельзя было отвлечь от стола, на котором решалась участь многочисленных понтеров. В это время в калитку палисадника, в который выходили открытые окна и балконные двери дачи, вошел молодой человек очень высокого роста, закутанный в широкий плащ. Увидя играющую компанию, он незаметно для занятых своим делом игроков, не снимая ни шляпы, ни плаща, вошел в комнату и остановился за спиною одного из понтеров. Молодой человек этот был кн. С. Г. Голицын, хороший приятель Пушкина и прочих лиц, бывших в комнате. В то время он был в числе многочисленных почитателей девицы Россети, принадлежавшей к лучшим украшениям петербургского общества по замечательной красоте, пленительной лобезности и светлому уму. Должно заметить, что дня за два до описываемого вечера Голицын находился в том же обществе, которое сошло теперь на даче Черной речки, выиграл около тысячи рублей, именно у банкюмета, державшего теперь банк, и что выигрыш этот остался за ним в долгу. Голицын, подошедший к столу, простоял несколько минут все-таки никем не замеченный, и, наконец, взявши со стола какую-то карту, бросил ее и закричал «ва-банк!» Все подняли глаза и увидели со смехом и изумлением неожиданного гостя в его странном костюме. Началась приветствия, но банкюмет, озадаченный ставкою Голицына, встал и, отведя его немного в сторону, спросил: «да ты на какие деньги играешь? на эти или на те?» Под «этими» он разумел ставку нынешнего вечера, а под «теми» свой долг. Голицын ответил ему: «это все равно: и на эти, и на те, те, те». Игра продолжалась, но Пушкин слышал ответ Голицына; те, те, те его очень забавляло, и он шутя написал стихи:

Полюбуйтесь же вы, дети,
 Как в сердечной простоте
 Длинный Фирс¹⁾ играет в эти,
 Те, те, те и те, те, те.
 Черноокая Россети
 В самовластной красоте
 Все сердца пленила эти,
 Те, те, те и те, те, те.
 О, какие же здесь сети
 Рок нам стелет в темноте!
 Рифмы, деньги, дамы эти,
 Те, те, те и те, те, те.

Рассказанный здесь анекдот и стихи Пушкина сообщены нам самим Голицыным, кому они были адресованы²⁾.

М. Н. ЛОНГИНОВ. Анекдот о Пушкине. *Библиографические Записки*, 1858, I, 494—496.

¹⁾ Прозвище кн. С. Г. Голицына.

²⁾ Все редакторы сочинений Пушкина,—Ефремов, Морозов, Венгров Брюсов и др.—согласно показанию Лонгинова, относят данное стихотворение и бывавший его эпизод к 1833 г. Положительно непонятно то доверие, которое они оказывают лонгиновской датировке. Да, Лонгинов говорит,—в 1833 году, но оговаривается: «если не ошибаюсь»; сообщает, что Пушкин в то время жил на Черной речке, но ссылается при этом на «Материалы» Анненкова, а не на показания кн. Голицына. Со слов же Голицына сообщает, что он в то время был почитателем девицы Россети, Пушкин в стихах своих тоже говорит о Россети.

Я ехал с Вяземским из Петербурга в Москву. Дельвиг хотел проводить меня до Царского села. 10 августа (1830) по утра мы вышли из города. Вяземский должен был нас нагнать на дороге. Дельвиг обыкновенно просыпался очень поздно. В этот день встал он в осьмом часу, и у него с непривычки кружилась и болела голова. Мы принуждены были зайти в низенький трактир. Дельвиг позавтракал. Мы пошли далее. Ему стало легче; головная боль прошла. Он стал весел и говорлив.

ПУШКИН. *О Дельвиге*. 1831 г.

10 авг. 1830 г. Выехали мы из Петербурга с Пушкиным в дилижансе. Обедали в Царском Селе у Жуковского. В Твери выделись с Глинкою. 14-го числа утром приехали в Москву.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Полн. собр. соч.*, IX, 137.

Пушкин вовсе не был лакомка. Он даже, думаю, не ценил и нехорошо постигал тайн поваренного искусства, но на иные вещи был он ужасный прожора. Помню, как в дороге с'ел он почти одним духом двадцать персиков, купленных в Торжке. Моченым яблокам также доставалось от него нередко.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Соч.* VIII, 372.

Пушкин в городе живет у меня, и, если вы будете ему писать, то вот мой адрес: (*Москва*) в доме князя Вяземского, в Чернышевском переулке.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—Е. М. Хитрово, 2 сент. 1830 г., *Рус. Арх.*, 1899, II, 86.

Князь Вл. Голицын.

Никитушка! скажи, где Пушкин Царь-поэт?

Никита.

Давным давно, сударь, его уж дома нет,
Не усидит никак приятель ваш на месте,
То к дяде на поклон, то полетит к невесте.

Князь Влад. Г.

А скоро-ль женится твой мудрый господин?

Никита.

Осталось месяц лишь гулять ему один.

Вот мой разговор с вашим камердинером

Кн. В. С. ГОЛИЦЫН—Пушкину, летом 1830 г.
Москва. Переп. Пушкина, II, 205.

В 1833 же году девица Россет давно уже была г-жею Смирновой. Лонгиной в 50-х годах, когда Смирнова была еще жива, и даже называть ее можно было только под инициалами, конечно, не мог знать, когда именно Смирнова вышла замуж. Но ведь мы теперь это знаем. Больше того. Мы знаем, что осенью 1832 г. Смирнова перенесла очень тяжелые роды,—по словам Вяземского, «делали ей несколько операций и, наконец, должны были раздавить в ней голову ребенка и вытащить его мертвого». Тяжело больную Смирнову после этого увезли для лечения за границу, откуда она воротилась только к осени 1833 г. Все это вместе делает совершенно невероятным, чтобы Пушкин летом 1833 г. мог писать: «черно-окая Россети в самовластной красоте все сердца пленяет»... Ясно, стихотворение написано до ее замужества. Но когда именно? Лето 1828 г. Россет жила в Ревеле,

Бедный Василий Львович Пушкин скончался 20 августа (1830). Накануне был уже он совсем изнемогающий, но, увидя Александра, племянника, сказал ему: «как скучен Катенин!» Перед этим читал он его в «Литературной Газете». Пушкин говорит, что он при этих словах и вышел из комнаты, чтобы дать дяде умереть исторически. Пушкин был, однако же, очень тронут всем этим зрелищем и во все время вел себя, как нельзя приличнее.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Поли. собр. соч.*, IX, 138.

Нам передавали современники, что, услышав эти слова от умиравшего Василия Львовича, Пушкин направился на ципочках к двери и шепнул собравшимся родным и друзьям его: «Господа, выдемите; пусть это будут последние его слова».

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1870, стр. 1369.

Бедный дядя-Василий! Знаешь ли его последние слова? Приезжаю к нему, нахожу его в забытьи, очнувшись, он узнал меня, погоревал, потом, помолчал: «как скучны статьи Катенина!» и более ни слова. Каково? Вот что значит умереть честным воином, на щите, с боевым кликом на устах!

ПУШКИН—П. А. Плетневу, 9 сентября 1830 г.

И. И. дмитриев, подозревая причиною кончины Вас. Львовича холеру, не входил в ту комнату, где отпевали покойника. Ал. Серг. Пушкин уверял, что холера не имеет приличивости и, отнесясь ко мне, спросил: «да не боитесь ли и вы холеры?» Я ответил, что боялся бы, но этой болезни еще не понимаю.—«Не мудрено, вы служите подле медиков. Знаете ли, что даже и медики не скоро поймут холеру. Тут все лекарство один соугае, соугае и больше ничего». Я указал ему на словесное мнение Ф. А. Гильтебранта, который почти то же говорил.—«О, да! Гильтебрантов немного»,—заметил Пушкин.

М. Н. МАКАРОВ. *Пушкин в детстве. Современник.* 1843, т. XXIX, 384.

На похоронах у Вас. Львовича Пушкина с Языковым и потом в карете с Данзасом в Донской монастырь. С Пушкиным на могиле Сумарокова.

М. П. ПОГОДИН. *Дневник.* 23 августа 1830 г. *П--я и его совр-ки*, XXIII—XXIV, 108.

В августе 1830 г. Пушкин приехал в Остафьево к князю Вяземскому и не успел еще расплатиться, как домовый слуга стал гнать ямщика от большого подезда. Пушкин крикнул: «Оставь его! Оставь его!».

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1911, II, 553.

и навряд ли Пушкин в то время был с нею знаком. Лето 1829 года Пушкин провел на Кавказе. Лето 1831 г. провел с молодою женою в Царском, в 1832 г. Россет была уже г-жею Смирновой. Ясно,—описанный случай мог произойти только за время пребывания Пушкина в Петербурге летом 1830 г., когда он писал кн. Вяземской, что «веселится в Петербурге», и когда часто бывал на островах у Дельвига.

Я отправляюсь в Нижний, без уверенности в своей судьбе. Если ваша мать решила расторгнуть нашу свадьбу, и вы согласны повиноваться ей, я подпишусь подо всеми мотивами, какие ей будет угодно привести своему решению, даже и в том случае, если они будут настолько основательны, как сцена, сделанная ею мне вчера, и оскорбления, которыми ей угодно было осыпать меня. Может быть, она права, и я был неправ, думая одну минуту, что я был создан для счастья. Во всяком случае, вы совершенно свободны; что же до меня, то я даю вам честное слово принадлежать только вам, или никогда не жениться.

ПУШКИН—Н. Н. Гончаровой, конец августа
1830 г. Москва (фр.).

Я уезжаю, рассорившись с г-жей Гончаровой. На другой день после бала она сделала мне самую смешную сцену, какую только можно себе представить. Она мне наговорила вещей, которых я, по совести, не мог равнодушно слушать. Я еще не знаю, расстроилась ли моя свадьба, но повод к этому налицо, и я оставляю двери широко открытыми...

ПУШКИН—кн. В. Ф. Вяземской, конец авг. 1830 г.,
Москва (фр.).

Сейчас еду в Нижний, т.-е. в Лукьянов, в село Болдино. Милый мой, расскажу тебе все, что у меня на душе: грустно, тоска, тоска. Жизнь жениха 30-летнего хуже 30-ти лет жизни игрока. Дела будущей тещи моей расстроены. Свадьба моя отлагается день ото дня далее. Между тем я хладею, думаю о заботах женатого человека, о прелести холостой жизни. К тому же московские сплетни доходят до ушей невесты и ее матери—отселе размолвки, колкие обиняки, ненадежные примирения,—словом, если я и не несчастлив, по крайней мере не счастлив. Осень подходит. Это любимое мое время—здоровье мое обыкновенно крепнет—пора моих литературных трудов настает,—а я должен хлопотать о приданом, да о свадьбе, которую сыграем бог весть когда. Все это не очень утешно. Еду в деревню. Бог весть, буду ли там иметь время заниматься, и душевное спокойствие, без которого ничего не произведешь, кроме эпиграмм на Каченовского. Так-то, душа моя. От добра добра не ищут. Чорт меня догадал бредить о щастии, как-будто я для него создан. Должно было мне довольствоваться независимостью.

ПУШКИН—П. А. Плетневу, 31 авг. 1830 г.,
Москва.

Перед моим отъездом Вяземский показал мне письмо, только что им полученное: ему писали о холере, уже перелетевшей из Астраханской в Саратовскую губернию. По всему видно было, что она не миует и Нижегородской (о Москве мы еще не беспокоились). Я поехал с равнодушием, коим был обязан пребыванию моему между азиатцами. Приятели, у коих дела были в порядке (или в привычном беспорядке, что совершенно одно), упрекали меня за то и важно говорили, что легкомысленное бесчувствие не есть еще истинное мужество. На дороге встретил я Макарьевскую ярмарку, прогнанную холерой. Вернуться в Москву казалось мне малодушием; я поехал далее, как, может быть, случалось вам ехать на поединок, с досадой и большой неохотой.

ПУШКИН. Заметка о холере. 1831 г.

Если бы я не был в дурном расположении, едуци в деревню, я вернулся бы в Москву со второй станции, где я уже узнал, что холера опустошает Нижний. Но тогда я и не думал поворачивать назад, и главным образом я тогда готов был радоваться чуме.

ПУШКИН—Н. Н. Гончаровой 26 ноября 1830 г.

Село Большое или Базарное Болдино, при речке Азана или Сазанке, находится на северной полосе Лукояновского уезда, в юго-восточном углу Нижегородской губернии. Оно расположено на пригорке, с пологим скатом по направлению к соседнему селу Ларионову. Избы, как и в большинстве селений этой полосы, крыты соломой, и самое село, благодаря этому, имеет вид бедной глухой деревушки. На горе, среди села, широкая площадь, на которой живописно выделяется помещичья усадьба, вся в зелени, обнесенная красивою оградой; рядом с усадьбой высится церковь. Против усадьбы—волоостное правление, а за ним, замыкая площадь, тянутся крестьянские избы. Верхнюю часть села можно считать старейшим жилищным пунктом Болдина вместе с примыкающими к ней по склону базарною площадью и улицей. Вокруг Болдина местность степная, безлесная, встречаются лишь небольшие рощицы из дубняка и осинника. В прежнее время на месте нынешней усадебной ограды близ церкви лепились крестьянские избы, снесенные уже в конце тридцатых или сороковых годов.—Старый барский дом, в котором жил Пушкин, по показанию старожилов, находился на том же месте, где и теперь стоит господская усадьба (стр. 4)... Это был небольшой одноэтажный дом, с деревянною крышей, с черным двором и службами, обнесенный мелким дубовым частоколом. Крутом дома был пустырь: ни цветников, ни сада; невдалеке от дома находился только небольшой пруд, известный ныне под названием «Пильники», да виднелись два-три деревца, из которых теперь сохранилось разве одно, — огромный, могучий, многолетний вяз. За оградой усадьбы, невдалеке (на месте нынешних пожарных сараев), стояла вотчинная контора; против нее на площади высилась церковь... Из окон дома открывался унылый вид на крестьянские соломенные избы (13)... Все население села Болдина — русское, православного вероисповедания; занимались хлебопашеством. Почва здесь черноземная и отчасти суглинок (8). Кроме хлебопашества, жители Болдина занимались приготовлением черного поташа из золы сорных трав и соломы (до 20 домов). Главный промысел болдинских крестьян был санный. Зимой почти все село работало крестьянские сани (9).

Во владении С. Л. Пушкина в Нижегородской губернии к 1830 г. состояло: село Кистенево, где было 476 душ, и половина села Болдина в 564 души; другая половина Болдина находилась во владении брата его, Василия Львовича (11).

Сельцо Кистенево (Темяшево тож), соседнее с Болдиным, в пограничном Сергачском уезде, при р. Чеке, впадающей в Пьяну, расположено улицами, которые носили особые названия: Самодуровка, Кривулица, Стрелецкая и Бунтовка. Уже наружный вид жилых построек ясно говорил постороннему взору, что кистеневские крестьяне жили в большой нужде, черно и грязно, только $\frac{1}{4}$ крестьянских домов были покрыты тесом на два ската и топились «по-белому», а остальные $\frac{3}{4}$ представляли из себя подслеповатые курные избенки, крытые соломой... В 30-х гг. (по 8 ревизии) здесь жило 523 мужчины и 538 женского пола крестьян. В «Списке населенных мест» Кистенево показано, как часть прихода с. Болдина. Вероятно, оно было выселено сюда «по господскому велению» за самодурство и бунты; не даром улицы Кистенева получили столь характерные наименования, как Самоду-

ровка и Бунтовка (9)... Все население Кистенева, как и в Болдине, было русское, православное; кроме хлебопашества, крестьяне были заняты выделкою рогож. Весною значительная часть уходила на Волгу в бурлаки, в Оренбургские степи гуртовщиками и в Самарскую — жать пшеницу (9).

А. И. ЗВЕЗДИН. *О Болдинском имении А. С. Пушкина. Н.-Новгород, 1912.*

По «Экономическим примечаниям» (относящимся к 1789 году) «село Болдино — всего 243 двора, 1.336 муж., 1.385 женщ.; 4.538 десятин пашни, 544 — покосу, 1.965 — лесу строевого и дровяного, 162 — под усадьбой, 72 — неудобной. Расположено Болдино при речке Азанке, по течению на правой стороне. Господский дом деревянный, сада нет. На речке Азанке (на ее правом берегу расположена и деревня) — сажень ширины и четверть сажени глубины в жаркое время — запружен пруд и при нем состоит ручная (?—речная?) мельница о двух поставах, действие имеет во весь год, которая мелет для крестьянского обихода; в речке рыба: щуки, окуни, язи, плютва. Земля грунт имеет серо-глинистый, лучше родится рожь, овес, греча, горох и полба, а прочие семена средственны. Сенные покосы против других мест средственны. Лес строевой и дровяной: березовый, липовый, осинювый, ольховый и ивовый; в нем звери: волки, лисицы, зайцы, горностаи; птицы: тетерева, рябчики, скворцы, чижи, щеглы, соловьи».

П. Е. ШЕГОЛЕВ. *Пушкин и мужики. Изд. «Федерация». М. 1928. Стр. 63.*

Едва успел я приехать, как узнаю, что около меня одеваются деревни, учреждаются карантинны. Народ ропщет, мятежи вспыхивают то там, то здесь нелепые. Я занялся моими делами, перечитывая Кольриджа, сочиняя сказочки и не езда по соседям.

ПУШКИН. *Заметка о холере (1831).*

Моя дорогая, моя милая Наталья Николаевна,— я у ваших ног, чтобы благодарить и просить вас о прощении за беспокойство, которое я вам причинил. Ваше письмо прелестно и вполне меня успокоило. Мое пребывание здесь может продолжиться вследствие обстоятельства, совершенно непредвиденного. Я думал, что земля, которую мой отец дал мне, составляет особое имение; но она — часть деревни из 500 душ, и нужно приступить к разделу. Я постараюсь устроить все это как можно скорее. Еще больше я боюсь карантиннов, которые начинают устанавливаться здесь. В окрестностях у нас Cholera morbus (очень миленькая персона). И она может удержать меня дней двадцать лишних.

ПУШКИН—Н. Н. Гончаровой, 9 сент. 1830 г. из Болдина.

Теперь мрачные мысли мои порассеялись; приехал я в деревню и отдыхаю. Около меня холера морбус. Ты не можешь вообразить, как весело удрать от невесты, да и засесть стихи писать. Жена не то, что невеста. Куда! Жена свой брат. При ней пиши, сколько хошь. А невеста пуше Цензора Щеглова язык и руки связывает... Сегодня от своей получил я премиленькое письмо: обещает выйти за меня и без приданого. Приданое не уйдет. Совет меня в Москву — я приеду не прежде месяца... Ах, мой милый! что за прелесть здешняя деревня! вообрази: степь да степь; соседей ни души; езд

верхом, сколько душе угодно, пиши дома, сколько вздумается, никто не помешает. Уж я тебе наготовлю всячины, и прозы и стихов.

ПУШКИН—П. А. Плетневу, 9 сент. 1830 г. Болдино.

Г. Пушкин введен во владение (крестьянами с-ца Кистенева) через дворянского заседателя Григорьева 1830 г. Сентября 16 дня, в получении коих крестьян во владение и дана самым помещиком тому заседателю Григорьеву расписка.

ПОМЕТА СЕРГАЧСКОГО ЗЕМСКОГО СУДА на дарственной записи С. Л. Пушкина от 25 июня 1830 г. П.—я и его совр-ки, XIII, 99.

Вот в чем было дело: теща моя отлагала свадьбу за приданым, а уж, конечно, не я. Я бесился. Теща начинала меня дурно принимать и заводить со мною глупые ссоры; и это бесило меня. Хандра схватила меня, и черные мысли мной овладели. Неужто я хотел или думал отказаться? Но я видел уж отказ, и утешался чем ни попало. Все, что ты говоришь о свете, справедливо; тем справедливее опасения мои, чтобы тетушки да бабушки, да сестрицы не стали кружить голову молодой жене моей пустяками. Она меня любит, но посмотри, Алеко Плетнев, как гуляет вольная луна etc. Баратынский говорит, что в женихах щастлив только дурак; а человек мыслящий беспокоен и волнуем будущим. Доселе он один я — а тут он будет мы. Шутка! От того-то я тещу и торопил; а она, как баба, у которой долог лишь волос, меня не понимала да хлопотала о приданом, чорт ее побери. Оконча дела мои, еду в Москву сквозь целую цепь карантинных.—Месяц буду в дороге по крайней мере. Месяц здесь я прожил, не видя ни души, не читая журналов; я бы хотел переслать тебе проповедь мою здешним мужикам о холере; ты бы со смеху умер, да не стоишь ты этого подарка.

ПУШКИН—П. А. Плетневу, 29 сент. 1830 г., из Болдина.

Дядя П. П. Григорьев любил передавать мне разговор Пушкина с тогдашней (нижегородской) губернаторшей Бутурлиной¹⁾. Это было в холерный год.—«Что же вы делали в деревне, А. С.—ч? —спрашивала Бутурлина.—Скучали?» —«Некогда было, Анна Петровна. Я даже говорил проповеди».—«Проповеди?» —«Да, в церкви, с амвона, по случаю холеры. Увещевал их.—И холера послана вам, братцы, оттого, что вы оброка не платите, пьянствуете. А если вы будете продолжать так же, то вас будут сечь. Аминь!».

П. Д. БОБОРЫКИН. За полвека. Рус. Мысль, 1906 г., № 2, стр. 24.

Вот я и совсем готов почти сесть в экипаж, хотя мои дела не кончены, и я совершенно пал духом. Мне объявили, что устроено пять карантинных от-

¹⁾ Мих. Петр. Бутурлин вступил в должность нижегородского губернатора только в 1831 году. В 1830 г. нижегородским губернатором был действ. статск. советник Ил. Мих. Бибилов (См. *Памятную книжку Нижегородской губернии на 1865 год*. Изд. Нижегородского Губ. Статистич. Комитета. Нижний-Новгород. 1864).

сюда до Москвы, и в каждом мне придется провести четырнадцать дней; сосчитайте хорошенько и притом представьте себе, в каком я должен быть сквернейшем настроении! К довершению благополучия, начался дождь, с тем, конечно, чтобы не перестать до самого санного пути... Будь проклят тот час, когда я решился оставить вас и пуститься в эту прелестную страну грязи, чумы и пожаров — мы только и видим это. Я бешусь. Наша свадьба, повидимому, все убегает от меня, и эта чума, с ее карантинами, — разве это не самая дрянная шутка, какую судьба могла придумать?

ПУШКИН—Н. Н. Гончаровой, 30 сент. 1830 г.,
Болдино.

Из расспросов болдинских старожилков об образе жизни Пушкина мы узнали немного. Один из них, столетний старик, Михай Иванович Сивохин, хорошо помнит, что курчавый барин, Александр Сергеевич, каждый день ездил верхом в соседние Казаринские кусты и в Кистеневскую рощу и записывал, «какие местам звания, какие леса, какие травы растут»; каждый день, по словам Сивохина, барину готовили кадушку теплой воды; это была импровизированная ванна.

А. И. ЗВЕЗДИН. Действия Ниж. Губ. Уч. Арх.
Комиссии, IV, 62.

Курчавый, невысокого роста... Веселый барин, ласковый... Случалось мне ему один раз лошадь седлать. На карауле я был, да и зашел на барский двор. Слышу, кто-то зовет... Я думал, что конторщик, а это сам барин из дому вышел.— «Эй, человек, пойдй ко мне».— «Чего изволите, ваше благородие?» — «Пойдем со мной в конюшню, пособи лошадь седлать». Вывел я ему лошадь, он сел и говорит: «отвори,— говорит,— мне ворота, проводи со двора». Проводил я его,— он и поскакал трусцой в Казаринские кусты... Всё туда ездил верхом; почесть каждый вечер, и всё один.

МИХЕЙ ИВ. СИВОХИН, 100-летний старик, болдинский крестьянин, в передаче А. И. Звездина. О болдинском имении А. С. Пушкина». Н.-Новгород. 1912. Стр. 4—5.

Когда Пушкин жил в деревне, Наталья Ивановна (Гончарова, мать невесты) не позволяла дочери самой писать к нему письма, а приказывала ей писать всякую глупость и между прочим делать ему наставления, чтобы он соблюдал посты, молился богу и пр. Наталья Николаевна плакала от этого.

Кн. Е. А. ДОЛГОРУКОВА по записи Бартенева.
Рассказы о Пушкине, 63.

Имение, где Пушкин жил в Нижнем, находится в нескольких верстах от села Апраксина, принадлежавшего семейству Новосильцовых, которых поэт очень любил, в особенности хозяйку дома, милую и добрую старушку. Она его часто журила за его суеверие, которое доходило, действительно, до невероятной степени. Г-жа Новосильцова праздновала свои именины, и Пушкин обещал приехать к обеду, но его долго ждали напрасно и решились, наконец, сесть за стол без него. Подавали уже шампанское, когда он явился, подошел к имениннице и стал перед ней на колени: — «Наталья

Алексеевна, — сказал он, — не сердитесь на меня: я выехал из дома и был уже недалеко отсюда, когда проклятый заяц пробежал поперек дороги. Ведь вы знаете, что я юродивый: вернулся домой, вышел из коляски, а потом сел в нее опять и приехал, чтоб вы меня выдрали за уши».

ТОЛЫЧЕВА (Е. В. НОВОСИЛЬЦЕВА). *Рус. Арх.*, 1877, II, 99.

Приехал в Апраксино Пушкин, сидел с барышнями, был скучен и чем-то недоволен. Разговор не клеился, он все отмалчивался, а мы болтали. Перед ним лежал мой альбом, говорили мы об «Евгении Онегине», Пушкин молча рисовал что-то на листочке. Я говорю ему: «зачем вы убили Ленского? Варя весь день вчера плакала!» Варваре Петровне тогда было лет шестнадцать, собой была недурна. — «Ну, а вы, Варвара Петровна, как бы кончили эту дуэль?» — «Я бы только ранила Ленского в руку или плечо, и тогда Ольга ходила бы за ним, перевязывала бы рану, и они друг друга еще больше бы полюбили». — «А знаете, где я его убил? Вот где», — протянул он к ней свой рисунок и показал место у опушки леса. — «А вы как бы кончили дуэль?» — обратился Пушкин ко мне. — «Я ранила бы Онегина; Татьяна бы за ним ходила, и он оценил бы ее, и полюбил ее». — «Ну, нет, он Татьяны не стоил», — ответил Пушкин.

А. П. НОВОСИЛЬЦЕВА по записи Н. Кр. Курские Губ. Вед., 1899, № 29, Цит. по «Разговоры Пушкина», изд. «Федерации», 1929, стр. 154.

Между тем начинаю думать о возвращении и беспокоиться о карантине. Вдруг получаю известие, что холера в Москве. Я попался в западню, как-то мне будет вырваться на волю. Страх меня пронял: в Москве!.. Я тотчас собрался в дорогу и поскакал. Проехав 20 верст, ямщик мой останавливается; застава! Несколько мужиков с дубинами охраняли переправу через какую-то речку. Я стал спрашивать их (выведывать о карантине, о начальнике): ни они, ни я хорошенько не понимали, зачем они стояли тут с дубинами и с повелением никого не пускать. Я доказывал им, что вероятно где-нибудь да учрежден карантин, что не сегодня, так завтра на него наеду, и в доказательство предложил им серебряный рубль. Мужики со мной согласились, перевезли меня и пожелали многие лета.

ПУШКИН. *Заметки о холере, 1831 г.*

В 1830 году, во время холеры, С. Я. Ползиков был писцом у моего отца А. А. Крылова. Во время эпидемии мой отец был сделан окружным комиссаром, и в его округ входило село Болдино, в котором жил тогда А. С. Пушкин. Отец вместе с Ползиковым несколько раз бывал в Болдине у Пушкина и, кроме того, часто виделся с ним в с. Апраксине у Новосильцевых и в с. Черновском у Топорниной. Ползиков рассказывал эпизод бегства Пушкина из Болдина с большими подробностями, чем это описал сам Пушкин. — По словам Ползикова, холера надвигалась к Болдину с востока, от Волги, но еще не доходила до Болдина и его окрестностей. Карантины были поставлены по московской дороге и по р. Пьяне. От нижегородского губернатора было объявлено, что, как только холера дойдет до р. Пьяны, то карантин усилить и никого не пропускать за Пьяну. — Усердие же карантинных мужиков стало притеснять приезжающих еще до появления холеры. И вот в это-то время Пушкин, боясь попасть в карантин, поторопился уехать в

Москву, и очень понятно, что мужики воспользовались тароватостью Пушкина,— взяли с него целковый за перевоз; но Ползиков об этом целковом не рассказывал.

Н. А. КРЫЛОВ. Очерки из далекого прошлого.
Вестник Европы, 1900, кн. 5, стр. 174.

1 октября я получаю известие, что холера распространилась до Москвы и что жители все оставили город. Это последнее известие меня успокоило несколько. Узнав, между тем, что выдавали свидетельства на свободный проезд, или, по крайней мере, на сокращенный срок карантина, я написал по этому предмету в Нижний. Мне отвечают, что свидетельство будет мне выдано в Лукоянове (так как Болдино не заражено): в то же время меня извещают, что вход и выход из Москвы запрещены. Эта последняя новость и в особенности неизвестность вашего пребывания останавливают меня в Болдине. Приехав в Москву, я мог опасаться, или, лучше сказать, я надеялся не найти вас там. Между тем, слух, что Москва опустела, подтверждался и успокаивал меня. Вдруг, я получаю от вас маленькую записку, из которой узнаю, что вы вовсе и не думали выезжать. Я беру почтовых лошадей, приезжаю в Лукоянов; мне отказывают в выдаче паспорта под тем предлогом, что я выбран для надзора за карантинными моего округа. Я решился продолжать мой путь, послав жалобу в Нижний. Переехав во Владимирскую губернию, я вижу, что проезд по большой дороге запрещен, и никто об этом ничего не знал; такой здесь порядок!

ПУШКИН—Н. Н. Гончаровой, 26 ноября 1830 г.,
из Болдина.

В минуту моего выезда, в начале октября, меня назначают окружным инспектором. Я непременно принял бы эту должность, если бы в то же время не узнал, что холера появилась в Москве. Мне стоило большого труда отделаться от инспекторства. Потом приходит известие, что Москва оцеплена и въезд запрещен. Затем мои несчастные попытки убраться; потом известие, что вы не покидали Москвы.

ПУШКИН—Н. Н. Гончаровой, 2 декабря 1830 г.,
Платово.

Явился г. Ульянинов (бывш. лукояновский уездный предводитель дворянства). Во время холеры,—рассказывал он между прочим,—мне поручен был надзор за всеми заставами со стороны Пензенской и Симбирской губ. А. С. Пушкин в это самое время, будучи женихом, находился в поместье отца своего в селе Болдине. Я отношусь к нему учтиво, предлагая принять самую легкую должность. Он отвечает мне, что, не будучи помещиком здешней губернии, он не обязан принимать должность. Я опять пишу к нему и прилагаю министерское распоряжение, по коему никто не мог отказаться от выполнения должностей. И за тем он не согласился и просил меня выдать ему свидетельство на проезд в Москву. Я отвечал, что, за невыполнением первых моих отношений, свидетельства выдать не могу. Он отправился так, на-удалую; но во Владимирской губ. был остановлен и возвратился назад в Болдино. Между тем в Лукоянов приехал министр (гр. А. А. Закревский).—«Нет ли у вас из дворян таких, кои уклонились бы от должностей?»—«Все действовали усердно за исключением нашего стихотворца А. С. Пушкина».—«Как он смел это сделать?»—Пушкин получил строгое предписание мини-

стра и принял должность. Г. Ульянинов прибавил: позднее, в бытность мою в Петербурге, я познакомился с Пушкиным в Английском клубе, где он подошел ко мне, говоря: «кажется, это вы меня так притеснили во время холеры?»

П. М. ЯЗЫКОВ (брат поэта, Н. М—ча). Из записок. Рус. Арх., 1874, I, 799.

В'езд в Москву запрещен, и вот я заперт в Болдино. Я совсем потерял мужество, и не знаю в самом деле, что делать? Ясное дело, что в этом году (будь он проклят) нашей свадьбе не бывать. Мы окружены карантинами, но эпидемия еще не проникла сюда. Болдино имеет вид острова, окруженного скалами. Ни соседа, ни книги. Погода ужасная. Я провожу мое время в том, что мараю бумагу и злось. Не знаю, что делается на белом свете. Я становлюсь совершенным идиотом; как говорится, до святости.

ПУШКИН—Н. Н. Гончаровой, 11 октября 1830 г., Болдино.

19 окт., сожж (ена) X песнь (Евгения Онегина).

ПУШКИН. Пометка в черновой тетради. Русс. Старина, 1884 г., т. 44, стр. 339.

Я сунулся было в Москву, да, узнав, что туда никого не пускают, воротился в Болдино да жду погоды.—Ну уж погода! Знаю, что не так страшен чорт, як его малюют; знаю, что холера не опаснее турецкой перестрелки,—да отдаленность—да неизвестность—вот что мучительно. Хоть я и не из иных прочих, так сказать—но до того доходит, что хоть в петлю.—Мне и стихи в голову не лезут, хоть осень чудная, и дождь и снег и по колено грязь.

ПУШКИН—П. А. Плетневу, конец октября 1830 г., Болдино.

Посылаю тебе, барон, вассальскую мою подать, именуемую цветочною, по той причине, что платится она в ноябре, в самую пору цветов. Доношу тебе, моему владельцу, что нынешняя осень была детородна, и что коли твой смиренный вассал не околет от сарацинского падежа, Холерой именуемого, то в замке твоём, Литературной Газете, песни трубадуров не умолкнут круглый год. Отец мне ничего про тебя не пишет, а это беспокоит меня, ибо я все-таки его сын,—т.-е. мнителен и хандрлив (каково словечко?). Скажи Плетневу, что он расцеловал бы меня, видя мое осеннее прилежание.

ПУШКИН—бар. А. А. Дельвигу, 4 ноября 1830 г., Болдино.

В Болдине, все еще в Болдине! Узнав, что вы не оставили Москвы, я взял почтовых лошадей и отправился. Выехав на большую дорогу, я увидел, что настоящих карантинных только три. Я храбро явился в первый (Сиваслейка, губ. Владимирская); инспектор спрашивает мою подорожную, сообщив, что мне предстоит всего шесть дней остановки. Потом он бросает взгляд на подорожную:—Вы не по казенной надобности изволите ехать?—Нет, по собственной самонужнейшей.—Так извольте ехать назад, на другой

тракт, здесь не пропускают.—Давно ли?—Да уж около 3-х недель.—И эти свиньи, губернаторы, не дают этого знать?—Мы не виноваты-с.—Не виноваты! а мне разве от этого легче? Нечего делать—еду назад в Лукоянов, требую свидетельства, что еду не из зачумленного места. Предводитель здешний не знает, может ли, после поездки моей, дать мне это свидетельство. Я пишу губернатору, а сам, в ожидании его ответа, свидетельства и новой подорожной, — сижу в Болдине, да кисну. Вот каким образом я проделал 400 верст, не сделав шагу от моей берлоги.

Я совсем потерял мужество, и так как у нас теперь пост (скажите матушке, что этого поста я долго не забуду), то я не хочу больше торопиться; предоставляю вещам идти по своей воле, а сам останусь ждать, сложив руки. Мой отец все мне пишет, что моя свадьба расстроилась. На-днях он уведомит меня, может быть, что вы вышли замуж. Есть от чего потерять голову.

ПУШКИН—Н. Н. Гончаровой, 18 ноября 1830 г.,
Болдино.

Вот я и в карантине, с перспективою оставаться в плену четырнадцать дней — после чего надеюсь быть у ваших ног... Я в карантине и в эту минуту не желаю ничего больше. Вот до чего мы дожили—что рады, когда нас на две недели посадят под арест в прязной избе к ткачу, на хлеб и на воду!

ПУШКИН—Н. Н. Гончаровой, 2 декабря 1830 г.,
Платово.

Милый! я в Москве с 5 декабря. Нашел тещу озлобленную на меня, и на силу с нею сладил,—но слава богу—сладил. На силу прорвался я и сквозь карантин—два раза выезжал из Болдина и возвращался. Но слава богу, сладил и тут. Скажу тебе (за тайну), что я в Болдине писал, как давно уже не писал. Вот что я привез сюда: 2 последние главы Онегина, 8-ю, 9-ю, совсем готовые в печать. Повесть писанную октавами (стихов 400), которую выдадим Аполуте. Несколько драматических сцен, или маленьких трагедий, имянно: Скупой Рыцарь, Моцарт и Сальери, Пир во время чумы, и Д. Жуан. Сверх того, написал около 30 мелких стихотворений. Хорошо? Еще не все (весьма секретное): написал я прозою 5 повестей, от которых Баратынский ржет и бьется—и которые напечатаем также Аполуте—под моим именем нельзя будет, ибо Булгарин заругает.

ПУШКИН—П. А. Плетневу, 9 декабря 1830 г.,
Москва.

Секретно. 9 числа сего декабря прибыл из города Лукоянова отставной чиновник 10 класса Александр Сергеев Пушкин и остановился Тверской части I квартала в гостинице «Англия», за коим надлежащий надзор учрежден.

Полицейстер МИЛЛЕР в рапорте и. д. моск. обер-полицейстера, 11 дек. 1830 г. *Красн. Арх.*, т. 37, стр. 242.

К зиме опять Пушкин в Москву приехал,—только реже стал ездить к нам в хор. Однако, нередко я его видала попрежнему у Нащокина. Стал он будто скучноватый, а все же попрежнему вдруг оскалит свои большие белые зубы, да как примется вдруг хохотать! Иной раз даже испугает просто, право!

ЦЫГАНКА ТАНЯ (ТАТЬЯНА ДЕМЬЯНОВНА) в передаче Б. Маркевича. *Соч. Б. М. Маркевича*, т. XI, стр. 135.

Ты не узнал бы меня: оброс я бакенбардами, острится под гребешок, остепенился, обрюзг.

ПУШКИН—Н. С. Алексееву, 26 дек. 1830 г., из Москвы.

Пушкин женится на Гончаровой, между нами сказать, на бездушной красавице; и мне сдается, что он бы с удовольствием заключил отступной трактат.

С. Д. КИСЕЛЕВ—Н. С. Алексееву, 26 дек. 1830 г. *Переписка Пушкина*, т. II, стр. 204.

В декабре 1830 или январе 1831 года Пушкин навел нас в Остафьево. Я живо помню, как он во время семейного вечернего чая расхаживал по комнате, не то плавая, не то как бы катаясь на коньках, и, потирая руки, декламировал, сильно напирая на: «я помещик, я помещик», «я просто русский помещик!»

Кн. ПАВЕЛ ВЯЗЕМСКИЙ. *Собр. соч.*, 523.

Уже при последних издыханиях холеры навел меня в Остафьево Пушкин. Разумеется, не отпустил я его от себя без прочтения всего написанного мною. Он слушал меня с живым сочувствием приятеля и судил о труде моем (*биография фон-Визина*) с авторитетом писателя опытного и критика меткого, строгого и светлого. Вообще более хвалил он, нежели критиковал. Между прочим, находил он, что я слишком живо нападаю на фон-Визина за мнения его о французах, и слишком горячо отстаиваю французских писателей. При всей просвещенной независимости ума Пушкина, в нем иногда пробивалась патриотическая щекотливость и ревность в отношении суда его над чужестранными писателями. Как бы то ни было, день, проведенный у меня Пушкиным, был для меня праздничным днем.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Полн. собр. соч.*, I, стр. LI.

В семи верстах от уездного города Подольска, московской губернии, недалеко от старой калужской дороги, находится село Остафьево. Первым его владельцем был князь Андрей Иванович Вяземский. Когда он приехал для осмотра имения, ему бросилась в глаза липовая аллея и так ему понравилась, что он решился на покупку и тотчас же приступил к постройке нынешнего дома. Это прочный, поместительный, удобный каменный дом в два этажа, с фронтоном и колоннами, соединенный крытыми галереями-колоннадами с двумя каменными флигелями, также двух-этажными. Под домом обширные подвалы и кухня, простенки которой выложены красивыми кафлями. Дом этот так построен, что в нем могут поместиться несколько семейств, не стесняя друг друга.—По широким ступеням главного входа поднимаемся на окружающую дом террасу. Входим в первую комнату, в ней пять дверей. Первая дверь направо—в библиотеку; там ряд комнат с простыми, выкрашенными шпалерами. Влево от входной комнаты—гостиная, увешанная картинами. Далее комната в два окна, кабинет. Тут висят семейные портреты. Наконец, спальня в два окна, с двумя колоннами; она угловая. Середину дома занимает круглый зал с целым полукругим выходящих в сад дверей. Средняя дверь ведет в липовую аллею, разделяющую сад пополам. Середина потолка в облаках. Сверху окну коридора верхнего эта-

жа. Когда-то по широкому карнизу этой залы ловко проходил старик Губан, один из Остафьевских старожилов. Другая половина дома обращена в сад. Влево от залы—старая столовая, с буфетными, старинными шкафами, с внутренним окном с разноцветными стеклами. Противоположная дверь залы ведет в библиотеку Павла Петровича (сына кн. Петра Андреевича); большая комната с установленными по стенам шкафами красного дерева с бронзой, когда-то бывшими в доме на Почтамтской. Далее ряд комнат с книгами, портретами, старою мебелью, что-то вроде кладовой, соединяющейся со старою библиотекой.—Верхний этаж весь состоит из жилых помещений. Низенькие комнаты с широкими подоконниками. В этом же этаже и Карамзинская комната. В ней три окна к стороне Десны и одно большое—в сад. Здесь, у этого последнего окна, стоял некогда письменный стол Карамзина, а комната эта была тем его рабочим кабинетом, в котором написано им девять томов «Истории Государства Российского». Из окна вид на сад. Кругом деревья и часть горизонта. Впечатление успокоительное, тихое, располагающее к усидчивому труду.—Влево от сада поле с двумя березовыми рощами; вправо овраг с засохшим руслом Любучи и опять поля. Прямо за садом старая березовая роща. Отсюда вид на поля и на извилистую ленту реки Десны. На горизонте когда-то тянулись леса, ныне вырубленные. Тут же недалеко ряд курганов и сельское кладбище. С другой стороны дома пруд с плотиною, за ним церковь, белая, с зеленой крышей, вокруг них березы с обычными гнездами и стайей прачей; тут же сейчас крестьянские избы. Это—село Остафьево.

Граф С. Д. ШЕРЕМЕТЕВ. Село Остафьево. *Русский Вестник*, 1903, янв., стр. 120—124.

Я знал Пушкина в 1832 году и лицо его запомнил хорошо, тем более, что лицо Пушкина было такое характерное, что оно невольно запечатлевалось в памяти каждого, кто его встречал... Когда же мне впервые показали акварель (П. Ф.) Соколова (рисована в 1830 г.), я сразу сказал: «это единственный настоящий Пушкин».

ЛЕВИЦКИЙ-отец, фотограф императорского двора, в передаче Сигизмунда Либровича. «*Пушкин в портретах*», СПб, 1890, стр. 42.

Сейчас еду богу молиться и взял с собою последнюю сотню. Узнай, пожалуйста, где живет мой татарин, и, коли можешь, достань с своей стороны тысячи две.

ПУШКИН—П. В. Нащокину, в декабре 1830 г.

Нат. Ив. Гончарова возила дочь свою и жениха по соборам и к Иверской. Пушкин пишет: *мой татарин*, потому что купил у него шаль для своей невесты.

П. И. БАРТЕНЕВ со слов Нащокина. *Деятельный век*, I, 383.

Религиозность Натальи Ивановны (матери Н. Н. Гончаровой) принимала с годами суровый, фанатический склад, а нрав словно ожесточился, и строгость относительно детей, а дочерей в особенности, принимала раздражительный, придирчивый оттенок. Все свободное время проводила она на

своей половине, окруженная монахинями и странницами, которые свои душепоспасающие рассказы и благочестивые размышления пересыпали сплетнями и наговорами на неповинных детей или не сумевших им угодить слуг и тем вызывали грозную расправу... В самом строгом монастыре молодых послушниц не держали в таком слепом повиновении, как сестер Гончаровых. Если, случалось, какую-либо из них призывали к Наталье Ивановне не в урочное время, то пусть даже и не чувствовала она никакой вины за собой,—сердце замирало в тревожном опасении, и прежде чем переступить заветный порог,—рука творила крестное знамение, и язык шептал псалом, поминавший царя Давида и всю кротость его.

А. П. АРАПОВА. *Новое Время*, 1907, № 11409, иллюстр. прилож., стр. 7.

По рассказу Ольги Сергеевны (*сестры Пушкина*), родители невесты дали всем своим детям прекрасное домашнее образование, а главное, воспитывали их в страхе божием, причем держали трех дочерей непомерно строго, руководствуясь относительно их правилом: «в ваши лета не смеет суждение иметь». Наталья Ивановна наблюдала тщательно, чтоб дочери никогда не подавали и не возвышали голоса, не пускались с посетителями ни в какие серьезные рассуждения, а когда заговорят старшие,—молчали бы и слушали, считая высказываемые этими старшими мнения непреложными истинами. Девочки Гончаровы должны были вставать едва ли не с восходом солнца, ложиться спать, даже если у родителей случались гости, не позже десяти часов вечера, являться всякое воскресенье непременно к обедне, а накануне праздников слушать всенощную, если не в церкви, то в устроенной Натальей Ивановной у себя особой молельне, куда и приглашался отправлять богослужение священник местного прихода. Чтение книг с мало-мальски романическим пошибом исключалось из воспитательной программы, а потому и удивляться нечего, что большая часть произведений Пушкина, сделавшихся в то время достоянием всей России, оставались для его суженой неизвестными.

Л. Н. ПАРЛИЩЕВ, 209.

Наталья Ивановна была довольно умна и несколько начитана, но имела дурные, грубые манеры и какую-то пошлость в правилах. В Ярополче было около двух тысяч душ, но, несмотря на то, у нее никогда не было денег, и дела в вечном беспорядке. В Москве она жила почти бедно, и когда Пушкин приходил к ней в дом женихом, она всегда старалась выпроводить его до обеда или до завтрака. Дочерей своих бивала по щекам. На балы они иногда приезжали в изорванных башмаках и старых перчатках. Долгорукая помнит, как на одном балу Наталью Николаевну уводили в другую комнату, и Долгорукая давала ей свои новые башмаки, потому что ей приходилось танцевать с Пушкиным.

Кн. Е. А. ДОЛГОРУКОВА по записи Бартенева. *Рассказы о П—не*, 63.

Пушкин настаивал, чтобы поскорее их обвенчали. Но Наталья Ивановна напрямик ему объявила, что у нее нет денег. Тогда Пушкин заложил имение, привез денег и просил шить приданое. Много денег пошло на разные пустяки и на собственные наряды Натальи Ивановны.

Кн. Е. А. ДОЛГОРУКОВА по записи Бартенева. *Рассказы о П—не*, 64.

12 тысяч рублей были заняты у Пушкина на расходы по свадьбе.

П. И. БАРТЕНЕВ со слов П. В. Нащокина. *Девятнадцатый век*, I, 392.

Наталья Николаевна сообщала, что свадьба их беспрестанно была на волоске от осор жениха с тещей, у которой от сумасшествия мужа и неприятностей семейных характер испортился. Пушкин ей не уступал и, когда она говорила ему, что он должен помнить, что вступает в ее семейство, отвечал: «это дело вашей дочери,—я на ней хочу жениться, а не на вас». Наталья Ивановна диктовала даже дочери колкости жениху, но та всегда писала в виде P. S., после нежных писем, и Пушкин уже понимал, откуда идут строки.

П. В. АННЕНКОВ со слов Н. Н. Пушкиной-Ланской (вдовы поэта). Записи. Б. Модзалевский, «Пушкин», стр. 352.

Пушкин очень внимательно следил за ходом польского восстания. Еще в исходе 1830 г., наскучив тем, что свадьба его оттягивалась вследствие разных препятствий со стороны будущей тещи, он говорил Нащокину, что бросит все и уедет драться с поляками. — Там у них есть один Вейскопф (белая голова): он наверное убьет меня, и пророчество гадалщицы сбудется.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Девятнадцатый век*, I, 386.

Нетерпеливость Пушкина, потребность быстрой смены обстоятельств, вообще пылкий характер его выражается между прочим и в том, что он хотел было совсем оставить женитьбу и уехать в Польшу единственно потому, что свадьба, по денежным обстоятельствам, не могла скоро состояться. Нащокин имел с ним горячий разговор по этому случаю в доме кн. Вяземского. Намереваясь отправиться в Польшу, Пушкин все напевал Нащокину: «Не женись ты, добрый молодец, а на те деньги коня купи».

П. В. НАШОКИН по записи П. И. Бартенева. *Рассказы о П—не*, 41.

Новый год встретил я с цыганами и с Танюшей, настоящей Татьяной-пьяной. Она пела песню, в таборе сложенную, на голос: приехали сани.

Давыдов с ноздрями,
Вяземский с очками,
Гагарин с усами,
Девоч испугали
И всех разогнали и пр.

ПУШКИН—кн. П. А. Вяземскому... из Москвы. 2 янв. 1831 г.

К Пушкину, и занимательный разговор, кто русские и не русские.— Как воспламеняется Пушкин,—и видишь восторженного.

М. П. ПОГОДИН, Дневник, 7 янв. 1831 г. П—н и его совр-ки, XXIII—XXIV, 111.

Пушкин был у меня два раза в деревне, все так же мил и все тот же жених. Он много написал у себя в деревне.

Кн. П. А. ВЯЗМСКИЙ—П. А. Плетневу, 12 янв. 1831 г., из Остафьева. *Изв. Отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наук*, 1897, т. II, кн. I, стр. 93.

Душа моя, вот тебе план жизни моей: я женюсь в сем месяце, полгода проживу в Москве, летом приеду к вам. Я не люблю московской жизни. Здесь живи, не как хочешь—как тетки хотят. Теща моя—та же тетка. То ли дело в Петербурге! Заживу себе мешанином припеваючи, независимо и не думая о том, что скажет Марья Алексеевна.

ПУШКИН—П. А. Плетневу, 13 января 1831 г., из Москвы.

Вы совершенно правы, упрекая меня за мое пребывание в Москве. Не поглубеть в ней невозможно. Вы знаете эпитаграмму на общество скучного человека: «*On n'est pas seul on n'est pas deux*». Это эпитаграф к моему существованию.

ПУШКИН—Е. М. Хитрово, 21 янв. 1831 г., из Москвы. *Письма Пушкина к Хитрово*, 14 (фр.).

Ужасное известие (о смерти Дельвига) получил я в воскресенье. На другой день оно подтвердилось. Вчера ездил я к Салтыкову (отцу жены Дельвига) объявить ему все—и не имел духу. Грустно, тоска. Вот первая смерть мною оплаканная. Карамзин под конец был мне чужд, я глубоко сожалел о нем, как русский, но никто на свете не был мне ближе Дельвига. Изю всех связей детства он один оставался на виду—около него собиралась наша бедная кучка. Без него мы точно осиротели. Считай по пальцам: сколько нас? ты, я, Баратынский, вот и все. Вчера провел я день с Нащокиным, который сильно поражен его смертью—говорили о нем, называя его покойник Дельвиг, и этот эпитет был столь же странен, как и страшен. Нечего делать! согласимся. Покойник Дельвиг. Быть так. Баратынский болен с огорчения. Меня не так-то легко с ног свалить. Будь здоров—и постараемся быть живы.

ПУШКИН—П. А. Плетневу, 12 янв. 1831 г., из Москвы.

Когда известие о смерти барона Дельвига пришло в Москву, тогда мы были вместе с Пушкиным, и он, обратясь ко мне, сказал:—«Ну, Воиных, держись: в наши ряды постреливать стали».

П. В. НАЩОКИН—Н. М. Коншину, 21 авг. 1844 г. *Рус. Стар.*, 1908, дек., стр. 763

Вчера обедал в клубе. К нам подсел поэт Пушкин и все время обеда проболтал, однако же прозою, а не в стихах. Стол был очень хорош, покурили, посмотрели мастеров в биллиард и раз'ехались.

А. Я. БУЛГАКОВ—К. Я. Булгакову, 22 янв. 1831 г. *Рус. Арх.*, 1902, I, 48.

Вчера совершилась тризна по Дельвиге. Вяземский, Баратынский, Пушкин и я, многогрешный, обедали вместе у Яра, и дело обошлось без сильного пьянства.

Н. М. ЯЗЫКОВ—А. М. Языкову, 28 янв. 1830 г., из Москвы. *Ист. Вести.*, 1883, № 12, 530.

Я—женат.—Женат—или почти. Все, что бы ты мог сказать мне в пользу холостой жизни и противу женитьбы, все уже мною передумано. Я хладнокровно взвесил выгоды и невыгоды состояния мною избираемого. Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих пор я жил иначе, как обыкновенно живут. Счастья мне не было. «Il n'est de bonheur que dans les voies communes (счастье—только на избитых дорогах)». Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся—я поступаю, как люди, и вероятно не буду в том раскаиваться. К тому же я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня: они входили в мои домашние расчеты. Всякая радость будет мне неожиданностью. У меня сегодня сплин—прерываю письмо мое, чтоб тебе не передать моей тоски: тебе и своей до-вольно. Пиши мне на Арбат, в дом Хитровой.

• ПУШКИН—Н. И. Кривцову, 10 февраля 1831 г., из Москвы.

(По поводу письма к Кривцову). Нам случилось видеть еще одно письмо Пушкина, написанное также почти накануне свадьбы и еще более поразительное по удивительному самосознанию или вещему предвидению судьбы своей. Там Пушкин прямо говорит, что ему вероятно придется погибнуть на поединке.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1864, стр. 974.

Через несколько дней женюсь. Заложил я моих 200 душ, взял 38.000, и вот им распределение: 11.000 теще, которая непременно хотела, чтобы дочь ее была с приданым—пиши пропало; 10.000 Нащокину, для выручки его из плохих обстоятельств: деньги верные. Остается 17.000 на обзаведение и житие годичное. В июне буду у вас и начну жить en bourgeois, а здесь с тетками справиться невозможно—требования глупые и смешные, а делать нечего. Теперь понимаешь ли, что значит приданое и отчего я сердился? Взять жену без состояния—я в состоянии, но входить в долги для ее тряпок я не в состоянии. Но я упрям и должен был настоять по крайней мере на свадьбе.

ПУШКИН—П. А. Плетневу, первая половина февр. 1831 г., из Москвы.

В городе опять начали поговаривать, что Пушкина свадьба расходуется; это скоро должно открыться: середа последний день, в который можно венчать. Невеста, сказывают, нездорова. Он был на бале у наших, отличался, танцевал, после ужина скрылся. Где Пушкин? я спросил, а Гриша Корсаков серьезно отвечал: «он ведь был здесь весь вечер, а теперь он отправился навестить свою невесту». Хорош визит в пять часов утра и к больной! Нечего ждать хорошего, кажется; я думаю, что не для нее одной, но и для него лучше было бы, кабы свадьба разошлась.

А. Я. БУЛГАКОВ—К. Я. Булгакову, 16 февр. 1831 г., *Рус. Арх.*, 1902, I, стр. 52.

Раз вечером, — ажурат два дня до свадьбы его оставалось, — зашла я к Нащокину и Ольге (цыганке, жившей с Нащокиным). Не успели мы и поздороваться, как под крыльцо сани подкатили, и в сени вошел Пушкин. Увидел меня из саней и кричит: — «Ах, радость моя, как я рад тебе, здорово, моя бесценная!» — поцеловал меня в щеку и уселся на софу. Сел и задумался, да так будто тяжело, голову на руку опер, глядит на меня: — «Спой мне, — говорит, — Таня, что-нибудь на счастье; слышала, может быть, я женюсь?» — «Как не слышать, — говорю, — дай вам бог, Александр Сергеевич!» — «Ну, спой мне, спой!» — «Давай, — говорю, Оля, гитару, споем барину?» Она принесла гитару, стала я подбирать, да и думаю, что мне спеть... Только на сердце у меня у самой невесело было в ту пору; потому, у меня был свой предмет, и жена увезла его от меня в деревню, и очень тосковала я от того. И думаючи об этом, запела я Пушкину песню, — она хоть и подлюдную считается, а только не годится было мне ее теперича петь, потому она будто, сказывают, не к добру:

Ах, матушка, что так в поле пыльно?
Государыня, что так пыльно?
Кони разыгрались. А чьи то кони, чьи то коня?
Кони Александра Сергеевича...

Пою я эту песню, а самой-то прустнехонью, чувствую и голосом тоже передаю... Как вдруг слышу, громко зарыдал Пушкин. Подняла я глаза, а он рукой за голову схватился, как ребеночек, плачет... Кинулся к нему Павел Войнович (Нащокин): «что с тобой, что с тобой, Пушкин?» — «Ах, — говорит, — эта ее песня всю мне внутри перевернула, она мне не радость, а большую потерю предвещает!..» И недолго он после того оставался тут, уехал, ни с кем не простился.

ЦЫГАНКА ТАНЯ (ТАТЬЯНА ДЕМЬЯНОВНА)
в передаче Б. М. Маркевича. Полн. собр. соч. Б. М. Маркевича, СПб, 1885, т. XI, стр. 135.

Накануне свадьбы Пушкин позвал своих приятелей на мальчишник, приглашал особыми записочками. Собралось обедать человек десять, в том числе был Нащокин, Языков, Баратынский, Варламов, кажется Елагин (А. А.) и пасынок его, Ив. Вас. Киреевский. По свидетельству последнего, Пушкин был необыкновенно грустен, так что гостям было даже неловко. Он читал свои стихи, прощание с молодостью, которых после Киреевский не видал в печати. Пушкин уехал перед вечером к невесте. Но на другой день, на свадьбе, все любовались веселостью и радостью поэта и его молодой супруги, которая была изумительно хороша.

П. И. БАРТЕНЕВ. Рассказы о П—не, 53.

Накануне свадьбы был очень грустен, и говорил стихи, прощаясь с молодостью (был Варламов), непечатающее. Мальчишник. А закуска (?) из свежей (?) семьи (?). Обедало у него человек 12, Нащокин, Вяземский, Баратынский, В., Языков. И вот Пушкин уехал к невесте; кажется, Елагин. На другой день он был (два слова не разб.) с откр. рук., он был очень весел, смеялся, был счастлив, любезен с друзьями; брат (?) шу(тил).

П. И. БАРТЕНЕВ. Запись на обложке тихонравовской тетради. Рассказы о П—не, 129.

Необходимо разыскать стихи.. прощание с молодостью и покаяние в грехах ее, которые Пушкин читал накануне своей свадьбы, на так наз. мальчишнике, и про которые живо вспоминал один из слушателей, И. В. Киреевский.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1904, № 1, обложка.

У Пушкина верно нынче холостой обед, а он не позвал меня. Досадно.—Заезжал и пожелал добра.—Там Баратынский и Вяземский толкую о нравственной пользе.

М. П. ПОГОДИН. *Дневник*, 17 февр. 1831 г. П—н и его *совр-ки*, XXIII—XXIV, 112.

18 числа сего месяца (февраля) совершилось бракосочетание. Говорят, совершенство красоты. Когда увижу ее, опишу тебе ее с ног до головы. Накануне у Пушкина был девичник, так сказать, или лучше сказать, пьянство—прощальное с холостой жизнью.

Н. М. ЯЗЫКОВ—А. М. Языкову. В. И. Шенрок, «Н. М. Языков», биограф. очерк, *Вестн. Евр.*, 1897, № 12, 603.

Я пьяный на девичнике Пушкина говорил вам о том, но вы были так пьяны, что навряд ли это помните.

ДЕНИС ВАС. ДАВЫДОВ—Н. М. Языкову, *Рус. Стар.*, 1884, № 7, стр. 134.

Сегодня свадьба Пушкина наконец. С его стороны посаженными Вяземский и графиня Потёмкина¹⁾, а со стороны невесты Ив. Ал. Нарышкин и А. П. Малиновская. Хотели венчать их в домовая церквн кня. Серг. Мих. Голицына, но Филарет (*Московский митрополит*) не позволяет. Собирались его упрощивать; видно, в домовых нельзя, но я помню, что у Оболянинова обвенчали Сабурова.

А. Я. БУЛГАКОВ—К. Я. Булгакову. 18 февр. 1831 г., из Москвы. *Рус. Арх.*, 1902, I, 53.

---

¹⁾ Сейчас же после принятия его предложения Гончаровою Пушкин просил быть посаженою матерью на его свадьбе княгиню В. Ф. Вяземскую (письмо к ней от конца апреля—нач. мая 1830 г.). 17 янв. 1831 г., за месяц до свадьбы, кня. Вяземский писал Пушкину про свою жену: «Посажена мать спрашивает, когда прикажешь ей сесть, и просит дать ей за неделю знать о дне свадьбы». (*Перел. Пушкина*, II, 217). Однако, Вера Федоровна не только не была посаженою матерью Пушкина, но даже не присутствовала на его свадьбе. 4 февраля, прибывая образ, княгиня упала, ушиблась, была долго без чувств и выкинула. За четыре дня до свадьбы Пушкина Булгаков видел ее лежащею на кровати, точно мертвец, худую, желтою и бледною, еле говорящею; еще в марте опасались за ее жизнь, и оправилась она только к концу мая (см. письма А. Я. Булгакова. *Рус. Арх.*, 1902, I, стр. 50 и сл.).

ХІІІ

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЖЕНАТОЙ ЖИЗНИ

В день свадьбы Наталья Ивановна послала сказать Пушкину, что надо еще отложить, что у нее нет денег на карету или на что-то другое. Пушкин опять послал денег.

Кн. Е. А. ДОЛГОРУКОВА, по записи Бартечева.
Рассказы о П—не, 64.

Во время обряда Пушкин, задев нечаянно за аналой, уронил крест; говорят, при обмене колец, одно из них упало на пол... Поэт изменился в лице и тут же шепнул одному из присутствующих: «*tous les mauvais augures!*»

Рус. Стар., 1880, т. XXVII, 148.

Во время венчания нечаянно упали с налоя крест и евангелие, когда молодые шли кругом. Пушкин весь побледнел от этого. Потом у него потухла свечка.—«*Tous les mauvais augures*»,—сказал Пушкин. В день свадьбы большой ужин у Пушкина в доме Хитровой, где распорядился Левушка (*брат Пушкина*).

Кн. Е. А. ДОЛГОРУКОВА по записи Бартечева.
Рассказы о П—не, 64.

Мать мне рассказывала, как ее брат, во время обряда, неприятно был поражен, когда его обручальное кольцо упало неожиданно на ковер, и когда из свидетелей первый устал, как ему поспешили сообщить после церемонии, не шафер невесты, а его шафер, передавший венец следующему по очереди. Ал. С—вич счел эти два обстоятельства недобрыми предвещаниями и произнес, выходя из церкви: «*Tous les mauvais augures!*» О случае с кольцом и шафером говорили мне и посаженный отец дяди, кн. П. А. Вяземский, и супруга его, Вера Федоровна, хотя и не присутствовавшая тогда на свадьбе, и, наконец, посаженная мать, тогда прафиня Елиз. Петровна Потемкина (вышедшая вторично замуж за сенатора Имп. Ив. Подчаского). Иконофором при обряде был малолетний сын кн. Вяземского Павел, а родитель его и П. В. Нащокин, уехав прежде новобрачных, встретили Пушкиных с образом на новой квартире молодой четы.

Л. Н. ПАВЛИЩЕВ, 241.

Пушкин женился 18 февраля 1831 года. Я принимал участие в свадьбе, и по совершении брака в церкви отправился вместе с П. В. Нащокиным на квартиру поэта для встречи новобрачных с образом. В щегольской, уютной гостиной Пушкина, оклеенной диковинными для меня обоями под лиловый бархат с рельефными набивными цветочками, я нашел на одной из полочек, устроенных по обоим бокам дивана, собрание стихотворений Кириши Данилова.

Кн. ПАВЕЛ ВЯЗЕМСКИЙ. *Собр. соч.*, 529.

Филарет таки поставил на своем: их обвенчали не у кн. Серг. Мих., а у Старого Вознесения. Никого не велено было пускать, и полиция была для того у дверей. Почему, кажется, нет? И так совершилась эта свадьба, которая так долго тянулась. Ну, да как будет хороший муж! то-то всех удивит, никто этого не ожидает, и все сожалеют о ней. Я сказал Грише Корсакову, быть ей милэди Байрон. Он пересказал Пушкину, который смеялся только. Он жене моей говорил на бале: пора мне остепениться; ежели не сделает этого жена моя, то нечего уже ожидать от меня.

А. Я. БУЛГАКОВ—К. Я. Булгакову, 19 февр. 1831 г. *Рус. Арх.*, 1902, I, 54.

Пушкин был обвенчан с Гончаровой в церкви Старого Вознесения. День его рождения был тоже в самый праздник Вознесения господня. Обстоятельство это он не приписывал одной случайности. Важнейшие события его жизни, по собственному его признанию, все совпадали с днем Вознесения.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 306.

Пушкин жил в Москве после свадьбы на Арбате в доме Хитровой во втором этаже. Этот дом сохранился до настоящего времени, теперь его номер 53; это двухэтажный дом, второй от угла Денежного переуллка в сторону Арбатских ворот.

А. А. ЛАПИН. *Книга воспоминаний о Пушкине*. Изд. «Мира». 1931. Стр. 13.

Н. Н. Пушкина сама сказала княгине Вяземской, что муж ее в первый же день брака, как встал с постели, так и не видал ее. К нему пришли приятели, с которыми он до того заговорился, что забыл про жену и пришел к ней только к обеду. Она очутилась одна в чужом доме и заливалась слезами.

П. И. БАРТЕНЕВ со слов кн. В. Ф. Вяземской. *Рус. Арх.*, 1888, II, 307.

Вчера на бале у Щербининой встретил Пушкина. Он очень мне обрадовался. Свадьба его была 18-го, т.-е. в прошлую среду. Он познакомил меня с своею женою, и я от нее без ума. Прелесть как хороша. Сегодня вечером еду к ним.

А. И. КОШЕЛЕВ—кн. В. Ф. Одоевскому, из Москвы, 21 февр. 1831 г. *Рус. Стар.*, 1904, т. 118, стр. 206.

На Пушкина всклепали уже какие-то стишки на женитьбу; полагаю, что не мог он их написать неделю после венца; не помню их твердо, но вот à peu près смысл:

Хочешь быть учтив—поклонись,
Хочешь поднять—нагнись;
Хочешь быть в раю—молись,
Хочешь быть в аду—женись!

как-то этак¹⁾. Он, кажется, очень ухаживает за молодою женою и напоминает при ней Вулкана с Венерою.

А. Я. БУЛГАКОВ—К. Я. Булгакову, 23 февр. 1831 г. *Рус. Арх.*, 1902, I, 54.

¹⁾ Ср. в черновых набросках «Египетских ночей». «Но главную неприятностью платится мой приятель: приписывание множества чужих сочинений, как-то... о женитьбе, в котором так остроумно сказано, что, коли хочешь быть умен,—учись, коли хочешь быть в аду—женись». В. Е. Якушкин, *Рукописи Пушкина, хранящ. в Рум. Музее*. *Рус. Стар.*, 1884, т. 44, стр. 533.

Я женат—и счастлив. Одно желание мое,—чтоб ничего в жизни моей не изменилось: лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что, кажется, я переродился.

ПУШКИН—Плетневу 24 февр. 1831 г., из Москвы.

Пушкин славный задал вчера бал. И он, и она прекрасно угощали гостей своих. Она прелестна, и они, как два голубка. Дай бог, чтобы всегда так продолжалось. Много все танцовали, и так как общество было небольшое, то я также потанцовал по просьбе прекрасной хозяйки, которая сама меня ангажировала, и по приказанию старика Юсупова: «и я бы танцовал, если бы у меня были силы»,—говорил он. Ужин был славный; всем казалось странным, что у Пушкина, который жил все по трактирам, такое вдруг завелось хозяйство. Мы уехали почти в три часа. Была вьюга и холод.

А. Я. БУЛГАКОВ—К. Я. Булгакову, 28 февр. 1831 г. *Рус. Арх.*, 1902, I, 56.

Веселья у нас очень много, балы и театр всякой день у всех, Пушкина автора свадьба была, и у них бал, и у Лазарева, и у общева жениха у Пашкова, катанья молодых.

ВАРВ. БАРАНОВА—зятю своему П. С. и дочери Прасковье Шишкиным, 28 февраля 1831 г., из Москвы. *Из архива Евг. Ник. Опочинина (неизд.)*.

Молодые Пушкины, до переезда весною в Царское Село, жили со дня свадьбы во втором ярусе большого дома (Хитровой—Переп., II, 231) на Арбате, между церквями Николы в Плотниках и Св. Троицы. Отец позволил Пушкину заложить в Опекунском Совете Нижегородскую деревню. Из полученных денег (до 40 тыс.) он заплатил долги свои и, живучи около трех месяцев в Москве, до того истратился, что пришлось ему заложить у еврея Веера женыны бриллианты, которые потом и не были выкуплены.

П. И. БАРТЕНЕВ со слов П. В. Нащокина. *Рус. Арх.*, 1902, I, 56.

Теща Пушкина, заложив бриллианты и изумруды, предоставила их Пушкину с женой с тем, чтобы они их выкупили. А г. Бартенев в «Рус. Арх.» 1902 г. уверяет, будто их заложил сам Пушкин.

П. А. ЕФРЕМОВ. *Соч. Пушкина*, изд. 1903 г., т. VII, стр. 443.

Была я у них в Москве, стояли тогда у Смоленской божьей матери, каменный двухэтажный дом... Посмотри, говорит, Марья, вот моя жена! Вынесли мне это показать ее работу, шелком, надо быть, мелко-мелко, четвероугольчатое, вот как то окно.

МАРЬЯ ФЕДОРОВНА, крестьянка с-ца Захарова. *Москвитянин*, 1851, № 9—10, стр. 32.

Марья с особенным чувством вспоминает о Пушкине, рассказывает о его доброте, о подарках ей, когда она прихаживала к нему в Москву.

С. П. ШЕВЫРЕВ. *Л. Майков*, 324.

Елизавета Михайловна
ХИТРОВО

Акварель Гау. Литогр. Шевалье.

ИНЛИ.

Екатерина Андреевна
КАРАМИНА

Неизв. художник. Тридцатые годы.

ИНЛИ.

Пушкин радовался, как ребенок, моему приезду, оставил меня обедать у себя и чрезвычайно мило познакомил меня со своею пригожею женою. Не воображайте однакоже, чтоб это было что-нибудь необыкновенное. Пушкина—беленькая, чистенькая девочка с правильными черными и лукавыми глазами, как у любой гризетки. Видно, что она неловка еще и неразвязна; а все-таки московщина отражается на ней довольно заметно. Что у ней нет вкуса, это было видно по безобразному ее наряду; что у нее нет ни опрятности, ни порядка,—о том свидетельствовали запачканные салфетки и скатерть и расстройство мебели и посуды.

В. И. ТУМАНСКИЙ—С. Г. Туманской, из Орла,
16 марта 1831 г. *Стихотворения и письма*. СПб. 1912.
Стр. 310.

Месяц, а может и больше, после его свадьбы, пошла я как-то утром к Иверской, а оттуда в город, по площади пробираюсь. Гляжу, богатейшая карета, новенькая, четвернею едет мне навстречу. Я было свернула в сторону, только слышу громко кто-то мне из кареты кричит: «Радость моя, Таня, здорово!» Обернулась я, а это Пушкин, окно спустил, высунулся в него сам и оттуда мне ручкой поцелуй посылает... А подле него красавица писаная—жена сидит, голубая на ней шуба бархатная,—глядит на меня, улыбается.

ЦЫГАНКА ТАНЯ (ТАТЬЯНА ДЕМЬЯНОВНА) в
передаче В. Маркевича. *Соч. В. М. Маркевича*, т. XI,
стр. 136.

Наталья Ивановна была очень довольна. Она полюбила Пушкина, слушалась его. Он с нею обращался, как с ребенком. Может быть, она сознательнее и крепче любила его, чем сама жена. Но раз у них был крупный разговор, и Пушкин чуть не выгнал ее из дому. Она вздумала чересчур заботиться о спасении души своей дочери. У Пушкиных она никогда не жила.

Кн. Е. А. ДОЛГОРУКОВА по записи Бартенева.
Рассказы о П—не, 64.

Хлопоты и затруднения этого месяца, который у нас не мог быть назван медовым, до сих пор мешали мне написать вам.

ПУШКИН—Ел. Мих. Хитрово, 26 марта 1831 г.,
из Москвы. *Письма Пушкина к Хитрово*, 18 (фр.).

В Москве остаться я никак не намерен; причины тому тебе известны, и каждый день новые прибывают. После Святой отправляюсь в Петербург. Знаешь ли что? мне мочи нет, хотелось бы к вам не доехать, а остановиться в Царск. Селе. Мысль благословенная! Лето и осень таким образом провел бы я в уединении вдохновительном, вблизи столицы, в кругу милых воспоминаний и тому подобных удобностей. А дома, вероятно, ныне там недорого: гусаров нет, двора нет—квартир пустых много. С тобою, душа моя, виделся бы всякую неделю, с Жук. также. Петербург под боком, жизнь дешевая, экипажа не нужно. Чего, кажется, лучше? Подумай об этом на досуге, да и перешли мне свое решение. Благодаря отца моего, который дал мне способ получить 38.000 р., я женился и обзавелся кой-как хозяйством, не входя в частные долги. На мою тещу и деда жены моей надеяться плохо, частью

от того, что их дела расстроены, частью и от того, что на слова надеяться не должно. По крайней мере, с своей стороны я поступил честно и более нежели бескорыстно. Не хвалюсь и не жалеюсь, ибо женка моя—прелесть не по одной наружности, и не считаю пожертвованием того, что должен был я сделать.

ПУШКИН—П. А. Плетневу, 26 марта 1831 г., из Москвы.

Ради Бога найми мне фатерку в Царском Селе—нас будет: мы двое, 3 или 4 человека да 3 бабы. Фатерка чем дешевле, тем разумеется лучше, но ведь 200 рублей лишних нас не разорят. Садика нам не будет нужно, ибо под боком будет у нас садиче, а нужна кухня, да сарай, вот и все.

ПУШКИН—П. А. Плетневу, первая половина апр. 1831 г., из Москвы.

(Во время польского восстания) Погодину явилась мысль написать о правах России на Литву и послать к Бенкендорфу. К апрелю 1831 года статья эта, под заглавием «Исторические размышления об отношениях Польши к России», была уже готова. Вместе с этим он написал разбор «Истории государства польского» Бандтке. В это время Пушкин еще находился в Москве. Когда он выслушал эти статьи, то пришел от них в восторг и сказал Погодину: «Никто так не тревожит души моей кроме вас», и сам прочел Погодину свои повести.

Н. П. БАРСУКОВ. *Жизнь и труды М. П. Погодина*, кн. третья, стр. 271.

Пушкин что-то замолк, женясь... Говорят, жена его красавица, и сумасброд так отзывается: я женился, чтобы иметь дома свою Мадонну!

П. М. де-РОБЕРТИ—Ф. Н. Глинке, 8 апр. 1831 г., из Москвы. *П—н и его совр—ки*, XVII—XVIII, 265.

С тех пор, как он женился, это совсем другой человек,—положительный, рассудительный, обожающий свою жену. Она достойна этой метаморфозы... Когда я встречаю его рядом с его прекрасною супругою, он мне невольно напоминает портрет того маленького животного, очень умного и смышленного, которое ты угадаешь без того, чтоб мне его назвать.

Е. Е. КАШКИНА—своей кузине П. А. Осиповой, 25 апр. 1831 г., *П—н и его совр—ки*, I, 65 (фр.).

Пушкин не любил стоять рядом со своею женою и шутя говаривал, что ему подле нее быть унижительно: так мал был он в сравнении с нею ростом.

П. И. БАРТЕНЕВ со слов кн. В. Ф. Вяземской. *Рус. Арх.*, 1888, II, 311.

5 мая 1831 года. К Пушкину, прочел ему «Петра» (новая трагедия Погодина). Хвалит, но не так живо, как «Марфу».

М. П. ПОГОДИН. *Дневник. П—н и его совр—ки*, XXIII—XXIV, 114.

Впоследствии Погодин вспоминал, что во время этого чтения Пушкин сделал ему следующую поправку. Расстрига-протопоп Иаков, осуждая действия Петра, говорит о захваченных им церковных деньгах:

И не избегнет кары он, в аду
Истлеет грешник. Всякая копейка
Церковная падет горячим углем
На голову его в последний день.

«Каплей, каплей»,—воскликнул Пушкин, вскочив и потирая руки. Это была любимая его привычка,—так выражал он свое удовольствие, когда находил выражение более точное.

Н. П. БАРСУКОВ. *Жизнь и труды М. П. Погодина*, кн. III, изд. 2, стр. 253.

Пушкин очень доволен (*октавами Шевырева*), но, решительно не любя Тасса, умоляет тебя приняться за Данта. «Мне надо написать к нему умное и большое письмо,—говорит он,—но кочевой я так не привык еще к юседлой жизни, что не знаю, как и когда приниматься за дело».

М. П. ПОГОДИН—С. П. Шевыреву, 11 мая 1831 г., из Москвы. *Рус. Арх.*, 1882, III, стр. 185.

Я был вынужден оставить Москву во избежание всяких дряэг, которые в конце концов могли бы нарушить более чем одно мое спокойствие; меня изображали моей жене, как человека ненавистного, жадного, презренного ростовщика; ей говорили: с вашей стороны глупо позволять мужу и т. п. Сознайтесь, что это значит проповедывать развод. Жена не может, сохраняя приличие, выслушивать, что ее муж—презренный человек, и обязанность моей жены подчиняться тому, что я себе позволяю. Не женщине в 18 лет управлять мужчиною 32 лет. Я представил доказательства терпения и деликатности; но, повидимому, я только напрасно трудился. Я люблю собственное спокойствие и сумею его обеспечить. При моем отъезде из Москвы, вы не сочли нужным говорить со мною о делах; вы предпочли отшутиться насчет возможности развода или чего-нибудь в этом роде.

ПУШКИН—Н. И. Гончаровой (теще), 26 июня 1831 г. из Царского Села (фр.).

Пушкин, получив из Опекунского Совета до 40 тыс., сыграл свадьбу и весною 1830 г., отъезжая в Петербург, уже нуждался в деньгах, так что Нащокин помогал ему в переговорах с закладчиком Веером.

П. И. БАРТЕНЕВ со слов П. В. Нащокина. *Десятинадцатый Век*, I, 384.

Секретно. Живущий в Пречистенской части отставной чиновник 10 класса Александр Сергеев Пушкин вчерашнего числа получил из части свидетельство на выезд из Москвы в Санкт-Петербург вместе с женою своею, а как он состоит под секретным надзором, то я долгом поставляю представить о сем вашему высокоблагородию.

Полицмейстер МИЛЛЕР в рапорте и. д. моск. обер-полицмейстера, 15 мая 1831 г. *Красн. Арх.* т. 37, стр. 242.

Приехали мы благополучно в Демутов трактир и на-днях отправляемся в Царское Село, где мой домиж еще не меблирован.

ПУШКИН—П. В. Нащокину, конец мая 1831 г., из Петербурга.

Я была очень счастлива свидеться с нашим общим другом. Я нахожу, что он много выиграл в умственном отношении и относительно разговора. Жена очень хороша и кажется безобидной.

ЕЛ. МИХ. ХИТРОВО—кн. П. А. Вяземскому, 21 мая 1831 г. *Собр. соч. кн. П. П. Вяземского, 531.*

Пушкин к нам приехал, к нашей большой радости. Я нахожу, что он в этот раз еще любезнее. Мне кажется, что я в уме его отмечаю серьезный отпечаток, который ему и подходящ. Жена его прекрасное создание, но это меланхолическое и тихое выражение похоже на предчувствие несчастья. Физиономия мужа и жены не предсказывают ни спокойствия, ни тихой радости в будущем: у Пушкина видны все порывы страстей; у жены вся меланхолия отречения от себя. Впрочем, я видела эту красивую женщину всего только один раз.

Графиня Д. Ф. ФИКЕЛЬМОН—кн. П. А. Вяземскому, из Петербурга, 25 мая 1831 г. *Соч. кн. П. П. Вяземского, 532.*

В Петербурге Пушкин остановился, по обыкновению, в Демутовом трактире. Довольно долгое время употребил он на выбор и приискание себе дачи. Не желая тратить денег на временный наем квартиры в городе, он переехал с супругой своей в Царское Село из Демутова трактира.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы, 307.*

Я живу в Царском Селе в доме Китаевой на большой дороге.

ПУШКИН—Вяземскому, 1 июня 1831 г.

Летом 1831 г. Пушкин жил (в Царском) в доме Китаева. Китаев в 20 гг. был придворным лакеем; он умер в том же году, в котором Пушкин жил на его даче. Наследники Китаева впоследствии слегка расширили дом пристройками. Удалось установить, что этот дом принадлежит в настоящее время вдове д. с. с. Ивановой. Он находится на углу Колпинской и Кузминской ул. (Колпинская, 2). На противоположном углу теперь находится Святотроицкая санатория, а в 1831 г. дом этот, как теперь удалось установить, принадлежал семье Олениных (известного А. Н. Оленина)... С. Н. Вильковскому недавно удалось найти в архиве царскосельского дворцового управления чертежи и рисунки дома Китаева до перестройки и после нее. Перестройка заключалась в том, что с обеих сторон фасад дома был увеличен на два окна, а четыре колонны в середине дома были заменены галлереей; таким образом был испорчен типический «ампир» александровской эпохи. Но все эти перестройки не слишком нарушили общий наружный вид дома: сравнивая рисунок 30-х гг.

с тем, что мы видим в настоящее время, сразу узнаешь «дом Китаева». Внутреннее расположение комнат осталось, разумеется, тоже прежним.

И.-Р. Дом Пушкина в Царском Селе. *Рус. Ведом.*, 1910, № 232.

Теперь кажется все уладил и стану жить потихоньку без тещи, без экипажа, следственно, без больших расходов и без сплетень.

ПУШКИН—П. В. Нащокину, 1 июня 1831 г., из Царского Села.

Мой брат и его жена проведут лето в Царском Селе... Они в восхищении друг от друга; моя невестка—очень очаровательная, хорошенькая, красивая и остроумная, к тому же и очень славная.

О. С. ПАВЛИЩЕВА (сестра П—на)—мужу, 4 июня 1831 г. *П—и и его совр—ки*, XV, 67 (Фр.).

Мы здесь живем тихо и весело, будто в глуши деревенской; насилу до нас и вести доходят.

ПУШКИН—П. В. Нащокину, 11 июня 1831 г., из Царского Села.

В 1831 г., когда Пушкин, женившись, проводил лето в Царском Селе, он посетил лицей. Никогда не забуду восторга, с которым мы его приняли. Как всегда водилось, когда приезжал кто-нибудь из наших «дедов», мы его окружили всем курсом и гурьбой провожали по всему лицее. Обращение его с нами было совершенно простое, как со старыми знакомыми; на каждый вопрос он отвечал приветливо, с участием расспрашивал о нашем быте, показывал нам свою бывшую комнату и передавал подробности о памятных ему местах. После мы не раз встречали его гуляющим в царскосельском саду, то с женою, то с Жуковским.

Я. К. ГРОТ. *П—и, его лицейские товарищи и наставники*, 45.

Княгиня Вера Фед. Вяземская рассказывала, как в первые месяцы супружеской жизни напугал Пушкин молодую жену свою, ушедши гулять и возвратившись домой только на третьи сутки: оказалось, что он встретился с дворцовыми ламповщиками, которые отвозили из Царского Села на починку в Петербург подсвечники и лампы, разговорился с ними и добрался с ними до Петербурга, где и заночевал.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1899, III, 616.

В 1831 г. один знакомый встретил Пушкина в Петербурге на улице задумчивого и озабоченного.—«Что с вами?» «Все читаю газеты».—«Так что же?»—«Да разве вы не понимаете, что теперешние обстоятельства чуть ли не так же важны, как в 1812 году?»—отвечал Пушкин.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Девятнадцатый Век*, I, 386.

Здесь холера, т.-е. в П. Б., а Царское Село оцеплено. Жду дороговизны, и скупость наследственная и благоприобретенная во мне тревожится. О делах жены моей не имею никаких известий, и дедушка и теща отмалчиваются, и рады, что бог послал их Ташеньке муженька такого смиренного.

ПУШКИН—П. В. Нащокину, вторая половина июня 1831 г., из Царского Села.

Холера прижала нас, и в Ц. Селе оказалась дороговизна. Я здесь без экипажа и без пирожного, а деньги все-таки уходят. Вообрази, что со дня нашего отъезда я выпил одну только бутылку шампанского, и ту не вдруг. Жена тебе очень кланяется.—Шитье ее для тебя остановилось за неимением черного шелка. Все холера виновата.

ПУШКИН—П. В. Нащокину, 26 июня 1831 г., из Царского Села.

Отец мой горюет у меня в соседстве, в Павловском; вообще довольно скучно.

ПУШКИН—кн. П. А. Вяземскому, 3 июля 1831 г., из Царского Села.

Моя невестка очаровательна, она заслуживала бы иметь мужем более милого парня, чем Александр, который, при всем уважении моем к его шедеврам, стал раздражителен, как беременная женщина; он написал мне письмо такое нахальное и глупое, что пусть меня похоронят живою, если оно когда-нибудь дойдет до потомства, хотя, повидимому, он питал эту надежду, судя по старанию, которое он приложил к тому, чтоб письмо до меня дошло.

О. С. ПАВЛИЦЕВА (сестра поэта)—мужу своему Н. И. Павлицеву, 9 июля 1831 г. *П—я и его совр—ки*, XV, 76 (фр.).

В роде бояр Пушкиных с незапамятных времен хранилась металлическая ладанка с довольно грубо гравированным на ней всевидящим оком и наглухо заключенной в ней частицей ризы господней. Она — обязательное достояние старшего сына, и ему вменяется в обязанность 10 июля, в день праздника положения ризы, служить перед этой святыней молебен. Пушкин всю свою жизнь это исполнял и завещал жене соблюдать то же самое, а когда наступит время, вручить ее старшему сыну, взяв с него обещание никогда не уклоняться от семейного обета.

А. П. АРАПОВА. Воспоминания. *Новое Время*, 1908, № 11425.

Двор приехал, и Царское Село закипело и превратилось в столицу.

ПУШКИН—П. А. Плетневу, вторая половина июля 1831 г., из Царского Села.

Я все к тебе собираюсь, да боюсь карантинных. Ныне никак нельзя, пускаясь в дорогу, быть уверенным во времени проезда. Вместо трехдневной

езды того и гляди что высидишь три недели в карантине; шутка! В Царском Селе все тихо; но около такая каша, что боже упаси. Нынче осенью займусь литературой, а зимой зарююсь в архивы, куда вход дозволен мне царем. Царь со мною очень милостив и любезен. Того и гляди, попаду во временщики.

ПУШКИН—П. В. Нащокину, 21 июля 1831 г., из Царского Села.

В. Д. Комовский 16 октября 1831 г. пишет, что государь велел Пушкину написать историю Петра Великого и рассказывает по этому поводу даже, как это случилось. Пушкин встретился с государем в царскосельском саду и на предложенный вопрос: «почему он не служит?» отвечал:—«Я готов, но кроме литературной службы не знаю никакой». Тогда государь приказал ему сослужить службу—написать историю Петра Великого.

Д. Н. САДОВНИКОВ. Отзвыы о Пушкине. *Ист. Вестн.*, 1883, № 12, 553.

Опять хандришь! Эй, смотри: хандра хуже холеры, одна убивает только тело, другая убивает душу. Дельвиг умер, Молчанов умер, погоди—умрет и Жуковский, умрем и мы. Но жизнь все еще богата; мы встретим еще новых знакомцев, новые созреют нам друзья, дочь у тебя будет расти, вырастет невестой, мы будем старые хрычи, жены наши—старые хрычовки, а детки будут славные, молодые, веселые ребята, мальчишки станут повесничать, а девченки—сентиментальничать, а нам и любо. Вздор, душа моя; не хандри—холера на днях пройдет, были бы мы живы, будем когда-нибудь и веселы. Кстати скажу тебе новость (но да останется это, по многим причинам, между нами): Царь взял меня на службу, но не в канцелярскую или придворную, или военную,—нет, он дал мне жалование, открыл мне архивы, с тем, чтобы я рылся там и ничего не делал. Это очень мило с его стороны, не правда ли? Он сказал: *Puisque il est marié et qu'il n'est pas riche, il faut faire aller sa marmite (так как он женат и не богат, то нужно позаботиться, чтоб у него была каша в горшке)*. Ей богу, он очень со мною мил.

ПУШКИН—П. А. Плетневу, 22 июля 1831 г., из Царского Села.

В Царскосельском саду, около самого спуска без ступеней, было в том году излюбленное царскосельскою публикою местечко, что-то вроде каменной террасы, обставленной чугунными стульями, куда по вечерам тамошний *beau-monde* собирался посидеть и послушать музыку. В один прекрасный день на этой террасе собралось так много народу, что даже не достало стульев двум пожилым дамам. Я, как девочка вежливая, приученная всегда услуживать старшим, сейчас же сбегала в сад, захватила там еще такие два стула и подала их барыням. Папенька (*гр. Ф. П. Толстой*) с Пушкиным в это время стояли недалеко от террасы и о чем-то разговаривали. Вдруг А. Серг. схватил отца моего за руку и громко воскликнул:—«Граф, видели вы, что девочка сделала?»—«Что она сделала?»—«Да вот такие два чугунные стула подхватила, как два перышка, и отнесла на террасу». Папенька позвал меня и представил Пушкину; я ему сделала книксен и с удивлением стала смотреть на страшной длины ногти на его мизинцах. — «Очень приятно познакомиться, барышня,—крепко пожимая мне руку, смеясь сказал Ал. Серг-ч:—а который вам год?» — Тринадцать, — ответила я. — «Удивительно!» И они

оба с папенькой начали взвешивать на руке тяжелые чугунные стулья, потом заставили меня еще раз поднять их. — «Удивительно!» — повторил Пушкин. — Такая сила мужчине в пору. Поздравляю вас, граф, это у вас растет Илья-Муромец».

М. Ф. КАМЕНСКАЯ. Воспоминания. *Истор. Вестн.*, 1894, июль, 40.

По-моему, неоцененный бюст Пушкина вылеплен юным окулптором Терebeneвым, тем самым, который впоследствии изукрасил Эрмитаж своими кариагидами и статуями великих художников. Терebeneв как-то особенно поймал в этом бюсте тип и выражение лица Пушкина; он точно такой, каким я его помню в Царском Селе во время нашего с ним первого знакомства.

М. Ф. КАМЕНСКАЯ. Воспоминания. *Ист. Вестн.*, 1894, X, 54.

Летом 1831 г. в Царском Селе многие ходили нарочно смотреть на Пушкина, как он гулял под руку с женою, обыкновенно около озера. Она бывала в белом платье, в круглой шляпе, и на плечах свитая по тогдашнему красная шаль.

АРК. ОС. РОССЕТ. *Рус. Арх.*, 1882, I, 245.

Пушкин мой сосед, и мы выдаемся с ним часто. Женка его очень милое творение. И он с нею мне весьма нравится. Я более и более за него радуюсь тому, что он женат. И душа, и жизнь, и поэзия в выигрыше.

В. А. ЖУКОВСКИЙ—П. А. Вяземскому и А. И. Тургеневу, в конце июля—начале августа, из Царского Села. *Письма Жуковского к А. И. Тургеневу*. М. 1895, стр. 256.

Когда мы жили в Царском Селе, Пушкин каждое утро ходил купаться, после чая ложился у себя в комнате и начинал писать¹⁾. По утрам я заходила к нему. Жена его так уж и знала, что я не к ней иду. — «Ведь ты не ко мне, а к мужу пришла, ну, и походи к нему». — Конечно, не к тебе, а к мужу. Пошли узнать, можно ли войти. — «Можно». С мокрыми, курчавыми волосами лежит, бывало, Пушкин в коричневом сюртуке на диване. На полу вокруг книги, у него в руках карандаш. — «А я вам приготовил кой-что прочесть», — говорит. — «Ну, читайте». Пушкин начинал читать (в это время он сочинял все сказки). Я делала ему замечания, он отмечал и был очень доволен. Читал стихи он плохо. Жена его ревновала ко мне. Сколько раз я ей говорила: — «Что ты ревнуешь ко мне? Право, мне все равны: и Жуковский, и Пушкин, и Плетнев, — разве ты не видишь, что ни я не влюблена в него, ни он в меня». — «Я это хорошо вижу, — говорит, — да мне досадно, что ему с тобой весело, а со мной он зевает».

Когда сердце бьется от радости, то по словам Пушкина, оно:

То так,
То пятак,
То денежка!

¹⁾ В журнале очевидная опечатка: *потеть*.

Этими словами он хотел выразить биение и тревогу сердца.

Раз я созналась Пушкину, что мало читаю. Он мне говорит:—«Послушайте, скажу и я вам по секрету, что я читать терпеть не могу, многого не читал, о чем говорю. Чужой ум меня стесняет».

А. О. СМЕРНОВА по записи Я. П. Полонского
Гол. Минувшего, 1917, № 11, 155.

Пушкин с молодой женой поселился в доме Китаева, на Колпинской улице... Наталья Николаевна сидела обыкновенно за книгою внизу. Пушкина кабинет был наверху, и он тотчас нас зазывал к себе. Кабинет поэта был в порядке. На большом круглом столе, перед диваном, находились бумаги и тетради, часто несшитые, простая чернильница и перья; на столике графин с водой, лед и банка с кружевниковым вареньем, его любимым. (Он привлек в Кишиневе к дульчецам). Волоса его обыкновенно еще были мокры после утренней ванны и вились на висках; книги лежали на полу и на всех полках. В этой простой комнате, без гардин, была невыносимая жара; но он это любил, сидел в шورتке, без галстука. Тут он писал, ходил по комнате, пил воду, болтал с нами, выходил на балкон и прибирал всякую чепуху насчет своей соседки графини Ламберт. Иногда читал нам отрывки своих сказок и очень серьезно спрашивал нашего мнения. Он восхищался заглавием одной: «Поп—толоконный лоб и служитель его Балда». «Это так дома можно,—говорил он,—а ведь цензура не пропустит!» Он говорил часто: «ваша критика, мои милые, лучше всех; вы просто говорите: этот стих нехорош, мне не нравится». Вечером, в 5 или 6 часов, он с женой ходил гулять вокруг озера или я заезжала на дрожках за его женою; иногда и он садился на перекладину верхом, и тогда был необыкновенно весел и забавен. У него была неистощимая *mobilité de l'esprit* (подвижность ума). В семь часов Жуковский с Пушкиным заходили ко мне; если случалось, что меня дома нет, я их заставляла в комфортабельной беседе с моими девушками.—«Марья Савельевна у вас аристократка; а Саша друг мой, из Архангельска, чистая демократка. Никого ни в грош не ставит». Они заливались смехом, когда она Пушкину говорила:—«Да что мне, что вы стихи пишете,—дело самое пустое! Вот Василий Андреевич (Жуковский) гораздо почтеннее вас».—«А вот за то, Саша, я тебе напишу стихи, что ты так умно рассуждаешь». И точно, он ей раз принес стихи, в которых говорилось, что

Архангельская Саша
Живет у другой Саши.

Стихи были довольно длинные и пропали у нее. (Стр. 1877—1878).

Когда разговорились о Шатобриане, помню, он говорил: из всего, что он написал, только одна вещь понравилась мне. Хотите, я вам ее напишу в ваш альбом? «Если бы я мог еще верить в счастье, я бы искал его в монотонности житейских привычек» (стр. 1882).

А. О. СМЕРНОВА (РОССЕТ). Воспоминания. Рус.
Арх., 1871.

Пушкин был ревнив и страстно любил жену свою, что несколько, однако, не мешало ему иногда скучать в ее присутствии. Она его не понимала и, конечно, светские успехи его ставила выше литературных. Раз А. О. Смирнова посетила его на даче,—в то время, как он писал свои сказки. По ее

словам, Пушкин любил писать карандашом, лежа на диване и каждый истинный им лист опуская на пол. Раз у ней зашла речь с Пушкиным об его стихотворении: «Подъезжая под Ижору». — «Мне это стихотворение не нравится, — сказала ему Смирнова, — оно выступает как бы подбоченившись». Пушкину это понравилось, и он много смеялся. Когда затем Смирнова сошла вниз к жене его, Наталья Николаевна сказала ей: «Вот какая ты счастливая, — я тебе завидую. Когда ты приходишь к моему мужу, он весел и смеется, а при мне зевает».

Я. П. ПОЛОНСКИЙ. Кое-что о Пушкине. Cosmopolis, 1898, март, 201.

Раз, когда Пушкин читал моей матери стихотворение, которое она должна была в тот же вечер передать государю, жена Пушкина воскликнула: «Господи, до чего ты мне надоел со своими стихами, Пушкин!» Он сделал вид, что не понял, и отвечал: «Извини, этих ты не знаешь: я не читал их при тебе». — «Эти ли, другие ли, все равно. Ты вообще надоел мне своими стихами». Несколько смущенный, поэт сказал моей матери, которая кусала себе губы от вмешательства: «Натали еще совсем ребенок. У нее невозможная откровенность малых ребят». Он передал стихи моей матери, не дочитывая их, и переменял разговор. В Царскосельском театре затевался спектакль, и мать моя сообщила Пушкиной, что она получит приглашение. Это привело ее в лучшее настроение, и она сказала моей матери: — «Пожалуйста, продолжайте чтение. Я вижу, что ему этого очень хочется. А я пойду посмотрю мои платья. Вы зайдите ко мне потом, чтоб сказать, что мне лучше надеть для спектакля?»

О. Н. СМИРНОВА. Записки А. О. Смирновой, I, 181.

27-го июля, в 7-м часу вечера, я шел к знакомому, жившему во дворце. Я пошел парком. Не сделал я двадцати шагов, как вышел из-за деревьев на ту же дорогу человек среднего роста, с толстой палкой в руке. Он шел мне навстречу скоро, большими шагами. Хотя он был еще далеко от меня, но по походке и бакенбардам нетрудно было узнать в нем Александра Сергеевича. Я решился подойти к нему. За несколько шагов, сняв фуражку, я сказал ему взволнованным голосом: «Извините, что я вас останавливаю, Александр Сергеевич; но я внук вам по лицу и желаю вам представиться». — «Очень рад, — отвечал он, улыбнувшись и взяв меня за руку, — очень рад». — Непритворное радушие видно было в его улыбке и глазах. Я сказал ему свою фамилию. «Ну, что у вас делается в лице? Если вы не боитесь усталости, — прибавил он, — то пойдемте со мной». Мы пошли так же скоро и теми же большими шагами. Я не чувствовал ни прежнего волнения, ни прежней боязни. При всей своей славе Александр Сергеевич был удивительно прост в обращении. Гордости, важности, резкого тона не было в нем ни тени, оттого и нельзя было не полюбить его искренно с первой же минуты. Из парка мы перешли в большой сад. — «Ну, а литература у вас процветает?» — спросил он. — «Что ваш сад и ваши палисадники? А памятник в саду вы поддерживаете? Видаются ли вы с вашими старшими? Выпускают ли теперь из лицея в военную службу? Есть ли между вами желающие? Какие теперь у вас профессора? Прибавляется ли ваша библиотека? У кого она теперь на руках?» На эти вопросы Александра Сергеевича я едва успевал отвечать. В свою очередь мне ужасно хотелось расспросить его об нем самом, но он решительно не давал мне времени и, конечно, делал это не без намерения. Я понимал, что ему не о чем было более говорить с 17-летним юношею, как об

его заведении, но в этом-то и было все мое горе. Многие расставленные по саду часовые ему вытягивались, и если он замечал их, то кивал им головою. Когда я спросил: «отчего они ему вытягиваются?», то он отвечал: «право, не знаю; разве потому, что я с палкой». Обойдя кругом озера, он сказал: «Вы раскраснелись, кажется, устали?»—«Это не от усталости, а от эмпатии и удовольствия идти с вами». Он улыбнулся и протянул мне руку.

П. И. МИЛЛЕР. Встреча с Пушкиным. *Рус. Арх.*, 1902, III, 232—234.

Пушкин, живший в Царском Селе, близ Китайского домика, полюбил молодого гусара (*графа Васильева*) и частенько утром, когда он возвращался с ученья домой, зазывал к себе, шутил, смеялся, рассказывал или сам слушал рассказы о новостях дня. Однажды в жаркий летний день граф Васильев, зайдя к нему, застал его чуть не в прародительском костюме. «Ну, уж извините,—засмеялся поэт, пожимая ему руку,—жара стоит африканская, а у нас там, в Африке, ходят в таких костюмах».

П. К. МАРТЬЯНОВ со слов графа А. В. Васильева. Новые сведения о Лермонтове. *Истор. Вести.*, 1892, т. 50, стр. 384.

Граф В. А. Васильев сказывал, что, служа в 1831 г. в лейб-гусарах, однажды летом он возвращался часу в четвертом утра в Царское Село и, когда проезжал мимо дома Китаева, Пушкин зазвал его в раскрытое окно к себе. Граф Васильев нашел поэта за письменным столом в халате, но без сорочки (так он привык, живучи на юге). Пушкин писал тогда свое послание «Клеветникам России» и сказал молодому графу, что пишет по желанию государя.

П. И. БАРТЕНЕВ, *Рус. Арх.*, II, 516.

Когда Пушкин написал эту оду («Клеветникам России»), он прежде всего прочел ее нам.

Имп. АЛЕКСАНДР II. Е. Д. Из воспоминаний об имп. Ал. II. *Журн. «Ученик»*, 1911, № 45, стр. 1087. Цит. по *Брокг. Ефр.*, т. VI, 410.

Карантинны превратили эти 24 версты (от Петербурга до Царского Села) в дорогу от Петербурга до Камчатки. Знаете ли, что я узнал на-днях голько, что э... но вы не поверите мне, назовете меня суевером,—что всему этому виною не кто другой, как враг честного креста церковей господних и всего огражденного святым знаменем. Это чорт надел на себя зеленый мундир с гербовыми пуговицами, привесил к боку остроконечную шпагу и стал карантинным надзирателем. Но Пушкин, как ангел святой, не побоялся сего рогатого чиновника, как дух пронесся его мимо и во мгновение ока очутился в Петербурге, на Вознесенском проспекте, и воззвал голосом трубным ко мне, лепившемуся по низменному тротуару, под высокими домами. Это была радостная минута; она уже прошла. Это случилось 8-го августа.

Н. В. ГОГОЛЬ—В. А. Жуковскому, 10 сентября 1831 г. *Письма Гоголя*, ред. Шенрока, т. I, 188.

Пушкина видел я в 1831 г., вместе с его молодою красавицею-женою, в саду Александровского дворца, в Царском Селе. Он тогда провел там все лето по случаю свирепствовавшей в Петербурге холеры. Однажды он вел оттуда жене своей в подарок дорогую турецкую шаль; ее в карантине окурили и всю искололи. Мне, после этой единственной встречи с Пушкиным, навсегда остались памяты: его пронзительный взгляд, его кудрявые волосы и его необыкновенно длинные руки.

Бар. Ф. А. БЮЛЕР. *Рус. Арх.*, 1872, 202.

Моя невестка очаровательна; она вызывает удивление в Царском, и императрица хочет, чтоб она была при дворе. Она от этого в отчаянии, потому что неглупа; я не то хотела сказать: хотя она вовсе не глупа, она еще немножко робка, но это пройдет, и она, красивая, молодая и любезная женщина, поладит и со двором, и с императрицей. Но зато Александр, я думаю, на седьмом небе... Физически они—две полные противоположности: Вулкан и Венера, Кирик и Улита и т. д., и т. д.

О. С. ПАВЛИЦЕВА—мужу, от середины августа 1831 г. П—н и его совр—ки, XV, 83 (фр.).

Однажды Пушкин, гуляя по Царскому Селу, встретил коляску, вмещавшую в себе ни более, ни менее, как Николая Павловича. Царь приказал остановиться и, подзвав к себе Пушкина, потолковал с ним о том, о сем очень ласково. Пушкин прямо с прогулки приходит к Смирновой. — «Что с вами?» — спросила Смирнова, всматриваясь в его лицо. Пушкин рассказал ей про встречу и прибавил: «Чорт возьми, почувствовал подлость во всех жилах». Я это слышал от самой Смирновой.

И. С. АКСАКОВ—Н. С. Соханской-Кохановской. *Н. Барсуков*, XIX, 409.

Дома у меня произошла перемена министерства. Бюджет Алекс. Григорьева оказался ошибочен; я потребовал счетов; заседание было столь же бурное, как и то, в коем уничтожен был Иван Григорьев; вследствие сего Алекс. Григорьев сдал министерство Василию (за коим блохи другого рода). Забыл я тебе сказать, что Алекс. Григорьев при отставке получил от меня в виде аттестата плюху, за что он было вздумал произвести возмущение и явился ко мне с военной силою, т.-е. кварталным; но это обратилось ему же во вред, ибо лавочники, проведав обо всем, засадили было его в яму, от коей по своему великодушию избавил я его. Теща моя не унимается; ее не переменяет ничто, ni le temps, ni l'absence, ni des lieux la longueur.

ПУШКИН—П. В. Нащокину, 3 сент. 1831 г., из Царского Села.

Мы большие друзья с Александром и особенно с его женою, но я не хочу жить у них, потому что их образ жизни противоречит моим привычкам... Она была представлена императрице, которая от нее в восхищении.

О. С. ПАВЛИЦЕВА—Н. И. Павлицеву, 4 сент. 1831 г., П—н и его совр—ки, XV, 89.

Александр приехал ко мне вчера, в среду, из Царского; весел, как медный грош, забавлял меня остротами, уморительно передразнивал Архарову, Ноденов, причем не забыл представить и «дражайшего» (отца).

О. С. ПАВЛИЩЕВА—мужу, 10 сент. 1831 г.
Л. Павлищев, 260.

15 сент. 1831 г... в той атмосфере невидимые силы нащептывают мысли, суждения, вдохновения, чувства. Будь у нас гласность печати, никогда Жуковский не подумал бы, Пушкин не осмелился бы воспеть победу Паскевича. Во-первых, потому что этот род восторгов—анахронизм... Во-вторых, потому что курам насмех быть вне себя от изумления, видя, что льву удалось, наконец, наложить лапу на мышь.

22 сент.—Пушкин в стихах своих *Клеветникам России* кажет им шиш из кармана. Он знает, что они не прочтут стихов его, следовательно, и отвечать не будут на вопросы, на которые отвечать было бы очень легко, даже самому Пушкину. За что возрождающейся Европе любить нас?.. Мне также уже надоели эти географические фанфаронады наши «От Персии до Тавриды» и проч. Что же тут хорошего, чему радоваться и чем хвастаться, что у нас от мысли до мысли пять тысяч верст... «Вы грозны на словах, попробуйте на деле»... Неужели Пушкин не убедился, что нам с Европою воевать была бы смерть? Зачем же говорить неясности и еще против совести и более всего без пользы?

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. Старая записная книжка.
Полн. собр. соч., т. IX, стр. 158.

Вы—нервы... Г-н Нащокин говорил мне, что вы изумительно ленивы.

П. Я. ЧААДАЕВ—Пушкину, 18 сент. 1831 г. *Соч. и письма Чаадаева, под ред. М. Гершензона. М. 1914. Т. I, 163, 166 (фр.).*

На прошедшей неделе мы обедали в Английском Клубе с Чаадаевым, а после мы и заспорили и крепко о достоинстве стихов Пушкина и других, кои здесь во всю неделю читались всеми,—«На взятие Варшавы» и «Послание клеветникам России». Мы немного нападали на Чаадаева за его мнение о стихах... Александр Пушкин точно сделан биографом Петра I и с хорошим окладом.

А. И. ТУРГЕНЕВ—Н. И. Тургеневу, 26 сент. 1831 г., из Москвы, *Журн. Мин. Нар. Просв., 1913, март, стр. 21.*

Барон Бухгольд пересылал твои письма ко мне в Царское Село Александру (Пушкину), а этот передавал их мне, когда ему заблагорассудится, а иногда не передавал вовсе, и я подозреваю,—прости меня, господи,—что они ими п.....л себе з.....у,—конечно, по рассеянности.

О. С. ПАВЛИЩЕВА—мужу Н. И. Павлищеву, 6 окт. 1831 г., из Петербурга. *Пушкин и его совр—ки, XV, 93 (фр.).*

Мне совестно быть неаккуратным, но я совершенно расстроился: женись, я думал издерживать втрое против прежнего, вышло вдесятеро. В Москве

говорят, что я получаю 10.000 жалования, но я покамест не вижу ни поллушки; если буду получать и 4.000, так и то слава богу.

ПУШКИН—П. В. Нащокину, из Царского Села,
7 окт. 1831 г.

Вскоре по выходе повестей Белкина (*серед. октября 1831 г.*), я на минуту зашел к Александру Сергеевичу; они лежали у него на столе. Я и не подозревал, что автор их—он сам.—«Какие это повести? И кто этот Белкин?»—спросил я, заглядывая в книгу.—«Кто бы он там ни был, а писать повести надо вот этак: просто, коротко и ясно».

П. И. МИЛЛЕР—Встреча с Пушкиным. Рус. Арх.,
1902, III, 234.

Праздновали на квартире Яковлева (в казенном доме, на Литейной). Собрались: Илличевский, Корнилов, Стевен, Комовский, Данзас, Корф; Пушкина не было потому только, что (*тщательно зачеркнуто*: не хотел до 19 октября увидаться с кем-либо из лицейских товарищей первого выпуска) не нашел квартиры.

ПРОТОКОЛ ПРАЗДНОВАНИЯ ЛИЦЕЙСКОЙ ГОДОВЩИНЫ (19 октября). П—н и его совр—ки,
XIII, 50.

Вечер у Жуковского. Гнедин, Пушкин и Одоевский—чит. сказки свои—смешные и прязные анекдоты—Пушкин что-то очень расстроен.

М. П. ПОГОДИН. Дневник, 20 окт. 1831 г. П—н и
его совр—ки, XXIII—XXIV, 117.

Пушкин часто переменил квартиры. По приезде из Царского Села в Петербург, он с'ехал с квартиры почти тотчас же, как нанял (она была очень высока)¹⁾, и поселился на Галерной в доме Брискорн.

П. В. АННЕНКОВ. Материалы, 312.

При приезде они взяли квартиру, которая в конце концов им не понравилась, и они нашли другую на Галерной за 2500 руб. Моя невестка беременна, но этого еще не видно; она прекрасна и очень мила.

О. С. ПАВЛИЩЕВА—мужу, 23 окт. 1831 г. П—н
и его совр—ки, XV, 101 (фр.).

Квартира Пушкина с октября 1831 г. по май 1832 г. была в Галерной улице, дом Брискорн; этот дом был сквозной на Английскую набережную, рядом с ним помещался в то время морской штаб, за которым была английская церковь. В настоящее время дом принадлежит г. Струкову, № 53 (см. рис. 4).

П. ЗЕТ (П. Н. СТОЛПЯНСКИЙ). Квартиры А. С.
Пушкина. Новое Время, 1912, № 12889.

¹⁾ Адрес этой квартиры Пушкин сообщает Вяземскому в письме от 15—19 окт. 1831 г.: у Измайловского моста на Воскресенской улице, в доме Берникова. Как правильно замечает Н. О. Лернер, здесь, конечно, описка: вместо *Вознесенской* улицы, т.-е. Вознесенского проспекта.

К Пушкину. Сухое свидание. Что ваше дело? В главном правлении цензуры и только. Он только что переехал и разбирается.

М. П. ПОГОДИН. Дневник, 28 окт. 1831 г. П—н и его совр—ки, XXIII—XXIV, 118.

Когда Пушкин приехал с женою в Петербург, то они познакомились со всею знатью (посредницею была Загряжская). Графиня Нессельроде, жена министра, раз без ведома Пушкина взяла жену его и повезла на небольшой придворный Аничковский вечер; Пушкина очень понравилась императрице. Но сам Пушкин ужасно был взбешен этим, наговорил грубостей графине и между прочим сказал: «я не хочу, чтоб жена моя ездила туда, где я сам не бываю».

П. В. НАЩОКИН по записи Бартенева. Рассказы о П—не, 42.

С первого года женитьбы Пушкин узнал нужду, и хотя никто из самых близких не слышал от него ни единой жалобы, беспокойство о существовании омрачало часто его лицо. Домашние нужды имели большое влияние на нрав его. Вспоминаю, как он, придя к нам, ходил печально по комнате, надув губы и опустив руки в карманы широких панталон, и уныло повторял: «грустно! тоска!» Шутка, острое слово оживляли его электрическою искрою; он громко захохочет и обнаружит ряд белых, прекрасных зубов, которые с толстыми губами были в нем остатками полуарабского происхождения. И вдруг снова, став к камину, шевеля что-нибудь в своих широких карманах, запоет протяжно: «грустно! тоска!» Я уверен, что беспокойства о будущей судьбе семейства, долги и вечные заботы о существовании были главною причиною той раздражительности, которую он показал в происшествиях, бывших причиною его смерти.

Н. М. СМЕРНОВ. Рус. Арх., 1882, I, 233.

Отец рассказал мне, что как-то вечером, осенью, Пушкин, прислушиваясь к завыванию ветра, вздохнул и сказал: «как хорошо бы теперь быть в Михайловском! Нигде мне так хорошо не пишется, как осенью в деревне. Что бы нам поехать туда!» У моего отца было имение в Псковской губернии, и он собирался туда для охоты. Он стал звать Пушкина ехать с ним вместе. Услышав этот разговор, Пушкина воскликнула: «восхитительное местопребывание! Слушать завывание ветра, бой часов и выть волков. Ты с ума сошел!» И она залилась слезами к крайнему изумлению моих родителей. Пушкин успокоил ее, говоря, что он только пошутил, что он устоит и против искушения, и против искусителя (моего отца). Тем не менее Пушкина еще некоторое время дулась на моего отца, упрекая его, что он внушает сумасбродные мысли ее супругу.

О. Н. СМЕРНОВА. Записки А. О. Смирновой, I, 181.

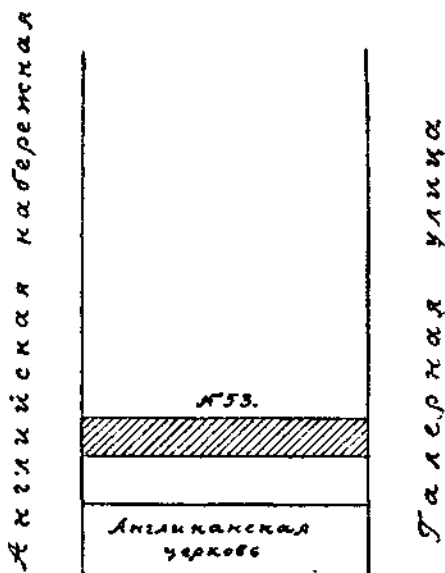

Рис. 4.

Когда вдохновение сходило на Пушкина, он запирался в свою комнату, и ни под каким предлогом жена не дерзала переступить порог, тщетно ожидая его в часы завтрака и обеда, чтобы как-нибудь не нарушить прилив творчества. После усидчивой работы, он выходил усталый, проголодавшийся, но окрыленный духом, и дома ему не сиделось.

А. П. АРАПОВА. *Новое Время*, 1907, № 11413.

Однажды, кажется, у А. Н. Оленина, Уваров, не любивший Пушкина, гордого и не низкопоклонного, сказал о нем: «что бы хвалится своим происхождением от негра Аннибала, которого продали в Кронштадте (Петру Великому) за бутылку рома!» Булгарин, услыша это, не преминул воспользоваться случаем и повторил в «Северной Пчеле» этот отзыв. Этим объясняются стихи Пушкина: «Моя родословная».

На меня Пушкин дулся недолго. Он скоро убедился в моей неприкосновенности к шуткам Булгарина и, как казалось, старался облизиться со мною. Мы раз как-то встретились в книжном магазине Белизара. Он поклонился мне неловко и принужденно; я подошел к нему и сказал, улыбаясь: «Ну, на что это походит, что мы дуемся друг на друга? Точно Борька Федоров с Орестом Сомовым». Он расхохотался и сказал: «Очень хорошо!» (любимая его поговорка, когда он был доволен чем-нибудь). Мы подали друг другу руки, и мир был восстановлен.

Н. И. ГРЕЧ. *Записки о моей жизни*, СПб. 1886.
Стр. 456—457.

У Пушкина было любимой поговоркой или скороговоркой: «очень хорошо!» когда кто-нибудь выпустит при нем острое словечко.

Граф М. Д. БУТУРЛИН. *Рус. Арх.*, 1897, II, 373.

Я знаю, что ты будешь бранить меня. Но в эти и в мои времена так любил в таких случаях говаривать Пушкин).

П. А. ПЛЕТНЕВ—Я. К. Гроту. *Переписка Грота с Плетневым*, II, 464.

У Пушкина, который получил при мне письмо о новом журнале Краевского и стихи Языкова. Просил у него гостинцу. Вскользь о Петре—о грамматике. Он ничего не знает о себе. Но участия живого уже нет.

М. П. ПОГОДИН. *Дневник*, 4 ноября 1831 г. П—н и его совр—ки, XXIII—XXIV, 118.

Государь император высочайше повелеть соизволил: отставного коллежского секретаря Александра Пушкина принять на службу тем же чином и определить его в государственную Коллегию Иностранных Дел.

ВЫСОЧАЙШИЙ ПРИКАЗ от 14 ноября 1831 г.
Н. А. Гастфрейнд Пушкин *Документы госуд и с.-петербургского главн. архивов мин. ин. дел*. СПб. 1900.
Стр. 23.

Фаддей Венедиктович
БУЛГАРИН

Сергей Семенович
УВАРОВ

О. А. Кипренский.

Госуд. Третьяковская галерея.

Жена Пушкина появилась в большом свете, где ее приняли очень хорошо; она понравилась всем и своими манерами, и своей фигурой, в которой находят что-то трогательное. Я встретил их вчера утром на прогулке на Английской набережной.

Бар. М. Н. СЕРДОБИН—бар. Б. А. Вревскому, 17 ноября 1831 г., из Петербурга.—*П—и и его совр—ки*, XXI—XXII, 371 (фр.).

Моя невестка (*Нат. Ник. Пушкина*)—женщина наиболее здесь модная. Она вращается в самом высшем свете, и говорят вообще, что она—первая красавица; ее прозвали «*Психеей*».

О. С. ПАВЛИЩЕВА—Н. И. Павлищеву. 17 ноября 1831 г. *П—и и его совр—ки*, XV, 106 (фр.).

Государь император всемилостивейше пожаловать соизволил состоящего в ведомстве Гос. Коллегии Иностр. Дел коюл. секр. Пушкина в титулярные советники.

ВЫСОЧАЙШИЙ УКАЗ от 6 дек. 1831 г. *Гаст-фрейнд, Документы*, 25.

Вот тебе мой itinéraire. Собирался я выехать в зимнем дилижансе, но мне объявили, что, по причине оттепели, должен я отправиться в летнем; взяли с меня лишних 30 рублей и посадили в четвероместную карету вместе с двумя товарищами. А я еще и человека с собою не взял, в надежде путешествовать одному. Один из моих спутников был рижский купец, добрый немец, которого каждое утро душили мокроты, и который на станции ровно час отхаркивался в углу. Другой—мемельский жид, путешествующий на счет первого. Вообрази, какая веселая компания. Немец три раза в день и два раза в ночь аккуратно был пьян. Жид забавлял его всю дорогу приятным разговором, например, по-немецки рассказывал ему Ivan Wijiguin (ganz schagmant). Я старался их не слушать и притворялся спящим. В Валдае принуждены мы были пересест в зимние экипажи и насилу дотащились до Москвы. Нащокина не нашел я на старой его квартире; насилу отыскал его у Пречистенских ворот, в доме Ильинской. Он все тот же: очень мил и умен; был в выигрыше, но теперь проигрался, в долгах и хлопотах.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 8 декабря 1831 г., из Москвы.

Секретно. Находящийся под секретным надзором чиновник 10 класса Александр Пушкин сего месяца 13 числа прибыл из С.-Петербурга и остановился Пречистенской части I квартала в доме гг. Ильинских. Предписанный за ним надзор учрежден.

Полицейстер МИЛЛЕР, в рапорте и. д. моск. об.-полицейстера, 23 дек. 1831 г. *Красн. Арх.*, т. 37, стр. 243.

Когда Пушкин приезжал к Нащокину, они тотчас отправлялись в бани (Лепехинские, что были у Смоленского рынка) и там вдоволь наговаривались, так что им после не нужно было много говорить: в обществе они уже влюбле понимали друг друга. Вставал Пушкин довольно рано, никуда не вы-

ходил, покуда не встанет Нащокин, просымавшийся довольно поздно, потому что засиживался в английском клубе, куда Пушкин не ездил. Питая особенную к нему нежность, он укутывал его, отправляя в клуб, крестил.

П. И. БАРТЕНЕВ со слов П. В. Нащокина. *Рассказы о П—не*. 27.

Рассказ Чаадаева... Наиболее Пушкин любил Нащокина, который давал ему всегда в заем денег. Пушкин вечно влюблялся.

О. М. БОДЯНСКИЙ. Дневник, 25 окт. 1850 г. *Рус. Стар.*, 1889, т. 64, стр. 123.

Поэт Пушкин здесь, как слышно, на несколько дней. У него жена, как сказывают, первая красавица в С.-Петербурге. Я не видел ее.

А. И. ТУРГЕНЕВ—Н. И. Тургеневу 8 дек. 1831 г., из Москвы. *Жур. Мин. Нар. Просв.*, 1913, март, стр. 19.

Вяземский очень гонял Пушкина в Москве за Польшу... Пушкин—варвар в отношении к Польше. Как поэт, думая, что без патриотизма, как он понимает, нельзя быть поэтом, и для поэзии не хочет выходить из своего варварства. Стихи его *Клеветникам России* доказывают, как он сей вопрос понимает. Я только в одном Вяземском заметил справедливый взгляд и на эту поэзию, и на весь этот нравственно-политический мир (или—безнравственно). Слышал споры их, но сам молчал, ибо Пушкин начал обвинять Вяземского, оправдывая себя; а я страдал за обоих, ибо люблю обоих.

А. И. ТУРГЕНЕВ—Н. И. Тургеневу. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1913, март, стр. 18.

Однажды Пушкин между приятелями сильно руссофильствовал и громил Запад. Это смущало Александра Тургенева, космополита по обстоятельствам, а частью и по склонности. Он горячо оспаривал мнения Пушкина; наконец, не выдержал и сказал ему:—«А знаешь ли, что, голубчик, с'езди ты хоть в Любек». Пушкин расхохотался, и хохот обезоружил его. Нужно при этом напомнить, что Пушкин не бывал никогда за границую, что в то время русские путешественники отправлялись обыкновенно с Любскими пароходами, и что Любек был первый иностранный город, ими посещаемый

Кв. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Полн. собр. соч.*, т. VIII, 168.

Пушкин у вас в Москве; жена его хороша, хороша, хороша! Но страдальческое выражение ее лба заставляет меня трепетать за ее будущность.

Гр-ня Д. Ф. ФИКЕЛЬМОН—кв. Вяземскому, 12 дек. 1831 г. *Собр. соч. кв. П. П. Вяземского*, стр. 533.

И. И. Дмитриев в одно из своих посещений английского клуба, на Тверской, заметил, что ничего не может быть страннее самого названия: *московский английский клуб*. Случившийся тут Пушкин, смеясь, сказал ему на это, что у нас есть названия еще более странные. «Какие же?»—спросил Дмитриев.—«А *императорское человеколюбивое общество*».

Н. М. ЯЗЫКОВ. *Истор. Вестн.*, 1883, т. XIV, стр. 536.

Москва еще пляшет, но я на балах еще не был. Вчера обедал в Англ. клубе. Меня тянет в Петербург. Не люблю я твоей Москвы. У тебя, т.-е. в нашем Никитском доме, я еще не был. Не хочу, чтоб холопья ваши знали о моем приезде; да не хочу от них узнать и о приезде Нат. Ив., иначе должен буду к ней явиться и иметь с нею необходимую сцену; она все жалуется по Москве на мое корыстолюбие; да полно, я слушаться ее не намерен

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 10 декабря 1831 г., из Москвы.

В первой половине декабря 1831 г. Пушкин в Москве читал отрывки из своих сказок Н. М. Языкову. «Это не его род, — пишет Языков брату А. М.—чу от 16 декабря.— Пушкин говорит, что он слыхал все донныне напечатанные русские песни и привел их в порядок и сообразность, зане ведь они издавались без всякого толку; но он кажется хвастает».

Д. Н. САДОВНИКОВ. *Истор. Вестн.*, 1883, т. XIV, стр. 533.

Здесь мне скучно; Нашокин занят делами, а дом его — такая бестолочь и ералаш, что голова кругом идет. С утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчие, цыганы, шпионы, особенно заимодавцы. Всем вольный вход. Всем до него нужда; всякий кричит, курит трубку, обедает, поет, пляшет; угла нет свободного — что делать? Между тем денег у него нет, кредита нет, — время идет, а дело мое не распутывается. Все это по неволе бесит меня. К тому же, я опять застудил себе руку, и письмо мое, вероятно, будет пахнуть бобковой мазью. Жизнь моя однообразная, выезжаю редко. Вчера Нашокин задал нам цыганский вечер; я так от этого отвык, что от крику гостей и пенья цыганок до сих пор голова болит. Тоска, мой ангел, — до свидания.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 16 декабря 1831 г., из Москвы.

В Москве Нашокин вел большую, но воздержную игру у себя, у приятелей, а впоследствии постоянно в английском клубе. Нашокин, проигрывая, не унывал, платил *долг чести* (т.-е. карточный) аккуратно, жил в довольстве и открыто, в случае-же большого выигрыша жил по широкой русско-барской натуре. Он интимно облизился с хорошенькой цыганкой Ольгой Андреевной. Не помню, на Пречистенке или Остоженке, он занимал квартиру весьма удобную в одноэтажном деревянном доме. Держал карету и пару лошадей для себя, а пару вятков для Оленьки. У него чуть не ежедневно собиралось разнообразное общество: франты, цыгане, литераторы, актеры, купцы-подрядчики; иногда являлись заезжие петербургские друзья, в том

числе и Пушкин, всегда останавливавшийся у него. Постоянным посетителем его дома был генерал кн. Гагарин (прозванный Адамовой головой), храбрец, выигравший в 1812 году у офицеров пари, что доставит Наполеону два фунта чаю! И доставил: и только по благосклонности Наполеона благополучно возвратился в русский лагерь. Играя с богачами, Нащокин не отказывался от любимого занятия и с такими, у которых выиграть нечего, каким был, напр., Ник. Фил. Павлов (*известный в то время беллетрист*). Однажды, пообедав у Нащокина, Павлов предложил игру. Играли всю ночь. К утру Нащокин проиграл деньги, золотые часы, столовое серебро, наконец, карету с лошадьми, даже Оленькины сани с паромо вятков. Цыганка, узнав об исчезновении вятков, несколько не огорчилась: вероятно, привыкла, или знала, что все скоро возвратится. И действительно, вскоре они зажили прежнею роскошною жизнью.

Н. И. КУЛИКОВ. Воспоминания. *Рус. Стар.*, 1880, дек., стр. 992.

Пушкин здесь, но что-то пасмурен и расоеян.

М. П. ПОГОДИН—С. П. Шевыреву 21 дек. 1831 г., из Москвы. *Рус. Арх.* 1882, III, 191.

(По поводу стихов Пушкина на взятие Варшавы). Мне досадно, что ты хвалишь Пушкина за последние его вирши. Он мне так огадился, как человек, что я потерял к нему уважение даже как к поэту... Теперешний Пушкин есть человек, остановившийся на половине своего поприща, и который, вместо того, чтобы смотреть прямо в лицо Аполлону, оглядывается по сторонам и ищет других божеств, для принесения им в жертву своего дара. Упал, упал Пушкин, и — признаюсь, мне весьма жаль этого. О, честолюбие и златолюбие!

Н. А. МЕЛЬГУНОВ—С. П. Шевыреву, 21 декабря 1831 г. А. И. Кирпичников. *Очерки по истории новой рус. литературы*. Т. II, изд. 2. М. 1903, стр. 167.

Гончаровой-Пушкиной не может женщина быть прелестней. Здесь многие находят ее несравненно лучше красавицы Завадовской.

Ген. А. П. ЕРМОЛОВ—Н. П. Воейкову, 21 дек. 1831 г., из Петербурга. *Рус. Арх.*, 1906 г., III, 40.

Между нами будет сказано, Пушкин приезжал сюда по делам не чисто литературным, или вернее сказать, не за делом, а для картежных сделок, и находился в обществе самом мерзком: между шелкоперами, плутами и обдиралами. Это всегда с ним бывает в Москве. В Петербурге он живет опрятнее. Видно, брат, не права пословица: женится — переменится!

Н. М. ЯЗЫКОВ (поэт)—брату А. М. 22 декабря 1831 г. *Истор. Вестн.*, 1883, XIV, 534.

С тех пор, как вышел из лицея, я не раскрывал латинской книги и совершенно забыл латинский язык. Жизнь коротка, перечитывать некогда.

ПУШКИН. Об Евгении Онегине. 1831 г.

Александр усакал в Москву еще перед Николиным днем и, по своему обыкновению, совершенно нечаянно, предупредив только Наташу, объявив, что ему необходимо видеться с Нащокиным и совсем не по делам поэтическим, а по делам гораздо более существенным — прозаическим. Какие именно у него дела денежные, по которым улетел отсюда, — узнать от него не могла, а жену не спрашиваю. Жду брата, однако, весьма скоро назад. Очень часто вижу с его женой; то я захожу к ней, то она ко мне заходит, но наши свидания всегла случаются среди белого дня. Заставать ее по вечерам и думать нечего; ее забрасывают приглашениями то на бал, то на раут. Там от нее все в восторге, и прозвали ее Психеею, с легкой руки госпожи Фикельмон, которая не терпит, однако, моего брата — один бог знает, почему.

О. С. ПАВЛИЩЕВА—Н. И. Павлищеву, в конце декабря 1831 г., *Л. Павлищев*, 270.

Наталья Николаевна вспоминала, бывало, как в первые годы ее замужества ей иногда казалось, что она отвыкнет от звука собственного голоса, — так одиноко и однообразно протекали ее дни! Она читала до одури, выпивала часами, но, кроме няни Прасковьи, ей не с кем было перекинуться словом. Беспричинная ревность уж в ту пору свила себе гнездо в сердце мужа и выразилась в строгом запрете принимать кого-либо из мужчин в его отсутствие, или когда он удалялся в свой кабинет. Для самых степенных друзей не допускалось исключений; и жене, воспитанной в беспрекословном подчинении, и в ум не могло прийти нарушить заведенный порядок.

А. П. АРАПОВА (дочь Н. Н. Пушкиной-Ланской от второго брака). *Новое Время*, 1907, № 11413.

Секретно. Чиновник 10 кл. Александр Пушкин 24 числа сего месяца выехал отсюда в С.-Петербург; во время жительства его в Пречистенской части ничего за ним законопротивного не замечено.

Полицейстер МИЛЛЕР в рапорте и. д. моск. об.-полицейстера, 26 дек. 1831 г. *Красн. Арх.*, т. 37, стр. 243.

Выронил я у тебя серебряную копеечку. Если найдешь ее, перешли. Ты их счастье не веруешь, а я верю. Жену мою нашел я здоровою, несмотря на девическую ее неосторожность. — На балах пляшет, с государем любезничает, с крыльца прыгает. — Надобно бабенку к рукам прибрать. Она тебе кланяется и готовит шитье.

ПУШКИН—П. В. Нащокину, 8—10 января 1832 г., из Петербурга.

Я женат около года, и вследствие сего образ жизни моей совершенно переменялся, к неопisanному огорчению Софьи Остафьевны¹⁾ и кавалергардских шаромыжников. От карт и костей отстал я более двух лет: на беду мою я забастовал, будучи в проигрыше, и расходы свадебного обзаведения, соединенные с уплатою карточных долгов, расстроили дела мои. Теперь обращаюсь к тебе: 25.000, данные мне тобою заимообразно, на три

¹⁾ Содержательница великосветского дома терпимости.

или по крайней мере на 2 года, могли бы упрочить мое благосостояние. В случае смерти, есть у меня имение, обеспечивающее твои деньги. Вопрос: можешь ли ты мне сделать сие, могу сказать, благодеяние?

ПУШКИН—М. О. Судиенку, 15 января 1832 г., из Петербурга.

Женитьба произвела в характере поэта глубокую перемену. С того времени он стал смотреть серьезнее, а все-таки остался верен привычке своей скрывать чувство и стыдиться его. В ответ на поздравление с неожиданною способностью женатым вести себя, как прилично любящему мужу, он шутя отвечал: «*Je ne suis qu'un hypocrite (я только притворяюсь)*».

Быв холостым, он редко обедал у родителей, а после женитьбы — почти никогда; когда же это случалось, то после обеда на него иногда приходила хандра. Однажды, в таком мрачном расположении духа, он стоял в постиной у каминна, заложив назад руки... Подошел к нему Ильичевский и сказал:

У печки, погружен в молчанье,
Поднявши фрак, он спину грел
И никого во всей компанье
Благословить он не хотел.

Это развеселило Пушкина, и он сделался очень любезен.

А. П. КЕРН. Воспоминания, Л. Майков. 264.

Ножкой топтать от нетерпения Наталия Николаевна перестала ли, несмотря что это должно быть очень к лицу?

П. В. НАЦОКИН—Пушкину. Втор. половина янв. 1832 г., из Москвы. Переписка Пушкина, II, 364.

Наталия Николаевна была очень хороша, высока ростом, стройна, черты лица удивительно правильны, глаза одни небольшие и одним она иногда немного косила: *quelque chose de vague dans le regard (какая-то неопределенность во взгляде)*.

Ф. Г. ТОЛЬ со слов кн-ни Е. А. Долгоруковой. Декабристы на поселении. Изд. Сабашниковых. М. 1926. Стр. 144.

Жену свою Пушкин иногда звал: «моя косая Мадонна». У нее глаза были несколько вкось. Пушкин восхищался природным здравым ее смыслом. Она тоже любила его действительно.

Кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКАЯ по записи Бартенева. Рус. Арх., 1900, I, 398.

Г-жа Пушкина была одной из самых красивых женщин Петербурга. Лицо, свежесть, молодость, талия — все за нее говорило и стоило поэта. Лицо было чрезвычайно красиво, но меня в нем, как кулаком, ударял всегда какой-то недостаток рисунка. В конце концов я понял, что, не в при-

мер большинству человеческих лиц, глаза ее, очень красивые и очень большие, были размещены так близко друг от друга, что противоречили рисовальному правилу: «один глаз должен быть отделен от другого на меру целого глаза».

СТАНИСЛАВ МОРАВСКИЙ. *Моск. Пушкинист*, II, стр. 258.

Смирдин, переместив свою книжную лавку от Синего моста на Невский проспект, пригласил всех русских литераторов, находящихся в Петербурге, праздновать свое новоселье, — на обед. В просторной зале, которой стены уставлены книгами, — это зала чтения, — накрыт был стол на восемьдесят гостей. В начале шестого часа сели пировать. Обед был обильный и в отношении ко вкусу и опрятности довольно хороший. Это еще первый не только в Петербурге, но и в России по полному (почти) числу писателей пир и следовательно отменно любопытный; тут соединились в одной зале и обиженные, и обидчики, тут были даже ложные доносчики и лазутчики... Приехал В. А. Жуковский и присел подле Крылова. А. С. Пушкин сидел с другой стороны подле Крылова. Провозглашен тост: — «Здравие государя-императора, сочинителя прекрасной книги *Устав цензуры!*» сказанный Гречем, — и раздалось громкое и усердное ура! Через несколько времени: «Здравие И. А. Крылова!» Единодушно и единогласно громко приветствовали умного баснописца, по справедливости занимающего ныне первое место в нашей словесности. И. А. встал с рюмкою шампанского и хотел предложить здоровье Пушкина; я остановил его и шепнул ему довольно громко: «здоровье В. А. Жуковского!» И за здоровье Жуковского усердно и добродушно было пито, потом уже здоровье Пушкина! Здравье И. И. Дмитриева, Батюшкова, Гнедича и др. Я долгом почол удержать добродушного Ивана Андреевича от ошибки какого-то рассеяния и восстановить старшинство по литературным заслугам; ибо нет сомнений, что заслуги г. Жуковского, по сие время, выше заслуг г. Пушкина.

М. Е. ЛОБАНОВ. Обед у Смирдина (19 февраля 1832 г.). *Пушкин и его совр—ки*, XXXI—XXXII, 113.

В феврале 1833 (1832) года книгопродавец А. Ф. Смирдин, перенеся свой книжный магазин от Синего моста в дом Петропавловской церкви, что на Невском, задумал пригласить к себе всех литераторов отпраздновать новоселье... Смирдинский праздник удался вполне: все были дружно-веселы. Пушкин был необыкновенно оживлен и щедро сыпал остротами, из которых одну в особенности я удержал в памяти. Семенов (цензор) за обедом сидел между Гречем и Булгариным, а Пушкин визави с ним; к концу обеда Пушкин, обратясь к Семенову, сказал довольно громко: «Ты, Семенов, сегодня точно Христос на Голгофе!»

Н. Н. ТЕРПИГОРЕВ. Заметка о Пушкине. *Рус. Стар.*, 1870, т. I, стр. 493.

Однажды в Петербурге, в день рождения А. О. Смирновой (6 марта), Пушкин, гуляя, зашел в магазин на Невском, купил альбом не особенно нарядный, но с большими листами, занес к себе домой и потом сам же принес его к Александре Осиповне с такими стихами:

В тревоге пестрой и бесплодной
Большого света и двора
Я сохранила взор холодный,

Простое сердце, ум свободный
И правды пламень благородный,
И, как дитя, была добра.
Смеялась над толпою вздорной—
Судила здраво и светло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо на-бело.

И. С. АКСАКОВ. *Русь*. 1882, № 37, стр. 11.

В 1832 году Александр Сергеевич приходил всякой день почти ко мне также и в день рождения моего принес мне альбом и сказал: «Вы так хорошо рассказываете, что должны писать свои Записки», и на первом листе написал стихи: «В тревоге пестрой и бесплодной» и пр. Почерк у него был великолепный, чрезвычайно четкий и твердый.

А. О. СМЕРНОВА. Воспоминания. *Рус. Арх.*, 1872, II, 1882.

Однажды на вопрос Баратынского, не помешает ли он ей, если прочтет в ее присутствии Пушкину новые стихотворения, Наталья Николаевна ответила: «Читайте, пожалуйста; я не слушаю».

Л. Н. ПАВЛИЩЕВ со слов своей матери. *Воспоминания*; 57.

— Вот уж подлинно труженик-то был А. С.! Бывало, как бы поздно домой ни вернулся, и сейчас писать. Сядет у себя в кабинетике за столик, а мне: «иди, Николаша, спать». И до утра все сидит. Смерть любил по ночам писать. Станешь ему говорить, что, мол, вредно, а он: «не твоё дело». Встанешь ночью, заглянешь в кабинет, а он сидит, пишет, и устами бормочет, а то так перо возьмет в руки и ходит, и опять бормочет. Утречком заснет, и тогда уж долго спит. Почти два года я у него выжил, поступил к нему в 31 году к холостому в Москве, при мне он и сватался к Гончаровой, при мне и женился... Лимонад очень любил. Бывало, как ночью писать,—сейчас ему лимонад на ночь и ставишь. А вина много не любил. Пил, так, т.-е., средственно.

Н. А. ЛЕЙКИН со слов Никифора Федорова, камердинера Пушкина. *Молва*, 1880, № 159.

Это было на другой год, кажется, после женитьбы Пушкина. Праксovia Александровна (*Осипова*) была в Петербурге и у меня остановилась: они вместе приезжали к ней с визитом в открытой колясочке, без человека. Пушкин казался очень весел, вошел быстро и подвел жену ко мне... Уходя, он побежал вперед и сел прежде ее в экипаж; она заметила шутя, что это он сделал от того, что он муж.

А. П. КЕРН. *П—в и его совр—ки*, V, 150.

Александр Сергеевич Пушкин, рисован с натуры 1832 г., апреля 15. Ростом 2 арш. 5 в. с половиной.

Г. Г. ЧЕРНЕЦОВ. Надпись на подготовительном эскизе к его картине «Парад на Марсовом поле», изображающем Пушкина и Жуковского. *Соч. Пушкина, изд. Брокгауза—Ефрона*, т. VI, стр. 568.

Весною 1832 г. Пушкин переехал на Фурштатскую ул., д. Алымова, где оставался всего пять месяцев, до октября 1832 г. Дом Алымова может быть назван одним из старейших домов Петербурга и находился на правой стороне Фурштатской улицы (идя от Литейного), между Друскеникским (в то время Кирочным) переулком и Воскресенским проспектом, ныне дом Сергеева, № 20. Через дом от квартиры Пушкина помещался полицейский дом Литейной части (см. рис. 5).

П. ЗЕТ (П. Н. СТОЛПЯНСКИЙ). Квартиры Пушкина. *Новое Время*, 1912, № 12889.

Скоро у меня будут крестины на Фурштатской в доме Алымова,—не забудьте этого адреса... Нет ничего более мудрого, как оставаться в своей деревне и поливать капусту. Старая истина, и я постоянно вспоминаю о ней среди существования очень светского и очень беспорядочного.

ПУШКИН—П. А. Осиповой, в середине мая 1832 г., из Петербурга (фр.).

(19 мая 1832 г. у Пушкина родилась дочь, названная Марией). Плакал при первых родах и говорил, что убежит от вторых.

П. В. НАШОКИН по записи Бартенева, *Рассказы о П-не*, 62.

25 июня 1832 г. Встал поздно. Пришел Пушкин, долго просидел у меня. Добрый малый, но часто весьма.

29 июня 1832 г. К Вяземскому поздравить с именинами. Нашел у него Александра Пушкина... Пушкин очень хвалит Дюмона, а Вяземский позорит, из чего вышел самый жаркий спор. Оба они выходили из себя, горячились и кричали... Спор усиливался. Наконец, пришел человек объявить, что приехал Д. Н. Блудов (тогда министр внутр. дел)... Блудов сказал Пушкину, что о нем говорил государю и просил ему жалованья, которое давно назначено, а никто давать не хочет. Государь приказал переговорить с Нессельродом. Странный ответ: я желал бы, чтобы жалованье выдавалось от Бенкендорфа.— Почему же не от вас? Не все ли равно, из одного ящика или из другого?— Для того, чтобы избежать дурного примера.— Помилуйте, возразил Блудов, ежели бы такой пример породил нам хоть нового Бахчисарайского Фонтана, то уж было бы счастливо... Мы очень сему смеялись. Пушкин будет издавать газету под заглавием *Вестник*; будет давать самые скорые сведения из министерства внутренних дел. Пушкин, говоривший до сего разговора весьма свободно и непринужденно, после оною тотчас смешался и убежал.

Н. А. МУХАНОВ. Из дневника. *Рус. Арх.*, 1897, 4, 654.

Г.-а. Бенкендорф объявил мне высочайшее повеление о назначении из государств. казначейства жалованья тит. сов. Пушкину. По мнению г.-а.

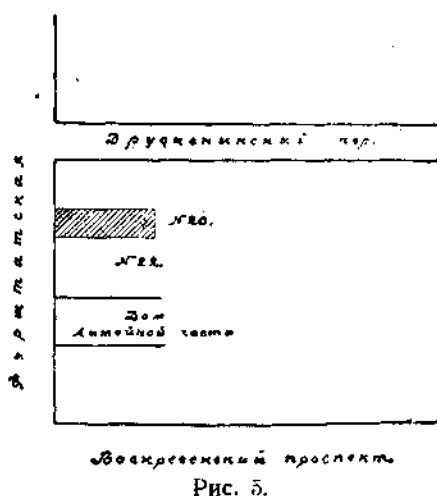

Рис. 5.

Бенкендорфа, в жалованье Пушкину можно было бы положить 5.000 руб. в год. Я осмеливаюсь испрашивать по сему высочайшего повеления в. и. в—ва.

ВСЕПОДДАННЕЙШИЙ РАПОРТ ГР. НЕССЕЛЬ-
РОДЕ, от 4 июля 1832 г.

НА ПОДЛИННОМ НАПИСАНО:

Высочайше повелено требовать из гос. казначейства с 14 ноября 1831 года по 5.000 руб. в год на известное его императорскому величеству употребление, по третям года, и выдавать сии деньги тит. сов. Пушкину.

Гастфрейнд. Документы. 30.

4 июля 1832 г. Поехал к Пушкину. Видел у него Плетнева и статую Екатерины, весьма замечательную. Говорили о его газете. Мысли его самые здоровые. Он либеральный, анти-полевой, ненавидит дух журналов наших... Он очень созрел.

5 июля. Пришел Александр Пушкин. Говорили долго о газете его... О Погодине. Он его желает. О Вяземском он сказал, что он человек ожесточенный, айги, который не любит Россию, потому что она ему не по вкусу; о презрении его к русским журналам, о Андросове и статье Погодина о нем. Толстой (А. П.) говорил, что Андросов презирает Россию, о несчастном унижении, с которым писатели наши говорят об отечестве, что в них оппозиция не правительству, а отечеству. Пушкин очень сие апробовал и говорил, что надо об этом сделать статью журнальную. Пушкин говорил долго. Квасной патриотизм. Цель его журнала, как он ее понимает, доказать правительству, что оно может иметь дело с людьми хорошими, а не с литературными шельмами, как доселе было. Водворить хочет новую систему. Я много ожидаю добра от сего журнала.

Н. А. МУХАНОВ. Из дневника. *Рус. Арх.*, 1897.
I, 657.

Переходы от порыва веселья к припадкам подавляющей грусти происходили у Пушкина внезапно, как бы без промежутков, что обусловливалось, по словам его сестры, нервною раздражительностью в высшей степени. Он мог раздражаться и гомерическим смехом, и горькими слезами, когда ему вздумается, по ходу своего воображения. Стоило ему только углубиться в посещавшие его мысли. Не раз он то смеялся, то плакал, когда олицетворял их в стихах. Восприимчивость нервов проявлялась у него на каждом шагу, а когда его волновала желчь, он поддавался легко порывам гнева. В эти-то мрачные минуты и являлся к нему Соболевский на выручку — прогонять тоску и гнев... Нервы Пушкина ходили всегда, как на каких-то шарнирах, и если бы пуля Дантеса не прервала нити его жизни, то он немногим бы пережил сорокалетний возраст.

Л. Н. Павлищев со слов О. С. ПАВЛИЩЕВОЙ,
сестры П—на. *Л. Павлищев*, 156.

Сложения был он крепкого и живучего. По всем вероятностям, он мог бы прожить еще столько же, если бы не более, сколько прожил. Дарование его было также сложения живучего и плодovitого. Он мог еще долго предаваться любимым занятиям. Движимый, часто волнуемый мелочами

жизни, а еще более внутренними колебаниями не совсем еще установившегося равновесия внутренних сил, он мог увлекаться или уклоняться от цели. Но при нем, но в нем глубоко таилась охранительная и спасительная нравственная сила. Еще в разгаре самой заносчивой и тревоженной молодости, в вихре и разливе разнородных страстей, он нередко отрезвлялся и успокаивался на лоне этой спасительной силы. Эта сила была любовь к труду, потребность труда, неодолимая потребность творчески выразить, вытеснить из себя ощущения, образы, чувства. Труд был для него святыня, купель, в которой исцелялись язвы, обретали бодрость и свежесть немощь уныния, восстанавливались расслабленные силы. Когда чуял он налет вдохновения, когда принимался за работу, он успокаивался, мужал, перерождался.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Полн. Собр. соч.*, том II, 372.

Когда я имела несчастье лишиться матери и была в очень затруднительном положении, то Пушкин приехал ко мне и, отыскивая мою квартиру, бегал со свойственною ему живостью по всем соседним дворам, пока наконец нашел меня. В этот приезд он употребил все свое красноречие, чтобы утешить меня, и я увидела его таким же, каким он бывал прежде. Он предлагал мне свою карету, чтобы съездить к одной даме, которая принимала во мне участие (*Е. М. Хитрово*); ласкал мою маленькую дочку Ольгу, забавляясь, что она на вопрос: «Как тебя зовут?» отвечала: «Воля!» и вообще был так трогательно внимателен, что я забыла о своей печали и восхищалась им, как гением добра.

А. П. КЕРН. *Воспоминания. Л. Майков*, 255.

Когда Гнедич получил место библиотекаря при Публичной Библиотеке, он переехал на казенную квартиру. К нему явился Гоголь поздравить с новосельем.—Ах, какая славная у вас квартира,—воскликнул он со свойственною ему ужимкою.—«Да,—отвечал высокомерно Гнедич:—посмотри, на стенах краска-то какая! Не простая краска! Чистый голубец». Подивившись чудной краске, Гоголь отправился к Пушкину и рассказал ему о великолении голубца. Пушкин рассмеялся своим детским, звонким смехом, и с того времени, когда хвалил какую-нибудь вещь, нередко приговаривал:—«Да, это вещь не простая, чистый голубец».

Граф В. А. СОЛОГУБ. *Воспоминания*, 6.

Притель мой, которому я поручил передать Пушкину моего «Новика», писал ко мне по этому случаю 19 сент. 1832 г.: «Благодарю вас за случай, который вы мне доставили увидеть Пушкина. Он оставил самые приятные следы в моей памяти. С любопытством смотрел я на эту небольшую, худенькую фигуру, и не верил, как он мог быть забиякой... На лице Пушкина написано, что у него тайного ничего нет. Разговаривая же с ним, замечаешь, что у него есть тайна,—его прелестный ум и знания. Ни блесок, ни жеманства в этом князе русских поэтов. Поговоря с ним, только скажешь: он умный человек. Такая скромность ему прилична».

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВ. «Знакомство мое с Пушкиным» *Сочинения*, т. VI. Изд. М. О. Вольфа, 1884
Стр. 240.

Я приехал в Москву вчера, в среду. Велосифер, по-русски поспешный дилижанс, несмотря на плеоназм, поспешал, как черепаха, а иногда даже как рак. В сутки случилось мне сделать три станции. Лошади расковывались, и неслыханная вещь—их подковывали на дороге. 10 лет ездю я по большим дорогам, отроду не видывал ничего подобного. Насилу дотащился в Москву. Теперь послушай, с кем я путешествовал, с кем провел я 5 дней и 5 ночей. То-то будет мне гонка! С пятью немецкими актрисами, в желтых кацавейках и в черных вуалях. Каково? Ей-богу, душа моя, не я с ними кокетничал—они со мною амурились в надежде на лишний билет. Но я отговаривался незнанием немецкого языка и, как маленький Иосиф, вышел чист от искушения. Приехал в Москву, поскакал отыскивать Нащокина, нашел его попрежнему озабоченным домашними обстоятельствами. Он ездил со мною в баню, обедал у меня. Завез меня к кн. Вяз.; княгиня завезла меня во фр. театр, где я чуть было не заснул от скуки и усталости. Приехали к Оберу и заснул в 10 часов вечера. Вот тебе весь мой день. Видел Чаадаева в театре, он звал меня с собою повсюду, но я дремал. Не можешь вообразить, какая тоска без тебя. Я же все беспокоюсь, на кого покинул я тебя! На Петра, сояного пьяницу, который спит не проспится, ибо он и пьяница и дурак; на Ирину Кузьминичну, которая с тобою воюет; на Ненилу Ануфриевну, которая тебя грабит.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 22 сент. 1832 г., из Москвы.

Заклучай с поваром какие хочешь условия, только бы не был я принужден, отобедав дома, ужинать в клубе... У Нащокина проявились два новые лица в числе челядинцев: актер, игравший вторых любовников, ныне разбитый параличем и совершенно одуревший, и монах, перекрест из жилов, обвешанный веригами, представляющий нам в лицах жидовскую синагогу и рассказывающий нам соблазнительные анекдоты о московских монашенках. Нацюкин говорит ему: ходи ко мне всякий день обедать и ужинать, волочись за моею девичьей, но только не сводничай Окулову. Каков отшельник? Он смешит меня до упаду, но не понимаю, как можно жить окруженным такою сволочью.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 25 сент. 1832 г., из Москвы.

О Пушкине тогда говорили много. Однажды кто-то сообщил, что он приезжает иногда в Грузины слушать цыган, и добавил: «цыгане—его стихия». (Рассказчик, бывший тогда мальчиком, узнал, что Пушкин приехал в знаменитый тогда «Глазовский» трактир в Грузинах слушать цыганское пение; в 11 час. веч. он отправляется к трактиру с двумя другими мальчиками посмотреть на Пушкина). Изнутри вырывались звуки шумного цыганского пения. Прошел час, другой, и мы, перезябнув, хотели было итти уже домой, как вдруг раздался с лестницы громкий голос полового: «Эй, ямщик, экипаж!» Пока полусонный ямщик взнуздывал тройку, на лестнице показались два господина. Один брюнет невысокого роста, с небольшими баками, в шинели с калюшоном и шляпой на голове, другой высокий с усами, в какой-то длиннополой бекеше, с замотанным на шее шарфом и тоже в шляпе. Наверху, на площадке, стояли еще два господина, окруженные цыганами и прислугой, и громко хохотали... Вышедший прежде других господин в шинели, видя, что экипаж еще не подан, спустился с крыльца и пошел в глубь двора. У перил, окаймлявших берег пруда, на котором стояли бани, он остановился и начал смотреть на отражавшуюся в воде луну, деревья и строения. Другой же стоял на крыльце и перебрасывался словами с оставшимися на верхней

площадке товарищами... Затем Пушкин сел в коляску, товарищи за ним. Цыгане, окружая экипаж, просили скорей приехать опять к ним, прислуга кланялась. Пушкин в ответ кивал им головой. Лошади тронулись.

П. К. МАРТЬЯНОВ. Из записной книжки. *Истор. Вестн.*, 1884, № 9, 558—591.

Здесь я живу смиренно и порядочно, хлопочу по делам, слушаю Нащокина и читаю *Mémoires de Diderot*. Был вечер у Вяземской. Сегодня еду слушать Давыдова профессора; но я ни до каких Давыдовых, кроме Дениса, не охотник—а в Московском Университете я оглашенный. Мое появление произведет шум и соблазн, а это приятно щекотит мое самолюбие.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 27 сент. 1832 г., из Москвы.

Однажды утром (в московском университете) читал лекцию проф. И. И. Давыдов... Вдруг входит г-н министр, ведя с собою молодого человека невысокого роста, с чрезвычайно оригинальной, выразительной физиономией, осененной густыми, курчавыми, каштанового цвета волосами, одушевленным живым, быстрым, орлиным взглядом. Указывая на вошедшего с ним молодого человека, г-н министр сказал:—«Здесь преподается теория искусства, а я привел вам само искусство». Не надобно было объяснять нам, что это олицетворенное искусство—был Пушкин.

БЫВШИЙ СТУДЕНТ. «За 16 лет» (воспоминания). *Ведом. Спб. Городской Полиции*, 1848, № 235.

Когда Пушкин вошел с министром Уваровым, для меня точно солнце озарило всю аудиторию: я в то время был в чадю обаяния от его поэзии. Перед тем однажды я видел его в церкви, у обедни,—и не спускал с него глаз. Черты его лица врезались у меня в памяти. И вдруг этот гений, эта слава и гордость России—передо мной в пяти шагах! Читал лекцию Давыдов, профессор истории русской литературы.—«Вот вам теория искусства»,—сказал Уваров, обращаясь к нам, студентам, и указывая на Давыдова,—«а вот и само искусство»,—прибавил он, указывая на Пушкина. Он эффектно отчеканил эту фразу, очевидно, заранее приготовленную. Мы все жадно впились глазами в Пушкина. Давыдов оканчивал лекцию. Речь шла о «Слове о Полку Игоревом». Тут же ожидал своей очереди читать лекцию после Давыдова и Каченовский. Нечаянно между ними завязался, по поводу «Слова о Полку Игоревом», разговор, который мало-по-малу перешел в горячий спор.—«Подойдите ближе, господа,—это для вас интересно»,—пригласил нас Уваров, и мы тесной толпой, как стеной, окружили Пушкина, Уварова и обоих профессоров. Не умею выразить, как велико было наше наслаждение—видеть и слышать нашего кумира.

Я не припомню подробностей их состязания,—помню только, что Пушкин горячо отстаивал подлинность древне-русского эпоса, а Каченовский вонзал в него свой беспощадный аналитический нож. Его щеки ярко горели алым румянцем, и глаза бросали молнии сквозь очки. Может быть, к этому раздражению много огня прибавлял и известный литературный антагонизм между ним и Пушкиным. Пушкин говорил с увлечением, но, к сожалению, тихо, сдержанным тоном, так что за толпой трудно было расслышать. Впрочем, меня занимал не Игорь, а сам Пушкин.

С первого взгляда наружность его казалась невзрачною. Среднего роста, худощавый, с мелкими чертами смуглого лица. Только когда вглядишься пристально в глаза, увидишь задумчивую глубину и какое-то благородство в этих глазах, которых потом не забудешь. В позе, в жестах, сопровождавших его речь, была сдержанность светского, благовоспитанного человека. Лучше всего, по-моему, напоминает его гравюра Уткина с портрета Кипренского. Во всех других копиях у него глаза сделаны слишком открытыми, почти выпуклыми, нос выдающийся—это неверно. У него было небольшое лицо и прекрасная, пропорциональная лицу голова, с не густыми, кудрявыми волосами.

И. А. ГОНЧАРОВ. *Воспоминания. В университете.*

«Помню,—сказал мне очевидец, тогдашний студент,—помню, как сквозь седины Каченовского проступал яркий румянец, и как горели глаза Пушкина»... Бой был неравен, судя по впечатлению приятеля: он и теперь еще, кажется, более на стороне профессора,—и не мудрено! Пушкин угадывал только чутьем то, что уже после него подтвердила новая школа филологии неопровержимыми данными; но этого оружия она еще не имела в его время, а поэт не мог разорвать хитросплетенной паутины «злого паука».

А. П. Н. МАЙКОВ. *Предисловие к переводу «Слова о полку Игореве».*

(*Посещение Пушкиным университета и спор его с Каченовским о «Слове о полку Игореве»*). Разговор был крупный, и тогдашний студент-очевидец М. Д. Перемышльский передавал мне, что Пушкин показался студентам очень похожим на обезьяну, и что один из них, по поводу спора, тут же экспромтировал:

Мопса старая вступила
С обезьяной в страшный спор:
Утверждала, говорила,
Что песнь Игорева вздор.
Обезьяна строит рожи,
Просит факты указать;
Мопса рвется вон из кожи,
И не может доказать.

П. А. ЕФРЕМОВ. *Соч. Пушкина, изд. 1903 г., т. VII, стр. 475.*

Кто тебе говорит, что я у Баратынского не бываю? Я и сегодня провожу у него вечер, и вчера был у него. Мы всякий день видимся... На-днях был я приглашен Уваровым в Университет. Там встретился с Каченовским (с которым, надобно тебе сказать, бранивались мы, как торговки на Вшивом рынке). А тут разговорились с ним так дружески, так сладко, что у всех предстоящих потекли слезы умиления. Благодарю, душа моя, за то, что в шахматы учишься. Это непременно нужно во всяком благоустроенном семействе: докажу после. На-днях был я на бале у кн. Вяз. Тут была графиня Салогуб, гр. Пушкин (Владимир), Аurore, ее сестра и Natalie Урусова. Я вел себя прекрасно; любезничал с гр. Салогуб (с теткой, *entendons nous*) и уехал ужинать к Яру, как скоро бал разыгрался. Дела мои идут своим чередом. Мне пришел в голову роман (*Дубровский*), и я, вероятно, за него примусь; но покамест голова моя кругом идет при мысли о Газете. Как-то слажу с нею?

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, конец сентября
1832 г., из Москвы.

Секретно. Чиновник 10 класса Александр Сергеев Пушкин из С.-Петербурга прибыл ныне сюда в Москву и остановился Тверской части в доме Обера в гостинице «Англия», за коим и учрежден надзор.

Полицмейстер МИЛЛЕР в рапорте и. д. моск. об.-полицмейстера, 10 окт. 1832 г. *Красн. Арх.*, 37, стр. 244.

Пушкин был недели две в Москве и третьего дня уехал. Он учится по-еврейски, с намерением переводить Иова, и намерен как можно скорее издавать русские песни, которых у него собрано довольно много.

П. В. КИРЕЕВСКИЙ—Н. М. Языкову, 12 окт. 1832 г. *Истор. Вестн.*, 1883, дек., стр. 535.

Секретно. Состоящий под секретным надзором полиции отставной чиновник 10 кл. Александр Пушкин, квартировавший Тверской части в гостинице «Англия», 16 числа сего месяца выехал в С.-Петербург, за коим во время жительства его в Тверской части ничего предосудительного не замечено.

Полицмейстер МИЛЛЕР в рапорте справляющему и. д. об.-полицмейстера, 18 окт. 1832 г. *Красн. Арх.*, 37, стр. 244.

Александр возвратился в Петербург. Он приехал из Москвы с мучительным ревматизмом в правой ноге, но, несмотря на это, возится с переборкой на новую квартиру.

Н. О. ПУШКИНА (мать поэта)—О. С. Павлицевой и Л. С. Пушкину, 20 окт. 1832 г. *Л. Павлицев.*, 303.

Ревматизм разыгрался у него в ноге еще до выезда из Москвы, и, судя по письму, Александр страдает ужасно. Снаружи нога, как нога: ни красноты, ни опухоли, но адская внутренняя боль делает его мучеником; говорит, что боль отражается во всем теле, да и в правой руке, почему и почерк нетвердый и неразборчивый, который насилу изучил, читая более часа довольно длинное, несмотря на болезнь сына, послание. Не может он без ноющей боли ни лечь, ни сесть, ни встать, а ходить тем более; отлучаться же из дома Александр был принужден и ради перемены квартиры, и ради других дел, опираясь на палку, как восьмидесятилетний старец. Жалуется, что Нагаша дала, во время его отсутствия, слишком большую волю прислуге, почему и вынужден был по приезде, несмотря на болезнь, поколотить хорошенько известного вам пьяницу Алешку за великие подвиги и отослать его назад в деревню. Алешка всегда пользовался отсутствием барина, чтобы повеселиться по-своему.

С. Л. ПУШКИН (отец поэта)—О. С. Павлицевой и Л. С. Пушкину, в окт.—ноябре 1832 г., *Л. Павлицев.*, 304 (*фр.*).

Пушкин столь же умен, сколь практичен, он практик, и большой практик; даже всегда писал то, что от него просило время и обстоятельства.

С. А. СОБОЛЬВСКИЙ—С. П. Шевыреву, 14 ноября 1832 г., из Милана. *Рус. Арх.*, 1909, II, 508.

Греч предлагал Пушкину по 1.000, или по 1.200 руб. в месяц, если он вступит в «Северную Пчелу» и «Сын Отечества» и следовательно введет за собою и всю знаменитую ватагу. Несмотря на то, Пушкин отказался, дабы не есть из одной чашки с Ф. Булгариным. Это в нем похвально.

В. Д. КОМОВСКИЙ—А. М. Языкову 16 ноября 1832 г. *Истор Вестн.*, 1883, т. XIV, 535.

1832 года, декабря 1 дня... нанял я, Пушкин, у Жадимировского в собственном его каменном доме, состоящем 1-й адмир. час. 2-го квар. под № 132 Отделение в 3-м этаже, на проспекте Гороховой улицы, состоящее из двенадцати комнат и принадлежащей кухни, и при оном службы: сарай для экипажей, конюшня на четыре стойла, небольшой сарай для дров, ледник и чердак для вешанья белья... За наем обязан я платить ему по три тысячи триста рублей банковыми ассигнациями в год... В трех комнатах стены оклеены французскими обоями, в пяти комнатах полы штучные, в прочих сосновые.

КОНТРАКТ НА НАЕМ КВАРТИРЫ. *Красная Нива*, 1929, № 24, стр. 7.

Приехав сюда, нашел я большие беспорядки в доме, принужден был выгонять людей, переменять поваров, наконец нанимать новую квартиру, и следственно употреблять суммы, которые в другом случае оставались бы неприкосновенными. Честь имею тебе об'явить, что первый том Островского (*Дубровского*) кончен, и на днях прислан будет в Москву на твое рассмотрение. Я написал его в две недели, но остановился по причине жестокого ревматизма, от которого протрадал другие две недели, так что не брался за перо, и не мог связать две мысли в голове.

ПУШКИН—П. В. Нащокину, 2 декабря 1832 г., из Петербурга.

С Фурштатской Пушкин переехал на Б. Морскую, в дом Жадимировского. В переписке Пушкина не указан номер дома Жадимировского, у которого в это время (1832 — 1833) на Морской улице было два дома, один, как видно

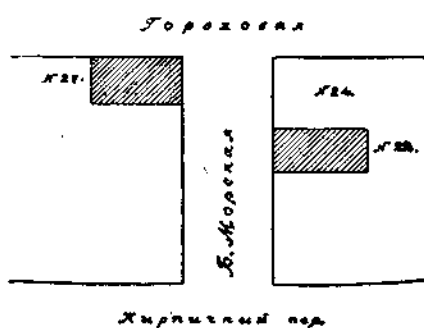

Рис. 6.

из приложенного плана (рис. 6), угловой на Гороховую улицу (ныне № 27, дом Росс. Общ. Страхования), другой наискосок, второй от угла Гороховой, ныне № 22, Тура. Жадимировские принадлежали к именитым купцам Петербурга, владели громадным числом земельных участков, были подрядчиками высочайшего двора и вообще играли заметную роль среди немногочисленного в то время купечества.

П. ЗЕТ (П. Н. Столпянский). Квартиры Пушкина. *Новое Время*, 1912, № 12889.

На основании контракта, из двух указанных на плане домов по Морской надо остановиться на доме № 27, выходящем на проспект Гороховой

улицы. Собственно к этому заключению следовало бы прийти и до ознакомления с контрактом, так как в переписке Пушкина дом показывается различно: «в Морской» и в «Гороховой».

П. Е. ШЕГОЛЕВ. Квартирная тяжба Пушкина. *Красная Нива*, 1929, № 24, стр. 8.

Пушкин больше роемся теперь по своему главному труду, т.-е. по истории, да кажется в его голове и роман копышется. Впрочем, редко выдаюсь с ним, особенно в последнее время, когда ревматизм поразил его в ногу... совсем потерял я из виду нить его занятий.

П. А. ПЛЕТНЕВ—В. А. Жуковкому, 8 дек. 1832 г. *П. Плетнев. Соч. и переп.*, т. III, 521.

Вскоре после выпуска из лицей, изучая английский язык, сошелся я с Пушкиным в английском книжном магазине Диксона. Увидя Пушкина, я весь превратился во внимание: он требовал книг, относящихся к биографии Шекспира, и, говоря по-русски, расспрашивал о них книгопродавца.

Я. К. ГРОТ, 275.

В лавке Лисенкова, на Садовой, были свои завсегдатаи, как в клубе... Заходил Пушкин. Он пробегал тут же книги. Читал предисловия. Сыпались остроты, как искры из кремня. К стихотворцам он прилагал особый прием,— читал одни кончики стихов,—одни рифмы.—«А! Бедные!»—восклидал он, когда было уже очень плохо. Лисенко стоял за прилавком и хохотал. Хохотали случайные посетители и спрашивали, что это за остроумный чудак. Было что-то заразительно-смешное в шутках этого веселого барина, открытого, простого.

А. А. ИЗМАЙЛОВ со слов Лисенкова. *Огонек*. 1904, № 38, стр. 298.

(1832—1833). Пушкин сообщал этот рассказ за тайну Нащокину и даже не хотел на первый раз сказать имени действующего лица, обещал открыть его после. В Петербурге, при дворе, была одна дама, друг императрицы, стоявшая на высокой степени придворного и светского значения. Муж ее был гораздо старше ее, и, несмотря на то, ее молодые лета не были опозорены молвою; она была безукоризненна в общем мнении любящего сплетни и интриги света. Пушкин рассказал Нащокину свои отношения к ней по случаю их разговора о силе воли. Пушкин уверял, что при необходимости можно удержаться от обморока и изнеможения, отложить их до другого времени. Эта блистательная, безукоризненная дама, наконец, поддавалась обаяниям поэта и назначила ему свидание в своем доме. Вечером Пушкину удалось пробраться в ее великолепный дворец; по условию, он лег под диваном в гостиной и должен был дожидаться ее приезда домой. Долго лежал он, терял терпение, но оставить дело было уже невозможно, воротиться назад—опасно. Наконец, после долгих ожиданий, он слышит, под'ехала карета. В доме засуетились. Двое лакеев внесли канделябры и осветили гостиную. Вошла хозяйка в сопровождении какой-то фрейлины: они возвращались из театра или из дворца. Через несколько минут разговора фрейлина уехала в той же карете. Хозяйка осталась одна. «Etes-vous là?» и Пушкин был пе-

ред нею. Они перешли в спальню. Дверь была заперта; густые роскошные гардины задернуты. Начались восторги сладострастия. Они играли, веселились. Перед камином была разостлана пыльная полость из медвежьего меха. Они разделись до-нага, вылили на себя все духи, какие были в комнате, ложжились на мех... Быстро проходило время в наслаждениях. Наконец, Пушкин как-то случайно подошел к окну, отдернул занавес и с ужасом видит, что уже совсем рассвело, уже белый день. Как быть? Он наскоро, кое-как оделся, поспешая выбраться. Смущенная хозяйка ведет его к стеклянным дверям выхода, но люди уже встали. У самых дверей они встречают дворецкого, итальянца (печки уже топят). Эта встреча до того поразила хозяйку, что ей сделалось дурно; она готова была лишиться чувств, но Пушкин, сказав ей крепко руку, умолял ее отложить обморок до другого времени, а теперь выпустить его как для него, так и для себя самой. Женщина преодолела себя. В своем критическом положении они решились прибегнуть к посредству третьего. Хозяйка позвала свою служанку, старую чопорную француженку, уже давно одетую, и ловкую в подобных случаях. К ней-то обратилась с просьбою провести из дому. Француженка взялась. Она свела Пушкина вниз прямо в комнаты мужа. Тот еще спал. Шум шагов его разбудил. Его кровать была за ширмами. Из-за ширм он спросил: «кто здесь?» «Это—я», отвечала ловкая наперсница и провела Пушкина в сени, откуда он свободно вышел: если б кто его здесь и встретил, то здесь его появление уже не могло быть предосудительным. На другой же день Пушкин предложил итальянцу-дворецкому золотом 1000 руб., чтобы он молчал, и хотя он отказывался от платы, но Пушкин принудил его взять. — Таким образом все дело осталось тайною. Но блистательная дама в продолжение четырех месяцев не могла без дурноты вспомнить об этом происшествии. (Внучка Кутузова, урожден. Тизенгаузен, замужем за австр. посланником Фикельмон. *Прим. на полях*).

П. В. НАЩОКИН по записи Бартенева. *Рассказы о Пушкине*, 36.

В черновых записях, собранных Анненковым материалов для биографии Пушкина (в Пушкинском Доме), Анненков, с чьих-то слов (П. А. Плетнева?), отметил для памяти «жаркую историю с женой австрийского посланника».

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. *Пушкин. Письма*, изд. Гос. Изд., т. II, 420.

Однажды отец взял меня с собою в русский театр; мы поместились во втором ряду кресел; перед нами в первом ряду сидел человек с некрасивым, но необыкновенно выразительным лицом и курчавыми темными волосами; он обернулся, когда мы вошли (представление уже началось), дружелюбно кивнул отцу, потом стал слушать пьесу, с тем особенным вниманием, с каким слушают только люди сами пишущие.—«Это Пушкин»,—шепнул мне отец. Я весь обомлел... Трудно себе вообразить, что это был за энтузиазм, за обожание толпы к величайшему нашему писателю, это имя волшебное являлось чем-то лучезарным в воображении всех русских, в особенности же в воображении очень молодых людей. Пушкин, хотя и не чужд был той олимпийской недоступности, в какую окутывали, так сказать, себя литераторы того времени, обошелся со мною очень ласково, когда отец после того, как занавес опустился, представил меня ему. Я был в восторге и, чтобы не ударить лицом в грязь, все придумывал, чтобы сказать что-нибудь поумнее; надо сказать, что в тот самый день, гуляя часов около трех пополудни с отцом по Невскому проспекту, мы повстречали некоего Х., тогдашнего модного писателя. Он был

человек чрезвычайно надутый и заносчивый, отец его довольно близко знал и представил меня ему; он отнесся ко мне довольно благосклонно и пригласил меня в тот же вечер к себе.—«Сегодня среда, у меня каждую среду собираются,—произнес он с высоты своего величия,—все люди талантливые, известные, приезжайте, молодой человек, время вы проведете, надеюсь, приятно». Я поблагодарил и, разумеется, тотчас после театра рассчитывал туда отправиться. В продолжение всего второго действия, которое Пушкин слушал с тем же вниманием, я, благоговейно глядя на его сгорбленную в кресле спину, сообразил, что спрошу его во время антракта, «что он, вероятно, тоже едет сегодня к Х.». Не может же он, Пушкин, не бывать в доме, где собираются такие известные люди—писатели, художники, музыканты и т. д. Действие кончилось, занавес опустился, Пушкин опять обернулся к нам.—«Александр Сергеевич, сегодня среда, я еще, вероятно, буду иметь счастливый случай с вами повстречаться у Х.», проговорил я почтительно, но вместе с тем стараясь придать своему голосу равнодушный вид, «что вот, дескать, к каким тузам мы ездим». Пушкин посмотрел на меня с той особенной, ему одному свойственной, улыбкой, в которой как-то странно сочеталась самая язвительная насмешка с безмерным добродушием.—«Нет,—отрывисто сказал он мне:—с тех пор, как я женат, я в такие дома не езжу!» Меня точно ушатом холодной воды обдало, я сконфузился, пробормотал что-то очень неловкое и ступавался за спину моего отца, который от души рассмеялся. Нечего и прибавлять, что в тот вечер я к Х. не поехал, хотя отец, смеясь, очень на этом настаивал.

На другой день отец повез меня к Пушкину—он жил в довольно скромной квартире; самого хозяина не было дома, нас приняла его красавица-жена. Много видел я на своем веку красивых женщин, много встречал женщин еще обаятельнее Пушкиной, но никогда не видел я женщины, которая соединила бы в себе законченность классически правильных черт и стана. Ростом высокая, с баснословно тонкой тальей, при роскошно развитых плечах и груди, ее маленькая головка, как лилия на стебле, колыхалась и грациозно поворачивалась на тонкой шее; такого красивого и правильного профиля я не видел никогда более, а кожа, глаза, зубы, уши? Да, это была настоящая красавица, и недаром все остальные даже из самых прелестных женщин меркли как-то при ее появлении. На вид всегда она была сдержанна до холодности и мало вообще говорила. В Петербурге, где она блистала, во-первых, своей красотой и в особенности тем видным положением, которое занимал ее муж,—она бывала постоянно и в большом свете, и при дворе, но ее женщины находили несколько странной. Я с первого же раза без памяти в нее влюбился; надо сказать, что тогда не было почти ни одного юноши в Петербурге, который бы тайно не ведал по Пушкиной; ее лучезарная красота рядом с этим магическим именем всем кружила головы; я знал очень молодых людей, которые серьезно были уверены, что влюблены в Пушкину, не только вовсе с нею незнакомых, но чуть ли никогда собственно ее даже не видевших!

Граф В. А. СОЛОГУБ. *Воспоминания*. СПб. Изд. А. С. Суворина. 1887. Стр. 115—118.

С зимы 1832 г. Пушкин стал посвящать все свое время работе в архивах, куда доступ был ему открыт еще в прошлом году. Из квартиры своей отправлялся он каждый день в разные ведомства, предоставленные ему для исследований. Он предавался новой работе своей с жаром, почти со страстью.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 350.

С 1831 года Пушкин избрал для себя великий труд, который требовал долговременного изучения предмета, множества предварительных занятий и гениального исполнения. Он приступил к сочинению истории Петра Великого... Преимущественно занимали его исторические разыскания. Он каждое утро отправлялся в какой-нибудь архив, выигрывая прогулку возвращением оттуда к позднему своему обеду. Даже летом, с дачи, он ходил пешком для продолжения своих занятий.

П. А. ПЛЕТНЕВ. Соч. в переп., I, 384.

Пушкина нигде не встретишь, как только на балах. Так он протранжирует всю жизнь свою, если только какой-нибудь случай, и более необходимость, не затащут его в деревню.

Н. В. ГОГОЛЬ—А. С. Данилевскому, 8 февр. 1833.
Письма Гоголя, ред. В. И. Шенрока, I, 241.

Вчерашний маскарад был великолепный, блестящий, разнообразный, жаркий, душный, восхитительный. Много совершенных красавиц: Завадовская, Радзивилова-Урусова... Хороша очень была Пушкина-поэтша, но сама по себе, не в кадрилих, по причине, что Пушкин задал ей стишок свой, который с помощью божией не пропадет также для потомства. (Намек на ее беременность?).

Кн. П. А. ВЯЗМСКИЙ—А. Я. Булгакову, 9 февр. 1833 г. Собр. соч. кн. П. П. Вяземского, 538.

Жизнь моя в Петербурге ни то, ни се. Заботы о жизни мешают мне скучать. Но нет у меня досуга вольной холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь в свете, жена моя в большой моде,—все это требует денег, деньги достаются мне через труды, а труды требуют уединения... Путешествие нужно мне нравственно и физически.

ПУШКИН—Нащокину, вторая половина февраля 1833 г.

Считать Пушкин не умел. Появление денег связывалось у него с представлением неиссякаемого Пактола, и, быстро пропустив их сквозь пальцы, он с детской наивностью недоумевал перед совершившимся исчезновением.—Карты неудержимо влекли его. Он зачастую давал себе зарок больше не играть, подкрепляя это торжественным обещанием жене, но при первом подвернувшемся случае благие намерения разлетались в прах, и до самой зари он не мог оторваться от зеленого поля.

Часто вспоминала Наталья Николаевна крайности, испытанные ею с первых шагов супружеской жизни. Бывали дни, после редкого выигрыша или крупной литературной посылки, когда мгновенно являлось в доме изобилие во всем, деньги тратились без удержа и расчета,—точно всякий стремился наверстать скорее испытанное лишение. Муж старался не только исполнить, но прецедать ее желания. Минуты эти были скоротечны и быстро сменялись полным безденежьем, когда не только речи быть не могло о какой-нибудь прихоти, но требовалось все напряжение ума, чтобы извернуться и достать самое необходимое для ежедневного существования.

Некоторые из друзей Пушкина, посвященные в его денежные затруднения, ставили в упрек Наталии Николаевне ее увлечение светскою жизнью

и изысканность нарядов. Первое она не отрицала. Но всегда упорно отвергала обвинение в личных тратах. Все ее выездные туалеты, все, что у нее было роскошного и ценного, оказывалось подарками Екатерины Ивановны (Загряжской, фрейлины, тетки Нат. Ник-ны). Она гордилась красотой племянницы; ее придворное положение способствовало той благосклонности, которой удостоивала Наталью Николаевну царская чета, а старушку тешило, при ее значительных средствах, что ее племянница могла поспорить изяществом с первыми щеголихами.

А. П. АРАПОВА. *Новое Время*, 1907, № 11413, иллюстр. прилож., стр. 5.

Вы теперь в праве презирать таких лентяев, как Пушкин, который ничего не делает, как только утром перебирает в гадком сундуке своем старые к себе письма, а вечером возит жену свою по балам, не столько для ее потехи, сколько для собственной.

П. А. ПЛЕТНЕВ—В. А. Жуковскому, 17 февраля 1833 г. *Соч. и переписка Плетнева*, III, 524.

На придворных балах Пушкину бывало просто скучно. Покойная Л. Д. Шевич передавала нам, как, стоя возле нее, полузевая и потягиваясь, он сказал два стиха из старинной песни:

Неволя, неволя, боярской двор.
Стоя наешься, сидя наспинься.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1889, III, 124.

Иду я с Пушкиным по Невскому проспекту. Встречается Одоевский. Он только что отпечатал тогда свои «Пестрые сказки» фантастического содержания и разослал экземпляры, в пестрой обертке, своим приятелям. Экземпляр поднесен был и Пушкину. При встрече на Невском Одоевскому очень хотелось узнать, прочитал-ли Пушкин книгу и какого он об ней мнения. Но Пушкин отделался общими местами: «Читал... ничего... хорошо» и т. п. Видя, что от него ничего не добьешься, Одоевский прибавил только, что писать фантастические сказки чрезвычайно трудно. Затем он поклонился и прошел. Тут Пушкин рассмеялся своим звонким, можно сказать, зубастым смехом, так как он выказывал тогда два ряда белых арабских зубов, и сказал: «Да если оно так трудно, зачем же он их пишет? Кто его принуждает? Фантастические сказки только тогда и хороши, когда писать их не трудно».

Гр. В. А. СОЛОГУБ. *Пережитые дни. Русский Мир*, 1874, № 117.

Петербург мне не подходит ни в каком отношении; ни мои вкусы, ни мои средства не могут к нему приспособиться. Но два или три года придется терпеть.

ПУШКИН—П. А. Осиповой, 13—14 мая 1833 г., из Петербурга (*фр.*).

Александр и Натали на Черной речке, они взяли дачу Миллера, которую в прошлом году занимали Маркеловы. Она очень красива, есть боль-

шой сад; дача очень велика: 15 комнат с верхом. Натали чувствует себя хорошо, она была очень довольна своим новым жилищем, тем более, что это в двух шагах от ее тетки (*Ек. Ив. Загряжской*), которая живет с Натальей Кирилловной (*Загряжской*) на ферме.

Н. О. ПУШКИНА — О. С. Павлицевой, 24 мая, 1833 года. *Красная Нива*, 1929, № 24, стр. 8.

Весною 1833 года Пушкин переехал на дачу, на Черную речку (дача Миллера), и отправлялся пешком оттуда каждый день в архивы, возвращаясь таким же образом назад. Как только истощались его силы от усиленного физического и умственного труда, он шел купаться, и этого средства уже достаточно было, чтоб снова возвратить ему бодрость и способности.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 350.

Жена Александра, чувствуя себя отлично, много гуляет по островам, несмотря на последний месяц беременности, посещает театр...

Н. О. ПУШКИНА (мать поэта) — О. С. Павлицевой, 17 июня 1833 г. *Л. Павлицев*, 323.

* Это было в начале июля 1833 г., в одну из тех очаровательных ночей, какие только можно видеть на дальнем Севере. Освежительная прохлада наступила после нестерпимого дневного зноя, и на горизонте вечерняя заря соединилась с утреннею. В такую пору я с моим приятелем, гвардии офицером Ст., гулял по островам. Уже прошла полночь. Мы перешли через мост на Крестовский остров. В недалеком расстоянии от нас, то медленно, то ускоряя шаги, прогуливался среднего роста, стройный человек. Походка его была небрежна, иногда он поднимал правую руку высоко вверх, как пламенный декламатор. Казалось, что незнакомец разговаривал сам с собою. Порою слова его переходили в тихое пение какой-то из трогательных народных песен. — «Кто бы это мог быть?» — спросил я моего друга. — «Если не ошибаюсь, — отвечал он, — то это»... В это мгновение незнакомец остановился, оборотился к реке и со сложенными на пруду руками прислонился к дереву; тогда мы могли разглядеть до того времени скрытые от нас черты лица человека 34 или 35 лет. Темные, несколько углубленные глаза на небольшом бледном лице, прекрасный рот, полный белых зубов. Только нос казался несколько широким. У него были черные курчавые волосы, прекрасные брови и полные бакенбарды. Одет он был по последней моде, но заметна была какая-то небрежность. Между тем и незнакомец нас заметил. Мой спутник подошел к нему и, протягивая руку, приветствовал его: — «Здравствуйте, Пушкин!» Приятель мой, уже знакомый с Пушкиным, представил нас друг другу. Поэт и мой спутник начали между собой оживленный разговор по-французски. Тоска и разорванность со светом были заметны в речах Пушкина и не казались мне пустым предствлением. — «Я не могу более работать», — отвечал он на вопрос: не увидим ли мы вскоре новое его произведение? — «Здесь бы я хотел построить себе хижину и сделаться отшельником», — прибавил он с улыбкою. — «Если бы в Неве были прекрасные русалки», — отвечал мой спутник, намекая на юношеское стихотворение Пушкина «Русалка» и приводя из него слова, которыми она манит отшельника: «Монах, монах! Ко мне, ко мне!» — Как это глупо! — проворчал поэт: — никого не любить

кроме самого себя.— «Вы имеете достойную любви прекрасную жену»,— сказал ему мой товарищ. Насмешливое, протяжное «да!» было ответом. Я выразил мое восхищение прекрасною, теплою ночью.— «Она очень приятна после сегодняшней страшной жары», небрежно и прозаически отвечал мне поэт. Товарищ мой старался навести его на более серьезный разговор; но он постоянно от того отклонялся.— «Там вечерняя заря, малое пространство ночи, а там уж заря утренняя»,— сказал мой друг.— «Смерть, мрак гроба и пробуждение к прекраснейшему дню!» Пушкин улыбнулся.— «Оставьте это, мой милый! Когда мне было 22 года, знал и я такие возвышенные мгновения; но в них ничего нет действительного. Утренняя заря! Пробуждение! Мечты, только одни мечты!» В это время плыла вниз по Неве лодка с большим обществом. Раздалось несколько аккордов гитары, и мягкий мужской голос запел «Черную шаль» Пушкина. Лишь только окончилась первая строфа, как Пушкин, лицо которого мне казалось гораздо бледнее обыкновенного, проговорил про себя: «С тех пор я не знаю спокойных ночей!» и, сказав нам короткое «Bon soir, messieurs!», исчез в зеленой темноте леса.

Фр. ТИТЦ. Ein russischer Dichter. Petersburger Erinnerung aus dem Jahre 1833, Familien-Journal, 1865, № 606. Перепечатано в переводе,—*Пушкин, сборник Бартенева*, кн. II, стр. 143—145.

(Автор с П. В. Нащокиным, композитором Эсауловым и певцом Лавровым приехали в Петербург и остановились в гостинице Демута). На другой день, 29 июня, рано утром, пешком, с Черной речки, первым явился А. С. Пушкин. Поздоровавшись с ним, Павел Воинович представил ему и нас, артистов; а относясь ко мне, прибавил: «а сей юноша замечателен еще тем, что, читая все журналы, романы и следя за литературой, никак не мог дочитать Ивана Выжигина!» Александр Сергеевич, пожав мне еще раз руку, сказал: «лучше сей рекомендации и не надо». Вскоре собрались приятели Павла Воиновича; полковник Манзе, князь Эристов, Данзас (впоследствии секунданта Пушкина) и другие. Общая радость, веселый говор, шутки, остроты, воспоминания о прошлом времени, анекдоты о настоящем, хохот, шум, крик!.. Пушкин, пригласив Нащокина завтра обедать и слушать его новые сочинения, ушел; оставшаяся компания продолжала веселиться...

Раз утром, встав очень рано, переписывал я два письма в стихах к Ленскому и к сестре моей. Нащокин, застав меня врасплох, заставил прочесть ему, расхвалил, да и кончил так: «Очень рад, очень рад! Вот мы с вами порадуем и Александра Сергеевича. Он сейчас придет». Я ни за что не соглашался, он настаивал; заспорили... Входит Пушкин.

— Рассуди нас, Александр Сергеевич, я к тебе с жалобой на сего юношу: во 1-х, он вчера в первый раз обрил усы, во 2-х, влюбился в Елену Яковлевну Сосницкую, а в 3-х, сочинил хорошие стихи и не соглашается прочесть тебе.

— Усы его собственность; любовь к Елене — грех общий: я сам в молодости, когда она была именно прекрасной Еленой, попался было в сеть, но взялся за ум и отделался стихами, а юноше скажу: берегись; а что касается до стихов, то в сем грехопадении он обязан покаяться передо мной!

Говоря это весело, в pendant тону Нащокина, Александр Сергеевич взял меня под руку, ввел во вторую комнату, посадил на диван, сам сел с правой стороны, поджав по-турецки ноги, и сказал: «Кайся, юный прешник!» По прочтении письма к Ленскому, Александр Сергеевич сказал свое всегдашнее словцо: «ну, вот и прекрасно, и очень хорошо». Из второго письма к сестре, после описания сна, где я видел между прочим:

Друзей, начальников, врагов...

указательный перст поэта быстро длинным ногтем чертил по запятой, как бы выкабывая ее: «запятую прочь! маленькое тире, знак соединительный: начальники-враги слова однозначные!»

И это же утро собрались почти все приятели, а разговоры были натянутые, невеселые; все вертелось на злобе дня, т.-е. на безденежьи... Является Боголюбов и подает Пушкину свертки золота. (Он ездил искать для Пушкина денег). Поэт, развернув овертки и высыпав на стол кучку блестящих монет, превратился в совершенного ребенка: то пригоршней поднимает золото, то вновь рассыплет по столу, то хочет захватить одной рукой, да длинные ногти мешают, тогда, опрокинув кисть руки и подсовывая ногти под кружки, собирает их на ладонь и пересыпает из одной в другую, приговаривая: «люблю играть этой мелочью... но беречь ее не люблю... поиграю и пускаю в ход, ходячая монета!»

В полночь, все, в память любимых поэтом прогулок в светлые петербургские ночи, согласились в эту ночь прогулять по площадям города и по набережной Невы. Все гурьбой вывалили на Невский. Но поэт, любитель светлых ночей, торопился на дачу, отвечая на пристававшие друзей: «гуляйте, гуляйте, для вас всегда время, а мое разгульное времячко прошло»...

Из нашего приятного ночного шатания замечателен рассказ друзей о прежних прогулках с Пушкиным-холостяком, как они, бывало, заходили к наипочтеннейшей Софье Евстафьевне, провести остаток ночи с ее компаньонками, и где Александр Сергеевич, бывало, выберет интересный субъект и начинает расспрашивать о детстве и обо всей прежней жизни, потом усоветничает и уговаривает бросить блестящую компанию, заняться честным трудом — работой, идти в услужение, притом даст деньги на выход и таким образом не одну жертву спас от погибели; а всего лучше, что благонравная Софья Евстафьевна жаловалась на поэта полиции, как на безнравственного человека, развращающего ее овец.

Н. И. КУЛИКОВ. «Пушкин и Нащокин». Рус. Стар., 1881, т. 31, стр. 604—613.

6 июля Бог дал Александру сына; но не он и не жена его сообщают нам это, а графиня Ивельич. По ее письму, моя невестка до сих пор еще очень страдает, хотя со времени родов прошло без малого месяца. У нее образовались нарывы, от которых до сих пор не может отделаться. Александру же непростительно быть к нам до такой степени равнодушным, что он даже и двумя строками не заблагодарил (мне отвечать). Очень беспокоимся. Напрасно ты нам писала на его имя. Переслать нам твое письмо Александр и не позаботился. Впрочем, оно могло и пропасть по очень простой причине: переезжая на Черную речку, Александр перевел туда всю свою прислугу, поручив гороховую квартиру надзору дворника, а этот дворник или пьян, или спит.

С. Л. ПУШКИН—О. С. Павлищевой, 1 августа 1833 г. Л. Павлищев, 324 (фр.).

Пушкин был во многих отношениях внимательный и почтительный сын. Он готов был даже на некоторые самопожертвования для родителей своих; но не в его натуре было быть хорошим семьянином: домашний очаг не привлекал и не удерживал его. Он во время разлуки редко писал к родителям; редко и бывал у них, когда жил с ними в одном городе.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. Долг. собр. соч., VIII, 148.

Вчера был вечер у Фикельмонт... Было довольно весело. Один Пушкин *palpitait de l'intérêt du moment*, краснел, взглядывая на Крюднершу, и несколько увивался вокруг нее.

Кн. ВЯЗЕМСКИЙ—жене, в июле—начале августа 1833. *Голос Минувшего*, 1922, № 2, 116.

Однажды, возвратясь с бала, на котором Н. Н. Пушкина вообразила, что муж ее ухаживает за m-me Крюднер (что было совершенно несправедливо), она дала ему пощечину, о чем он, смеясь рассказывал Вяземскому, говоря, что «у его мадонны рука тяжеленька».

О. Н. СМЕРНОВА в примеч. к Запискам матери своей А. О. Смирновой. *Записки*, ч. I, 340.

Пушкин был на балу с женою-красавицею и, в ее присутствии, вздумал за кем-то ухаживать. Это заметили, заметила и жена. Она уехала с бала домой одна. Пушкин хватился жены и тотчас же поспешил домой. Застает ее в раздевании. Она стоит перед зеркалом и снимает с себя уборы. «Что с тобою? Отчего ты уехала?» Вместо ответа Наталия Николаевна дала мужу полновесную пощечину. Тот как стоял, так и покатился со смеху. Он забавлялся и радовался тому, что жена его ревнует, и сам со своим прекрасным хохотом передавал эту сцену приятелям.

АРК. О. РОССЕТ. *Рус. Арх.*, 1882, I, 247.

С Черной речки Пушкины уже не вернулись на квартиру Жадимировского. 1 сентября в отсутствие Пушкина жена Наталья Николаевна заключила договор на новую квартиру с капитаном гвардии А. К. Оливье (русская переделка фамилии Оливье).

П. Е. ЩЕГОЛЕВ. Квартирная тяжба Пушкина. *Красная Нива*, 1929, № 24, стр. 8.

С августа 1833 по август 1834 г. Пушкин жил на Пантелеймоновской ул. в доме Оливье. По имеющимся у нас данным, мы не могли отыскать на Пантелеймоновской улице дома Оливье. У г. Оливье было два дома, но в совершенно иных частях города, один на Гороховой улице, недалеко от дома Жадимировского.

П. ЗЕТ (П. Н. СТОЛПЯНСКИЙ). Квартиры Пушкина. *Новое Время*, 1912, № 12889.

Жительство Пушкина Литейной части против церкви Пантелеймона в доме Оливье.

П. А. ЖАДИМИРОВСКИЙ. Объявление в петербургскую Управу Благочиния. *Красная Нива*, 1929, № 24, стр. 8.

ПОЕЗДКА НА ВОСТОК

Вот тебе подробная моя Одиссея. Ты помнишь, что от тебя уехал я в самую бурю. Приключения мои начались у Троицкого моста.— Нева так была высока, что мост стоял дыбом: веревка была протянута, и полиция не пускала экипажей. Чуть было не воротился я на Черную речку. Однако переправился через Неву выше и выехал из Петербурга. Погода была ужасная. Деревья по Царскосельскому проспекту так и валялись, я насчитал их с пятьдесят. В лужицах была буря. Болота волновались белыми волнами. По счастью, ветер и дождь гнали меня в спину, и я преспокойно высидел все это время. На другой день погода прояснилась. Мы с Соболевским шли пешком 15 верст, убивая по дороге змей, которые обрадовались сдуру солнцу и выползли на песок. Вчера прибыли мы благополучно в Торжок, где Соболевский свирепствовал за нечистоту белья. Сегодня проснулись в 8 часов, завтракали славно и теперь отправляюсь в сторону, в Ярополец (*именно Н. И. Гончаровой*), а Соболевского оставляю наедине с швейцарским сыром.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, вторая половина августа 1833 г., из Торжка.

Пишу к тебе из Павловского, между Берновым и Малинниками, о которых, вероятно, я тебе много рассказывал. Вчера, своротя на проселочную дорогу к Ярополцу, узнаю с удовольствием, что проеду мимо Вульфовых поместий, и решился их посетить. В 8 часов вечера приехал я к доброму моему Павлу Ивановичу, который обрадовался мне, как родному. Здесь я нашел большую перемену. Назад тому 5 лет Павловское, Малинники и Берново, наполнены были уланами и барышнями, но уланы переведены, а барышни раз'ехали; из старых моих приятельниц нашел я одну белую кобылу, на которой и с'ездил в Малинники; но и та уж подо мною не пляшет, не бесится, а в Малинниках, вместо всех Аннет, Евпраксий, Саш, Маш etc. живет управитель Парасковии Александровны Рейхман, который подбивал меня шнапсом. Вельяшева, мною некогда воспетая, живет здесь в соседстве; но я к ней не поеду, зная, что тебе было бы это не по сердцу. Здесь об'едаюсь я вареньем и проиграл три рубля в двадцать четыре роббера в вист.

Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете, а душу твою люблю я еще более твоего лица. Прощай, мой ангел, целую тебя крепко.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 23 августа 1833 г., из Павловского.

В Ярополец приехал я в среду поздно. Наталья Ивановна встретила меня, как нельзя лучше. Я нашел ее здоровою, хотя подле нее лежала палка, без которой далеко ходить не может. Четверг я провел у нее. Она живет очень уединенно и тихо в своем разоренном дворце и разводит огороды над прахом твоего прадедушки Дорошенки, к которому ходил я на поклонение. Я нашел в доме старую библиотеку, и Нат. Ив. позволила мне выбрать нужные книги. Я отобрал их десятка три, которые к нам и придут с вареньем и наливками. Таким образом набег мой на Ярополец был вовсе не напрасен. Из Яропольца выехал я ночью и приехал в Москву вчера в полдень. Пишу тебе из антресолей вашего Нижитского дома.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 26 августа 1833 г.
из Москвы.

Вчера были твои именины, сегодня твое рождение. Вчера пил я твое здоровье у Киреевского с Шевыревым и Соболевским; сегодня буду пить у Суденки. Еду послезавтра — прежде не будет готова моя коляска. Вчера, приехав поздно домой, нашел я у себя на столе карточку Булгакова, отца красавиц, и приглашение на вечер. Жена его была также изящнейшая. Я не поехал, за неимением бального платья и за небритие усов, которые отрастаю в дорогу. Ты видишь, что в Москву мудро поехать и не поплзгать. Однако скучна Москва, пуста Москва, бедна Москва. Даже извозчиков мало на ее скучных улицах. По своему обыкновению, бродил я по книжным лавкам и ничего путного не нашел. Книги, взятые мною в дорогу, перебились и перетерлись в сундуке. От этого я сердит сегодня.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 27 августа 1833 г.
из Москвы.

Вот тебе отчет с самого Натальина дня. Утром поехал я к Булгакову (московскому почтдиректору) извиняться и благодарить, а между тем и выпросить лист для смотрителей, которые очень мало меня уважают, несмотря на то, что я пишу прекрасные стишки. У него застал я его дочерей и Всеволожского. Они звали меня на вечер к Пашковым на дачу, — я не поехал, жалея своих усов, которые только лишь оцетинились. Обедал у Суденки, моего приятеля, товарища холостой жизни моей. Теперь и он женат, и он сделал двух ребят, и он перестал играть; но у него 125.000 доходу, а у нас, мой ангел, это — впереди. Жена его тихая, скромная, не-красавица. Мы отобедали втроем, и я, без церемонии, предложил здоровье моей имянницы, и выпили мы все, не морщась, по бокалу шампанского. Вечер у Нашокина, да какой вечер! шампанское, лафит, заженный пунш с ананасами — пью за твое здоровье, красота моя. На другой день в книжной лавке встретил я Н. Раевского.—*Sacré chien*, сказал он мне с нежностью: *pourquoi n'êtes vous pas venu me voir?*—*Animal*, отвечал я ему с чувством: *qu'avez vous fait de mon manuscrit petit-russien?* После сего поехали мы вместе, как ни в чем не бывало, он — держа меня за ворот всенародно, чтоб я не выскочил из коляски. Отобедали вместе глаз на глаз (виноват: втроем с бутылкой мадеры). Потом для разнообразия жизни, провел опять вечер у Нашокина; на другой день он задал мне прощальный обед, со стерлядями и с жоженкой, усадили меня в коляску, и я выехал на большую дорогу.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 2 сентября 1833 г.,
из Нижнего-Новгорода.

Нащокин провожал меня шампанским, жоженкой и молитвами. Каретник насили выдал мне коляску; нет мне счастья с каретниками. Дорога хороша, но под Москвою нет лошадей — я повсюду ждал несколько часов и насили дотащился до Нижнего сегодня, т.-е. в 5-е сутки. Успел только съездить в баню. Кажется я глупо сделал, что оставил тебя и начал опять кочевую жизнь. Живо воображаю первое число. Тебя теребят за долги, Параша, повар, извозчик, аптекарь, m-me Zichler etc., у тебя не хватает денег, Смирдин перед тобой извиняется, ты беспокоишься, — сердись на меня — и поделом. Что у нас за погода! дни жаркие, с утра маленькие морозы — роскошь! так ли у вас?

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 2 сентября 1833 г., из Нижнего-Новгорода.

Ух, женка, страшно! теперь следует важное признание. Сказать ли тебе словечко, утерпит ли твое сердечко? Ну, так уж и быть, узнай, что на второй станции, где не давали мне лошадей, встретил я некоторую городничиху, едущую с теткой из Москвы к мужу, и обижаемую на всех станциях. Она приняла меня весьма дурно и нараспев начала меня усовещевать и уговаривать: как вам не стыдно? на что это похоже? две тройки стоят на конюшне, а вы мне ни одной со вчерашнего дня не даете. Право? сказал я и пошел взять эти тройки для себя. Городничиха, видя, что я не смотритель, очень смутилась, начала извиняться и так меня тронула, что я уступил ей одну тройку, на которую имела она всевозможные права, а сам нанял себе другую, т.-е. третью, и уехал. Ты подумаешь: ну это еще не беда. Постой, женка, это еще не все. Городничиха и тетка так были восхищены моим рыцарским поступком, что решились от меня не отставать и путешествовать под моим покровительством, на что я великодушно и согласился. Таким образом и доехали мы почти до самого Нижнего—они отстали за 3 или 4 станции—и я теперь свободен и одинок. Ты спросишь, хороша ли городничиха? Вот то-то, что не хороша, ангел мой Таша, о том-то я и горюю. Уф, кончил. Отпусти и помилуй.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 8 сент. 1833 г., из Нижнего-Новгорода.

Я в Казани с 5. Здесь я возился со стариками, современниками моего героя (*Пугачева*), об'езжал окрестности города, осматривал места сражений, расспрашивал, записывал и очень доволен, что не напрасно посетил эту страну. Погода стоит прекрасная, чтобы не сглазить только. Надеюсь до дождей об'ехать все, что предполагал видеть, и в конце сент. быть в деревне.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 8 сент. 1833 г., из Казани.

7-го сентября, в 9 часов утра, муж мой ездил провожать Боратынского, видел там Пушкина, и в полчаса успел так хорошо с ним познакомиться, как бы они уже долго жили вместе. Пушкин ехал в Оренбург собирать сведения для истории Пугачева и по той же причине останавливался на одни сутки в Казани. Он знал, что в Казани мой муж, как старожил, постоянно занимавшийся исследованием здешнего края, всего более мог удовлетворить его желанию, и потому, может быть, и желал очень с нами познакомиться. В этот же день, поутру, Пушкин ездил, тройкою на дрожках, один к Троицкой мельнице, по Сибирскому тракту, за десять верст от города; здесь был

лагерь Пугачева, когда он подступал к Казани. Затем, об'ехав Арское поле, был в крепости, обошел ее крутом и потом возвратился домой, где оставался целое утро, до двух часов, и писал. Обедал у Е. П. Перцова, с которым был знаком еще в Петербурге; там обедал и муж мой.

В шесть часов вечера мне сказали о приезде к нам Пушкина. Я встретила его в зале. Он взял дружески мою руку с следующими ласковыми словами: «Нам не нужно с вами рекомендоваться; музы нас познакомили заочно, а Боратынский еще более». С Карлом Федоровичем (мужем автора) они встретились, как коротко знакомые. Мы все сели в гостиной. Я не могу похвалиться ни ловкостью, ни любезностью, особенно при первом знакомстве, и потому долго не могла притти в свою тарелку; да и к тому же и разговор был о Пугачеве; мне казалось неловко в него вмешаться.

Напившись чаю, Пушкин и Карл Федорович поехали к казанскому первой пильдии купцу Крупеникову, бывшему в плену у Пугачева, и пробыли там часа полтора; возвратясь к нам в дом, у под'езда, Пушкин благодарил моего мужа: «Как вы добры, Карл Федорович, сказал он: как дружелюбно и приветливо принимаете нас, путешественников!.. Для чего вы это делаете? Вы теряете вашу приветливость по-напрасну: вам из нас никто этим не заплатит; мы так не поступаем; мы в Петербурге живем только для себя». Окончив говорить, он так сильно сжал руку моего мужа, что несколько дней были знаки от ногтей. Пушкин имел такие большие ногти, что мне, право, они казались не менее полувершка. По возвращении от Крупеникова, прислали за моим мужем от одного больного: он хотел было отказаться, но Пушкин принудил его ехать. Я осталась с моим знаменитым гостем одна; и признаюсь, не была этим довольна. Он тотчас заметил мое смущение и своею приветливою любезностью заставил меня с ним говорить, как с коротким знакомым. Мы сели в моем кабинете. Он просил показать ему стихи, писанные ко мне Боратынским, Языковым и Ознобишиным, читал их все сам вслух, и очень хвалил стихи Языкова. Потом просил меня непременно прочесть стихи моего сочинения. Я прочла сказку: *жених*, и он слушал меня, как бы в самом деле хорошего поэта, вероятно, из любезности, несколько раз останавливал мое чтение похвалами, а иные стихи заставлял повторять и прочитывал сам.

После чтения он начал меня расспрашивать о нашем семействе, о том, где я училась, кто были мои учителя; рассказывал мне о Петербурге, о тамошней рассеянной жизни, и несколько раз звал меня туда приехать: «Приезжайте, пожалуйста, приезжайте; я познакомлю с вами жену мою; поверьте, мы будем уметь отвечать вам за казанскую приветливость не петербургскою благодарностью». Потом разговоры наши были гораздо откровеннее; он много говорил о духе нынешнего времени, о его влиянии на литературу, о наших литераторах, о поэтах, о каждом из них сказал мне свое мнение и, наконец, прибавил: «Смотрите, сегодняшний вечер была моя исповедь; чтобы наши разговоры остались между нами». Пушкин, без отговорок, не смотря на то, что располагал до света ехать, остался у нас ужинать и за столом сел подле меня. В продолжение ужина разговор был о магнетизме. Карл Федорович не верит ему, потому что очень учен, а я не верю, потому что ничего тут не понимаю. Пушкин старался всевозможными доказательствами нас уверить в истине магнетизма.

— Испытайте,—говорил он мне,—когда вы будете в большом обществе, выберите из них одного человека, вовсе вам незнакомого, который сидел бы к вам даже спиною, устремите на него все ваши мысли, пожелайте, чтобы незнакомец обратил на вас внимание, но пожелайте сильно, всею вашею душою, и вы увидите, что незнакомый, как бы неволью, оборотится и будет на вас смотреть... Я был очевидцем таких примеров, что женщина, любивши самую страстную любовью, при такой же взаимной любви, остав-

ся добродетельною; но были случаи, что эта же самая женщина, вовсе не любившая, как бы невольно, со страхом исполняет все желания мужчины, даже до самоотвержения. Вот это-то и есть сила магнетизма.

Я была очень рада, когда кончился разговор о магнетизме, хотя занял его другой, еще менее интересный,—о посещении духов, о предсказаниях и о многом, касающемся суеверия.

— Вам, может быть, покажется удивительным,—начал опять говорить Пушкин,—что я верю многому невероятному и непостижимому; быть так суеверным заставил меня один случай. Раз пошел я с Н. В. Всеволожским ходить по Невскому проспекту, и из проказ зашли к кофейной гадалщице. Мы просили ее нам погадать и, не говоря о прошедшем, сказать будущее. «Вы,—сказала она мне,—на этих днях встретитесь с вашим давнишним знакомым, который вам будет предлагать хорошее по службе место; и потом, в скором времени, получите через письмо неожиданные деньги; а третье, я должна вам сказать, что вы кончите вашу жизнь неестественною смертью». Без сомнения, я забыл в тот же день и о гадании, и о гадалщице. Но, спустя недели две после этого предсказания, и опять на Невском проспекте, я действительно встретился с моим давнишним приятелем, который служил в Варшаве при великом князе Константиине Павловиче и перешел служить в Петербург; он мне предлагал и советовал занять его место в Варшаве, уверяя меня, что цесаревич этого желает. Вот первый раз после гадания, когда я вспомнил о гадалщице. Через несколько дней после встречи с знакомым, я в самом деле получил с почты письмо с деньгами; и мог ли я ожидать их? Эти деньги прислал мой лицейский товарищ, с которым мы, бывши еще учениками, играли в карты, и я его обыграл. Он, получа после умершего отца наследство, прислал мне долг, который я не только не ожидал, но и забыл о нем. Теперь надобно сбыться третьему предсказанию, и я в этом совершенно уверен...

Суеверие такого образованного человека меня очень тогда удивило. После ужина Пушкин опять пошел ко мне в кабинет. Пересматривая книги, он раскрыл сочинения одного казанского профессора; увидав в них прозу и стихи, он опять закрыл книгу и, как бы с досадою, сказал: «О, это проза и стихи! Как жалки те поэты, которые начинают писать прозою; признаюсь, ежели бы я не был вынужден обстоятельствами, я бы для прозы не обмакнул пера в чернила...» Он просидел у нас до часу и простился с нами, как со старыми знакомыми; несколько раз обнимал моего мужа, и, кажется, оставил нас не с притворным сожалением, сказавши при прощании: «Я никак не думал, чтобы минутное знакомство было причиною такого грустного прощания, но мы в Петербурге увидимся».

А. А. ФУКС. А. С. Пушкин в Казани. *Казанск. Губ. Вед.*, 1844, № 2. Перепеч. в *Рус. Стар.*, 1899, т. 98, стр. 258—261.

В Казани я таскался по окрестностям, по полям, по кабакам и попал на вечер к одной *blue stockings* (*синий чулок*), сорокалетней несносной бабе, с вошеными зубами и с ногтями в грязи (А. А. Фукс). Она развернула тетрадь и прочла мне стихов с двести, как ни в чем не бывало. Баратынский написал ей стихи и с удивительным бесстыдством расхвалил ее красоту и гений. Я так и ждал, что принужден буду ей написать в альбом—но бог помиловал; однако она взяла мой адрес и страшает меня приездом в Петербург, с чем тебя и поздравляю. Муж ее, умный и ученый немец, в нее влюблен и в изумлении от ее гения; однако он одолжил меня очень, и я рад, что с ним познакомился.

Сегодня еду в Симбирск, отобедаю у губернатора, а к вечеру отправлюсь в Оренбург—последняя цель моего путешествия.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 12 сентября 1833 г.,
из села Языкова.

Милостивая государыня Александра Андреевна! С сердечной благодарностью посылаю вам мой адрес и надеюсь, что обещание ваше приехать в Петербург не есть одно любезное приветствие. Примите, Милостивая Государыня, изъяснение моей глубокой признательности за ласковый прием путешественнику, которому долго памятно будет минутное пребывание его в Казани.

ПУШКИН—А. А. Фукс, 8 сент. 1833 г., из Казани.

Однажды спросили Пушкина, как он находит даму, с которою он долго говорил,—умна ли она? Поэт отвечал: «не знаю, ведь я говорил с нею по-французски».

П. И. МЕЛЬНИКОВ-ПЕЧЕРСКИЙ со слов казанского проф. Гр. С. Суровцова, встречавшегося с Пушкиным в его поездку 1833 г. *Ист. Вестн.*, 1884, № 9, 505.

В 1833 г. я жила с моим отцом в Симбирске, где тогда губернатором был Александр Михайлович Загряжский; у А. М. Загряжского была только одна дочь, с которою я в числе прочих городских барышень училась у них в доме танцевать. Однажды осенью (1833 г., между 8—14 сент.) во время урока танцев по зале пронесся слух, что приехал сочинитель А. С. Пушкин; мы все взволновались от ожидания увидеть его, и вдруг входит в залу господин небольшого роста, в черном фраке, курчавый, шатен, с бледным или скорее мулатским рябоватым лицом: мне тогда он показался очень некрасивым... Мы все уже сидели по стульям и при его общем нам поклоне сделали ему реверанс; через несколько минут мы все с ним познакомились и стали просить его потанцевать с нами; он немедленно же согласился, подошел к окну, вынул из бокового кармана пистолет и, положив его на подоконник, протанцевал с каждой из нас по несколько туров вальса под звуки двух скрипок, сидевших в углу.

И. КОРОТКОВА. А. С. Пушкин и симбирские старожилы. *Моск. Ведом.*, 1901, № 242.

В Симбирске у губернатора я видел Пушкина Ал. Сер.—ча. Он сказал мне, что был в Казани у Фукса и стоял вместе с Баратынским.

И. А. ВТОРОВ—Н. И. Второву, 9 сент. 1833 г.
Рус. Вестн., 1875, авг., стр. 610.

Пишу тебе из деревни поэта Языкова, к которому заехал и не нашел дома. Меня очень беспокоят твои обстоятельства, денег у тебя слишком мало. Того и гляди сделаешь новые долги, не расплатясь со старыми. Я путешествую, кажется, с пользою, но еще не на месте и ничего не написал. Я сплю и вижу приехать в Болдино и там запереться.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 12 сент. 1833 г., из
села Языкова.

(Дом Языковской усадьбы). Из прихожей посетители входят в довольно обширный зал, и направо из соседней комнаты дверь ведет в комнату, где останавливался Пушкин. Она средней величины, с одним большим окном в сад, обставлена мебелью красного дерева, черною, деревянною кроватью и в углу типичным украшением камина в форме усеченной колонны... По сохранившемуся в доме и семье Языковых рассказу, Пушкин, не застав в первый раз своего посещения Николая Михайловича дома, вырезал ему алмазным перстнем на память на одном из стекол окна свое имя.

В. Н. ПОЛИВАНОВ. Село Языково. *Ист. Вестн.*, 1896, № 12, стр. 988. Фотографии с языковского дома—*Ист. Вестн.*, 1889, № 8, в статье того же автора «Пушкин в Симбирске».

Опять я в Симбирске. Третьего дня, выехав ночью, отправился я к Оренбургу. Только выехал на большую дорогу, заяц перебежал мне ее. Чорт его побери, дорого бы дал я, чтобы его затравить. На третьей станции стали закладывать мне лошадей—гляжу: нет ямщиков—один слеп, другой пьян и спрятался. Пошумев изо всей мочи, решился я возвратиться и ехать другой дорогой; по этой на станциях везде по 6 лошадей, а почта ходит четыре раза в неделю. Повезли меня обратно—я заснул—просыпаюсь утром—что же? не от'ехал я и пяти верст. Гора—лошади не везут—около меня человек 20 мужиков. Чорт знает, как бог помог—наконец вз'ехали мы, и я воротился в Симбирск. Дорого бы дал я, чтобы быть борзой собакой; уж этого зайца я бы отыскал. Теперь еду опять другим трактом. Авось без приключений.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 14 сент. 1833 г., из Симбирска.

Насилу доехал (до Оренбурга)—дорога прескучная, погода холодная, завтра еду к яицким казакам, пробуду у них дня три—и отправлюсь в деревню через Саратов и Пензу. Мне тоска без тебя. Кабы не стыдно было, воротился бы прямо к тебе, ни строчки не написав. Да нельзя, мой ангел,—взялся за гуж, не говори, что не дюж; то-есть уехал писать, так пиши же роман за романом, поэму за поэмой. А уж чувствую, что дурь на меня находит, я и в коляске сочиняю: что же будет в постеле? Одно меня сокрушает: человек мой. Вообрази себе тон московского канцеляриста, глуп, говорлив, через день пьян, ест мои холодные дорожные рябчики, пьет мою мадеру, портит мои книги и по станциям называет меня то графом, то генералом. Бесит меня, да и только. Свет-то мой Ипполит! Кстати о хамовом племени; как ты ладишь своим домом? боюсь, людей у тебя мало; не наймешь ли ты кого? На женщин надеюсь, но с мужчинами как тебе ладить. Все это меня беспокоит—я мнителен, как отец мой.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 19 сент. 1833 г., из Оренбурга.

* В один из субботних вечеров, когда небольшая семья моего директора Артюхова (директора неплюевского оренбургского кадетского корпуса) усаживались за чайный стол, на дворе послышался скрип подрезов дорожного экипажа ¹⁾).

¹⁾ Пушкин был в Оренбурге 18—20 сент. 1833 г., но ни один из этих дней на субботу не приходится. М. Л. Юдин. (Труды Оренб. Учен. Арх. Ком., вып. VI, стр. 209). Снега в то время еще не было и ездил на колесах.

— Генерал Пушкин изволил приехать!—прокричал вошедший со двора мальчик, одетый в черкеску из верблюжьего сукна.

Дверь отворилась, и на пороге показался довольно полный господин в дорожной шубе и укутанный шарфом. Тотчас подбежали его раздевать.

— Какой-то вихрь, а не мальчишка прокричал мне: «дома барин».

— Дома, дома,—подхватил хозяин,—и просит дорогого гостя в кабинет.—Здравствуй, здравствуй!

— Здравствуй, трегубый (у хозяина с детства верхняя губа делилась надвое).

— Только дайте ему,—проговорил «генерал», указывая на своего человека,—прежде распеленать своего младенца. А то мои бакенбарды останутся на шарфе.

При входе в залу опять посыпались приветы. Гость спросил умыться, но хозяин тотчас же предложил Ал. Серг-чу в баню, а потом чай.

— Согласен, если только недалеко баня; мне надоела езда,—отвечал, потирая руки, гость.

— Так, значит, идем; двадцать шагов по корридору—и мы будем в теплушке. Распорядись-ка,—сказал мне К. Д. (Артюхов),—чтобы там найти нам людей и свечи.

Захватив кучера и мальчика, которые внесли из саней вещи, я велел зажечь лампу, а сам поторопился сбросить с себя курточку и сапоги, чтобы не быть отосланным в комнату, так как я был уже в казенной бане.

За хозяином вошел гость. Кучер и мальчик проворно принялись за раздевание их.

— Да как, брат К. Д., у тебя славно здесь! Даже андреем пахнет (ambrée),—заметил Александр Сергеевич с улыбкою, почесываясь и поглядывая рассеянно по сторонам:—очень порядочно, здесь скорее гостиная, нежели баня.

Хозяин, как человек очень полный, кряхтел и видимо радовался первому впечатлению гостя.

— Очень рад, старый товарищ, что могу служить, да спасибо, что ты не сбился с дороги и не мимо меня проехал. А не раз, я думаю, плутал по этим дорогам. В наших местах теперь дорога ведь страшная, а?

— Да, я бросил возок и купил сани.

А дорога ваша—сад для глаз,
Повсюду лес, канавы,
Работы было много, много славы,
Да жаль, проезду нет подчас.
От деревьев, на часах стоящих,
Проезжим мало барыша.
Дорога, скажут, хороша,
Но я скажу: для проходящих! ¹⁾

От этой правды, так верно и скоро выраженной им в стихах, все как бы остолбенело. Хозяин рассмеялся, полал мне карандаш и велел записать на стене. А. С. поправил мои знаки, и на другой день стихи были вделаны в раму под стекло.

1) Стихотворение кн. П. А. Вяземского «Станция» (1828 г.):

Дороги наши, сад для глаз,
Деревья, с дерном вал, канавы;
Работы много, много славы,
Да жаль: проезда нет под-час.
С деревьев, на часах стоящих,
Проезжим мало барыша,
Дорога, скажешь, хороша—
И вспомнишь стих: для проходящих!

Пока Ал. С-ч декламировал, он стоял перед трюмо, правую рукою расправляя кудрявые волосы, а левою прикрываясь, так как был совершенно раздет. На это Артюхов заметил, смеясь:

— А видел ли ты, Ал. С—ч, свое сейчас сходство с Венерой Медицинской?

Последний взглянул в зеркало, как бы для проверки сходства, и отвечал:

— Да, правда твоя. Только ты должен вообразить ее степенство, когда она была во второй половине своего интересного положения.

Н. П. ИВАНОВ. *Хивинская экспедиция 1839—1840 гг.*
Рассказы. СПб. 1873, стр. 20—22.

В Оренбурге Пушкину захотелось сходить в баню. Я свел его в прекрасную баню к инженер-капитану Артюхову, добрейшему, умному, веселому и чрезвычайно забавному собеседнику. В предбаннике расписаны были картины охоты, любимой забавы хозяина. Пушкин тешился этими картинами, когда веселый хозяин, круглолицый, голубоглазый, в золотых кудрях, вошел, упрямая Пушкина ради первого знакомства откушать пива или меду. Пушкин старался быть крайне любезным со своим хозяином и, глядя на расписной предбанник, завел речь об охоте. «Вы охотитесь, стреляете?» — «Как же-с, понемножку занимаемся и этим; не одному долгоносому довелось успокоиться в нашей сумке». — «Что же вы стреляете, уток?» — «Уто-ок-с?» — спросил тот, вытянувшись и бросив какой-то сострадательный взгляд. — «Что же? разве вы уток не стреляете?» — «Помилуйте-с, кто будет стрелять эту падаль! Это какая-то гадкая старуха, валяется в грязи—ударить ее по загривку, она свалится боком, как топор с полки, бьется, валяется в грязи, куврыкается... тьфу!» — «Так что же вы стреляете?» — «Нет-с, не уток. Вот как выйдешь в чистую рощицу, как запустишь своего Фингала,—а он нюхных направо—нох налево,—и стойку: вытянулся, как на пружине,—одеревенел, окаменел! Пиль, Фингал! Как свечка загорелся, столбом взвился»... — «Кто, кто?» — перебил Пушкин с величайшим вниманием и участием. — «Кто-с? разумеется кто: слука, вальдшнеп. Тут царап его по сарафану... А он (продолжал Артюхов, раскинув руки врозь, как на кресте),—а он только раскинет крылья, головку набок—замрет на воздухе, умирая, как Брут!»

Пушкин расхохотался и, прислав ему через год на память «Истор. Пугач. бунта», написал:

«Тому офицеру, который сравнивает вальдшнепа с Валенштейном».

В. И. ДАЛЬ. Из неизданных материалов для биографии Пушкина. *Рус. Стар.*, 1907, т. 131, стр. 165.

(В Оренбурге Пушкин остановился в доме оренбургского военного губернатора В. А. Перовского). Перовский в то время квартировал в доме мурзы полковника Тимашева, на Губернской, что ныне Николаевская улица (главная в городе), как раз против Благовещенской (теперь Вознесенской) церкви.

П. Л. ЮДИН. *Рус. Арх.*, 1899, II, 138.

По показанию старожилов, В. А. Перовский квартировал в доме полк. Тимашева, находившемся на Николаевской ул. в 1 части, в 5 квартале, против алтаря церкви Вознесения Христова, между соседними домами Пенькова и Козина. Дом этот, сохранившийся и доселе (1900 г.),—двухэтажный с ме-

зонном; нижний этаж его каменный, а верхний и мезонин—деревянные... В настоящее время дом принадлежит мещанину Ив. Вас. Ладыгину.

М. Л. ЮДИН. *Труды Оренб. Учен. Арх. Ком.*, вып. VI, 1900, стр. 219.

Пушкин приехал в Оренбург. Вслед за тем из Нижнего-Новгорода от тамошнего губернатора Бутурлина пришла к Перовскому бумага с извещением о путешествии Пушкина, который состоял под надзором полиции. С Перовским Пушкин был на ты и приехал прямо к нему; но в доме генерал-губернатора поэту было не совсем ловко, и он перешел к Далю; обедать они ходили вместе к Перовскому.

В. И. ДАЛЬ по записи Бартенева. *Рассказы о Пушкине*, 21.

С. Петербургский обер-полицмейстер от 20 сент. уведомил меня, что... был учрежден в столице секретный полицейский надзор за образом жизни и поведением известного поэта, титулярного советника Пушкина, который 14 сентября выбыл в имение его, состоящее в Нижегородской губернии. Известясь, что он, Пушкин, намерен был отправиться из здешней в Казанскую и Оренбургскую губернию, я долгом считаю о вышесказанном известить ваше прев-во, покорнейше прося, в случае прибытия его в Оренбургскую губернию, учинить надлежащее распоряжение в учреждении за ним во время его пребывания в оной секретного полицейского надзора за образом жизни и поведением его.

М. П. БУТУРЛИН, нижегородский военный губернатор, в секретном отношении оренб. воен. губернатору В. А. Перовскому, 9 окт. 1833 г.

На этой бумаге рукою Перовского сделана следующая пометка: Отвечать, что сие отношение получено через месяц по отбытии г. Пушкина отсюда, а потому, хотя во время кратковременного его в Оренбурге пребывания и не было за ним полицейского надзора, но как он останавливался в моем доме, то я тем лучше могу удостоверить, что поездка его в Оренбургский край не имела другого предмета, кроме нужных ему исторических изысканий.

Рус. Старина, 1883, т. 37, стр. 78.

Пушкин прибыл нежданный и нечаянный и остановился в загородном доме у военного губернатора Василия Алексеевича Перовского, на другой день перевез я его оттуда, ездил с ним в историческую Бердинскую станицу, толковал, сколько слышал и знал местность, обстоятельства осады Оренбурга Пугачевым. Пушкин слушал все это с большим жаром и хохотал от души следующему анекдоту: Пугач, ворвавшись в Берды, где испуганный народ собрался в церкви и на паперти, вошел также в церковь. Народ расступался в страхе, кланялся, падал ниц. Приняв важный вид, Пугач прошел прямо в алтарь, сел на церковный престол и сказал вслух: «Как я давно не сидел на престоле!» В мужицком невежестве своем он воображал, что престол церковный есть царское сиделище. Пушкин назвал его за это свиньей и много хохотал.

Мы поехали в Берды, бывшую столицу Пугача, который сидел там—как мы сейчас видели—на престоле. По пути в Берды Пушкин рассказывал

мне, чем он занят теперь, что еще намерен и надеется сделать. Он усердно убеждал меня написать роман и повторял:—«Я на вашем месте сейчас бы написал роман, сейчас; вы не поверите, как мне хочется написать роман, но нет, не могу: у меня начато их три,—начну прекрасно, а там недостает терпения, не слажу». Слова эти вполне согласуются с пылким духом поэта и думным творческим долготерпением художника; эти два редкие качества соединялись в Пушкине, как две крайности, которые дополняют друг друга и составляют одно целое. Он носился во сне и на-яву целые годы с каким-нибудь созданием, и когда оно созревало в нем, являлось перед духом его уже созданным вполне, то изливалось пламенным потоком в слова и речь: металл мгновенно стынет в воздухе, и создание готово. Пушкин потом воспламенился в полном смысле слова, коснувшись Петра Великого, и говорил, что непременно, кроме деесписания об нем, создаст и художественное в память его произведение...

— Я еще не мог доселе постичь и обнять вдруг умом этого исполина: он слишком огромен для нас близоруких, и мы стоим еще к нему близко,— надо отодвинуться на два века,—но постигаю его чувством; чем более его изучаю, тем более изумление и подобострастие лишают меня средств мыслить и судить свободно. Не надобно торопиться; надобно освоиться с предметом и постоянно им заниматься; время это исправит. Но я сделаю из этого золота что-нибудь. О, вы увидите: я еще много сделаю! Ведь даром что товарищи мои все поседели да оплели, а я только что перебесился; вы не знали меня в молодости, каков я был; я не так жил, как жить бы должно; бурный небосклон позади меня, как оглянусь я.

В Бердах мы отыскивали старуху, которая знала, видела и помнила Пугача. Пушкин разговаривал с нею целое утро; ему указали, где стояла изба, обращенная в золотой дворец, где разбойник казнил несколько верных долгу своему сынов отечества; указали на гребни, где, по преданию, лежит огромный клад Пугача, зашитый в рубаху, засыпанный землей и покрытый трупом человеческим, чтобы отвести всякое подозрение и обмануть кладочискателей, которые, дорывшись до трупа, должны подумать, что это—простая могила. Старуха спела также несколько песен, относившихся к тому же предмету, и Пушкин дал ей на прощание червонец.

Мы уехали в город, но червонец наделал большую суматоху. Бабы и старики не могли понять, на что было чужому приезжему человеку расспрашивать с таким жаром о разбойнике и самозванце; но еще менее постигли они, за что было отдать червонец. Дело показалось им подозрительным: чтобы-де после не отвечать за такие разговоры, чтобы опять не дожить до греха да напасти! И казаки на другой же день снарядили подводу в Оренбург, привезли и старуху, и роковой червонец и донесли: «Вчера-де приезжал какой-то чужой господин, приметам: собой не велик, волос черный, кудрявый, лицом смуглый, и подбивал под «пугачевщину» и дарил золотом; должен быть антихрист, потому что вместо ногтей на пальцах когти». Пушкин много тому смеялся.

В. И. ДАЛЬ. Воспоминания о Пушкине. Л. Майкова, 416—419.

Осенью 1833 года приехал в Оренбург А. С. Пушкин для собирания сведений о пугачевском бунте и пожелал посетить Бердо. По этому случаю Ив. Вас. Гребенщикова (сотник оренбургского казачьего войска, начальник станции Бердо) пригласил меня посмотреть на Пушкина. Я с радостью принял предложение, и мы отправились с вечера, чтобы к утру собрать стариков и старух, помнящих Пугачева. Утром приезжает Пушкин, сам друг, кажется, если не ошибаюсь, с В. И. Далем... Он среднего роста, смуглый, лицо кругло-

ватое с небольшими бакенбардами, волосы на голове черные, курчавые, не-долгие, глаза живые, губы довольно толсты. Одет был в сюртук, плотно застегнутый на все пуговицы; сверху шинель суконная с бархатным воротником и обшлагами, на голове измятая полярковая шляпа. На руках: левой на большом, а правой на указательном пальцах по перстню. Ногти на пальцах длинные лопатками. В фигуре и манерах было что-то чрезвычайно оригинальное.

По входе в комнату Пушкин сел к столу, вынул записную книжку и карандаш и начал расспрашивать стариков и старух, и их рассказы записывал в книжку. Одна старушка, современница Пугачева, много ему рассказывала и спела или проговорила песню, сложенную про Пугачева, которую Пушкин и просил повторить. Наконец расспросы кончились, он встал, поблагодарил Гребеньщикова и стариков, которым раздал несколько серебряных монет, и отправился в Оренбург.

Он суеверным старикам, а особенно старухам, не понравился и произвел на них неприятное впечатление тем, что, вошедши в комнату, не снял шляпы и не перекрестился на иконы и имел большие ногти; за то его прозвали «антихристом»; даже некоторые не хотели принять от него деньги (которые были светленькие и новенькие), называя их антихристовыми и думая, что они фальшивые. Об этом обстоятельстве сообщил мне И. В. Гребеньщиков.

Н. А. КАЙДАЛОВ. Воспоминания. Труды Оренб. Ученой Арх. Комиссии. Вып. VI. 1900. Оренбург. Стр. 214—215.

(Старуха казачка про посещение Пушкина).—«Приезжали господа, и один все меня заставлял рассказывать... Он наградил меня за рассказы; тут же с ним был и приятель наш, полковник Артюхов. Песни я ему пела про Пугачева. Показал он мне патрет: красавица такая написана.—«Вот,—говорит,—она станет твои песни петь».

ЕВГ. ЗАХ. ВОРОНИНА—Е. Л. Энгельке, 26 ноября 1833 г., из Оренбурга. Рус. Арх., 1902, II, 660.

М-ме Даль рассказывала, как всем дамам хотелось видеть Пушкина, когда он был здесь. Он приезжал не надолго и бывал только у нужных ему по его делу людей или у прежних знакомых. Две ее знакомые барышни узнали от нее, что Пушкин будет вечером у ее мужа, и что они будут вдвоем сидеть в кабинете Даля. Окно этого кабинета было высоко, но у этого окна росло дерево; эти барышни забрались в сад, влезли на это дерево и из ветвей его смотрели на Пушкина, следили за всеми его движениями, как он от души хохотал; но разговора не было слышно, так как рамы были уже двойные.

Е. З. ВОРОНИНА—Е. Л. Энгельке, 20 ноября 1833 г., из Оренбурга. Рус. Арх., 1902, II, 658.

И. В. Чернов в 1833 г. поступил в приходское училище и в сентябре того же года имел счастье видеть в стенах этого заведения А. С. Пушкина, приезжавшего в Оренбург. Поэт даже спрашивал Ив. Вас-ча что-то, но за давностью лет он упомянуть не мог.

С. Н. СЕВАСТЬЯНОВ «Памяти ген.-майора И. В. Чернова». Труды Оренб. Уч. Арх. Комиссии, вып. XVIII, 1907. Стр. 6.

Из Оренбурга поехал я в Уральск. Тамшний атаман и казаки приняли меня славно, дали мне два обеда, подпили за мое здоровье, наперерыв давали мне все известия, в которых имел нужду, и накормили меня свежей икрой, при мне изготовленной. При выезде моем (23 сент.) вечером пошел дождь, первый по моему выезду. Надобно тебе знать, что нынешний год была всеобщая засуха, и что бог угодил на одного меня, готовя мне везде прекраснейшую дорогу. На возвратный же путь послал он мне этот дождь, и через полчаса сделал дорогу непроходимой. Того мало: выпал снег, и я обновил зимний путь, проехав верст 50 на санях. Проезжая мимо Языкова, я к нему заехал, застал всех трех братьев, отобедал с ними очень весело, ночевал и отправился сюда.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 2 октября 1833 г., из Болдина.

(29 сент. 1833 г.). Семейное предание рассказывает, что Ал. Серг. застал братьев Языковых (в селе Языкове Симб. губ.) одетых по домашнему, в халаты, и на первых же порах пристыдил и разбранил их за азиатские привычки.

Д. Н. САДОВНИКОВ. Отзывы о Пушкине. *Ист. Вестн.*, 1883, XIV, 537.

Вчера был у нас Пушкин, возвращавшийся из Оренбурга и с Яика в свою нижегородскую деревню, где пробудет месяца два, занимаясь священнодействием перед алтарем Камен. Из питерских новостей он прочитал мне свою сказку «Гусар» (ее купил дескать у него Смирдин за 1.000 руб. сто стихов...). Мы от него первые узнали, что он и Катенин избраны членами российской академии, и что последнее производит там большой шум, оживляя сим сонных толкачей, иереев и моряков. Во второй уже раз дошло до того, что ему прочли параграф устава, которым велено выводить из заседания членов, непристойно себя ведущих. Старики видят свою ошибку, но делать уже нечего; зло посреди них; вековое спокойствие нарушено навсегда, или по крайней мере надолго.

А. М. ЯЗЫКОВ—В. Д. Комовскому от 1 октября 1833 г. *Ист. Вестн.*, 1883, XIV, 537.

Отец мой и я ехали через Нижегородскую губернию. На одной станции, по пути от Арзамаса до Лукоянова, в селе Шатках, отец мой, во время смены лошадей, вошел в станционную избу позавтракать, а я, не совсем еще освобожденный от слабости вследствие только что перенесенной желудочной болезни, остался в карете. Когда отец вошел в станционную избу, то тотчас обратил внимание на ходившего там из угла в угол господина. Это был Пушкин. Ходил он задумчиво, наконец позвал хозяйку и спросил у нее чего-нибудь пообедать, вероятно ожидая найти порядочные кушанья по примеру некоторых станционных домов на больших трактах. Хозяйка, простая крестьянская баба, с хладнокровием отвечала ему: «У нас ничего не готовили сегодня, барин». Пушкин все-таки, имея лучшее мнение о станционном дворе, спросил подать хоть шей да каши. «Батюшка, и этого нет, ныне постный день, я ничего не стряпала, кроме холодной похлебки». Пушкин, раздосадованный вторичным отказом бабы, остановился у окна и ворчал сам с собою: «Вот я всегда бываю так наказан, чорт возьми! Сколько раз я давал себе слово запасаться в дорогу какой-нибудь провизией, и вечно забывал и часто голодал, как собака». В это время отец мой приказал принести из кареты

свой дорожный завтрак и вина и предложил Пушкину разделить с ним дорожный завтрак. Пушкин с радостью, по внушению сильным аппетитом, тотчас воспользовался предложением отца и скоро удовлетворил своему голоду, и когда, в заключение, запивал вином соленые кушанья, то просил моего отца хоть сказать ему, кого он обязан поблагодарить за такой вкусный завтрак, чтобы выпить за его здоровье дорожною флягою вина. Когда отец сказал ему свою фамилию, то он тотчас спросил, не родня ли я ему, назвавши меня по имени, и когда он узнал, что я сын его и что я сижу в карете, то с этим словом послано было за мною.

Отец мой прислал непременно звать меня войти в избу для какой-то особенной надобности. Едва я отворил дверь станционного приюта, весьма некрасивого, как Пушкин бросился мне на шею, и мы крепко обнялись после долгой разлуки. В это время мы провели вместе целые сутки. Пушкин заехал ко мне в дом и с большим интересом рассказывал свежие впечатления о путешествии своем по Оренбургской губернии, только что возвратившись оттуда, где он собирал истор. памятники, устные рассказы многих свидетелей того времени стариков и старух о Пугачеве. Доверие, произведенное к себе этим историческим злодеем во многих невеждах, говорил Пушкин, до такой степени было сильно, что некоторые самовидцы говорили ему лично с полным убеждением, что Пугачев был не бродяга, а законный царь Петр III, и что он только напрасно потерпел наказание от злобы и зависти людей. Пушкин в эти часы был чрезвычайно любезен, говорлив и весел. На покойного отца моего сделал он удивительное впечатление, так что он, вспоминая о Пушкине, часто говорил, что в жизнь свою он не встречал такого умного и очаровательного разговора, как у Пушкина.

К. И. САВОСТЬЯНОВ. Письмо к Вл. Петр. Горчакову. П—н и его совр—ки, XXXVII, 149—151.

В'ехав в границы Болдинские, встретил я попов, и так же озлился на них, как на Симбирского зайца. Не даром все эти встречи.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 2 октября 1833 г., из Болдина.

Вот уже неделю, как я в Болдине, привожу в порядок мои Записки о Пугачеве, а стихи пока еще спят. Я что-то сегодня не очень здоров. Животик болит.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 8 октября 1833 г., из Болдина.

Не мешай мне, не страшай меня, оудь здорова, смотри за детьми, не жокетничай с царем... Я пишу, я в хлопотах, никого не вижу—и привезу тебе пропасть всякой всячины. Знаешь ли, что обо мне говорят в соседних губерниях? Вот как описывают мои занятия: как Пушкин стихи пишет—перед ним стоит штоф славнейшей настойки—он хлоп стакан, другой, третий—и уж начнет писать!—Это слава!

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 11 октября 1833 г., из Болдина.

Через Михайлу Иванова (болдинского старосту) крестьяне ваши совсем разорились; в бытность же вашу прошлого года в вотчинах, крестьяне ваши

хотели вам на его жаловаться и были уже на дороге, но он их встретил, не допустил до вас и наказал, и я обо всем оном действительно узнал не только от ваших крестьян, но и от посторонних, по близости находящихся соседей.

КАРЛ РЕЙХМАН—Пушкину, 22 июня 1834 г.
Переп. Пушкина, III, 136.

Пушкин занимался по ночам; все на селе и в доме спят, а он пишет; он был живой, порывистый, вскочит и ходит, ходит из угла в угол задумчиво, заложив руку за спину; вдруг садится к столу и пишет, пишет; всегда перед ним на столе чай с ромом в бокале... Ходит, подойдет,—выпьет глоток, опять ходит, вдруг к столу и пишет, пишет...

Был у Пушкина в Болдине лакей, из Болдинских крепостных, по фамилии Торгашев. Пушкин часто беседовал с ним, шутил, брал с собою на прогулки. Один раз Пушкин обратился к нему со словами: «Торгашев, остриги меня, сними усы и бороду»,—потом засмеялся и пригласил его с собою ехать верхом в «Лучинник» (рошу). Но едва они успели завернуть за гумно,—откуда-то взялся заяц и перебежал дорогу. Пушкин тотчас же вернулся домой. Дело было лунной ночью: Пушкин любил в такие ночи ездить в «Лучинник» (в двух верстах от Болдина).

Однажды Пушкин пригласил к себе причт отслужить молебен (было ли это в храмовой праздник 8 ноября или в какой-нибудь «фамильный» день,—неизвестно), а после молебна предложил чай и закуску; когда члены причта уселись за столы, он вынул из кармана тетрадку и начал читать «насмешливые» (сатирические) стихи на духовенство.

КИР. СЕМ. РАЕВСКИЙ, болдинский диакон; со слов его сына Ф. К. Раевского записал А. И. Звездин. *О болдинском имени Пушкина. Н.-Новг. 1912, стр. 23—24.*

Вчера такое горе взяло, что и не запомню, чтоб на меня находила такая хандра... Я работаю лениво, через пень колоду валю. Все эти дни голова болела, хандра грызла меня. Нынче легче. Начал многое, но ни к чему нет охоты; бог знает, что со мною делается. Старам стала, и умом плохам! Приеду оживиться твоею молодостью. Но не жди меня прежде конца ноября; не хочу к тебе с пустыми руками явиться; взялся за гуж, не скажу, что не дюж.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 21 октября 1833 г.,
из Болдина.

Я не ревнив, да и знаю, что ты во всё тяжкое непустишься; но ты знаешь, как я не люблю все, что пахнет московской барышнею, все, что не *comme il faut*, все что *vulgar*... Если при моем возвращении я найду, что твой милый, простой, аристократический тон изменился, разведусь, вот-те Христос, и пойду в солдаты с горя. Ты спрашиваешь, как я живу и похорошел ли я? Во-первых, отпустил я себе бороду; *Ус да борода—молодцу похвала; выйду на улицу, дядюшкой зовут.* 2) Просыпаюсь в 7 часов, пью кофей, и лежу до 3-х часов. Недавно распикался и уже написал пропась. В 3 часа сажусь верхом, в 5—в ванну, и потом обедаю картофелем да грешневой кашей. До 9 часов читаю. Вот тебе мой день, и все на одно лицо.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 30 октября 1833 г.,
из Болдина.

Головная боль, хозяйственные хлопоты, лень—барская, помещичья лень—так одолели меня, что не приведи боже.

ПУШКИН—кн. В. Ф. Одоевскому, 30 октября 1833 г., из Болдина.

Я скоро выезжаю, но несколько времени останусь в Москве по делам. Женка, женка! я езжу по большим дорогам, живу по 3 месяца в степной глуши, останавливаюсь в пакостной Москве, которую ненавижу—для чего? Для тебя: чтоб ты была спокойна, и блистала себе на здоровье, как прилично в твои лета и с твоею красотой. Побереги же и ты меня. К хлопотам, неразлучным с жизнью мужчины, не прибавляй беспокойств семейственных, ревности и т. д.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 6 ноября 1833 г., из Болдина.

(1833 г., середина ноября?) Когда Пушкин проезжал через Москву, его никто почти не видал. Он никуда не показывался, потому что ехал с бородой, в которой ему хотелось показаться жене.

П. В. КИРЕЕВСКИЙ—поэту Языкову, от 17 янв. 1834 г. *Ист. Вестн.*, XIV, 538.

Познакомилась я с Пушкиным в Москве, в доме отца моего, А. Нарского. Это было в 1834 году¹⁾, когда я была объявлена невестой П. В. Нащокина, впоследствии моего мужа. Привез его к нам в дом мой жених. Своєю наружностью и простыми манерами, в которых, однако, сказывался прирожденный барин, Пушкин сразу расположил меня в свою пользу. Несколько минут разговора с ним было достаточно, чтобы робость и волнение мои исчезли. Пушкин был невысок ростом, шатен, с сильно вьющимися волосами, с голубыми глазами необыкновенной привлекательности. Я видела много его портретов, но должна сознаться, что ни один из них не передал и сотой доли духовной красоты его облика—особенно его удивительных глаз. Это были особые поэтические задушевные глаза, в которых отражалась вся бездна дум и ощущений, переживаемых его душою. Других таких глаз я за всю мою долгую жизнь ни у кого не видала. Говорил он скоро, острил всегда удачно, был необыкновенно подвижен, весел, смеялся заразительно и промко, показывая два ряда ровных зубов, с которыми белизной могли равняться только перлы. На пальцах он отращивал предлинные ногти. В первое свое посещение Пушкин довольно долго присидел у нас и почти все время говорил со мной (одной). Когда он уходил, мой жених, с улыбкой кивая на меня, спросил его:

— Ну что, позволяешь на ней жениться?

— Не позволяю, а приказываю,—ответил Пушкин.

В объяснение я должна сказать следующее: в молодости, будучи холостыми, они жили в Москве на одной квартире и во всех важных вопросах жизни всегда советовались друг с другом. Так, когда Пушкин задумал жениться на Н. Н. Гончаровой, то спросил Нащокина: что он думает о его выборе? Тот посоветовал жениться. Когда несколько лет спустя Нащокину пред-

¹⁾ Это было в ноябре 1833 г.—когда Пушкин, по пути из Болдина в Петербург, останавливался на несколько дней в Москве у Нащокина. Нащокин в то время жил с цыганкою Ольгою Андреевною. Повидимому, в феврале 1834 г. он бежал от нее и тайком обвенчался с Верою Александровною. В течение 1834 года Пушкин не мог видеться с Нащокиным.

стояло сделать то же, он привез своего друга в дом моего отца, чтобы поэт познакомился со мною и высказал свое мнение.

В. А. НАШОКИНА. Воспоминания. *Новое Время*, 1898, № 8115, иллюстр. прилож.

При выезде моем из Москвы, Гаврила мой так был пьян и так меня взбесил, что я велел ему слезть с козел и оставил его на большой дороге в слезах и истерике; но это все на меня не подействовало. Дома нашел я все в порядке. Жена была на бале, я за нею поехал—и увез к себе, как улан уездную барышню с именин Городничихи. Денежные мои обстоятельства без меня запутались, но я их думаю распутать.

ПУШКИН—П. В. Нащокину, 24 ноября 1833 г., из Петербурга.

Возвратившись в Петербург, Пушкин не застал жену дома. Она была на бале у Карамзиных. Ему хотелось видеть ее возможно скорее и своим неожиданным появлением сделать ей сюрприз. Он едет к квартире Карамзиных, отыскивает карету Наталии Николаевны, садится в нее и посылает лакея сказать жене, чтобы она ехала домой по очень важному делу, но наказал отнюдь не сообщать ей, что он в карете. Посланный возвратился и доложил, что Наталья Николаевна приказала сказать, что она танцует мазурку с кн. Вяземским. Пушкин посылает лакея во второй раз сказать, чтобы она ехала домой безотлагательно. Наталья Николаевна вошла в карету и прямо попала в объятия мужа. Поэт об этом факте писал нам и, помню, с восторгом упоминал, как жена его была авантюжна в этот вечер в своем роскошном розовом платье.

В. А. НАШОКИНА. Воспоминания. *Новое Время*, 1898, № 8122.

Однажды вечером, в ноябре 1833 г., я пришел к В. Ф. Одоевскому... Вдруг,—никогда этого не забуду,—входит дама, стройная, как пальма, в платье из черного атласа, доходящем до горла (в это время был придворный траур). Это была жена Пушкина, первая красавица того времени. Такого роста, такой осанки я никогда не видывал! Благородные, античные черты ее лица напоминали мне Евтерпу Луврского Музея. Князь Григорий (Волконский) подошел ко мне, шепнул на ухо: «не годится слишком на нее засматриваться»... Я собрался с духом и сел около Пушкина. К моему удивлению, он заговорил со мною очень ласково: должно быть, был в хорошем расположении духа. Гофмана фантастические сказки в это самое время были переведены на французский язык и сделались известны в Петербурге. Пушкин только и говорил, что про Гофмана. Наш разговор был оживлен и продолжался долго.—«Одоевский пишет тоже фантастические пьесы»,—сказал Пушкин с неподражаемым сарказмом в тоне. Я возразил совершенно невинно:—«К несчастью, мысль его не имеет пола», и Пушкин неожиданно показал мне весь ряд своих прекрасных зубов: такова была его манера улыбаться.

(В. В. ЛЕНЦ). Приключения лифляндца в Петербурге. *Рус. Арх.*, 1878, I, 441—442.

(3 дек. 1833 г.).—Вчера Гоголь читал мне сказку «Как Ив. Ив. поссорился с Ив. Тимоф.» (Никифоровичем),—очень оригинально и очень смешно.

ПУШКИН. *Дневник*.

Пушкин привез с собою из Берлина, по слухам, три новых поэмы. Смирдин, возвратившись при мне от него в свою лавку, с прискорбием жаловался на него: за эти три пьески, в которых де не более трех печатных листов будет, требует Александр Сергеевич 15.000 руб... У этого барона не дурна фантазия! Он же написал какую-то повесть в прозе: или «Медный Всадник» или «Холостой выстрел», не помню хорошенько. Одна из этих пьес прозой, другая—в стихах ¹⁾.

В. Д. КОМОВСКИЙ—А. М. Языкову, 10 декабря 1833 г. *Истор. Вести.*, 1883, т. XIV, стр. 538.

Пушкин привез с собою несколько тысяч новых стихов, в двух или трех маленьких поэмах, и поделился с нами своею странническою котомкою.

Кн. П. А. ВЯЗМСКИЙ—И. И. Дмитриеву, 23 дек. 1833 г., из Петербурга. *Рус. Арх.*, 1868, стр. 635.

Упомяну, что я слышала в 40 году от книгопродавца Смирдина.

— Я пришел к А. С.—чу за рукописью и принес деньги-с: он поставил мне условием, чтобы я всегда платил золотом, т. ч. их супруга, кроме золота, не желала брать других денег в руки. Вот А. С. мне и говорит, когда я вошел в кабинет: «рукопись у меня взяла жена, идите к ней, она хочет сама вас видеть», и повел меня; постучались в дверь; она ответила: «входите». А. С. отворил двери, а сам ушел...—«Я вас для того призвала к себе,—сказала она,—чтобы вам объявить, что вы не получите от меня рукописи, пока не принесете мне сто золотых вместо пятидесяти. Мой муж дешево продал вам свои стихи. В шесть часов принесите деньги, тогда получите рукопись... Прощайте»... Я поклонился, пошел в кабинет к А. С.—чу и застал его сидящим у письменного стола с карандашем в одной руке, которым он проводил черту по листу бумаги, а другой рукой подпирал голову, и они сказали мне: «Что? С женщиной труднее поладить, чем с самим автором? Нечего делать, надо вам ублажить мою жену; ей понадобилось заказать новое бальное платье, где хочешь, подай денег... Я с вами потом сочтусь».

— Что же, принести деньги в шесть часов?—спросил Панаев.

— Как же было не принести такой даме? ²⁾

А. Я. ГОЛОВАЧЕВА - ПАНАЕВА. *Воспоминания*, стр. 247.

Смирдин платил Пушкину по 11 р. за стих и 1.000 заплатил за «Гусара».—Смирдин предлагал 2.000 в год Пушкину, лишь бы писал, что хотел.

П. В. АННЕНКОВ. *Записи. Б. Модзалевский, «Пушкин»*, 340.

¹⁾ В стихах, мы теперь знаем,—«Медный Всадник». Что за повесть в прозе—«Холостой выстрел»? Повидимому, таково было первоначальное название «Пиковой дамы». Она впервые появилась в третьей книжке «Библиотеки для чтения» за 1834 г., вышедшей в свет 1 марта (см. *Синявский и Цявловский, Пушкин в печати*, стр. 128). Кладя месяца два на прохождение повести через цензуру и на печатание, можно с уверенностью думать, что написана она была в 1833 году,—и всего вероятнее в Болдине, откуда Пушкин писал жене: «недавно расписался и уже написал пропасть».

²⁾ По весьма вероятной догадке Н. О. Лернера, дело было со стихотворением П—на «Гусар». См. *Соч. Пушкина*, изд. Брокгауза, VI, 437.

Будучи в Петербурге, я посетил одного литератора и застал у него Пушкина. Поэт читал ему свою балладу «Будрыс и его сыновья». Хозяин чрезвычайно хвалил этот прекрасный перевод. «Я принимаю похвалу вашу, — сказал Пушкин, — за простой комплимент. Я не доволен этими стихами. Тут есть многие недостатки». — Например? — «Например, Полячка *младая*». — Так что ж? — «Это небрежность, надобно было сказать *молодая*, но я поленился переделать три стиха для одного слова». Но хозяин утверждал, что это прекрасно. Пушкин никак с ним не соглашался, и ушел, уверяя, что все подобные отступления от настоящего русского языка «лежат у него на совести».

О. И. СЕНКОВСКИЙ. *Собрание сочинений*, СПб. 1859. Том восьмой, 233.

За эпоху 1833—1834 г.г. встречается довольно много шуточных стихотворений в бумагах кн. Вяземского, между ними и стихотворения, которые Мятлев назвал «*Poésies maternelles*» ¹⁾. Этому шуточному направлению кн. Вяземский и Пушкин с особенно выдающимся рвением предавались в 33—34 годах, как-будто с горя, что им не удалось устроить серьезный орган для пропагандирования своих мыслей.

Кн. П. П. ВЯЗЕМСКИЙ. *Соч.*, 542.

В числе поклонников моей бабушки М. Р. Кикиной были мечтательный кн. Одоевский, адмирал Дюгамель и А. С. Пушкин, к которому не особенно благоволила бабушка за его безосновательную ревность к очаровательной жене Н. Н., принужденной иногда среди фигуры *lancier* покидать бал по капризу мужа (581).

П. А. Кикин с увлечением рассказывал, что, пригласив однажды на *lancier* очаровательную Н. Н. Пушкину, находил удовольствие изводить бросающего на него негодующие взгляды стоявшего неподалеку — ревнивого поэта... Пушкин на этот раз был так благодушно настроен, что не увез жену с вечера (583).

МАРИНА. В дворянском гнезде на Арбате. *Рус. Стар.*, 1909, т. 140.

---

¹⁾ Ср. Вяземского:

И будут нам стихи на матерный манер.

(Пушкин. *Переп.*, акад. изд., III, 119).

XV

В ПРИДВОРНОМ ПЛЕНУ

Служащего в министерстве ин. дел. тит. сов. Александра Пушкина все-милостивейше пожаловали мы в звание камер-юнкера двора нашего.

ВЫСОЧАЙШИЙ УКАЗ Придворной Конторе, от 31 дек. 1833 г. *Гастфрейнд. Документы, 37.*

1 января 1834 г. Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцевала в Анничкове... Меня спрашивали, доволен ли я моим камер-юнкерством? Доволен, потому что государь имел намерение отличить меня, а не сделать смешным—а по мне, хоть в камер-пажи, только б не заставили меня учиться французским вокабулам и арифметике.

ПУШКИН. *Дневник.*

Друзья, Вельгоровский и Жуковский, должны были обливать холодной водою нового камер-юнкера: до того он был взволнован этим пожалованием! Если б не они, он, будучи вне себя, разгоревшись, с пылающим лицом, хотел идти во дворец и наговорить грубостей самому царю. (Пустяки: Пушкин был слишком благовоспитан. *Примеч. Соболевского на полях*). Многие его обвиняли в том, будто он домогался камер-юнкерства. Говоря об этом, он сказал Нащокину, что мог ли он добиваться, когда три года до этого сам Бенкендорф предлагал ему камергера, желая его ближе иметь к себе, но он отказался, заметив: «Вы хотите, чтоб меня так же упрекали, как Вольтера».

П. И. Бартенев со слов П. В. НАЩОКИНА. *Рассказы о Пушкине, 42.*

Император Николай I желал, чтобы Пушкина, блистающая молодостью и красотой, появлялась на придворных вечерах и балах. Однажды, заметив ее отсутствие, он спросил, какая тому причина? Ему сказали, что, так как муж ее не имеет права посещать эти вечера, то понятно, он не пускает и жену свою. И вот, чтобы сделать возможным присутствие Пушкиной вместе с мужем, государь решил дать ему звание камер-юнкера. Некоторые из противников Пушкина распускали слух и даже печатали, что Пушкин интригами и лестью добился этого звания. Но вот что рассказал мне брат его Лев Сергеевич, которого чуть не каждую неделю посещал я в Одессе. «Брат мой,—говорил он,—впервые услышал о своем камер-юнкерстве на балу у гр. А. Ф. Орлова. Это взбесило его до такой степени, что друзья его должны

были отвести его в кабинет графа и там всячески успокаивать. Не нахожу удобным повторить здесь всего того, что говорил, с пеной у рта, разгневанный поэт по поводу его назначения»...

Я. П. ПОЛОНСКИЙ? Кое-что о Пушкине. *Cosmopolis*, 1898, март, стр. 109—200.

Пушкина сделали камер-юнкером: это его взбесило, ибо сие звание точно было неприлично для человека 34 лет, и оно тем более его оскорбило, что иные говорили, будто оно было дано, чтоб иметь повод приглашать ко двору его жену. При этом на сей случай вышел мерзкий пасквиль, в котором говорили о перемене чувств Пушкина, будто он сделался искателем, малодушен, и он, дороживший своею славою, боялся, чтоб сие мнение не было принято публикою и не лишило его народности. Словом, он был огорчен и взбешен и решил не воспользоваться своим мундиром, чтоб ездить ко двору, не шить даже мундира. В этих чувствах он пришел к нам однажды. Жена моя, которую он очень любил и очень уважал, и я стали опровергать его решение, представляя ему, что пожалование в сие звание не может лишить его народности, ибо все знают, что он не искал его; что его нельзя было сделать камергером по причине чина его; что натурально двор желал иметь возможность приглашать его и жену, — к себе, и что государь пожалованием его в сие звание имел в виду только иметь право приглашать его на свои вечера, не изменяя старому церемониалу, установленному при дворе. Долго спорили, убеждали мы Пушкина; наконец полуубедили. Он отнекивался только неимением мундира, и что он слишком дорого стоит, чтоб заказать его. На другой день, узнав от портного о продаже нового мундира князя Витгенштейна, перешедшего в военную службу, и что он совершенно будет в пору Пушкину, я ему послал его, написав, что мундир мною куплен для него, но что представляется его воле взять его или ввергнуть меня в убыток, оставив его на моих руках. Пушкин взял мундир и поехал ко двору.

Н. М. СМЕРНОВ. Из памятных заметок. *Рус. Арх.*, 1882, 1, 239.

Сообщу вам новость: Александр назначен камер-юнкером. Натали в восторге, потому что это открывает ей доступ ко двору; в ожидании этого, она танцует повсюду каждый день.

Н. О. ПУШКИНА (мать поэта)—бар. Е. Н. Вревской, 4 янв. 1834 г., из Петербурга. *Русс. Вестн.*, 1869, стр. 90 (фр.).

Государь сказал княгине Вяземской: «я надеюсь, что Пушкин принял в хорошую сторону свое назначение—до сих пор он держал мне свое слово и я был им доволен» и т. д. и т. д. Великий князь намерен поздравил меня в театре: «покорнейше благодарю, ваше высочество; до сих пор все надо мною смеялись, вы первый меня поздравили».

ПУШКИН. *Дневник*, 7 января 1834 г. (фр.-рус.).

Пушкин крепко боялся дурных шуток над его неожиданным камер-юнкерством, но теперь успокоился, ездит по балам и наслаждается торже-

ственной красотой жены, которая, несмотря на блестящие успехи в свете, часто и преискусно страдает мучением ревности, потому что посредственная красота и посредственный ум других женщин не перестают кружить поэтическую голову ее мужа.

С. Н. КАРАМЗИНА (дочь историка)—И. И. Дмитриеву, 20 января 1834 г. *Письма Карамзина к Дмитриеву*. СПб. 1866, стр. 439 (Датировка письма—см. *Пушкин и его совр—ки*, XXIX—XXX, стр. 33).

Нужно сознаться,—Пушкин не любил камер-юнкерского мундира. Он не любил в нем не придворную службу, а мундир камер-юнкера. Несмотря на мою дружбу к нему, я не буду скрывать, что он был тщеславен и суетен. Ключ камергера был бы отличием, которое бы он оценил, но ему казалось неподходящим, что в его годы, в середине его карьеры, его сделали камер-юнкером на подобие юношей и людей, только что вступающих в общество. Вот вся истина об его предубеждениях против мундира. Это происходило не из оппозиции, не из либерализма, а из тщеславия и личной обидчивости.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—вел. кн. Михаилу Павловичу, 14 февр. 1837 г. *Рус. Арх.*, 1879, I, стр. 390.

(*Январь 1834 г., в Петербурге*). Сидя в Демутовом доме, у Н. Н. Раевского, я изъявил сожаление, что не знал еще лично Пушкина. Он жил неподалеку. Раевский послал его просить и, к живому удовольствию моему, Пушкин пришел. Мы обедали и провели несколько часов втроем. К досаде моей, Пушкин часто обивался на французский язык, а мне нужно было его чистое, поэтическое русское слово. Русской плавной, свободной речи от него я что-то не припомню; он как-будто сам в себя вслушивался. Вообще пылкого, вдохновенного Пушкина уже не было. Какая-то грусть лежала на его лице.

Граф П. X. ГРАББЕ. Из памятных записок. *Рус. Арх.*, 1873, I, 785.

Несмотря на задетое честолюбие (*пожалованием в камер-юнкеры*), Пушкин был постоянно весел и принимал живое участие, по крайней мере, в интимном кружке. Что касается крайней раздражительности Пушкина в сношениях с приятелями, то я, в течение десяти лет, видя его иногда почти каждый день, был свидетелем одной только его неприличной выходки. В 1833 или 1834 году после обеда у моего отца много ораторствовал старый приятель Пушкина Раевский, сколько помнится, Николай, человек во все отцу моему не близкий и редкий гость в Петербурге. Пушкин с заметным нетерпением возражал Раевскому; выведенный как-будто из терпения, чтобы положить конец разговору, Пушкин сказал Раевскому:

— На что Вяземский снисходительный человек, а и он говорит, что ты невыносимо тяжел.

Кн. ПАВЕЛ ВЯЗЕМСКИЙ. *Соч.*, 543.

Александр, к большому удовольствию жены, сделан камер-юнкером. Представление ее ко двору в среду, 17-го числа, увенчалось большим успехом. Участвует на всех балах, только об ней и говорят; на бале у Бобринского император танцевал с нею кадрили, и за ужином сидел возле нее. Говорят, что на балу в Аничковом дворце она была положительно очарова-

тельна. Танцевала много, не будучи, на ее счастье, беременной... Натали всегда прекрасна, элегантна, везде празднуют ее появление. Возвращается с вечеров в четыре или в пять часов утра, обедает в восемь часов вечера; встав из-за стола, переодевается и опять уезжает.

Н. О. ПУШКИНА (мать поэта)—О. С. Павлицевой, 26 янв., 1834 г. *Л. Павлицев, 335 (фр.)*.

(17 янв.)—Бал у графа Бобринского один из самых блистательных. Государь мне о моем камер-юнкерстве не говорил, а я не благодарил его. Говоря о моем Пугачеве, он сказал мне:—«Жаль, что я не знал, что ты о нем пишешь; я бы тебя познакомил с его сестрицей, которая тому три недели умерла в крепости» (с 1774-го года!). Правда, она жила на свободе в предместьи, но далеко от своей донской станицы, на чужой, холодной стороне. Государыня спросила у меня, куда я ездил летом. Узнав, что в Оренбург, осведомилась о Перовском с большим добродушием.

ПУШКИН. *Дневник*.

В прошедший вторник зван я был в Аничков. Приехал в мундире. Мне сказали, что гости во фраках—я уехал, оставя Наталью Николаевну, и, переодевшись, отправился на вечер к С. В. Салтыкову. Государь был недоволен, и несколько раз принимался говорить обо мне: «он мог бы потрудиться переодеться во фрак и воротиться, передайте ему мое неудовольствие».

Барон д'Антес и маркиз де Пина, два шуана—будут приняты в гвардию прямо офицерами. Гвардия ропщет.

В четверг бал у кн. Трубецкого. Государь приехал неожиданно. Был на пол-часа. Сказал жене:—«В прошлый раз муж ваш не приехал из-за ботинок или из-за пуговиц?» (Мундирные пуговицы). Старуха графиня Бобринская извиняла меня тем, что у меня не были они нашиты.

ПУШКИН. *Дневник, 26 января 1834 г. (рус.-фр.)*.

Дантес приехал в Петербург в 1833 г. и обратил на себя презрительное внимание Пушкина. Принятый в кавалергардский полк, он до появления приказа раз'езжал на вечера в черном фраке и серых рейтузах с красной выпушкой, не желая на короткое время заменять изношенные штаны новыми.

Кн. П. П. ВЯЗЕМСКИЙ. *Сочинения, 558*.

Дантес носил на руке перстень с именем Генриха IV (*пятого; внука франц. короля Карла X, свергнутого июльской революцией*) и любил показывать его. Он был сначала так беден, что сидел большею частью дома. Императрица Александра Федоровна, шеф кавалергардов, назначила ему денег из своей шкатулки.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Русс. Арх. 1906, III, 619*.

Удостоился я лицезреть супругу А. Пушкина, о красоте которой молва далеко разнеслась. Как всегда это случается, я нашел, что молва увеличила многое. Самого же поэта я нашел малоизменившимся от супружества, но сильно негодующим на царя за то, что он одел его в мундир, его, написавшего теперь повествование о бунте Пугачева и несколько новых русских сказок. Он говорит, что он возвращается к оппозиции, но это едва ли не слишком поздно; к тому же ее у нас нет, разве только в молодежи.

А. Н. ВУЛЬФ. *Дневник, 19 февр. 1834 г. Л: Майков, 208*.

Вообрази, что жена моя на днях чуть не умерла. Нынешняя зима была ужасно изобильна балами. На масленице танцовали уж два раза в день. Наконец настало последнее воскресенье перед великим постом. Думаю: слава богу! балы с плечь долой! Жена во дворце. Вдруг, огляну—с нею делается дурно—я увожу ее, и она, приехав домой—выкидывает. Теперь она (чтоб не сплзнуть) слава богу здорова и едет на днях в Калужскую деревню к сестрам, которые ужасно страдают от капризов моей тещи. Обстоятельства мои затруднились еще вот по какому случаю: на днях отец мой посылает за мною. Прихожу—нахожу его в слезах, мать в постели—весь дом в ужасном беспокойстве.—«Что такое?»—«Имение описывают».—«Надо скорее заплатить долг».—«Уж долг заплачен. Вот и письмо управителя».—«О чем же горе?»—«Жить нечем до октября».—«Поезжайте в деревню».—«Не с чем».—«Что делать? Надобно взять имение в руки, и отцу назначить содержание. Новые долги, новые хлопоты! А надобно: я желал бы и успокоить старость отца, и устроить дела брата Льва. Вот тебе другие новости: я камер-юнкер с января месяца. Конечно, сделав меня камер-юнкером, государь думал о моем чине, а не о моих летах—и верно не думал уж меня кольнуть».

ПУШКИН—П. В. Нащокину, начало марта 1834 г., из Петербурга.

Моя «Пиковая дама» в большой моде,—игроки понтируют на тройку, семерку и туза. При дворе нашли сходство между старой графиней и кн. Нат. Петр. Голицыной и, кажется, не сердятся.

Гоголь по моему совету начал историю русской критики.

ПУШКИН. *Дневник*, 7 апр. 1834 г.

Представлялся. Ждали царицу часа три. Нас было человек двадцать... Я по списку был последний. Царица подошла ко мне смеясь: «Нет, это курьезно! Я ломала себе голову, что это за Пушкин будет мне представлен. Оказывается, это вы!.. Как поживает ваша жена? Ее тетя с большим нетерпением ждет, когда она поправится,—дочь ее сердца, ее приемная дочь»... и перевернулась. Я ужасно люблю царицу, несмотря на то, что ей уж 35 и даже 36.

ПУШКИН. *Дневник*, 8 апреля 1834 г. (фр.-рус.).

Пушкин очень любил царя и все его семейство. Императрица удивительно как ему нравилась; он благоговел перед нею, даже имел к ней какое-то чувственное влечение.

П. В. НАЩОКИН по записи Бартенева. *Рассказы о Пушкине*, 42.

Пушкин в то время был уже женат, камер-юнкер и много ездил в большой свет и ко двору, сопровождая свою красавицу-жену. Этот образ жизни часто был ему в тягость, и он жаловался друзьям, что это не только не согласуется с его наклонностями и призванием, но ему и не по карману. Часто забегал он к своим родителям, оставался, когда мог, обедать и, как школьник, радовался, что может провести несколько часов в любимом кружке искренних друзей. Тогда он превращался в прежнего Пушкина; лились шутки и остроты, раздавался его заразительный смех, и всякий раз он оставлял после себя долгий след самых приятных, незабвенных воспоминаний.

Однажды после обеда, когда перешли в кабинет, и Пушкин, закурив сигару, погрузился в кресло у камина, матушка начала ходить взад и вперед по комнате. Пушкин долго и молча следил за ее высокою и стройною фигурою и наконец воскликнул: «Ах, Софья Федоровна, как посмотрю я на вас и на ваш рост, так мне все и кажется, что судьба меня, как лавочник, обмерила». А матушка была, действительно, необыкновенного для женщины роста (2 арш. 8½ вершков).

Ф. И. ТИМИРЯЗЕВ. Страницы прошлого. Рус. Арх., I, 313.

А. С.—вич однажды пришел к своему приятелю И. С. Тимирязеву. Слуга сказал ему, что господа ушли гулять, но скоро возвратятся. В зале у Тимирязевых был большой камин, а на столе лежали орехи. Перед возвращением Тимирязевых домой Пушкин взял орехов, залез в камин и, скорчившись обезьяною, стал их щелкать. Он любил такие проказы.

П. И. Бартенев со слов С. Ф. ТИМИРЯЗЕВОЙ. Рус. Арх., II, 355.

Третьего дня возвратился из Царского Села в 5 часов вечера, нашел на своем столе два билета на бал 29 апреля и приглашение явиться на другой день к Литте (*обер-камергер*); я догадался, что он собирается мыть мне голову за то, что я не был у обедни. В самом деле, в тот же вечер узнаю от забежавшего ко мне Жуковского, что государь был недоволен отсутствием многих камергеров и камер-юнкеров, и что он велел нам это объявить. Я извинился письменно. Говорят, что мы будем ходить попарно, как инстинтутки. Вообрази, что мне с моей седой бородкой придется выступать с Безобразовым или Реймарсом—ни за какие благополучия... Поутру сидел я в моем кабинете, читая Гримма, как явился ко мне Соболевский с вопросом, где мы будем обедать? Тут вспомнил я, что я хотел говеть, а между тем уж оскормился. Делать нечего, решились отобедать у Дюме, и покаместь стали приводить в порядок библиотеку, тетка приехала спросить о тебе, и, узнав, что я в халате и оттого к ней не выхожу, сама вошла ко мне. Потом явился я к Дюме, где появление мое произвело общее веселье: холостой, холостой Пушкин! Стали подчивать меня шампанским и пушчем, и спрашивать, не поеду ли я к Софье Астафьевне (*содержательнице великосветского дома терпимости*). Все это меня смутило, так что я к Дюме являться уже более не намерен, и обедаю сегодня дома, заказав Степану ботвинью и *beafsteaks*. Вечер провел я дома, сегодня проснулся в 7 часов.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 17 апреля 1834 г из Петербурга.

Однажды Пушкин шел по Невскому проспекту с Соболевскими. Я шел с ними, восхищаясь обоими. Вдруг за Полицейским мостом заколыхался над коляской высокий султан. Ехал государь. Пушкин и я повернули к краю тротуара, тут остановились и, сняв шляпы, выждали проезда. Смотрим, Соболевский пропал. Он тогда только что вернулся из-за границы и носил бородку и усы цветом ярко-рыжие¹⁾. Заметив государя, он юркнул в какой-то магазин, точно в землю провалился. Это было у Полицейского моста. Мы стоим, озираемся, ищем. Наконец, видим, Соболевский, с шляпой на бекрень, в полуфраке изумрудного цвета, с пальцем, задетым подмышкой за

1) В николаевские времена ношение дворянами бороды преследовалось.

выемку жилета, догоняет нас, горд и величав, чорту не брат. Пушкин рас- смеялся своим звонким, детским смехом и покачал головою:—«Что, брат, борода-то французская, а душонка-то все та же русская?»

Гр. В. А. СОЛОГУБ. Пережитые дни. *Русский Мир*, 1874, № 117.

Я сижу дома, обедаю дома, никого не вижу, а принимаю только Соболевского; третьего дня сыграл я славную штуку со Львом Сергеевичем (*брат Пушкина*). Соболевский, будто ненарочно, зовет его ко мне обедать. Лев Серг. является. Я перед ним извинился, как перед гастрономом, что, не ожидая его, заказал себе только ботвинью да *beafsteaks*. Лев Серг. тому и рад. Садимся за стол, подают славную ботвинью; Лев Серг. хлебает две тарелки, убирает осетрину; наконец требует вина; ему отвечают: нет вина. — Как нет? Александр Сергеевич не приказал на стол подавать. И я объявляю, что с отъезда Натальи Николаевны я на диете—и пью воду. Надобно было видеть отчаяние и сардонический смех Льва Сергеевича, который уж ко мне, вероятно, обедать не явится. Во все время Соболевский подливал себе воду то в стакан, то в рюмку, то в длинный бокал и потчивал Льва Серг., который чинился и отказывался. Вот тебе пример моих невинных упражнений.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 19 апреля 1834 г., из Петербурга.

Соболевский прибавляет, что Лев Сергеевич рассердился. Этого Соболевского Наталья Николаевна не очень жаловала.

П. В. АННЕНКОВ со слов вдовы поэта. Записи. Б. Модзалевский, «Пушкин», стр. 365.

Я репортуюсь больным и боюсь царя встретить. Все эти праздники просижу дома. К наследнику являться с поздравлениями и привестствиями не намерен; царствие его впереди, и мне, вероятно, его не видать. Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз, и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю: от добра добра не ищут. Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфирородным своим теской; с моим теской я не ладил. Не дай бог ему итти по моим следам, писать стихи, да осориться с царями.

Воскресенье.—Нынче великий князь присягал; я не был на церемонии, потому что репортуюсь больным, да и в самом деле не очень здоров.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 20—22 апреля 1834 г., из Петербурга.

У меня голова кругом идет. Не рад жизни, что взял имение; но что же делать? Не для меня, так для детей. Сюда ожидают прусского принца и много других гостей. Надеюсь не быть ни на одном празднике. Одна мне и есть выгода от отсутствия твоего, что не обязан на балах дремать, да жрать мороженое.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной; первая половина мая 1834 г., из Петербурга.

Жизнь моя очень однообразна. Обедаю у Дюме часа в 2, чтоб не встретиться с холостой шайкою. Вечером бываю в клубе.

ПУШКИН—жене, первая пол. мая 1834 г.

Александр очень занят по утрам, потом он идет в (Летний) сад, где прогуливается со своею Эрминией (*Ел. Мих. Хитрово, безнадежно влюбленной в Пушкина; ей в то время было уже за пятьдесят лет*). Такое постоянство молодой особы выдержит всякие испытания, и твой брат очень смешон.

Н. О. ПУШКИНА (мать поэта)—дочери своей О. С. Павлицевой, 9 мая 1834 г. из Петербурга. *Письма Пушкина к Е. М. Хитрово, Лгрд. Изд. Акад. Наук. 1927, стр. 181.*

К. К. Данзас (*лицейский товарищ Пушкина, будущий его секундант*) познакомился с Дантесом в 1834 году, обедая с Пушкиным у Дюме, где за общим столом обедал и Дантес, сидя рядом с Пушкиным. По словам Данзаса, Дантес, при довольно большом росте и приятной наружности, был человек не глупый, и хотя весьма скудно образованный, но имевший какую-то врожденную способность нравиться всем с первого взгляда.

А. Аммосов со слов К. К. ДАНЗАСА. *Последние дни Пушкина. СПб. 1863, стр. 5.*

Кн. П. А. Вяземский, Жуковский, Ал. Ив. Тургенев, сенатор П. И. Полетики часто у нас обедали. Пугачевский бунт, в рукописи, был слушаем после такого обеда. За столом говорили, спорили; кончалось всегда тем, что Пушкин говорил один, и всегда имел последнее слово. Его живость, изворотливость, веселость восхищали Жуковского, который, впрочем, не всегда с ним соглашался. Когда все после кофья уселись слушать чтение, то сказали Тургеневу: «смотри, если ты заснешь, то не храпеть». Александр Иванович, отнекиваясь, уверял, что никогда не спит: и предмет, и автор бунта, конечно, ругаются за его внимание. Не прошло и десяти минут, как наш Тургенев захрапел на всю комнату. Все рассмеялись, он очнулся и начал делать замечания, как ни в чем не бывало. Пушкин ничуть не оскорбился, продолжал чтение, а Тургенев преспокойно проспал до конца.

А. О. СМЕРНОВА. *Воспоминания. Рус. Арх., 1872 II, 1882.*

В один месяц из моих денег я уплатил уже 866 р. за батюшку, а за Льва Сер-ча (*брата*) 1.300; более не могу.

ПУШКИН—Н. И. Павлицеву, 4 мая 1834 г.

Несколько дней тому получил я от Жуковского записочку из Царского Села. Он уведомлял меня, что какое-то письмо мое ходит по городу и что государь об нем ему говорил. Я вообразил, что дело идет о скверных стихах, исполненных отвратительного похабства и которые публика благосклонно приписала мне. Но вышло не то. Московская почта распечатала письмо, писанное мною Наталье Николаевне, и нашел в нем отчет о присяге

великого князя, писанный, видно, слогом не официальным, донесла обо всем полиции. Полиция, не разобрав смысла, представила письмо государю, который споряча также его не понял. К счастью, письмо показано было Жужковскому, который и объяснил его. Все успокоились. Государю не угодно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностью,—но я могу быть подданным, даже рабом,—но холопом и шутком не буду и у царя небесного. Однако, какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене, и приносит их читать к царю (человеку благовоспитанному и честному) и царь не стыдится в том признаться—и давать ход интриге, достойной Видака и Булгарина! что ни говори, мудрено быть самодержавным.

ПУШКИН. *Дневник*, 10 мая 1834 г.

Письмо Пушкина (от 20—22 апр. 1834 г., см. выше) было перехвачено в Москве почт-директором Булгаковым и отправлено в III отделение к графу Бенкендорфу. (Узнав об этом, Пушкин написал жене письмо). Содержание этого письма, приблизительно, состояло в том, что Александр Сергеевич просит свою жену быть осторожною в своих письмах, так как в Москве состоит почт-директором негодяй Булгаков, который не считает грехом ни распечатывать чужие письма, ни торговать собственными дочерьми. Письмо это, как оказалось по справкам, действительно, не дошло по назначению, но и в III отделение переслано не было.

Ф. М. ДЕЛАРИЮ со слов отца своего М. Д. Деларю. *Рус. Стар.*, 1880, т. 29.

Я тебе не писал, потому что был зол—не на тебя, на других. Одно из моих писем попало в полицию, и так далее. Я никого не вижу, нигде не бываю; принялся за работу и пишу по утрам. Без тебя так мне скучно, что поминутно думаю к тебе поехать, хоть на неделю. Дай бог тебя мне увидеть здоровою, детей целых и живых! да плюнуть на Петербург, да подать в отставку, да удрать в Болдино, да жить баринном! Неприятна зависимость; особенно когда лет 20 человек был независим. Это не упрек тебе, а ропот на самого себя.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 18 мая 1834 г., из Петербурга.

Дома сижу до 4-х часов и работаю. В свете не бываю; от фрака отвык; в клобе провожу вечера. Книги из Парижа приехали, и моя библиотека растет и теснится. Хлопоты по имению меня бесят: с твоего позволения, надобно будет, кажется, выдти мне в отставку и со вздохом сложить камер-юнкерский мундир, который так приятно льстил моему честолюбию, и в котором, к сожалению, не успел я пощеголять. Ты молода, но ты уже мать семейства, и я уверен, что тебе не труднее будет исполнить долг доброй матери, как исполняешь ты долг честной и доброй жены. Зависимость и расстройство в хозяйстве ужасны в семействе; и никакие успехи тщеславия не могут вознаградить спокойствия и довольства. Тетка (Наталья Николаевна, *Ек. Ив. Загряжская*) меня все балует—для моего рождения прислала мне корзину с дынями, с земляникой, клубничкой, так что боюсь поносом встретить 36-й год бурной моей жизни. У меня желчь, так извини сердитые письма.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 29 мая 1834 г., из Петербурга.

Я не писал тебе потому, что свинство почты так меня охолодило, что я пера в руки взять был не в силе. Мысль, что кто-нибудь нас с тобой подслушивает, приводит меня в бешенство à la lettre. В прошлое воскресенье представлялся я к вел. княгине. Я поехал к ее высочеству на Кам. Остров в том приятном расположении духа, в котором ты меня привыкла видеть, когда надеваю свой великолепный мундир. Но она так была мила, что я забыл и свою несчастную роль и досаду... Я большею частию дома и в клобе. Веду себя порядочно, только то не хорошо, что расстроил себе желудок и что желчь меня так и волнует. Да от желчи здесь не уберешься.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 3-го июня 1834 г.,
из Петербурга.

У меня решительно сплин. Скучно жить без тебя и не сметь даже писать тебе все, что придет на сердце. Ты говоришь о Болдине. Хорошо бы туда засесть, да мудрено. Об этом успеем еще поговорить. Не сердись, жена, и не толкуй моих жалоб в худую сторону. Никогда не думал я упрекнуть тебя в своей зависимости. Я должен был на тебе жениться, потому что всю жизнь был бы без тебя несчастлив; но я не должен был вступать на службу, и что хуже еще, опутать себя денежными обязательствами. Зависимость жизни семейственной делает человека более нравственным. Зависимость, которую налагаем на себя из честолюбия или из нужды, унижает нас. Теперь они смотрят на меня, как на холопа, с которым можно им поступать, как им угодно. Опала легче презрения. Я, как Ломоносов, не хочу быть шутком ниже у господ бога. Но ты во всем этом не виновата, а виноват я из добродушия, коим я преисполнен до глупости, несмотря на опыты жизни. Денег тебе еще не посылаю. Принужден был снарядить в дорогу своих стариков. Теребят меня без милосердия. Вероятно, послушаюсь тебя и скоро откажусь от управления имения. Пускай они его коверкают, как знают; на их век станет, а мы Сашке и Машке постараемся оставить кусок хлеба. Петербург пуст, все на дачах, а я сижу дома до 4 часов и пишу. Обедаю у Дюме. Вечером в клобе. Вот и весь мой день. Для развлечения вздумал было я в клобе играть, но принужден был остановиться. Игра волнует меня, а желчь не унимается.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 8-го июня 1834 г., из
Петербурга.

Сегодня едут мои (родители) в деревню, и я их еду проводить до кареты. Уж как меня теребили. А делать нечего. Если не взяться за имение, то оно пропадет же даром; Ольга Сергеевна и Лев Сергеевич останутся на подножном корму, а придется взять их мне же на руки, тогда-то заплачусь и заплачусь, а им и горя мало! Меня же будут цыганить. Ох, семья, семья!

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 11-го июня 1834 г.,
из Петербурга.

Здесь меня теребят и бесят без милости. И мои долги, и чужие мне покоя не дают. Имение расстроено, и надобно его поправить, уменьшая расходы, а они обрадовались и на меня насели. То то, то другое.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, вторая половина июня
1834 г., из Петербурга.

У Александра Сергеевича был самый счастливый характер для семейной жизни: ни взысканий, ни капризов. Одним могли рассердить его не на шутку. Он требовал, чтоб никто не входил в его кабинет от часа до трех: это время он проводил за письменным столом, или ходил по комнате, обдумывая свои творения, и встречал далеко не гостеприимно того, кто стучался в его двери. Его кабинет был над моей комнатой, и в часы занятия или уединения Пушкина мне часто слышался его мерный или тревожный шаг. Но раз, к моему удивлению, раздались наверху звуки нестройных и крикливых голосов. Стало быть Пушкин был не один. Однако, я не решился идти к нему и узнать, почему он допустил нарушение привычки, которой так строго держался. Когда все собрались к обеду, я спросил у него, что происходило сегодня в его кабинете.—«Жаль, что ты не пришел,—отвечал Пушкин,— у меня был вантрилок (*чревовещатель*)». Тут он распространился об его выходках. По окончании обеда он сел со мною к столу и, продолжая свой рассказ, открыл машинально Евангелие, лежавшее перед ним, и напал на слова: «Что ты есть имя? Он же рече: легеон: яко беси мнози внидоша в оны». Лицо его приняло незнакомое мне до тех пор выражение; он поднял голову, устремил взор вперед и, после непродолжительного молчания, сказал мне: «принеси скорей ключок бумаги и карандаш». Он принялся писать, останавливаясь, от времени до времени задумываясь и часто вымарывая написанное. Так прошел с небольшим час; стихотворение было окончено. Ал. Серг. пробежал его глазами, потом сказал: «слушай». Слова Евангелия он взял эпиграфом, а стихи относились к вантрилоку. Я пришел в восторг, но попросить стихотворения, чтоб его списать, не посмел, п. ч. Пушкин этого никогда не позволял. Он выдвинул ящик стола, у которого сидел, и бросил в него исписанную бумагу. Вечером, когда семейство разошлось, я вернулся в гостиную с надеждой, что найду стихотворение в столе и перепишу его, но ящик был пуст.

С. Н. ГОНЧАРОВ (брат жены П—на) в передаче
Толычевой. Рус. Арх., 1877, II, 98.

Сейчас послал я к графу Литта извинение в том, что не могу быть на Петергофском празднике по причине болезни. Я крепко думаю об отставке. Должно подумать о судьбе наших детей. Имение отца, как я в том удостоверился, расстроено до невозможности, и только строгой экономией может еще поправиться. Я могу иметь большие суммы, но мы много и проживаем. Умри я сегодня, что с вами будет!.. Петербург ужасно скучен. Меня здесь удерживает одно: типография. Виноват, еще другое: залог имения. Но можно ли будет его заложить? как ты права была в том, что не должно мне было принимать на себя эти хлопоты, за которые никто мне спасибо не скажет, а которые испортили мне столько уж крови, что все пиявки дома нашего ее мне не высосут.—Кстати о доме нашем: надобно тебе сказать, что я с нашим хозяином побранился, и вот почему. На-днях возвращаюсь ночью домой—двери заперты. Стучу, стучу; звоню, звоню. Насилу добудился дворника. А я ему уже несколько раз говорил, прежде моего приезда не запирайте. Рассердясь на него дал я ему отеческое наказание. На другой день узнаю, что Оливье на своем дворе декламировал противу меня и велел дворнику меня не слушаться и двери запираить с 10 часов, чтоб воры не украли лестницы. Я тотчас велел прибить к дверям объявление, писанное рукою Сергея Николаевича, о сдаче квартиры, а к Оливье написал письмо, на которое дурак до сих пор не отвечал. Война же с дворником не прекращается, и вчера еще я с ним повозился. Мне его жаль, но делать нечего: я упрям и хочу переспорить весь дом—включая тут и пиявок. Я перед тобой кругом виноват в отношении денежном. Были деньги—ч проиграл их. Но что де-

дать? я так был желчен, что надобно было развлечься чем-нибудь. Все тот (царь) виноват; но бог с ним; отпустил бы лишь меня во-своихи.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, вторая половина июня
1834 г., из Петербурга.

В виду того, что семейные обстоятельства требуют моего присутствия то в Москве, то в провинции, я вынужден выйти в отставку и умоляю ваше превосходительство получить для меня разрешение на это. Как последней милости, я просил бы, чтобы я не был лишен всемилостивейше данного мне права посещать архивы.

ПУШКИН—графу А. Х. Бенкендорфу, 25 июня
1834 г. (фр.).

Милостивый Государь Александр Сергеевич. Письмо ваше ко мне от 25-го сего июня было мною представлено государю императору в подлиннике и его императорское величество, не желая никого удерживать против воли, повелел мне сообщить г. вице-канцлеру об удовлетворении вашей просьбы, что и будет мною исполнено.

Затем на просьбу вашу о предоставлении вам и в отставке права посещать государственные архивы для извлечения справок государь император не изъявил своего соизволения, так как право сие может принадлежать единственно людям, пользующимся особенно доверенностью начальства.

Граф А. Х. БЕНКЕНДОРФ—Пушкину, 30 июня
1834 г., из Петергофа. Переп. Пушкина, III, 140.

Каждое 1-е июля весь Петербург устремлялся в Петергоф, большой сад которого очаровательно иллюминировали в честь императрицы, и весь двор длинной вереницей линейек совершал процессию среди этого моря огней. На одном из этих диванов на колесах я увидел Пушкина, смотревшего угрюмо. Он только что получил звание камер-юнкера. Кроме членов двора никто не имел права на место в линейках. Может быть, ему не нравилось это ¹⁾.

(В. В. ЛЕНЦ). Приключения лифляндца в Петербурге. Рус. Арх. 1878, I, 451..

Государь говорил со мной о тебе. Если бы я знал наперед, что побудило тебя взять отставку, я бы ему объяснил все, но так как я и сам не понимаю, что могло тебя заставить сделать глупость, то мне и ему нечего было отвечать. Я только спросил: «Нельзя ли как это поправить?»—«Почему ж нельзя?»—отвечал он.—Я никогда не удерживаю никого и дам ему отставку. Но в таком случае все между нами кончено. Он может, однако, еще возвратить письмо свое». Это меня истинно трогает. А ты делай, как

¹⁾ Ленц эту встречу относит к 1834 году. Хронологию он иногда путает, и возможно, что на Петергофском празднике он видел Пушкина не в этом году: как мы выше читали, Пушкин послал обер-камергеру гр. Литта извинение, что, по болезни, не может быть на празднике. Возможно, однако, и другое: смущенный неожиданными результатами своего прошения об отставке, Пушкин не решился при таком положении дел манкировать служебными обязанностями и явился на праздник. И уж, конечно, смотрел не весело.

разумеешь. Я бы на твоём месте ни минуты не усумнился, как поступить. Слешу только уведомить о случившемся.

ЖУКОВСКИЙ—Пушкину, 2-го июля 1834 г., из Царского Села. *Переп. Пушкина*, III, 142.

Несколько дней назад я имел честь обратиться к вашему превосходительству с просьбою об отставке. В виду неприличия этого шага я умоляю вас, граф, не давать моей просьбе хода. Я предпочитаю казаться непоследовательным, чем неблагодарным. Однако отпуск на несколько месяцев был бы для меня необходимым.

ПУШКИН—графу А. Х. Бенкендорфу, 3 июля 1834 г. (*фр.*).

Ты человек глупый, теперь я в этом совершенно уверен. Не только глупый, но и поведения непристойного: как мог ты, приступая к тому, что ты так искусно состряпал, не сказать мне о том ни слова, ни мне, ни Вяземскому—не понимаю! Глупость досадная, эгоистическая, неизглаженная глупость! Вот что бы я теперь на твоём месте сделал (ибо слова государя крепко бы расшевелили и повернули мое сердце): я написал бы к нему прямо, со всем прямотою, какое у меня только есть, письмо, в котором бы обвинил себя за сделанную глупость, потом так же бы прямо объяснил то, что могло заставить меня сделать эту глупость; и все это сказал бы с тем чувством благодарности, которое государь вполне заслуживает. Напиши немедленно письмо и отдай графу Бенкендорфу. Я никак не воображал, чтобы была еще возможность поправить то, что ты так безрассудно сообразовал напакостить. Если не воспользуешься этой возможностью, то будешь то щетинистое животное, которое питается желудями и своим хрюканьем оскорбляет слух всякого благовоспитанного человека; без галиматии, поступишь дурно и глупо, повредишь себе на целую жизнь и заслужишь свое и друзей своих неодобрение, по крайней мере, мое.

ЖУКОВСКИЙ—Пушкину, 3-го июля 1834 г., из Царского Села. *Переписка Пушкина*, III, 145.

Получив первое письмо твое, я тотчас написал графу Бенкендорфу, прося его остановить мою отставку. Но вслед за тем получил официальное извещение о том, что отставку я получу, но что вход в архивы будет мне запрещен. Это огорчило меня во всех отношениях. Подал я в отставку в минуту хандры и досады на всех и на все. Домашние обстоятельства мои затруднительны, положение мое невесело, перемена жизни почти необходима. Изяснить это все гр. Бенкендорфу мне не достало духа—от этого и письмо мое должно было показаться сухо, а оно просто глупо. Впрочем, я уж верно не имел намерения произвести, что вышло. Писать письмо прямо к государю, ей-богу, не смею, особенно теперь. Оправдания мои будут похожи на просьбы, а он уж и так много сделал для меня. Что ж мне делать? Буду еще писать к гр. Бенкендорфу.

ПУШКИН—В. А. Жуковскому, 4-го июля 1834 г., из Петербурга.

Крайне огорчен я, что необдуманное прошение мое, вынужденное от меня неприятными обстоятельствами и досадными мелочными хлопотами,

могло показаться безумной неблагодарностью и супротивлением воле того, кто донныне был более моим благодетелем, нежели государем. Буду ждать решения участи моей, но во всяком случае ничто не изменит чувства глубокой преданности моей к царю и сыновней благодарности за прежние его милости.

ПУШКИН—гр. А. Х. Бенкендорфу, 4-го июля 1834 г., из Петербурга.

Я право не понимаю, что с тобою сделалось: ты точно поглупел; надобно тебе или пожить в желтом доме или велеть себя хорошенько высечь, чтобы привести кровь в движение. Бенкендорф прислал мне твои письма, первое и последнее. В первом есть кое-что живое, но его нельзя употребить в дело, ибо в нем не пишешь ничего о том, хочешь ли оставаться в службе или нет; последнее, в коем просишь, чтобы все осталось по старому, так сухо, что оно может показаться государю новою неприличностью. Разве ты разучился писать? Разве считаешь ниже себя выразить какое-нибудь чувство к государю? Зачем ты мудришь? Действуй просто. Государь огорчен твоим поступком; он считает его с твоей стороны неблагодарностью. Он тебя до сих пор любил и искренно хотел тебе добра. По всему видно, что ему больно тебя оттолкнуть от себя. Что же тут думать? Напиши то, что скажет сердце. А тут право есть о чем ему поразговориться. Я стою на том, что ты должен написать прямо государю и послать свое письмо через гр. Бенкендорфа. Это одну может поправить испорченное. Оба последние письма твои теперь у меня; несу их через несколько минут к Бенкендорфу, но буду просить его погодить их показывать.

В. А. ЖУКОВСКИЙ—Пушкину, 6 июля 1834 г., из Царского Села. *Переписка Пушкина*, III, 147.

Я право сам не понимаю, что со мною делается. Итти в отставку, когда того требуют обстоятельства, будущая судьба всего моего семейства, собственное мое спокойствие—какое тут преступление, какая неблагодарность? Но государь может видеть в этом что-то похожее на то, чего понять все-таки не могу. В таком случае я не подаю в отставку, и прошу оставить меня в службе. Теперь, отчего письма мои сухи? Да зачем же быть им сопливыми? В глубине сердца моего я чувствую себя правым перед государем; гнев его меня огорчает, но чем хуже положение мое, тем язык мой становится связаннее и холоднее. Что мне делать? просить прощения? хорошо; да в чем? К Бенкендорфу я явлюсь и объясню ему, что у меня на сердце, но не знаю, почему письма мои неприличны. Попробую написать третье.

ПУШКИН—Жуковскому, 6-го июля 1834 года, из Петербурга.

Граф, позвольте мне говорить с вами совершенно чистосердечно. Прося об отставке, я думал только о своих семейных делах, затруднительных и тяжких. Я имел в виду только неудобство, истекающее из связанности со службой в то время, когда я принужден много путешествовать. Клянусь богом и душою моею, это было моею единственною мыслью; с глубокою болью вижу я, как жестоко она перетолкована. Император осыпал меня милостями с первой минуты, как его царственная мысль направилась на меня. Есть среди них такие, о которых я не могу думать без глубокого волнения: столько он вложил в них прямодушия и благородства. Он всегда был для меня провидением, и если в течение этих восьми лет мне случалось

роптать, никогда, клянусь, чувство горести не примешивалось к чувствам, которые я к нему испытывал. И в настоящую минуту меня наполняет болью не мысль потерять всемогущего покровителя, а мысль, что я могу оставить в его душе впечатление, которого, к счастью, я не заслужил. Я повторяю, граф, мою низжайшую просьбу не давать хода прошению, которое я подал так легкомысленно.

ПУШКИН—гр. А. Х. Бенкендорфу, 6 июля 1834 г.
(фр.).

Был я у Фикельмон. Надо тебе знать, что с твоего отъезда я кроме как в клубе нигде не бываю. Вот вчерась, как я вошел в освещенную залу с нарядными дамами, то и смутился, как немецкий профессор: насилу хозяйку нашел, насилу слово вымолвил. Потом, осмотревшись, увидел я, что народу не так-то много, и что бал это запросто, а не раут. Вот, наелся я мороженого и приехал себе домой — в час... Тетка заезжала вчера ко мне и беседовала со мною в карете; я ей жаловался на свое жительство; а она меня утешала. На-днях я чуть беды не сделал: с тем (*царем*) чуть было не побранился — и тухнул-то я, да и грустно стало. С этим поссорюсь — другого не наживу. А долго на него сердиться не умею, хотя и он не прав.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 11-го июля 1834 г.,
из Петербурга.

Письмо Пушкина ко мне и другое от него же к Жуковскому. Так как он сознается в том, что просто сделал глупость, то я предполагаю, что вашему величеству благоугодно будет смотреть на его первое письмо, как будто его вовсе не было. Перед нами мерило человека: лучше, чтобы он был на службе, нежели предоставлен самому себе.

Гр. А. Х. БЕНКЕНДОРФ—императору Николаю I.
Старина и Новизна, VI. СПб. 1903, стр. 10.

Я ему прощаю, но позовите его, чтобы еще раз объяснить ему всю бессмысленность его поведения, и чем все это может кончиться; то, что может быть простибельно 20-летнему безумцу, не может применяться к человеку 35-ти лет, мужу и отцу семейства.

Имп. НИКОЛАЙ I—гр. А. Х. Бенкендорфу. *Старина и Новизна*, VII, стр. 10.

Я сплю и вижу, чтоб к тебе приехать; да кабы мог остаться в одной из ваших деревень под Москвою, так бы богу свечку поставил; рад бы в рай, да грехи не пускают. Дай сделаю деньги, не для себя, для тебя. Я деньги мало люблю, но уважаю в них единственный способ благопристойной независимости. Надобно тебе поговорить о моем горе. На-днях хандра меня взяла, подал я в отставку, но получил от Жуковского такой нагоняй, а от Бенкендорфа такой сухой абшид, что я встряхнул, и Христом и богом прошу, чтобы мне отставку не давали. А ты и рада, не так?.. Хорошо, коли проживу я лет еще 25; а коли свернусь прежде? Ну, делать нечего. Бог велик; главное то, что я не хочу, чтобы могли меня подозревать в неблагодарности. Это хуже либерализма.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, первая половина
июля 1834 г., из Петербурга.

Если ты в самом деле вздумала сестер своих сюда привезти, то у Оливье оставаться нам невозможно: места нет. Но обеих ли ты сестер к себе берешь? Эй, женка! смотри... Мое мнение: семья должна быть *одна под одной кровлей*: муж, жена, дети, покамест малы, родители, когда уже престарелы; а то хлопот не оберешься, и семейственного спокойствия не будет.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 14 июля 1834 г., из Петербурга.

Прошедший месяц был бурен. Чуть было не поссорился я со двором — но все перемололось. — Однако это мне не пройдет.

ПУШКИН. *Дневник*, 22 июля 1834 г.

Я беру этаж, занимаемый теперь Вяземскими. Княгиня едет в чужие края, дочь ее больна не на шутку: бояться чахотки... Какие же вы помощницы или работницы? Вы работаете только ножками на балах и помогаете мужьям мотать. И за то спасибо. Пожалуйста, не сердись на меня за то, что медлю к тебе явиться. Право, душа просит, да мощна не велит. Я работаю до низложения риз. Держу корректуру двух томов вдруг, пишу примечания, закладываю деревни, — Льва Сергеевича выпроваживаю в Грузию... В свете я не бываю. Смирнова велела мне сказать, что она меня выпишет в разряд иностранцев, которых велено не принимать.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, конец июля 1834 г., из Петербурга.

Я очень занят. Работаю целое утро, до 4 часов, никого к себе не пускаю, потом обедаю у Дюме, потом играю на бильярде в клубе; возвращаюсь домой рано. С кн. Вяземским я уже условился. Беру его квартиру. К 10 августу припасу ему 2.500 рублей — и велю перетаскивать пожитки: а сам поскачу к тебе.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, конец июля 1834 г., из Петербурга.

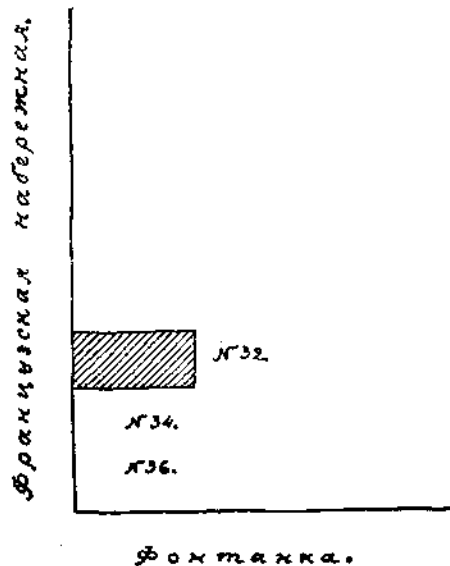

Рис. 7.

Благодарю тебя за то, что ты богу молишься на коленях посреди комнаты. Я мало богу молюсь и надеюсь, что твоя чистая молитва лучше моих как для меня, так и для нас.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 3 августа 1834 г., из Петербурга.

Предпоследняя квартира Пушкина была на нынешней Французской набережной, в то время она звалась Дворцовой, в доме Баташева, третий дом от угла Фонтанки, в настоящее время это дом г. Скалон № 32 (рис. 7).

П. ЗЭТ (П. Н. СТОЛПЯНСКИЙ). Квартиры Пушкина. *Новое Время*, 1912, № 12889.

Дом гг. Баташевых — третий по Гагаринской Набережной, идя от Прачешного моста, между домом княжны Гагаринной и Ф. К. Опочинина. Сколько нам известно, Пушкин жил там в нижнем этаже.

Бар. Ф. А. БЮЛЕР. Рус. Арх., 1872, 201.

Выехал из Петербурга за пять дней до открытия Александровской Колонны (открыта 30 авг. 1834 г.), чтоб не присутствовать при церемонии вместе с камер-юнкерами — моими товарищами — был в Москве несколько часов — видел А. Раевского, которого нашел поглупевшим от ревматизмов в голове. — Может быть это пройдет. — Отправился потом в Калугу на перекладных, без человека. В Тарутине пьяные ямщики чуть меня не убили. Но я поставил на своем. — Какие мы разбойники? — говорили мне они. — Нам дана вольность, и поставлен столп нам в честь... В Заводе (Полотняный Завод, имение Гончаровых) прожил я две недели.

ПУШКИН. Дневник, 28 ноября 1834 г.

(Полотняный Завод, имение Гончаровых в Медынском уезде Калужской губ., где жила Пушкин после своей женитьбы). Тут когда-то был полотняный завод, которого ныне нет и следов. Обширное торговое и промышленное село, торговую свою деятельность и базарами оно издавна служит значительным торговым центром на довольно большом районе. Здесь — писчебумажная фабрика Гончаровых. Местоположение Полотняного Завода — прелестное. Помещичья усадьба с великолепным старинным господским домом на самом берегу реки. Не так далеко от него стоит на берегу реки деревянный флигель, срывающийся до сих пор в народе под названием дома Пушкина. В нем поэт постоянно жила после своего брака, приезжая гостить к Гончаровым. Внутренние стены этого строения, имеющего вид маленького помещичьего дома, были исписаны Пушкиным; теперь от этого не осталось никакого следа. Подле этого дома была прежде пристройка, нарочно сделанная для Пушкина; когда семейство его разрослось, в ней жили его дети.

В. П. БЕЗОБРАЗОВ—Я. К. Гроту, 17 мая 1880 г.,
Я. Грот, 175—180.

Площадь усадьбы Полотняного Завода теперь сократилась; громадный Красный сад вместе с парком, окаймлявший пруды перед фабрикой, частью совершенно уничтожен и уступил место торгу, где в настоящую минуту расположена ярмарка, частью, в нижней своей части, у прудов, превратился в пустырь. А между тем с Красным домом, уцелевшим и поныне лишь в меньшей своей пристройке, — теперешнем театре, — и связаны главным образом воспоминания о Пушкине; по преданию, он там останавливался. Этот Красный дом представлял собою довольно большое деревянное здание, включавшее в себе 14 комнат; внизу они были большие и просторные, наверху более мелкие и низкие. — Со стороны теперешней площади, — раньше сада, — был под'езд со ступенями и двумя висящими фонарями. Просторными крытыми сенями дом соединялся с пристройкой, теперешним зрительным залом. Посреди обширного зала стоял круглый стол и висели великолепные золоченые люстры, с золотыми снопами колосьев наверху. Тут, по рассказам, любил вечерами сидеть с гостями Афанасий Николаевич (дед Н. Н. Пушкиной); Красный дом служил его излюбленным местом пребывания. Около дома на теперешней площади торгова были аллеи старых

берез, а в углу у ограды была расположена остроконечная горка с дорожкой винтом, обсаженная акациями, так наз. «улитка», тип, донные сохранившийся в некоторых подмосковных имениях. Старожилы описывают этот сад, как какой-то земной рай, написанный ароматами многочисленных цветов, с гладкими, усыпанными песком дорожками, развесистыми деревьями и кустами сирени. Красный дом расположен был на обрыве и фасадом обращен к прудам; от самых сеней вели вниз широкие каменные ступени. По обрыву росли ели, подспригавшиеся причудливыми фигурами. Пруды в виде буквы П были обсажены ивами, а посередине оставляли род полуострова; тут были разбиты радиально расходящиеся дорожки и посередине — куртины с плодовыми деревьями. Тут же была устроена большая беседка, и другие были по углам ограды вокруг прудов. Дом был окрашен в красный цвет, что и дало повод названию его, а пристройка снаружи была украшена белыми столбами наподобие колонн, пустыми внутри и обитыми отштукатуренным парусом. — Обширный парк поддерживался в строгом порядке. В прежние дни здесь пребывало еще небольшое стадо оленей; и долго после липы еще тщательно подстригались, дорожки ежедневно усыпались красным песком, а сверху зеленой луговины, сбегавшей к реке, высилась беседка. По рассказам стариков, собранным Д. Д. Гончаровым, она была довольно обширная и представляла собою две осьмиугольные башни, диаметром около шести аршин; они соединялись крытым переходом со столбами, поддерживавшими кровлю и расположенными полукругом ступенями. Таким образом выходило подобие террасы и две комнаты с обеих сторон, уставленные по стенам низенькими турецкими диванами. Башенки были островерхие и заканчивались шпилем с шариками; они освещались длинными, сверху полукруглыми окнами. Эта «Пушкинская» беседка была окрашена в темно-красный цвет так же, как и Красный дом. По преданию, на стенах долго сохранялись стихотворения, написанные рукою Пушкина. — Большой дом в общих чертах сохранился нетронутым; небольшие исправления в нем были сделаны Дм. Н. Гончаровым в 40-х гг. Во время Пушкина еще был двухсветный концертный зал, где в конце XVIII в. так много бывало концертов, балов и увеселений (30—32).

Первая поездка Пушкина на Полотняный Завод должна быть отнесена к концу мая 1830 г., останавливался он, вероятно, в Красном доме. О вторичном пребывании его на Полотняном Заводе (поздно осенью 1834 г.) известно также весьма мало. Есть предположение, что он тогда останавливался в Большом доме. На это указывает рассказ, что его видели однажды несущим ворох книг из Красного в Большой дом; в Красном тогда помещалась библиотека. Подтверждением тому, что он занимался в кабинете Большого дома, приводили и следующий рассказ (по записи Д. Д. Гончарова). Однажды Пушкин работал в кабинете; повидимому, он был всецело поглощен своей работой, как вдруг резкий стук в соседней столовой заставил его вскочить. Насильственно оторванный от интересной работы, он выбежал в столовую, сильно рассерженный. Там он увидел виновника шума, маленького казачка, который рассыпал ножи, накрывая на стол. Вероятно, вид взбешенного Пушкина испугал мальчика, и он, спасаясь от него, юркнул под стол. Это так рассмешило Пушкина, что он громко расхохотался и тотчас спокойно вернулся к своей работе. Еще недавно один из оставшихся стариков, бывший крепостной, художник Макаров, говорил так: «еще бы не знать Пушкина, бывало, сидят они на балконе, в Красном, а мы детьми около бегаем. Черный такой был, конопатый, страшный из себя». — В те дни сложилось предание, что Пушкин ведался с нечистою силою, оттого и писал он так хорошо, а писал он когтем.

А. В. СРЕДИН. Пушкин и Полотняный Завод.
Известия Калужской Уч. Архивной Комиссии.
Вып. XXI, Калуга, 1911.

Поздравляю вас со днем 26 августа (*день ангела Наталии*); и сердечно благодарю вас за 27-е (*день рождения жены Пушкина*). Жена моя прелесть, и чем доле я с ней живу, тем более люблю это милое, чистое, доброе создание, которого я ничем не заслужил перед богом.

ПУШКИН—теще, Н. И. Гончаровой, в конце августа 1834 г., из Полотняного Завода.

После смерти Дельвига мать его с детьми осталась в очень бедном положении. Пушкин вынужден был продолжать издание «Северных Цветов» в их пользу, о чем и было заявлено. «Северные Цветы» были изданы только один раз на 1832 г. и сколько очистилось от их издания, я никогда не мог узнать. Без сомнения, не было недостатка в желании помочь семье Дельвига, но причину неисполнения обещания поймет всякий, кто знал малую последовательность Пушкина во многом из того, что он предпринимал вне его гениального творчества. В 1834 г., когда Пушкин приехал на время в Москву, он встретил меня в партере Малого театра, где давался тогда французский спектакль, и дружески меня обнял, что произвело сильное впечатление на всю публику, бывшую в театре, с жадностью наблюдавшую за каждым движением Пушкина. Из театра мы вместе поехали ужинать в гостиницу Коппа, где теперь помещается гостиница «Дрезден». Пушкин в разговорах со мною скорбел о том, что не исполнил обещания, данного матери Дельвига, уверял при том, что у него много уже собрано для альманаха на следующий новый год, что он его издаст в пользу матери Дельвига, о чем просил ей написать, но ничего из обещанного Пушкиным исполнено не было.

Бар. А. И. ДЕЛЬВИГ. *Мои воспоминания*, т. I, стр. 56.

У Пушкина были простые манеры, в которых, однако, сказывался врожденный барин... Он был невысок ростом, шатен, с сильно вьющимися волосами, с голубыми глазами необыкновенной привлекательности. Ни один из его портретов не передал и сотой доли духовной красоты его облика,— особенно его удивительных глаз. Говорил он скоро, был необыкновенно подвижен, весел, смеялся заразительно и громко, показывая два ряда ровных зубов, с которыми белизной могли равняться только перлы. На пальцах он отращивал предлинные ногти.

В. А. НАШОКИНА. *Воспоминания. Новое Время*, 1898, № 8115.

Я приехал третьего дня, в четверг, поутру,—вот как тихо ездят по губернским трактам—а я еще платил почти везде двойные прогоны. В деревне встретил меня первый снег, и теперь двор перед моим окошком белешенек; однако я еще писать не принимался. Я рад, что добрался до Болдина; кажется, менее будет мне хлопот, чем я ожидал. Написать что-нибудь мне бы очень хотелось; не знаю, придет ли вдохновение. Мне здесь хорошо, да скучно, а когда мне скучно, меня так и тянет к тебе, как ты жмешься ко мне, когда тебе страшно.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 15 сент. 1834 г., из села Болдина.

Скучно. И стихи в голову нейдут, и роман не переписываю. Читаю Вальтер-Скотта и библию, а все об вас думаю. Много вещей, о которых бес-

покоюсь. Видно нынешнюю осень мне долго в Болдине не прожить. Дела мои кой-как уладил. Погожу еще немножко, не распишусь ли; коли нет — так с богом и в путь. В Москве останусь дня три, у Нат. Ив. (в Яропольце) сутки — и приеду к тебе. Да и в самом деле: неужто близ тебя не распишусь? Пустое.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, конец сент. 1834 г., из села Болдина.

А. М. Языков заехал в Болдино 26 сентября, всего на несколько часов, и звал Пушкина в Языково, на свою свадьбу. Поэт, при всем желании, не мог однако исполнить его просьбы, ссылаясь на то, что у него жена и дети. «Он мне показывал,—пишет Языков,—историю Пугачева, несколько сказок в стихах, в роде Ершова, и историю рода Пушкиных».

Д. Н. САДОВНИКОВ. *Ист. Вести.*, 1883, т. XIV, стр. 593.

Пушкин выезжал из Болдина в тяжелой карете, на тройке лошадей. Его провожала дворня и духовенство, которым предлагалось угощение в доме. В последний отъезд из Болдина имел место такой случай. Когда лошади спустились с горы и вбежали на мост, перекинутый через речку,—ветхий мост не выдержал тяжести и опрокинулся, но Пушкин отделался благополучно. Сейчас же он вернулся пешком домой, где еще застал за веселой беседой и закуской провожавших его, и попросил причт отслужить благодарственный молебен.

КИРИЛЛ СЕМ. РАЕВСКИЙ, болдинский диакон; со слов его сына Ф. К. Раевского записал А. И. Звездин. *О болдинском имении Пушкина*. Н.-Новг. 1912, стр. 24.

Некоторые болдинские старожилы уверяют, что Пушкин приезжал в Болдино весною и ходил в рощу слушать, «о чем птицы поют».

А. И. ЗВЕЗДИН. *О Болдинском имении Пушкина*.

18 октября — возвращение Пушкина в Петербург.

Н. О. ЛЕРНЕР. *Труды и дни Пушкина*, 2 изд., стр. 320.

О профессорстве Гоголя были слышны спорные мнения, и как бы для того, чтобы их проверить, В. А. Жуковский и А. С. Пушкин решили неожиданно побывать на его лекции. Зная день и час, они оба вместе пришли прослушать лекцию Гоголя. Что их посещение было совершенно неожиданно для нашего профессора, ясно выразилось в том, что обоим знаменитым посетителям пришлось вместе с нами, студентами, прождать с полчаса времени: лекции в то время продолжались по уставу полтора часа; Гоголь находил это время слишком долгим, утомительным и только на своей первой лекции проговорил во все положенное время; потом он сокращал продолжительность своих лекций, и для того, чтобы не прерывать их слишком рано, он обыкновенно опаздывал приходить на полчаса, иногда и на три четверти часа. Таким образом Жуковский и Пушкин провели несколько времени в

беседе со студентами, ожидавшими своего профессора, который тогда произнес одну из лучших своих лекций, художественно охарактеризовав норманских витязей, завоевателей Сицилии, заселителей Исландии, грозных на морях и Черном, и Каспийском, на берегах и Франции, и Англии.

С. И. БАРАНОВСКИЙ—Я. К. Гроту. *Русс, Арх.*, 1906, II, 276.

Однажды,—это было в октябре,—ходим мы (студенты) по сборной зале и ждем Гоголя. Вдруг входит Пушкин и Жуковский. От швейцара, конечно, они уж знали, что Гоголь еще не приехал, и потому, обратясь к нам, спросили только: «в которой аудитории будет читать Гоголь?» Мы указали на аудиторию. Пушкин и Жуковский заглянули в нее, но не вошли, а остались в сборной зале. Через четверть часа приехал Гоголь, и мы вслед за тремя поэтами вошли в аудиторию и сели по местам. Гоголь вошел на кафедру и вдруг, как говорится, ни с того, ни с сего, начал читать взгляд на историю аравитян. Лекция была блестящая. Она вся из слова в слово напечатана в «Арабесках» («Аль-Мамун»). Видно, что Гоголь знал заранее о намерении поэтов приехать на его лекцию, и потому приготавливался угостить их публично. После лекции Пушкин заговорил о чем-то с Гоголем, но я слышал одно только: «увлекательно!»

Н. И. ИВАНИЦКИЙ. *Отечеств. Записки*, 1853, № 2, Смесь, стр. 120.

Слухи, постоянно распространяемые насчет Александра, очень меня печалят. Знаешь ли ты, что, когда Натали выкинула, говорили, будто это—от побоев, которые он ей нанес? В конце концов, мало ли молодых женщин уезжает проведать своих родителей, провести два или три месяца в деревне! Никто в этом не видит ничего особенного. Но Александру все ставится в счет...

Александр нам совсем не пишет. Я не знаю, где он, что он делает. Это молчание непростительно ни в каком отношении. Я в некотором роде завишу от него, а он меня больше двух месяцев держит в полном неведении насчет моей судьбы.

С. Л. ПУШКИН (отец поэта)—О. С. Павлицевой. 29 окт. 1834 г., из Михайловского. *П—н и его совр—ки*, XIV, 17 (фр.).

Наконец, мы имеем новости от Александра. Натали опять беременна, ее сестры живут с нею и нанимают очень хороший дом пополам с ними. Он говорит, что это ему удобно в смысле расходов, но немножко стесняет его, потому что он не любит нарушать своих привычек хозяина дома.

Н. О. ПУШКИНА (мать поэта)—О. С. Павлицевой. 7 ноября 1834 г. из с. Михайловского. *П—н и его совр—ки*, XIX, 21 (фр.).

В последнее время Наталия Ив. Гончарова (теща Пушкина) поселилась у себя в Яропольце и стала очень несносна; просто напросто пила. По лечебнику пила. «Зачем ты берешь этих барышен?»—спросил у Пушкина Соболевский.—«Она целый день пьет и со всеми лакеями (.....)».

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рассказы о П—не*, 64.

Подозрительность и суровость Наталии Ивановны все росли с годами... Всякий был бы в праве осуждать ее, что она хоронит лучшие годы дочерей в деревенской глуши Яропольца, и этих соображений было достаточно, чтобы вымещать на неповинных девушках накопившую горечь: якорем спасения всем являлась Наталия Николаевна... Пушкин согласился выручить сестриц из тяжелого положения, приняв их обеих под свой кров. Вероятно, этому решению много способствовало побуждение прекратить одиночество, вытравившее на долгие годы и в первое время тоскливо переносимое ею.

А. П. АРАПОВА. *Новое Время*, 1907. № 11413. стр. 5.

Около этого времени (1834 г.) Пушкин узнал, что какой-то молодой человек (Э. И. Губер) переводил Фауста, но сюжет свой перевод, неудачный. Пушкин, как известно, встречал радостно всякое молодое дарование, всякую попытку, от которой литература могла ожидать пользы. Он отыскал квартиру Губера, не застал его дома, и можно себе представить, как был удивлен Губер, возвратившись домой и узнав о посещении Пушкина. Губер отправился сейчас к нему, встретил самый радушный прием и стал посещать часто Пушкина, который уговорил его опять приняться за Фауста, читал его перевод и делал на него замечания. Пушкин так нетерпеливо желал окончания этого труда, что объявил Губеру, что не иначе будет принимать его, как если он каждый раз будет приносить с собой хоть несколько стихов Фауста.

М. Н. ЛОНГИНОВ. Воспоминание об Э. И. Губере. *Соч.*, т. I, 1915, стр. 316.

Пушкин заставил меня взглянуть на дело серьезно. Он уже давно склонял меня приняться за большое сочинение и наконец, один раз, после того, как я прочел одно небольшое изображение небольшой сцены, но которое, однакож, поразило его больше всего мной прежде читанного, он мне сказал: «Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего, как живого, с этой способностью не принимать за большое сочинение! Это, просто, прех!» Вслед за этим начал он представлять мне слабое мое сложение, мои недуги, которые могут прекратить мою жизнь рано; привел мне в пример Сервантеса, который, хотя и написал несколько очень замечательных и хороших повестей, но если бы не принял за «Донкишота», никогда бы не занял того места, которое занимает теперь между писателями, и, в заключение всего, отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то в роде поэмы и которого, по словам его, он бы не отдал другому никому. Это был сюжет «Мертвых душ». (Мысль «Ревизора» принадлежит также ему).

Н. В. ГОГОЛЬ. *Авторская исповедь*.

«Мертвые души» — это прямо идея Пушкина, возникшая в его уме в то время, когда он жил в Новороссии. И если он не претендовал на то, что Гоголь ее похитил у него, то лишь потому, как говорил он сам мне потом, «что я, может быть, и не осуществил бы ее, потому что у меня много было другого дела».

В. И. ЛЮБИЧ-РОМАНОВИЧ по записи С. И. Глебова. *Ист. Вестн.*, 1902, февр., 553.

Мысль о «Мертвых душах» принадлежала Пушкину. В Москве Пушкин был с одним приятелем на бегу. Там был также некто П. (старинный франт). Указывая на него Пушкину, приятель рассказал про него, как он скупил себе мертвых душ, заложил их и получил большой барыш. Пушкину это очень понравилось.—«Из этого можно было бы сделать роман»,—сказал он между прочим. Это было еще до 1828 г.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1865, стр. 745.

На вечера Н. К. Запорожской являлся по временам поэт Пушкин; но он не производил там эффекта, говорил немного, больше о вещах самых обыкновенных. Пушкин составлял какое-то загадочное, двуличное существо. Он кидался в знамя—и хотел быть популярным, являлся в салоны—и держал себя приятно, искал расположения к себе людей влиятельных и высшего круга—и не имел ничего притворного в манерах и вел себя надменно. Он был и консерватор, и революционер. С удовольствием принял звание камерюнкера, а вертелся в кругу людей, не слишком симпатизировавших двору. Толкался по гостиным и занимался сочинениями. Избалованный похвалами своих современников и журналистов, он вносил в свое общество какую-то самоуверенность, которая отталкивала от него знакомых. Он не принадлежал к числу людей, которые могут увлечься откровенностью и задушевностью: всегда в нем видно было стремление быть авторитетом. В высшем кругу это ему не удавалось: там обыкновенно принимают поэтов совсем с другою целью и не столько им желают угождать, сколько сами требуют от них угождений. К сожалению, многие подчиняются этому требованию, и едва ли не было заметно это в Пушкине.

В. И. САФОНОВИЧ. *Рус. Арх.*, 1903, I. 492.

Отличительным характером Пушкина в большом обществе была задушевность или какая-то такая грусть, которую даже трудно выразить. Он казался при этом стесненным, попавшим не на свое место. Зато в искреннем, небольшом кругу, с людьми по сердцу, не было человека разговорчивее, любезнее, остроумнее. Тут он любил и посмеяться, и похохотать, глядел на жизнь только с веселой стороны и с необыкновенною ловкостью мог открывать смешное. Одушевленный разговор его был красноречивой импровизацией, так что он обыкновенно увлекал всех, овладевал разговором, и это всегда кончалось тем, что другие смолкали невольно, а говорил он. Если бы записан был хоть один такой разговор Пушкина, похожий на рассуждение, перед ним покасались бы бледны профессорские речи Вильмена и Гизо. Вообще Пушкин обладал необычайными умственными способностями. Уже во время славы своей он выучился, живя в деревне, латинскому языку, которого почти не знал, вышедши из лицей. Потом, в Петербурге, изучал он английский язык в несколько месяцев, так что мог читать поэтов. Французский знал он в совершенстве. «Только с немецким не могу я сладить!—сказал он однажды.—Выучусь ему, и опять все забуду: это случалось уже не раз». Он страстно любил искусства и имел в них оригинальный взгляд. Тем особенно был занимателен и разговор его, что он обо всем судил умно, блестяще и чрезвычайно оригинально.

(КС. А. ПОЛЕВОЙ). Некролог Пушкина. *Живописное Обозрение*, 1837, III, 10 стр., 80. Цит. по *Рус. Арх.*, 1901, II, 251.

Пушкин был застенчив и более многих нежен в дружбе. Общество, особенно, где он бывал редко, почти всегда приводило его в замешательство, и от того оставался он молчалив и как бы недоволен чем-нибудь. Он не мог оставаться там долго. Прямодушие, также отличительная черта характера его; подстрекало к свободному выражению мысли, а робость противодействовала. Притом же совершенною привычку он сделал только к высшему обществу, или к самому тесному кругу приятелей. В обоих случаях он чувствовал себя на своем месте.

Собою не владел он только при таких обстоятельствах, от которых все должно было обрушиться на него лично. Он почти не умел распоряжаться ни временем своим, ни другою собственностью. Иногда можно было подумать, что он без характера: так он слабо уступал мгновенной силе обстоятельств. Между тем ни за что он столько неуважал другого, как за характер... Пыжкость его души и слияние с ясностью ума образовала из него это необыкновенное, даже странное существо, в котором все качества приняли вид крайностей.

П. А. ПЛЕТНЕВ. Соч. и переписка. Т. III, СПб. 1885. Стр. 242—243.

В обществе посторонних людей Пушкин был или совершенно молчалив, или слишком блистателен. Лучшие движения сердца своего считал он домашним делом, и потому не любил выказывать их. Он хранил их для тесного круга друзей, преимущественно для своих лицейских товарищей, которых любил неизменно.

П. А. ПЛЕТНЕВ. Соч., III, 743.

Золотые слова Пушкина насчет существующих и принятых многими правил о дружеских сношениях. «Все,—говорил в негодовании Пушкин,—заботливо исполняют требования общежития в отношении к посторонним, т.-е. к людям, которых мы не любим, а чаще и не уважаем, и это единственно потому, что они для нас — ничто. С друзьями же не церемонятся, оставляют без внимания обязанности свои к ним, как к порядочным людям, хотя они для нас — все. Нет, я так не хочу действовать. Я хочу доказывать моим друзьям, что не только их люблю и верую в них, но признаю за долг и им, и себе, и посторонним показывать, что они для меня первые из порядочных людей, перед которыми я не хочу и боюсь манкировать чем бы то ни было, освященным обыкновениями и правилами общежития».

П. А. ПЛЕТНЕВ—Я. К. Гроту, 1 апр. 1844 г. Переп. Грота с Плетневым, II, 221.

Я не встречал людей, которые были бы вообще так любимы, как Пушкин; все приятели его делались скоро его друзьями. Он знакомился скоро, и, когда ему кто нравился, он дружил искренно. В большом кругу он был довольно молчалив, серьезен, и толстые губы давали ему вид человека надумавшегося, сердитого; он стоял в углу, у окна, как будто не принимая участия в общем веселии. Но в кругу приятелей он был совершенно другой человек; лицо его прояснялось, он был удивительной живости, разговорчив, рассказывал много, всегда ясно, сильно, с резкими выражениями, но как будто запынаясь и часто с нервическими движениями, как будто ему неловко было сидеть на стуле. Он любил также слушать, принимал участие в рассказах и громко, увлекательно смеялся, показывая свои прекрасные белые зубы. Когда он был грустен, что часто случалось в последние годы его жизни,

ему не сиделось на месте: он отрывисто ходил по комнате, отпустив руки в карманы широких панталон, протяжно напевал: «грустно! тоска!» Но веселый анекдот, остроумное слово развеселяли его мгновенно: он вскрикивал с удовольствием «славяно!» и громко хохотал. Он был самого снисходительного, доброго нрава; обыкновенно он высказывал мало колкости, в своих суждениях не был очень резок; своих друзей он защищал с необыкновенным жаром; зато несколькими словами уничтожал тех, которых презирал, и людей, его оскорбивших. Но самый гнев его был непродолжителен и юнца сердце проходило, он делался только хладнокровным к своим врагам. Некоторая беспечность нрава позволяла часто им овладеть; так, например (*Е. М. Хитрово*), женщина, умная, но странная (ибо на 50 году не переставала оголять свои плечи и любоваться их белизною и полнотою), возымела страсть к гению Пушкина и преследовала его несколько лет своей страстью (Пушкин звал ее Пентефрихой). Она надоедала ему несказанно, но он никогда не мог решиться огорчить ее, оттолкнуть от себя, хотя смеясь бросал в огонь, не читая, ее ежедневные записки; но чтоб не обидеть ее самолюбия, он не переставал часто навещать ее в приемные часы ее перед обедом.

Н. М. СМЕРНОВ. Из памятных заметок. *Рус. Арх.*, 1882, I, 238.

Завтра надобно будет явиться во дворец — у меня еще нет мундира. — Ни за что не поеду представляться с моими товарищами камер-консерами — молокососами 18-летними. Царь рассердится — да что мне делать?

ПУШКИН. *Дневник*, 5 декабря 1834 г.

Я все-таки не был 6-го во дворце — и рапортовался больным. За мною царь хотел прислать фельд-егеря или Аратта (*лейб-медика*).

ПУШКИН. *Дневник*, декабрь 1834 г.

Третьего дня я наконец в Аничковом. Опишу все в подробности. Приворный лакей поутру явился ко мне с приглашением: быть в восемь с половиной в Аничковом, мне в мундирном фраке, Наталье Николаевне как обыкновенно.

В 9 часов мы приехали. На лестнице встретил я старую пр. Бобринскую, которая всегда за меня лжет и выводит меня из хлопот. Она заметила, что у меня треугольная шляпа с плюмажем (не по форме: в Аничков ездят с круглыми шляпами). Гостей было уже довольно, бал начался контрдансами. Гр. Бобринский, заметя мою треугольную шляпу, велел принести мне круглую. Мне дали одну такую засаленную помадой, что перчатки у меня промокли и пожелтели. Вообще бал мне понравился.

Утром того же дня встретил я в Дворцовом саду великого князя (*Михаила Павловича*): «Что ты один здесь философствуешь?» — «Гуляю». — «Пойдем вместе». Разговорились о плешивых: «Вы не в родню, в вашем семействе мужчины молоды оплешивливают». — «Государь Александр и Константин Павлович оттого рано оплешивели, что при отце моем носили пудру и зачесывали волосы; на морозе сало леденело, — и волосы лезли. Нет ли новых каламбуров?» — «Есть, да нехороши, не смею представить их вашему высочеству». — «У меня их также нет; я замерз». Доведши великого князя до моста, я ему откланялся (вероятно против этикета).

ПУШКИН. *Дневник*. 18 декабря 1834 г.

(22 дек. Суббота).— В среду был я у Хитровой, имел долгий разговор с великим князем (Михаилом Павловичем). Началось журналами:

— Вообрази, какую глупость, напечатали в «Северной Пчеле». Дело идет о пребывании государя в Москве. «Пчела» говорит: «государь император, обошед соборы, возвратился во дворец и с высоты красного крыльца и з к о (низко!) поклонился народу». Этого не довольно. Журналист дурак продолжает: «как восхитительно было видеть великого государя, преклоняющего священную главу перед гражданами московскими!» Не забудь, что это читают лавочники.

Великий князь прав, а журналист, конечно, глуп. Потом разговорились о дворянстве... Я заметил: что значит наше старинное дворянство с именьями, уничтоженными бесконечными раздроблениями, с просвещением, с ненавистью противу аристократии и со всеми притязаниями на власть и богатства? Эдакой страшной стихии мятежей нет и в Европе. Кто был на площади 14 декабря? Одни дворяне. Сколько же их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется много. Говоря о старом дворянстве, я сказал: «Мы, которые такие же родовитые дворяне, как император и вы...» и т. д. Великий князь был очень любезен и откровенен. — «Вы настоящий представитель вашего семейства, — сказал я ему: — все Романовы — революционеры и уравнители». — «Опасибо: так ты меня жалуешь в якобинцы! Благодарю, вот репутация, которой мне не доставало». Разговор обратился к воспитанию, любимому предмету его высочества. Я успел высказать ему многое. Дай бог, чтобы слова мои произвели хоть каплю добра!

ПУШКИН. Дневник (фр.-рус.).

Натали много выезжает, танцует ежедневно. Вчера я провела день семейному; все мои дети обедали у нас. Только и слышишь разговору, что о праздниках, балах и спектаклях.

Н. О. ПУШКИНА—бар. Е. Н. Вревской, 26 дек. 1834 г., из Петербурга. *Рус. Вестн.*, 1869, т. 84, стр. 90 (фр.).

Здесь все по горло в праздниках, Натали (жена Пушкина) много выезжает со своими сестрами; она привезла ко мне однажды Машу (старшая дочь поэта), которая настолько привыкла видеть только изящно одетых, что, увидев меня, начала громко кричать; ее спросили, почему она не хотела поцеловать бабушку; она ответила, что у меня скверный чепчик и скверное платье.

Н. О. ПУШКИНА—О. С. Павлищевой, 4 января 1835 г. *П-н и его совр-ки*, XIV, 25 (фр.).

Вчера приехали мы сюда, остановились у Пушкиных (родители поэта)... Пушкин поэт обещал мне на пятницу билет на «Роберта Дьявола»; но я не думаю, чтоб можно было на него рассчитывать... Поэт очень смешон. Как он растерялся, увидев меня! Можно было умереть со смеху.

Бар. Е. Н. ВРЕВСКАЯ—мужу своему Б. А-чу, 21 янв. 1835 г., из Петербурга. *П-н и его совр-ки*, XXI—XXII, 388 (фр.-рус.).

Поэт находит, что я несколько не изменилась фигурою, и что, несмотря на мою беременность, он меня любит всегда. Он меня спросил, при-

мам ли мы его, если он придет в Голубово; я ему ответила, что очень на него сердита: какого он об нас мнения, если задает мне подобный вопрос!.. Я сегодня подарила г-же Пушкиной (*матери поэта*) мантилью, которая доставила ей много удовольствия. Правда, она стоила немножко дорого, — 60 рублей, но что делать? Она все эти дни ходила в кацавейке, и потом, я хотела ей доставить чем-нибудь удовольствие. Здоровье ее очень плохо; доктор требует консультации, но у них нет денег, чтоб заплатить докторам, и консультация откладывается со дня на день.

Бар. Е. Н. ВРЕВСКАЯ—мужу Б. А-чу, 25 янв. 1835 г., из Петербурга. П-н и его совр-ки, XXI—XXII, 388 (фр.).

Пушкин решительно поддался мистификации Мериме (*выдавшего сочиненные им «Песни западных славян» за подлинные*), от которого я должен был выписать письменное подтверждение, чтобы уверить Пушкина в истине пересказанного мною ему, чему он не верил и думал, что я ошибаюсь. После этой переписки Пушкин часто рассказывал об этом, говоря, что Мериме не одного его надул, но что этому поддался и Мидкевич.— «Я дал себя мистифицировать в очень хорошей компании», — прибавлял он всякий раз.

С. А. СОБОЛЕВСКИЙ—М. Н. Лонгинову, в 1855 г. П-н и его совр-ки, XXXI—XXXII, 42 (рус.-фр.).

С января я очень занят Петром. На балах был раза 3; уезжал с них рано. Придворными сплетнями мало занят.

ПУШКИН.—*Дневник*, 18 февраля 1835 г.

В публике очень бранят моего Пугачева, а что хуже, — не покупают. Уваров (*министр народного просвещения*) большой подлец. Он кричит о моей книге, как о возмутительном сочинении. Его клевет Дундуков (дурак и бардаш) преследует меня своим ценсурным комитетом. Он не соглашается, чтоб я печатал свои сочинения с одного согласия государя. Царь любит, да псарь не любит. Кстати об Уварове: это большой негодяй и шарлатан. Разврат его известен. Низость до того доходит, что он у детей Каякина был на посылках. Об нем сказали, что он начал тем, что был б..., потом нянькой, и попал в президенты Академии Наук, как княгиня Дашкова в президенты Российской Академии.— Он крал казенные дрова и до сих пор на нем есть счеты (у него 11.000 душ), казенных слесарей употреблял в собственную работу и т. д. Дашков (*министр*), встретив Жуковского под руку с Уваровым, отвел его в сторону, говоря: «как тебе не стыдно гулять публично с таким человеком!»

ПУШКИН. *Дневник*. Февраль 1835 г.

Пушкин остался должен Жадимеровскому по контракту за наем в доме его квартиры 1.063 р. 33½ к., по неплатежу коих, решением С.-Пб. Надворного суда 4-го Департамента 15 апреля 1835 г. искомую с Пушкина сумму присуждено с него взыскать, а в случае неплатежа описать его имение, о чем сообщено было в Управу Благочиния; по желанию же Пушкина об обращении такового взыскания с имущества его Нижегородской губ. Лукояновского уезда в сельце Кистеневе, 4-й Департамент суда и сообщил в Лукояновский Земский Суд, чтобы он из свободного в сельце Кистеневе имущества, заклю-

чающегося в 7 душах крестьян, описал следующее количество душ на удовлетворение иска 1.063 р. 33½ к. и штрафных 106 р. 30 к.

Объявление купца П. А. ЖАДИМЕРОВСКОГО от 3 марта 1837 г. в Опеку над детьми и имуществом Пушкина. П-н и его совр-ки, XIII, 95.

Дела мои не в хорошем состоянии. Думаю оставить Петербург и ехать в деревню, если только этим не навлеку на себя неудовольствия.

ПУШКИН—Н. И. Павлицеву, 2-го мая 1835 г., из Петербурга.

Александр вчера уехал в Тригорское и должен возвратиться прежде десяти дней, чтобы успеть к родам Наташи. Ты подумаешь, быть может, что он отправился по делу,— совсем нет; а единственно ради удовольствия путешествовать, да еще в дурную погоду! Мы очень были удивлены, когда Александр пришел с нами проститься накануне отъезда, и его жена очень опечалена; надо сознаться, что твои братья оригиналы, которые никогда не перестанут быть таковыми.

Н. О. ПУШКИНА (мать поэта)—О. С. Павлицевой, 7 мая 1835 г., из Петербурга. Л. Павлицев, 385.

Д-р Кошеч встретил Александра на боровицкой станции, когда он отправился в Тригорское; твой брат был, по словам Кошеца, очень озабочен, рассеян, и я почти уверена, что мой «старший» не расслышал ничего, о чем ему толковал доктор, потому что вчера, когда я ему сообщала о Кошеце, Александр удивился и стал рассказывать в оказанном холодном приеме доктору. Думаю, что Александр не пустился с ним на станции в беседу, принимая его за одного из многих любопытных пассажиров, добывающихся его знакомства.

Н. О. ПУШКИНА—О. С. Павлицевой, 17 мая 1835 г. Л. Павлицев, 387.

Кажется, в 1835 г.,— да, так точно,— приехал он сюда (в Тригорское) дня на два всего,— пробыл 8 и 9 мая,— приехал такой скучный, утомленный:—«Господи,—говорит,—как у вас тут хорошо! А там-то, там-то в Петербурге, какая тоска зачастую душит меня!»

М. И. ОСИПОВА в передаче М. И. Семевского. СПб. Вед., 1866, № 139.

Ты была удивлена приездом Пушкина и не можешь понять цели его путешествия. Но я думаю,— это просто было для того, чтобы проехаться, повидать тебя и маменьку, Тригорское, Голубово и Михайловское, потому что никакой другой благовидной причины я не вижу. Возможно ли, чтоб он предпринял это путешествие в подобное время, чтобы поговорить с маменькой о двух тысячах рублей, которые он ей должен... Пушкин в восхищении от деревенской жизни, и говорит, что это вызывает в нем желание там остаться. Но его жена не имеет к этому никакого желания, и потом,— его не отпустят. Я думаю, он хочет купить имение, но без денег это трудно.

АННА НИК. ВУЛЬФ—сестре своей бар. Евпр. Ник. Вревской, 24 мая 1835 г., из Петербурга. П-н и его совр-ки, XXI—XXII, 325 (фр.).

Наташа родила накануне приезда Александра, и радость свидания с мужем ее так растроила, что проболела весь день.

Н. О. ПУШКИНА—О. С. Павлицевой, 17 мая 1835 г., Л. Павлицев, 387.

Мать рассказала, что, когда родился второй сын, она хотела назвать его Николаем, но Пушкин пожелал почтить память одного из своих предков, казненных в смутное время, и представил ей выбор между двумя именами: Гаврила и Григорий. Она предпочла последнее.

А. П. АРАПОВА (дочь Н. Н. Пушкиной-Лавской).
Новое Время, 1908, № 11425.

Я вижу себя вынужденным положить конец тратам, которые ведут только к долгам и которые готовят мне будущее, полное беспокойства и затруднений, если не нищеты и отчаяния. Три или четыре года пребывания в деревне мне доставят снова возможность возвратиться в Петербург и взяться за занятия, которыми я обязан доброте его величества. Я был осыпан благодарениями государя, я был в отчаянии, если бы его величество увидел в моем желании уехать из Петербурга другой мотив кроме мотива абсолютной необходимости. Малейший признак неудовольствия или подозрения был бы достаточен, чтобы удержать меня в положении, в котором я нахожусь; в конце концов я предпочитаю испытывать затруднения в своих делах, чем потерять во мнении того, кто был моим благодетелем, не как государь, не из чувства долга и справедливости, но из свободного чувства благодарного и великодушного благоволения.

ПУШКИН—гр. А. X. Бенкендорфу, 1 июля 1835 г.
(фр.).

Нет препятствий ему ехать, куда хочет, но не знаю, как разумеет он согласить мне со службою. Спросить, хочет ли отставки, ибо иначе нет возможности его уволить на столь продолжительный срок.

НИКОЛАЙ I. Резолюция на письме Пушкина к Бенкендорфу от 1 июня. *Дела III Отдел.*, изд. «Всемирного Вестника». 1905, стр. 302.

П. В. Киреевский один раз вместе с Жуковским был у Пушкина. Киреевский хорошо помнит большую комнату, со шкапами по бокам и с длинным столом посередине, заваленным бумагами. Пушкин говорил им, между прочим, о своем сильном желании совсем оставить Петербург и уехать совсем в деревню, читал Жуковскому свое письмо к Бенкендорфу, которого просил о позволении выехать из Петербурга, где ему очень было тяжело жить. Рассказами своими о Петре Пушкин удивлял Жуковского. Пушкин с великою радостью смотрел на труды Киреевского, перебирал с ним его собрание, много читал из собранных им песен и обнаруживал самое близкое знакомство с этим предметом. Еще прежде, через Соболевского, он доставил Киреевскому тетрадку Поковских песен, записанных с голоса, частью собственною рукою Пушкина, частью другою рукою (около 40 пьес).

П. И. БАРТЕНЕВ со слов П. В. Киреевского. *Рассказы о Пушкине*, 52.

Обещая Киреевскому собранные им (народные) песни, Пушкин прибавил: «там есть одна моя, угадайте!» Но Киреевский думает, что он сказал это в шутку, ибо ничего поддельного не нашел в песнях этих.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Р-зы о Пушкине*, 53.

П. В. Киреевский заявлял, что Пушкин доставил ему замечательную тетрадь песен, собранных им в псковской губернии, и прибавил: «когда-нибудь, от нечего делать, разберите-ка, которые поет народ, и которые смастерил я сам». Сколько Киреевский ни старался разгадать эту загадку, никак не мог сладить.

Ф. И. БУСЛАЕВ. *Мои воспоминания*. М. 1897, стр. 293.

Прасковье Александровне (Осиловой) вздумалось соорудить *partie fine*, и мы обедали вместе все у Дюме, а угощал нас Александр Сергеевич и ее сын Алексей Николаевич Вульф. Пушкин был любезен за этим обедом, острял довольно зло, и я не помню ничего особенно замечательного в его разговоре. За десертом («*les quatre mendiants*») г-н Дюме, воображая, что этот обед и в самом деле *une partie fine*, вошел в нашу комнату и *reu cavalièrement* и спросил: «*Comment celà va ici?*» У Пушкина и Алексея Николаевича немножко вытянулось лицо от неожиданной любезности француза, и он сам, увидя чинность общества и дам в особенности, нашел, что его возглас и явление были не совсем приличны, и удалился. Вероятно, в прежние годы Пушкину случалось у него обедать и не совсем в таком обществе.

А. П. КЕРН. *П-я и его современники*, V, 155—156.

Третьего дня д-р Кошец, вместе с Александром, провожал обеих Аннет Вульф и Керн. Обе уехали... Наташа (жена Пушкина) слаба, недавно вышла из спальни и не может ни читать, ни писать, ни работать; между тем у нее большие планы повеселиться на петергофском празднике 1 июля — в день рождения императрицы, ездить верхом со своими сестрами на острова, нанять дачу на Черной речке, и не хочет отправиться дальше, как желал бы Александр. В конце концов, «чего женщина хочет, того хочет бог».

Н. О. ПУШКИНА—О. С. Павлицевой, 8-го июня 1835 г. *Л. Павлишев*, 388.

Пушкину дал бог второго сына, по имени Григорий... Давно с ним не видался и потому не знаю, что с ним делается, знаю только, что он давно ничего не пишет и нуждается в деньгах.

М. Л. ЯКОВЛЕВ—В. Д. Вольховскому, 11 июня 1835 г. *Н. Гастфрейнд. Товарищи Пушкина по лицу*. СПб. 1912, т. I, 154.

Государю угодно было отметить на письме моем к вашему сиятельству, что нельзя мне будет отправиться на несколько лет в деревню иначе, как взяв отставку. Предаю совершенно судьбу мою в царскую волю, и желаю только, чтоб решение его величества не было для меня знаком немилости и чтобы вход в архивы, когда обстоятельства позволят мне оставаться в Петербурге, не был мне запрещен.

ПУШКИН—Гр. А. Х. Бенкендорфу 4-го июля 1835 г., из Петербурга.

Мы с братом ходили каждый день купаться в Большую купальню, устроенную на Неве против Летнего сада; один раз, барахтаясь в воде и кой-как еще тогда плавая, я не заметил, как ко мне подплыл какой-то кудрявый человек и зволяем, приветливым голосом сказал: «позвольте мне вам показать, как надо плавать, вы не так размахиваете руками, надо по-лыгушечьему», и тут кудрявый человек стал нам показывать настоящую манеру; но вдруг от нас отшвыль, сказал вошедшему в купальню господину: «А, здравствуй, Вяземокий!» Мы с братом будто обомлели, и в одно слово сказали: это должен быть Пушкин. После этой встречи я не видел Пушкина до Петергофского праздника. Государь с царской фамилией и придворными ехал в линейке и, увидав шедшего близ дороги Пушкина, закричал ему: «Bonjour, Pouchkine!» — «Bonjour, Sire!» — почтительно, но непринужденно отвечал ему Пушкин.

С. (С. М. СУХОТИН). Из воспоминаний молодости. *Рус. Арх.*, 1864, 981. *Ср. Рус. Арх.*, 1894, III, 71.

Петергофский праздник удался как нельзя лучше. Александр был на празднике с Наташей. Наташа была, говорят, очаровательна, чему я вполне верю: после ее последних родов красота ее в полном блеске.

Н. О. ПУШКИНА—О. С. Павлищевой, 3 июля 1835 г. *Л. Павлищев*, 391.

Т. Н. Грановский, познакомившийся с Пушкиным у Плетнева, раз шел с ним пешком с дачи в Петербург. Они говорили, и этот разговор Грановский приписывает к приятнейшим в своей жизни. Говоря о Булгарине, Пушкин сказал, что напрасно его слишком бранят, что где-нибудь в переулке он с охотою с ним встретится, но чтоб остановиться и вступить с ним в разговор на улице, на видном месте, на это он, Пушкин, никак не решится.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рассказы о П-е*, 31.

О знакомстве с Пушкиным А. С. Данилевский (*близкий друг Гоголя*) припоминал следующее. Однажды летом отправились они с Гоголем в Лесной на дачу к Плетневу, у которого довольно часто бывали запросто. Через несколько времени, почти следом за ними, явились Пушкин с Соболевским. Они пришли почему-то пешком с зонтиками на плечах. Вскоре к Плетневу приехала еще вдова Н. М. Карамзина, и Пушкин затеял с нею спор. Карамзина выразилась о ком-то: «она в интересном положении». Пушкин стал горячо возражать против этого выражения, утверждая с жаром, что его напрасно употребляют вместо коренного, чисто русского выражения: «она брюхата», что последнее выражение совершенно прилично, а напротив, неприлично говорить: «она в интересном положении».—После обеда был любопытный разговор. Плетнев сказал, что Пушкина надо рассердить, и тогда только он будет настоящим Пушкиным, и стал ему противоречить. Впечатление, произведенное на Данилевского Пушкиным, было то, что он и в обыкновенном разговоре являлся замечательным человеком, каждое слово его было веско и носило печать гениальности; в нем не было ни малейшей натянутости или жеманства; но особенно поражал его долго не выходящий из памяти совершенно детский, задушевный смех. Он бывал с женой у Плетнева.

В. И. ШЕНРОК. *Материалы для биографии Гоголя*. М. 1892. Т. I, стр. 362.

У Пушкина был дальний родственник, некто Оболенский, человек без правил, но не без ума. Он постоянно вел игру. Раз Пушкин в Петербурге (жил тогда на Черной речке; дочери его Марье тогда было не более 2 лет) не имел воее денег; он пешком пришел к Оболенскому просить⁴ займы. Он застал его за игрою в банк. Оболенский предлагал ему играть. Не имея денег, Пушкин отказывается, но принимает вызов Оболенского играть пополам. По окончании игры Оболенский остался в выигрыше. Большом и по уходе проигравшего, отсчитывая Пушкину следующую ему часть, сказал: «Каково! Ты не заметил, ведь я играл наверное!» Как ни нужны были Пушкину деньги, но, услышав это, он, как сам выразился, до того пришел вне себя, что едва дошел до двери и поспешил домой.

П. В. НАШОКИН по записи Бартенева. Рассказы о Пушкине, 46.

Император, удостоив взять меня на свою службу, сделал милость определить мне жалование в 5.000 руб. Эта сумма опромина, но тем не менее нехватает мне для проживания в Петербурге, где я принужден тратить 25.000 р. и иметь возможность жить, чтоб заплатить свои долги, устроить свои семейные дела и, наконец, получить свободу отдалиться без забот моим работам и занятиям. За четыре года, как я женат, я сделал долгов на 60.000 рублей.

ПУШКИН в черновиках писем своих к гр. А. Х. Бенкендорфу в середине июля 1835 г. (фр.).

Единственные способы, которыми я мог бы упорядочить мои дела, были — либо уехать в деревню, либо получить займы сразу большую сумму денег... Благодарность для меня не является чувством тягостным, и моя преданность персоне государя не затемнена никакими задними мыслями стыда или угрызений, но я не могу скрывать от себя, что я не именю решительно никакого права на благодеяния его величества и что мне невозможно чего-нибудь просить.

ПУШКИН—гр. А. Х. Бенкендорфу, 22 июля 1835 г. (фр.).

(По просьбе Пушкина, ему было выдано займы из казны тридцать тысяч рублей, на погашение которых должно было удерживаться получаемое им жалование).

В августе, по возвращении гвардии из лагеря, на Черной речке, на водах, давались еженедельные балы, куда собирался *le monde élégant* и где в особенности преобладало общество кавалергардских офицеров. Расхаживая по зале, вдруг увидел я входящую даму, поразившую меня своей прачней и прелестью; возле нее шел высокий белокурый господин, ей что-то весело рассказывавший, а сзади Пушкин, очень быстро оглядывавший залу, с веселым лицом, и принимавший, повидимому, участие в разговоре предшествовавшей ему дамы. Это была его жена, а белокурый господин С. А. Соболевский. Это трио подошло к танцующему кругу, из которого вышел Дантес и, как мне помнится, пригласил Пушкину на какой-то танец. Дантес очень много суетился, танцевал ловко, болтал, смешил публику, и, воображал себя настоящим героем бала: это был белокурый, плотный и коренастый офицер среднего роста; на меня произвел он неприятное впечатление своим дома-

нием и самонадеянностью, так что я, кажется, угодил его à un garçon d'écurie¹⁾.

С. (С. М. СУХОТИН). Из воспоминаний молодости. Рус. Арх., 1864, стр. 982.

(В двадцатых числах августа). Мы поехали к Александру и встретили его на под'езде с кипой бумаг подмышкой. Он обрадовался, воротился со мной, представил своим женам: теперь у него целых три, как тебе известно. Его свояченицы красивы, но они—ничто в сравнении с Натали, которую я нашла очень похорошевшей: у ней теперь красивый цвет лица, и она немного пополнела,—единственное, чего ей недоставало.

О. С. ПАВЛИЦЕВА—Н. И. Павлицеву, 12 сент. 1835 г. П-н и его совр-ки, XVII—XVIII, 168 (фр.).

Вчера Александр со своей женой посетил меня. Они уже больше не едут в нижегородскую деревню, как располагал Monsieur, потому что Madame не хочет об этом и слышать. Он удовольствуется тем, что поедет на несколько дней в Тригорское, а она не тронется из Петербурга.

О. С. ПАВЛИЦЕВА—Н. И. Павлицеву, 31 авг. 1835 г., из Павловска. П-н и его современники, XVII—XVIII, 162 (фр.).

Александр уехал в Тригорское и хочет там пробыть три месяца.

О. С. ПАВЛИЦЕВА—Н. И. Павлицеву, 12 сент. 1835 г. П-н и его совр-ки, XV, 164.

Писать стихи любил он преимущественно осенью. Тогда он до такой степени чувствовал себя расположенным к этому занятию, что и из Петербурга в половине сентября нарочно уезжал в деревню, где оставался до половины декабря. Редко не успевал он тогда оканчивать всего, что у него заготовлено было в течение года. Теплую и сухую осень называл он негодною, потому что не имел твердости отказываться от лишней рассеянности. Туманов, сереньких тучек, продолжительных дождей ждал он, как своего вдохновения. Странно, что приближение весны, сияние солнца всегда наводило на него тоску. Он это из'яснял расположением своим к чахотке (375).

Летнее купанье было в числе самых любимых его привычек, от чего не отставал он до глубокой осени, освежая тем физические силы, изнуряемые пристрастием к ходьбе. Он был самого крепкого сложения, и к этому много способствовала гимнастика, которою он забавлялся иногда с терпеливостью атлета. Как бы долго и скоро ни шел, он дышал всегда свободно

¹⁾ С. М. Сухотин в июле 1833 г. приехал в Петербург с родителями для определения старшего брата в школу гвардейских подпрапорщиков; в конце лета, по его словам, он возвратился в Москву и переехал в Петербург через два года, в 1835 г., для поступления в ту же школу гвардейских подпрапорщиков. Все свои встречи с Пушкиным (в купальне, на петергофском гуляньи,—см. выше,—и на балу на минеральных водах) Сухотин относит к 1833 г. Но в то время Дантес еще не приехал в Россию; в 1833 г. Пушкин жил на углу Б. Морской и Горюховой,—ходить купаться к Летнему саду было бы ему далеко. В 1835 же году он жил около Прачешного моста,—до Летнего сада два шага. Все эти соображения приводят нас к заключению, что описанные встречи происходили в 1835 г.

и ровно. Он дорого ценил счастливую организацию тела, и приходил в некоторое негодование, когда замечал в ком-нибудь явное невежество в анатомии (384).

П. А. ПЛЕТНЕВ. Соч., т. I.

По свидетельству лиц, близко наблюдавших Пушкина, он иногда чувствовал такую горячность и приливы крови, что должен был освежать себе голову водою, для чего вдруг посреди оживленной беседы убегал в другую комнату. Вертлявый и непосестный, Пушкин был весь жизнь и движение.

П. И. БАРТЕНЕВ. Рус. Арх., 1889, III, 112.

Вот уже неделя, как я тебя оставил, а толку в том не вижу. Писать не начинал и не знаю, когда начну. Зато беспрестанно думаю о тебе, и ничего грустного не надумаю. Что у нас за погода! Вот уж три дня, как я только что гуляю, то пешком, то верхом. Эдак я и осень мою прогуляю, и коли бог не пошлет нам порядочных морозов, то возвращусь к тебе не сделав ничего. Сегодня видел я месяц с левой стороны и очень о тебе стал беспокоиться.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 14 сент. 1835 г., из села Михайловского.

Какой он был живой! Да чего, уж впоследствии, когда он приезжал сюда из Петербурга, едва ли уж не женатый, сидит как-то в гостиной, шутит, смеется; на столе свечи горят; он прыг с дивана, да через стол, и свечито опрокинул... Мы ему говорим: «Пушкин, что вы шалите так, пора остепениться»,— а он смеется только.

М. И. ОСИПОВА в передаче М. И. Семевского. Слб. Ведом., 1866, № 139.

Мой ангел, как мне жаль, что я вас уже не застал, и как обрадовала меня Евпраксия Николаевна, сказав, что вы опять собираетесь приехать в наши края! Приезжайте, ради бога; хоть к 23-му. У меня для вас три короба признаний, объяснений и всякой всячины. Можно будет, на досуге, и влюбиться. Я пишу к вам, а наикосось от меня сидите вы сами во образе Марии Ивановны (младшей ее сестры). Вы не поверите, как она напоминает прежнее время,

И путешествия в Опочку,

и прочая. Простите мне мою дружескую болтовню. Целую ваши ручки.

ПУШКИН—А. И. Беклешовой (урожд. Осиповой), середина сентября 1825 г., из села Михайловского.

Поэт по приезде сюда был очень весел, хохотал и прыгал попрежнему, но теперь, кажется, впал опять в хандру. Он ждал Сашеньку (Ал. Ив. Беклешову) с нетерпением, надеясь, кажется, что пылкость ее чувств и отсутствие ее мужа разогреет его состаревшие физические и моральные силы.

Бар. ЕВПР. Н. ВРЕВСКАЯ—брату А. Н. Вульфу, 4 окт. 1835 г. П-н и его совр-ки, XIX—XX, 107.

Ты не можешь вообразить, как живо работает воображение, когда сидим одни между четырех стен, или ходим по лесам, когда никто не мешает нам думать, думать до того, что голова закружится. А о чем я думаю? Вот о чем: чем нам жить будет? Отец не оставит мне имущества; он его уже споловину промотал; ваше имение на волоске от погибели. Царь не позволяет мне ни записаться в помещики, ни в журналисты. Писать книги для денег, видит бог, не могу. У нас ни гроша верного дохода, а верного расхода 30.000. Все держится на мне да на тетке (*Ек. Ив. Загряжской, тетке Нат. Ник-ны*). Но ни я, ни тетка не вечны. Что из этого будет, бог знает. Покамест, пусто. Был я у Вревских третьего дня и там ночевал. Вревская (*Евпраксия Николаевна, урожденная Вульф*) очень добрая и милая бабенка, но толста, как Мефодий, наш псковский архиерей. И незаметно, что она уж не брюхата: все та же, как когда ты ее видела. Я взял у них Вальтер-Скотта и перечитываю его. Сегодня погода пасмурная. Осень начинается. Авось засяду. Я много хожу, много езжу верхом, на клячах, которые очень тому рады, ибо им за то дают овес, к которому они не привыкли. Ем я печеный картофель, как маймист (*петербургское название чухон*), и яйца всмятку, как Людовик XVIII. Вот мой обед. Ложусь в 9 часов, встаю в 7.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 21 сент. 1835 г., из села Михайловского.

Вообрази, что до сих пор не написал я ни строчки, а все потому, что неспокоен. В Михайловском нашел я все по-старому, кроме того, что нет уж в нем няни моей, и что около знакомых старых сосен поднялась, во время моего отсутствия, молодая основная семья, на которую досадно мне смотреть, как иногда досадно мне видеть молодых кавалергардов на балах, на которых уже не пляшу. Но делать нечего; все кругом меня говорит, что я старею, иногда даже чистым русским языком. Например, вчера мне встретилась знакомая баба, которой не мог я не сказать, что она переменялась. А она мне: да и ты, мой кормилец, состарился и подурнел. Хотя могу я сказать вместе с покойной няней моей: хорош никогда не был, а молод был. В Тригорском стало просторнее — Евпраксия Ник. и Ал. Ив. замужем, но Пр. Ал. все та же, и я очень люблю ее. Веду себя скромно и порядочно. Гуляю пешком и верхом, читаю романы В. Скотта, от которых в восхищении, да охаю о тебе.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 25 сент. 1835 г., из Тригорского.

Государь обещал мне Газету, а там запретил: заставляет меня жить в Петербурге, а не дает мне способов жить моими трудами. Я теряю время и силы душевные, бросаю за окошки деньги трудовые, и не вижу ничего в будущем. Отец мотает имение без удовольствия, как без расчета; твои теряют все. Что из этого будет? Господь ведает. Ты мне прислала записку от m-me Kern; дура вздумала переводить Занда и просит, чтоб я сосводничал ее со Смирдиным. Чорт побери обоих! Я поручил Ан. Ник. отвечать ей за меня, что если перевод ее будет также верен, как она сама верный список с m-me Sand, то успех ее несомнителен, а что со Смирдиным дела я никакого не имею. Я пропущу время очень однообразно. Утром дела не делаю, а так, из пустова в порожнее переливаю. Вечером езжу в Тригорское, роюсь в старых книгах да орехи грызу. А ни стихов, ни прозы писать и не думаю.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, конец сентября 1835 г., из Михайловского.

Со вчерашнего дня начал я писать (чтоб не сглазить только). Погода у нас портится, кажется, осень наступает не на шутку. Авось распишусь.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 2 октября 1835 г., из села Михайловского.

(Голубово¹), имение бар. Б. А. Вревского, женившегося в 1831 г. на Евпраксии Вульф). В устройстве сада и постройках принимал Пушкин, по фамильному преданию, самое горячее участие: сам копал грядки, рассадил множество деревьев, что, как известно, было его страстью; рассаживал он и цветы, и принимал даже участие в рытье пруда.

В. П. ОСТРОГОРСКИЙ. *Мир Божий*, 1898, IX, 206.

В свой приезд осенью 1835 г. Пушкин много времени проводил в Голубове, принимая участие даже в хозяйственных хлопотах (по семейным преданиям, голубовский сад разбивался под его руководством).

М. Л. ГОФМАН. Из Пушкинских мест. *П-и и его совр-ки*, XIX—XX, 104.

Я сделал визит поэту, который вот уже три недели поселился в Михайловском и несколько уже раз был у нас в Голубове. Я застал его в час по полудни еще в халате, что-то пишущим,—может быть, свою историю Петра Великого, потому что вокруг него были кипы опромыных рукописей. В Тригорском и Голубове мы играем в шахматы, а так как я играю очень плохо, он мне дает вперед офицера. Однажды он нам рассказал о счастли-вом времени, которое провел в Твери, и это единственный раз, когда я его видел таким разговорчивым.

Бар. Б. А. ВРЕВСКИЙ—А. Н. Вульфу, 4 октября 1835 г. *П-и и его совр-ки*, XIX—XX, 106 (фр.).

Такой бесплодной осени отроду мне не выдавалось. Пищу, через пень колоду валю. Для вдохновения нужно сердечное спокойствие, а я совсем не спокоен.

ПУШКИН—П. А. Плетневу, первая половина октября 1835 г. из села Михайловского.

Пушкин, когда узнал, что я опять брюхата, насмешливо улыбнулся и сказал: «как это смешно!»—на что я ответила, что с его приездом то-же будет и с его женою, и я отгадала, потому что она уже брюхата.

Бар. ЕВПР. Н. ВРЕВСКАЯ—брату своему А. Н. Вульфу. *П-и и его совр-ки*, XIX—XX, 107 (фр.-рус.).

Александр вчера возвратился, потому что до смерти соскучился в Тригорском. Г-жа Осипова постоянно хворает, и Аннета (*Ан. Ник. Вульф*)

¹) В 16 верстах от Тригорского. *Рус. Вести*, 1869, № 11, стр. 91. «На самом деле имение Вревских Голубово находилось от Тригорского в 35—40 верстах»,—пишет мне П. М. Устинович.

оплакивает свою кузину Netty (умершую от родов), в Голубове. Г-жа Вревская (*Евпраксия Ник-на*) все время окружена детьми, которые без умолку кричат и горланят с утра до вечера, и он говорит: «поверить не можешь, что за скучный дом».

О. С. ПАВЛИЩЕВА—мужу, 24 октября 1835 г., из Петербурга. П-н и его совр-ки, XVII—XVIII, 184 (фр.-русс.).

Гоголь при разговоре, между прочим, заметил, что первую идею к «Ревизору» подал ему Пушкин, рассказав о Павле Петровиче Свиныне, как он, в Бессарабии, выдавал себя за какого-то петербургского важного чиновника и только, зашедши уж далеко (стал было брать прошения от колодников), был остановлен.—«После слышал я,—прибавил он,— еще несколько подобных проделок, напр., о каком-то Волкове».

О. М. БОДЯНСКИЙ. Дневник. Рус. Стар., 1889, окт., 134.

Пушкин рассказал Гоголю про случай, бывший в городе Устюжне Новгородской губ., о каком-то проезжем господине, выдавшем себя за чиновника министерства и обобразившем всех городских жителей. Кроме того Пушкин, сам будучи в Оренбурге, узнал, что о нем получена гр. В. А. Перовским секретная бумага, в которой Перовский предостерегался, чтоб был осторожен, так как история Пугачевского бунта была только предлогом, а поездка Пушкина имела целью обревизовать секретно действия оренбургских чиновников. На этих двух данных задуман был «Ревизор», когото Пушкин называл себя всегда крестным отцом¹⁾.

Гр. В. А. СОЛОГУБ. Из воспоминаний. Рус. арх., 1865, стр. 744.

¹⁾ Обычно принимают, что «Ревизор» писался Гоголем в течение 1834—1835 г. (Тихонравов, Шенрок, Кирпичников),—следовательно, Пушкин должен был дать Гоголю сюжет в начале 1834 г. Однако нигде ни в письмах Гоголя за эти годы, ни в воспоминаниях о нем, мы не встречаем ни одного несомненного свидетельства, говорящего о работе Гоголя именно над «Ревизором». О «Ревизоре» мы имеем только одно бесспорное свидетельство,—сообщение Гоголя Погодину от 6 декабря 1835 г. об окончании пьесы «третьего дня», т.-е. 4 декабря. А за два месяца перед тем, 7 октября 1835 г., Гоголь, прося Пушкина возратить данную ему на прочтение комедию свою «Женитьба», писал ему: «Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или несмешной, но русский чисто анекдот. Рука дрожит написать тем временем комедию. Если ж сего не случится, то у меня пропадет даром время, и я не знаю, что делать тогда с моими обстоятельствами. Я, кроме моего скверного жалования университетского 600 рублей, никаких не имею теперь мест. Сделайте же милость, дайте сюжет; духом будет комедия из пяти актов, и клянусь,—куда смешнее чорта! Ради бога, ум и желудок мой оба голодают». (Письма Гоголя, ред. Шенрока, I, 354). Если Гоголь в это время, как думают, уже оканчивал своего «Ревизора», то письмо его к Пушкину совершенно непонятно. «Женитьбу» Гоголь был «не намерен давать в театр» (Письма, I, 358). Раз он оканчивал «Ревизора», то гораздо естественнее было ему ждать «насыщения желудка» от этой, уже заканчиваемой комедии, чем от новой, для которой у него не было еще даже сюжета. И как могла у него «дрожать рука написать комедию» в то время, когда он как раз был занят писанием комедии? Мы считаем очень вероятным, что только в ответ на просьбу Гоголя от 7 октября Пушкин подарил ему уже бывший у него готовым сюжет «Ревизора» (не так давно найденная в бумагах Пушкина программа: «Криспин (Свинын) приезжает в губернию на ярмонку, его принимают за... Губернатор честный дурак, губернаторша с ним проказит. Криспин сватается за дочь»). Гоголь, за время своего профессорства изголодавшийся по творческой работе, с одушевлением взялся за обработку сюжета. В связи с этим появилась

Известно, что Гоголь взял у Пушкина мысль «Ревизора» и «Мертвых душ», но менее известно, что Пушкин не совсем охотно уступил ему свое достояние. В кругу своих домашних Пушкин говорил смеясь: — «С этим малороссом надо быть осторожнее: он обирает меня так, что и кричать нельзя».

П. В. АННЕНКОВ. «Гоголь в Риме». *Литературные воспоминания*. Спб., 1909, стр. 20.

Я застал мою бедную мать в крайне тяжелом положении; она приехала из Павловска искать квартиру, и неожиданно ею овладела сильнейшая слабость у г-жи Княжнинной, у которой она остановилась. Врачи не имеют никакой надежды. В этих печальных обстоятельствах я еще имею горевидеть мою бедную Наташу предметом ненависти света. Повсюду говорят, что это ужасно: она так изящно одевается, а ее свекру и свекрови нечего есть, и свекровь ее умирает у чужих людей. Вы знаете, как обстоит дело. Нельзя серьезно говорить о нищете человека, имеющего 1200 душ. Это у отца есть кое-что, это у меня ничего нет. И во всяком случае, Наташа тут не при чем; за это должен ответить я. Если бы мать моя захотела поселиться у меня, Наташа, разумеется, приняла бы ее, но холодный дом, наполненный ребятишками и запруженный народом, мало подходит для больной... Что до меня, то у меня желчь, и голова моя идет кругом.—Поверьте мне, милая m-me Осипова, жизнь, какою бы она ни была «сладкою привычкою», содержит в себе горечь, которая в конце концов делает ее отвратительною, и свет—это скверное озеро грязи. Я предпочитаю Тригорское.

ПУШКИН—П. А. Осиповой, в исходе октября 1835 г., из Петербурга (фр.-русс.).

Жена Александра опять беременна. Вообрази, что на нее бедняжку напали, отчего и почему мать у ней не остановилась по приезде из Павловского?.. На месте моей невестки я поступила бы так же: их дом, правда, большой, но расположение комнат неудобное, и потом—две ее сестры и трое детей, и потом,—как бы к этому отнесся Александр, которого не было в Петербурге, и потом моя мать не захотела бы этого. Г-жа Княжнина—ее друг детства; это лучше, чем невестка, и моя невестка не лицемерка,—мать моя ее стеснила бы, это тоже очень просто. По этому поводу стали кричать,—почему у нее ложа в театре и почему она так элегантно одевается, тогда как родители ее мужа так плохо одеты,—одним словом, нашли очень заманчивым ее ругать... Впрочем, Александр и его жена имеют довольно и приверженцев.

О. С. ПАВЛИЦЕВА—мужу, 9 ноября 1835 г. П-н и его совр-ки, XVII—XVIII, 186 (фр.-русс.).

надежда и на улучшение материального состояния. 10 ноября Гоголь пишет матери: «Сестры растут и учатся. Я тоже надеюсь кое-что получить приятное. Итак не более, как годка через два, я приду в такую возможность, что, может быть, приглашу вас в Петербург посмотреть на них» (*Письма*, I, 355). Работа была исключительная по своей интенсивности. Нужно еще иметь в виду, что Пушкин воротился в Петербург 23 октября, значит, только в конце октября мог дать Гоголю просимый сюжет. А уже 4 декабря, как мы видели, пьеса была готова,—действительно, «духом» была готова, как обещал Гоголь Пушкину. Против нашей догадки самый сильный, бесспорно, довод,—что такая быстрота писания совершенно несвойственна Гоголю. Но в письмах своих Гоголь чрезвычайно скуп на сообщения о процессе своего творчества (особенно в первый период литературной своей деятельности), и мы очень мало знаем о том, как у него зарождались и писались его произведения. Однако в одном позднем письме к Жуковскому (от 1850 г.,—*Письма*, IV, 292) Гоголь пишет: «Покуда писатель молодой, он пишет много и скоро».

Болезнь матери моей заставила меня воротиться в город... Мое семейство умножается, растет, шумит около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать, и старости нечего бояться. Холостяку в свете скучно: ему досадно видеть новые, молодые поколения; один отец семейства смотрит без зависти на молодость его окружающую. Из этого следует, что мы хорошо сделали, что женились.

ПУШКИН—П. В. Нащокину, исход октября 1835 г., из Петербурга.

Потом я встретила Пушкина с женой у матери, которая начинала хворать: Наталья Николаевна сидела в креслах у постели больной и рассказывала о светских удовольствиях, а Пушкин, стоя за ее креслом, разводя руками, сказал шутя: «Это последние штуки Натальи Николаевны: посылаю ее в деревню». Она, однако, не поехала, кажется, потому, что в ту же зиму Надежде Осиповне сделалось хуже, и я его раз встретила у родителей одного. Это было как раз во время обеда, в четыре часа. Старики потчивали его то тем, то другим из кушаньев, но он от всего отказывался и, восхищаясь аппетитом батюшки, улыбнулся, когда отец сказал ему и мне, предлагая гуся с кислой капустою: «*c'est un plat écossais (это — шотландское блюдо)*»,—заметив при этом, что никогда ничего не ест до обеда, а обедает в шесть часов.

А. П. КЕРН. *П-н и его совр-ки*, V, 150.

Когда я начал читать Пушкину первые главы из «Мертвых душ», в том виде, как они были прежде, то Пушкин, который всегда смеялся при моем чтении (он же был охотник до смеха), начал понемногу становиться все сумрачнее, сумрачнее, а наконец сделался совершенно мрачен. Когда же чтение кончилось, он произнес голосом тоски: «Боже, как грустна наша Россия!» Меня это изумило. Пушкин, который так знал Россию, не заметил, что все это карикатура и моя собственная выдумка!

Н. В. ГОГОЛЬ. Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ». *Выбр. места из переписки с друзьями*, XVIII.

Аннета Керн переводит Жорж-Занда. Не для удовольствия, а для заработка. Она просила Александра замолвить за нее словечко Смирдину, но Александр не церемонится, когда дело идет об отказе. Он ей сказал, что совсем не знает Смирдина.

О. С. ПАВЛИЩЕВА—мужу, 9 ноября 1835 г. *П-н и его совр.* XVII—XVIII, 188 (фр.).

Александр дает розги своему мальчику, которому только два года; он также гузит свою Машу (дочь); впрочем, он нежный отец.—Знаешь, что? Он очень порядочный и дела понимает, хотя неделовой... Александр не может быть без Соболевского.

О. С. ПАВЛИЩЕВА—Н. И. Павличеву, 22 ноября 1835 г. *П-н и его совр-ки*, XVII—XVIII, 193—194 (фр.-русс.).

Пушкин был стропий отец, фаворитом его был сын, а с дочерью Машей, большой крикуньей, часто и прилежно употреблял розгу.

П. В. АННЕНКОВ со слов Нат. Ник. Пушкиной (?).
Б. Модзалевский, «Пушкин», 336.

Пушкин воображал себя практиком.

П. И. БАРТЕНЕВ. Из записной книжки. Р. А.
1906, III, 619.

В Пушкине замечательно было соединение необычайной заботливости к своим выгодам с такою же точно непредусмотрительностью и растратой своего добра. В этом заключается и весь характер его.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 182.

Моя невестка и ее сестры выезжают каждый день; я их вижу редко.

О. С. ПАВЛИЩЕВА—мужу, 6 декабря 1835 г. П-н
и его совр-ки, XVII—XVIII, 197 (фр.).

Гостиная моих родителей получила в 1836 г., по возвращении их из-за границы, более великосветский характер. Мне весьма памятно тогдашнее впечатление, что подобная же перемена произошла и в обстановке Пушкина с приездом в дом Баташева в 1835 г.

Кн. ПАВЕЛ ВЯЗЕМСКИЙ. *Сочинения*, 565.

Я не могла найти минуты, чтобы поговорить с Александром о делах, я не хотела делать этого в присутствии родителей, а он приходил всякий раз, когда мы сидели за столом. Он присутствовал при нашем обеде и потом тотчас уходил... Соболевский находится в курсе всех наших семейных дел: Александр ничего не скрывает от него и, благодаря ему, читал письма, которые ты ему писал. Часто у него не хватало терпения, тогда Соболевский давал себе труд прочитать их ему до конца и заставлял его обратить на них внимание; это случилось два раза, как он мне сказал.

Александр чрезвычайно рассеян: он слишком думает о своем хозяйстве, о своих ребятах и о туалетах своей жены.

Жена Коссаковского не любит Александра; она вздумала говорить с ним о его стихах, он отвечал сухо; она насмешливо сказала ему: «Знаете ли, что ваш Годунов может показаться интересным в России?» — «Сударыня, так же, как вы можете сойти за хорошенькую женщину в доме вашей матушки». С тех пор она равнодушно на него смотреть не могла.

О. С. ПАВЛИЩЕВА—мужу, 20 декабря 1835 г. П-н
и его совр-ки, XVII—XVIII, 199—203 (фр.).

Однажды, часа в три, я зашел в книжный магазин Смирдина, который помещался тогда на Невском проспекте, в бельэтаже дома Лютеранской церкви. В одно почти время со мною вошли в магазин два человека: один

большого роста, с весьма важными и смелыми приемами, полный, с рыжеватой эспаньолкой, одетый франтовски. Другой среднего роста, одетый без всяких претензий, даже небрежно, с курчавыми белокурыми (sic!) волосами, с несколько арабским профилем, толстыми выдававшимися губами и с необыкновенно живыми и умными глазами. Когда я взглянул на последнего, сердце мое так и замерло. Я узнал в нем Пушкина, по известному портрету Кипренского. Я преодолел робость, подошел к прилавку, у которого Пушкин остановился, и начал внимательно и в подробности рассматривать поэта. Прежде всего меня поразили огромные ногти Пушкина, походившие более на когти. Выражение лица его показалось мне очень симпатическим, а улыбка чрезвычайно приятной и даже добродушной. Он спросил у Смирдина не помню какую-то книгу и, перелистывая ее, обратился к своему спутнику с каким-то замечанием. Спутник, заложив руку за жилет, отвечал громко и несмотря на Пушкина, и потом, с улыбкой обратившись к Смирдину, начал с некоторою торжественностью:

К Смирдину как ни придешь...

и остановился.

Смирдин заюлил и начал ухмыляться. Пушкин взглянул на своего спутника с полуулыбкой и покачал головою. Я думал, глядя на господина с рыжей эспаньолкой: «как счастлив этот господин, обращающийся с великим человеком так небрежно и просто, тогда как у меня от одного взгляда на Пушкина замирает дыхание. Кто же такой этот счастливец, так близкий к Пушкину?» С этим вопросом обратился я к Смирдину, когда Пушкин вышел из лавки.

— Это С. А. Соболевский — отвечал Смирдин, — прекраснейший человек и друг Александра Сергеевича. Он пишет на всех удивительнейшие эпиграммы в стихах-с.

После я уже узнал, что стих, произнесенный Соболевским у Смирдина, был первый стих известного экспромпта Пушкина:

К Смирдину как ни придешь
Ничего ни купишь,
Иль Сенковского найдешь,
Иль в Булгарина наступишь.

Я и не смел думать о знакомстве с Пушкиным, да и какое право имел я на знакомство с ним? Я только завидовал моему приятелю Дирину, который познакомился с ним по случаю своего отдаленного родства с Вильгельмом Кюхельбекером. Родные Дирина получали через III Отделение письма от ссыльного Кюхельбекера, в которых всегда почти упоминалось о Пушкине, и Дирин носил обыкновенно эти письма показывать Пушкину. Дирин занимался тогда переводом сочинения Сильвио Пеллико «Об обязанностях человека» и сообщил об этом Пушкину, который одобрил его мысль и обещал ему даже написать предисловие к его переводу.

Дирин был в восхищении от приемов Пушкина, от его приветливости и внимательности. Пушкин действительно, по словам всех литераторов, имевших с ним сношения, был очень прост, любезен и до утонченности вежлив в обращении, никому не давая чувствовать своего авторитета. Якубович гордился тем, что Пушкин всегда выпрашивал у него стихов для своих изданий.

Через несколько лет после смерти Дирина, я как-то завел речь о нем и об его отношениях к Пушкину с П. А. Плетневым.

— А знаете ли, почему Пушкин был так внимателен и вежлив к нему?

— Почему же? Ведь он был со всеми таков.

— Нет,—отвечал Плетнев:—с ним он был особенно внимателен—и вот почему. Я как-то раз утром зашел к Пушкину и застаю его в передней, провожающим Дирина. Излишняя внимательность его и любезность к Дирину несколько удивили меня, и когда Дирин вышел, я спросил Пушкина о причине ее.

— С такими людьми, братец, излишняя любезность не вредит,—отвечал, улыбаясь, Пушкин.

— С какими людьми?—спросил я с удивлением.

— Да ведь он носит ко мне письма от Кюхельбекера... Понимаешь? Он служит в III Отделении.

Я расхохотался и объяснил Пушкину его заблуждение. Дирин, разумеется, ничего не знал о подозрении Пушкина; он пришел бы от этого в отчаяние, но Пушкин после этого обнаружил к нему действительное участие, что доказывает и предисловие к его переводу Сильвио-Пеллико.

И. И. ПАНАЕВ. Литературные воспоминания.
Полн. собр. соч. Спб. 1888. Т. VI, стр. 40—42.

Года протекали. Время ли отозвалось пресыщением порывов сильной страсти, или частые беременности вызвали некоторое охлаждение в чувствах Ал. Сер-ча,—но чутким сердцем жена следила, как с каждым днем ее значение ступевывалось в его кипучей жизни. Его тянуло в водоворот сильных ощущений... Пушкин только с зарей возвращался домой, проводя ночи то за картами, то в веселых кутежах в обществе женщин известной категории. Сам ревнивый до безумия, он даже мысленно не останавливался на сердечной тоске, испытываемой тщетно ожидавшей его женою, и часто, смеясь, посвящал ее в свои любовные похождения.

А. П. АРАПОВА. *Новое Время*, 1907, № 11413.

Пушкины едут на несколько лет в деревню. Муж, сказывают, в пух проигрался.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—А. И. Тургеневу, 29 дек.
1835 г. *Ост. Арх.*, III, 282.

По словам Арк. Ос. Россет, Пушкин, истра в банк, заложит, бывало, руки в карманы и припевает солдатскую песню с заменою слова *солдат*.

Пушкин бедный человек,
Ему негде взять,
Из-за этва безделья
Не домой ему идтить.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Русс. Арх.*, 1899, II, 356.

(1834—1836). В числе гулявшей по Невскому публики почасту можно было приметить и А. С. Пушкина, но он, останавливая и привлекая на себя взоры всех и каждого, не поражал своим костюмом, напротив, шляпа его далеко не отличалась новизною, а длинная бекешь его тоже старенькая. Я не погрешу перед потомством, если скажу, что на его бекешу сзади на талии недоставало одной пуговики. Отсутствие этой пуговики меня каждый раз смущало, когда я встречал А. С-ча и видел это. Ясно, что около него не было ухода. Прогуливался он то с графом Нессельроде, бывшим мини-

стром иностр. дел, то с Воронцовым-Дашковым, которого, по улыбающейся фигуре, белому жилету и галстуку, называли вечным именинником. Тут же почасту гулял и отец Пушкина, Сергей Львович. Красноватое его лицо и, кажись, рябоватое, было далеко не привлекательно, но то замечательно, что я никогда не встречал его вместе с сыном.

Н. М. КОЛМАКОВ Очерки и воспоминания. *Русс. Стар.*, 1891, т. 70, стр. 665.

Пушкин был характера весьма серьезного и склонен, как Байрон, к мрачной душевной грусти, чтоб умерять, уравновешивать эту грусть, он чувствовал потребность смеха; ему не надобно было причины, нужна была только придирка к смеху! В ярком смехе его почти всегда мне слышалось нечто насильственное, и будто бы ему самому при этом не весело на душе. Неожиданное, небывалое, фантастически-уродливое, не в натуре, а в рассказе, всего скорее возбуждало в нем этот смех; и когда кто-либо другой не удовлетворял его потребности в этом отношении, так он сам, при удивительной и, можно сказать, ненарушимой стройности своей умственной организации, принимался слагать в уме странные стихи,—умышленную, но гениальную бессмыслицу! Сколько мне известно, он подобных стихов никогда не доверял бумаге. Но чтоб самому их не сочинять, он всегда желал иметь около себя человека милого, умного, с решительною склонностью к фантастическому:—«скажешь ему: пожалуйста, соври что-нибудь! И он тотчас соврет, чего никак не придумаешь, не вообразишь!»

Бар. Е. Ф. РОЗЕН Ссылка на мертвых. *Сын Отечества*, 1847, кн. 6, отд. III, стр. 27.

Брюллов говорил про Пушкина: «какой Пушкин счастливец! Так смеется, что словно кишки видны!»

АРК. ОС. РОССЕТ. *Русс. Арх.*, 1882, I, 246

Когда Пушкин хохотал, звук его голоса производил столь же чарующее действие, как и его стихи.

А. С. ХОМЯКОВ по записи Бартенева. *Русс. Арх.*, 1899, II, 146.

Лев Серг. Пушкин... засмеялся вдруг своим быстрым, гортанным смехом, чрезвычайно сходным, — как говорил он сам, — со смехом его брата.

Б. М. МАРКЕВИЧ. *Л. Майков*, 28.

Пушкин был небольшого роста, сухощав, с курчавыми, весьма темно-русскими, почти черными волосами, с глазами темно-голубыми. В облике лица сохранились еще черты африканского происхождения, но в легком уже напоминании. Даже во множестве нельзя было не заметить Пушкина: по уму в глазах, по выражению лица, высказывающему какую-то решимость характера, по едва ли унимаемой природной живости, какого-то внутреннего беспокойства, по проявлению с трудом сдерживаемых страстей. Таким, по крайней мере, казался мне Пушкин в последние годы своей жизни. К этому

можно еще сказать, что также нельзя было не заметить невнимание Пушкина к своему платью и его покрою на больших балах. В обществе, сколько мне случалось его видеть, я всегда находил его весьма молчаливым, избегающим всякого высказывания (430).

Неоднократно я слышал, как Пушкин, со свойственною ему откровенностью, говорил, что не читал многих из называемых ему даже весьма известных сочинений по части древних и новых философий, политики и истории. За то, при большой памяти, познания Пушкина собственно в произведениях словесности европейской и отечественной были обширны (431).

Я помню, как однажды Пушкин говорил мне, что он терпеть не может, когда просят у него не на водку, а на чай. Причем не мог скрыть своего легкого неудовольствия, когда я сказал, что распространяющийся в наших сословиях народа обычай пить чай благодетелен для нравственности, и что этому нельзя не радоваться.—«Но пить чай,—возразил Пушкин с живостью,— не русский обычай» (433).

Н. И. ТАРАСЕНКО-ОТРЕШКОВ. Воспоминания.
Русс. Стар., 1906, т. 133.

А. С. Пушкин среднего роста, худощавый, имел в младенчестве белокурые, курчавые волосы, сделавшиеся потом темно-русыми; глаза светло-голубые; улыбку насмешливую и вместе приятную; носил на умном лице отпечаток африканского своего происхождения, которому соответствовали живость и пылкость характера, раздражительного, но доброго, услужливого, чувствительного. Он, в особенности, отличался большими своими бакенбардами и длинными ногтями, которыми щеголял. Любезность, острый ум, необыкновенная память и заманчивый веселый рассказ делали его украшением, душою общества.

(Д. Н.) БАНТЫШ-КАМЕНСКИЙ. *Словарь достопамятных людей русской земли*. Спб. 1847, часть II, прибавл., стр. 104.

Нрав у Пушкина был страстный, порывистый, вспыльчивый. Он любил игру и искал сильных ощущений, особенно в молодости, ибо годы начали смягчать в нем пыл страстей; он был рассеян, беседа его полна очарования для слушателей. Нелегко было заставить Пушкина говорить, но раз вступив в беседу, он выражался необычайно изящно и ясно, нередко прибегая к французской речи, когда хотел придать фразе более убедительности. Ум у него был злой и насмешливый, тем не менее все знавшие его считают его образцовым другом.

Заметка о Пушкине, приложенная к депешам вюртембергского посла кн. Х. Г. ГОГЕНЛОЭ-КИРХБЕРГА о смерти Пушкина. *Щеголев*, 371.

Пушкин был малого роста, в отца. Вообще в движениях, в приемах его было много отцовского. Но африканский отпечаток матери видимым образом отразился на нем. Другого сходства с нею он не имел.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Соч.* VIII, 238.

Пушкин был невысокого роста и наружности непривлекательной. Курчавые волосы, впрочем, более каштанового цвета, чем совершенно черного, широкий нос и живые мышинные глаза напоминали о его арапском происхождении.

дении. Движения его были быстры и страстны. Говорил также живо и отрывисто. Был остроумен, блестящ, без особенной глубины; склад ума его был более французский, чем немецкий... Из страстей Пушкина первая — его чувственная и ревнивая любовь. Самый брак не спас его от страсти к чувственным наслаждениям и от ревности, хотя в первой он не имел никакого извинения, а для последней — основания. Другою его страстью была игра, впрочем, это больше в ранние годы его жизни. Тысячи острот его, а еще больше глупых сплетней о нем ходит в народе; ибо все, что только касалось Пушкина, быстро разносилось от одного к другому.

КЕНИГ со слов Н. А. Мельгунова. *Кениг. Очерки русской литературы (1837). Пер. с немец.* СПб. 1862. Стр. 113—114.

Отличительною чертою Пушкина была память сердца; он любил старых знакомых и был благодарен за оказанную ему дружбу — особенно тем, которые любили в нем его личность, а не его знаменитость; он ценит добрые советы, данные ему во-время, не в перекор первым порывам горячности, проведенные рассудительно и основанные не на общих местах, а сообразно с светскими мнениями о том, что есть честь, и о том, что называется честью.

С. А. СОБОЛЕВСКИЙ. Из воспоминаний о Пушкине. *Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина.* Изд. «Атеней». Спб., 1924, стр. 123.

Портрет Мазера относится к последним годам жизни Пушкина... Интересно подробность на этом портрете, которая не встречается в других портретах Пушкина: на нем совершенно ясно видно, что Пушкин, независимо от бак, с которыми он представлен на других портретах, носил еще соединяющую баки ниже подбородка, выше адамова яблока, узкую полосу волос, в том роде, как носил бороду Мицкевич.

СИГИЗМУНД ЛИБРОВИЧ. *Пушкин в портретах.* Спб. 1890, стр. 60.

Пушкин тщательно берет свои рукописи не только неизданные, но и черновые, в которых были места нецензурные, либо искаженные цензурою, либо первоначальные наброски.

И. БАРТЕНЕВ. *Русс. Арх.*, 1903, № 6, обложка.

Ошибка, будто А. Пушкин после учился по-польски. Он не учился этому языку, а мог понимать столько, сколько все русские понимают другие славянские наречия. Справедливее бы прибавить, что он выучился в зрелом возрасте по-испански.

С. Л. ПУШКИН (отец поэта). *Замечания, Отеч. Записки*, 1841, т. XV, особ. прилож., 2.

Однажды у Плетнева зашла речь о Кукольникке. Пушкин, по обыкновению, грызя ногти или яблоко — не помню, сказал: — А что, ведь у Кукольника есть хорошие стихи? Говорят, что у него есть и мысли. — Это было сказано тоном двойного аристократа: аристократа природы и положения в

свете. Пушкин иногда впадает в этот тон и тогда становится крайне неприятным.

А. НИКИТЕНКО. *Дневник*, 10 января 1836 г. I, 270.

17 января 1836 г. Пушкин написал род пасквиля на министра народного просвещения, на которого он очень сердит за то, что тот подвергнул его сочинения общей цензуре. Прежде его сочинения рассматривались в собственной канцелярии государя, который и сам иногда читал их. Пасквиль Пушкина называется: «Выздоровление Лукулла»: он напечатан в «Московском Наблюдателе». Он как-то хвалился, что непременно посадит на гауптвахту кого-нибудь из здешних цензоров. Этой цели он теперь, кажется, достигнет в Москве, ибо пьеса наделала много шума в городе. Все узнают в ней, как нельзя лучше, Уварова.

А. В. НИКИТЕНКО, I, стр. 270.

20 января 1836 г. Весь город занят «Выздоровлением Лукулла». Враги Уварова читают пьесу с восхищением, но большинство образованной публики недовольно своим поэтом. В самом деле, Пушкин этим стихотворением не много выиграл в общественном мнении, которым, при всей своей гордости, однако, очень дорожит. Государь, через Бенкендорфа, приказал сделать ему строгий выговор. Но дня за три до этого Пушкину уже было разрешено издавать журнал, в роде «Эдинбургского трехмесячного обозрения», он будет называться «Современником». Цензором нового журнала попечитель назначил Крылова, самого трусливого, а, следовательно, и самого строгого из нашей братии. Хотел меня назначить, но я убедительно просил уволить меня от этого: с Пушкиным слишком тяжело иметь дело.

А. В. НИКИТЕНКО, I, стр. 271.

А. Пушкин решился издавать свой журнал, в коем он и прочие литераторы, одинаково с ним судившие о литературе, могли бы печатать свои труды. Он вовсе не полагал больших надежд на успех этого издания, он был слишком беспечен, слишком поэт в душе и в действиях своих для замышления подобной спекуляции.

С. Л. ПУШКИН (отец поэта). *Отеч. Записки*, 1841, т. XV, особ. прилож., 3.

Пушкин хотел сделать из «Современника» четвертное обозрение в роде английских, в котором могли бы помещаться статьи более обдуманые и полные, чем какие могут быть в еженедельниках и ежемесячниках, где сотрудники, обязанные торопиться, не имеют даже времени пересмотреть то, что написали сами. Впрочем, сильного желания издавать этот журнал в нем не было, и он сам не ожидал от него большой пользы. Получивши разрешение на издание его, он уже хотел было отказаться. Грех лежит на моей душе: я умолил его. Я обещался быть верным сотрудником. В статьях моих он находил много того, что может сообщить журнальную живость изданию, какой он в себе не признавал... Моя настойчивая речь и обещанье действовать его убедили.

Н. В. ГОГОЛЬ—П. А. Плетневу. *Письма Гоголя*, изд. Маркса, III, 268.

Когда в разговоре о стихотворении «На выздоровление Луккулла» Бенкендорф хотел добиться от Пушкина, на кого оно написано, то он отвечал: «на вас», и, видя недоумение усмехнувшегося графа, прибавил: «вы не верите? Отчего же другой уверен, что это на него?»

Я. К. ГРОТ, 290. Подробнее этот разговор Пушкина с Бенкендорфом передает со слов П. В. Нащокина Н. И. Куликов (*Русс. Стар.*, 1881, авг., 616—618). Ср. еще К. И. Фишер. Записки сенатора. *Ист. Вест.*, 1908, № 1, стр. 49.

Павел (бар. П. А. Вревский) мне пишет, что на балах дворянства жена Пушкина замечательнейшая из замечательных среди столичных красавиц.

Бар. Е. Н. ВРЕВСКАЯ—А. Н. Вульф, 25 янв. 1836. *П-н и его совр-ки*, XIX—XX, 107 (фр.).

Накануне моего отъезда (в Тверь) я был на вечере вместе с Натальей Николаевной Пушкиной, которая шутила над моею романтическою страстью и ее предметом. Я ей хотел заметить, что она уже не девочка, и спросил, давно-ли она замужем. Затем разговор коснулся Ленского, очень милого полжца, танцовавшего тогда превосходно мазурку на петербургских балах. Все это было до крайности невинно и без всякой задней мысли. Но присутствующие дамы соорудили из этого разговора целую оплетню: что я будто оттого говорил про Ленского, что он будто нравится Наталье Николаевне (чего никогда не было), и что она забывает о том, что она еще недавно замужем¹⁾. Наталья Николаевна, должно быть, сама рассказала Пушкину про такое странное истолкование моих слов, так как она вообще ничего от мужа не скрывала, хотя и знала его пламенную, необузданную натуру. Пушкин написал тотчас ко мне письмо, никогда ко мне не дошедшее, и, как мне было передано, начал говорить, что я уклоняюсь от дуэли... В Ржеве я получил от Андрея Карамзина письмо, в котором он меня спрашивал, зачем же я не отвечаю на вызов А. С. Пушкина: Карамзин поручился ему за меня, как за своего дерптского товарища, что я от поединка не откажусь. Для меня это было совершенной загадкой. Пушкина я знал очень мало, встречался с ним у Карамзиных, смотрел на него, как на полубога. И вдруг, ни с того, ни с сего, он вызывает меня стреляться, тогда как перед отъездом я с ним не виделся вовсе... Я переехал в Тверь. С Карамзиным я списался и узнал, наконец, в чем дело. Получив объяснение, я написал Пушкину, что я совершенно готов к его услугам, когда ему будет угодно, хотя не чувствую за собой никакой вины по таким-то и таким-то причинам. Пушкин остался моим письмом доволен и сказал С. А. Соболевскому: «немножко длинно, молодо, а впрочем, хорошо».

Гр. В. А. СОЛОГУБ. Из воспоминаний. *Рус. Арх.*, 1865, стр. 749.

¹⁾ Черновик письма гр. В. А. Сологуба к Пушкину: «Я говорил вашей супруге о г. Ленском, потому что я с ним только что обедал у гр. Нессельроде... *Зачеркнуто*: не получив от вашей супруги никакого ответа и вида, что она вместе с княгиней Вяземской смеется надо мной... Если я предлагал вашей супруге другие нескромные, может быть, вопросы, то это было, может быть, по причинам личным, в которых я не считаю себя обязанным отдавать отчет». (*Отчет Импер. Росс. Историч. Музея за 1913 г. М. 1914, Стр. 110*). Ср. Записку гр. Сологуба бывшую в распоряжении П. В. Анненкова:

«Бывши с Н. Н. Пушкиной у Карамзиных, имел я причину быть недовольным разными ее колкостями, почему я и спросил у нее: «давно ли вы замужем?» Тут была Вяземская, впоследствии вышедшая за Валуева, и сестра ее, которые из этого вопроса сделали ужасную дерзость». (*Б. Модзалевский. «Пушкин», 374*).

В ту пору через Тверь проехал Валуев и говорил мне, что около Пушкиной увивается сильно Дантес. Мы смеялись тому, что когда Пушкин будет стреляться со мной, жена будет кокетничать с своей стороны. От Пушкина привез мне ответ Хлостян.

Гр. В. А. СОЛОГУБ. Записка. *Б. Модзалевский, «Пушкин»*, 375.

Пушкин написал мне по-французски письмо следующего содержания: «М. г. Вы приняли на себя напрасный труд, сообщив мне объяснения, которых я не спрашивал. Вы позволили себе невежливость относительно жены моей. Имя, вами носимое, и общество, вами посещаемое, вынуждает меня требовать от вас сатисфакции за непристойность вашего поведения. Извините меня, если я не мог приехать в Тверь прежде конца настоящего месяца» и пр. Делать было нечего, я стал готовиться к поединку, купил пистолеты, выбрал секунданта, привел бумаги в порядок и начал дожидаться и прождал так напрасно три месяца. Я твердо, впрочем, решился не стрелять в Пушкина, но выдерживать его огонь, сколько ему будет угодно. Пушкин все не приезжал, но расспрашивал про дорогу.

Гр. В. А. СОЛОГУБ. Из воспоминаний. *Русс. Арх.*, 1865, стр. 750.

(28 янв. 1836 г.) ¹⁾ Пушкин за обедом сидел против меня. Он был нехорош собой: смугловат, неправильные черты лица, но нельзя было представить себе физиономии более выразительной, более оживленной, более говорящей, и слышать более приятного, более гармонического голоса, как будто нарочно созданного для его стихов... Много толковали о мнимом открытии обитаемости луны. Пушкин доказывал нелепость этой выдумки, считал ее за дерзкий пуф, каким она впоследствии и оказалась, и подшучивал над легковерием тех, которые падки принимать за наличную монету всякую отважную выдумку. Так как я не опускала глаз с Пушкина, то ни одно движение его не ускользнуло от моей наблюдательности. Я заметила, между прочим, что он мало ел за обедом, беспрестанно щипал и клал в рот виноград, который в вазе стоял перед ним... Пушкин сказал, что в Кукольнике жар не поэзии, а лихорадки.

(Е. А. ДРАШУСОВА). «Жизнь прожить не поле перейти». Записки неизвестной. *Русс. Вестн.*, 1881, т. 155, стр. 151—152.

Я очень недовольна, что ты писал Александру; это привело только к тому, что разволновало его желчь; я никогда не видела его в таком отвратительном расположении духа: он кричал до хрипоты, что лучше отдаст все, что у него есть (в том числе, может быть, и свою жену?), чем опять иметь дело с Болдином, с управляющим, с ломбардом и т. д., и т. д. Он не прочел твоего письма, распечатав, он возвратил мне его, не бросив на него взгляда. Гнев его, в конце концов, показался мне довольно комичным, — до того, что мне хотелось смеяться: у него был вид, как будто он передразнивал отца... Как тебе угодно, я больше не буду говорить с Александром; если ты ему

¹⁾ В подлиннике очевидная описка или опечатка—1837 г. Из рассказа Драшусовой видно, что в то время Пушкин собирался издавать свой «Современник», что было в начале 1836 г.—28 янв. 1837 г. Пушкин уже умирает от раны, полученной на дуэли.

будешь писать по его адресу, он будет бросать твои письма в огонь не распечатывая, поверь мне. Ему же не до того теперь: он издает на-днях журнал, который ему приносить будет, не меньше, он надеется, 60.000! Хорошо и завидно.

О. С. ПАВЛИЩЕВА—мужу, 31 января 1836 г. П-н и его совр-ки, XXIII—XXIV, 210—211 (фр.-русс.).

1 февраля 1836 г. взято Пушкиным у Шишкина 1.200 р. под залог шалей, жемчуга и серебра.

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. Архив. опеки над имуществом Пушкина. П-н и его совр-ки, XIII, 98.

На балу у княгини Бутеро. На лестнице рядами стояли лакеи в богатых ливреях. Редчайшие цветы наполняли воздух нежным благоуханием. Роскошь необыкновенная! Поднявшись наверх, мы очутились в великолепном саду, — перед нами анфилада салонов, утопающих в цветах и зелени. В обширных апартаментах раздавались упоительные звуки музыки невидимого оркестра. Совершенно волшебный очарованный замок. Большая зала с ее беломраморными стенами, украшенными золотом, представлялась храмом огня, — она пылала.

Оставались мы в ней не долго; в этих многолюдных, блестящих собраниях задыхаешься... В толпе я заметил д'Антеса, но он меня не видел. Возможно, впрочем, что просто ему было не до того. Мне показалось, что глаза его выражали тревогу, — он искал кого-то взглядом и, внезапно устремившись к одной из дверей, исчез в соседней зале. Через минуту он появился вновь, но уже под руку с г-жею Пушкиной. До моего слуха долетело:

— Уехать — думаете-ли вы об этом — я этому не верю — вы этого не намеревались сделать...

Выражение, с которым произнесены эти слова, не оставляло сомнения насчет правильности наблюдений, сделанных мною ранее, — они безумно влюблены друг в друга! Пробыв на балу не более получаса, мы направились к выходу: барон танцевал мазурку с г-жею Пушкиной. Как счастливы они казались в эту минуту!

Н. К. МЕРДЕР. Листки из дневника. 5-го февраля 1836 г. Среда. Русс. Стар., 1900, т. 103. Стр. 383 (фр.).

Князь! с сожалением вижу себя вынужденным докучать вашему превосходительству; но, как дворянин и отец семейства, я обязан оберегать свою честь и имя, которое должен оставить моим детям. Я не имею чести лично быть с вами знакомым. Не только никогда я вас не оскорблял, но, по причинам мне известным, я питал к вам до сего времени истинное чувство уважения и благодарности. Тем не менее некий г-н Боголюбов публично повторял оскорбительные для меня слова, якобы исходящие от вас. Я прошу ваше превосходительство не отказать осведомить меня, что мне об этом думать ¹⁾. Больше, чем кто-нибудь, я знаю расстояние, отделяющее меня от вас; но вы, который не только вельможа, но еще и представитель нашего древнего и истинного дворянства, к которому принадлежу и я, — вы, надеюсь, без труда поймете повелительную необходимость, которая вынуждает меня к этому шагу.

ПУШКИН—кн. Н. Г. Репнину, 5 февр. 1836 г. (фр.).

¹⁾ В черновиках: ничтожный человек по имени Боголюбов недавно повторял в кофейнях замечания, позорящие меня... Я прошу, князь, взять обратно замечания Боголюбова, или я знаю, как мне поступить... (М. Цявловский. Письма Пушкина и к Пушкину. М. 1925, стр. 194).

Милостивый государь Александр Сергеевич! Г-на Боголобова я единственно вижу у С. С. Уварова и с ним никаких сношений не имею и никогда ничего на ваш счет в присутствии его не говорил, а тем паче прочтя послание Лукуллу, вам же искренно скажу, что гениальный талант ваш принесет пользу отечеству и вам славу, воспевая веру и верность русскую, а не оскорблением частных людей. Простите мне сию правду русскую, она послужит вернейшим доказательством тех чувств отличного почтения, с коими имею честь быть вашим покорнейшим слугой.

Кн. Н. Г. РЕПНИН—Пушкину, 10 февр. 1836 г.
Переписка Пушкина, III, 277.

Милостивый государь, князь Николай Григорьевич! Приношу вашему сиятельству искреннюю, глубочайшую мою благодарность за письмо, коими изволили меня удостоить. Не могу не сознаться, что мнение вашего сиятельства касательно сочинений, оскорбительных для чести частного лица, совершенно справедливо. Трудно их извинить, даже когда они написаны в минуту огорчения и слепой досады; как забава суетного или развращенного ума, они были бы непростительны.

ПУШКИН—кн. Н. Г. Репнину, 11 янв. 1836 г.

Наряды и выезды поглощали все время (*Натальи Николаевны и ее старшей сестры Екатерины Николаевны*). Хозяйством и детьми должна была заниматься вторая сестра, Александра Николаевна. Пушкин подружился с нею...

П. И. Бартев со слов кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ.
Русс. Арх., 1888, II, 309.

Я слышала, что, далеко не красавица, Екатерина Николаевна представляла собою довольно оригинальный тип — скорее южанки, с черными волосами.

А. П. АРАПОВА. *Нов. Время*, 1907, № 11413, илл. прилож., стр. 6.

Екатерина Гончарова была высока ростом и стройна. Ее черные, слегка близорукие глаза оживляли лицо с изящным овалом, с матовым цветом кожи. Ее улыбка раскрывала восхитительные зубы. Стройная походка, покатые плечи, красивые руки делали ее очаровательной женщиной.

ЛУИ МЕТМАН. Ж. Ш. Дантес. Биографический очерк. *Щеголев*. 336.

Александра Николаевна высоким ростом и безукоризненным сложением более подходила к Наталье Николаевне, но черты лица, хотя и напоминавшие правильность гончаровского склада, являлись как бы его карикатурою. Матовая бледность кожи Натальи Николаевны переходила у нее в некоторую желтизну, чуть приметная неправильность глаз, придающая особую прелесть вдумчивому взору младшей сестры, перерождалась у ней в несомненно косой взгляд, — одним словом, люди, видевшие обеих сестер рядом, находили, что именно это предательское сходство служило в явный ущерб Александре Николаевне... Александра Николаевна, прожившая под кровом сестры большую

часть своей жизни, положительно мучила ее своим тяжелым, строптивым характером и внесла немало огорчений и разлада в семейный обиход.. Александра Николаевна принадлежала к многочисленной плеяде восторженных поклонниц поэта; совместная жизнь, увядающая молодость, не пригретая любовью, незаметно для нее самой могли переродить родственное сближение в более пылкое чувство.

А. П. АРАПОВА. *Новое Время*, 1907, № 11413, иллюстр. прилож., стр. 6.

Воротившись в Петербург, Пушкин уверял, что он очень скучал в деревне и поэтому воротился раньше. Ольга (сестра Пушкина), утверждает, что он очень сильно ухаживает за своею свояченицею Александрой, и что его жена стала большою кокеткою.

АННА НИК. ВУЛЬФ—бар. Е. Н. Вревской 12 февр. 1836 г., из Петербурга. *П-н и его совр-ки*, XXI—XXII, 331.

Александра Гончарова. Холодна, благоразумна (?). Кажется, что в последние годы Пушкин влюбился в нее.

Кн. Е. А. ДОЛГОРУКАЯ (?). *Рассказы о Пушкине*, 60.

Натали выезжает в овет больше, чем когда-либо, а муж ее с каждым днем становится все эгоистичнее и все скучнее.

АННА НИК. ВУЛЬФ—сестре бар. Евпр. Ник. Вревской, 9 марта 1836 г. из Петербурга. *П-н и его совр-ки*, XXI—XXII, 330.

В обхождении Пушкина была какая-то удивительная простота, выпрямлявшая человека и с первого раза устанавливавшая самые благородные отношения между собеседниками. Поэт Кольцов, введенный в общество петербургских литераторов, был поражен дружелюбною откровенностью приема, сделанного ему Пушкиным. С робостью явился он к знаменитому поэту и не встретил ни тени величавого благоволения, ни тени покровительственного тона. Пушкин крепко сжал руку Кольцова в своей руке и заговорил с ним, как с давним знакомым, как с равным себе.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 157.

Матери очень плохо, может быть, жить ей всего несколько дней. Отчаяние отца мучит меня свыше всякой меры: он не может сдержаться, рыдает около нее, — это пугает ее и мучит. Я ему попробовала это сказать, — он накричал на меня, он забыл, что ведь я — я теряла мать. Право, не знаю, что делать: Александр (Пушкин) является только изредка, так же, как и другие; я совсем одна с нею. Счастье, что Александр не уехал, как собирался: плохие дороги его напугали.

О. С. ПАВЛИЩЕВА—мужу, 11 марта 1836 г. *П-н и его совр-ки*, XXIII—XXIV, 220—221 (фр.).

13 марта 1836 г. взято Пушкиным у Шишкина 650 руб. под залог шалей, жемчуга и серебра.

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. Архив опеки над имуществом Пушкина. *П-н и его совр-ки*, XIII, 98.

«Современник» подготавливается и явится в свет в первых днях апреля. Теперь бедный Пушкин печально озабочен тяжкою и едва ли не смертельною болезнью матушки своей.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—И. И. Дмитриеву, 15 марта 1836 г. *Русс. Арх.*, 1868, стр. 646.

Потом я его еще раз встретила с женою у родителей, незадолго до смерти матери и когда она уже не вставала с постели, которая стояла посреди комнаты, головами к окнам; они сидели рядом на маленьком диване у стены, и Надежда Осиповна смотрела на них ласково, с любовью, а Александр Сергеевич держал в руке конец боа своей жены и тихонько гладил его, как-будто тем выражая ласку к жене и ласку к матери. Он при этом ничего не говорил. Наталья Николаевна была в папильотках: это было перед балом.

А. П. КЕРН. *П-н и его совр-ки*, V, 151.

Так как просьбы, с которыми мы к вам обращались много раз, всегда оставались без результата, мы принуждены повторить попытку, которая не может быть более докучною для вас, чем неприятною для нас. Из прилагаемого счета следует, что вы должны нам 1 100 р. еще за поставки 1834 года. И приблизительно такую же сумму за поставки 1835 г... По настоящий день вы должны нам 2172 р. 90 к., каковую сумму просим вас, если возможно, уплатить.

Ф. БЕЛЛИЗАР (владелец французского книжного магазина в Петербурге)—Пушкину, 24 марта 1836 г. *П-н и его совр-ки*, III, 116 (фр.).

(А. Жобар, профессор казанского университета, обиженный министром Уваровым, перевел на французский язык стихотворение Пушкина «На выздоровление Лукулла» и прислал свой перевод Пушкину).— Я жалею, что напечатал пьесу, которую я написал в минуту дурного расположения духа. Ее опубликование вызвало неудовольствие лица (царя), мнение которого мне дорого и которому я не могу оказывать неуважение, если не хочу быть благодарным или сумасшедшим. Будьте добры, пожертвуйте удовольствием опубликовать ваш перевод—мысли обязать вашего сотоварища. Не оживляйте с помощью вашего таланта произведения, которое без этого падет в забвение, которого заслуживает.

ПУШКИН—А. Жобару, 24 марта 1836 г.

Живо помню восторг Пушкина в то время, как прочитал он стихотворение Языкова к Давыдову, напечатанное в журнале. В первый раз увидел я тогда слезы на лице Пушкина. (Пушкин никогда не плакал; он сам о себе сказал в послании к Овидию: «суровый славянин, я слез не проливал, не понимаю их»).

Н. В. ГОГОЛЬ. Выбран. места из переп. с друзьями. Соч. Гоголя, изд. 15, Маркса, VII, 185.

(Яким, бывший камердинер и повар Гоголя).— Бывало, снег, дождь и слякоть, а они (Пушкин) в своей шинельке бегут сюда в Мещанскую. По целым ночам у барина просиживали, слушая, как наш-то читал им свои сочинения, либо читая ему свои стихи.

По словам Якимы, Пушкин, заходя к Гоголю и не заставая его, с досадою рылся в его бумагах, желая знать, что он написал нового. Он все твердил ему: «пишите, пишите!», а от его повестей хохотал и уходил от Гоголя всегда веселый и в духе.

Г. П. ДАНИЛЕВСКИЙ. Знакомство с Гоголем. *Сочинения*. Изд. 7. 1892, т. V, 302.

Пушкин признавал высокую образованность первым, существенным качеством всякого истинного писателя в России. Я сам слышал от Гоголя о том, как рассердился на него Пушкин за легкомысленный приговор Мольеру: «Пушкин, — говорил Гоголь, — дал мне порядочный выговор и крепко побранил за Мольера. Я сказал, что интрига у него почти одинакова и пружины схожи между собой. Тут он меня поймал и объяснил, что писатель, как Мольер, надобности не имеет в пружинах и интригах, что в великих писателях нечего смотреть на форму, и что куда бы он ни положил добро свое, — бери его, а не лжмайся».

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 361.

По словам Нащокина, Гоголь никогда не был близким человеком к Пушкину. Пушкин, радостно и приветливо встречавший всякое молодое дарование, принимал к себе Гоголя, оказывал ему покровительство, заботился о внимании к нему публики, хлопотал лично о постановке на сцену «Ревизора», одним словом, выводил Гоголя в люди. — Нащокин, уважая талант Гоголя, не уважает его, как человека, противопоставляя его исканию эффектов, самолюбие — простодушию и доброте безыскусственности Пушкина.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рассказы о Пушкине*, 44.

* Пушкин, нарезавши из бумаги ярлыков, писал на каждом по заглавию, о чем когда-либо потом ему хотелось припомнить. На одном писал «Русская изба», на другом: «Державин», на третьем имя тоже какого-нибудь замечательного предмета и т. д. Все эти ярлыки накладывал он целою кучею в вазу, которая стояла на его рабочем столе, и потом, когда случалось ему свободное время, он вынимал наудачу первый билет; при имени, на нем написанном, он вспоминал вдруг все, что у него соединялось в памяти с этим именем, и записывал о нем тут же, на том же билете, все, что знал. Из этого составились те статьи, которые печатались потом в посмертном издании и которые так интересны именно тем, что всякая мысль его там осталась живьем, как вышла из головы.

Н. В. ГОГОЛЬ—С. Т. Аксакову, 21 дек. 1844 г. *Письма под ред. Шенрока*, т. II, стр. 562.

Пушкин всегда ездил на пожары и любил смотреть, как кошки ходят по раскаленной крыше. Пушкин говорил, что ничего нет смешнее этого вида.

Пушкин был необыкновенно умен. Если он чего и не знал, то у него чутье было на все. И силы телесные были таковы, что их достало бы у него на девяносто лет жизни.

Я уверен, что Пушкин бы совсем стал другой. И как переменялся. Он хотел оставить Петербург и переехать в деревню; жена и родные уговорили остаться.

Н. В. ГОГОЛЬ по записи неизвестной. *Дневник*. *Рус. Арх.*, 1902, I, 551, 554.

Кажется, за год до кончины своей Пушкин говорил одному из друзей своих: «Меня упрекают в изменчивости мнений. Может быть: ведь одни глупцы не переменяются».

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 152.

Матушка моей жены (Н. О. Пушкина) скончалась в первый день светлого воскресения, в самую заутреню... (29 марта).

Н. И. ПАВЛИЩЕВ—своей матери Л. М. Павлищевой, 9 апреля 1836 г. *Л. Павлищев*, 416.

У Пушкина умерла мать его, он все это время был в печальных заботах, а сегодня отправился в псковскую деревню, где будет погребена его мать.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—А. И. Тургеневу, 8 апр. 1836 г. *Сборник Бартенева «Пушкин»*, II, 63.

Пушкин чрезвычайно был привязан к своей матери, которая, однако, предпочитала ему второго своего сына (*Льва*), и притом до такой степени, что каждый успех старшего делал ее к нему равнодушнее и вызывал с ее стороны сожаление, что успех этот не достался ее любимцу. Но последний год ее жизни, когда она была больна несколько месяцев, Александр Сергеевич ухаживал за нею с такою нежностью и уделял ей от малого своего состояния с такою охотой, что она узнала свою несправедливость и просила у него прощения, сознавая, что она не умела его ценить. Он сам привез ее тело в Святогорский монастырь, где она похоронена. После похорон он был чрезвычайно расстроен и жаловался на судьбу, что она и тут его не пощадила, дав ему такое короткое время пользоваться нежностью материнскою, которой до того времени он не знал. Между тем, как он сам мне рассказывал, нашлись люди в Петербурге, которые уверяли, что он при отпевании тела матери неприлично весел был.

Бар. Е. Н. ВРЕВСКАЯ—в заметке, бывшей в распоряжении М. И. Семевского. *Русск. Вестник*, 1869, № 11, 89.

1 апреля 1836 г.—Пушкина жестоко жмет цензура. Он жаловался на Крылова и просил себе другого цензора, в подмогу первому. Ему назначили Гаевского. Пушкин раскаивается, но поздно. Гаевский до того напуган гауптвахтой, на которой просидел восемь дней, что теперь сомневается, можно ли пропускать в печать известия, вроде того, что такой-то король скончался.

А. В. НИКИТЕНКО, I, стр. 273.

Пишу к вам из той стороны, «где вольные жилали вы», где ровно тому десять лет пировали мы втроем — вы, Вульф и я, где звучали наши стихи и бокалы с ёжкой¹⁾, где теперь вспоминаем мы вас — и старину. Поклон вам от холмов Михайловского, от сеней Тригорского, от волн голубой Сороти, от Евпраксии Николаевны, некогда полувоздушной девы, ныне дебелий жены, в пятый раз уже брюхатой, и у которой я в гостях. Алексей Вульф здесь же,

¹⁾ Ёжкой называется то «слияние рома и вина», о котором говорит Пушкин в своем послании к Языкову. (*Ак. Изд. соч. П—на, IV, стр. 373*).

отставной студент и гусар, усатый агроном, тверской ловелас — попрежнему милый, но уже перешагнувший за тридцатый год.— Пробывание мое в Пскове не так шумно и весело ныне, как во время моего заточения, во дни, как царствовал Александр; но оно так живо мне напомнило вас, что я не мог не написать вам несколько слов.

ПУШКИН—Н. М. Языкову, 14 апреля 1836 г., из Голубова.

Милостивый государь Александр Сергеевич! Его сиятельство граф Александр Христофорович просит вас доставить к нему письмо, полученное вами от Кюхельбекера (*лицейский товарищ Пушкина, ссыльный декабрист*) и с тем вместе желает непременно знать, через кого вы его получили.

А. Н. МОРДВИНОВ—Пушкину, 27 апреля 1836 г. *Переп. Пушкина, III, 304.*

Спешу препроводить к вашему превосходительству полученное мною письмо. Мне вручено оное тому с неделю, по моему возвращению с прогулки, оно было просто отдано моим людям безо всякого словесного препоручения неизвестно кем. Я полагал, что письмо доставлено мне с вашего ведома.

ПУШКИН—А. Н. Мордвинову, 28 апреля, 1836 г., Петербург.

Я не видела Александра Пушкина после его возвращения из Михайловского, потому что он сейчас же уехал в Москву. Как вы находите его журнал («Современник»)? Здесь он не пользуется большим успехом. А жена его уж на будущие барыши наняла дачу на Каменном острове еще вдвое дороже прошлогоднего.

АН. Н. ВУЛЬФ—П. А. Осиповой, 6 мая 1836 г., из Петербурга. *П-я и его совр-ки, XXI—XXII, 336.*

Пушкин одно время, очень непродолжительное, был журналистом. Но журнальное дело не было его делом. Срочная работа была не по нем. Он принялся за журнал вовсе не из литературных видов, а из экономических. Ему нужны были деньги, и он думал, что найдет их в журнале. Он обчелся и в литературном, и в денежном отношении. Пушкин тогда не был уже повелителем и кумиром двадцатых годов. По мере созревания и усиливающейся мужественности таланта своего, он соразмерно утрачивал чары, коими оплаивал молодые поколения и критику. Пушкин не только не заботился о своем журнале с родительской нежностью, он почти пренебрегал им. Однажды прочел он мне свое новое поэтическое произведение.— «Что же,— спросил я,— ты напечатать его в следующей книжке?» — «Да, как бы не так,— отвечал он,— я не такой дурак: подписчиков баловать нечего. Нет, я приберегу стихотворение для нового тома сочинений моих».

Кв. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Поля. собр. соч., II, 370.*

4 мая, Москва, у Нащокина — против Старого Пимена, дом г-жи Ивановой. Путешествие мое было благополучно. 1-го мая переночевал я в Твери, а 2-го ночью приехал сюда. Я остановился у Нащокина. Жена его очень

мила. Он счастлив и потолстел. Мы, разумеется, друг другу очень обрадовались и целый вчерашний день проболтали, бог знает о чем.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 4-го мая 1836 г., из Москвы.

Мы с мужем квартировали тогда в Пименовском пер., в доме Ивановой. Пушкин во время своих приездов в Москву останавливался у нас. Для него была даже особая комната в верхнем этаже, рядом с кабинетом мужа. Она даже и называлась «Пушкинской». Муж мой имел обыкновение каждый вечер проводить в английском клубе. На этот раз он сделал то же. Так как помещение клуба было недалеко от нашей квартиры, то Павел Войнович, уходя, спросил нас, что нам прислать из клуба. Мы попросили варенца и моченых яблок. Это были любимые кушанья поэта. Через несколько минут клубовский лакей принес просимое нами. Мы остались с Пушкиным вдвоем, и тотчас же между нами завязалась одушевленная беседа. Можно было подумать, что мы — старые друзья, когда на самом деле мы виделись во второй раз в жизни. Впрочем, говорил больше Пушкин, а я только слушала. Он рассказывал о дружбе с Павлом Войновичем, об их молодых проказах, припоминал смешные эпизоды. Более привлекательного человека и более милого и интересного собеседника я никогда не встречала. В беседе с ним я не заметила, как пролетело время до 5 часов утра, когда мой муж вернулся из клуба.

— Ты соскучился, небось, с моей женой? — спросил Павел Войнович, входя.

— Уезжай, пожалуйста, каждый вечер в клуб! — ответил всегда любезный и находчивый поэт.

— Вижу, вижу. Ты уж ей насплетничал на меня!? — сказал Павел Войнович.

— Было немножко... — ответил Пушкин смеясь.

В. А. НАШОКИНА. Воспоминания. *Новое Время*, 1898, № 8115.

После женитьбы Нащокин вел жизнь уже не на цыганский лад, игру вел только в английском клубе, где от графа Мусина-Пушкина, проигравшего огромные суммы, на долю Нащокина достался порядочный куш. Тогда занимается в приходе Старого Пимена прекрасный двухэтажный дом, мебель Гамбса, отличные обеды, вина и сигары первого сорта. Из прежних гостей остались только кн. Гагарин, артисты Московского театра, да приезжавшие из Петербурга или из-за границы иностранцы, которых он и угощал, и дарил. Вьетану, например, он подарил скрипку, с которой знаменитый артист обехал всю Европу; В. А. Каратыгину устраивал овадии, обед в английском клубе... Деньги он бросал и на добрые дела, и на глупости. Чего стоил ему один «Домик»! Предположив себе людей в размер среднего роста детских кукол, он, по этому масштабу, заказывал первым мастерам все принадлежности к этому дому: генеральские ботфорты на комодах делал лучший петербургский сапожник Пель; рояль в 7½ октав — Вирт: Вера Александровна палочками играла на нем всевозможные пьесы; мебель, раздвижной обеденный стол работал — Гамбс; скатерти, салфетки, фарфоровую и хрустальную посуду, все, что потребно на 24 куверта, — все делалось на лучших фабриках. Несколько измененное общество постоянно посещало радушного хозяина с утра до полудня, так как он на все вечера и на известные обеденные дни уезжал в английский клуб. Ему были приятелями все замечательные люди того времени: Д. В. Давыдов, Толстой (американец). Он знал множество анекдотов, и исторических, и частных, умел рассказывать их и сообщал

Пушкину о курьезных новостях Москвы. Пушкина забавляли его сообщения. — Но чем мог Нащокин привлекать к себе таких людей, как Пушкин, Гоголь, кн. Вяземский и др.? — Умом. Да, умом необыкновенным, переполненным врожденной, природной логикой и здравым смыслом; а рассудок, несмотря на его страсть к игре, во всех остальных перепетиях жизни, — рассудок царствовал в его умной голове и даже был полезен для других людей, обращавшихся к его совету или суду, при крайних столкновениях в жизни.

Н. И. КУЛИКОВ. Воспоминания. *Рус. Стар.*, 1880, дек., 993.

Весной 1836 г. Пушкин приехал в Москву, Нащокина не было дома. Дорогого гостя приняла жена его. Рассказывая ей о недавней потере своей, Пушкин, между прочим, сказал, что когда рыли могилу для его матери в Святогорском монастыре, он смотрел на работу могильщиков и, любуясь песчаным, сухим прунтом, вспомнил о Войныче (так он звал его иногда): «Если он умрет, непременно его надо похоронить тут; земля прекрасная, ни червей, ни сырости, ни глины, как покойно ему будет здесь лежать». — Жена Нащокина очень опечалилась этим рассказом, так что сам Пушкин встревожился и всячески старался ее успокоить, подавая воды и пр.

Пушкин несколько раз приглашал Нащокина к себе в Михайловское и имел твердое намерение совсем его туда переманить и зажить с ним вместе и оседло.

Жженку называл Бенкендорфом, потому, что она, подобно ему, имеет полицейское, усмиряющее и приводящее все в порядок влияние на желудок.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рассказы о Пушкине*, 49.

Весной я поехал из Твери в деревню на два дня; вечером в Тверь приехал Пушкин. На всякий случай я оставил письмо, которое отвез ему мой секундант князь Козловский. Пушкин жалел, что не застал меня, извинялся и был очень лобезен и разговорчив с Козловским. На другой день он уехал в Москву. На третий я вернулся в Тверь и с ужасом узнал, с кем я раз'ехался. Первой моей мыслью было, что он подумает, пожалуй, что я от него убежал. Тут мешкать было нечего. Я послал тотчас за почтовой тройкой и без оглядки поскакал прямо в Москву, куда приехал на рассвете и велел вести себя прямо к П. В. Нащокину, у которого останавливался Пушкин. В доме все еще спали. Я вошел в гостиную и приказал человеку разбудить Пушкина. Через несколько минут он вышел ко мне в халате, заспанный и начал чистить необыкновенно длинные ногти. Первые взаимные приветствия были очень холодны. Он спросил меня, кто мой секундант. Я отвечал, что секундант мой остался в Твери, что в Москву я только приехал и хочу просить быть моим секундантом известного генерала князя Ф. Гагарина ¹⁾. Пушкин извинился, что заставил меня так долго дожидаться и объявил, что его секундант П. В. Нащокин. Затем разговор несколько оживился, и мы начали говорить об начатом им издании «Современника». «Первый том был очень хорош, сказал Пушкин. Второй я постараюсь выпустить поскучнее: публику баловать не надо». Тут он рассмеялся, и беседа между нами пошла почти дружеская, до появления Нащокина. Павел Войнович явился в свою очередь

¹⁾ Он меня спрашивал: кто мой секундант? — «У меня нет, — говорил я. — А так как дуэль эта для вас важнее, чем для меня, потому что последствия у нас опаснее, чем самая драка, то я предлагаю вам выбрать и моего секунданта». Он не соглашался. Решил просить кн. Ф. Гагарина. Впрочем, разговор был дружелюбный. — «Неужели вы думаете, что мне весело стреляться? — говорил Пушкин. — Да что делать? J'ai le malheur d'être un homme public et vous savez que c'est pire que d'être une femme publicque». (*Гр. В. А. Сологуб. Записка. Б. Модзалевский, «Пушкин», 375).*

заспанный, с вз'ерошенными волосами и, глядя на мирный его лик, я невольно пришел к заключению, что никто из нас не ищет кровавой развязки, а что дело в том, как бы всем выпутаться из глупой истории, не уронив своего достоинства. Павел Войнович тотчас приступил к роли примирителя. Пушкин непременно хотел, чтоб я перед ним извинился. Обиженным он впрочем себя не считал, но ссылаясь на мое светское значение и как будто боялся компрометировать себя в обществе, если оставить без удовлетворения дело, получившее уже в небольшом кругу некоторую огласку. Я с своей стороны объявил, что извиняться перед ним ни под каким видом не стану, так как я не виноват решительно ни в чем; что слова мои были перетолкованы превратно и сказаны в таком-то смысле. Спор продолжался довольно долго. Наконец, мне было предложено написать несколько слов Наталье Николаевне. На это я согласился, написал прекудрявое французское письмо, которое Пушкин взял, и тотчас же протянул мне руку, после чего сделался чрезвычайно весел и дружелюбен. Это выказывает одну странную сторону его характера, а именно его пристрастие к светской молве, к светским отличиям, толкам и условиям. И тут, как и после, жена его была только невинным предлогом, а не причиной его взрывочного возмущения против судьбы. И, несмотря на то, он дорожил своим великосветским положением. Письмо же мое Пушкин, кажется, изорвал, так как оно никогда не дошло по своему адресу.

Граф В. А. СОЛОГУБ. Из воспоминаний. Рус. Арх., 1865, стр. 1219—1221.

Пушкин просил, чтобы я написал его жене. Я написал следующее (*по-французски*): «Милостивая государыня! Я, конечно, не ожидал, что буду иметь честь писать вам. Дело в несчастной фразе, которую я произнес в припадке дурного расположения духа. Вопрос, с которым я к вам обратился, обозначал, что шалости молодой девушки не соответствуют достоинству царицы общества. Я был в отчаянии, что этим словам было придано значение, недостойное порядочного человека». Пушкин говорил, что это слишком... (*пропуск в рукописи Анненкова*). Письмо он желал, как доказательство в случае, что ему упрекать будут, что оскорбили его жену, и просил, чтоб в конце я просил у жены извинения. На это я долго не соглашался. Пушкин говорил: «Можно всегда просить извинения у женщины». Нащокин также уповаривал. Наконец, я приписал: «и прошу принять мои извинения», — чему теперь душевно радуюсь. Пушкин мне подал руку и был очень доволен.

Гр. В. А. СОЛОГУБ. Записка, бывшая в распоряжении Анненкова. Б. Модзалевский, «Пушкин», 376.

П. В. Нащокин уладил спор Пушкина с Сологубом, предотвратив дуэль.

В. А. НАШОКИНА. Нов. Вр. 1898, № 8115.

Вот уж три дня, как я в Москве, и все еще ничего не сделал. Архива не видал, с книгопродавцами не сторговался, всех визитов не отдал, к Солнцевым (*семья тетки*) на поклонение не бывал. Что прикажешь делать? Нащокин встает поздно, я с ним забалтываюсь — глядь, обедать пора, а там ужинать, а там спать — и день прошел. Вчера был у Дмитриева, у Орлова, Толстого, сегодня собираюсь к остальным. Про тебя, душа моя, идут кой-какие толки, которые не вполне доходят до меня, потому что мужья всегда последние в городе узнают про жен своих; однакож видно, что ты кого-то (*царя*) довела до такого отчаяния своим кокетством и жестокостью, что он завел себе в утешение гарем из театральных воспитанниц. Нехорошо, мой

ангел: скромность есть лучшее украшение вашего пола. Жду письма от тебя с нетерпением. Что твое брюхо, и что твои деньги? Я не раскаиваюсь в моем приезде в Москву, а тоска берет по Петербурге. На даче ли ты? Как ты с хозяйном управлялась? что дети? экое поре! Вижу, что непременно нужно иметь мне 80.000 доходу. И буду их иметь. Не даром же пустился в журнальную спекуляцию — а ведь это все равно, что золотарство: очищать русскую литературу есть чистить нужники и зависеть от полиции. Того и гляди, что... Чорт их побери! У меня кровь в желчь превращается.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 5 мая 1836 г., из Москвы.

Жизнь пребеспутная. Дома не сижу — в архиве не роюсь. Сегодня еду во второй раз к Малиновскому. На-днях обедал я у (М. Ф.) Орлова, у которого собрались Московские Наблюдатели. Орлов умный человек и очень добрый малый, но до него я как-то не охотник по старым нашим отношениям; Раевский (Ал.); который с прошлого раза казался мне приглупевшим, кажется, опять оживился и поумнел. Вчера ужинал у кн. Фед. Гагарина и возвратился в 4 часа утра — в таком добром расположении, как бы с бала. Нащокин здесь одна моя отрада. Но он спит до полудня, а вечером едет в клуб, где играет до света.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 11 мая 1836 г., из Москвы.

В архивах я был и принужден буду опять в них зарыться месяцев на шесть; что тогда с тобою будет? А тебя с собою, как тебе угодно, уж возьму. Жизнь моя в Москве степенная и порядочная. Сижу дома — вижу только мужской пол. Пешком не хожу, не прыгаю — и толстею. С литературой московской кокетничаю, как умею; но Наблюдатели меня не жалуют. Любит меня один Нащокин. Но тинтере (*карточная игра*) — мой соперник, и меня приносят ему в жертву. Все зовут меня обедать, а я всем отказываю. Начинаю думать о выезде. Ты уж, вероятно, в своем загородном болоте. Что-то дети мои и книги мои? Каково-то перевезла и перетащила тех и других? и как перетащила ты свое брюхо?

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 14 мая 1836 г., из Москвы.

У Щепкина (*М. С., знаменитого актера*) хранится лист бумаги, на котором великий художник Пушкин своею рукою написал следующее:

(17 мая 1836 г. Москва). Записки актера Щепкина. Я родился в Курской губернии, Обоянского уезда, в селе Красном, что на речке Пенке...

С. Т. АКСАКОВ. Несколько слов о М. С. Щепкине. *Записки и письма М. С. Щепкина*. М. 1864, стр. 5. Ср. И. Н. Божерянов. *Иллюстрир. история русск. театра*, т. I, вып. II, примеч., стр. 15.

Пушкин, которого я видела в пятницу у Свербеевых, очаровал меня решительно... Мы вчера только возвратились из Нового Иерусалима... Нас было три дамы и вот сколько мужчин: Свербеев, Дюк (*Ал. Мих. Языков*), Павлов (*Н. Ф.*), Хомяков, Андросов, Венелин (*Ю. И.*), Боборыкин, Скарятин...

Пушкин, видно, не очень любит московских литераторов и отказался от поездки.

Е. Мих. ЯЗЫКОВА—брату Н. М. Языкову (поэту),
19 мая 1836 г., из Москвы. «Искусство», 1928, кн.
1—2. Изд. Гос. Ак. Худ. Наук. Стр. 158.

У меня душа в пятки уходит, как вспомню, что я журналист. Будучи еще порядочным человеком, я получал уж полицейские выговоры и мне говорили: *vous avez trompé*, и тому подобное. Что же теперь со мной будет? Мордвинов будет на меня смотреть, как на Фадея Булгарина и Николая Полевого, как на шпиона: чорт догадал меня родиться в России с душою и талантом! Весело, нечего сказать.

ПУШКИН—Н. Н. Пушкиной, 18 мая 1836 г., из
Москвы.

В нашей семье он положительно был, как родной. Мы проводили счастливые часы втроем в бесконечных беседах, сидя вечером у меня в комнате на турецком диване, поджавши под себя ноги. Я помещалась обыкновенно посредине, а по обеим сторонам мой муж и Пушкин в своем красном арха-луке с зелеными клеточками. Я помню частые возгласы поэта: — «Как я рад, что я у вас! Я здесь в своей родной семье!» — Насколько Пушкин любил общество близких ему людей, настолько же не любил бывать на званых обедах в честь его. Он часто жаловался мне, что на этих обедах чувствовал себя стесненным, точно на параде; особенно неприятно было ему то, что все присутствовавшие обыкновенно ждали, что Пушкин скажет, как посмотрит и т. п.

В. А. НАЩОКИНА. *Нов. Вр.* № 8115—8122.

Любя тихую домашнюю жизнь, Пушкин неохотно принимал приглашения, неохотно ездил на так называемые литературные вечера. Нащокин сам уговаривал его ездить на них, не желая, чтобы про него говорили, будто он его у себя удерживает... Нащокин и жена его с восторгом вспоминают о том удовольствии, какое они испытывали в сообществе и в беседах Пушкина. Он был душа, оживитель всякого разговора. Они вспоминают, как любил домоседничать, проводил целые часы на диване между ними; как они учили его играть в вист, и как просиживали за вистом по целым дням; четвертым партнером была одна родственница Нащокина, невзрачная собою; над ней Пушкин любил подшучивать.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рассказы о Пушкине*, 33.

К нам часто приезжала княжна Г., общая «кузина», как ее все называли, дурнушка, недалекая старая дева, воображавшая, что она неотразима. Пушкин жестоко пользовался ее слабостью и подсмеивался над нею. Когда «кузина» являлась к нам, он вздыхал, бросал на нее пламенные взоры, становился перед нею на колени, целовал ее руки и умолял окружающих оставить их вдвоем. Кузина млела от восторга и, сидя за картами (Пушкин неизменно садился рядом с ней), много раз в продолжение вечера роняла на пол платок, а Пушкин, подымая, каждый раз жал ей ногу.

В. А. НАЩОКИНА. *Новое Время*, № 8122.

В пример милой веселости Пушкина Нащокин рассказал следующий случай. Они жили у Старого Пимена, в доме Иванова. Напротив их квартиры жил какой-то чиновник, рыжий и кривой, жена у этого чиновника была тоже рыжая и кривая, сынишка — рыжий и кривой. Пушкин, для шуток вздумал волючиться за супругой и любовался, добившись того, что та стала воображать, будто действительно ему нравится, и начала кокетничать. Начались пересылки: кривой мальчик прихаживал от матушки узнать от Александра Сергеевича, который час и пр. Сама матушка с жеманством и принарядившись прохаживалась мимо окон, давая знаки Пушкину, на которые тот отвечал преуморительными знаками. Случилось, что приехал с Кавказа Лев Сергеевич и привез с собой красивый порошок, которым можно было совсем перекрасить волосы. Раз почтенные супруги куда-то отправились, остался один рыжий мальчик. Пушкин вздумал зазвать его и перекрасить. Нащокин, как сосед, которому за это пришлось бы иметь неприятности, уговорил удовольствоваться одним смехом.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рассказы о Пушкине*, 33.

Вера Александровна Нащокина рассказала мне еще следующее о Пушкине. Когда Пушкин жил у них (в последний приезд его в Москву), она часто играла на гитаре, пела. К ним приходил тогда шут Еким Кириллович Загряцкий. Он пел песню, которая начиналась так:

Двое сани с подрезами,
Одни писаные;
Дай балалайку, дай гудок.

Пушкину очень понравилась эта песня; он переписал ее всю для себя свое рукою, и хотя вообще мало пел, но эту песню тянул с утра до вечера.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рассказы о Пушкине*, 46.

К нам часто заходил некто З., из бедных дворян. Жалкий был человек, и нужда сделала из него шута. Пушкин любил его кривляния и песни. Время было такое. Особенно много поэт смеялся, когда тот пел:

Двое саней с подрезами,
Третьи писаные.
Под'езжали ко цареву кабаку в т. д.

«Как это выразительно! — замечал Пушкин. — Я так себе и представляю картину, как эти сани в морозный вечер, скрипя подрезами по крепкому снегу, под'езжают «ко цареву кабаку».

В. А. НАШОКИНА. *Новое Время*, 1898, № 8122,
иллюстр. прилож., стр. 7.

Натура могучая, Пушкин и телесно был отлично сложен, строен, крепок, отличные ноги. В банях, куда ездил с Нащокиным тотчас по приезде в Москву, он, вытарившись на полке, бросался в ванну со льдом и потом уходил опять на полку. К концу жизни у него уже начала показываться лысина, и волосы его переставали виться.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рассказы о Пушкине*, 43.

У Пушкина существовало великое множество всяких примет. Часто, собравшись ехать по какому-нибудь неотложному делу, он приказывал отпрягать тройку, уже поданную к под'езду, и откладывал необходимую поездку из-за того только, что кто-нибудь из домашних или прислуги вручал ему какую-нибудь забытую вещь вроде носового платка, часов и т. п. В этих случаях он ни шагу уже не делал из дома до тех пор, пока, по его мнению, не пройдет определенный срок, за пределами которого зловещая примета теряет силу.

В. А. НАЦОКИНА. *Новое Время*, № 8122.

Удостоверяю, что подаренный мною А. А. Карвинкину старинный зеленого сафьяна с шитьем из шелка бумажник принадлежал в свое время А. С. Пушкину и перешел к моему покойному мужу, П. В. Нацокину, при следующих, насколько припоминаю, обстоятельствах. В мае 1836 г. Пушкин гостил у нас в Москве у церкви Старого Пимена. Мой муж всякий день почти играл в карты в Английском клубе и играл крайне несчастливо. Перед от'ездом в Петербург Пушкин предложил однажды Павлу Войновичу этот бумажник, говоря: «попробуй сыграть с ним на мое счастье». И как раз Павел Войнович выиграл в этот вечер тысяч пять. Пушкин тогда сказал: «Пускай этот бумажник будет всегда счастьем для тебя».

В. А. НАЦОКИНА. *Русский Библиофил*, 1916, № 8, стр. 71.

Пушкин любил чай и пил его помногу, любил цыганское пение, особенно пение знаменитой в то время Тани, часто просил меня играть на фортепиано и слушал по целым часам. Любил также шутов, острые слова и карты. За зеленым столом он готов был просидеть хоть сутки. В картах ему не везло, и играл он дурно, отчего почти всегда был в проигрыше.

Они часто острили с моим мужем наперебой друг с другом. Я была у обедни в церкви Старого Пимена, как называют ее в Москве в отличие от Нового Пимена, что близ Селезневской улицы.— Где же Вера Александровна? — спросил Пушкин у мужа.— Она поехала к обедне.— Куда? — К Пимену.— А зачем ты к Пимену пускаешь жену одну? — Так я же пускаю к Старому Пимену, а не к молодому,— ответил мой муж.

Пушкина называли ревнивым мужем. Я этого не замечала. Знаю, что любовь его к жене была безгранична. Наталья Николаевна была его богом, которому он поклонялся, которому верил всем сердцем, и я убеждена, что он никогда даже мыслью, даже намеком на какое-либо подозрение не допускал оскорбить ее. Надо было видеть радость и счастье поэта, когда он получал письма от жены. Он весь сиял и осыпал их поцелуями. В одном ее письме каким-то образом оказалась булавка. Присутствие ее удивило Пушкина, и он воткнул эту булавку в отворот своего сюртука. В последние годы клевета и стесненность в средствах омрачали семейную жизнь поэта, однако мы в Москве видели его всегда неизменно веселым, как и в прежние годы, никогда не допускавшим никакой дурной мысли о своей жене. Он боготворил ее по-прежнему.

В. А. НАЦОКИНА. *Новое Время*. 1898. № 8122.

Какой Пушкин был весельчак, добряк и острослов! Он говорил тенором, очень быстро, каламбурил и по-русски, и по-французски... Жена его была

добрая, но легкомысленная. Ветер, ветер! Прабо, она какая-то, казалось мне, бесчувственная. Пушкин ее любил безумно.

В. А. НАШОКИНА по записи Н. Ежова. *Новое Время*, 1899, № 8343. Перепеч. в *Книге воспоминаний о Пушкине*, 316.

Пушкин не любил Вяземского, хотя не выражал того явно; он видел в нем человека безразличного, ему досадно было, что тот волочился за его женой, впрочем, волочился просто из привычки светского человека отдавать долг красавице. Напротив, Вяземскую Пушкин любил (стр. 28). (*Примечание М. А. Цявловского: Сообщение Нащокина о том, что Вяземский волочился за Н. Н. Пушкиной, неожиданно подтверждается поступившими в годы революции в Пушкинский Дом письмами кн. П. А. Вяземского к вдове поэта. Письма эти, как мне передавал летом 1924 г. Б. Л. Модзалевский, говорят о сильном увлечении князя Н. Н. Пушкиной. Стр. 78).*

Пушкин был человек самого многостороннего знания и огромной начитанности. Известный египтолог Гулянов, встретясь с ним у Нащокина, не мог надивиться, как много он знал даже по такому предмету, каково языковедение. Он изумлял Гулянова своими светлыми мыслями, меткими, верными замечаниями. Раз, Нащокин помнит, у них был разговор о всеобщем языке. Пушкин заметил, между прочим, что на всех языках в словах, означающих *свет, блеск*, слышится буква *л*.— С. С. Мальцову, отлично знавшему по-латыни, Пушкин стал объяснять Марциала и тот не мог надивиться верности и меткости его замечаний. Красоты Марциала были ему понятнее, чем Мальцову, изучавшему поэта.

П. В. НАШОКИН по записи Бартенева. *Рассказы о Пушкине*, 39.

Однажды Пушкин зашел к молодому классику Мальцову и застал его над Петронием. Мальцов затруднялся понять какое-то место. Пушкин прочел и тотчас же объяснил ему его недоразумение.

С. А. СОБОЛЕВСКИЙ по записи Бартенева. *Рус. Арх.*, 1908, III, 591.

Нащокин повторяет, что Пушкин был не только образованнейший, но и начитанный человек. Так, он очень хорошо помнит, как он почти постоянно держал при себе в карманах одну или две книги, и в свободное время, затихнет ли разговор, разойдется ли общество, после обеда — принимался за чтение. Читая Шекспира, он пленился его драмой: «Мера за меру», хотел сперва перевести ее, но оставил это намерение, не надеясь, чтобы наши актеры, которыми он не был вообще доволен, умели разыграть ее. Вместо перевода, подобно своему Фаусту, он переделал Шекспирово создание в своем Анджело. Он именно говорил Нащокину: «Наши критики не обратили внимание на эту пьесу и думают, что это одно из слабых моих сочинений, тогда как ничего лучше я не написал».

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рассказы о П-не*, 47.

Пушкин хвалил Нащокину «Ревизора», особенно «Тараса Бульбу». О сей последней пьесе Пушкин рассказывал Нащокину, что описание степей

внушил он. Пушкину какой-то знакомый господин (да; это было при мне. Стражинский. *Примечание С. А. Соболевского*) очень живо описывал в разговоре степи. Пушкин дал случай Гоголю послушать и внушил ему вставить в «Бульбу» описание степи ¹⁾.

П. И. БАРТЕНЕВ со слов П. В. Нащокина. *Рассказы о Пушкине*, 45.

Люди, близко знавшие Пушкина (Нащокин, кн. Вяземской, В. А. Жуковский), утверждали, что их друг, за что бы ни принялся, во всем был велик и гениален.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1899, 11, 146.

Никого не знала я умнее Пушкина. Ни Жуковский, ни князь Вяземский спорить с ним не могли,— бывало, забьет их совершенно. Вяземский, которому очень не хотелось, чтоб Пушкин был его умнее, надуется и уже молчит, а Жуковский смеется: «Ты, брат, Пушкин, чорт тебя знает, какой ты,— ведь вот и чувствую, что вадор говоришь, а переспорить тебя не умею, так ты нас обоих в дураках и записываешь».

Пушкин мне говорил: «У всякого есть ум, мне не скучно ни с кем, начиная с будочника и до царя». И действительно, он мог со всеми весело проводить время. Иногда с лакеями беседовал.

А. О. СМИРНОВА-РОССЕТ по записи Я. П. Полонского. *Голос Минувшего*, 1917, № 11, 154.

Будучи членом Академии Русской Словесности (жетоны академии он приваживал к Нащокину), Пушкин сильно добивался быть членом Академии Наук, но Уваров не допускал его, и это было одною из причин их неудовольствия.

Ни наших университетов, ни наших театров Пушкин не любил. Не ценил Каратыгина, ниже Мочалова. С Сосницким был хорош.

Пушкин был великодушен, щедр на деньги. Бедному он не подавал меньше 25 рублей. Но он как будто старался быть скупее и любил показывать, будто он скуп.

П. В. НАЩОКИН по записи Бартенева. *Рассказы о Пушкине*, 43.

Пушкин у нас здесь. Он много занимается своим Петром Великим.

П. Я. ЧААДАЕВ—А. И. Тургеневу, 25 мая 1836 г., из Москвы. *Соч. и письма Чаадаева*. М., 1914. Т. 1, стр. 191 (фр.).

Последний раз Шевырев видел Пушкина весною 1836 г.; он останавливался у Нащокина, в Дегтярном переулке. В это посещение он сообщил Шевыреву, что занимается «Словом о полку Игореве», и сказал между прочим свое объяснение первых слов. Последнее свидание было в доме Шевырева; за ужином он превосходно читал русские песни.

С. П. ШЕВЫРЕВ. *Л. Майков*, 331.

¹⁾ Настоящая фамилия господина была Шаржинский. П. А. Кулиш сообщает: «Из его рассказов Гоголь заимствовал много красок для «Бульбы», напр.: степные пожары и лебеди, летящие в зареве по темному ночному небу, как красные платки». (*Записки о жизни Гоголя*, I, 145).

Помню, в последнее пребывание у нас в Москве Пушкин читал черновую «Русалки», а в тот вечер, когда он собирался уехать в Петербург,— мы, конечно, и не подозревали, что уже больше никогда не увидим дорогого друга,— он за прощальным ужином пролил на скатерть масло. Увидя это, Павел Войнович с досадой заметил:

— Эдакий неловкий! За что ни возьмешься, все роняешь!

— Ну, я на свою голову. Ничего...— ответил Пушкин, которого, видимо, взволновала эта дурная примета.

Благодаря этому маленькому приключению, Пушкин послал за тройкой (тогда ездили еще на перекладных) только после 12 часов ночи. По его мнению, несчастье, каким грозила примета, должно миновать по истечении дня... Последний ужин у нас, действительно, оказался прощальным...

В. А. НАЦОКИНА. *Нов. Вр.*, 1898, № 8115.

Нащокин носил кольцо с бирюзой против насильственной смерти и в последний приезд Пушкина настоял, чтоб он принял от него такое же кольцо. Оно было заказано. Его долго не несли, и Пушкин не хотел уехать, не дождавшись его. Кольцо было принесено поздней ночью. По свидетельству Данзаса, кольца этого не было на Пушкине во время предсмертного поединка; но перед самою кончиною он велел подать ему шкатулку, вынул из нее бирюзовое кольцо и, подавая Данзасу, сказал: «от общего нашего друга».

П. И. БАРТЕНЕВ со слов П. В. Нащокина. *Девятнадцатый Век*, I, 393.

Пушкин взял с собой в Петербург моего меньшого брата Л. А. Нарского... В это путешествие случилось маленькое приключение: Нащокин утром другого дня по их отъезде на лестнице нашей квартиры нашел камердинера Пушкина опящим. На вопрос моего мужа, как он здесь очутился, тот объяснил, что Александр Сергеевич, кажется, в селе Всехсвятском, спихнул его с козел за то, что тот был пьян, и приказал ему отправиться к Нащокину, что тот и исполнил.

По возвращении из Петербурга брат рассказывал, что Пушкин в путешествии никогда не дожидался на станциях, пока заложат ему лошадей, а шел по дороге вперед и не пропускал ни одного встречного мужика или бабы, чтобы не потолковать с ними о хозяйстве, о семье, о нуждах, особенно же любил вмешиваться в разговоры рабочих артелей. Народный язык он знал в совершенстве и чрезвычайно скоро умел располагать к себе крестьянскую серую толпу настолько, что мужики совершенно свободно говорили с ним обо всем.

В. А. НАЦОКИНА. *Воспоминания. Новое Время*, 1898, № 8122.

Пушкин много и подолгу любил ходить; во время своих переездов по России нередко целую станцию проходил он пешком, а пройти около 30 верст от Петербурга до Царского Села ему было ни по чем.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1903, № 6, обложка

Я приехал к себе на дачу 23-го в полночь, и на пороге узнал, что Наталья Николаевна благополучно родила дочь Наталью за несколько часов

до моего приезда. Она спала. На другой день я ее поздравил и отдал вместо червонца твое ожерелье, от которого она в восхищении... Деньги, деньги! нужно их до зареза.

Вот тебе анекдот о моем Сашке. Ему запрещают (не знаю зачем) просить, чего ему хочется. На-днях говорит он своей тетке: Азя! дай мне чаю: я просить не буду.

ПУШКИН—П. В. Нащокину, 27 мая 1836 г., из Петербурга.

Борис (*муж Еревской*) хлопочет. Пушкин ему не заплатил, а просил подождать, когда журнал ему выручит эти 2 тыс.: так это бог знает когда будет, а журнал его, говорят, не имеет большого успеха.

Бар. Е. Н. ВРЕВСКАЯ—А. Н. Вульф, 21 мая 1836 г. *П-н и его совр-ки*, XIX—XX, 107.

Уже впоследствии, когда я была замужем и стала матерью, я добилась от старой нашей няни объяснения сохранившихся в памяти ее оговоров Александры Николаевны. Раз как-то Александра Николаевна заметила пропажу шейного креста, которым она очень дорожила. Всю прислугу поставили на ноги, чтобы его отыскать. Тщетно перешарив комнаты, уже отложили надежду, когда камердинер, постилая на ночь кровать Александра Сергеевича,— это совпало с родами его жены,— нечаянно вытряхнул искомый предмет. Этот случай должен был неминуемо породить много толков, и, хотя других данных обвинения няни не могла привести, она с убеждением повторила мне: — «Как вы там ни объясняйте, а по-моему,— грешна была тетенька перед вашей маменькой».

А. П. АРАПОВА. *Нов. Время*, 1907, № 11413, илл. прилож., стр. 6.

Что Пушкин был в связи с Александрой Николаевной, об этом положительно говорила мне княгиня Вера Федоровна (*Вяземская*).

П. И. БАРТЕНЕВ—П. Ф. Щеголеву. *П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина*, 2 изд., стр. 410.

Александра была очень некрасивая, но весьма умная девушка. Еще до брака Пушкина на Nathalie, Alexandrine знала наизусть все стихотворения своего будущего зятя и была влюблена в него заочно. Вскоре после брака Пушкин сошелся с Александриною и жил с нею. Факт этот не подлежит сомнению. Александрина сознавалась в этом г-же Полетике.

Кн. А. В. ТРУБЕЦКОЙ. Рассказ об отношении Пушкина к Дантесу. *П. Е. Щеголев. Дуэль Пушкина*, 2 изд., стр. 404.

От сына одного очень почтенного московского старожилы я слышал, что Александра Николаевна одно время была известна в обществе под названием *бледного ангела*, что опровергает слова кн. Трубецкого об ее красавице.

А. И. КИРПИЧНИКОВ. *Русск. Стар.*, 1901, т. 106, стр. 80.

(«Девушка-кавалерист» Н. А. Дурова (Ал. Андр. Александров) приехала из Елабуги в Петербург устраивать издание своих «Записок», которыми очень интересовался Пушкин). 28 мая 1836 г. «Что вы не остановились у меня, Александр Андреевич?» — спрашивал меня Пушкин, приехав ко мне на третий день; — «вам здесь не так покойно; не угодно ли занять мою квартиру в городе?.. Я теперь живу на даче». — «Много обязан вам, Александр Сергеевич! И очень охотно принимаю ваше предложение. У вас, верно, есть кто-нибудь при доме?» — «Человек, один только; я теперь заеду туда, прикажу, чтоб приготовили вам комнаты». Он уехал, оставя меня очарованною обязательностью его поступков и тою честью, что буду жить у него.

30 мая. Сегодня принесли мне записку от Александра Сергеевича; он пишет, что прочитал мою рукопись, к этому присоединено множество похвал и заключил вопросом: переехала ли я на его квартиру, которая готова уже к принятию меня. Я послала узнать, можно ли уже переехать в дом, занимаемый А. С. Пушкиным? и получила очень забавный ответ: что квартира эта не только не в моей власти, но и не во власти самого Ал. Сергеевича; что, как он переехал на дачу и за наем расплатился совсем, то ее отдали уже другому (стр. 30 — 32).

(Начало июня). Александр Сергеевич приехал звать меня обедать к себе: — из уважения к вашим провинциальным обычаям, — сказал он усмехаясь, — мы будем обедать в пять часов. — «В пять часов?.. В котором же часу обедаете вы, когда нет надобности уважать провинциальных привычек?» — В седьмом, осьмом, иногда в девятом... Пушкин уехал, сказав, что придет за мною в три часа с половиною. С ужасом и содроганием отвратила я взор свой от места, где несчастные приняли достойно заслуженную ими казнь Александр Сергеевич указал мне его (место казни декабристов). Каменный остров, где Пушкин нанимает дачу, показался мне прелестен. С нами вместе обедал друг Александра Сергеевича, г. Плетнев, да три дамы, родственницы жены его, сама она больна после родов и потому не выходила. За столом я имела случай заметить странность в моем любезном хозяине; у него четверо детей, старшая из них, девочка лет пяти, как мне показалось, сидела с нами за столом; друг Пушкина спросил ее: не раздумала ли она идти за него замуж? — Нет, отвечало дитя, не раздумала. — А за кого ты охотнее пойдешь, за меня или за папеньку? — За тебя и за папеньку. — Кого же ты больше любишь, меня или папеньку? — Тебя больше люблю и папеньку больше люблю. — Ну, а этого гостя, — спросил Александр Сергеевич, указывая на меня, — любишь? хочешь за него замуж? — Девочка отвечала поспешно: «нет! нет!» При этом ответе я увидела, что Пушкин покраснел... неужели он думал, что я обижусь словами ребенка?.. Я стала говорить, чтоб прервать молчание, которое очень некстати наступило, и спросила ее: «как же это! гостя надобно бы больше любить!..» Дитя смотрело на меня недоверчиво и наконец стало кушать; тем кончилась эта маленькая интермедия. Но Александр Сергеевич!.. Отчего он покраснел?.. или это уже верх его деликатности, что даже и в шутку, даже от ребенка, не хотел бы он, чтоб я слышала что-нибудь не так вежливое! Или он имел странное понятие о всех живущих в уездных городах? (стр. 40 — 44).

АЛЕКСАНДРОВ. Год жизни в Петербурге, или не-
выгоды третьего посещения. Спб. 1838.

Только в последних годах жизни теряет Пушкин ложный стыд и является в свет уже, как писатель. Важные труды, принятые им на себя, и знаменитость самого имени освобождают его от предубеждения, отличавшего его молодые годы.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 185.

Накануне отъезда Гоголя, в 1836 г. (6 июня) за границу, Пушкин, по словам Якима (гоголевского камердинера), просидел у него в квартире, в доме каретника Иохима, на Мещанской, всю ночь напролет.

Г. П. ДАНИЛЕВСКИЙ. Знакомство с Гоголем. Сочинения, изд. 7, т. V, стр. 302.

В июне 1836 г., когда Н. М. Смирнов уезжал за границу, Пушкин говаривал, что ему тоже очень бы хотелось, да денег нет. Смирнов его убеждал засесть в деревню, поработать побольше и приезжать к ним. Смирнов уверен был, что государь пустил бы его. Тогда уже, летом 1836 год, шли толки, что у Пушкина в семье что-то неладно: две сестры, сплетни, и уже замечали волокитство Дантеса.

АРК. О. РОССЕТ. Рус. Арх., 1882, I, 245.

(Русские песни во французском переводе Пушкина). Эту работу Пушкин сделал для меня одного, за несколько месяцев до своей смерти, на Каменном острове, где я провел много хороших минут.

ЛЕВЕ-ВЕЙМАРС—Фелье-де-Конш, 9 мая 1839 г., Соч. Пушкина под ред. П. А. Ефремова, т. VIII, 243 (фр.).

Русские песни, переведенные Александром Пушкиным для его друга Л. де Веймарса на Невских Островах, дача Бровольского (Brovolsky) (Добровольского?) ¹⁾ в июне 1836 г.

ЛЕВЕ-ВЕЙМАРС, надпись на рукописи пушкинского перевода. Соч. Пушкина под ред. П. А. Ефремова, т. VIII, 243 (фр.).

Пушкин никогда не бывал за границей... В разговоре с каким страданием во взгляде упоминал он о Лондоне и, в особенности, о Париже! С каким жаром отзывался он об удовольствии посещать знаменитых людей, великих ораторов, великих писателей!

ЛЕВЕ-ВЕЙМАРС. Некролог Пушкина в «Journal des Débats». Рус. Стар., 1900, т. 101, стр. 78.

На даче в Строгановом саду, направо с мосту, на берегу, жил граф Григорий Александрович Строганов; супругу его звали Юлия Петровна. Сам он был слепец. У них на даче, со стороны сада, на балконе часто можно было видеть А. С. Пушкина, беседовавшего со стариком... Фигура графа Григория с седыми вьющимися волосами, в бархатном длиннополом черном сюртуке, с добродушной улыбкою, невольно останавливала внимание гулявших в саду. Особенно когда вместе с ним был поэт. Пушкин считал старика Строганова своим другом.

Н. М. КОЛМАКОВ. Очерки и воспоминания. Рус. Старина, 1890, т. 70, стр. 671.

¹⁾ Сколько мы знаем, это — единственное указание, какую именно дачу занимал Пушкин на Каменном острове в 1836 г.

Наталья Николаевна
ПУШКИНА

Рисунок Т. Райта, тронутый акварелью. 1844 г.

Публикуется впервые.

Карандашный рис.
Мазера.

Павел Воинович
НАЩОКИН

инли.

Летом 1834 г. (?) графы Виельгорские наняли на островах Кочубееву дачу. Балкон дачи выходил на усаженное березами шоссе, которое вело от Каменноостровского моста вдоль реки к Елагину. Здесь я увидел картину, выступавшую из пределов действительности и возможную разве в «Обероне» Виланда.. После обеда доложили, что две дамы, приехавшие верхами, желают поговорить с графами. «Знаю, — весело сказал Виельгорский, — они мне обещали заехать», и вышел со мной на балкон. На высоком коне, который не мог стоять на месте и нетерпеливо рыл копытом землю, грациозно покачивалась несравненная красавица, жена Пушкина; с нею были ее сестра и Дантес. Граф стал усердно приглашать их войти. «Некогда!» был ответ. Прекрасная женщина хлыснула по лошади, и маленькая кавалькада галопом скрылась за березами аллеи. Это было словно какое-то идеальное видение! Тою же аллеєю, зимою 1837 г., Пушкину суждено было отправляться на дуэль с Дантесом ¹⁾.

(В. В. ЛЕНЦ). Приключения лифляндца в Петербурге. *Рус. Арх.*, 1878, I, 454.

Неизвестно по каким причинам, голландский посланник Геккерен усыновил Дантеса и объявил его своим наследником (в мае — июне 1836 г.). Дантес возымел великий успех в обществе; дамы вырывали его одна у другой. В доме Пушкина он очутился своим человеком.

(В. В. ЛЕНЦ). Приключения лифляндца в Петербурге. *Рус. Арх.*, 1878, I, 454.

Пушкин часто бывал в обществе кавалергардов, и Т. В. Шлыкова, вспоминая про Пушкина, говаривала, что в театре встречала его постоянно с кавалергардами.

П. И. БАРТЕНЕВ. Из записной книжки. *Рус. Арх.*, 1912, II, 160.

Здание Минеральных вод только что было выстроено, и лучшая публика посещала их. Являлась сюда и царица Александра Федоровна утром для прогулок и вечером во время балов. Тут же было для царской фамилии и особое отделение комнат. Помню: на одном из балов был и А. С. Пушкин со своею красавицей-женой. Супруги невольно останавливали взоры всех. Бал кончался. Наталья Николаевна, в ожидании экипажа, стояла, прислонясь к колонне у входа, а военная молодежь, преимущественно из кавалергардов, окружала ее, рассыпаясь в лобезностях. Несколько в сторону, около другой колонны, стоял в задумчивости Пушкин, не принимая ни малейшего участия в этом разговоре.

Н. М. КОЛМАКОВ. Очерки и воспоминания. *Рус. Стар.* 1891, т. 70, стр. 671.

В течение нескольких лет Дантес ухаживал за Пушкиной. Повидимому, муж, имевший со своей стороны любовницу, ни о чем не догадывался.

А. А. ЩЕРБИНИН. Из неизданных записок. *П-н и его совр-ки*, XV, 41.

¹⁾ Автор относит описываемую встречу к 1834 г. Но лето 1834 г. Наталья Николаевна провела в Калужской губ., да и навряд ли она в это время была знакома с Дантесом. Видеть описанное автор мог только в 1835 или 1836 году, — вернее, в 1836: в этом году Пушкины нанимали дачу как раз на Каменном острове; в 1835-м же году жили на Черной речке.

Где и как произошло знакомство Дантеса с Натальей Николаевной, я не знаю, но с первой встречи она произвела на него впечатление, не изгладившееся во всю его жизнь. Наталья Николаевна первое время не обращала никакого внимания на явное ухаживание Дантеса, привыкшего к легким победам, и это равнодушие, казавшееся ему напускным, только подзадоривало его. Тогда он принялся за систематическую атаку. Никто из молодежи не допускался в дом Пушкиных на интимную ногу. Чтоб иметь только случай встретить или хотя изредка взглянуть на Наталью Николаевну, Геккерен (*Дантес*) пускался на всякие ухищрения. Александра Николаевна рассказывала мне, что его осведомленность относительно их прогулок или выездов была прямо баснословна и служила темой постоянных шуток и догадок сестер. Раз даже дошло до пари. Как-то утром пришла внезапно мысль поехать в театр. Достав локу, Александра Николаевна заметила: — Ну, на этот раз Геккерен не будет! Сам не догадается, и никто подсказать не может. — А тем не менее мы его увидим! — возразила Екатерина Николаевна: — всякий раз так бывает, давай пари держать! — И на самом деле, не успели они занять свои места, как блестящий офицер, звеня шпорами, входил в партер.

Этим неустанным преследованием он добился того, что Наталья Николаевна стала обращать на него внимание, а Екатерина Николаевна, хотя она и должна была понять, что ухаживания относятся к сестре, влюбилась в него, но пыталась скрыть это чувство до поры, до времени.

А. П. АРАПОВА. *Новое Время*, № 11416, стр. 6.

Дантес был статен, красив; на вид ему было в то время лет 20, много 22 года. Как иностранец, он был пообразованнее нас, пажей, и, как француз, — остроумен, жив, весел. И за ним водились шалости, но совершенно невинные и свойственные молодежи, кроме одной, о которой мы узнали гораздо позднее. Не знаю, как сказать: он ли жил с Геккерном, или Геккерн жил с ним... В то время в высшем обществе было развито булдрство. Судя по тому, что Дантес постоянно ухаживал за дамами, надо полагать, что в сношениях с Геккерном он играл только пассивную роль. Он был очень красив, и постоянный успех в дамском обществе избаловал его: он относился к дамам вообще, как иностранец, смелее, развязнее, чем мы, русские, а как избалованный ими, требовательнее, если хотите, нахальнее, наглее, чем даже принято в нашем обществе.

В то время Новая Деревня была модным местом. Мы (*кавалергарды*) стояли в избах, эскадронные учения производились на той земле, где теперь дачки и садикки 1 и 2 линии Новой Деревни. Все высшее общество располагалось на дачах по близости, преимущественно на Черной речке. Дантес часто посещал Пушкина. Он ухаживал за Наташей, как и за всеми красавицами (а она была красавица), но вовсе не особенно «приударял», как мы тогда выражались, за нею. Частые записочки, приносимые Лизой (горничной Пушкиной), ничего не значили: в наше время это было в обычае. Пушкин хорошо знал, что Дантес не приударяет за его женой, он вовсе не ревновал, но, как он сам выражался, ему Дантес был *противен* своею манерою, несколько нахальною, своим языком, менее воздержанным, чем следовало с дамами, как полагал Пушкин. Надо признаться, при всем уважении к высокому таланту Пушкина, это был характер невыносимый. Он все как будто боялся, что его мало уважают, недостаточно почета оказывают; мы, конечно, боготворили его музу, а он считал, что мы мало перед ним преклоняемся. Манера Дантеса просто оскорбляла его и он не раз высказывал желание отделаться от его посещений. Nathalie не противоречила ему в этом. Быть может, даже соглашалась с мужем, но, как набитая дура, не умела прекратить свои невинные свидания с Дантесом. Быть может, ей льстило, что блестящий кавалер-

гард всегда у ее ног. Когда она начинала говорить Дантесу о неудовольствии мужа, Дантес, как повеса, хотел слышать в этом как бы поощрение к своему ухаживанию. Если б Nathalie не была так непроходимо глупа, если бы Дантес не был так избалован, все кончилось бы ничем, так как в то время, по крайней мере, ничего собственно и не было, — рукопожатие, обнимания, поцелуи, но не больше, а это в наше время были вещи обыденные.

Кн. А. В. ТРУБЕЦКОЙ. Об отношении Пушкина к Дантесу. П. Е. Щеголев, Дуэль, 400.

Ольга Сергеевна (Павлищева, сестра Пушкина) рассказывала мне, что брат ее, на ее замечание о Дантесе (встреченном ею у брата на Каменно-островской даче летом 1836 г.): «как он хорош собой», ответил сестре: «это правда, он хорош, но рот у него, хотя и красивый, но чрезвычайно неприятный, и его улыбка мне совсем не нравится».

Л. Н. ПАВЛИЩЕВ. Кончина А. С. Пушкина. Слб. Изд. Сойкина. 1899. Стр. 11.

Дантес обладал безукоризненно-правильными, красивыми чертами лица, но ничего не выражавшими, что называется, стеклянными глазами. Ростом он был выше среднего, к которому очень шла полурьцарская, нарядная, кавалергардская форма. К счастливой внешности следует прибавить неистощимый запас хвастовства, самодовольства, пустейшей болтовни... Дантесом увлекались женщины не особенно серьезные и разборчивые, готовые хохотать всякому излагаемому в модных салонах вздору.

Л. Н. ПАВЛИЩЕВ со слов О. С. Павлищевой. Л. Павлищев, 421.

Дантес был молодой человек, не красивый и не безобразный, довольно высокого роста, несколько неуклюжий, блондин, с небольшими светлыми усиками. В вицмундире он был еще недурен, но, когда надевал парадный мундир и высокие ботфорты и в таком наряде появлялся в обществе русских офицеров, его наружности едва ли бы кто-нибудь позавидовал. Впрочем, это был bon enfant, как говорится, рубаха-парень, веселый, любил карты.

Д-р СТАНИСЛАВ МОРАВСКИЙ. «Воспоминания». Красная Газета, 1928, № 318 (польск.).

Дантес по поступлении в полк оказался не только весьма слабым по фронту, но и весьма недисциплинированным офицером; таким он оставался в течение всей своей службы в полку: то он «садился в экипаж» после развода, тогда как «вообще из начальников никто не уезжал»; то он на параде, «как только скомандовано было полку вольно, позволил себе курить сигару», то «на линейку бизака, вопреки приказанию офицерам не выходить иначе, как в колетах и сюртуках, выходит в шляфоре, имея шинель в накидку». На учении «слишком громко поправляет свой взвод», что, однако, не мешает ему самому «терять дистанцию» и до команды вольно сидеть «совершенно распустившись на седле»; эти упущения Дантес совершает не однажды, но они «неоднократно наперед сего замечаемы были». Мы не говорим уже об отлучках с дежурства, опаздывания на службу и т. п... Число всех взысканий, которым был подвергнут Дантес за три года службы в полку, достигает цифры 44.

С. А. ПАНЧУЛИДЗЕВ. Сборник биографий кавалергардов. СПб. 1908, стр. 77.

Видный, очень красивый, прекрасно воспитанный, умный, высшего общества светский человек, чрезвычайно ценный, как это я видел за границей, русской аристократией. И вел. кн. Михаилу Павловичу нравилось его остроумие, и потому он любит с ним беседовать. В то время командир полка Гринвальд обыкновенно приглашал всех четырех дежурных по полку к себе обедать. Однажды, во время обеда, висевшая лампа упала и обрызгала стол маслом. Дантес, вышедший из дома генерала, шутя сказал: «Гринвальд nous fait manger de la vache enragée assaisonnée d'huile de lampe»⁴⁾. Генерал Гринвальд, узнав об этом, перестал приглашать дежурных к себе обедать.

А. И. ЗЛОТНИЦКИЙ. С. А. Панчулидзе, 77.

Это был столь же ловкий (*gewandter*), как и умный человек, но обладал особенно злым языком, от которого и мне доставалось; его остроты вызвали у молодых офицеров смех.

Ген. Р. Е. ГРИНВАЛЬД. Записки. С. А. Панчулидзе, 77 (нем.).

Н. Н. Пантелеев часто вспоминал Дантеса, с которым был одновременно в полку, называл его «заносящим французом».

С. А. ПАНЧУЛИДЗЕВ, 97.

Красивой наружности, ловкий, веселый и забавный, болтливый, как все французы, Дантес был везде принят дружески, понравился даже Пушкину, дал ему прозвание *Pacha à trois queues* (*трехбунчужный паша*), когда однажды тот приехал на бал с женою и ее двумя сестрами. Скоро он страстно влюбился в г-жу Пушкину. Наталья Николаевна, быть может, немного тронутая сим новым обожанием, невзирая на то, что искренно любила своего мужа, до такой степени, что даже была очень ревнива, или из неосторожного кокетства, казалось, принимала волюкитство Дантеса с удовольствием. Муж это заметил, было домашнее объяснение; но дамы легко забывают на балах данные обещания супругам, и Наталья Николаевна снова принимала приглашения Дантеса на долгие танцы, что заставляло ее мужа хмурить брови.

Н. М. СМЕРНОВ. Из памятных заметок. *Рус. Арх.*, 1882, I, 233.

В 1835 и 1836 годах барон Геккерен и усыновленный им барон Дантес часто посещали дом Пушкина и дома Карамзиных и князя Вяземского, где Пушкины были, как свои. Но после одного или двух балов на Минеральных Водах, где были г-жа Пушкина и барон Дантес, по Петербургу вдруг разнеслись слухи, что Дантес ухаживает за женой Пушкина. Слухи эти долетели и до самого Александра Сергеевича, который перестал принимать Дантеса... Когда Пушкин отказал Дантесу от дома, Дантес несколько раз писал его жене. Наталья Николаевна все эти письма показывала мужу.

К. К. ДАНЗАС по записи А. Аммосова. *Последние дни Пушкина*, 8, 10.

⁴⁾ Непереводимая игра слов. Дословно: «Гринвальд кормит нас бешеной коровой, приправленной ламповым маслом». «Кормить бешеной коровой» значит — «морить голодом».

Дантес вошел в салон вашей матери (*Н. Н. Пушкиной*), как многие другие офицеры гвардии, посещавшие ее. Он страстно влюбился в нее, и его ухаживание переходило границы, которые обычно ставятся в таких случаях. Он оказывал внимание исключительно вашей матери, пожимал ее плечами, даже когда он с нею не говорил; это было ухаживание, более афишированное, чем это принято обыкновенно.

Бар. ГУСТАВ ФРИЗЕНГОФ (муж Алекс. Ник. Гончаровой, со слов своей жены)—А. П. Араповой (дочери Н. Н. Пушкиной от второго ее брака с П. П. Ланским), 14 марта 1887 г. *Красная Нива*, 1929, № 24, стр. 10 (фр.).

При последнем свидании с братом, в 1836 году (в конце июня) Ольга Сергеевна была поражена его худобой, желтизною лица и расстройством его нервов. Александр Сергеевич с трудом уже выносил последовательную беседу, не мог сидеть долго на одном месте, вздрагивал от промкших звонков, падения предметов на пол; письма же распечатывал с волнением; не выносил ни крика детей, ни музыки.

Л. Н. ПАВЛИЩЕВ. *Кончина Пушкина*, 87.

Я так перед тобою виноват, что и не оправдываюсь. Деньги ко мне приходили и уходили между пальцами — я платил чужие долги, выкупал чужие имения, а свои долги остались мне на шее. Крайне расстроенные дела сделали меня несостоятельным... и я принужден у тебя просить еще отсрочки до осени... Я в трауре и не езжу никуда.

ПУШКИН—И. А. Яковлеву, 9-го июля 1836 г., Каменный Остров.

Здесь у меня голова кругом идет, думаю приехать в Михайловское, как скоро немножко устрою свои дела.

ПУШКИН—Н. И. Павлицеву, 13 июля 1836 г., из Петербурга.

Александр Сергеевич, отправляя Льва (своего брата-офицера, снова поступившего на военную службу 13 июня 1836 г.) на Кавказ (он в то время взял на себя управление отцовского имения и уплачивал долги Льва), говорил шутя, чтобы Лев сделал его наследником, потому что все случаи смертности на его стороне; раз, он едет в край, где чума, потом—горцы, и наконец, как военный холостой человек, он может еще быть убитым на дуэли. Вышло же наоборот: он,—женатый, отец семейства, знаменитый,—погиб жертвою непримиримого положения, в которое себя поставил ошибочным расчетом, а этот под пулями черкесов беспечно пил кахетинское и так же мало потерпел от одних, как от другого!

АЛ. Н. ВУЛЬФ. *Дневник*, 21 марта 1842 г. *Л. Майков*, 217.

15 июля 1836 г. Сегодня был у меня Александр Сергеевич; он привез с собою мою рукопись, переписанную так, чтобы ее можно было читать... Отдавая мне рукопись, Пушкин имел очень озабоченный вид; я спросила о

причине: «Ах, у меня такая пропасть дел, что голова идет кругом!.. позвольте мне оставить вас; я должен быть еще в двадцати местах до обеда». Он уехал.

Две недели Александр Сергеевич не был у меня; рукопись моя лежит! Пора бы пустить ее в дело!.. Я поехала сама на дачу к Пушкину; его нет дома.— «Вы напрасно хотите обременить Пушкина изданием ваших записок,— сказал мне Плетнев.— Разумеется, он столько вежлив, что возьмется за эти хлопоты и возьмется очень радушно; но поверьте, что это будет для него величайшим затруднением; он со своими собственными делами не успевает управляться, такое их множество, где же ему набирать дел еще и от других! Если вам издание ваших записок к спеху, то займитесь ими сами или поручите кому другому».

Мне казалось, что Александр Сергеевич был очень доволен, когда я сказала, что боюсь слишком обременить его, поручая ему издание моих записок, и что прошу его позволить мне передать этот труд моему родственнику. Вежливый поэт сохранил однакож обычную форму в таких случаях. Он отвечал, что брался за это дело очень охотно, вовсе не считая его обременением для себя; но если я хочу сделать эту честь кому другому, то он не смеет противиться моей воле.

АЛЕКСАНДРОВ (Н. А. ДУРОВА). Год жизни в Петербурге. СПб. 1838, стр. 46—48.

8 августа 1836 г. взято Пушкиным у Шишкина 7.060 руб. под залог шалей, жемчуга и серебра.

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. Архив опеки над имуществом Пушкина. П-н и его совр-ки, XIII, 98.

По кончине Надежды Осиповны (матери Пушкина), Александр Сергеевич хотел купить (у сонаследников) Михайловское за 40 тысяч, побывав сначала в деревне. Дело было бы конечно, если бы у Ал. Серг-ча случились на то время деньги. Между тем нам надо было ехать в Варшаву, а денег ни гроша, Ал. Серг-ч дает нам тысячу рублей и говорит: «ступайте в деревню, там найдете денег, чтобы добраться в Варшаву». Вместе с тем просит меня заглянуть в хозяйство и пишет управителю слушаться моих приказаний. Найдя в Михайловском большие злоупотребления, а пуще всего ни зерна в амбаре, я прогнал управителя, посадил старосту, и принялся сам хозяйничать, тем более, что наступило время жатвы и посева (в августе 1836 г.). Обо всем этом я тотчас оповестил Ал. Серг-ча.

Н. И. ПАВЛИЩЕВ (зять Пушкина). Записка о сельце Михайловском и моем управлении. П-н и его совр-ки, XIII, 129.

6-го уехал от нас Ник. Игн. (Шениг). Он заменил Пушкина в сердце Маши (Марии Ивановны, младшей сестры Евпр. Н-вны). Она целые три дня плакала об его отъезде и отдаст ему такое преимущество над поэтом, что и сравнивать их не хочет... Я рада этой перемене: Ник. Игн. никогда не воспользуется этим благоприятным положением, что об Пушкине никак нельзя сказать.

Бар. ЕВПР. Н. ВРЕВСКАЯ—брату А. Н. Вульфу, 10 сент. 1836 г. П-н и его совр-ки, XIX—XX, 108.

(1836 г. 1 сент.). (Квартира Пушкина в доме Волконской, у Певческого моста, 2-й Адмиралтейской ч. 1-го квартала под № 7). Всего от одних ворот

до других, нижнего этажа, из одиннадцати комнат состоящего, со службами: кухнею и при ней комнатою в подвальном этаже, взойдя на двор направо; конюшнею на 6 стойлов, сараем, сеновалом, местом в леднике и на чердаке и сухим для вин погребом, сверх того — с двумя комнатами и прачешною, взойдя на двор налево в подвальном этаже во втором проходе, с платою за 4.300 р. асс. в год.

КОНТРАКТ НА НАЕМ КВАРТИРЫ. П-н и его совр, XIII, 95.

В 1836 г., осенью, я как-то ехал с Каменного Острова в коляске с А. С. Пушкиным. На Троицком мосту мы встретились с одним мне неизвестным господином, с которым Пушкин дружески раскланялся. Я спросил имя господина.

— Барков, ex-diplomat, habitué Воронцовых, — отвечал Пушкин и, заметив, что имя это мне вовсе неизвестно, с видимым удивлением сказал мне:

— Вы не знаете стихов однофамильца Баркова и собираетесь вступить в университет? Это курьезно. Барков — это одно из знаменитейших лиц в русской литературе... Первые книги, которые выйдут в России без цензуры, будет полное собрание стихотворений Баркова...

Вообще в это время Пушкин как будто систематически действовал на мое воображение, чтобы обратить мое внимание на прекрасный пол и убедить меня в важном значении для мужчины способности приковывать внимание женщин. Пушкин поучал меня, что вся задача жизни заключается в этом: все на земле творится, чтобы обратить на себя внимание женщин. Не довольствуясь поэтической мыслью, он учил меня, что в этом деле не следует останавливаться на первом шагу, а идти вперед, нагло, без оглядки, чтобы заставить женщин уважать вас... Он постоянно давал мне наставления об обращении с женщинами, приправляя свои нравоучения циническими цитатами из Шамфора...

В то же время Пушкин сильно отговаривал меня от поступления в университет и утверждал, что я в университете ничему научиться не могу. Однажды, соглашаясь с его враждебным взглядом на высшее у нас преподавание наук, я сказал Пушкину, что поступаю в университет исключительно для изучения людей. Пушкин расхохотался и сказал: «В университете людей не изучишь, да едва ли их можно изучить в течение всей жизни. Все, что вы можете приобрести в университете, — это то, что вы привыкнете жить с людьми, и это много. Если вы так смотрите на вещи, то поступайте в университет; но едва ли вы в том не раскаетесь!»

С другой стороны Пушкин постоянно и настойчиво указывал мне на недостаточное мое знакомство с текстами священного писания и убедительно настаивал на чтении книг ветхого и нового завета.

Для нашего поколения, воспитывавшегося в царствование Николая Павловича, выходки Пушкина уже казались дикими. Пушкин и его друзья, воспитанные во время Наполеоновских войн, под влиянием героического разгула представителей этой эпохи, шеголяли воинским удалством и каким-то презрением к требованиям гражданского строя. Пушкин как-будто дорожил последними отголосками беззаветного удалства, видя в них последние проявления заживо схороняемой самобытной жизни.

Из сочинений Пушкина за это время неизгладимое впечатление произвела прочитанная им самим «Капитанская дочка», и не напечатанный монолог обезумевшего чиновника перед Медным Всадником. Монолог этот, содержащий около тридцати стихов, прозвучал при чтении потрясающее впечатление и не верится, чтобы он не сохранился в целости. В бумагах отца моего сохранились многие подлинные стихотворения Пушкина и копии, но монолог не сохранился, весьма может быть потому, что в монологу слишком

энергично звучала ненависть к европейской цивилизации. Мне все кажется, что великолепный монолог таится вследствие каких-либо тенденциозных соображений; ибо трудно допустить, чтобы изо всех людей, слышавших прокламацию, никто не попросил Пушкина дать списать эти тридцать-сорок стихов. Я думал об этом, и не смел просить, вполне сознавая, что мое юношество не внушает доверия. Я помню впечатление, произведенное на одного из слушателей, Аркадия Осиповича Россети, и мне как будто помнится, он уверял меня, что снимет копию для будущего времени.

Кн. ПАВЕЛ ВЯЗЕМСКИЙ. *Собр. соч.*, 545—548.

В сентябре Пушкин приехал в Академию Художеств с женою Натальей Николаевной на нашу сентябрьскую выставку картин. Узнав, что Пушкин на выставке и прошел в Античную галерею, мы, ученики, побежали туда и толпой окружили любимого поэта. Он под руку с женою стоял перед картиной художника Лебедева, даровитого пейзажиста, и долго рассматривал и восхищался ею. Инспектор Академии, Крутов, который его сопровождал, искал всюду Лебедева, чтобы представить Пушкину, но Лебедева не оказалось нигде. Тогда, увидев меня, он взял меня за руку, и представил Пушкину, как получившего тогда золотую медаль (я оканчивал в тот год академию).

Пушкин ласково спросил меня, где мои картины. Я показал их. Как теперь помнится, то были «Облака с Ораниенбаумского берега» и другая — «Группа чухонцев». Узнав, что я — крымский уроженец, Пушкин спросил: «а из какого же города?» Затем он заинтересовался, давно ли я здесь и не болею ли на севере... Помню, в чем была красавица-жена. На ней было изящное белое платье, бархатный черный корсаж с переплетенными черными тесемками, а на голове большая палевая соломенная шляпа. На руках у нее были большие белые перчатки. Мы, все ученики, проводили дорогих гостей до под'езда.

И. К. АЙВАЗОВСКИЙ. *Одесские Новости*, 1899, № 4637.

(На октябрьской выставке в Академии Художеств). Поэт Пушкин, при первом взгляде на группу (?) Пименова («Мальчик, играющий в бабки»), сказал:

— Слава богу! Наконец и скульптура в России явилась народная.

Президент А. Н. Оленин указал ему художника. Пушкин пожал руку Пименова, назвав его *собратом*. Долго всматриваясь и отходя на разные расстояния, поэт в заключение вынул записную книжку и тут же написал экспромпт:

Юноша трижды шагнул, наклонился, рукой о колено
Бодро оперся, другой поднял меткую кость.
Вот уж прицелился... Прочь! раздайся, народ любопытный,
Врозь расступись: не мешай русской удалой игре.

Написанный листок вручен самим поэтом художнику, с новым пожатием и приглашением к себе. Об этой встрече с поэтом Пименов любил рассказывать с жаром, и при этом навертывались у него слезы, — «как у Пушкина, когда пожимал он обеими руками мою правую руку», — говорил нам сам артист, заметив свое волнение.

П. Н. ПЕТРОВ; П. С. Пименов, профессор скульптуры. Спб. 1883, стр. 5.

Вскоре после моего возвращения в Петербург, вечером, ко мне пришел Пушкин и звал к себе ужинать. Я был не в духе, не хотел идти и долго отнекивался, но он меня переупрямил и утащил с собою. Дети его уже спали. Он их будил и выносил ко мне поодиночке на руках. Это не шло к нему, было грустно и рисовало передо мною картину натянутого семейного счастья. Я не утерпел и спросил его: «на кой чорт ты женился?» Он мне отвечал: «Я хотел ехать за границу, а меня не пустили, я попал в такое положение, что не знал, что делать, и женился».

К. П. БРЮЛЛОВ в передаче М. И. Железнова.
М. Железнова. Заметка о К. П. Брюллове. *Живоп. Обзор.*, 1898, № 31, стр. 625¹⁾.

Как известно, денежное расстройство держало Пушкина в том раздражительном состоянии, которое отчасти было одною из причин его гибели. Осенью 1836 г. он думал покинуть Петербург и поселиться совсем в Михайловском; по словам Нащокина, Наталья Николаевна соглашалась на это, но ему не на что было перебраться туда с большою семьею, и Пушкин умолял о присылке пяти тысяч рублей, которых у Нащокина на эту пору не случилось.

П. И. БАРТЕНЕВ. «А. С. Пушкин». *Сборник* I. М. 1881, стр. 192.

Нащокин глубоко жалеет, что не дал ему пяти тысяч, которые у него тогда были. Но Пушкин, будучи очень деликатен, не просил их у него прямо.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рассказы о Пушкине*, 62.

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит,
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия—а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить—и глядь—как раз—умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля,
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

Юность не имеет нужды в at home (домашнем очаге), зрелый возраст ужасается своего уединения. Блажен кто находит подругу — тогда удались он домой.

О скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню — поля, сад, крестьяне, книги; труды поэтич.— семья, любовь etc.— религия смерть.

ПУШКИН. «Неизданный Пушкин». *Собрание А. Ф. Онегина. «Атеней»*. 1922, стр. 137, ср. стр. 138.

(Осенью 1836 г.). (В частной картинной галерее). Я натолкнулась на фигуру, которая показалась мне очень знакома... При втором взгляде я узнала Пушкина. Я воображала его черным брюнетом, но его волосы не темнее моих,—длинные, непричесанные, маленький ростом, с заросшим ли-

¹⁾ Брюллов приехал в Петербург в конце весны 1836 г., когда Пушкин жил на даче, на Каменном острове. Повидимому, описанная встреча произошла осенью, во приезде Пушкина в город.

цом, не красив, только глаза, как угли, блестят в непрерывном движении. Я, разумеется, забыла картину, чтобы смотреть на него. И он, кажется, это заметил, несколько раз, взглядывая на меня, улыбался, видно, на моем лице изображалось какое-то adoration (обожание).

Е. Л. А. ГАН—сестре своей Ек. А. Витте, осенью 1836 г. *Рус. Стар.*, 1836, т. 51, стр. 353.

Опекой над детьми и имуществом Пушкина всего уплачено долгов Пушкина по 50 счетам около 120.000 р. Прочитывая дело опеки об уплате долгов Пушкина, можно наглядно видеть, в каких тисках материальной необеспеченности был поэт в последние годы своей жизни, насколько тяжело было его финансовое положение, из которого, повидимому, не было исхода... Векселя, выданные разным частным лицам, требования об уплате долгов со стороны многочисленных кредиторов, начиная от книгопродавца и кончая лавочником, поставлявшим поэту провизию; заклад ростовщику Шишкину шалей, жемчуга и даже чужого серебра; долг даже собственному камердинеру,— все это дорисовывает ту по истине трагическую обстановку, в которой должен был жить поэт.

Среди вещей, заложенных Пушкиным, было и серебро, принадлежащее его свояченице, фрейлине Александре Ник. Гончаровой, а также 30 фунтов серебра, принадлежавшего С. А. Соболевскому.

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. Архив опеки над детьми и имуществом Пушкина. *П-н и его совр-ки*, вып. XIII, стр. 97, 98, 109

В. И. М-ч рассказывал мне, со слов Н. П. Семенова, члена Госуд. Совета, о следующем случае: приехав молчком в Петербург, Н. П. Семенов с кем-то из своих родственников шел по улице и вдруг услышал вдали шум. Показалась толпа народа; родственник Семенова предупредил его, что они сейчас встретят императора Николая Павловича; но оказалось, что толпа сопровождала Пушкина, которому при этом кричали: «Браво, Пушкин!», аплодировала и т. п.

А. И. МАРКЕВИЧ. Пушкинские заметки. *П-н и его совр-ки*, вып. III, стр. 105.

Уже не задолго перед смертью Пушкин в Александрийском театре сидел рядом с двумя молодыми людьми, которые беспрестанно, кстати и некстати, аплодировали Асенковой, в то время знаменитой актрисе. Не зная Пушкина и видя, что он равнодушен к игре их любимицы, они начали шептаться и заключили довольно громко, что сосед их дурак. Пушкин, обратившись к ним, сказал:

— Вы, господа, называли меня дураком; я — Пушкин и дал бы теперь же каждому из вас по оплеухе, да не хочу: Асенкова подумает, что я ей аплодирую.

(М. М. ПОПОВ). *Рус. Старина*, 1874. № 8, 686.

(Тот же анекдот о воздержании Пушкина от пощечины из боязни, чтоб ее не приняли за аплодисмент Асенковой, несколько в иной редакции рассказан И. М. Снегиревым в его дневнике под 23 сент. 1836 г.— *Рус. Арх.*, 1902, III, 182).

Дед мой, барон В. К. Кюдт, передавал мне факт, относящийся к последним годам Пушкина, когда поэта травили его светские недруги. Как-то он обедал у Н. И. Греча. Приехал Пушкин. Только что сели за стол и подали суп, как вошел слуга и подал Пушкину какое-то письмо. Пушкин нервно сорвал конверт и с видимой тревогой стал пробегать письмо. На это хозяйка, жена Греча, очень резко заметила Пушкину по-французски приблизительно в том смысле, что «вероятно, письмо очень любопытное, если monsieur Пушкин даже забывает из-за него о приличии». Пушкин поблудней, встал и вышел.

И. Л. ЩЕГЛОВ. *Новое о Пушкине*. Спб. 1902, стр. 31.

Когда появился «Полководец», Пушкин спрашивал молодого Россета (учившегося в Пажеском корпусе), как находят эти стихи в его кругу, между военною молодежью, и прибавил, что он не дорожит мнением знатного, светского общества.

А. О. РОССЕТ по записи Бартенева. *Рус. Арх.*, 1882, I, 245.

Возвратившись в октябре в Петербург, жил я у тетки Васильчиковой. Пушкин, увидев меня у Вяземских, отвел в сторону и сказал: «не говорите моей жене о письме». Она спросила меня своим волшебным голосом извинения. Все было забыто. (*Речь об извинительном письме, которое Сологуб, по требованию Пушкина, написал его жене в мае 1836 г.,—см. выше*)

Гр. В. А. СОЛОГУБ. Записка, бывшая в распоряжении Анненкова. *Б. Модзалевский. «Пушкин»*, 376.

Почти каждый день ходили мы с Пушкиным гулять по толкучему рынку, покупали там сайки, потом, возвращаясь по Невскому проспекту, предлагали эти сайки светским разряженным щеголям, которые бегали от нас с ужасом. Вечером мы встречались у Карамзиных, у Вяземских, у князя Олдовского и на светских балах. Отношения его к Дантесу были уже весьма недружелюбные. Однажды, на вечере у князя Вяземского, он вдруг сказал, что Дантес носит перстень с изображением обезьяны. Дантес был тогда легитимистом и носил на руке портрет Генриха V.

— Посмотрите на эти черты,—воскликнул тотчас Дантес:—похожи ли они на г. Пушкина?

Размен невежливости остался без последствия. Пушкин говорил отрывисто и едко. Скажет, бывало, колкую эпиграмму, и вдруг залетится звонким добродушным, детским смехом, выказывая два ряда белых, арабских зубов. В сущности Пушкин был до крайности несчастлив, и главное его несчастье заключалось в том, что он жил в Петербурге и жил светской жизнью, его убившей. Пушкин находился в среде, над которой не мог не чувствовать своего превосходства, а между тем в то же время чувствовал себя почти постоянно униженным и по достатку, и по значению в этой аристократической сфере, к которой он имел, как я сказал выше, какое-то непостижимое пристрастие. Когда при раз'ездах кричали:—Карету Пушкина!—Какого Пушкина?—Сочинителя!—Пушкин обижался, конечно, не за название, а за то пренебрежение, которое оказывалось к названию. За это и он оказывал наружное будто бы пренебрежение к некоторым светским условиям, не следовал моде и ездил на балы в черном галстуке, в двубортном жилете, с откидными, не накрахмаленными воротничками, подражая, быть может, не-

вольню Байроновскому джентельменству; прочим же условиям он подчинялся. Жена его была красавица, украшение всех собраний и следовательно предмет зависти всех ее сверстниц. Для того, чтоб приглашать ее на балы, Пушкин пожалован был камер-юнкером. Певец свободы, наряженный в придворный мундир, для сопутствования жене-красавице, играл роль жалкую, едва ли не смешную. Пушкин был не Пушкин, а царедворец и муж. Это он чувствовал глубоко. К тому же светская жизнь требовала значительных издержек, на которые у Пушкина часто не доставало средств. Эти средства он хотел пополнить игрою, но постоянно проигрывал, как все люди, нуждающиеся в выигрыше. Наконец, он имел много литературных врагов, которые не давали ему покоя и уязвляли его раздражительное самолюбие, провозглашая с свойственной этим господам самоуверенностью, что Пушкин ослабел, исписался, что было совершенно ложь, но ложь, все-таки, обидная. Пушкин возражал с свойственной ему сокрушительной едкостью, но не умел приобрести необходимого для писателя равнодушия к печатным оскорблениям. Журнал его, «Современник», шел плохо. Пушкин не был рожден журналистом. В свете его не любили, потому что боялись его эпиграмм, на которые он не скупился, и за них он нажил себе в целых семействах, в целых партиях, врагов непримиримых. В семействе он был счастлив, насколько может быть счастлив поэт, не рожденный для семейной жизни. Он обожал жену, гордился ее красотой и был в ней вполне уверен. Он ревновал к ней не потому, что в ней сомневался, а потому, что страшился светской молвы, страшился сделаться еще более смешным перед светским мнением. Эта боязнь была причиной его смерти, а не г. Дантес, которого бояться ему было нечего. Он вступался не за обиду, которой не было, а боялся огласки, боялся молвы, и видел в Дантесе не серьезного соперника, не посягателя на его настоящую честь, а посягателя на его имя, и этого он не перенес.

Гр. В. А. СОЛОГУБ. *Воспоминания*, 175—178.

Пушкин сам виноват был: он открыто ухаживал сначала за Смирновою, потом за Свистуновою (ур. гр. Сологуб). Жена сначала страшно ревновала, потом стала равнодушна и привыкла к неверностям мужа. Сама оставалась ему верна, и все обходилось легко и ветрено.

Кн. Вяземская предупреждала Пушкину относительно последствий ее обращения с Геккерном. «Я люблю вас, как своих дочерей. Подумайте, чем это может кончиться!» — «Мне с ним весело. Он мне просто нравится. Будет то же, что было два года сряду».

Влюбленная в Геккерна, высокая, рослая старшая сестра Екатерина Николаевна нарочно устраивала свидания Натальи Николаевны с Геккерном, чтобы только повидать предмет своей тайной страсти.

Кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКАЯ по записи Бартенева. *Рус. Арх.*, 1888, II, 305—307.

Старшая невестка Пушкина порядком смахивает на большого иноходца или на ручку от помела.

Бар. П. А. ВРЕВСКИЙ—бар. Б. А. Вревскому. *П-я и его совр-ки*, XXI—XXII, 397 (фр.).

В зиму 1836 — 1837 года мне как-то раз случилось пройти несколько шагов по Невскому проспекту с Н. Н. Пушкиной, сестрой ее Е. Н. Гончаровой и молодым Геккерном (*Дантесом*); в эту самую минуту Пушкин про-

мчался мимо нас, как вихрь, не оглядываясь, и мгновенно исчез в толпе гуляющих. Выражение лица его было страшно. Для меня это было первый признак разразившейся драмы.

Кн. ПАВЕЛ ВЯЗЕМСКИЙ. Собр. соч., 555.

Я здесь меньше о Пушкине слышу, чем в Тригорском даже; об жене его гораздо больше говорят еще, чем об нем; от времени до времени я постоянно слышу, как кто-нибудь кричит об ее красоте.

АН. Н. ВУЛЬФ—бар. Е. Н. Вревской, 10 окт. 1836 г., из Петербурга. *П-н и его совр-ки*, XXI—XXII, 341 (*фр.-рус.*).

Праздновали двадцатипятилетие лицей Юдин, Мясоедов, Гревениц, Яковлев, Мартынов, Модест Корф, А. Пушкин, Алексей Ильичевский, С. Комовский, Ф. Стевен, К. Данзас.

Собрались вышеупомянутые господа лицейские в доме у Яковлева и пировали следующим образом: 1) обедали вкусно и шумно, 2) выпили три здоровья (по заморскому toasts): а) за двадцатипятилетие лицей, б) за благоденствие лицей, с) за здоровье отсутствующих, 3) читали письма, писанные некогда отсутствующим братом Кюхельбекером к одному из товарищей, 4) читали старинные протоколы и песни и проч. бумаги, хранящиеся в архиве лицейском у старосты Яковлева, 5) поминали лицейскую старину, 6) пели национальные песни, 7) Пушкин начинал читать стихи на 25-летие лицей, но всех стихов не припомнил и кроме того отозвался, что он их не докончил, но обещал докончить, описать и приобщить в оригинале к сегодняшнему протоколу.

Примечание. Собрались все в половине пятого часа, разошлись в половине десятого.

ПРОТОКОЛ ПРАЗДНОВАНИЯ 25-ЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ ОСНОВАНИЯ ЛИЦЕЯ, 19 октября 1836 г. *П-н и его совр-ки*, XIII, 60.

Один из лицейских товарищей Пушкина передал нам. Известно, что воспитанники лицей собирались 19 октября к одному из товарищей, читали стихи, беседовали о прошлом и записывали слова и речи присутствующих, обозначая последних школьными именами и указывая, где находились те из них, кого не было на лицей. По обыкновению, и к 1836 г. Пушкин приготовил лирическую песню, но не успел ее докончить. В день праздника он извинился перед товарищами, что прочтет им пьесу, не вполне доделанную, развернул лист бумаги, помолчал немного и только что начал, при всеобщей тишине:

Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался...

как слезы покатались из глаз его. Он положил бумагу на стол и отошел в угол комнаты, на диван... Другой товарищ уже прочел за него последнюю лицейскую годовщину.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 417.

По свидетельству М. Л. Яковлева, поэт только что начал читать первую строфу, как слезы полились из его глаз, и он не мог продолжать чте-

ния... Пушкин читал наизусть и, следовательно, никто не мог дочитать его стихов.

В. П. ГАЕВСКИЙ. Празднование лицейских годовщин. *Отеч. Записки*, 1861, т. 139, стр. 38.

19 число праздновалось по обыкновению, между нами... Приметно стареем мы! Никто лишнего уже не пьет, никто с избытком сердца уже не веселится. Впрочем, время провели мы весьма приятно.— Все разошлись чинно в десятом часу.— Пушкин было начинал стихи на 25-летие, но не вспомнил. Обещал их доковычить и доставить. Проходит месяц, а обещание еще не выполнено. Боюсь — обманет.

М. Л. ЯКОВЛЕВ—В. Д. Вольховскому, 24 ноября 1836 г. *Н. Гастфрейнд. Товарищи Пушкина по царскосельскому лицее*. Спб. 1912 г., т. I, стр. 155.

Не знаю ничего про сестру, которая из деревни уехала больною. Муж ее, выведивший меня сначала из терпения совершенно бесполезными письмами, не подает более признаков жизни теперь, когда речь идет об устройстве его дел. Леон (*Лев Сергеевич, младший брат поэта*) вступил в службу и просит у меня денег; я сам в очень расстроенных обстоятельствах, обременен многочисленным семейством, содержа его трудами и не смея заглядывать в будущее. — Я рассчитывал с'ездить в Михайловское и не мог. Это расстраивает меня по крайней мере еще на год. В деревне я бы много работал,— здесь я ничего не делаю, как только раздражаюсь до желчи.

ПУШКИН—отцу своему С. Л. Пушкину, 20 окт. 1836 г., из Петербурга. *П-н и его совр-ки*, XXXVII, 2 (Фр.).

(У Жуковского.)—Помню я собранья
Под его гостеприимным кровом,—
Вечера субботние: рекою
Наплывали гости, и являлся
Он,—чернокудрявый, огнеокий,
Пламенный Онегина создатель,
И его веселый, громкий хохот
Часто был шагов его предтечей:
Меткий ум сверкал в его рассказе,
Быстродвижные черты лица
Изменялись непрерывно; губы,
И в молчаньи, жизненным движеньем
Обличали вечную кипучесть
Зоркой мысли. Часто едкой злостью
Острие играющего слова
Оправлял он; но и этой злости
Было прямотушие основой,—
Благородство творческой души,
Мучимой, тревожимой, язвимою
Низкими явленьями сей жизни.

В. Г. БЕНЕДИКТОВ. Воспоминание. *В. Каллаш. Русские поэты о Пушкине*. 118.

Старик Геккерен был человек хитрый, расчетливый еще более, чем развратный; молодой же Геккерен был человек практический, дюжинный, добрый малый, балагур, вовсе не ловелас, ни дон-жуан, а приехавший в Россию сделать карьеру. Волокитство его не нарушало никаких великосветских петербургских приличий.

Кн. П. П. ВЯЗЕМСКИЙ. *Собр. соч.*, 558.

Старик барон Геккерен был известен распутством. Он окружал себя молодыми людьми наглого разврата и охотников до любовных сплетен и всяческих интриг по этой части; в числе их находились кн. Петр Долгоруков и граф Л. С.

Кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКАЯ по записи Бартенева. *Рус. Арх.*, 1888, II, 305.

Геккерен — низенький старик, всегда улыбающийся, отпускающий шуточки, во все мешающийся.

АРК. О. РОССЕТ. *Рус. Арх.*, 1882, I, 246.

Граф А-н как-то сказал барону Дантесу:

— D'antes, on vous dit un homme à bonnes fortunes (*Дантес, про вас говорят, что вам очень везет*).

— Mariez vous, m-r le comte, et je vous le prouverai (*женитесь граф, и я вам это докажу!*)

А. МЕРДЕР. *Рус. Стар.*, 1902, т. 112, стр. 602.

От 19 до 27 октября 1836 г. Дантес был болен.

В. В. НИКОЛЬСКИЙ (по данным архива Кавалергардского полка). *В. Никольский. Идеалы Пушкина*. Спб, изд. 4, 1899, стр. 129.

Пушкина чувствовала к Геккерену (*Дантесу*) род признательности за то, что он постоянно занимал ее и старался быть ей приятным.

П. И. Бартнев со слов кн-ни В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ *Рус. Арх.*, 1888, II, 311.

Прелестная жена, которая любила славу своего мужа более для успехов своих в свете, предпочитала блеск и бальную залу всей поэзии в мире и, по странному противоречию, пользуясь всеми плодами литературной известности Пушкина, исподтишка немножко гнушалась тем, что она, светская женщина *par excellence* — привязана к мужу *homme de lettres*, — эта жена, с семейственными и хозяйственными хлопотами, привела к Пушкину ревность и отогнала его музу.

Гр. М. А. КОРФ. Записка. *Я. Грот*, 251.

Жена его любила мужа вовсе не для успехов своих в свете и немало не гнушалась тем, что была женою *d'un homme de lettres*. В ней вовсе не было чванства, да и по рождению своему не принадлежала она высшему аристократическому кругу.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. Примечания к «Записке» М. А. Корфа. *Собр. соч. П. Н. Вяземского*, 493.

Наталью Николаевну звали «*âme de dentelles*» (*кружевная душа*).

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1908, III, 295.

Посылая довольно часто к г-же Пушкиной книги и театральные билеты при коротких записках, полагаю, что в числе оных находились некоторые, коих выражения могли возбудить его щекотливость, как мужа... Выше упомянутые записки и билеты были мною посылаемы г-же Пушкиной прежде, нежели я был женихом.

ЖОРЖ ГЕККЕРЕН (ДАНТЕС) Показание перед военным судом, 10 февраля 1837 г. *Дуэль Пушкина. Подлинное военно-судное дело.* Спб. 1900, стр. 61.

Н. Н. Пушкина бывала очень часто у Вяземских и всякий раз, как она приезжала, являлся и Геккерен, про которого уже знали, да и он сам не скрывал, что Пушкина очень ему нравится. Сберегая честь своего дома, княгиня напрямик объявила нахалу-французу, что она просит его свои ухаживанья за женою Пушкина производить где-нибудь в другом доме. Через несколько времени он опять приезжает вечером и не отходит от Натальи Николаевны. Тогда княгиня сказала ему, что ей остается одно — приказать швейцару, коль скоро у под'езда их будет несколько карет, не принимать г-на Геккерена. После этого он прекратил свои посещения, и свидания его с Пушкиной происходили уже у Карамзинных.

П. И. БАРТЕНЕВ со слов кн-ни В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ. *Рус. Арх.*, 1888, II, 308.

Кн. Вяземский сказал Дантесу, что не может принимать его вместе с Пушкиным. Он опять явился. Тогда княгиня Вяземская напрямик ему объявила, что он рискует увидеть карету у ее под'езда и услышать от швейцара, что их нет дома.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1906, III, 619.

Старик Геккерен всячески заманивал Наталью Николаевну на скользкий путь. Едва ей удастся избегнуть встречи с ним, как, всюду преследуя ее, он, как тень, вырастает опять перед ней, искусно находя случаи нашептывать ей о безумной любви сына, способного, в порыве отчаяния, наложить на себя руки, описывая картины его мук и негодуя на ее холодность и бессердечие. Раз, на балу в Дворянском Собрании, полагая, что почва уже достаточно подготовлена, он настойчиво принялся излагать ей целый план бегства за границу, обдуманной до мельчайших подробностей, под его дипломатической эгидой... Вернувшись с бала, Наталья Николаевна, еще кипевшая негодованием, передала Александре Николаевне это позорное предложение.

Есть повод думать, что барон продолжал роковым образом руководить событиями. Вероятно, до сведения Натальи Николаевны дошло и письмо его к одной даме, препровожденное в аудиториат во время следствия о дуэли Пушкина, где, пытаясь обелить сына, он набрасывает гнусную тень на ее поведение с прозрачными намеками на существовавшую между ними связь.

А. П. АРАПОВА. *Новое Время*, № 11416, иллюстр. прил., стр. 7.

Старый Геккерен написал Наталье Николаевне письмо, чтоб убедить ее оставить своего мужа и выйти за его приемного сына. Александрина вспоми-

Барон Жорж
ДАНТЕС-ГЕККЕРЕН

Карандашный рис.
Т. Райга.

ИНЛИ.

Барон Луи
ГЕККЕРЕН

Крихубер. 1843 г.

ИНЛИ.

знает, что Н. Н-на отвечала на это решительным отказом, но она уже не помнит, было ли это сделано устно или письменно.

Бар. ГУСТАВ ФРИЗЕНГОФ (со слов своей жены Ал. Ник. Гончаровой) — А. П. Араповой. *Красная Нива*, 1929, № 24, стр. 10. (фр.).

Я якобы подстрекал моего сына к ухаживаниям за г-жею Пушкиной! Обращаюсь к ней самой по этому поводу. Пусть она покажет под присягой, что ей известно, и обвинение падет само собой. Она сама сможет засвидетельствовать, сколько раз предостерегал я ее от пропасти, в которую она летела, она скажет, что в своих разговорах с нею я доводил свою откровенность до выражений, которые должны были ее оскорбить, но вместе с тем и открыть ей глаза; по крайней мере, я на это надеялся.

Если г-жа Пушкина откажет мне в своем признании, то я обращусь к свидетельству двух особ, двух дам, высокопоставленных и бывших поверенными всех моих тревог, которым я день за днем давал отчет во всех моих усилиях порвать эту несчастную связь.

Мне возразят, что я должен бы был повлиять на сына? Г-жа Пушкина на это могла бы дать удовлетворительный ответ, воспроизведя письмо, написанное которое я потребовал от сына, — письмо, адресованное к ней, в котором он заявлял, что отказывается от каких бы то ни было видов на нее. Письмо отнес я сам и вручил его в собственные руки. Г-жа Пушкина воспользовалась им, чтобы доказать мужу и родне, что она никогда не забывала вполне своих обязанностей.

Бар. ГЕККЕРЕН-СТАРШИЙ — графу К. В. Несельроде, 1 марта 1837 г. *Щеголев*, 293 (фр.).

АНОНИМНЫЙ ПАСКВИЛЬ, ПЕРВЫЙ ВЫЗОВ. ЖЕНИТЬБА ДАНТЕСА

Утром 4-го ноября я получил три экземпляра анонимного письма, оскорбительного для моей чести и для чести моей жены. По виду бумаги, по слогу письма, по манере изложения я в ту же минуту удостоверился, что оно от иностранца, человека высшего общества, дипломата. Я приступил к розыскам. Я узнал, что в тот же день семь или восемь лиц получили по экземпляру того же письма, в двойных конвертах, запечатанных и адресованных на мое имя. Большинство из получивших эти письма, подозревая какую-нибудь подлость, не переслали их мне.

ПУШКИН — гр. А. Х. Бенкендорфу, 21 ноября 1836 г. (фр.).

Великие кавалеры, командоры и рыцари светлейшего Ордена Рогоносцев в полном собрании своем, под председательством великого магистра Ордена, его превосходительства Д. Л. Нарышкина ¹⁾, единогласно выбрали Александра Пушкина коадьютором (заместителем) великого магистра Ордена Рогоносцев и историографом ордена.

Непременный секретарь: граф I. Борх.

АНОНИМНЫЙ «ДИПЛОМ», полученный Пушкиным 4 ноября 1836 г. А. С. Поляков. О смерти П-на. Спб. 1922, стр. 14. (фр.).

Я жил тогда в Большой Морской, у тетки моей Васильчиковой. В первых числах ноября (1836) она велела однажды утром меня позвать к себе и сказала:

— Представь себе, какая странность! Я получила сегодня пакет на мое имя, распечатала и нашла в нем другое запечатанное письмо, с надписью: Александру Сергеевичу Пушкину. Что мне с этим делать?

Говоря так, она вручила мне письмо, на котором было действительно написано кривым, лакейским почерком: «Александру Сергеевичу Пушкину». Мне тотчас же пришло в голову, что в этом письме что-нибудь написано о моей прежней личной истории с Пушкиным, что следовательно уничтожить его не должен, а распечатать не в праве. Затем я отправился к Пушкину и, подозревая несколько содержания приносимого мною гнусного пасквиля, передал его Пушкину. Пушкин сидел в своем кабинете, распечатал конверт и тотчас сказал мне:

¹⁾ Муж красавицы Марии Антоновны, бывшей в связи с императором Александром I и имевшей от него дочь.

— Я уже знаю, что такое; я такое письмо получил сегодня же от Елиз. Мих. Хитровой; это мерзость против жены моей. Впрочем, понимаете, что безименным письмом я обижаться не могу. Если кто-нибудь сзади плюнет на мое платье, так это дело моего камердинера вычистить платье, а не мое. Жена моя — ангел, никакое подозрение коснуться ее не может. Послушайте, что я по сему предмету пишу г-же Хитровой.

Тут он прочитал мне письмо, вполне сообразное с его словами. В сочинении присланного ему всем известного диплома он подозревал одну даму, которую мне и назвал. Тут он говорил спокойно, с большим достоинством, и, казалось, хотел оставить все дело без внимания. Только две недели спустя, я узнал, что в этот же день он послал вызов кавалергардскому поручику Дантесу, усыновленному, как известно, голландским посланником, бароном Геккереном.

Гр. В. А. СОЛОГУБ. *Воспоминания*, 178.

Неумеренное и довольно открытое ухаживание молодого Геккерена за г-жею Пушкиной порождало сплетни в гостиных и мучительно озабочивало мужа. Несмотря на это, он, будучи уверен в привязанности к себе своей жены и в чистоте ее помыслов, не воспользовался своею супружескою властью, чтобы во-время предупредить последствия этого ухаживания, которое и привело на самом деле к неслыханной катастрофе, разразившейся на наших глазах. 4-го ноября моя жена вошла ко мне в кабинет с запечатанной запискою, адресованной Пушкину, которую она только что получила в двойном конверте по городской почте. Она заподозрела в ту же минуту, что здесь крылось что-нибудь оскорбительное для Пушкина. Разделяя ее подозрения и воспользовавшись правом дружбы, которая связывала меня с ним, я решился распечатать конверт и нашел в нем диплом. Первым моим движением было бросить бумагу в огонь, и мы с женою дали друг другу слово сохранить все это в тайне. Вскоре мы узнали, что тайна эта далеко не была тайной для многих лиц, получивших подобные письма, и даже Пушкин не только сам получил такое же, но и два других подобных, переданных ему его друзьями, не знавшими их содержания и поставленными в такое же положение, как и мы. Эти письма привели к объяснениям супругов Пушкиных между собой и заставили незваную, в сущности, жену признаться в легкомыслии и ветренности, которые побуждали ее относиться снисходительно к навязчивым ухаживаниям молодого Геккерена; она раскрыла мужу все поведение молодого и старого Геккеренов по отношению к ней; последний старался склонить ее изменить своему долгу и толкнуть ее в пропасть. Пушкин был тронут ее доверием, раскаянием и встревожен опасностью, которая ей угрожала, но, обладая горячим и страстным характером, не мог отнестись хладнокровно к положению, в которое он с женой был поставлен: мучимый ревностью, оскорбленный в самых нежных, сокровенных своих чувствах, в любви к своей жене, видя, что честь его задета чьей-то неизвестной рукою, он послал вызов молодому Геккерену, как единственному виновнику, в его глазах, в двойной обиде, нанесенной ему. Необходимо при этом заметить, что, как только были получены эти анонимные письма, он заподозрел в их сочинении старого Геккерена и умер с этой уверенностью. Мы так никогда и не узнали, на чем было основано это предположение, и до самой смерти Пушкина считали его недопустимым. Только неожиданный случай дал ему впоследствии некоторую долю вероятности. На этот счет не существует никаких юридических доказательств, ни даже положительных оснований.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — вел. кн. Михаилу Павловичу. *Щеголев*, стр. 257 (фр.).

Геккерен был педераст, ревновал Дантеса и поэтому хотел поссорить его с семейством Пушкина. Отсюда письма анонимные и его сводничество.

П. В. АННЕНКОВ. Записи. *Б. Модзалевский, «Пушкин», 1929, стр. 341.*

Когда появились анонимные письма, посылать их было очень удобно; в это время только что учреждена была городская почта. Князь Гагарин и Долгоруков посещали иногда братьев Россет, живших вместе со Скалоном на Михайловской площади в доме Занфтлябена. К. О. Россет получил анонимное письмо и по почерку стал догадываться, что это от них. Он, по совету Скалона, не передал Пушкину ни письма, ни своего подозрения.

Вяземские жили тут же подле Мещерских, т. е. близ дома Вильеговских, на углу большой Итальянской и Михайловской площади (ныне Кочурова).

А. О. РОССЕТ по записи Бартечева. *Рус. Арх., 1882, I, 248.*

Ревность Пушкина усилилась, и уверенность, что публика знает про стыд его, усиливала его негодование; но он не знал, на кого излить оное, кто бесчестил его сими письмами. Подозрение его и многих приятелей его падало на барона Геккерена. Барон Геккерен за несколько месяцев перед тем усыновил Дантеса, передал ему фамилию свою и назначил его своим наследником. Какие причины побудили его к оному, осталось неизвестным; иные утверждали, что он его считал сыном своим, быв в связи с его матерью; другие, что он из ненависти к своему семейству давно желал кого-нибудь усыновить, и что выбрал Дантеса потому, что полюбил его. Любовь Дантеса к Пушкиной ему не нравилась. Геккерен имел честолюбивые виды и хотел женить своего приемьша на богатой невесте. Он был человек злой, эгоист, которому все средства казались позволительными для достижения своей цели, известный всему Петербургу злым языком, перессоривший уже многих, презираемый теми, которые его проникли. Весьма правдоподобно, что он был виновником сих писем с целью поссорить Дантеса с Пушкиным и, отвлекши его от продолжения знакомства с Натальей Николаевной, исцелить его от любви и женить на другой. Сколь ни гнусен был сей расчет, Геккерен был способен составить его. Подозрение пало также на двух молодых людей, кн. Петра Долгорукого и кн. Гагарина; особенно на последнего. Оба князя были дружны с Геккереном и следовали его примеру, распуская сплетни. Подозрение подтверждалось адресом на письме, полученном К. О. Россет; на нем подробно описан был не только дом его жительства, но куда повернуть, взойдя на двор, по какой идти лестнице и какая дверь его квартиры. Сии подробности, неизвестные Геккерену, могли только знать эти два молодые человека, часто посещавшие Россета, и подозрение, что кн. Гагарин был помощником в сем деле, подкрепилось еще тем, что он был очень мало знаком с Пушкиным и казался очень убитым тайною грустью после смерти Пушкина. Впрочем, участие, им принятое в пасквиле, не было доказано, и только одно не подлежит сомнению, это то, что Геккерен был их сочинитель. Последствия доказали, что государь в этом не сомневался, и говорят, что полиция имела на то неоспоримые доказательства.

Н. М. СМЕРНОВ. Памятные заметки. *Рус. Арх., 1882, I, 234.*

Зимой 1836 — 1837 г., на одном из Петербургских больших вечеров, стоявший позади Пушкина молодой князь П. В. Долгорукий (впоследствии

известный генеалог) кому-то указывал на Дантеса и при этом подымал вверх пальцы, растопыривая их рогами. В это время уже ходили в обществе безмянные письма, рассылаемые к приятелям Пушкина для передачи ему. Граф Адлерберг знал о том. Находясь в постоянных дружеских сношениях с Жуковским, восхищаясь дарованием Пушкина, он тревожился мыслию о сем последнем. Ему вспомнилось, что кавалергард Дантес как-то выразил желание проехаться на Кавказ и подраться с горцами. Граф Адлерберг поехал к вел. кн. Михаилу Павловичу (который тогда был главнокомандующим гвардейского корпуса) и, сообщив ему свои опасения, говорил, что следовало хотя на время удалить Дантеса из Петербурга. Но остроумный француз-краевец пользовался большим успехом в обществе. Его считали украшением балов. Он подкупал и своим острословием, до которого великий князь был большой охотник, и меру, предложенную Адлербергом, не успели привести в исполнение.

П. И. Бартечев со слов. гр. В. Ф. АДЛЕРБЕРГА.
Рус. Арх., 1892, II, 489.

Причины дуэли отца мать моя исключительно объясняла тем градом анонимных писем, пасквилей, которые в конце 1836 г. отец мой стал получать беспрестанно. Едва только друзья его В. А. Жуковский, кн. П. А. Вяземский успокоят отца моего, — он вновь получает письма и приходит в сильнейшее раздражение. Авторами писем мать моя всегда признавала кн. Петра Владимировича Долгорукова, которого называли *banca!*, — известного своею крайне дурной репутацией. — Другое лицо, на которого указывала моя мать, как на автора безмянных писем, был кн. Иван Сергеевич Гагарин; по мнению матери, он и ушел в орден иезуитов, чтобы замолотить свой грех перед моим отцом. Впрочем, если Гагарин потом отрицал свою вину, то ему еще можно было поверить.

Гр. Н. А. МЕРЕНБЕРГ (дочь Пушкина), по записи М. И. Семевского. *Молзалеvский, Оксман, Цяvловский. Новые материалы*, 127, 129.

Впоследствии узнал я, что подкиданные письма, причинившие поединок, писаны были кн. Ив. Серг. Гагариным, с намерением подразнить и помучить Пушкина. Несчастный исход дела поразил князя до того, что он расстроился в уме, уехал в чужие края, принял католическую веру и поступил в орден иезуитов. В пребывание мое в Париже (1845 — 47 г.), был он послушником монастыря в Монруже и исправлял самые унижительные работы; потом в иезуитском доме учил грамоте нищих мальчишек. Впоследствии, кажется, повышен был в чине.

Н. И. ГРЕЧ. *Записки о моей жизни*. Спб. 1886, стр. 456

Автором этих записок, по сходству почерка, Пушкин подозревал барона Геккерена-отца. После смерти Пушкина многие в этом подозревали князя Гагарина (вступившего потом в иезуиты); теперь же подозрение это осталось за жившим тогда вместе с ним князем Петром Влад. Долгоруковым. Поводом к подозрению кн. Гагарина послужило то, что письма были писаны на бумаге, одинакового формата с бумагою кн. Гагарина.

А. АММОСОВ, 9.

Мне только что сказали, что Дантес-Геккерен хочет начать дело с (кн. П. Вл.) Долгоруковым, и что он намеревается доказать, что именно Долгоруков составил подлые анонимные письма, следствием которых была смерть Пушкина. Уже давно у меня была тысяча мелких поводов предполагать, что это жестокое дело исходило от Долгорукова. В свое время предполагали, что его совершил (кн. И. С.) Гагарин, и что угрызения совести в этом поступке заставили последнего сделаться католиком и иезуитом; главнейший повод к такому предположению дала бумага, подобную которой, как утверждали, видали у Гагарина. Со своей стороны я слишком люблю и уважаю Гагарина, чтобы иметь на него хотя бы малейшее подозрение; впрочем, в прошедшем году я самым решительным образом расспрашивал его об этом: отвечая мне, он даже и не думал оправдывать в этом себя, уверенный в своей невинности; но, оправдывая Долгорукова в этом деле, он рассказал мне о многих фактах, которые показались мне скорее доказывающими виновность этого последнего, чем что-либо другое. Во всяком случае оказывается, что Долгоруков жил тогда вместе с Гагариным, что он прекрасно мог воспользоваться бумагой последнего, и что поэтому главнейшее основание направленных против него подозрений могло пасть на него, Гагарина.

Княгиня (жена кн. П. Вл. Долгорукова) утверждала (и это говорила она всем), что ее муж ей сказал, что он — автор всей этой интриги.

С. А. СОБОЛЕВСКИЙ — светл. кн. С. М. Воронцову, 7 февраля 1862 г. *Б. Модзалевский, Ю. Оксман, М. Цявловский. Новые материалы о дуэли и смерти П-на. СПб. 1924 г., стр. 25.*

На основании детального анализа почерков на данных мне анонимных пасквильных письмах об А. С. Пушкине и сличении этих почерков с образцами подлинного почерка князя Петра Владимировича Долгорукова, я заключаю, что данные мне для экспертизы в подлинниках пасквильные письма об А. С. Пушкине в ноябре 1836 года написаны несомненно собственноручно князем Петром Владимировичем Долгоруковым.

А. А. САЛЬКОВ, судебный эксперт и инспектор Научно-технического бюро ленинградского губ. уголовного розыска (ав. 1927 г.) *П. Щеголев, Дуэль, изд. 3, стр. 525.*

Государь Александр Николаевич у себя в зимнем дворце за столом, в ограниченном кругу лиц, громко сказал: — «Ну, вот теперь известен автор анонимных писем, которые были причиною смерти Пушкина; это Нессельроде». — Слышал от особы, сидящей возле государя. Соболевский подозревал, но очень нерешительно, князя П. В. Долгорукова.

Кн. А. М. ГОЛИЦЫН. Из неизданных записок. *Московский Пушкинист, 1927, вып. I, стр. 17 (фр.-рус.).*

Кн. П. А. Вяземский в письме к А. Я. Булгакову от 8 апреля 1837 г. писал: «под конец одна гр. Н. (графиня М. Д. Нессельроде) осталась при нем (Геккерене старшем), но все-таки не могла вынести его, хотя и плечиста, и грудиста, и брюшиста». Женщина, упоминаемая в письме, одаренная характером независимым, непреклонная в своих побуждениях, верный и горячий друг своих друзей, руководимая личными убеждениями и порывами сердца, самовластно председательствовала в высшем слое Петербургского общества

и была последней, гордой, могущественной представительницей того интернационального ареопага, который свои заседания имел в Сенжерменском предместье Парижа, в салоне княгини Меттерних в Вене и в салоне графини Нессельроде в доме министерства иностранных дел в Петербурге. Ненависть Пушкина к этой последней представительнице космополитного олигархического ареопага едва ли не превышала ненависть его к Булгарину. Пушкин не пропускал случая клеймить эпиграммическими выходками и анекдотами свою надменную антагонистку, едва умевшую говорить по-русски. Женщина эта паче всего не могла простить Пушкину его эпиграммы на отца ее, графа Гурьева, бывшего министром финансов в царствование императора Александра I.

Кн. ПАВ. ВЯЗЕМСКИЙ. Собр. соч., 562.

Графу С. С. Уварову приписывали распространение пасквиля рассылкою лицам высшего круга, даже незнакомым с Пушкиным, копий с этого пасквиля, сделанных во множестве по приказанию графа.

П. А. ЕФРЕМОВ. Соч. Пушкина, изд. Суворина. 1905, т. VIII, стр. 623.

В ноябре 1836 г. Пушкин вместе с Матюшкиным был у М. Л. Яковлева в день его рождения ¹⁾; еще тут был князь Эристов, воспитанник второго курса, и больше никого. Пушкин явился последним и был в большом волнении. После обеда они пили шампанское. Вдруг Пушкин вынимает из кармана полученное им анонимное письмо и говорит: «посмотрите, какую мерзость я получил». Яковлев (директор типографии II-го Отделения собственной е. в. канцелярии) тотчас обратил внимание на бумагу этого письма и решил, что она иностранная и, по высокой пошлине, наложенной на такую бумагу, должна принадлежать какому-нибудь посольству. Пушкин понял всю важность этого указания, стал делать розыски и убедился, что эта бумажка голландского посольства.

Я. К. Грот со слов лицейского товарища П-на, Ф. Ф. МАТЮШКИНА. Я. Грот, 282.

В то время несколько шалунов из молодежи, — между прочим Урусов, Опочинин, Строганов, мой кузен, — стали рассылать анонимные письма по мужьям-рогоносцам. В числе многих получил такое письмо и Пушкин.

Кн. А. В. ТРУБЕЦКОЙ. Щеголев, 405.

Вообще говоря, это низкое и неосновательное оскорбление вызвало негодование; но, повторяя, что поведение моей жены было безупречно, все говорили, что поводом к этой клевете послужило настойчивое ухаживание за нею г. Дантеса. Я не мог допустить, чтобы имя моей жены в такой истории связывалось с именем кого бы то ни было. Я поручил сказать это г. Дантесу. Барон Геккерен приехал ко мне и принял вызов за г. Дантеса, попросив отсрочки на две недели.

ПУШКИН — гр. А. Х. Бенкендорфу, 21 ноября 1836 г. (фр.).

¹⁾ Мих. Л. Яковлев, лицейский товарищ Пушкина, родился 19 сентября (см. Н. А. Гастфрейнд. Товарищи Пушкина по царскосельскому лицейу, II, 221). Очевидно, праздновался не день его рождения, а день ангела, — 8 ноября.

Вызов Пушкина не попал по своему назначению. В дело вмешался старый Геккерен. Он его принял, но отложил окончательно решение на 24 часа, чтобы дать Пушкину возможность обсудить все более спокойно. Найдя Пушкина, по истечении этого времени, непоколебимым, он рассказал ему о своем критическом положении и затруднениях, в которые его поставило это дело, каков бы ни был исход; он ему говорил о своих отеческих чувствах к молодому человеку, которому он посвятил всю свою жизнь, с целью обеспечить ему благосостояние. Он прибавил, что видит все здание своих надежд разрушенным до основания в ту самую минуту, когда считал свой труд доведенным до конца. Чтобы приготовиться ко всему, могущему случиться, он попросил новой отсрочки на неделю. Принимая вызов от лица молодого человека, т. е. своего сына, как он его называл, он, тем не менее, уверял, что тот совершенно не подозревает о вызове, о котором ему скажут только в последнюю минуту. Пушкин, тронутый волнением и слезами отца, сказал: «Если так, то не только неделю,—я вам даю две недели сроку и обязуюсь честным словом не давать никакого движения этому делу до назначенного дня и при встречах с вашим сыном вести себя так, как если бы между нами ничего не произошло». Итак, все должно было остаться без перемены до решающего дня. Начиная с этого момента, Геккерен пустил в ход все военные приемы и дипломатические хитрости. Он бросился к Жуковскому и Михаилу Виельгорскому, чтобы уговорить их стать посредниками между ним и Пушкиным. Их миролюбивое посредничество не имело никакого успеха.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — вел. кн. Михаилу Павловичу, 14 февраля 1837 г., Щеголев, 258 (фр.).

Пушкин, преследуемый анонимными письмами, писал Геккерну, кажется через брата жены своей, Гончарова, вызов на поединок. Названный отец Геккерн, старик-Геккерн, не замедлил принять меры. Князь Вяземский встретился с ним на Невском, и он стал рассказывать ему свое горестное положение: говорил, что всю жизнь свою он только и думал, как бы устроить судьбу своего питомца, что теперь, когда ему удалось перевести его в Петербург, вдруг приходится расстаться с ним, потому что во всяком случае, кто из них ни убьет друг друга, разлука несомненна. Он передавал князю Вяземскому, что он желает сроку на две недели для устройства дел, и просил князя помочь ему. Князь тогда же понял старика и не взялся за посредничество; но Жуковского старик разжалобил: при его посредстве Пушкин согласился ждать две недели.

П. И. БАРТЕНЕВ со слов кн. П. А. Вяземского. Рус. Арх., 1888, II, 307.

6 ноября. Гончаров (брат Натальи Николаевны) у меня (в Царском Селе)—моя поездка в Петербург. К Пушкину. Явление Геккерна. Мое возвращение к Пушкину.

7 ноября. Я поутру у Загряжской (Ек. Ив-ны, тетки Нат. Ник-ны Пушкиной). От нее к Геккерну. (*Mes antécédents*. Неизвестное совершенное прежде бывшего). Открытие Геккерна. О любви сына к Катерине (Гончаровой, сестре Нат. Ник-ны) (моя ошибка насчет имени) открытие о родстве; о предполагаемой свадьбе. — Мое слово. — Мысль все остановить.

В. А. ЖУКОВСКИЙ. Конспективные заметки Щеголев, 284.

Гекерен, между прочим, объявил Жуковскому, что если особенное внимание его сына к г-же Пушкиной и было принято некоторыми за ухаживание, то все-таки тут не может быть места никакому подозрению, никакого повода к скандалу, потому что барон Дантес делал это с благородною целью, имея намерение просить руки сестры г-жи Пушкиной, Кат. Ниж. Гончаровой. Отправясь с этим известием к Пушкину, Жуковский советовал барону Гекерену, чтобы сын его сделал как можно скорее предложение свояченице Пушкина, если он хочет прекратить все враждебные отношения и неосновательные слухи.

К. К. ДАНЗАС по записи Аммосова. *Посл. дни Пушкина*, 10.

(7 ноября). Возвращение к Пушкину. *Les révélations*. Его бешенство. — Свидание с Геккерном. Извещение его Вьельгорским. Молодой Геккерн у Вьельгорского.

8 ноября. Геккерн у Загряжской. Я у Пушкина. Большое спокойствие. Его слезы. То, что я говорил о его отношениях.

9 ноября. *Les révélations de Heckern* (признание Геккерна). — Мое предложение посредничества. Сцена втроем с отцом и сыном. Мое предложение свидания.

В. А. ЖУКОВСКИЙ. Конспективные заметки. *Щеголев*, 284.

Первый твой вызов не попался в руки сыну, а пошел через отца, и сын узнал о нем только по истечении 24 часов, т. е. после вторичного свидания отца с тобою. В день моего приезда, в то время, когда я у тебя встретил Геккерна, сын был в карауле и возвратился домой на другой день в час. За какую-то ошибку он должен был дежурить три дня не в очередь. Вчера он в последний раз был в карауле и нынче в час пополудни будет свободен... Эти обстоятельства изъясняют, почему он лично не мог участвовать в том, что делал его бедный отец, силясь отбиться от несчастья, которого одно ожидание сводит его с ума.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — Пушкину, 10 (?) ноября 1836 г. *Переп. Пушкина*, III, 401.

Мой сын принял вызов; принятие вызова было его первою обязанностью, но, по меньшей мере, надо объяснить ему, ему самому, по каким мотивам его вызвали. Свидание представляется мне необходимым, обязательным, — свидание между двумя противниками в присутствии лица, подобного вам, которое сумело бы вести свое посредничество со всем авторитетом полного беспристрастия и сумело бы оценить реальное основание подозрений, послуживших поводом к этому делу. Но после того, как обе стороны исполнили долг честных людей, я предпочитаю думать, что вашему посредничеству удалось бы открыть глаза г. Пушкину и сблизить двух лиц, которые доказали, что обязаны друг другу взаимным уважением.

Бар. ГЕККЕРЕН-СТАРШИЙ — В. А. Жуковскому, 9 ноября 1836 г. *Щеголев*, 82 (фр.).

Я не могу еще решиться почитать наше дело конченным. Еще я не дал никакого ответа старому Геккерну; я сказал ему в моей записке, что не застал тебя дома и что, не выдавшись с тобою, не могу ничего отвечать.

Итак, есть еще возможность все остановить. Реши, что я должен отвечать. Твой ответ невозвратно все кончит. Но ради бога одумайся. Дай мне счастье избавить тебя от безумного злодейства, а жену твою от совершенного по-срамления. Жду ответа.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — Пушкину, 9 (?) ноября 1836 г. *Переп. Пушкина*, III, 400 ¹⁾.

Ты вчера, помнится мне, что-то упомянул о жандармах, как будто опасаясь, что хотят замешать в твое дело правительство. На счет этого будь совершенно спокоен. Никто из посторонних ни о чем не знает... Нынче поутру скажу старому Геккерну, что не могу взять на себя никакого посредства, ибо из разговоров с тобою вчера убедился, что посредство ни к чему не послужит... Считаю святейшею обязанностью засвидетельствовать перед тобою, что молодой Геккерн во всем том, что делал его отец, совершенно посторонний, что он также готов драться с тобою, как и ты с ним, и что он так же боится, чтоб тайна не была как-нибудь нарушена. И отцу отдать ту же справедливость. Он в отчаянии, но вот что он мне сказал: «я приговорен к гильотине, я прибегаю к милости; если мне это не удастся,—придется взойти на гильотину. И я взойду, так как люблю честь моего сына так же, как и его жизнь».—Этим свидетельством роль, весьма жалко и неудачно сыгранная, оканчивается. Прости.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — Пушкину, 10 (?) ноября 1836 г. *Переп. Пушкина*, III, 401 — 402.

10 ноября. Молодой Геккерн у меня. Я отказываюсь от свидания. Мое письмо к Геккерну. Его ответ. Мое свидание с Пушкиным.

В. А. ЖУКОВСКИЙ. Конспективные заметки. *Щеголев*, 284.

Через несколько дней Геккерн-отец распустил слух о предстоящем браке молодого Геккерна с Екатериной Гончаровой. Он уверял Жуковского, что Пушкин ошибается, что сын его влюблен не в жену его, а в свояченицу, что уже давно он умоляет ее отца согласиться на их брак, но что тот, находя брак этот неподходящим, не согласился, но теперь, видя, что дальнейшее упорство с его стороны привело к заблуждению, грозящему печальными последствиями, он, наконец, дал свое согласие. Отец требовал, чтобы об этом во всяком случае ни слова не говорили Пушкину, чтобы он не подумал, что эта свадьба была только предлогом для избежания дуэли. Зная характер Геккерна-отца, скорее всего можно предположить, что он говорил все это в надежде на чью-либо нескромность, чтобы обмануть доверчивого и чистосердечного Пушкина. Как бы то ни было, тайна была соблюдена, срок близился к окончанию, а Пушкин не делал никаких уступок, и брак был решен между отцом и теткой, г-жей Запрядской. Было бы слишком долго излагать все лукавые происки молодого Геккерна во время этих переговоров. Приведу только один пример. Геккерны, старый и молодой, возымели дерзкое и подлое намерение попросить г-жу Пушкину написать молодому человеку письмо, в котором она умоляла бы его не драться с ее мужем. Разумеется, она отвергла с негодованием это низкое предложение.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — вел. кн. Михаилу Павловичу. *Щеголев*, 258.

¹⁾ Датировка этого письма, как и следующего — по *Щеголеву* (Дуэль).

История разгласилась по городу. Отец с сыном прибегли к следующей уловке. Старик объявил, будто сын признался ему в своей страстной любви к свояченице Пушкина, будто эта любовь заставляла его так часто посещать Пушкиных, и будто он скрывал свои чувства только потому, что боялся не получить отцовского согласия на такой ранний брак (ему было с небольшим двадцать лет). Теперь Геккерн позволял сыну жениться, и для самолюбия Пушкина дело улаживалось как нельзя лучше: стреляться ему было уже не из чего, а в городе все могли понять, что француз женится из трусости.

П. И. Бартенев со слов кн. П. А. ВЯЗЕМСКОГО.
Рус. Арх., 1888, II, 307.

Мое посещение Геккерна. Его требование письма. Отказ Пушкина. Письмо, в котором упоминает о сватовстве ¹⁾. Свидание Пушкина с Геккерном у Е. И. (*Загряжской*).

В. А. ЖУКОВСКИЙ. Конспективные заметки.
Щеголев, 284.

Я остаюсь в полном убеждении, что молодой Геккерн совершенно в стороне, и на это *вчера* еще имел доказательство, получив от отца Г. доказательство материальное, что дело, о коем теперь идут толки ²⁾, затеяно было еще гораздо прежде твоего вызова.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — Пушкину, в ноябре 1836 г.
Переп. Пушкина, III, 403.

Вот что à peu près ты сказал княгине (*Вяземской*) третьего дня, уже имея в руках мое письмо. Я знаю автора анонимных писем, и через неделю вы услышите о мщении, единственном в своем роде: оно будет полное, совершенное; оно бросит человека в грязь; подвиги Раевского — детская игра в сравнении с тем, что я собираюсь сделать, и тому подобное.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — Пушкину, в ноябре 1836 г.
Переп. Пушкина, III, 404.

Кн. Вяземский, с которым я гулял, просил меня узнать, что замышляет Пушкин. Я пошел к нему и встретил его на Мойке. «Жены нет дома», — сказал он. Мы пошли гулять и зашли к Смирдину, где он отдал за-

¹⁾ «Геккерн упирался и говорил, что невозможно приступить к осуществлению брачного проекта до тех пор, пока Пушкин не возьмет вызова, ибо в противном случае в свете намерение Дантеса жениться на Гончаровой приписали бы трусливому желанию избежать дуэли. Упомянув в конспекте о посещении Геккерена, Жуковский записывает: «Его требование письма». Путь компромисса был указан, и инициатива замирения, по мысли Геккерена, должна была исходить от Пушкина. Он, Пушкин, должен был послать Геккерену письмо с отказом от вызова. Этот отказ устраивал бы господ Геккеренов. Но Пушкин не пошел и на это. «Отказ Пушкина. Письмо в котором упоминает о сватовстве» — записывает в конспекте Жуковский. Эта запись легко поддается комментарию. Пушкин соглашался написать письмо с отказом от вызова, но такое письмо, в котором было бы упомянуто о сватовстве, как о мотиве отказа. Пушкин хотел сделать то, что Геккерену было всего неприятнее. Есть основание утверждать, что такое письмо было действительно написано Пушкиным и вручено Геккерену-отцу. Но оно, конечно, оказалось не приемлемым для Геккеренов». *П. Щеголев*, стр. 85.

²⁾ Т.-е. сватовство Дантеса к Ек. Гончаровой.

писку к Кукольникову. «Вам не приходится иметь дело с этим народом», — сказал он.

Гр. В. А. СОЛОГУБ. Записка, бывш. в распоряжении Анненкова. *Модзалевский, «Пушкин», 377.*

Я продолжал затем гулять, по обыкновению, с Пушкиным и не замечал в нем особой перемены. Однажды спросил я его только, не дознался ли он, кто сочинил подметные письма. Точно такие же письма были получены всеми членами тесного Карамзинского кружка, но истреблены ими тотчас по прочтении. Пушкин отвечал мне, что не знает, но подозревает одного человека. «Если вам нужен посредник или секундант, — сказал я ему, — то располагайте мной». Эти слова сильно тронули Пушкина, и он мне сказал тут несколько таких лестных слов, что я не смею их повторить; но слова эти остались отраднейшим воспоминанием моей литературной жизни. Порадовав меня своим отзывом, Пушкин прибавил:

— Дуэли никакой не будет; но я, может быть, попрошу вас быть свидетелем одного объяснения, при котором присутствие светского человека мне желательно, для надлежащего заявления, в случае надобности.

Все было говорено по-французски.

Гр. В. А. СОЛОГУБ. *Воспоминания, 179.*

Барон Геккерен сообщил мне, что он уполномочен уведомить меня, что все те основания, по которым вы вызвали меня, перестали существовать, и что посему я могу смотреть на этот ваш поступок, как на не имевший места.

Когда вы вызвали меня без объяснения причин, я без колебаний принял этот вызов, так как честь обязывала меня это сделать. В настоящее время вы уверяете меня, что вы не имеете более оснований желать поединка. Прежде, чем вернуть вам ваше слово, я желаю знать, почему вы изменили свои намерения, не уполномочив никого представить вам объяснения, которые я располагал дать вам лично. Вы первый согласитесь с тем, что прежде, чем взять свое слово обратно, каждый из нас должен представить объяснения для того, чтобы впоследствии мы могли относиться с уважением друг к другу.

ЖОРЖ ДАНТЕС-ГЕККЕРЕН — Пушкину. *Щеголев, 278 (фр.).*

Письмо Дантеса к Пушкину и его бешенство. Снова дуэль. Секундант. Письмо Пушкина.

В. А. ЖУКОВСКИЙ. Конспективные заметки. *Щеголев, 284.*

Я был совершенно покоен насчет последствий писем, но через несколько дней должен был разувериться. У Карамзиных праздновался день рождения старшего сына¹⁾. Я сидел за обедом подле Пушкина. Во время общего веселого разговора, он вдруг нагнулся ко мне и сказал скороговоркой:

« — Ступайте завтра к д'Аршиаку. Условьтесь с ним только насчет

¹⁾ День рождения Ек. Андр. Карамзиной (вдовы историка), 16 ноября. П. Щеголев, *Дуэль, 93.*

материальной стороны дуэли. Чем кровавее, тем лучше. Ни на какие объяснения не соглашайтесь...

Потом он продолжал шутить и разговаривать, как бы ни в чем ни бывало. Я остолбенел, но возражать не осмелился. В тоне Пушкина была решительность, не допускавшая возражений.

Вечером я поехал на большой раут к австрийскому посланнику, графу Фикельмону. На рауте все дамы были в трауре по случаю смерти Карла X. Одна Катерина Николаевна Гончарова, сестра Натальи Николаевны Пушкиной (которой на рауте не было), отличалась от прочих белым платьем. С ней любезничал Дантес-Геккерн. Пушкин приехал поздно, казался очень встревожен, запретил Катерине Николаевне говорить с Дантесом и, как узнал я потом, самому Дантесу высказал несколько более, чем грубых слов. С д'Аршиаком, статным молодым секретарем французского посольства, мы выразительно переглянулись и разошлись, не будучи знакомы. Дантеса я взял в сторону и спросил его, что он за человек. — «Я человек честный, — отвечал он, — и налеюсь это скоро доказать». — Затем он стал объяснять, что не понимает, что от него Пушкин хочет; что он поневоле будет с ним стреляться, если будет к тому принужден; но никаких ссор и скандалов не желает.

Гр В А. СОЛОГУБ. *Воспоминания*, 180—181.

Я взял Дантеса в сторону. — «Что вы за человек?» — спросил я. — «Что за вопрос», — отвечал он и начал врать. — «Что вы за человек?» — повторил я. — «Я человек честный, мой дорогой, и скоро я это докажу». Разговор наш продолжался долго. Он говорил, что чувствует, что убьет Пушкина, а что с ним могут делать, что хотят: на Кавказ, в крепость, — куда угодно. Я заговорил о жене его. — «Мой дорогой, она жеманница». Впрочем, об дуэли он не хотел говорить. — «Я все поручил д'Аршиаку, я к вам пришлю д'Аршиака или моего отца». С д'Аршиаком я не был знаком. Мы поглядели друг на друга. После я узнал, что Пушкин подошел к нему на лестнице и сказал: — «Вы, французы, — вы очень любезны. Вы все знаете латинский язык, но когда вы деретесь, вы становитесь за тридцать шагов и стреляете. Мы, русские, — чем дуэль... (пропуск в рукописи Анненкова), тем жесточе должна она быть».

Гр. В А. СОЛОГУБ. Записка, бывш. в распор. Анненкова. Б. Модзалевский, «Пушкин», 378.

Записка Н. Н. (Нат. Ник. Пушкиной) ко мне и мой совет. Это было на рауте Фикельмона.

В. А. ЖУКОВСКИЙ. Конспективные заметки. Щеголев, 284.

На другой день, — это было во вторник 17 ноября, — я поехал сперва к Дантесу. Он ссылаясь во всем на д'Аршиака. Наконец, сказал: — «Вы не хотите понять, что я женюсь на Екатерине. Пушкин берет назад свой вызов, но я не хочу, чтобы получилось впечатление, будто я женюсь для избежания дуэли. Притом я не хочу, чтобы во всем этом произносилось имя женщины. Вот уже год, как старик (Геккерн) не хочет позволить мне жениться». Я поехал к Пушкину. Он был в ужасном порыве страсти. — «Дантес подлец. Я ему вчера сказал, что плюю на него, — говорил он. — Вот что. Поезжайте к д'Аршиаку и устройте с ним материальную сторону

дуэли. Как секунданту, должен я вам сказать причину дуэли. В обществе говорят, что Дантес ухаживает за моей женой. Иные говорят, что он ей нравится, другие, что нет. Все равно, я не хочу, чтобы их имена были вместе. Получив письмо анонимное, я его вызвал. Геккерн просил отсрочки на две недели. Срок кончен, д'Аршиак был у меня. Ступайте к нему». — Дантес, — сказал я, — не хочет, чтоб имена женщин в этом деле называли». — «Как! — закричал Пушкин. — А для чего же это все?» — И пошел, и пошел. — «Не хотите быть моим секундантом? Я возьму другого».

Гр. В. А. СОЛОГУБ. Записка, бывшая в распоряжении Анненкова. Б. Модзалевский, «Пушкин», 379.

На другой день (17-го ноября) погода была страшная: снег, метель. Я поехал сперва к отцу моему, жившему на Мойке, потом к Пушкину, который повторил мне, что я имею только условиться на счет материальной стороны самого беспощадного поединка, и, наконец, с замирающим сердцем, отправился к д'Аршиаку. Каково же было мое удивление, когда с первых слов д'Аршиак объявил мне, что он всю ночь не спал, что он хотя не русский, но очень понимает, какое значение имеет Пушкин для русских, и что наша обязанность сперва просмотреть все документы, относящиеся до порученного нам дела. Затем он мне показал: 1) Экземпляр ругательного диплома на имя Пушкина. 2) Вызов Пушкина Дантесу после получения диплома. 3) Записку посланника барона Геккерна, в которой он просил, чтоб поединок был отложен на две недели. 4) Собственноручную записку Пушкина, в которой он объявлял, что берет свой вызов назад на основании слухов, что г. Дантес женится на его невестке, К. Н. Гончаровой.

Я стоял пораженный, как будто свалился с неба. Об этой свадьбе я ничего не слышал, ничего не ведал и только тут понял причину вчерашнего белого платья, причину двухнедельной отсрочки, причину ухаживания Дантеса. Все хотели остановить Пушкина. Один Пушкин того не хотел. Мера терпения преисполнилась. При получении глупого диплома от безыменного негодяя, Пушкин обратился к Дантесу, потому что последний, танцуя часто с Натальей Николаевной, был поводом к мерзкой шутке. Самый день вызова неопровержимо доказывает, что другой причины не было. Кто знал Пушкина, тот понимает, что не только в случае кровной обиды, но даже при первом подозрении, он не стал бы дожидаться подметных писем. Одному богу известно, что он в это время выстрадал, воображая себя осмеянным и поруганным в большом свете, преследовавшем его мелкими, непрерывными оскорблениями. Он в лице Дантеса искал или смерти, или расправы с целым светским обществом. Я твердо убежден, что, если бы С. А. Соболевский был тогда в Петербурге, он, по влиянию его на Пушкина, один мог бы удержать его. Прочие были не в силах.

— Вот положение дела, — сказал д'Аршиак. — Вчера кончился двухнедельный срок, и я был у г. Пушкина с извещением, что мой друг Дантес готов к его услугам. Вы понимаете, что Дантес желает жениться, но не может жениться иначе, как если г. Пушкин откажется просто от своего вызова без всякого объяснения, не упоминая о городских слухах. Г. Дантес не может допустить, чтоб о нем говорили, что он был принужден жениться, и женился во избежание поединка. Уговорите г. Пушкина безусловно отказаться от вызова. Я вам ручаюсь, что Дантес женится, и мы предотвратим, может быть, большое несчастье ¹⁾.

¹⁾ Я говорил, что на Пушкина надо было глядеть, как на больного, а потому можно несколько мелочей оставить в стороне. Записка, бывшая в распоряжении Анненкова. Б. Модзалевский, 380.

Этот д'Аршиак был необыкновенно симпатичной личностью и сам скоро умер насильственной смертью на охоте. Мое положение было самое неприятное: я только теперь узнал сущность дела; мне предлагали самый блистательный исход, то, что я и требовал, и ожидать бы никак не смел, а между тем я не имел поручения вести переговоры. Потолковав с д'Аршиаком, мы решили съехаться в три часа у самого Дантеса. Тут возобновились те же предложения, но в разговорах Дантес не участвовал, все предоставив секунданту. Никогда в жизни свою я не ломал так головы. Наконец, потребовав бумаги, я написал по-французски Пушкину записку.

Гр. В. А. СОЛОГУБ. *Воспоминания*, 181.

Я был, согласно вашему желанию, у г. д'Аршиака, чтобы условиться о времени и месте. Мы остановились на субботу, так как в пятницу я не могу быть свободен, в стороне Парголова, ранним утром, на 10 шагов расстояния. Г. д'Аршиак добавил мне конфиденциально, что барон Геккерн окончательно решил объявить о своем брачном намерении, но, удерживаемый опасением показаться желающим избежать дуэли, он может сделать это только тогда, когда между вами все будет кончено, и вы засвидетельствуете словесно перед мной или г. д'Аршиаком, что вы не приписываете его брака расчетам, недостойным благородного человека.

Не имея от вас полномочия согласиться на то, что я одобряю от всего сердца, я прошу вас, во имя вашей семьи, согласиться на это предложение, которое примирит все стороны. Нечего говорить о том, что д'Аршиак и я ручаемся за Геккерена. Будьте добры дать ответ тотчас.

Гр. В. А. СОЛОГУБ. — Пушкину, 17 ноября 1836 г.
Переп. П-на, III, 408 (фр.).

Д'Аршиак прочитал внимательно записку; но не показал ее Дантесу, несмотря на его требование, а передал мне и сказал:

— Я согласен. Пошлите.

Я позвал своего кучера, отдал ему в руки записку и приказал везти на Мойку, туда, где я был утром. Кучер ошибся и отвез записку к отцу моему, который жил тоже на Мойке и у которого я тоже был утром. Отец мой записки не распечатал, но, узнав мой почерк и очень встревоженный, выглядел условия о поединке. Однако, он отправил кучера к Пушкину, тогда как мы около двух часов оставались в мучительном ожидании. Наконец, ответ был привезен.

Гр. В. А. СОЛОГУБ. *Воспоминания*, 184.

Я не колеблюсь написать то, что я могу заявить словесно. Я вызвал г. Ж. Геккерена на дуэль, и он принял ее, не входя ни в какие объяснения. Я прошу господ свидетелей этого дела сообразоваться рассматривать этот вызов, как не существовавший, осведомившись по слухам, что г. Ж. Геккерен решил объявить свое решение жениться на m-ше Гончаровой после дуэли. Я не имею никакого основания приписывать его решение соображениям, недостойным благородного человека. Я прошу вас, граф, воспользоваться этим письмом по вашему усмотрению.

ПУШКИН — гр. В. А. Сологубу, 17 ноября 1836 г.
Переп. III, 409 (фр.).

— Этого достаточно,— сказал д'Аршиак, ответ Дантесу не показал и поздравил его женихом. Тогда Дантес обратился ко мне со словами:

— Ступайте к г. Пушкину и поблагодарите его, что он согласен кончить нашу ссору. Я надеюсь, что мы будем видаться, как братья.

Поздравив со своей стороны Дантеса, я предложил д'Аршиаку лично повторить эти слова Пушкину и ехать со мной. Д'Аршиак и на это согласился. Мы застали Пушкина за обедом. Он вышел к нам несколько бледный и выслушал благодарность, переданную ему д'Аршиаком.

— С моей стороны,— продолжал он,— я позволил себе обещать, что вы будете обходиться со своим зятем, как со знакомым.

— Напрасно,— воскликнул запальчиво Пушкин.— Никогда этого не будет. Никогда между домом Пушкина и домом Дантеса ничего общего быть не может.

Мы грустно переглянулись с д'Аршиаком. Пушкин затем немного успокоился.

— Впрочем,— добавил он,— я признал и готов признать, что г. Дантес действовал, как честный человек.

— Больше мне и не нужно,— подхватил д'Аршиак и поспешно вышел из комнаты.

Гр. В. А. СОЛОГУБ. *Воспоминания*, 184.

По рассказу Матюшкина, Дантес был сын сестры Геккерена и Голландского короля, усыновленный богатым дядей. Геккерен не мог простить Пушкину, что он так круто повернул женитьбу Дантеса на своей свояченице. Это было так: Пушкин, возвратясь откуда-то домой, находит Дантеса у ног своей жены. Дантес, увидя его, поспешно встал. На вопрос Пушкина, что это значит, Дантес отвечает, что он умолял Наталью Николаевну уговорить сестру свою итти за него. На это Пушкин сухо заметил, что тут не о чем умолять, что ничего нет легче: он звонит, приказывает вошедшему человеку позвать Катерину Николаевну и говорит ей: «Voilà M. Dantes qui demande ta main, согласна ли ты?» Затем Пушкин прибавляет, что он тотчас же испросит на этот брак разрешение императрицы (К. Н. была фрейлина), едет во дворец и привозит это разрешение.

Я. ГРОТ, 282.

Осенью 1836 г. Пушкин пришел к Клементию Осип. Россету и, сказав, что вызвал на дуэль Дантеса, просил его быть секундантом. Тот отказывался, говоря, что дело секундантов, в начале, стараться о примирении противника, а он этого не может сделать, потому что не терпит Дантеса, и будет рад, если Пушкин избавит от него петербургское общество; потом он недостаточно хорошо пишет по-французски, чтоб вести переписку, которая в этом случае должна быть ведена крайне осмотрительно; но быть секундантом на самом месте поединка, когда уже все будет условлено, Россет был готов. После этого разговора Пушкин повел его прямо к себе обедать. За столом подали Пушкину письмо. Прочитав его, он обратился к старшей своей свояченице, Екатерине Николаевне: — «Поздравляю, вы невеста; Дантес просит вашей руки». Та бросила салфетку и побежала к себе. Наталья Николаевна за нею. — Каков! — сказал Пушкин Россету про Дантеса.

П. И. Бартенев со слов А. О. РОССЕТА. *Рус. Арх.* 1882, I, 247.

Что происходило по получении вызова в вертепе у Геккерена и Дантеса, неизвестно; но в тот же день Пушкин, сидя за обедом, получает письмо, в котором Дантес просит руки старшей Гончаровой, сестры Наталии Николаевны. Удизление Пушкина было невыразимое; казалось, что все сомнения должны были упасть перед таким доказательством, что Дантес не думает о его жене. Но Пушкин не поверил сей неожиданной любви, а так как не было причины отказать в руке свояченицы, тридцатилетней девушки, которой Дантес нравился, то и было из'явлено согласие. Помолвка Дантеса удивила всех и всех обманула. Друзья Пушкина, видя, что ревность его продолжается, напали на него, упрекая в безрассудстве; он же оставался неуспокоенным и не верил, что свадьба состоится.

Н. М. СМЕРНОВ *Рус. Арх.*, 1882. I. 235.

Геккерен (*Дантес*), взбешенный холодностью Наталии Николаевны, заметной для всех в свете, и неудачей, постигшей все попытки отца, отважился посетить ее на дому, но случай натолкнул его в сенях на возвращающегося Пушкина.

Одного вида соперника было достаточно, чтобы забушевала в нем африканская кровь и, взбешенный предположением, что так нахально нарушается его запрет, — он немедленно обратился к молодому человеку с вопросом, что побуждает его продолжать посещения, когда ему хорошо должно быть известно, до какой степени они ему неприятны?

Самообладание не изменило Геккерену. Зрел ли давно задуманный план в его уме, или, вызванная желанием предотвратить возможное столкновение, эта мысль мгновенно озарила его, — кто может это решить? Хладнокровно, с чуть заметной усмешкой, выдержал он натиск первого гнева и в свою очередь вежливо спросил, отчего Пушкин так волнуется его ухаживанием, которое не может компрометировать его жену, так как отнюдь к ней не относится.

— Я люблю свояченицу вашу, Екатерину Николаевну, и это чувство настолько искренно и серьезно, что я готов сейчас просить ее руки.

Это признание озадачило Александра Сергеевича.

Несмотря на неожиданность, он мгновенно взвесил цену доказательства. Молодому, блестящему красавцу-иностранцу, который мог бы выбирать из самых лучших и выгодных партий, из любви к одной сестре связать себя навеки со старшей, отцветающей бесприданницею, — это было бы необъяснимым безумием, и разом просветленный, он уже добродушно объяснил ему, что участь Екатерины Николаевны не от него зависит, и что для дальнейших объяснений ему следует обратиться к тетушке, Екатерине Ивановне Загряжской, как старшей представительнице семьи.

Наталию Николаевну это неожиданное сватовство поразило еще сильнее мужа. Она слишком хорошо видела в этом поступке необузданность страсти, чтобы не ужаснуться горькой участи, ожидавшей ее сестру.

Екатерина Николаевна сознавала, что ей суждено любить безнадежно, и потому, как в волшебном чаду, выслушала официальное предложение, переданное ей тетушкою, боясь поверить выпадавшему ей на долю счастью. Тщетно пыталась сестра открыть ей глаза, поверяя все хитро-сплетенные интриги, которыми до последней минуты пытались ее опутать, и рисуя ей картину семейной жизни, где с первого шага Екатерина Николаевна должна будет бороться с целым сонмом ревнивых подозрений и невыразимой мукой сознания, что обидное равнодушие служит ответом ее страстной любви.

На все доводы она твердила одно:

— Сила моего чувства к нему так велика, что, рано или поздно, оно покорит его сердце, а перед этим блаженством страдание не страшит!

Наконец, чтобы покончить с напрасными уещениями, одинаково тяжкими для обеих, Екатерина Николаевна в свою очередь не задумалась упрекнуть сестру в скрытой ревности, наталкивающей ее на борьбу за любимого человека.

— Вся суть в том, что ты не хочешь, ты боишься его мне уступить, — запальчиво бросила она ей в лицо.

Краска негодования разлилась по лицу Натальи Николаевны:

— Ты сама не веришь своим словам, Catherine! Ухаживание Геккерена сначала забавляло меня, оно льстило моему самолюбию: первым побуждением служила мысль, что муж заметит новый, шумный успех, и это пробудит его остывшую любовь. Я ошиблась! Играя с огнем, можно обжечься. Геккерен мне понравился. Если бы я была свободна. — не знаю, во что бы могло превратиться мимолетное увлечение. Постыдного в нем ничего нет! Перед мужем я даже и помыслom не прешна, и в твоей будущей жизни помехой, конечно, не стану. Это ты хорошо знаешь. Видно, от своей судьбы никому не уйти!

И на этом покончилось все объяснение сестер.

А. П. АРАПОВА. *Новое Время*, 1907, № 11421, иллюстр. прил., стр. 5.

Порицание поведения Геккерена справедливо и заслужено: он точно вел себя, как гнусная каналья. Сам сводничал Дантесу в отсутствие Пушкина, уговаривал жену его отдаться Дантесу, который будто к ней умирал любовью, и все это тогда открылось, когда после первого вызова на дуэль Дантеса Пушкиным, Дантес вдруг посватался на сестре Пушкиной; тогда жена открыла мужу всю гнусность поведения обоих, быв во всем совершенно невинна.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ I — вел. кн. Михаилу Павловичу, 3 февр. 1837 г. *Рус. Стар.*, 1902, т. 110, стр. 226.

Когда Пушкин узнал о свадьбе, уже решенной, он, конечно, должен был счесть ее достаточным для своей чести удовлетворением, так как всему свету было ясно, что этот брак по рассудку, а не по любви. Чувства, или так называемые «чувства» молодого Геккерена получили гласность такого рода, которая делала этот брак довольно двусмысленным. Вследствие этого Пушкин взял свой вызов обратно, но объявил самым положительным образом, что между его семьей и семейством свояченицы он не потерпит не только родственных отношений, но даже простого знакомства, и что ни их нога не будет у него в доме, ни его — у них. Тем, кто обращался к нему с поздравлениями по поводу этой свадьбы, он отвечал во всеуслышание: «*Tu Vas voulu Georges Dandin*». Говоря по правде, надо сказать, что мы все, так близко следившие за развитием этого дела, никогда не предполагали, чтобы молодой Геккерен решился на этот отчаянный поступок, лишь бы избавиться от поединка. Он сам был, вероятно, опутан темными интригами своего отца. Он приносил себя ему в жертву. Я его, по крайней мере, так понял. Но часть общества захотела усмотреть в этой свадьбе подвиг высокого самоотвержения ради спасения чести г-жи Пушкиной.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — вел. кн. Михаилу Павловичу, 14 февр. 1837 г. *Щеголев*, 259 (фр.).

Слава богу, — кажется, все кончено. Жених и почтенный его батюшка были у меня с предложением. К большому счастью, за четверть часа перед

ними приехал старшой Гончаров и он объявил им родительское согласие; итак, все концы в воду. Сегодня жених подает просьбу по форме о позволении женитьбы и завтра от невесте поступит к императрице. Теперь позвольте мне от всего моего сердца принести вам мою благодарность и простите все мучения, которые вы претерпели во всё сие бурное время, я бы сама пришла к вам, чтоб отблагодарить, но право сил нету.

Е. И. ЗАГРЯЖСКАЯ — В. А. Жуковскому. *Щеголев*, 288.

Согласие Екатерины Гончаровой и все ее поведение в этом деле непонятны, если только загадка эта не объясняется просто ее желанием во что бы то ни стало выйти из ряда зрелых дев. Пушкин все время думал, что какая-нибудь случайность помешает браку в самом же начале. Все же он совершился.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — вел. кн. Михаилу Павловичу, 14 февр. 1837 г. *Щеголев*, 260 (фр.).

Вечером на бале С. В. Салтыкова свадьба была объявлена, но Пушкин Дантесу не кланялся. Он сердился на меня, что, несмотря на его приказание, я вступил в переговоры. Свадьбе он не верил.

— У него, кажется, грудь болит, — говорил он, — того гляди, уедет за границу. Хотите биться об заклад, что свадьбы не будет? Бог у вас тросточка. У меня бабья страсть к эгим игрушкам. Проиграйте мне ее.

— А вы проиграете мне все ваши сочинения?

— Хорошо. (Он был в это время как-то желчно весел).

Гр. В. А. СОЛОГУБ. *Воспоминания*, 185.

19 ноября 1836 г. отдано было в полковом приказе: «Неоднократно поручик барон де-Геккерен подвергался выговорам за неисполнение своих обязанностей, за что уже и был несколько раз наряжаем без очереди дежурным при дивизионе; хотя объявлено вчерашнего числа, что я буду сегодня делать репетицию ординарцам, на коей он и должен был находиться, но не менее того... на оную опоздал, за что и делаю ему строжайший выговор и наряжаю дежурным на пять раз».

С. А. ПАНЧУЛИДЗЕВ. *Сборник биографий кавалергардов*, 77.

— Послушайте, — сказал мне Пушкин через несколько дней, — вы были более секундантом Дантеса, чем моим; однако я не хочу ничего делать без вашего ведома. Пойдемте в мой кабинет.

Он запер дверь и сказал: «Я прочитаю вам мое письмо к старику Геккерену. С сыном уже покончено... Вы мне теперь старичка подавайте».

Тут он прочитал мне всем известное письмо к голландскому посланнику. Губы его задрожали, глаза налились кровью. Он был до того страшен, что только тогда я понял, что он действительно африканского происхождения. Что мог я возразить против такой сокрушительной страсти? Я промолчал невольно, и так как это было в субботу (приемный день князя Одоевского), то поехал к кн. Одоевскому. Там я нашел Жуковского и рассказал ему про то, что слышал. Жуковский испугался и обещал остановить посылку

письма. Действительно, это ему удалось; через несколько дней он объявил мне у Карамзиных, что дело он уладил и письмо послано не будет. Пушкин точно не отсылал письма, но сберег его у себя на всякий случай.

Гр. В. А. СОЛОГУБ, *Воспоминания*, 186.

Нанести решительный удар... сочиненное вами, и три экземпляра безымянного письма... роздали... смастерили... беспокоимся более. Действительно, не прошло и трех дней в розысках, как я узнал, в чем дело. Если дипломатия не что иное, как искусство знать о том, что делается у других, и разрушать их замыслы, то вы отдадите мне справедливость и сознаетесь, что сами потерпели поражение на всех пунктах... Может быть, вы желаете знать, что мешало мне до сих пор опозорить вас в глазах нашего двора и вашего... Я добр, простодушен... Но сердце мое чувствит... Дуэли мне уже недоста-точно... самый след этого гнусного дела, из которого мне легко будет напи-сать главу в моей истории рога носцев.

ПУШКИН — бар. Геккерену-Старшему. Первоначальная редакция письма от 21 ноября 1836 г. (черновик). *Рус. Стар.* 1880 (фр.).

Случилось, что в продолжение двух недель г. Дантес влюбился в мою свояченицу, Гончарову, и просил у нее руки. Между тем я убедился, что анонимное письмо было от Геккерена, о чем считаю обязанностью довести до сведения правительства и общества. Будучи единственным судьей и хранителем моей чести и чести моей жены, — почему и не требую ни правосудия, ни мщения, — не могу и не хочу представлять доказательств кому бы то ни было в том, что я утверждаю.

ПУШКИН — гр. А. Х. Бенкендорфу, 21 ноября 1836 г. (фр.).

1836 г. Месяц ноябрь. Присутствие их величеств в собственном дворце. Понедельник, 23-го. С девяти часов его величество принимал с докладом военного министра ген.-адъютанта графа Чернышева, ген.-лейтенанта гр. Грабсвского (и т. д.). 10 минут 2-го часа его величество один в санях выезд имел прогуливаться по городу и возвратился в 3 часа во дворец. По возвращении его величество принимал генерал-адъютанта графа Бенкендорфа и камер-юнкера Пушкина.

ЗАПИСЬ В КАМЕР - ФУРЬЕРСКОМ ЖУРНАЛЕ.
«Огонек», 1928, № 24.

Князь П. А. Вяземский и все друзья Пушкина не понимали и не могли себе объяснить поведения Пушкина в этом деле. Если между молодым Геккереном и женою Пушкина не прерывались в гостиных дружеские отношения, то это было в силу общечеловеческого, неизменного приличия, и сношения эти не могли возбудить не только ревности, но даже и неудовольствия со стороны Пушкина. Сам Пушкин говорит, что с получения безымянного письма он не имел ни минуты спокойствия. Оно так и должно было быть... Для Пушкина минутное ощущение, пока оно не удовлетворено, становилось жизненною потребностью... Чистосердечно сообщаемый женою разговор не заслуживал доверия в его глазах и мог только раздражать его

самолюбие. В последние два месяца жизни Пушкин много говорил о своем деле с Геккереном, а отзывы его друзей и их молчание — все должно было перевертывать в нем душу и убеждать в необходимости кровавой развязки.

Кн. ПАВ. П. ВЯЗЕМСКИЙ. *«Пушкин»*, II, 67—68

25 ноября 1836 г. взято Пушкиным у Шишкина 1250 руб. под залог шалей, жемчуга и серебра.

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. Архив опеки над имуществом Пушкина. *П-н и его совр-ки*, XIII, 98.

(Вторая половина ноября 1836 г., на «пятнице» у А. Ф. Воейкова). В это время вошел кудрявый, желтовато-смутлый брюнет с довольно густыми, темными бакенбардами, с смеющимися живыми глазами и с обликом лица южного, как бы негритянского происхождения... На Пушкине был темно-кофейного цвета сюртук с бархатным воротником, в левой руке он держал черную баранью кавказскую кабардинку с красным верхом. На шее у него был повязан шелковый платок довольно густо, и из-за краев этого платка виднелся порядочно измятый воротник белой рубашки. Когда Пушкин улыбался своею очаровательною улыбкой, алые широкие его губы обнаруживали ряды красивых зубов поразительной белизны и яркости (стр. 182).

... Пушкин кинулся с ногами на диван, при чем, в полном смысле слова, помирал со смеху, хохоча звонко с легким визгом. Пришедши несколько в себя и вытирая слезы, он сказал Воейкову: «Извините мне мой обычный истерический припадок смеха. Так я всегда хохочу, когда речь идет о чем-нибудь забавном и менее этого»... Пушкин был от природы очень смешлив, и когда однажды заливался хохотом, то хохот этот был очень продолжителен (188—189).

В. Б. (В. П. БУРНАШОВ). Мое знакомство с Воейковым. *Рус. Вестник*, 1871 № 11.

Пушкин был должен кн. Н. Н. Оболенскому 8.000 руб., занятых у него в 1836 г. по двум заемным письмам; срок их минул 1 декабря 1836 г., но Пушкин просил Оболенского отсрочить платеж до марта 1837 г.

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. Архив опеки над имуществом Пушкина. *П-н и его совр-ки*, XIII, 95.

В начале декабря д'Аршиак показал мне несколько печатных бланков с разными шутовскими дипломами на разные нелепые звания. Он рассказал мне, что венское общество целую зиму забавлялось рассылкою подобных мистификаций. Тут находился тоже печатный образец диплома, посланного Пушкину. Таким образом, гнусный шутник, причинивший его смерть, не выдумал даже своей шутки, а получил образец от какого-то члена дипломатического корпуса и списал.

Гр. В. А. СОЛОГУБ. *Воспоминания*. 186.

(4 декабря 1836 г., у Греча, на именинах его жены). Пушкин, как заметили многие, был не в своей тарелке, на его впечатлительном лице отражалась мрачная задумчивость. Пробыв у Греча с полчаса, Пушкин уда-

лился. Греч сам проводил его в прихожую, где лакей Пушкина подал ему медвежью шубу и на ноги надел меховые сапоги. «Все словно бьет лихорадка, — говорил он, закутываясь, — все как-то везде холодно и не могу согреться; а порой вдруг невыносимо жарко. Нездоровится что-то в нашем медвежьем климате. Надо на юг, на юг!»

В. П. БУРНАШОВ. Воспоминания. Рус. Арх., 1872, стр. 1790.

Я был во дворце с 10 часов до 3½ и был почти поражен великолепием двора, дворца и костюмов военных и дамских, нашел много апартаментов, новых и в прекрасном вкусе отделанных. Пение в церкви восхитительное! Я не знал, слушать ли или смотреть на Пушкину и ей подобных? — подобных! но много ли их? жена умного поэта и убранством затмевала других...

А. И. ТУРГЕНЕВ — А. Я. Булгакову, 7 дек. 1836 г. *Московский Пушкинист*, 1927, вып. I, стр. 33.

С самого моего приезда ¹⁾ я была поражена лихорадочным состоянием Пушкина и какими-то судорожными движениями, которые начинались в его лице и во всем теле при появлении будущего его убийцы.

Кн. Е. Н. МЕЩЕРСКАЯ (урожд. Карамзина). *Я. Грот*, 260.

Мой сборник («Старина и Новизна») Пушкин советует мне назвать Старина и Новина, а не Новизна.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — И. И. Дмитриеву, 9 дек. 1836 г. *Рус. Арх.*, 1868, стр. 652.

В полковом приказе 13 дек. 1836 г. Дантес показан заболевшим «грозную лихорадкою» с 12 декабря.

С. А. ПАНЧУЛИДЗЕВ. *Сборник биографий кавалергардов*, 80.

Я зашел к Пушкину справиться о песне о Полку Игорева, коей он готовится критическое издание... Он хочет сделать критическое издание сей песни, в роде Шлецерова Нестора, и показать ошибки в толках Шишкова и других переводчиков и толкователей; но для этого ему нужно дождаться смерти Шишкова, чтобы преждевременно не уморить его критикою, а других смехом. Три или четыре места в оригинале останутся неясными, но многое пояснится, особливо начало. Он прочел несколько замечаний своих, весьма основательных и остроумных: все основано на знании наречий слов

---

¹⁾ Ек. Ник. Мещерская приехала в Петербург, повидимому, в первой половине декабря 1836 г. Брат ее Андрей Ник. Карамзин писал про нее матери из Парижа 25 декабря: «так как Катенька теперь с вами, то надеюсь, что и ее милый почерк найду иногда в ваших письмах» (*Стар. и Новизна*, XVII, 244). Письмо из Петербурга в Париж в то время шло около двух недель.

и языка русского... Я провел у них весь вечер в умном и любопытном разговоре.

А. И. ТУРГЕНЕВ.—Н. И. Тургеневу, 13 дек. 1836 г. *Щеголев, Дуэль и смерть Пушкина. Изд. 3, стр. 278.*

(19 дек. 1836 г.). Вечер у кн. Мещерской (Карамз.). О Пушкине; все нападают на него за жену, я заступился.

А. И. ТУРГЕНЕВ. *Дневник. Щеголев, Дуэль и смерть Пушкина. Изд. 3, стр. 279.*

Пушкин мой сосед¹⁾, он полон идей, и мы очень сходимся друг с другом в наших нескончаемых беседах; иные находят его изменившимся, озабоченным и не вносящим в разговор ту долю, которая прежде была так значительна. Но я не из числа таковых, и мы с трудом кончаем одну тему разговора, в сущности незаканчивая, то-есть, не исчерпывая ее никогда; его жена повсюду прекрасна как на балу, так и в своей широкой черной накидке у себя дома. Жених ее сестры (*Дантес*) очень болен, он не выдается с Пушкиными.

А. И. ТУРГЕНЕВ—Е. А. Свербеевой, 21 дек. 1836 г. *Московский Пушкинист, 1927, вып. 1, стр. 24, (Фр.).*

Вы сообщаете мне новость о выходе Екатерины Гончаровой за барона Дантеса, теперь Геккерена. По словам г-жи Пашковой, которая об этом пишет своему отцу, это удивляет город и предместья не потому, что один из самых красивых кавалергардов и самых модных мужчин, имеющий 70 тысяч рублей дохода, женится на m-lle Гончаровой, — она для этого достаточно красива и достаточно хорошо воспитана, — но потому, что его страсть к Натали ни для кого не была секретом. Я об этом прекрасно знала, когда была в Петербурге, и тоже подшучивала над этим; поверьте мне, тут что-то либо очень подозрительное, либо — недоразумение, и, может быть, будет очень хорошо, если свадьба не состоится.

О. С. ПАВЛИЩЕВА—С. Л. Пушкину, 24 декабря 1836 г., из Варшавы. *П-н и его совр-ки, XII, 94 (Фр.).*

Со свояченицей своею во все это время Пушкин был мил и любезен по-прежнему и даже весело подшучивал над нею по случаю свадьбы ее с Дантесом. Раз, выходя из театра, Дантас встретил Пушкиных и поздравил Катерину Николаевну Гончарову, как невесту Дантеса; при этом Пушкин сказал шутя Дантасу:

— Моя свояченица не знает теперь, какой она будет национальности: русской, французенкою или голландкою?

А. АММОСОВ, 12.

---

¹⁾ Тургенев жил в гостинице Демута, по Мойке, недалеко от Пушкина.

В продолжение помолвки дом Пушкина был закрыт для Геккерена, и он виделся со своей невестой только у ее тетки Ек. Ив. Загряжской.

Бар. ГУСТАВ ФРИЗЕНГОФ — А. П. Араповой
Красная нива, 1929, № 24, стр. 10. (фр.).

Был на балу у Е. Ф. Мейендорфа. Он и жена говорили о Пушкине, о данном мне поручении перевести для государя рукопись генерала Гордона. Я не танцевал и находился в комнате перед залой. Вдруг вышел оттуда Александр Сергеевич с Мейендорфом и нетерпеливо спрашивал его: «Да где же он? Где он?» Егор Федорович нас познакомил. Пошли расспросы об объеме и содержании рукописи... Он спросил, не имею ли других подобных занятий в виду по окончании перевода; и упрашивал навешать его.

Над. сов. КЕЛЛЕР. *Дневник. Декабрь. Соч. Пушкина под ред. П. А. Ефремова*, т. VIII, 1905, стр. 533.

28 декабря 1836 г. эскадронный командир Дантеса шт.-ротмистр Апрелев подал рапорт об «исходатайствовании дозволения проезжать по хорошей погоде поручику барону де-Геккерену по случаю облёгчения в бодезни».

С. А. ПАНЧУЛИДЗЕВ, 80.

Моя свояченица Катерина выходит замуж за барона Геккерена, племянника и приемного сына посланника голландского короля. Это очень красивый и славный малый, весьма в моде, богатый, и на четыре года моложе своей невесты. Приготовление приданого очень занимает и забавляет мою жену и ее сестер, меня же приводит в ярость, потому что мой дом имеет вид магазина мод и белья.

ПУШКИН — С. Л. Пушкину (отцу) в конце дек.
1836 г. (фр.).

А. А. Краевский работал у Пушкина в 1836 г. и заведывал корректурами пушкинского «Современника». Он часто видался с Пушкиным в последние годы его жизни. Однажды, собираясь в Москву, Краевский зашел к Пушкину проститься и напомнить ему его обещание дать стихотворение «Московскому Наблюдателю». Пушкин достал свою тетрадь, вырвал из нее листок и подал его Краевскому.

Это были стихи «Последняя туча рассеянной бури». Прочитав и складывая его, чтобы положить в карман, Краевский видит на обороте листка еще небольшие стихи; но только что он прочел первый стих: «В Академии Наук...» — Пушкин мгновенно вырвал у него листок, переписал посылаемые «Московскому Наблюдателю» стихи на отдельной бумаге, отдал Краевскому, а первый листок спрятал. Краевский помнил, что в последнем стихе было: «От того, что есть чем сесть».

Через несколько месяцев Краевский приносит Пушкину корректуру «Современника». — Некогда, некогда, — говорит Пушкин, — надобно ехать в публичное заседание Академии. Хотите? поедем вместе: посмотрите, как президент и вице-президент будут торчать на моей эпиграмме».

П. И. БАРТЕНЕВ со слов А. А. Краевского. *Рус. Арх.*, 1892, II, 430.

В одно из своих посещений Краевский застал Пушкина, именно 28 декабря 1836 г., только что получившим пригласительный билет на годичный акт Академии Наук.

— Зачем они меня зовут туда? Что я там буду делать? — говорил Пушкин. — Ну, да поедемте вместе, завтра.

— У меня нет билета.

— Что за билет! Поедемте. Приезжайте ко мне завтра и отправимся.

29-го декабря Краевский пришел. Подали двухместную, четверную на вынос, с форейтором, запряженную карету, и А. С. Пушкин с А. А. Краевским отправились в Академию Наук.

Пред этим только что вышел четвертый том «Современника», с «Капитанскою дочкою». В передней комнате Академии, пред залом, Пушкина встретил Греч — с поклоном чуть не в ноги:

— Батюшка, Александр Сергеевич, исполать вам! Что за прелесть вы подарили нам! — говорил с обычными ужимками Греч. — Ваша «Капитанская дочка» чудо как хороша! Только зачем это вы, батюшка, дворовую девку свели в этой повести с гувернером... Ведь книгу-то наши дочери будут читать!..

— Давайте, давайте им читать! — говорил в ответ, улыбаясь, Пушкин.

Вошли. За столом на председательском месте, вместо заболевшего Уварова, сидел князь М. А. Дундуков-Корсаков, лучезарный, в ленте, звездах, румяный, и весело, приветливо поглядывал на своих соседей-академиков и на публику. Непременный секретарь Академии Фукс читал отчет...

— Ведь вот сидит довольный и веселый, — шепнул Пушкин Краевскому, мотнув головой по направлению к Дундукову, — а ведь, сидит-то на моей эпиграмме! Ничего, не больно, не вертится!

Давно была известна эпиграмма Пушкина:

В академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь;
Отчего ж он заседает?
Оттого, что . . . . есть.

Но Пушкин постоянно уверял, что она принадлежит Соболевскому. На этот раз — он проговорился Краевскому потому, что не задолго пред тем сам же нечаянно показал ему автограф свой с этой именно эпиграммою.

М. И. СЕМЕВСКИЙ со слов А. А. Краевского.
Рус. Стар., 1880, т. 29, стр. 220.

Пушкин жалел об эпиграмме: «В Академии Наук», когда лично узнал Дундука.

С. А. СОБОЛЕВСКИЙ—М. Н. Лонгинову, 1855 г.
П-н и его совр-ки, XXXI—XXXII, 39.

Вы застали меня врасплах, без гроша денег. Виноват, — сейчас еду по моим должникам собирать недоимки, и коли удастся, явлюся к вам... Экая беда!

ПУШКИН—Н. Н. Карадыгину, конец 1836—нач.
1837 г.

На святках был бал у португальского, если память не изменяет, посланника, большого охотника. Во время танцев я зашел в кабинет, все стены которого были увешаны рогами различных животных, убитых ярым охотником, и, желая отдохнуть, стал перелистывать какой-то кипсэк. Вошел Пушкин. «Вы зачем здесь? Кавалергарду, да еще не женатому, здесь не место. Вы видите, — он указал на рога, — эта комната для женатых, для мужей, для нашего брата». — «Полноте, Пушкин, вы и на бал притащили свою желчь; вот уж ей здесь не место»... Вслед за этим он начал бранить всех и вся, между прочим Дантеса, и так как Дантес был кавалергардом, то и кавалергардов. Не желая ввязываться в историю, я вышел из кабинета и, стоя в дверях танцевальной залы, увидел, что Дантес танцует с Натали.

Со слов А. В. ТРУБЕЦКОГО в 1887 г. «*Рассказ об отношениях Пушкина к Дантесу*». Отд. брошюра, перепеч. у Щеголева, стр. 405.

С княгиней он был откровеннее, чем с князем. Он прибежал к ней и рассказывал свое положение относительно Геккерна. Накануне нового года у Вяземских был большой вечер. В качестве жениха Геккерн явился с невестою. Отказывать ему от дому не было уже повода. Пушкин с женою был тут же, и француз продолжал быть возле нее. Графиня Наталья Викторовна Строганова говорила княгине Вяземской, что у него такой страшный вид, что, будь она его женой, она не решилась бы вернуться с ним домой. Наталья Николаевна с ним была то слишком откровенна, то слишком сдержанна.

П. И. Бартенев со слов кн-ни В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ. *Рус. Арх.*, 1888, II, 310.

(В начале 1837 г.). Войдя в переднюю квартиры Петра Александровича (Плетнева), я столкнулся с человеком среднего роста, который, уже надев шинель и шляпу и прощаясь с хозяином, звучным голосом воскликнул: «да! да! Хороши наши министры! Нечего сказать!» — засмеялся и вышел. Я успел только разглядеть его белые зубы и живые, быстрые глаза. Каково же было мое горе, когда я узнал потом, что этот человек был Пушкин!

И. С. ТУРГЕНЕВ. *Литературный вечер у П. А. Плетнева*.

От 15 дек. 1836 г. по 3 янв. 1837 г. Дантес был болен.

В. В. НИКОЛЬСКИЙ (по данным архива Кавалергардского полка). *В. Никольский. Идеалы Пушкина*, 4 изд., стр. 129.

Выздоровевшего г. поручика барона де-Геккерена числить налицо, которого по случаю женитьбы его не наряжать ни в какую должность до 18 янв., т. е. в продолжение 15 дней.

ПРИКАЗ ПО ПОЛКУ, 3 января 1837 г. С. Панчулидзева, 80.

С месяц тому, Пушкин разговаривал со мною о русской истории; его светлые объяснения древней Песни о полку Игореве, если не сохранились

в бумагах, невозвратимая потеря для науки: вообще в последние годы жизни своей, с тех пор, как он вознамерился описать царствование и деяние Великого Петра, в нем развернулась сильная любовь к историческим знаниям и исследованиям отечественной истории. Зная его, как знаменитого поэта, нельзя не жалеть, что вероятно лишились в нем и будущего историка.

М. А. КОРКУНОВ. Письмо к издателю Моск. Ведом. С.-Петербург. 4-го февраля 1837 г. *П-н и его совр-ки*, VIII, 82.

В начале января 1837 г. баронеса Е. Н. Вревская приехала в Петербург с мужем. Пушкин, лишь только узнал о приезде друга своей молодости, поспешил к ней явиться. С этого времени он бывал у них почти ежедневно и долго и откровенно говорил с баронессой о всех своих делах. Все это время он был в очень возбужденном и раздражительном состоянии. Он изнемогал под бременем клевет, не оставлявших в покое его семейной жизни; к тому же прибавилась крайняя запутанность материальных средств. Между тем жена его, не предвидя последствий, передавала мужу все, что доводилось ей слышать во время ее беспрестанных выездов в свет. Все это подливало масло в огонь. Пушкин видел во всем вздоре, до него доходившем, посягновение на его честь, на свое имя, на святость своего семейного очага, и, давимый ревностью, мучимый фальшивостью положения в той сфере, куда бы ему не следовало стремиться, видимо, искал смерти.

М. И. СЕМЕВСКИЙ со слов бар. Ев. Н. Вревской. *Рус. Вестн.* 1869, № 11, 90.

4-го января 1837 г. вышел первый номер «Литературных прибавлений к Русскому Инвалиду» под редакцией А. А. Краевского. Новому литературному органу, на зубок, Пушкин дал свое стихотворение «Аквилон». Когда Краевский, по выгуске первого номера своей газеты, представил его Ударову, своему начальнику, — тот принял его крайне сухо, и по выходе из кабинета Краевского сказал бывшему при этом кн. М. А. Дундукову-Корсакову:

— Разве Краевский не знает, что Пушкин состоит под строгим призором тайной полиции, как человек неблагонадежный? Служащему у меня в министерстве не следует иметь сношение с людьми столь вредного образа мыслей, каким отличается Пушкин.

(П. А. ЕФРЕМОВ). *Рус. Стар.*, 1880, т. 28, стр. 537).

Мне бы так хотелось иметь через вас подробности о невероятной женитьбе Дантеса. — Неужели причиной ее явилось анонимное письмо? Что это — великодушие или жертва? Мне кажется, — бесполезно, слишком поздно.

Императрица АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА баронессе Е. Ф. Тизенгаузен, в конце дек. 1836—нач. янв. 1837 г. *Письма Пушкина к Ел. М. Хитрово*. Лгрд., 1927, стр. 200.

Начало мирному общежителю положил для меня Пушкин в последний год своей жизни. Любимый со мною разговор его, за несколько недель до его смерти, все обращен был на слова: «Слава в вышних богу, и на земле

мир, и в человецех благоволение». По его мнению, я много хранил в душе моей благоволения к людям.

П. А ПЛЕТНЕВ—Я. К. Гроту. *Переписка Грота с Плетневым*, II, 731.

(За три недели до смерти Пушкина). Кабинет Пушкина состоял из большой узкой комнаты. Посреди стоял огромный стол простого дерева, оставлявший с двух концов место для прохода, заваленный бумагами, письменными принадлежностями и книгами, а сам поэт сидел в углу в покойном кресле. На Пушкине был старенький, дешевый халат, каким обыкновенно торгуют бухарцы в разноску. Вся стена была уставлена полками с книгами, а вокруг кабинета были расставлены простые плетеные стулья. Кабинет был просторный, светлый, чистый, но в нем ничего не было затейливого, замысловатого, роскошного, во всем безыскусственная простота и ничего поражающего.

ОБЛАЧКИН. Воспоминание о Пушкине. *Северная Пчела*, 1864, № 49.

Особый эпизод в студентской нашей жизни было посещение Пушкина, приглашенного профессором Плетневым на одну из своих лекций. Плетнев поднялся на кафедру, и в то же время в дверях аудитории показалась фигура Пушкина с его курчавой головой, огненными глазами и желтоватым, нервным ликом... Пушкин сел, с каким-то другим господином из литераторов, на одну из задних скамей и внимательно прослушал лекцию, не обращая внимания на беспрестанное осматривание его обращенными назад взорами сидевших впереди студентов... Профессор, читавший о древней русской литературе, вскользь упомянул о будущности ее и при сем имя Пушкина прошло через его уста; возбуждение было сильное и едва не перешло в шумное приветствие знаменитого гостя. Это было уже в конце урочного часа, и Пушкин, как бы предчувствуя, что молодежь не удержится от взрыва, скромно удалился из аудитории, ожидая окончания лекции в общей проходной зале, куда и вскоре вышел к нему Плетнев, и они вместе уехали. Это было незадолго до смерти Пушкина.

М.—Н. Воспоминания из дальних лет. *Рус. Стар.*, 1881, май, 158.

Недели за три до смерти историографа Пушкина был я по приглашению у него. Он много говорил со мной об истории Петра Великого. «Об этом государе, — сказал он между прочим, — можно написать более, чем об истории России вообще. Одно из затруднений составить историю его состоит в том, что многие писатели, не доброжелательствуя ему, представляют разные события в искаженном виде, другие с пристрастием осыпали похвалами все его действия». Александр Сергеевич на вопрос мой: скоро ли будем иметь удовольствие прочесть произведение его о Петре, отвечал: «Я до сих пор ничего еще не написал, занимался единственно собиранием материалов: хочу составить себе идею обо всем труде, потом напишу историю Петра в год или в течение полугода и стану исправлять по документам». Просидев с полтора часа у Пушкина, я полагал, что беспокою его и отнимаю дорогое время, но он просил остаться и сказал, что вечером ничем не занимается. Возложенное на него поручение писать историю Петра весьма его обременяло. —

«Эта работа убийственная, — сказал он мне, — если бы я наперед знал, я бы не взялся за нее».

Надв. сов. КЕЛЛЕР. Дневник. Соч. Пушкина под ред. П. А. Ефремова, т. VIII, стр. 586.

Сколько теней восстает около меня и роится в моей памяти!.. Вот и Пушкин, с своим веселым, заливающимся, ребяческим смехом, с беспрестанным фейерверком остроумных, блистательных слов и добродушных шуток, а потом — растерзанный, убитый жестоким легкомыслием пустых, тупых умников салонных, не постигших ни нежности, ни гордости его огненной души.

Гр. А. Д. БЛУДОВА. Рус. Арх., 1889, I, стр. 62.

Старушка, няня детей Пушкина, рассказывала впоследствии, что в декабре 1836 г. и в начале января 1837 г. Александр Сергеевич был словно сам не свой: он или по целым дням раз'езжал по городу, или, запершись в кабинете, бегал из угла в угол. При звонке в прихожей выбегал туда и кричал прислуге: «если письмо по городской почте, — не принимать!», а сам, вырвав письмо из рук слуги, бросался опять в кабинет и там что-то громко кричал по-французски. Тогда, бывало, к нему и с детьми не подходил, — заключала няня, — раскричится и вон выгонит.

Рус. Стар., 1888, т. 28, стр. 515.

По сохранившимся документам Гончаровского архива мы можем установить, что Дантес счел нужным обеспечить себе (перед свадьбой) два обстоятельства: во-первых, он поставил условием ежегодную выплату его жене известной суммы, в виду того, что выделить ее часть имени до смерти большого отца было невозможно. Во-вторых, он захотел иметь гарантию в том, что современем эта часть наследства без всяких препятствий перейдет к его жене, при чем желал строго фиксировать объем наследства. Опекун имени, Д. Н. Гончаров (брат Ек. Ник-ны) к свадьбе приехал из Москвы в Петербург и привез официальное согласие родителей невесты. Опекун дал Дантесу обещанье выплачивать ежегодно сестре по 5.000 руб. асс., при чем 10.000 р. были выданы немедленно на приданое невесте.

В. С. НЕЧАЕВА. Дантес (по материалам гончаровского архива). Московский Пушкинист, 1927, вып. I, стр. 75.

10-го января брак (между Дантесом и Ек. Гончаровой) был совершен в обеих церквах (православной и католической) в присутствии всей семьи. Граф Григорий Строганов с супругой, — родные дядя и тетка молодой девушки, — были ее посаженными отцом и матерью, а с моей стороны графиня Нессельроде была посаженной матерью, а князь и княгиня Бутера свидетелями.

Бар. ГЕККЕРЕН-СТАРШИЙ — барону Верстолку, 11 февраля 1837 г. Щеголев, 297.

Бракосочетание состоялось в часовне княгини Бутера (жены неаполитанского посланника), у которой затем был ужин. Наталья Николаевна

присутствовала на обряде венчания, согласно воле своего мужа, но уехала сейчас-же после службы, не оставшись на ужин. Из семьи присутствовал только Д. Н. Гончаров, который находился тогда в Петербурге, и старая тетка Ек. Ив. Загряжская.

Бар. ГУСТАВ ФРИЗЕНГОФ—А. П. Араповой.
Красная Нива, 1929, № 24, стр. 10 (фр.).

Пушкин не поехал на свадьбу и не принял молодых к себе. Что понудило Дантеса вступить в брак с девушкою, которую он не мог любить, трудно определить; хотел ли он, жертвуя собою, успокоить сомнения Пушкина и спасти женщину, которую любил, от нареканий света; или надеялся он, обманув этим ревность мужа, иметь, как брат, свободный доступ к Наталье Николаевне; испугался ли он дуэли, — это неизвестно.

Н. М. СМИРНОВ. *Рус. Арх.*, 1882, I, 235.

Муж прислал г-жу Пушкину ко мне в дом на мою свадьбу, что, по мнению моему, вовсе не означало, что все наши сношения должны были прекратиться.

Ж. ГЕККЕРЕН-ДАНТЕС. Показание перед военным судом, 12 февр. 1837 г. *Дуэль*, 7б.

Екатерина Николаевна поселилась с мужем на Невском, в помещении голландского посланника, своего свекра, и стала играть роль хозяйки в посольстве.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1882, I, 235.

Геккерн со своим усыновленным Геккерном-Дантесом и его супругою Екатериною Николаевной жил на Невском, в доме Влодека, где ныне пассаж.

П. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1900, I, 398.

На свадебном обеде, данном графом Строгановым в честь новобрачных, Пушкин присутствовал, не зная настоящей цели этого обеда, заключавшейся в условленном заранее некоторыми лицами примирении его с Дантесом. Примирение это однако же не состоялось, и когда после обеда барон Геккерен, отец, подойдя к Пушкину, сказал ему, что теперь, когда поведение его сына совершенно об'яснилось, он, вероятно, забудет все прошлое и изменит настоящие отношения свои на более родственные, Пушкин отвечал сухо, что, не взирая на родство, он не желает иметь никаких отношений между его домом и г. Дантесом... Несмотря на этот ответ, Дантес приехал к Пушкину с свадебным визитом; но Пушкин его не принял.

Вслед за этим визитом, который Дантес сделал Пушкину, вероятно, по совету Геккерена, Пушкин получил второе письмо от Дантеса. Это письмо Пушкин, не распечатывая, положил в карман и поехал к бывшей тогда фрейлине г-же Загряжской, с которою был в родстве. Пушкин через нее хотел возвратить письмо Дантесу; но, встретясь у ней с бароном Геккереном, он подошел к нему и, вынув письмо из кармана, просил барона возвратить его тому, кто писал его, прибавив, что не только читать писем Дантеса, но даже

и имени его он слышать не хочет. Верный принятому им намерению постоянно раздражать Пушкина, Геккерен отвечал, что, так как письмо это было писано к Пушкину, а не к нему, то он и не может принять его. Этот ответ взорвал Пушкина, и он бросил письмо в лицо Геккерену со словами: — *Tu la recevras, gredin (ты его примешь, негодяй)!*

После этой истории Геккерен решительно ополчился против Пушкина.

А. АММОСОВ, 12, 14—15.

С этого времени мы в семье наслаждались полным счастьем; мы жили, обласканные любовью и уважением всего общества, которое наперерыв старалось осыпать нас многочисленными тому доказательствами. Но мы старательно избегали посещать дом г. Пушкина, так как его мрачный и мстительный характер нам был слишком хорошо знаком. С той и с другой стороны отношения ограничивались лишь поклонами.

Бар. ЛУИ ГЕККЕРЕН (СТАРШИЙ)—барону Вер-
столку, 11 февраля 1837 г., *Щеголев, 297 (фр.)*.

После женитьбы Дантеса государь, встретив где-то Пушкина, взял с него слово, что, если история возобновится, он не приступит к развязке, не дав знать ему наперед. Так как сношения Пушкина с государем происходили через графа Бенкендорфа, то перед поединком Пушкин написал известное письмо свое на имя графа Бенкендорфа, собственно назначенное для государя⁴⁾. Но письма этого Пушкин не решился посылать, и оно найдено было у него в кармане сюртука, в котором он дрался. В подлиннике я видел его у покойного Павла Ивановича Миллера, который служил тогда секретарем при графе Бенкендорфе; он взял себе на память это не дошедшее по назначению письмо.

П. И. Бартенев со слов П. А. ВЯЗЕМСКОГО. *Рус. Арх.*, 1888, III, 308.

Гг. Геккерены даже после свадьбы не переставали дерзким обхождением с женою его, с которою встречались только в свете, давать повод к усилению мнения, поносительного как для его чести, так и для чести его жены.

К. К. ДАНЗАС. Показание перед военным судом,
11 февраля 1837 г. *Дуэль*, стр. 63.

Дом Пушкиных оставался закрытым для Геккерена и после брака, и жена его также не появлялась здесь. Но они встречались в свете, и там Геккерен продолжал демонстративно восхищаться своей новой невесткой; он мало говорил с ней, но находился постоянно вблизи, почти не сводя с нее глаз. Это была настоящая бравада, и я лично думаю, что этим Геккерен намерен был засвидетельствовать, что он женился не потому, что боялся драться, и что, если его поведение не нравилось Пушкину, он готов был принять все последствия этого.

Бар. ГУСТАВ ФРИЗЕНГОФ—А. П. Араповой.
Кр. Нива, 1929, № 24, стр. 10 (фр.).

⁴⁾ См. Переп. Пушкина, III, 416.

Согласно категорически выраженному желанию Ал. Сергеевича, Нат. Ник-на в дом к сестре не ездила, а принимала ее только одну.

А. П. АРАПОВА. *Нов. Время*, 1908, № 11425, илл. прил

После свадьбы. Два лица. Мрачность при ней. Веселость за ее спиной. — *Les révélations d'Alexandrine*. При тетке ласка к жене; при Александрине и других кои могли бы рассказать *des brusqueries*. Дома же веселость и большое согласие.

В. А. ЖУКОВСКИЙ. Конспективные заметки. *Шеголье*, 284.

Со дня моей женитьбы, каждый раз, когда он видел мою жену в обществе г-жи Пушкиной, он садился рядом с нею и на замечание, которое она ему однажды по этому поводу сделала, ответил:

— Это для того, чтобы видеть, каковы вы вместе, и каковы у вас лица, когда вы разговариваете.

Это случилось у французского посланника на балу за ужином. Он воспользовался моментом, когда я отошел, чтобы приблизиться к моей жене и предложить ей выпить за его здоровье. После отказа он повторил свое предложение, — тот же ответ. Тогда он удалился разъяренный, сказавши ей:

— Берегитесь, я вам принесу несчастье!

Моя жена, зная мое мнение об этом человеке, не посмела мне тогда повторить разговор, боясь истории между нами обоими.

Бар ЖОРЖ ГЕККЕРЕН (ДАНТЕС)—полковнику Ал. Ив. Бреверну, 26 февраля 1837 г. А. С. Поляков *О смерти Пушкина. По новым данным*. СПб. ГИЗ. 1922. Стр. 55 (фр.).

Это новое положение, эти новые отношения мало изменили сущность дела. Молодой Геккерен продолжал, в присутствии своей жены, подчеркивать свою страсть к г-же Пушкиной. Городские сплетни возобновились, и оскорбительное внимание общества обратилось с удвоенной силой на действующих лиц драмы, происходящей на его глазах. Положение Пушкина сделалось еще мучительнее, он стал озабоченным, взволнованным, на него тяжело было смотреть. Но отношения его к жене оттого не пострадали. Он сделался еще предупредительнее, еще нежнее к ней. Его чувства, в искренности которых невозможно было сомневаться, вероятно, закрыли глаза его жене на положение вещей и его последствия. Она должна была бы удалиться от света и потребовать того же от мужа. У нее не хватило характера, и вот она опять очутилась почти в таких же отношениях с молодым Геккереном, как и до его свадьбы: тут не было ничего преступного, но было много непоследовательности и беспечности. Когда друзья Пушкина, желая его успокоить, говорили ему, что не стоит так мучиться, раз он уверен в невинности своей жены, и уверенность эта разделяется всеми его друзьями и всеми порядочными людьми общества, то он им отвечал, что ему недостаточно уверенности своей собственной, своих друзей и известного кружка, что он принадлежит всей стране и желает, чтобы имя его оставалось незапятнанным везде, где его знают. Вот в каком настроении он был, когда приехали его соседки по имению, с которыми он часто виделся во время своего изгнания. Должно быть, он спрашивал их о том, что говорят в провинции об его истории, и,

верно, вести были для него неблагоприятные. По крайней мере, со времени приезда этих дам он стал еще раздраженнее и тревожнее, чем прежде.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—вел. кн. Михаилу Павловичу, 14 февр. 1837 г. *Щеголев*, 260 (фр.).

Между тем посланник (которому досадно было, что его сын женился так невыгодно), и его соумышленники продолжали распускать по городу оскорбительные для Пушкина слухи. В Петербург приехали девицы Осиповы, Тригорские приятельницы поэта; их расспросы, что значат ходившие слухи, тревожили Пушкина.

П. И. Бартенев со слов кн-ни В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ.
Рус. Арх., 1888, II, 309.

В конце концов, он совершенно добился того, что его стали бояться все дамы; 16 января, на следующий день после бала, который был у княгини Вяземской, где он себя вел обычно по отношению к обеим этим дамам, г-жа Пушкина на замечание г. Валуева (*П. А., женатого на дочери кн. Вяземского*), как она позволяет обращаться с собою таким образом подобному человеку, ответила:

— Я знаю, что я виновата, я должна была бы его оттолкнуть, потому что каждый раз, как он обращается ко мне, меня охватывает дрожь.

Того, что он ей сказал, я не знаю, потому что г-жа Валуева передала мне только начало разговора.

Бар. Ж. ГЕККЕРЕН-ДАНТЕС—полк. А. И. Бревнеру, 26 февр. 1837 г. *А. С. Поляков. О смерти Пушкина*, стр. 55 (фр.).

При г-же Валуевой, в салоне ее матери (*кн. В. Ф. Вяземской*) он говорил моей жене следующее:

— Берегитесь, вы знаете, что я зол, и что я кончаю всегда, что приношу несчастье, когда хочу.

Бар. Ж. ГЕККЕРЕН-ДАНТЕС—полк. А. И. Бревнеру, 26 февр. 1837 г. *А. С. Поляков. О смерти Пушкина*, стр. 54 (фр.).

Вот, по рассказу и уверению Нащокина, самые верные обстоятельства, бывшие причиной дуэли Пушкина. Дантес, красавец собою, ловкий юноша, чуть не дитя, приехал в Петербург и был принят прямо офицером в лейб-гвардию, — почет почти беспримерный и для людей самых лучших русских фамилий. Уже и это не нравилось Пушкину. (*Примечание Соболевского*: Пушкину чрезвычайно нравился Дантес за его детские шалости). Дантес был принят в лучшее общество, где на него смотрели, как на дитя, и потому многое ему позволяли, напр., он прыгал на стол, на диваны, облакачивался головою на плечи дам и пр. Дом Пушкина, где жило три красавицы: сама хозяйка и две сестры ее, Катерина и Александра, понравился Дантесу, он любил бывать в нем. Но это очень не нравилось старику, его усыновителю, барону Геккерну, посланнику голландскому. Подлый старик был педераст и начал ревновать красавца Дантеса к Пушкиным. Чтобы развести их, он выдумал, будто Дантес волочитя за женою Пушкина. После объяснения Пушкина с Дантесом, последний женился на Катерине Николаевне. Но Гек-

жерн продолжал сплетничать, руководил поступками Дантеса, объяснял их то-своему и наконец пустил в ход анонимные письма. Исход известен. Таким образом несчастный убийца был убитою невольным. Он говорил, что готов собственною кровью смыть преступление, просил, чтоб его разжаловали в солдаты, послали на Кавказ. Государь, не желая слушать никаких объяснений, приказал ему немедленно выехать.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рассказы о П-не*, 33.

Необходимость беспрерывно вращаться в неблаговолящем свете, жадном до всяких скандалов и пересудов, щедром на обидные сплетни и язвительные толки; легкомыслие его жены и вдвойне преступное ухаживание Дантеса после того, как он достиг безнаказанности своего прежнего поведения непонятною женитьбой на невестке Пушкина, — вся эта туча стрел, направленных против огненной организации, против честной, гордой и страстной его души, произвела такой пожар, который мог быть потушен только подлою кровью врага его или же собственною его благородною кровью.

Собственно говоря, Наталья Николаевна виновна только в чрезмерном легкомыслии, в роковой самоуверенности и беспечности, при которых она не замечала той борьбы и тех мучений, какие выносил ее муж. Она никогда не изменяла чести, но она медленно, ежеминутно терзала восприимчивую и пламенную душу Пушкина. В сущности она сделала только то, что ежедневно делают многие из наших блистательных дам, которых однакож из-за этого принимают не хуже прежнего; но она не так искусно умела скрыть свое кокетство, и, что еще важнее, она не поняла, что ее муж иначе был создан, чем слабые и снисходительные мужья этих дам.

ЕК. Н. МЕЩЕРСКАЯ - КАРАМЗИНА — княжна М. И. Мещерской. *П-я и его совр-ки*, VI, 94, 97.

Под конец жизни Пушкина, встречаясь часто в свете с его женою, которую я искренно любил и теперь люблю, как очень добрую женщину, я раз как-то разговорился с нею о комеражах (*сплетнях*), которым ее красота подвергает ее в обществе; я советовал ей быть сколько можно осторожнее и беречь свою репутацию и для самой себя, и для счастья мужа, при известной его ревности. Она, верно, рассказала это мужу, потому что, увидясь где-то со мною, он стал меня благодарить за добрые советы его жене. — Разве ты и мог ожидать от меня другого? спросил я. — Не только мог, — отвечал он, — но, признаюсь откровенно, я и вас самих подозревал в ухаживании за моею женою. Это было за три дня последней его дуэли.

Имп. НИКОЛАЙ I по рассказу бар. М. А. Корфа. *Записки. Рус. Стар.*, 1900, т. 101, 574. *Ср. Рус. Стар.*, 1899, т. 99, стр. 311.

Отношения (*Николая*) к жене Пушкина. Сам Пушкин говорил Нащокину, что (*Николай*), как офицеришка, ухаживает за его женою; нарочно по утрам по несколько раз проезжает мимо ее окон, а ввечеру, на балах, спрашивает, отчего у нее всегда шторы опущены. Сам Пушкин сообщал Нащокину свою совершенную уверенность в чистом поведении Нат. Ник-ны.

П. В. НАЩОКИН по записи Бартенева. *Рассказы о Пушкине*, 45.

Вот что рассказывал граф Сологуб Никитенке о смерти Пушкина. В последний год своей жизни Пушкин решительно искал смерти. Тут была какая-то психологическая задача. Причины никто не мог знать, потому что Пушкин был окружен шпионами: каждое слово его, сказанное в кабинете самому искреннему другу, было известно правительству. Стало быть, что таилось в душе его, известно только богу... Разумеется, обвинения пали на жену Пушкина, что она будто бы была в связях с Дантесом. Но Сологуб уверяет, что это суший вздор. Жена Пушкина была в форме красавица, и поклонников у ней были целые легионы. Немудрено, стало быть, что и Дантес поклонялся ей, как красавице; но связей между них никаких не было. Подозревают другую причину. Жена Пушкина была фрейлиной ¹⁾ при дворе, так думают, что не было ли у ней связей с царем. Из этого понятно будет, почему Пушкин искал смерти и бросался на всякого встречного и поперечного. Для души поэта не оставалось ничего, кроме смерти.

Н. И. ИВАНИЦКИЙ. Воспоминания и дневник.
П-н и его совр-ки, XIII, 36.

Граф В. А. Сологуб писал, что Пушкин в припадках ревности брал жену к себе на руки и с кинжалом допрашивал, верна ли она ему.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1908, II, 427.

По мнению А. А. Муханова, с Пушкиным не произошла бы катастрофа, если бы на то время случился при нем в Петербурге С. А. Соболевский. Этот человек пользовался безусловным доверием Пушкина и непременно сумел бы отвести от него роковую дуэль.

М. И. СЕМЕВСКИЙ. К биографии Пушкина. *Рус. Вестн.*, 1869, № 11, 85.

Александр прислал нам письмо, но в нем было всего несколько строк к моему мужу, набросанных наскоро в ответ на письмо, написанное еще в июле месяце и которое он понял прямо наыворот, не дав себе труда дочитать его до конца, и он ни словом не упоминает о двух других письмах, которые мой муж написал ему отсюда. Видимо, он очень занят и в дурном расположении духа.

О. С. ПАВЛИШЕВА (сестра Пушкина)—отцу своему С. Л. Пушкину 3 февр. 1837 г. из Варшавы. *П-н и его совр-ки*, XII, 101 (фр.).

Незадолго до кончины Пушкин перечитывал ваши сочинения и говорил о них с живейшим участием и уважением. Особенно удивлялся он мастерской отделке вашего шестистопного стиха в переводах Попе и Ювенала. Козловский убеждал его перевести Ювеналову сатиру «Желания», и Пушкин изучал прилежно данные вами образцы.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — И. И. Дмитриеву,
17 июня 1837 г. *Рус. Арх.*, 1886, стр. 655.

За несколько дней до своей кончины Пушкин пришел к Дало и, указывая на свой только что сшитый сюртук, сказал: «эту *выползну* я теперь

¹⁾ Фрейлинами могли быть только девицы.

не скоро сброшу». Выпозвиною называется кожа, которую меняют на себе змеи, и Пушкин хотел сказать, что этого спортука надобно ему станет. Он, действительно, не снял этого спортука, а его спортили с него 27 января 1837 г., чтобы облегчить смертельную муку от раны.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1862, стр. 2026.

Последнее время мы часто видались с Пушкиным и очень сблизились; он как-то более полюбил меня, а я находил в нем сокровища таланта, наблюдений и начитанности о России, особенно о Петре и Екатерине, редкие, единственные... Никто так хорошо не судил русскую новейшую историю: он созрел для нее и знал и отыскал в известность многое, чего другие не заметили. Разговор его был полон жизни и любопытных указаний на примечательные пункты и на характеристические черты нашей истории. Ему осталось дополнить и передать бумаге свои сведения.

А. И. ТУРГЕНЕВ—И. С. Аржевитинову, 30 янв. 1837 г. *Рус. Арх.*, 1903, I, 143.

Пушкина мне удалось видеть всего еще один раз — за несколько дней до его смерти, на утреннем концерте в зале Энгельгардта. Он стоял у двери, опираясь на косяк, и, скрестив руки на широкой груди, с недовольным видом поглядывал кругом. Помню его смуглое, небольшое лицо, его африканские губы, оскал белых, крупных зубов, висячие бакенбарды, темные, желчные глаза под высоким лбом почти без бровей — и кудрявые волосы... Он и на меня бросил беглый взор; бесцеремонное внимание, с которым я уставился на него, произвело, должно быть, на него впечатление неприятное: — он словно с досадой повел плечом, — вообще, он казался не в духе, — и отошел в сторону.

И. С. ТУРГЕНЕВ. *Литературные и житейские воспоминания. Литер. вечер у П. А. Плетнева.*

В среду, ровно за неделю до дуэли, Пушкин был у Плетнева и, говорят, очень много и весело говорил.

Н. И. ИВАНИЦКИЙ. *Воспоминания и дневник. П-н и его совр-ки*, XIII, 31.

(21 января 1837 г.). Вечер провел у Плетнева. Там был Пушкин. Он сделался большим аристократом. Как обидно, что он так мало ценит себя, как человека и поэта, и стучится в один замкнутый кружок общества, тогда как мог бы безраздельно царить над всем обществом. Он хочет прежде всего быть баринком, но ведь у нас барин тот, у кого больше дохода. К нему так не идет этот жеманный тон, эта утонченная спесь в обращении, которую завтра же может безвозвратно сбить опала. А ведь он умный человек, помимо своего таланта. Он, напр., сегодня много говорил дельного и, между прочим, тонкого о русском языке. Он сознавался также, что историю Петра пока нельзя писать, т.-е. ее не позволят печатать. Видно, что он много читал о Петре.

А. НИКИТЕНКО. I, 282.

Незадолго до смерти Пушкина я был у него, и он, беседуя со мной наедине о разных предметах, между прочим коснулся супружеской жизни и

в самых красноречивых выражениях изобразил мне счастье благополучного супружества. А сам вскоре поражен был смертью, как жертва легкомысленной, кокетливой жены, которая, без дурных с ее стороны намерений, сделалась виновницей сплетней, злоречия и скандала, окончившегося этим гибельным дуэлем.

Григ. Павл. НЕБОЛЬСИН, член Госуд. Совета и Секретарь. «Мои детям и внукам». Незданные записки. Сообщ. Н. Е. Роговиным и Г. А. Небольсиним.

Написать записки о моей жизни мне завещал Пушкин у Обухова моста во время прогулки за несколько дней до своей смерти. У него тогда было какое-то высоко-религиозное настроение. Он говорил со мною о судьбах Промысла, выше всего ставил в человеке качество благоволения ко всем, видел это качество во мне, завидовал моей жизни.

П. А. ПЛЕТНЕВ—Я. К. Гроту, 24 февр. 1842 г. Переписка Грота с Плетневым, т. I, Спб. 1896. Стр. 496.

Незадолго до своей смерти Пушкин задумчиво рассказывал одному из своих друзей о том, что все важнейшие события его жизни совпадали с днем Вознесения, и передал ему твердое свое намерение выстроить современем в селе Михайловском церковь во имя Вознесения Господня. Упомянув о таинственной связи всей своей жизни с одним великим днем духовного торжества, он прибавил: «ты понимаешь, что все это произошло недаром и не может быть делом одного случая».

П. В. АННЕНКОВ. Материалы, 307.

22 января 1837 г., Пятница. На балу я не танцевала. Было слишком тесно. В мрачном молчании я восхищенно любовалась г-жею Пушкиной. Какое восхитительное создание! Дантес провел часть вечера неподалеку от меня. Он оживленно беседовал с пожилою дамою, которая, как можно было заключить из долетавших до меня слов, ставила ему в упрек экзальтированность его поведения. Действительно, — жениться на одной, чтобы иметь некоторое право любить другую, в качестве сестры своей жены, — Боже! для этого нужен порядочный запас смелости...

Я не расслышала слов, тихо сказанных дамой. Что же касается Дантеса, то он ответил громко, с оттенком уязвленного самолюбия:

— Я понимаю то, что вы хотите дать мне понять, но я совсем не уверен, что сделал глупость!

— Докажите свету, что вы сумеете быть хорошим мужем... и что ходящие слухи не основательны.

— Спасибо, но пусть меня судит свет.

Минуту спустя, я заметила проходившего А. С. Пушкина. Какой урод! Рассказывают, — но как дерзать доверять всему, о чем болтают?! Говорят, что Пушкин, вернувшись как-то домой, застал Дантеса tête-à-tête со своею супругою. Предупрежденный друзьями, муж давно уже искал случая проверить свои подозрения; он сумел совладать с собою и принял участие в разговоре. Вдруг у него явилась мысль потушить лампу. Дантес вызвался снова ее зажечь, на что Пушкин отвечал: «не беспокойтесь, мне, кстати, нужно распорядиться насчет кое-чего»... Ревнивец остановился за дверью и через минуту до слуха его долетело нечто похожее на звук поцелуя...

Впрочем, о любви Дантеса известно всем. Ее, якобы, видят все. Однажды вечером я сама заметила, как барон, не отрываясь, следил взорами за тем углом, где находилась она. Очевидно, он чувствовал себя слишком влюбленным для того, чтобы, надев маску равнодушия, рискнуть появиться с нею среди танцующих.

А. К. МЕРДЕР. Листки из дневника. *Рус. Стар.*, 1900, т. 103, стр. 384 (фр.).

На раз'езде с одного бала Геккерен, подавая руку жене своей, громко сказал, так что Пушкин слышал: «Allons, ma légitime (Пойдем, моя законная)!»

П. И. Бартенов со слов кн-ни В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ. *Рус. Арх.*, 1888, II, 310.

В свое время мне рассказывали, что поводом (к последнему вызову Пушкиным Геккерена) послужило слово, которое Геккерен бросил на одном большом вечере, где все они присутствовали; там находился буфет, и Геккерен, взяв тарелку с фруктами, будто бы сказал, напирая на последнее слово: «это для моей законной». Слово это, переданное Пушкину с разъяснениями, и явилось той каплей, которая переполнила чашу.

Бар. ГУСТАВ ФРИЗЕНГОФ — А. П. Араповой, 14 марта 1887 г. *Красная Нива*, 1929, № 24, стр. 10 (фр.).

На одном вечере Геккерен, по обыкновению, сидел подле Пушкиной и забавлял ее собою. Вдруг муж, издали следивший за ними, заметил, что она вздрогнула. Он немедленно увез ее домой и дорогою узнал от нее, что Геккерен, говоря о том, что у него был мозольный оператор, тот самый, который обрезывал мозоли Наталье Николаевне, прибавил: *Il m'a dit que le cor de madame Pouchkine est plus beau que le mien*. Пушкин сам передавал об этой наглости княгине Вяземской.

П. И. Бартенов со слов кн-ни В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ. *Рус. Арх.*, 1888, II, 311.

Бал у Воронцовых, где, говорят, Геккерен был сильно занят г-жей Пушкиной, еще увеличил его раздражение. Жена передала ему остроту Геккерена, на которую Пушкин намекал в письме к Геккерену-отцу, по поводу армейских острот. У обеих сестер был общий мозольный оператор, и Геккерен сказал г-же Пушкиной, встретив ее на вечере: «*je sais maintenant que votre cor est plus beau, que celui de ma femme!*»¹⁾). Вся эта болтовня, все эти мелочи растравляли рану Пушкина.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—вел. кн. Михаилу Павловичу, 14 февр. 1837 г. *Шеголев*, 261 (фр.).

В Петербурге Александр Сергеевич последнее время каждый день посещал мою жену (баронессу Евпраксию Николаевну), которая остано-

¹⁾ Непереводимая игра слов, основанная на созвучии слов: «cor»—мозоль, «corps»—тело. Буквально: «я теперь знаю, что у вас мозоль красивее, чем у моей жены».

лась у брата моего Степана, и целые часы говорил с нею о том, как бы сохранить Михайловское и приехать туда этим летом жить с женою и детьми.

Бар. Б. А. ВРЕВСКИЙ—С. Л. Пушкину. *П-н и его совр-ки*, VIII, 54.

Встретившись за несколько дней до дуэли с баронессой Вревской в театре, Пушкин сам сообщил ей о своем намерении искать смерти. Тщетно та продолжала его успокаивать, как делала то при каждой с ним встрече. Пушкин был непреклонен. Наконец она напомнила ему о детях его.— «Ничего,—раздражительно отвечал он,—император, которому известно все мое дело, обещал мне взять их под свое покровительство».

М. И. СЕМЕВСКИЙ со слов бар. Е. Н. Вревской. К биографии Пушкина. *Рус. Вести.*, 1869, № 11, 90.

С Пушкиным у Л. А. Якубовича (поэта) была дружба неразрывная. Перед смертью Пушкина приходим мы, я и Якубович, к Пушкину. Пушкин сидел на стуле; на полу лежала медвежья шкура; на ней сидела жена Пушкина, положила свою голову на колени к мужу. Это было в воскресенье; а через три дня уже Пушкин стрелялся. Здесь Пушкин горячо спорил с Якубовичем и спорил дельно. Здесь я слышал его предсмертные замыслы о Слове Игоря полка—и только при разборе библиотеки Пушкина видел на лоскутках начатые заметки.

Тогда же Пушкин показывал мне и дополнения к Пугачеву, собранные им после издания. Пушкин думал переделать и вновь издать своего Пугачева.

И. П. САХАРОВ. Записки. *Рус. Арх.*, 1873, I, 955.

Якубович рассказывал при мне у Никитенки, что он 27 января, в среду (24 янв. в воскресенье), был у Пушкина с Сахаровым часу во втором. Пушкин был очень сердит и беспрестанно бранил Полевого за его Историю: ходил скоро взад и вперед по кабинету, хватал с полки какой-нибудь том Истории Полевого и читал для выдержки... Якубович и Сахаров ушли от него в третьем часу.

Н. И. ИВАНИЦКИЙ. Из автобиографии. *П-н и его совр-ки*, XIII, 32.

24 янв. 1837 г. взято Пушкиным у Шишкина 2.200 р. под залог шалей, жемчуга и серебра.

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. Архив опеки над имуществом Пушкина. *П-н и его совр-ки*, XIII, 98.

В воскресенье (перед поединком Пушкина) А. О. Россет пошел в гости к кн. П. И. Мещерскому (зятю Карамзиной, они жили в доме Вельегорских), и из гостиной прошел в кабинет, где Пушкин играл в шахматы с хозяином. — «Ну, что, — обратился он к Россету, — вы были в гостиной; он уж там, возле моей жены?» Даже не назвал Дантеса по имени. Этот вопрос смутил Россета, и он отвечал, заминаясь, что Дантеса видел. — Пушкин был большой наблюдатель физиономий; он стал глядеть на Россета, наблюдал

линии его лица и что-то сказал ему лестное. Тот весь покраснел, и Пушкин стал громко хохотать над смущением 23-летнего офицера.

АРК. О. РОССЕТ. Из рассказов его про Пушкина.
Рус. Арх., 1882, I, 245.

Мы можем сообщить личное и общее впечатление, что дуэль не была вызвана какими-либо обстоятельствами, которые можно было бы определить или оправдать. Грязное анонимное письмо не могло дать повода; плохие каламбуры свояка еще менее. Не ревность мучила Пушкина, а до глубины души пораженное самолюбие.

Отец мой в письмах своих употребляет неточное выражение, говоря что Геккерен (*Дантес*) афишировал страсть: Геккерен постоянно балагурил, и из этой роли не выходил до последнего вечера в жизни, проведенного с Н. Н. Пушкиной. Единственное объяснение раздражению Пушкина следует видеть не в волокитстве молодого Геккерена, а в уговаривании стариком бросить мужа. Этот шаг старика и был тем убийственным оскорблением для самолюбия Пушкина, которое должно было быть смыто кровью. Дружеские отношения жены поэта к свояку и сестре вероятно питали раздраженную мнительность Пушкина.

Кн. ПАВ. П. ВЯЗЕМСКИЙ. *Собр. соч.*, 557.

Прекратившиеся было анонимные наветы снова посыпались на Пушкина. Они пытались злорадно изобличить, что брак служил только ловким прикрытием прежних разоблаченных отношений

А. П. АРАПОВА. *Новое Время*, 1908, № 11423
илл. прил.

Вследствие многочисленных анонимных писем, почерк которых менялся постоянно, но которые носили характер несомненного тождества и, благодаря этому, являлись доказательством злостной интриги, Пушкин написал голландскому послу, барону Геккерену, оскорбительное письмо.

ЛУИ МЕТМАН. «Ж. Ш. Дантес». Биографический очерк. *Щеголев*, 335.

Мне говорил курьер, которого я послал к Александру Сергеевичу (с приглашением на похороны сына Греча),— тамошнее лакейство ему сказывало, что их барин эти дни словно в каком-то расстройстве: то приедет, то уедет куда-то, загонял несколько парных месячных извозчиков, а когда бывает дома, то свищет несколько часов сряду, кусает ногти, бегаёт по комнатам. Никто ничего понять не может, что с ним делается.

Н. И. ЮХАНЦЕВ в передаче В. П. Бурнашева
Рус. Арх., 1872, стр. 1799.

Жена Пушкина, безвинная вполне, имела неосторожность обо всем сообщать мужу и только бесила его. Раз они возвращались из театра Старик Геккерен, идя позади, шепнул ей, когда же она склонится на мольбы его сына? Наталья Николаевна побледнела, задрожала. Пушкин смутился;

на его вопрос она ему передала слова, ее поразившие. На другой же день он написал к Геккерену свое резкое и дерзкое письмо.

А. И. ВАСИЛЬЧИКОВА по записи Бартевева. *Рассказы о Пушкине*, 38.

Поведение Дантеса после свадьбы дало всем право думать, что он точно искал в браке не только возможности приблизиться к Пушкиной, но также предохранить себя от гнева ее мужа узами родства. Он не переставал волочить за своею невесткою; он откинул даже всякую осторожность и казалось иногда, что насмеяется над ревностью непримирившегося с ним мужа. На балах он танцевал и любезничал с Натальей Николаевной, за ужином пил за ее здоровье; словом, довел до того, что все снова стали говорить про его любовь. Барон же Геккерен стал явно помогать ему, как говорят, желая отомстить Пушкину за неприятный ему брак Дантеса. Пушкин все видел, все замечал и решился положить этому конец. На бале у Салтыкова (где ныне гостиница Гранд-Отель, на Малой Морской. *Примеч. Бартевева*) он хотел сделать публичное оскорбление Дантесу, который был предупрежден и не приехал на бал, что понудило Пушкина на другой день послать ему письменный вызов и вместе с тем письмо к Геккерену, в котором Пушкин ему объявляет, что знает его гнусное поведение.

Н. М. СМЕРНОВ. Памятные заметки. *Рус. Арх.*, 1882, I, 236.

Геккерен (*Дантес*) написал Наталье Николаевне письмо, которое было — вопль отчаяния с первого до последнего слова. Цель его была добиться свидания. «Он жаждал только возможности излить ей всю свою душу, переговорить только о некоторых вопросах, одинаково важных для обоих, заверял честью, что прибегает к ней единственно, как к сестре его жены, и что ничем не оскорбит ее достоинство и чистоту». Письмо, однако же, кончалось угрозою, что если она откажет ему в этом пустом знаке доверия, он не в состоянии будет пережить подобное оскорбление. Отказ будет равносителен смертному приговору, а может быть даже и двум. Жена, в своей безумной страсти, способна последовать данному им примеру, и, загубленные в угоду трусливому опасению, две молодые жизни вечным гнетом лягут на ее бесчувственную душу.

Года за три перед смертью, Наталья Николаевна рассказала во всех подробностях разыгравшуюся драму нашей воспитательнице, женщине, посвятившей младшим сестрами мне всю свою жизнь и внушавшей матери такое доверие, что на смертном одре она поручила нас ее заботам, прося не покидать дом до замужества последней из нас. С ее слов я узнала, что дойдя до этого эпизода, мать со слезами на глазах сказала: «Видите, дорогая Констанция, сколько лет прошло с тех пор, а я не переставала строго допытывать свою совесть, и единственный поступок, в котором она меня уличает, это согласие на роковое свидание... Свидание, за которое муж заплатил своею кровью, а я — счастьем и покоем всей своей жизни. Бог свидетель, что оно было столь же кратко, сколько невинно. Единственным извинением мне может послужить моя неопытность на почве страдания... Но кто допустит его искренность».

Местом свидания была избрана квартира Идалии Григорьевны Полетика, в кавалергардских казармах, так как муж ее состоял офицером этого полка. Она была полу-француженка, побочная дочь графа Григория Строганова, воспитанная в доме на равном положении с остальными детьми и,

в виду родственных связей с Запьяжскими, Наталья Николаевна сошлась с ней на дружественную ногу. Она олицетворяла тип обаятельной женщины не столько милостью лица, как складом блестящего ума, веселостью и живостью характера, доставлявшими ей всюду постоянный несомненный успех. В числе ее поклонников самым верным, искренно влюбленным и беззаветно преданным был в то время кавалергардский ротмистр Петр Петрович Ланской (*будущий второй муж Натальи Николаевны Пушкиной*). Хорошо осведомленная о тайных агентах, следивших за каждым шагом Пушкиной, Идалия Григорьевна, чтобы предотвратить опасность возможных последствий, поручила Ланскому, под видом прогулки около здания, зорко следить за всякой подозрительной личностью, могущей появиться близ ее под'езда.

Несмотря на бдительность окружающих и на все принятые предосторожности, не далее, как через день, Пушкин получил злорадное известие от того же анонимного корреспондента о состоявшейся встрече. Он прямо понес письмо к жене.

Она не отперлась, но поведала ему смысл полученного послания, причины, повлиявшие на ее согласие, и созналась, что свидание не имело того значения, которое она предполагала, и было лишь хитростью влюбленного человека. Это открытие возмутило ее до глубины души и, тотчас же, прервав беседу, она твердо заявила Геккерену, что останется навек глуха к его мольбам и заклинаниям, и что это первое, его угрозами вынужденное, свидание станет последним.

Приведенное объяснение имело последствием вторичный вызов на дуэль Геккерена, но уже составленный в столь резких выражениях, что отнята была всякая возможность примирения.

А. П. АРАПОВА. *Новое Время*, 1908 г., № 11425, илл. прил., стр. 5.

Наталья Николаевна получила однажды от г-жи Полетики приглашение посетить ее, и когда она прибыла туда, то застала там Геккерена вместо хозяйки дома; бросившись перед нею на колени, он заклинал ее о том же, что и его приемный отец в своем письме. Она сказала жене моей (*Алекс. Ник. Гончаровой*), что это свидание длилось несколько минут, ибо, отказав немедленно, она тотчас же уехала.

Бар. ГУСТАВ ФРИЗЕНГОФ—А. П. Араповой. *Красная Нина*, 1929, № 24, стр. 10 (*Фр.*).

Мадам N. N. (*Идалия Григорьевна Полетика*), по настоянию Геккерена, пригласила Пушкину к себе, а сама уехала из дому. Пушкина рассказывала княгине Вяземской и мужу, что, когда она осталась с глазу с Геккереном, тот вынул пистолет и грозил застрелиться, если она не отдаст ему себя. Пушкина не знала, куда ей деваться от его настояний; она ломала себе руки и стала говорить как можно громче. По счастью, ничего не подозревавшая дочь хозяйки дома явилась в комнату, и гостя бросилась к ней.

П. И. Бартевев со слов ки-ни В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ. *Рус. Арх.*, 1888, II, 310.

Идалия Григорьевна Полетика, овдовев, жила до глубокой старости в Одессе, в доме брата своего гр. А. Г. Строганова. Она не скрывала своей ненависти к памяти Пушкина... Она собиралась под'ехать к памятнику Пушкина, чтобы плюнуть на него. Дантес был частым посетителем Полетики

и у нее выдался с Натальей Николаевной, которая однажды приехала оттуда к княгине Вяземской вся в попыхах и с негодованием рассказала, как ей удалось избежать настойчивого преследования Дантеса. Кажется, дело было в том, что Пушкин не внимал сердечным излияниям невзрачной Идалии Григорьевны и однажды, едучи с нею в карете, чем-то оскорбил ее.

П. И. БАРТЕНЕВ со слов кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ.
Рус. Арх., 1908, III, 294.

Идалия Григорьевна Полетика заявляет большую нежность к памяти Натальи Николаевны. Она рассказывает, что однажды они ехали в карете, и напротив сидел Пушкин. Он позволил себе схватить ее за ногу. Нат. Ник. пришла в ужас, и потом по ее настоянию Пушкин просил у нее прощения.

Есть повод думать, что Пушкин, зная свойства Идалии, оскорблял ее и она, из мести, была сочинительницей анонимных писем, из-за которых произошел поединок.

П. И. БАРТЕНЕВ. Из записной книжки. *Рус. Арх.*, 1912, II, 160.

25 янв. 1837 г. Сегодня в нашей мастерской были Пушкин и Жуковский. Сошлись они вместе, и Карл Павлович (Брюллов) угощал их своею портфелью и альбомами. Весело было смотреть, как они любовались и восхищались его акварельными рисунками; но когда он показал им недавно оконченный рисунок: «Съезд на бал к австрийскому посланнику в Смирне», то восторг их выразился криком и смехом. Да и можно ли глядеть без смеха на этот прелестный, забавный рисунок? Смирнский полицеймейстер, спящий посреди улицы на ковре и подушке, такая комическая фигура, что на нее нельзя глядеть равнодушно. Позади него за подушкой, в тени, видны двое полицейских стражей: один сидит на корточках, другой лежит, упершись локтями в подбородок и болтая босыми ногами, обнаженными выше колен; эти ноги, как две кочерги, принадлежащие тощей фигуре стража, еще более выдвигают полноту и округлость форм спящего полицеймейстера, который, будучи изображен в ракурсе, кажется от того еще толще и шире. Пушкин не мог расстаться с этим рисунком, хохотал до слез и просил Брюллово подарить ему это сокровище; но рисунок принадлежал уже княгине Салтыковой, и Карл Павлович, уверяя его, что не может отдать, обещал нарисовать ему другой; Пушкин был безутешен; он, с рисунком в руках, стал перед Брюлловым на колени и начал умолять его: «Отдай, голубчик! Ведь другого ты не нарисуешь для меня; отдай мне этот». Не отдал Брюллов рисунка, а обещал нарисовать другой.

А. П. И. МОКРИЦКИЙ. Воспоминания о Брюллове.
Отч. Запис., 1855, т. СIII, отд. II, 165—166.

Я не понимаю, почему Мокрицкий передавал это обстоятельство без конца, который он сам мне рассказал и который, по моему, очень важен. Брюллов не отдал Пушкину рисунка, сказав, что рисунок был уже продан княгине Салтыковой, но обещал Пушкину написать с него портрет и назначил время для сеанса. На беду дуэль Пушкина состоялась днем ранее назначенного сеанса. По словам Брюллово, «картишки и дуэли были слабостью Пушкина».

М. И. ЖЕЛЕЗНОВ. Заметка о К. П. Брюллове.
Живоп. Обзор., 1898, № 31, стр. 625.

Пушкин посетил И. А. Крылова за день или за два до своей дуэли с Дантесом; он был особенно весел, говорил г-же Савельевой (крестнице Крылова) лобезности, играл с ее малюткой-дочерью, потом вдруг, как будто вспомнив о чем-то, торопливо простился с Крыловым.

А. П. САВЕЛЬЕВА в передаче Л. Н. Трофелева.
Рус. Арх., 1887, т. 55, стр. 464.

25 января Пушкин и молодой Геккерен с женами провели у нас вечер. И Геккерен, и обе сестры были спокойны, веселы, принимали участие в общем разговоре. В этот самый день уже было отправлено Пушкиным барону Геккерену оскорбительное письмо. Смотря на жену, он сказал в тот вечер:

— Меня забавляет то, что этот господин забавляет мою жену, не зная, что его ожидает дома. Впрочем, с этим молодым человеком мои счеты сведены.

Кн. ПАВЕЛ ВЯЗЕМСКИЙ. *Собр. соч.*, стр. 556.

ДУЭЛЬ, СМЕРТЬ И ПОХОРОНЫ

Господин Барон!

Позвольте мне подвести итог всему, что случилось. Поведение вашего сына было мне давно известно и не могло оставить меня равнодушным. Я довольствовался ролью наблюдателя, с тем, чтобы вмешаться, когда почту нужным. Случай, который во всякую другую минуту был бы мне крайне неприятен, пришлось весьма кстати, чтобы мне разделаться: я получил анонимные письма. Я увидел, что минута настала, и воспользовался этим. Вы знаете остальное: я заставил вашего сына играть столь жалкую роль, что жена моя, удивленная такою трусостью и низостью, не могла удержаться от смеха; душевное движение, которое в ней, может быть, вызвала эта сильная и возвышенная страсть, погасло в самом спокойном презрении и в отвращении самом заслуженном.

Я принужден сознаться, Господин Барон, что ваша собственная роль была не особенно приличной. Вы, представитель коронованной главы,—вы отечески служили сводником вашему сыну. Повидимому, всем его поведением (довольно, впрочем, неловким) руководили вы. Вы, вероятно, внушали ему нелепости, которые он высказывал, и глупости, которые он брался излагать письменно. Подобно старой развратнице, вы подстергали мою жену во всех углах, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорожденного или так называемого сына; и когда, больной сифилисом, он оставался дома, вы говорили, что он умирает от любви к ней; вы ей бормотали: «возвратите мне моего сына!»

Вы хорошо понимаете, Господин Барон, что после всего этого я не могу терпеть, чтобы мое семейство имело малейшее сношение с вашим. Под таким условием я согласился не давать хода этому грязному делу и не опозоривать вас в глазах нашего и вашего двора, к чему я имел возможность и что намеревался сделать. Я не желаю, чтобы жена моя продолжала слушать ваши родительские увещания. Я не могу позволить, чтобы ваш сын после своего гнусного поведения осмеливался разговаривать с моей женой и еще того менее,—обращаться к ней с казарменными каламбурами и разыгрывать перед нею самоотвержение и несчастную любовь, тогда как он только подлец и шалопай. Я вынужден обратиться к вам с просьбой положить конец всем этим проделкам, если вы хотите избежать нового скандала, перед которым я, поверьте мне, не остановлюсь.

Имею честь быть, Господин Барон,
Ваш покорный и послушный слуга
Александр Пушкин.

ПУШКИН—барону Геккерену, 26 января 1837 г.
Переписка Пушкина, акад. изд. III, 444 (фр.).

Не знаю, чему следует приписать нижеследующее обстоятельство: необъяснимой ли ко всему свету вообще и ко мне в частности зависти, или какому-либо другому неведомому побуждению, но только во вторник, в ту минуту, когда мы собрались на обед к графу Строганову, и без всякой видимой причины, я получаю письмо от г. Пушкина. Мое перо отказывается воспроизвести все отвратительные оскорбления, которыми наполнено было это подлое письмо.

Что мне оставалось делать? Вызвать его самому? Но, во-первых, общественное звание, которым королю было угодно меня облечь, препятствовало этому; кроме того, тем дело не кончилось бы. Если бы я остался победителем, то обесчестил бы своего сына; недоброжелатели всюду бы говорили, что я сам вызвался, так как уже раз улаживал подобное дело, в котором мой сын обнаружил недостаток храбрости; а если бы я пал жертвой, то его жена осталась бы без поддержки, так как мой сын неминуемо выступил бы мстителем. Однако я не хотел опереться только на мое личное мнение и посоветовался с графом Строгановым, моим другом. Так как он согласился со мною, то я показал письмо сыну, и вызов господину Пушкину был послан.

Барон ГЕККЕРЕН-СТАРШИЙ—барону Верстолю,
11 февраля 1837 г., Щеголев, 297.

Дантес, который после письма Пушкина должен был защищать себя и своего усыновителя, отправился к графу Строганову; этот Строганов был старик, пользовавшийся между аристократами особенным уважением, отличавшийся отличным знанием всех правил аристократической чести. Этот-то старец объявил Дантесу решительно, что за оскорбительное письмо непременно должно драться, и дело было решено.

А. И. ВАСИЛЬЧИКОВА по записи Бартенева.
Рассказы о Пушкине, 39.

Милостивый Государь!

Не зная ни вашего почерка, ни вашей подписи, я обращаюсь к виконту д'Аршиаку, который вручит вам настоящее письмо, с просьбою выяснить, точно-ли письмо, на которое я отвечаю, исходит от вас. Содержание его до такой степени переходит всякие границы возможного, что я отказываюсь отвечать на все подробности послания. Вы, повидимому, забыли, Милостивый Государь, что вы-же сами отказались от вызова, который сделали барону Жоржу Геккерену, и который был им принят. Доказательство того, что я здесь утверждаю, существует, оно написано собственною вашею рукою и находится в руках секундантов. Мне остается только предупредить вас, что виконт д'Аршиак едет к вам, чтобы условиться о месте встречи с бароном Жоржем Геккереном и предупредить вас, что встреча не терпит никакой отсрочки.

Я сумею позже, Милостивый Государь, научить вас уважению к званию, которым я облечен, и которого никакая выходка с вашей стороны оскорбить не может.

Остаюсь,

Милостивый Государь,

Ваш покорнейший слуга

Барон Геккерен.

Читано и одобрено мною.

Барон Жорж Геккерен.

Бар. ГЕККЕРЕН-СТАРШИЙ — Пушкину. Переписка, акад. изд., III, 145.

Д'Аршиак принес Пушкину ответ. Пушкин его не читал, но принял вызов, который был ему сделан от имени сына.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—вел. кн. Мих. Павловичу.
Щеголев, 261.

Дотоль Пушкин себя вел, как каждый бы на его месте сделал; и хотя никто не мог обвинять жену Пушкина, столь-же мало оправдывали поведение Дантеса, и в особенности гнусного его отца Геккерена. Но последний повод к дуэли, которого никто не постигает и заключавшийся в самом дерзком письме Пушкина к Геккерену, сделал Дантеса правым в сем деле. *C'est le cas de dire, chasser naturel, il revient au galop.* (Вот случай сказать: гони природу в дверь, она влетит в окно).

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ I—вел. кн. Мих. Павл-чу,
3 февр. 1837 г. *Рус. Стар.*, 1902, т. 110, стр. 227.

Николай I велел Бенкендорфу предупредить дуэль. Геккерен был у Бенкендорфа.—«Что делать мне теперь?»—сказал он княгине Белосельской.—«А вы пошлите жандармов в другую сторону». Убийцы Пушкина—Бенкендорф, кн. Белосельская и Уваров. Ефремов и выставил их портреты на одной из прежних пушкинских выставок. Гаевский залезил их.

А. С. СУВОРИН со слов П. А. Ефремова. *Дневник А. С. Суворина*. Петроград. 1923. Стр. 205.

Нижеподписавшийся извещает г. Пушкина, что он будет ждать у себя до одиннадцати часов вечера, а после этого на балу у графини Разумовской, лицо, которому будет поручено вести дело, долженствующее окончиться завтра.

Виконт Д'АРШИАК—Пушкину, 26 янв. 1837 г.
Переп. Пушкина, III, 445 (фр.).

За время короткого пребывания здесь моей невестки (*бар. Евпр. Ник. Вревской*), Александр Сергеевич часто посещал нас и даже обедал у нас и провел весь день накануне своей несчастной дуэли.

Бар. М. Н. СЕРДОБИН—С. Л. Пушкину. *П-н и его совр-ки*, VIII, 65 (фр.).

Теперь узнаем, что Пушкин накануне открылся одной даме, дочери той Осиповой, у коей я был в Тригорском, что он будет драться. Она не успела или не могла помешать, и теперь упрек жены, которая узнала об этом, на нее падает.

А. И. ТУРГЕНЕВ—Н. И. Тургеневу, 28 февраля 1837 г. *П-н и его совр-ки*, VI, 22.

Накануне поеднка Пушкин обедал у графини Е. П. Ростопчиной, супруг которой мне рассказывал, что до обеда и после него Пушкин убежал в умывальную комнату и мочил себе голову холодною водою: до того мучил его жар в голове.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1908. II, 427.

Накануне дуэли, вечером, Пушкин явился на короткое время к княгине Вяземской и оказал ей, что его положение стало невыносимо, и что он послал Геккерену вторичный вызов. Князя не было дома. Вечер длился долго. Княгиня Вяземская умоляла Василья Перовского и графа М. Ю. Вельегорского дожидаться князя и вместе обсудить, какие надо принять меры. Но князь вернулся очень поздно.

П. И. Бартенев со слов кн-ни В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ.
Рус. Арх., 1888, II, 310.

26 числа вечером сидели у кн-ни Вяземской В. А. Перовский, граф М. Ю. Вельегорский и еще кто-то. Самого князя не было дома. Вбегает Пушкин, вызывает княгиню в другую комнату и передает ей, что у него назначена дуэль с Дантесом. Княгиня и ее собеседники не знали, как им быть, и, не дождавшись почти до утра, чтоб возвратился князь Вяземский, разошлись. Князь, вероятно, был у Карамзиных, где обыкновенно засиживался последним.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1908, II, 427.

Я видел Пушкина (26-го янв.) на бале у гр. Разумовской (тогда-же) провел с ним часть утра; видел его веселого, полного жизни, без малейших признаков задумчивости: мы долго разговаривали о многом, и он шутил и смеялся. (В два предшествующие дня) также провел с ним большую часть утра; мы читали бумаги, кои готовил он для пятой книжки своего журнала. Каждый вечер видал я его и на балах спокойного и веселого.

А. И. ТУРГЕНЕВ—А. И. Нефедьевой, 28 января 1837 г. *П-н и его совр-ки*, VI, 48.

Пушкин явился на бал (у гр. Разумовской) один, без жены, очень веселый; в кармане у него имелся благоприятный ответ и принятие вызова на следующий день. Геккерен на бал не явился. Пушкин танцевал, шутил с Тургеневым, которого он пригласил на следующий день прийти к нему послушать чтение и назначил ему час, когда сам он должен был быть уже лицом к лицу со своим противником.

А. Я. БУЛГАКОВ—кн. О. А. Долгоруковой, 2 февр. 1837 г. *Красный архив*, 1929, том II, стр. 224.

Накануне дуэли был раут у графини Разумовской. Кто-то говорит Вяземскому: «Пойдите, посмотрите, Пушкин о чем-то об'ясняется с Д'Аршиаком; тут что-нибудь недоброе». Вяземский отправился в ту сторону, где были Пушкин и Д'Аршиак; но у них разговор прекратился.

П. И. Бартенев со слов кн-ни В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ.
Рус. Арх., 1888, II, 312.

26 на балу у графини Разумовской Пушкин предложил быть своим секундантом Магенису, советнику при английском посольстве. Тот, вероятно, пожелал узнать причины дуэли; Пушкин отказался сообщить что-либо по этому поводу. Магенис отстранился.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—вел. кн. Михаилу Павловичу, 14 февр. 1827 г., *Щеголев*, 261.

Князь Петр Владимирович
ДОЛГОРУКОВ

Литография К. Ф. Мюллера
в Карлсруэ.

ИНЛИ.

Александр Иванович
ТУРГЕНЕВ

Литография Энгельмана.

ИНЛИ.

Рассказывают, что Пушкин звал к себе в секунданты секретаря английского посольства Мегенеса; он часто бывал у графини Фикельмон,—долгоносый англичанин, которого звали *perroquet malade* (*больной попугай*), очень порядочный человек, которого Пушкин уважал за честный нрав.

АРК. О. РОССЕТ. *Рус. Арх.*, 1882, I, 248.

За день до поединка кн. Вяземский возвращается домой поздно вечером. Жена говорит ему, что им надобно на время закрыть свой дом, потому что нельзя отказать ни Пушкину, ни Геккерену; а между тем в тот вечер они приезжали оба; Пушкин волновался, и присутствие Геккерена было для него невыносимо.

П. И. Бартенев со слов кн-ни В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ.
Рус. Арх., 1888, II, 309.

(27 янв.). Встал весело в восемь часов—после чаю много писал—часу до 11-го.

В. А. ЖУКОВСКИЙ. Конспективные заметки.
Щеголев, 285.

Я настаиваю еще сегодня утром на просьбе, с которою я имел честь обратиться к вам вчера вечером. Необходимо, чтобы я имел свидание с секундантом, которого вы выберете, притом в самое ближайшее время. До полудня я буду дома; надеюсь раньше этого времени увидеться с тем, кого вам угодно будет ко мне прислать.

Виконт Д'АРШИАК—Пушкину. Среда 27 янв.,
9 час. утра. *Переп. Пушкина*, III, 449 (фр.).

Я не имею никакого желания вмешивать праздный петербургский люд в мои семейные дела; поэтому я решительно отказываюсь от разговоров между секундантами. Я приведу своего только на место поединка. Так как г. Геккерен меня вызывает, и обиженным является он, то он может сам выбрать мне секунданта, если увидит в том надобность: я заранее принимаю его, если бы даже это был его егерь. Что касается часа, места, я вполне к его услугам. Согласно нашим, русским обычаям, этого вполне достаточно... Прошу вас верить, виконт,— это мое последнее слово, мне больше нечего отвечать по поводу этого дела, и я не двинусь с места до окончательной встречи.

ПУШКИН—виконту Д'Аршиаку, 27 янв. 1837 г.
Переп., III, 449 (фр.).

Оскорбив честь барона Жоржа Геккерена, вы обязаны дать ему удовлетворение. Это ваше дело—достать себе секунданта. Никакой не может быть речи, чтоб его вам доставили. Готовый со своей стороны явиться в условленное место, барон Жорж Геккерен настаивает на том, чтобы вы держались принятых правил. Всякое промедление будет рассматриваться им, как отказ в удовлетворении, которое вы ему обязаны дать, и как попытка огласкою этого дела помешать его окончанию. Свидание между секундантами, *необходимое перед встречей*, станвится, если вы все еще отказываете в нем, одним из условий барона Жоржа Геккерена; вы же мне говорили вчера и писали сегодня, что принимаете все его условия.

Виконт Д'АРШИАК—Пушкину, 27 янв. 1837 г.
Переп., III, 450 (фр.).

27 января, в первом часу пополудни, встретил его, Данзаса, Пушкин на Цепном мосту, что близ Летнего сада, остановил и предложил ему быть свидетелем одного разговора.

К. К. ДАНЗАС. Показание перед военным судом.
Дуэль, 99.

27 января 1837 г. К. К. Данзас, проходя по Пантелеймоновской улице, встретил Пушкина в саних. В этой улице жил тогда К. О. Россет; Пушкин, как полагает Данзас, заезжал сначала к Россету, и не застав последнего дома, поехал уже к нему. Пушкин остановил Данзаса и сказал:

— Данзас, я ехал к тебе, садись со мной в сани и поедем во французское посольство, где ты будешь свидетелем одного разговора.

Данзас, не говоря ни слова, сел с ним в сани и они поехали в Большую Миллионную. Во время пути Пушкин говорил с Данзасом, как-будто ничего не бывало, совершенно о посторонних вещах. Таким образом доехали они до дома французского посольства, где жил д'Аршиак. После обыкновенного приветствия с хозяином, Пушкин сказал громко, обращаясь к Данзасу: «Теперь я вас введу в сущность дела», и начал рассказывать ему все, что происходило между ним, Дантесом и Геккереном.

Пушкин окончил свое объяснение следующими словами:

— Теперь я вам могу сказать только одно: если дело это не закончится сегодня-же, то в первый же раз, как я встречу Геккерена,—отца или сына,—я им плюну в физиономию.

Тут он указал на Данзаса и прибавил:

— Вот мой секундант.

Потом обратился к Данзасу с вопросом:

— Согласны вы?

После утвердительного ответа Данзаса, Пушкин уехал, предоставив Данзасу, как своему секунданту, условиться с д'Аршиаком о дуэли.

А. АММОСОВ со слов К. К. Данзаса, стр. 18.

За несколько часов до дуэли Пушкин говорил д'Аршиаку, секунданту Геккерена, объясняя причины, которые заставляли его драться: «Есть двоякого рода рогоносцы: одни носят рога на самом деле; те знают отлично, как им быть; положение других, ставших рогоносцами по милости публики, затруднительнее. Я принадлежу к последним».

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—вел. кн. Михаилу Павловичу, 14 февр. 1837 г. *Щеголев, 260 (фр.).*

К пояснению обстоятельств, касающихся до выбора секунданта со стороны Пушкина, прибавлю я еще о сказанном мне г. д'Аршиаком после дуэли; т.-е., что Пушкин накануне несчастного дня у графини Разумовской на бале предложил г-ну Мегенсу, находящемуся при английском посольстве, быть свидетелем с его стороны, на что сей последний отказался. Соображая ныне предложение Пушкина г-ну Мегенсу, письмо его к д'Аршиаку и некоторые темные выражения в его разговоре со мною, когда мы ехали на место поединка, я не иначе могу пояснить намерения покойного, как тем, что по известному мне и всем знавшим его коротко, высокому благородству души его, он не хотел вовлечь в ответственность по своему собственному делу, никого из соотечественников; и только тогда, когда вынужден был к тому против-

никами, он решился наконец искать меня, как товарища и друга с детства, на самоотвержение которого он имел более права считать.

К. К. ДАНЗАС. Рапорт в Военносудную Комиссию от 14 февр. 1837 г. «*Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном*». Подлинно военносудное дело 1837. СПб, 1900, стр. 79.

Подполковник Данзас был отличный боевой офицер, светски образованный, но крайне ленивый и, к сожалению, притворявшийся гоше (повеса, развратник).

Г. И. ФИЛИПСОН. Воспоминания, *Рус. Арх.*, 1884, I, 205.

Подобной храбрости и хладнокровия, какими обладал Данзас, мне не случалось встречать в людях. Бывало, со своей подвязанной рукой, стоит он на возвышении, открытый граду пуль, которые, как шмели, жужжат и прыгают возле него, а он говорит остроты и сыплет каламбуры. Ему кто-то заметил, что напрасно стоять на самом опасном месте, а он отвечал:—«Я сам это вижу, но лень сойти». По мне он был замечательным человеком. Он любил хороший стол и большую часть времени лежал в постели; все его любили и звали между нами *Maréchal de Soubise*. Вот еще один оригинальный поступок его. Когда еще он был поручиком в саперах, его откомандировали в Бендеры, от которых он недалеко стоял с своим батальоном. Вместо Бендер, он приехал в Москву, где явился к генерал-губернатору князю Голицыну и на вопрос, куда он едет из Москвы, Данзас отвечал:— «Я еду через Москву в Бендеры и прошу ваше сиятельство позволить мне ехать через Петербург». Конечно, князь не согласился и, смеясь, советовал ему лучше ехать через Москву только, так как путь этот будет короче. Во время Персидской войны, не помню, под какую крепость, генерал Паскевич пожелал узнать ширину рва, и Данзас тотчас-же принялся исполнять буквально приказание начальства. Само собою разумеется, что на смельчака посыпались пули; но напрасно Паскевич громко отменял свое приказание: Данзас опустил в ров, медленно шагами измерил его и принес генералу записку с точным ответом.

Н. И. ЛОРЕР. Записки. *Рус. Арх.*, 1874, II, 648.

Данзас, по словам знавших его, был весельчак по натуре, имел совершенно французский склад ума, любил острить и сыпать каламбурами; вообще он в полном смысле был *bon-vivant*. Состоя вечным полковником, он только за несколько лет до смерти, при выходе в отставку, получил чин генерала, вследствие того, что он в мирное время относился к службе благодушно, индифферентно и даже чересчур беспечно; хотя его все любили, даже начальники, но хода по службе не давали. Данзас жил и умер в бедности, без семьи, не имея и не нажив никакого состояния, пренебрегая постоянно благами жизни, житейскими расчетами. Открытый прямодушный характер, соединенный с саркастическими взглядами на людей и вещи, не дал ему возможности составить себе карьеру. Несколько раз ему даже предлагались разные теплые и хлебные места, но он постоянно отказывался от них, говоря, что чувствует себя неспособным занимать такие места.

Н. А. ГАСТФРЕЙНД. *Товарищи Пушкина по лицу*. СПб. 1913. Т. III, стр. 333.

Данзас — веселый малый, храбрый служака и остроумный каламбурист... он мог только аккуратнейшим образом измерить шаги для барьера, да зорко следить за соблюдением законов дуэли, но не только не сумел бы расстроить ее, даже обидел бы Пушкина малейшим возражением.

П. В. НАЩОКИН по записи Н. И. Куликова. *Рус. Стар.* 1881 г., т. 31, стр. 615.

После ухода Пушкина первый вопрос его (Данзаса) был г. д'Аршиаку, нет ли средств окончить дело миролюбиво. Г. д'Аршиак, представитель почтительного себя обиженного г. Геккерена, вызвавшего Пушкина на дуэль, решительно отвечал, что никаких средств нет к примирению.

К. К. ДАНЗАС. Показание перед Военносудной комиссией. *Дуэль*, 99.

УСЛОВИЯ ДУЭЛИ МЕЖДУ Г. ПУШКИНЫМ И Г. БАРОНОМ ЖОРЖЕМ ГЕККЕРЕНОМ.

1. Противники становятся на расстоянии двадцати шагов друг от друга, за пять шагов назад от двух барьеров, расстояние между которыми равняется десяти шагам.

2. Противники, вооруженные пистолетами, по данному сигналу, идя один на другого, но ни в коем случае не переступая барьера, могут пустить в дело свое оружие.

3. Сверх того принимается, что после первого выстрела противникам не дозволяется менять место для того, чтобы выстреливший первым подвергся огню своего противника на том же расстоянии.

4. Когда обе стороны сделают по выстрелу, то, если не будет результата, поединок возобновляется на прежних условиях: противники ставятся на то же расстояние в двадцать шагов; сохраняются те же барьеры и те же правила.

5. Секунданты являются неременными посредниками во всяком объяснении между противниками на месте боя.

6. Нижеподписавшиеся секунданты этого поединка, облеченные всеми полномочиями, обеспечивают, каждый за свою сторону, своею честью строгое соблюдение изложенных здесь условий.

Константин Данзас,
инженер-подполковник.

Виконт д'Аршиак,
атташе французского посольства.

МОДЗАЛЕВСКИЙ, ОКСМАН, ЦЯВЛОВСКИЙ.
Нов. матер. о дуэли Пушкина, стр. 86 (фр.).

К сим условиям г. д'Аршиак присовокупил не допускать никаких объяснений между противниками, но он (Данзас) возразил, что согласен, что во избежание новых каких-либо распрей, не дозволить им самим объясняться; но имея еще в виду не упускать случая к примирению, он предложил с своей стороны, чтобы в случае малейшей возможности секунданты могли объясняться за них.

К. К. ДАНЗАС. Показание перед Военносудной комиссией. *Дуэль*, 100.

С этой роковой бумагой Данзас возвратился к Пушкину. Он застал его дома одного. Не прочитав даже условий, Пушкин согласился на все. В разговоре о предстоящей дуэли Данзас заметил ему, что, по его мнению, он бы должен был стреляться с бароном Геккереном-отцом, а не с сыном, так как оскорбительное письмо он написал Геккерену, а не Дантесу. На это Пушкин ему отвечал, что Геккерен, по официальному своему положению, драться не может.

А. АММОСОВ со слов К. К. Данзаса, стр. 20.

Ходил по комнате необыкновенно весело, пел песни — потом увидел в окно Данзаса, в дверях встретил радостно. — Вошли в кабинет, запер дверь. — Через несколько минут послал за пистолетами.

В. А. ЖУКОВСКИЙ. Конспективные заметки. Щеголев, 285.

Я думаю, вам приятно будет иметь архалук, который был на нем в день его несчастной дуэли.

Н. Н. ПУШКИНА (вдова поэта)—П. В. Нащокину от 6 апр. 1837 г. *Искусство, журнал рос. академии худ. наук*, № 1, 1923, стр. 326.

После смерти Пушкина Жуковский прислал моему мужу серебряные часы покойного, которые были при нем в день роковой дуэли, его красный с зелеными клеточками архалук, посмертную маску и бумажник с ассигнацией в 25 руб. и локоном белокурых волос.

В. А. НАШОКИНА. *Новое Время*, 1898, № 8129.

Пушкин спокойно дожидался у себя развязки. Его спокойствие было удивительное; он занимался своим «Современником» и за час перед тем, как ему ехать стреляться, написал письмо к Ишимовой (сочинительнице «Русской истории для детей», трудившейся и для его журнала).

В. А. ЖУКОВСКИЙ—С. Л. Пушкину, Щеголев, 171.

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО ПУШКИНА.

Милостивая Государыня
Александра Осиповна.

Крайне жалею, что мне невозможно будет сегодня явиться на ваше приглашение. Покамест, честь имею препроводить к Вам Baggy Cornwall — Вы найдете в конце книги пьесы, отмеченные карандашом, переведите их как умеете — уверяю Вас, что переведете как нельзя лучше. Сегодня я нечаянно открыл Вашу Историю в рассказах, и поневоле зачитался. Вот как надобно писать!

С глубочайшим почтеньем и совершенной преданностью честь имею быть,

Милостивая Государыня,
Вашим покорнейшим слугою
А. Пушкин.

ПУШКИН—А. О. Ишимовой, 27 января 1837 г.

Условясь с Пушкиным сойтись в кондитерской Вольфа, Данзас отправился сделать нужные приготовления. Наняв парные сани, он заехал в оружейный магазин Куракина за пистолетами, которые были уже выбраны Пушкиным заранее; пистолеты эти были совершенно схожи с пистолетами д'Аршиака. Уложив их в сани, Данзас приехал к Вольфу, где Пушкин уже ожидал его

А. АММОСОВ, стр. 21.

Начал одеваться; вымылся весь, все чистое; велел подать бекешь; вышел на лестницу.— Возвратился,— велел подать в кабинет большую шубу и пошел пешком до извозчика.— Это было ровно в 1 час.

В. А. ЖУКОВСКИЙ. Конспективные заметки.
Щеголев, 285.

Показание, переданное нам Ник. Фед. Лубяновским. Он жил с отцом своим в среднем этаже того дома (княгини Волконской на Мойке), где внизу скончался Пушкин. Утром (?) 27 января Лубяновский в воротах встретился с Пушкиным, бодрым и веселым: шел он к углу Невского Проспекта, в кондитерскую Вольфа, вероятно, не дождавшись своего утреннего чаю, за поздним вставанием жены и невестки.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.* 1908, III, 291.

Было около 4-х часов.

Выпив стакан лимонаду или воды, Данзас не помнит, Пушкин вышел с ним из кондитерской; сели в сани и отправились по направлению к Троицкому мосту.

На дворцовой набережной они встретили в экипаже г-жу Пушкину. Данзас узнал ее, надежда в нем блеснула, встреча эта могла поправить все. Но жена Пушкина была близорука; а Пушкин смотрел в другую сторону.

А. АММОСОВ, 21.

В день поединка друзья везли обоих противников через место публичного гулянья, несколько раз останавливались, роняли нарочно оружие, надеясь еще на благодетельное вмешательство общества, но все их усилия и намеки остались безуспешны.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы, 420.*

Данзас хотел как-нибудь дать знать проходящим о цели их поездки (выронял пули, чтоб увидали и остановили).

В. А. НАЩОКИНА со слов Данзаса. *Рассказы о Пушкине, 41.*

День был ясный. Петербургское великосветское общество каталось на горах, и в то время некоторые уже оттуда возвращались. Много знакомых и Пушкину, и Данзасу встречались, раскланивались с ними, но никто как-

будто и не догадывался, куда они ехали; а между тем история Пушкина с Геккеренами была хорошо известна всему этому обществу.

На Неве Пушкин спросил Данзаса шутя: не в крепость ли ты везешь меня? — Нет, — отвечал Данзас, — через крепость на Черную речку самая близкая дорога.

На Каменноостровском проспекте они встретили в санях двух знакомых офицеров конного полка: князя В. Д. Голицына и Головина. Думая, что Пушкин и Данзас ехали на Горы, Голицын закричал им: «что вы так поздно едете, все уже оттуда раз'езжаются!?»

А. АММОСОВ, 21.

По дороге им попались едущие в карете четверней граф И. М. Борх с женой, рожденной Гольицкой. Увидя их, Пушкин сказал Данзасу: — «Вот две образцовых семьи» и, заметя, что Данзас не вдруг понял это, он прибавил: «Ведь жена живет с кучером, а муж — с форейтпором».

М. Н. ЛОНГИНОВ. Запись на книжке Аммосова о последних днях Пушкина. *Щеголев*, изд. 3, стр. 448.

Графиня А. К. Воронцова-Дашкова¹⁾ не могла никогда вспоминать без горести о том, как она встретила Пушкина, едущего на острова с Данзасом, и направляющихся туда же Дантеса с д'Аршиаком. Она думала, как бы предупредить несчастье, в котором не сомневалась после такой встречи, и не знала, как быть. К кому обратиться? Куда послать, чтобы остановить поединок? Приехав домой, она в отчаянии говорила, что с Пушкиным непременно произошло несчастье, и предчувствие девятнадцатилетнего женского сердца не было обманом. Вот новое доказательство, до какой степени в петербургском обществе предвидели ужасную катастрофу: при первом признаке ее приближения уже можно было догадываться о том, что произойдет.

М. Н. ЛОНГИНОВ. *Современная летопись*, 1863, № 18, стр. 12.

Данзас не знает, по какой дороге ехали Дантес с д'Аршиаком: но к Комендантской даче они с ними под'ехали в одно время. Данзас вышел из саней и, сговариваясь с д'Аршиаком, отправился с ним отыскивать удобное для дуэли место. Они нашли такое сажень в полутора от Комендантской дачи, более крупный и густой кустарник окружая здесь площадку и мог скрывать от глаз оставленных на дороге извозчиков то, что на ней происходило.

А. АММОСОВ, 23.

На место встречи мы прибыли в половине пятого. Дул очень сильный ветер, что заставило нас искать убежища в маленькой сосновой роще. Так как большое количество снега могло стеснять противников, пришлось протоптать тропинку в двадцать шагов.

Виконт Д'АРШИАК—кн. П. А. Вяземскому, 1 февр. 1873 г. *Дуэль*, 53 (фр.).

¹⁾ Ее описывает Лермонтов в своем стихотворении:

Как мальчик кудрявый, резва,
Нарядна, как бабочка летом, и т. д.

В камер-фурьерском журнале мороз 27-го января утром отмечен в два градуса.

П. Е. ЩЕГОЛЕВ, 144.

Снег был по колена; по выборе места надобно было вытоптать в снегу площадку, чтобы и тот и другой влобно могли и стоять друг против друга, и сходиться. Оба секунданта и Геккерен занялись этой работою; Пушкин сел на цутроб и смотрел на роковое приготовление с большим равнодушием. Наконец, вытоптана была тропинка в аршин шириною и в двадцать шагов длиною; плащами означили барьеры.

В. А. ЖУКОВСКИЙ—С. Л. Пушкину. Щеголев, 172.

Несмотря на ясную погоду, дул довольно сильный ветер. Морозу было градусов пятнадцать. Закутанный в медвежью шубу, Пушкин молчал, видимо было столько же сложен, как и во все время пути, но в нем выражалось сильное нетерпение приступить скорее к делу. Когда Данзас спросил его, находит ли он удобным выбранное им и д'Аршиаком место, Пушкин отвечал:

— Ça m'est fort égal, seulement tachez de faire tout cela plus vite (*мне это решительно все равно,—только, пожалуйста, сделайте все это поскорее*).

Отмерив шаги, Данзас и д'Аршиак отметили барьер своими шинелями и начали заряжать пистолеты. Во время этих приготовлений нетерпение Пушкина обнаружилось словами к своему секунданту:

— Eh bien! est ce fini? (*Ну, что-же! Кончили?*)

Все было кончено. Противников поставили, подали им пистолеты, и по сигналу, который сделал Данзас, махнув шляпой, они начали сходиться.

Пушкин первый подошел к барьеру и, остановясь, начал наводить пистолет. Но в это время Дантес, не дойдя до барьера одного шага, выстрелил, и Пушкин, падая, сказал:

— Je crois que j'ai la cuisse fracassée (*кажется, у меня раздроблено бедро*).

А. АММОСОВ, 23.

Г. Пушкин упал на шинель, служившую барьером, и остался неподвижным, лицом к земле.

Виконт Д'АРШИАК—кн. П. А. Вяземскому. Дуэль, 53 (фр.).

Секунданты бросились к нему, и, когда Дантес намеревался сделать то же, Пушкин удержал его словами:

— Attendez! Je me sens assez de force, pour tirer mon coup (*подождите! Я чувствую в себе достаточно сил, чтобы сделать свой выстрел*).

А. АММОСОВ, 23.

После слов Пушкина, что он хочет стрелять, г. Геккерен возвратился на свое место, став боком и прикрыв грудь свою правою рукою.

К. К. ДАНЗАС—кн. П. А. Вяземскому, 6 февр. 1837 г. Дуэль, 55.

Ужас сопровождал их бой. Они дрались, и дрались на смерть. Для них уже не было примирения, и ясно видно было, что для Пушкина была нужна жертва или погибнуть самому.

А. П. ЯЗЫКОВ—А. А. Катенину, 1 февр. 1837 г.
Описание Пушкинского музея имп. алекс. лицея.
Спб. 1899. Стр. 450.

При падении Пушкина пистолет его попал в снег и потому Дантес подал ему другой. Приподнявшись несколько и опершись на левую руку, Пушкин выстрелил.

А. АММОСОВ. 23.

Пушкин, полулежа, приподнялся, уперся на какую-то перекладину старых перил, тут лежавшую, для того, чтобы ловче целиться.

Н. Н. со слов полковых товарищей Дантеса и, повидимому, самого Дантеса. Письмо к издателю.
Рус. Арх., 1898, III, 246.

На коленях, полулежа, Пушкин целился в Дантеса в продолжение двух минут и выстрелил так метко, что, если бы Дантес не держал руку поднятой, то непременно был бы убит; пуля пробила руку и ударилась в одну из металлических пуговиц мундира, причем все же продавивла Дантесу два ребра.

А. А. ЩЕРБИНИН. Из неизданных записок П-н и его совр-ки, XV, 42.

Геккерн упал, но его сбила с ног только сильная контузия; пуля пробила мясистые части правой руки, коею он закрыл себе грудь и будучи тем ослаблена, попала в пуговицу, которою панталоны держались на подтяжке против ложки: эта пуговица спасла Геккерна. Пушкин, увидя его падающего, бросил вверх пистолет и закричал:

— Bravo!

Между тем кровь лила из раны.

В. А. ЖУКОВСКИЙ—С. Л. Пушкину. *Щеголев*, стр. 172.

Выстрелив, г. Пушкин снова упал. Почти непосредственно после этого он два раза впадал в полубморочное состояние, на несколько мгновений мысли его помутились. Но тотчас же он вполне пришел в сознание и больше его уже не терял.

Виконт Д'АРШИАК—кн. П. А. Вяземскому. *Дуэль*, 53 (фр.).

Придя в себя, Пушкин спросил у д'Аршиака:

— Убил я его?

— Нет,—ответил тот,—вы его ранили.

— Странно,—сказал Пушкин,—я думал, что мне доставит удовольствие его убить, но я чувствую теперь, что нет... Впрочем, все равно. Как только мы поправимся, снова начнем.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—вел. кн. Михаилу Павловичу, *Щеголев*, 262 (фр.).

Поведение Пушкина на поле или на снегу битвы д'Аршиак находил «*parfaite (превосходным)*». Но слова его о возобновлении дуэли по выздоровлении отняли у д'Аршиака возможность примирить их.

А. И. ТУРГЕНЕВ. Из дневника, 30 янв. 1837 г. *Щеголев*, 271.

Пушкин был ранен в правую сторону живота, пуля, раздробив кость верхней части ноги у соединения с тазом, глубоко вошла в живот и там остановилась.

Данзас с д'Аршиаком подозвали извозчиков и с помощью их разобрали находившийся там из тонких жердей забор, который мешал саням под'ехать к тому месту, где лежал раненный Пушкин. Общими силами усадив его бережно в сани, Данзас приказал извозчику ехать шагом, а сам пошел пешком подле саней, вместе с д'Аршиаком; раненый Дантес ехал в своих санях за ними.

А. АММОСОВ. 23.

Сани сильно трясло во время переезда на расстоянии полуверсты по очень скверной дороге, г. Пушкин страдал, не жалуясь. Г. барон Геккерен смог, поддерживаемый мною, дойти до своих саней, и там он ждал, пока противника его не перенесли, и я мог сопровождать его в Петербург. В продолжение всего поединка спокойствие, хладнокровие и достоинство обеих сторон были совершенны.

Виконт Д'АРШИАК—кн. П. А. Вяземскому. *Дуэль*, 53 (фр.).

Зимой 1858 г. К. К. Данзас, на просьбу мою посетить со мною место дуэли Пушкина, охотно согласился. Мы отправились на Черную Речку, переехавши мост у Ланского шоссе, повернули налево, по набережной, и потом направо, на дороге в Коломяги. По левую сторону дороги остались строения комендантской дачи, по правую—тянулся глухой забор огорода. Проехавши этот длинный забор, мы остановились. За этим забором, по словам Данзаса, в 1837 г. начинался кустарник и потом лес, который продолжался параллельно во всю длину ланской дороги. В недалеком расстоянии от забора он указал мне место, где происходила дуэль. В наш приезд, в 1858 г., кустарника этого мы уже не нашли, он вырублен, и земля разделена; оставалось только около канавок несколько молодого березняка, занесенного снегом.

На этих днях (*июнь 1880 г.*) я опять посетил место дуэли Пушкина. Место это желающие могут найти следующим образом: от чернореченского пешеходного моста, по коломягской дороге, на протяжении 148 сажен, по правой стороне—огороды Мякишева (по левой—комендантские дачи); от огородов Мякишева, где кончается забор, нужно отмерить 75 сажен далее по той же коломягской дороге, до второй от забора канавы, идущей вправо от дороги (всего до этого пункта от Черной Речки 223 саж.); потом, свернув с

дороги вправо по второй канаве, на которой стоят три березы, и отмерив от дороги ровно 38 сажен, что придется как раз до третьей березы, около которой вправо есть лощина в 25 шагов длины и ширины. На этой-то лощине,

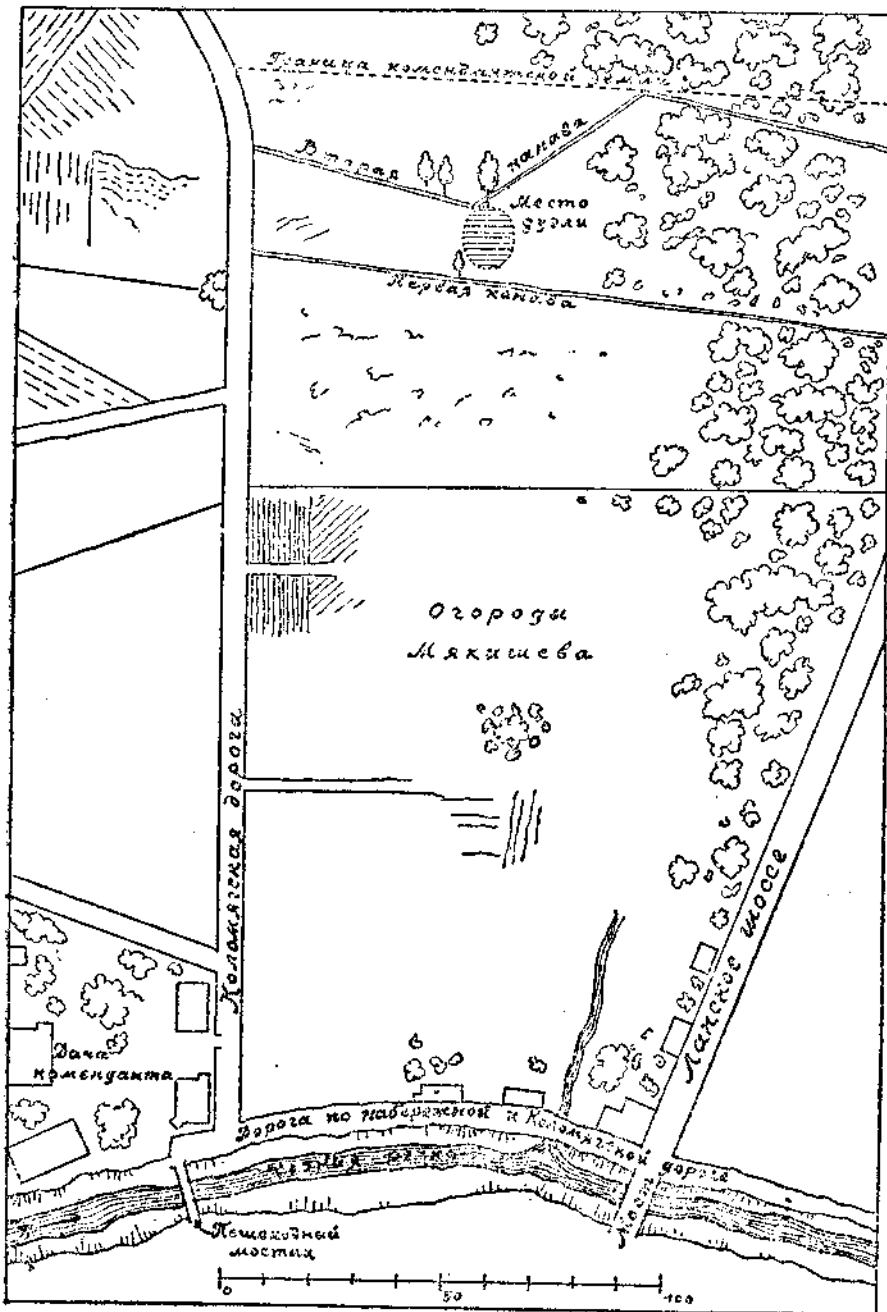

Рис. 8.

не представляющей никаких признаков лесной растительности, и был, по указанию секунданта Пушкина, смертельно ранен Пушкин (см. рис. 8).

Я. А. ИСАКОВ. *Голос*, 1880, 5 июня, № 155.

Хотя г. Исаков даже опубликовал план места поединка вправо от коломенской дороги, пройдя комендантскую дачу, но это указание не особенно твердо, потому что трудно верить, чтобы дуэль состоялась на открытой поляне вблизи от дороги и в снежное время. Напротив, большая часть местных старожилов указывает на противоположную сторону, т.-е. влево от дороги. К числу лиц, знакомых с этим местом, принадлежит и арендатор огорода вблизи комендантской дачи по Черной Речке № 5, В. Д. Мякишев, который указывает тот пень большого дерева, в четырех шагах от которого стоял Пушкин.

ДМ. ЛОБАНОВ. Пушкин и Гоголь. *Петербургская Газета*, 1880, № 113.

Вас. Дм. Мякишев, арендатор огородов Комендантской дачи, указал мне действительное место, где был смертельно ранен Пушкин. Сначала я было усомнился, так как указание совершенно не совпадало с указанием г. Исакова, но по дальнейшим вопросам вполне убедился в истинности его слов. С двадцатых еще годов Мякишевы арендуют земли Комендантской дачи. Отец настоящего арендатора, Дм. Мякишев, был современник дуэли Пушкина и жил всего в нескольких стах шагах от рюкового места. Сын рассказывал со слов отца следующее: было дело это в январе месяце; прибежал к старику Мякишеву впопыхах дворник Комендантской дачи Матвей Фомич и сказал, что за комендантским гумном какие-то господа стрелялись. Старик выбежал на улицу и увидел, что какого-то господина вели двое под руки, посадили в карету и повезли в город. Сейчас же он по следам,—так как по снегу были следы,—пошел на то место, где стрелялись за комендантским гумном, на дорожке, которая шла через огород, возле березы, от которой ныне остался только пень. Отец Мякишева много раз указывал детям это место и потому юни забыть его не могли. В. Д. Мякишев добавляет, что так как дорожка к месту поединка шла кружно, около сарая и гумна, и вести по ней же назад раненого было бы слишком для него мучительно и долго, то господа повели его прямо, как видно было по следам и крови, целиком к дороге, куда подехала карета, изгородь же, которая здесь была,—чтобы пройти, разобрали. Сравнивая расположение места, указанного Мякишевым, с местом, указанным г. Исаковым, нельзя не видеть, что первое (второе?) находится слишком близко к Коломяжской дороге и поэтому едва ли могло быть избрано для поединка, тогда как место, указанное Мякишевым, совершенно было в стороне и закрыто от дороги гумном и сараем, и при этом имело то преимущество, что на самой комендантской даче никто зимою, кроме дворника, не жил. Справедливость слов Мякишева подтверждается еще и показаниями Максима Фомина, который во время дуэли был у дворника Комендантской дачи Матвея Фомина, ныне уже умершего, и рассказывает, что видел, как господа выходили из указанной местности и вели под руки раненого.

В. Я. РЕЙНГАРД. Где настоящее место дуэли Пушкина? *Нива*, 1880, № 26, стр. 514. (В этом же номере—рисунок Рейнгарда, изображающий место дуэли).

У Комендантской дачи нашли карету, присланную на всякий случай бароном Геккереном, отцом. Дантес и д'Аршиак предложили Данзасу отвезти в ней в город раненого поэта. Данзас принял это предложение, но отказался от другого, сделанного ему в это же время Дантесом, предложения скрыть участие его в дуэли.

Не сказав, что карета была барона Геккерена, Данзас посадил в нее Пушкина, и, сев с ним рядом, поехал в город. Во время дороги Пушкин держался довольно твердо; но чувствуя по временам сильную боль, он начал подозревать опасность своей раны.

Пушкин вспомнил про дуэль общего знакомого их офицера Московского полка Щербачева, стрелявшегося с Дороховым, на которой Щербачев был смертельно ранен в живот, и, жалуясь на боль, сказал Данзасу: «я боюсь, не ранен ли я так, как Щербачев». Он напомнил также Данзасу и о своей прежней дуэли в Кишиневе с Зубовым. Во время дороги Пушкин в особенности беспокоился о том, чтобы по приезде домой не испугать жены и давал наставления Данзасу, как поступить, чтобы этого не случилось.

А. АММОСОВ, 26.

Карета медленно подвигалась на Мойку, к Певческому мосту. Раненый чувствовал жгучую боль в левом боку, говорил прерывистыми фразами и, мучимый тошнотой, старался преодолеть страдания, возвещавшие близкую, неизбежную смерть. Несколько раз принуждены были останавливаться, потому что обмороки следовали довольно часто один за другим, и сотрясение пути ослабляло силы больного.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 420.

Дядя Лев (*Пушкин*) привел моей матери (*О. С. Павлицевой*) следующее, слышанное им на Кавказе, обстоятельство, достоверность которого требует, однако, подтверждения: будто бы Геккерен старший в день поединка поехал к Комендантской даче в наемной карете, а не в своей, опасаясь быть узнанным публикой. Затем, приказав кучеру остановиться не на особенно далеком расстоянии от места поединка, выслал якобы на рекогносцировку своего камердинера и, получив донесение последнего о страшном результате, отослал экипаж с этим лицом для одного из раненых соперников; сам же, будто бы, нанял проезжавшего извозчика, на котором и ускакал путями окольными, не желая подвергаться любопытным взглядам.

Л. Н. ПАВЛИЦЕВ. *Кончина Пушкина*. Спб., стр. 26.

Кн. Вяземский, с одним знакомым своим Ленским, гуляя по Невскому, встречают старика Геккерена в извозничьих санях. Их удивило, что посланник едет в таком экипаже. Заметя их, он вышел из саней и сказал им, что гулял далеко, но вспомнил, что ему надо написать письма, и, чтобы скорее поспеть домой, взял извозчика. После они узнали, что он ехал с Черной Речки, где ждал, чем кончится поединок. Пушкина, как более тяжело раненного, повезли домой в карете Геккерена.

Кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКАЯ по записи Бартенева. *Рус. Арх.*, 1888, II, 305.

Дети Пушкина в четыре часа пополудни были у кн. Мещерской (*дочери Карамзина*), и мать за ними сама заезжала.

А. И. ТУРГЕНЕВ—А. И. Нефедьевой. *П-н и его совр-ки*, VI, 48.

Все мы, его знакомые, узнали об общем несчастье нашем лишь тогда, когда уже удар совершился. Предварительно никому ничего не было известно. Он мне за несколько недель рассказывал только, что к молодому Геккерену он посылал такие записочки, которые бы могли другого заставить драться, но что он отмалчивался. После этого и свадьба совершилась. Узнав об этом, я предал совершенному забвению все прежнее. В ту самую минуту, когда из кареты внесли его раненого, я заехал к нему с тем (это было вечером, в 8-м часу), чтобы взять его к себе, что и прежде по средам иногда я делал

П. А. ПЛЕТНЕВ—В. Г. Теплякову, 29 мая 1837 г.
Истор. Вестн., 1887, т. 29, стр. 21.

Пушкин жил на Мойке в нижнем этаже дома Волконского. У под'езда Пушкин просил Данзаса выйти вперед, послать людей вынести его из кареты и, если жена его дома, то предупредить ее и сказать, что рана не опасна.

В передней люди сказали Данзасу, что Натальи Николаевны не было дома, но когда Данзас сказал им, в чем дело, и послал их вынести раненого Пушкина из кареты, они об'явили, что госпожа их дома. Данзас через столовую, в которой накрыт уже был стол, и гостиную пошел прямо без доклада в кабинет жены Пушкина. Она сидела со своей старшей незамужней сестрой Александрой Николаевной Гончаровой. Внезапное появление Данзаса очень удивило Наталью Николаевну, она взглянула на него с выражением испуга, как бы догадываясь о случившемся.

Данзас сказал ей, сколько мог покойнее, что муж ее стрелялся с Дантесом, что хотя ранен, но очень легко. Она бросилась в переднюю, куда в то время люди вносили Пушкина на руках.

Увидя жену, Пушкин начал ее успокаивать, говоря, что рана его вовсе не опасна, и попросил уйти, прибавив, что как только его уложат в постель, он сейчас же позовет ее. Она видимо была поражена и удалась как-то бессознательно.

А. АММОСОВ, со слов К. К. Данзаса, стр. 27.

Его привезли домой; жена и сестра жены, Александрина, были уже в беспокойстве; но только одна Александрина знала о письме его к отцу Геккерена. Он закричал твердым и сильным голосом, чтобы жена не входила в кабинет его, где его положили, и ей сказали, что он ранен в ногу.

А. И. ТУРГЕНЕВ—А. И. Нефедьевой, 28 января
1837 г. *П-я и его совр-ки*, VI, 50.

Жена встретилась в передней — дурнота — *n'entrez pas*. Его положили на диван. Горшок Раздели. Белье сам велел, потом лег. У него всё был Данзас. Жена вошла, когда он был одет и когда уже послали за Арендтом.

В. А. ЖУКОВСКИЙ. Конспективные заметки,
Щеголев, 285.

Домой возвратились в шесть часов. Камердинер взял его на руки и понес на лестницу.— Грустно тебе нести меня? — спросил у него Пушкин. Белая жена встретила его в передней и упала без чувств. Его внесли в кабинет; он сам велел подать себе чистое белье; разделся и лег на диван, находившийся в кабинете. Жена, пришедши в память, хотела войти; но он громким голосом

закричал: *n'entrez pas*, ибо опасался показать ей рану, чувствуя сам, что она была опасною. Жена вошла уже тогда, когда он был совсем раздет¹⁾).

В. А. ЖУКОВСКИЙ—С. Л. Пушкину. *Щеголев*, 173.

Между тем, Данзас отправился за доктором. Сначала поехал к Арендту, потом к Соломону: не застав дома ни того, ни другого, оставил им записки и отправился к доктору Персону; но и тот был в отсутствии. Оттуда, по совету жены Персона, Данзас поехал в Воспитательный дом, где, по словам ее, он мог найти доктора наверное. Подъезжая к Воспитательному дому, Данзас встретил выходявшего из ворот доктора Шольца. Выслушав Данзаса, Шольц сказал ему, что он, как акушер, в этом случае полезным быть не может; но что сейчас же привезет к Пушкину другого доктора.

Вернувшись назад, Данзас нашел Пушкина в его кабинете, уже раздетого и уложенного на диване; жена его была с ним.

А. АММОСОВ со слов К. К. Данзаса, стр. 28.

(В седьмом часу веч. 27 янв.) Прибывши к больному с доктором Задлером, которого я дорогой сыскал, вошли в кабинет больного, где нашли его лежащим на диване и окруженным тремя лицами,— супругою, полковником Данзасом и г-м Плетневым. Больной просил удалить и не допустить при исследовании раны жену и прочих домашних. Увидев меня, дал мне руку и сказал:

— Плохо со мною!

Мы осматривали рану, и г. Задлер уехал за нужными инструментами. Больной громко и ясно спрашивал меня:

— Что вы думаете о моей ране? Я чувствовал при выстреле сильный удар в бок, и горячо стрельнуло в поясницу, дорогою шло много крови,— скажите мне откровенно, как вы рану находили?

— Не могу вам скрывать, что рана ваша опасная.

— Скажите мне,— смертельная?

— Считаю долгом вам это не скрывать,— но услышим мнение Арендта и Саломона, за которыми послано.

---

¹⁾ О том, как умирал Пушкин, широкие круги читателей знают всего более из трех документов,—из письма Жуковского к С. Л. Пушкину, отцу поэта, и из писем кн. Вяземского к вел. кн. Михаилу Павловичу и к А. Я. Булгакову. Между тем, все эти три документа, писанные с целью широкого распространения их в обществе, являются сплошным и вполне сознательным фальсификатом. Задачею авторов было обелить умершего Пушкина в глазах власти, выставить его глубоко верующим христианином и человеком восторженно преданным императору Николаю; жену Пушкина авторы старались очистить от всяких, так естественно возникавших подозрений и представить ее добродетельнейшею женою, невинною жертвою случайного стечения обстоятельств. Все это делалось в самых добрых целях,—обеспечить семье Пушкина пенсию и благоволение царя. Но образ Пушкина вследствие этого получился искаженным, и вся картина его смерти окрасилась в совершенно неверный тон. Особенно это следует сказать о письме Жуковского. Рассказ его—слащавая, чувствительная беллетристика, внушающая очень мало доверия. Плетнев в 1847 году писал Я. Гроту: «Я был свидетелем последних минут Пушкина. Несколько дней они были в порядке и ясности у меня на сердце. Когда я прочитал Жуковского, я поражен был сбивчивостью и неточностью его рассказа. Тогда-то я подумал в первый раз: «так вот что значит наша история!» (Переп. Грота с Плетневым III, 159). В виду всего этого к свидетельствам Жуковского и Вяземского в указанных письмах следует относиться с величайшею осторожностью. Оценку документов, касающихся смерти Пушкина, см. в классическом исследовании П. Е. Щеголева: «*Дуэль и смерть Пушкина*», изд. 3.

— Спасибо! Вы поступили со мною, как честный человек,— при сем рукою потер он лоб.—Нужно устроить свои домашние дела.

Через несколько минут сказал:

— Мне кажется, что много крови идет?

Я осмотрел рану, но нашлось, что мало, и наложил новый компресс.

— Не желаете ли вы видеть кого-нибудь из близких приятелей?

— Прощайте, друзья! — сказал он, глядя на библиотеку.— Разве вы думаете, что я час не проживу?

— О, нет; не потому, но я полагал, что вам приятнее кого-нибудь из них видеть... Г-н Плетнев здесь.

— Да, но я бы желал Жуковского. Дайте мне воды, меня тошнит.

Я трогал пульс, нашел руку довольно холодною,— пульс малый, скорый, как при внутреннем кровотечении; вышел за питьею и чтобы послать за г. Жуковским; полковник Данзас взошел к больному. Между тем приехали Задлер, Арендт, Саломон.— и я оставил больного, который добродушно пожал мне руку.

Доктор ШОЛЬЦ, П. Щеголев, 195.

Когда Задлер осмотрел рану и наложил компресс, Данзас, выходя с ним из кабинета, спросил его: опасна ли рана Пушкина. — «Пока еще ничего нельзя сказать»,—отвечал Задлер. В это время приехал Арендт, он также осмотрел рану. Пушкин просил его сказать откровенно: в каком он его находит положении, и прибавил, что какой бы ответ ни был, он его испугать не может, но что ему необходимо знать наверное свое положение, чтобы успеть сделать некоторые нужные распоряжения.

— Если так,—отвечал ему Арендт,—то я должен вам сказать, что рана ваша очень опасна и что к выздоровлению вашему я почти не имею надежды.

Пушкин благодарил Арендта за откровенность и просил только не говорить жене.

А. АММОСОВ. 29.

(В начале восьмого часа веч.). В доме больного я нашел д-ров Арендта и Сатлера.

— Что, плохо! — сказал мне Пушкин, подавая руку.

Я старался его успокоить. Он сделал рукою отрицательный знак, показывавший, что он ясно понимал опасность своего положения.

— Пожалуйста, не давайте больших надежд жене, не скрывайте от нее, в чем дело, она не притворщица; вы ее хорошо знаете; она должна все знать. Впрочем, делайте со мною, что вам угодно, я на все согласен и на все готов.

Врачи, уехав, оставили на мои руки больного. Он исполнял все врачебные предписания. По желанию родных и друзей Пушкина, я сказал ему об исполнении христианского долга. Он тот же час на то согласился.

— За кем прикажете послать? — спросил я.

— Возьмите первого, ближайшего священника,—отвечал Пушкин.

Послали за отцом Петром, что в Конюшенной. Больной вспомнил о Грече¹⁾.

¹⁾ У Греча умер от скоротечной чахотки его сын-студент, талантливый юноша. Похороны его происходили в день дуэли Пушкина; утром этого дня Пушкин получил пригласительный билет на похороны.

Константин Карлович
ДАНЗАС

Николай Федорович
А Р Е Н Д Т
(лейб-хирург)

Рис. А. Васильевского.
Литограф. Мошарского.

ИНЛИ.

— Если увидите Греча,— молвил он,— кланяйтесь ему и скажите, что я принимаю душевное участие в его потере.

Доктор И. Т. СПАССКИЙ. «Последние дни А. С. Пушкина». П. Щеголев, 197.

В 8 часов вечера возвратился доктор Арендт. Его оставили с больным наедине. В присутствии доктора Арендта прибыл и священник. Он скоро отправил церковную потребу; больной исповедался и причастился Св. Тайн.

Д-р И. Т. СПАССКИЙ. П. Щеголев, 197.

Он исполнил долг христианина с таким благоговением и таким глубоким чувством, что даже престарелый духовник его был тронут и на чей-то вопрос по этому поводу отвечал: — «Я стар, мне уж недолго жить, на что мне обманывать? Вы можете мне не верить, когда я скажу, что я для себя самого желаю такого конца, какой он имел».

Кн-ня Ек. Н. МЕЩЕРСКАЯ-КАРАМЗИНА. Я. Грот, 261 (фр.).

Священник говорил мне после со слезами о нем и о благочестии, с коим он исполнил долг христианский. Пушкин никогда не был *esprit fort*, по крайней мере, не был им в последние годы жизни своей; напротив, он имел сильное религиозное чувство: читал и любил читать евангелие, был проникнут красотой многих молитв, знал их наизусть и часто твердил их.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—Д. В. Давыдову ¹⁾
5 февраля 1837 г. Рус. Стар., 1875, т. XIV, 92.

Когда я вошел к Пушкину, он спросил, что делает жена? Я отвечал, что она несколько спокойнее.

Она, бедная, безвинно терпит и может еще потерпеть во мнении людском,— возразил он; — не уехал еще Арендт?

Я сказал, что доктор Арендт еще здесь.

— Просите за Данзаса, за Данзаса, он мне брат.

Желание Пушкина было передано д-ру Арендту, и лично самим больным повторено. Доктор Арендт обещал возвратиться к 11 часам.

Необыкновенное присутствие духа не оставляло больного. От времени до времени он тихо жаловался на боль в животе, и забывался на короткое время.

Д-р И. Т. СПАССКИЙ. П. Щеголев, 197.

Прощаясь, Арендт объявил Пушкину, что, по обязанности своей, он должен доложить обо всем случившемся государю. Пушкин ничего не возразил против этого, но поручил только Арендту просить от его имени госу-

¹⁾ Письмо до последнего времени считали адресованным А. Я. Булгакову. М. К. Светлова убедительно доказала, что адресат—Д. В. Давыдов. (Моск. пушкинист, № 2, 1930. Стр. 155—162.)

даря не преследовать его секунданта. Уезжая, Арендт сказал провожавшему его в переднюю Данзасу:

— Штука скверная, он умрет.

А. АММОСОВ со слов Данзаса, 29.

Один за другим начали с'езжаться к Пушкину друзья его: Жуковский, князь Вяземский, граф М. Ю. Вельгурский, князь П. И. Мещерский, П. А. Валуев, А. И. Тургенев, родственница Пушкина, бывшая фрейлина Загряжская; все эти лица до самой смерти Пушкина не оставляли его дом и отлучались только на самое короткое время.

А. АММОСОВ, 30.

В полночь доктор Арендт возвратился. Покинув Пушкина, он отправился во дворец, но не застал государя, который был в театре, и сказал камердинеру, чтобы по возвращении его величества было донесено ему о случившемся. Около полуночи приезжает за Арендтом от государя фельд'егерь с повелением немедленно ехать к Пушкину, прочитать ему письмо, собственноручно государем к нему написанное, и тотчас обо всем донести. «Я не лягу, и буду ждать», стояло в записке государя к Арендту. Письмо же приказано было возвратить.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — С. Л. Пушкину. *Щеголев*, 178.

Ночью возвратился к нему Арендт и привез ему для прочтения собственноручную записку, карандашом написанную государем, почти в таких словах: «Если бог не приведет нам свидеться в здешнем свете, посылаю тебе мое прощение и последний совет: умереть христианином. О жене и детях не беспокойся: я беру их на свои руки». Пушкин был чрезвычайно тронут словами и убедительно просил Арендта оставить ему эту записку; но государь велел ее прочесть и немедленно возвратить.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — Д. В. Давыдову, 5 февр. 1837 г. *Рус. Стар.*, 1875, т. XIV, стр. 92.

Что за письмо привозил Арендт Пушкину от Николая? Пушкин прочел его и возвратил Арендту. Письмо до сих пор еще неизвестно.

А. С. СУВОРИН со слов П. А. Ефремова, *Дневник А. С. Суворина*, стр. 206.

В лечении не последовало перемен. Уезжая, д-р Арендт просил меня тотчас прислать за ним, если я найду то нужным.

И. Т. СПАССКИЙ. *Щеголев*, 198.

Когда Арендт уехал, Пушкин позвал к себе жену, говорил с нею и просил ее не быть постоянно в его комнате, он прибавил, что будет сам посылать за нею. В продолжение этого дня у Пушкина *перебывало* несколько докторов,

в том числе: Саломон и Буяльский. Домашним доктором Пушкина был доктор Спасский; но Пушкин мало имел к нему доверия. По рекомендации бывшего тогда главного доктора конногвардейского полка Шеринга, Данзас пригласил доктора провести у Пушкина всю ночь. Фамилии этого доктора Данзас не помнит.

А. АММОСОВ, 31.

Он подозвал к себе Спасского, велел подать какую-то бумагу, по-русски написанную, и заставил ее сжечь

В. А. ЖУКОВСКИЙ. Письмо к С. Л. Пушкину, Щеголев, 180.

Пушкин велел д-ру Спасскому вынуть какую-то его рукою написанную бумагу из ближайшего ящика, и ее сожгли перед его глазами; а Данзасу велел найти какой-то ящичек и взять из него находившуюся в нем цепочку.

В. А. ЖУКОВСКИЙ—гр. А. Х. Бенкендорфу, в феврале—марте 1837 г. Щеголев, 240

Я спросил Пушкина, неудобно ли ему сделать какие распоряжения.
— Всё жене и детям,— отвечал он: — позовите Данзаса.
Данзас вошел. Пушкин захотел остаться с ним один.

И. Т. СПАССКИЙ Щеголев, 198.

Пушкин велел написать частные долги и написал реэстр своей рукою довольно твердою.

А. И. ТУРГЕНЕВ—Н. И. Тургеневу, 31 янв. 1837 г. П-н и его совр-ки, VI, 62.

Подозвав Данзаса, Пушкин просил его записывать и продиктовал ему все свои долги, на которые не было ни векселей, ни заемных писем. Потом он снял с руки кольцо и отдал Данзасу, прося принять его на память. При этом он сказал Данзасу, что не хочет, чтоб кто-нибудь мстил за него, и что жа-дет умереть христианином.

А. АММОСОВ, 31.

Данзас сказал ему, что готов отомстить за него тому, кто его пора-зил.—«Нет, нет,—ответил Пушкин,—мир, мир»

А. Н. ВЕНЕВИТИНОВА—С. Л. Пушкину, со слов А. Карамзиной П-н и его совр-ки, VIII, 67 (фр.).

Княгиня (Вяземская) была с женою, которой состояние было невыра-зимо: как привидение, иногда подкрядывалась она в ту горницу, где лежал ее умирающий муж: он не мог ее видеть (он лежал на диване лицом от окон к двери), но он боялся, чтобы она к нему подходила, ибо не хотел, чтобы она

могла приметить его страдания, кои с удивительным мужеством пересиливал, и всякий раз, когда она входила или только останавливалась у дверей, он чувствовал ее присутствие.—«Жена здесь,—говорил он,—отведите ее».

В. А. ЖУКОВСКИЙ—С. Л. Пушкину. *Щеголев*, 176.

Когда ему сказали, что бывали случаи, что от таких ран оживали, то он махнул рукою, в знак сомнения. Иногда, но редко, подзывает к себе жену и сказал ей:

— Будь спокойна, ты невинна в этом.

Кн. Вяземский и тетка Загряжская и сестра Александра не отходят от жены. Я провел там,— до четвертого часа утра (28-го), с Жуковским, гр. Велгурским и Данзасом; но к нему входит только один Данзас.

А. И. ТУРГЕНЕВ—А. И. Нефедьевой. *П-н и его совр-ки*, VI, 50.

Жене своей он сказал: «Не упрекай себя моей смертью: это — дело, которое касалось одного меня».

В. А. МУХАНОВ (со слов А. Я. Булгакова). Из дневника. *Московский Пушкинист* 1927, вып. I, стр. 50

28-го утром, когда боли усилились и показалась значительная опухоль живота, решились поставить промывательное, чтобы облегчить и опростать кишки. С трудом только можно было это исполнить: больной не мог лежать на боку, а чувствительность воспаленной проходной кишки, от раздробленного крестца,— обстоятельство в то время еще неизвестное,— были причиной жестокой боли и страданий после этого промывательного. Оно не действовало.

В. И. ДАЛЬ. *Ход болезни Пушкина. Щеголев*, 205

Около четвертого часу (*ночи, с 27 на 28*) боль в животе начала усиливаться, и к пяти часам сделалась значительною. Я послал за Арендтом, он не замедлил приехать. Боль в животе возросла до высочайшей степени. Это была настоящая пытка. Физиономия Пушкина изменилась, взор его сделался дик, казалось, глаза готовы были выскочить из своих орбит, чело покрылось холодным потом, руки похолодели, пульса как не бывало. Больной испытывал ужасную муку. Но и тут необыкновенная твердость его души раскрылась в полной мере. Готовый вскрикнуть, он только стонал, боясь, как он говорит, чтоб жена не услышала, чтоб ее не испугать.

— Зачем эти мучения? — сказал он,— без них я бы умер спокойно.

И. Т. СПАССКИЙ. *П. Щеголев*, 198.

В продолжение ночи страдания Пушкина до того увеличились, что он решил застрелиться. Позвав человека, он велел подать ему один из ящиков письменного стола; человек исполнил его волю, но, вспомнив, что в этом ящике были pistols, предупредил Данзаса. Данзас подошел к Пушкину и взял у него pistols, которые тот уже спрятал под одеяло; отдавая их Дан-

засу, Пушкин признался, что хотел застрелиться, потому что страдания его были невыносимы.

А. АММОСОВ, 32.

В одну из предсмертных ночей, доктора, думая облегчить страдания, поставили промывательное, отчего пуля стала давить кишки, и умирающий издавал такие крики, что княгиня Вяземская и Александра Николаевна, дремавшие в соседней комнате, вскочили от испуга.

Кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКАЯ, по записи Бартенева. *Рус. Арх.*, 1888, II, 305.

Ночью он кричал ужасно; почти упал на пол в конвульсии страдания. Благое провидение в эти самые десять минут послало сон жене; она не слышала криков; последний крик разбудил ее, но ей сказали, что это было на улице: после он еще не кричал.

А. И. ТУРГЕНЕВ—неизвестному, 28 янв. 1837 г. *П-н и его совр-ки*, VI, 54.

Вот что случилось: жена в совершенном изнурении лежала в гостиной головой к дверям, и они одни отделяли ее от постели мужа. При первом страшном крике его, княгиня Вяземская, бывшая в той-же горнице, бросилась к ней, опасаясь, чтобы с нею чего не сделалось. Но она лежала неподвижно (хотя за минуту говорила); тяжелый, летаргический сон овладел ею; и этот сон миновался в ту самую минуту, когда раздалось последнее стенание за дверями.

В. А. ЖУКОВСКИЙ—С. Л. Пушкину. *Щеголев*, 179.

Больной был так раздражен, духовно и телесно, что в продолжение этого утра отказывался вовсе от предлагаемых ему пособий.

В. И. ДАЛЬ. *Ход болезни П-на*. *Щеголев*, 206.

По-утру на другой день 28 января боли несколько уменьшились. Пушкин пожелал видеть: жену, детей и свояченицу свою Александру Николаевну Гончарову, чтобы с ними проститься. При этом прощании Пушкина с семейством Данзас не присутствовал.

А. АММОСОВ, 32.

Наконец, боль, повидимому, стала утихать, но лицо еще выражало глубокое страдание, руки по-прежнему были холодны, пульс едва заметен.

— Жену, просите, жену,— сказал Пушкин.

Она с воплем горести бросилась к страдальцу. Это зрелище у всех извлекло слезы. Несчастную надо было отвлечь от одра умирающего. Таков, действительно, был Пушкин в то время. Я спросил его, не хочет-ли он видеть своих друзей.

— Зовите их,— отвечал он.

Жуковский, Вьельгорский, Вяземский, Тургенев и Данзас входили один за другим и братски с ним прощались.

И Т СПАССКИЙ. *Щеголев*, 198.

— Кто здесь? — спросил он Спасского и Данзаса.

Назвали меня и Вяземского.

— Позовите,— сказал он слабым голосом.

Я подошел, взял его похолодевшую, протянутую мне руку, поцеловал ее: сказать ему ничего я не мог, он махнул рукою, я отошел.

В. А. ЖУКОВСКИЙ—С. Л. Пушкину. *Щеголев*, 181.

С нами прощался он среди ужасных мучений и судорожных движений, но с духом бодрым и с нежностью. У меня крепко пожал он руку и сказал: — Прости, будь счастлив.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—Д. В. Давылову
5 февр. 1837 г. *Рус. Стар.*, 1875, т. XIV, стр. 94

Простился с Пушкиным. Он пожал мне два раза, взглянул и махнул тихо рукою... Виельгорскому сказал, что любит его.

А. И. ТУРГЕНЕВ. *Дневник. Щеголев*, 270.

Прощаясь с друзьями, которые, рыдая, стояли у его одра, он сказал Тургеневу:

— А что-же Карамзиных здесь нет?

Тотчас-же послали за матушкой (*Ек. А. Карамзиной*), которая через несколько минут и приехала. Увидев ее, он сказал уже слабым, но явственным голосом:

— Благословите меня!

Она благословила его издали; но он сделал ей знак подойти, сам положил ее руку себе на лоб и, после того, как она его благословила, взял и поцеловал ее руку.

ЕК. Н. МЕЩЕРСКАЯ-КАРАМЗИНА — княжне
М. И. Мещерской. *П-н и его совр-ки*, VI, 95.

Потом потребовал детей; их привели и принесли к нему полусонных. Он на каждого оборачивал глаза, молча; клал ему на голову руку; крестил и потом движением руки отсылал от себя.

В. А. ЖУКОВСКИЙ—С. Л. Пушкину. *Щеголев*, 181.

После катастрофы Александрина (*сестра Нат. Ник-ны*) видела Пушкина только раз, когда она привела ему детей, которых он хотел благословить перед смертью.

Бар. ГУСТАВ ФРИЗЕНГОФ—А. П. Араповой
Кр. Нива, 1929, № 24, стр. 10 (фр.).

11 час. утра (28-го). Он часто призывает на минутку к себе жену, которая все твердила: «он не умрет, я чувствую, что он не умрет». Теперь она, кажется, видит уже близкую смерть.—Пушкин со всеми нами прощается: жмет руку и потом дает знак выйти. Мне два раза пожал руку, взглянул, но не в силах был сказать ни слова. Жена опять сказала: «*Quelleque chose me dit qu'il vivra*».—С Велгурским, с Жуковским также простился. Узнав, что

К. А. Карамзина здесь-же, просил два раза позвать ее, и дал ей знать, чтобы перекрестила его. Она зарыдала и вышла.

А. И. ТУРГЕНЕВ—неизвестному, 28 янв. 1837 г.
П-н и его совр-ки, VI, 53.

Я взял больного за руку и щупал его пульс. Когда я оставил его руку, то он сам приложил пальцы левой своей руки к пульсу правой, томно, но выразительно взглянул на меня и сказал:

— Смерть идет.

Приезда Арендта он ожидал с нетерпением.

— Жду слова от царя, чтобы умереть спокойно, — промолвил он.

И. Т. СПАССКИЙ. *П. Щеголев*, 198.

В это время приехал доктор Арендт. Жду царского слова, чтобы умереть спокойно, сказал ему Пушкин. Это было для меня указанием, и я решил в ту-же минуту ехать к государю, чтобы известить его величество о том, что слышал. Надобно знать, что, простившись с Пушкиным, я опять возвратился к его постели и сказал ему: может быть, я увижу государя: что мне сказать ему от тебя? — Скажи ему, отвечал он, что мне жаль умереть; был бы весь его.

В. А. ЖУКОВСКИЙ—С. Л. Пушкину. *Щеголев*, 182.

Пушкин не говорил на смертном одре: «еслиб я остался жив, я весь был бы его». Когда Жуковского упрекали за эту фразу, он сказал: «я заботился о судьбе жены Пушкина и детей».

А. С. СУВОРИН со слов П. А. Ефремова. *Дневник А. С. Суворина*. 1923. Стр. 206.

Сходя с крыльца, я встретился с фельд'егерем, посланным за мной от государя. — Извини, что я тебя потревожил,—сказал он мне, при входе моем в кабинет. — Государь, я сам спешил к вашему величеству в то время, когда встретился с посланным за мною. И я рассказал о том, что говорил Пушкин. Я счел долгом сообщить эти слова немедленно вашему величеству. Полагаю, что он тревожится о участи Данзаса. — Я не могу переменить законного порядка, —отвечал государь, —но сделаю все возможное. Скажи ему от меня, что я поздравляю его с исполнением христианского долга; о жене-же и детях он беспокоиться не должен; они мои. Тебе же поручаю, если он умрет, запечатать его бумаги; ты после их сам рассмотришь.

Я возвратился к Пушкину с утешительным ответом государя. Выслушав меня, он поднял руки к небу с каким-то судорожным движением. Вот как я утешен!—сказал он.—Скажи государю, что я желаю ему долгого царствования, что я желаю ему счастья в его сыне, что я желаю ему счастья в его России. Эти слова говорил слабо, отрывисто, но явственно.

В. А. ЖУКОВСКИЙ—С. Л. Пушкину.—*Щеголев*. 182.

Во все время болезни Пушкина передняя его постель постоянно была наполнена знакомыми и незнакомыми, вопросы: что Пушкин? Легче-ли ему? Поправился-ли он? Есть-ли надежда? сыпались со всех сторон. Государь, наследник.

великая княгиня Елена Павловна постоянно посылали узнавать о здоровье Пушкина; от государя приезжал Арендт несколько раз в день. У под'езда была давка. В передней какой-то старичок сказал с удивлением:—«Господи боже мой! Я помню, как умирал фельдмаршал, а этого не было!»

Пушкин впускал к себе только самых коротких своих знакомых, хотя всеми интересовался: беспрестанно спрашивал, кто был у него в доме, и говорил: «мне было бы приятно видеть их всех, но у меня нет силы говорить с ними». По этой причине, вероятно, он не простился и с некоторыми из своих лицейских товарищей.

А. АММОСОВ, 93.

С утра 28 числа, в которое разнеслась по городу весть, что Пушкин умирает, передняя была полна приходящих... Число их сделалось наконец так велико, что дверь прихожей (которая была подле кабинета, где лежал умирающий) беспрестанно отворялась и затворялась; это беспокоило страждущего, мы придумали запереть дверь из прихожей в сени, задвинули ее залавком и отворили другую узенькую прямо с лестницы в буфет, а гостиную от столовой отгородить ширмами (это распоряжение поймешь из приложенного плана) (см. рис. 9). С этой минуты буфет был набит народом; в столовую

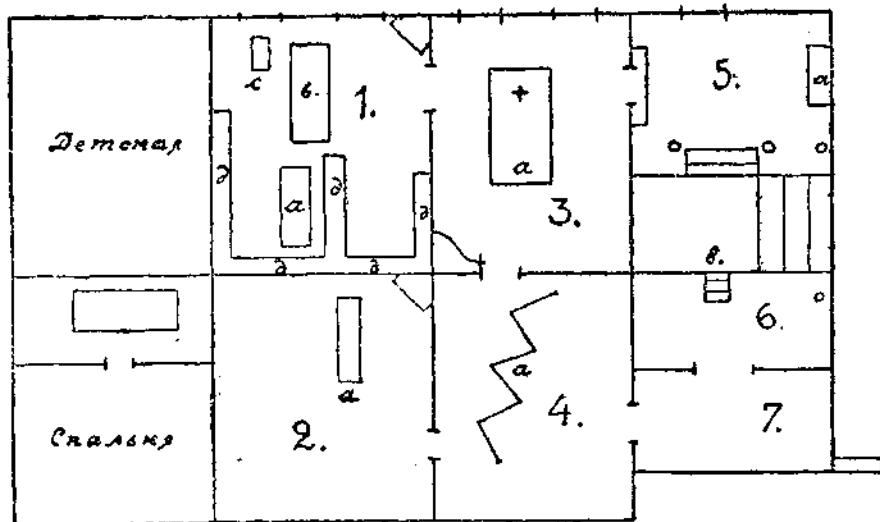

Рис. 9.

План последней квартиры Пушкина по наброску, сделанному Жуковским. Объяснения Жуковского:

1.—Кабинет. а) Диван, на котором умер Пушкин; б) его большой стол; с) кресла, на которых он работал; д) полки с книгами.

2.—Гостиная. а) Кушетка, на которой лежала ночью Наталья Николаевна.

3.—Передняя. а) Здесь Пушкин лежал во гробе.

4.—Столовая. а) Так были поставлены ширмы, чтобы загородить гостиную, где находилась Наталья Николаевна.

5.—Сени. а) Здесь стоял залавок, которым задвинули дверь; б) маленькая, узкая дверь, через которую входили все посторонние.

6.—Буфет с чуланом. Здесь собирались приходившие осведомляться во время болезни, после того как заперли дверь в прихожую ¹⁾.

¹⁾ План Жуковского вызывает ряд недоумений. Ширмы в столовой не могли стоять так, как указывает Жуковский,—в таком положении они не загороживали гостиную от приходивших поклониться телу Пушкина (из комнаты 7 через 4 в 3). В сенях залавок, очевидно, стоял не там, где указано на плане, а у противоположной двери из сеней в переднюю.

входили только знакомые, на лицах выражалось простодушное участие, многие плакали. Государь император получал известия от доктора Арендта (который раз по шести в день и по нескольку раз ночью приезжал навестить больного); государыня великая княгиня, очень любившая Пушкина, написала ко мне несколько записок, на которые я отдавал подробный отчет ее высочеству, согласно с ходом болезни.

В. А. ЖУКОВСКИЙ—С. Л. Пушкину. *Щеголев*.
185.

Дом кн. Волконского по Мойке, № 12 (тогда № 7). Дом относится к Екатерининской эпохе. При постройке его в первом этаже выведены были капитальные стены, конструктивно нужные для устройства зала во втором, главном этаже; что первый этаж (*где была квартира Пушкина*) был подчинен назначению второго, видно, напр., из того, что средняя стена фасадного выступа вышла в окно, так что его пришлось сделать глухим (в настоящее время здесь помещена памятная доска); кроме того, нет ни одной комнаты, имеющей вполне правильный прямоугольный контур. — Из-под арки налево была дверь на парадную лестницу с колоннами и сводами. Для того, чтобы попасть в квартиру Пушкина, нужно было подняться маршем в восемь ступеней на первую площадку, откуда дверь вела в переднюю. Прямо против входных дверей находилась дверь в кабинет Пушкина. Набросок плана части квартиры, сделанный Жуковским непосредственно после смерти Пушкина, довольно точно передает план кабинета и даже расположение мебели; но Жуковский не указал дверей из кабинета в гостиную и в детскую. Полки в кабинете, как видно на рисунке, начинаясь от дверей в детскую, доходили до угла, оттуда до самых дверей в гостиную, а затем шли под прямым углом. Полки у стены, смежной с передней, по всей вероятности, не было, и Жуковский, должно быть, ошибся, начав не с того конца чертить полки, таким образом закрывавшие лицо печи и загораживавшие дверь в гостиную. Отапливался кабинет раньше камином, расположенным против печи в детской, и зеркалом печи, топка которой была в передней. Окна как кабинета, так и передней выходят на двор. — Гостиная, расположенная прямо против кабинета, выходит окнами на Мойку и занимает часть выступа. В середине стены, смежной с кабинетом, стоял камин, справа от него находилась дверь. Из гостиной дверь вела в столовую, примыкавшую к передней и к буфетной и выходящую окнами на Мойку. Буфетная выходила окнами на Мойку, поперечная перегородка отделяла чулан. Из чулана узенькая дверь вела на парадную лестницу; в эту дверь проносили через буфетную в столовую кушанье из кухни, находившейся в подвальном этаже. — Рядом с кабинетом помещалась детская, имевшая окна во двор. Из детской дверь вела в спальню, находившуюся рядом с гостиной и занимавшую остающуюся от последней часть выступа. Кроме того, в спальне были еще две двери: одна в гостиную, а другая в противоположную сторону, — в две комнаты с окнами на Мойку. По всей вероятности, эти две комнаты предназначены были для своячениц Пушкина, А. Н. и Е. Н. Гончаровых. Спальня была разделена поперек ширмами или перегородкой, — что видно на плане Жуковского, — чтобы закрыть кровать и чтобы можно было удобнее проходить из комнат сестер Гончаровых в гостиную и столовую. — Рядом с детской были две комнаты, — по всей вероятности, для прислуги. Из последней комнаты дверь вела на черную лестницу. (См. рис. 10).

А. А. ПЛАТОНОВ. *Последняя квартира Пушкина в ее прошлом и настоящем*. Составили М. Беляев и А. Платонов. Изд. Академии Наук СССР. 1927 стр. 3—7.

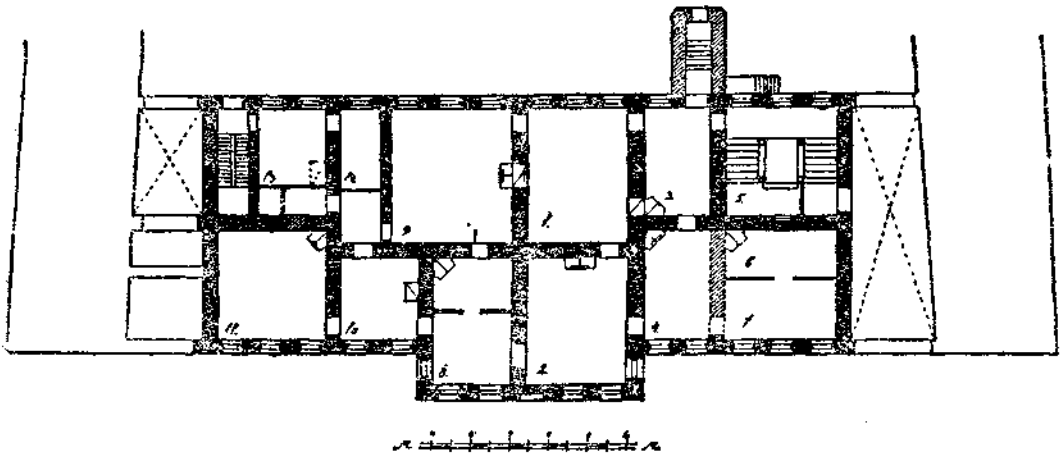

Рис. 10.

Проект восстановления плана пушкинской квартиры А. А. Платонова.

1 — Кабинет. 2 — Гостиная. 3 — Передняя. 4 — Столовая. 5 — Парадная лестница.
6 — Чулан. 7 — Буфетная. 8 — Спальня. 9 — Детская. 10 и 11 — Комнаты А. Н. и Е. Н. Гончаровых. 12 и 13 — Комната для прислуги.

В продолжение этих жестоких дней Ек. Ив. Загряжская в сущности не покидала квартиры Пушкиных. Графиня Жюли Строганова и княгиня Вяземская также находились здесь почти безотлучно, стараясь успокоить и утешить, насколько это допускали обстоятельства.

Бар. ГУСТАВ ФРИЗЕНГОФ—А. П. Араповой.
Красная Нива, 1929. № 24, стр. 10 (Фр.).

Графиня Юл. Петр. Строганова в эти дни часто бывала в доме умирающего Пушкина и однажды раздражила княгиню Вяземскую своими опасениями относительно молодых людей и студентов, беспрестанно приходивших навещать о раненном поэте (сын Вяземского, 17-летний князь Павел Петрович, все время, пока Пушкин умирал, оставался в соседней комнате).

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1908, III, 294.

Граф А. Г. Строганов говорит, что после поединка он ездил в дом раненного Пушкина, но увидел там такие разбойнические лица и такую сволочь, что предупредил отца своего не ездить туда.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Из записной книжки. Рус. Арх.*, 1912, II, 160.

В четверг утром я сидел в его комнате несколько часов (он лежал и умер в кабинете, на своем красном диване, подле средних полок с книгами). Он так переносил свои страдания, что я, видя смерть перед глазами, в первый раз в жизни находил ее чем-то обыкновенным, несколько не ужасающим.

П. А. ПЛЕТНЕВ—В. Г. Теплякову, 29 мая 1837 г.
Историч. Вестн., 1887, т. 29, стр. 21.

11½ (дня, 28-го). Опять призывал жену, но ее не пустили; ибо после того, как он сказал ей: «Arndt m'a condamné, je suis blessé mortellement», она в нервическом страдании лежит в молитве перед образами.—Он беспokoился за жену, думая, что она ничего не знает об опасности, и говорит, что «люди заедят ее, думая, что она была в эти минуты равнодушною». Это решило его сказать об опасности.

А. И. ТУРГЕНЕВ—неизвестному, 28 янв. 1837 г.
П-н и его совр-ки, VI, 54.

Полдень (28-го). Арендт сейчас был. Была урина, но надежды нет, хотя и есть облегчение страданиям.—Я опять входил к нему: он страдает, повторяя: «Боже мой, боже мой! что это!» сжимает кулаки в конвульсии.—Арендт думает, что это не протянется до вечера, а ему должно верить: он видел смерть в 34-х битвах.

А. И. ТУРГЕНЕВ—неизвестному, 1837 г. *П-н и его совр-ки, VI, 54.*

Около полудня дали ему несколько капель опиума, что принял он с жалостью и успокоился. Перед этим принимал он *extr. hyoscyami с. calomel.*, без всякого видимого облегчения.

В. И. ДАЛЬ. *Ход болезни П-на. Щеголев, 206.*

К полудню (28-го) Пушкину сделалось легче, он несколько развеселился и был в духе. Около часу приехал д-р Даль. Пушкин просил его войти, и, встречая его, сказал:

— Мне приятно вас видеть не только, как врача, но и как родного мне человека по общему нашему литературному ремеслу.

Он разговаривал с Далем и шутил.

А. АММОСОВ, 34.

По возвращении моем в 12 час. (дня), мне казалось, что больной стал спокойнее. Руки его были теплее и пульс явственнее. Он охотно брал лекарства, заботливо спрашивал о жене и о детях. Я нашел у него д-ра Далья. Пробыв у больного до 4 часов, я снова его оставил на попечение д-ра Далья.

И. Т. СПАССКИЙ. *П. Щеголев, 199.*

(Около 2 час. дня 28 янв.) У Пушкина нашел я толпу в зале и передней,—страх ожидания пробежал шопотом по бледным лицам.—Гг. Арендт и Спасский пожимали плечами. Я подошел к болящему,—он подал мне руку, улыбнулся и сказал:

— Плохо, брат!

Я присел к одру смерти—и не отходил до конца страстных суток. В первый раз Пушкин сказал мне ты. Я отвечал ему так же—и побратался с ним за сутки до смерти его, уже не для здешнего мира!

В. И. ДАЛЬ. *Записка. П. Щеголев, 200.*

Пушкин просил сперва князя Вяземского, а потом княгиню Долгорукову на том основании, что женщины лучше умеют исполнить такого рода поручения: ехать к Дантесам и сказать им, что он прощает им. Княгиня, под'ехав к под'езду, спросила, можно-ли видеть г-жу Дантес одну; она прибежала из дома и бросилась в карету вся разряженная, с криком: «George est hors de danger (*Жорж вне опасности!*)!» Княгиня сказала ей, что она приехала по поручению Пушкина, и что он не может жить. Тогда та начала плакать.

Ф. Г. ТОЛЬ со слов княгини Е. А. Долгоруковой. *Декабристы на поселении (из архива Якушкиных)*. Изд. М. и С. Сабашниковых. М. 1926. Стр. 143.

Пушкин, умирая, просил княгиню Долгорукову с'ездить к Дантесу и сказать ему, что он простил ему. «Moi aussi je lui pardonne (*я тоже ему прощаю!*)!»—отвечал с нахальным смехом негодай.

Ф. Г. ТОЛЬ со слов княгини Е. А. Долгоруковой. *Декабристы на поселении*, 135.

2-й час (28-го). Пушкин тих. Арендт опять здесь; но без надежды. Пушкин сам себе прощупал пульс, махнул рукою и сказал:

— Смерть идет.

Приехала Ел. Мих. Хитрова и хочет видеть его, плачет и пеняет всем; но он не мог видеть ее.

А. И. ТУРГЕНЕВ — неизвестному. *П-я и его совр-ки*, VI, 54.

Два часа. Есть тень надежды, но только тень, т.-е. нет совершенной невозможности спасения. Он тих и иногда забывается.

А. И. ТУРГЕНЕВ — неизвестному. *П-я и его совр-ки*, VI, 54.

Весь день (28) Пушкин был довольно спокоен; он часто призывал к себе жену; но разговаривать много не мог, ему это было трудно. Он говорил, что чувствует, как слабеет.

А. АММОСОВ, 35.

К шести часам вечера 28-го болезнь приняла иной вид: пульс поднялся, ударял около 120, сделался жесток; оконечности согрелись: общая теплота тела возвысилась, беспокойство усилилось. Поставили 25 пиявок к животу; жар уменьшился, опухоль живота опала, пульс сделался ровнее и гораздо мягче, кожа показывала небольшую испарину. Это была минута надежды.

В. И. ДАЛЬ. *Ход болезни П-на. Щеголев*, 206.

С обеда пульс был крайне мал, слаб и част,—после полудни стал он подыматься, а к шестому часу ударял не более 120 в минуту и стал полнее и тверже. В то же время начал показываться небольшой общий жар. Вследствие полученных от д-ра Арендта наставлений, приставили мы с д-ром Спасским 25 пиявок и в то-же время послали за Арендтом. Он приехал и одобрил

распоряжение наше. Больной наш твердою рукой сам ловил и припуская себе пиявок и неохотно позволял нам около себя копаться. Пульс стал ровнее, реже и гораздо мягче; я ухватился, как утопленник, за соломенку, робким голосом провозгласил надежду и обманул было и себя, и других,—но не надолго. Пушкин заметил, что я был бодрее, взял меня за руку и спросил:

— Никого тут нет?

— Никого,—отвечал я.

— Даль, скажи-же мне правду, скоро-ли я умру?

— Мы за тебя надеемся, Пушкин, право надеемся!

Он пожал мне крепко руку и сказал:

— Ну, спасибо!

Но, повидимому, он однажды только и обольстился моею надеждою: ни прежде, ни после этого он не верил ей.

В. И. ДАЛЬ. *Щеголев*, 202.

Пушкин сам помогал ставить пиявки; смотрел, как они принимались и приговаривал: «вот это хорошо, это прекрасно». Через несколько минут потом Пушкин, глубоко вздохнув, сказал:

— Как жаль, что нет теперь здесь ни Пуцины, ни Малиновского ¹⁾, мне бы легче было умирать.

А. АММОСОВ. 35.

В течение вечера (28-го), как казалось, что Пушкину хотя едва-едва легче; какая-то слабая надежда рождалась в сердце более, нежели в уме. Арендт не надеялся и говорил, что спасение было бы чудом; он мало страдал, ибо ему помогали маслом.

А. И. ТУРГЕНЕВ — А. И. Нефедьевой. *П-н и его совр-ки*, VI, 51.

Я возвратился к Пушкину около 7 часов вечера. Я нашел, что у него теплота в теле увеличилась, пульс сделался гораздо явственнее и боль в животе ощутительнее. Больной охотно соглашался на все предлагаемые ему пособия. Он часто требовал холодной воды, которую ему давали по чайным ложечкам, что весьма его освежало. Так как эту ночь предложил остаться при больном д-р Даль, то я оставил Пушкина около полуночи.

И. Т. СПАССКИЙ. *П. Щеголев*, 199.

Эту ночь всю Даль просидел у его постели, а я, Вяземский и Виельгорский в ближней горнице.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — С. Л. Пушкину. *Щеголев*, 184.

Вообще с начала до конца своих страданий (кроме двух или трех часов первой ночи, в которую они превзошли всякую меру человеческого терпения) он был удивительно тверд. «Я был в тридцати сражениях, говорил доктор Арендт, я видел много умирающих, но мало видел подобного».

В. А. ЖУКОВСКИЙ — С. Л. Пушкину. *Щеголев*, 177.

¹⁾ Лицейские товарищи Пушкина.

Арендт, который видел много смертей на веку своем и на полях сражений, и на болезненных одрах, отходил со слезами на глазах от постели его и говорил, что он никогда не видел ничего подобного, такого терпения при таких страданиях. Еще сказал и повторил несколько раз Арендт замечательное и прекрасное утешительное слово об этом несчастном приключении:

— Для Пушкина жаль, что он не был убит на месте, потому что мучения его невыразимы; но для чести жены его—это счастье, что он остался жив. Никому из нас, видя его, нельзя сомневаться в невинности ее и в любви, которую к ней Пушкин сохранил.

Эти слова в устах Арендта, который не имел никакой личной связи с Пушкиным и был при нем, как был бы он при каждом другом в том-же положении, удивительно выразительны. Надобно знать Арендта, его рассеянность, его привычку к подобным сценам, чтобы понять всю силу его впечатления. Стало быть, видимое им было так убедительно, так поразительно и полно истины, что пробудило и его внимание и им овладело.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ—Д. В. Давыдову, 5 февраля 1837 г. *Русс. Стар.* 1875, т. XIV, стр. 93.

Посреди самых ужасных физических страданий (заставивших содрогнуться даже привычного к подобным сценам Арендта), Пушкин думал только о жене и о том, что она должна была чувствовать по его вине. В каждом промежутке между приступами мучительной боли он ее призывал, старался утешить, повторял, что считает ее неповинною в своей смерти и что никогда ни на одну минуту не лишал ее своего доверия и любви.

Кн. Е. Н. МЕЩЕРСКАЯ-КАРАМЗИНА. *Я. Грот*, 261.

Пушкин заставил всех присутствовавших сдружиться со смертью, так спокойно он ее ожидал, так твердо был уверен, что роковой час ударил. Плетнев говорил: «глядя на Пушкина, я в первый раз не боюсь смерти». Пушкин положительно отвергал утешение наше и на слова мои: «все мы надеемся, не отчаивайся и ты», отвечал:

— Нет; мне здесь не житье; я умру, да видно уж так и надо!

В ночь на 29-е он повторял несколько раз подобное; спрашивал, например: «который час» и на ответ мой продолжал отрывисто и с остановкою:

— Долго-ли мне так мучиться! Пожалуйста, поскорей!

Почти всю ночь продержал он меня за руку, по-части просил ложечку водицы или крупишку льда и всегда при этом управлялся своеручно: брал стакан сам с ближней полки, тер себе виски льдом, сам снимал и накладывал себе на живот припарки, и всегда еще приговаривая: «вот и хорошо, и прекрасно!» Собственно от боли страдал он, по его словам, не столько, как от чрезмерной тоски.

— Ах, какая тоска!—восклидал он иногда, закладывая руки за голову,—сердце изнывает!

Тогда просил он поднять его, поворотить на бок или поправить подушку—и, не дав кончить этого, останавливал обыкновенно словами «ну, так, так,—хорошо; вот и прекрасно, и довольно; теперь очень хорошо!» или: «постой, не надо, потяни меня только за руку,—ну вот и хорошо, и прекрасно!» Вообще был он, по крайней мере, в обращении со мною, покладлив и послушен, как ребенок, и делал все, о чем я его просил.

— Кто у жены моей?—спросил он между прочим.

Я отвечал:

— Много добрых людей принимают в тебе участие,—зала и передняя полны с утра и до ночи.

— Ну, спасибо,—отвечал он,—однакоже, поди, скажи жене, что все, славу богу, легко; а то ей там, пожалуй, наговорят!

Когда тоска и боль его одолевали, он крепился усильно и на слова мои: «терпеть надо, любезный друг, делать нечего, но не стыдись боли своей, стой, тебе будет легче»,—отвечал отрывисто:

— Нет, не надо стонать; жена услышит; и смешно-же, чтоб этот вздор меня пересилил; не хочу.

В. И. ДАЛЬ. *Щеголев*, 201—203.

В 4 часа утра (29-го) послали за Арендтом спросить, поставить ли пиявки еще раз; касторовое масло не действует и на низ не было. Сегодня впустили в комнату жену, но он не знает, что она близ его кушетки, и недавно спросил, при ней, у Данзаса: думает-ли он, что он сегодня умрет, прибавив:

— Я думаю, по крайней мере, желаю. Сегодня мне спокойнее, и я рад, что меня оставляют в покое; вчера мне не давали покоя.

Жуковский, кн. Вяземский, гр. Мих. Велгурский провели здесь всю ночь и теперь здесь (я пишу в комнатах Пушкина).

А. И. ТУРГЕНЕВ — А. И. Нефедьевой, 29 янв. 1837 г. *П-и и его совр-ки*, VI, 51.

Рано утром 29 числа я к нему возвратился. Пушкин иставал. Руки были холодны, пульс едва заметен. Он беспрестанно требовал холодной воды и брал ее в малых количествах, иногда держал во рту небольшие кусочки льда, и от времени до времени сам тер себе виски и лоб льдом.—Д-р Арендт подтвердил мои и д-ра Дала опасения.

И. Т. СПАССКИЙ. *П. Щеголев*, 199.

Труд ухода за Пушкиным, в его предсмертных страданиях, разделяла с княгиней Вяземской некогда московская подруга Натальи Николаевны, Екатерина Алексеевна, рожд. Малиновская, супруга лейб-гусара кн. Ростислава Алексеевича Долгорукого, женщина необыкновенного ума и многосторонней образованности, ценимая Пушкиным и Лермонтовым (художественный кругозор которого считала она и шире и выше пушкинского...). Она слышала, как Пушкин, уже перед самой кончиною, говорил жене:

— Носи по мне траур два или три года. Постарайся, чтоб забыли про тебя. Потом выходи опять замуж, но не за пустовзвона.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1908, III, 295.

Прощаясь с женою, Пушкин сказал ей: «Ступай в деревню, носи по мне траур два года, и потом выходи замуж, но за человека порядочного».

П. И. Бартенев со слов кн-ни В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ. *Рус. Арх.*, 1888, II, 211.

Умиравший Пушкин передал княгине Вяземской нательный крест с цепочкой для передачи Александре Николаевне (*Гончаровой, сестре Натальи Николаевны*).

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1908, III, 296.

Княгиня Вяземская сказывала мне, что раз, когда она на минуту осталась одна с умиравшим Пушкиным, он отдал ей какую-то цепочку и просил передать ее от него Александре Николаевне (*Гончаровой*). Княгиня исполнила это и была очень изумлена тем, что Александра Николаевна, принимая этот заprobный подарок, вся вспыхнула, что и возбудило в княгине подозрение.

П. И. БАРТЕНЕВ — П. Е. Щеголеву, 2 апреля 1911 г. *Щеголев*, 410.

По-утру 29 января он несколько раз призывал жену. Потом пожелал видеть Жуковского и говорил с ним довольно долго наедине: Выйдя от него, Жуковский сказал Данзасу: подите, пожалуйста, к Пушкину, он об вас спрашивал. Но когда Данзас вошел, Пушкин ничего не сказал ему особенного, спросил только, по обыкновению, много-ли у него было посетителей, и кто именно.

Собравшись в это утро, доктора нашли Пушкина уже совершенно в безнадежном положении, а приехавший затем Арендт объявил, что Пушкину осталось жить не более двух часов.

Подъезд с утра был атакован публикой до такой степени, что Данзас должен был обратиться в Преображенский полк, с просьбою поставить у крыльца часовых, чтобы восстановить какой-нибудь порядок: густая масса собравшихся загораживала на большое расстояние все пространство перед квартирой Пушкина, к крыльцу почти не было возможности протиснуться. Между принимавшими участие были, разумеется, и такие, которые толпились только из любопытства. Данзас был ранен в турецкую кампанию и носил руку на повязке. Не ранен-ли он тоже на дуэли Пушкина, спросил Данзаса один из этих любопытных.

А. АММОСОВ, 36.

Около 12 часов больной спросил зеркало, посмотрел в него и махнул рукой. Он неоднократно приглашал к себе жену. Вообще все входило к нему только по его желанию. Нередко на вопрос: неудобно-ли вам видеть жену, или кого-нибудь из друзей, — он отвечал: я позволю.

И. Т. СПАССКИЙ. *П. Щеголев*, 199.

1 час (29-го). Пушкин слабее и слабее. Касторовое масло не действует. Надежды нет. За час начался холод в членах. Смерть быстро приближается; но умирающий сильно не страдает; он покойнее. Жена подле него, он беспрестанно берет ее за руку. Александрина плачет, но еще на ногах. Жена — сила любви дает ей веру — когда уже нет надежды! Она повторяет ему: — *Tu vivras!!*

Я сейчас встретил отца Геккерена: он расспрашивал об умирающем с сильным участием; рассказал содержание, — выражения письма Пушкина.

Ужасно! ужасно! Невыносимо: нечего было делать... Весь город, дамы, дипломаты, авторы, знакомые и незнакомые наполняют комнаты, спрашивают об умирающем. Сени наполнены несмеющими войти далее. Приезжает сейчас Элиза Хитрово, входит в его кабинет и становится на колена.— Антонов огонь разливается; он все в памяти.

А. И. ТУРГЕНЕВ — А. И. Нефедьевой, 29 янв. 1837 г. *П-н и его совр-ки*, VI, 51.

К нему никого не пускали, но Елизавета Михайловна Хитрово преодолела все препятствия: она приехала заплаканная, растрепанная и, рыдая, бросилась в отчаянии на колени перед умирающим поэтом.

А. Я. БУЛГАКОВ — кн. О. А. Долгоруковой, 2 февр. 1837 г. *Красный архив*, 1929, т. II, 225.

Пульс стал упадать приметно и вскоре исчез вовсе. Руки начали стыть. Ударило два часа пополудни, 29 янв., — и в Пушкине оставалось жизни — только на $\frac{3}{4}$ часа! Пушкин раскрыл глаза и попросил моченой морошки. Когда ее принесли, то он сказал вятно:

— Позовите жену, пусть она меня покормит.

Д-р Спасский исполнил желание умирающего. Наталья Николаевна опустилась на колени у изголовья смертного одра, поднесла ему ложечку, другую — и припала лицом к челу отходящего мужа. Пушкин погладил ее по голове и сказал:

— Ну, ну, ничего, слава Богу, все хорошо!

В. И. ДАЛЬ. *Щеголев*, 203.

Когда этот болезненный припадок аппетита был удовлетворен, жена Пушкина вышла из кабинета. Выходя, она, обрадованная аппетитом мужа, сказала, обращаясь к окружающим:

— Вот вы увидите, что он будет жив!

А. АММОСОВ, 37.

Скоро подошел я к В. А. Жуковскому, кн. Вяземскому и гр. Виельгорскому и сказал: «отходит!» Бодрый дух все еще сохранял могущество свое, — изредка только полудремотное забвение на несколько секунд туманило мысли и душу. Тогда умирающий, несколько раз, подавал мне руку, сжимал ее и говорил:

— Ну, подымай же меня, пойдем, да выше, выше,—ну, пойдем!

Опамятовавшись, сказал он мне:

— Мне было пригрезилось, что я с тобою лезу вверх по этим книгам и полкам, высоко — и голова закружилась.

Раза два присматривался он пристально на меня и спрашивал:

— Кто это? Ты?

— Я, друг мой.

— Что это я не мог тебя узнать.

Немного погодя он опять, не раскрывая глаз, стал искать мою руку и, потянув ее, сказал:

— Ну, пойдем же, пожалуйста, да вместе!

В. И. ДАЛЬ. *Шеголев*, 203.

Я стоял вместе с графом Виельгорским у постели его, в головах сбоку стоял Тургенев. Даль шепнул мне: «отходит!»

В. А. ЖУКОВСКИЙ *Шеголев*, 199.

Забывается и начинает говорить бессмыслицу. У него предсмертная икота, а жена его находит, что ему лучше, чем вчера! Она стоит в дверях его кабинета, иногда входит; фигура ее не возвещает смерти такой близкой.

— Опустите стору, я спать хочу,—сказал он сейчас.

Два часа пополудни...

А. И. ТУРГЕНЕВ — А. Нефедьевой, 29 янв
1837 г. *П-я и его совр-ки*, VI, 52 (фр.-рус.).

Пушкину делалось все хуже и хуже, он видимо слабел с каждым мгновением. Друзья его: Жуковский, кн. Вяземский с женой, кн. П. И. Мещерский, А. И. Тургенев, г-жа Загряжская, Даль и Данзас были у него в кабинете.

А АММОСОВ, 37.

Минут пять до смерти Пушкин просил поворотить его на правый бок. Даль, Данзас и я исполнили его волю: слегка поворотили его и подложили к спине подушку.

— Хорошо! — сказал он, и потом, несколько погодя, промолвил: — жизнь кончена!

— Да, конечно, — сказал д-р Даль, — мы тебя поворотили.

— Кончена жизнь, — возразил тихо Пушкин.

Не прошло нескольких мгновений, как Пушкин сказал:

— Теснит дыхание.

То были последние его слова. Оставаясь в том же положении на правом боку, он тихо стал кончаться.

И. Т. СПАССКИЙ. *Шеголев*, 199.

Друзья и ближние молча, сложа руки, окружили изголовье отходящего. Я, по просьбе его, взял его подмышки и приподнял повыше. Он вдруг, будто проснувшись, быстро раскрыл глаза, лицо его прояснилось и он сказал:

— Кончена жизнь!

Я не дослышал и спросил тихо:

— Что кончено?

— Жизнь кончена, — отвечал он внятно и положительно.

— Тяжело дышать, давит, — были последние слова его.

Всеместное спокойствие разлилось по всему телу, — руки остыли по самые плечи, пальцы на ногах, ступни, колена — также, — отрывистое, частое дыхание изменялось более и более на медленное, тихое, протяжное, — еще один слабый, едва заметный вздох — и пропасть необъятная, неизмеримая

разделяла уже живых от мертвого. Он скончался так тихо, что предстоящие не заметили смерти его. Жуковский изумился, когда я прошептал: «аминь!» Д-р Андреевский наложил персты на веки его.

В. И. ДАЛЬ. *Щеголев*, 204.

Я не сводил с него глаз и заметил, что движение его груди, доселе тихое, сделалось прерывистым. Оно скоро прекратилось. Я смотрел внимательно, ждал последнего вдоха; но я его не приметил. Тишина, его объявляющая, казалась мне успокоением. Все над ним молчали. Минуты через две я спросил: «что он?» «Кончилось» — отвечал мне Даль.

В. А. ЖУКОВСКИЙ. *Щеголев*, 189.

Перед тою минутою, как ему глаза надобно было на веки закрыть, я поспел к нему. Тут был и Жуковский с Михаилом Виельгорским, Даль и еще не помню кто. Такой мирной кончины я вообразить не умел прежде.

П. А. ПЛЕТНЕВ — В. Г. Теплякову, 29 мая 1837 г. *Истр. Вестн.*, 1887, № 7, стр. 21.

Диван, на котором лежал умиравший Пушкин, был отгорожен от двери книжными полками. Войдя в комнату, сквозь промежутки полок и книг можно было видеть страдальца. Тут стояла княгиня Вяземская в самые минуты последних его вдохов. Даль сидел у дивана; кто-то еще был в комнате. Княгиня говорит, что нельзя забыть божественного спокойствия, разлившегося по лицу Пушкина.

П. И. Бартенев со слов кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ. *Рус. Арх.*, 1888, II, 311.

Когда друзья и несчастная жена устремились к бездыханному телу, их поразило величавое и торжественное выражение лица его. На устах сияла улыбка, как будто отблеск несказанного спокойствия, на челе отражалось тихое блаженство осуществившейся святой надежды.

Кн. ЕК. Н. МЕЩЕРСКАЯ-КАРАМЗИНА. *Я. Грот*, 261.

Г-жа Пушкина возвратилась в кабинет в самую минуту его смерти. Наталья Николаевна Пушкина была красавица. Увидя умирающего мужа, она бросилась к нему и упала перед ним на колени; густые темнорусые брови в беспорядке рассыпались у ней по плечам. С глубоким отчаянием она протянула руки к Пушкину, толкала его, и, рыдая, вскрикивала:

— Пушкин, Пушкин, ты жив?

А. АММОСОВ, 38.

Он не страдал, а желал скорой смерти. Жуковский, гр. Велгурский, Даль, Спасский, княгиня Вяземская и я, — мы стояли у канаве и видели — последний вздох его. Доктор Андреевский закрыл ему глаза.

За минуту пришла к нему жена; ее не впустили. — Теперь она видела его умершего. Приехал Арндт; за ней ухаживают. Она рыдает, рвется, но и плачет. Жуковский послал за художником снять с него маску. Жена все не верит, что он умер: все не верит. — Между тем тишина уже нарушена. Мы говорим вслух и этот шум ужасен для слуха, ибо он говорит о смерти того, для коего мы молчали. Он умирал тихо, тихо...

А. И. ТУРГЕНЕВ — А. Я. Булгакову, 29 янв. 1837 г. *П-я и его совр-ки*, VI, 55.

Наша няня не могла вспомнить без содрогания о страшном состоянии, в которое впала мать, как только в наступившей смерти нельзя было сомневаться. Бесчувственную, словно окаменелую физически, ее уложили в постель; даже в широко-открытых, неподвижных глазах всякий признак жизни потух. «Ни дать, ни взять сама покойница», — описывала она. Она не слышала, что вокруг нее делалось, не понимала, что ей говорили. Все увещевания принять пищу были бесполезны, удорожное сжимание горла не пропускало и капли воды. Долго бились доктора и близкие, чтобы вызвать слезы из ее застывших глаз, и только при виде детей они, наконец, брызнули неудержимой струей, прекратив это почти каталептическое состояние.

А. П. АРАПОВА. *Новое Время*, 1908 г. № 11425, илл. прил., стр. 7.

Кн. Кяземская не может забыть страданий Натальи Николаевны в предсмертные дни ее мужа. Конвульсии гибкой станом женщины были таковы, что ноги ее доходили до головы. Судороги в ногах долго продолжались у нее и после, начинаясь обыкновенно в 11 часов вечера.

Кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКАЯ по записи Бартенева *Рус. Арх.*, 1888, II, 305.

По смерти Пушкина у жены его несколько дней не прекращались конвульсии, так что у нее расшатались все зубы, кои были очень хороши и ровны.

Ф. Г. ТОЛЬ со слов кн. Е. А. Долгоруковой *Декабристы на поселении*, 143.

Жена Пушкина заверяла, что не имела никакой серьезной связи с Дантесом, однако, созналась, бросившись в отчаянии на колени перед образами, что допускала ухаживания со стороны Дантеса, — ухаживания, которые слишком широко допускаются салонными обычаями в отношении всех женщин, но которых, зная подозрения своего мужа, она должна была бы остеречься.

А. А. ЩЕРБИНИН. Из неизд. записок. *П-я и его совр-ки*, XV, 42.

При жене неотлучно находились княгиня Вяземская, Е. И. Загряжская, граф и графиня Строгановы. Граф взял на себя все распоряжения похорон.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — С. Л. Пушкину, 15 февр. 1837 г. *Щеголев*. 190.

Я все это время была каждый день у жены покойного, во-первых, потому, что мне было отрадно приносить эту дань памяти Пушкина, а во-вторых, потому что печальная судьба молодой женщины в полной мере заслуживает участия. Собственно говоря, она виновата только в чрезмерном легкомыслии, в роковой самоуверенности и беслечности, при которых она не замечала той борьбы и тех мучений, какие выносил ее муж. Она никогда не изменяла чести, но она медленно, ежеминутно терзала восприимчивую и пламенную душу Пушкина; теперь, когда несчастье раскрыло ей глаза, она вполне все это чувствует, и совесть иногда страшно ее мучит. В сущности, она сделала только то, что ежедневно делают многие из наших блистательных дам, которых однакож из-за этого принимают не хуже прежнего; но она не так искусно умела скрыть свое кокетство, и, что еще важнее, она не поняла, что ее муж был иначе создан, чем слабые и снисходительные мужья этих дам.

Кн. Е. Н. МЕЩЕРСКАЯ-КАРАМЗИНА. *Я. Грот*,
262 (фр.).

Когда все ушли, я сел перед ним и долго, один смотрел ему в лицо. Никогда на этом лице я не видал ничего подобного тому, что было в нем в эту первую минуту смерти. Голова его несколько наклонилась; руки, в которых было за несколько минут какое-то судорожное движение, были спокойно протянуты, как будто упавшие для отдыха, после тяжелого труда. Но что выражалось на его лице, я сказать словами не умею. Оно было для меня так ново и в то-же время так знакомо! Это было не сон и не покой. Это не было выражение ума, столь прежде свойственное этому лицу; это не было также и выражение поэтическое. Нет! Какая-то глубокая, удивительная мысль на нем развивалась, что-то похожее на видение, на какое-то полное, глубокое, удовлетворенное знание. Всмотриваясь в него, мне все хотелось спросить: что видишь, друг? и что бы он отвечал мне, если бы мог на минуту воскреснуть? Вот минуты в жизни нашей которые вполне достойны названия великих. В эту минуту, можно сказать я видел самое смерть, божественно тайную, смерть без покрывала. Какую печать наложила она на лице его, и как удивительно высказала на нем и свою и его тайну. Я уверяю тебя, что никогда на лице его не видал я выражения такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она, конечно, проскакивала в нем и прежде. Но в этой чистоте обнаружилась только тогда, когда все земное отделилось от него с прикосновением смерти. Таков был конец нашего Пушкина.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — С. Л. Пушкину. *Щеголев*,
189.

А. О. Рошсет переносил Пушкина с дивана, на котором он умер, на стол. Вспоминая о том, он прибавлял: «как он был легок!»

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1899, II, 356.

Тотчас отправился я к Гальбергу. С покойника сняли маску, по которой приготовили теперь прекрасный бюст.

П. А. ПЛЕТНЕВ — В. Г. Теплякову. *Истор. Вестн.*, 1887, № 1, стр. 21.

Спустя три четверти часа после кончины (во все это время я не отходил от мертвого, мне хотелось взглянуть в прекрасное лицо его) тело вынесли в ближнюю горницу; а я, исполняя повеление государя-императора, запечатал кабинет своею печатью.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — С. Л. Пушкину, 15 февр. 1837 г. *Щеголев*, 190.

По смерти Пушкина надо было опечатать казенные бумаги: труп вынесли, и запечатали опустелую рабочую комнату Пушкина черным сурлучом: красного, по словам камердинера, не нашлось.

В. И. ДАЛЬ. *Щеголев*, 204.

По вскрытии брюшной полости, все кишки оказались сильно воспаленными; в одном только месте, величиною с грош, тонкие кишки были поражены гангреной. В этой точке по всей вероятности, кишки были ушиблены пулей. В брюшной полости нашлось не менее фунта черной, застывшей крови, вероятно из перебитой бедренной вены. По окружности большого таза, с правой стороны, найдено было множество небольших осколков кости, а наконеч и нижняя часть крестцовой кости была раздроблена. По направлению пули надобно заключать, что убитый стоял боком, в пол-оборота, и направление выстрела было несколько сверху вниз. Пуля пробила общие покровы живота, в двух дюймах от верхней, передней оконечности чресельной или подвздошной кости правой стороны, потом шла, скользя по окружности большого таза, сверху вниз, и, встретив сопротивление в крестцовой кости, раздробила ее и засела где-нибудь поблизости.

В. И. ДАЛЬ. Вскрытие тела А. С. Пушкина. *Щеголев*, 204.

(29-го) отслужили мы первую панихиду по Пушкине в 8 час. вечера. Жена рвалась в своей комнате; она иногда в тихой, безмолвной, иногда в каком-то иступлении горести.

А. И. ТУРГЕНЕВ — А. И. Нефедьевой. *П-н и его совр-ки*, VI, 57.

Жандармы донесли, а может быть и не жандармы, что Пушкина положили не в камер-юнкерском мундире, а во фраке: это было по желанию вдовы, которая знала, что он не любил мундира; между тем государь сказал: «зерно это Тургенев или князь Вяземский присоветовали».

А. И. ТУРГЕНЕВ — Н. И. Тургеневу, 28 февр. 1837 г. *П-н и его совр-ки*, VI, 91.

Смерть обнаружила в характере Пушкина все, что было в нем доброго и прекрасного. Она надлежащим образом осветила всю его жизнь. Все, что было в ней беспорядочного, бурного, болезненного, особенно в первые годы его молодости, было данью человеческой слабости, обстоятельствам, людям, обществу. Пушкин был не понят при жизни не только равнодушными к нему людьми, но и его друзьями. Признаюсь и прошу в том прощения

у его памяти, я не считал его до такой степени способным ко всему. Сколько было в этой исстрадавшейся душе великодушия, силы, глубокого, скрытого самоотвержения! Его чувства к жене отличались нежностью по истине самого возвышенного характера. Ни одного горького слова, ни одной резкой жалобы, никакого едкого напоминания о случившемся не произнес он, ничего, кроме слов мира и прощения своему врагу. Вся желчь, которая накоплялась в нем целыми месяцами мучений, казалось, исходила из него вместе с его кровью, он стал другим человеком. Свидетельства доктора Арендта и других, которые его лечили, подтверждают мое мнение. Арендт не отходил от него и стоял со слезами на глазах, а он привык к агониям во всех видах.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — вел. кн. Михаилу Павловичу, 14 февраля 1837 г. *Щеголев*, 263.

Он сказал Наталье Николаевне, что она во всем этом деле не при чем. Право, это было больше, чем благородство, — это было величие души, это было лучше, чем простить.

О. С. ПАВЛИЩЕВА — С. Л. Пушкину, 3 марта 1837 г. *П-н и его совр-ки*, XII, 104 (*Фр.*).

Страшное несчастье обрушилось на наши головы, как громовой удар, когда мы всего менее этого ожидали, хотя, сказать по правде, после этих проклятых безимьянных писем небосклон бедного Пушкина постоянно был покрыт облаками. В жестоких страданиях своих Пушкин был велик твердостью, самоотвержением, нежною заботливостью о жене своей. Чувствуя, что смерть близка, он хладнокровно высчитывал шаги ее, но без малейшего желания порисоваться, похорохориться и подействовать на окружающих. Таков он был и во время поединка. Необузданный, пылкий, беспорядочный, сам себя не помнящий во всех своих шагах, имевших привести к роковому исходу, он сделался спокоен, прост и полон достоинства, как скоро добился чего желал; ибо он желал этого исхода. Да, конечно, светское общество его погубило. Проклятые письма, проклятые сплетни приходили к нему со всех сторон. С другой стороны, причиной катастрофы был его пылкий и замкнутый характер. Он с нами не советовался, и какая-то судьба постоянно заставляла его действовать в неверном направлении. Горько его оплакивать; но горько также и знать, что светское общество (или, по крайней мере, некоторые члены оногo) не только терзало ему сердце своим недоброжелательством, когда он был жив, но и озлобляется против его трупa.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — А. О. Смирновой в феврале 1837 г. *Рус. Арх.*, 1888, II, 296.

Весь Петербург заговорил о смерти Пушкина, и невыгодное мнение о нем тотчас заменилось самым искренним энтузиазмом: все обратилось в книжные лавки — покупать только что вышедшее новое миниатюрное издание Онегина: более двух тысяч экземпляров было раскуплено в три дня.

Н. И. ИВАНИЦКИЙ. Воспоминания. *П-н и его совр-ки*, XIII, 33.

На следующий день кончины Пушкина я решил очень рано утром войти к нему; вход был со двора, как и теперь остался; в прихожей

нижкого; направо в небольшой комнате — покойный на столе, в черном сюртуке; возле него один-одинехонек полковник Данзас. — «Вы здесь, Константин Карлович?» — сказал я ему. — «Нет, — отвечал он с неизменно присущим ему юмором, — я не здесь, я на гауптвахте». Известно, что немедленно после злосчастного поединка Данзас был арестован, с разрешением не покидать покойного друга до погребения.

М. М. МИХАЙЛОВ. Несколько слов о месте кончины Пушкина. *Книга воспоминаний о Пушкине*, 336.

На другой день мы, друзья, положили Пушкина своими руками в гроб.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — С. Л. Пушкину. *Щеголев*, 191.

А. О. Россет перекладывал тело Пушкина в гроб. — «Я держал его за икры, и мне припоминалось, какого крепкого, мускулистого был он сложения, как развивал он свои силы ходьбою».

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1882, I, 248.

Окажите милость, соблаговолите умолить государя императора уполномочить Вас прислать мне в нескольких строках оправдание моего собственного поведения в этом грустном деле; оно мне необходимо для того, чтобы я мог себя чувствовать в праве оставаться при императорском дворе; я был бы в отчаянии, если бы должен был его покинуть; мои средства невелики, и в настоящее время у меня семья, которую я должен содержать.

Бар. ГЕККЕРЕН-СТАРШИЙ — графу К. В. Несельроде (рус. министру иностр. дел), 30 янв. 1837 г. *Щеголев*, 291.

В течение трех дней, в которые его тело оставалось в доме, множество людей всех возрастов и всякого звания беспрерывно теснились пестрою толпою вокруг его гроба. Женщины, старики, дети, ученики, простолюдины в тулупах, а иные даже в лохмотьях, приходили поклониться праху любимого народного поэта. Нельзя было без умиления смотреть на эти плебейские почести, тогда как в наших позолоченных салонах и раздушенных будуарах едва-ли кто-нибудь и сожалел о краткости его блестящего поприща. Слышались даже оскорбительные эпитеты и укорины, которыми поносили память славного поэта и несчастного супруга, с изумительным мужеством принесшего свою жизнь в жертву чести, и в то же время раздавались похвалы рыцарскому поведению гнусного обольстителя и проходимца, у которого было три отечества¹⁾ и два имени²⁾.

Кн. ЕК. Н. МЕЩЕРСКАЯ-КАРАМЗИНА. *Я. Грот*, 261 (фр.).

¹⁾ Франция — по рождению, Голландия — по приемному отцу, Россия — по месту службы.

²⁾ Дантес и Геккерен.

При наличии в высшем обществе малого представления о гении Пушкина и его деятельности не надо удивляться, что только немногие окружали его смертный одр, в то время как нидерландское посольство атаковывалось обществом, выражавшим свою радость по поводу столь счастливого спасения элегантного молодого человека.

Бар. К. А. ЛЮТЦЕРОДЕ (саксонский посланник) в донесении саксонскому правительству 30 января 1837 г. *Щеголев*, 374.

Если что-нибудь может облегчить мое горе, то только те знаки внимания и сочувствия, которые я получаю от всего петербургского общества. В самый день катастрофы граф и графиня Нессельроде, так же, как и граф и графиня Строгановы, оставили мой дом в час пополудни.

Бар. ГЕККЕРЕН-СТАРШИЙ — барону Верстолку. 11 февраля 1837 г. *Щеголев*, 298.

Жоржу (*Дантесу*) не в чем себя упрекнуть; его противником был безумец, вызвавший его без всякого разумного повода; ему просто жизнь надоела, и он решился на самоубийство, избрав руку Жоржа орудием для своего переселения в другой мир.

Барон ГЕККЕРЕН-СТАРШИЙ — г-же Дантес, 29 марта 1837 г. *Щеголев*, 315.

В эти оба дни та горница, где он лежал в гробе, была беспрестанно полна народом. Конечно, более десяти тысяч человек приходило взглянуть на него, многие плакали; иные долго останавливались и как будто хотели всмотреться в лицо его.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — С. Л. Пушкину. *Щеголев*, 191.

Все население Петербурга, а в особенности чернь и мужичье, волнуясь, как в конвульсиях, страстно жаждало отомстить Дантесу. Никто от мала до велика не желал согласиться, что Дантес не был убийцей. Хотели расправиться даже с хирургами, которые лечили Пушкина, доказывая, что тут заговор и измена, что один иностранец ранил Пушкина, а другим иностранцам поручили его лечить.

Д-р СТАНИСЛАВ МОРАВСКИЙ. «Воспоминания». *Красная Газета*, 1928, № 318 (польск.).

Участие к поэту народ доказал тем, что в один день приходило на поклонение его гробу 32.000 человек.

Я. Н. НЕВЕРОВ — Т. Н. Грановскому. *Московский Пушкинист*, 1927, вып. I, стр. 44.

Не счесть всех, кто приходил с разных сторон справляться о его здоровье во время его болезни. Пока тело его выставлено было в доме,

наплыв народа был еще больше, толпа не редела в скромной и маленькой квартирке поэта. Из-за неудобства помещения должны были поставить гроб в передней, следовательно, заколотить входную дверь. Вся эта толпа притесала и уходила через маленькую потайную дверь и узкий отдаленный коридор.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — вел. кн. Михаилу Павловичу, 14 февр. 1837 г., *Щеголев*, 263.

Стену квартиры Пушкина выломали для посетителей.

АРК. О. РОССЕТ. *Рус. Арх.*, 1882, I, 248

Граф Гр. Ал. Строганов взял на себя хлопоты похорон и уломал престарелого митрополита Серафима, воспрещавшего церковные похороны якобы самоубийцы.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1908, III, 294.

Сделана была попытка для распушения слуха о произведенной студентами оскорбительной демонстрации в квартире вдовы. Повод к этой выдумке был следующий. Граф П. П. Ш., весьма почтенный человек, со студенческой скамьи, приехал поклониться праху покойного поэта, и спросил меня, не может ли он видеть портрет Пушкина, писанный знаменитым Кипренским. Я отворил дверь в соседнюю комнату и спросил почтенную даму (*гр. Ю. П. Строганову*), вошедшую в соседнюю гостиную: можно-ли показать такому-то портрет Пушкина? Пожилая дама выпорхнула в другую дверь и с ужасом объявила, что шайка студентов ворвалась в квартиру для оскорбления вдовы. Матушка моя, находившаяся у вдовы, вышла посмотреть, в чем дело, и ввела нас обоих в гостиную. Несмотря на разъяснение дела, престарелая дама, ожидавшая бунта, в тот же вечер отправилась к матери студента для предупреждения относительно нахождения ее сына в шайке, произведшей утром демонстрацию.

Кн. ПАВ. ВЯЗЕМСКИЙ. *Соч.*, 560.

Графиня Строганова (*Юлия Петровна*), испанка, урожденная Д'Ега, в день кончины Пушкина запискою, посланною к графу Бенкендорфу из самой квартиры Пушкина, потребовала присылки жандармских чиновников, якобы в охранение вдовы от беспрестанно приходивших (*поклониться покойнику*) студентов. Слышано от свидетельницы, кн. В. Ф. Вяземской. Эта записка возмутила негодованием друзей поэта.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1892, II, 358.

Жуковский, говоря с государем, сказал ему à peu près: так как ваше величество для написания указов о Карамзине избрали тогда меня орудием, то позвольте мне и теперь того-же надеяться». Государь отвечал: «Я во всем с тобою согласен, кроме сравнения твоего с Карамзиным. Для Пушкина я все готов сделать, но я не могу сравнить его в уважении с Карамзиным, тот умирал, как ангел». Он дал почувствовать Жуковскому, что и смерть, и жизнь Пушкина не могут быть для России тем, чем был для нее Карамзин.

А. И. ТУРГЕНЕВ — Н. И. Тургеневу, 31 янв. 1837 г. *П-и и его совр-ки*, VI, 61.

Д. В. Дашков передавал кн. Вяземскому, что государь сказал ему: «Какой чудак Жуковский! Пристает ко мне, чтобы я семье Пушкина назначил такую же пенсию, как семье Карамзина. Он не хочет сообразить, что Карамзин человек почти святой, а какова была жизнь Пушкина?»

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1888, II, 294.

1. Заплатить долги. 2. Заложненное имение отца очистить от долга. 3. Вдове пенсию и дочери по замужеству. 4. Сыновей в пажи и по 1 500 р. на воспитание каждого по вступление на службу. 5. Сочинения издать на казенный счет в пользу вдовы и детей. 6. Единовременно 10 т.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ. Записка о милостях семье Пушкина. П. Щеголев, 217.

Традиции дома, как на комнату, в которой умер Пушкин, указывают на угловую комнату с тремя окнами, выходящими на Мойку, которая составляет часть бывшего пушкинского кабинета в пять окон, впоследствии разделенного перегородкою на две комнаты. В большей из них, у перегородки, поставлен теперь камин, ранее же в этом месте много лет находилась доска с надписью о том, что именно здесь скончался Пушкин. Надпись эту помнит еще нынешний владелец дома, светл. кн. П. Д. Волконский, неоднократно видевший ее в детстве...

Л. БАКСТ, АЛЕКСАНДР БЕНУА, М. ДОБУЖИНСКИЙ. О смертной комнате Пушкина. (Письмо в редакцию). *Русь*, 1908, № 81.

29 янв. 1837 г. я зашел поклониться праху поэта. Народ туда валил толпами, и посторонних посетителей пускали через какой-то подземный ход и черную лестницу. Оттуда попал я прямо в небольшую и очень невысокую комнату, окрашенную желтою краскою и выходящую двумя окнами на двор. Совершенно посреди этой комнаты (а не в углу, как это водится), стоял гроб, обитый красным бархатом, с золотым позументом и обращенный стороною головы к окнам, а ногами к двери, отпертой настежь в гостиную, выходящую окнами на Мойку. Все входившие благоговейно крестились и целовали руку покойного. На руках у покойного положен был простой образ, без всякого оклада, и до того стертый, что никакого изображения на нем нельзя было в скорости разглядеть; платье было на Пушкине из черного сукна, старого фасона и очень изношенное. В ногах дьячек читал псалтырь. Катафалк был низкий и подсвечники весьма старые; вообще заметно было, что все устроено было как-то наскоро, и что домашние и семья растерялись вследствие ужасной, внезапной потери. Даже комната, где покоилось тело, скорее походила на прихожую или опорожненный от шкафов буфет, чем на сколько-нибудь приличную столовую. Помню, что в дверях соседней гостиной я узнал в этот вечер В. А. Жуковского, кн. П. А. Вяземского и графа Г. А. Строганова.

Бар. Ф. А. БЮЛЕР. *Рус. Арх.*, 1872, 202.

(30 янв. 1837 г.). Толпа публики стеною стояла против окон, завешанных густыми занавесами и шторами, стараясь проникнуть в комнаты, где выставлено было тело Пушкина; но впуск был затруднителен, и нужно

было даже пользоваться какою-нибудь протекцией... Мы нашли темнофиолетовый бархатный гроб с телом Пушкина в полутемной комнате, освещенной только красноватым и мерцающим огнем от нескольких десятков восковых церковных свечей, вставленных в огромные шандалы, оббитые крепом. Комната эта, помнится, желтая, повидимому, была столовая, так как в ней стоял огромный буфет. Окна, два или три на улицу, были завешены, а на какую-то картину, написанную масляными красками, и на довольно большое зеркало были наброшены простыли. Гроб стоял на катафалке в две ступеньки, обитом черным сукном с серебряными галунами. Катафалк помещен был против входной двери, в ногах был нагой. Тело покойника, сплошь прикрытое белым крепом, было почти все задернуто довольно подержанным парчевым палевым покрывалом, повидимому, взятым на прокат от гробовщика или церкви... Лицо покойника было необыкновенно спокойно и очень серьезно, но нисколько не мрачно. Великолепные курчавые темные волосы были разметаны по атласной подушке, а густые бакенбарды окаймляли впалые щеки до подбородка, выступая из под высокозавязанного черного, широкого галстука. На Пушкине был любимый его темно-коричневый с отливом (а не черный, как это описывал барон Бюлер) сюртук, в каком я видел его в последний раз, в ноябре 1836 г., на одном из Воейковских вечеров.

В. П. БУРНАЦЕВ. Воспоминания. *Рус. Арх.*, 1872, стр. 1809—1811.

Я видал Пушкина в гробу, черты лица не изменились, только он начинает пухнуть, и кровь идет из рта. Он одет в черном фраке.

А. П. ЯЗЫКОВ — Ал. А. КАТЕНИНУ. *Описание Пушкинского Музея Имп. Алекс. Лицея*. Спб. 1899, стр. 453.

Если не изменяет мне память, 30 января 1837 г., в 3 часа пополудни, я пошел на квартиру Пушкина. День был пасмурный и оттепель. У ворот дома стояли в треуголках двое квартальных с сытыми и праздничными физиономиями; около них с десятков любопытных прохожих. В гробовой комнате мы застали не более 30 человек — и то большею частью из учащейся молодежи, да отдохавших в соседней комнате человек пять. Пушкин был в черном фраке, его руки в желтых перчатках из толстой замши. У головы стоял его камердинер, — высокий красивый блондин, с продолговатым лицом, окаймленным маленькими бакенбардами, в синем фраке с золотыми пуговицами, белом жилете и белом галстуке, — который постоянно прыскал голову покойного одеколоном и рассказывал публике всем теперь известные эпизоды смерти Пушкина. Никого из близких покойному при гробе не было. При входе налево, в углу, стояли один на другом два простых сундука, на верхнем стул, на котором пред мольбертом сидел академик Бруни, снимавший портрет с лежавшего в гробу, головой к окнам на двор, Пушкина. У Бруни были длинные, крепко поседевшие волосы, а одет он был в какой-то свежело-зеленый засаленный балахон. Полы во всех комнатах (порядочно потертые) были выкрашены красно-желтоватой краской, стены комнаты, где стоял гроб, — клеевою ярко-желтою. — По выходе из гробовой комнаты, мы уселись отдохнуть в кабинете на диване перед столом, на котором, к величайшему удивлению, увидели с письменными принадлежностями в беспорядке наваленную кучу черновых стихотворений поэта. Мы с любопытством стали их рассматривать. Прислуга, возившаяся около

буфета, конечно, видела очень хорошо наше любопытство, но ее главное внимание было поглощено укупоркой в ящики с соломой столовой посуды.

В. Н. ДАВЫДОВ. *Рус. Стар.*, 1887, т. 54, стр. 162.

31 янв., в половине второго, мы отправились на панихиду к Пушкину. Главный ход вел в комнаты, где находилась жена Пушкина, и отворялся голько для ее посетителей; тех-же, кто приходили поклониться телу Пушкина, вели по узенькой, прязной лестнице в комнату, где вероятно жила прислуга, и которую наскоро приубрали; возле находилась комната в два окна, похожая на лакейскую, и тут лежал Пушкин. Обстановка эта меня возмутила.

(Е. А. ДРАШУСОВА). *Рус. Вестн.*, 1881, т. 155, стр. 155.

На другой день после смерти Пушкина тело его выставлено было в передней комнате перед кабинетом... Парадные двери были заперты, входили и выходили в швейцарскую дверь, узенькую, вышиною в полтора аршина: на этой дверке написано было углем: Пушкин. 31 января, в два часа поутру, я вошел на крыльцо; из маленькой двери выходил народ; теснота и восковой дух, тишина и какой-то шопот. У двери стояли полицейские солдаты. Я взошел по узенькой лестнице... Во второй комнате стояли ширмы, отделявшие вход в комнаты жены; диван, стол, на столе бумага и чернильница. В следующей комнате стоял гроб, в ногах читал басом чтец в черной ризе, в головах живописец писал мертвую голову. Теснота. Трудно было обойти гроб. Я посмотрел на труп, он в черном сюртуке. Черты лица резки, сильны, мертвы, жилы на лбу напружинились, кисть руки большая, пальцы длинные, к концу узкие.

К. Н. ЛЕБЕДЕВ. Из записок сенатора. *Рус. Арх.*, 1910, II, 369—370.

Греч получил строгий выговор от Бенкендорфа за слова, напечатанные в «Северной Пчеле»: «Россия обязана Пушкину благодарностью за 22-х летние заслуги его на поприще словесности» (№ 24). Краевский, редактор «Литературных Прибавлений к Русскому Инвалиду», тоже имел неприятности за несколько строк, напечатанных в похвалу поэту. Я получил приказание вымарать совсем несколько таких же строк, назначавшихся для «Библиотеки для Чтения».

И все это делалось среди всеобщего участия к умершему, среди всеобщего глубокого сожаления. Боялись — но чего?

А. В. НИКИТЕНКО. *Записки и дневник*, т. I, стр. 284.

В первые дни после гибели Пушкина отечественная печать как бы онемела: до того был силен гнет над печатью своенравного опекуна над великим поэтом — графа А. Х. Бенкендорфа. Цензура трепетала перед шефом жандармов, страхась вызвать его неудовольствие — за поблажку в пропуске в печать — слов сочувствия к Пушкину. В одной лишь газете: «Литературные прибавления к «Русскому Инвалиду», — Андрей Александрович Краевский, редактор этих прибавлений, поместил несколько теплых,

глубоко прочувствованных слов. Вот они («Литературные прибавления», 1837 г., № 5):

Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!.. Более говорить о сем не имеем силы, да и не нужно; всякое русское сердце знает всю цену этой невозвратимой потери и всякое русское сердце будет растерзано. Пушкин! наш поэт! наша радость, наша народная слава!.. Неужели в самом деле нет уже у нас Пушкина! К этой мысли нельзя привыкнуть!

29-го января 2 ч. 45 м. по полудни.

Эти немногие строки вызвали весьма характерный эпизод.

А. А. Краевский, на другой же день по выходе номера газеты, был приглашен для объяснений к попечителю с.-петербургского учебного округа князю М. А. Дундукову-Корсакову, который был председателем цензурного комитета. Необходимо заметить, что Краевский состоял тогда на службе в министерстве народного просвещения, именно помощником редактора журнала министерства и членом археограф. комиссии, будучи, таким образом, вдвойне зависимым от министерства.

— Я должен вам передать, — сказал попечитель Краевскому, — что министр (Сергей Семенович Уваров) крайне, крайне недоволен вами! К чему эта публикация о Пушкине? Что это за черная рамка вокруг известия о кончине человека не чиновного, не занимавшего никакого положения на государственной службе? Ну, да это еще куда бы ни шло! Но что за выражения! «Солнце поэзии!!» Помилуйте, за что такая честь? «Пушкин скончался... в середине своего великого поприща!» Какое это такое поприще? Сергей Семенович именно заметил: разве Пушкин был полководец, военачальник, министр, государственный муж?! Наконец, он умер без малого сорока лет! Писать стихи не значит еще, как выразился Сергей Семенович, проходить великое поприще! Министр поручил мне сделать вам, Андрей Александрович, строгое замечание и напомнить, что вам, как чиновнику министерства народного просвещения, особенно следовало бы воздержаться от таковых публикаций.

(П. А. ЕФРЕМОВ). *Рус. Стар.*, т. 28, 1880, 536.

(Сообщ. част. обр.). По случаю кончины А. С. Пушкина, без всякого сомнения, будут помещены в московских повременных изданиях статьи о нем. Желательно, чтобы при этом случае как с той, так и с другой стороны соблюдаема была надлежащая умеренность и тон приличия. Я прошу ваше сиятельство обратить внимание на это и приказать цензорам не допускать печатания ни одной из вышеозначенных статей без вашего предварительного одобрения.

С. С. УВАРОВ (мин. нар. просв.)—гр. С. Г. Строганову (попечителю московского округа), 1 февр. 1837 г. *Щукинский Сборник*, I, 298.

Смирдин сказывал, что со дня кончины его продал он уже на 40 тыс. его сочинений. Толпа с утра до вечера у гроба.

А. И. ТУРГЕНЕВ — Н. И. Тургеневу. 31 янв. 1837 г. *П-и и его совр-ки*, VI, 61.

Студенты желали в мундирах быть на отпевании; их не допустят, вероятно. Также и многие департаменты, напр., духовных дел, иностранных исповеданий. Одна так называемая знать наша или высшая аристократия не отдала последней почести гению русскому; почти никто из высших чинов двора, из генерал-адъютантов и пр. не пришел ко гробу Пушкина... Жена в ужасном положении; но иногда плачет. С каким нежным попечением он о ней, в последние два дня, заботился, скрывая от нее свои страдания.

А. И. ТУРГЕНЕВ — А. И. Нефедьевой, 1 февр. 1837 г. *П-н и его совр-ки*, VI, 66.

Вывос тела почившего в церковь должен был состояться вчера днем, но чтобы избежать манифестации при выражении чувств, обнаружившихся уже в то время, как тело было выставлено в доме покойного, — чувств, которые подавить было бы невозможно, а поощрять их не хотели, — погребальная церемония была совершена в час пополудни. По этой же причине участвующие были приглашены в церковь при Адмиралтействе, а отпевание происходило в Конюшенной церкви.

Барон ГЕККЕРЕН-СТАРШИЙ — барону Верстолку, 14 февр. 1837 г. *Щеголев*, 299.

Вчера (30-го) народ так толпился, — исключая аристократов, коих не было ни у гроба, ни во время страдания, — что полиция не хотела, чтобы отпевали в Исакиевском соборе, а приказала вынести тело в полночь в Конюшенную церковь, что мы немногие и сделали, других не впускали. Публика ожесточена против Гекерна, и опасаются, что выбьют у него окна.

А. И. ТУРГЕНЕВ — Н. И. Тургеневу, 31 янв. 1837 г. *П-н и его совр-ки*, VI, 62.

Назначенную для отпевания церковь переменяли, тело перенесли в нее ночью, с какою-то тайною, всех поразившею, без факелов, почти без проводников; и в минуту выноса, на которую собралось не более десяти ближайших друзей Пушкина, жандармы наполнили ту горницу, где молились об умершем, нас оцепили, и мы, так сказать, под стражей проводили тело до церкви.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — гр. А. Х. Бенкендорфу, *Щеголев*, 255.

В день, предшествовавший ночи, в которую назначен был вынос тела, в доме, где собралось человек десять друзей и близких Пушкина, чтобы отдать ему последний долг, в маленькой гостиной, где мы все находились, очутился целый корпус жандармов. Без преувеличения можно сказать, что у гроба собралось в большом количестве не друзья, а жандармы. Не говорю о солдатских пикетах, расставленных по улице; но против кого была эта военная сила, наполнившая собою дом покойника в те минуты, когда человек двенадцать друзей его и ближайших знакомых собрались туда, чтобы воздать ему последний долг? Против кого эти переодетые, но всеми узнаваемые шпионы? Они были там, чтобы не упускать нас из виду, подслушивать наши сетования, наши слова, быть свидетелями наших слез, нашего молчания.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — вел. кн. Михаилу Павловичу, 14 февр. 1837 г. *Щеголев*, 265.

На вынос тела из дому в церковь Наталья Николаевна Пушкина не явилась, от истомления и от того, что не хотела показываться жандармам.

Кн. В. Ф. ВЯЗЕМСКАЯ по записи Бартенева.
Рус. Арх., 1888, II, 305.

31 янв. На вынос в 12, т.-е. в полночь, явились жандармы, полиция, шпионы, — всего 10 штук, а нас едва ли столько было! Публику уже не пускали. В первом часу мы вывезли гроб в церковь Конюшенную, пропели заупокой, и я возвратился тихо домой.

А. И. ТУРГЕНЕВ. Из дневника. *Шеголев*, 271.

После смерти Пушкина я находился при гробе его почти постоянно до выноса тела в церковь, что в здании Конюшенного ведомства. Вынос тела был совершен ночью, в присутствии родных Н. Н. Пушкиной, графа Г. А. Строганова и его жены, Жуковского, Тургенева, графа Вельгорского, Аркадия Ос. Россети, офицера генерального штаба Скалона и семейств Карамзиной и князя Вяземского. Вне этого списка пробрался по льду в квартиру Пушкина отставной офицер путей сообщения Веревкин, имевший, по объяснению А. О. Россети, какие-то отношения к покойному. Никто из посторонних не допускался. На просьбы А. Н. Муравьева и старой приятельницы покойника, графини Бобринской (жены графа Павла Бобринского), переданные мною графу Строганову, мне поручено было сообщить им, что никаких исключений не допускаются. Начальник штаба корпуса жандармов Дубельт, в сопровождении около двадцати штаб- и обер-офицеров, присутствовал при выносе. По соседним дворам были расставлены пикеты. Развернутые вооруженные силы вовсе не соответствовали малочисленным и крайне смиренным друзьям Пушкина, собравшимся на вынос тела. Но дело в том, что назначенный день и место выноса были изменены; список лиц, допущенных к присутствованию в печальной процессии, был крайне ограничен, и самые энергические и вполне осязательные меры были приняты для недопущения лиц неприглашенных.

Кн. П. П. ВЯЗЕМСКИЙ. «Пушкин», сборник Бартенева, II, 69.

Наталья Николаевна Пушкина, с душевным прискорбием извещая о кончине супруга ее, Двора Е. И. В. Камер-Юнкера Александра Сергеевича Пушкина, последовавшей в 29 день сего января, покорнейше просит пожаловать к отпеванию тела в Исакиевский собор, состоящий в Адмиралтействе, 1-го числа февраля в 11 часов до полудня.

ПРИГЛАШЕНИЕ НА ОТПЕВАНИЕ ПУШКИНА.
Пушкин, изд. Брокгауза-Ефрона, т. VI, стр. 317.

Нынешний Исакиевский собор тогда еще строился ¹⁾, а Исакиевским собором называлась церковь в здании Адмиралтейства, к которой Пушкин был прихожанином, живя на Мойке.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1879, I, 395.

¹⁾ Отстроен и освящен в 1858 году.

Билеты приглашенным были разосланы без всякого выбора; Пушкин был знаком целому Петербургу; дипломатический корпус приглашен был, потому что Пушкин был знаком со всеми его членами; для назначения же тех, кому посылать билеты, сделали просто выписку из реестра, который взят был у графа Воронцова.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — гр. А. Х. Бенкендорфу.
Щеголев, 254.

Утром многие приглашенные на отпевание и желавшие отдать последний долг Пушкину являлись в Адмиралтейство, с удивлением находили двери запертыми и не могли найти никого для объяснения такого обстоятельства. В это время происходило отпевание в Конюшенной церкви, куда приезжавших пускали по билетам.

М. Н. ЛОНГИНОВ. *Современная Летопись*, 1863,
№ 18, стр., 13.

Живы еще лица, помнящие, как С. С. Уваров явился бледный и сам не свой в Конюшенную церковь на отпевание Пушкина, и как от него сторонились.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1888, II, 297.

Я стояла близ гроба, в группе дам, между которыми находилась Ел. Мих. Хитрово. Заливаясь слезами, выражая свое сожаление о кончине Пушкина, она шепнула мне сквозь слезы, кивнув головою на стоявших у гроба официантов, во фраках, с пучками разноцветных лент на плечах:

— Посмотрите, пожалуйста, на этих людей: какая бесчувственность! Хоть бы слезинку проронили! — Потом она тронула одного из них за локоть. — Что же ты, милый, не плачешь? Разве тебе не жаль твоего барина?

Официант обернулся и отвечал невозмутимо:

— Никак нет-с... Мы, значит, от гробовщика, по наряду!

А. М. КАРАТЫГИНА-КОЛОСОВА. *Воспоминания. Рус. Стар.*, 1880, т. 28, стр. 572.

Между прочими подробностями о смерти и отпевании Пушкина, А. И. Тургенев сообщил (*тригорским соседкам Пушкина*), что уважение к памяти поэта в громадных толпах народа, бывших на его отпевании в Конюшенной церкви, было до того велико, что все полы сюртука Пушкина были разорваны в лохмотки, и он оказался лежащим чуть не в куртке; бакенбарды его и волосы на голове были тщательно обрезаны его поклонницами.

М. И. СЕМЕВСКИЙ. К биографии Пушкина. *Рус. Вестн.*, 1869, ноябрь, 92.

Отпевание тела его происходило в церкви Спаса в Конюшенной 1-го февраля в 11 часов утра... Перед церковью для отдания последнего долга любимому писателю, стеклись во множестве люди всякого звания. Трогательно было видеть вынос гроба из церкви: И. А. Крылов, В. А. Жуковский, кн. П. А. Вяземский и другие литераторы и друзья покойного несли гроб.

М. А. КОРКУНОВ. Письмо к издателю *Моск. Вестн.* Спб. 4-го февр. 1837 г. *П-н и его совр-ки*, VIII, 83.

Прах Пушкина принял последнее целование родных и друзей. В. А. Жуковский обнял бездыханное тело его и долго держал его безмолвно на груди своей.

П. В. АННЕНКОВ. *Материалы*, 422.

Современники-свидетели передавали нам, что во время отпевания обширная площадь перед церковью представляла собою сплошной ковер из человеческих голов, и что когда тело совсем выносили из церкви, то шествие на минуту загнулось; на пути лежал кто-то большого роста, в рыданиях. Его попросили встать и посторониться. Это был кн. П. А. Вяземский.

П. И. БАРТЕНЕВ. *Рус. Арх.*, 1879, I. 397.

Похороны г. Пушкина отличались особенною пышностью, и в то же время были необычайно трогательны. Присутствовали главы всех иностранных миссий, за исключением графа Дерама (*английского посла*) и кн. Суццо (*греческого посла*) — по болезни, барона Геккерена, который не был приглашен, и г. Либермана (*прусского посла*), отклонившего приглашение вследствие того, что ему сказали, что названный писатель подозревался в либерализме в юности, бывшей, действительно, весьма бурною, как молодость многих гениев, подобных ему.

Бар. К. А. ЛЮТЦЕРОДЕ (саксонский посланник) в донесении саксонскому правительству 8 февраля 1837 г. *Щеголев*, 375.

Долг чести повелевает мне не скрыть от вас того, что общественное мнение высказалось при кончине г. Пушкина с большей силой, чем предполагали. Но необходимо выяснить, что это мнение принадлежит не высшему классу, который понимал, что в таких роковых событиях мой сын по справедливости не заслуживает ни малейшего упрека. Чувства, о которых я говорю, принадлежат лицам из третьего сословия, если так можно назвать в России класс, промежуточный между настоящей аристократией и высшими должностными лицами, с одной стороны, и народной массой, совершенно чуждой событию, о котором она и судить не может, — с другой. Сословие это состоит из литераторов, артистов, чиновников низшего разряда, национальных коммерсантов высшего полета и т. д.

Барон ГЕККЕРЕН-СТАРШИЙ — барону Верстолю, 14 февр. 1837 г. *Щеголев*, 299

Февраль 1. Похороны Пушкина. Это были, действительно, народные похороны. Все, что сколько-нибудь читает и мыслит в Петербурге, — все стеклось к церкви, где отпевали поэта. Это происходило в Конюшенной. Площадь была усеяна экипажами и публикою, но среди последней — ни одного тулупа или зипуна. Церковь была наполнена знатью. Весь дипломатический корпус присутствовал. Впускали в церковь только тех, которые были в мундирах или с билетом. На всех лицах лежала печаль — по крайней мере наружная. Я прощался с Пушкиным: «И был странен тихий мир его чела». Впрочем, лицо уже значительно изменилось: его успело коснуться разрушение. Мы вышли из церкви с Кукольниковом.

— Утешительно по крайней мере, что мы, все-таки, подвинулись вперед, — сказал он, указывая на толпу, пришедшую поклониться праху одного из лучших своих сынов.

Народ обманули: сказали, что Пушкина будут отпевать в Исакиевском соборе — так было означено и на билетах, а между тем, тело было из квартиры вынесено ночью, тайком, и поставлено в Конюшенной церкви. В университете получено строгое предписание, чтобы профессора не отлучались от своих кафедр, и студенты присутствовали бы на лекциях. Я не удержался и выразил попечителю свое прискорбие по этому поводу. Русские не могут оплакивать своего согражданина, сделавшего им честь своим существованием! Иностранцы приходили поклониться поэту в гробу, а профессорам университета и русскому юношеству это воспрещено. Они, тайком, как воры, должны были прокрадываться к нему.

А. В. НИКИТЕНКО. *Записки и дневник*, I, 284.

Граф Фикельмон явился на похороны в звездах; были Барант и другие. Но из наших ни Орлов, ни Киселев не показались. Знать стала навещать умиравшего поэта, только прослышав об участливом внимании царя.

А. О. РОССЕТ по записи Бартенева. *Рус. Арх.*, 1882, I, 248.

В университете положительно не обнаружилось тогда ни малейшего волнения, и если бы Уваров не дал накануне знать, что он посетит аудитории в самый день похорон, то едва ли пошло бы много студентов на Конюшенную площадь. Граф Уваров нашел в Университете одних казенных студентов. Вообще же впечатление кончины Пушкина на студентов было незначительное.

Кн. ПАВЕЛ ВЯЗЕМСКИЙ. *Собр. соч.*, 560.

Многие студенты сговорились вместе идти на похороны Пушкина, но не знали, откуда будут похороны, — все полагали, что из Адмиралтейской церкви. Оказалось, отпевание было в Конюшенной церкви. Толпами мы бросились сперва к Адмиралтейской, а потом к Конюшенной площади, но здесь трудно было протолкаться через полицию, и только некоторые счастливы получили доступ в церковь. Я оставался с другими на площади. На вопрос проходящего, кого хоронят, жандарм ничего не ответил, будочник, — что не может знать, а квартальный надзиратель, — что камер-юнкера Пушкина. Долго ждали мы окончания церковной службы; наконец, на паперти стали появляться лица в полной мундирной форме; военных было немного, но большое число придворных (вероятно, по случаю того же камер-юнкерства); в черных фраках были только лакеи, следовавшие перед гробом, красным с золотым позументом; регалий и воспоминаний из жизни поэта никаких. Гроб вынесен был на улицу посреди пестрой толпы мундиров и салопов, что мало соответствовало тому чувству, которое в этот момент наполняло наши юношеские души. Притом все это мелькнуло перед нами только на один миг. С улицы гроб тотчас же внесен был в расположенные рядом с церковью ворота в Конюшенный двор, где находился заупокойный подвал, для принятия тела до его отправления в Псковскую губернию. Живо помню, как взоры наши следили в глубину ворот за гробом, пока он не исчез, — вот все, чем ознаменовалось участие молодежи в погребении русской гражданской славы!

М.-Н. Воспоминания из дальних лет. *Рус. Стар.*, 1881, т. 31, май, стр. 160.

Пушкин соединял в себе два единых существа: он был великий поэт и великий либерал, ненавистник всякой власти. Осыпанный благодеяниями государя, он однако же до самого конца жизни не изменился в своих принципах, а только в последние годы стал осторожнее в изъяснении оных. С образом сим двум свойствам Пушкина, образовался и круг его приверженцев. Он состоял из литераторов и из всех либералов нашего общества. И те, и другие приняли живейшее, самое пламенное участие в смерти Пушкина; собрание посетителей при теле было необыкновенное; отпевание намеревались делать торжественное, многие располагали следовать за гробом до самого места погребения в Псковской губернии; наконец, дошли слухи, что будто в самом Пскове предполагалось выпрячь лошадей и везти гроб людьми, приготовив к этому жителей Пскова.—Мудрено было решить, не относились ли все эти почести более к Пушкину-либералу, нежели к Пушкину-поэту. — В сем недоумении и имея в виду отзывы многих благомыслящих людей, что подобное как бы народное изъяснение скорби о смерти Пушкина представляет некоторым образом неприличную картину торжества либералов,—высшее наблюдение признало своею обязанностью мерами негласными устранить все почести, что и было исполнено.

ОТЧЕТ О ДЕЙСТВИЯХ КОРПУСА ЖАНДАРМОВ ЗА 1837 ГОД. А. С. Поляков. О смерти Пушкина, 46.

Смерть Пушкина представляется здесь, как несравнимая потеря страны, как общественное бедствие. Национальное самолюбие возбуждено тем сильнее, что враг, переживший поэта, — иноземного происхождения. Громко кричат о том, что было бы невыносимо, чтобы французы могли безнаказанно убить человека, с которым исчезла одна из самых светлых национальных слав. Эти чувства проявились уже во время похоронных церемоний по греческому ритуалу, которые имели место сначала в квартире покойного, а потом на торжественном богослужении, которое было совершено с величайшею торжественностью в придворной Коношенной церкви, на котором почли долгом присутствовать многие члены дипломатического корпуса. Думаю, что со времени смерти Пушкина и до перенесения его праха в церковь в его доме перебивало до 50.000 лиц всех состояний, многие корпорации просили о разрешении нести останки умершего. Шел даже вопрос о том, чтобы отпрячь лошадей траурной колесницы и предоставить несение тела народу; наконец, демонстрации и овации, вызванные смертью человека, который был известен за величайшего атеиста, достигли такой степени, что власть, опасаясь нарушения общественного порядка, приказала внезапно переменить место, где должны были состояться торжественные похороны, и перенести тело в церковь ночью.

ЛИБЕРМАН, прусский посланник при русском дворе, в донесении своему правительству, 2-14 февр. 1837 г. *Шеголев*, 384.

Стечение было многочисленное по улицам, ведущим к церкви, и на Коношенной площади; но народ в церковь не пускали. Едва достало места и для блестящей публики. Толпа генерал-адъютантов, гр. Орлов, кн. Трубецкой, гр. Строганов, Перовский, Сухозанет, Адлерберг, Шипюв и пр. Послы французский с расстроганым выражением, искренним, так что кто-то прежде, слышав, что из знати немногие о Пушкине пожалели, сказал: *Барант и Геррера sont les seules Russes dans tout cela (во всем этом — единственные русские!)*.

А. И. ТУРГЕНЕВ — А. И. Нефедьевой, 1 февр. 1837 г. *П-н и его совр-ки*, VI, 67.

Лицо Баранта: единственный русский — вчера еще, но сегодня генерал- и флигель-адъютанты.

А. И. ТУРГЕНЕВ. Из дневника. Щеголев, 271.

Австрийский посол, неаполитанский, саксонский, баварский и все с женами и со свитами. Чины двора, министры некоторые: между ними — и Уваров; смерть — примиритель. Дамы, красавицы и модниц множество; Хитрова — с дочерьми, гр. Бобринский, актеры: Каратыгин и пр. Журналисты, авторы, — Крылов последний из простившихся с холодным телом. Кн. Шаховской. Молодежи множество. Служил архимандрит и шесть священников. Рвались — к последнему целованию. Друзья вынесли гроб; но желавших так много, что теснотой разорвали фрак надвое у кн. Мещерского. Тут и Энгельгардт — воспитатель его в царскосельском лицее; он сказал мне: восемнадцатый из моих умирает, т.-е. из первого выпуска лицея. Все товарищи поэта по лицу явились. Мы на руках вынесли гроб в подвал на другой двор; едва нас не раздавили. Площадь вся покрыта народом, в домах и на набережных Мойки тоже.

А. И. ТУРГЕНЕВ — А. И. Нефедьевой, 1 февр. 1837 г. П-н и его совр-ки, VI, 68.

Сегодня (1 февраля), еще прежде дуэля назначена и в афишках объявлена была для бенефиса Каратыгина пьеса Пушкина: «Скупой Рыцарь, сцены из Ченстовой трагикомедии». Каратыгин по случаю отпекания Пушкина отложил бенефис до завтра, но пьесы этой — играть не будут! — вероятно опасаются излишнего энтузиазма...

А. И. ТУРГЕНЕВ — А. И. Нефедьевой, 1 февр. 1837 г. П-н и его совр-ки, VI, 66.

Тело Пушкина до дня похорон поставили в склеп Конюшенной церкви, и там поклонения продолжались. А дамы так даже ночевали в склепе, и самой яркой из них оказалась тетушка моя Агр. Фед. Закревская. Сидя около гроба в мягком кресле и обливаясь горячими слезами, она знакомила ночевавших с нею в склепе барынь с особенными интимными чертами характера дорогого ей человека. Повела, что Пушкин был в нее влюблен без памяти, что он ревновал ее ко всем и каждому. Что еще недавно в гостях у Соловых он, ревнуя ее за то, что она занималась с кем-то больше, чем с ним, разозлился на нее и впустил ей в руку свои длинные ногти так глубоко, что показалась кровь. И тетка с гордостью показывала любопытным барыням ловыше кисти видные еще следы глубоких царапин. А потом она еще рассказывала, что в тот же вечер, прощаясь с нею, Пушкин шепнул ей на ухо: — «Peut être, vous ne me reverrez jamais!». И точно, она его живым больше не видала. Тетка Агр. Фед-на, рассказывая все это во время бессонных ночей в склепе, не фантазировала ни слова, а говорила только всю правду. Пушкин точно был большой поклонник прекрасного пола, а Закревская была очень хороша собой... Кроме того, она была бесспорно умная, острая женщина (немного легкая на слово), но это не мешало тому, чтоб Пушкин любил болтать с ней, читал ей свои произведения и считал ее другом. А он был так самолюбив, что не мог перенести, чтоб женщина, которую он удостаивает своим вниманием, хотя на минуту увлеклась разговором с кем-нибудь другим.

М. Ф. КАМЕНСКАЯ. Воспоминания. *Истор. Вести.*, 1894, т. 58, стр. 54.

От глубоких огорчений, от потери мужа, жена Пушкина была больна, она просила государя письмом позволить Данзасу проводить тело ее мужа до могилы, так как по случаю тяжелой болезни она не могла исполнить этого сама.

А АММОСОВ со слов К. К. Данзаса, 39.

Я немедленно доложил его величеству просьбу г-жи Пушкиной, позволить Данзасу проводить тело в его последнее жилище. Государь отвечал, что он сделал все, от него зависевшее, дозволив подсудимому Данзасу остаться до сегодняшней погребальной церемонии при теле его друга; что дальнейшее снисхождение было бы нарушением закона — и следовательно невозможно; но он прибавил, что Тургенев, давнишний друг покойного, ни чем не занятый в настоящее время, может отдать этот последний долг Пушкину, и что он уже поручил ему проводить тело.

Гр. А. Х. БЕНКЕНДОРФ—гр. Г. А. Строганову.
Аммосов, 68.

2 февраля. Жуковский с письмом гр. Бенкендорфа к гр. Строганову, — о том, что вместо Данзаса назначен я, в качестве старого друга, отдать ему последний долг. Я решился принять... На панихиду. Тут граф Строганов представил мне жандарма: о подорожных и крестьянских подставах. Куда еду — еще не знаю. Заколотили Пушкина в ящик. Вяземский положил с ним свою перчатку.

А. И. ТУРГЕНЕВ. Из дневника. *Щеголев*, 272—273.

Донесли, что Жуковский и Вяземский положили свои перчатки в гроб, — и в этом видели что-то и к кому-то враждебное.

А. И. ТУРГЕНЕВ — Н. И. Тургеневу, 28 февр.
1837 г. *П-н и его совр-ки*, VI, 92.

3-го февраля в полночь мы отправились из Конюшенной церкви, с телом Пушкина, в путь; я с почтальоном в кибитке позади тела; жандармский капитан впереди оного. Дядька покойного желал также проводить останки своего доброго барина к последнему его жилищу, куда недавно возил он же и тело его матери; он стал на дрогах, кои везли ящик с телом, и не покидал его до самой могилы.

А. И. ТУРГЕНЕВ — А. И. Нефедьевой, 9 февр.
1837 г. *П-н и его совр-ки*, VI, 71.

Старый дядька Пушкина, Никита Козлов, находился при нем в малолетстве, потом состоял при нем все время пребывания в псковской его деревне, и оставался до последней минуты жизни его. Ему же поручено было отвезти тело А. С-ча в монастырь, где он и погреб его.

Н. И. ТАРАСЕНКО-ОТРЕШКОВ — В. П. Головиной. *Ист. Вестн.*, 1894, т. 58, стр. 778.

Старый дядька Пушкина, Никита Козлов, можно сказать, не покидал своего питомца от колыбели до могилы. Он был, помнится, при нем и в Москве. Не знаю, был ли при нем верный дядька в лицее, и позже в Одессе и Бессарабии, но он был с ним и в сельце Михайловском, и на пути его из столицы в последний приют, в Святогорский монастырь.

Н. В. СУШКОВ. *Раут. М.*, 1851, стр. 8—9.

(*Жандармский полковник Ракеев*). — Я препровождал.. Назначен был шефом нашим препроводить тело Пушкина. Один я, можно сказать, и хоронил его. Человек у него был... что за преданный был слуга! Смотреть даже было больно, как убивался. Привязан был к покойнику, очень привязан. Не отходил почти от гроба: не ест, не пьет.

М. ИЛ. МИХАЙЛОВ. Из дневника. *Рус. Стар.*, 1906, т. 127, стр. 391.

Жена моя возвращалась из Могилева и на одной станции неподалеку от Петербурга увидела простую телегу, на телеге солому, под соломой гроб, обернутый рогожею. Три жандарма суетились на почтовом дворе, хлопотали о том, чтобы скорее перепрячь курьерских лошадей и скакать дальше с гробом.

— Что это такое? — спросила моя жена у одного из находившихся здесь крестьян.

— А бог его знает что! Вишь, какой-то Пушкин убит — его мчат на почтовых в рогоже и соломе, прости господи — как собаку.

А. В. НИКИТЕНКО. Дневник, 12-го февраля 1837 г. *Записки и дневник*, т. I, 285.

4-го февраля. Перед гробом и мною скакал жандармский капитан. Проехали Софию, в Гатчине рисовались дворцы и шпиц протестанской церкви, в Луге или прежде пил чай. Тут вошел в церковь. На станции перед Псковом встреча с камергером Яхонтовым, который вез письмо Мордвинова к Пешурову, но не сказал мне о нем. Я поил его чаем и обогнал его; приехал к 9 часам в Псков, прямо к губернатору — на вечеринку. Яхонтов скоро и прислал письмо Мордвинова, которое губернатор начал читать вслух, но дошел до высочайшего повеления — о *невстрече* — тихо и показал только мне — именно тому, кому казать не должно было: сцена хоть бы из комедии!

А. И. ТУРГЕНЕВ. Из дневника. *Щеголев*, 273.

Милостивый Государь Алексей Никитыч! Г. Действ. ст. сов. Яхонтов, который доставит сие письмо вашему превосходительству, сообщит вам наши новости. Тело Пушкина везут в Псковскую губернию для предания земле в имении его отца. — Я просил г. Яхонтова передать вам по сему случаю поручение графа Ал. Хр. (*Бенкендорфа*), но вместе с тем имею честь сообщить вашему превосходительству волю государя императора, чтобы вы воспретили всякое особенное из'явление, всякую встречу, одним словом всякую церемонию, кроме того, что обыкновенно по нашему церковному обряду

исполняется при погребении тела дворянина. К сему не излишним считаю, что отпевание тела уже совершено.

А. Н. МОРДВИНОВ—А. Н. Пепурову, 2 февраля 1837 г. *П-н и его совр-ки*, VI, 109.

5 февраля. В 1 час пополудни отправились сперва в Остров, за 56 верст, где исправник и городничий нас встретили и послали с нами чиновника далее; оттуда за пятьдесят верст к Осиповой — в Тригорское, где уже был в три часа полудни. За нами прискакал и гроб в седьмом часу вечера; гроб оставил я на последней станции с почтальоном и дядькой. Осипова послала, по моей просьбе, мужиков рыть могилу; вскоре и мы туда поехали с жандармом; зашли к архимандриту; он дал мне описание монастыря; рыли могилу; между тем, я осмотрел, хотя и ночью, церковь, ограду и здания. Условились приехать на другой день и возвратились в Тригорское. Повстречали тело на дороге, которое скакало в монастырь. Гроб внесли в верхнюю церковь и поставили до утра там. Напились чаю, я уложил спать жандарма и сам остался мыслить вслух о Пушкине с мильми хозяйками; читал альбум со стихами Пушкина, Языкова и проч. Дочь (*Мария Ивановна Осипова*) пленяла меня; мы подружились. В 11 часов я лег спать. На другой день

6 февраля, в 6 часов утра, отправились мы — я и жандарм!! — опять в монастырь, — все еще рыли могилу; моим гробокопателям помогали крестьяне Пушкина, узнавшие, что гроб прибыл туда; мы отслужили панихиду в церкви и вынесли на плечах крестьян и дядьки гроб в могилу — немногие плакали. Я бросил горсть земли в могилу; выронил несколько слез и возвратился в Тригорское. Там предложили мне ехать в Михайловское, и я поехал с милой дочерью, несмотря на желание и на убеждение жандарма не ездить, а спешить в обратный путь. Дорогой Марья Ивановна объяснила мне Пушкина в деревенской жизни его, показывала урочища, любимые сосны, два озера, покрытых снегом, и мы вошли в домик поэта, где он прожил свою ссылку и написал лучшие стихи свои. Все пусто. Дворник, жена его плакали.

А. И. ТУРГЕНЕВ. Из дневника. *Шеголев*, 274. Дополнено по письму А. И. Тургенева к А. И. Нефедьевой от 9 февр. 1837 г. *П-н и его совр-ки*, VI, 72.

Кто бы сказал, что даже дворя (Тригорского), такая равнодушная по отношению к другим, плакала о нем! В Михайловском г. Тургенев был свидетелем такого же горя.

Бар. Б. А. ВРЕВСКИЙ—С. Л. Пушкину, 21 марта 1837 г. *П-н и его совр-ки*, VIII, 63.

Они (*Пушкин и его мать*) лежат теперь под одним камнем, гораздо ближе друг к другу после смерти, чем были в жизни.

А. Л. Н. ВУЛЬФ. Дневник, 21 марта 1842 г. *Л. Майков*, 217.

XVIII

ЭПИЛОГ

Пушкин убит! Яковлев! Как ты это допустил? У какого подлеца поднялась на него рука? Яковлев, Яковлев! Как мог ты это допустить? Наш круг редеет; пора и нам убираться...

Ф. Ф. МАТЮШКИН (лицейский товарищ Пушкина)—М. Л. Яковлеву (тоже), 14 февр. 1837 г., из Севастополя. *Я. Грот*, 74.

Со 2 января до настоящего времени я был непрерывно в делах против чеченцев, и наш отряд не имел связи ни с чем... Эта ужасная новость меня сразила, я, как сумасшедший, не знаю, что делаю и что говорю... Если бы у меня было сто жизней, я все бы их отдал, чтобы выкупить жизнь брата. В гибельный день его смерти я слышал вокруг себя свист тысяч пуль, — почему не мне выпало на долю быть сраженным одною из них, — мне, человеку одинокому, бесполезному, уставшему от жизни и вот уже десять лет бросающему ее всякому, кто захочет.

Л. С. ПУШКИН — С. Л. Пушкину (отцу). 19 марта 1837 г., с Кавказа. *П-н и его современники*, VIII, 60 (фр.).

После смерти брата Лев, сильно огорченный, хотел ехать во Францию и вызвать на поединок Дантеса; но приятели отговорили его от этого намерения.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. *Полн. собр. соч.*, VIII, 239.

Пушкин, это высокое создание, оставил мир, в котором он не был счастлив.

А. Н. КАРАМЗИН — матери своей Е. А. Карамзиной, 12 февр. 1837 г., *Стар. и Новизна*, XVII, 292.

Жизнь Пушкина была мучительная, — тем боле мучительная, что причины страданий были все мелкие и внутренние, для всех тайные. Наши врали-журналисты, ректоры общего мнения в литературе, успели утвердить в толпе своих прихожан мысль, что Пушкин упал; а Пушкин только что созрел, как

художник, и все шел в гору, как человек, и поэзия мужала с ним вместе. Но мелочи ежедневной, обыкновенной жизни: они его убили.

В. А. ЖУКОВСКИЙ — И. И. Дмитриеву, от 12 марта 1837 г., *Рус. Арх.*, 1866, 1642.

Пушкин был прежде всего жертвою (будь сказано между нами) бестактности своей жены и ее неумения вести себя, жертвою своего положения в обществе, которое, льстя его тщеславию, временами раздражало его, — жертвою своего пламенного и вспыльчивого характера, недоброжелательства салонов и, в особенности, жертвою жестокой судьбы, которая привязалась к нему, как к своей добыче, и направляла всю эту несчастную историю.

Кн. П. А. ВЯЗМСКИЙ — кн. О. А. Долгоруковой, 7 апр. 1837 г. *Красный архив*, 1929, т. II, 231.

Евпраксия Николаевна Вревская была с покойным Александром Сергеевичем все последние дни его жизни. Она находит, что он счастлив, что избавлен этих душевных страданий, которые так ужасно его мучили последнее время его существования.

Бар. Б. А. ВРЕВСКИЙ — Н. И. Павлицеву, 28 февр. 1837 г. из Голубова. *П-н и его совр-ки*, XII, 111.

Хомяков справедливо полагает, что Пушкин был утомлен жизнью, и что он воспользовался первым поводом для того, чтобы от нее отделаться, так как анонимный пасквиль не составляет оскорбления, делающего поединок неизбежным. Охлаждение русского общества к поэту, материальные стеснения, столкновения с министром и, наконец, огорчения, вызванные кокетством его жены, привели его к горестной катастрофе.

В. А. МУХАНОВ. Из дневника, 2 февр. 1837 г. *Московский Пушкинист*, 1927, вып. I, стр. 56 (фр.).

Жалкая репетиция Онегина и Ленского, жалкий и слишком ранний конец. Причины к дуэли порядочной не было, и вызов Пушкина показывает, что его бедное сердце давно измучилось и что ему хотелось рискнуть жизнью, чтобы разом от нее отделаться или ее возобновить. Его Петербург замучил всякими мерзостями; сам же он чувствовал себя униженным и не имел ни довольно силы духа, чтобы вырваться из унижения, ни довольно подлости, чтобы с ним помириться... Пушкин не оказал твердости в характере (но этого от него и ожидать было нельзя), ни тонкости, свойственной его чудному уму. Но страсть никогда умна быть не может. Он отшатнулся от тех, которые его любили, понимали и окружали дружбою почти благоговейной, а пристал к людям, которые его принимали из милости. Тут усыпил он надолго свой дар высокой и погубил жизнь, прежде чем этот дар проснулся (если ему было суждено проснуться).

А. С. ХОМЯКОВ — Н. М. Языкову, в феврале 1837 г. *Сочинения А. С. Хомякова*, т. VIII, 89—90.

Вглядитесь во все беспристрастно, и вы почувствуете, что способности к басовым аккордам недоставало не в голове Пушкина и не в таланте

его, а в душе, слишком непостоянной и слабой, или слишком рано развращенной и уже никогда не находившей в себе сил для возрождения (Пушкин измелчался не в разврате, а в салоне). Оттого-то вы можете им восхищаться или лучше не можете не восхищаться, но не можете ему благоговейно кланяться.

А. С. ХОМЯКОВ — И. С. Аксакову, в 1859 г. Сочинения А. С. Хомякова, т. VIII, 382.

Здесь все тихо, и одна трагическая смерть Пушкина занимает публику и служит пищей разным глупым толкам. Он умер от раны за дерзкую и глупую картель, им-же писанную, но, слава богу, умер христианином.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ I — кн. Паскевичу, 4 февр. 1837 г. Рус. Арх., 1897. I, 19.

Жаль Пушкина, как литератора, в то время, когда его талант созрел; но человек он был дурной.

Кн. И. Ф. ПАСКЕВИЧ — императору Николаю I.

Мнение твое о Пушкине я совершенно разделяю, и про него можно справедливо сказать, что в нем оплакивается будущее, а не прошедшее.

НИКОЛАЙ I — кн. И. Ф. Паскевичу, 22 февр. 1837 г. Рус. Арх., 1897, I, 19.

Жаль поэта — и великая, а человек был дрянной. Корчил Байрона, а пропал, как заяц. Жена его, право, не виновата. Ты знал фигуру Пушкина; можно-ли было любить, особенно пьяного!

Ф. В. БУЛГАРИН — А. Я. Стороженке, 4 февр. 1837 г. — Стороженки. Семейный Архив, т. III, Киев, 1907. Стр. 29.

Вот и стихотворец Пушкин умер от поединка. Он был хороший стихотворец; но худой сын, родственник и гражданин. Я его знал в Пскове, где его фамилия.

МИТРОПОЛИТ ЕВГЕНИЙ (КАЗАНЦЕВ) — И. М. Снегиреву 15 февр. 1837 г. Старина Русской земли. Исслед. и статьи И. М. Снегирева, т. I, кн. I. СПб. 1871. Стр. 135.

Пушкин остался должен Шишкиной 12.500 р. асс., взятых у нее в разное время под залог шалей, жемчуга и серебра.

Прощение Е. В. ШИШКИНОЙ в Опеку от 20 февр. 1838 г., П-н и его совр-ки, XIII, 96.

Всего долгов Пушкина уплачено было Опекой по 50 счетам около 120.000 руб.

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. Архив Опекы над детьми имущ. Пушкина. П-н и его свор-ки, XIII, 97.

Мне хочется иметь на память от Пушкина камышевую желтую его палку, у которой в набалдашник вделана пуговица с мундира Петра Великого.

А. А. КРАЕВСКИЙ — кн. В. Ф. Одоевскому, 15 февр. 1837 г. *Рус. Стар.*, 1904, т. 118, стр. 570.

Мне достался от вдовы Пушкина дорогой подарок: перстень его с изумрудом, который он всегда носил последнее время и называл, — не знаю почему, — талисманом; досталась от Жуковского последняя одежда Пушкина, после которой одели его, только чтобы положить в гроб. Это черный сюртук с небольшою, в ноготок, дырочкою против правого паха.

В. И. ДАЛЬ. *Л. Майков*, 419.

Превосходнейшим изображением великого поэта, по счастливому случаю, останется для потомства бюст, сделанный С. И. Гальбергом; сходство, простота в движении, превосходная отделка, постоянные достоинства нашего скульптора, и здесь сохранили свои обычные места.

(Н. В. КУКОЛЬНИК). *Худож. Газета* на 1837 г., № 9—10, стр. 162.

Небольшая фигурка в рост сделана молодым нашим художником А. И. Терebeneвым. В голове много сходства; в самой фигуре и costume можно бы пожелать и большей точности, и большей простоты.

(Н. В. КУКОЛЬНИК). *Худож. Газета* на 1837 г., № 9—10, стр. 161.

В 1838 г. Уткин награвировал вновь портрет поэта по Кипренскому, с большей близостью к оригиналу в costume и с передачей рук, но с новыми отступлениями в изображении черт лица. Выражение глаз другое, нос короче, выступление челюсти и губ более скрадены, подбородок шире... С этой доски были сделаны отпечатки для посмертного издания сочинений поэта 1838 — 41 г., а впоследствии для издания Анненкова 1857 г. Ровинский и другие признавали эту гравюру не столь удачной и менее сходной, чем первая.

Д. Н. АНУЧИН. *А. С. Пушкин. Антропологический этюд*. М. 1899. Стр. 37.

Поручик барон Геккерен имеет пулевую проникающую рану на правой руке ниже локтевого сустава на четыре поперечных перста; вход и выход пули в небольшом один от другого расстоянии. Обе раны находятся в сгибающих персты мышцах, окружающих лучевую кость более к наружной стороне. Раны простые, чистые, без повреждения костей и больших кровеносных сосудов... Больной может ходить по комнате, разговаривать свободно, ясно и удовлетворительно, руку носит на повязке и, кроме боли в раненом месте, жа-

лется также на боль в правой верхней части брюха, где вылетевшая пуля причинила контузию, каковая боль обнаруживается при глубоком вдыхании, хотя наружных знаков контузии не заметно.

ШТАБ-ЛЕКАРЬ СТЕФАНОВИЧ в рапорте от 5 февр. 1837 г. *Дуэль Пушкина. Подлинное военно-судное дело.* СПб. 1900. Стр. 32.

Поведение жены Жоржа было безукоризненно при данных обстоятельствах: она ухаживала за ним с самою нежною заботливостью и радуется возможности покинуть страну, где счастливой уже быть не может.

Бар. ГЕККЕРЕН-СТАРШИЙ—г-же Дантес, 29 марта 1837 г. *Щеголев*, 316.

Генерал-Аудиториат... полагал: Геккерена за вызов на дуэль и убийство на оной камер-юнкера Пушкина, лишив чинов и приобретенного им русского дворянского достоинства, написать в рядовые, с определением на службу по назначению инспекторского департамента. Подсудимый-же подполковник Данзас виновен в противозаконном огласии быть при дуэли со стороны Пушкина секундантом и в непринятии всех зависящих мер к отвращению сей дуэли... Генерал-Аудиториат... достаточным полагал: вменив ему, Данзасу, в наказание бытность под судом и арестом, выдержать сверх того под арестом в крепости на гауптвахте два месяца и после того обратиться по прежнему на службу. Преступный же поступок самого камер-юнкера Пушкина, подлежавшего равному с подсудимым Геккереном наказанию... по случаю его смерти предать забвению.

На всеподданнейшем докладе в 18 день сего марта последовала собственноручная его величества высочайшая конфирмация «Быть по сему, но рядового Геккерена, как не русского подданного, выслать с жандармом за границу, отобрав офицерские патенты».

Дуэль Пушкина с Дантесом. Подлинное военно-судное дело. Стр. 151.

Одна горничная (русская) восторгается твоим умом и всей твоей особой, что тебе равного она не встречала во всю свою жизнь, и что никогда не забудет, как ты пришел ей похвастаться овоей фигурой в сюртуке.

ЕК. НИК. ДАНТЕС-ГЕККЕРЕН—Жоржу Дантесу. *Щеголев*, 310 (фр.).

19 марта в 9 часов утра к Геккерену явился жандармского дивизиона унтер-офицер Яков Новиков, долженствовавший сопровождать его до границы. В 11 часов ему было дозволено свидание с отцом и женою. Об этом свидании есть следующее донесение:

«По приказанию вашего превосходительства дозволено было рядовому Геккерену свидание с женою его в квартире посланника барона Геккерена; при сем свидании находились: жена рядового Геккерена, отец его — посланник и некто графиня Строгонова. При свидании я вместе с адъютантом вашего превосходительства был безотлучно. Свидание продолжалось всего один час. Разговоров, заслуживающих особенного внимания, не было. Вообще в разжа-

лованном Геккерене незаметно никакого недовольствия, напротив, он изъявлял благодарность к государю-императору за милость к нему и за дозволение, данное его жене, бывать у него ежедневно во время его содержания под арестом. Между прочим, говорил он, что по приезде его в Баден, он тотчас явится к его высочеству вел. кн. Михаилу Павловичу. Во все время свидания, рядовой Геккерен, жена его и посланник Геккерен были совершенно покойны; при прощании их не замечено никаких особых чувств. Рядовой Геккерен отправлен мною в путь с наряженным жандармским унтер-офицером в 1¼ по полудни».

23 марта Геккерен был уже в Таурогене, — восемьсот верст в четверо суток!

В. В. НИКОЛЬСКИЙ (по данным архива главного штаба). *Рус. Стар.*, 1880, т. 29, стр. 429.

19 марта 1837 г. Встретил Дантеса, в санях с жандармом, за ним другой офицер, в санях. Он сидел бодро, в фуражке, разжалованный и высланный за границу.

А. И. ТУРГЕНЕВ. *Дневник. Щеголев*, 276.

Я встретил Дантеса в санях тройкой, в фуражке, шитой шелком или (неразбор.), он сидел бодро, на облучке сидел жандарм, в других санях офицер.

А. И. ТУРГЕНЕВ—А. Я. Булгакову, 20 марта 1837 г. *Московский Пушкинист*, 1927, вып. 1, стр. 40.

Дай бог, чтобы тебе не пришлось много пострадать во время твоего ужасного путешествия, — тебе, больному, с двумя открытыми ранами; позволили или, вернее, дали-ли тебе время в дороге, чтобы перевязать раны? Не думаю и сильно беспокоюсь о том.

Бар. ГЕККЕРЕН-СТАРШИЙ — Жоржу Дантесу. *Щеголев*, 317 (фр.).

Унтер-офицер Новиков, по возвращении, донес, что «Геккерен во время пути вел себя смирно и весьма мало с ним говорил, а при отъезде за границу дал ему 25 рублей».

В. В. НИКОЛЬСКИЙ. *Рус. Стар.*, 1880, т. 29, стр. 430.

Семейные письма Геккеренов-Гончаровых явственно свидетельствуют, что через три месяца после своей свадьбы, — в апреле 1837 года, — Екатерина Николаевна Геккерен родила своего первого ребенка.

Л. П. ГРОССМАН. *Женитьба Дантеса. Кр. Нива*, 1929, № 24, стр. 11.

Катерина Афанасьевна (Протасова) привезла из Петербурга вот какую новость: Дантесу велено выехать из России. Мицкевич прислал ему картель и писал, что считает себя обязанным драться с убийцею Пушкина, его первого друга; что если он не трус, то явится к нему в Париж. Письмо напечатано в

иностранных журналах, и убийца уже едет в Париж. Перед глазами всей Европы нельзя ему было никоим образом отказаться от дуэли ²⁾).

А. А. ЕЛАГИН—матери своей, А. П. Елагиной.
Рус. Арх., 1905, II, 607.

Голландский посол г. Геккерен выехал третьего дня, получив оскорбление в виде отказа в прощальной аудиенции у их императорских величеств, и получив теперь же прощальную табакерку, несмотря на то, что он не представил отзывных грамот и формально заявил графу Нессельроде, что его величество король Голландии не отозвал его, а только разрешил ему отъезд на неопределенное время.

По этой причине присылка табакерки, вместе с отказом в обычной аудиенции, явилась настоящим ударом для г. Геккерена, вызванным, повидимому, какою-нибудь особою причиною, что император, по всей вероятности, и объяснит королю Голландии.

Гр. М. ЛЕРХЕНФЕЛЬД (баварский посланник) в донесении баварскому королю 15 апреля 1837 г.
Щеголев, 379.

Барон Геккерен, голландский посланник, должен был оставить свое место. Государь отказал ему в обыкновенной последней аудиенции, и семь осьминых общества прервали с ним тотчас знакомство. Сия неожиданная развязка убила в нем его обыкновенное нахальство, но не могла истребить все его подлые страсти, его барышничества: перед отъездом он публиковал о продаже своей всей движимости, и его дом превратился в магазин, среди которого он сидел, продавая вещи и записывая сам продажу. Многие воспользовались сим случаем, чтоб сделать ему оскорбления. Например, он сидел на стуле, на котором выставлена была цена; один офицер, подойдя к нему, заплатил ему за стул и взял его из-под него.

Н. М. СМИРНОВ. Памятные заметки. *Рус. Арх.*, 1882, I, 237.

Дантес, по приезде в Баден, при встрече с вел. кн. Михаилом Павловичем, приветствовал его по-военному; но великий князь от него отвернулся.

В. В. НИКОЛЬСКИЙ. *Рус. Стар.*, 1880, т. 29, стр. 430.

Несколько дней тому назад был здесь Дантес и пробыл два дня. Он, как говорят, весьма соболезнует о бывшем с ним, но уверяет, что со времени его свадьбы он ни в чем не может себя обвинить касательно Пушкина и жены его, и не имел с нею совершенно никаких сношений, был же вынужден на поединок поведением Пушкина. Всем твердит, что после России все кажется ему *petit et mesquin* (маленьким и низерным). На лето он переезжает с женой жить сюда.

Вел. кн. МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ—императору Николаю Павловичу 2 (14) июня 1837 г., из Баден-Бадена. *Рус. Стар.*, 1902, т. 110, стр. 230.

---

²⁾ Дуэль не состоялась, да, повидимому, и вызова не было.

Встретивши Дантеса в Бадене, который, как богатый человек и барон, весело прогуливался с шляпой на бекрень, (*вел. кн.*) Михаил Павлович три дня был расстроен. Когда графиня Соллогуб-мать, которую он очень любил, спросила у него о причине его расстройства, — он отвечал: «кого я видел? Дантеса!» — Воспоминание о Пушкине вас встревожило? — «О, нет! туда ему и дорога!» — Так что-же? — «Да сам Дантес! бедный! — подумайте, ведь он солдат». Все это было в нем — не притворство, но таков был склад идей.

Кн. В. Ф. ОДОЕВСКИЙ. Дневник. *Щеголев. Дуэль*, изд. 3, стр. 450.

Вечером на гулянии увидел я Дантеса с женою: они оба пристально на меня смотрели, но не кланялись, я подошел к ним *первый*, и тогда Дантес буквально бросился ко мне и протянул мне руку. Обменявшись несколькими обыкновенными фразами, я отошел и пристал к другим... Я заметил, что Дантес ждет меня, и в самом деле он скоро опять пристал ко мне и, схватив меня за руку, потащил в пустые аллеи. Не прошло двух минут, что он уже рассказывал мне со всеми подробностями свою несчастную историю и с жаром оправдывался в моих обвинениях, которые я дерзко ему высказывал. Он мне показывал копию с *страшного* Пушкинского письма, протокол ответов в военном суде и клялся в совершенной невинности. Всего более и всего сильнее отвергал он малейшее отношение к Наталье Николаевне после обручения с сестрою ее, и настаивал на том, что второй вызов был, как черепица, упавшая ему на голову. Со слезами на глазах, говорил он о поведении вашем ¹⁾ в отношении к нему и несколько раз повторял, что оно глубоко огорчило его. Он прибавил: мое полное оправдание может прийти только от г-жи Пушкиной; через несколько лет, когда она успокоится, она, может быть, скажет, что я все сделал, чтобы их спасти, и что, если мне это не удалось, то вина была не моя и т. д. Разговор и гулянье наше продолжалось от 8 до 11 ч. вечера. Бог их рассудит, я буду с ним знаком, но не дружен по-старому, — это все, что я могу сделать.

А. Н. КАРАМЗИН—Е. А. Карамзиной, 28 июня (8 июля) 1837 г., из Баден-Бадена. *Стар. и Нов.*, XVII, 317 (*фр.-рус.*).

В понедельник был бал у Полуектовой... Странно было мне смотреть на Дантеса, как он с кавалергардскими ухватками предводительствовал мажуркой и котильоном, как в дни былые.

А. Н. КАРАМЗИН—Е. А. Карамзиной, 16 июля (н. ст.) 1837 г., из Баден-Бадена. *Стар. и Нов.*, XVII, 319.

Мы не будем видеть г-жи Дантес, она не будет появляться в свете и особенно у меня, потому что знает, с каким отвращением я увидела бы ее мужа. Геккерен не появляется тем более, его видят очень редко даже среди его товарищей. Он носит теперь имя — барон Жорж де-Геккерен.

Гр-ня Д. Ф. ФИКЕЛЬМОН—гр-не Е. Ф. Тезелгаузен, 26 ноября 1842 г. из Вены. *C-te F. de Sonis. Lettres du c-te et de la c-sse de Ficquelmont*. Paris. 1911. p. 35. (*фр.*)

¹⁾ Т.-е. семейства, а не маменьки (*Ек. А. Карамзиной*), про которую он мне сказал: в ее глазах я виновен, она все мне предсказала заранее, если бы я увидел ее, мне нечего было бы ей возразить. (*А. Карамзин*).

Екатерина Николаевна (*Дантес-Геккерен*) умерла 15 октября 1843 г. от послеродового заболевания и похоронена в Сульце (в Эльзасе)... По семейным сведениям, Екатерину Николаевну угнетала мысль, что муж ее остается верен своему обожанию ее сестры. Под влиянием окружавшей Екатерину Николаевну католической среды, убеждавшей ее, что принятие веры своего мужа и детей вызовет перемену чувств в Дантесе, Екатерина Николаевна согласилась, наконец, на переход в католичество. Проволочки, однако произошли оттого, что она желала, чтобы присоединение ее к католичеству произошло при скромной обстановке в Сульце, тогда как родственники ее мужа желали обставить этот переход торжественно и потому настаивали на совершении обряда в Париже, в церкви *Madeleine*. После долгих переговоров Екатерина Николаевна согласилась, но роды сына и последовавшая затем болезнь помешали ей привести в исполнение свое намерение.

С. А. ПАНЧУЛИДЗЕВ со слов П. О. Пирлинга.
Панчулидзева, 90.

О дальнейшей судьбе Дантеса вплоть до переворота 2 декабря 1851 г. нам почти ничего неизвестно. По возвращении из России во Францию он сначала заперся в деревне своей (в Эльзасе), а затем, в сороковых годах, выступил на политическом поприще, был избран депутатом и сначала продолжал быть крайним легитимистом. В дуэли между Тьером и Биксио Дантес был секундантом первого. Затем он из легитимистов превратился в бонапартиста.

С. А. ПАНЧУЛИДЗЕВ. *Сборник биографий кавалергардов*. СПб. 1908. Стр. 89.

17 июля 1851 г. Виктор Гюго выступил в Национальном Собрании с бурной четырехчасовой речью против изменения конституции, имевшего целью облегчить президенту Луи-Наполеону путь к государственному перевороту. Гюго указывал на опасность, грозящую республике, срывал маску с президента. — «Карты на стол! Будем говорить всё! — заявлял Гюго. — Как! Оттого, что мы имеем Наполеона Великого, нужно, чтобы мы имели Наполеона Маленького!» (См. *Victor Hugo. Actes et paroles. Avant l'exil. 1841 — 1851. Paris. 1875. Pp. 326 ss.*). Клика правых депутатов бесновалась, прерывала оратора, не давала ему говорить, высмеивала его. После декабрьского переворота, находясь в изгнании, Гюго выпустил сборник стихотворений под заглавием «Кары» (*Châtiments*). В нем помещено стихотворение: «17 июля 1851 года. Сходя с трибуны». В первых изданиях сборника (брюссельском 1853, женево-ньюйоркском 1854) Гюго поместил обширное примечание к этому стихотворению, где привел выдержки из своей речи и выходки против него правых депутатов. Здесь находим Вьейяра, Барро, де-ла-Москова, Клари, де-Геккерена. Это — наш знакомец Дантес. В выноске к каждому из названных имен Гюго ядовито замечает: «Теперь — сенатор. 30.000 франков жалования в год». Само стихотворение начинается так:

*Ces hommes qui mourront, foule abjecte et grossière,
Sont de la boue avant d'être de la poussière...*

В. ВЕРЕСАЕВ.

В награду за услуги, оказанные Луи-Наполеону, Дантес был назначен им в день декабрьского переворота сенатором. В сенате он обратил на себя особое внимание своими речами в защиту светской власти пап. Во время последней

империи Дантес был *persona grata* при дворе Наполеона III. Дантес был одним из основателей Парижского Газового общества и оставался директором этого общества до своей смерти, благодаря чему составил себе большое состояние. По словам одного из наших соотечественников, знавшего в Париже Дантеса, это был человек «очень одаренный и крайне влиятельный, даже большой оригинал; он был замешан во всех событиях и происках Второй империи».

С. А. ПАНЧУЛИДЗЕВ. Сборник биографий кавалергардов, 89.

В 1869 году, в Париже, я много виделся с семьей Геккерена (Дантеса). Однажды, уже не знаю, как, в беседе с Геккереном мы заговорили о Нат. Ник. Пушкиной, и он затронул тему этой трагедии. Я сохранил воспоминание о впечатлении, которое я вынес от выражения правдивости и убежденности, с каким он возгласил и защищал, — не чистоту Наталии Николаевны, она не была под вопросом, — но ее совершенную невинность во всех обстоятельствах этого печального события ее жизни.

Бар. ГУСТАВ ФРИЗЕНГОФ—А. П. Араповой. Кр. Нива, 1929, № 24, стр. 11 (фр.).

Г. Онегин, известный составитель Пушкинского музея (в Париже), знал Дантеса. Дантес уверял, что не подозревал даже, на кого он поднимал руку, что, будучи вынужден к поединку, он все же не желал убивать противника и целил ему в ноги, что невольной причиненная им смерть великому поэту тяготит его и т. д.

А. Ф. ОНЕГИН. Отчет о речи его, произнесенной на пушкинском вечере в Париже, в 1912 г. Известия кн. магазинов т-ва М. О. Вольф. 1912. № 5, стр. 68.

Проходя под колоннадой кургауза, я часто встречаю человека, наружность которого меня постоянно поражает своей крайней непривлекательностью. Во всей фигуре его что-то наглое и высокомерное. На днях, когда мы гуляли с нашей милой знакомой М. А. С., и этот человек нам снова встретился, она сказала: «Знаете, кто это? Мне вчера его представили, и он сам мне следующим образом отрекомендовался: «барон Геккерен (Дантес), который убил вашего поэта Пушкина». И если бы вы видели, с каким самодовольством он это сказал, — прибавила М. А. С., — не могу вам передать, до чего он мне противен!» И действительно, трудно себе вообразить что-либо противнее этого, некогда красивого, но теперь сильно помятого лица, с оттенком грубых страстей. Геккерен ярый бонапартист, благодаря чему и своей вообще дурной репутации, все здешние французы, — а они составляют большинство шинцнахских посетителей — его явно избегают и от него сторонятся. При Наполеоне III он был сенатором, но теперь лишен всякого значения. О его семейных обстоятельствах говорят очень дурно; по делу коту мука.

А. В. НИКИТЕНКО. Шинцнах. 20 июня 1876 г. Записки и дневник, II, 560.

За несколько лет перед тем (1880 г.) В. Д. Давыдов (сын поэта Дениса Давыдова) был в Париже. Приехав туда, он остановился в каком-то отеле, где всякий день ему встречался совершенно седой старик большого роста, замечательно красивый собой. Старик всюду следовал за приезжим, что и выну-

дило Василия Денисовича обратиться к нему с вопросом о причине такой назойливости. Незнакомец отвечал, что, узнав его фамилию и что он сын поэта, знавшего Пушкина, долго искал случая заговорить с ним, при чем, рекомендуясь бароном Дантесом-Геккереном де Бревеардом, объяснил Давыдову, будто бы он, Дантес, и в помышлении не имел погубить Пушкина, а напротив того, всячески старался примириться с Александром Сергеевичем, но вышел на поединок единственно по требованию усыновившего его барона Геккерена, кровно оскорбленного Пушкиным. Далее, когда соперники, готовые сразиться, стали друг против друга, а Пушкин наводил на Геккерена пистолет, то рассказчик, прочтя в исполненном ненависти взгляде Александра Сергеевича свой смертный приговор, якобы оробел, растерялся и уже по чувству самосохранения предупредил противника и выстрелил первым, сделав четыре шата из пяти, назначенных до барьера. Затем, будто бы целясь в ногу Александра Сергеевича, он, Дантес, «страха ради» перед беспощадным противником, не сообразил, что при таком прицеле не достигнет желаемого, а попадет выше ноги. «Le diable s'en est mêlé» (*чорт вмешался в дело*), — закончил старик свое повествование, заявляя, что он просит Давыдова передать это всякому, с кем бы его слушатель в России ни встретился.

Л. Н. ПАВЛИЩЕВ. *Воспоминания о Пушкине*, 430.

Соболевский рассказывал, что виделся с Дантесом, долго говорил с ним и спросил: «Дело теперь прошлое, жил ли он с Пушкиной?» — «Никакого нет сомнения», — отвечал тот.

А. С. СУВОРИН со слов П. А. Ефремова. *Дневник Суворина*, стр. 206.

В Гааге проживают в настоящее время (1906 г.) некоторые лица, знавшие барона Геккерена (*старшего*). Все отзываются о нем, как о человеке выдающегося ума и дипломатических дарований. Пробыв некоторое время после отозвания из С.-Петербурга не у дел, он был назначен нидерландским посланником в Вену, где и пробыл непрерывно до 1870-х гг., пользуясь там совершенно исключительным по своей влиятельности положением. Лица, близко знакомые с бароном Геккереном, говорят о нем, как о крайнем скептике и неразборчивом на средства дипломате. Однако его донесения из Вены были настолько интересны, что его оставили на этом посту до глубокой старости. Барон Геккерен никогда не был женат и в жизни его, повидимому, не было романтических приключений. Можно с уверенностью полагать, что Дантес не был его сыном, но наиболее близкие к Геккерену люди избегали высказываться о том, какие отношения существовали между ним и Дантесом.

Н. В. ЧАРЫКОВ. Известия о дуэли Пушкина, имеющиеся в Голландии. *П-н и его совр-ки*, XI, 71.

Геккерен (*старший*), несмотря на свою известную бережливость, умел себя показать, когда требовалось сладко накормить нужного человека. В одном следовало ему отдать справедливость: он был хороший знаток в картинах и древностях, много истратил на покупку их, менял, перепродавал и всегда добивался овладеть какою-нибудь редкостью, которую потем любил дразнить других, знакомых ему собирателей старинных вещей. Квартира его была наполнена образцами старинного изделия и между ними действительно не имелось ни одной посредственной вещи. Был Геккерен умен; полагаю, о

правде имел свои собственные, довольно широкие понятия, чужим же прегрешениям спуску не давал. В дипломатическом кругу сильно боялись его языка и, хотя недолюбливали, но кланялись ему, опасаясь от него злого слова.

Бар. Ф. Ф. ТОРНАУ. Воспоминания. *Ист. Вестн.*, 1897, янв., стр. 60.

В 1875 году барон Геккерен (*старший*) переехал в Париж к детям после шестидесяти лет службы. Он покинул пост нидерландского посла в Вене, который он занимал с 1842 года и где давно уже был старшиною дипломатического корпуса. Он умер 27 сент. 1884 года (ему было около 89 лет).— Жорж Шарль Дантес, барон де-Геккерен, пережил своего приемного отца девятью годами. Он умер в возрасте 83 лет в Сульце (Верхний Эльзас) 2 ноября 1895 года, в родном доме, окруженный детьми, внуками и правнуками.

ЛУИ МЕТМАН. «Дантес». Биографический очерк. *Щеголев*, 343.

После падения Второй империи Дантес почти безвыездно жил в своем замке Сульц в Эльзасе. Дантес постоянно вел свои записки, но в последние годы, дожив до глубокой старости, он впал почти в детство и в минуту раздражения сжег свои мемуары.

С. А. ПАНЧУЛИДЗЕВ, 89.

Ек. Ник. Геккерен вернулась в дом Пушкиных еще один раз, чтобы проститься со своей сестрой (*Нат. Ник-ной*), которая оставила Петербург через несколько дней после трагического события.

Бар. ГУСТАВ ФРИЗЕНГОФ—А. П. Араповой. *Красная Нива*, 1929, № 24, стр. 10 (фр.).

Александрина (*Гончарова*), перед своим чрезвычайно быстрым отъездом в Полотняный Завод, после катастрофы была у четы Геккерен и обедала с ними. Отмечаю это обстоятельство, ибо оно, как мне кажется, указывает, что в семье и среди старых дам, которые постоянно находились там и держали совет, осуждение за трагическую развязку падало не на одного только Геккерена, но несомненно также и на усопшего.

Бар. ГУСТАВ ФРИЗЕНГОФ—А. П. Араповой. *Красная Нива*, 1929, № 24, стр. 10 (фр.).

Наталья Николаевна 16 февраля уехала через Москву в деревню брата, Калужской губернии (*Полотняный Завод*), с сестрой Александриню, с детьми и в сопровождении тетки Загряжской, которая, проводя их, возвратится сюда недели через две. В Москве они не останутся ни на час, и Пушкина напишет письмо к Сергею Львовичу (*отцу Пушкина*) и скажет ему, что теперь не в силах еще его видеть. Братья ее также провожают их. Я видел ее накануне отъезда и простился с нею. Здоровье ее не так дурно: силы душевные также возвращаются. С другою сестрою (*Екатериною Николаевной Геккерен-Дантес*), кажется, она простилась, а тетка высказала ей все, что чувствовала она в ответ на ее слова, что «она прощает Пушкина». Ответ образу-

мил и привел ее в слезы. За неделю перед сим разлучили ее с мужем; он под арестом в кордегарде... Дело может еще протянуться с месяц. Отец-Геккерен все продал и собирается в путь, но еще не отозван. Опека занимается устройством дел вдовы и детей; Жуковский с генералом приводит в порядок бумаги покойного.

А. И. ТУРГЕНЕВ—П. А. Осиповой. 24 февр. 1837 г. *П-н и его совр-ки*, I, 57

Я проехала Москву, не повидавши вас; я так страдала, что врачи предписали мне как можно скорее приехать на место моего назначения. Я проехала через Москву ночью, я только переменяла там лошадей, поэтому лишена была счастья видеть вас. О моем здоровье я не говорю, вы можете себе представить, в каком я состоянии.

Н. Н. ПУШКИНА—С. Л. Пушкину 1 марта 1837 г., из Полотняного Завода. *П-н и его совр-ки*, VIII, 55 (фр.).

То, что вы мне говорили о Наталье Николаевне, меня опечалило. Странно, я ей от всей души желал утешения, но не думал, что желания мои исполнятся так скоро.

А. Н. КАРАМЗИН—Е. А. Карамзиной, 8 апреля 1837 г., из Рима. *Старина и Новизна*, кн. XX, стр. 71.

Ты спрашиваешь меня, как поживают и что делают Натали и Александрина (*Нат. Ник. Пушкина и Ал. Ник. Гончарова*); живут очень неподвижно, проводят время, как могут; понятно, что после жизни в Петербурге, где Натали носили на руках, она не может находить особой прелести в однообразной жизни Завода, и она чаще грустна, чем весела, нередко прихварывает, что заставляет ее иногда целыми неделями не выходить из своих комнат и не обедать со мною.

Д. Н. ГОНЧАРОВ—Ек. Ник. Дантес-Геккерен, из Полотняного Завода, 4 сент. 1837 г. *Щеголев*, 313.

Сергей Львович (*отец Пушкина*), быв у невестки (*Нат. Ник. Пушкиной, в Полотняном Заводе*), нашел что сестра ее (*Александра Ник. Гончарова*) более огорчена потерей ее мужа.

Бар. ЕВПР. Н. ВРЕВСКАЯ—А. Н. Вульффу, 2 сент. 1837 г. *П-н и его совр-ки*, XIX—XX, 110.

Два года продолжалось это добровольное изгнание (*в Полотняном Заводе*), и обстоятельства так сложились, что мало отрады принесло оно Наталье Николаевне в ее тяжком горе... Старший брат ее, Дмитрий Николаевич Гончаров (*владелец майоратного имения Полотняный Завод*), был человек добрый, весьма ограниченного ума, путаник в делах. Он находился в полном порабощении у своей жены Елизаветы Егоровны. По происхождению она была из кавказских княжен, но выросла в бедности, в совершенно другой среде, была почти без образования... Нежданное появление двух мужниных сестер, да еще с маленькими детьми, не могло ей прйтись по душе, но она, в особенности сначала, не смела нарушить правила семейного гостеприимства... Плохо умытая, небрежно причесанная, в помятом ситцевом платье сомнительной све-

жести, она появлялась с бриллиантовой ферроньерой на лбу и торжествующим взглядом оглядывала траурный наряд своей гостью. Ее грубая бестактность способна была отравлять ежедневное существование. Елизавета Егоровна мало-по-малу сочла лишним стесняться; она не упускала случая подчеркивать, что она у себя дома, а золовки обязаны ценить всякое одолжение; обижалась и дулась из-за каждого пустяка... Сознание, что она невольной обузой тяготеет над братниным очагом, созревало в Наталье Николаевне, и когда письма тетушки Ек. Ив. (Загряжской) стали все настойчивее призывать ее, она наконец решила вернуться в Петербург.

Поселившись в столице, мать была встречена с распростертыми объятиями семьей Карамзиных... С четой Вяземских каждая разлука сопровождалась непрерывной задушевной перепиской... Жуковский, Плетнев, Нащокин, — все истинные друзья Пушкина — наперерыв старались всячески доказать ей свое участие, облегчить ее заботы.

А. П. АРАПОВА (дочь Нат. Ник. от второго брака). *Новое Время*, 1908, № 11432, иллюстр. прил.

Вечер (22 августа 1840 г.) с семи почти до двенадцати я просидел у Пушкиной жены и ее сестры. Они живут на Аптекарском, но совершенно монашески. Никуда не ходят и не выезжают. Пушкина очень интересна. В ее образе мыслей и особенно в ее жизни есть что-то трогательно возвышенное. Она не интересничает, но покоряется судьбе. Она ведет себя прекрасно, насколько не стараясь этого выказывать.

П. А. ПЛЕТНЕВ—Я. К. Гроту, 24 авг. 1840 г.
Переп. Грота с Плетневым, т. I, 27.

Во вторник 21 января на последнее время вечера поехал я к Natalie Пушкиной. Мы просидели одни. Она очень интересна. Я шутя спросил ее: скоро-ли она опять выйдет замуж? Она шутя-же отвечала, что, во-первых, не пойдет замуж, во-вторых, никто не возьмет ее. Я ей советовал на такой вопрос всегда отвечать что-нибудь одно, ибо при двух таких ответах рождается подозрение в неискренности, и советовал держаться второго. Так нет, — лучше хочет твердить первое, а в случае отступления сказать, что уж так судьба захотела.

П. А. ПЛЕТНЕВ—Я. К. Гроту, 24 янв. 1841 г.
Переп. Грота с Плетневым, т. I, 216.

Из двух ответов Пушкиной и я бы предпочел тот, который она выбрала; но из ее разговора я с грустью вижу, что в сердце ее рана уже зажила! Боже! Что-же есть прочного на земле?

Я. К. ГРОТ—П. А. Плетневу, 30 янв. 1841 г. *Переп. Грота с Плетневым*, т. I, 222.

Natalie Пушкина сегодня была в английском магазине (канун елки перед рождеством) и встретила там с государем, обыкновенно в этот день приезжающим в английский магазин покупать для елки своим детям. Его величество очень милостиво изволил разговаривать с Пушкиной. Это было в первый раз после ужасной катастрофы ее мужа.

П. А. ПЛЕТНЕВ—Я. К. Гроту, 24 дек. 1841 г.
Переп. Грота с Плетневым, т. I, 464.

Силою обстоятельств Наталья Николаевна понемногу втянулась в прежнюю светскую жизнь, хотя и не скрывала от себя, что для многих это служит лишним поводом упрекнуть ее в легкомыслии и равнодушном забвении... Император часто осведомлялся о ней у престарелой фрейлины (Загряжской) и выражал желание, чтобы Наталья Николаевна попрежнему служила одним из лучших украшений его царских приемов. Одно из ее появлений при дворе обратилось в настоящий триумф. В залах Аничковского дворца состоялся костюмированный бал в самом тесном кругу. Ек. Ив. Загряжская подарила Наталье Николаевне чудное одеяние в древне-еврейском стиле, по известной картине, изображавшей Ревекку. Длинный фиолетовый бархатный кафтан, почти закрывая широкие палевые шальвары, плотно облегал стройный стан, а легкое из белой шерсти покрывало, спускаясь с затылка, мягкими складками обрамляло лицо и ниспадало на плечи. Появление ее во дворце вызвало общую волну восхищения. Как только начались танцы, император Николай Павлович направился к Наталье Николаевне, взяв ее руку, повел к императрице и сказал во всеулышание: — «Смотрите и восхищайтесь!» Императрица Александра Федоровна навела лорнет на нее и ответила: — «Да, прекрасна, в самом деле прекрасна! Ваше изображение таким должно бы перейти к потомству». Император поспешил исполнить желание, выраженное супругою. Тотчас после бала придворный живописец написал акварелью портрет Натальи Николаевны в библейском костюме для личного альбома императрицы. По ее словам, это вышло самое удачное изображение из всех тех, которые с нее снимали. Вероятно, альбом этот сохраняется и теперь в архиве Аничковского дворца, но никому из детей не привелось его видеть.

А. П. АРАПОВА. *Нов. Время*, 1908, № 11432.

Повидимому, г-жа Пушкина снова появляется на балах. Не находишь ли ты, что она могла бы воздержаться от этого? Она стала вдовою вследствие такой ужасной трагедии, и ведь она была ее причиною, хотя и невинною.

Гр-ня Д. Ф. ФИКЕЛЬМОН—гр-не Е. Ф. Тизенгаузен, 17 января 1843 г., из Вены. *Comte F. de Sonis. Lettres du comte et de la c-esse Ficquelmont. Paris. 1911. Librairie Plon. Page 38 (фр).*

Лет двадцать назад в Московский Исторический музей пришел какой-то немолодой человек и предложил приобрести у него золотые закрытые мужские часы с вензелем Николая I. (Передаю это со слов В. А. Городцова, который при этом присутствовал). Запросил этот человек за часы две тысячи руб. На вопрос, почему он так дорого их ценит, когда такие часы с императорским вензелем не редкость, принесший часы сказал, что часы эти особенные. Он открыл заднюю крышку: на внутренней стороне второй крышки была миниатюра—портрет Наталии Николаевны Пушкиной. По словам этого человека, дед его служил камердинером при Николае Павловиче; часы эти находились постоянно на письменном столе; дед знал их секрет, и когда Николай I умер, взял эти часы, «чтобы не было неловкости в семье». Часы почему-то не были приобретены в Исторический музей. И так и ушел этот человек с часами, и имя его осталось неизвестным.

Е. Е. ЯКУШКИН. *Московский пушкинист*, II. 1930. Стр. 267.

Царь—самодержец в своих любовных историях, как и в остальных поступках; если он отличает женщину на прогулке, в театре, в свете, он го-

ворит одно слово дежурному адъютанту. Особа, привлекая внимание божества, попадает под надзор. Предупреждают супруга, если она замужем; родителей, если она девушка,—о чести, которая им выпала. Нет примеров, чтобы это отличие было принято иначе, как с изъяснением почтительнейшей признательности. Равным образом нет еще примеров, чтобы обесчещенные мужья или отцы не извлекали прибыли из своего бесчестия.—«Неужели-же царь никогда не встречает сопротивления со стороны самой жертвы его прихоти?»—спросил я даму, любезную, умную и добродетельную, которая сообщила мне эти подробности.—«Никогда!»—ответила она с выражением крайнего изумления.—«Как это возможно?»—«Но берегитесь, ваш ответ дает мне право обратиться вопрос к вам».—«Объяснение затруднит меня гораздо меньше, чем вы думаете; я поступлю, как все. Сверх того, мой муж никогда не простил бы мне, если бы я ответила отказом».

Ах. ГАЛЛЕ де КЮЛЬТЮР. Ach. Gallet de Kultur.
Le tzar Nicolas et la sainte Russie. Paris. 1855, стр.
202. Цит. по Щеголеву, Дуэль, изд. 3, стр. 439.

В начале зимы 1844 г. состоялось первое знакомство моего отца (П. П. Ланского) с моею матерью (Нат. Ник. Пушкиной)... В течение зимы посещения его все учащались... (Из-за ушиба ноги Нат. Ник-не весной пришлось отложить свою поездку в Гельсингфорс на морские купания). Знакомые разъехались. Отец чуть не ежедневно стал навещать одинокую больную. Он имел основание ожидать скорого назначения командиром армейского полка в каком-нибудь захолустье, что могло бы сильно осложнить воспитание детей Пушкиных, как вдруг ему выпало негаданное, можно даже сказать, необычайное счастье. Особым знаком царской милости явилось его назначение прямо из свиты командиром лейб-гвардии Конного полка, шефом которого состоял государь. Обширная казенная квартира, упроченная блестящая карьера расширяли его горизонт и, не откладывая далее, он сделал предложение.

А. П. АРАПОВА. *Нов. Время*, 1908, № 11442

Петр Петрович Ланской род. 13 марта 1799 г. Всю свою службу до чина полковника провел в кавалергардском полку... 10 окт. 1843 г. произведен в генерал-майоры, через полгода назначен командующим л. гв. Конным полком и через два года утвержден командиром. Вскоре затем назначен в свиту его величества. 6 апр. 1849 г. произведен в генерал-адъютанты. 26 авг. 1856 г. назначен начальником 1 гвард. кавал. дивизии. 19 ноября 1864 г. назначен председателем следственной комиссии (о петербургских поджогах), вслед затем—исправляющим должность петербургского генерал-губернатора. Позже был председателем комиссии для разбора и суда всех политических дел. Умер 6 мая 1877 г.

С. А. ПАНЧУЛИДЗЕВ. *Сборник биографий кавалергардов*, 336.

(18 июля 1844 г. Нат. Ник-на Пушкина вышла замуж за Ланского).. Император Николай Павлович отнесся очень сочувственно к этому браку и сам вызвался быть посаженным отцом. Но невеста настояла, чтобы свадьба совершилась как можно скромнее; сопровождаемые самыми близкими родственниками, они пешком отправились в Стрельнинскую церковь и там обвенчались. Поэтому Ланскому не пришлось воспользоваться выпавшею ему

Сергей Львович
ПУШКИН
(отец поэта в старости)

Гампельн.

ИНЛИ.

почестью. Государь понял и оценил мотивы этого решения, прислал новообращенной бриллиантовый фермуар в подарок, велел при этом передать, что от будущего кумовства не дозволит так отделаться; и в самом деле, год спустя, когда у них родилась старшая дочь Александра, государь лично приехал в Стрельну для ее крестин.

С. А. ПАНЧУЛИДЗЕВ. *Сб. биогр. кавалергардов*, 334.

Постоянная царская милость служила лучшей эгидой против зависти врагов. Те самые люди, которые беспощадно клеймили Наталью Николаевну, заискивающе любезничали, напрашивались на приглашения,—в особенности, когда в городе стало известно, как сам царь назвался к отцу на бал... Мать задумала устроить вечеринку в полковом интимном кругу... Когда отец был у царя на докладе, Николай Павлович по окончании аудиенции сказал ему:— «Я слышал, что у тебя собираются танцевать? Надеюсь, что ты своего шефа не обойдешь приглашением»... Государь, прибыв в назначенный час, в разговоре с матерью осведомился, как поживает его крестница (*автор этих воспоминаний*), и она рассказала ему о моем детском горе, что мне не довелось его увидеть (*девочку уже уложили спать*).— «Узнайте, спит-ли она? Если нет, то я сейчас пойду к ней»... Государь взял меня на руки, расцеловал в обе щеки, ласково поговорил со мною, но что он мне сказал, я не помню.

А. П. АРАПОВА. *Новое Время*, 1908, № 11442.

Когда исполнилось двадцатипятилетнее чествование шефства императора Николая Павловича конногвардейским полком,—П. П. Ланской, бывший в то время полковым командиром, испросил у государя разрешения поднести альбом в память этого события. Государь дал свое согласие, выразив при этом желание, чтобы во главе альбома был портрет Наталии Николаевны Ланской, как жены командира полка. Желание его было исполнено. Портрет Нат. Ник. был нарисован известным в то время художником Гау. С тех пор этот альбом хранится в Зимнем дворце.

А. П. АРАПОВА. *Новое Время*, 1908, № 11446, иллюстр. прил.

Н.Н. Пушкина-Ланская умерла 26 ноября 1863 года.

Закат Сергея Львовича, отца поэта, представлял нечто в роде правильного, логического вывода из всей предшествовавшей его жизни. Уже в глубокой старости, овдовевший, потерявший знаменитого сына и наполовину разоренный, он влюбился в ребенка, девушку лет шестнадцати, соседку свою по Михайловскому (Марию Ивановну Осипову) и предлагал ей свою руку. Почтенному старцу пришлось пережить у дверей гроба все волнения юношеской и безнадежной страсти, начиная с пламенных посланий на французском языке и робких угодений предмету поклонения, до покорных жалоб на судьбу и горьких слез отчаяния. Он еще мечтал о браке, второй молодости, медовом месяце и проч.

П. В. АННЕНКОВ. *П-н в алекс. эпоху*, 19.

В ноябре 1839 года я приехал в Петербург и крайне удивился, что через час вошел ко мне Сергей Львович: он жил в той же гостинице Демута, где остановился и я. Само собою разумеется, что господствующим разговором было воспоминание об Александре Сергеевиче, о котором старик, сильно уже оглохший и страдавший одышкой, говорил со слезами на глазах. Он пригласил меня на другой день к себе; это был день, в который привозят к нему звучек. У него нашел я баронессу Вревскую, соседку по имению с Пушкиным; с нею была Екатерина Ермолаевна Керн (*дочь Анны Петровны*), девушка тогда лет двадцати пяти, очень живая, умная и начитанная, которая была страстью старика. Нельзя было без юмора видеть его расточающим фразы старинных маркизов, не слушающим ответов и продолжающим начатую речь. Две дочери Пушкина, премилые и бойкие девочки, осаждали старика, с улыбкой подмигивая одна другой, когда он наделял их конфетами из разных карманов; я находил в них тип отца. Раза три я призываем был на эти посещения одних и тех-же лиц.

И. П. ЛИПРАНДИ. *Рус. арх.*, 1866, стр. 1489.

Сергей Львович имел врожденную способность писать и говорить стихами,—дар, возросший в его сыне до поэтического творчества. Поприще, на котором он подвизался со своими стихами, были дамские и детские альбомы, и в них-то он весьма охотно и с одинаковою легкостью писал то русские, то французские стишки самого сладкого сантиментального характера. Меня уверяли даже, что он владел довольно легким английским и итальянским стихом. Предметами его песнопений бывали обыкновенно юницы, только-только что выходявшие из коротеньких платьиц, и чем старше делался Пушкин-отец, тем охотнее «точил он слезы умиления и любви пред юнейшими из юных отроковиц». Небольшого роста, толстенький, беззубый, плешивый и вечно прилизывавший скудные остатки волос фиксатуаром, он был чрезвычайно слезлив и весьма рано обребачился. Влюблялся он в десятилетних девочек и пресмешно ревновал их. Так рассказывали мне предметы его поклонения, ныне солидных лет дамы и девицы.

В альбомах села Тригорского мы встретили множество стихов Сергея Львовича Пушкина, и, имея в виду, что эти стихи принадлежат отцу великого поэта, нельзя не привести хоть некоторые из этих произведений. Вот, например, послание Сергея Львовича Пушкина, написанное в 1840 г. Марье Ивановне Осиповой:

Не знаю, дружбу иль любовь
Питаю к ней в душе унылой,
Но сердце ноет, бьется вновь,
Как билось в юности счастливой:
Люблю ее за тихий нрав,
За ясный ум, столь просвещенный,
За красоту, за взгляд бесценный
И за улыбку на устах;
Люблю я звук ее речей
И кудри русые, густые,
Ресницы длинные очей,
И розы на щеках живые.
При ней я робок, молчалив,
Одну ее я вижу, ей внимаю,
Порой то весел, то ревнив,
Любовь ли это?.. Я не знаю.
Во мне кипит и стынет кровь,
При ней мне все очарованье,
Но нет надежды, нет желанья...
То верно дружба, не любовь.

А вот и другой образец этой поэзии:

Люблю... никто того не знает,
И тайну милую храню в душе моей.
Я знаю го один... хоть сердце изнывает,
Хотя и день, и ночь тоскую я по ней;
Но мило мне мое страданье,
И я клялся любить ее без упованья;
Но не без счастья для сердца моего
Я на нее гляжу... Довольно и того.

Пушкин-отец довольно часто проводил лето в сельце Михайловском, именье своей жены, и, подобно сыну, любил проводить целые дни в соседнем Тригорском. Вот стихи его (1839 года) обращенные к тому же предмету:

Жилище мирное, услада дней моих,
И озеро и лес, и сад любимый мною,
Где слезы лил под сенью древ густых,
Где услаждали вы, страдальца, тишиною,
Где я, друзья, мечтал о вас,
Простите всё в последний раз!
И ты, которую я называть не смею,
Которую любил я всей душой моею,
Которой имя я, в последний жизни час,
Последню мысль мою заняв одной тобою,
Я прошепчу с любовью и тоскою,—
Прости, в последний раз.

Страсть к стихописанию у Пушкина-отца была чрезвычайна; все записки его к предметам его платонической страсти писались не иначе как стихами; посылает ли он цветы, книгу, собаку, лампу, посылку неминуемо сопровождают стихи.

М. И. СЕМЕВСКИЙ. К биографии Пушкина. Рус. Вестн., 1869, № 11, стр. 86.

В марте 1840 г. я возвратился в Петербург на постоянное жительство. В первое время С. Л. Пушкина не было, но скоро он опять приехал и основался уже в Петербурге по самую смерть, поселившись на Английской набережной. День ото дня глухота его усиливалась, астма дошла до такой степени, что в другой комнате слышно было тяжелое его дыхание; дети мои прозвали его самоваром. Не смотря на это, он одевался всегда изыюканно и любил преимущественно говорить отборным старинным французским слогом, рассказывая бездну анекдотов, путая и время, и лиц. Е. Е. Керн продолжала занимать его ум. Он посещал нас очень часто, и мы каждый раз замечали быстрые успехи его болезни. В последнее время он был уже как бы бесчувствен к участи обоих сыновей; о старшем он говорил, как о великом поэте, о Льве,—как одаренном необыкновенною силою души.

И. П. ЛИПРАНДИ, 1490.

Кроме Марьи Ивановны Осиповой, С. Л. Пушкин был не менее страстно влюблен в Анну Петровну Керн,—предмет увлечений его сына,—которой писал любовные письма (1838 г.), а затем не менее горячо влюбился в ее дочь Екатерину Ермолаевну и, по свидетельству ее вотчима А. В. Маркова-Виноградского, хотел жениться на ней за несколько дней до своей смерти; влюбленность его проявлялась, между прочим, в том, что «он ел кожуцу от клюквы, которую она выплевывала»...

Б. Л. МОДЗАЛЕВСКИЙ. «Пушкин», 37.

Алфавитный указатель цитируемых авторов.

- АДЕРКАС фон, Б. А. — I, 166, 200.
 АДЛЕРБЕРГ граф В. Ф. — II, 213.
 АЙВАЗОВСКИЙ И. К. — II, 200.
 АКСАКОВ И. С. — I, 281, 282. — II, 76, 88.
 АКСАКОВ С. Т. — I, 282, 290. — II, 183.
 АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА, императрица — II, 75.
 АЛЕКСАНДР II, император — II, 75.
 АЛЕКСАНДРОВ (Н. А. ДУРОВА) — II, 191, 198.
 АММОСОВ — см. Данзас К. К.
 АННЕНКОВ П. В. — I, 22, 23, 24, 25, 28, 29, 33, 34, 47, 49, 55, 61, 62, 67, 71, 72, 81, 82, 85, 102, 134, 143, 154, 156, 163, 164, 168, 175, 179, 181, 183, 190, 199, 202, 203, 212, 220, 227, 269, 271, 273, 279, 285. — II, 24, 26, 29, 32, 57, 63, 68, 99, 102, 123, 131, 162, 164, 175, 177, 178, 191, 205, 212, 245, 262, 269, 306, 329.
 АНОНИМНЫЙ ДИПЛОМ — II, 210.
 АНУЧИН Д. Н. — I, 17, 19, 44, 240. — II, 316.
 АРАПОВА А. П. — I, 273. — II, 56, 70, 80, 85, 101, 146, 158, 166, 174, 175, 190, 194, 208, 226, 240, 248, 250, 292, 321, 327, 328, 329.
 АРСЕНЬЕВ И. А. — I, 289.
 А. Ф. — I, 162, 178.
 АФАНАСИЙ — I, 185.
 БАДИ-ТОДОРЕ — I, 113, 116.
 БАКСТ Л. — II, 299.
 БАНТЫШ-КАМЕНСКИЙ Д. Н. — II, 168.
 БАРАНОВА В. — II, 64.
 БАРАНОВСКИЙ С. И. — II, 145.
 БАРСУКОВ Н. П. — II, 66, 67.
 БАРТЕНЕВ П. И. — I, 28, 31, 34, 49, 58, 59, 63, 65, 68, 69, 72, 73, 74, 76, 86, 87, 89, 94, 95, 96, 98, 101, 107, 108, 117, 120, 121, 122, 124, 127, 128, 129, 130, 144, 145, 149, 152, 153, 156, 159, 176, 183, 200, 205, 207, 208, 212, 215, 219, 222, 227, 229, 233, 263, 271, 280, 286. — II, 11, 26, 31, 37, 38, 44, 49, 55, 56, 57, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 69, 75, 82, 86, 89, 98, 101, 125, 128, 129, 130, 145, 147, 153, 154, 155, 156, 164, 166, 169, 174, 177, 181, 184, 185, 187, 188, 189, 190, 193, 201, 204, 207, 208, 212, 213, 216, 219, 224, 232, 234, 238, 239, 241, 242, 243, 244, 246, 249, 250, 251, 254, 255, 256, 257, 262, 269, 277, 282, 287, 288, 291, 292, 293, 296, 298, 299, 304, 305, 306, 307.
 БАСАРГИН Н. В. — I, 131.
 БАТЮШКОВ К. Н. — I, 68, 70, 71.
 БЕЗОБРАЗОВ В. П. — II, 141.
 БЕЛЛИЗАР Ф. — II, 176.
 БЕЛЮГОВА В. Е. — I, 115.
 БЕНЕДИКТОВ В. Г. — II, 206.
 БЕНКЕНДОРФ граф А. Х. — I, 209, 219, 233, 238. — II, 21, 25, 27, 31, 34, 136, 139, 310.
 БЕНУА А. — II, 299.
 БЕРГ Н. В. — I, 30, 232.
 БЕРЬЕ-ДЕЛАГАРД А. Л. — I, 96, 97.
 БЕСТУЖЕВ А. А. — I, 140.
 БЕСТУЖЕВ М. А. — I, 176.
 БИБИКОВ П. И. — I, 216.
 БЛАГОВО Д. — I, 33, 219.
 БЛУДОВ гр. Д. Н. — I, 89.
 БЛУДОВА гр. А. Д. — II, 237.
 БОБОРЫКИН П. Д. — II, 48.
 БОДЯНСКИЙ О. М. — I, 74. — II, 82, 161.
 БОЧАРОВ Н. П. — I, 27.
 БОШНЯК А. К. — I, 196.
 БРИММЕР Э. В. — II, 13.
 БРЮЛЛОВ К. П. — II, 201.
 БУЛГАКОВ А. Я. — I, 154, 157, 211, 228. — II, 38, 58, 59, 61, 63, 64, 256, 276, 289.
 БУЛГАРИН Ф. В. — I, 242. — II, 315.
 БУРНАШОВ В. П. — II, 23, 229, 230, 248, 300.
 БУСЛАЕВ Ф. И. — II, 154.
 БУТУРЛИН гр. М. Д. — I, 151, 224. — II, 80.
 БУТУРЛИН М. П. — II, 115.
 БЫВШИЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ ДВОРЯНСТВА — I, 91, 93.
 БЫВШИЙ СТУДЕНТ — II, 93.
 БЫКОВ Н. Д. — I, 280.
 БЫКОВСКИЙ Н. Ф. — I, 200.
 БЮЛЕР бар. А. Ф. — II, 76, 141, 299.
 ВАСИЛЬЕВ гр. А. В. — II, 75.
 ВАСИЛЬЧИКОВА А. И. — II, 249, 254.
 ВАСЮКОВ — I, 164.
 ВВ-СКИЙ И. А. — I, 186.
 ВЕЙДЕНБАУМ В. Г. — I, 172.
 ВЕЛИЧКО Н. И. — I, 158.
 ВЕЛЬТМАН А. Ф. — I, 117, 123, 125.
 ВЕНЕВИТИНОВА А. Н. — II, 275.
 ВЕНЕВИТИНОВ Н. В. — I, 221.
 ВЕРИГИН Н. В. — I, 230.
 ВИГЕЛЬ Ф. Ф. — I, 37, 66, 75, 85, 112, 127, 132, 144, 145, 146, 148, 149, 205, 227.
 ВОЕЙКОВА А. А. — I, 228, 238.

- ВОЛКОВ А. А. — I, 228, 238.
 ВОЛКОНСКАЯ кн. З. А. — I, 222.
 ВОЛКОНСКАЯ (РАЕВСКАЯ) кн. М. Н. — I, 94, 96, 221.
 ВОЛКОНСКИЙ кн. С. М. — I, 107.
 ВОРОНИНА Е. З. — II, 117.
 ВОРОНЦОВ гр. М. С. — I, 146, 147, 149, 154.
 ВРЕВСКАЯ бар-сса Е. Н. — I, 187. — II, 150, 151, 158, 160, 171, 178, 190, 198, 235, 247, 325.
 ВРЕВСКИЙ бар. Б. А. — II, 160, 217, 312, 314.
 ВРЕВСКИЙ бар. П. А. — II, 204.
 ВСЕВОЛОДОВ В. И. — I, 196.
 ВСЕВОЛОЖСКИЙ А. В. — I, 86.
 ВСЕВОЛОЖСКИЙ Н. С. — I, 144.
 ВТОРОВ И. А. — I, 245. — II, 111.
 ВУЛЬФ Ал. Н. — I, 177, 184, 190, 197, 226, 241, 245, 265, 267, 269, 274, 279. — II, 22, 38, 41, 128, 197, 312.
 ВУЛЬФ Анна Н. — I, 278. — II, 152, 175, 179, 205.
 ВЫПИСЬ ИЗ МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ — I, 26.
 ВЯЗЕМСКАЯ кн. В. Ф. — I, 152, 153, 155, 156, 208, 229. — II, 31, 63, 66, 86, 174, 204, 207, 208, 234, 241, 246, 250, 251, 256, 257, 269, 277, 287, 291, 292, 304.
 ВЯЗЕМСКИЙ кн. П. П. — I, 105, 149, 208, 226, 229, 272, 288. — II, 38, 43, 54, 62, 124, 127, 128, 164, 200, 205, 206, 215, 229, 248, 252, 298, 304, 307.
 ВЯЗЕМСКИЙ кн. П. А. — I, 23, 55, 56, 64, 70, 72, 84, 96, 107, 131, 140, 143, 192, 194, 211, 215, 222, 224, 231, 244, 254, 257, 258, 260, 261, 264, 265, 270, 271, 273, 282, 287. — II, 26, 33, 44, 54, 58, 77, 82, 91, 100, 104, 105, 123, 127, 166, 168, 176, 178, 179, 207, 211, 216, 218, 219, 226, 227, 230, 239, 241, 243, 246, 255, 256, 258, 266, 273, 274, 278, 286, 295, 298, 303, 313, 314.
 ГАЕВСКИЙ В. П. — I, 41, 43, 44, 45, 48, 52, 54, 58, 143, 176, 246. — II, 206.
 ГАН Е. А. — II, 202.
 ГАНГЕБЛОВ А. С. — II, 11.
 ГАННИБАЛ А. П. — I, 16.
 ГАРШИН Е. М. — I, 213.
 ГАСТФРЕЙНД Н. А. — I, 59. — II, 259.
 ГЕККЕРЕН младший — см. Дантес.
 ГЕККЕРЕН (старший) бар. Луи — II, 209, 217, 237, 239, 254, 296, 297, 303, 306, 317, 318.
 ГЕРАКОВ Г. В. — I, 95, 98.
 ГЕРЦЕН А. И. — I, 205, 260.
 ГЕРЦЕНЗОН М. О. — I, 92.
 ГЛИНКА Ф. Н. — I, 48, 82, 88, 245.
 ГОГЕНЛОЭ-КИРХБЕРГ кн. Х. Г. — II, 168.
 ГОГОЛЬ Н. В. — I, 279. — II, 75, 100, 146, 163, 170, 176, 177.
 ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ ген. П. В. — I, 261, 262.
 ГОЛИЦЫН кн. А. М. — II, 214.
 ГОЛИЦЫН кн. В. С. — II, 43.
 ГОЛИЦЫН-ПРОЗОРОВСКИЙ кн. А. Ф. — I, 239.
 ГОЛОВАЧОВА-ПАНАЕВА А. Я. — I, 75. — II, 123.
 ГОНЧАРОВ Д. Н. — II, 325.
 ГОНЧАРОВ И. А. — II, 94.
 ГОНЧАРОВ С. Н. — I, 291. — II, 18, 135.
 ГОРБАЧЕВСКИЙ И. И. — I, 131.
 ГОРГОЛИ И. С. — I, 73.
 ГОРЧАКОВ кн. А. М. — I, 43, 189.
 ГОРЧАКОВ В. П. — I, 63, 104, 109, 110, 111, 123, 124, 128, 130.
 ГОФМАН М. Л. — II, 160.
 ГРАББЕ гр. П. X. — II, 127.
 ГРАДОВ — I, 115.
 ГРЕЧ Н. И. — I, 74. — II, 80, 213.
 ГРИНВАЛЬД Р. Е. — II, 196.
 ГРОССМАН Л. П. — I, 173. — II, 318.
 ГРОТ Я. К. — I, 32, 40, 56, 57, 59, 97, 136, 204, 260. — II, 69, 97, 171, 215, 224, 326.
 Д... — I, 29.
 ДАВЫДОВ А. Л. — I, 108.
 ДАВЫДОВ В. Н. — II, 301.
 ДАВЫДОВ Д. В. — I, 128. — II, 61.
 ДАЛЬ В. И. — I, 74. — II, 114, 115, 116, 276, 277, 283, 284, 285, 287, 289, 290, 291, 294, 316.
 ДАНЗАС К. К. (по записи Аммосова и др.) — I, 102, 127. — II, 132, 196, 213, 217, 231, 239, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 266, 269, 270, 271, 272, 274, 275, 277, 280, 283, 284, 285, 288, 290, 291, 310.
 ДАНИЛЕВСКИЙ Г. П. — II, 177, 192.
 ДАНТЕС бар. Жорж Геккерен — II, 208, 220, 238, 240, 241, 254.
 ДАНТЕС-ГЕККЕРЕН бар-сса Е. Н. — II, 317.
 ДАРШИАК виконт — II, 255, 257, 260, 263, 264, 265, 266.
 ДЕЛАРЮ М. Д. — II, 133.
 ДЕЛАРЮ Ф. М. — II, 133.
 ДЕЛЬВИГ бар. А. А. — I, 82, 165, 205, 237, 270. — II, 13.
 ДЕЛЬВИГ бар. А. И. — I, 246. — II, 41, 143.
 ДЕЛЬВИГ бар-сса С. М. (Салтыкова) — I, 236, 249. — II, 40.
 ДЕ-ПУЛЕ М. Ф. — I, 92.
 ДЕ-РИБАС М. Ф. — I, 139, 145.
 ДИБИЧ бар. И. И. — I, 200.
 ДИТРИХ д-р — II, 31.
 ДОЛГОРУКОВА кн. Е. А. — II, 49, 56, 62, 65, 86, 175, 284, 292.
 ДОБУЖИНСКИЙ М. — II, 299.
 ДРАШУСОВА Е. А. — II, 172, 301.
 ДЫДИЦКАЯ П. В. — I, 126.
 ЕВГЕНИЙ митрополит (Казанцев) — II, 315.
 ЕЛАГИНА А. П. — I, 227.
 ЕЛАГИН А. А. — II, 319.
 ЕРМОЛОВ А. П. — II, 3, 84.
 ЕФРЕМОВ П. А. — I, 206, 288. — II, 37, 64, 94, 215, 235, 255, 274, 279, 302, 323.
 ЖАДИМИРОВСКИЙ П. А. — II, 105, 152.
 ЖЕЛЕЗНОВ М. И. — I, 280. — II, 201, 251.
 ЖИХАРЕВ М. И. — I, 56, 57.

- ЖУКОВСКИЙ В. А. — I, 69, 87, 178, 182, 193, 248 — II, 72, 137, 138, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 240, 257, 261, 262, 264, 265, 270, 271, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 281, 285, 290, 291, 292, 293, 294, 296, 297, 303, 305, 314.
- ЗАГРЯЖСКАЯ Е. И. — II, 227.
- ЗАГРЯЖСКИЙ А. М. — I, 226.
- ЗАПИСЬ В КАМЕР-ФУРЬЕРСКОМ ЖУРНАЛЕ — II, 228.
- ЗАХАРЬИН И. Н. — II, 16.
- ЗВЕЗДИН А. И. — II, 47, 49, 144.
- ЗЕЛЕНЕЦКИЙ К. П. — I, 116, 133, 141, 142.
- ЗЕТ П. (см. Столпянский П. Н.).
- ЗЛОТНИЦКИЙ А. И. — II, 196.
- ИВАНИЦКИЙ Н. И. — II, 145, 243, 244, 247, 295.
- ИВАНОВ И. А. — I, 217, 277.
- ИВАНОВ Н. П. — II, 114.
- ИВАНОВСКИЙ А. А. — I, 256.
- ИВАНЧИН-ПИСАРЕВ Н. Д. — I, 272.
- ИЗМАЙЛОВ А. А. — II, 97.
- ИЛЛИЧЕВСКИЙ А. Д. — I, 41, 46, 50, 51, 52.
- ИНЗОВ И. Н. — I, 93, 108, 112.
- ИОАНН игумен — I, 177.
- И. Р. — I, 38. — II, 69.
- ИСАКОВ Я. А. — II, 267.
- КАВЕРИН П. П. — I, 77, 80.
- КАЙДАЛОВ Н. А. — II, 117.
- КАЙДАНОВ И. К. — I, 43.
- КАЛИНИЧ Ф. И. — I, 58.
- КАМЕНСКАЯ М. Ф. — I, 263. — II, 72, 309.
- КАПНИСТ гр. А. И. — I, 97, 135, 136, 146.
- КАПНИСТ гр. П. И. — I, 97, 135, 136, 146.
- КАРАМЗИНА Е. А. — I, 85, 246.
- КАРАМЗИНА С. Н. — II, 127.
- КАРАМЗИН А. Н. — II, 313, 320, 325.
- КАРАМЗИН Н. М. — I, 57, 64, 70, 71, 89, 90.
- КАРАТЫГИНА-КОЛОСОВА А. М. — I, 67, 68, 76, 243. — II, 305.
- КАРАТЫГИН П. А. — I, 79.
- КАРЦЕВ Я. И. — I, 42.
- КАТАЛАНИ АНЖЕЛИКА — II, 38.
- КАТЕНИН П. А. — I, 72.
- КАШКИНА Е. Е. — II, 66.
- КЕЛЛЕР надв. сов. — II, 232, 237.
- КЕНИГ — I, 33. — II, 169.
- КЕРН А. П. — I, 23, 81, 98, 158, 181, 190, 237, 248, 258, 264, 265, 266, 268, 284, 285. — II, 40, 86, 88, 91, 154, 163, 175.
- КИРЕЕВСКИЙ И. В. — I, 176. — II, 24.
- КИРЕЕВСКИЙ П. В. — II, 95, 121, 153.
- КИРПИЧНИКОВ А. И. — II, 190.
- КИСЕЛЕВА (УШАКОВА) Ел. Н. — I, 209.
- КИСЕЛЕВ Н. С. — I, 233, 273.
- КИСЕЛЕВ С. Д. — I, 283. — II, 54.
- КИЧЕВ Н. П. — I, 226.
- КИШИНЕВСКИЕ СТАРОЖИЛЫ — I, 101, 115, 116.
- КОЛМАКОВ Н. М. — II, 167, 192, 193.
- КОЛОСОВ В. И. — I, 218, 276, 278.
- КОЛОСОВСКИЙ А. — I, 26.
- КОМИССИЯ ВОЕННОГО СУДА — I, 224, 225, 263.
- КОМОВСКИЙ В. Д. — II, 96, 123.
- КОМОВСКИЙ С. Д. — I, 40, 41, 48, 50, 51, 55.
- КОНОНОВ А. А. — II, 18.
- КОНСТАНТИН ПАВЛОВИЧ, вел. кн. — I, 255, 256.
- КОНТРАКТЫ НА НАЕМ КВАРТИР — II, 96, 199.
- КОРКУНОВ М. А. — II, 235, 305.
- КОРНИЛЬЕВ В. Д. — I, 67.
- КОРОТКОВА И. — II, 111.
- КОРСАКОВ П. А. — I, 44.
- КОРФ гр. М. А. — I, 24, 39, 40, 41, 44, 55, 56, 61, 83, 204. — II, 207.
- КОЧУБЕЙ гр. В. П. — I, 262.
- КОЩЕЛЕВ А. И. — II, 63.
- КРАЕВСКИЙ А. А. — II, 232, 233, 316.
- КРИВЦОВ Н. И. — I, 61.
- КРЫЛОВ Н. А. — II, 51.
- КУКОЛЬНИК Н. В. — I, 239. — II, 316.
- КУЛИКОВ Н. И. — I, 83. — II, 84, 104, 181, 260.
- КУНИЦЫН А. П. — I, 42.
- КУЦИНСКИЙ А. А. — I, 159.
- КЮХЕЛЬБЕКЕР В. К. — I, 59.
- ЛАЖЕЧНИКОВ И. И. — I, 85. — II, 91.
- ЛАПИН А. А. — I, 220. — II, 63.
- ЛАПИН И. И. — I, 177.
- ЛЕБЕДЕВ К. Н. — II, 301.
- ЛЕВЕ-ВЕЙМАРС — II, 192.
- ЛЕВИЦКИЙ, фотограф — II, 55.
- ЛЕЖКИН Н. А. — II, 88.
- ЛЕМКЕ М. К. — I, 240.
- ЛЕНЦ В. В. — II, 122, 136, 193.
- ЛЕРНЕР Н. О. — I, 133. — II, 144.
- ЛЕРХЕНФЕЛЬД гр. М. — II, 319.
- ЛИБЕРМАН — II, 308.
- ЛИБРОВИЧ С. — II, 55, 169.
- ЛИПРАНДИ И. П. — I, 100, 102, 104, 111, 117, 119, 120, 122, 125, 127, 130, 139, 140, 148, 193. — II, 330, 331.
- ЛИСЕНКОВ — II, 97.
- ЛИЦЕЙСКИЕ «НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПЕСНИ» — I, 43.
- ЛОБАНОВ Д. — II, 268.
- ЛОБАНОВ М. Е. — II, 87.
- ЛОБОДА А. М. — I, 165, 108.
- ЛОКАТЕЛЛИ — I, 205.
- ЛОНГИНОВ М. Н. — I, 72, 156, 157, 208. — II, 42, 146, 263, 305.
- ЛОНГИНОВ Н. М. — I, 156, 157.
- ЛОРЕР Н. И. — I, 191, 201, 203. — II, 9, 259.
- ЛЮБИЧ-РОМАНОВИЧ В. И. — II, 146.
- ЛЮТЦЕРОДЕ бар. К. А. — II, 297, 306.
- МАЙКОВ А. Н. — II, 94.
- МАЙКОВ Л. Н. — I, 233, 273, 285, 286. — II, 20, 31.
- МАКАРОВ М. Н. — I, 34. — II, 44.
- МАКСИМОВ С. В. — II, 6.
- МАКСИМОВИЧ М. А. — I, 215, 260. — II, 19.
- МАЛЕВСКИЙ Фр. — I, 211.
- МАЛИНОВСКИЙ И. В. — I, 39, 41, 53, 59.
- МАРИНА — II, 124.
- МАРКЕВИЧ А. И. — I, 159. — II, 202.
- МАРКЕВИЧ Б. М. — I, 133, 147. — II, 167.
- МАРТЬЯНОВ П. К. — II, 75, 93.

- МАРЬЯ ФЕДОРОВНА, крестьянка с Захарова — I, 30. — II, 39, 64.
МАТЮШКИН Ф. Ф. — I, 57, 59. — II, 215, 313.
МАЦЕВИЧ Л. С. — I, 115, 118, 126.
МАШКЕВИЧ Д. — I, 163.
МЕКЛЕНБУРЦОВ Г. — I, 91.
МЕЛЬГУНОВ Н. А. — I, 33. — II, 84, 169.
МЕЛЬНИКОВ-ПЕЧЕРСКИЙ П. И. — II, 213.
МЕРДЕР А. К. — II, 207, 246.
МЕРДЕР Н. К. — II, 173.
МЕРЕНБУРГ (Пушкина) Н. А. — II, 213.
МЕТМАН Лун — II, 174, 248, 324.
МЕЩЕРСКАЯ (КАРАМЗИНА) Е. Н. — II, 230, 242, 273, 278, 286, 291, 293, 296.
МЕЩЕРСКИЙ кн. А. В. — I, 263, 282.
МИЛЛЕР П. И. — II, 75, 78.
МИЛЛЕР, полицмейстер — II, 18, 21, 27, 39, 53, 67, 81, 85, 95.
МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ, вел. князь — II, 319.
МИХАЙЛОВ М. И. — II, 311.
МИХАЙЛОВ М. М. — II, 296.
МИХАЙЛОВСКИЙ - ДАНИЛЕВСКИЙ, А. И. — I, 87.
МИХАЙЛОВСКИЙ СТАРИК-КРЕСТЬЯНИН — I, 186.
МИШКЕВИЧ Адам — I, 230, 290.
МИШКЕВИЧ Владислав — I, 261.
М. Н. — II, 236, 307.
МОДЗАЛЕВСКИЙ Б. Л. — I, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 21, 195, 197, 226. — II, 18, 37, 98, 173, 175, 198, 202, 229, 247, 315, 331.
МОКРИЦКИЙ А. И. — II, 251.
МОРАВСКИЙ Ст. — I, 247, 252. — II, 87, 195, 297.
МОРДВИНОВ А. Н. — I, 288. — II, 179, 312.
МОШИН А. — I, 186, 187, 188.
МУРАВЬЕВ А. Н. — I, 223, 237, 291.
МУРАВЬЕВ Н. П. — I, 261.
МУХАНОВ А. А. — I, 228, 231, 235.
МУХАНОВ В. А. — II, 30, 34, 276, 314.
МУХАНОВ Н. А. — I, 239. — II, 89, 90.
МУХАНОВ П. А. — I, 261.
НАШОКИН П. В. — I, 30, 49, 54, 65, 86, 128, 200, 205, 219, 268, 271. — II, 38, 57, 58, 64, 67, 82, 86, 89, 98, 125, 129, 156, 187, 188, 189, 260.
НАШОКИНА В. А. — I, 291. — II, 32, 122, 143, 180, 182, 184, 185, 186, 187, 189, 261, 262.
НЕБОЛЬСИН Г. П. — II, 245.
НЕВЕРОВ Я. Н. — II, 297.
НЕИЗВЕСТНЫЙ — I, 214.
НЕССЕЛЬРОДЕ гр. К. В. — I, 90, 153, 154. — II, 90.
НЕЧАЕВА В. С. — II, 237.
НИКИТЕНКО А. В. — I, 237, 239. — II, 11, 24, 170, 178, 244, 301, 307, 311, 322.
НИКОЛАЙ I, император — I, 249. — II, 26, 139, 153, 226, 242, 255, 299, 315.
НИКОЛЬСКИЙ В. В. — II, 207, 234, 318, 319.
Н. Н. — II, 265.
НОВОСИЛЬЦОВА А. П. — II, 50.
НОВОСИЛЬЦОВА Е. В. — II, 50.
НОРДШТЕЙН — I, 81.
ОАТ В. И. — I, 100.
ОБЕР Л. Н. — I, 224.
ОБЛАЧКИН — II, 236.
ОДЕССКИЙ ГРАДОНАЧАЛЬНИК — I, 157.
ОДОЕВСКИЙ кн. В. Ф. — II, 320.
ОДЫНЕЦ А. Э. — I, 245.
ОЗЕРОВА Н. П. — II, 34.
ОКУЛИЧ-КАЗАРИН Н. Ф. — I, 195.
ОЛЕНИНА (АНДРО) А. А. — I, 258.
ОЛИЗАР гр. Густав — I, 98, 129.
ОЛЬГА N (С. В. НОВОСИЛЬЦЕВА-ЭНГЕЛЬГАРТ) — I, 189.
ОНЕГИН А. Ф. — II, 322.
ОПАТОВИЧ С. И. — I, 18.
ОПИСАНИЕ ПУШКИНСКОГО МУЗЕЯ — I, 143.
ОРЛОВА (РАЕВСКАЯ) Е. Н. — I, 97, 118, 136.
ОРЛОВ М. Ф. — I, 118.
ОСИПОВА М. И. — I, 200. — II, 152, 158.
ОСИПОВА П. А. — I, 175.
ОСТРОГОРСКИЙ В. П. — I, 164, 172. — II, 160.
ОТЧЕТ О ДЕЙСТВИЯХ КОРПУСА ЖАНДАРМОВ — II, 308.
ПАВЛИЩЕВА О. С. — I, 24, 33, 62. — II, 69, 70, 76, 77, 81, 85, 88, 90, 157, 161, 163, 164, 173, 175, 231, 243, 295.
ПАВЛИЩЕВ Л. Н. — I, 23, 25, 29, 31, 32, 62, 84, 248. — II, 56, 62, 88, 90, 195, 197, 269, 323.
ПАВЛИЩЕВ Н. И. — I, 22, 163, 260. — II, 178, 198.
ПАВЛОВ Ив. — I, 186.
ПАЛАВАНДОВ кн. Е. О. — II, 6.
ПАНАЕВ И. И. — II, 166.
ПАНАФИДИНА А. Н. — I, 277.
ПАНЧУЛИДЗЕВ С. А. — II, 195, 196, 227, 230, 232, 321, 322, 324, 328, 329.
ПАСКЕВИЧ кн. И. Ф. — II, 315.
ПАСЕК Т. П. — I, 222.
ПЕТР, дворový Пушкина — I, 177, 201.
ПЕТРОВ П. Н. — II, 200.
ПИЛЕЦКИЙ М. С. — I, 42.
ПЛАТОНОВ А. А. — II, 281.
ПЛЕТНЕВ П. А. — I, 62, 67, 143, 184, 268. — II, 80, 97, 100, 101, 147, 158, 236, 245, 270, 284, 291, 293, 326.
ПОГОДИН М. П. — I, 67, 71, 128, 135, 142, 150, 192, 210, 211, 212, 213, 214, 220, 222, 228, 229, 271, 272, 290. — II, 28, 30, 35, 36, 37, 44, 57, 61, 66, 67, 79, 80, 84.
ПОДВЫСОЦКИЙ Н. В. — I, 158.
ПОДГОРНЫЙ, фельдгеръ — I, 242.
ПОДОЛИНСКИЙ А. И. — I, 159, 284.
ПОЛЕВОЙ Кс. А. — I, 209, 214, 216, 234, 235, 252. — II, 147.
ПОЛЕВОЙ Н. А. — I, 70, 166, 232. — II, 23.
ПОЛИВАНОВ В. Н. — I, 112.
ПОЛИВАНОВ Л. И. — I, 162.
ПОЛОНСКИЙ Я. П. — I, 213, 283. — II, 73, 74, 126.
ПОЛТОРАЦКИЙ С. Д. — I, 128.
ПОМЕТА СЕРГАЧСКОГО ЗЕМСКОГО СУДА — II, 48.

- ПОПОВ М. М. — I, 76, 104, 152, 205, 287, 289. — II, 202.
 ПОТОКСКИЙ Н. Б. — I, 158. — II, 4, 5, 14.
 ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ на помолвку Пушкина — II, 34.
 ПРИГЛАШЕНИЕ НА ОТПЕВАНИЕ ПУШКИНА — II, 304.
 ПРИКАЗ по кавалергардскому полку — II, 234.
 ПРОТОКОЛЫ ПРАЗДНОВАНИЯ ЛИЦЕЙСКОЙ ГОДОВЩИНЫ — I, 269. — II, 78, 205.
 ПРУНКУЛ К. И. — I, 130.
 ПСКОВСКИЕ ГУБ. ВЕДОМОСТИ — I, 161, 202.
 ПУТЯТА Н. В. — I, 209, 255, 257, 264, 265.
 ПУШКИНА Нат. Няк. — II, 57, 131, 261, 325.
 ПУШКИНА Н. О. — II, 40, 95, 102, 126, 128, 132, 145, 150, 152, 153, 154, 155.
 ПУШКИН А. С. — I, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 20, 30, 31, 44, 48, 51, 54, 58, 61, 62, 63, 68, 73, 80, 81, 86, 87, 89, 92, 93, 95, 97, 99, 106, 109, 114, 118, 125, 126, 129, 130, 135, 137, 150, 152, 155, 157, 165, 166, 167, 168, 171, 172, 175, 176, 178, 179, 181, 182, 183, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 202, 204, 210, 616, 217, 218, 219, 221, 225, 226, 228, 233, 240, 242, 247, 248, 253, 254, 262, 263, 264, 267, 270, 279, 291. — II, 3, 4, 6, 8, 9, 11, 15, 17, 20, 21, 22, 23, 24, 26, 27, 28, 30, 32, 33, 34, 36, 40, 43, 44, 46, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 57, 58, 59, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 76, 78, 81, 83, 84, 85, 86, 89, 92, 93, 94, 95, 100, 101, 106, 107, 108, 111, 112, 118, 119, 120, 121, 122, 125, 126, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 144, 148, 150, 151, 152, 153, 154, 156, 158, 159, 160, 162, 163, 173, 174, 176, 178, 180, 182, 184, 190, 197, 201, 206, 210, 215, 223, 228, 232, 233, 253, 257, 261.
 ПУШКИН А. Я. — I, 30.
 ПУШКИН Л. С. — I, 32, 56, 58, 65, 66, 126, 127, 134, 172, 184, 191, 201, 203. — II, 313.
 ПУШКИН С. Л. — I, 28, 40, 49, 213, 239. — II, 11, 95, 104, 145, 169, 170.
 ПУШИН И. И. — I, 35, 37, 38, 39, 40, 45, 46, 47, 49, 50, 52, 53, 57, 60, 69, 76, 83, 88, 91, 171.
 ПУШИН М. И. — II, 10, 13, 16, 17.
 ПЫЛЯЕВ М. И. — I, 232.
 ПЯТКОВСКИЙ А. П. — I, 206.
 РАЕВСКИЙ А. Н. — I, 144, 164.
 РАЕВСКИЙ К. С. — II, 120, 144.
 РАЕВСКИЙ (ст.) Н. Н. — I, 147.
 РАИЧ С. Е. — I, 272.
 РАЛЛИ-АРБОРЕ — I, 128.
 РАСПОПОВ А. — I, 160, 180.
 РЕЙХМАН К. — II, 120.
 РЕЙНГАРД В. Я. — II, 268.
 РЕПНИН кн. Н. Г. — II, 174.
 РОБЕРТИ П. М. — II, 66.
 РОЗБЕРГ М. П. — II, 37.
 РОЗЕН бар. А. Е. — I, 98.
 РОЗЕН бар. Е. Ф. — I, 284. — II, 25, 167.
 РОСЛОВ П. — I, 201.
 РОССЕТ Арк. О. — I, 153. — II, 72, 105, 167, 192, 203, 207, 212, 224, 248, 257, 298, 307.
 РОСТОПЧИНА гр. Л. А. — I, 263.
 РУДЫКОВСКИЙ Е. П. — I, 93, 95.
 РЭЙКС Томас — II, 24.
 САБАНЕЕВА Е. А. — I, 223.
 САБУРОВ Я. И. — I, 72, 88.
 САВЕЛЬЕВА А. П. — II, 252.
 САВОСТЬЯНОВ К. И. — II, 8, 119.
 САДОВНИКОВ Д. Н. — II, 71, 83, 118, 144.
 САЛТЫКОВА (ДЕЛЬВИГ) С. М. — I, 40.
 САЛЬКОВ А. А. — II, 214.
 САФОНОВИЧ В. И. — II, 147.
 САХАРОВ И. П. — II, 247.
 СВЕРБЕЕВ Д. Н. — I, 89.
 СЕВАСТЬЯНОВ С. Н. — II, 117.
 СЕКРЕТНЫЕ АГЕНТЫ — I, 118, 249.
 СЕЛЕЗНЕВ И. Я. — I, 38, 39.
 СЕМЕВСКИЙ М. И. — I, 23, 164, 174, 176, 177, 184, 187, 190, 191, 197, 200, 201, 231. — II, 152, 158, 233, 235, 243, 247, 306, 331.
 СЕНЬКОВСКИЙ О. И. — II, 124.
 СЕРГЕЕВ-РЕМИЗОВ Д. С. — I, 187.
 СЕРДОБИН бар. М. Н. — II, 81, 255.
 СИНИЦИНА Е. Е. — I, 276.
 СИВОХИН М. И. — II, 49.
 СКАЛЬКОВСКИЙ А. А. — I, 140, 150.
 СКОРОПОСТИЖНАЯ А. Л. — I, 188.
 СКОРОПОСТ А. Д. — I, 185.
 СМЕРНОВА А. О. — I, 144, 280, 281. — II, 73, 88, 132, 188.
 СМЕРНОВА О. Н. — II, 74, 79, 105.
 СМЕРНОВ Н. М. — I, 184, 205, 241. — II, 31, 79, 126, 148, 196, 212, 225, 238, 249, 319.
 СНЕГИРЕВ И. М. — I, 211, 234.
 СОБОЛЕВСКИЙ С. А. — I, 66, 163, 168, 208, 219, 220, 232, 271. — II, 24, 28, 95, 151, 169, 187, 214, 233.
 СОКОЛОВА Е. П. — I, 75.
 СОКОЛОВА (КИРИЯКОВА) К. М. — I, 142.
 СОЛНЦЕВ Ф. Г. — I, 259, 280.
 СОЛОВЬЕВ С. М. — I, 272.
 СОЛОГУБ гр. В. А. — I, 145, 258. — II, 91, 99, 101, 131, 161, 171, 172, 182, 203, 204, 211, 220, 221, 222, 223, 224, 227, 228, 229.
 СОФИЙСКИЙ Л. И. — I, 162, 173, 176.
 СПАССКИЙ И. Т. — II, 273, 274, 275, 276, 277, 279, 283, 287, 288, 290.
 СРЕДИН А. В. — II, 142.
 СРЕЧКОВИЧ П. С. — I, 142.
 СТАМО Е. З. — I, 128.
 СТАНЮКОВИЧ В. К. — I, 239.
 СТАРИК-КРЕСТЬЯНИН С. ТРИГОРСКОГО — I, 186.
 СТАРЫЙ ЛИЦЕИСТ — II, 23.
 СТЕФАНОВИЧ — II, 317.
 СТОЛПЯНСКИЙ (П. ЗЕТ) П. Н. — I, 253. — II, 78, 89, 96, 105, 140.
 СТУРДЗА А. С. — I, 70, 112, 151.
 С. У. — I, 50.
 СУВОРИН А. С. — II, 255, 274, 279, 323.

- СУМАРОКОВ А. — I, 156.
СУХОТИН С. М. — II, 155, 157.
СУШКОВ Н. В. — I, 33. — II, 311.
- ТАНЯ (ТАТЬЯНА ДЕМЬЯНОВНА), цыганка — II, 29, 53, 60, 65.
ТАРАСЕНКО-ОТРЕШКОВ Н. И. — II, 108, 310.
ТАТАРЕНКО В. — I, 92.
ТЕЛЕПНЕВА Е. С. — I, 233.
ТЕПЛОВА Е. Ф. — I, 116.
ТЕПЛЯКОВ В. Г. — I, 109, 110.
ТЕРПИГОРЕВ Н. Н. — II, 87.
ТИМИРЯЗЕВ Ф. И. — II, 130.
ТИМИРЯЗЕВА С. Ф. — II, 130.
ТИМОФЕЕВ К. Я. — I, 163, 177, 185, 201.
ТИТОВ В. П. — I, 240, 266.
ТИЦ Фр. — II, 103.
ТОЛСТОЙ Я. Н. — I, 80.
ТОЛЫЧЕВА (Е. В. НОВОСИЛЬЦЕВА) — II, 50.
ТОЛЬ Ф. Г. — II, 86, 284, 292.
ТОРНАУ бар. Ф. Ф. — II, 324.
ТРЕГУБОВ А. — I, 115.
ТРЕФОЛЕВ Л. Н. — II, 252.
ТРОЙНИЦКИЙ Н. Г. — I, 133, 140.
ТРОПИНИН В. А. — I, 232.
ТРУБЕЦКОЙ кн. А. В. — II, 190, 195, 215, 234.
ТУМАНСКИЙ В. И. — I, 98. — II, 65.
ТУРГЕНЕВ А. И. — I, 63, 71, 73, 77, 79, 80, 83, 89, 99, 108, 110, 125, 131, 137, 155. — II, 77, 82, 230, 231, 244, 255, 256, 266, 270, 275, 276, 277, 278, 279, 283, 284, 285, 287, 289, 290, 292, 294, 98, 302, 304, 308, 309, 310, 311, 312, 318, 325.
ТУРГЕНЕВ И. С. — II, 234, 244.
- УБРИ П. Я. — I, 74.
УВАРОВ С. С. — II, 302.
УРУСОВ кн. А. И. — I, 43, 189.
УСТИМОВИЧ П. М. — I, 172, 178, 259, 280.
УШАКОВ В. А. — I, 289.
УШАКОВ Н. И. — II, 10.
- ФАДЕЕВ А. М. — I, 92, 114.
ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ, тригорский старожил — I, 173.
ФЕДОРОВ Б. М. — I, 236, 238, 257, 258.
ФЕССАЛОНИЦКИЙ С. А. — I, 270, 278.
ФИКЕЛЬМОН графиня Д. Ф. — I, 144. — II, 68, 82, 320, 327.
ФИЛИПСОН Г. И. — II, 259.
ФОК (ур. ОСИПОВА) Е. И. — I, 164.
ФОК М. Я. фон — I, 206, 238, 243, 244, 245. — II, 36.
ФРАНЦЕВА Е. Д. — I, 114.
ФРИЗЕНГОФ бар. Густав — II, 197, 209, 232, 238, 239, 246, 250, 278, 282, 322, 324.
ФРОЛОВ С. С. — I, 45.
ФУКС А. А. — II, 110.
- ХАЛАНСКИЙ М. Е. — I, 142.
ХИТРОВО Е. М. — II, 27, 68.
ХОМУТОВА А. Г. — I, 204, 214.
ХОМЯКОВ А. С. — I, 207. — II, 167, 314, 315.
- ЦЯВЛОВСКИЙ М. А. — I, 86, 155.
- ЧААДАЕВ П. Я. — I, 89. — II, 77, 188.
ЧАЙКОВСКИЙ П. И. — I, 105.
ЧАРЫКОВ Н. В. — II, 323.
ЧЕРНЕЦОВ Г. Г. — II, 88.
ЧИРИКОВ С. Г. — I, 40, 43.
- ШВЕДЕР Е. — I, 188.
ШЕВЫРЕВ С. П. — I, 30, 54, 71, 207, 209, 212, 227, 234, 271. — II, 39, 64, 188.
ШЕНРОК В. И. — II, 155.
ШЕРЕМЕТЕВ гр. С. Д. — I, 230. — II, 55.
ШИШКИНА Е. В. — II, 315.
ШОЛЬЦ д-р — II, 272.
ШТОРХ К. А. — I, 53.
ШУЛЬГИН А. С. — I, 225. — II, 27.
- ШЕГЛОВ И. Л. — I, 186, 188. — II, 203.
ШЕГОЛЕВ П. Е. — I, 259. — II, 47, 97, 105, 264.
ШЕРБАКОВ В. Ф. — I, 195, 210, 228, 234.
ШЕРБАЧЕВ Ю. Н. — I, 75, 82.
ШЕРБИНИН А. А. — II, 193, 265, 292.
- ЭДЛИНГ гр-ня Р. С. — I, 59.
ЭНГЕЛЬГАРДТ Е. А. — I, 53, 67.
ЭРТЕЛЬ В. — I, 78.
ЭШЛИМАН К. К. — I, 145.
- ЮДИН М. Л. — II, 115.
ЮДИН П. Л. — II, 114.
ЮЗЕФОВИЧ М. В. — I, 136, 267. — II, 9, 13.
ЮРКЕВИЧ П. И. — II, 23.
ЮХАНЦЕВ Н. И. — II, 248.
- ЯЗЫКОВА Е. М. — II, 184.
ЯЗЫКОВ А. М. — II, 31, 118.
ЯЗЫКОВ А. П. — II, 265, 300.
ЯЗЫКОВ Н. М. — I, 197, 198, 199, 265. — II, 39, 59, 61, 83, 84.
ЯЗЫКОВ П. М. — II, 52.
ЯКОВЛЕВ М. Л. — II, 154, 206.
ЯКОВЛЕВ П. Л. — I, 229.
ЯКУШКИМ Е. Е. — II, 327.
ЯКУШКИН И. Д. — I, 107, 222.
ЯНЬКОВА Е. П. — I, 33, 219.

ПЕРЕЧЕНЬ ПОРТРЕТОВ

НА ОТДЕЛЬНЫХ ЛИСТАХ

(в скобках указаны страницы)

А. С. ПУШКИН	(т. I, стр. 2)	Федор Иванович	
Абрам Петрович		ТОЛСТОЙ	
ГАННИБАЛ	(14)	(Американец)	(241)
Сергей Львович		Анна Алексеевна	
ПУШКИН	(48)	ОЛЕНИНА	(256)
Надежда Осиповна		А. С. ПУШКИН	(т. II, стр. 2)
ПУШКИНА	(49)	А. С. ПУШКИН	(248)
Екатерина Павловна		А. С. ПУШКИН	(249)
БАКУНИНА	(64)	Граф Александр Христофорович	
Петр Яковлевич		БЕНКЕНДОРФ	
ЧААДАЕВ	(81)	шеф жандармов	(290)
Княгиня Евдокия Ивановна		Максим Яковлевич	
ГОЛИЦЫНА		ФОН - ФОК	
(Princesse postume)	(65)	управляющий III отделением	(291)
Александр Николаевич		Елизавета Михайловна	
РАЕВСКИЙ	(96)	ХИТРОВО	(64)
Николай Николаевич		Фаддей Венедиктович	
РАЕВСКИЙ	(97)	БУЛГАРИН	(80)
Мария Николаевна		Екатерина Николаевна	
РАЕВСКАЯ		УШАКОВА	(257)
(кн. Волконская)	(128)	Наталья Николаевна	
Граф Михаил Семенович		ПУШКИНА	(192)
ВОРОНЦОВ	(129)	Сергей Семенович	
Граф. Елизавета Ксаверьевна		УВАРОВ	(81)
ВОРОНЦОВА	(144)	Павел Воинович	
Граф. Елизавета Ксаверьевна		НАШОКИН	(193)
ВОРОНЦОВА	(145)	Барон Жорж	
Алексей Николаевич		ДАНТЕС-ГЕККЕРЕН	(208)
ВУЛЬФ		Барон Луи	
(в гусарском мундире)	(192)	ГЕККЕРЕН	(209)
Николай Михайлович		Князь Петр Владимирович	
ЯЗЫКОВ	(193)	ДОЛГОРУКОВ	(256)
Анна Петровна		Константин Карлович	
КЕРН	(208)	ДАНЗАС	(272)
Софья Федоровна		Николай Федорович	
ПУШКИНА	(209)	АРЕНДТ	
Княгиня Зинаида Александровна		лейб-хирург	(273)
ВОЛКОНСКАЯ	(224)	Екатерина Андреевна	
Барон Антон Антонович		КАРАМЗИНА	(65)
ДЕЛЬВИГ	(80)	Александр Иванович	
Князь Петр Андреевич		ТУРГЕНЕВ	(257)
ВЯЗМСКИЙ	(240)	Сергей Львович	
Александра Осиповна		ПУШКИН	
РОССЕТ-СМИРНОВА	(225)	Отец поэта в старости	(328)

ОГЛАВЛЕНИЕ II ТОМА

	<i>Стр.</i>
XI. Путешествие в Арзерум	3
XII. Перед женитьбой	18
XIII. Первые годы женатой жизни	62
XIV. Поездка на восток	106
XV. В придворном плену	125
XVI. Анонимный пасквиль, первый вызов, женитьба Дантеса	210
XVII. Дуэль, смерть и похороны	253
XVIII. Эпилог	313
Алфавитный указатель цитируемых авторов	332
Перечень портретов (на отдельных листах)	338

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

В I томе

На 132 стр. в заголовке выпала буква «В»; следует читать: «В Одессе».

На 141 стр. в 1-й строке снизу после слов: «О доверии, оказанном г-жею» выпали следующие слова: «Ризнич кн. Яблоновскому».

Во II томе

На 25 стр. 5 строка сверху в стихотворении напечатано:

Кто, славянин молодой, духом грек, родом германец?

Следует читать:

Кто славянин молодой, грек духом, а родом германец?

Ответственный редактор *А. Тихонов*.
Технический редактор *М. Козлов*. Отпечатано со стереотипа, тираж 6250 экз. Уполномоченный Главлита Б 16337. Формат бум. 74×105 — 2/16. Количество знаков в листе 61600. Печатных лист. 42 2/8. Авторских 50 лист. Зак. Т. № 533 и 641 Зак. «Ас» № 3. 16-я типография треста «Полиграфкнига» Москва, Трехпрудный переулок, дом 9.

150 =
564018
586

